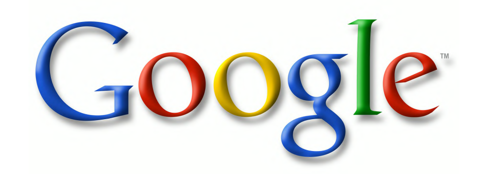

ОТНОШЕНІЕ
ПРОТЕСТАНТИЗМА КЪ РОССІИ
ВЪ XVI и XVII ВѢКАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА СОКОЛОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

1880.

ОТНОШЕНІЕ

ПРОТЕСТАНТИЗМА КЪ РОССІИ

ВЪ XVI и XVII ВѢКАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА СОКОЛОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

1880.

От Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется. 22 сентября 1879 года.

Академіи Ректоръ, Протоіерей *С. Смирновъ.*

ТЕЗИСЫ

КЪ СОЧИНЕНІЮ И. СОКОЛОВА:

ОТНОШЕНІЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА КЪ РОССІИ

ВЪ XVI и XVII ВѢКАХЪ.

Москва, 1880 г.

---

1. Съ каждымъ царствованіемъ, начиная съ Василія III-го, число поселившихся въ Россіи протестантовъ увеличивалось, гражданское положеніе ихъ и всѣ условія, необходимыя для организованія церковныхъ общинъ ихъ — въ центрѣ и на окраинахъ Россіи — улучшались, если не было препятствій къ тому со стороны самихъ протестантовъ. Вѣротерпимостію они пользовались здѣсь болѣе широкою, чѣмъ въ зап. католическихъ странахъ, хотя она, по настоянію народа, оказывалась до Петра въ видахъ политическихъ, культурныхъ, а не по чисто нравственнымъ мотивамъ.

2. Со стороны тайныхъ агентовъ и съ успѣхомъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и небольшимъ кружкамъ весьма возможна была протестантская пропаганда на Руси.

3. Пропаганда совершалась чрезъ проповѣдь, школы, книги, искусства и обычаи.

4. Началась она еще въ 50-хъ гг. 16 ст., имѣя предвѣстникомъ и пособникомъ бывшій на Руси раціонализмъ, которому она старалась навязать всѣ почти свои вѣрованія, начиная съ иконоборческихъ идей. Модное на первый разъ протестантствованіе, наприм. Башкина скоро встрѣтило себѣ сильную реакцію.

5. Замолкнувъ на 30, 40 лѣтъ, пропаганда снова принялась за распространеніе иконоборческихъ идей; въ теченіе лѣтъ 30 старалась, по видимому, провести въ убѣжденія русскихъ людей не всю разомъ систему своихъ вѣрованій, какъ было прежде, но сперва всѣ *главныя* свои вѣрованія и учрежденія, потомъ всѣ *остальныя въ настоящемъ ихъ видѣ*; но испытавъ въ томъ и другомъ неудачу, рѣшилась придать своему вѣроученію оттѣнокъ одной внѣшней обрядовой разницы отъ православія, воспользовавшись для того преніями православныхъ съ датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ, и самый бракъ королевича съ Ириною Михайловною силилась устроить, по всей вѣроятности, въ своихъ затаенныхъ интересахъ. Но эти замыслы и поддѣлка также не имѣли успѣха. Все это можно видѣть преимущественно изъ противолютеранскихъ сочененій того времени и изъ сопоставленія ихъ съ иностранными протестантскими извѣстіями.

6. Чрезъ 30 лѣтъ новаго перерыва, пропаганда дѣйствуетъ чрезъ польскій энциклопедизмъ въ Россіи и кружокъ Бѣлободскаго; за тѣмъ, при введеніи новой цивилизаціи на Руси, чрезъ партію Тверитянова распространяетъ преимущественно религіозно-культурныя идеи, въ первомъ случаѣ опять принимая личину православія, во второмъ прикрываясь содѣйствіемъ общественнымъ реформамъ Петра. Но чѣмъ относительно успѣшнѣе становится она подъ конецъ вѣка, тѣмъ болѣе основательныхъ и правдивыхъ протестовъ раздается противъ нея. Литературная полемика противъ партіи Тверитянова есть послѣднее слово и наилучшее завершеніе всей предшествовавшей полемики.

7. Сравнительно больше и долговѣчнѣе пріобрѣтенія протестантизма въ русскомъ расколѣ. Отрицательнымъ путемъ онъ содѣйствовалъ образованію и развитію раскола старообрядства, однимъ внушая пренебреженіе къ церковной внѣшности, свящ. обычаямъ и нравамъ, а въ другихъ, помимо своей воли, усиливая протестъ противъ такого направленія и перенесенія на Русь нѣмецкой культуры. Секта хлыстовъ большую часть своего вѣроученія могла заимствовать всего ближе отъ протестантско-квакерскаго по духу своему ученія Квирина Кульмана; секта духоборцевъ вѣроятнѣе есть болѣе чистая отрасль квакерства; секта молоканъ, по всей вѣроятности, составилась изъ соединенія разрозненно жившихъ протестатнствующихъ послѣдователей Тверитянова, съ присовокупленіемъ къ нимъ духоборцевъ и отчасти субботниковъ. Основанія такимъ предположеніямъ: близкое сходство вѣроученія хлыстовскаго съ кульмановскимъ, духоборческаго съ квакерскимъ, молоканскаго съ протестантскимъ-тверитяновскимъ и внѣшняя или внутренняя, хотя неясная, исторія сектъ. Всѣ протестантствующія секты составляютъ едва замѣтную горсть въ общей массѣ православнаго народонаселенія. Пропаганда протестантская не принесла существеннаго вреда православію.

8. Вызванная ею полуторовѣковая борьба способствовала возрожденію просвѣщенія на Руси — посредствомъ имѣвшихъ обширное образовательное вліяніе полемическихъ сочиненій и устныхъ споровъ. Наука протестантская сперва проникала въ Россію преимущественно косвенными путями зачатковъ культуры. Съ пол. 17 в. можно примѣчать настоятельныя побужденія и отчасти непосредственное содѣйствіе со стороны протестантовъ развитію духовнаго нашего просвѣщенія параллельно съ гражданскимъ. Съ Петра В. начинается сближеніе протестантской науки съ православною.

9. Печальное нравственное состояніе народа было слѣдствіемъ другихъ историческихъ причинъ, а не культурнаго и моральнаго вліянія протестантовъ. При тогдашнемъ строѣ общественной нравственности, не столько слабыхъ соблазнительныхъ сторонъ, — и то развѣ по отношенію къ частнымъ единичнымъ личностямъ, — сколько добрыхъ поучительныхъ примѣровъ можно было находить въ протестантствѣ, особенно въ нравственно-просвѣщенномъ направленіи его.

10. Свои и заграничные протестанты, чрезъ многочисленныя и авторитетныя сужденія о недостаткахъ церковно-практической жизни въ Россіи, могли содѣйствовать церковно-обрядовымъ исправленіямъ и улучшенію нравственнаго и общественнаго положенія духовенства, совершившимся во 2-й пол. 17 в.

Дѣйствительными услугами протестантовъ и уготовляемыми ими ковами Россія воспользовалась для своего духовнаго преспѣянія и улучшенія внѣшней матеріальной цивилизаціи.

---

11. Въ предѣлы югозападной Россіи, по подготовкѣ обильной почвы для протестантизма гусситизмомъ, лютеранство проникло весьма рано (1521 г.), за нимъ реформатство. Распространялись они, особенно послѣднее, большею частію средствами несовсѣмъ чистыми, въ цѣляхъ политическихъ. Православные совращались въ реформатство большею частію по причинамъ случайнымъ, обусловливаемымъ обстоятельствами времени.

12. Вслѣдъ за реформатствомъ въ Польшѣ и Литвѣ появилось социніанство, или аріанство, расплодилось во многочисленныя секты, которыя сначала сводились къ двумъ главнымъ видамъ: староаріанству и новоаріанству, а потомъ соединились въ одну секту. Послѣ 53-хъ лѣтняго процвѣтанія (1586—1638 г.), социніанство постепенно исчезаетъ (1638—62 г.). Пока оно сильно было въ Литвѣ, въ нѣкоторыя секты его совращались и православные западноруссы. Послѣднихъ особенно соблазняло ученіе, занесенное въ Литву московскими выходцами: Өеодосіемъ Косымъ, Өомою, Игнатіемъ и состоявшее изъ примѣси социніанства къ реформатству. Разборъ смѣшаннаго этого ученія преимущественно на основаніи «Многословнаго Посланія» Зиновія Отенскаго.

13. Пока усиливалось социніанство, а главное со времени усиленія іезуитовъ и гоненій отъ правительства, протестантизмъ — въ чистыхъ его формахъ — постепенно ослабѣвалъ. Постепенный и безнадежный упадокъ его всего очевиднѣе открывается изъ внѣшней судьбы церквей лютеранскихъ и въ особенности реформатскихъ. Прискорбныя внѣшнія обстоятельства тяжко отозвались на измѣнчивомъ устройствѣ церковнаго реформатскаго управленія, на состояніи просвѣщенія и нравственности, нѣкогда стоявшихъ на значительной высотѣ, и — богослуженія.

14. Гоненія протестантовъ и православныхъ отъ одного врага невольно располагали тѣхъ и другихъ къ дружественному религіозно-политическому союзу; для упроченія послѣдняго, предпринимались попытки, хотя безполезныя, къ вѣроисповѣдному соединенію союзниковъ: на Торуньскомъ соборѣ 1595 г., Брестскомъ 1596 г., Виленскомъ 1599 г., Торуньскомъ 1645 и Виленскомъ 1648 г. Постоянными представителями религіозно-политическаго союза протестантовъ съ православными оставались въ Вильнѣ реформатская община и православное братство. По временамъ, въ 1-й пол. 17 в., союзъ этотъ переходилъ въ вооруженную коалицію.

15. Въ половинѣ и концѣ 17 и началѣ 18 стол., во время войнъ Россіи съ Польшею (1655—68 г.) и Швеціею 1700—21 г.), добрыя отношенія союзниковъ не разрывались, особенно во время первой войны, которая сама была между прочимъ слѣдствіемъ религіозно-политическаго союза протестантовъ съ православными.

16. Наилучшимъ выраженіемъ и закрѣпленіемъ союза, въ теченіе всей полуторовѣковой исторіи его, было патронатство. Закончился онъ освобожденіемъ диссидентовъ отъ польскаго владычества въ 1772 г.

17. Подъ прикрытіемъ союза, чрезъ сочиненія, школы, протестантская пропаганда пробовала проводить свои идеи, но съ паденіемъ образованія въ самомъ протестантизмѣ и по распространеніи въ западной Россіи лучшихъ антипротестантскихъ сочиненій, — съ 20-хъ гг. 17 ст. — не видно болѣе совращеній православныхъ въ протестантство; возвращенія въ православіе совращенныхъ становятся многочисленнѣе.

18. Послѣднее крайнее средство протестантской пропаганды, — подложное изданіе Кальвинскаго Исповѣданія вѣры отъ имени патріарха Кирилла Лукариса, — не имѣло успѣха и послужило поводомъ къ изданію имѣвшаго важное значеніе въ данной борьбѣ и исторіи православія Исповѣданія Петра Могилы.

19. Въ пору процвѣтанія протестантизма и его церковно-общественныхъ учрежденій, нравовъ, дружественный союзъ православныхъ съ его послѣдователями и

періодически вспыхивавшая борьба съ его пропагандою содѣйствовали улучшеніямъ во внутренней церковно-общественной жизни православныхъ и прежде всего — преобразованію западнорусскихъ братствъ, — что̀ доказывается исторіею преобразованія ихъ и сходствомъ дѣятельности, правъ и обязанностей братствъ съ образомъ дѣйствій и полномочіями протестантскихъ общинъ.

20. Протестанты способствовали возрожденію и развитію западно-русскаго просвѣщенія посредствомъ обученія православныхъ въ лучшихъ своихъ школахъ, устройства по образцу послѣднихъ западно-русскихъ школъ и чрезъ обширную свою литературу; но это образовательное вліяніе было непродолжительно.

21. Вліяніе протестантизма на общественную нравственность западноруссовъ могло быть болѣе добрымъ и благодѣтельнымъ, чѣмъ вреднымъ, разрушительнымъ: если съ одной стороны онъ нѣкоторое время разрушительно дѣйствовалъ на аскетизмъ и духъ монашества, то съ другой могъ содѣйствовать развитію многихъ общественныхъ добродѣтелей.

Вообще протестантизмъ не только не нанесъ существеннаго вреда западнорусской православной церкви, но содѣйствовалъ обезпеченію ея внѣшняго и возвышенію внутренняго состоянія.

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется 5 февраля 1880 года.

Академіи Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Каринской.

СОДЕРЖАНІЕ.

*

стр.

Постепенный ходъ ея развитія, противодѣйствіе, оказанное ей со стороны церкви и общества, и ближайшія послѣдствія этой борьбы.

Отношеніе протестантской пропаганды къ русскому расколу.

Возможность вліянія протестантизма на образованіе мистическихъ раскольническихъ сектъ:

ОТДѢЛЪ III.

1. Вліяніе протестантизма на развитіе просвѣщенія въ Россіи.

2. Вліяніе протестантизма на нравственное состояніе русскаго общества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Внѣшнее и внутреннее состояніе протестантизма, какъ условіе къ опредѣленію характера даннаго отношенія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Отдѣленія втораго раздѣлъ I-й.

Отдѣленія втораго раздѣлъ II-й.

Послѣднія судьбы протестантской пропаганды среди православныхъ.

Отдѣленія втораго раздѣлъ III-й.

Вліяніе протестантизма на внутреннее состояніе православной церкви.

Отношеніе протестантизма къ Россіи

въ XVI и XVII вѣкахъ.

При той замкнутости отъ Западной Европы, въ какой находилась Россія въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ, и по исключительному характеру православной церкви, заграничный протестантскій міръ очень мало могъ имѣть непосредственныхъ сношеній съ Россіею: онъ предоставилъ за себя постепенно входить въ эти сношенія протестантскимъ общинамъ, которыя образовались внутри или на окраинахъ какъ Сѣверо-восточной, такъ и Юго-западной Россіи. У этихъ мѣстныхъ и частію заграничныхъ протестантовъ съ той и другою Россіею были свои особыя отношенія, завязавшіяся очень рано. Когда первые послѣдователи и преемники Лютера вели дѣятельныя сношенія съ Константинопольскою церковію, надѣясь склонить ее на свою сторону, протестантизмъ, съ приманкою новизны и моды проповѣдуемыхъ имъ идей, проникъ уже отчасти въ нѣдра Православной Велико-Россійской церкви (въ 50-хъ годахъ 16-го вѣка) и даже сдѣлалъ попытку втянуть ее въ братскій союзъ съ собою (въ 1570 г.). Испытавъ неудачу, протестантизмъ не теряетъ, однако, своихъ видовъ на Россію (просвѣтительныхъ, пропагандистическихъ), какіе онъ имѣлъ тогда чуть не на всю Европу. Въ предѣлы Юго-западной Россіи, по географическимъ и политическимъ ея условіямъ, онъ проникъ ранѣе (въ 20-хъ годахъ 16-го столѣтія) и сильнѣе, чѣмъ въ Сѣверо-восточную: туда онъ пришелъ не съ однимъ запасомъ новыхъ модныхъ идей; въ единствѣ страданій православныхъ и протестантовъ отъ одного общаго врага — католическаго фанатическаго правительства онъ нашелъ сильнѣйшее побужденіе къ вѣроисповѣдному сближенію съ православіемъ, но убѣдившись, что такое сближеніе не въ природѣ обоихъ вѣроисповѣданій, заключаетъ политическій союзъ съ православными, знаменемъ котораго прикрываются всѣ его дѣйствія и сношенія съ ними. По раз-

личію мѣстной среды и политическихъ условій, при неравенствѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его силъ, самый образъ дѣйствій его въ той и другой Россіи различенъ и вліяніе его на всѣ стороны духовной жизни православныхъ — далеко неодинаково. Чтобъ выяснить отношенія протестантизма къ Россіи, по возможности, во всемъ разнообразіи его образа дѣйствій, характера и вліянія, необходимо разсмотрѣть отдѣльно отношеніе его 1) къ Сѣверо-восточной и 2) къ Юго-западной Россіи.

ЧАСТЬ I.

Отношеніе протестантизма къ Сѣверо-восточной Россіи.

Въ Сѣверо-восточной Россіи, какъ наиболѣе изолированной отъ Западной Европы, мы по преимуществу должны имѣть дѣло съ мѣстными протестантами, въ ихъ отношеніяхъ къ пріютившей ихъ Россіи. Эти отношенія могли быть важны и плодотворны подъ условіемъ внѣшняго обезпеченія протестантскихъ общинъ въ Россіи, по мѣрѣ прочности ихъ внутренней организаціи. Такъ какъ первоначальное возникновеніе и постепенное развитіе ихъ общинъ довольно темно въ исторіи, то для уясненія его приходится поставить рядъ слѣдующихъ частныхъ вопросовъ: какъ давно и откуда именно появились протестанты въ предѣлахъ Россіи; какое общественное и гражданское положеніе занимали они здѣсь; въ какой мѣрѣ пользовались отъ русскаго правительства религіозною свободою; какъ управлялись ихъ религіозныя общины, какова была судьба ихъ церквей; какъ онѣ постепенно расширялись или умалялись; короче сказать, насколько внѣшнее гражданское положеніе протестантизма въ Россіи могло содѣйствовать его развитію внѣшнему и внутреннему, количественному и качественному? Разсмотрѣніе отношеній протестантизма къ Россіи съ этихъ именно сторонъ составитъ содержаніе перваго отдѣла нашего изслѣдованія. Если протестантизмъ постепенно развивался и укрѣплялся, то онъ не могъ не пропагандировать и въ средѣ русскихъ. Естественно возникаютъ вопросы: могъ ли протестантизмъ привиться къ русскимъ по особымъ условіямъ ихъ національнаго характера, исторіи и пр., и если могъ, то какія средства или пути избиралъ онъ для распространенія своего ученія; нельзя ли подмѣтить постепенности и послѣдовательности въ дѣлѣ его пропаганды; какъ отнеслось къ ней русское общество и церковь; не возникла ли по этому случаю борьба и какая именно?... Разрѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ составитъ содержаніе втораго отдѣла. Въ случаѣ усиленной борьбы, многочислен-

ныхъ и разнообразныхъ отношеній своихъ къ Россіи, протестантизмъ не могъ остаться безъ вліянія на религіозно-умственное и нравственное состояніе Россіи: уясненіе мѣры и характера этого вліянія дастъ содержаніе третьему и послѣднему отдѣлу.

ОТДѢЛЪ I.

Внѣшнее гражданское положеніе протестантовъ въ Россіи, какъ условіе возникновенія и развитія ихъ общинъ.

Протестантскія общины въ центрѣ Россіи.

Въ центрѣ русской территоріи протестанты появились вскорѣ же по введеніи реформаціи на западѣ Европы. Между вызванными съ запада въ послѣдніе годы княженія Василія Іоанновича (отъ 1524—1533 г.) ремесленниками, торговыми людьми, художниками, врачами и аптекарями встрѣчаются уже послѣдователи лютеровой вѣры, или, какъ вообще называли ихъ у насъ, нѣмцы. Сравнительно болѣе протестантовъ прибыло въ Россію изъ Швеціи (вскорѣ же по распространеніи тамъ реформаціи Густавомъ Вазою); то были большею частію купцы, которые, по мирному договору, заключенному между Россіею и Швеціею въ 1524 году, получили право построить въ Новгородѣ торговый домъ и торговать по всей Россіи[1]). Сынъ и преемникъ Василія Іоанновича Іоаннъ Грозный, заботясь о распространеніи въ своемъ государствѣ наукъ, художествъ, ремеслъ и торговли, вызвалъ въ Москву значительное число нѣмцевъ-протестантовъ: толмачей, «дохтуровъ», хирурговъ, аптекарей, типографовъ [2]). Смотря на нихъ, какъ на пособниковъ и споспѣшниковъ въ развитіи общественной жизни и образованія, русское правительство (разъ навсегда со временъ Грознаго), предоставило имъ свободно исповѣдывать свою вѣру и безпрепятственно совершать богослуженіе. — Къ тому же, по духу своего ученія, они не столько вмѣшивались въ политическія дѣла государства, сколько католики, и не столько ревновали о распространеніи своего ученія. А потому въ отношеніи вѣротерпимости имъ оказано значительное преимущество предъ католиками. Фактъ на это слишкомъ извѣстенъ. Іезуитъ Поссевинъ отъ имени папы просилъ Грознаго, «чтобы не держать магистровъ лютерскихъ-нѣмецкихъ, которые не знаютъ Пречистыя Богородицы и Святыхъ Божіихъ, а чтобъ держать правдивыхъ священниковъ вѣры римскія», и получилъ такой отвѣтъ: «того учинено не будетъ для того, что и въ прежнія времена того не было [3]). Взятые въ плѣнъ во время Ливонской войны (1558—1582 г.),

нѣмцы и шотландцы, съ женами и дѣтьми, цѣлыми тысячами переселенные въ Новгородъ, Владиміръ, Тверь, Угличъ, Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, также получили право свободно отправлять богослуженіе, и въ средствахъ къ жизни были вполнѣ обезпечены (многіе имѣли прислугу и лошадей). И это опять потому, что правительство видѣло въ нихъ пригодныхъ цивилизаторовъ и не подозрѣвало опасныхъ пропагандистовъ. Вывезенные изъ Нарвы и Иванъ-города протестанты поселены были и въ Москвѣ [4]).

Въ Москвѣ первоначальное мѣсто жительства этихъ протестантовъ, а равно свободныхъ переселенцевъ было въ нынѣшней нѣмецкой слободѣ, (которая или отъ ручья Кукуй, или отъ поселенія зазорныхъ женщинъ называлась Кукуемъ или Кукуевымъ [5]). Но вскорѣ они начали селиться и въ самомъ центрѣ Москвы. Въ нѣмецкой слободѣ, можетъ быть, еще въ первой половинѣ 16-го вѣка, они имѣли молитвенный домъ и школу [6]). По свидѣтельству Грота, между 1560 и 1565 годами образовалась первая лютеранская община въ Москвѣ (um das Jahr 1560 oder 1565 die erste Lutherische Gemeine in Moscau entstand) [7]); но не церковь, какъ полагали прежніе наши писатели, передѣлавъ Gemeine въ Kirche *). Первымъ пасторомъ ея былъ Виттерманъ, переселившійся изъ Дерпта въ Москву вмѣстѣ съ полоненными его прихожанами. Во главѣ прихожанъ находились лифляндскіе дворяне, служившіе при особѣ царя [8]). Первая церковь при этой общинѣ была построена въ концѣ 1575 или началѣ 1576 г. Къ этому времени относитъ ея построеніе пасторъ евангелическо-лютеранской церкви въ Москвѣ г. Фехнеръ, который, благодаря ученымъ своимъ связямъ и оффиціальному положенію, открылъ новыя, доселѣ неизвѣстныя данныя. Вотъ эти данныя. Магнусъ Паули, довѣренный слуга герцога Голштинскаго Магнуса (нареченнаго жениха царской племянницы Марьи Владиміровны), въ письмѣ къ родственникамъ своимъ въ Данцигъ отъ 1-го мая 1576 года, выражалъ непритворную свою радость о томъ, что «наконецъ дано разрѣшеніе нѣмцамъ построить въ Москвѣ церковь, въ которой они могли бы проповѣдывать чистое ученіе Евангелія по Аусбургскому исповѣданію». Письмо это изъ Данцига перешло (вѣроятно въ спискѣ) въ Ревель и сообщенно Фехнеру

---

*) Какъ ни мало сохранилось свѣдѣній о киркахъ и общинахъ, находившихся въ Москвѣ, но всё же-болѣе чѣмъ о находившихся внѣ Москвѣ; при томъ, Московско-протестантскія общины были сравнительно самыя многолюдныя и благоустроенныя и — по ихъ исторіи приходится изучать внѣшнее гражданское положеніе протестантовъ въ Россіи вообще, въ судьбѣ ихъ храмовъ можно читать исторію всего общества протестантовъ по отношенію къ пріютившимъ ихъ лицамъ и мѣсту. А потому мы должны обратить особенное вниманіе на судьбу Московско-протестантскихъ общинъ и церквей, тщательно собирая всѣ, сохранившіяся о нихъ свѣдѣнія, даже, повидимому, мелкія и внѣшнія.

ревельскимъ архиваріусомъ Руссвурмомъ. Находящаяся до сихъ поръ въ употребленіи при Московской михайловской киркѣ печать церковнаго Совѣта и пастора имѣетъ надпись: Eccles. Ev. Luther. Prísca ad St. Michaelem. Moscou 1575 г. [9]). Что, по словамъ Фехнера, открываютъ письмо и печать, то подтверждаетъ Busching, который въ 1755 году писалъ: «den evangelischen Gemeinen in Moscau bereits über 180 Jahre die Erlaubniss ertheilt worden, sich nach ihrem Glaubensbekenntniss öffentlich zu erbauen» [10]). Что касается до мѣста построенія первой лютеранской церкви, то большая часть изслѣдователей помѣщали ее на поганомъ, что нынѣ чистомъ прудѣ; сличеніе же показаній иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, именно: англичанина Горсея, голландца Массы, нѣмца Буссова и шведа Петрея ведетъ къ болѣе вѣроятному заключенію, что она находилась въ нѣмецкой слободѣ, на правомъ берегу Яузы [11]). Кому лютеране преимущественно обязаны основаніемъ церкви, которой они не имѣли въ теченіе цѣлаго полстолѣтія, на этотъ любопытный вопросъ Гротъ отвѣчаетъ такъ: «этотъ нѣмецкій князь (упомянутый принцъ Магнусъ) содѣйствовалъ тому, что царь позволилъ лютеранамъ открыто отправлять богослуженіе (öffentliche Religionsübungen) и построить свою церковь [12]). Но спрашивается, почему же Грозный позволилъ построить церковь не тогда, когда принцъ прибылъ въ Москву (въ 1570 г.) или когда женился на царской племянницѣ и пользовался расположеніемъ царя (1573 г.), но когда уже лишился этого расположенія (въ 1575 или 1576 г.) и потерялъ уже всякую надежду на обѣщанное ему царемъ королевство въ Ливоніи [13]). Построеніе кирки не было-ль больше личнымъ дѣломъ самого царя, чѣмъ слѣдствіемъ ходатайства названнаго принца?

О внѣшнемъ видѣ церкви упоминаетъ одинъ Бушингъ. По его словамъ, это была небольшая деревянная каплица, безъ колоколовъ и колокольни. Первымъ пасторомъ ея былъ Бекгорнъ, потомъ Іоакимъ Скультетъ [14]).

Первая эта церковь существовала не болѣе пяти лѣтъ. На основаніи сказаній Поссевина, Маржеретъ въ 1607 г. писалъ: въ 1580 г. царь приказалъ разрушить обѣ лютеранскія церкви и домы ихъ раззорить, позволивъ имъ однакожъ выстроить дома и церковь за городомъ (въ земляномъ или большомъ городѣ, приблизительно около нынѣшнихъ красныхъ воротъ) [15]). Согласно мнѣнію Леммериха, Горсея, Флетчера и Массы, подъ двумя разрушенными лютеранскими церквами всего лучше разумѣть старый молитвенный домъ и настоящую церковь, а не двѣ отдѣльныя самостоятельныя церкви, какъ думали Карамзинъ, Снегиревъ и другіе [16]). — Отъ понесеннаго въ 1580 г. раззоренія московскіе лютеране скоро оправились; въ 1584 году, по разсказамъ очевидца Одерборна, они жили уже безмятежно и богато, богослуженіе отправляли открыто

и торжественно, содержали одного проповѣдника, уроженца изъ Дюрингена. Новая церковь ихъ также была деревянная [17]). Масса въ 1602 такъ описываетъ внутренній видъ ея: «по нѣмецкому обычаю, въ ней есть жертвенникъ, на которомъ золотыми письменами изображены десять заповѣдей и нѣсколько изрѣченій Священнаго Писанія; вблизи его высится маленькое распятіе и на немъ изображеніе Христа. Такъ-то воздается хвала Богу» [18]).

Въ другихъ городахъ внутренней Россіи: во Владимірѣ, Угличѣ, Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Твери и Казани, словомъ вездѣ, гдѣ жили добровольные переселенцы или плѣнники протестантскаго вѣроисповѣданія, они образовали, въ царствованіе Грознаго, свои небольшія общины; открытыхъ общественныхъ церквей однакожъ не имѣли и для богослуженія собирались въ домахъ своихъ пасторовъ [19]). А гдѣ не было своихъ пасторовъ, туда пріѣзжали проповѣдники изъ Москвы. Взятый въ плѣнъ въ 1565 году Дерптскій пасторъ Виттерманъ свободно путешествовалъ изъ города въ городъ, чтобы утѣшать несчастныхъ въ ссылкѣ. По сказанію Ньепетедта, это былъ умнѣйшій, кроткій и благоговѣйный мужъ, ревностнѣйшій пастырь и апостолъ Господа. Онъ переходилъ изъ города въ городъ пѣшкомъ, поучалъ разсѣянную паству страху Божію, наставлялъ дѣтей въ законѣ Господнемъ, каждое воскресеніе говорилъ проповѣдь [20]). Пасторъ Скультетъ также въ разныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно въ Новгородѣ и Казани, проповѣдывалъ о разныхъ предметахъ Священнаго Писанія и аусбургскаго вѣроисповѣданія [21]).

Такова исторія первоначальнаго возникновенія протестантскихъ общинъ въ центрѣ Россіи. Съ описанными благопріятными условіями для ихъ образованія и развитія не легко мирится, повидимому, одинъ упомянутый фактъ,—непостоянство и колебаніе, съ которымъ правительство то открывало, то закрывало кирку въ Москвѣ, и передвигало ее съ мѣста на мѣсто, и это послѣ совершеннаго, въ теченіе 50 лѣтъ, отсутствія кирки у лютеранъ. Съ точки современной намъ вѣротерпимости дѣло это можетъ представляться не совсѣмъ выгоднымъ для правительства, набрасывающимъ нѣкоторую тѣнь на его вѣротерпимость. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ оно явится намъ, когда сравнимъ положеніе протестантовъ въ нашемъ государствѣ съ положеніемъ ихъ въ собственномъ отечествѣ. Вотъ параллель, или лучше несоизмѣримость двухъ равныхъ величинъ. Въ Германіи протестантскіе князья (Шмалькальдентскій союзъ), побѣдивъ императора Карла V (въ 1552 г.), продолжали упорную борьбу, а подъ-часъ и войну съ его преемникомъ Фердинандомъ, чтобы упрочить за собою такъ дорого купленныя религіозныя и гражданскія права. Въ Великобританіи начинается рядъ жестокихъ религіозныхъ войнъ. Отецъ (Генрихъ VIII) воюетъ за епископальный протестантизмъ съ под-

данными католиками, дочь (Марія) казнитъ протестантовъ, другая дочь (Елисавета) воздвигаетъ гоненіе противъ католиковъ и всѣхъ протестантовъ десендентовъ.... Въ Швеціи, гдѣ еще не остыла Стокгольмская кровавая баня и гдѣ Густавъ Ваза по кровавымъ слѣдамъ пролагалъ себѣ путь къ престолу, кое-какія права новой вѣрѣ завоевалъ мечъ. Въ Даніи Христіанъ III, хвалившійся предъ нашимъ Грознымъ (въ 1552 году) своими попеченіями о всемірномъ и премирномъ распространеніи славы Божіей, распространялъ новую вѣру мечемъ. И вездѣ почти въ Европѣ этотъ безпощадный мечъ пріобрѣталъ нѣкоторыя права новому вѣроисповѣданію: у насъ же для горсти ремесленниковъ и художниковъ пришедшихъ подѣлиться съ нами своими небогатыми знаніями, строится молитвенный домъ и богослуженіе оправляется безпрепятственно. Нисколько не стѣсненные въ своихъ религіозныхъ правахъ, эти печатники, переводчики и лифляндскіе дворяне занимаютъ почетнѣйшія должности въ государствѣ, при самомъ дворѣ; плѣнники становятся господами и чуть не вельможами и накопляютъ себѣ огромное состояніе. Во Франціи протестантовъ, или, какъ ихъ называли тамъ, гугенотовъ, разгоняли, били и убивали когда они сходились на молитву; изъ-за того, чтобы получить возможность безнаказанно, безъ опасности жизни, молиться и слушать проповѣдь въ своихъ храмахъ, тамъ завязалать жестокая война, продолжавшаяся съ девятью перерывами около 30 лѣтъ (1562—1592 г.) и утихавшая развѣ для того, чтобы разразиться ужасами Варѳоломеевской ночи (1572 г.): у насъ же, вскорѣ по прибытіи жениха царской племянницы и огромной свиты протестантовъ (200 человѣкъ однихъ всадниковъ), строится для нихъ церковь, тысячи единовѣрныхъ его плѣнниковъ получаютъ право возвратиться на родину; но многимъ и особенно его блестящей свитѣ такъ понравилось въ Россіи, что не захотѣли возвратиться домой [22]). Пасторамъ ихъ Грозный царь поручаетъ осмотръ своей библіотеки, одному изъ нихъ самъ надѣваетъ богатую одежду и золотую цѣпь и всѣмъ позволяетъ разъѣзжать съ евангелическою проповѣдію по всѣмъ мѣстамъ Россіи и организовать общины, какъ имъ хотѣлось. Разныхъ толмачей, врачей и библіотекарей честитъ и жалуетъ до того, что, если вѣрить нѣмецкимъ писателямъ но самого митрополита за оскорбленіе, нанесенное имъ одному нѣмцу, наложилъ пеню въ 60 рублей. На высотѣ положенія, въ избыткѣ счастія они не съумѣли сохранить подобающей скромности, позволили себѣ своеволіе, надменность, и это-то обстоятельство, по сознанію самихъ же иностранныхъ пистаелей (Маржерета), а не капризъ и лютость Грознаго, да еще опасность пропаганды были причиною того, что онъ велѣлъ разрушить кирки и построить ихъ подальше — за городомъ [23]).

Сынъ и преемникъ Ивана Грознаго Ѳедоръ Ивановичъ имѣлъ до 5000 воиновъ-иностранцевъ, въ числѣ которыхъ много находилось про-

тестантовъ. Въ его царствованіе населеніе Яузской слободы значительно увеличилось [24]), а евангелическое общество въ Нижнемъ-Новгородѣ, состоявшее уже изъ ста семействъ, построило въ 1594 году открытую церковь и обзавелось школою [25]).

Царь Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, по примѣру Іоанна IV-го, ревностно заботясь о распространеніи въ государствѣ просвѣщенія, неоднократно вызывалъ изъ Западной Европы знающихъ людей, аптекарей и докторовъ медицины [26]); иностраннымъ ремесленникамъ и промышленникамъ дозволялъ торговать въ Россіи безпошлинно [27]); давалъ взаймы деньги безъ роста и безъ срока [28]), лифляндскимъ купцамъ дарилъ «по тысячѣ, по двѣ рублевъ», многихъ изъ нихъ жаловалъ званіемъ гостей. Къ лифляндскимъ дворянамъ, по отзыву гамбургскихъ нѣмцевъ, былъ «такъ дороденъ, счастливъ и милостивъ, что за его къ нимъ жалованье по всей землѣ Нѣмецкой во вѣки ему честь и хвала» ([29]). Видя такой радушный пріемъ, иностранцы-протестанты массами стали переселяться въ Московское государство. — Особенно характеристичны слѣдующія событія. — Во Франціи, послѣ гугенотскихъ преслѣдованій, тысячи народа повержены были въ нищету и раззореніе; въ остальной Европѣ, въ ея политической атмосферѣ, душно, смрадно и страшно; уже дымилась, загоралась ужасная искра, долженствовавшая испепелить всю Западную Европу,—подготовлялась тридцатилѣтняя война 1618—1648 г.; подъ ногами злосчастныхъ протестантовъ разверзалась, такъ сказать, самая земля, готовая поглотить ихъ со всѣми ихъ домами, семействами, и имуществами, и многіе уже лишились «всѣхъ животовъ своихъ». Отъ этихъ ужасовъ толпы эмигрантовъ изъ глубины Франціи, Германіи, Ливоніи и Швеціи бѣгутъ въ Россію: Русскій царь радушно встрѣчаетъ ихъ и спѣшитъ успокоить такими напримѣръ словами: «не печальтесь: мы въ три раза возвратимъ вамъ то, что вы тамъ потеряли; дворянъ мы сдѣлаемъ князьями, меньшихъ людей — боярами; слуги ваши будутъ у насъ людьми свободными; мы дадимъ вамъ землю, людей и слугъ, будемъ водить васъ въ шелку и золотѣ, кошельки ваши наполнимъ деньгами; мы не будемъ вамъ царемъ и господиномъ, а отцомъ, а вы будете нашими дѣтьми, и никто, кромѣ насъ самихъ не будетъ надъ вами начальствовать, я самъ буду васъ судить и вы останетесь при своей вѣрѣ. Но за это должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ вѣрою и правдою». Въ доказательство искренности своего расположенія, тотчасъ же послѣ этого привѣта, Борисъ угостилъ ихъ дорогими яствами и напитками за царскимъ своимъ столомъ, одарилъ ихъ деньгами и одеждами, водворилъ ихъ въ лучшихъ боярскихъ домахъ и въ будущемъ обѣщалъ имъ еще болѣе. [30]).

Царствованіе Годунова, изъ всего вѣка самое счастливое для протестантовъ, счастливо было и въ исторіи построенія церквей. Гротъ [31]),

Вушъ[32]) и Снегиревъ[33]) передаютъ, что въ 1601 году въ бѣломъ городѣ построена была лютеранская церковь (около прежнихъ Покровскихъ воротъ, близъ церкви Святителя Николая на столпахъ). Много пожертвованій сдѣлали при этомъ знатные и богатые нѣмцы, но больше всѣхъ самъ царь. Онъ на свои деньги велѣлъ поставить при киркѣ деревянную колокольню и повѣсить три колокола. Прихожанами новой церкви были люди именитые: придворные, «дохтуры» и рейтары, названные въ Годуновскомъ чертежѣ Москвы питомцами Марса (alumni Martis). Прежнихъ пасторовъ оказалось для нихъ мало и вызваны новые проповѣдники (изъ Вестфаліи — Гюлеманнъ и извѣстный своею ученостію Мартинъ Бэръ). Въ скоромъ времени составился хоръ изъ 6, 7 и 8 человѣкъ, въ «коемъ и медики участвовать не стыдились». «Молитесь, нѣмцы, Богу о нашемъ здоровьѣ, говорилъ Годуновъ, «пока мы живы, вамъ ни въ чемъ не будетъ нужды, и взявшись за свое жемчужное ожерелье, прибавилъ: «и это я раздѣлю съ вами». Нѣмцы плакали отъ умиленія, что дожили въ Россіи до такого счастливаго времени[34]). И это тогда, когда на западѣ, по прекращеніи однихъ религіозныхъ войнъ и при наступленіи другихъ, всюду были вопли и стоны, ужасъ и оцѣпенѣніе. Расположеніе и кокетство Годунова къ нѣмцамъ было такъ велико, что возбудило неудовольствіе въ народѣ[35]). Допущеніе «еретическаго капища» вблизи Кремля, около средоточія отечественной святыни, Сіона Русской земли, казалось оскорбленіемъ и униженіемъ православія.

Кто исходатайствовалъ у Годунова разрѣшеніе на построеніе кирки въ бѣломъ городѣ, отвѣты на этотъ вопросъ, даются разнорѣчивые. Гротъ, писавшій въ 1797 и 1798 годахъ, полагаетъ, что она основана для нарѣченнаго жениха Ксеніи Борисовны, — шведскаго королевича Густава Ириковича, которому далеко было ходить въ загородную кирку и позднимъ возвращеніемъ котораго царь оставался недоволенъ[36]). Но раннѣйшіе историки, писавшіе въ самомъ началѣ XVII-го столѣтія, Буссовъ, Масса и Петрей ничего не говорятъ объ этомъ обстоятельствѣ; а они, особенно Петрей, подробно повѣствуя о пребываніи Густава въ Москвѣ, не преминули бы упомянуть о томъ, еслибъ только онъ удостоился отъ царя такой милости. При томъ, Густавъ прибылъ въ Москву въ 1599 году и еслибъ, по его ходатайству и для его удобства построена была новая церковь, то это случилось бы въ томъ же 1599 году и вообще вскорѣ по пріѣздѣ его въ Россію, когда онъ пользовался еще расположеніемъ Бориса, а не въ 1601 году, когда, по несомнѣннымъ даннымъ, появляется новая кирка и когда онъ за порочную и разгульную жизнь, за грубое и варварское обращеніе съ прислугою лишился благоволенія царя (вскорѣ поселенъ былъ въ Угличѣ, гдѣ и умеръ). Наконецъ, могъ ли Густавъ быть усерднымъ ходатаемъ за лютеранъ, когда, по послѣднимъ изслѣдованіямъ шведскихъ историковъ, онъ ока-

зывается не лютераниномъ, (какъ доселѣ думали, на основаніи сказанія Буссова, будто его погребалъ насторъ лютеранскій), а католикомъ. (Фехнеръ, на основаніи шведскихъ историковъ: Шлегеля, Далина, Фракселя, Гейгера, доказалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что Густавъ въ ранней юности былъ католикомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, въ сношеніяхъ своихъ съ императоромъ Рудольфомъ II-мъ и королемъ Сигизмундомъ III-мъ обнаруживалъ себя постоянно католикомъ и предъ вступленіемъ въ бракъ съ Ксеніей Борисовной обязывался отречься отъ католичества) [37]). Итакъ не по ходатайству Густава, а по инищіативѣ самаго Годунова построена была кирка въ бѣломъ городѣ. Ксеніи Борисовнѣ пріисканъ былъ другой женихъ, сынъ датскаго короля Фридриха II-го, принцъ Іоаннъ. Для этого принца и всей его свиты царь предоставилъ свободное отправленіе богослуженія по аусбургскому исповѣданію, особую церковь въ Москвѣ и право строить для себя церкви въ тверской области, которая предназначалась ему въ удѣлъ. Новый женихъ, чрезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Москву, скончался отъ лихорадки (25 ноября 1602 года).

При траурномъ торжествѣ погребенія высоконарѣченнаго иновѣрца присутствовалъ самъ царь съ дьяками, боярами и тысячью стрѣльцевъ; двѣ улицы шелъ царь за гробомъ, то и дѣло крестился, глядя на Распятіе, бывшее на катафалкѣ, а свита и стрѣльцы шли до самой церкви (построенной при Годуновѣ), гдѣ должно было происходить отпѣваніе; но въ самую церковь никто изъ православныхъ не вошелъ. Для перезвона при встрѣчѣ и погребеніи принца, присланы были для кирки колокола (въ добавокъ къ тремъ собственнымъ), но въ православныхъ церквахъ не перезванивали [38]).

Смутное время открыло широкую дорогу всѣмъ иноземцамъ, преимущественно протестантамъ. Лжедимитрій 1-й, по замѣчанію англичанъ, былъ первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство въ такой степени открытымъ для всѣхъ. При этомъ индеферентистѣ, смотрѣвшемъ одинаково на всѣ христіанскія религіи, протестанты всѣхъ толковъ пользовались полною свободою совѣсти [39]). Но въ 1610 году, подвергшись подозрѣнію въ измѣнѣ Лжедимитрію II-му, они были въ такой опасности, что съ часу на часъ ожидали насильственной смерти и не смѣли исполнять обрядовъ своего богуслуженія. Лжедимитрій II-й поклялся истребить всѣхъ нѣмцевъ, находившихся въ Россіи: только ходатайство супруги его Марины спасло ихъ [40]). Очевидецъ и страдалецъ отъ этихъ бѣдствій Мартинъ Бэръ въ томъ же 1610 г. написалъ элегію, въ которой оплакиваетъ бѣдственную участь своихъ единоземцевъ и единовѣрцевъ и, къ удивленію, винитъ въ бѣдствіяхъ народъ, не знающій ни справедливости, ни добродѣтели — русскихъ. «Куда-ль ни обратишь взоры, напѣваетъ онъ въ своей плачевной пѣсни, видишь, что на насъ дышетъ всеобщая вражда. Царь, бояре, народъ не могутъ насъ

терпѣть и горе тому, кто осмѣлится сказать вопреки имъ: такого человѣка можно считать погибшимъ. Они повсюду влекутъ насъ на смерть». Въ заключеніе пасторъ взываетъ къ Богу, чтобъ Онъ избавилъ ихъ изъ этихъ кровавыхъ рукъ и вывелъ ихъ изъ варварской земли на прекрасные берега Аа» [41]). Все это дѣйствительно плачевно и достойно сожалѣнія. Но кто виноватъ въ такомъ отчужденіи и враждѣ къ нимъ русскаго народа? Смутныя времена значительно помутили отношенія русскихъ ко всѣмъ иновѣрцамъ и обычное народное нерасположеніе къ нимъ возвели до открытой и справедливой вражды ко всѣмъ иновѣрнымъ особенностямъ. Въ злую годину Ляхолѣтья и нѣмцы причинили намъ много горя и страданій: они готовы были наступить на головы своимъ благодѣтелямъ и покровителямъ, плевать и грызть руку, ласковую и питавшую ихъ. Что могло быть возмутительнѣе того случая, когда они, во время вѣнчанія Лжедимитрія, въ самомъ Успенскомъ соборѣ ругались надъ образами, сидѣли и даже спали на нихъ въ церкви и «на то никто не смѣлъ и слова сказать имъ, и во всемъ волю свою творили» [42]) Русское православное чувство никогда не могло простить имъ такого наглаго поруганія надъ его святынею. Но эта вражда и отчужденіе далеко не доходили до того ожесточенія, какое питали къ протестантамъ католики, никогда не достигали тѣхъ страшныхъ размѣровъ, въ какихъ изображаетъ ихъ разжалобившійся пѣвецъ (Бэръ). Масса разсказываетъ, что при избіеніи поляковъ и умерщвленіи Лжедимитрія 1-го нѣмцы были пощажены (за исключеніемъ тѣхъ, которые носили польскіе костюмы и которыхъ нельзя было различить отъ поляковъ). Когда разнесся слухъ, что мнимый царь спасся отъ смерти и во всемъ государствѣ настали страшныя смуты, нѣмецкіе, французскіе и шотландскіе офицеры, находившіеся на русской службѣ, всѣ, кто изъ боязни смутъ пожелалъ возвратиться изъ Россіи, немедленно были возвращены на родину [43]).

Для церквей протестантскихъ смутное время не могло быть благопріятно. Буссовъ пишетъ что «10 Мая 1606 года, съ дозволенія императора Димитрія, пасторъ Мартинъ Бэръ, произносилъ въ Кремлѣ (auf'm schlosse) первую лютеранскую проповѣдь — для докторовъ, капитановъ и другихъ нѣмцевъ, которые служили при особѣ императора и которымъ далеко было ходить въ кирки [44]).» Позднѣйшіе нѣмецкіе историки, (которые до страсти любятъ насчитывать какъ можно болѣе своихъ церквей), — Гротъ [45]), за нимъ Юнгблунтъ [46]), Бушъ [47]), на основаніи приведенныхъ словъ Буссова, построили новую лютеранскую церковь въ самомъ Кремлѣ, продлили ея существованіе до 1614 года (а Леммерихъ даже до 1632 года [48]), а въ 1614 году и 1616 г. ни съ того, ни съ сего перенесли ее на Моховую, гдѣ теперь университетъ. Но прямой и простой смыслъ приведеннаго извѣстія Бус-

сова лишь тотъ, что въ названный день въ какомъ то зданіи въ Кремлѣ упомянутые евангелики собрались для слушанія проповѣди, о церкви жъ освященной, или молитвенномъ домѣ, или о помѣщеніи, спеціально предназначенномъ для отправленія богослуженія, здѣсь не можетъ быть и рѣчи: Лжедимитрій ровно чрезъ недѣлю послѣ этого событія былъ убитъ (17-го Мая 1606 г.) и никакой лютеранской проповѣди не слышно болѣе въ Кремлѣ, никакой церкви не видно тамъ. Въ тяжелое смутное время было не до построенія новыхъ церквей; въ это время не уцѣлѣла одна изъ прежнихъ и лучшихъ кирокъ. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября 1611 года, пишетъ тотъ же Буссовъ (т. е. вскорѣ, по вступленіи въ Москву перваго народнаго ополченія и по сожженіи ея засѣвшими въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ поляками), во время одной горячей схватки русскихъ съ поляками (когда послѣдніе въ безсильномъ озлобленіи снова подожгли городъ) сгорѣла построенная при Годуновѣ церковь; но гробница принца Іоанна, обложенная камнями въ подвалѣ, уцѣлѣла (до временъ Михаила Ѳеодоровича, когда она разрушена была поляками) [49]).

Церковь эта вскорѣ была возстановлена, но въ 1632 г. по слѣдующему печальному случаю была разрушена. Служившіе въ русской арміи нѣмецкіе офицеры оженились на горничныхъ, бывшихъ въ услуженіи у богатыхъ нѣмецкихъ купцовъ и купчихъ. Сдѣлавшись знатными особами, супругами почтенныхъ лейтенантовъ, бывшія служанки никакъ не хотѣли стать въ церкви ниже купчихъ, прежнихъ своихъ госпожъ; эти не хотѣли уступить, и вотъ поднялись въ церкви ссора, брань и драка, произошелъ странный переполохъ. Случай хотѣлъ, чтобы во время этой сумятицы проѣзжалъ мимо святѣйшій патріархъ. Услышавъ шумъ въ церкви и разузнавъ въ чемъ дѣло, патріархъ приказалъ разрушить кирку [50]). Вскорѣ впрочемъ лютеранамъ дано позволеніе выстроить другую церковь за «бѣлою» стѣною [51]). Но судьба этой церкви остается совершенно неизвѣстною. Старой лютеранской киркѣ, находившейся въ земляномъ городѣ, также не посчастливилось. Въ 1622 году, когда она простояла около 40 лѣтъ и обветшала, она была поновлена на пожертвованія прихожанъ, при чемъ много потрудился пасторъ Георгъ Оксъ. Въ 1626 году, ровно чрезъ четыре года по своемъ обновленіи, она сгорѣла. Опечаленная община построила новую церковь, на новомъ мѣстѣ, предъ Флоровскими воротами, (купленномъ ею у вдовы Іоахима Люмзена и втораго ея мужа Эрста Кивета) [52]). Въ томъ же 1626 году, нѣкоторые члены старой лютеранской общины отдѣлились отъ нея и образовали новую общину. Первымъ проповѣдникомъ ея былъ Яковъ Нейенбургъ [53]). Новая церковь старой общины простояла недолго. Въ 1643 году 4-го марта «царю Михаилу Ѳеодоровичу били челомъ попъ Пракофей да дьяконъ Марко отъ церкви Святителя Николая въ Стол-

пахъ и отъ церкви Кузьмы и Даміана — попъ Өедосей и діаконъ Кириллъ со товарищи девяти приходскихъ церквей, что «въ ихъ приходахъ нѣмцы на своихъ дворахъ поставили близъ святыхъ церквей свои ропаты, вдовіи нѣмки у святыхъ Божіихъ церквей завели корчмы и бл.... и всякое оскверненіе русскимъ людямъ отъ нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись царскаго приказа, покупаютъ въ ихъ приходахъ дворы и дворовыя мѣста, платя за нихъ вдвое, втрое дороже, и отъ нѣмцевъ ихъ приходы пустѣютъ». Отвѣтомъ на прописанную челобитную былъ указъ, повелѣвавшій «въ Китаѣ, Бѣломъ городѣ и загородскихъ слабодахъ ропаты въ нѣмецкихъ дворахъ близъ русскихъ церквей сломать, дворовъ и дворовыхъ мѣстъ нѣмцамъ у русскихъ людей не покупать». Въ силу этого указа вновь построенныя ропаты, новая церковь старой общины — флоровская были закрыты. Мѣста для церквей велѣно пріискивать за землянымъ городомъ [54]). — Бывшій профессоръ медицины въ дерптскомъ университетѣ придворный докторъ Иванъ Бѣловъ или Бѣлау является ходатаемъ за возстановленіе флоровской церкви. Мая 4-го того же 1643 г. онъ подалъ челобитную царю Михаилу Өеодоровичу «въ томъ, что у царскихъ холопей докторовъ — въ Бѣломъ градѣ нѣтъ никакого мѣста для моленья и что въ старую добрую пору всегда сходились доктора съ государевыми служилыми иноземцами за городъ за Флоровскими воротами близъ земляного города, гдѣ близко нѣтъ русскихъ храмовъ, и тамъ всегда отъ чиста сердца молили Бога за государево многолѣтнее здоровье и счастливое воздержаніе скипетра Великаго Россійскаго государя. Далѣе того мѣста, писалъ Бѣловъ, намъ царскимъ холопамъ ѣздить не возможно того ради, что по всякъ часъ рано и поздно нужно готовымъ быть къ обереганію твоего царскаго многолѣтняго здоровья безотступно и отлучатися нельзя. Итакъ, пожалуй насъ холопей твоихъ, позволь намъ сходиться для Богомолья на томъ мѣстѣ, по старому, какъ сыскано о томъ и повелѣно при твоемъ отцѣ — блаженныя памяти патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ» [55]). Такою разумною и почтительною просьбою нельзя было не тронуться. Въ томъ же 1643 году земскій приказъ прислалъ лютеранской общинѣ позволеніе поставить кирку за городомъ на пахатномъ полѣ Никиты Зюзина между флоровскими и покровскими воротами, въ 20 саженяхъ отъ земляного вала и рва: «ибо тамъ, сказано въ граматѣ, изстари была у попа нѣмецкаго изба съ комнатою, гдѣ нѣмцы съ дохтуры по праздникамъ и воскреснымъ днямъ сходились для Богомолья и Евангельскаго чтенія [56]). На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь садовая пересѣкаетъ покровку или гдѣ стоятъ красныя ворота, была построена деревянная кирка. Мѣсто для нея отведено въ длину 30 и въ ширину тоже 30 саженей. 1643 года Іюля 13-го присланы отъ царя данная на это мѣсто и формальное позволеніе; «съѣзжаться сюда для Богомолья, по ихъ вѣрѣ, старымъ служилымъ ино-

земцамъ, разныхъ чиновъ людямъ и посольскаго приказа переводчику, и золотого и серебрянаго дѣла мастерамъ и старымъ торговымъ нѣмцамъ» [57]). Кирка названа михайловскою (Michailskirche) въ честь святаго Михаила Архистратига [58]). Изъ сличенія Грота съ Олеаріемъ оказывается, что старая община не вновь построила эту церковь, а перенесла ее сюда съ прежняго мѣста и что съ Іюля 1643 года лютеране имѣли въ Москвѣ одну церковь, принадлежавшую старой общинѣ [59]).

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича появляются реформатскія церкви въ Москвѣ. Олеарій передаетъ слухъ или преданіе, что кальвинисты еще въ 16 столѣтіи построили деревянную часовню — (капеллу), внутри бѣлой стѣны или бѣлаго города и начали возлѣ нея строить изящную каменную церковь, и когда она доведена была уже до крыши, вдругъ, по приказанію патріарха, была разрушена, такъ какъ они строили ее безъ разрѣшенія царя и патріарха. Но этимъ глухимъ и неопредѣленнымъ слухамъ Олеарій самъ мало довѣряетъ [60]). Гораздо достовѣрнѣе извѣстіе, что первая реформатская церковь была построена въ 1629 году на землѣ, пожалованной въ самомъ бѣломъ городѣ [61]). Пасторомъ въ ней съ 1639 по 1648 годъ былъ докторъ Булеусъ, которому преемствовалъ Карвникель. Олеарій упоминаетъ еще о двухъ реформатскихъ проповѣдникахъ: Инхенгефеферѣ и Гардинѣ [62]). Въ 1643 году, когда русскіе священники подавали жалобу на нѣмцевъ, реформаты, кромѣ упомянутой церкви, имѣли еще небольшую капеллу на покровкѣ въ бѣломъ же городѣ. Но въ роковой 1643 годъ обѣ онѣ были закрыты [63]). Лишившись общественныхъ храмовъ, реформаты, равно и лютеране вскорѣ же открыли келейные молитвенные домы при своихъ жилищахъ.

Закрытіе столькихъ церквей въ царствованіе, извѣстное своимъ покровительствомъ иноземцамъ, требуетъ нѣкотораго комментарія. При всей неожиданности и рѣшительности этой мѣры, она не подлежитъ ни малѣйшему порицанію. Это не нетерпимость, которая напоминала бы сколько нибудь ужасы кипѣвшей тогда въ Германіи тридцатилѣтней войны и разгоравшейся въ Англіи великой революціи; все зло, всѣ причины этихъ стѣсненій скрывались въ самихъ протестантахъ. Когда еще не изгладилось изъ памяти народа прежнее наглое поруганіе ихъ надъ православною святынею, они завели у самыхъ православныхъ алтарей непозволительные постройки и торги, открыли притоны пьянства и разврата и тѣмъ возбудили противъ себя не только справедливыя жалобы духовенства, но и общій взрывъ народнаго негодованія. Въ виду такого самоуправства, соблазна и всеобщаго на него негодованія, правительство велѣло сломать «ропаты» лишь для устращенія и предотвращенія зла, а на самомъ дѣлѣ настояло только на томъ, чтобъ соблазнительныя кирки устроены были далѣе отъ прежнихъ мѣстъ и православныхъ хра-

мовъ, — (новая церковь не въ Бѣломъ городѣ, а застѣнами его, старая не у флоровскихъ воротъ, а у теперешнихъ красныхъ воротъ) и онѣ созидаются въ тѣ же годы (1632 и 1643), чрезъ нѣсколько даже недѣль послѣ того, какъ велѣно было сломать прежнія кирки, вскорѣ же, когда власти увѣрились, что «нѣмцы отъ чиста сердца молятъ Бога за государское многолѣтнее здоровье». И что при этомъ не было никакого насилія ихъ свободѣ совѣсти, никакого стѣсненія отправленію богослуженія, — видно уже изъ того, что переселенія иноземцевъ, до сихъ поръ безпорядочныя и бродячія, приняли со временъ Михаила Ѳедоровича правильный и организованный видъ, что число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Въ Москвѣ, къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича, находилось до 1000 семействъ лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданія [64]). Не мало появилось протестантовъ въ Серпуховѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, хотя церквей и пасторовъ не было въ этихъ городахъ [65]). Какъ въ провинціяхъ, такъ и въ столицѣ, по всѣмъ частямъ государственной службы они занимали видныя мѣста и жили весьма безбѣдно. Замѣчательно также, что со временъ Михаила Ѳедоровича московское правительство поставило себѣ за правило вызывать съ запада иностранцевъ только протестантскаго вѣроисповѣданія, а «французовъ и иныхъ, которые папежскія вѣры не нанимать» [66]).

Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, когда по окончаніи злосчастной тридцатилѣтней войны, всюду царили на западѣ нищета и раззореніе, тысячи и милліоны нищихъ бродили изъ края въ край, и лучшимъ промышленнымъ и предпріимчивымъ людямъ нечего было взять въ Европѣ, — въ Россію стало больше и больше переселяться иностранцевъ — протестантовъ. — При этомъ государѣ, гораздо болѣе, чѣмъ при отцѣ его, они занимали почетныхъ мѣстъ при дворѣ и отправляли множество различныхъ должностей гражданской, военной и торговой службы [67]). Олеарій передаетъ, что изъ вновь пріѣзжихъ и прежде жившихъ въ Москвѣ иностранцевъ новый царь позволилъ оставаться въ городѣ только тѣмъ, которые пожелали бы креститься, а прочимъ, (за исключеніемъ немногихъ докторовъ и гостей), въ короткій срокъ велѣно переселиться съ слободу за Кукуй (въ 1633 г.) [68]). Но эта мѣра вызвана была новою жалобою духовныхъ на «всякое оскверненіе, бывающее святымъ Божіимъ церквамъ отъ дворовъ и церквей лютеранскихъ». Къ этому присоединилось еще недовольство патріарха, который жаловался царю, что нѣмцы, во время крестныхъ ходовъ, не снимаютъ шапокъ и не крестятся въ виду святыхъ иконъ, что, нося русское платье, вводятъ его въ обманъ и предвосхищаютъ у него благословеніе [69]). Собственно говоря, за этотъ новый соблазнъ правительство не наказывало нѣмцевъ, а, для предотвращенія его на будущее время, приняло болѣе радикальную мѣру, — выселило за городъ не церкви только, какъ было прежде,

но и самихъ иновѣрцевъ. Эта мѣра оказалась для нихъ даже наградою, благодѣяніемъ. Въ новомъ мѣстѣ жительства они разселены были очень просторно; служилымъ нѣмцамъ, напримѣръ, докторамъ и самимъ пасторамъ отведено было земли, по первой статьѣ, по 40 саженъ вдоль и по 20 поперегъ [70]); мастерамъ, аптекарямъ по второй статьѣ отмежевано по 30 саженъ вдоль и 15 поперегъ; сержантамъ, капраламъ, полковымъ обозничимъ и всякихъ мелкихъ чиновъ нѣмцамъ — вдоль по 10 саженъ, поперегъ по 8; нѣмкамъ-вдовамъ и всякимъ мелкимъ людямъ, у которыхъ своихъ домовъ въ Москвѣ нѣтъ, отмѣрено вдоль по 8, поперегъ по 6 саженъ [71]). Вскорѣ заселилась вся окрестность иноземной слободы, со включеніемъ нынѣшней покровки, и приняла видъ иностранной колоніи. Лѣтъ чрезъ 10-ть (въ 1660-хъ годахъ) обширные пустыри и пахатныя поля, между ручьемъ Кукуемъ и рѣчкою Яузою, превратились въ роскошные сады, обширную виллу, раздѣленную на нѣсколько частей просторными улицами [72]). По характеристическому выраженію самихъ нѣмцевъ, отъ отдѣленія ихъ отъ русскихъ жилищъ, имъ сдѣлалось также худо, какъ раку, котораго хотѣли утопить въ водѣ [73]). Въ новой за-московской виллѣ, или, какъ называетъ ее Олеарій, собственномъ городѣ нѣмцевъ жили послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій, помимо евангелическаго, говорившіе на различныхъ европейскихъ нарѣчіяхъ; но въ общей массѣ протестантовъ они едва были замѣтны, католики составляли такое ничтожное меньшинство, что не имѣли своихъ ксендзовъ и для исправленія разныхъ требъ прибѣгали большею частію къ реформатскому пастору [74]).

Съ увеличеніемъ числа протестантовъ и улучшеніемъ ихъ внѣшняго благосостоянія, увеличилось число ихъ церквей и улучшилось благосостояніе ихъ церковныхъ общинъ. Олеарій пишетъ, что въ новую свою колонію нѣмцы перенесли свои церкви изъ города, что лютеране имѣли здѣсь двѣ нѣмецкія кирки и кальвинисты — одну голландскую и одну англійскую церковь [75]). Это извѣстіе сообщено Олеаріемъ отъ 1656 года, по слухамъ (самъ онъ былъ въ Москвѣ не позже 1639 г.). Гораздо яснѣе и достовѣрнѣе сказки и данныя записи, напечатанныя въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. По этимъ сказкамъ и даннымъ, въ 1653 году построены въ слободѣ двѣ церкви, — одна при пасторѣ Фаденрехтѣ, а другая при пасторѣ Кравинкелѣ; въ 1661 г. находившійся на русской службѣ генералъ Бауманъ построилъ третью церковь, называемую обыкновенно «officire Kirche» или «Ecclesia Militans». Пасторомъ при ней былъ Фокеродтъ, который въ 1657 г. привезенъ былъ изъ Копенгагена генераломъ Бауманомъ [76]). Въ 1670 г. на участкѣ того же Баумана появилась, какъ увидимъ подробнѣе, четвертая церковь, называвшаяся большею частію новою киркою (die neue Kirche) [77]). Изъ этихъ четырехъ церквей только одна была реформатская вторая, при

которой пасторомъ былъ Кравинкель); три-жъ остальныя лютеранскія [78]). Кромѣ того, лютеране имѣли еще михайловскую церковь, построенную въ 1643 году у нынѣшнихъ красныхъ воротъ. Разсказъ Грота, будто Алексѣй Михайловичъ, проѣзжая съ своимъ духовникомъ мимо этой кирки и, принявъ ее за православную церковь, перекрестился, но узнавъ свою ошибку тотчасъ велѣлъ перенести ее въ новую иноземную слободу (на Демидовскую гору въ 1646 г.) — не заслуживаетъ вѣроятія [79]). Во-первыхъ, Олеарій (во второмъ изданіи своего сочиненія, вышедшемъ въ 1651 году), излагая всѣ, какія только могъ собрать, свѣдѣнія объ евангелическихъ церквахъ въ Москвѣ, ничего не говоритъ объ этомъ странномъ случаѣ; во-вторыхъ, при устройствѣ слободы въ 1653 году эта церковь продолжала существовать на томъ же мѣстѣ, какое было отведено ей указомъ 1643 года [80]). Дальнѣйшая судьба этой кирки не извѣстна. Въ 1673 году, когда секретарь русскаго посольства Лаврентій Рингуберъ былъ въ Вѣнѣ, и по требованію тамошнихъ властей представлялъ подробное описаніе всѣхъ лютеранскихъ церквей въ Россіи, михайловской кирки уже не было, — по крайней мѣрѣ въ его перечнѣ не видно [81]). Шведскій посолъ Іоаннъ Филиппъ Кіебургеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1674 году, насчитываетъ въ ней три лютеранскія церкви, построенныя въ 1653, 1661 и 1670 году, и одну реформатскую, при чемъ поименовываетъ извѣстныхъ намъ пасторовъ; но о лютеранской киркѣ 1643 года не упоминаетъ. Всѣ четыре церкви были деревянныя, ни въ одной не было ни колоколовъ, ни органовъ, но, что казалось послу большою рѣдкостію, въ каждой стояла большая печь [82]).

Въ судьбѣ двухъ позднѣйшихъ церквей (появившихся въ 1661 и 1670 годахъ) произошла странная перемѣна, передвижка.— Одна церковь перекочевала съ одного мѣста на другое, а на мѣстѣ ея явилась новая. Эта передвижка находилась въ тѣсной связи съ судьбою новой лютеранской общины. Въ 1662 году, по ходатайству саксонскаго двора, образовалась въ Москвѣ саксонская лютеранская община. Первымъ пасторомъ ея былъ Іоаннъ Готфридъ Григори. Германецъ по происхожденію, Григори съ 1659 по 1661 годъ былъ начальникомъ школы при старой лютеранской общинѣ. И въ Германіи и въ Россіи онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность примѣрнымъ благочестіемъ, чрезвычайною ученостію, неустанной дѣятельностію, усердіемъ и способностію къ проповѣданію слова Божія, самоотверженною любовью къ ближнимъ и преимущественно къ питомцамъ своимъ по школѣ, педагогическою опытностію и ревностію и т. д. [83]) Удостоившись званія пастора и получивъ ординацію въ Дрезденѣ въ 1661 году, онъ состоялъ вторымъ проповѣдникомъ у второй лютеранской общины вмѣстѣ съ Фокеродтомъ, и его новая община примыкала къ этой послѣдней [84]). Но рядъ слѣдующихъ случайностей былъ причиною отдѣленія первой общины отъ по-

слѣдней. Въ 1667 году насторъ Григори отправленъ былъ русскимъ правительствомъ въ Саксонію для вызова въ Россію разныхъ техниковъ. Этимъ случаемъ онъ воспользовался для сбора пожертвованій на свою общину и для полученія себѣ магистерской степени въ Іенѣ. Счастливое исполненіе возложенныхъ на него порученій, особенно жъ новая ученая степень, даръ проповѣдническій, привлекавшій къ нему все больше и больше слушателей, возбудили противъ него Фокеродта; тотчасъ по возвращеніи его въ Москву, поднялись ссоры и тяжбы между ними. Фокеродтъ дѣйствовалъ неблагоразумно, къ тому жъ запятналъ себя расхищеніемъ церковныхъ суммъ. На сторонѣ Григори, кромѣ личныхъ высокихъ его достоинствъ, былъ генералъ Бауманъ, человѣкъ съ вѣсомъ и значеніемъ при дворѣ. Но Бауманъ, между сверстниками и подчиненными ему по службѣ, имѣлъ много враговъ и завистниковъ, которые въ мигъ очутились въ лагерѣ Фокеродта. При разборѣ процесса въ посольскомъ и иноземномъ приказахъ (при выслушаніи 25 свидѣтелей, обоихъ пасторовъ и обширныхъ челобитныхъ Баумана), обнаружилось, что за Фокеродта было гораздо болѣе защитниковъ и просителей, чѣмъ за Григори, и что Григори не обнаружилъ къ тому же достаточнаго уваженія къ особѣ «Тишайшаго царя» и всему его народу: восемь лѣтъ молился въ киркѣ сперва за германскихъ князей, а потомъ за русскаго царя и неоднократно обзывалъ русскихъ варварами; между тѣмъ партія Баумана обвинена была въ жестокой расправѣ съ противниками, напр. лейтенантъ Метцъ ворвался въ домъ пастора Фокеродта, обругалъ и избилъ его и его жену, и кромѣ того, Бауману вмѣнено въ вину и то, что безъ дозволенія русскаго правительства онъ поручилъ Григори собирать пожертвованія за границею въ пользу общины и написалъ черезчуръ преувеличивающее ея бѣдность посланіе. По этимъ причинамъ царь и бояре, указомъ отъ 22 декабря 1668 года, «повелѣли пасторомъ при богомольной хороминѣ (второй общины) оставаться Фокеродту, церковь, построенную генераломъ, перенести на другое мѣсто и при ней пасторомъ состоять Григори» [85]). Бауманъ пробовалъ аппелировать противъ этого рѣшенія; но, въ февралѣ 1669 года, долженъ былъ перенести кирку въ свой садъ [86]). Оставшаяся безъ церкви община немедленно построила новую кирку, саксонская же община сгруппировалась около новой церкви, построенной или перенесенной Бауманомъ, и отдѣлилась отъ второй общины. Въ 1670 году Бауманъ оставилъ русскую службу и уѣхалъ въ Германію, пожертвовавъ новой общинѣ церковь и мѣсто, которое принадлежало послѣдней и частію котораго прежде владѣлъ живописецъ Петръ Инглисъ и потомъ уступилъ подъ кирку. Чтобы упрочить за собою обладаніе пожертвованною мѣстностію и церковію, стоящіе во главѣ общины «полковники, полуполковники, маіоры, ротмистры и всѣхъ чиновъ иноземцы 17 декабря 178 (1670) года,

били челомъ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу: учинился-де споръ между ними объ мѣстѣ, на которомъ стояла прежде сего кирка и съ того мѣста тую кирку они свезли и поставили на иное мѣсто, а тѣмъ мѣстомъ поступился имъ, гдѣ кирка поставлена, енералъ Николий Бовманъ да живописецъ Петръ Инглисъ: и Великій Государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ то мѣсто подъ кирку справить и дать имъ данную»... Государь 13 января 178 года повелѣлъ «тому мѣсту быть подъ киркою и дать имъ на то мѣсто данную.... Мѣсто это, длиною въ 48 саженъ, шириною въ 15, простиралось вдоль отъ переулка подлѣ двора енерала Баумана до двора майора Каменскаго [87]). —

На новомъ мѣстѣ, среди садовъ и цвѣтовъ церковь саксонская, цвѣла и красовалась, по выраженію Баумана, какъ прекрасный цвѣтокъ тюльпана. Община ея, какъ и двѣ другія лютеранскія общины, не отличалась чистотою нравовъ; между неуспѣвшими еще сплотиться членами ея, какъ и между всѣми другими протестантами, лицами разныхъ національностей, по большей части авантюристами, происходили, попрежнему, ссоры, вражда; но они болѣе не дозволяли себѣ личнаго самоуправства, искали защиты и расправы въ русскихъ судахъ; въ ихъ поведеніи небыло болѣе ничего, оскорбительнаго для чести русскаго правительства и народа; пасторъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ и «учтивствомъ молился за покровительствовавшую имъ предержащую власть», и на нихъ снова полились милости и благоволеніе царя. Подъ новымъ покровительствомъ русскаго правительства и при щедрыхъ пожертвованіяхъ саксонскаго герцога, саксонская община скоро и прочно устроилась и также процвѣтала, какъ все цвѣло вокругъ ея святыни-церкви. Ея достойный представитель, пасторъ Григори вошелъ въ особенную милость и довѣріе самого государя, и ему поручено было воспитаніе 26 русскихъ избранныхъ юношей, отданныхъ въ его школу для обученія театральному искусству [88]). Въ 1675 году пасторъ Григори скончался. Съ просьбою о назначеніи новаго пастора церковный коллегіумъ (чрезъ пятерыхъ своихъ депутатовъ) обратился къ Богословскому факультету въ Кенигсбергъ; но предварительно испросилъ на то согласіе у русскаго правительства. Кандидатъ Петръ Ранъ, испытанный въ знаніи священнаго Писанія и прочихъ наукъ, посвященный въ званіе пастора придворнымъ проповѣдникомъ курфюрста Христіаномъ Дрейеромъ, былъ присланъ въ Москву спустя три года по смерти Григори [89]). Пасторъ Ранъ въ короткое время пріобрѣлъ любовь и уваженіе паствы, довѣріе и благоволеніе правительства и еще болѣе улучшилъ благосостояніе общины. Но этимъ возбудилъ къ себѣ зависть представителей двухъ другихъ лютеранскихъ общинъ Фадемрехта и Фокеродта. Послѣдніе оклеветали его въ приверженности къ синкретическому ученію (въ смыслѣ безразличія христіан-

скихъ исповѣданій) и просили кенигсбергскаго проповѣдника Дамма поддержать ихъ обвиненіе; но Даммъ напротивъ далъ самые лучшіе отзывы о его правовѣріи и благонамѣренности [90]). Вообще мелкая зависть и вражда пасторовъ, буйные раздоры паствы съ паствою, враждебныя и презрительныя отношенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ протестантовъ къ рускому правительству и народу—вотъ причины тѣхъ стѣсненій, какимъ иногда подвергались отъ правительства ихъ общины и церкви. Руское правительство, хотя и вступалось за свои права и честь народа, но въ то же время дѣлало все, что нужно, для подавленія ихъ пагубныхъ раздоровъ, для поддержанія и улучшенія благосостоянія ихъ общинъ. Особенно нужно сказать это о дѣйствіяхъ правительства въ послѣдніе годы Алексѣя Михайловича.

Въ концѣ его царствованія правительство, вопроки прежнимъ своимъ распоряженіямъ, селило болѣе знатныхъ и богатыхъ нѣмцевъ внутри столицы. Рейтенфельсъ въ 1672 году писалъ, что въ самомъ Китаѣ-городѣ построены были три большія каменныя зданія, въ которыхъ иностранные купцы имѣли пристанище для себя и обширные склады для товаровъ [91]). Вслѣдствіе вѣчнаго мира Россіи съ Швеціей (12 іюня 1662 г.), шведскимъ купцамъ дозволено строить торговые домы нетолько въ Москвѣ, но и въ Новгородѣ, Псковѣ, Переяславлѣ, Бѣлгородѣ, «и въ тѣхъ дворѣхъ предоставлено имъ править ихъ Божію службу по своей вѣрѣ, въ самыхъ своихъ избахъ и каморкахъ, а инде въ именованныхъ городахъ по ихъ вѣрѣ новыхъ церквей не строить» [92]). На жилѣзныхъ, литейныхъ и др. заводахъ и разныхъ мастерскихъ и факторіяхъ, устроенныхъ близъ Москвы, Тулы и пр., также появляются молельни или домашнія церкви и при нихъ проповѣдники и общины. Напр. Петръ Марселисъ и Акимъ Тильманъ содержали реформатскихъ проповѣдниковъ на своихъ желѣзныхъ заводахъ [93]). Получая всѣ щедрое вознагражденіе, отъ перваго техника и хозяина до послѣдняго чернорабочаго и прислуги, и составляя изъ себя болѣе или менѣе многолюдныя общества, они доставляли богатое содержаніе пасторамъ [94]). Внутреннее состояніе образовавшихся такимъ образомъ общинъ намъ не извѣстно; но внѣшнее, насколько оно зависѣло отъ щедрости и благоволенія русскаго правительства, было вполнѣ обезпечено и благоустроено: всего яснѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ фактъ, что къ концу царствованія Алексѣя Михайловича художники и негоціанты разсѣялись по всѣмъ болѣе или менѣе многолюднымъ центрамъ московскаго государства, такъ что въ 1673 г. всѣхъ нѣмцевъ, жившихъ въ Россіи, было по вычисленію Рейтенфельса не менѣе 18,000 [95]).

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, въ правленіе Софіи и въ началѣ царствованія Петра Великаго (отъ 1675—1790): число иноземцевъ въ Россіи, какъ и прежде, все увеличивалось и конецъ вѣка

въ этомъ отношеніи служитъ наилучшимъ завершеніемъ предшествовавшаго времени. Какъ много было ихъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, можно судить потому, что въ составѣ русской арміи находилось уже 38 полковъ солдатскихъ и 25 полковъ рейтарскихъ, подъ начальствомъ преимущественно иноземныхъ офицеровъ [96]). И, всѣ военнаго и шляхетскаго чина, а равно и торговые люди, которые были-бъ вѣры римской, въ московское государство (вплоть до 1689 года) не пріѣзжали по приглашенію, а которые и были немногіе, тѣ сами пріѣзжали» [97]). О щедромъ благоволеніи Ѳеодора Алексѣевича къ иноземцамъ свидѣтельствуютъ многіе наши акты, и иностранныя извѣстія [98]). Отъ временъ Софіи сохранилась слѣдующая замѣчательная грамота —отъ 21 января 1689 года: «королевское величество французской земли учалъ ближнихъ и иныхъ людей неволить въ евангелической вѣрѣ, многихъ смерти предалъ и, разлучивъ мужей съ женами, держалъ всѣхъ въ крѣпяхъ, а которые получили свободу, бѣжали въ разныя окрестныя государства. Многіе выгнанцы евангелическія вѣры ѣхали къ рубежамъ и въ наше Велико-Россійское царствіе, и въ нашу царскаго величества службу приняты и пожалованы нашимъ царскаго величества призрѣніемъ, по оказываемой ихъ службѣ и по породѣ, и по сану, и по чести ихъ [99]). Дѣло въ томъ, что въ самой либеральной и просвѣщенной странѣ, для всей Европы бывшей законодательницею моды, языка; науки, и искусства, при государѣ самомъ мудромъ и славномъ, который былъ дивомъ и оракуломъ своего вѣка,—(при Людовикѣ XIV) хотѣли искоренить послѣдній остатокъ гугенотовъ (состоявшій изъ одного милліона). Рядомъ съ духовными миссіонерами снаряжены были въ миссіонеры и полки драгунъ, которые, разсыпавшись по домамъ гугенотовъ, мечемъ и истязаніями обращали ихъ въ католичество (Драгонадская мѣра и отмѣна Нантскаго эдикта въ 1685 г.). Затѣмъ, имъ воспрещено было публичное отправленіе богослуженія, школы ихъ были закрыты, пасторы изгнаны; начались ссылки въ галеры, конфискаціи имущества, и десятки тысячъ несчастныхъ протестантовъ бѣжали въ Англію, Голландію и Бранденбургію. Толпа эмигрантовъ, при посредствѣ бранденбургскаго курфюрста, пробралась и въ Россію, и здѣсь они не только получили полную свободу въ отправленіи богослуженія, но, какъ гугеноты и лифонцы во времена Годунова, вознаграждены были за всѣ потери и лишенія, какія потерпѣли они въ собственномъ отечествѣ, нашли полное признаніе и обезпеченіе ихъ правъ личныхъ и имущественныхъ, и жили такъ богато и счастливо, какъ никогда въ собственномъ отечествѣ.— Между тѣмъ въ старомъ протестантскомъ мірѣ на Москвѣ ссоры и смуты не утихали; іезуиты въ своихъ видахъ старались поддерживать ихъ. Къ тому же Янъ Бѣлободскій и Квиринъ Кульманъ, увлекшіе за собою и нѣсколько русскихъ, сильно взволновали народъ и обезпокоили пра-

вительство. Въ виду этихъ прискорбныхъ событій 29 октября 1689 г. изданъ былъ указъ: «пускать иностранцевъ въ Россію неиначе, какъ послѣ строгихъ распросовъ [100]); а въ Москву пропускать ихъ безъ великаго государя указа отнюдь не велѣно [101]).—Не смотря на всѣ оклики и разспросы, иноземное, преимущественно нѣмецко-протестантское движеніе дѣлало сильный напоръ на окраины русскія. И, видно, хорошо имъ было на Руси, когда, не смотря ни на какія преграды, они стучатся, ломятся въ двери (окраины Россіи). Но вотъ, при Петрѣ, широко растворились для нихъ двери; прошенные и непрошенные они толпами шли къ намъ. Благоволеніе Петра къ протестантамъ — фактъ, слишкомъ общеизвѣстный, чтобъ распространяться о немъ. И прежде они находили въ Россіи такую свободу вѣры, такія права гражданства, обладали такими привиллегіями и выгодами общежитія, какими они не пользовались въ собственномъ отечествѣ: теперь же, при Петрѣ, Россія сдѣлалась навсегда ихъ новымъ отечествомъ. При Петрѣ протестантизмъ пользовался нетолько полною религіозною свободою, но и личнымъ высокимъ его покровительствомъ. Гонитель суевѣрій и расколовъ онъ иногда посѣщалъ кирки въ дни богослужебные и, какъ видно изъ одной Gesangbuch, самъ пѣлъ тамъ церковныя пѣсни; былъ нерѣдко воспріемникомъ при крещеніи дѣтей у нѣмцевъ [102]).

Въ судьбѣ церквей и общинъ въ царствованіи Ѳедора, Софіи и Петра произошла значительная перемѣна. Въ 1690 году, когда въ иноземномъ приказѣ поднялся вопросъ о данныхъ на принадлежащія киркамъ земли, депутаты отъ трехъ общинъ, полковники: Юрій Фалиндинъ, Василій Швартъ, Юрій Литензонъ представили требуемыя отъ ихъ церквей данныя [103]), а одна церковь не выслала отъ себя депутата и оставалась уже безъ общины. Эта церковь, нужно полагать, была офицерская, основанная въ 1661 году и вновь построенная въ 1670 г.: не имѣя постоянныхъ, осѣдлыхъ прихожанъ, а лишь однихъ военныхъ, она долго не могла продолжать свое отдѣльное, самостоятельное существованіе; по смерти перваго же ея пастора Факеродта, случившейся въ 1688 году, община ея не вызывала уже къ себѣ новаго проповѣдника; но вмѣстѣ съ своею церковію она, должно быть, присоединилась къ (примыкавшей нѣкогда къ ней, но потомъ отдѣлившейся отъ нея) саксонской общинѣ [104]). Итакъ, при трехъ лютеранскихъ храмахъ, опять стало два прихода — старый и новый и, кромѣ того, существовала по прежнему одна реформатская церковь и община. При увеличившемся благосостояніи общинъ, каждая изъ нихъ къ концу вѣка имѣла каменный храмъ. Старая лютеранская община первая построила каменную церковь (въ 1684 г.). Наиболѣе пожертвованій сдѣлали при этомъ гамбургскіе купцы, принадлежавшіе къ той же общинѣ [105]). Въ 18 столѣтіи эта церковь подвергалась частымъ пожарамъ и потому наруж-

ный видъ, размѣры, внутреннее устройство ея остались неизвѣстны. Около 1690 года доктора, переводчики, купцы и ремесленники, принадлежавшіе ко второй лютеранской общинѣ, испросили у царя Петра Алексѣевича позволеніе сломать обветшавшую деревянную ихъ церковь и на мѣстѣ ея построить новую каменную, а для предотвращенія пререканій и споровъ,—выдать имъ жалованную грамоту [106]). Наконецъ въ 1695 г. и реформатская община построила у себя каменную церковь. Задумавъ стройку, община отправила двухъ депутатовъ въ Голландію въ надеждѣ получить богатый сборъ отъ всѣхъ штатовъ или сословій. Но бургомистръ Амстердама Николай Витзенъ, вмѣсто денежныхъ пожертвованій отъ города, далъ имъ свой гербъ съ надписью: «Labor omnia vincit» и приказалъ имъ, по возвращеніи въ Москву, поставить его на дверяхъ церковной паперти. Въ самой реформатской общинѣ на Москвѣ было немало зажиточныхъ членовъ, но они также очень нещедры были на пожертвованія [107]). Но чего не могла добиться община ни отъ своихъ членовъ, ни отъ заграничныхъ единовѣрцевъ, то съ избыткомъ получила отъ щедротъ русскаго царя. Неизвѣстный авторъ изданной въ 1717 г. книги: «Religion der Moscoviter oder ausführliche Beschreibung ihrer Glauben, Sitten, Gebräuche und Ceremonien» говоритъ, что «нынѣ царствующій Петръ Алексѣевичъ, дозволивъ реформатамъ перестроить церковь, приказалъ отпустить имъ камни и кирпичи [108]); а Гротъ и Далтонъ полагаютъ, что Петръ совершенно на свой счетъ построилъ кирку и что къ этому вѣроятно расположили его, извѣстные своимъ вліяніемъ на него, придворный переводчикъ Григори, сынъ пастора Григори, и гоффрейлина Монсъ: для послѣдней Петръ еще прежде построилъ близъ кирки деревянный домъ, гдѣ она обыкновенно останавливалась (съ вечера субботы до полудня воскресенья) когда пріѣзжала въ церковь. По словамъ тѣхъ же писателей, Петръ положилъ первый камень при закладкѣ церкви и присутствовалъ при ея освященіи. Безпредѣльно признательные реформаты хотѣли-было назвать свою кирку Петровскою; но православный царь не соизволилъ дать свое имя иновѣрческой церкви, она называлась новою церковію или новою обѣднею [109]). Далтонъ и Гротъ описываютъ размѣры, внѣшній и внутренній видъ новой реформатской церкви, хотя къ сожалѣнію нѣсколько разнорѣчатъ между собою, и примирить ихъ, за недостаткомъ другихъ свѣдѣній, нѣтъ возможности. По словамъ Далтона, вновь построенная церковь имѣла 8 саженей длины, $5^1/_2$ ширины и сѣдалища для 200 лицъ; по описанію Грота длиною она была въ 17 саженей, шириною въ 9 саж. и 1 арш. и свободно могла вмѣщать отъ 550 до 580 человѣкъ. У того и другаго писателя она имѣетъ видъ куполообразный, стиль изящный, оконъ большихъ 18. Внутри ея первое вниманіе обращалъ на себя небольшой алтарикъ. Съ правой стороны алтаря стояли

стулья для придворныхъ дамъ, генералові и высшихъ военноначальниковъ, съ лѣвой — стулья для старѣйшинъ и предстоятеля общины; надъ ними гозвышалась каѳедра съ сѣдалищемъ для проповѣдника. Всѣ стулья, равно и подножіе ихъ (полъ подъ ними) обиты были краснымъ сукномъ. Далѣе отъ одной продольной стѣны къ другой тянулись длинные ряды скамеекъ (die Reihen von Stuhlbänken), а посреди ихъ былъ проходъ для трехъ или четырехъ лицъ въ рядъ. Для привиллегированныхъ особъ изъ обычной публики стояло вдоль стѣны четыре стула. На задней, противоположной къ алтарю стѣнѣ висѣли хоры, длиною во всю ширину стѣны. На хорахъ стоялъ органъ и помѣщались пѣвцы изъ питомцевъ школы. Четыре маленькія окна пропускали свѣтъ на хоры. Въ сѣняхъ или паперти церковной были двѣ, возвышающіяся въ видѣ свода, комнаты, предназначенныя для храненія церковныхъ вещей [110]). У самой церкви, одновременно съ нею, построены были новыя каменныя зданія для пастора и школы [111]). Школа переведена была сюда пасторомъ Глюкомъ съ покровки и извѣстна была подъ именемъ первоначальной гимназіи [112]). Проповѣдниковъ при новой церкви было со времени Лефорта два. — Всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ своимъ благоустройствомъ, всѣми, можно сказать, роскошными помѣщеніями для проповѣдниковъ и школы реформатская кирка обязана отчасти тому же Лефорту, а болѣе—царственному его другу Петру [113]).

Въ благодѣтельное для протестантовъ царствованіе Петра, тамъ, гдѣ прежде были лишь общины и вмѣсто церквей «клѣти и каморки», воздвигаются открытыя для всѣхъ общественныя церкви, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вновь учреждаются общины и строятся кирки. Авторъ «Religion der Moscoviter» въ 1717 г. писалъ: въ нѣмецкихъ рудникахъ и желѣзныхъ заводахъ, которые почти на восемь миль отстаятъ отъ Москвы (и въ которыхъ мы видѣли прежде одну общину) реформаты и лютеране имѣютъ свои отдѣльныя церкви (двѣ) и школы. Но ни на лютеранской, ни на реформатской церкви не дозволяютъ ставить ни деревяннаго ни металлическаго креста, а велѣно изображать его лишь на холстѣ [114]). Въ Тулѣ, Казани и Новгородѣ, гдѣ были однѣ общины съ временными проповѣдниками, являются кирки и постоянные проповѣдники [115]). Въ Воронежѣ, гдѣ не было ни общины, ни церкви, у поселенныхъ тамъ Петромъ нѣмцевъ, голландцевъ, англичанъ, корабельныхъ мастеровъ, плотниковъ и матросовъ видимъ (на Нѣмецкой улицѣ) двѣ лютеранскія церкви съ учеными пасторами [116]).

Представленный нами внѣшній очеркъ возникновенія и распространенія протестантскихъ церквей нельзя закончить опредѣленнымъ категорическимъ заключеніемъ. По оффиціальнымъ даннымъ, подтверждаемымъ иностранными извѣстіями, въ Москвѣ, при четырехъ протестантскихъ церквахъ, было три общины. Но сколько церквей и общинъ находилось

въ окрестностяхъ Москвы, на заводахъ, рудникахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ мѣстностяхъ внутри Россіи и каково было внѣшнее и внутреннее состояніе этихъ общинъ, на эти вопросы нельзя дать даже предположительныхъ отвѣтовъ. Какъ много протестантовъ жило въ Россіи въ концѣ вѣка, на это можно отвѣчать лишь съ приблизительною точностію. Если въ сороковыхъ годахъ 17 столѣтія было въ Москвѣ до 1000 протестантскихъ семействъ, въ 1673 во всей Россіи до 18,000 человѣкъ, то судя по приливу иноземцевъ, какой видимъ въ послѣднюю четверть вѣка и по множеству видныхъ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ это время на государственной службѣ, можно полагать, что въ концѣ вѣка во всей Россіи было около 30,000, а въ Москвѣ около 20,000 человѣкъ. Въ Москвѣ такое именно число можно предполагать и по количеству нѣмецкихъ кладбищъ, которыхъ въ концѣ вѣка было четыре [117]).

О внутренней организаціи общинъ, даже наиболѣе многолюдныхъ и благоустроенныхъ изъ нихъ — московскихъ лютеранскихъ, о проповѣдникахъ послѣднихъ извѣстно очень немного. Бушингъ и Гротъ отзываются, что проповѣдники были одинъ другаго умнѣе, образованнѣе, краснорѣчивѣе; образованіе свое получили большею частію въ университетахъ: кенигсбергскомъ, виттенбергскомъ, и дрезденскомъ. Многіе были весьма ревностны въ исполненіи своихъ многотрудныхъ обязанностей; по воскреснымъ днямъ говорили по 3 и по 4 проповѣди и въ концѣ 17-го вѣка появляются особые проповѣдники: утренніе, дневные и вечерніе; многіе изъ нихъ были милостивы и благотворительны до самоотверженія [118]). Изъ наиболѣе ученыхъ пасторовъ, кромѣ неоднократно упомянутыхъ нами Виттермана, Бэра, Григори и Рана, слѣдуетъ назвать Александра Юнгера, весьма ревностнаго и способнаго проповѣдника и попечительнаго о пользѣ душъ пастыря, Бартольда Вагеція, который былъ ученикомъ и учителемъ въ Виттенбергѣ, состоялъ членомъ учрежденнаго Цезеномъ ученаго общества и пользовался извѣстностью за сочиненіе, (до насъ впрочемъ недошедшее) de dogmatibus religionis Graecae, и наконецъ Бурхарда Винцеліуса, сочиненія котораго вошли въ ученый лексиконъ Reche — Напьерскаго. Три послѣдніе пастора состояли на службѣ въ концѣ 17 вѣка при старой московской общинѣ [119]). Главное затрудненіе при исполненіи пасторами своего долга Бушингъ находилъ въ томъ, что въ этомъ необычайно обширномъ городѣ нѣмцы жили далеко и разрозненно другъ отъ друга, такъ что пасторы должны были предпринимать путешествія за 20, 30 и даже за 40 верстъ, чтобы посѣтить двухъ-трехъ больныхъ и исполнить другія пастырскія обязанности [120]). Внѣшнее, матеріальное ихъ состояніе такъ было обезпечено, что они вполнѣ могли отдаться своему долгу. Брандъ, сопровождавшій посольство бранденбургскаго курфюрста въ

1673 году и извѣстный намъ Таннеръ говорятъ, что пасторы получали жалованье отъ русскаго правительства, лютеранскіе—по 400 рублей въ годъ, реформатскіе по 500. Но изъ нашихъ русскихъ актовъ этого не видно; да это и не въ духѣ того времени и тогдашней вѣротерпимости [121]). Всего вѣроятнѣе, они содержались на счетъ своихъ прихожанъ. Значительныя субсидіи шли имъ на содержаніе церквей и школъ отъ заграничныхъ ихъ патроновъ. Саксонскій герцогъ Ернстъ благочестивый присылалъ ежегодно дары для саксонской лютеранской церкви въ Москвѣ [122]).

Богослужебные порядки и книги (агенды) московскія протестантскія общины заимствовали каждая изъ своего Vaterland, откуда онѣ получали проповѣдниковъ и пожертвованія и куда обращались для разрѣшенія своихъ недоумѣній, споровъ, старая лютеранская община — изъ Гамбурга, новая — изъ Кенигсберга, бывшая Саксонская изъ — Дрездена, реформатская изъ—Амстердама. Въ лютеранскихъ церквахъ богослуженіе совершалось на нѣмецкомъ языкѣ, въ реформатскихъ — на голландскомъ. Предоставляя протестантамъ полную религіозную свободу, русское правительство не имѣло никакого дозора за отправленіемъ ихъ богослуженія, не предпринимало никакихъ мѣръ для охраненія внѣшняго благочинія въ киркахъ и чуждо было всякаго вмѣшательства въ дѣла совѣсти и культа. Въ случаѣ призыва новаго проповѣдника, община давала знать о томъ русскимъ властямъ; но на самый выборъ онѣ не имѣли никакого вліянія [123]).

Пользуясь полною свободою въ отправленіи богослуженія, протестанты пользовались правомъ внутренняго самоуправленія. Какъ члены государства, они во всѣхъ явленіяхъ общественной жизни подчинены были однимъ законамъ съ русскими и выдѣлялись изъ общей массы населенія лишь въ томъ, что, по уложенію Алексѣя Михайловича, не имѣли права покупать у русскихъ дворы и дворовыя мѣста въ Китаѣ-городѣ, въ бѣломъ и земляномъ городахъ [124]). Внутренними же дѣлами, касавшимися церквей, школъ и пр., они распоряжались сами съ полною автономіею. Общею для всѣхъ общинъ формою правленія были церковные коллегіумы; но составъ ихъ въ различныхъ мѣстахъ и даже въ разныхъ общинахъ одной и той же Москвы былъ различенъ. Въ большей части общинъ коллегіумы состояли: а) изъ президента, должность котораго предоставлялась лицу, имѣвшему наибольшій вѣсъ и значеніе въ обществѣ; б) засѣдателя, или, что тоже, попечителя общества, а по инымъ надзирателя, мѣсто котораго занималъ пасторъ или патронъ; в) нѣсколькихъ старшинъ или церковныхъ старостъ. Иногда, напримѣръ, въ саксонско-московской лютеранской общинѣ, также въ Архангельскѣ и Астрахани церковный конвентъ или коллегіумъ составляли: патронъ, который былъ президентомъ, старшины и надзира-

тели (Vorsteher), которые вмѣстѣ съ пасторами были засѣдателями или товарищами предсѣдателя (Beisitzer)[125]. Всѣ они выбираемы были своею общиною на неопредѣленное время сперва въ низшія должности, потомъ въ высшія и т. д.; въ одно время ихъ было болѣе, въ другое — менѣе. Кругъ правъ и обязанностей церковныхъ коллегіумовъ былъ обширенъ: они завѣдывали всѣми церковными дѣлами, рѣшали брачныя дѣла, наказывали недостойныхъ членовъ общины. Въ свою очередь коллегіумы подлежали контролю уполномочившихъ ихъ общинъ. Всѣ члены общины одинъ разъ въ годъ сходились на общее собраніе (въ домѣ пастора), гдѣ совѣщались объ улучшеніи благосостоянія церкви и школы, о введеніи въ нихъ какихъ либо преобразованій, провѣряли церковныя суммы, избирали новыхъ членовъ коллегіумовъ, рѣшали жалобы, кѣмъ бы онѣ ни были приносимы изъ общества[126]. Русская церковная власть не позволяла себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства во внутреннее управленіе общинъ, хотя сами протестанты иногда искали у нея суда. Такъ въ 1673 году лютеране представили на разрѣшеніе патріарха дѣло о двоеженствѣ одного датчанина, но патріархъ отвѣчалъ имъ, что это дѣло не подлежитъ его суду[127].

И такъ и до Петра Великаго всѣ князья и цари наши не только предоставляли протестантамъ право внутренняго самоуправленія и полную богослужебную свободу, но и ласкали, жаловали ихъ и обезпечивали имъ полное матеріальное довольство. Съ внѣшней стороны эта вѣротерпимость была очень благосклонная и щедрая, заслуживавшая полнаго одобренія безпристрастныхъ иностранцевъ, а въ русскихъ возбуждавшая даже ропотъ и жалобы[128]. Но по внутреннему характеру, по мотивамъ и цѣлямъ своимъ, вѣротерпимость въ древней Руси была не совсѣмъ чиста и искрення. Для возможно полной и правильной оцѣнки ея необходимо нѣкоторое разъясненіе. Главными мотивами этой вѣротерпимости были разсчеты политики, выгоды государственнаго образованія, которыя Россія хотѣла извлечь изъ призыва и водворенія у себя иностранцевъ, такъ чтобы и имъ и намъ было хорошо. Большею частію вѣротерпимость эта была, такъ сказать, выговоренная, условленная, законтрактованная, такъ какъ содѣйствіе въ развитіи культуры оказывалось намъ иностранцами не иначе, какъ подъ условіемъ религіознаго и гражданскаго покровительства ихъ въ Россіи. Любопытно, какъ тонко и осторожно, но вмѣстѣ твердо и рѣшительно высказано это условіе въ письмѣ курфюрста саксонскаго Іоанна Георга къ царю Алексѣю Михайловичу, написанномъ въ 1668 г. по поводу отправленія въ Россію (съ пасторомъ Григори) извѣстныхъ техниковъ. «Намъ весьма пріятно, что Ваше Величество оказываете благорасположеніе къ германско-евангелической церкви въ Россіи и милостиво соизволяете на построеніе нашего жертвенника и алтаря. И мы надѣемся, что Ваша

Свѣтлость постоянно будетъ оказывать всещедрое покровительство и любовь этимъ, разсѣяннымъ по обширнѣйшимъ Вашимъ владѣніямъ, послѣдователямъ нашего исповѣданія и въ особенности возвращающемуся подъ скипетръ Вашъ пастору Іоанну Готфриди Григори, что конечно послужитъ не менѣе къ возвеличенію славнаго правленія Вашего, какъ и къ строенію государства и къ распространенію славы Божіей даже до послѣднихъ земли, среди отдаленнѣйшихъ племенъ и временъ. Ради самого Бога и Его святѣйшаго имени, мы еще и еще поручаемъ неизмѣнной Вашей любви и покровительству это общество, которое возноситъ искреннія мольбы о здравіи и благополучіи Вашего Величества и мужественно сражается за алтари и жертвенники Ваши». Далѣе курфюрстъ выговариваетъ свободный пропускъ отправленнымъ мастерамъ, какъ въ Россію, такъ и обратно, щедрое вспомоществованіе имъ въ отдаленномъ пути и проч.[129]). Подобныя же условія предъявляли европейскія правительства при каждомъ отправленіи въ Россію знающихъ людей[130]). Выговоренная такимъ образомъ вѣротерпимость неизбѣжно облекалась у насъ въ юридическую форму; религіозныя учрежденія протестантовъ пользовались правомъ неприкосновенности, узаконялись и юридически гарантировались гражданскія и общественныя права ихъ, и оказываемое имъ покровительство было дѣломъ не одной только милости и расположенія царя, но и требованіемъ положительнаго права и закона[131]). Но это не значитъ, чтобы у насъ была дѣйствительно та свобода совѣсти и терпимость, которыя основываются на уваженіи свободы личности человѣка, на признаніи ея братства и равноправности въ дѣлахъ вѣры. Христіанское человѣколюбіе учило русскаго человѣка быть добрымъ и услужливымъ по отношенію ко всѣмъ его ближнимъ, какой бы вѣры кто ни былъ; но тутъ онъ руководствовался высшими, придуманными побужденіями, искусственно составленными комбинаціями, а непосредственное чувство, внутреннее чутье говорило ему, что быть добрымъ и ласковымъ къ иновѣрцу, сердечно и искренно расположеннымъ къ нему—опасно, заразительно для русскаго благочестія, потому что иновѣръ — нечистъ, нехристь, и потому между православнымъ русскимъ и всякимъ иновѣрцемъ, не исключая протестанта, лежала преграда, рознь, предубѣжденіе, которыя мѣшали тѣсному ихъ сближенію, довѣрчивому обмѣну ихъ мыслей и чувствъ. Такое внутреннее, затаенное въ душѣ, отчужденіе русскаго народа отъ протестантовъ, какъ отъ чего-то нечистаго, пагубнаго, сказалось въ томъ, что онъ хочетъ загнать ихъ въ нечистый Кукуй, на поганый прудъ и вообще куда нибудь дальше съ глазъ, и, если правительство поселяетъ ихъ съ ихъ церквами въ городѣ, окружаетъ ихъ жизнь всѣми удобствами, простираетъ на нихъ покровительство законовъ, то это — вопреки настроенію народныхъ массъ, не въ духѣ русской православной громады. Мы уже

не говоримъ о тѣхъ кличкахъ и насмѣшкахъ, напримѣръ — «нѣмецъ, шишь на Кукуй», которыми старый и малый встрѣчали и провожали нѣмца, забредшаго въ центръ города, и противъ которыхъ правительству нужно было вооружаться указами, кнутомъ и батогами [132]). Несовсѣмъ, какъ будто, довѣряя правительственнымъ распоряженіямъ, народное религіозное чувство ревниво и подозрительно смотрѣло на нѣмцевъ-протестантовъ, постоянно сторожило за ними и, если они неосторожно затрогивали его какими нибудь нападками на православіе, нескромными отзывами объ іерархіи, оно вступало въ свои права и жестоко мстило за себя: оно требовало отъ правительства разломать всѣ ропаты и божницы или снести ихъ далеко за городъ. Характеристиченъ еще слѣдующій случай. Жена полковника Лесли заставляла служанокъ ѣсть мясо въ великій постъ, не позволяла имъ ходить въ церковь и дома молиться предъ образами, и, наконецъ, отнявъ у нихъ образа, сожгла ихъ въ печкѣ. Русское правительство лишило преступницу ея помѣстья, но оскорбленное религіозное чувство народа не удовлетворилось: не разбирая праваго и виноватаго, оно нашло нѣмцевъ и въ Кукуѣ; толпа выбросила изъ нѣмецкихъ кирокъ алтари и проповѣдническія каѳедры и сняла даже крыши [133]). Сами русскіе государи вплоть до Петра, по возможности сближаясь съ иновѣрцами въ дѣлѣ развитія культуры, допуская вѣротерпимость въ интересахъ культурныхъ политическихъ, какъ можно дальше становились отъ нихъ въ религіозномъ отношеніи: считали грѣхомъ перекреститься при видѣ нѣмецкой ропаты, а тѣмъ болѣе войти въ нее. И только со временъ Петра начинается новая эпоха вѣротерпимости, основанной на чисто нравственныхъ мотивахъ — на свободномъ и ясномъ сознаніи, на сердечной благорасположенности государя. Впрочемъ, изъ какихъ бы мотивовъ ни вытекала вѣротерпимость въ древней Россіи, но и тогда протестанты пользовались у насъ большею религіозною свободою и занимали лучшее гражданское положеніе, чѣмъ въ западной католической Европѣ [134]).

Вѣротерпимостію и всѣми благопріятными условіями для своего развитія пользовались не центральныя только общины протестантовъ, но и образовавшіяся въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, не тѣ только, которыя были на глазахъ высшихъ властей, но и удаленныя отъ ихъ попечительныхъ взоровъ.

Протестантскія общины на окраинахъ Россіи.

Объ общинахъ, появившихся въ концѣ 17 вѣка на сѣверныхъ окраинахъ Россіи: Петрозаводскѣ, или, какъ выражается Бушингъ, въ Олонецкѣ Петровскомъ, Ново-Павловскѣ и пр., извѣстно лишь то, что онѣ тамъ были, существовали. Нѣсколько извѣстій сохранилось объ обществахъ, основанныхъ протестантами на двухъ крайнихъ оконечностяхъ Россіи: въ Астрахани и Архангельскѣ[135]). На нихъ и остановимся на короткое время.

Пока Архангельскъ (до основанія Петербурга) былъ главнымъ внѣшнимъ (коммерческимъ) портомъ въ Россіи, въ немъ всегда много было иностранцевъ. Каждое лѣто сюда пріѣзжало множество иностранныхъ купцовъ, которые жили здѣсь, пока могли расторговаться, мѣсяца по четыре и болѣе. Кромѣ этихъ временныхъ иностранцевъ, немало было постоянныхъ, осѣдлыхъ. Голландцы реформатскаго исповѣданія населяли особую большую улицу. Нѣмцы лютеранскаго исповѣданія жили въ отдѣльной «нѣмецкой слободѣ» у самой Двины. Та и другая община — реформатская и лютеранская — около 1674 г. имѣли свои церкви и своихъ проповѣдниковъ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія относятся собственно къ лютеранской церкви и ея общинѣ, а реформатской касаются стороной, отчасти.

Первая лютеранская церковь основана въ Архангельскѣ на пожертвованія гамбургскихъ купцовъ, и своихъ пасторовъ получала отъ министерства гамбургскаго рейхштадта. Оттого она была извѣстна подъ именемъ гамбургской церкви. Какъ и всѣ другія церкви въ Россіи, она долгое время не имѣла ни колоколовъ, ни колокольни. Для созыва народа къ богослуженію, въ зимнее время посылали по домамъ церковныхъ служителей, которые оповѣщали, въ какомъ часу начнется служба; а въ лѣтнее время, чтобы оповѣстить о томъ купцовъ, матросовъ, которые обыкновенно стояли на якорѣ въ Двинскихъ пристаняхъ, выкидывали флагъ на церковной башнѣ. Зимою, по причинѣ чрезвычайной стужи, богослуженіе отправлялось не въ церкви, но въ теплыхъ покояхъ пастора. Краснорѣчивыя проповѣди пасторовъ оглашали этотъ отдаленный уголокъ Россіи такъ же часто, какъ это было и въ другихъ протестантскихъ общинахъ. Зимою регулярно было двѣ проповѣди въ недѣлю: въ воскресенье и среду; лѣтомъ, по причинѣ большаго стеченія слушателей, произносились всякій праздникъ двѣ проповѣди, каждый будній день по одной. Такъ какъ пасторъ былъ одинъ, то одну проповѣдь произносилъ пасторъ, другую пѣвецъ (Gesinger), который вмѣстѣ состоялъ и учителемъ церковной приходской школы. Во время семиднев-

наго приготовленія прихожанъ къ причащенію св. Таинъ, — каковое время бѣдные люди жили въ домѣ пастора, — то и дѣло говорились назидательныя рѣчи. Ни одно погребеніе, даже похороны дѣтей свыше 15 лѣтъ, не обходились безъ проповѣди. Кромѣ неутомимаго проповѣдничества, одну изъ важнѣйшихъ обязанностей пастора составляло преподаваніе Закона Божія въ церковной школѣ. Дѣтямъ онъ преподавалъ первоначальныя наставленія въ вѣрѣ каждое воскресенье вечеромъ, взрослыхъ поучалъ вѣрѣ и закону два раза въ недѣлю.

За свои ревностные труды пасторъ щедро былъ награждаемъ обществомъ. При готовомъ помѣщеніи, отопленіи и прислугѣ, онъ получалъ 300 рублей годоваго жалованья. Вдовѣ проповѣдника назначалась пожизненная пенсія по 50 рублей въ годъ. На содержаніе церкви, школы и учителя шла также значительная сумма: сверхъ процентовъ съ одного основнаго капитала и добровольныхъ пожертвованій отъ общины, гамбургскіе купцы ежегодно жертвовали на этотъ предметъ по 1000 руб. Со времени Ништадтскаго мира (1721 г.), когда многіе богатые купцы стали переселяться въ Петербургъ, архангельское лютеранское общество значительно обѣднѣло; но продолжало свое существованіе до дней Бушинга (до 1766 г.), у котораго мы и беремъ свои свѣдѣнія.

Изъ исторіи здѣшней іерархіи, если только можно назвать этимъ именемъ личный составъ пасторовъ, извѣстны лишь: перечень ихъ именъ, время вступленія на должность, перемѣщенія, смерти и пр. Минуя эти послѣднія скучныя подробности, назовемъ лишь имена проповѣдниковъ. Первымъ извѣстнымъ по имени пасторомъ былъ Лоренцъ Шредеръ, затѣмъ слѣдуютъ: Филиппъ Михаелисъ, Ланге и Зигмонтъ. Послѣдній не поладилъ съ своею общиною и былъ отрѣшенъ ею отъ должности. На его мѣсто пригласили изъ Гамбурга новаго проповѣдника Самуила Конрада, но прежній не хотѣлъ уступить. Чѣмъ кончились происшедшія отсюда пререканія, не извѣстно. Впрочемъ это единственная разладица проповѣдниковъ съ общиною. Всѣ прочіе пасторы были люди ученые, достойные, всѣми любимые: не разъ общество посылало за нихъ благодарственные адресы гамбургскому городскому управленію.

Въ исторіи архангельской лютеранской общины замѣчательны добрыя отношенія, въ которыхъ она находилась къ окружавшимъ ее обществамъ: реформатскому и православному. Съ реформатами у нея не только не видно никакихъ столкновеній, счетовъ, соперничества, зависти и вражды, какими обыкновенно переполнены взаимныя отношенія лютеранъ и реформатовъ въ другихъ мѣстностяхъ, но сохранялась тѣсная дружба и согласіе, поддерживалось полное церковно-гражданское общеніе. Напр. лютеране ходили на церковное годичное собраніе реформатовъ, реформаты къ лютеранамъ. Браки у лютеранъ съ реформатами заключались безъ малѣйшаго оскорбленія религіозныхъ традицій той или другой стороны.

Если женихъ былъ лютеранинъ, а невѣста реформатка, то, по совершеніи прокламаціи въ обѣихъ церквахъ, вѣнчаніе происходило въ лютеранской киркѣ у лютеранскаго пастора. Если же женихъ былъ реформатъ, а невѣста лютеранка, то прокламація совершалась опять въ обѣихъ церквахъ, а бракосочетаніе въ реформатской. Сыновья отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ принадлежали къ вѣрѣ отцовъ, дочери къ церкви матерей. Но можно было, по заранѣе составленному договору между брачущимися, и нѣсколько иначе дѣлить дѣтей между вѣроисповѣданіями. Отдать послѣдній долгъ человѣку другаго вѣроисповѣданія, въ случаѣ смерти, выслушать трогательную надгробную рѣчь по немъ и пролить послѣднюю слезу на его могилѣ было дѣломъ обыкновеннымъ и общепринятымъ: между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ вѣроисповѣдная рознь и вражда не утихала предъ страхомъ смерти, преслѣдовала иновѣрца и во гробѣ.

Отношенія лютеранской Архангельской общины къ тамошнему русскому обществу также не позволяютъ желать ничего лучшаго. Ея скромные члены не занимали казенныхъ чиновничьихъ мѣстъ, но промышляли, должно быть, частною торговлею. Они далеки были отъ надменныхъ цивилизаторскихъ притязаній и не только не навязывали русскимъ своихъ обычаевъ, вѣрованій, языка, но напротивъ сами усвояли русскіе обычаи и языкъ, а дѣти, привыкнувъ съ малолѣтства говорить съ прислугою и самими родителями по-русски, почти забывали нѣмецкій языкъ. Сблизившись и слившись съ русскимъ обществомъ, они не выставлялись предъ нимъ съ гордымъ сознаніемъ національнаго, интеллектуальнаго превосходства, и не позволяли себѣ того чванства, своеволія и произвола, какими непрочь были заявить себя ихъ вельможные московскіе братья. Словомъ, своимъ поведеніемъ они не возбуждали къ себѣ ни малѣйшаго подозрѣнія и недовѣрія со стороны русскаго общества и правительства, и потому пользовались полною неприкосновенностію религіозно-богослужебной свободы. Здѣсь, — не то, что въ Москвѣ, — не только не заставляли ихъ передвигать церковь съ мѣста на мѣсто, но никто не тронулъ, не пошевельнулъ и развѣвавшагося на церковной башнѣ флага. Нѣтъ нужды проникать въ сокровенныя побужденія и цѣли, какими руководилась русская политика въ предоставленіи столь широкой для того времени религіозной свободы: входила ль эта свобода въ разсчетъ воспользоваться выгодами иностранной торговли, или это былъ шагъ къ либеральной вѣротерпимости, какою ознаменовала себя русская политика со временъ Петра. Сдѣлаемъ лучше такую заключительную замѣтку. Горсть гамбургскихъ нѣмцевъ, на отдаленномъ суровомъ сѣверѣ, находитъ теплый и гостепріимный пріютъ; для высшаго безмятежнаго пристанища — для религіознаго назиданія и утѣшенія создаетъ себѣ церковь; далѣе, обзаводится порядочною школою, хорошими проповѣдниками. Ма-

теріальными средствами оно повидимому не изобилуетъ, потому что принимаетъ подачку отъ гамбургскихъ своихъ покровителей; однако-жъ, когда Петербургъ подорвалъ значеніе Архангельска, когда ей приходилось возвратиться на родину въ Голландію, она навсегда покидаетъ свою родину и переселяется въ Петербургъ. Ясное доказательство, что милостивое русское правительство на отдаленнѣйшей голодной окраинѣ такую малую общину съумѣло призрѣть, пріютить и дало ей всѣ средства хорошо устроиться извнѣ и обезпечить внутреннее свое развитіе.

Тѣ же выгоды русской государственной службы, тотъ же радушный пріемъ русскаго правительства влекли предпріимчивыхъ нѣмцевъ на другой болѣе отдаленный, но за то болѣе гостепріимный уголокъ — прикаспійскую Астрахань, и помогли быстро развиться здѣсь протестантской общинѣ. Начало этой общины довольно темно въ исторіи и нѣсколько романично. По разсказамъ Бушинга, неизвѣстный по имени, австрійскій нѣмецъ, во время войнъ Россіи съ шведами, еще отрокомъ (Knabe) захваченъ былъ въ плѣнъ, обращенъ въ православіе, постриженъ въ монашество и заброшенъ судьбою въ какой то монастырь въ Астрахани. Аскетъ затворникъ, какимъ онъ жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ, сдѣлался «мастеромъ винограднаго питейнаго дѣла»: отправляется въ Персію, вывозитъ оттуда нѣсколько сортовъ виноградныхъ лозъ, садитъ виноградникъ близъ монастыря, выдѣлываетъ вино, получающее извѣстность въ столицѣ, при дворѣ, и самый виноградникъ его поступаетъ (1613 г.) въ вѣдѣніе Великаго князя [136]). Съ тѣхъ поръ винодѣліе быстро пошло въ Астрахани, и многіе предпріимчивые его соотечественники, по вызову частныхъ лицъ и самого правительства, одинъ за другимъ стали переселяться въ Астрахань. Напр. въ 1640 г., когда самъ монахъ-винoградарь очень состарѣлся, — ему было тогда 107 лѣтъ, Астраханцы, по его совѣту, вызвали себѣ искуснѣйшаго садовника Якова Ботмана — урожденца изъ герцогства Шлезвигскаго. Это былъ второй нѣмецъ, осѣдлившійся въ Астрахани. Въ 1659 г. видимъ здѣсь (завѣдующаго царскими садами) «Нѣмчину Франціожскія земли Посказанса Подовина, который чрезъ учениковъ своихъ Куземку Иванова, Ивашку Гордѣева да Олешку Михайлова посылалъ къ царю въ 48 бочкахъ 1379 ведеръ церковнаго вина (и такъ было каждый годъ), и которому почасту приказывали воеводы, чтобы онъ учениковъ и тѣхъ людей, что даны ему для работы и навычки, — училъ питейному дѣлу съ великимъ радѣніемъ». Обученіе происходило при посредствѣ толмача Петра Лякурта, за плату, «кромѣ поденнаго корму, по шти рублевъ на мѣсяцъ» [137]). Въ 1702 г., въ царствованіе Петра, выгоды русской службы заманили въ эту даль множество морскихъ офицеровъ, шкиперовъ, кораблестроителей и торговыхъ людей [138]).

Еще до переселенія этой пестрой толпы, изъ садовниковъ и ихъ многочисленныхъ прислужниковъ, образовалась протестантская община и подъ роскошными вѣтвями винограда устроенъ былъ молитвенный домъ. Въ первой четверти 17 столѣтія юное лютеранское общество хотѣло уже построить церковь, но нигдѣ не могли найдти для ней пастора или проповѣдника. И потому должны были довольствоваться частнымъ молитвеннымъ домомъ, своею скромною кущею, стоявшею подъ сѣнію виноградниковъ, гдѣ по воскресеньямъ собирались всѣмъ обществомъ и, какъ умѣли, отправляли богослуженіе. Давно желанный проповѣдникъ, Соломонъ Перрей, прибылъ, но не на радость обществу. Нерадивый и корыстолюбивый, онъ дозволялъ себѣ большія злоупотребленія, продавалъ, какъ съ аукціону, разрѣшительныя отъ грѣховъ молитвы, говорилъ непозволительныя рѣчи, проповѣди. Голштинскій посланникъ, съ которымъ онъ прибылъ сюда въ 1636 г., собственною властію хотѣлъ отрѣшить его отъ должности, сорвавъ съ него священныя одежды. Упорный проповѣдникъ не хотѣлъ уступить; онъ продолжалъ исправлять должность и, за неимѣніемъ у себя священныхъ облаченій, отправлялъ всѣ требы, не исключая исповѣди и миссы, въ обыкновенныхъ и даже (будто бы) спальныхъ одеждахъ. Русскій воевода, при всемъ своемъ уваженіи (?) къ протестантскому богослуженію, возмущенъ былъ подобнымъ безобразіемъ и подвергъ виновника строжайшему наказанію. Въ 1638 г., по удаленіи Голштинскаго посольства изъ Астрахани, выбылъ и Соломонъ Перрей. Послѣ него, въ теченіе 63 лѣтъ, не было тамъ ни одного протестантскаго проповѣдника. 17 декабря 1701 г., по просьбѣ флотскаго капитана Іеронима Мейера и по отправленіи нарочитаго посольства изъ Астраханской общины, пріѣхалъ сюда проповѣдникъ изъ Москвы — Шаарщмидтъ, но на самое короткое время: потому что его постоянные прихожане-москвичи со слезами просили капитана привезти его обратно. Астраханскіе протестанты умоляли пастора остаться у нихъ навсегда, обѣщая ему построить церковь и домъ. Пасторъ показывалъ видъ, что онъ сильно тронутъ духовными ихъ нуждами, духовнымъ ихъ гладомъ и жаждою слова Божія, и самъ по себѣ готовъ остаться у нихъ навсегда, не смотря на совершенное отсутствіе у нихъ удобствъ жизни, но не можетъ же бросить и прежнихъ болѣе многочисленныхъ чадъ своихъ, которые такъ «плачутъ и изнываютъ по немъ». Въ концѣ августа 1702 г. его уже не стало въ Астрахани. 21 января 1703 г. онъ былъ въ Москвѣ (совершивъ свое путешествіе по Волгѣ въ 5 мѣсяцевъ).

Въ 1707 году страшная катастрофа постигла Астраханскую протестантскую общину. Всѣ колонисты, вмѣстѣ съ шведскими плѣнными, были изрублены взбунтовавшимися стрѣльцами. Остались въ живыхъ: флотскій капитанъ Бернъ и его плѣнная фрейлина. Поселенцы погибли, но ихъ жилища, преданія общины остались. И вотъ въ 1707 году во-

кругъ капитана Берна группируется новое многочисленнѣйшее лютеранское общество изъ новыхъ нѣмецкихъ переселенцевъ. Общество это годъ отъ году (до 1713 г.) становится многочисленнѣе, такъ что частный домъ, гдѣ отправлялось для него богослуженіе, оказался тѣснымъ. И потому въ томъ же 1707 г. на обширной площади построены были церковь (деревянная въ 8 саженей длины и 6 ширины), вблизи ея школа и домъ пастора; всѣ строенія обнесены деревянною оградою. Прихожанъ при этой церкви было болѣе 1000. Вскорѣ, по случаю моровой язвы и выселенія многихъ въ Москву и другіе города Россіи, Астраханская община значительно уменьшилась и состояла не болѣе какъ изъ 100 человѣкъ. Затѣмъ новая бѣда. Церковь со всѣмъ архивомъ, всѣми древностями и сочиненіями сгорѣла. Поставленная на ея мѣсто новая деревянная церковь сохранилась до нашихъ дней, заключаетъ Бушингъ (до 1766 г.).

Въ первый же годъ, по возстановленіи своемъ (въ 1707 г.), общество опять привозило къ себѣ изъ Москвы названнаго пастора Шаршмидта. Въ этотъ разъ онъ прожилъ у нихъ полтора года, много потрудился для душевнаго ихъ блага, утѣшая ихъ въ недавней скорби и поучая ихъ правой вѣрѣ. Въ 1709 г. онъ предпринялъ путешествіе за Терекъ выше Каспійскаго моря, чтобъ и тамъ насадить сѣмя слова Божія. Объ этомъ апостольскомъ (?) своемъ путешествіи онъ пишетъ: «въ этомъ году Господь благословилъ мой священный подвигъ, какъ никогда болѣе, ибо не только между нѣмцами я исполнилъ его съ великою пользою, хотя и не безъ скорбей внѣшнихъ, но благовѣствованное мною Евангеліе нашло себѣ доступъ (даже einen guten Eingang) къ грубымъ сердцамъ Армянъ, Персовъ, Татаръ и язычниковъ». Послѣ Шааршмидта на время пріѣзжалъ въ Астрахань пасторъ изъ Воронежа. Съ половины 18 вѣка были уже постоянные пасторы.

Вотъ краткая исторія возникновенія и развитія Астраханскаго лютеранскаго общества. Окинемъ ее бѣглымъ, общимъ взглядомъ. Съ перваго раза въ ней немало замѣчается поэзіи, легендарности. Какой-то австрійскій нѣмецъ, занесенный въ юности въ туманную даль на берега русскаго Каспія, укрывавшійся здѣсь отъ бурь житейскихъ подъ монашескою рясою православнаго монастыря, изъ монаха отшельника превратившійся въ винеградаря, живетъ тутъ Маѳусаловскій вѣкъ; вокругъ него цвѣтутъ виноградные сады, льются потоки вина. Но изъ мечты и поэзіи выходитъ дѣйствительность весьма важнаго политическаго и религіознаго значенія. Еще при жизни угасающаго старца потянулась въ Астрахань вереница садовниковъ, винодѣлателей и торговыхъ людей; въ краѣ закипѣло винодѣліе, развилось садоводство, разлилось изобиліе, богатство. Правительство во всемъ этомъ преслѣдовало свои выгоды; но оно призрѣло и жаловало пришлыхъ пригодныхъ для себя людей. И

вотъ они сплотились въ религіозное общество съ коллегіальнымъ управленіемъ. Высшая мѣстная наша власть, оказывавшая имъ личное и служебное покровительство, разъ, по ихъ же просьбѣ, употребила свою силу и расправу. Но во все другое время ей какъ будто и дѣла нѣтъ до того, какъ они безъ пастора, тамъ на дому, молятся и служатъ службы. Они жили здѣсь вдали отъ родины, безъ храма, безъ священника, но жилось имъ, должно быть, вполнѣ счастливо: потому что, глядя на нихъ, прибыла сюда новая фаланга: шкиперовъ, матросовъ, торговыхъ людей и т. д.; послѣ страшнаго стрѣлецкаго разгрома они, или собственно отважные соотечественники ихъ, не побоялись свить себѣ новое уютное гнѣздо у этихъ ломкихъ, опасныхъ воротъ изъ Азіи въ Европу. Подъ новымъ покровительствомъ русскихъ гражданскихъ законовъ, они въ короткое время создали себѣ церковь, пасторатъ и школу. Страшный пожаръ, истребившій всѣ церковныя зданія, архивы, книги, не угасилъ въ нихъ энергіи создать вновь всѣ эти учрежденія, община возродилась изъ пепла съ новыми силами. Снарядили экспедицію на русскихъ судахъ, и прибывшій съ нею миссіонеръ совершилъ рядъ апостольскихъ якобы путешествій, мѣсяцы и годы пробывъ въ волнахъ рѣчныхъ. Плывётъ за Каспій, и изъ этого тусклаго окна изъ Европы въ Азію — изъ Астрахани свѣтъ протестантизма разлился въ сопредѣльныхъ странахъ Азіи. Озарилъ ли или лучше ослѣпилъ ли этотъ свѣтъ кого-либо изъ рускихъ, до этого пока намъ нѣтъ нужды. Мы здѣсь имѣли въ виду показать съ одной стороны благоразуміе и дальновидность русской политики, съ другой — предпріимчивость, умъ и ловкость нѣмецкой націи, съ какими первая успѣла завлечь, а вторая — проникнуть въ непроницаемую даль (къ которой нужны были годы пути) и перенести туда свои религіозныя учрежденія, и какъ эта тонкая русская политика, преслѣдуя свои государственныя выгоды безъ существеннаго вреда для своей вѣры и церкви, предоставила своимъ пособникамъ въ дѣлѣ культурномъ всѣ внѣшнія условія, благопріятныя для развитія ихъ религіозной общины.

И такъ протестантизмъ, вмѣстѣ съ зачатками нѣмецкой культуры, прочно утвердившись въ столицѣ Россіи, проникъ, хотя въ незначительной мѣрѣ, во всѣ многолюдные промышленные центры, находившіеся въ срединѣ и на окраинахъ Россіи (въ срединѣ: въ Серпуховѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ярославлѣ, Казани, Угличѣ, Ростовѣ, Тулѣ, на окраинахъ: на сѣверѣ — въ Олонецкѣ и Архангельскѣ, на югѣ — въ Бѣлгородѣ; на сѣверозападѣ: Новгородѣ и Псковѣ; на юговостокѣ — въ Астрахани); перекрестилъ Россію по всѣмъ направленіямъ, вездѣ пользовался свободою богослуженія, правомъ гражданства, выгодами общежитія.

ОТДѢЛЪ II.

Судьбы протестантской пропаганды на Руси.

Ея возможность а) со стороны мѣстныхъ протестантовъ, б) при сходствѣ нѣкоторыхъ условій въ церковно-общественной и политической нашей жизни съ такими же условіями на западѣ и в) при доступности для нѣкоторыхъ русскихъ общаго духа и направленія протестантскаго вѣроученія — догматическаго и нравственнаго.

а) Призванные въ Россію для насажденія внѣшней гражданской культуры, для распространенія по преимуществу матеріальныхъ благъ цивилизаціи, принятые подъ покровительство русскихъ законовъ подъ условіемъ, чтобъ «они знали лишь то дѣло, для котораго они призваны и съ своею вѣрою къ русскимъ людямъ не приставали»,—могли ли протестанты серьозно пропагандировать въ Россіи свою вѣру? Всмотримся ближе въ нихъ. По изображеніямъ гражданскихъ историковъ, это были большею частію служилые иноземцы, западно-европейскіе казаки, которые за неимѣніемъ степей въ западной Европѣ, рвались въ новый свѣтъ, шли къ намъ на далекій сѣверъ, готовые, «служить въ семи ордахъ, семи королямъ». Волей неволей оторванные отъ родины, мѣняющіе службу, знамена, смотря потому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, они были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнѣйшимъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, въ которой они временно поселились; это были пріятные, веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, беззаботно жившіе день за день.[1]) Но.... политическіе космополиты не были религіозными космополитами: кирки ихъ по воскресеньямъ переполнены были молящимися. А если такъ, то и они, особенно тѣ изъ нихъ, которые много видѣли, испытали и умѣли такъ хорошо поговорить, не прочь были, при удобномъ случаѣ, высказаться въ пользу своей вѣры и во вредъ православію. Оттого какихъ либо «сбруйныхъ, ратныхъ людей Делигарда нужно было обязывать клятвою, чтобъ они церквей не пустошили и обманомъ не подговаривали за рубежъ въ свою землю и свою вѣру» [2]). Жившіе въ нѣмецкой слободѣ иноземцы были большіе охотники пониравать за полночь; «много чинили они дракъ, поединокъ и смертныхъ убійствъ; торговли корчемнымъ питьемъ, виномъ и пивомъ и табакомъ; вѣчный

былъ притонъ у нихъ воровскимъ людямъ и бляд..., вѣчная игра въ карты и кости». Но и эта разгульная и безпутная жизнь была отчасти сѣтью, ловившею, какъ увидимъ, свойственную ей добычу для протестантства. Разгульною жизнію, космополитизмомъ извѣстны тѣ преимущественно искатели приключеній, которые бродячими ордами шли въ Россію въ ея смутныя времена или бѣжали отъ гугенотскихъ преслѣдованій и тридцатилѣтней войны. Но далеко не таковы были «старые», т. е. лучшіе торговые люди, дохтуры, толмачи, окулисты, аптекари, старшіе полковники, которыхъ правительство не выгораживало отъ себя въ слободу, какъ оно поступило съ тѣми гулящими людьми, но селило вблизи себя, сажало на помѣстья и на богатый денежный и хлѣбный кормъ. У многихъ изъ нихъ были свои молитвенные домы и свои проповѣдники. И мало ли было въ самой Москвѣ и въ слободѣ умныхъ и образованныхъ проповѣдниковъ? Эти то лица не одни духовныя, но и свѣтскія и могли быть пропагандистами своихъ вѣрованій въ Россіи. Эрнстъ, герцогъ Саксенъ-Готскій и Альтенбургскій «въ служеніи Блюментроста въ Россіи въ качествѣ придворнаго врача признавалъ особенное устроеніе Провидѣнія, призывающее его къ распространенію лютеранскаго ученія въ отдаленныхъ странахъ». Само правительство наше смотрѣло на свѣтскихъ должностныхъ лицъ лютеранскія вѣры, какъ на компетентныхъ судей въ дѣлѣ ихъ вѣры и слѣдовательно способныхъ къ пропагандированію ея. Въ 1582 г. царь Грозный, подготовляясь къ пренію съ іезуитомъ Поссевиномъ, за доказательствами противъ главенства папы обращался къ голландскому медику анабаптисту и какимъ то англійскимъ еретикамъ. Въ 1645 г. на русской службѣ оказался «Менистъ алхимистъ» Тамасъ Винсъ. Посольскій приказъ пожелалъ узнать: «какова Менитистова вѣра и какіе люди ее держутъ, и въ кого вѣруютъ, и съ Люторскою и Кальвинскою вѣрою сходится ли она». Для разрѣшенія этихъ вопросовъ составлена была ученая коммиссія не изъ пасторовъ, но изъ докторовъ Венделинуса Себелиста, Ягануса Бѣлова и Артамана Грамана, и на всѣ богословскіе вопросы «дохтуры» дали отвѣты удовлетворительные [3]). Итакъ, на Руси не было недостатка въ лицахъ способныхъ къ распространенію протестантизма, въ явныхъ и тайныхъ его миссіонерахъ, хотя исторія почти ниодного изънихъ не называетъ по имени.

б) Вѣздѣ можно слышать и читать, что протестантизмъ, по существу и направленію своему, не приложимъ къ русскому народу, что въ русской церковно-общественной жизни онъ не могъ найдти почвы для себя и что въ политической жизни русскихъ не было сродныхъ ему элементовъ. Истина сама по себѣ вѣрная: православіе всегда было и будетъ существенною принадлежностію русской народности, незыблемою стихіею государственной жизни нашего отечества, несокрушимою опорою

его политическаго могущества. И никогда во всей нашей исторіи православіе не являлось въ такомъ блескѣ и величіи, никогда такъ поразительно не обнаруживало своей зиждительной и спасительной силы по отношенію къ государству, какъ въ одну изъ знаменательныхъ эпохъ даннаго времени: послѣ погромовъ смутнаго времени или Лихолѣтья обновленіе и возрожденіе Россіи совершилось подъ знаменемъ вѣры, спасеніе изшло къ ней отъ церкви. Но эта общая извѣстная истина о незыблемости Всероссійскаго Православія, о несокрушимости церковно-общественнаго и политическаго нашего строя, при столкновеніи съ иноземными и иновѣрными началами, должна быть принята не безъ ограниченій и исключеній. На Западѣ религіозная реформа Лютера имѣла большой успѣхъ потому, что она ревностно старалась очистить церковь отъ нравственныхъ недуговъ и наростовъ, противъ которыхъ такъ вопіялъ голосъ народа, начиная съ первыхъ реформаторовъ: вальденсовъ, раздробившихся на многія вѣтви, виклефитовъ и гусситовъ; ей (реформѣ) помогла самая крайность реакціи, съ какою она все порицала и отрицала въ католичествѣ. Въ порывахъ увлеченія общимъ негодованіемъ противъ порицаемыхъ ею злоупотребленій, большинство прежнихъ папистовъ не могло спокойно взвѣсить и оцѣнить новое ученіе и одинаково сочувствовало какъ справедливымъ нападкамъ ея на католичество, такъ и дерзкимъ отрицаніямъ вселенскихъ истинъ православія. Наша церковь по традиціонной и справедливой непріязни православнаго Востока къ католическому Западу, усилившейся особенно со временъ крестовыхъ походовъ, всегда недружелюбно относилась къ Риму и латинству (уже въ XI вѣкѣ является бранное на папу посланіе, извѣстное подъ именемъ письма Ѳеодосія Печерскаго): горячіе протесты и возраженія протестантства противъ папства всегда были по сердцу православнымъ; но, сочувствуя справедливымъ и законнымъ возраженіямъ, естественно въ порывахъ страсти склониться на сторону несправедливыхъ нападокъ на тѣ истины, которыя общи православію съ католичествомъ: тѣмъ болѣе что въ своихъ нападкахъ и взаимодѣйствіи противъ общаго врага протестантизмъ представлялся другомъ и союзникомъ православія. Исконныя непріязненныя отношенія существовали на Руси не къ одной римской церкви, но и къ своей православной іерархіи: подъ разными именами стригольниковъ, жидовствующихъ, были цѣлыя партіи недовольныхъ злоупотребленіями и пороками православнаго духовенства и изъ-за личныхъ недостатковъ его отдѣлившихся отъ общенія съ церковію. Прикинувшись другомъ и союзникомъ православія, протестантизмъ и открылъ свои нападенія на эти нравственные практическіе недостатки русской церкви, имѣя въ виду раздуть реакціонное движеніе, увеличить массы недовольныхъ церковію и привлечь ихъ на свою сторону. Этотъ планъ, какъ увидимъ, не совсѣмъ ему удался. Тѣмъ не менѣе хитрый врагъ зналъ,

гдѣ кроется горючій матеріалъ, куда и какъ бросить искру и эта искра тихо и незамѣтно тлѣла и періодически вспыхивала въ теченіе $1 \frac{1}{2}$ вѣка. На Западѣ такъ много содѣйствовалъ успѣхамъ реформаціи тотъ либеральный духъ и направленіе реформаціи, съ какимъ она проповѣдывала народу избавленіе отъ тяжкихъ налоговъ и притѣсненій римской куріи, обѣщала всѣмъ свободу равенство и надѣлила свѣтскихъ владѣтелей обширною властію въ дѣлахъ церковныхъ. Этотъ же превратно либеральный духъ и направленіе реформаціи могъ и у насъ соблазнить пылкіе и самолюбивые умы. Гдѣ и когда не было людей, добивавшихся освобожденія отъ налоговъ и поборовъ властей, увлекавшихся мечтою всеобщаго братства и равенства, полнѣйшей свободы и равноправности въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ?! У насъ, начиная съ Башкина и кончая Тверитеновымъ, всегда можно было встрѣчать личности, ратовавшія за этотъ принципъ. И это все были гуманисты и прогрессисты вѣка. На нихъ то преимущественно и разсчитывала протестантская пропаганда, внушая имъ, что они могутъ быть раздаятелями этихъ благъ свободы, благодѣтелями страждущаго человѣчества, освободителями его отъ угнетеній духовенства, судьями и распорядителями въ дѣлахъ церковныхъ, если только сдѣлаются поборниками идей новой религіи. На Западѣ крайняя свобода въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, подготовившая собою быстрые успѣхи протестантизма, развилась вслѣдствіе сильнаго ослабленія монархической власти (со времени Фридриха III-го), по причинѣ политической разрозненности и слабости германской имперіи. Эта свобода-разнузданность начала появляться и прежде, когда Германія не распадалась на независимые другъ отъ друга удѣлы; съ распаденіемъ же на удѣлы, при взаимной враждѣ и обезсиленіи курфюрстовъ, при постоянныхъ возмущеніяхъ, какимъ подвергалась нѣмецкая земля отъ враждебныхъ союзовъ, заключаемыхъ князьями, бѣднымъ дворянствомъ, бѣдными городами и бѣдными крестьянами,—духъ свободы и вольномыслія дошелъ до открытой революціи и анархіи. И это какъ нельзя болѣе благопріятствовало новому либеральному ученію, смѣшавшемуся съ гражданскою политикою, проповѣдывавшему сначала гражданскую революцію (хотя это не помѣшало ему впослѣдствіи, въ угоду аристократіи, превозносить принципъ безусловнаго рабства). А эти-то болѣзненные симптомы политическаго броженія: слабость монархическаго самодержавія, политическая раздробленность Россіи, враждебный духъ между многочисленными партіями, вражда подданныхъ къ правительству за дурное состояніе правосудія, возмущенія, терроръ, грабежи и разбои, поражали и сокрушали государственный нашъ организмъ въ теченіе всей почти первой половины 17 столѣтія. Нѣтъ нужды раскрывать, что все это и у насъ, какъ на Западѣ, благопріятствовало видамъ протестантизма: при сходныхъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ могли быть одина-

новыя религіозныя движенія, или лучше, западное религіозное движеніе могло отозваться и у насъ, какъ скоро оно находило для себя такую же политическую почву, на какой оно возрасло въ Германіи; да и по свидѣтельству исторіи, до послѣдней четверти 17 в. никогда протестантская пропаганда, какъ увидимъ, не имѣла столько видовъ на Россію, какъ въ эту мрачную политическую эпоху. Въ послѣдней четверти вѣка политическое состояніе Россіи также сдѣлалось крайне тревожнымъ и непріятнымъ: бѣдствія народныя вызывали собою смуты гражданскія; волненія раскольниковъ то сопровождались выселеніемъ тысячей народа въ пустыню и за границу, то раздражались бунтами Соловецкими и Стрѣлецкими, то грозили принять страшные размѣры всѣмъ памятнаго еще Разинскаго бунта, и сколько подобныхъ политическихъ бурь готово было разразиться тогда надъ Россіею! И вотъ, какъ на Западѣ протестантизмъ распространялся по политическимъ соображеніямъ и преимущественнно при смутныхъ политическихъ обстоятельствахъ, такъ и на Руси его пропаганда во время новыхъ этихъ политическихъ смутъ стала, какъ увидимъ, особенно дѣятельна и не безуспѣшна. Итакъ, въ политическомъ состояніи Россіи были мрачныя эпохи, обусловливавшія небезуспѣшную возможность въ ней протестантской пропаганды.

в) Наконецъ, доступенъ ли протестантизмъ русскимъ людямъ по духу и характеру своего вѣроученія — догматическаго, нравственнаго и обрядоваго? Лютеръ обратилъ христіанство въ отвлеченную, философскую систему. Христіанскую догматику, возвышенныя Богооткровенныя истины духа и жизни онъ превратилъ въ мертвую спекулятивную теорію. Христіанское ученіе о нравственности, безпредѣльной любви, самоотверженіи, нестяжательности онъ разрѣшилъ въ туманную философскую мораль съ религіозною окраскою «оправданія вѣрою», разобщивъ ее (мораль) съ жизнію. Слишкомъ раціональная религія Лютера очень бѣдна обрядностію, скудна священнодѣйствіями; между тѣмъ русскій народъ понималъ и представлялъ христіанскія истины вѣры и нравственности не иначе, какъ въ живыхъ конкретныхъ образахъ. Онъ понималъ христіанство не какъ только разумную систему, рѣшающую вопросы разума, но преимущественно, если не исключительно, какъ начало и законъ для своей жизни и дѣятельности, какъ животворную и спасительную силу. Для него все почти христіанство заключалось въ обширной этой Византійской обрядности, сложной символикѣ и величественныхъ священнодѣйствіяхъ. Неудивительно, что все протестантское ученіе отъ догмы до обрядности казалось ему непонятнымъ, страннымъ, чуждымъ даже религіознаго характера: русскіе называютъ вѣру нашу paganische, жаловался Петрей. Такъ смотрѣлъ на нее народъ, масса, огромное большинство. Отдѣльныяжъ, одиночныя личности могли быть и были иныхъ воззрѣній, это—тѣ, образъ мыслей которыхъ, по неотразимой силѣ вещей, представляетъ со-

бою обыкновенно реакцію общему міровоззрѣнію. Появленіе такихъ личностей на Руси не должно удивлять насъ. Германская нація, когда въ ней быстро распространялось ученіе Лютера, не была философскою націею: по своему образованію, она до половины 18 вѣка нисколько не была выше Франціи, Италіи, Англіи и даже Испаніи. Войти въ духъ и силу новаго вѣроученія, во всю глубину разумѣнія его могли на западѣ люди науки, философскаго образованія, въ народѣ же оно нашло себѣ сочувствіе по инымъ, большею частію стороннимъ мотивамъ, со стороны народа достаточно было свойственной всѣмъ націямъ природной наклонности къ абстракціи, обычной способности къ отвлеченной мысли и идеализаціи, общаго чувства разумѣнія, которое, не проникая въ частности философскаго склада и характера новой религіи, въ частныя разсудочныя представленія о ней, но само составляясь изъ какого то объединенія частностей, становилось сильнѣе подробныхъ разсудочныхъ комбинацій и выработывало твердыя убѣжденія въ истинности новой религіи. Чтобъ русскому человѣку сдѣлаться протестантомъ, или протестантствующимъ, достаточно было имѣть эту обычную способность, общее чувство, чутье къ философскому разумѣнію, быть не философомъ, а философствующимъ мечтателемъ, уходящимъ въ отвлеченность раціоналистомъ, нужно было, склонившись къ мистицизму, отказаться отъ внѣшнихъ дѣлъ праведности и заключить христіанство во внутреннее единеніе со Христомъ. Чрезъ это сокровенное общеніе со Христомъ, чрезъ внутреннее озареніе отъ Духа Божія отвлеченные догматы новой религіи могли быть понятны для его ума безъ живыхъ конкретныхъ образовъ, могли говорить его сердцу, питать нравственное и религіозное его чувство безъ посредства обрядности, символики. Надѣясь жить въ Богѣ и съ Богомъ, онъ лицомъ къ лицу надѣялся быть со внутреннею животворною силою, войти въ ея духъ и жизнь, а сложная обрядность казалась ему лишь преградою, заслонявшею его непосредственное общеніе съ Божествомъ. Такихъ наклонныхъ къ протестантствующему мистицизму личностей можно замѣтить въ исторіи немного, но все же они были: порукою этому— та наклонность русскихъ къ мистицизму, которая чрезъ всѣ предшествующіе вѣка пробавлялась астрологическими, либо болгарскими баснями и которая въ новомъ философско-мистическомъ ученіи должна была найти лучшее удовлетвореніе. Наши протестантствующіе своимъ образомъ мыслей представляли собою такую же реакцію общему всѣмъ православнымъ складу воззрѣній, какую западные протестанты представляли собою по отношенію къ общекатолическому міровоззрѣнію. Наконецъ, не могли не быть на Руси личности, прельщавшіяся нравственною стороною протестантизма. Человѣкъ вездѣ и всегда склоненъ ко грѣху. Кому не хотѣлось бы жить для удовольствія, не отказывая себѣ ни въ какихъ наслажденіяхъ міра, чувственности, и не подвергаясь въ то же время

отвѣтственности предъ Богомъ и совѣстію? Съ человѣкомъ бываютъ тяжкія минуты усыпленія нравственнаго сознанія и довѣрчивости деморализаторамъ, возводящимъ страсти и порокъ въ добродѣтель и законъ. Цѣлые народы, даже народъ, ходившій во свѣтѣ откровенія, доходили до такого помраченія нравственнаго сознанія. Протестантизмъ не санктифировалъ страсти и пороки, онъ не отвергалъ совершенно значеніе добрыхъ дѣлъ, а предоставлялъ дѣлать или не дѣлать ихъ доброй волѣ каждаго, успокоивая совѣсть тѣмъ, что въ случаѣ недостатка добрыхъ дѣлъ ихъ восполнитъ вѣра и благодать, что, живя въ мірѣ, по духу міра и въ угоду чувственности, можно стоять превыше мірскаго слитія, всецѣло принадлежать Богу. Этого и довольно для людей безъ твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, слабыхъ и падкихъ ко грѣху. Малѣйшее послабленіе закона они всегда готовы истолковать въ свою личную пользу, въ поблажку чувственности и страстей. «Евангельская православная мораль слишкомъ строга, кто можетъ снести это слово жестоко? Зачѣмъ связывать себя внѣшними аскетическими подвигами? Можно и безъ того не расторгать внутренней связи съ Божествомъ и не быть потеряну для спасенія»,—могли разсуждать они и, тяготясь исполненіемъ обрядовъ, постовъ и другихъ стѣснительныхъ для чувственности постановленій церкви, не могли не сочувствовать ученію, освобождавшему ихъ отъ всѣхъ этихъ тягостей. Наши полемисты часто указываютъ на эту соблазнительную сторону или приманку протестантства. Общихъ этихъ соображеній достаточно, чтобы видѣть, какъ наивно увѣреніе нѣкоторыхъ оптимистическихъ защитниковъ православія, будто «протестантство не могло найдти пріюта ни въ одной русской душѣ: полнаго, чистаго протестантизма, какой видимъ на Западѣ, дѣйствительно не могло быть на Руси: потому что при сходствѣ нѣкоторыхъ условій въ церковно-общественной и политической нашей жизни съ такими же условіями, способствовавшими появленію реформаціи на западѣ, въ той же самой сферѣ гораздо больше было условій неблагопріятныхъ для нея, но главное—складъ религіозныхъ воззрѣній русскаго народа рѣзко различался отъ религіознаго міровоззрѣнія на Западѣ, такъ что одна реакція сложившемуся въ народѣ образу мыслей имѣла точки соприкосновенія съ протестантскимъ ученіемъ. По этимъ причинамъ, протестантизмъ, занесенный на русскую почву, долженъ былъ принять нѣсколько иное направленіе, напечатлѣть на себѣ нѣкоторыя политическія и общественныя особенности ея, получить свой національный оттѣнокъ. Съ такого рода протестантствомъ, или точнѣе протестантствованіемъ мы не встрѣтимся преимущественно въ половинѣ 16 и концѣ 17 столѣтія.

Средства протестантской пропаганды на Руси.

Такъ какъ русское правительство строго воспрещало совращеніе православныхъ въ иновѣріе, то пути или средства, для распространенія своего ученія, протестантизмъ избиралъ большею частію прикровенные, скрывавшіеся подъ благовидными учрежденіями и стремленіями, — и мы бы ничего не знали объ этихъ подпольныхъ путяхъ, если бы ихъ не открыла преслѣдовавшая пропаганду власть и отчасти протестантскіе писатели, бывшіе въ Россіи, которые, однако-жъ, чтобы не выдать своихъ братьевъ и поборниковъ общаго дѣла, говорятъ всегда кратко и уклончиво. По этимъ и нѣкоторымъ другимъ слѣдамъ находимъ, что протестантизмъ пропагандировалъ свое ученіе 1) чрезъ водвореніе на Руси просвѣщенія, распространяемаго посредствомъ устной проповѣди, чрезъ книги и школы, затѣмъ 2) чрезъ культуру, нравы и обычаи, проводимые въ извѣстной мѣрѣ во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

1. Пропаганда чрезъ распространеніе просвѣщенія въ протестантскомъ духѣ была на первомъ планѣ. Мы будемъ имѣть случай видѣть, что протестанты смотрѣли на Россію, какъ на страну по преимуществу внѣшняго благочестія, гдѣ вся религіозность и нравственность измѣрялась одними поклонами и внѣшними подвигами. Имъ казалось, что такая привязанность ко внѣшнимъ формамъ религіи и къ самому православію происходитъ отъ крайней неразвитости религіознаго сознанія, отъ дѣтскаго поверхностнаго взгляда на предметы, что православіе есть религія грубой невѣжественной толпы. Отсюда они заключали, что стоитъ только распространить между московитами просвѣщеніе, сдѣлать ихъ изъ поклонниковъ буквы, формы, обряда людьми разсудка, науки и духа, и они такъ же горячо будутъ преданы идеальной религіи протестантской, какъ горячо привержены къ своей богатой культомъ религіи. Послѣ обычныхъ сѣтованій на отсутствіе въ Россіи образованія и проповѣди, которыя хотя и справедливо, но не безъ пропагандистическихъ видовъ то и дѣло высказываются протестантскими писателями,[4]) Олеарій говоритъ: «есть надежда что русскіе просвѣтятся, потому что царь и патріархъ заводятъ училища. Если Промыслу угодно обратить ихъ на правый путь, то, слушая проповѣдниковъ и читая сочиненія наши, они сдѣлаются евангеликами.» Вообще живая и устная проповѣдь пасторовъ, которая бы замѣнила совершенный недостатокъ ея въ Россіи, признается протестантскими писателями однимъ изъ главныхъ средствъ ихъ пропаганды на Руси [5]). При той скрытности и потаенности, съ какою проповѣдники должны были распространять свою вѣру среди русскихъ, мы напрасно стали бы искать, гдѣ и какъ, въ церквахъ или на дому,

при частныхъ ли встрѣчахъ съ русскими и т. п., высказывались они въ пользу своей вѣры. Если мы видимъ, что правительство строго воспрещало пасторамъ проповѣдывать въ присутствіи православныхъ, а православнымъ слушать ихъ проповѣди, которыя, должно быть, говорились иногда на русскомъ языкѣ, не позволяло русскимъ посѣщать кирки и даже разговаривать съ пасторами; то имѣемъ онованіе полагать, что проповѣдь въ дѣйствительности была такимъ важнымъ орудіемъ протестантской пропаганды, какимъ она долженствовала быть по указанному плану пропагандистовъ или вѣрнѣе высказавшихся за нихъ протестантскихъ писателей [6]). По словамъ Бушинга, нѣкоторые изъ проповѣдниковъ, не смотря ни на какіе запреты правительства, умѣли распространять высказанныя на каѳедрѣ мысли и въ русской публикѣ [7]). Что могло бы быть проще и безпритязательнѣе Георга Окса (жившаго въ Москвѣ во времена междуцарствія), который изъ бочара сдѣлался пасторомъ и былъ безъ всякаго образованія? Но онъ хорошо умѣлъ читать, мастеръ былъ произносить готовыя проповѣди и умѣлъ заинтересовывать слушателей какими-то баснями. Не удивительно, что эти басни, разныя фразы, не чуждыя заднихъ вѣроисповѣдныхъ намековъ, переходили изъ устъ въ уста и ихъ съ удовольствіемъ пересказывали и многіе русскіе. Но вотъ предъ нами образованнѣйшій мужъ своего вѣка, пасторъ Бартольдъ Вагеръ, гордость Виттенберга, когда онъ тамъ былъ учителемъ, славный поэтъ изъ школы Филиппа Цезена, пожалованный въ придворные императорскіе поэты, сочиненія и біографія котораго вошли даже въ ученый лексиконъ Іохера. Онъ пишетъ ученый трактатъ «о догматахъ греческой религіи», самое лучшее изъ всѣхъ его сочиненій, — въ которомъ не безъ задней мысли толкуетъ о всѣхъ разностяхъ православнаго ученія отъ протестантскаго. Чтобъ блеснуть своимъ ораторскимъ и поэтическимъ талантомъ, а главное, чтобы бросить на жаждущую русскую почву сѣмя «истиннаго Евангельскаго ученія», онъ путешествуетъ въ Архангельскъ (около 1695 г.) и Тишениовъ (Tischenschow — селеніе Тульской губерніи). Его книгою проповѣдей и пѣсней восхищался самъ Петръ Великій, во время извѣстныхъ своихъ увлеченій протестантствомъ, и пожаловалъ его генералсуперъинтендентомъ всѣхъ евангелическо-лютеранскихъ церквей.— Юстъ Самуель Шааршмидтъ, также одинъ изъ способнѣйшихъ проповѣдниковъ, два раза путешествовавшій въ Астрахань и пронесшій евангельское ученіе за Каспійское море, къ магометанамъ и язычникамъ, не преминулъ вѣроятно бросить многоплодное сѣмя слова вблизи себя, среди уважавшихъ его московитянъ. Ловкій, вкрадчивый, умный, онъ легко могъ обмануть зоркіе глаза московскаго правительства и прокрасться въ русскія довѣрчивыя сердца. Въ Астрахани же онъ не успѣлъ сдѣлать этого за кратковременностію своего пребыванія и особенно потому, что ему отведено было другое обширнѣйшее поле дѣйствій [8]). Итакъ,

проповѣдь нужно признать однимъ изъ главныхъ средствъ въ дѣлѣ протестантской пропаганды, хотя и нельзя указать, сколько принесло пользы это средство для ея цѣлей.

Вторымъ средствомъ, находившимся въ распоряженіи пропаганды, было распространеніе протестантскихъ книгъ на русскомъ языкѣ. Какъ показалъ опытъ протестантскихъ проповѣдниковъ всѣхъ странъ и временъ, это средство было самое дѣйствительное и въ то же время самое безопасное: имъ не преминули воспользоваться протестанты и для совращенія Русскихъ. Въ 1552 г. датскій король Христіанъ III, по просьбѣ Грознаго, отправляя къ нему художниковъ и книгопечатниковъ между прочимъ писалъ ему: «мы посылаемъ тебѣ библію и двѣ другія книги (Аусбургское Исповѣданіе и Малый Лютеровъ Катехизисъ), въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской вѣры. Искренно любимый слуга нашъ Гансъ Миссенгеймъ, который несетъ къ вамъ эти книги, напечатаетъ ихъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, переведя на отечественный вашъ языкъ, такъ что симъ способомъ можно будетъ, въ немногіе годы, споспѣшествовать и содѣйствовать пользѣ вашихъ церквей и прочихъ подданныхъ, ревнующихъ славѣ Христовой и своему спасенію».... Не извѣстно, каковъ былъ данъ отвѣтъ Іоанномъ на предложеніе короля. По всей вѣроятности, предлагаемыя книги не были напечатаны, хотя Іоаннъ «вскорѣ же повелѣ устроить домъ, идѣже печатному дѣлу строитися» [9]: Іоаннъ и его мудрые совѣтники слишкомъ были дальновидны, чтобъ не видѣть зла, которое могло произойти отъ распространенія подобныхъ книгъ на Руси. Тѣмъ не менѣе попытка датскаго короля не осталась безъ подражанія. Іезуитъ Поссевинъ жаловался, что, предъ преніемъ его съ Іоанномъ, англійскіе купцы доставили царю книгу, въ которой доказывалось, что папа есть антихристъ, и царь тотчасъ же велѣлъ перевести ее на русскій языкъ; но впослѣдствіи въ ней найдены мысли, направленныя какъ противъ римской, такъ и греческой церкви. Бергъ пишетъ, что шведскій король Густавъ Адольфъ завелъ въ Стокгольмѣ славянскую типографію, въ которой дважды былъ напечатанъ русскій переводъ Лютерова Катехизиса и многія другія книги. Отсюда, въ теченіе всего столѣтія, вывозимы были на Москву контрабандныя эти книги, и здѣсь они иногда находили себѣ такихъ страстныхъ читателей и почитателей, которые чуть не каждую строку принимали за Евангельскую истину, каждое слово за откровеніе свыше [10].

Школы протестантскія, устроенныя за границею и на Руси, также служили разсадниками протестантизма. Мы имѣемъ на это свидѣтельства немногочисленныя, но ясныя и неопровержимыя, хотя, къ сожалѣнію, не относящіяся къ чести русскихъ. Въ 1603 году Годуновъ отправилъ нѣсколько юношей въ Любекъ и Лондонъ, «для науки разныхъ языковъ

и грамотамъ» [11]). Изъ Лондона возвратились молодые люди (въ 1613 г.) съ сильно «покутившимися обычаями и вѣрованіями», а изъ Любека никто не возвращался, всѣ измѣнили своей вѣрѣ и обычаямъ. Изъ посланныхъ Петромъ за границу 50 юношей (въ 1696 г.) многіе научались тамъ вольномыслію [12]). На Москвѣ протестантская школа появилась въ первый разъ одновременно съ открытіемъ лютеранской общины въ 1565 г. Вѣроятно, то было первоначальное приходское училище [13]). При постройкѣ второй лютеранской кирки въ 1601 г. устроена была при ней вторая школа, съ тѣхъ поръ никогда уже не закрывавшаяся (24 ученика ея съ ихъ учителемъ участвовали въ печально-торжественной процессіи погребенія герцога Ганса и пѣли при его отпѣваніи). При открытіи второй лютеранской общины въ 1626 г. учреждена была при ней новая (3-я) школа. Этимъ и ограничиваются извѣстія о протестантскихъ школахъ въ Москвѣ, за столѣтіе слишкомъ. Сравнительно больше извѣстій сохранилось отъ 1670 г. и то лишь о 3-й школѣ. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ герцога Эрнста Благочестиваго, въ ней безплатно обучались богатые и бѣдные, юноши, служанки, плѣнные или крещеные турки, татары, казаки, поляки, невольники и невольницы, изучая религію, латинскій и нѣмецкій языки, музыку, упражняясь въ счетѣ и письмѣ. Въ короткое время школа переполнилась учениками, такъ что надобно было подумать о расширеніи ея [14]). Но лишь только она начала расширяться и улучшаться, какъ возымѣла уже тайные, враждебные замыслы противъ православныхъ и едва ли не привела свои замыслы въ исполненіе. Сентября 12-го 1670 г. герцогъ Эрнстъ писалъ начальнику школы: «не только обратившихся уже чадъ слѣдуетъ утверждать въ блаженномъ познаніи Тріединаго Бога и Его откровеннаго и св. слова, но тоже спасительное и таинственное познаніе должно внушать и другимъ, которые еще не обратились, и въ тѣхъ и другихъ вкоренять его съ дѣтства». Необращенные, просвѣщеніемъ которыхъ такъ озабоченъ покровитель саксонско-московскихъ лютеранъ, принадлежатъ преимущественно къ русской средѣ, въ которой жили эти лютеране. Въ 1671 г. Эрнстъ, спрашивая у общины, какъ много дѣтей обучается въ школѣ, сколько природныхъ евангеликовъ, сколько изъ другихъ націй и религій, по какому методу преподается законъ Божій, и проч., замѣчаетъ, что сообщеніе свѣдѣній на всѣ эти и подобныя вопросы было бы опасно для самой общины и для русской націи не выгодно (nachtheilig), и потому проситъ передать ему тайно или письменныя извѣстія о томъ или лучше устныя чрезъ какихъ-либо путешественниковъ. Къ сожалѣнію, посланныя чрезъ одного купца письменныя свѣдѣнія попали въ руки враговъ. (По отдѣленіи Саксонской общины отъ втораго лютеранскаго прихода и по отъѣздѣ изъ Россіи главнаго ея патрона Баумана въ 1671 г., эта школа, перешедшая въ вѣдѣніе саксонской

общины, значительно пала, ученики ея большею частію разбѣжались). Въ 1687 г. видимъ въ слободѣ двѣ протестантскія школы, одну латинскую, другую нѣмецкую. Нѣкоторые называютъ ихъ гимназіями. (Прибав. къ 14 прим.) Одна изъ нихъ, переведенная съ покровки пасторомъ Гикомъ, вѣроятно была церковная, о другой не извѣстно. Но эти высшія школы были еще опаснѣе для православныхъ. Около 1690 г. Петръ Великій жаловался патріарху Адріану: «многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ и отдаютъ ихъ иноземцамъ (такъ какъ іезуиты изгнаны были въ это время изъ Россіи и наука католиковъ не пользовалась общественнымъ довѣріемъ, то подъ иноземцами разумѣются протестанты разныхъ національностей); другіе же въ домахъ своихъ держатъ учителей иностранцевъ, которые на славянскомъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить; кромѣ того иновѣрцы и малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учатъ; отчего дѣтямъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть ущербъ великій» [15]).

---

2) Чрезъ школы, проповѣди, изданіе книгъ, словомъ чрезъ распространеніе просвѣщенія, пропаганда дѣйствовала на отдѣльныя и немногія единицы, но вотъ средство болѣе распространенное и дѣйствительное и вмѣстѣ благовидное и безопасное для самихъ агитаторовъ — это введеніе нѣмецкой культуры и обычаевъ. Призванные въ Россію для распространенія въ ней знаній, ремеслъ и искусствъ, для улучшенія и облагороженія нашихъ нравовъ и общественныхъ отношеній, они, повидимому, исполняли свои цивилизаторскія обязанности, когда распространяли въ народѣ произведенія своихъ искусствъ и ремеслъ, возбуждали въ немъ невинное подражаніе себѣ во внѣшнемъ образѣ жизни: въ одеждѣ, домашнемъ комфортѣ, въ развлеченіяхъ, удовольствіяхъ, привычкахъ, обычаяхъ и т. д. Но эти-то искусства и художества, обычаи и образъ жизни, по мѣрѣ распространенія своего въ русскомъ обществѣ, и должны были постепенно и незамѣтно проводить въ народѣ протестантскія воззрѣнія и обычаи.

Мы видѣли, что типографское искусство протестантская пропаганда хотѣла-было сдѣлать въ Россіи проводникомъ своего ученія. Такимъ же проводникомъ оказалась еще живопись, на подмогу ей явилась торговля. Начиная еще съ смутнаго времени, нѣмцы продавали въ народѣ за сходную цѣну напечатанныя на бумажныхъ листахъ иконы, на которыхъ «священныхъ лицъ писали неистово и неправо, на подобіе лицъ своей страны и въ одеждахъ своестранныхъ нѣмецкихъ, въ посмѣхъ христіанамъ, и даже ругаяся и развращая православныхъ». Въ срединѣ вѣка соблазнъ отъ распространенія неправыхъ иконъ былъ такъ великъ, что патріархъ Никонъ долженъ былъ отбирать ихъ (въ 1655 г.)

въ домахъ бояръ, снести въ Успенскій соборъ и здѣсь, въ присутствіи царя и патріарха Макарія, говорить обличительную рѣчь на поклонниковъ «развращенныхъ иконъ» и даже доказывать порознь о каждой иконѣ, почему она неправославна. Затѣмъ, изъ предметовъ поклоненія подобныя иконы обратились въ предметы украшенія: ими стали «украшати храмины, избы, клѣти, сѣни, не для почитанія ихъ, но для пригожества». Патріархъ Іоакимъ наконецъ долженъ былъ обнародовать (въ 1674 г.) окружною грамотою, «чтобъ на бумажныхъ листахъ святыхъ иконъ не печатали, и нѣмецкихѣ еретическихъ образовъ не покупали, и въ рядахъ и по крестцамъ не продавали; а ежели кто осмѣлится продавать, то листы вземше безцѣнно истреблять, а сверхъ того на томъ доправить большую пеню». Содержаніе грамоты показываетъ, что фабриканты, печатая и продавая священныя изображенія, имѣли въ виду не одну корысть, но своими «неправыми, неистовыми, и развращенными изображеніями» разсчитывали унизить или ослабить въ русскихъ ревность къ иконопочитанію [16]). Приведенный случай, при всей кажущейся исключительности своей, достаточно характеризуетъ, какимъ образомъ культурныя произведенія нѣмцевъ проводили въ народѣ ихъ религіозныя воззрѣнія. Иконы такъ нравились многимъ по изяществу своей отдѣлки, по костюму нѣмецкому, въ который облечены были русскіе святые, по лицамъ нѣмецко-національнаго типа. И въ другихъ произведеніяхъ искусства и обычаяхъ, распространяемыхъ протестантами на Руси, все было разсчитано на изящество, тонкость, благородство и элегантность, все проникнуто національнымъ нѣмецкимъ духохъ, который, повидимому, совершенно удовлетворялъ русскимъ національнымъ потребностямъ, не уничтожалъ, а облагороживалъ, улучшалъ ихъ и требовалъ одной внѣшней уступки — измѣненія формы, наружности, между тѣмъ какъ за благовидною внѣшностію нерѣдко скрывались религіозныя тенденціи, не безопасныя для русскихъ. Къ прискорбію, въ самой народной жизни русскихъ 16 и 17 вѣковъ, въ умственномъ ихъ состояніи были условія, при которыхъ измѣненіе внѣшнихъ народныхъ обычаевъ, внѣшняго образа жизни подъ тонъ иноземный незамѣтно сопровождалось нѣкоторою измѣною православной вѣрѣ. При отсутствіи духовнаго простора, при господствѣ внѣшняго, — формы, при неразвитости духовныхъ, крѣпкихъ основъ религіозной и народной жизни, — однообразіе, сходство внѣшняго, формы служили у насъ единственною связью между членами церкви, членами народа. По недостатку сознанія объ отдѣльности внѣшняго отъ внутренняго, существеннаго отъ несущественнаго, по привычкѣ все это смѣшивать, народъ-дитя придавалъ значеніе религіозное, неизмѣняемое, Божественное и тому, что̀ не имѣло общаго съ нимъ: формѣ, внѣшнему, измѣняемому. Отсюда измѣненіе своего внѣшняго на чужое, внѣшнее, преходящее сопровождалось измѣненіемъ основнаго, существеннаго,

религіознаго. Русскій человѣкъ, выѣхавшій за границу, одѣвшись въ иностранное платье, принявши чужіе обычаи, словомъ поправъ внѣшнюю связь съ народностію, болѣе или менѣе измѣнялъ и вѣрѣ отеческой. Такъ было съ тѣми молодыми людьми, которые были отправлены при Годуновѣ за границу, и съ тѣми русскими, которые служа у русскаго царя, тѣсно сближались съ иноземцами: «одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, а другое не остается и половины лучшихъ русскихъ людей», говорилъ князь Иванъ Голицынъ. Въ случаяхъ же подобнаго рода сближеній не было недостатка [17]).

Здѣсь большая или меньшая измѣна вѣрѣ произошла отъ невольнаго, вынужденнаго обстоятельствами сближенія съ иновѣрцами. Но что было съ изолированными массами народными? Народъ долго держался вдали отъ нѣмецкихъ вліяній, отгораживалъ себя отъ нихъ, можно сказать, китайскою стѣною, но потомъ онъ самъ же рушитъ эти преграды и поддается вліянію иноземныхъ обычаевъ, а съ ними отчасти и иновѣрныхъ началъ [18]). Старинный русскій человѣкъ закрываетъ глаза предъ избыткомъ льющагося свѣта, боится его, но въ то же время ему хочется взглянуть на этотъ свѣтъ. Онъ не подаетъ руки иностранцамъ въ знакъ гостепріимства (цари умываютъ руки послѣ пріема пословъ), но, пряча отъ нихъ руку, онъ ждетъ, чтобъ они сами протянули ему свою руку, руку помощи въ великомъ образовательномъ дѣлѣ. Онъ отплевывается, открещивается при встрѣчѣ съ нѣмцами, считаетъ для себя оскверненіемъ войти въ ихъ домы и вступить въ разговоръ съ ними, отгораживаетъ ихъ отъ себя за городъ, но скоро и самъ царь уйдетъ туда, а за нимъ и народъ. Онъ не хочетъ, чтобъ нѣмцы носили русское платье и бороду, хотя нѣкоторые изъ нихъ желали усвоить себѣ всю наружность русскихъ [19]), а самъ съ начала 17 вѣка наряжается уже въ нѣмецкій камзолъ и «кладетъ браду подъ бритву», и самъ царь Борисъ является «потаковникомъ» всѣхъ, пристращавшихся къ нѣмецкимъ обычаямъ и одеждамъ, и вотъ слышатся сильныя жалобы на это пристрастіе. При Годуновѣ приверженцы старины вопили къ патріарху: «отче святый, зачѣмъ ты молчишь, видя это? Дѣлатель винограда Христова видѣлъ сѣмена лукавствія, сѣемыя въ виноградѣ Христовомъ, но видя изнемогалъ, и только ко Господу единому взирая, ниву ту недобрую обливалъ слезами» [20]). Такая борьба между стремленіемъ къ свѣту, образованію и приверженностію къ отсталой старинѣ, между усвоеніемъ чужеземныхъ обычаевъ и пристрастіемъ къ своимъ національнымъ идетъ чрезъ все столѣтіе: народъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, понималъ, что надобно учиться европейской наукѣ, жить европейской жизнію, но послѣ многовѣковаго непроницаемаго мрака, какъ взглянуть на яркій свѣтъ, какъ измѣнить обычаямъ, освященнымъ вѣками и вѣрою, какъ вырвать привычки и нравы, которые срослись съ душею, составляютъ

необходимую принадлежность ея существа? Послѣ долгихъ томительныхъ колебаній, внутренняго разлада и самораздвоенія, онъ постепенно беретъ изъ европейской науки и жизни то, къ чему нудили его обстоятельства жизни, заимствуетъ изъ чуждыхъ вѣрованій и учрежденій тѣ, къ которымъ предрасполагала жизнь и личное поведеніе каждаго, не думая отрекаться совершенно отъ національныхъ своихъ обычаевъ и вѣрованій въ пользу иноземныхъ особенностей, но дѣлая между тѣми и другими возможный компромиссъ. Въ началѣ 17 в. русскіе отчасти «перенимаютъ отъ нѣмцевъ, какъ сказано, камзолъ и брадобритіе». Лѣтъ черезъ 30 одинъ печальникъ-моралистъ сѣтуетъ: «братія моя возлюбленная! бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому; позавидѣхомъ *иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и ногъ и всего ихъ обычая»*, и то не разумѣхомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣ тому со слезами поработимъ, а Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризы а на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ взирати и завидѣти: понеже Богу мерзко беззаконное платье и обычай ихъ мерзокъ и непріятенъ» [21]). Что это были за «богомерзкіе обычаи» поясняетъ царская и патріаршая окружная грамата 1628 г.» Живя у иновѣрцевъ и некрещенныхъ чужеземцевъ, русскіе люди впадаютъ въ низкіе дѣла, въ предразсудки; въ четыредесятницы и въ другіе посты неволею ѣдятъ мясо и всякій скоромъ, не исповѣдуются и не пріобщаются въ великіе посты, и даже въ случаѣ предсмертной болѣзни не принимаютъ духовнаго отца, а еслибъ и захотѣли принять, ему нѣтъ доступа» [22]). Для предохраненія народа отъ этого зла, правительство воспретило православнымъ вступать въ бракъ съ иновѣрцами и издало строгій наказъ, «чтобъ православные оставили домы некрещенныхъ чужестранцевъ и впредь не были бы у нихъ, дабы не осквернились души христіанскія, и не умирали безъ духовныхъ отцевъ» [23]). Но это послѣднее повѣленіе очевидно оставалось угрозою безъ исполненія: само же правительство «наказывало» мастерамъ и художникамъ «учить своимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ и русскихъ людей, и само же отдавало людей всякаго возраста и званія въ услуженіе и науку всѣмъ гожимъ мастерамъ: плавильщикамъ, рудокопамъ, пушкарямъ, заводчикамъ, аптекарямъ, дохтурамъ, лицедѣямъ» и т. д. [24]) Со временемъ, по мѣрѣ усвоенія русскими нѣмецкихъ обычаевъ, образа жизни, уклоненіе отъ народныхъ обычаевъ и постановленій церкви увеличивалось. Какъ видно изъ указа 1683 г. «Рейтарскій сынъ Кондрашко Осиповъ повадился ходить въ нѣмецкую слободу, сталъ водиться съ некрещенными, тѣло свое отдавалъ на блудъ иноземцамъ»: и мало по малу сдѣлался отступникомъ отъ православной церкви; пересталъ ходить въ церковь на исповѣдь. «И за то его били ботаги, снявъ рубашку, нещадно» [25]). Въ 1687 г. отъ самаго патріарха слышимъ слѣдующую жалобу: «мущины и женщины, юные отроки и священнаго чина люди не только прочіе установленные въ году посты,

ю и великую четыредесятницу презирають, всегда упиваются виномъ ренскимъ, табакомъ скареднымъ и всякимъ питіемъ безъ ситости. Теперь благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянствомъ, говоря безстыдно другъ другу: тогда-то былъ пьянъ и церковное торжество въ праздники проспалъ. Не только по пьянымъ и ночнымъ своимъ праздницамъ, но повсюду люди ненаученые, богопреданныхъ въ церкви святой чинодѣйствъ не знающіе и другихъ о томъ не спрашивающіе, мнятся быти мудрыми, но отъ пипокъ табацкихъ, отъ злагольскъ Люторскихъ, Кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь отъ стезей отцевъ своихъ, говорятъ: для чего это такъ въ церкви дѣлается, нѣтъ никакой въ томъ пользы, человѣкъ это выдумалъ; для чего посвященія, памяти по усопшимъ, молебны Богу, Богородицѣ, угодникамъ Божіимъ» [26]). Замѣчательно, что иные не соблюдаютъ постовъ потому, что упиваются виномъ ренскимъ, табакомъ скареднымъ, затѣмъ мало по малу доходятъ до отверженія чиновъ и постановленій церкви, стѣсняющихъ широкія требованія чувственной натуры, юродствуютъ отъ злагольствъ Кальвинскихъ и Люторскихъ столько же, сколько и отъ пипокъ табацкихъ; они мудрствуютъ, либеральничаютъ въ духѣ протестантства оттого, что усвоили себѣ превратный образъ жизни своихъ цивилизаторовъ. Зло отчасти въ самомъ протестантствѣ, въ его не совсѣмъ чистой морали, теоретической и практической, а больше въ страстномъ увлеченіи перенимаемыми у протестантовъ развлеченіями и наслажденіями, въ неблагоразумномъ усвоеніи чужихъ обычаевъ.

Мы намѣтили общіе пути или средства протестантской пропаганды на Руси. Прослѣдимъ, по возможности.

Постепенный ходъ развитія протестантской пропаганды, противодѣйствіе, оказанное ей со стороны церкви и общества, и ближайшія послѣдствія этой борьбы.

Отъ протестантовъ, къ сожалѣнію, не осталось ни одного сочиненія, (если не считать записаннаго Ласицкимъ разговора Рокиты съ царемъ Грознымъ), которое бы свидѣтельсвовало о ходѣ дѣйствій ихъ таинственной пропаганды. Въ такомъ случаѣ особенное вниманіе мы должны обратить на отечественныя наши противо-лютеранскія сочиненія, входя, гдѣ нужно, въ критико-историческій разборъ ихъ. Указанія на первые слѣды протестантской пропаганды на Руси находимъ въ сочиненіяхъ Максима Грека, написанныхъ около 1550 года. Между дошедшими до насъ произведеніями этого свѣтила тогдашней науки и знанія прежніе коментаторы и издатели [27]) насчитывали пять сочиненій, направленныхъ

противъ лютеранства: 1) Слово о поклоненіи св. иконъ противу явившагося въ нѣмцевъ иконоборца Лютера; 2) Слово на хульники Божіея Матери; 3) Сказанія противу глаголющихъ, яко плотскимъ совокупленіемъ и рождествомъ хотяше множитися человѣческій родъ, аще бы и не согрѣшили праотцы; 4) Сказаніе, который убо въ человѣческомъ естествѣ первый грѣхъ; 5) Сказаніе о рукописаніи грѣховнѣмъ, данномъ Адамомъ діаволу». Новѣйшая критика [28]) за противо лютеранскія сочиненія Максима Грека признаетъ упомянутое первое «слово» и начало втораго «слова», гдѣ находится отвѣтъ на возраженія противъ почитанія иконъ. Остальная же часть слова направлена будто противъ тѣхъ вольнодумцевъ — раціоналистовъ и гуманистовъ, какихъ, къ удивленію своему, преподобный Максимъ нашелъ не мало между русскими и которые не принадлежали ни къ какому изъ извѣстныхъ тогда западно-европейскихъ вѣроисповѣданій или сектъ, и имъ самимъ вообще называются «еритиками, уповающими на разсужденія ума» (ст. 492). Въ трехъ остальныхъ названныхъ сочиненіяхъ Максима, по мнѣнію позднѣйшей критики, или разрѣшаются (въ 3 и 4 сочиненіяхъ) вопросы, какіе тогда были въ большомъ ходу между русскими грамотѣями и серіозно занимали ихъ юные умы, или же опровергаются (въ 5 сказаніи) мнѣнія, похожія на тѣ многочисленныя болгарскія и астрологическія басни, которыя сильно были распространены между простодушными и довѣрчивыми нашими предками, преимущественно съ половины 16-г-вѣка [29]). Протестанты же, (наприм. Fechner's. 29 и 30) не желая выдать своихъ единовѣрцевъ пропагандистами, навлекавшими на себя подозрѣнія правительства, не видятъ въ названныхъ сочиненіяхъ ничего противолютеранскаго и находятъ въ нихъ лишь полемику съ раціонализмомъ. Но откуда произошло русское раціоналистическое движеніе, какъ не изъ одного корня съ западнымъ протестантизмомъ и къ чему оно вело, какъ не къ тому же протестантизму? Подобно западнымъ гуманистамъ, русскіе раціоналисты конца 15 и первой половины 16 вѣка доходили до чистаго деизма и даже грубѣйшаго языческаго невѣрія и матеріализма. Нѣкоторые изъ нихъ не признавали ни соборовъ, ни церковныхъ уставовъ и преданій, ни во что ставили святоотеческія творенія; святыхъ не почитали. Иные отвергали даже евангельскія и апостольскія писанія и поклонялись одному Отцу, Богу небесному. Наконецъ, самые крайніе отрицатели воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь. Жизнь этихъ вольнодумцевъ была самая грязная, чувственная, скотская. Словомъ русскихъ раціоналистовъ обуялъ тотъ же духъ теоретическаго и практическаго безвѣрія и отрицанія, какими ознаменовали себя западные гуманисты. Разница въ томъ, что русскіе раціоналисты не могли замѣнить отринутое ими христіанство положительнымъ содержаніемъ: вмѣсто святыхъ не чтили боговъ Греціи и Рима, философовъ языческихъ не предпочитали отцамъ

церкви, пороки и злодѣянія не оправдывали примѣрами классической древности. Разница эта произошла съ одной стороны отъ того, что наши раціоналисты не изучали древнія науки и искусства по непосредственнымъ классическимъ памятникамъ, а знакомились съ ними чрезъ западныхъ гуманистовъ, и не столько по сочиненіямъ послѣднихъ (въ переводахъ на русскій языкъ), сколько по слухамъ, распространяемымъ ими посредствомъ торговыхъ и международныхъ сношеній и доносившимъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, одни поверхностные результаты. Съ другой стороны реакціонное, начавшееся еще съ стригольниковъ, движеніе на Руси, съ которымъ данный раціонализмъ имѣлъ преемственную связь, не могло не положить на него печать нѣкоторой своеобразности: потому что оно, хотя само, какъ сказано, послужило почвою для западнаго гуманизма и протестантизма, было раздуто, усилено имъ,—издавна отличалось своеобразнымъ характеромъ. А что нашъ раціонализмъ воспринялъ въ себя не мало элементовъ отъ западнаго (какіе именно, разграничить не беремся), на это, кромѣ взаимнаго сродства ихъ ученія, указываетъ порядокъ его распространія: первоначально онъ возникъ тамъ, куда западныя идеи, какъ западные товары, доходили прежде всего, въ Новгородѣ и Псковѣ, и держался преимущественно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ, при всей замкнутости, слышнѣе сравнительно были отголоски изъ Европы: при велико-княжескомъ дворѣ, между придворными протопопами, думными дьяками и государственными сановниками Россіи. О западномъ гуманизмѣ и раціонализмѣ извѣстно, что онъ былъ предтечею или лучше сѣменемъ протестантизма, что протестантизмъ былъ очищеннымъ и зрѣлымъ плодомъ этого нечистаго сѣмени. (Кто не знаетъ классическаго сравненія, что Эразмъ снесъ яйцо, а Лютеръ высидѣлъ его....) Извѣстно также, что мудрый Максимъ, еще въ бытность свою въ Италіи и Германіи, собственнымъ опытомъ убѣдился, какъ много способствовало реформаціи раціоналистическое и гуманистическое движеніе на западѣ; онъ можно сказать, собственными глазами видѣлъ, какъ «Эразмъ собиралъ дрова, а Лютеръ зажегъ ихъ»; сфера тамошней образованности стала душною, невыносимою для сердечной, склонной къ идеализму натуры Максима, и онъ бѣжалъ отъ нея. Опасаясь, какъ бы и на Руси раціоналистическое броженіе не привело къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ, онъ въ своей литературной борьбѣ съ нимъ имѣетъ въ виду очистить ниву Христову отъ раціоналистическихъ плевелъ, которыя подготовляли протестантизму удобную почву, старается подавить зло въ самомъ корнѣ.

Равнымъ образомъ, откуда такое множество астрологическихъ басенъ и бредней, суевѣрій, апокрифовъ, возбудившихъ противъ себя пламенную ревность Максима [30])? На Западѣ астрологія находилась въ тѣснѣйшей связи со всею гуманистическою образованностію. Философія, лишившись

своего лучшаго теософическаго характера, приводила лишь къ діалектикѣ, доставлявшей умѣнье сдѣлать изъ чернаго бѣлое, изъ бѣлаго черное. Наука, не опираясь на положительныхъ знаніяхъ природы, при всемъ вольномысліи въ отношеніи къ религіи, не отрѣшилась отъ грубѣйшихъ суевѣрій; астрологія со всѣми своими нелѣпостями, облеченная въ научную форму, была самою модною наукою вѣка, вѣнцомъ и цѣлію тогдашнихъ знаній, и внушала къ себѣ вѣру и уваженіе ученыхъ людей того времени Живя безъ Бога и религіи истинной, мучимый внутреннею глубочайшею пустотою и сомнѣніемъ, духъ человѣка искалъ въ ней разрѣшенія всѣмъ обуревавшимъ его сомнѣніямъ. Русскій раціонализмъ 16 вѣка, наивный и младенчествующій, не въ силахъ былъ усвоить западную философію и діалектику. Онъ взялъ оттуда, что̀ ему было по плечу и что̀ между тѣмъ считалось тамъ вершиною образованности,—заманчивую астрологію, и облекъ ее не въ научныя діалектическія формы, а въ доступныя для него формы дѣтской поэзіи—пробавлялся астрологическими баснями, загадками, апокрифами. Замѣчательно, что главный разсадникъ этихъ плевелъ, главный сборникъ басенъ, бредней такъ называемый Люцидарій (Lucidarius) переведенъ былъ съ нѣмецкаго языка Николаемъ Нѣмчиномъ. Но если русская астрологія была порожденіемъ западной, главною, хотя и не удавшеюся, выразительницею западной гуманистической образованности; то, подобно послѣдней, она была вѣрною предвѣстницею, ближайшею ступенью къ протестантскому движенію на Руси. Все это можно видѣть и изъ полемическихъ (противоастрологическихъ) сочиненій. Преподобнаго Максима, въ которыхъ, на основаніи изреченій св. писанія и св. отцевъ, мнѣній древнихъ философовъ и поэтовъ, примѣровъ изъ священной и гражданской исторіи, раскрывается та преимущественно мысль, что эти суевѣрія, заблужденія извращаютъ ученіе о Промыслѣ, подрываютъ свободу и нравственность, ведутъ однихъ къ совершенному отчаянію, а другихъ къ самонадѣянной гордости, потому что представляютъ Бога предопредѣляющимъ однихъ ко спасенію, а другихъ къ погибели. Нельзя не видѣть, что отъ этихъ суевѣрій и заблужденій не далеко уже до протестантскаго ученія о предопредѣленіи и спасеніи. Эти плевелы сѣяла и распложала на Руси хитрая и прикровенная, но близкая и родственная протестантской пропагандѣ рука, чтобъ воздѣлать почву для насажденія на ней другихъ сродныхъ сѣмянъ—чисто протестантскихъ заблужденій. Въ виду всего этого въ направленныхъ противъ астрологическихъ заблужденій сочиненіяхъ Максима Грека мы склонны видѣть тонкіе и косвенные намеки на тенденціи лютеранскія. Вообще въ противораціоналистическихъ его статьяхъ, написанныхъ противъ хульниковъ св. иконъ и пресв. Богородицы (1 и 2), онъ прямо имѣетъ въ виду лютеранство, во всѣхъ остальныхъ словахъ (3—5) ведетъ прикровенную борьбу съ его предшественниками и предвозвѣстниками.

Тѣмъ же сокровеннымъ противолютеранскимъ духомъ и направленіемъ проникнуты, намъ кажется, и сочиненія Максима, относящіяся къ нравственности христіанской: не безъ цѣли-жъ они касаются преимущественно тѣхъ пунктовъ: постовъ, покаянія, обѣтовъ и истинно-добрыхъ дѣлъ, противъ которыхъ возставала протестантская мораль [31]). И если изъ всѣхъ враговъ, борьбѣ съ которыми посвящена была вся жизнь и дѣятельность преподобнаго, самыми сильными, новыми были лютеране, то при каждомъ удобномъ случаѣ такъ или иначе онъ касается новыхъ враговъ, оказываетъ дѣятельный, прикровенный отпоръ имъ и предохраняетъ отъ нихъ православныхъ.

Но что значитъ, что онъ ведетъ борьбу почти всегда тайную, прикровенную? Кажется, онъ держится той тактики, что новому, сильному врагу, одержавшему столько побѣдъ на Западѣ, всего цѣлесообразнѣе наносить ударъ тайный, но вѣрно разсчитанный, что для предостереженія отъ него православныхъ всего лучше раскрыть и обнажить его козни и ухищренія, скрывая его самого отъ неопытныхъ, увлекающихся взоровъ. Явно онъ ополчается только на хульниковъ св. иконъ, открыто возстаетъ на Лютера, только какъ на иконоборца. Это значитъ, что хулы на св. иконы сдѣлались слишкомъ гласными въ православномъ народѣ, что съ нихъ-то протестантизмъ и началъ свою пропаганду, какъ это онъ дѣлалъ большею частію на Западѣ. Вообще изъ сочиненій Максима Грека узнаемъ, что какъ ни крѣпко запиралась Россія отъ западной Европы, но, чрезъ 20, 30 лѣтъ послѣ появленія своего на свѣтѣ, протестантизмъ уже стучался, напиралъ въ нее. Но зоркіе и бодрые стражи вѣры защиту и оборону ея пока ограничиваютъ тѣмъ, что, не подпуская неопытныхъ близко ко врагу, не указывая даже, откуда онъ устремляетъ свои прикровенныя нападенія, разоблачаютъ его козни и ухищренія, чтобъ отъ плодъ его можно было познать его и ускользнуть отъ его хищныхъ рукъ, когда онъ сдѣлаетъ явный и рѣшительный набѣгъ. И, стало быть, не безопасенъ былъ врагъ, когда такъ рано и столь сильные, хотя и прикровенные голоса и предупрежденія раздались противъ него и когда предостерегались не частные только лица: бояринъ, игуменъ и князь, но все общество православныхъ — въ сочиненіяхъ предназначенныхъ для всеобщаго употребленія.

Опасенія преподобнаго Максима оправдались. Въ средѣ, за которую всего болѣе опасалась его ревность по вѣрѣ, можно уже примѣчать увлеченіе протестантскими идеями. Дьяка Матвея Семенова Башкина и его сообщниковъ можно признать первыми протестантствующими вольнодумцами. Ересь Башкина, какъ извѣстно, имѣетъ сходство съ ересью жидовствующихъ, выразившееся въ неправильномъ понятіи о св. Троицѣ и непри-

знаніи равенства Сына Божія съ Отцомъ, но и здѣсь онъ далекъ отъ крайностей, въ какія впали жидовствующіе: онъ не училъ, что Мессія не пришелъ, онъ не отвергалъ евангельскихъ и апостольскихъ писаній, какъ это дѣлали жидовствующіе [32]). Онъ глубоко проникнутъ былъ евангельскимъ ученіемъ о самоотверженной любви, кротости, всеобщемъ братствѣ и равенствѣ, и свои убѣжденія оправдалъ самымъ дѣломъ,— освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ и кобальныхъ; Троичности Божества и Божественности Христа онъ не отвѣргалъ совершенно, и въ чемъ состояло высказанное имъ неравенство «раболѣпства» Сына Божія съ Богомъ Отцомъ, это до сихъ поръ не уяснено, да и самъ онъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ; это по всей вѣроятности была нечаянная обмолвка, высказанная имъ въ пылу увлеченія, отрицанія второстепенныхъ истинъ, и подхваченная его противниками. Отрицаніе таинствъ, отверженіе иконопочитанія, молитвъ за умершихъ, презрѣніе къ преданіямъ св. отецъ, къ постановленіямъ соборовъ — могутъ быть. какъ дѣйствительно и были у жидовствующихъ, естественными и неизбѣжными выводами изъ отверженія основныхъ христіанскихъ догматовъ о Троичности и Божественности Христа, но у Башкина, при его вѣрованіяхъ, хотя и не совсѣмъ чистыхъ, въ эти догматы, эти отрицанія не могли быть таковыми выводами; скорѣе ихъ можно принимать за протестантскія воззрѣнія. Доказательствъ на это отрицательныхъ и положительныхъ не мало. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей [33]), данная ересь есть слѣдствіе того броженія неправильныхъ раціоналистическихъ идей о таинствѣ св. Троицы, о Лицѣ Іисуса Христа и особенно о внѣшнѣй сторонѣ религіи, какое во 2-й половинѣ 16 вѣка становится замѣтнымъ въ Польшѣ и Литвѣ; Башкинъ и его ученикъ Ѳеодосій Косой суть будто-бы живая копія Михаила Сервета, Гейтцера анабаптиста и антитринитарія — этихъ предтечь Социна. Словомъ, Польша, которая, хотя не была заражена въ это время социніанствомъ, но была предрасположена къ принятію его, будто бы надѣлила Россію въ лицѣ Башкина и Косаго, раціонилистическимъ ученіемъ, предрасположеніемъ къ соціанизму, всѣмъ, кромѣ протестантизма. Но чѣмъ отыскивать въ Польшѣ какое-то предрасположеніе къ социніанству и изъ него такимъ отдаленнымъ и окольнымъ путемъ выводить ересь, не лучше-ль прямо указать на то, что духъ лютеровой реформы въ это время наводнилъ уже всю Литву и Польшу и частію оттуда, частію чрезъ поселившихся въ Москвѣ протестантовъ, проникъ къ русскимъ раціоналистамъ и гуманистамъ, каковы Башкинъ и его послѣдователи. Протестантствующими выдаютъ ихъ наши современныя имъ свидѣтельства. Митрополитъ Макарій, убѣждая Грознаго созвать соборъ по дѣлу Башкина, выставляетъ на видъ, что церковь обуревается не одними только суевѣріями восторжествовавшими на Стоглавомъ соборѣ, но и протестантскимъ вольномысліемъ [34]). Курбскій [35])

говоритъ о нашихъ еретикахъ: «возрасташа плевелы между чистою пшеницею, сирѣчь отроды ересей лютерскихъ, явишася хуленія на церковные догматы. Митрополитъ же русскій, за повеленіемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ лютерскихъ ругателей вездѣ имати». И самъ Башкинъ на соборѣ 1553 г. показалъ, что «научителями его были аптекарь Матвей Литвинъ и Андрей Хотѣевъ», сдѣлавшіеся впослѣдствіи реформатами [36]). Единомышленникъ Башкина, игуменъ Троицкаго монастыря Артемій привлеченъ былъ на судъ «аки причастникъ и согласникъ въ лютерскихъ расколахъ». Какъ видно изъ слѣдственнаго соборнаго о немъ акта, въ Троицу единосущную онъ вѣровалъ несомнѣнно, но изрекалъ хулы на преданія св. отцовъ, на таинство Евхаристіи и покаяніе, на поклоненіе св. иконамъ и крестное знаменіе, не соблюдалъ постовъ, на чувственные грѣхи смотрѣлъ слишкомъ легко, съ протестантской точки. Другіе единомышленники Башкина исповѣдывали себя на соборѣ не жидовствующими и не социніанами, а слегка протестантствующими, придерживающимися тѣхъ иконоборческихъ идей, съ которыми протестантская пропаганда, какъ мы видѣли, начала свое дѣло и которыя распространяли въ данное время едвали не одни они: «мы не поклоняемся св. иконамъ», высказали нѣкоторые изъ нихъ, «и положили зарокъ, и впредь имъ не покланяться» [37]). И видно, иконоборческія идеи пріобрѣли себѣ не мало приверженцевъ, когда предъ соборомъ является нѣсколько отважныхъ и упорныхъ послѣдователей и исповѣдниковъ ихъ. Какъ можно заключать изъ упомянутаго соборнаго акта, Башкинъ и его сообщники крайне возмущены были, кто поборами и притѣсненіями духовенства, эгоизмомъ и безсердечіемъ самихъ представителей вѣры и нравственности (Башкинъ), кто строгими аскетическими требованіями и постановленіями церкви (Артемій), кто формализмомъ и обрядностію въ богослуженіи (прочіе послѣдователи ихъ). При всемъ своемъ нерасположеніи къ православной церкви, они не думали совершенно отрекаться отъ нея; въ духѣ новаго моднаго ученія, они желали реформировать ее, привнести въ нее, повидимому, то, что было лучшаго въ протестантствѣ, благотворительныя человѣколюбивыя учрежденія, болѣе внутреннее духовное поклоненіе Богу, но мало по малу перешли къ крайнимъ отрицательнымъ воззрѣніямъ реформатства. Дальнѣйшее послѣ соборнаго преслѣдованія поведеніе единомышленниковъ Башкина, обличаетъ въ нихъ болѣе реформатовъ, чѣмъ социніанъ. Главные послѣдователи Башкина Ѳеодосій Косой, Игнатій и Ѳома, убѣжавъ изъ монастырскаго заточенія (на которое они осуждены были соборомъ 1555 г.) на Западъ Россіи, изъ домовъ и церквей выбрасывали тамъ св. иконы и учили поклоняться только Іисусу Христу, какъ всесовершенному Богу, — ясное доказательство ихъ протестантскихъ, а не социніанскихъ убѣжденій, а одинъ изъ нихъ, какъ наиболѣе краснорѣчивый и свѣдущій въ писаній — Ѳома, сдѣлался реформатскимъ

пасторомъ въ Витебскѣ и Полоцкѣ [38]). Нѣкоторые изъ ихъ единомышленниковъ впослѣдствіи не стали согласоваться ни съ Лютеромъ, ни съ Кальвиномъ и можетъ быть совратились въ социніанство, но, по справедливому замѣчанію Курбскаго, не столько ради ученій, сколько для заицыхъ своихъ паней, на которыхъ они женились въ Литвѣ, сдѣлавшись изъ разстригъ-монаховъ зацными панами: завзятыя русскія натуры, разъ сорвавшись съ прямого пути, рѣшительно не знали мѣры въ наглости своихъ заблужденій и страстей [39]).

Въ исторіи ереси Башкина нельзя не обратить вниманія на ея распространеніе. Она распространялась сначала въ кружкѣ друзей, знакомыхъ Башкина, сходившихся къ нему на домъ побесѣдовать о новомъ ученіи, и этотъ кружокъ со дня на день увеличивался: «прозябе ересь и шаташе между людьми умножися» [40]). И не только въ Москвѣ и не лица только либеральнаго круга, но нѣкоторые изъ новгородскихъ, вологодскихъ и соловецкихъ старцевъ «благопріятствовали его заблужденію» и даже «за Волгою прозябоша люторскія руганія ихъ» [41]), такъ что царь, по предложенію митрополита, долженъ былъ открыть рядъ соборовъ противъ ереси: соборъ 1553 г., два собора 1554 г. и одинъ 1555 г. Хотя первый же соборъ и заточилъ Башкина въ монастырскую тюрьму, гдѣ онъ скоро умеръ, и всѣхъ его соумышленниковъ подвергъ строгой епитиміи, «да не сѣютъ злобы своея человѣческому роду», тѣмъ не менѣе недоумѣнные вопросы ихъ не переставали смущать иноковъ новгородскихъ, для успокоенія которыхъ нужно было писать обширныя опроверженія ересеучителямъ [42]). Какъ всякая мода, новизна и нравственный недугъ времени заразительны при первомъ своемъ появленіи, какъ на Западѣ протестантизмъ имѣлъ въ глазахъ народа особенную прелесть и привлекательность вскорѣ же по возникновеніи своемъ, такъ и на Руси онъ былъ заманчивъ и не безопасенъ при первомъ съ нимъ знакомствѣ пытливыхъ умовъ.

Польщенные первыми успѣхами на Руси, ободренные гражданскими правами и преимуществами, протестанты рѣшаются на слишкомъ смѣлый и отважный шагъ. Въ силу своей ложной идеи о цезарѣ-папизмѣ русскаго царя, въ наивной увѣренности, что воля царя рѣшитъ судьбу церкви и царства, они стараются склонить на свою сторону царя и затѣмъ вступить чрезъ него въ союзъ съ православною церковію. Въ первомъ своемъ предпріятіи они едва не успѣли. Зная страсть Іоанна къ религіознымъ преніямъ, считая его за искуснаго богослова, они не рѣдко заводили съ нимъ богословскіе диспуты въ его царственныхъ палатахъ, въ собраніи приближенныхъ бояръ и сановниковъ Русскихъ, in corona nobilium et magnatuum, какъ выражается Одерборній [43]). Иногда,

они вступали съ нимъ въ письменные споры о вѣрѣ. Тотъ же Одерборній передаетъ, будто Іоанну такъ нравились проповѣди голштинскаго пастора Христіана Бокгорна, что онъ сталъ смотрѣть на ученіе Лютера, какъ на весьма близкое къ истинѣ, и одно не одобрялъ въ Лютерѣ, что вмѣстѣ съ игомъ папства онъ ниспровергъ и священный чинъ и очернилъ себя низкимъ отступничествомъ и женитьбою [44]). Свидѣтельство это, можетъ быть, преувеличено въ тѣхъ видахъ, чтобъ примѣромъ царя соблазнить другихъ, но не невѣроятно вовсе. Въ такъ называемый мрачный періодъ своего царствованія (начинающійся съ 1560 г., съ удаленія Сильвестра и Адашева), мучась подозрительнымъ недовѣріемъ къ русскимъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ находившихся на русской службѣ нѣмцевъ (Т. Шреффера, Іоахима Шредера и Даніила Браккеля, Ганса Бокбиндера, Эберфельда, Кальба, Фаренебекка Таубе, Крузе и другихъ), довѣряя нѣкоторымъ изъ нихъ всѣ тайны управленія государствомъ [45]). Особенно онъ любилъ и уважалъ умныхъ пасторовъ [46]). Между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ любимцовъ, вкравшись въ довѣренность царя, стали открыто склонять его къ принятію аусбургскаго исповѣданія [47]). Послѣ этого, чего нельзя было ожидать отъ такой загадочной натуры, какъ Иванъ Грозный, совмѣщавшей въ себѣ самыя, повидимому, непримиримыя крайности, представлявшей собою рѣзкіе переходы отъ примѣрнаго благочестія и человѣколюбія къ звѣрской жестокости и наглости, отъ аскетическаго воздержанія, поста къ крайнему (эпикурейскому) сластолюбію и разврату, отъ талантливыхъ проблесковъ ума къ неимовѣрно страннымъ абсурднымъ выходкамъ? Этотъ удивительный человѣкъ, слыша постоянно восхваленія новой вѣрѣ отъ близкихъ ему лицъ, не удивительно, могъ быть введенъ въ заблужденіе ими и — цѣнить ихъ вѣру такъ же высоко, какъ высоко цѣнилъ ихъ науку и искусство: съ какою ревностію, лѣтъ пять - семь тому назадъ, преслѣдовалъ онъ протестантствующихъ русскихъ еретиковъ, съ такимъ же сочувствіемъ онъ могъ относиться теперь къ новому модному ученію. Не напрасно жъ русскіе лѣтописцы того времени жаловались, что нѣмчина, лютый волхвъ Бомелій чуть было и царя не отвелъ отъ православныя вѣры [48]). Гаклюйтъ (1.516 и 20) передаетъ, что Грозный поручилъ англиканскому пастору Гумфри Коле изложить на бумагѣ сущность содержимаго въ Англіи вѣроученія и представленное имъ исповѣданіе вѣры такъ понравилось царю, что онъ далъ прочитать его нѣкоторымъ боярамъ. И видно, довольно просторное и не безплодное поле дѣятельности открылось въ Россіи для протестантизма, когда на помощь къ прежнимъ его проповѣдникамъ Бихавскій реформатскій соборъ 1560 г. опредѣлилъ послать въ Россію еще двухъ миссіонеровъ [49]).

Слыша о расположеніи Іоанна къ лютеранству, западные протестанты (не безъ согласія вѣроятно съ единовѣрцами своими, проживавшими въ

Россіи) шлютъ къ нему посольство (въ маѣ 1570 г.), съ намѣреніемъ вступить съ нимъ и его церковію въ братскій союзъ и сближеніе, а нѣкоторые сеньеры даютъ тайное порученіе одному изъ членовъ посольства, чтобъ онъ позаботился объ обращеніи въ лютеранство самого царя [50]). Посольство это было прикровенное, замаскированное. Какъ впослѣдствіи у папскаго легата Поссевина (въ 1582 г.) религіозная миссія прикрывалась политическимъ порученіемъ: посольство 1570 г. прибыло собственно отъ польскаго короля Сигизмунда Августа для переговоровъ о прекращеніи происходившей тогда между Польшею, Ливоніею и Россіею войны. Въ числѣ пословъ находились и нѣкоторые русскіе западнаго края, совратившіеся въ лютеранство. Во главѣ послѣднихъ предсталъ царю пасторъ чешскихъ и моравскихъ братьевъ Иванъ Рокита, и, тотчасъ послѣ политическихъ переговоровъ, открывается рядъ преній о вѣрѣ, далеко однако не такъ выгодныхъ для лютеранъ, какъ прежніе ихъ споры съ царемъ. Чешскіе и моравскіе братья, изгнанные (въ 1548 г.) императоромъ Фердинандомъ изъ Чехіи, соединились (въ 1562 г.) въ великой Польшѣ и Литвѣ съ кальвинистами. Зналъ ли объ этомъ Іоаннъ, или нѣтъ, но видя предъ собою Рокиту въ качествѣ спутника и представителя лютеранъ, принялъ его за лютеранина. Сверхъ всякаго ожиданія, Іоаннъ въ первой же рѣчи своей, или въ decem quaestiones изобличилъ всѣ главныя заблужденія лютеранства, начавъ съ того, что «вы новыми своими догматами испепелили всю Европу и ваши смуты произвели между вами самими нескончаемыя раздѣленія». Рокита, который зналъ и славянскій языкъ, на обличитетьную рѣчь царя отвѣчалъ защитительною рѣчью лютеранскому ученію, содержавшею въ себѣ отвѣты на всѣ 10-ть вопросовъ царя. Царь съ своей стороны представилъ опроверженіе на эту рѣчь, съ изложеніемъ православнаго ученія о спорныхъ пунктахъ. Во все время бесѣды, Рокита сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, покрытомъ коврами, а царь, окруженный боярами, на своемъ богато убранномъ тронѣ [51]). Затѣмъ пренія перешли въ область литературы. Высказанное царемъ опроверженіе 10-ти отвѣтовъ Рокиты было записано и украшено золотымъ съ перлами переплетомъ. Ученѣйшій евангеликъ Ласицкій, одинъ изъ спутниковъ Рокиты, на опроверженіе царя написалъ свое «опроверженіе и апологію своему ученію, не безъ гордости сравнивая себя на этотъ разъ съ Лютеромъ, который не такъ давно писалъ опроверженіе на англійскаго короля Генриха VIII. У Ласицкаго и затѣмъ у Одерборнія изъ этой полемики записанъ 1) самый разговоръ о вѣрѣ между царемъ и Рокитою, состоящій изъ 10 вопросовъ Іоанна и 10 отвѣтовъ Рокиты; затѣмъ слѣдуетъ 2) опроверженіе царемъ 10 отвѣтовъ Ракиты и 3) защита этихъ отвѣтовъ и вообще лютеранскаго ученія, написанная Лазицкимъ. Для нашей цѣли имѣютъ значеніе только первыя два сочиненія [52]).

1) У Ласицкаго разговоръ Рокиты съ Іоанномъ передается въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ катехизическомъ видѣ. Поэтому тутъ нѣтъ той живости и драматическаго обмѣна мыслей, какіе встрѣчаемъ въ извѣстномъ преніи Поссевина съ Грознымъ. Здѣсь вопросы и отвѣты сжаты, сухи и общи; краткость вопросовъ нѣсколько обезличиваетъ лице спрашивающее. И эта блѣдность и безжизненность формъ значительно умаляетъ достоинство ихъ содержанія. Мы подробно передадимъ изъ этого разговора только вопросы царя въ ихъ скелетной формѣ, а отвѣтовъ, по неважности ихъ содержанія, коснемся лишь отчасти. Вопросы эти слѣдующіе: 1) Кто ты? 2) каково твое ученіе? 3) какое, по вашему мнѣнію, основаніе для оправданія человѣка? 4) если человѣкъ спасается одною вѣрою (благодатною), то за чѣмъ же Христосъ будетъ судить людей по дѣламъ ихъ, и зачѣмъ въ Писаніи такъ часто говорится о достоинствѣ добрыхъ дѣлъ? 5) Христіанскую ли точно или Лютерову вѣру ты проповѣдуешь, и на кого вы больше опираетесь въ своемъ вѣроученіи на Лютера или на Христа? 6) такъ какъ вы отдѣлились отъ древней церкви, то скажи, гдѣ Лютеръ, а потомъ и ты самъ были призваны къ церковному служенію и учительству? При томъ же вы не подтверждаете своего ученія никакими чудесами? 7) Какъ ты думаешь о постахъ, которые, какъ я слышалъ, ваши послѣдователи совершенно оставили и которые между тѣмъ очень полезны для души: потому что сохраняютъ ея бодрость и крѣпость? 8) Что такое ваши молитвы, какъ не пустое и безполезное жужжаніе (murmur), и какимъ образомъ вы будете услышаны Богомъ и благоугодны Ему, когда вы ненавистны вѣрнымъ слугамъ и друзьямъ Божіимъ, святымъ небожителямъ, потому что враждуете противъ нихъ, поносите и разрушаете ихъ храмы и алтари, а они, обитая въ вѣчномъ и пренебесномъ свѣтѣ, полезны были бы для васъ своимъ ходатайствомъ предъ Богомъ? 9) Почему вы не почитаете св. иконъ и даже выбрасываете ихъ изъ вашихъ храмовъ и домовъ? 10) Какъ думаете о семейной жизни вашихъ священниковъ? По моему, они питаютъ стада прелюбодѣйцъ, а законныя единыя жены нѣтъ у нихъ, и эти-то превосходные учители народа проповѣдуютъ о благочестіи.

Предлагая эти вопросы Рокитѣ, царь, по словамъ Одерборнія, обѣщалъ ему богатые дары (ingentia munera), если онъ съумѣетъ подтвердить сомнительные и неправильные пункты Лютерова ученія, если разъяснитъ въ немъ мѣста запутанныя и прольетъ свѣтъ на мѣста темныя (si confirmare dubia, exedicare infricata, osdcuris lucem adferre dicenho posset) [53]). Вопросы эти показываютъ, что царь-диспутантъ коснулся почти всѣхъ существенныхъ сторонъ протестантскаго вѣроисповѣданія (остались нетронутыми вопросы объ исхожденіи св. Духа, о предопредѣленіи, о канонѣ св. книгъ и въ подробности о таинствахъ: ихъ числѣ, значеніи и проч., хотя вообще, при непризнаніи Богоучрежден-

ности іерархіи у лютеранъ, вопросъ о таинствахъ самъ собою предрѣшенъ въ смыслѣ ихъ недѣйствительности). Видно, что онъ хорошо изучилъ вѣроисповѣданіе, если не по символическимъ его книгамъ, то во время своихъ частыхъ преній съ лютеранами, а, можетъ быть, по стоустной молвѣ народа, среди котораго они разглашали о своемъ ученіи, хорошо присмотрѣлся къ дѣламъ и жизни ихъ. А эта рѣшительность, съ какою онъ подвергаетъ критическому разбору чужое вѣроисповѣданіе и вызываетъ его на судъ предъ лице православія, эта увѣренность въ достоинствѣ собственнаго вѣроисповѣданія и безотвѣтности и несостоятельности чуждаго показываетъ, что православный царь остается совершенно чуждъ навязываемому ему вѣроисповѣданію, что между ними лежитъ непроходимая пропасть. Прежнія колебанія и сомнѣнія его непостояннаго ума и характера, которыя склоняли его къ новому обольстительному ученію, исчезли какъ будто навсегда. Въ разговорѣ Іоанна нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ внѣшнихъ логическихъ недостатковъ: непослѣдовательности, отсутствія раздѣльности понятій или разобщенности нѣкоторыхъ совершенно однородныхъ вопросовъ (2-й и 5-й о вѣроученіи, 6-й и 10-й о таинствахъ не требуютъ разобщенія). Но это — всегдашніе недостатки авторства и краснорѣчія Іоанна, этого самороднаго «велія словесныя премудрости ритора», неудержимо пылкаго, страстнаго, постоянно путавшагося въ мысляхъ, увлекавшагося въ сторону отъ предмета. Эти внѣшніе недостатки съ избыткомъ однако покрываются полнотою и мѣткостью характеристики чуждаго вѣроисповѣданія, твердостію убѣжденій въ истинности собственнаго, высказанныхъ съ такимъ достоинствомъ и рѣшительностію, и — еще болѣе восполняются искусною обрисовкою нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ и заблужденій обличаемаго вѣроученія, выраженною не безъ тонкости остроумія, съ доказательностію и убѣдительностію, возвышаемою къ тому жъ краткостію и силою выраженія мысли. Говоря безъ преувеличенія, при всей своей краткости, вопросы Іоанна содержательнѣе и доказательнѣе самихъ отвѣтовъ Рокиты. Нѣкоторые изъ отвѣтовъ Рокиты (2 и 5) состоятъ изъ высказанныхъ въ различныхъ выраженіяхъ, но въ сущности однихъ и тѣхъ же увѣреній, что онъ проповѣдуетъ то самое ученіе, какое возвѣстили пророки, Христосъ и апостолы и какое изъяснилъ и возстановилъ Лютеръ; большая-жъ часть отвѣтовъ (7 — 10) представляютъ голословныя ссылки на то, что «ни Христосъ, ни апостолы прямо не учили о томъ» (о соблюденіи постовъ, призываніи святыхъ, поклоненіи иконамъ и о монашествѣ); сравнительно лучшіе отвѣты — это сужденія объ оправданіи (3 и 4) «(ради заслугъ Искупителя, чрезъ вѣру въ него, а не чрезъ добрыя дѣла мы получаемъ прощеніе грѣховъ и оправданіе предъ Богомъ, но при этомъ добрыхъ дѣлъ мы не отвергаемъ совершенно: какъ древо познается по плодамъ, такъ и вѣра сердечная

обнаруживаетъ себя чрезъ добрыя дѣла, подъ которыми мы разумѣемъ любовь къ Богу и ближнимъ, а не соблюденіе человѣческихъ постановленій, изобрѣтеній»). Но и здѣсь много недомолвокъ, такая бездоказательность, неистинность, какую трудно, повидимому, предположить, напр. скрывается поблажающая чуственности мораль протестантовъ; въ разборъ спорныхъ мѣстъ писанія, въ изъясненіе древнѣйшей христианской практики, на которые вызываетъ царь своего оппонента, послѣдній не входитъ; собственныхъ раціональныхъ доказательствъ, изслѣдованія дѣла по существу у него менѣе, чѣмъ даже у Грознаго, и вообще онъ ограничивается лишь перечисленіемъ разныхъ членовъ лютеранскаго ученія. Сужденія Іоанна, говоря безпристрастно, тверже и рѣшительнѣе, они нерѣдко озадачиваютъ, обезоруживаютъ противника.

2. Еще болѣе обширное знакомство съ протестантствомъ и вѣрную оцѣнку его высказалъ Іоаннъ въ письменномъ «опроверженіи» отвѣтовъ Рокиты. Такъ какъ «отвѣты» не представляютъ ничего новаго и кратко были уже предрѣшены и опровергнуты въ «вопросахъ» Грознаго, то и «опроверженіе» отвѣтовъ состоитъ лишь изъ развитія тѣхъ мыслей, которыя намѣчены были въ «вопросахъ». Постоянно указывая на согласіе протестантовъ не съ св. Писаніемъ и ученіемъ древней церкви, какъ они хвалились, а съ осужденными ею еретиками, Іоаннъ обстоятельно раскрываетъ и обличаетъ всѣ, кратко очерченные прежде, слабыя стороны протестантства. Онъ разбираетъ не обрядовыя только заблужденія протестантскаго вѣроученія, или имѣющія отношенія къ внѣшней сторонѣ релегіи: касательно совершенія литургіи (гл. 11), постовъ (гл. 10), иконопочитанія (гл. 13), монашеской жизни (гл. 14), — но и становится на точку отвлеченно-догматическую, входитъ въ состязаніе о такомъ спорномъ пунктѣ, котораго долго избѣгали даже полемисты 17 вѣка, — объ оправданіи. Лютеранское ученіе объ оправданіи Іоаннъ опровергаетъ ученіемъ апостола Іакова, примѣрами ветхозавѣтныхъ праведниковъ и соображеніями въ родѣ слѣдующихъ: «человѣкъ очищается въ крещеніи отъ грѣховъ, сдѣланныхъ прежде, но онъ обязывается исполнять всѣ заповѣди, иначе нисколько не помогаетъ и возрожденіе. Мнѣніе (лютеранское), будто грѣхи не прощаются въ крещеніи ради безцѣнныхъ заслугъ Искупителя, но остаются только въ забвеніи предъ Богомъ, есть еритическое, аріанское, потому что при такомъ представленіи Сынъ Божій становится ниже Отца (obligatus Patri, гл. 5 и 11). На всю вообще реформу Лютера Іоаннъ смотритъ, какъ на самовольное, незаконное возстаніе противъ церкви (гл. 1 и 9), — на проповѣдниковъ ея, какъ на похитителей права учительства, живущихъ и дѣйствующихъ изъ-за безразсуднаго желанія угодить толпѣ (гл. 2 и 4). «Лютеръ, какъ по своей жизни, такъ и по своему имени, на нашемъ языкѣ былъ человѣкъ лютый, свирѣпый. Какъ сатана съ своими демонами, онъ съ своими

способниками повсюду обольщает людей». О Лютере Грозный отзывается рѣзче, чѣмъ о папѣ. Латинянъ онъ признаетъ еретиками, а Лютера не хочетъ назвать и христіаниномъ: «горе вамъ погибшимъ, по своей прихоти извращающимъ Писаніе! Оставивъ въ сторонѣ священниковъ, учителей и самихъ апостоловъ, вы извращаете заповѣди Христа Спасителя, и мы не напрасно поражаемъ проклятіями такихъ враговъ истины и безчестныхъ изслѣдователей (guaestores)» (гл. 3 и 8). Характеристиченъ также духъ прещенія, отчужденія и непріязни къ обличаемымъ, какимъ проникнуто опроверженіе Іоанна: «вы, беззастѣнчиво честитъ ихъ Грозный, враги креста Христова, антихристы, потому что противитесь Христу (гл. 7), собаки, ослы, не слушающіе словъ увѣщанія, аспиды, закрывающіе свои уши, свиньи (porci), разстраивающіе согласіе въ христіанствѣ: съ вами говорить тоже, что повергать бисеръ. Если жъ я вступаю въ состязаніе съ Рокитою, то потому только, чтобъ вы не сочли меня несвѣдущимъ въ писаніи, или не подумали, будто и я согласенъ съ этимъ богохульнымъ, изливающимъ ядъ, ученіемъ (гл. 12 и предисловіе, всѣхъ главъ 14)[54]).

Въ представленной апологіи царя высказывается не діалектическое только опроверженіе чуждаго вѣроисповѣданія, но и сердечное отношеніе къ нему, не за себя только, но и за народъ. Извѣстно, какъ высоко ставилъ народъ авторитетъ православнаго царя въ дѣлахъ совѣсти и вѣры. Представители народа, по уполномочію отъ него и по освященію свыше покровительствовавшіе церкви, князья русскіе подавали рѣшительный голосъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и нововведеніяхъ церкви, ихъ голосъ былъ волею народа, гласомъ Божіимъ: при вторженіи католичества въ Россію въ лицѣ уніата митрополита Исидора, самый рѣшительный приговоръ произнесъ великій князь, а народъ призналъ въ немъ свое собственное рѣшеніе. Въ данныхъ своихъ отношеніяхъ къ протестантству, въ мужественномъ отпорѣ, ему оказанномъ, царь едва ли также отдѣляетъ себя отъ народа. Правда, не многіе обладали такимъ отчетливымъ знаніемъ всѣхъ тонкостей новаго ученія и могли представить такое сильное опроверженіе на него, какое высказалъ царь; но пренія царя съ лютеранами, производившіяся въ собраніи бояръ, дьяковъ и другихъ чиновъ, ни для кого не были тайною; и русское общество за 15—20 л., по появленіи среди его новыхъ людей и новаго ученія, могло уже достаточно присмотрѣться къ нимъ и оцѣнить ихъ по достоинству. Спорные обрядовые вопросы, даже таинственный вопросъ объ оправданіи всѣ здравомыслящіе люди могли разрѣшить и разрѣшали, хотя не съ такою подробностію и утонченностію, но въ томъ же духѣ и направленіи, какъ ихъ разрѣшилъ вѣнценосный представитель народа въ пору душевнаго просвѣтленія и обладанія счастливыми своими способностями и познаніями. Каждый здравомыслящій православный на всѣ соблазнительныя увѣренія лютеранъ, что для спасенія достаточно одной вѣры и оправданія, даруемаго

въ крещеніи, могъ сказать въ сущности то же, чѣмъ блисталъ Грозный предъ Рокитою: «зачѣмъ же въ такомъ случаѣ страшный судъ, зачѣмъ Богъ и совѣсть требуетъ добрыхъ дѣлъ»? Каждый, надобно полагать, глазами царя смотрѣлъ на Лютера, его преемниковъ и всѣхъ послѣдователей: прежнее обаяніе, навѣянное первымъ появленіемъ новыхъ модныхъ идей и ихъ вѣрныхъ адептовъ, неперь исчезло. Новые недоумѣнные вопросы перестали быть недоумѣнными. Вмѣстѣ съ царемъ и подданные готовы ручаться всѣмъ своимъ достояніемъ, что противникамъ ихъ не доказать мнимой правоты ихъ ученія и не поколебать православныхъ съ пути истины. Въ этомъ отношеніи замѣчательны тонъ и пріемы Іоанна. Здѣсь на ряду съ тонкими соображеніями и доказательствами встрѣчаются бранныя слова и возраженія. Правда, это было съ одной стороны слѣдствіемъ грубости тогдашняго времени и бурнаго характера диспутантовъ (самъ Рокита говорилъ въ рѣчи своей слишкомъ дерзко), а съ другой — зависило отъ высокаго общественнаго положенія и значенія царственнаго защитника, личность котораго совершенно подавляла противника, но все это вполнѣ не объясняетъ дѣла. Въ этомъ случаѣ царь дышалъ однимъ чувствомъ съ обществомъ, въ царскихъ «не пригожихъ» словахъ сказалось недовольство раздраженнаго народа за то, что протестантизъ вырвалъ изъ его среды нѣсколько неосторожныхъ жертвъ, бросивъ ихъ между своимъ и его лагеремъ (протестантствующихъ раціоналистовъ), смутилъ, взволновалъ умы разрушительными идеями, рѣзкостію отрицанія, поблажкою превратному вкусу, людскимъ слабостямъ; смѣлымъ и рѣзкимъ притязаніямъ его возмущенное общественное чувство хочетъ поставить непреодолимую преграду, грозный запретъ, собственную расправу. Всѣ свои прещенія и укоризны Грозный заключилъ такимъ неожиданнымъ обращеніемъ къ Рокитѣ: «ты не только еритикъ, но и рабъ антихристовъ, выдвинутый діаволомъ. Но есть еще другіе хуже тебя. Поэтому мы запрещаемъ вамъ распространять свое ученіе въ нашихъ владѣніяхъ». (Тогда же Грозный строжайше запретилъ пускать въ церковь православную кого-либо изъ лютеранъ). Въ этихъ словахъ и распоряженіяхъ изреченъ послѣдній общественный приговоръ лютеранству. Оно понесло пораженіе не вслѣдствіе научнаго превосходства православныхъ надъ его представителями, а отъ живаго, несокрушимаго чувства истины, которымъ сильны православные, вслѣдствіе ихъ трезваго и внимательнаго отношенія къ нему, послѣ строгой оцѣнки и разобнаженія тѣхъ чаръ и обольщенія, которыя оно на первыхъ порахъ производило на нѣкоторыхъ. Такъ позволяетъ думать то отрадное явленіе, что протестантская пропаганда на 30—40 лѣтъ, послѣ того какъ Грозный наложилъ на нее свою тяжелую руку, затихла, смолкла; по крайней мѣрѣ историческіе памятники ничего не говорятъ о ея агитаціи за это время.

Къ концу вѣка обстоятельства измѣнились въ ея пользу. Годуновъ сдѣлался чрезчуръ расположенъ къ нѣмцамъ-лютеранамъ. Смутныя времена дали имъ случай ловить добычу въ мутной водѣ. Къ этому же времени и численный составъ ихъ увеличился до небывалыхъ размѣровъ, и внутреннія силы ихъ значительно возросли. Съ этого то времени и начались наступательныя и строго обдуманныя дѣйствія ихъ пропаганды, неудачный почину которыхъ положенъ былъ полвѣка раньше.

Одновременно съ тѣмъ, какъ они начали фабриковать поддѣлкою и продажею иконъ, они снова успѣли пріобрѣсти на Руси нѣсколько явныхъ хулителей св. иконъ. Изъ памятниковъ смутнаго времени видно, что нѣкоторые русскіе, соединившись съ воинами Делагарди и множествомъ другихъ лютеранъ, грабили православные храмы, жгли и хулили св. изображенія [55]). Да и съ чего же еще пропагандѣ открыть наступательныя систематическія свои дѣйствія, какъ не съ ниспроверженія иконопочитанія? Религія, такъ сказать, разсудка, духа почти вездѣ, во всѣхъ странахъ, начинала свои завоеванія съ ниспроверженія иконопочитанія, уничтоженія обрядовъ. Но въ религіозно-національномъ духѣ русскаго народа на то были свои особенныя исключительныя причины. Нигдѣ, можетъ быть, въ христіанскомъ мірѣ иконы не имѣли такого широкаго употребленія и не были такъ благоговѣйно почитаемы народомъ, какъ на Руси. Гербиній (ученый пасторъ лютеранской церкви въ Вильнѣ, нѣсколько разъ бывшій въ Москвѣ и Кіевѣ въ 30-хъ годахъ 17 в.) разсказываетъ: «русскій человѣкъ нигдѣ и никогда не хотѣлъ разставаться съ иконами: въ путешествіе, на войну онъ всегда отправлялся съ своею иконою. Надъ дверями домовъ, лавокъ, разныхъ складовъ, на улицахъ и дорогахъ — вездѣ ставились иконы. Въ домахъ, особенно у богатыхъ людей, у изголовья ихъ постели сооружались чуть не полные церковные иконостасы. Простодушному чувству русскаго человѣка, объясняетъ Олеарій, казалось, что чѣмъ больше и ближе онъ будетъ окружать себя свящ. изображеніями, тѣмъ онъ ближе и непосредственнѣе станетъ къ Божеству, въ самыхъ образахъ неразвитое религіозное сознаніе его видѣло какъ бы чувственно осязаемое, вещественное присутствіе Божества. А какъ велико было благоговѣніе его къ иконамъ, Гербиній съ удивленіемъ приводитъ слѣдующіе факты: если бы, въ продолженіе одного часа, русскому человѣку пришлось встрѣтиться съ сотнею иконъ, то онъ не упустилъ бы предъ каждою сдѣлать глубокій поклонъ, обнажить голову, и этотъ обычай соблюдаютъ не только мужчины, но женщины и дѣти. Обветшалыя иконы отнюдь не сожигаютъ и не выбрасываютъ, но или пускаютъ ихъ въ рѣку и предоставляютъ ихъ судьбу волѣ Божіей или зарываютъ глубоко въ землю на кладбищѣ, въ саду, и самое то мѣсто огораживаютъ и охраняютъ отъ всего нечистаго» [56]). Такъ свято чтились свящ. изображенія и въ такомъ обшир-

номъ употребленіи они находились по своему важному религіозно-образовательному значенію: при недостаткѣ религіознаго просвѣщенія, они замѣняли русскому человѣку все въ христіанствѣ, и догматы, и богослуженіе; по нимъ онъ изучалъ исторію библейскихъ и евангельскихъ событій. Понятно, какъ важно было для враговъ православія ослабленіе и ниспроверженіе иконопочитанія: съ ниспроверженіемъ его они надѣялись подорвать въ корнѣ все православіе; безъ него вся религіозная жизнь сперва была бы безъ видимой опоры, безъ конкретнаго содержанія, а потомъ одною мечтою, пустымъ звукомъ, потому что, при неразвитости народа, безъ пластической внѣшности и обрядности, центромъ которой служитъ иконопочитаніе, нѣтъ для него и религіи; безъ иконъ, въ которыхъ онъ ощущалъ осязательное присутствіе Божества, онъ жилъ бы въ удаленіи отъ Бога, внѣ Его покрова и помощи. Понятно также, какъ оскорбительно было для религіознаго русскаго чувства слышать явную хулу противъ иконъ и даже видѣть малѣйшее ослабленіе подобающаго имъ уваженія. По словамъ Олеарія и Ульфельда (датскій посолъ, бывшій въ Россіи въ 20-хъ гг. 17 ст.), при малѣйшихъ нападкахъ иновѣрцевъ на иконопочитаніе, каждый простолюдинъ, въ которомъ не угасло чувство вѣры и набожности, ополчался на защиту его, хотя и приводилъ доказательства самыя простыя, ссылался на преданія, чудеса, на почитаніе, которое воздавали подданные своему царю [57]). Эта, удивлявшая иностранцевъ, горячая и благоговѣйная привязанность русскаго человѣка ко св. иконамъ и столь важное значеніе послѣднихъ въ религіозной практической его жизни должны были показать имъ, съ какою дальновидною осторожностію и строго разсчитанною постепенностію они должны подрываться подъ этотъ важный догматъ; и мы будемъ видѣть, какъ въ теченіе всего вѣка постепенно разнообразились и изощрялись направленные противъ него возраженія и доводы. А доказательства, которыя приводились православными въ защиту его: свидѣтельства слова Божія, преданія, чудеса,—должны были заранѣе указать исходные точки и способы аргументаціи, которыхъ должны держаться въ литературной полемикѣ какъ противники, такъ и защитники иконоупотребленія.

При возобновившихся усиленныхъ замыслахъ противъ завѣтныхъ вѣрованій православія, высшая наша власть церковная и гражданская взяла свои мѣры предосторожности, подобно тому какъ она приняла ихъ при первыхъ же замыслахъ протестантовъ противъ православія.—Священникъ острожскій Василій предъ тѣмъ временемъ написалъ на южнорусскомъ нарѣчіи двѣ статьи противъ иконоборческихъ идей лютеранъ: 1) о церкви, или убо о храмѣ молитвенномъ, 2) о образѣхъ, рекше иконахъ, держась тѣхъ полемическихъ пріемовъ: ссылокъ на слово Божіе, преданія, чудеса, какіе были въ ходу въ сѣверной Руси, среди пререкавшихся между собою протестантовъ и православныхъ (въ южной

Руси, какъ и въ сѣверной противъ однихъ и тѣхъ же заблужденій боролись одними же средствами). По повелѣнію «самого благочестія ревнителя и ересей искоренителя царя Михаила Θеодоровича» обѣ статьи священника Василія переведены были на церковно-славянскій великороссійскій языкъ, разосланы по церквамъ и распространены какъ въ отдѣльныхъ рукописяхъ, такъ и въ приложеніи къ различнымъ сборникамъ [58]). Не вступая въ пренія съ протестантами, какими ознаменовалъ себя Грозный, Михаилъ Θеодоровичъ беретъ на себя иниціативу въ распространеніи направленныхъ противъ нихъ сочиненій. По пріему, какой нашла себѣ въ публикѣ вновь вышедшая книга, по ея внутреннимъ достоинствамъ, мы можемъ судить о судьбѣ новыхъ замысловъ пропаганды, противъ которыхъ она направлена. Изложимъ вкратцѣ ея содержаніе.

Въ первой статьѣ очень краткой, составляющей вступленіе ко второй статьѣ, авторъ изъясняетъ отличіе церкви, какъ дома Божія и дома молитвеннаго, отъ обыкновенныхъ жилищъ человѣческихъ и укоряетъ лютеранъ за собранія на молитву въ простыхъ домахъ, гдѣ они «съ женами живутъ и гдѣ всякое празднословіе глаголется». Во второй статьѣ авторъ доказываетъ законность употребленія и чествованія св. иконъ и другихъ священныхъ предметовъ, мощей и пр., ссылаясь на почитаніе въ ветхомъ завѣтѣ изображеній херувимовъ, ковчега завѣта, скиніи и храма, въ новомъ — убруса Іисуса Христа и изображеній Богоматери, написанныхъ апостолами. А если въ евангеліи ничего не написано объ иконахъ, разсуждаетъ писатель, то потому, что «церковное созданіе, чины и уставы Христосъ устно заповѣдывалъ апостоламъ блюсти до скончанія вѣка и апостолы словомъ предаша ихъ вѣрнымъ» (1 Кор. II, 2; Солун. 2, 15). Затѣмъ изъясняется духъ иконопочитанія въ томъ смыслѣ, что честь образа восходитъ къ первообразу (3 цаст. 19, 18), что, почитая образъ Царя небеснаго, благоволившаго явить славу свою во плоти какъ бы въ обликѣ, во образѣ, мы почитаемъ Его самого, потому что образъ Его то же, что плоть; а изображенія св. угодниковъ, мощи и другіе останки достойны почитанія потому, что «удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ, что, при всей внѣшней безчувственности, мертвенности, они суть орудія и сосуды сокрытой въ нихъ и чрезъ нихъ чудодѣйствующей благодати Божіей. При чемъ они удачно сравниваются съ деревьями, которыя зимою остаются безъ плодовъ и повидимому замираютъ, но внутри себя скрываютъ таинственную силу жизни. Въ заключеніе православные предостерегаются отъ «христіано-хульниковъ, перескакивающихъ отъ лютерскія прелести къ кальвинской и въ прочая многая».

Кратко очерченныя «статьи» представляютъ собою большею частію мысли общія, обыкновенныя, всѣмъ извѣстныя; въ развитіи ихъ можно

находить недостатки, не удовлетворяющіе современнымъ намъ научнымъ требованіямъ. Но въ то непритязательное время, для котораго написано сочиненіе, общіе, обычные для насъ доводы представлялись читателю твердыми и основательными; облеченія и опроверженія противниковъ признавались сильными, мѣткими, иначе книга едва ли была бы въ такомъ обширномъ повсемѣстномъ употребленіи, едва ли пріобрѣталась бы съ такою ревностію и жертвами; къ тому же они высказаны съ твердымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинности и правотѣ православія, но въ тоже время тономъ довольно спокойнымъ. Оттого означенное сочиненіе послужило основою, образцемъ для послѣдующихъ противо-лютеранскихъ полемическихъ сочиненій. Но главное его достоинство состоитъ въ литературно-практическомъ его значенія. Изъ подобнаго полемическаго сочиненія, написаннаго Максимомъ Грекомъ, русская читающая публика усвоила твердыя воззрѣнія, дѣльные способы аргументаціи, но важное для своего времени это сочиненіе чрезъ полвѣка сдѣлалось недостаточнымъ, прежніе пріемы и доказательства стали не совсѣмъ современными; цѣлесообразными. Новыя дѣльныя «статьи», исходя изъ воззрѣній и способовъ аргументаціи, такъ излюбленныхъ народомъ и практиковавшихся въ его пререканіяхъ съ противниками, не могли ни улучшить, ни изощрить полемическихъ его пріемовъ, болѣе и болѣе развивая въ немъ интересъ и навыкъ къ преніямъ. И если въ началѣ смутнаго времени превратныя иконоборческія идеи нашли себѣ, какъ сказано, нѣсколько отважныхъ послѣдователей, то лѣтъ чрезъ 20 видимъ такую пламенную ревность къ охраненію святыни иконопочитанія, что по замѣчанію Ульфельда «если бы кто осмѣлился сказать русскому слово противъ подлинности иконы Богоматери или высказать другое подобное сомнѣніе, тому отрѣзали бы языкъ и потомъ такого Богохульника сожгли бы живаго[52]). Замѣчаніе крайне преувеличенное, но характеристически изображающее, какъ наболѣвшее отъ тѣхъ глумленій набожное чувство русскаго ревниво обергало свою внѣшнюю святыню. Въ виду обширнаго употребленія разсматриваемой книги между людьми всѣхъ званій и сильнаго впечатлѣнія, производимаго ею на общественное мнѣніе, мы въ значительной мѣрѣ можемъ приписать ея вліянію то общественное движеніе, которое съ 30-хъ годовъ начало подниматься въ Москвѣ противъ лютеранскихъ церквей, и которому особенно могла способствовать приведенная трактація о церквахъ.

При первой неудачѣ новыхъ своихъ замысловъ, пропаганда должна была отступить отъ плана, по которому она повела свое дѣло полвѣка назадъ. Тогда, въ половинѣ 16 вѣка, начавъ съ распространенія иконоборческихъ идей, она старалась дѣйствовать на православныхъ бла-

говидностію своихъ церковныхъ и общественныхъ учрежденій, образованностію, проповѣдію, выставляя превосходство ихъ предъ православными учрежденіями; но, обольщенная первыми своими успѣхами на Руси, она вскорѣ же обнаружила все свое ученіе и жизнь своихъ послѣдователей во всей ихъ непривлекательной наготѣ, и тѣмъ крайне повредила себѣ. Теперь, въ нач. 17 в., начавъ съ распространенія тѣхъ же иконоборческихъ идей, она встрѣтила себѣ гораздо большую преграду, чѣмъ прежде. Въ виду новой этой неудачи и прежнихъ печальныхъ опытовъ, распространяться о благовидности и превосходствѣ своихъ учрежденій надъ православными, или раскрывать всю систему своего ученія было бы по меньшей мѣрѣ странно и неразсчетливо. Противъ чего особенно возставалъ голосъ народа и предержащей власти, о томъ она надолго благоразумно умалчиваетъ (наприм. о не необходимости добрыхъ дѣлъ). Пока она подрывается, повидимому, подъ *главные* догматы, учрежденія и обычаи, которыми православная церковь отличается отъ протестантской (придавъ прежнимъ возраженіямъ, направленнымъ напр. противъ иконопочитанія новую постановку и развѣтвленіе и выдвинувъ нѣсколько новыхъ вопросовъ и возраженій). Новый болѣе дальновидный планъ требовалъ и новыхъ способовъ исполненія. Сознаніе ли усиленія своихъ средствъ и силъ надмевало ея адептовъ, внѣшнія ли благопріятныя обстоятельства придали имъ много смѣлости и самоувѣренности (извѣстныя выгодныя для нихъ условія въ политической и общественной жизни русскихъ 1-й пол. 17 в.) или рѣшительный образъ дѣйствія нашей власти вызывалъ ихъ на самыя рѣшительныя и крайнія мѣры, только они дѣйствуютъ съ рѣшительностію и настойчивостію, съ какою не выступали никогда ни прежде ни послѣ. Всѣ дѣйствія и отношенія ихъ къ православнымъ проникнуты духомъ отрицанія, реакціи. Они силятся подкопаться опрокинуть со всѣхъ сторонъ наиболѣе ненавистныя для нихъ учрежденія и вѣрованія, и хотятъ взять не столько силою мысли и истинности, сколько натискомъ, смѣлостію нападенія, безпощадностію внѣшней мелочной критики. Рѣзкостію отрицанія и скептиза, дерзкими насмѣшками и глумленіями они надѣются поколебать покоившіяся на сердечной простотѣ убѣжденія русскаго человѣка, сбить съ толку добродушное его сознаніе.

Намѣченный нами планъ, тонъ и пріемы пропаганды открываетъ, — насколько то возможно, — изданное въ 20-хъ гг. 17 ст. сочиненіе неизвѣстнаго автора: «объ образѣхъ, о крестѣ, хвалѣ Божіей, хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ вѣры Христовы»; другихъ же данныхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, оброненыхъ Олеаріемъ и Гербиніемъ, не сохранилось за все время отъ 1615 г. до 1643 г.

Въ этомъ единственномъ по нашему вопросу сочиненіи находимъ слѣдующіе вопросы и возраженія. «Церковь Божія имѣетъ иконы не по

Божію повелѣнію, но отъ скверныхъ языкъ преданія» (1-я гл. лист. 1—13 и 2-я гл. 14—16). «Иконы въ первый разъ внесены въ церковь на 7 вселенскомъ соборѣ» (гл. 3, л. 17—22). «Крестъ не отъ повелѣнія Божія есть» (гл. 4, л. 23—35). «Что за смыслъ въ крестообразномъ знаменованіи лица» (гл. 5, л. 36—39). «На какомъ основаніи и съ какою цѣлію положены въ церкви православной крестные ходы?» (гл. 6, л. 40 43.) «Почто почитаете св. угодники хвалою таковою, яже единому Богу належитъ?» (гл. 7, л. 44—49). (Тутъ же разбираются возраженія противъ исторической достовѣрности чудесъ, совершающихся у св. мощей). «Что намъ помощь въ молитвахъ св. умершихъ?» (гл. 8, л. 50—52). «Къ чему въ церкви посты? Православные своимъ ученіемъ о постѣ и дѣвствѣ походятъ на древнихъ еретиковъ: энкратиковъ, маркіонитовъ, татіанъ, адамитовъ, отвергавшихъ бракъ и возбранявшихъ употребленіе чистыхъ и полезныхъ снѣдей» (гл. 9, л. 54—61). «Откуда взяли православные, что хлѣбъ и вино въ Евхаристіи пресуществляются въ тѣло и кровь Христову? (гл. II, л. 65— 67). «Какая польза отъ молитвъ и благотвореній нашихъ за умершихъ?» (гл. 12 л. 68—71) [60]).

По нашему крайнему мнѣнію, приведенные вопросы и возраженія— не праздные, діалектическіе, которые ограничивались бы одною областію литературы, словопреніемъ, отпискою, но жизненные, ходячіе вопросы времени, составлявшіе упорную злобу дня. Это можно видѣть изъ того, что посвященная разбору ихъ рукопись, подобно статьямъ священника Василія, всюду (гдѣ у православныхъ были сношенія съ протестантами) переписывалась и пріобрѣталась съ бо́льшими пожертвованіями, чѣмъ упомянутыя статьи (потому что она была гораздо обширнѣе и слѣдовательно дороже) [61]). Изъ того времени мы не знаемъ книгъ болѣе распространенныхъ сравнительно съ этимъ и двумя-тремя подобными ему сборниками (какими, скоро увидимъ). Въ каталогахъ сохранившихся отъ той поры книгъ и рукописей, эти сборники встрѣчаются едва не на каждой страницѣ, такъ часто, какъ самыя общеупотребительныя богослужебныя книги. За отсутствіемъ въ то время проповѣдей, эти популярные сборники, въ значительной мѣрѣ, замѣняли собою самыя проповѣди и такъ же выражали собою современныя нужды и запросы общества, какъ ихъ выражаютъ въ настоящее время самыя популярныя изъ проповѣдей. Они имѣли такой обширный успѣхъ въ читающей публикѣ по всей вѣроятности потому, что содержали въ себѣ отвѣты на волновавшіе общество вопросы и возраженія.

Самое опроверженіе этихъ возраженій и вопросовъ, тонъ, пріемы полемики повсюду, намъ кажется, открываютъ въ разсматриваемомъ сочиненіи живой драматическій обмѣнъ мыслей между спорящими сторонами, не искусственный, придуманный писателемъ, но взятый изъ непосред-

ственной дѣйствительности. Видно, что авторъ принялся писать свое опроверженіе, только что покончивъ свой горячій споръ, и что онъ говоритъ тѣми же безъискуственными словами, которыя сейчасъ же сорвались у него съ конца языка. Онъ скрылъ свое имя вѣроятно потому, что не одинъ онъ, а всѣ такъ утверждали и спорили; его мысли принадлежали всѣму православному обществу [62]). Возьмемъ для примѣра 4-ю главу. Поставивъ себѣ задачею опровергнуть возраженіе: «крестъ не отъ Божія повелѣнія есть», и указавъ для этой цѣли на ветхозавѣтныя прообразованія и пророчества о крестѣ (Быт. 48, 14—15; Исх. 17, 11—13; Ис. 60, 30; 66, 18 и 19; Прем. Сол. 14, 7, 8), на предсказаніе Спасителя о явленіи предъ вторымъ пришествіемъ знамени Сына человѣческаго, авторъ вдругъ обращается къ обличаемымъ: «всплачете и вы, иконоборцы и кресто-ненавистницы, разграбляющіе благолѣпіе дома Господня». Сразу же споръ дѣлается слишкомъ оживленнымъ и возбужденнымъ, отвѣтъ предупреждаетъ вопросъ, отъ дѣла уклоняются, пренираются о предметахъ второстепенныхъ, какъ обыкновенно бываетъ въ живой одушевленной бесѣдѣ, и прослѣдить ходъ мыслей весьма нелегко. Наконецъ жаръ полемики утихаетъ и споръ возвращается къ прежнему своему предмету. Никто не можетъ показать изъ писанія, настаиваютъ противники, чтобы отъ Бога повелѣно творити крестъ. «Слыши, еретиче, азъ ти реку, идѣже писано о семъ», отвѣчаетъ полемистъ, и вслѣдъ за тѣмъ перечисляетъ новыя ветхозавѣтныя прообразованія и пророчества о крестѣ,— повѣствуетъ о явленіи креста Константину Великому; разсказываетъ, хотя и не совсѣмъ въ связи, какъ апостолъ Андрей первозванный, предъ мученическою своею смертію молился ко кресту: благословенъ буди, кресте, яко плотію еси Христовою освященъ», и заканчиваетъ рѣчь прежними въ различныхъ выраженіяхъ обличеніями: «когда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси и всѣ избранные назнаменованы будутъ знаменіемъ частнаго креста, печатію Бога живаго (Апок. 7, 2—7), ужели скажете вы тогда: не требе ми сія печать, какъ теперь говорите: «не требе ми крестъ?» Есть мѣста въ сборникѣ, представляющія непосредственную запись спорной личной бесѣды, со всѣмъ ея неподдѣльнымъ замѣшательствомъ, не нашедшися, что отвѣчать смущеніемъ,— происшедшимъ, нужно полагать, отъ той запальчивости и рѣзкости, съ какою протестанты вели свои пренія, упрекая православныхъ: «то у васъ не такъ, то не вѣрно, нигдѣ о семъ не написано, нигдѣ нѣтъ на то основанія» (гл. 4). Вотъ наприм. необработанная, безхитростная тирада (которую представляетъ собою 6-я глава). Авторъ взялся разъяснить, почему и для чего положены въ церкви православной крестные ходы съ крестами и иконами. Почему же? По примѣру Мироносицъ и Апостоловъ, которые «по градомъ ходяще, всюду проповѣдаша воскресшаго Господа (?!). Для чего? Для обличенія клеветъ древнихъ іудеевъ, кото-

рые и нынѣ повторяютъ, будто ученики унесли тѣло Господа» (?!!!). Подобныя натяжки, промахи и несообразности, какъ скоро увидимъ, нельзя приписать отсутствію подобающихъ свѣдѣній или логической несостоятельности писателя, а лучше объяснять ихъ тѣмъ, что онъ слишкомъ былъ возмущенъ нападками и укоризнами; отъ смущенія растерялся, забылся.

При внимательномъ чтеніи разсматриваемаго сочиненія, рѣзко бросаются въ глаза нѣкоторые внѣшніе недостатки: раздѣленіе главъ не по разнородности содержанія (1—3), соединеніе въ одну главу предметовъ разнородныхъ (гл. 4), раздѣленіе предметовъ сходныхъ чуждыми, посторонними вставками и вставка побочныхъ возраженій среди главныхъ (гл. 4) и наконецъ нерѣдкія повторенія — перифразъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей (въ 3-й главѣ, при разборѣ возраженій противъ иконъ вообще, замѣчается повтореніе мыслей, высказанныхъ въ 1-й главѣ, тоже и въ 4-й гл.). Трудно объяснить, отчего зависятъ всѣ исчисленные недостатки, во всякомъ случаѣ не отъ недостатка дарованій и научнаго оброзованія. Всего вѣроятнѣе, элементарными научными требованіями онъ пожертвовалъ для цѣлей практическихъ, именно. Хотя онъ обнаруживаетъ попытку создать цѣльную богословско-полемическую систему, которая опровергла бы всѣ наиболѣе извѣстныя и характерныя заблужденія современныхъ ему протестантовъ, но это — одна попытка и при томъ второстепенная, на самомъ дѣлѣ онъ пишетъ не научно-полемическую систему, а дѣлаетъ подборъ, сводитъ счеты наиболѣе ходячимъ вопросамъ и возраженіямъ противниковъ и, при группировкѣ ихъ, хотя связываетъ ихъ одною общею нитью и располагаетъ отчасти по единству предметовъ (первыя три главы трактуютъ объ иконахъ, 4, 5 и 6 о крестѣ, 7 и 8 о хвалѣ Божіей во святыхъ, 9-я о постахъ, 10 и 11 о таинствахъ, 12 о молитвахъ за умершихъ); но это связь внѣшняя, одни узлы, закрѣпляющіе нанизыванье фактовъ и сужденій, а самое нанизыванье происходитъ въ такомъ порядкѣ: взявъ одинъ извѣстный предметъ, напр. объ иконахъ, о крестѣ, онъ приводитъ рядъ слышанныхъ имъ возраженій, растягивая его, если онъ очень длиненъ, на нѣсколько главъ, и опроверженія на нихъ излагаетъ въ томъ вѣроятно порядкѣ, въ какомъ происходилъ споръ на самомъ дѣлѣ, оставляя неисправленными тѣ недоговорки, повторенія и увлеченія, какія бываютъ слѣдствіемъ возбужденнаго психическаго состоянія, при оживленной устной полемикѣ. И это, предполагаемъ, для того, чтобы представить читателямъ болѣе живую и вѣрную картину дѣйствительности, возбудить въ нихъ больше интереса въ дѣлу полемики и дать имъ такой же отвѣтъ на слышимые ими вопросы и возраженія, съ какимъ онъ самъ выступалъ на враговъ. Въ частности, нѣкоторый внѣшній подборъ возраженій подъ извѣстныя рубрики могъ быть сдѣланъ для того, чтобъ всякій, слыша тѣ или другія возраженія, скорѣе могъ найдти въ книгѣ отвѣтъ на нихъ.

Что это были за отвѣты, какой былъ послѣдній исходъ этихъ пререканій и успѣла-ль сколько-нибудь въ своихъ дѣйствіяхъ пропаганда?

Для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, необходимо коснуться внутренней литературной стороны разсматриваемаго сочиненія и достоинства, какія будемъ приписывать ему, провѣрить самымъ содержаніемъ.

При внѣшней, случайной связи мыслей, при отсутствіи строгой научной систематичности, въ сочиненіи находится не мало серьезныхъ экзегетическихъ изслѣдованій и свѣдѣній по части библейско-истолковательной и канонической письменности, много историческихъ доказательствъ, взятыхъ не изъ отрывочныхъ какихъ-либо хронографовъ, но пріобрѣтенныхъ основательнымъ изученіемъ исторіи. Правда, раціональныхъ, апріорическихъ доказательствъ въ немъ мало, но нужны ли они въ борьбѣ съ тѣми, кто, чувствуя свое неизмѣримое превосходство надъ малообразованными «московитами», игнорировали всякія ихъ умствованія и умозаключенія? При томъ, эти раціональныя доказательства замѣнялъ и, можно сказать, дѣлалъ излишними искусный подборъ библейскихъ текстовъ, который выставлялся при опроверженіи каждаго возраженія и который получаетъ особенную важность въ преніяхъ съ противниками, признававшими исключительно библейскій авторитетъ.

Что касается содержанія обширнаго сборника, то оно можетъ быть резюмировано такъ. Въ опроверженіе возраженія, «будто церковь Божія имѣетъ иконы не по Божію повелѣнію, но отъ скверныхъ языкъ преданія», авторъ между прочимъ доказываетъ, что и въ первые три вѣка христіанства, не смотря на крайне неблагопріятныя для иконопочитанія внѣшнія и внутреннія условія церкви: (постоянныя гоненія, спиритуалистическое идеальное пониманіе христіанства и способовъ Богопочтенія, опасеніе подражанія идолопоклонству въ дѣлѣ иконопочитанія) — примѣры послѣдняго можно примѣчать въ церкви. Изъ множества приводимыхъ на то свидѣтельствъ нѣкоторыя не потеряли интереса рѣдкости даже до настоящаго времени. Таковы напр. свидѣтельства, что римскій папа Сильвестръ показывалъ Константину Великому предъ его крещеніемъ иконы св. апостоловъ Петра и Павла, что въ мѣстечкѣ Паніадѣ (въ Кесаріи Филипповой) до лѣтъ Юліана Богоотступника стоялъ образъ Христа, поставленный исцѣленною Спасителемъ кровоточивою женою. Далѣе авторъ доказываетъ, что не иконопочитаніе, а иконоборство преемственно перешло къ намъ отъ «скверныхъ Христоненавистниковъ», отъ жидовъ и мухаметанъ, отъ императоровъ иконоборцевъ: Филиппа, Льва III, Льва IV и наконецъ отъ «наслѣдовавшихъ» имъ Виклефа, Гусса, Лютера и Кальвина (гл. 2). О почитаніи и молитвенномъ призываніи святыхъ, въ виду вышеприведенныхъ возраженій протестантовъ, полемистъ разсуждаетъ: «Богъ оказывалъ милосердіе свое не только ради Авраама, Исаака и Іакова (Исх. 32, 12, 13), но и Давида

ради и пророка Іереміи и иныхъ ради многихъ (4 Ц. 19, 34; 3 Ц. 11, 11, 12; Псал. 31, 1; 67, 36; 150, 1; 149. 1, 4, 15, 9; Ш. 6, 9). Заботясь о нашемъ всегдашнемъ благѣ, святые выну молятся о насъ; безпрестанно вопіютъ о насъ Богу (3 Ездр. 15, 18; 2 Маккав. 15, 12—18; Апок. 6, 9—12). Ап. Петръ обѣщаетъ имѣть молитвенную память объ ученикахъ своихъ (2 П. 1, 15). Спаситель обѣщалъ дати святымъ славу свою (Іоан. 17, 22, 24; Мѳ. 10, 40, 41, 42). Въ церкви Апостольской видимъ празднества въ честь святымъ (прав. Апост. 7 и 17). Длинный этотъ рядъ археологическихъ и библейскихъ доказательствъ пріятно перемежается остроумными замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: «удивляться ли чудотвореніямъ, совершаемымъ святыми, удивляться ли тому, что муро течетъ отъ св. мощей, когда Богъ источалъ источники воды изъ ослиной челюсти для славнаго Сампсона, испустилъ воду изъ камени для странствовавшихъ евреевъ» (гл. 7). Въ такомъ же родѣ излагается противо-протестантское ученіе о пользѣ и необходимости молитвъ за умершихъ. Въ основаніе его приводятся: наставленіе Товита къ сыну: хлѣбъ твой и вино твое при гробѣ праведныхъ даждь (4, 17), примѣръ Іуды Маккавея, пославшаго въ Іерусалимъ богатую милостыню (2000 гривенъ серебра) за грѣхи убіенныхъ на брани (2 Мак. 12, 43), примѣръ Варуха пророка, молившагося за отшедшихъ изъ міра сего (Вар. 3, 4) и наконецъ прямое повелѣніе св. Апостоловъ (14 правило Апостоловъ) и постоянная практика церкви Христовой (гл. 12). Наибольшею полнотою и силою историческихъ доказательствъ и достаточнымъ знакомствомъ съ исторіею ересей отличается изслѣдованіе о постахъ. Оправданіе для постовъ авторъ находитъ въ ветхомъ завѣтѣ, въ жизни Моисея, Иліи, Даніила съ треми отроками и Іоанна Крестителя, а преимущественно въ жизни и ученіи Іисуса Христа (Мѳ, 6, 16—19). Въ частности о четырехъ постахъ онъ доказываетъ, что они установлены во освященіе нами четырехъ временъ года, что о нихъ предсказывалъ пророкъ Захарія (гл. 8, ст. 19), что они, равно и посты въ среду и пятокъ, учреждены «не по самоумышленію, а по преданію св. Апостолъ» (прав. Апост. 69). Далѣе, ограждаетъ православныхъ отъ упрека, что они своимъ извращеннымъ ученіемъ о постѣ и дѣвствѣ подражаютъ енкратикамъ, маркіонитамъ, адамитамъ, татіанамъ, сопоставляя ученіе всѣхъ этихъ еретиковъ съ православнымъ.

По частямъ мы привели (въ стереотипномъ видѣ) содержаніе всего сочиненія, нисколько не ослабляя силы доказательствъ изложенныхъ въ немъ мыслей; остались неразсмотрѣнными нѣсколько лишь страницъ (гл. 10 и 11), гдѣ авторъ, постоянно осаждаемый нападками и обличеніями, какъ бы устаетъ отъ продолжительной борьбы и отражаетъ ихъ немногими, хотя мѣткими и сильными, словами, напр. ему говорятъ: «исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ вымышлено недавно»; онъ отвѣ-

чаетъ: «если апостолы получили отъ Христа власть держати и отпущати грѣхи, то исповѣдь предъ ними всегда бѣ» (Дѣян. 19, 18). Но эти краткости не вредятъ существу дѣла, напротивъ въ сложной аргументаціи онѣ представляютъ занимательное, оживляющее вниманіе разнообразіе, изобличая въ авторѣ нѣкоторый навыкъ къ діалектическимъ преніямъ, достаточную — для того времени — ловкость, изворотливость диспутанта.

Такихъ достоинствъ и такого содержанія сочиненіе не могло не имѣть важнаго значенія въ живой, личной полемикѣ православныхъ съ протестантами. Большую услугу въ этомъ дѣлѣ оказала для православныхъ книга священника Василія, но тамъ заключался отвѣтъ на одинъ - два вопроса своего времени. Въ этомъ же новомъ произведеніи каждый мыслящій читатель могъ найдти множество научныхъ доказательствъ и выставить ихъ предъ противниками, выступившими теперь со многими, научно обоснованными возраженіями и попреками. Такъ какъ при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія рѣдко кто могъ придумать удовлетворительные отвѣты на эти опасныя возраженія и попреки, а между тѣмъ всякій нуждался въ нихъ, то оказалась нужда въ справочной настольной книгѣ, которая содержала бы такого рода отвѣты. Разбираемое сочиненіе, судя по той общеизвѣстности и общераспространенности, какою пользовалось оно, дѣйствительно и было такою настольною, справочною книгою для каждаго книжника: при всѣхъ нападеніяхъ враговъ, сильное оружіе постоянно было въ его рукахъ, надежное слово защиты всегда было въ его устахъ, и какъ ни упорны эти нападенія, они не могли поколебать силы православія и православной церкви. Сами протестанты (наприм. Олеарій, бывшій въ Россіи тогда (въ 1638 г. не позже), когда въ ней не было въ обращеніи ни одного полемическаго противо-лютеранскаго сочиненія, кромѣ разсматриваемаго сборника и книги священника Василія) сознаются: если русскіе и вступаютъ въ пренія съ иновѣрцами, то держатся на твердой почвѣ преданія и св. отцевъ, на которой утверждали ихъ наставники и руководители, и съ этой скалы никакая сила въ мірѣ не можетъ ихъ сдвинуть [63]). На этой незыблимой скалѣ болѣе всего утверждало народъ чтеніе этого дѣльнаго трактата, который и самъ всецѣло держится на той же твердой почвѣ. Непоколебимую стойкость православныхъ въ своей вѣрѣ прекрасно характеризуетъ еще Гербиній: измучьте русскихъ 100, умертвите 1000, и изъ нихъ едва одинъ отпадетъ отъ вѣры своихъ отцевъ [64]).

Важное практическое значеніе могло имѣть разсматриваемое сочиненіе, благодаря своему спокойному, примирительному духу и характеру, которымъ оно превосходитъ не только предшествующія, но и многія позднѣйшія сочиненія того же рода. Какъ можно было видѣть изъ представленнаго обзора сочиненія, въ немъ авторъ съ достоинствомъ, свойствен-

нымъ проповѣднику и защитнику истины, и съ искреннимъ сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу доказываемой истины разоблачаетъ всѣ мнѣнія и заблужденія противниковъ, и опровергая ихъ съ опытностію и основательностію, при всемъ внутреннемъ возбужденіи, неизбѣжномъ при сильной заинтересованности оспариваемою истиною, не позволяетъ никакихъ бранныхъ и неприличныхъ выраженій. Вчитываясь и изучая дѣльную, популярную книгу, современники могли воспитать (и многіе воспитали) въ себѣ тотъ же полемическій духъ и характеръ, какимъ проникнута она отъ начала до конца; могли научиться (и научились) защищать истину своего ученія съ достоинствомъ, твердостію, благоразумною ревностію и невозмутимымъ спокойствіемъ. И чѣмъ болѣе она подвергалась нападеніямъ и преслѣдованіямъ, тѣмъ болѣе являлось мужественныхъ и вмѣстѣ кроткихъ «крѣпкостоятелей» за вѣру. И всѣ они тѣмъ смѣлѣе и спокойнѣе могли положиться на этотъ дѣльный полемическій трактатъ, и онъ тѣмъ болѣе умиротворяющаго и назидательнаго вліянія могъ имѣть на нихъ, что сами же власти гражданскія и церковныя, введшія его во всеобщее употребленіе, едва ли не придали ему высокій общецерковный авторитетъ.

Если русскіе такъ стойки были въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ тверды въ своей вѣрѣ, то пропаганда должна была бы, повидимому оставить ихъ въ покоѣ. Но страсть къ пропагандѣ принадлежитъ къ числу такихъ страстей, энергія которыхъ, при встрѣчѣ съ неодолимыми, повидимому, препятствіями и затрудненіями, только усиливается, закаляется. Послѣ первыхъ неудачъ, понесенныхъ протестантскою пропагандою на Руси (въ 70-хъ гг. 16 ст.), энергія ея не только не ослабла, но даже усилилась: на время она затихла, чтобы собраться и выступить съ новыми силами. Такъ было и теперь (въ 30 и 40-хъ гг. 17 ст.). И какъ дѣло, вновь начатое по строго разсчитанному и рѣшительному плану, не довести до конца? Въ чемъ, благодаря смѣлости плана и рѣзкости дѣйствія, была неудача, то можно было смягчить, замаскировать, видоизмѣнить, но — послѣ *главныхъ* вѣрованій и учрежденій протестантовъ, какъ не попытаться провести въ убѣжденія русскихъ людей и остальныя его вѣрованія и учрежденія? Какъ не повторить при случаѣ прежнихъ воззрѣній и возраженій и не выступить наконецъ со всею системою своихъ вѣрованій и учрежденій? Внѣшнія политическо-общественныя условія попрежнему не представляли къ тому препятствій. Численныя, внѣшнія и внутреннія силы самихъ протестантовъ повсюду быстро возрастали (въ одной Москвѣ появилось болѣе 1000 протестантскихъ семействъ). Съ своими корчмами и бл., насиліями къ русской прислугѣ, они слишкомъ наступали на вѣрованія православныхъ. И все повидимому обѣщало успѣхъ.

Въ первое и второе десятилѣтіе, по выходѣ 12-ти главаго сборника, еще появилось нѣсколько противо-лютеранскихъ сочиненій. Въ 1627 г. былъ напечатанъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ (вышедшій на югѣ) большой катихизисъ Лаврентія Зизанія. Но изданный, какъ сказано въ предисловіи, «на еретиковъ, богохульниковъ и супротивниковъ церкви Бога живаго, пользы ради и спасенія душъ христіанскихъ [65]), онъ направленъ былъ иногда на пользу «еретиковъ», и полемисты наши, занося руку на враговъ, поднимали ее отчасти на самихъ себя, сами способствовали распространенію протестантскихъ идей. Не «горазд» выправленный игуменомъ Иліею, онъ, кромѣ многихъ латинскихъ мыслей, содержалъ въ себѣ и лютеранскія измышленія; такова напр. мысль, что только личная сознательная вѣра оправдываетъ человѣка и что потому дѣти вѣрныхъ, умершія безъ крещенія, какъ и дѣти невѣрныхъ родителей, безвозвратно погибли (л. 132); таково понятіе о бракѣ, который опредѣляется, какъ сожитіе по законному чину, но не какъ таинство, (л. 333), и о таинствѣ вообще, для котораго не требуется ни Божественнаго установленія, ни нужды священства, т. е. лицъ, долженствующихъ совершать таинства (л. 314). Не удивительно, что изданіе катихизиса было дѣломъ протестантской интриги, искусно дѣйствовавшей чрезъ нашихъ издателей - полемистовъ. Какъ бы то ни было, но между прочимъ и за протестантскія мысли, получившія къ тому жъ огласку въ народѣ, катихизисъ Лаврентія былъ запрещенъ вселенскими патріархами, а патріархъ Филаретъ сжегъ всѣ собранные экземпляры книги [66]). Въ замѣнъ злосчастнаго катихизиса (можетъ быть одновременно съ нимъ) издано было не мало противо-лютеранскихъ отдѣльныхъ статей. Но такъ какъ всѣ онѣ были разсѣяны по разнымъ рукописнымъ сборникамъ и пользоваться ими было весьма неудобно, то вскорѣ онѣ соединены были въ одинъ сборникъ. По мѣрѣ накопленія новыхъ такихъ статей, являлись новые сборники и т. д., наприм. выборъ изъ статей инока Зиновія, книга о вѣрѣ православной. Всѣ эти статьи и сборники имѣли въ виду обличить всѣ современныя заблужденія лютеранства, дать православнымъ правильное о немъ понятіе, готовые, удовлетворительные отвѣты на всѣ его вопросы и возраженія. И если въ то крайне бѣдное книгами время вышло такъ много противолютеранскихъ статей и сборниковъ, — а вышло ихъ гораздо больше, чѣмъ сколько дошло до насъ чрезъ всѣ невзгоды времени, то — идеи и заблужденія, которыя вызвали появленіе ихъ, немало смущали православное общество.

Какія именно идеи и возраженія ихъ произвели теперь новое смущеніе и опасенія, объ этомъ можно узнать изъ изданнаго протопопомъ Іоанномъ Насѣдкою (въ 1642 г.) сборника, подъ заглавіемъ: «Изложеніе извѣстно отъ Божественныхъ Писаній стараго закона и новыя благодати на окаянныя и злоименныя Лютеры, на многія ереси отвѣты

возразительныя»[67]). Этотъ сборникъ въ свое время такъ же былъ распространенъ въ читающей публикѣ и до нашего времени сохранился въ такомъ же количествѣ экземпляровъ, какъ и книга священника Василія и 12-ть главъ «о иконѣхъ, крестѣ, хвалѣ Божіи», которыя легли въ основу его или вѣрнѣе составили первую его часть[68]). О большей же части другихъ упомянутыхъ сборниковъ ничего не извѣстно, кромѣ того, что они когда-то существовали, имѣли спеціальное противолютеранское назначеніе и то или другое заглавіе. Правда, одинъ сборникъ сохранился до насъ вполнѣ, «12-ть избранныхъ словъ о чести св. иконъ и о поклоненіи», написанныхъ греческими отцами и учителями церкви временъ иконоборства[69]) и теперь направленныхъ противъ идей, которыя наслѣдовала реформація отъ иконоборства[70]), но эти слова имѣютъ слишкомъ общее содержаніе, и могутъ служить развѣ подтвержденіемъ того, что излюбленныя иконоборческія идеи неутомимая пропаганда снова начала проповѣдывать на Руси[71]).

По сборнику 47-главому и нѣкоторымъ другимъ даннымъ любопытно бы дознать — 1) какія изъ прежде извѣстныхъ на Руси идей и воззрѣній своихъ и въ какой подновленной формѣ старалась распространить пропаганда и 2) съ какими совершенно новыми вопросами и возраженіями выступила она теперь?

1) Исконное возраженіе противъ иконопочитанія встрѣчается и въ настоящемъ сборникѣ, только не въ такой рѣзкой формѣ, какъ прежде; теперь оно сводится къ мысли: «въ чести подобаетъ св. иконы имѣти, а молиться предъ ними не достоитъ». Опроверженію этого возраженія посвящены четыре главы: 19-я (л. 160—166)[72]) по мыслямъ и многимъ возраженіямъ сходная со 2-ю статьею священника Василія и 1-ю 12-ти главаго сборника; 20-я глава (л. 167—169), представляющая повтореніе дальнѣйшихъ доказательствъ, находящихся въ 1-й главѣ названнаго сборника; затѣмъ обширнѣйшая изъ всѣхъ 47 главъ 21-я (л. 171—197) и 22-я глава.

Прежнія возраженія противъ призыванія и прославленія святыхъ (раскрытыя въ 7 и 8 главахъ того же сборника) большею частію измѣнились лишь въ формѣ выраженія. Прежній вопросъ: «почто почитаете св. угодники таковою хвалою, яже единому Богу належитъ (7 гл. сборн.) выраженъ въ формѣ утвердительной рѣчи: «не подобаетъ св. угодникамъ праздновати, кромѣ Божіихъ праздниковъ». Опроверженія и доказательства здѣсь тѣ же, что и въ 7 главѣ; нѣсколько новыми представляются двѣ главныя мысли, первая: въ ветхомъ завѣтѣ къ заповѣданнымъ отъ Бога праздникамъ присоединено было и нѣсколько другихъ, по аналогіи съ которыми въ христіанской церкви установлены съ теченіемъ времени празднества въ честь святыхъ, вторая новая мысль: «если хвалимыхъ Богомъ людей мы не будемъ восхвалять достойно, то связаны будемъ

гнѣвомъ Божіимъ» (примѣръ — Веѳильскіе отроки, смѣявшіеся надъ пророкомъ Елисеемъ, гл. 17 л. 127—133. Другой прежній вопросъ: «что намъ помощь въ молитвахъ святыхъ» (гл. 8) здѣсь (въ 13 гл. 71—74 л.) формулированъ также въ положительномъ тонѣ: «не могутъ праведніи ничто же помощи намъ, аще не самъ Богъ кого помилуетъ». Въ опровerженіе подробно разсказывается молитва Авраама о помилованіи Содома и Гоморы ради извѣстнаго числа праведниковъ (13 гл. 71—74 л.). Но встрѣчается и новое возраженіе, относящееся къ прежнему предмету: «а еже по смерти святыхъ явленія, то вымыслъ лукавыхъ человѣкъ». Въ опроверженіе выставляются свидѣтельства св. Писанія: о явленіи праведнаго Самуила Саулу (I Ц. 28, 12, 14), о явленіи Моисея и Иліи во время преображенія І. Христа (Л. 9, 30), и наконецъ приводятся многочисленные разсказы греческихъ и римскихъ писателей о явленіяхъ умершихъ праведниковъ живущимъ на землѣ людямъ.

Появленіе обширной апологіи иконопочитанію, почитанію и призыванію святыхъ едва ли не находится въ связи съ новыми происками пропаганды. Мы знаемъ, что протестантская пропаганда имѣла много причинъ и разсчетовъ домогаться искорененія иконопочитанія въ русскомъ народѣ. Но истинною помѣхою для нея были не сами иконы, а изображаемые на нихъ святые и ангелы. Ей хотѣлось, чтобъ на этихъ носителей благодатныхъ даровъ народъ смотрѣлъ какъ на обыкновенныхъ историческихъ героевъ добра и правды и находился съ ними въ томъ мертвомъ нравственномъ союзѣ, который ограничивался бы воспоминаніемъ о нихъ, потому что, переставъ молиться святымъ, онъ естественно пересталъ бы молиться за умершихъ, а отказавшись отъ вѣрованій и учрежденій, которыя имѣютъ наибольшее примѣненіе къ практической религіозной жизни, больше всего говорятъ его сердцу и воображенію, онъ, по своей темнотѣ и неразвитости, тѣмъ скорѣе пожертвовалъ бы таинственными, непостижимыми для ума догматами: о пресуществленіи, оправданіи, исхожденіи св. Духа. Но какъ достигнуть столь важнаго въ перспективѣ пропаганды ниспроверженія иконъ и святыхъ? Прежнія рѣзкія нападки не принесли пользы. Не лучше ли съ видомъ участія и благожеланія посовѣтовать и пособолѣзновать, что привязанность русскихъ къ св. иконамъ доходитъ до суевѣрія и фанатизма, что благочестіе и набожность ихъ имѣетъ суровый монтанистическій характеръ? Такія сѣтованія и соболѣзнованія встрѣчаемъ у многихъ протестантскихъ писателей. Они наприм. стараются увѣрить, что у русскихъ положительно запрещено молиться безъ иконъ, что даже нѣмцы должны держать ихъ въ своихъ домахъ: иначе русскіе не захотѣли бы имѣть съ ними никакихъ сдѣлокъ, не стали бы ходить къ нимъ на домъ и наниматься въ прислуги [73]). Особенно неистощимъ на подобныя сѣтованія и розсказни Олеарій (бывшій въ Россіи за три года до настоящей

полемики). По Олеарію, русскіе каждой иконѣ приписываютъ великую благодатную силу, дающую скорость и успѣхъ всякому дѣлу, въ каждой семьѣ предъ деревянною доскою съ воплемъ и криками испрашиваютъ всѣ благословенія своему дому [74]), питаютъ необъяснимый страхъ и ужасъ предъ образами, какъ бы въ нихъ находилось нѣчто вещественно-божественное, даже боготворятъ иконы, научая тому дѣтей еще съ колыбели. Отъ этого чрезмѣрнаго благоговѣнія они вдругъ же переходятъ будто къ изувѣрству, хулѣ и ругательству надъ св. иконами; во время наприм. пожара выносятъ иконы къ самому пламени и, напрасно взывая къ нимъ о помощи и избавленіи отъ бѣдствія, бросаютъ ихъ въ огонь, приговаривая: если вы не хотѣли спасти насъ отъ огня, то спасайте сами себя и погасите огонь [75]). Всѣ подобныя сѣтованія и насмѣшки Олеарій высказываетъ не какъ сторонній наблюдатель, свысока и съ саркастическою улыбкою смотрящій на обнаруженіе русскаго благочестія, и не какъ доброжелательный моралистъ, исполненный непритворнаго участія и сожалѣнія о неразвитости русскаго религіознаго сознанія. Почти съ нескрываемою пропагандистическою тенденціозностію, онъ имѣетъ въ виду разоблачить, что почитаніе иконъ у русскихъ есть невообразимая нелѣпость, грубѣйшее идолопоклонство, что оно не имѣетъ основанія ни въ канонахъ, ни въ практикѣ первенствующей церкви, и въ доказательство послѣдней мысли приводитъ выписки изъ Лактанція и другихъ отцевъ, изъ постановленій Франкфуртскаго собора 794 г., ниспровергшаго якобы опредѣленія 7-го вселенскаго собора объ иконопочитаніи, превращая такимъ образомъ путевыя замѣтки въ тенденціозное богословское разсужденіе [76]). И если онъ въ путевыя свои замѣтки вставляетъ подобныя разсужденія, то это, предпологаемъ, потому, что онъ слишкомъ занятъ ими, часто практиковалъ ихъ, высказывая ихъ во время самаго путешествія, при личныхъ наблюденіяхъ и бесѣдахъ съ русскими, и подставляя ихъ, какъ самый убѣдительный аргументъ, подъ свои притворныя соболѣзнованія о нихъ. И если подобныя сѣтованія, съ ихъ задними пропагандистическими мыслями, можно было слышать отъ случайныхъ протестантскихъ туристовъ, то что сказать о тысячахъ протестантовъ, постоянно жившихъ въ Москвѣ? Ихъ многочисленныя сѣтованія на суевѣріе и фанатизмъ русскихъ иконопочитателей не могли оставаться безъ послѣдствій. Тотъ же Олеарій разсказываетъ, что въ Нарвѣ былъ образованный купецъ по имени Филиппъ, у котораго для религіозныхъ бесѣдъ сходилось большое общество протестантовъ. За одною изъ такихъ бесѣдъ купецъ вынулъ платокъ, отеръ имъ потъ съ лица и сказалъ: «не такъ ли можно стереть краски на иконахъ, а дерево сжечь, за что же почитать иконы»; Просвѣщеннымъ гостямъ такія рѣчи были по сердцу, и они высказали ему сожалѣніе: почему же онъ, человѣкъ съ такимъ свѣтлымъ сознаніемъ, не постарается распространить лучшихъ понятій

и между единовѣрцами? Протопопу Ивану Неронову тотъ же писатель приписываетъ такія мысли, что иконамъ, какъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ, не слѣдуетъ воздавать чести и молиться: если жъ ихъ почитать, какъ изображенія Бога и святыхъ, то не болѣе ли заслуживаетъ почитанія самъ человѣкъ, который есть образъ Божій и который самъ дѣлаетъ эти изображенія? [77]) Можетъ быть, названныя два лица только въ обществѣ протестантовъ высказывались въ ихъ духѣ объ иконахъ и святыхъ, противъ собственнаго убѣжденія поддѣлываясь подъ общій ихъ тонъ, модный взглядъ. Особенно сомнительно, чтобъ протопопъ Нероновъ, при всѣхъ его связяхъ и знакомствахъ съ образованными протестантами, держался ихъ взглядовъ на тѣ же вѣрованія. Мы не знаемъ также, были-ль еще малодушные и лжепросвѣщенные люди, которые, боясь прослыть суевѣрами и обскурантами, склонялись къ превратному образу мыслей. Но для насъ довольно и того, что протестанты коварно высказывали предъ русскими свои убѣжденія объ иконахъ и святыхъ, дѣятельно агитировали въ пользу ихъ распространенія и желали снарядить въ миссіонеровъ своего дѣла самихъ русскихъ. Весьма вѣроятно, что въ виду распространенія этихъ соблазнительныхъ толковъ авторъ разсматриваемаго сочиненія написалъ обширную апологію почитанія иконъ и святыхъ, и что вслѣдствіе броженія въ обществѣ тѣхъ же иконоборческихъ идей издано и собраніе словъ, написанныхъ отцами временъ иконоборства.

Двусмысленнымъ толкамъ и пересудамъ, притворному сожалѣнію и обличенію подвергалось не одно чувство благоговѣнія православныхъ предъ святынею и святыми, но и всѣ внѣшнія обнаруженія этого чувства, колѣнопреклоненія, поклоны. У Олеарія молящіеся въ православныхъ храмахъ или лежатъ въ распростертомъ положеніи, или стоятъ постоянно на колѣняхъ, то и дѣло крестятся широкимъ православнымъ крестомъ и бьютъ глубокіе земные поклоны; а когда они не крестятся и не кланяются, стоятъ, какъ статуи, не смѣя пошевельнуться. Высшія лица, бояре и другіе молятся съ молитвенникомъ въ рукахъ, остальные тысячи разъ читаютъ молитву: Господи помилуй, сопровождая ее такимъ же количествомъ крестныхъ осѣненій и земныхъ поклоновъ. Но вся суть русскаго благочестія и набожности состоитъ будто бы не въ молитвахъ, не во вниманіи къ богослуженію, но въ количествѣ и глубинѣ поклоновъ [78]). Петрей сѣтуетъ, что русскіе такъ усердно любятъ класть поклоны, что послѣ этого у нихъ на лбу выростаютъ шишки [79]). Относясь такъ иронически къ своеобразнымъ и страннымъ формамъ, въ какихъ представлялось имъ русское благочестіе, протестанты показывали видъ, что они не заподозрѣваютъ самаго чувства благочестія и набожности, что они высоко цѣнятъ ту ревность, съ какою родители и дѣти въ 4 часа утра, по первому удару колокола, спѣшили въ церковь, и ту набожность,

съ какою благочестивые повергались предъ Богомъ въ молитвѣ, забывая все земное[30]). Но того какъ будто не знаютъ эти попечительные судьи, что всякій, а тѣмъ болѣе неразвитый и малообразованный человѣкъ не можетъ же молиться исключительно духомъ, мыслію, что внѣшнія молитвенныя упражненія держатъ его мысль въ благочестивомъ напряженіи, что эти чистосердечные поклоны да неумолкаемое «Господи помилуй» (мы не оправдываемъ нѣкоторыхъ крайностей) замѣняли для него всѣ непонятныя для него молитвы (съ ихъ отборною молитвословною риторикою), что безъ этихъ внѣшнихъ знаковъ богопочтенія послѣднее оставалось бы безъ видимой опоры, было бы пустымъ звукомъ. Нѣтъ, не того хотѣлось тѣмъ заботливымъ учителямъ, чтобъ дать русскому благочестію должное направленіе, но чтобъ сдѣлать русскихъ поборниками идеи исключительно внутренняго, духовнаго общенія съ Божествомъ, въ которомъ вся суть раціональнаго, мечтательнаго протестантизма. Не въ виду ли этихъ злоумышленій написана обширная трактація о томъ, что предъ иконами и угодниками молиться слѣдуетъ стоя и съ земными поклонами, а не сидя или лежа на локтяхъ? (гл. 21 и 22).

Наконецъ изъ спорныхъ вопросовъ, прежде возбужденныхъ протестантскою пропагандою, въ настоящемъ сочиненіи разсматривается вопросъ о постѣ. Разсужденіе о постѣ имѣетъ характеръ не полемическій, какъ было прежде, но апологетическій. Возраженія касательно спорнаго этого предмета были счастливо опровергнуты прежде, теперь оставалось раскрыть превосходство православнаго о немъ ученія предъ ученіемъ протестантскимъ и, въ сознаніи этого превосходства, въ упоеніи правой побѣды не преминуть, пожалуй, обратиться ко врагамъ съ словомъ обличенія, пристыженія. Это и дѣлаетъ авторъ. Выставляя противъ лютеранъ апостольскія правила 63 и 67 «съ обширными толками» (толкованіями), онъ говоритъ: «у васъ не токмо простіи люди, но и попы, бискупы и арцибискупы сами сквернятся и другихъ свернятъ, и во всякое время всяко животное отреченное ѣдятъ: удавлянину, кровь всякую, всякая животная, безъ икры радящаяся» (гл. 16 л. 123—126).

Есть основанія полагать, что эта защитительная рѣчь постамъ написана потому, что на этотъ видъ аскетическаго благочестія пропаганда не переставала и никогда не перестанетъ простирать свои виды, направлять нападки и обличенія. Дальновидные противники не могли не видѣть, что постъ въ глазахъ русскаго человѣкасоставляетъ существенную принадлежность, необходимую стихію истиннаго благочестія, что безъ него не мыслима для русскаго самая нравственность: при своей неразвитости, непонятному малодушію онъ, съ отверженіемъ постовъ, считалъ себя преслушникомъ церкви, совершенно потеряннымъ для спасенія. И такъ какъ разрѣшеніе постовъ было лакомою приманкою для слабыхъ чувственныхъ натуръ, то хитрая пропаганда старалась поймать

на эту приманку какъ можно больше добычи, надѣясь съ уничтоженіемъ или ослабленіемъ постовъ расшатать весь строй религіозно-нравственной жизни народа. По примѣру извѣстной намъ полковницы Лесли, лютеране своей прислугѣ изъ русскихъ дали разрѣшеніе отъ всѣхъ постовъ и даже вынуждали ее скоромиться. Но всѣ они, начиная съ Лесли, за свой соблазнъ не легко поплатились. Нужно было повести дѣло болѣе тонкимъ путемъ. Хитрые агитаторы начали высказывать непритворныя будто бы сожалѣнія, что соблюденіе постовъ у русскихъ доходитъ до безразсудной мелочности, безпощадной суровости, и отличается тѣмъ же монтанистическимъ характеромъ, какимъ проникнуто все русское благочестіе. «Во всю св. четыредесятницу, сѣтуютъ Олеарій и Коллинсъ, русскіе ѣдятъ только горохъ вареный и бобы, не позволяя себѣ даже и масла. Ни для кого они не дѣлаютъ пощады и исключенія; больнымъ не позволяютъ принимать въ постъ скоромной пищи; ребенку уже съ двухлѣтняго возраста не даютъ и крошки скоромнаго; если же дитя по болѣзни не можетъ соблюдать постъ, то за него постится мать» [81]). Если въ составъ лекарства входятъ какія либо животныя вещества, то ни старый, ни малый не смѣютъ постомъ принимать лекарства, хотя бы это стоило имъ жизни. Самъ святѣйшій патріархъ (Іосифъ) издалъ указъ, чтобы въ посты никто не бралъ въ ротъ и крошки сахарной [82]). Но осмѣявъ посты, какъ пустую и тягостную формальность, изобличающую жалкихъ постниковъ въ крайне мелочномъ и непросвѣщенномъ взглядѣ на вещи, въ грубомъ фанатическомъ самоистязаніи, эти каррикатурныя преувеличенныя изображенія клонились къ тому, чтобы они вовсе оставили эту лишнюю и тягостную формальность. Достигли ль своей цѣли эти жалобы и каррикатуры, мы не знаемъ. Широкая натура нарвскаго купчины Филиппа, отвергшая посты въ тотъ же разъ, когда она тронута была протестантскими толками объ иконахъ и святыхъ [83]), отнюдь не типическая въ своемъ родѣ, нисколько еще не доказывающая, что и внутри Россіи были въ это время «падкія на всякій скоромъ» натуры, склонныя къ отверженію церковныхъ постановленій о постѣ. Но довольно и того, что на окраинахъ и въ центрѣ Россіи были многоразличныя покушенія со стороны протестантовъ на эти священныя установленія. Эти то разнообразныя и усиленныя покушенія, сдѣлавшіяся знаменемъ своего времени, легко могли вызвать собою обширную апологію св. постамъ.

И такъ если протопопъ Насѣдка долго и усердно занимается рѣшеніемъ старыхъ возраженій, относящихся къ культовой, церковно-практической жизни, и, при составленіи сборника изъ готовыхъ статей, пишетъ новыя о нихъ главы (16 о постѣ, 17 о призываніи святыхъ, 20 и 21 объ иконопочитаніи и молитвѣ съ колѣнопреклоненіями); то не потому, чтобъ обрядовые споры были съ руки его авторству, но скорѣе потому, что обѣ спорящія стороны протестантская и православная снова выдви-

нули ихъ на сцену, трактуя объ однихъ и тѣхъ же предметахъ на разные лады, потому наконецъ, что прежнія готовыя статьи (гл. 13, 19 и 20) не вполнѣ отвѣчали на вновь возбудившіеся въ практикѣ вопросы. Если жъ рѣшеніе этихъ спорныхъ, жизненныхъ вопросовъ не всегда отличается у автора новизною доказательствъ, то не оттого ли, что сами изобрѣтатели ихъ строили ихъ большею частію на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, оразнообразивъ и видоизмѣнивъ ихъ съ внѣшней лишь стороны?

2) Новыхъ вопросовъ и возраженій протестантовъ, впервые поднятыхъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, не много. Первое мѣсто между ними, по справедливости, принадлежитъ слѣдующему сложному возраженію: «иноки оставили заповѣди Божіи: и пророческія, и евангельскія, и апостольскія, и самомышленіемъ и самоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и держать преданія человѣческая» (гл. 13 л. 75—112). Затѣмъ слѣдуетъ отвести мѣсто тремъ возраженіямъ противъ таинствъ церкви: покаянія, священства и брака, важнымъ собственно по величію предмета, къ которому они относятся. Всѣ эти возраженія не имѣютъ для себя точной формулы. О покаяніи говорится мимоходомъ: «у грековъ и въ Руси, сказуютъ еретицы, правила отеческія о грѣсѣхъ страшны зѣло и не возможно эпетимій никому исправити» (гл. 15). Въ таинствѣ священства, какъ видно изъ хода преній, лютеране возставали противъ необходимости преемственной отъ апостоловъ іерархіи, желая отстоять законность своего избирательнаго, такъ сказать, чиновническаго священства (гл. 24, л. 271—218). Таинство брака они хотѣли низвести на степень простаго обряда, семейно-гражданской сдѣлки, отвергнувъ божественное происхожденіе таинства (гл. 16, л. 123—126). Далѣе, по важности предмета и преній, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія, также не имѣющія точной формулы, возраженія: а) противъ богодухновенности и необходимости церковнаго преданія (гл. 23, л. 201—210); б) противъ авторитета св. отцевъ и вселенскихъ соборовъ въ дѣлахъ вѣры и церкви (гл. 46 л. 310—356) и в) противъ истинности и святости восточной церкви (гл. 41, л. 331—356) Всѣ исчисленныя возраженія—догматическаго и отчасти нравственнаго характера, но есть вопросы, историко археологическаго и обрядоваго содержанія — о лѣтосчисленіи (гл. 18, л. 134 — 159), о квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокахъ (гл. 26—45, л. 139—303) и о киркахъ (гл. 15, л. 113—117).

Весьма вѣроятно, что новые, впервые затронутые разсматриваемымъ сочиненіемъ, вопросы и возраженія взяты изъ жизни, подслушаны въ обществѣ во время преній съ протестантами и многіе предварительно разрѣшены авторомъ въ самыхъ спорахъ. Прежде всего это можно видѣть изъ способа составленія сборника. Пусть самъ составитель сборника, въ настоящемъ его отдѣлѣ, написалъ пять главъ о таинствахъ, о преданіи, о

киркахъ (15, 16, 23—25), а остальныя 4 главы южно-русскаго, въ основѣ своей, происхожденія [34]); но если онъ перевелъ, передѣлалъ и издалъ статьи южно-русскаго происхожденія, если онѣ повсюду въ сѣверной Руси переписывались и перечитывались наряду съ его собственными статьями, то содержавшіеся въ южно-русскихъ статьяхъ вопросы по всей вѣроятности были въ ходу и здѣсь на сѣверѣ, и здѣсь отвѣты на нихъ брали изъ тѣхъ же южно-русскихъ статей. Затѣмъ, въ главахъ, написанныхъ самимъ Насѣдкою, самый ходъ опроверженія представляется намъ точнымъ воспроизведеніемъ живаго, устнаго пренія и пренія самаго энергичнаго, пламеннаго. Изъ всего сборника эти главы, какъ сейчасъ увидимъ, сильно выдаются по раздражительности тона, по рѣзкости обличенія, таково преимущественно обличеніе на кирки, легкіе нравы протестантовъ и пренебреженіе къ таинствамъ покаянія и брака. Такъ горячо писать можетъ лишь писатель, живо заинтересованный дѣломъ жизненной борьбы, глубоко возмущенный дѣйствительными заблужденіями и пороками, пререканіями и происками другихъ. Но одними этими пререканіями и возраженіями о киркахъ, таинствахъ и преданіи, которые вызвали такой пламенный отвѣтъ, противники не стали бы досаждать православному обществу: они находятся въ неразрывной связи съ другими возраженіями, на которыя авторъ нашелъ готовые отвѣты въ статьяхъ-южно-русскихъ, безъ нихъ первыя не имѣли бы смысла и значенія. И потому какъ первыя возраженія всего вѣроятнѣе были предметомъ жизненной борьбы, постоянно вращались въ устахъ протестантовъ и, по возможности, были оспариваемы представителями православныхъ, такъ и другіе вопросы и возраженія, разрѣшенные и написанные на югѣ Россіи, скоро же, можно полагать, изъ области литературы перешли въ область жизни и сдѣлались упорною злобою дня. Наконецъ послѣдовательность, съ какою обыкновенно пропагандировались протестантскія идеи, требовала приберечь «новыя» возраженія той и другой группы до самаго поздняго времени: такъ какъ всѣ они касаются предметовъ самыхъ важныхъ, таинственныхъ,—ученія о таинствахъ, аскетизмѣ, преданіи, вселенскихъ соборахъ. И какъ нѣтъ твердаго основанія сомнѣваться въ жизненномъ происхожденіи всѣхъ предшествовавшихъ возраженій, взятыхъ нами изъ разныхъ сборниковъ, такъ не видно поводовъ къ сомнѣнію о томъ относительно «новыхъ» этихъ возраженій, составляющихъ завершительное звено въ общей цѣпи протестантскихъ вѣрованій и учрежденій. То обстоятельство, что къ новой части сборника присоединены 12-ть главъ, прежде имѣвшихъ жизненное значеніе и длинная (26—45) отписка, направленная преимуществено противъ католиковъ, нисколько не подрываетъ вѣроятности построенія новой части на новыхъ дѣйствительныхъ фактахъ и отношеніяхъ. Эти добавленія и вставки могли быть сдѣланы для того, чтобы въ сборникѣ, изданномъ противъ инославныхъ, представить во-

первыхъ полную противо-протестантскую систему — въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ она постепенно практиковалась сперва въ 30-хъ, потомъ въ 40-хъ годахъ, во-вторыхъ, чтобъ дать рядъ статей противъ возраженій другихъ иновѣрцевъ, которыми они начали уже смущать православныхъ, а чрезъ полвѣка еще болѣе будутъ волновать ихъ и которыя къ тому же не совсѣмъ чужды и протестантамъ. Частнѣе: присоединеніе ко вновь изданнымъ главамъ прежнихъ 12-ти главъ можетъ служить доказательствомъ, что разрѣшаемые въ послѣднихъ вопросы и возраженія опять пущены были въ дѣло пропагандою: да и какъ, проводя новыя прежде неизвѣстныя на Руси вѣрованія и возраженія, не повторить прежнихъ? Тѣ же вопросы и возраженія, которые разобраны были въ прежнихъ 12 главахъ, а теперь съ небольшими варіантами и дополненіями вновь разрѣшаются въ особыхъ столь распространенныхъ въ народѣ главахъ, могутъ быть признаны взятыми изъ жизни, изъ новой состязательной практики — уже потому, что въ противномъ случаѣ издатель не сталъ бы присоединять новыхъ главъ съ варіантами и вставками, а ограничился бы распространеніемъ прежнихъ статей о тѣхъ же предметахъ. Наконецъ, если такое множество прежнихъ вопросовъ и возраженій, частію въ прежнемъ, частію въ измѣненномъ видѣ, сдѣлались вопросами жизни, дня, то тѣмъ болѣе могли быть таковыми новые впервые разрѣшаемые въ сборникѣ вопросы: по самой новости, важности и трудности ихъ въ ряду столь многихъ жизненныхъ практическихъ вопросовъ, они не могли быть праздною отпискою, безцѣльнымъ словопреніемъ. И такъ смѣлая пропаганда выступаетъ наконецъ на Руси, повидимому, со всею системою своихъ вѣрованій. Объ одномъ она не высказывается открыто — объ извращенномъ ученіи объ оправданіи; но послѣ того, какъ она посты и внѣшніе подвиги благочестія огласила излишнями, не необходимыми для спасенія, и, какъ увидимъ скоро, открыто снисходила распутству, — для всѣхъ оставалось явнымъ, что для оправданія въ протестантскомъ смыслѣ не нужны непремѣнно добрыя дѣла.

При новыхъ усиленныхъ проискахъ пропаганды, православные не оставались безъ защиты и самообороны. Главнымъ, если не исключительнымъ, средствомъ самообороны послужилъ тотъ же полемическій сборникъ, который знакомитъ насъ съ этими происками—со всѣми новыми и подновленными возраженіями противниковъ. Рѣшеніе прежнихъ возраженій, съ которыми опять выступила пропаганда, какъ можно было видѣть изъ разбора ихъ, было достаточно для загражденія противоглаголющихъ устъ. Каковы достоинства и недостатки рѣшенія новыхъ вопросовъ и возраженій и за какой исходъ новой жизненной борьбы они могутъ поручиться предъ нами?

Рѣшеніе перваго изъ этихъ возраженій, направленнаго противъ монашества и дѣвства, не чуждо недостатковъ. Авторъ слишкомъ много

насчитываетъ иноковъ или дѣвственниковъ между ветхозавѣтными праведниками (Мелхиседека, Исаію, Елисея, Даніила и трехъ отроковъ?) и св. апостолами (Петра и Андрея, Іакова и Ѳому, Филиппа и проч.?) Такъ называемые евангельскіе совѣты о нестяжательности и безбрачіи принимаетъ за обязательныя для всѣхъ заповѣди. О Петрѣ, Маркѣ и другихъ апостолахъ утверждаетъ, что они основали «многи монастыри, мужскіе и женскіе», сами постригались и другихъ постригали въ иночество: во храмѣ, предъ божественнымъ жертвенникомъ, со всѣми нынѣшними обрядами постриженія. Но къ такой постановкѣ дѣла не мало располагали автора самыя возраженія противниковъ. Противъ самого идеала монашества и его глубочайшей, восходящей къ апостольскому вѣку, древности сказать нечего, а потому они набрасываются на внѣшній бытъ, на внѣшнія принадлежности монашества: одежды, обряды посвященія, не щадя при этомъ ни какихъ насмѣшекъ и глумленій: великому, напр., Пахомію, говорили они, который отъ ангела принялъ великій ангельскій образъ—схиму, являлся не ангелъ, но бѣсъ въ одеждѣ чернеца. Не удивительно, что при этихъ ожесточенныхъ нападкахъ, въ жару обоюднаго спора, всякая правдоподобная догадка принимается за рѣшительную истину, всякое аналогическое явленіе прицѣпляется, какъ несомнѣнный аргументъ спорной истины, и доказательства, опровerженія вращаются преимущественно около той же внѣшней стороны предмета, на которой держатся противники. Не смотря на нѣкоторыя натяжки, преувеличенія и увлеченія обрядовыми пререканіями, авторъ съумѣлъ однако твердо обосновать главныя теоретическія оспариваемыя врагами истины, напр., что дѣвство и иночество не есть аномалія и извращеніе естественнаго человѣка, но высшая ступень христіанскаго нравственнаго совершенства, приближающая человѣка къ состоянію духовъ безплотныхъ; и въ то же время ни одного частнаго замѣчанія не оставилъ безъ остроумнаго, а иногда и очень обширнаго отвѣта и разсужденія. Напр. на замѣчаніе противниковъ: если бы иноческое житіе было Богоугодно, то и самъ Христосъ и Его апостолы были бы въ иноческомъ образѣ, онъ отвѣчаетъ: иноческій образъ есть покаянія и плача образъ, а безгрѣшный Христосъ и праведніи апостолы не требоваху покаянія и слѣдственно иноческаго образа. При томъ, какъ Господу Іисусу Христу подобало нарицатися Богомъ, а не инокомъ, хотя вся земная жизнь Его есть совершеннѣйшее подвижничество, иночество, такъ и апостольскій чинъ его учениковъ выше и честнѣе всякаго чина и образа, елика суть подъ небесемъ (гл. 13, л. 75—112). Въ дальнѣйшей полемикѣ, какъ и въ предшествовавшей, при всей занятости внѣшними обрядовыми спорами и частными мелкими пререканіями, полемистъ умѣлъ постоять за цѣлость и неприкосновенность возвышенныхъ и отвлеченныхъ догматовъ и разрѣшить самые спорные и таинственные

вопросы. Таковъ прежде всего вопросъ о таинствахъ. Авторъ касается трехъ таинствъ: покаянія, брака и священства, но разсматриваетъ ихъ съ самыхъ важнихъ въ дѣлѣ полемики сторонъ: онъ доказываетъ, что безъ таинства покаянія нѣтъ оправданія и спасенія, что безъ законнаго брака нѣтъ нравственности, а царитъ скотская полигамія, что безъ преемственнаго отъ апостоловъ священства нѣтъ ни церкви, ни христіанства (гл. 15, 16, 24 и 25). Частнѣе: такъ какъ о покаяніи была отчасти рѣчь въ предшествующемъ сочиненіи (гл. 10), но главное, такъ какъ сами противники сознались, что они допускаютъ ослабленіе отеческихъ правилъ о покаяніи изъ снисхожденія къ немощамъ человѣческимъ, то не было нужды усиленно доказывать, что они не брегутъ о таинствѣ покаянія и чрезъ то подвергаютъ опасносности все дѣло спасенія. Не входя въ подробныя сужденія и доказательства, полемистъ обращается къ нимъ съ словами обличенія: «у вась, съ кѣмъ кто попало, нощь блудодѣйствуютъ, утрѣ же идутъ въ церковь и исповѣдуютъ вкупѣ съ блудницами грѣхъ блуженія предъ проклятыми вашими іереи и, не наказующе о грѣсѣ истиннаго исправленія, причастницы бываютъ». Далѣе слѣдуютъ обычныя сужденія о гибельныхъ слѣдствіяхъ пренебреженія къ великому и спасительному таинству (гл. 15). О бракѣ, выставивъ противъ лютеранъ ученіе ап. Павла (Тит. 1, 8) и правила апостольскія 17 и 18 и ветхозавѣтные примѣры Іосифа цѣломудреннаго и Товіи съ Саррою, авторъ разсуждаетъ такъ: «позволяя попамъ, бискупамъ, арцибискупамъ на трехъ женахъ быти женатыми, и простымъ людямъ по двѣ жены держать, не явное ли агарянство вводите вы. Дочери ваши лѣта два, три и четыре прежде брака блудятъ съ женихомъ, и какъ будетъ чревата дѣвица, и тогда бракъ будетъ; аще же не будетъ чревата, то нѣсть брака и тако многая лѣта сквернится ища жениховъ, а которая вдова безъ мужа законнаго чада приживетъ, и въ томъ ей ни грѣха, ни срама, ни покаянія нѣсть. За то у васъ не токмо простымъ людямъ, но и самимъ попамъ вашимъ гдѣ добыти дѣвы чисты (гл. 16 л. 123 и 126)? Негодуя на лютеранъ за непризнаніе брака таинствомъ, полемистъ не менѣе возмущается за отверженіе таинства священства. Въ сужденіяхъ о священствѣ встрѣчаются опять натяжки и преувеличенія, но какъ и прежде они не мало зависѣли отъ запальчивости полемики, отъ крайнихъ отрицательныхъ взглядовъ возражателей. Превратную свою мысль, что внѣшнее избирательное священство можетъ законно совершать таинства, лютеране хотѣли обосновать на томъ странномъ увѣреніи, что апостолы не только не были посвящены чрезъ рукоположеніе, но даже и не крещены въ обыкновенномъ таинствѣ крещенія. Въ жару спора нашъ полемистъ не хотѣлъ уступить, но упорно стоялъ на томъ, что апостолы были крещены. Собирая свидѣтельства сомнительной достовѣрности и не пренебрегая соображеніями наивными,

казуистическими (въ родѣ того, что если Христосъ крестилъ народы, то крестилъ и учениковъ: иначе они не стали бы крестить другихъ, ни сами причащаться, ни другихъ причащать тѣла и крови Господа), авторъ настойчиво увѣряетъ, что ап. Петра крестилъ своими руками самъ Господь, Петръ — Андрея, Іакова и Іоанна, Іаковъ и Іоаннъ — прочихъ апостоловъ. Что касается до рукоположенія апостоловъ, то православный богословъ утверждаетъ, что «прежде воскресенія дважды Господь Іисусъ Христосъ поставилъ апостоловъ въ священнодѣйственники; по воскресеніи же и въ день сошествія св. Духа освятилъ ихъ превысшею степенью епископства». На основаніи этихъ примѣровъ и теоретическихъ соображеній авторъ основательно и точно доказалъ необходимость для церкви таинственнаго іерархическаго священства, безъ котораго нѣтъ ни церкви, ни христіанства (гл. 24 л. 211—218, гл. 25 л. 219—227). Послѣ таинствъ самые трудные и важные вопросы были о преданіи, соборахъ и о достоинствѣ православной восточной церкви. Но и эти трудные и спорные вопросы авторъ (частію самостоятельно, частію съ помощію готовыхъ доказательствъ) разрѣшилъ такъ, что съ честію отстоялъ божественный авторитетъ преданія, обстоятельно раскрылъ истинное вселенское значеніе соборовъ и съ ревностію искреннѣйшаго сына своей церкви доказалъ исключительную ея истинность и святость предъ всѣми другими церквами. Въ избыткѣ ревности и преданности всѣмъ вѣрованіямъ и установленіямъ церкви, онъ не могъ допустить, чтобы пылинка укоризны пала на какія либо архивныя лѣтописныя книги ея. Въ частности вопросъ о преданіи поставленъ у него такъ: «кромѣ бытейскихъ книгъ и апостола, гдѣ что написано, тому нечего вѣрити». Въ отвѣтъ приводится множество примѣровъ и доказательствъ, вращающихся около двухъ главныхъ мыслей: 1) въ самомъ св. писаніи кратко упоминаются такія лица и событія, которыя болѣе не встрѣчаются въ немъ, но сохраняютъ память о себѣ въ преданіи; 2) о многихъ лицахъ и дѣлахъ, о которыхъ апостолы не писали, а проповѣдывали устно, написали намѣстники апостоловъ (гл. 23 л. 201 — 210). Оспариваемый авторитетъ отцевъ и соборовъ отстаивается и защищается на томъ непреложномъ основаніи, что служеніе Іисуса Христа спасенію людей продолжалъ и продолжаетъ Духъ св. чрезъ духоносныхъ отцевъ и учителей церкви: «вы вѣрите», обличаетъ полемистъ, «тремъ или четыремъ, вмѣстѣ съ Мартиномъ всбѣсившимся на св. православную церковь, какъ же намъ не вѣрить толикому множеству святыхъ органовъ св. Духа?» О седьми вселенскихъ соборахъ проводится взглядъ, что отъ сложенія міра они уготованы отъ Бога на спасеніе всему человѣческому роду, и приводятся извѣстныя мѣста изъ книги притчей о седми столпахъ премудрости (гл. 9, 1 и проч.), изъ пророка Захаріи о седми очесахъ (3, 9) и изъ апокалипсиса о седми духахъ (5, 6). Говоря о второмъ вселенскомъ соборѣ, на

которомъ, какъ извѣстно, утвержденъ догматъ о св. Духѣ, нельзя было не коснуться ученія «папежниковъ» и протестантовъ объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына. Опроверженіе этого ученія основывается главнымъ образомъ на различеніи исхожденія Духа отъ Отца отъ ниспосыланія его чрезъ Сына (гл. 46, л. 304—330). Разсужденіе объ исключительной истинности и святости православной восточной церкви исходитъ изъ тѣхъ главныхъ положеній, что «на востокѣ въ предѣлахъ православной церкви постановлены всѣ престолы апостольскіе, а у люторей нѣтъ ни одного апостольскаго престола, что на востокѣ были всѣ 7 вселенскихъ соборовъ и 9 помѣстныхъ, и что хотя ученіе апостоловъ голасило всю вселенскую, но Лютеръ не научился ему и, изобрѣтая новое вѣроученіе, впалъ во многія древнія ереси» (41 гл. 331—356). Замѣчательно разрѣшеніе историко-археологическаго вопроса о лѣтосчисленіи. Многочисленными ссылками на лѣтописныя книги: египетскія, еврейскія, латинскія, еллинскія, особенно на Филона Флавія, на многія нѣмецкія, датскія, свейскія (шведскія), французскія и голландскія многосвѣдущій писатель доказываетъ, что «лѣтописныя книги протестантовъ не согласны ни съ египетскими, ни съ арабскими, ни персидскими, ни ѳеіопскими; «разнствуютъ даже между собою, лютеранскія съ кальвинскими»: тогда какъ русскія и греческія книги «прямы» (согласны) съ лѣтосчисленіями всѣхъ главныхъ восточныхъ народовъ. Въ видѣ эпизода онъ замѣчаетъ, что хотя мы и коростовыя овцы въ оградѣ Христовой, но ни кого не прельщаемъ лживыми увѣреніями, что еще далече до пришествія Христова, какъ это дѣлаютъ лютеране по своимъ лѣтописцамъ, и приводитъ противъ нихъ мѣста изъ св. писанія (Гал. 4, 4; Евр. 9, 26; Дѣян. 1; Іоан. 2, 18; 3 Ездр. 14, 10—14 гл. 18, л. 134—159 [83]).

Какъ ни кратко представили мы ходъ полемики, но изъ него наглядно можно видѣть, что полемистъ нашъ не оставилъ безъ надлежащихъ отвѣтовъ и опроверженій ни одного вопроса и возраженія противниковъ, легкомысленнымъ насмѣшкамъ и глумленіямъ противопоставляя остроумныя и мѣткія замѣчанія, серьезнымъ научнымъ докозательствамъ— дѣльныя научныя изслѣдованія. Это разнообразіе и обиліе доказательствъ значительно искупаетъ мелкія натяжки и преувеличенія, вызванныя большею частію самими возражателями и охотно прощаемыя духомъ времени. Болѣе, чѣмъ натяжки и преувеличенія, бросается въ глаза другой пробѣлъ. При всей его полнотѣ, въ немъ не достаетъ единства принципа, въ немъ не указанъ и, какъ сказано, не опровергнутъ основной пунктъ, который составляетъ сущность всего протестантства,—ученіе объ оправданіи вѣрою, и изъ котораго выводится всякое частное догматическое ученіе и нравственная истина. Будь опровергнутъ этотъ исходный пунктъ, не было бы нужды подробно разбирать каждый догматъ и возраженіе протестантовъ: достаточно было бы показать вліяніе этого ложнаго те-

зиса на построеніе частнаго догмата или возраженія, и тогда само собою выяснилась бы ихъ внутренняя логическая несостоятельность и противорѣчіе общему духу христіанскаго ученія, изложенному въ св. писаніи; тогда, для уясненія этого противорѣчія, не было бы нужды съ такимъ усиліемъ набирать столько текстовъ и испещрять ими каждую главу; тогда не было бы самыхъ натяжекъ въ подборѣ свидѣтельствъ и примѣровъ, и все сочиненіе представляло бы изъ себя стройную систему, а не сшивной сборникъ. Но и за этотъ недостатокъ нельзя строго обвинять писателя. Въ тогдашнихъ богословскихъ системахъ, какъ положительныхъ, такъ и полемическихъ, этотъ исходный пунктъ вѣроученія вовсе не указывался. Католики недавно, и именно со времени Мёлера стали отыскивать его. Сами протестанты увидѣли его въ самое послѣднее время: прежде они несправедливо признавали за такой пунктъ свое ученіе о св. писаніи, какъ единственномъ источникѣ вѣры. И отъ полемической противо-протестантской системы 17 в. едва ли можно требовать большей полноты и стройности доказательствъ, чѣмъ какою отличается настоящее сочиненіе. Въ этой полнотѣ и обиліи опроверженій и доказательствъ и заключается первое его достоинство.

Но главное его достоинство въ практичности и цѣлесообразности изслѣдованій, въ умѣньи направить готовые и собственные доводы противъ возраженій, которыя особенно смущали православныхъ и были не безопасны для нихъ. Разбираемое сочиненіе есть памятникъ полемики не оборонительной только, но и наступательной. Въ немъ не только доказана и раскрыта оспариваемая врагами истинность и спасительность православныхъ вѣрованій и учрежденій, но и обличаются мрачныя стороны протестантства, которыя имѣли особенную прелесть въ довѣрчивыхъ глазахъ. На храмы протестантскіе, всегда заманчивые и опасные для любопытныхъ и неопытныхъ взоровъ, написана рѣзкая, но правдивая сатира. «Вы, негодуетъ полемистъ, не христіане, а жидове есте. Жиды въ великой чести свой храмъ соблюдали и вся церковныя службы, жертвы, кромѣ обрѣзанія, совершали во храмѣ, а вы въ простыхъ домахъ приносите св. жертву. У васъ не только мужъ и жена, но отрокъ или мужъ безбрачный нощь блудодѣйствуютъ, утрѣ же идутъ въ кирки, исповѣдаются и пріобщаются. Иконъ святыхъ угодниковъ нѣтъ въ вашихъ киркахъ, а своихъ королей и крулевъ болваны (ми), лютыхъ мужей и женъ, блудниковъ и блудницъ нагихъ сущихъ и съ бѣсованіемъ блуднымъ, къ разженію блуду и къ убіенію думъ человѣческихъ, симъ всѣмъ у себя живущихъ и наше православное христіанство на то поощряете и кирки своя украшаете. И ваши церкви не суть домы Божіи, но домы бѣсовскіе, мерзость запустѣнія». На эту обличительную тему авторъ говоритъ очень много, приводя множество примѣровъ и свидѣтельствъ изъ св. писанія: Исх. гл. 19, Евр. гл. 10, зач. 324, гл. 12 зач. 332;

1 Коринѳ. гл. 11, зач. 149; Лев. 15 гл., Второз. 12 и 13 гл. (гл. 15 л. 113—117, гл. 16 л. 126). Въ другомъ мѣстѣ онъ изображаетъ церковь лютеранскую, какъ военный магазинъ, какъ складъ всякаго хлама и оружія: «какъ которыхъ людей побьютъ на рати и тѣхъ литавры, знамена и копья и иное многое кровавое оружіе и платья побитыхъ воеводъ и начальниковъ воинскихъ—въ кирки сносятъ» (гл. 15 и 47) [86]). Ловкіе и образованные пасторы, своимъ внѣшнимъ лоскомъ затмѣвавшіе скромныхъ православныхъ пастырей, выставлены полемистомъ въ далеко непривлекательномъ внутреннемъ видѣ, скрывавшемся за наружнымъ блескомъ: эти тщеславные пасторы на самомъ дѣлѣ были отъ простой чади не пріемшіе священства и только грамотѣ различныхъ сектъ умѣющіе; по образу жизни многіе изъ нихъ мало чѣмъ разнятся отъ агарянскихъ муллъ» (гл. 15 и 16). Религіозно-общественныя и частныя учрежденія, нравы и обычаи, торжества и увеселенія, столь привлекательные и соблазнительные по своей внѣшней благовидности, изящной утонченности, по чувственной приманкѣ, представлены также въ истинномъ ихъ свѣтѣ, во всемъ нравственномъ безобразіи и растлѣніи; раскрыта тайная связь многихъ обычаевъ, обрядовъ и учрежденій съ древни еретическими; найдено не малое сходство протестантской морали съ агарянскою или собственно съ языческою моралью, отъ которой первая дѣйствительно заимствовала то, что поблажаетъ чувственности, льститъ страстямъ; о всемъ ученіи и строѣ протестантства изреченъ тотъ рѣшительный судъ, что оно есть ересь злѣйшая всѣхъ римскихъ ересей Люттеръ справедливо возсталъ противъ папы; но уклонившись отъ Рима впалъ въ ереси злѣйшія римскихъ» (гл. 41). И такой судъ произнесенъ не по наслышкѣ и легковѣрію къ общественной молвѣ, но по личному дознанію, послѣ основательнаго изученія разныхъ протестантскихъ сектъ: ихъ вѣрованій, привычекъ, образа жизни. Видно, что авторъ неоднократно бывалъ въ киркахъ, во время и послѣ богослуженія, и частныхъ домахъ протестантовъ, и хорошо знаетъ тѣ и другіе (гл. 19 и 47); близко знакомъ съ ихъ частною, домашнею жизнію, съ ихъ частными, мелочными привычками и проступками (гл. 15, 16 и 47). Присоединимъ сюда рѣдкую для своего времени образованность автора, обширныя свѣдѣнія его въ литературѣ не только отечественной, но и иностранной (гл. 14, 18, 42 и 43), по всѣмъ почти отраслямъ богословскихъ и историческихъ наукъ, вспомнимъ про твердость и разнообразіе доказательствъ положительныхъ и отрицательныхъ, про непоколебимость и глубину убѣжденій его въ истинѣ своего вѣроисповѣданія и несостоятельности чужаго,—и намъ понятно будетъ значеніе, какое имѣло настоящее сочиненіе въ исторіи борьбы православія съ протестантствомъ. Пусть самыя содержательныя, вѣскія, хотя и незначительныя по объему, доказательства и свѣдѣнія принадлежатъ не издателю сборника, а неизвѣстному

южно-русскому ученому (гл. 19, 13, 46, 41, 18), самъ же издатель въ полемическихъ пріемахъ, въ изобрѣтеніи и построеніи доказательствъ, старался подражать тому многоученому автору (гл. 15—17, 21, 21—25), но для практическихъ цѣлей полемики безразлично, кому именно принадлежатъ тѣ или другіе доводы; съ практической точки важно лишь то, чтобы доказательства и опроверженія, особенно тѣ изъ нихъ, которыя по своему обличительному жизненному характеру имѣютъ наибольшій практическій интересъ, были основательны и вѣрны; а таковы въ сущности и были, не говоря вообще о всѣхъ другихъ доводахъ и опроверженіяхъ, и эти обличительные практическіе доводы и опроверженія. Отъ самихъ протестантскихъ писателей, къ сожалѣнію, не сохранилось извѣстій о внутреннемъ состояніи протестантизма за данное время, по которымъ мы могли бы провѣрить приведенные обличительные доводы, но по всѣмъ русскимъ историческимъ памятникамъ дѣло происходило такъ, какъ оно представлено въ литературной полемикѣ; преувеличенія ораторскаго полемическаго паѳоса незначительны, какія наприм. жалобы и укоризны на кирки встрѣчаемъ въ настоящемъ полемическомъ сочиненіи, тѣ же самыя жалобы находимъ въ челобитной московскаго духовенства: и тамъ, и здѣсь одинаковыя сѣтованія на всякое оскверненіе, бывающее отъ нихъ св. Божіимъ церквамъ и благочестивому христіанству. Добродѣтельныхъ, самоотверженно преданныхъ своему долгу, пасторовъ въ это время не видно. Чистоты нравовъ, какою отличались ихъ общины скоро же по возникновеніи своемъ, не стало уже болѣе полустолѣтія. Съ ихъ религіозно-общественныхъ и частныхъ учрежденій и обычаевъ, по справедливости, сброшенъ въ данной полемикѣ покровъ внѣшности, блеска и помпы. И коль скоро русскіе книжники и читатели видѣли въ книгѣ эти заманчивыя благовидности въ такомъ же непривлекательномъ видѣ, въ какомъ, присмотрѣвшись, находили ихъ въ натурѣ, они не могли не быть тверже и устойчивѣе въ своей вѣрѣ, во всѣхъ ея установленіяхъ и преданіяхъ. Тѣмъ болѣе нужно сказать это о тѣхъ, которые не только читали и перечитывали настоящее сочиненіе и пользовались его доводами и пріемами въ своихъ состязаніяхъ съ противниками (а кто его не читалъ и не пользовался имъ?), но и находили въ немъ побужденіе къ собственному изобрѣтенію такихъ же доводовъ: къ изслѣдованію св. писанія, къ изученію исторіи, отцевъ церкви, законоположеній и всѣхъ тѣхъ наукъ, къ которымъ оно постоянно отсылало своего читателя, возбуждая въ немъ любознательность и пытливость. Не мало пользы въ этомъ отношеніи принесли обществу предшествующія сочиненія, но настоящее полезнѣе было всѣхъ. Находились навѣрно избранные умы (напр. въ ученомъ братствѣ Епифанія Славеницкаго), которые при чтеніи мѣстъ сочиненія, испещренныхъ цитатами изъ разныхъ лѣтописныхъ книгъ, отечественныхъ и иностранныхъ

(напр. 18 и 47 гл.), готовы были рыться въ пыли лѣтописныхъ книгъ, чтобы извлечь оттуда самые подробные и точные отвѣты на не вполнѣ иногда разрѣшаемые здѣсь вопросы. Важно еще то, что до появленія настоящаго сборника многіе, твердо убѣжденные въ истинности православія, не знали, что отвѣчать на такіе напр. вопросы, какъ объ авторитетѣ преданія вселенскихъ соборовъ, объ аскетизмѣ, о православіи восточной церкви, а эта не находчивость придавала больше смѣлости и дерзости противникамъ. Будучи не въ силахъ одолѣть ихъ умственно и нравственно, русскій народъ чѣмъ ревнивѣе оберегалъ отъ нихъ святыню православія, тѣмъ болѣе чуралея ихъ и требовалъ противъ нихъ отъ правительства внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ. Теперь же, нашедши въ книгѣ сильное духовное оружіе, защиту отъ всѣхъ непріязненныхъ приражeній, онъ, можно надѣяться, не прибѣгаетъ такъ поспѣшно подъ защиту внѣшней силы, но вступаетъ въ нравственную, хотя довольно запальчивую, борьбу съ ними, въ увѣренности, что это духовное оружіе, изощряемое и авторизуемое самою церковію и монаршею властію (отъ имени которыхъ оно разослано было повсюду), окажется сильнѣе и могущественнѣе, что св. истина православія, подкрѣпляемая нычными обоснованіями, одержитъ полную торжественную побѣду. Вотъ какое значеніе могло имѣть разсматриваемое сочиненіе въ исторіи данной борьбы, благодаря своимъ внутреннимъ, неоспоримымъ достоинствамъ.

Самые недостатки его, осуждаемые съ научной точки, въ томъ же жизненномъ дѣлѣ борьбы оказываются не безполезными. Первый недостатокъ его тотъ, что оно не всегда отличается спокойствіемъ тона, безпристрастіемъ отзыва и дозволяетъ иногда бранныя слова: напр. Лютеръ и Кальвинъ суть духи нечистые, исшедшіе изъ устъ сатанинскихъ и взбѣсившіеся на св. православную церковь, жабы, смутившія царей и крулей (46 гл.). Впрочемъ, какъ видно изъ воспроизведенныхъ возраженій и изъ отзывовъ иностранныхъ писателей, сами протестанты въ своихъ сужденіяхъ о православныхъ были иногда чрезвычайно рѣзки и грубы. Конечно такая нетерпимость, такъ сказать, фанатичность полемики не дѣлаетъ чести ни той, ни другой сторонѣ, но для православныхъ и въ ней была своя доля пользы. Въ нетерпѣливомъ тонѣ полемики слышится отголосокъ общественнаго раздраженія: народъ какъ будто съ жаромъ разобиженнаго борца ополчается на враговъ, хочетъ выместить на нихъ все, что онъ вытерпѣлъ отъ нихъ, когда они нападали на него, какъ на беззащитнаго, безоружнаго, лежачаго, и расходившееся чувство обиды и озлобленія не можетъ сдержать ни порывовъ, ни словъ. Не такъ давно онъ пробовалъ говорить съ противниками спокойнымъ примирительнымъ тономъ,— такъ, какъ учила его предшествующая полемика (сборникъ, принятый во всеобщее руководство); но это спокойствіе и умѣренность приняты ими за слабость, безсиліе, и они, сдѣлавшись

мягче и уступчивѣе въ прежнихъ возраженіяхъ, упорнѣе и ожесточеннѣе стали наступать не него съ другихъ сторонъ. Новый энергическій отпоръ, чувство негодованія и раздраженія, какія видимъ противъ нихъ въ литературной полемикѣ, а отсюда въ общественномъ настроеніи, должны были заставить ихъ и, какъ скоро увидимъ, заставили быть скромнѣе, умѣреннѣе въ своихъ притязаніяхъ, а въ самомъ обществѣ православныхъ навѣрно не остались безъ вліянія на воспитаніе чувства ревности по вѣрѣ, стокойкости и преданности всѣмъ учрежденіямъ и обычаямъ церкви.

То же можно сказать о другомъ недостаткѣ разсматриваемаго сочиненія, объ увлеченіи доказываемою истиною. Возьмемъ напр. извѣстное увлеченіе, съ какимъ авторъ защищаетъ и воспѣваетъ монашество. Пусть эти прикрасы и преувеличенія не могли расположить къ монашескому институту отъявленныхъ его враговъ—протестантовъ, и въ глазахъ послѣднихъ, можетъ быть, повредили дѣлу истины; но въ средѣ самихъ русскихъ, въ то время смотрѣвшихъ на монашество еще съ идеальной точки, эти восторженныя оды могли вызвать своего рода чувства умиленія, восторга и усилить ихъ горячія сочувствія, если не къ дѣйствительному, современному монашеству, которое тогда стояло вообще не на высокомъ уровнѣ, то къ идеальному, къ дѣвственной чистотѣ нравовъ, самоотреченію, сожительству съ Богомъ. И чтобы ни говорили враги православія, а это уваженіе народа къ идеальному, монашескому чину, въ тогдашній чувственный вѣкъ, много значило въ практической религіозной жизни: оно возбуждало въ народѣ истинно религіозный духъ, очищало и одухотворяло его нравы, пробуждало его отъ грубаго чувственнаго усыпленія. И потому православный народъ съ гордостію указывалъ на идеальный, монашескій чинъ, какъ на очевидное превосходство его надъ «ненавистниками ангельскаго житія». И въ этой пламенной защитѣ монашества отчасти сказывается уже общая ревность и готовность народа постоять за свои православныя убѣжденія, отдѣляющія и возвышающія его надъ иновѣрцами. Равнымъ образомъ увлеченія, съ которыми доказывается истинность чиновъ и правилъ православной церкви (напр. постановленій относительно дозволенныхъ и недозволенныхъ яствъ, разныхъ церковно-общественныхъ обычаевъ и пр.) съ одной стороны могутъ указывать на то, какъ горячо и мужественно народъ готовъ былъ стоять за всѣ чины, правила и обычаи церкви, а съ другой—способны были внушить еще болѣе ревности и мужества поборать по своей вѣрѣ и церкви.

Наконецъ въ разсматриваемомъ сочиненіи можно находить такіе же внѣшніе недостатки, какъ и въ предшествующемъ 12-ти главомъ сборникѣ. Расположеніе статей или главъ и здѣсь не отличается большою логичностію. Главы, которыя по сходству содержанія должны бы стоять рядомъ, иногда раздѣляются нѣсколькими статьями, въ которыхъ гово-

рится совершенно о другомъ предметѣ (гл. 19 и 20). Связь одной главы съ другою больше внѣшняя, а иногда и той недостаетъ; раздѣленіе главъ не всегда основывается на различіи содержанія (гл. 12, 20, 29 и 30, 39—44). Случается и то, что въ одной или нѣсколькихъ главахъ излагаются одни факты, а объясненіе ихъ заключается въ нѣсколькихъ другихъ главахъ (33—36, 46 гл.). Но на это достаточно замѣтить то же, что сказано о предыдущемъ 12-ти главомъ сборникѣ,— что составитель имѣлъ въ виду дать публикѣ не ученую полемическую систему, а обширный сборникъ твердо обоснованныхъ, православно-доказательныхъ статей, въ которыхъ, «якобы въ зерцалѣ, каждый православный христіанинъ могъ бы и божественные догматы видѣти и еретическая уста заграждати» [87]). А такому назначенію данный сборникъ удовлетворялъ вполнѣ: потому что не смотря на внѣшніе свои недостатки, онъ имѣлъ всѣ удобства наилучшей справочной книги, и его общественное литературное значеніе чрезъ эти недостатки нисколько не умаляется.

Когда съ помощію этого и другихъ подобныхъ сочиненій, изданныхъ въ томъ же 1642 г., русскіе книжники оказали сильный отпоръ протестантскимъ притязаніямъ и когда литературное и общественное противолютеранское движеніе со дня на день увеличивалось и возростало [88]), а между тѣмъ запасъ лютеранскихъ возраженій и вопросовъ совершенно истощался и двукратные опыты проведенія ихъ вѣрованій сперва въ полномъ почти ихъ составѣ, потомъ по частямъ съ строго разсчитанною постепенностію — потерпѣли такую неудачу, — пропагандѣ приходится прибѣгнуть къ болѣе рѣшительному средству. Обстоятельства сами дали ей въ руки это важное средство. Въ 1642 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ вздумалъ выдать старшую дочь свою Ирину за сына датскаго короля «Вольдемара Христіанусовича». Женихъ оказался подходящимъ, и царь обѣщалъ принять его съ огромною свитою на русскую службу, посулилъ ему множество городовъ и селъ (Ярославль, Суздаль), съ тѣмъ однако, чтобъ онъ принялъ православную вѣру и крестился. Но Вольдемаръ не хотѣлъ измѣнить своей лютеранской вѣрѣ, и бракъ повидимому разстроился. Проживавшіе на Москвѣ датчане (ловившіе, какъ намъ извѣстно, каждый случай, благопріятствовавшій ихъ пропагандѣ), во главѣ ихъ прикащикъ датскаго короля Петръ Марселисъ — рѣшились устроить разстроившійся бракъ, но такъ, чтобъ королевичъ оставался въ лютеранской вѣрѣ. Извѣстно, какъ много значили брачные союзы въ судьбѣ протестантизма: въ такой просвѣщенной и независимой странѣ, какъ Англія, введеніе протестантизма при Генрихѣ VIII обязано брачнымъ союзамъ. Почему-жъ не ожидать подобнаго отъ задуманнаго брака и по

отношенію къ Россіи? Полюбивъ зятя,—«а онъ сильно былъ любъ царю»,—русскій царь можетъ полюбить и его вѣру, за царемъ послѣдуютъ подданные, и тогда недалеко, если не до введенія протестантизма въ Россіи, то по крайней мѣрѣ до сближенія съ нимъ православія. При томъ за лютеранскимъ принцемъ должна потянуться громадная свита въ Россію, за нею толпа соотечественниковъ и единовѣрцевъ, и изъ-за него всѣмъ хорошо будетъ въ Россіи, матеріальное благосостояніе, внутреннія силы ихъ могутъ увеличиться. Не даромъ же, прежде открытія переговоровъ о сватовствѣ, Марселисъ требовалъ отъ царя, чтобъ «датчанамъ дозволено было открыть повольную торговлю по всему русскому государству, завести вездѣ прядильни, устроить дворы гостинные и кирхи» [89]). Примѣръ Ксеніи Борисовны и ихъ принца Іоанна былъ еще слишкомъ свѣжъ и заманчивъ. Если Борисъ, изъ уваженія къ избраннику сердца своей дочери, позволилъ ему построить кирки въ Москвѣ и тверской области и оказалъ столько милостей его единовѣрцамъ, то какихъ счастливыхъ послѣдствій для вѣры и націи своей нельзя ожидать имъ отъ брака ихъ королевича съ русскою царевною (особенно теперь, когда внѣшнее сближеніе русскихъ съ нѣмцами все увеличивалось)? Но всего вѣроятнѣе здѣсь имѣлось въ виду, что, по примѣру царственной четы, и между всѣми сословіями подданныхъ будутъ заключаться православно-лютеранскіе браки, что откроется возможность проводить религіозныя протестантскія начала на Руси не чрезъ общественную только среду, какъ было доселѣ, но и чрезъ семью, что ихъ будутъ воспринимать дѣти, что называется, съ молокомъ матери.

Но какъ было устроить столь многообѣщающій бракъ, когда женихъ на отрѣзъ отказался отъ принятія православной вѣры, а царь слышать не хотѣлъ имѣть зятемъ иновѣрца? Ловкій сватъ Марселисъ отправился въ Данію, въ торжественной аудіенціи обѣщалъ королевичу золотыя горы, ожидающія его въ Россіи, «а о вѣрѣ молвилъ, что ему — королевичу не будетъ никакой неволи и помѣхи, что въ православную христіанскую вѣру греческаго закона крещеніе всѣмъ людямъ даръ Божій: кого Богъ приведетъ, тотъ и приметъ, а воля Божія свыше мысли человѣческой и дѣла». Самъ же между тѣмъ шепнулъ королевичу, чтобъ онъ тверже стоялъ за свою вѣру, не шелъ ни на малѣйшія уступки, представляя ему тотъ резонъ, что, возбудивъ къ себѣ симпатіи въ царѣ и царевнѣ, онъ рано или поздно вобьется въ царственную семью и непремѣнно безъ перемѣны своей вѣры: потому что если, при его искусномъ посредствѣ, за тридесять земель вызываютъ высоконареченнаго жениха, то не въ порядкѣ же вещей отсылать его назадъ, да и для царственной невѣсты просто позоръ, не бывъ женою, сдѣлаться вдовою. И — во всемъ своемъ странномъ поведеніи королевичъ поступаетъ точь въ точь по этой указкѣ и настроенію. Но одной настойчивости, упорства было, конечно, недо-

статочно. Рѣшено употребить въ дѣло силу убѣжденій, блескъ учености и краснорѣчія. Въ совершенно вѣрныхъ разсчетахъ, что на Москвѣ подымутся религіозныя пренія между русскими и датчанами, Марселисъ поднимаетъ, вмѣстѣ съ королевичемъ и его, состоявшею «изъ 300 благородныхъ офицеровъ и придворныхъ», свитою, ученаго пастора Матвея Фильгобера, чтобъ этотъ искусный діалектикъ, запутавъ московскихъ диспутантовъ, помогъ королевичу постоять за неизмѣнность вѣры. И эти умышленныя пренія, къ которымъ скоро присталъ и самъ сватъ Марселисъ, да упорство королевича въ подсказанной ему мысли являются главными пружинами этого темнаго дѣла. Намъ кажется, что все оно разсчитано на то, чтобъ добиться столь важнаго для протестантской пропаганды лютеранско-православнаго брака его съ царевною.

Всмотримся въ поведеніе королевича на Москвѣ. 21 января 1644 г. королевичъ прибылъ въ Москву, вездѣ встрѣчаемый въ Россіи «дарами, соболями и золотомъ, всюду жалуемый алмазами, брилліантами, парчею, бархатомъ, атласомъ». 13 февраля (а по Бушингу 6-го) онъ идетъ уже къ царю объявить, что «въ ихъ государствахъ мужъ держитъ свою вѣру, а жена другую, и онъ вѣры своей перемѣнить не можетъ». Царь отвѣтилъ на это, что «не только въ государскихъ нашихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не могутъ; а потому не худо бы королевичу подумать да поговорить отъ книгъ съ духовными людьми, не согласится ль онъ перемѣнить своей вѣры на наше св. благочестіе». Королевичъ изъявилъ полнѣйшее согласіе поговорить съ духовными о вѣрѣ, высказавъ при этомъ, что «онъ лучше всякаго попа знаетъ библію». Но вмѣсто переговоровъ, которыми онъ не хотѣлъ удостоить и бывшихъ тогда на Руси греческихъ ученыхъ, 13 февраля онъ пишетъ царю укоризненное письмо: «мы никакъ не можемъ вѣрить, чтобы ваше царское величество рѣшились, по совѣту злыхъ людей, приневоливать насъ къ вѣрѣ, а если будете приневоливать, то это приведетъ отца нашего и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь оттого будетъ». Подобныхъ укоризненныхъ писемъ королевичъ, если вѣрить Бушингу, написалъ царю, за 2 мѣсяца, 38; въ нихъ онъ то жаловался на нарушеніе царемъ договора съ его отцемъ (тогда какъ, по свидѣтельству того же Бушинга, датскіе вельможи, опасаясь имѣть въ этомъ побочномъ королевскомъ сынѣ соискателя вицекоролевскаго сана и обрадованные случаю поскорѣе избавиться отъ него, не заключали съ русскими никакого договора о вѣрѣ), то укорялъ царя въ нарушеніи справедливости и законности, въ томъ, что его силою удерживаютъ, насильно принуждаютъ дѣлать то, чего онъ не хочетъ, да и не можетъ, не соображаютъ непріятностей, какія могутъ произойти отъ этихъ проволочекъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ высказывалъ и грозилъ боярамъ, какъ бы и

нимъ не быть въ отвѣтѣ за поруганіе, какое наносится въ Россіи ему и его отцу (стр. 35). Царь успокоивалъ его, увѣряя: «у насъ никому въ государствѣ, а тѣмъ болѣе вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ, чтобъ вамъ съ нами быть въ одной христіанской вѣрѣ». Уговаривать и просить, чтобъ королевичъ принялъ православіе, взялся патріархъ Іосифъ. Не дождавшись, скоро ли королевичъ удостоитъ его или духовныхъ лицъ обѣщанными бесѣдами о вѣрѣ, патріархъ 29 апрѣля отправилъ королевичу свитокъ или посланіе, съ убѣжденіемъ креститься въ православную вѣру и съ изъясненіемъ вкратцѣ ея отличительныхъ догматовъ и обрядовъ. Королевичъ осмотрѣлъ свитокъ, вымѣрилъ его длину, подивился, поострилъ надъ 48 саженями его (длины), «надъ праздною и безполезною болтовнею» и велѣлъ своему пастору Фильгоберу написать отвѣтъ. Отвѣтъ, содержавшій въ себѣ 21 доводъ или причину, по которымъ принцъ не хотѣлъ принимать православіе, готовъ былъ на слѣдующій день. На скороспѣлый отвѣтъ патріархъ отправилъ второе посланіе королевичу съ опроверженіемъ всѣхъ доводовъ его защитника. Съ помощію знаменитостей своего времени, протопопа Насѣдки и бывшихъ на Москвѣ греческихъ архимандритовъ Анеима и Пареенія, отвѣтное посланіе патріарха было написано весьма удачно; опроверженія и доказательства были вѣски, изложеніе ясное, краткое, безъ излишней риторики. Надменный своею ученостію и краснорѣчіемъ, хваставшійся предъ противниками, что онъ перечиталъ книгъ: нѣмецкихъ, греческихъ, латинскихъ, еврейскихъ больше, чѣмъ они видѣли или будутъ видѣть, Фильгоберъ былъ не мало скомпрометированъ. Его царственный кліентъ, пылкій, страстный, молодой человѣкъ, — ему было 22 года, — потерялъ всякое терпѣніе. Предоставивъ своему защитнику копаться надъ приготовленіемъ новаго отвѣта къ патріарху, — а тотъ прокопался за нимъ до конца мая мѣсяца, — предназначивъ ему бороться на словахъ и перомъ, онъ самъ ухватился за другаго рода оружіе. Грозно потребовавъ отъ царя, чтобъ его отпустили домой 7 мая, и не получивъ на то удовлетворенія, онъ 9 мая вздумалъ бѣжать изъ Москвы: съ 15-ю человѣкъ пѣшихъ и 30 конныхъ, въ 3 часа ночи онъ пробилъ себѣ дорогу сквозь стражу стрѣльцовъ, стоявшую около его двора, стрѣляя въ нихъ изъ пистолетовъ, раня мечами и кинжалами. Но у тверскихъ воротъ не помогли ни пистолеты, ни кинжалы. Бѣглецовъ остановили, и одного изъ нихъ, комнатнаго дворянина королевича, схватили. Но королевичъ, много не думая, убилъ стрѣльца, который держалъ при себѣ его дворянина. (Поднялась рукопашная. Знали ль стрѣльцы королевича или нѣтъ, изъ дѣла не видно, но они не пощадили — вдоволь наколотили — и его свѣтлость). На третій день послѣ трагическаго происшествія (12 мая), королевичъ преспокойно разсказывалъ боярину Сицкому, что онъ убилъ стрѣльца и что̀ натворили его люди. На слѣдующій день (13 мая) онъ

снова требовалъ у царя отпуска себѣ, грозилъ, что за него вступятся короли шведскій и польскій. Царь жестоко «окручинился». Но королевичу, повидимому, это только и нужно было. Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ бѣжать, то бѣжалъ бы безъ шума, безъ выстрѣловъ, тихо и переодѣвшись, и при томъ не въ такое время, когда уже разсвѣло и начинался день. Да изъ-за чего было бѣжать такъ рано, чрезъ три какіе либо мѣсяца по пріѣздѣ въ Россію, когда онъ, пообѣщавъ поговорить о вѣрѣ, сдѣлать повѣрку своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, ничего этого еще не сдѣлалъ и когда не только не принеуживали его къ перемѣнѣ вѣры и не дѣлали ему никакого насилія, но окружали его почестями, роскошію, какихъ онъ не видалъ въ своемъ отечествѣ, когда «всѣ кланялись ему хлѣбами, соболями и золотыми, устрояли для него пиры, охоту, поблажали его слабостямъ и страстямъ? Бѣжать онъ затѣялъ скорѣе для вида и съ разсчетомъ, что если онъ рѣзче выразитъ свое требованіе объ отпускѣ, сдѣлаетъ скандалъ, то отпустить его не отпустятъ, а, страшась подобныхъ скандаловъ на будущее время, поспѣшатъ устроить бракъ и оставятъ въ покоѣ его вѣру. Не на это ли намекали сами послы датскіе, когда они на просьбу царя, чтобъ они уговорили королевича «оставить мысль и хотѣніе молодое», отвѣчали: «думаетъ королевичъ о семъ съ своимъ домомъ и съ своими ближними людьми, а не съ нами». Кровавая драма не произвела однако желаемаго впечатлѣнія. Трагедія не кончилась комедіею: своими убійствами, устрашеніями королевичъ не добился брака. И вотъ онъ перемѣнилъ роль. Годъ и два мѣсяца онъ беззаботно провелъ въ пирахъ и попойкахъ съ земляками, ѣздилъ на обѣды къ царю и царевичу, и они къ нему; охотился за соколами. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1645 г. царь напомнилъ было королевичу о его обѣщаніи поговорить съ духовными о вѣрѣ, но получилъ въ отвѣтъ рѣзкое письмо. 4 іюля Михаилъ Ѳеодоровичъ еще разъ пригласилъ королевича на религіозный диспутъ, но не добился ничего. Королевичъ поставилъ теперь себѣ задачею молчать и выжидать, сближаться съ царскою семьею, но не поддаваться и, въ случаѣ малѣйшаго наступленія на его религіозныя убѣжденія, дать сильный отпоръ. Какъ вообще фальшиво, двусмысленно было поведеніе королевича, видно было изъ того, что послѣ грубой самоличной расправы съ невинными людьми, послѣ нѣсколькихъ смертоубійствъ, непрерывныхъ попоекъ и разгула, онъ вдругъ прикидывается исповѣдникомъ и мученикомъ вѣры: «пусть государь мещетъ свои громы и молніи, говорилъ онъ по поводу послѣдняго приглашенія его побесѣдовать о вѣрѣ, все же не доведетъ меня до отреченія отъ вѣры. Сошлетъ меня въ Сибирь, — его воля: мнѣ отрадно будетъ переносить за вѣру всякое горе, а захочетъ убить меня, — пусть: я положилъ лучше умереть съ чистымъ сердцемъ, чѣмъ жить въ почетѣ съ преступною совѣстію» (Бушингъ 59). Но это была

послѣдняя внезапная вспышка притворной смерто-боязни, напускной твердости и мужества въ вѣрѣ. Какъ и прежде, королевичъ самъ какъ будто знать ничего не хотѣлъ, ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ шумныхъ увеселеній и разгула, — за него все дѣлало время, да его главные вожаки: пасторъ Фильгоберъ и сватъ Марселисъ.

Поведеніе этихъ удивительныхъ личностей еще загадочнѣе, подозрительнѣе. Вмѣсто королевича, пообѣщавшись «съ тихостію и основательностію отвѣщати» на увѣщанія патріарха, Фильгоберъ, въ длинномъ предисловіи къ первому своему посланію, приписываетъ царю и патріарху такія злоумышленія и ковы относительно всей свиты Вальдемара, что какъ будто сейчасъ готовъ разразиться надъ ними смертный приговоръ, а королевича уже тащатъ къ православной купели. И онъ, въ испугѣ и отчаяніи за свою жизнь, то обращается къ суду Божію и проситъ помощи Того, «Кто единъ отъ смерти можетъ избавити», то вдругъ въ порывахъ мести грозитъ царю судомъ человѣческимъ, судомъ всѣхъ королей и князей христіанскихъ, ссылается на небывалыя договорныя статьи «между царскимъ величествомъ и королевскимъ высочествомъ». Все длинное предисловіе состоитъ изъ повторяющихся на одинъ и тотъ же ладъ укоровъ, воплей и прещеній, къ которымъ прибавляется въ видѣ ультиматума требованіе, «что бъ всей свитѣ съ такою же честію и дружбою отпущенными быти, какъ они и приняты» (Синод. рукоп. № 281 л. 10—19). Фальшивая эта тревога, острастка, предпосылаемая разсужденіямъ о вѣрѣ, по всей вѣроятности, также имѣла цѣлію — добиться брака королевича безъ перемѣны имъ вѣры, не поднимая даже о ней серьезныхъ преній. Но въ дѣйствіяхъ Фильгобера, то хитро уклончивыхъ, то чрезвычайно настойчивыхъ важна, собственно говоря, не эта прелюдія. Приготовивъ, какъ сказано, отвѣтъ на второе посланіе патріарха, онъ послалъ его не къ патріарху, но въ посольскій приказъ. Приказъ поэтому сдѣлался театромъ богословскихъ преній. 28 Мая 1644 г. царь «указалъ сидѣти въ приказѣ, для отвѣта противъ королевскаго попа Матвея Фильгобера: Благовѣщенскому попу Никитѣ, да Черниговскому (Архангельскаго собора) протопопу Михаилу, да Богородскому ключарю Ивану Насѣдкѣ съ товарищи».[20]) Трехчленной коммисіи русскихъ богослововъ стало однако недостаточно; посольскій приказъ оказался тѣснымъ для обширныхъ преній. По указу царя отъ 3 іюня того же года, «вся елико лучились иноко-священники и міряне, иже еллинскому языку, и Божественному писанію, и церковному чину и догматовъ Божественныхъ вѣдцы и между прочими упомянутые греческіе архимандриты Аѳеимъ и Пареѳеній да князь Дмитрій Альбертовъ Далматскій» нѣсколько разъ съ 3 до 7 іюня «истязовались (въ посольскомъ приказѣ) съ еретикомъ Матвеемъ по ученію Господа Іисуса Христа» (Синод. рукоп. № 279, 86—132 и 196—203).

Въ тѣ же почти числа (отъ 2 до 8 іюня, а по Бушингу отъ 31 мая до 4 іюня), но въ другіе, вечерніе часы Фильгоберъ велъ пренія съ Іоанномъ Насѣдкою въ квартирѣ русскаго резидента въ Швеціи — перекрещенца изъ лютеранъ Форенсбаха Францебека, а Марселисъ препирался съ какимъ-то русскимъ старымъ священникомъ, съ какими-то двумя греками и съ тѣмъ же Францебекомъ (л. 180—195). Но вотъ что странно. Когда въ разныхъ общественныхъ и частныхъ кружкахъ споръ только-что оживился, пріѣзжіе диспутанты вдругъ просятъ царя порѣшить всѣ споры единою самодержавною волею. Въ письмѣ своемъ отъ 8 іюня 1644 г., присланномъ (на греческомъ языкѣ) въ посольскій приказъ, Матвей Фильгоберъ писалъ царю: «бью челомъ княжеской милости со всепокорностію, что бъ такихъ сходовъ не поволили, потому что люди, которые въ томъ сходѣ сидѣли, не совѣтуютъ правды сказать, чтобъ Его Царское Величевтво велѣлъ ихъ предъ собою представити и допросить по изстари ихъ спасенства» (л. 205); Марселисъ, прося о томъ же, прибавляетъ: «хотя способности и познанія противниковъ похвальны, но они упрямо въ своей вѣрѣ стоятъ». Царь не уважилъ просьбы ни того, ни другаго, назначилъ лишь новое мѣсто для собраній, перемѣнилъ составъ лицъ съ православной стороны и изъ оффиціальнаго или публичнаго диспута, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, сдѣлалъ его частнымъ, семейнымъ переговоромъ, въ надеждѣ, что гдѣ менѣе шума, публики, тамъ больше будетъ соглашенія. По государеву указу 2 іюля 1644 г., лишь Насѣдка «съ товарищи греки на дому Францебека (вышеупомянутаго) должны бяху бесѣдовати съ попомъ Матвеемъ Фильгоберомъ о крещеніи и многихъ иныхъ предметѣхъ» (рук. Соловецк. л. 96). Диспутъ при такой обстановкѣ не соотвѣтствовалъ желаніямъ Фильгобера, и потому, сколько ни старалась православная сторона оживить пренія, разобидѣвшійся пасторъ велъ дѣло крайне вяло, апатично. Постепенно стихавшія пренія наконецъ умолкли на цѣлый годъ до 4 іюля 1645 г., когда «государь указалъ тому же соборному ключарю Насѣдкѣ, да Архангельскому протопопу Михаилу, да съ Костромы Геннадіевы пустыни строителю Исакію говорити, при датскомъ королевичѣ, при Вальдемарѣ Христіанусовичѣ, съ попомъ его Матвеемъ противу всѣхъ рѣчей его». Это было послѣднее состязаніе, кончившееся, какъ и самое сватовство Вальдемара, ровно ничѣмъ.

Что бы значилъ этотъ запутанный, уклончивый ходъ преній? Надменные диспутанты ѣхали въ Россію съ тѣми низкими понятіями о русскихъ, какія вообще ходили тогда въ Европѣ; они воображали, что въ этомъ христіанскомъ Китаѣ никто не смыслитъ въ своей вѣрѣ, что ихъ самодержавный деспотъ есть верховный глава церкви, всевластный судія въ дѣлѣ вѣры. А между тѣмъ они съ перваго раза встрѣтились съ людьми, вполнѣ съумѣвшими постоять за себя (русскими и грече-

скими богословами). Не эта ли, непріятно смутившая ихъ, встрѣча и заставляла ихъ уклоняться отъ письменныхъ преній съ патріархомъ и его достойными совѣтниками и въ самую лучшую для интересовъ дѣла пору бросаться то въ посольскій приказъ, то въ палаты царя, прося государя покончить все дѣло личнымъ самодержавнымъ судомъ? Одного его скорѣе можно было склонить на свою сторону: и они искусно затронули слабую струнку его, верховенство и главенство его надъ православнымъ міромъ и церковію, его одного выставили поборникомъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ истины, а несговорчивыхъ собесѣдниковъ обозвали врагами истины, фанатиками: «не слушай, говорили они царю, внушеній тѣхъ, которые совѣтуютъ тебѣ требовать отъ нашего королевича вторичнаго крещенія, гнѣвъ Божій ожидаетъ за это злыхъ совѣтниковъ; они правду не хотятъ сказать, они упрями въ своей вѣрѣ стоятъ» (л. 118). Но эта крайняя мѣра не удалась, и ихъ дѣйствіями, кажется, сталъ заправлять тотъ разсчетъ, что не станутъ же королевича, съ крайнимъ безчестіемъ для себя и для него, выпроваживать изъ Москвы, что лютеранско-православный бракъ въ царской семьѣ состоится и безъ ихъ горячихъ преній, слѣдуетъ только обождать и тверже стоять на своемъ. Не въ этихъ ли видахъ наши парламентеры какъ горячо сначала принялись за дѣло, такъ, послѣ первой же осѣчки, холодно отнеслись къ нему, во все послѣдующее время ведя пренія нехотя и прерывая ихъ на цѣлый годъ? Всего подозрительнѣе пренія и жалобы свата Марселиса. Пародію на диспуты этотъ пушкарь и торгашъ (пироговыми рогами) устраивалъ больше для вида, чтобъ доложить государю, что вотъ онъ истощаетъ всѣ усилія къ устроенію задуманнаго брака, что онъ самъ пробовалъ со всѣмъ безпристрастіемъ препираться съ русскими богословами, но совершенно напрасно; остается самому царю порѣшить споръ, щадя конечно религіозныя убѣжденія будущаго зятя. Надменный заслугами своего отца, который когда-то помогъ Филарету Никитичу освободиться изъ плѣна польскаго, возмнившій о своихъ услугахъ сватовства, считавшій всю царскую семью обязанною себѣ, Марселисъ легко могъ склониться къ самообольщенной мысли, что царь во всемъ сдастся ему на слово, и, по его благовидной жалобѣ на упрямство русскихъ спорщиковъ, велитъ имъ замолчать къ торжеству его скрытыхъ замысловъ. И къ чему вся эта комедія диспутовъ, когда Вольдемара привезли уже вѣнчаться? Марселисъ, долго живя въ Россіи, хорошо зналъ, что браки православныхъ съ лютеранами рѣшительно не въ обычаѣ, что затѣваемое имъ сватовство не обойдется безъ серьезныхъ столкновеній и преній относительно разности вѣры жениха; и потому долженъ былъ уладить эти затрудненія, не поднимая жениха изъ его далекаго отечества: не такъ же давно былъ случай, конечно, и ему не безъизвѣстный. Когда Борисъ Ѳедоровичъ задумалъ выдать дочь за ихъ же принца

Іоанна, возникали тѣ же недоумѣнія и затрудненія, и царь, не смотря на все свое расположеніе къ жениху, не разрѣшилъ недоумѣній единичною своею властію, а, какъ выразились наши богословы предъ тѣмъ-же Марселисомъ, «посылалъ по всѣ города, по всѣ власти, по митрополиты, архіепископы и епископы, для договору о вѣрѣ и крещеніи» (л. 550). Еслибъ Марселисъ не имѣлъ заднихъ мыслей, то избралъ бы подобный путь къ рѣшенію спорнаго вопроса и не прибѣгалъ бы ко вмѣшательству царя въ свободу преній. Но Марселисъ, чтобъ добиться царскаго согласія на сводимый имъ бракъ, былъ способенъ на все. Видя, что никакія уловки и выжидательная политика не обѣщаютъ благопріятнаго исхода дѣлу, онъ, для ускоренія развязки, придумалъ средство, на которое способна лишь такая коварная и маскирующаяся личность, жадный эксплуататоръ и обманщикъ, какимъ онъ оказался впослѣдствіи [91]). 25 іюня 1645 г. Марселисъ извѣстилъ царя, что королевичъ «заболѣлъ болѣзнію сердечною, сердце щемитъ и болитъ, что̀ скушаетъ или чего изопьетъ, то сейчасъ назадъ; съ нимъ сейчасъ ударъ или болѣзнь огненная случится (та самая де, отъ которой умеръ и женихъ Ксеніи Годуновой), и онъ скоро можетъ умереть, а все отъ горя, отъ кручины сердечной, отъ неизвѣстности, что̀ съ нимъ будетъ здѣсь». По провѣркѣ оказалось, что королевичъ, за котораго такъ отчаявался Марселисъ, «весь день и ночь пилъ вино и романею, вино рейнское и иное питье, игралъ съ ближними людьми въ дудки и цинбалы». Дурное поведеніе Вальдемара, сѣть интригъ и замысловъ, разставленныхъ вокругъ него, тяжело подѣйствовали на мягкую натуру царя. 12 іюля «отъ меланхоліи и кручины» скончался Михаилъ Ѳеодоровичъ. 17 августа Вальдемаръ со свитою отправленъ былъ въ Данію съ такою же честію, съ какою принятъ.

Итакъ очень вѣроятно, что образъ дѣйствій героевъ печальнаго этого происшествія направленъ былъ къ тому, чтобы такъ или иначе вынудить у царя согласіе на лютеранско-православный бракъ въ царской семьѣ, который такъ много значилъ для цѣлей протестантской пропаганды. Не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, не были-ль счастливѣе агитаторы въ возникшихъ по поводу его преніяхъ о вѣрѣ? Могла ли православная сторона, хотя бы съ помощію греческихъ ученыхъ, оказать имъ сильный отпоръ, когда она сама не всегда стояла на твердой почвѣ? Разумѣемъ ея настояніе на томъ, что принцъ, какъ и всѣ другіе лютеране и католики, при принятіи православія, долженъ былъ непремѣнно вновь креститься, такъ какъ ихъ крещеніе — обливательное. Странное это мнѣніе остается всегдашнимъ пятномъ богослововъ временъ Михаила Ѳеодоровича. Отъ него произошли нѣкоторые частные недостатки, когда напр. наши богословы должны были совершенно молчать или говорить безъ достаточныхъ основаній и доказательствъ, или же на всѣ возраженія противниковъ отвѣчать одно и то же, а иногда вдаваться въ разсужденія о пред-

метахъ совершенно посторонниxъ. На первыхъ же страницахъ своего посланія къ Вальдемару патріархъ, перечисливъ главныя догматическія заблужденія католиковъ и лютеранъ, и эту обрядовую разницу — обливательное крещеніе поставляетъ въ такую же вину протестантамъ, какъ и отверженіе догматовъ о церковномъ преданіи, вселенскихъ соборахъ, св. постахъ (Синод. рук. № 281 л. 4 обор. и 5). За исчисленные недостатки нельзя однако строго обвинять нашихъ богослововъ: бывшее причиною этихъ недостатковъ мнѣніе о недѣйствительности лютеранскаго и католическаго крещенія измышлено не ими, а узаконено московскимъ помѣстнымъ соборомъ 1621 г., которому они не могли не слѣдовать. Эту печальную необходимость подчиненія чужому мнѣнію и узаконенію подмѣтилъ въ нихъ и ихъ противникъ: «я не сомнѣваюсь, что они въ совѣсти своей дополна пересвидѣтельствованы, что наше крещеніе также прямое крещеніе, какъ ихъ: они то видятъ, но устами объявить не хотятъ или не смѣютъ» (л. 205). Но главное, исчисленные недостатки, бывшіе слѣдствіемъ роковаго этого взгляда на крещеніе, составляютъ едва замѣтную долю во всей массѣ преній: потому что, начавшись съ вопроса о крещеніи и бракѣ иновѣрцевъ съ православными, споръ скоро перешелъ къ вопросамъ о всѣхъ почти вѣроисповѣдныхъ особенностяхъ, отличающихъ протестантство отъ православія, гдѣ былъ полный просторъ сужденіямъ. Вступивъ въ свою сферу, русскіе и греческіе богословы высказали довольно обширную библейскую начитанность, знакомство съ библейскою истолковательною письменностію, съ догматическими сочиненіями св. отцевъ, вѣроопредѣленіями соборовъ, съ историческими сочиненіями, преимущественно хронографами; отчасти съ греческими лѣтописцами и латинскими хрониками и даже съ нѣмецкими древнѣйшими библіями, а протопопъ Насѣдка показалъ себя «вѣдцемъ всего, что Мартинъ Лютеръ развелъ въ своемъ катихизисѣ на укоризну грекамъ и намъ, и на всю ту вражію книгу изготовилъ отвѣтъ» (л. 253). Всѣ богословы обнаружили также умѣнье разбираться съ обширнымъ матеріаломъ, здравый критическій тактъ и навыкъ въ нѣкоторыхъ полемическихъ пріемахъ, пріобрѣтенный не формальнымъ діалектическимъ образованіемъ, но внушаемый естественною логикою, развиваемый практическимъ упражненіемъ. При этихъ счастливыхъ условіяхъ и средствахъ самозащиты, никакія діалектическія тонкости, ни явныя, ни тайныя злоумышленія противниковъ не могли поколебать убѣжденій нашихъ недюжинныхъ полемистовъ. Этого мало. Они обнаружили столько осмотрительности, проницательности и твердости, такъ были сильны силою истины, говорившей ихъ устами, что нерѣдко ставили противниковъ въ безъисходное положеніе; это — рѣдкія, отрадныя личности, свѣточи для своего темнаго времени, предупреждавшіе вѣкъ своимъ развитіемъ. Самъ прославленный Фильгоберъ съ его неистощимымъ запасомъ свѣдѣній, такъ бережно и дальновидно выклады-

ваемыхъ, остается нерѣдко въ тѣни предъ этими свѣточами. Чтобъ подобные отзывы о нашихъ полемистахъ и ихъ сочиненіяхъ не показались пристрастными, гиперболическими, мы должны, какъ можно тверже, обосновать ихъ. Сдѣлаемъ краткую оцѣнку посланій, которыми обмѣнялись Фильгоберъ съ патріархомъ, минуя преніе Фильгобера съ Насѣдкою (л. 180—195) и съ греками (л. 196—203) о крещеніи обливательномъ (краткую запись диспутовъ, бывшихъ съ 3 до 7 іюня и съ 2 до 8 іюня 1644 г.), пространное изложеніе того и другаго пренія Фильгоберомъ (л. 204—247) и возраженіе Насѣдки противъ этого послѣдняго сочиненія (л. 248—467): всѣ эти обходимыя нами сочиненія, по самому предмету своему, не имѣютъ никакого историческаго значенія, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ мѣстъ. Наконецъ на вторичное преніе съ Фильгоберомъ (бывшее 2 іюля 1644 г.) (л. 470—553) ограничимся самыми общими ссылками, не входя въ самый разборъ его: потому что оно не представляетъ собою ничего новаго, а кратко излагаетъ доводы, высказанные въ предшествовавшихъ полемическихъ сочиненіяхъ [92]). Въ отвѣтномъ посланіи Фильгобера на первое письмо патріарха (написанномъ отъ имени Вальдемара и переведенномъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ думнымъ дьякомъ Григоріемъ Львовымъ 23 апрѣля 1644 г.) излагаются (послѣ извѣстнаго намъ предисловія) всѣ отличительныя особенности протестантскаго вѣроисповѣданія отъ православнаго. При чемъ выставляется одно внѣшнее случайное различіе ихъ; но гдѣ не возможно скрыть рѣзкихъ противоположностей между ними, тамъ въ защиту лютеранскихъ воззрѣній приводится масса библейскихъ и историческихъ свидѣтельствъ (что ни слово, то текстъ или цитата), допускаются всевозможныя натяжки, уклоненія и эпизоды, риторическія прикрасы, и все для того, чтобы скрыть существенное отличіе вѣроисповѣданій и доказать, что не королевича слѣдуетъ принуждать къ перемѣнѣ вѣры, а лучше бы подумать о полномъ сліяніи близкихъ между собою вѣроисповѣданій. Зналъ ли Фильгоберъ или нѣтъ, какъ вела свое дѣло на Руси литературная протестантская пропаганда, но его пренія какъ будто нарочито были разсчитаны на то, чтобъ быть достойнымъ завершеніемъ, послѣднимъ словомъ всего высказаннаго, агитированнаго въ теченіе полустолѣтія. Никогда еще вопросы и возраженія протестантовъ не имѣли такого строго догматическаго содержанія. Никогда они не были такъ тонко и хитро поставлены, такъ гибки, двусмысленны, обманчивы; не высказывались въ такомъ мягкомъ, уступчивомъ, примирительномъ тонѣ. Словомъ никогда протестантство не принимало на себя такой благовидной личины православія. Послѣ напрасныхъ попытокъ раскрыть и оправдать предъ православными систему протестантскихъ вѣрованій въ ея настоящемъ видѣ, хитрой пропагандѣ ничего болѣе не оставалось, какъ пуститься на поддѣлку подъ тонъ православія всей своей системы вѣроуче-

нія. Вѣроятно съ этой новой точки безразличія между тою и другою вѣрою, авторъ не считаетъ нужнымъ изыскивать особую систематизацію при изложеніи особенностей своего вѣроученія, а располагаетъ ихъ въ томъ случайномъ порядкѣ, въ какомъ онѣ исчислены въ краткомъ письмѣ патріарха. И мы уже сами, чтобъ не растеряться въ пестротѣ и обиліи предметовъ посланія, должны подвести ихъ подъ наиболѣе удобныя систематическія рубрики, устраняя ту безъискусственность и увлеченія, какія свойственны литературнымъ произведеніямъ этого рода. Посланіе касается слѣдующихъ отличительныхъ догматовъ протестантства: ученія о св. Писаніи и св. Преданіи, какъ источникахъ христіанскаго вѣроученія, о вселенскихъ соборахъ, объ исхожденіи св. Духа, о всѣхъ почти таинствахъ. Что вѣра лютеранъ должна держаться и держится единственно на свидѣтельствѣ слова Божія, на это приводится длинная тирада текстовъ. Что лютеране не признаютъ церковнаго преданія, это умышленно скрывается. Далѣе тянется рядъ бездоказательныхъ, растянутыхъ положеній о томъ, что писанія св. отцевъ и вѣроопредѣленія 7-ми вселенскихъ соборовъ слѣдуетъ принимать въ той мѣрѣ, въ какой они согласны съ свидѣтельствомъ слова Божія. Такъ опредѣленіе 7 вселенскаго о томъ, что «образомъ молитися подобаетъ», отвергается на томъ основаніи, что «отцы взяли ту мысль не изъ библіи святыя, но уложили своимъ произволомъ». Вмѣсто констатированія подобныхъ отрицаній, авторъ распространяется о томъ, когда, гдѣ, изъ сколькихъ отцевъ созванъ былъ каждый соборъ, кто и за какія ереси осужденъ на немъ и т. д. (Синод. рукоп. № 281, л. 1—4, л. 17—31). Патріархъ, соглашаясь съ Фильгоберомъ, что св. Писаніе должно служить главнымъ источникомъ всего вѣроученія, такимъ же равноправнымъ источникомъ признаетъ и св. Преданіе, и чѣмъ заботливѣе и умышленнѣе скрываетъ его оппонентъ свое противленіе церковному преданію, тѣмъ настойчивѣе и убѣдительнѣе онъ доказываетъ необходимость преданія, не прибѣгая впрочемъ ни къ какимъ утонченнымъ доказательствамъ, а твердо держась почвы, на которой стоитъ его противникъ. «Емлется» за апостола Павла, заповѣдывавшаго стояти и держаться преданій и хвалившаго всѣхъ помнившихъ его преданія (1 Коринѳ. II, 2; Солун. 2); ссылается на Василія Великаго, указывающаго рядъ преданій, преемственно сохранившихся отъ временъ апостольскихъ (крестообразное знаменіе лица, молитвы надъ хлѣбомъ благодаренія и чашею благословенія, благословеніе надъ водою крещенія и помазаніе мvромъ крещаемаго). — Не оставлены безъ (краткаго, но мѣткаго) опроверженія и такія кривотолкованія, что если св. отцы и вселенскіе соборы учатъ чему либо, не утвержденному на ясномъ, несомнѣнномъ свидѣтельствѣ слова Божія, то имъ нельзя давать вѣры. «Вы не по дѣлу полагаете различіе, говоритъ святѣйшій авторъ, межъ св. апостолъ и св. отецъ: св. отцы Духомъ св. возглаголаша чудная и

дивная, и сотвориша велія чудеса и знаменія, иніи же большая сотвориша, нежели сами апостолы, по словеси Христову: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ и больша сихъ сотворитъ (2-е посланіе патріарха къ Фильгоберу, гл. 1—4, л. 84—96). — Вопросъ объ исхожденіи св. Духа такъ замятъ, запутанъ Фильгоберомъ, предвѣчное исхожденіе св. Духа отъ Отца такъ перемѣшано съ временнымъ ниспосыланіемъ Его отъ Сына, что православная сторона легко могла повѣрить протестантамъ, будто они «едино съ православными вѣруютъ и въ исхожденіе св. Духа отъ единаго начала, сирѣчь отъ Отца», особенно когда пасторъ ихъ открыто сознался, что «Духъ св. исходитъ и отъ Сына, о томъ въ писаніи не описано» (гл. 7, л. 35—37, 101). Нельзя на этотъ разъ не подивиться пріемамъ полемики Фильгобера. Не надѣясь прямымъ путемъ достигнуть соглашенія въ такомъ спорномъ пунктѣ, но желая выставить себя единомышленнымъ съ православными въ ученіи о св. Троицѣ, онъ не задумывается отречься отъ своей вѣры, въ самомъ главномъ таинственномъ ея догматѣ: на какую фальшь, криводушіе, вѣроломную измѣну убѣжденіямъ и совѣсти способна эта полемика, лишь бы достигнута была столь важная въ ея разсчетахъ цѣль соглашенія! — О таинсвѣ Евхаристіи Фильгоберъ голословно утверждаетъ: въ причастіи благословенный хлѣбъ и благословенное вино, а съ хлѣбомъ и виномъ истинное тѣло и кровь Христову пріимаемъ. Допускаетъ въ Евхаристіи безразличное употребленіи квасного хлѣба и отрѣсноковъ, вина безъ воды и съ водою: «потому что въ св. библіи никакого явственнаго приказу о томъ нѣтъ». Но на такой воздушной точкѣ безразличія свойственно держаться протестантскому богослову а не православному. Послѣдній не касаясь сущности таинства (вѣроятно потому, что оппонентъ не высказалъ о ней ничего опредѣленнаго, доказательнаго), справедливо замѣчаетъ, что такъ какъ въ св. таинствахъ невидимая благодать св. Духа преподается чрезъ видимые чувственные знаки, то нѣкоторые обряды и вещественныя принадлежности, съ которыми существенно сопряжена благодатная сила таинства, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Въ Евхаристіи хлѣбъ и вино, подъ видомъ которыхъ преподается самое тѣло и кровь Господа Іисуса Христа, слишкомъ важны и таинственны, чтобы относиться къ нимъ такъ безразлично, и нашъ первоверховный богословъ горячо и твердо стоитъ за квасный хлѣбъ, разбирая при этомъ исторію употребленія опрѣсноковъ въ іудействѣ, ссылаясь на примѣръ самого Іисуса Христа (преломившаго, при совершеніи Евхаристіи, хлѣбъ, а не опрѣснокъ) и приводя неоспоримыя свидѣтельства 11-го прав. 6 вселенскаго собора и 81 прав. 7 собора. Впрочемъ, говоря безпристраетно, при своей пламенной защитѣ обрядности, онъ, по общей склонности богословъ 17 вѣка къ аллегорическимъ толкованіямъ, впадаетъ въ нѣкоторыя крайности и натянутости (какія встрѣчались въ 28 гл. Иало-

женія на Лютеры). Наконецъ на основаніи библейскихъ и историческихъ свидѣтельствъ твердо и рѣшительно доказываетъ необходимость соединенія вина съ водою при совершеніи Евхаристіи (гл. 5 и 6, л. 32—35, 97—100). Въ такомъ же духѣ, какъ объ Евхаристіи, Фильгоберъ трактуетъ и о крещеніи, совершаемомъ у протестантовъ, — выдаетъ его за такое же дѣйствительное таинство, какъ и православное крещеніе и находитъ между ними лишь обрядовую разницу: у православныхъ погруженіе, у лютеранъ обливаніе, и, хотя эту внѣшнюю разницу считаетъ ничтожною, однако силится отстоять правильность своего обливательнаго крещенія, и неумѣстность православнаго крещенія чрезъ троекратное погруженіе доказываетъ собственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Іисусъ Христосъ, въ смерть котораго мы крещаемся, пробылъ мертвъ въ сердцѣ земли не полные три дня, но менѣе двухъ сутокъ. Такую же уклончивую загадочную рѣчь онъ ведетъ и о всѣхъ другихъ таинствахъ. О муропомазаніи и елеосвященіи вовсе умалчиваетъ, и это, можетъ быть, въ тѣхъ разсчетахъ, что на эти два таинства менѣе всего обратятъ вниманіе потому, что первое изъ нихъ въ практикѣ сливается съ другимъ таинствомъ, а второе рѣдко употребляется въ практикѣ. Всѣ остальныя таинства, посредствомъ разныхъ недомолвокъ, сопоставленій и изображенія ихъ съ внѣшней благовидной стороны, онъ представляетъ не мало похожими на православныя таинства. «Въ нашихъ королевствахъ, говоритъ онъ, такіе пригожіе и честные чины, что нигдѣ того лучше не обрѣтается. Къ высокодостойному причастію мы изготовляемся постомъ, молитвою и покаяніемъ. Кающимся грѣхи прощаются, а не кающимся не прощаются по Христову словеси. Вѣнчаніе совершается у насъ такъ, что жениха и невѣсту, во имя высокославной и Святой Троицы, святымъ моленіемъ предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, вѣнчаютъ. Нашихъ бискуповъ и поповъ, по Божію слову, прямо ставятъ; духовнаго чину людей емлемъ мы въ попы честныхъ и ученыхъ людей; бискупы и попы кладутъ на нихъ руки. Сакраментъ, то есть, пречистое они прямо творятъ по Христову приказу. Весь духовный чинъ держитъ свое особное платье, какъ смирнѣе и честнѣе духовнымъ людемъ подобаетъ, и ведутъ себя такъ смирно, строго, что если попъ единожды пьянъ напьется, его отъ службы отставятъ» (гл. 9, л. 13—20, 46, 62—82). Уступки и поддѣлки податливаго оппонента простерлись даже до признанія законности монашескаго института: «монастырскіе уставы мы не мечемъ, только бы они (монахи) радѣтельно училися, и радѣтельно молилися и честно жили, чтобъ изъ нихъ мочно было людей взяти къ церквамъ и школамъ» (л. 82). Но какъ ни искусно завязаны узлы этихъ лживыхъ хитросплетеній, какъ ни много потаенныхъ мыслей и заблужденій сокрыто подъ ними, ни одинъ мельчайшій узелъ, ни одна тонкая и кривая мысль не укрылась отъ проницательности дальновиднаго нашего диспутанта: всѣ

узлы и хитросплетенія разсѣкаются отъ одного прикосновенія мощнаго здраваго смысла, теряютъ цѣну отъ одного подведенія ихъ подъ пробную мѣру истины православія. «Погруженіе и обливаніе въ библіи вы толкуете за едино, возражаетъ онъ, и приводите на то многія свидѣтельства не по дѣлу: въ вашихъ же библіяхъ нѣмецкихъ и латинскихъ, которыя печатаны за 150 лѣтъ и болѣе, идѣже въ нашихъ библіяхъ писано креститися, у васъ тутъ печатано погрузити». И затѣмъ, въ оправданіе крещенія чрезъ погруженіе, приводятся ясныя свидѣтельства изъ древней исторіи и практики христіанской (анализъ факта крещенія Господня, свидѣтельства Діонисія Ареопагита, Сильвестра папы римскаго и проч.). Встрѣчаются свидѣтельства и для настоящаго времени нелишенныя интереса, если только они исторически достовѣрны. Таково напр. приводимое въ доказательство крещенія погруженія, повѣствованіе св. Климента римскаго: «когда Петръ крестилъ римлянъ и погрузи ихъ въ рѣку, вдругъ возгремѣлъ громъ, яко поколебатися всему граду, возсіяли лучи огненные и пришествіе св. Духа осѣнило ихъ» (Синодал. рукоп. № 281 л. 7 на об.). Въ опроверженіе жъ ложной мысли Фильгобера, что время смерти Іисуса Христа не заключалось въ предѣлахъ трехъ дней и что совершаемое вь образъ его смерти крещеніе не должно быть поэтому троекратнымъ погруженіемъ, авторъ остроумно и не безъ основанія замѣчаетъ: «тьма отъ 6 часа до 9 въ день смерти Господа и затѣмъ возвращеніе дня составляютъ однѣ сутки; нощь предъ субботою и день субботній — другія сутки, свѣтозарная нощь воскресенія Христова — третьи». Здѣсь диспутантъ счастливо сворачиваетъ съ ложнаго роковаго пути, на который онъ заведенъ былъ другими, — не настаивая болѣе на недѣйствительности лютеранскаго крещенія, онъ съ достоинствомъ и твердостію отстаиваетъ многія православныя положенія. О другихъ таинствахъ лютеранскихъ патріархъ считаетъ излишнимъ входить въ подробное сужденіе; но въ виду того, что у лютеранъ нѣтъ правильнаго священства и достойныхъ строителей таинствъ, послѣднія онъ признаетъ недѣйствительными. Показавъ незаконность избирательнаго представительнаго священства у лютеранъ, не имѣющаго никакой связи и преемства съ іерархіею временъ апостольскихъ, онъ раскрываетъ несравнимое превосходство православной греко-россійской іерархіи, исторически доказавъ ея преемство отъ Іакова, брата Господня, «самимъ Христомъ нареченнаго и обѣма надесятью апостолами хиротонисаннаго во епископа Іерусалимскаго» (л. 133—150 и Синод. рукоп. № 279, л. 470—491—523—526—528—550). Вотъ тѣ догматическія особенности, отличающія лютеранство отъ православія, около которыхъ вращался данный споръ.

Затѣмъ преніе перешло къ предметамъ, безъ которыхъ необходится ни одна протестантско-православная полемика, къ поклоненію иконамъ и

соблюденію постовъ. Возраженія противъ иконопочитанія и постовъ, по сложности своей аргументаціи занимающія самое обширное мѣсто въ преніяхъ, равно и опроверженія этихъ возраженій, по полнотѣ и силѣ доказательствъ не уступающія возраженіямъ, имѣютъ свое важное историческое значеніе: они служатъ новымъ подтвержденіемъ того, что для протестантской пропаганды всего нужнѣе было стараться о ниспроверженіи догмата и учрежденія, на которыхъ преимущественно держалось благочестіе и православіе русскаго народа, и что она никогда не переставала направлять на нихъ свои нападенія. Возраженія противъ иконъ и постовъ, далеко не новыя сами по себѣ, представляютъ оттѣнокъ новизны по своей утонченности, уклончивости и нѣкоторымъ историческимъ обоснованіямъ. «Никто себѣ о томъ да не помышляетъ, увѣряетъ Фильгоберъ, что мы не почитаемъ или насмѣхаемся надъ иконами: имъ подобаетъ воздавати честь такую же, какъ и священнымъ книгамъ; чистыми руками мы пріемлемъ ихъ и взираемъ на нихъ по времени и по изволенію съ умиленіемъ, только молитися имъ не слѣдуетъ, потому что Богъ того не указалъ». Въ оправданіе послѣдней мысли, кромѣ общеизвѣстныхъ мнимыхъ доказательствъ изъ ветхаго завѣта (2-й заповѣди десятословія, неоднократныхъ наказаній израильтянъ за идолопоклоненіе), представляется «отъ самосочинія автора» исторія иконопочитанія въ церкви христіанской. По этой исторіи, исцѣленная Спасителемъ кровоточивая жена первая сдѣлала «себѣ образъ Господень изваянъ», и тотъ образъ во времена Узебіуса (историка Евсевія) поставленъ былъ въ воротахъ Кессаріи, но не для поклоненія, а на память. Образа̀ Господа и святыхъ тотъ же Узебіусъ видѣлъ въ домахъ многихъ смиренныхъ людей. А во храмы они не вносились до 380-го г., даже «во дни самого Константина Магнія». Съ 380-го года ихъ стали ставить въ церквахъ, но не болѣе, какъ для украшенія: Григорій Нисскій, Иванъ Хризостомъ, Григорій Магнусъ и 6-й вселенскій соборъ (будтобы) накрѣпко приказывали, чтобы христіане образомъ не молилися. И лишь на 7-мъ соборѣ, противъ Божія повелѣнія и противъ всѣхъ прежнихъ соборовъ, установлено поклоненіе иконамъ» (гл. 8 л. 37—44). Изъ всѣхъ приведенныхъ возраженій и ихъ обоснованій только ссылки на упомянутыхъ отцевъ и 6-й соборъ оставлены нашимъ полемистомъ безъ отвѣта вѣроятно потому, что этимъ общимъ и глухимъ ссылкамъ, ничѣмъ не доказаннымъ и ничего не доказывающимъ, никто не придавалъ значенія. Всѣ прочія возраженія опровергнуты шагъ за шагомъ, съ точностію и настойчивостію. Своего рода иконопочитаніе (поклоненіе скиніи и храму и наиболѣе священнымъ принадлежностямъ ихъ) полемистъ находитъ въ ветхомъ завѣтѣ. Начало иконопочитанія въ церкви христіанской онъ, «на основаніи греческихъ лѣтописцевъ и хроникъ латинскихъ», производитъ отъ нерукотвореннаго образа Христа Спасителя и чествованія его не только

въ Эдессѣ, но и въ Римѣ, отъ благословенія и пророчества Богоматери надъ своимъ ликомъ, снятымъ съ нея евангелистомъ Лукою; находитъ примѣры иконопочитанія и въ первые вѣка, особенно жъ въ 4-мъ вѣкѣ, и на утвержденіе иконопочитанія на 7 вселенскомъ соборѣ смотритъ, какъ на узаконеніе всегдашняго и всеобщаго обычая христіанъ (гл. 8, л. 102—112 и рукоп. № 279 510—523).

Возраженій противъ поста, не встрѣчаемыхъ нами въ предыдущихъ полемическихъ сочиненіяхъ, очень не много. Всѣ они сводятся къ одному положенію, разрѣшающемуся на нѣсколько частныхъ проблеммъ. «Мы, утверждаетъ Фильгоберъ, всегда трезво и мѣрно живемъ, только безъ разнества въ ядeніи», то есть, безразлично употребляя мясо и рыбу. Частнѣе, кромѣ всегдашняго воздержанія, постъ состоитъ у него въ совершенномъ удаленіи отъ всякой пищи и питья, во дни напр. гнѣва Божія, или общественныхъ бѣдствій. «И нашъ любительный государь многажды такіе посты въ своихъ королевствахъ и въ удѣлахъ написать велѣлъ». «Полезно, разсуждаетъ пасторъ, держать такой постъ еще во время приготовленія къ покаянію и причащенію, но опредѣленныхъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, въ которые погодно поститися», не установлено въ новомъ завѣтѣ. Въ подтвержденіе почти каждаго положенія Фильгоберъ приводитъ не мало библейскихъ изреченій и примѣровъ, толкуя ихъ большею частію произвольно и вырывая ихъ безъ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими мѣстами; дѣлаетъ общія ссылки на Иринея, Кипріана, Оригена, не приводя однако подлинныхъ ихъ свидѣтельствъ и не указывая даже сочиненій ихъ. Глухими ссылками на эти авторитеты онъ силится доказать, что христіане первыхъ двухъ вѣковъ «во всю великую четыредесятницу, а тѣмъ болѣе въ обычные среду и пятокъ жили трезвымъ и мѣрнымъ житіемъ и разнства въ мясѣ и рыбѣ не знали и что въ послѣдующіе уже вѣка вплоть до 6-го вселенскаго собора постъ исподоваль прибавлялся и перемѣнялся». При этомъ авторъ не преминулъ броситься словомъ осужденія въ православные посты: «что это за постъ? мясо ясти заказываютъ (запрещаютъ), а больши того лакомыя яди ядятъ; маслу и млеку коснуться не хотятъ, а елея довольно кладутъ» (гл. 11 л. 50—58). Въ апологіи постамъ, написанной по поводу такихъ нареканій на нихъ, нужно бы ожидать, повидимому, опроверженія всѣхъ частныхъ превратныхъ понятій о нихъ и установленія истиннаго о нихъ понятія, но ни того ни другаго въ отдѣльности не встрѣчаемъ въ ней: потому что эти понятія о постѣ, смѣшивающія его съ обыкновенною добродѣтелію воздержанія или ограничивающія его воздержностію отъ пищи въ исключительные, по произволу каждаго, дни, слишкомъ произвольны и узки, чтобы входить въ серьезный разборъ ихъ, а истинное понятіе о постѣ, какъ объ удаленіи въ установленные церковію дни и недѣли отъ возбуждающей страсти пищи, проходитъ чрезъ

всю апологію постамъ, хотя и не выражено отдѣльно. Примѣры поста, понимаемаго именно въ такомъ смыслѣ, указываются еще въ ветхомъ завѣтѣ: въ жизни Моусея, Иліи, Даніила пророка, Анны пророчицы. Заповѣдь и наставленія о постѣ, опять понимаемомъ въ смыслѣ православномъ, отыскиваются въ жизни и ученіи Спасителя и Его учениковъ, преимущественно ап. Павла, а что въ евангеліи не указаны дни поста, на то представляется «единъ отвѣтъ, что если записать все, чему І. Христосъ училъ и творилъ, то самъ міръ не вмѣстилъ бы пишемыхъ книгъ», и что все, опущенное въ книгахъ, восполняетъ христіанская практика. По слѣдамъ этой практики начало всѣхъ постовъ возводится ко временамъ апостольскимъ: основаніе для установленія великой четыредесятницы указывается въ 64 прав. апостольскихъ постановленій, для Успенскаго поста въ жизни пресв. Богородицы, такъ свято постившейся предъ успеніемъ своимъ, для Петрова—въ постѣ апостоловъ, содержимомъ ими въ это время и пр. «Постъ въ среду и пятокъ также не новоумышленіе въ церкви Божіи, но отъ преданія апостольскаго», въ доказательство приводится выдержка изъ правилъ апостольскихъ и изъ 4-го посланія Игнатія Богоносца къ Филипписсійцамъ. Длинная эта рѣчь о постѣ заключается приводимою изъ Златоуста похвалою ему и обличеніемъ нарушителей церковныхъ о немъ постановленій, которые приравниваются къ преслушникамъ церкви, чуждымъ ей «якоже язычникъ и мытарь».

Мы изложили кратко всю обширную переписку Фильгобера съ патріархомъ, опустивъ три небольшія главы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ историческомъ происхожденіи лютеранства, о мнимомъ возвращеніи его къ чистотѣ апостольской вѣры, о нападкахъ на папство, объ осужденіи Кальвина, Сервета и проч. (гл. 6 и 10, л. 34 — 35, 47—49) и которыя, хотя разсчитаны на подделку лютеранской вѣры подъ характеръ православной, апостольской, не имѣютъ однако прямаго отношенія къ предмету спора. Заключеніе пренія, высказанное пасторомъ (гл. 21, л. 83), также не достойно предмета спора и оскорбительно, для важности лица, къ которому оно обращено. Въ немъ Фильгоберъ остритъ надъ высказанною патріархомъ готовностію взять на себя грѣхъ принца Вальдемара, если бы тотъ сомнѣвался и колебался принять православіе, и проситъ святѣйшаго, если для его смиренія мало собственныхъ грѣховъ, взять на себя грѣхъ царевны Ирины Михайловны и не препятствовать ея браку съ лютеранскимъ принцемъ. Заключеніемъ пренія съ православной стороны, составляющимъ суть всѣхъ ея доводовъ, служитъ слѣдующее характеристическое обличеніе протестантству: «отъ православныя вѣры нашея та лютеранская вѣра отмѣтна и ни въ чемъ непріятна. Она—лютеранская вѣра—еще хуже и злѣе римской: аще бо еретическое у римлянъ ученіе и св. отцы проклято, но

только у нихъ есть поставленіе кординаломъ, арцибискупомъ и бискупомъ отъ папы, а у васъ люторей и того худаго ничего нѣтъ, ни именуется. Вы все пишете въ своихъ описаніахъ, что мы де прямо стоимъ въ вѣрѣ при Божіемъ словѣ, а гдѣ у васъ прямость, когда всѣ постановленія св. апостолъ и соборовъ, всѣ чины и уставы церкви, св. посты и добрыя дѣла отринуты слабаго ради и прелестнаго житія суетнаго сего свѣта. У васъ нѣтъ св. иконъ. Пречистыя Богородицы и святыхъ, вѣрою угодившихъ Богу, вы ни чтете, ни поклоняетесь имъ. Не почитаете мощей святыхъ. Церкви ваши не святы, потому что нѣтъ въ нихъ антиминсовъ съ мощами мучениковъ; на верху своихъ церквей вы ставите пѣтуха, а не крестъ, и такимъ образомъ вмѣсто Христа вы чтете пѣтуха» (рук. № 279, л. 550). Подобная же характеристика написана на самого Лютера (рук. № 281, л. 114 и 115). Замѣчательная эта оцѣнка протестантизма много напоминаетъ собою извѣстную характеристику, сдѣланную ему Грознымъ, и можетъ относиться къ ней, какъ ея дополненіе.

Данное преніе имѣетъ важное значеніе не столько литературное, сколько практическое, жизненное. Преніе это съ перваго раза возбудило къ себѣ всеобщій интересъ. Начатое состязаніемъ двухъ, трехъ титулованныхъ богослововъ, оно скоро же сдѣлалось публичнымъ всесословнымъ споромъ: по Бушингу, пренія происходили при тысячахъ народа (50 стр.). Посольскій приказъ, домъ резидента, купеческая контора, частные домы превратились въ публичныя диспутантскія залы на русскомъ и греческомъ языкахъ спорили и писали міряне и иноки, дьяки и князья, русскіе и греки; дѣлали немало переводовъ съ нѣмецкаго языка, съ посланій и докладовъ, присланныхъ въ посольскій приказъ датчанами (рук. № 179, л. 180). Трудно вѣрится, чтобы все это происходило на Руси первой половины 17 вѣка. Написанные во время преній акты, журналы, письма, отвѣты, «опроверженія на возраженія супротивныхъ» быстро разошлись по рукамъ, переписывались и перечитывались въ домахъ и монастыряхъ съ такою же ревностію, какъ и три предыдущія противо-лютеранскія сочиненія [23]). Значитъ, все, что высказано и написано было по этому дѣлу избранными богословами, высказано ими не за себя однихъ, но за все общество православное, которое выставило ихъ за себя. И такъ, по всему высказанному ими, мы въ правѣ судить объ отношеніяхъ русскаго общества къ тогдашнимъ замысламъ протестантской пропаганды. Вотъ эти отношенія. Нѣтъ слова, что общество даннаго времени, какъ и прежняго, занимаютъ и возмущаютъ не одни догматическія заблужденія лютеранъ, но и внѣшнія, относящіяся къ культу, обрядности. Какъ у самихъ диспутантовъ, такъ и у уполномочившаго ихъ общества пренія чисто догматическія, напр. о таинствахъ, евхаристіи и крещеніи, выходятъ больше внѣшними обрядовыми пререканіями: о хлѣбѣ, винѣ, обливаніи

или погруженія, о томъ, сколько сутокъ I. Христосъ пребылъ мертвъ. Простодушной ревности его къ буквѣ и обрядности кажется, что лютеранскія кирки не святы потому, что внутри ихъ нѣтъ св. мощей, извнѣ— креста, а вмѣсто креста торчитъ пѣтухъ,—выраженіе, вполнѣ характеризующее всю прямоту и непосредственность воззрѣній набожной русской натуры. Но при этой склонности судить по внѣшнимъ признакамъ, при всей привязанности къ буквѣ и обрядности, русское общество проникало, какъ видно, и во внутренній духъ и характеръ новаго вѣроисповѣданія, освѣтило или уяснило себѣ темныя стороны его, которыя такъ бережно скрывали отъ него. Не смотря на ухищренія и ковы враговъ, оно усмотрѣло и съ ужасомъ отшатнулось отъ пропасти, какая отдѣляетъ протестантскую догму отъ православной. Оно вѣрно подмѣтило, что нравственное протестантское ученіе объ оправданіи, о которомъ противники совершенно даже умолчали, придумано по нечистымъ побужденіямъ, что добрыя дѣла отринуты въ немъ «слабаго ради и прелестнаго житія суетнаго сего свѣта». Оно уполномочило за себя своихъ представителей произнести строгій и безпристрастный судъ надъ всѣмъ замаскированнымъ ученіемъ, отъ отвлеченнѣйшей догмы до простѣйшаго обряда. Видно, прежнія полемическія сочиненія, въ которыхъ достойные пастыри старались дать народу правильное понятіе о новомъ ученіи, сдѣлали свое дѣло. Народъ научился распознавать духовъ лестчихъ отъ духа истины, понялъ неизмѣримую отдаленность, «отмѣтность» новой вѣры отъ православной и отвелъ ей надлежащее мѣсто ниже католической. Тутъ слышится отвѣтъ на урокъ, такъ недавно преподанный ему православными учителями, что «люторская ересь есть злѣйшая всѣхъ папскихъ ересей». Православный народъ вполнѣ выразумѣлъ этотъ трудный для того времени вопросъ и такъ явно и торжественно высказался о немъ. Новые, невѣдомо откуда прибывшіе враги, не могутъ тревожить его новыми нападеніями, а возобновляютъ старыя, изощряя и направляя ихъ на самыя чуствительныя мѣста, разумѣемъ возраженія противъ завѣтнаго почитанія иконъ и святыхъ, но силою самой истины онъ мужественно отражаетъ всѣ ихъ нападенія и самъ ополчается на нихъ, произнося на нихъ свой правдивый судъ и обличеніе.

Нельзя не указать и еще достоинство, съ какимъ держало себя русское общество по отношенію къ своимъ противникамъ, особенно во время личныхъ состязаній о вѣрѣ. Всѣ сочиненія, оставшіяся памятниками данныхъ преній, отъ начала до конца проникнуты непоколебимымъ убѣжденіемъ ихъ авторовъ въ правотѣ своей религіи, въ истинности своихъ мнѣній и вѣрованій. Оно высказывается въ каждомъ словѣ нашихъ богослововъ, въ каждомъ обращеніи ихъ къ лютеранамъ, и сообщаетъ ихъ словамъ силу, достоинство и дерзновеніе, съ которымъ можетъ говорить только искреннее и губокое убѣжденіе и которое обыкновенно такъ увле-

кательно дѣйствуетъ на слушателей: «аще хощеши послушати насъ въ правду, говорятъ они Матвею Фильгоберу, и мы тебѣ, елико Богъ вразумитъ, скажемъ отъ Библія; разума словъ божественныхъ ты не узналъ, Матвей, и того ради мы тебѣ здѣ явственно покажемъ, аще хощеши истины послушати». Наилучшимъ доказательствомъ убѣжденія въ истинности своей вѣры, проникающаго каждую мысль, каждое слово нашихъ богослововъ, служитъ посланіе патріарха Іосифа къ Вальдемару, открывшее собою рядъ преній. Указавъ главныя уклоненія церкви западной, а затѣмъ и протестантства отъ вселенской истины православія и показавъ твердость и неизмѣнность сохраненія истиннаго ученія въ церкви восточной, «святѣйшій» авторъ не прибѣгаетъ ни къ утонченнымъ богословскимъ доказательствамъ, ни къ исторической провѣркѣ своихъ основоположеній, высказываетъ свои догматическія и историческія положенія какъ несомнѣнную аксіому, какъ неоспоримый фактъ, въ твердой увѣренности, что истина не требуетъ доказательства. И дѣйствительно, перечитывая эти страницы, вполнѣ сознаешь, что искусственная аргументація не только ничего не прибавила бы, но умалила бы силу и прямоту высказываемыхъ въ нихъ убѣжденій. Когда, съ другой стороны, наши богословы не находятъ, что̀ сказать въ отвѣтъ на доводы и возраженія противника, сильнаго для нихъ по своей діалектикѣ и образованію, въ такихъ случаяхъ они не выходятъ изъ себя и не упадаютъ духомъ, какъ бываетъ большею частію въ подобныхъ обстоятельствахъ; они не стыдятся иногда молчать, или обходить неодолимыя для нихъ трудности—въ томъ справедливомъ убѣжденіи, что истина ни мало не страдаетъ и тѣмъ менѣе перестаетъ быть истиною отъ того, что исповѣдующій и защищающій ее не можетъ опровергнуть всѣхъ возраженій искусныхъ и хитрыхъ совопросниковъ. Это преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда наши диспутанты, держась мнимаго авторитета собора о новторяемости крещенія, стояли на ложномъ пути, а лютеране совершенно правильно доказывали неповторяемость своего крещенія, ссылаясь на неповторяемость ветхозавѣтнаго обрѣзанія, на свидѣтельства о томъ помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ и св. отецъ, на бракъ племянницы Грознаго съ лютеранскимъ принцемъ. Когда не могутъ обличить лживость приводимыхъ другими свидѣтельствъ, а между тѣмъ имѣютъ какія либо положительныя основанія сомнѣваться въ ихъ истинности, диспутанты наши голословно и рѣшительно не отвергаютъ ихъ, а осторожно высказываютъ свои мнѣнія, равно какъ и основанія, на которыхъ держатся эти сомнѣнія, откровенно признаваясь въ то же время, что не могутъ представить несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу справедливости своихъ мнѣній. Вотъ образчикъ того непоколебимаго убѣжденія въ правотѣ своей вѣры, какое русскій человѣкъ съ такою скромностію и достоинствомъ высказывалъ и высказываетъ въ своихъ религіозныхъ

состязаніяхъ съ иновѣрами. Это убѣжденіе не покидаетъ его и тогда, когда онъ видитъ умственное превосходство надъ собою противниковъ и, при скудости внѣшнихъ научныхъ средствъ — во имя ясно сознанной и присущей ему силы истины, даетъ ему торжествовать побѣду. Это св. убѣжденіе — его превосходство, его гордость, его сила, покоряющая ему сердца враговъ. Они — враги, по силѣ и твердости этого убѣжденія, судятъ объ истинности и непоколебимости его вѣры. Они видятъ, что это не упорство какое либо, голословно и нагло отвергающее все несогласное съ нимъ, — это св. убѣжденіе не оскорбляетъ ни чьихъ вѣрованій, но никогда не уронитъ своихъ; оно отстоитъ ихъ если не умомъ, то сердцемъ, силою духа; оно почерпаетъ неистощимую силу въ себѣ самомъ, во внутреннемъ озареніи свыше, потому что это убѣжденіе неземной даръ, дѣйствіе высшей силы.

Нельзя наконецъ не упомянуть о томъ спокойномъ духѣ, приличномъ и учтивомъ тонѣ, съ какимъ православные вели съ протестантами свои собесѣдованія и препирательства о вѣрѣ. Какъ видно изъ всѣхъ памятниковъ «преній», наши полемисты съ невозмутимымъ спокойствіемъ и искреннимъ желаніемъ обратить забуждающагося на путь истины разсматриваютъ довольно странныя мнѣнія и доводы пастора, и безпристрастно обсуждаютъ каждое изъ нихъ[1]), открыто признаютъ достоинство основательныхъ и согласныхъ съ истиною мнѣній; кротко выслушиваютъ отъ него непріятныя, горькія для себя истины, справедливые упреки и обвиненія. Фильгоберъ напр. ставитъ имъ на видъ: «у васъ попы безчинны и піяны, и не видали мы нигдѣ такихъ бѣшеныхъ». Защитники отвѣчаютъ: «не буди судіею помышленіямъ человѣческимъ: Богъ бо имъ судія; аще и грѣшни, но отъ Бога не отлучахуся и закона его не отвращахуся, а за согрѣшенія своя вовремя слезы исповѣданія къ Богу приносятъ, а не то запрещеніе святителя пріемлютъ» (№ 279, л. 527 и 528). Усматривая въ противникѣ явную несостоятельность извѣстнаго мнѣнія, довода или объясненія, они спокойно замѣчаютъ, что «то умышленіе чуже есть соборныя и апостольскія церкви и далече отъ истины», что «тотъ или другой указъ его не по дѣлу приведенъ». Если жъ когда либо вынуждены бываютъ выразить свое неудовольствіе на чрезчуръ увлекающагося оппонента и укорить его, то высказываютъ его безъ гнѣва; укоры ихъ дышатъ любовію, которая не гнѣвается на недостатки и заблужденія другихъ, а сожалѣетъ о нихъ, употребляетъ всѣ средства къ вразумленію и обращенію, и обращается къ заблуждающемуся съ увѣщаніями, умоляетъ его принять истину. «Самъ же ты во многохъ статьяхъ, въ своемъ списаньи говорилъ: «будетъ де укажутъ отъ св. Библіи, и мы поступимся имъ; много тебѣ показахомъ отъ Божественнаго писанія ветхаго закона и новыя благодати; время тебѣ усрамитися словесъ сихъ. Молимъ тебя, яко брата нашего, аще въ сооб-

щенія будеши Христовы вѣры греческаго закона» (л. 516 и 527). Вотъ наглядное выраженіе того уваженія къ сердечнымъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ другихъ, съ какимъ православные съ своей стороны относились къ препиравшимся съ ними протестантамъ, того терпѣнія и покорности, съ какимъ они выслушавали слово правды и отъ враговъ своихъ, того снисхожденія и безпристрастія, какое можетъ внушить только искренняя любовь къ истинѣ. Напрасно стали бы возражать, что такой духъ и характеръ преній слишкомъ идеаленъ для русскихъ 17 вѣка, что онъ плохо мирится съ направленіемъ, въ какомъ ведена предшествовавшая (года за 2, за 3) полемика. На это достаточно замѣтить, что изъ всѣхъ полемическихъ противолютеранскихъ сочиненій 17 в. только одно, вышедшее въ 1642 г., не отличается спокойствіемъ тона, а всѣ раннѣйшія написаны въ миролюбивомъ духѣ; слѣдовательно раздражительность тона полемики 42 года дѣло случайное, исключительное. Причиною ея не національно-религіозная ожесточенная вражда, какой у русскихъ по отношенію къ нѣмцамъ протестантамъ, вообще говоря, не было, хотя не было и искренняго сближенія между ними, а просто временное, случайное возмущеніе, вызванное рѣзкостію и назойливостію самихъ противниковъ. При томъ, это общенародное, полемическое сочиненіе (42 года), давая православнымъ духовное оружіе, отъучая ихъ отъ употребленія грубой внѣшней силы въ умственной борьбѣ, само могло произвесть перемѣну въ ихъ мысляхъ и чувствахъ, особенно когда недруги, вразумленные недавнимъ опытомъ, и сами сдѣлались мягче и осторожнѣе. И потому какъ бурна и сильна была первая вспышка, такъ скоро же она улеглась, погасла, и нетерпѣливое негодованіе скоро же уступило мѣсто благоразумному снисхожденію. Это всего очевиднѣе открывается изъ того, что въ 1643 г. народъ и правительство прогнали нѣмцевъ съ ихъ ропатами за городъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова возвратили ихъ въ столицу. Къ тому жъ, годъ отъ году русскіе ближе и ближе узнавали нѣмцевъ, и если когда, то особенно теперь, успокоившись отъ первой своей вспышки, они безпристрастнѣе должны были оцѣнить пришлыхъ своихъ сосѣдей; они не могли не признать и не оцѣнить по достоинству проявившагося уже въ достаточной степени культурнаго развитія, интеллектуальнаго превосходства иностранцевъ, ихъ вкрадчивости, обходительности и утонченности въ обращеніи, и потому невольно чувствовали опасливое уваженіе къ нимъ. Оттого въ своихъ преніяхъ съ ними русскіе становятся уважительны и миролюбивы.

Въ представленныхъ преніяхъ и образѣ дѣйствій Фильгобера и Вальдемара нѣкоторые историки не только не видятъ пропагандистическихъ намѣреній, но заподозриваютъ правительство въ фанатическихъ замыслахъ на совращеніе самого принца въ православіе и всѣ его дѣйствія по отношенію къ принцу выставляютъ, какъ образецъ грубыхъ коварно-на-

сильственныхъ нравовъ тогдашняго времени. Правда, патріархъ и царь желали видѣть принца православнымъ, но единственныя средства, которыми они «прилежали привлещи его благородіе къ совершенію благочестивыя Христовы вѣры греческаго закона», были убѣжденія и молитвы (л. 85), «Я жъ, говорилъ патріархъ королевичу въ концѣ всѣхъ своихъ убѣжденій, вседушевно радъ молить всемилостиваго Бога, аще сынъ послушанія будеши, поревнуй великому князю Владиміру: онъ бо егда восхотѣ пояти сестру царей греческаго закона, скоро крестися» (л. 84 и 148). Навязывать же царю и патріарху какія либо принудительныя мѣры значитъ рѣшительно не понимать характера тѣхъ сношеній и преній, какія велись съ принцемъ, и говорить съ чужаго голоса, не всматриваясь, не вчитываясь въ дѣло. Первый, приписавшій царю такія враждебныя намѣренія, былъ Бушингъ. Чтобъ замаскировать намѣреніе королевича и его вождей-заправителей, онъ расказываетъ такую небылицу: будто царь хотѣлъ сослать въ Сибирь всѣхъ людей королевича, а вмѣсто ихъ приставить къ нему русскихъ, чтобы, благодаря времени и привычкѣ, можно было выждать перемѣны вѣроисповѣданія, будто бы отъ королевича требовали возвращенія всѣхъ сдѣланныхъ ему на Руси подарковъ, уплаты всѣхъ расходовъ по его отправленію и содержанію. Эта дерская клевета была наградою за изумительную щедрость и роскошь, съ какою русское правительство содержало, встрѣчало и провожало принца со свитою (при отправленіи королевича въ обратный путь подарили ему 21000 рейхсталеровъ, кромѣ частныхъ подарковъ; многимъ изъ его свиты по 200 и 300 рейхсталеровъ [95]). Вообще клеветы на насиліе и варварство русскихъ по отношенію къ принцу, какими переполнены извѣстія Бушинга, не уступаютъ современнымъ намъ заграничнымъ толкамъ о варварствѣ Россіи. Въ извѣстіяхъ Бушинга о самыхъ преніяхъ и диспутантахъ нашимъ встрѣчаемъ такую же безцеремонную и безчестную ложь. За то, что «патріархъ съ своими слугами ополчился отвѣдать счастья надъ этою неодолимою крѣпостію»,—надъ твердостію королевича въ своей вѣрѣ, онъ обрисовывается критикомъ-памфлетистомъ въ самомъ жалкомъ и комическомъ видѣ, въ роли кощунствующаго шута, потѣшающагося своими поповскими слугами: переодѣвшись въ потѣшный нарядъ дьяволовъ, они разъѣзжаютъ съ нимъ по улицамъ, прыгаютъ, кувыркаются кругомъ то на сани къ нему, то съ саней. А не то «святѣйшій» представляется чѣмъ-то въ родѣ охотничей собаки съ большими отвислыми ушами (когда у него надѣта на голову бѣлая шапка съ наушниками) или вола, ѣдущаго на ослѣ (во время шествія патріарха на осляти, въ праздникъ Вайй). И если иновѣрческая любезность такъ чествтъ первосвятителя русской церкви (и это такъ себѣ мимоходомъ, не имѣя намѣренія обрисовать полный его обликъ и характеръ), то для смиренныхъ архимандритовъ, протоіереевъ и другихъ участниковъ пренія, она не

жалѣетъ никакихъ стрѣлъ юмора, сатиры и брани. Общепризнанныя ихъ способности и искусство въ преніяхъ не только отрицаются, но напротивъ имъ приписывается невѣжество безъисходное, абсолютное. «У этихъ невѣждъ просвѣщенный Фильгоберъ ничего будто бы не могъ добиться, кромѣ ребяческихъ словъ и мужицкихъ отвѣтовъ. Они отреклись будто бы отъ всего ветхаго завѣта, не принимаютъ никакихъ доказательствъ ни изъ Моисея, ни изъ пророковъ. Они не могутъ будто бы различить: одинъ ли это былъ пророкъ Іоиль съ Іезекіилемъ, или два отдѣльные. Они не знаютъ, христіанинъ ли былъ Іосифъ Флавій или язычникъ. По внѣшнему виду это грубые простаки, смахивающіе на пастуховъ свиней, балаганные шуты, перерядившіеся изъ темныхъ рускихъ рясъ въ нѣмецкое платье. Этими насмѣшками и глумленіями остроумный писатель и ограничиваетъ свой разсказъ «о преніяхъ», не касаясь самаго хода преній и иронически замѣчая, что напрасно это жалкое полчище, наряжавшееся то въ лисью, то въ львиную шкуру, пускалось для взятія такой неприступнотй твердыни (для совращенія королевича въ греческую вѣру [96]). Сами нѣмецкіе писатели, напр. Винделинъ Сабелистъ, много лѣтъ бывшій придворнымъ врачомъ въ Москвѣ и полномочнымъ посломъ по дѣлу сватовства королевича, отзываются объ этихъ извѣстіяхъ Бушинга, что «въ нихъ много насказано лжи, многое произошло не такъ, а иначе, многое опущено» [97]). А у нашихъ писателей на основаніи такихъ чудовищныхъ сказаній слагается мнѣніе, будто всѣ сношенія и пренія съ королевичемъ Вальдемаромъ имѣли цѣлію втянуть его рано или поздно въ православную вѣру и затѣмъ въ царскую семью. Глубочайшій интересъ, съ какимъ современное и послѣдующее общество относилось къ сношеніямъ и преніямъ съ Вальдемаромъ,—не говоря уже о самомъ ходѣ сношеній и преній,—показываетъ, что здѣсь шло дѣло не о пріобрѣтеніи для православія одной какой либо личности принца, которая съ своимъ обращеніемъ въ православіе, особенно если бы оно было вынужденное, не заняло бы такъ общество, но что безличная и потаенная пропаганда, прикрывшись наконецъ именемъ королевича, выступила съ самыми широкими и смѣлыми притязаніями и въ концѣ концевъ потерпѣла пораженіе.

Послѣ публичныхъ и торжественныхъ преній 1644 г. борьба затихаетъ на 25, 30 лѣтъ, настаетъ затишье, подобное тому, которое мы видѣли въ концѣ 16 вѣка. За 30 лѣтъ не написано ни одного полемическаго, противо-лютеранскаго сочиненія. И это не потому, чтобы все вниманіе русскихъ пастырей поглощено было внутренними смутами церкви, возникшими по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ: сама пропа-

ганда протестантская въ это время, полагаемъ, значительно ослабла. Съ одной стороны она истощила всѣ свои возраженія и вопросы, всѣ способы аргументаціи, поддѣлки, а твердить старыя возраженія съ прежними избитыми доводами, было не выгодно въ ея же интересахъ. Съ другой стороны направленныя противъ нея полемическія сочиненія долго представляли собою для русскаго общества интересъ новости и держали его вниманіе въ такомъ напряженіи, что собственное ея благоразуміе требовало на долго умолкнуть, присмирѣть. А главнымъ образомъ ее связала личная воля самодержавной власти. Извѣстно, какъ много значилъ въ судьбахъ протестантизма личный произволъ предержащихъ властей. Своими успѣхами въ Германіи онъ обязанъ больше личному расположенію къ нему герцоговъ и князей. Быть или не быть ему въ Англіи, рѣшила сильная воля короля. Парламентъ въ угоду ей то клялся въ непримиримой ненависти къ католицизму и всецѣлой преданности протестантизму, то, наоборотъ, проклиналъ протестантизмъ и присягалъ католицизму. Народъ также оказался безсиленъ предъ всемогущею волею короля, и она однимъ взмахомъ пера, а не то ударомъ меча ввела протестантизмъ въ странѣ, руководясь при этомъ домашними, семейными соображеніями, самолюбіемъ и пр. Въ Россіи всѣ самодержавные государи, сближая народъ свой съ нѣмцами въ культурномъ и гражданскомъ дѣлѣ, отнюдь не дозволяли ему религіознаго общенія съ ними. Но никто такъ ревниво не оберегалъ вѣру своего народа, какъ благочестивый и набожный Алексѣй Михайловичъ. Зачитывавшійся священными книгами, превосходившій любаго монаха въ строгости постовъ, каждый день стоявшій въ церкви по пяти часовъ и тысячами клавшій земные поклоны, онъ главною задачею своей жизни и дѣятельности поставлялъ (на ряду съ управленіемъ) охраненіе чиновъ и обычаевъ православныхъ отъ иновѣрныхъ приpаженій. Съ самаго начала его царствованія въ 1649 г. нѣмцы окончательно были отмежеваны и выселены за городъ, и враждебныхъ православію дѣйствій ихъ долго не видно и не слышно. За совращеніе изъ православія имъ, какъ и всѣмъ другимъ «басурманамъ», назначена была, по Уложенію, смертная казнь [28]). Подъ конецъ царствованія, послѣ 1670 г., это успокоительное затишье, потомъ семейныя несчастія царя, смуты церковныя, народныя бѣдствія и гражданскія неурядицы отвлекли его вниманіе отъ дѣлъ нѣмецкихъ, протестантскихъ. Между тѣмъ уваженіе царя къ художественному, театральнаму искусству нѣмцевъ внушило имъ нѣкоторую смѣлость, самонадѣянность. И они опять начали агитировать въ пользу своей вѣры и во вредъ православію но такъ тихо и слабо, что исторія не знала бы о томъ, если бы не вышли въ это время одно, два сочиненія, направленныя противъ лютеранъ. Въ 1671 г. изданъ небольшой сборникъ царскаго духовника Савиновича, въ 1672 г. переведенъ на русскій языкъ Мечецъ іерусалимскаго

патріарха Досиѳея «посѣкающій кальвинское умовредіе» [2]). Отъ сборника Савиновича сохранился краткій отрывокъ, въ которомъ авторъ вопреки постановленію Московскаго Большаго Собора 1667 г., настаиваетъ на необходимости перекрещиванія лютеранъ, въ случаѣ присоединенія ихъ къ православію. Если принимать это настойчивое требованіе автора за общій голосъ народа, то окажется, что народное православное чувство, въ виду новыхъ посягательствъ на него, опять встрепенулось и возбудилось на самозащиту; вопреки увѣреніямъ собора, оно хочетъ сказать, что лютеране такъ не чисты, такъ мало въ нихъ христіанства и что русскіе такъ далеки отъ нихъ, крайне осторожны и опасливы предъ разставляемыми вокругъ ихъ сѣтьми.

Такое возбужденіе народнаго православнаго чувства, вспышка раздраженія замѣчается въ исключительныя, особенно тревожныя эпохи исторической его жизни. И въ настоящій разъ оно могло быть или слѣдствіемъ минувшей, намъ неизвѣстной опасности со стороны пропаганды или же предзнаменованіемъ будущей. Въ началѣ 1676 г. умеръ ревностнѣйшій охранитель православія Алексѣй Михайловичъ. Особа, носившая послѣ него титулъ царя, больной Ѳедоръ Алексѣевичъ (вступившій на престолъ 14-лѣтнимъ ребенкомъ, а скончавшійся въ 1681 г. двадцатилѣтнимъ двоеженцемъ), при всемъ своемъ благочестіи, не могъ быть надежною охраною церкви и православія. Его совѣтникамъ и правителямъ, временщикамъ и интриганамъ было не до церковныхъ дѣлъ. Самъ глава церкви патріархъ Іоакимъ занятъ былъ больше тѣмъ, чтобы добить, доканать низложеннаго Никона. Политическія замѣшательства, смуты, произведенныя раскольническимъ волненіемъ и подогрѣтыя безпорядками церковнаго управленія, принимали болѣе и болѣе острый характеръ. Такъ было во все кратковременное царствованіе Ѳедора, во времена двоевластія и правленія Софіи. Фанатики разсыпались по пустынямъ, уводили за собою толпы народа, учили ихъ не ходить въ церковь, отречься «отъ прелестей міра». Настали времена самосожигательства, соловецкихъ и стрѣлецкихъ бунтовъ. Это былъ такой кризисъ въ церковной жизни русскихъ, какого они никогда еще не переживали. Ужасъ и сомнѣнія готовы были овладѣть всѣми; не робкія и не пустыя головы брало раздумье: «въ новой или старой вѣрѣ спасенье; а гдѣ нибудь близко антихристъ».... Почему же ловкой дальновидной пропагандѣ не воспользоваться этимъ своего рода смутнымъ временемъ въ церковной жизни? Оно такъ же было благопріятно для нея, какъ смутное политическое время начала 17 вѣка, а надзоръ за нею правительственной власти весьма ослабъ. Почему же было ей не подойти къ терявшихъ головы русскимъ некнижнымъ людямъ и не внушать имъ съ видимою заботливостью о ихъ же душевномъ благѣ: «чѣмъ вамъ спорить и никогда не помириться изъ за буквы и обрядности, не лучше ли придти къ соглашенію въ на-

шей религіи духа? Въ ней—очищенное христіанство, истинное православіе; съ вашей стороны только немного внѣшнихъ уступокъ».... Съ этими лукавыми внушеніями, какъ увидимъ, хитрая пропаганда подступала къ раскольникамъ. Между тѣмъ какъ въ низшихъ слояхъ народа шло волненіе изъ-за раскола, въ высшихъ и среднихъ рядахъ вскружилъ головы такъ-называемый польскій энциклопедизмъ. Церковно-славянскія книги и съ ними незабвенные противолютеранскіе сборники большинствомъ читающей публики были забыты и заброшены; это для него стали произведенія рутины, обскурантизма. Признакомъ высшаго тона, образованности, сдѣлались польскія книги. Вездѣ въ салонахъ читали и говорили попольски, одѣвались по-польски (въ кунтуши), при дворѣ (особенно послѣ брака Θедора Алексѣевича съ Агафіею Грушецкою, незнатною особою польскаго происхожденія), и въ частныхъ домахъ господствовали польскіе обычаи; польскіе гувернеры заплѣнили собою знатные домы. Самъ царь, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, царевна Софья Алексѣевна учились польскому языку и читали польскія книги. Польщизна была подъ руку собственно католицизму. Онъ давно рѣшилъ, что русскіе вмѣстѣ съ польщизною будутъ всасывать въ себя ядъ его ученія. Но этотъ ядъ слишкомъ былъ горекъ, русскіе давно знали его вкусъ и потому весьма немногихъ онъ могъ обмануть и отравить. Но хитрый нѣмецъ — протестантъ перехватилъ у поляка католика ближайшее орудіе католицизма, пропиталъ, наэлектризовалъ его своимъ подслащеннымъ ядомъ. Такъ какъ на Руси строго запрещено было протестантамъ издавать книги на церковно-славянскомъ языкѣ, нѣмецкихъ же до послѣдняго десятилѣтія вѣка на Руси почти не читали, а между тѣмъ на польскомъ языкѣ существовала цѣлая литература протестантская, то они и поспѣшили ознакомить любителей польскихъ книгъ съ своею литературою, предложивъ имъ преимущественно книги, въ которыхъ доказывается близость протестантизма къ православію. Ясное свидѣтельство объ этомъ даетъ одна челобитная, читанная на Московскомъ соборѣ 1681 г.: «отъ той ереси Лютеранской и Кальвинской въ царствующемъ градѣ происходитъ въ вѣрѣ колебаніе и ея прозябеніе отъ неискусстныхъ нашей вѣры, и римскія, и люторскія, и кольвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ, а разсудити праведное отъ неправеднаго не могущихъ». Теперь, когда по выраженію упомянутой челобитной «всѣ горючіе матеріалы были готовы (т. е. необразованность, превратная образованность, смуты гражданскія и церковныя) и кацермистру, т. е. ересеучителю оставалось придти и поджечь ихъ», подпольная пропаганда явно наконецъ высылаетъ дѣятелей на приготовленную жатву. Но эти новые дѣятели хотя агитируютъ не съ такою таинственностію, съ какою болѣе вѣка дѣйствовали ихъ предшественники, однако не вполнѣ отрѣшаются отъ ихъ преданій. Они поджигаютъ подготовленные горючіе матеріалы такъ, чтобы самимъ не

опалиться (не подвергнуться отвѣтственности). Они являются въ исторіи какими-то блуждающими огнями; они опаляютъ многія верхоглядныя головы; производятъ много шуму, треска, волненія; ихъ всѣ видятъ, на нихъ засматриваются, чудятся, но кто именно они, откуда пришли и куда скрылись, никто хорошо не знаетъ. Одно въ нихъ явно — подделка проповѣдуемыхъ ими вѣрованій подъ тонъ православія, которая со времени Фильгобера становится для нихъ завѣтомъ преданія.

Одну изъ такихъ загадочныхъ личностей, блуждающихъ огней, представляетъ собою нѣкто Янъ Бѣлободскій [100]). Въ 1679 г. устроено было типографское училище, проэктирована славяно-греко-латинская академія. Тонкая пропаганда, какъ мы видѣли, соединяла множество надеждъ съ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи, и потому, при первыхъ слухахъ объ учрежденіи въ Россіи академіи, въ нее потянулись, съ благовиднымъ предложеніемъ ей своихъ ученыхъ услугъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію распространенія въ ней своего «умовредія», послѣдователи кальвинскихъ и лютеранскихъ мнѣній. Изъ числа такихъ пришельцевъ былъ Янъ Бѣлободскій. Изъ темной его біографіи извѣстно, что онъ происходилъ изъ города Слуцка. Родился и воспитанъ въ кальвинской вѣрѣ. У Слуцкаго кальвинскаго ректора былъ «хлопцемъ». Тамошнимъ кальвинскимъ суфраганомъ поставленъ въ клирики. Былъ проповѣдникомъ въ Слуцкѣ и Смоленскѣ. Образованія онъ невысокаго. Самъ выдавалъ себя за знатока богословскихъ, философскихъ и математическихъ наукъ, политики и этики, а на самомъ дѣлѣ былъ силенъ лишь въ діалектикѣ: «въ хитрыхъ терминахъ и реченіяхъ явилъ онъ одну науку сатанинскую и прелестную, еже хулити св. тайны». Чтобъ пріобрѣсть себѣ извѣстность въ обществѣ, которая облегчила бы ему доступъ въ учреждаемую академію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ не терять времени для пользы задуманнаго имъ дѣла, Бѣлободскій, скоро же по прибытіи въ Москву, сталъ ходить по монастырямъ и по ученымъ людямъ. При извѣстной тогдашней страсти русскихъ поговорить о вѣрѣ, онъ заводилъ съ ними жаркія бесѣды о вѣрѣ и распространялъ между ними такого рода ученіе: «правильное ученіе объ исхожденіи Св. Духа есть а Filioque; въ таинствѣ Евхаристіи нѣтъ пресуществленія: чрезъ принятіе хлѣба и вина человѣкъ дѣлается причастникомъ благодати, и потому хлѣбъ и вино недостойны почитанія чрезъ поклоны и крестное знаменіе; Миропомазаніе, Священство, Бракъ и Елеосвященіе не евангельскія, Богомъ установленныя таинства, а простыя обрядовыя службы. Спасается человѣкъ не чрезъ таинства и не чрезъ добрыя дѣла, а единственно чрезъ вѣру; да и возможны ли добрыя дѣла въ человѣкѣ, когда у него нѣтъ свободной воли? Посланіе апостола Іакова, поставляющее оправданіе человѣка въ зависимость отъ добрыхъ дѣлъ, есть апокрифическое, ложное. Св. мощи — подлогъ, обманъ». Ученіе это, отзывающееся крайнимъ и рѣзкимъ каль-

винизмомъ, одно крайнее легковѣріе и не смыслившее своей вѣры невѣжество могло принять за православное. Напротивъ все, что было честнаго, мыслящаго, взволновалось и огласило Яна «еретикомъ, сатанинскимъ прелестникомъ». Видя, что дѣло принимаетъ опасный оборотъ, Янъ смутился, и, чтобъ поправить его, а главное чтобъ увѣрить легковѣріе и неопытность, что его ученіе православное, онъ изъявилъ желаніе присоединиться къ праволавной церкви, принять даже монашество и священство. Въ тогдашнее смутное время въ церковной жизни русскихъ, время господства своего рода энциклопедизма, въ наиболѣе либеральныхъ кружкахъ стало входить въ моду наружное индифферентное отношеніе ко всѣмъ христіанскимъ религіямъ: вѣру мѣняли какъ одежду, смотря по обстоятельствамъ, по сезону. Наприм. докторъ Гаденъ, бояриномъ Бутурлинымъ привезенный изъ Кіева въ Москву, перебывалъ во всѣхъ вѣрахъ: изъ іудея сдѣлался католикомъ, потомъ лютераниномъ, наконецъ православнымъ [101]). При частой смѣнѣ религій, какую видимъ въ это время въ Литвѣ и Польшѣ, обыкновенно, такой индифферентизмъ наружно принималъ господствующую въ данное время религію, но внутренно расположенъ былъ къ одной какой либо вѣрѣ, неизмѣнно вѣренъ былъ однимъ затаеннымъ убѣжденіямъ. Какъ недугъ времени, онъ занесенъ былъ къ намъ съ юго-запада Россіи. И эта, полная самопротиворѣчій, внутренней раздвоенности и расколотости личность — выходецъ литовскій, Бѣлободскій, склонился къ убѣжденію, что можно внѣшнимъ образомъ принадлежать къ какой угодно церкви и во всякой можно спастись при извѣстныхъ внутреннихъ отношеніяхъ къ ней. Оттого онъ предъ лютеранами былъ лютеранинъ, передъ іезуитами — католикъ, предъ православными — православный. И теперь, изъявляя желаніе присоединиться къ православію, онъ на самомъ дѣлѣ никогда не думалъ быть православнымъ, оставаясь въ душѣ завзятымъ кальвинистомъ. Для православныхъ его космополитизмъ былъ тайною. Для неопытныхъ довольно и того, что онъ вступаетъ въ православную церковь. И вотъ, между московскими книжниками-совопросниками, начитавшимися польско-протестантскихъ книгъ и запутавшимися въ понятіяхъ о различіи между своею и чужою вѣрою, составился пестрый кружекъ почитателей этого всезнающаго говоруна. Представителями этого кружка являются монахи Заиконоспасскаго монастыря, Козловскій и Кудрицкій. Оба они, по отзывамъ самого Бѣлободскаго, не смыслили ни въ философіи, ни въ богословіи, не знали ни своей, ни чужой вѣры, но оба были съ притязаніями на ученость, желали явить себя міру. Они вмѣняли себѣ за честь свое близкое знакомство съ такимъ мудрецомъ, и, чтобъ прослыть въ народѣ учеными, «повѣдали предъ всѣми науку безмѣрную сего еретика», защищали его правовѣріе.

Между тѣмъ какъ недоучившіеся и переучившіеся книжники эти раболѣпно покланялись своему авторитету, возбуждая въ немъ самомъ

презрительную насмѣшку, въ средѣ людей благомыслящихъ—свѣтскихъ и духовныхъ—поднялась сильная реакція слѣпому увлеченію и мнимому идеалу. Во главѣ ея стоялъ первоначально Павелъ Негребецкій, бывшій членъ русскаго посольства въ Варшавѣ; несъ ли онъ какую службу въ Москвѣ, не извѣстно. Человѣкъ болѣе другихъ образованный и искренно-вѣрующій, хорошо ознакомившійся съ польско-протестантскою литературою въ самомъ отечествѣ ея и по собственному опыту знавшій польскихъ кальвинскихъ выходцевъ, Негребецкій, при первой встрѣчѣ съ Бѣлободскимъ, понялъ, что за злая кальвинская душа хочетъ укрыться подъ рясою православнаго монаха, и началъ горячо обличать его: «хоть бы ты десять мантій надѣлъ на себя, и тогда тебѣ еретику не дадутъ вѣры. Могъ бы ты и въ литовской землѣ быть монахомъ, если бы истинно желалъ монашества. Сюда же ты пріѣхалъ не для принятія православной вѣры и монашества, а для прельщенія людей неученыхъ. Греческой вѣры ты совсѣмъ не знаешь, а знаешь только литовскую и кальвинскую. Какъ же ты, не зная нашей вѣры, могъ полюбить ее? И откуда у тебя желаніе принять монашество, котораго при томъ не почитаете? И вашъ ересеначальникъ Лютеръ былъ сначала монахомъ, а потомъ женился на старицѣ Катеринкѣ. И другой вашъ ересеначальникъ Кальвинъ прельщалъ многихъ своимъ іерействомъ. Сія вся творишь ты по образу ереси своихъ начальниковъ». Все это было такъ основательно, что Бѣлободскій не нашелся ничего возразить, а спѣшилъ предотвратить неблагопріятные слухи, которые, благодаря Негребецкому, ходили о немъ въ Москвѣ и легко могли дойти до самого царя: подалъ челобитную царю, въ которой себя выставлялъ угнетаемою невинностію, а на Негребецкаго жаловался, что этотъ ославилъ его еретикомъ по зависти и нелюбви къ ученымъ людямъ. Негребецкій долженъ былъ защищаться предъ государемъ. Въ челобитной, поднесенной царю бояриномъ Языковымъ 19 мая 1681 г., Негребецкій писалъ, что Бѣлободскій вовсе не такой ученый человѣкъ, чтобы ему завидовать и бояться его совмѣстничества, что онъ, Негребецкій, не отстраняетъ ученыхъ людей отъ новой высшей школы, а созываетъ ихъ со всѣхъ краевъ, лишь бы они были люди благонамѣренные и полезные, и въ доказательство сослался на недавно сдѣланное имъ государю предложеніе о вызовѣ на Москву юго-западныхъ ученыхъ: Корабчикѣевича, Гавалевича, Терновскаго, и пр. Далѣе, доказывалъ, какъ опасны для русской церкви такіе «тайные и лестные еретики», какъ Бѣлободскій, вызывался идти на публичное состязаніе съ Бѣлободскимъ и со всѣми, «прославляющими еретика сего мудрость и очищающими его еретичество», и въ заключеніе именемъ Богородицы и всѣхъ святыхъ, «ихже всѣхъ хулитъ еретикъ», умолялъ царя: «пожалуй, премудрый монархъ, охрани православное свое царство отъ лестнаго сего еретика, да не бесѣдою и сожитіемъ своимъ въ сердца православныхъ посѣетъ ереси».

Въ то самое время, какъ государь разсматривалъ дѣло Бѣлободскаго, церковная власть приняла противъ него свои мѣры. Встревоженный слухомъ о новомъ еретикѣ, патріархъ Іоакимъ 18 мая того же 1681 г. открылъ (въ крестовой палатѣ) соборъ изъ находившихся въ Москвѣ архіереевъ и архимандритовъ. Обвинителями явились Павелъ Негребецкій и Симоновскій архимандритъ Домецкій. Они откровенно, по совѣсти, разсказали о всѣхъ своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Бѣлободскимъ. Обвиняемый почти не защищался. Трудно повѣрить, какою жалкою, комическою личностью является онъ на соборѣ. При всѣхъ своихъ діалектическихъ дарованіяхъ, онъ съ первыхъ же словъ растерялся, запутался въ самопротиворѣчіяхъ, сбивчивыхъ и уклончивыхъ понятіяхъ. Напр. онъ сказалъ, что относительно спасенія всѣ три церкви: греческая, римская и кальвинская безразличны. Когда же ему возразили, за чѣмъ онъ принимаетъ православіе, если во всякой церкви можно спастись, — онъ отвѣчалъ: «между всѣхъ церквей — греческой, римской и кальвинской — греческая есть истинно-православная и въ ней одной возможно спасеніе». Ничего не добившись отъ подсудимаго, соборъ потребовалъ отъ него письменнаго изложенія вѣры, съ проклятіемъ ересей и обѣщаніемъ навсегда сохранять православіе. Бѣлободскій далъ обѣщаніе во всемъ исполнить волю собора и 31 мая представилъ патріарху свое изложеніе вѣры. Рукопись отдана была на разсмотрѣніе Сильвестру Медвѣдеву, который выступаетъ новымъ борцемъ противъ Бѣлободскаго.

Въ обширномъ изложеніи своей вѣры Бѣлободскій, къ удивленію, высказалъ нѣсколько мнѣній совершенно неправославныхъ и вовсе не думалъ проклинать ересей. На эти неправославныя мнѣнія Медвѣдевъ главнымъ образомъ и обратилъ вниманіе, разоблачилъ уклончивость и неточность выраженій, указавъ, гдѣ именно онъ «вложимъ неправославныя мысли тонкостнѣ между правды», изобличилъ уклончивость его отъ сужденій о самыхъ важныхъ и спорныхъ предметахъ, напр. о предопредѣленіи и свободной волѣ человѣка, о таинствахъ и проч. Замѣчанія эти, представленныя патріарку 10 іюня, на другой же день были прочитаны на соборѣ.

Замѣчанія Сильвестра, авторизованныя соборомъ, такъ были основательны, челобитная Негребецкаго, поданная царю на Бѣлободскаго, такъ сильно была написана, что, казалось бы, нужно ожидать немедленнаго изнагнія изъ Москвы «злаго еретика». А между тѣмъ ни замѣчанія, ни челобитныя не имѣли рѣшительнаго вліянія на судьбу его. Подвергся ли онъ какому либо наказанію, не видно; но несомнѣнно, что и послѣ собора онъ жилъ 4 года въ Москвѣ и распространялъ кругъ своихъ друзей и почиталей. На этотъ разъ интересу вѣры немало повредили личные интересы и подозрѣнія патріарха. Патріархъ самого Сильвестра Медвѣдева, какъ ученика недолюбливаемаго имъ Симеона Полоцкаго,

считалъ не совсѣмъ твердымъ въ православіи; на Негребецкаго онъ смотрѣлъ, какъ на сторонника и орудіе Медвѣдева. Къ тому же патріархъ зналъ, что Сильвестръ самъ домогался быть начальникомъ въ новоучреждаемой академіи: тѣмъ болѣе что она устроялась по мысли и по плану его учителя и въ его же Заиконо-Спасскомъ монастырѣ. Патріарху представлялось, что Сильвестръ пристрастенъ къ Бѣлободскому, какъ своему претенденту по академіи. Не жалуя Сильвестра въ ректора будущей академіи, желая выставить ему соперника въ лицѣ Бѣлободскаго и сомнѣваясь въ еретичествѣ послѣдняго, патріархъ не далъ дѣлу настоящей развязки. И это было большою ошибкою. Никогда еще лютеранскія воззрѣнія, хотя и не въ полномъ ихъ составѣ, не распространялись такъ быстро и не были съ такимъ легкомысліемъ примѣняемы къ жизни, какъ во время четырехлѣтняго пребыванія Бѣлободскаго на Москвѣ. Составитель рукописнаго сборника Патріаршей, теперь Синодальной библіотеки (л. 139) говоритъ: «нѣкій прелестникъ Янъ Бѣлободскій, хотя и отрицался на соборѣ отъ ересей люторскихъ, кальвинскихъ и латинскихъ, а все творилъ притворствомъ, иже и вползе въ паству Христову, а послѣ того все такожде мудрствуетъ и прельщаетъ до днесь, и вотъ о церкви, и о церковныхъ преданіяхъ и чинѣхъ, и о самой вѣрѣ начаша двизатися словеса неподобная и тѣми не токмо простые человѣцы прельстишася, но и священныя нѣкія, иже по мало и тайно, и тіи о вѣрѣ любопренія воздвигнутъ, ими же многи прельщаются и отъ истины преучающе» [102]). По другому прекрасному выраженію, исподоволь формировавшаяся пропоганда, «яко вода тинная, тихо изливала свои потопные глаголы и вносила громады своихъ обычаевъ», возбуждая горкія жалобы и пламенныя защиты всѣхъ друзей православія. «Меча, посѣкающаго кальвинское умовредіе», оказалось недостаточно. Православный народъ оградили еще «щитомъ вѣры». «Отецъ Сумеонъ (Полоцкій), пишетъ Негребецкій въ своей челобитной, познавъ тѣхъ ересей лютеранскихъ прозябеніе, съ великимъ трудомъ, ради вѣры нашея и св. церкви защищенія, написалъ противу тѣхъ ересей книгу велію, весьма чести достойную» (щитъ вѣры). Ученые Лихуды, чрезъ 10 дней по прибытіи своемъ въ Москву (въ 1685 г.), въ присутствіи вдовствующей царицы (Марѳы Матвеевны Апраксиной), ея братьевъ, патріаршаго племянника, боярина Мусинъ-Пушкина и многихъ другихъ, вели публичное состязаніе съ пресловутымъ Яномъ Бѣлободскимъ и разоблачили всю странную и пеструю смѣсь вѣрованій, съ которою легко мирилась его нещекотливая совѣсть. Хотя шарлатанство и вольнодумство Бѣлободскаго было посрамлено, и онъ, со стыдомъ сознавшись предъ Лихудами, что «не причастенъ теологіи и философіи негораздъ профессоръ», съ позоромъ былъ выгнанъ изъ Москвы, — тѣмъ не менѣе идеи Бѣлободскаго не переставали производить броженіе въ обществѣ. На это броженіе жалуется такъ сильно

9*

монахъ Евфимій въ извѣстномъ уже намъ словѣ своемъ, произнесенномъ въ 1687 году патріархомъ Іоакимомъ. Монахъ Евфимій предлагалъ и мѣры противъ зла: онъ просилъ патріарха «издати печатнымъ тиснѣніемъ два сѣчива: сѣчиво Мелетія Сурига, учителя великаго константинопольскія церкве и Досиѳея святѣйшаго іерусалимскаго патріарха сѣчиво, изсѣкающія изкоренно тернія латинскія и люторскія и кольвинскія», а также напечатать рядъ святоотеческихъ подходящихъ твореній [103]).

Друзья и послѣдователи Бѣлободскаго, видя поднимавшуюся противъ нихъ грозу, устрояютъ искусный громоотводъ, отвлекая отъ себя вниманіе толпы и отводя отъ себя грозную силу на всѣхъ опасныхъ для нихъ поборниковъ православія: они стараются раздуть исконный антагонизмъ между русскими и латинянцами, между старымъ, начавшимся съ прибытіемъ въ Москву Епифанія Славенецкаго, славяно-елинскимъ образованіемъ и вновь возникшею подъ вліяніемъ Полоцкаго латино-польскою образованностью. Въ самомъ дѣлѣ, что бы это значило, что Епифаній Славенецкій, по своему аскетическому, миролюбивому и кроткому характеру державшій себя вдали отъ общественныхъ и литературныхъ дрязгъ, этотъ вѣчный кабинетный труженикъ науки, глубокомысленный, серьезный и безпристрастный,—вдругъ вступаетъ въ мелочную и не безпристрастную полемику съ Симеономъ Полоцкимъ—этимъ безпокойнымъ, придворнымъ и общественнымъ интриганомъ, этою ходячею маскирующеюся энциклопедіею всякихъ знаній, риторомъ-диллетантомъ? Что бы значило, что эти вожди тогдашней науки, призванные съ юга для совмѣстнаго распространенія науки на сѣверѣ, и такъ дружно и долго работавшіе здѣсь, вдругъ расходятся другъ съ другомъ и упрекаютъ одинъ другаго въ неправославіи? Эта упорная и мелочная полемика, эта личная разладица сама по себѣ не объяснима, безъ возбужденія ея извнѣ. Вѣроятно, она была дѣломъ друзей Бѣлободскаго, или, что то же, протестантской интриги, для которой, понятно, было весьма выгодно поссорить между собою двухъ представителей русской науки: тѣмъ болѣе что они давно досадили ей (Епифаній — если не лично, то приготовленіемъ, воспитаніемъ такихъ ревностныхъ обличителей ея, какъ монахъ Евфимій и пр.). Латинской же интригѣ тутъ не было мѣста: потому что безразсудно было бы ей возбуждать представителя греческаго образованія, Епифанія, противъ поборника своей латино-польской образованности. Сказать, что она поддерживала и возвышала Полоцкаго, возбуждая противъ него Славенецкаго? Но это была бы слишкомъ рискованная для Полоцкаго и для ней самой борьба, да это противно свидѣтельству исторіи. Правда, изъ исторіи не видно, какъ и по какому именно толчку втянуты были друзья и труженики общаго просвѣтительнаго дѣла въ столь мало достойную ихъ полемику; но и безъ того дѣло можетъ представляться довольно яснымъ: нѣмецко-протестантское вліяніе такъ уже было обширно въ это время,

общественная атмосфера была такъ пропитана его міазмами, что самые лучшіе люди не замѣтно для самихъ себя и для другихъ вдыхали въ себя эти міазмы, противъ собственной воли чувствовали катое то раздраженіе отъ нихъ, безпричинное «не любіе» и подозрѣніе, и сами быть можетъ незная, по чьему наущенію имѣли личные счеты и перебранки. Далѣе, чѣмъ объяснить ожесточенные споры между учениками Полоцкаго и Епифанія, между Сильвестромъ Медвѣдевымъ съ одной стороны, Евфиміемъ и вызванными ему на помощь Лихудами съ другой? Откуда эти пламенные споры о времени присуществленія св. Даровъ, которые произвела «Манна (книга Медвѣдева, гдѣ раскрывается католическое ученіе о пресуществленіи), и которыхъ не посѣкъ ни новый «мечецъ духовный», ни уврачевалъ «Акосъ отъ угрызеній змѣиныхъ» (сочиненія Лихудовъ), и которые наконецъ разгорѣлись до того, что о пресуществленіи спорили и мущины и женщины, и въ домахъ и на улицахъ. Явленіе, можно смѣло сказать, не въ духѣ народа и времени, не мало напоминающее споры софистовъ въ древней Греціи, или христологическіе, иконоборческіе и уніатскіе споры въ Византіи. Эти удивительные симптомы времени панесены были извнѣ. Тутъ, не какъ въ столкновеніи Славенецкаго съ Полоцкимъ, открыто дѣйствовала чуждая махинація и, конечно, не латинская, которая поражала бы здѣсь саму себя и со стороны которой не видно никакой поддержки Медвѣдеву, но нѣмецко-протестантская. Разсчетъ послѣдней понятенъ. Запутавъ православныхъ и католиковъ въ непримиримыхъ спорахъ о пресуществленіи, она имѣла цѣлію распространить свое лютеранское ученіе объ Евхаристіи и отчасти успѣла въ томъ: есть несомнѣнныя свидѣтельства, что во время горячихъ споровъ о времени пресуществленія св. Даровъ свободомыслящіе люди на Москвѣ держались мнѣнія лютеранъ о значеніи хлѣба и вина въ Евхаристіи [104]). А главное, хитрой интригѣ хотѣлось «избыть врага врагомъ», низвести и Сильвестра, «мужа, по отзыву современниковъ, великаго ума и остроты ученой», и талантливыхъ и глубоко образованныхъ Лихудовъ. Въ послѣднемъ случаѣ интрига достигла полнаго торжества. На соборѣ 1689 г. Медвѣдевъ объявилъ свою «манну обманною» и лишенъ иночества. Лихуды, уступая потребностямъ времени, осмѣлились ввести въ академіи и латинскій языкъ въ дополненіе къ греческому, а этого и довольно было, чтобы обвинить невинныхъ въ связи съ латинниками; затѣмъ, ихъ заподозрили въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ и заточили въ монастырскую тюрьму. О первомъ обвиненіи положительно извѣстно, что оно было дѣломъ сильнаго при дворѣ Петра вліянія нѣмцевъ. Злоба враговъ была утѣшена. Не безвыгодно было для нихъ и то, что вслѣдъ за изгнаніемъ латинскаго языка изъ вновь учрежденной академіи, всѣ іезуиты были выгнаны изъ Москвы (въ 1689 г.) и католикамъ дозволено держать при себѣ только плебановъ ксендзовъ,

а отнюдь не іезуитовъ. Протестантскіе агитаторы остались теперь одни почти безъ соперниковъ. Устранивъ эту главную помѣху — іезуитовъ, ослабивъ энергію православныхъ утомительною борьбою со врагами, они тѣмъ удобнѣе могли проводить свои идеи въ русскую среду чрезъ частную и общественную жизнь, и чѣмъ незамѣтнѣе и вкрадчивѣе ихъ вліяніе, тѣмъ оно обоятельнѣе, опаснѣе.

Вообще, когда пропаганда дѣйствовала тайно и безлично, когда всѣ и никто были ея адептами, за полтора почти вѣка не было такъ распространено протестантствованіе на Руси, какъ теперь, когда всенародно выступилъ первый ея агитаторъ. Прежде, только въ половинѣ 16 и началѣ 17 вѣка, и то на короткое время, она пріобрѣла нѣсколько протестантствующихъ либералистовъ и иконоборцевъ; теперь же, не смотря на самые основательные и правдивые протесты со стороны друзей православія, сама судьба, чтобы не сказать власть, покровительствовала ей. Религіозные споры, смуты, интриги, образованность — все послужило въ пользу ея—къ усиленію протестантствующаго либерализма на Руси.

Если такъ обширно было культурно-религіозное вліяніе нѣмцевъ на зарѣ русской цивилизаціи, то что будетъ тогда, когда могучею волею Петра Россія сдѣлаетъ рѣшительный поворотъ къ свѣту западно-европейской цивилизаціи? Опасность предстояла не маловажная. Она состояла въ томъ, что чужеземную цивилизацію нельзя срывать, какъ плодъ или цвѣтъ, приходится болѣе или менѣе переносить къ себѣ ту почву, на которой выросла она, проникаться въ извѣстной мѣрѣ тѣми религіозными началами, которыя легли въ основу ея, дали ей жизнь и силу развитія. По мнѣнію Гизо, раздѣляемому нѣкоторыми изъ даровитыхъ отечественныхъ нашихъ писателей,—Хомяковымъ, Самаринымъ,—два великія начала, начало авторитета и начало свободы, своимъ взаимодѣйствіемъ образовали движеніе новѣйшей западно-европейской исторіи, создаютъ судьбы цивилизаціи. Начало авторитета выражалось католицизмомъ, — начало свободы—протестантизмомъ. Благодаря существенному и коренному различію этихъ началъ, подъ знаменемъ двухъ различныхъ вѣроисповѣданій, распри въ наукѣ и жизни какъ будто продолжались, послѣ того какъ кровопролитныя войны между католиками и протестантами прекратились. Можно сказать, что у протестантовъ и католиковъ, вмѣстѣ съ различіемъ вѣроисповѣданій, были различные нравственные взгляды и научные пріемы, различныя юридическія понятія и общественныя отношенія, — словомъ, была особая цивилизація, выросшая на почвѣ католичества, и особая цивилизація — на почвѣ протестантства. Первая цивилизація съ своимъ всеподавляющимъ авторитетомъ не мирилась съ всесильною, любившею все подчинять себѣ волею преобразователя Россіи. Когда Россія отвергла

эту цивилизацію и стала пересаживать къ себѣ протестантскую — (на началахъ свободы),—взоры всѣхъ устремились на нее, всѣ ждали отъ нея сближенія съ протестантизмомъ, признанія догматическаго и нравственнаго его ученія. Въ концѣ 17 и началѣ 18 столѣтія вышло нѣсколько сочиненій съ такими категорическими заглавіями: de Ecclesia Ruthenica cum Romana irreconsiliabili, или Ecclesia Graeca Luteranisans и пр. Смѣлыя надежды протестантскихъ мыслителей оправдывала повидимому исторія. Древніе римляне, усвояя себѣ греческую образованность, когда она приняла превратное направленіе, когда въ ней господствовали скептицизмъ Еврипида, атеизмъ Евгимера, Эпихерма и Эпикурейцевъ (250—200 л. до Р. Х.), сами прониклись тѣми же скептическими отрицательными началами, большая часть ихъ храмовъ была закрыта и ихъ религія совершенно подавлена была греческою религіею. Чрезъ рядъ древнихъ и среднихъ вѣковъ дошла пора для германскихъ народовъ обратиться къ древней греко-римской цивилизаціи: и вмѣстѣ съ тѣмъ настало время рабства чужому, нерадѣнія презрѣнія къ своему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи съ неодолимою силою потянувшись къ ней, они доходили иногда, какъ намъ извѣстно, до самыхъ крайнихъ увлеченій. И какъ самъ гуманизмъ, въ наукѣ и искусствѣ, такъ и его исчадіе — протестантизмъ, въ области религіи и жизни, были въ извѣстной мѣрѣ поворотомъ къ античному язычеству. Порабощеніе религіознымъ началамъ древняго язычества было необходимымъ слѣдствіемъ усвоенія античной его цивилизаціи. Очередь поработать чуждому началу -- гражданскому и религіозному дошла до русскаго народа, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ сильнѣе пришлось поддаться чуждому вліянію. Послѣ многовѣковаго движенія на востокъ, русскій народъ повернулъ на западъ. Долговременное его пребываніе въ удаленіи отъ западной Европы и ея образованности, крайность, исключительность одного направленія необходимо условливала крайность противоположнаго: съ жадностью бросившись на модную нѣмецко-протестантскую цивилизацію, онъ не могъ быть слишкомъ разборчивъ въ усвоеніи ея плодовъ. Да и по самой неотдѣлимости гражданскаго быта отъ религіознаго, по той всемогущей силѣ. которую имѣетъ религія надъ всею жизнію человѣка, надъ всѣми условіями общежитія, онъ необходимо проникался до нѣкоторой степени религіозными протестантскими воззрѣніями.

Самъ великій преобразователь, страстный поклонникъ нѣмецко-протестантской цивилизаціи, не чуждъ былъ нѣкоторое время нѣкоторыхъ религіозныхъ ея воззрѣній: ея раціонализмъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его душевному складу. Протестантскіе писатели [105]) утверждали, что Петръ, по своему характеру и по обстоятельствамъ жизни, никого въ мірѣ такъ не чтилъ, какъ великаго человѣка, произведшаго реформацію. Отзывъ преувеличенный, но онъ въ нѣкоторой мѣрѣ подтверждается уваженіемъ,

какое Петръ оказалъ къ памяти Лютера въ бытность свою въ Виттенбергѣ (въ 1712 г.) *). Извѣстное изреченіе Лютера:

Wer nicht liebt Wein, Weib und Gesang
Der bleibt ein Narr sein Leben lang;

какъ будто было девизомъ его жизни и дѣятельности. Подвигамъ аскетизма онъ не придавалъ значенія, а выше всего ставилъ дѣятельное служеніе обществу, исполненіе каждымъ своихъ общественныхъ обязанностей; въ чудотворныя иконы плохо вѣрилъ и, — какъ утверждала о немъ всеобщая молва, готовъ былъ вынести изъ церквей всѣ иконы, кромѣ Божіей Матери и Распятія. Къ киркамъ и богослуженію лютеранскому онъ оказывалъ уваженіе и благоволеніе чуть не до предпочтенія ихъ предъ православными церквами и богослуженіемъ. Словомъ, какъ говорилъ о немъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, онъ жилъ не по церкви. Если православная церковь удержала наконецъ въ своихъ нѣдрахъ эту могучую порывистую личность, если она побѣдила въ немъ ту мучительную раздвоенность, которую онъ такъ часто выражалъ въ многознаменательномъ изреченіи: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію, — то (какъ справедливо замѣтилъ Станлей въ своей исторіи Русской Церкви) въ этомъ одномъ нельзя не видѣть ея великаго нравственнаго и благодатнаго могущества.

Съ народомъ то же почти было, что и съ державнымъ его преобразователемъ. По мѣрѣ усвоенія нѣмецкой цивилизаціи, русскіе освоивались отчасти съ протестантскимъ образомъ мыслей. При той страсти, какою характеризовались просвѣтительныя намѣренія и предпріятія Петра, съ какою наприм. за одинъ разъ выписывали изъ-за границы по три корабля книгъ [106]), трудно было соблюсти осторожность въ выборѣ книгъ; иногда переводились на русскій языкъ сочиненія, въ которыхъ встрѣчались яростныя выходки противъ католичества, а нерѣдко и противъ православія. Еще труднѣе было сдѣлать выборъ надежныхъ учителей [107]). Наскоро призванные иноземные учители знакомили дѣтей съ лютеранскимъ катехизисомъ, «показывали имъ при ученіи знати своя ереси» [108]), смотрѣли на русское юношество, какъ «на мягкую, всякому изображенію удобную, глину» [109]). Чрезъ книги, школы и въ особенности чрезъ частныя и общественныя сношенія русскихъ съ своими цивилизаторами, тѣ или другія религіозныя воззрѣнія послѣднихъ проникли къ придворнымъ сподвижникамъ Петра и аристократамъ того времени [110]), заразили нѣ-

---

*) Извѣстно, что Петръ посѣтилъ комнату и библіотеку Лютера, просилъ себѣ его кубокъ и, получивъ отказъ, разбилъ его; осматривая съ подобострастнымъ благоговѣніемъ памятникъ Лютера (сдѣланный изъ бронзы во весь ростъ), онъ выразилъ глубокое сожалѣніе, что монументъ слишкомъ ничтоженъ для такого великаго человѣка.

которыхъ духовныхъ особъ [111]),и не только въ Москвѣ, но и въ Новгородѣ, въ Холмогорахъ и пр. [112]), и нашли себѣ доступъ даже въ темныя массы народа [113]).

Идеи, повсемѣстно проникшія, были тѣ же, броженіе которыхъ замѣчено было на Руси во времена Башкина, Бѣлободскаго, объ отверженіи уставовъ церкви, о несоблюденіи постовъ [114]). «Аще бо Лютеръ, говоритъ Яворскій, тайныя исповѣди и поста сорока-дневнаго не отвергъ; аще бо воздержанія узъ не растерзалъ; аще бы дѣла благая ко спасенію потребна не обругалъ; аще бо въ нечистотахъ и прочихъ беззаконіяхъ погрязшимъ грѣшникомъ не возвѣстилъ оправданія единою точію вѣрою безъ дѣлъ, не имѣлъ бы столь многихъ послѣдователей [115]). Эти соблазнительныя, по чувственной приманкѣ, воззрѣнія были дороги и заманчивы какъ для людей стараго покроя, такъ и для людей новыхъ, сочувственно встрѣтившихъ реформу Петра. Въ средѣ послѣднихъ были распространены еще особаго рода протестантскія идеи, имѣвшія близкую связь съ гражданскою реформою Петра.

Что же это были за идеи, какъ и чрезъ кого онѣ были распространяемы въ новой этой средѣ? — Въ нѣмецкой слободѣ, откуда преимущественно шли эти идеи, занималась заря новой жизни, раскрывался цѣлый міръ новыхъ воззрѣній, возбуждались вопросы, подготовлявшіе и сопровождавшіе великую реформу Петра, касавшіеся умственно-нравственнаго возрожденія и преспѣнія народа, пересозданія и обновленія всѣхъ и каждаго. Понятно, какое сильное впечатлѣніе производили эти вопросы и воззрѣнія на людей, которые начинали испытывать на себѣ дѣйствіе великой реформы и сучувственно привѣтствовали освобожденіе русской мысли и жизни отъ оковъ стараго преданія. Среди этихъ то всеувлекающихъ культурныхъ вопросовъ и воззрѣній, искусные цивилизаторы начинаютъ проводить воззрѣнія религіозныя, поднимать вопросы вѣроисповѣдные, и это какъ бы мимоходомъ, по требованію обстоятельствъ дѣла, потому что умственно-нравственное обновленіе и возрожденіе общества не можетъ же совершиться помимо религіи: «мы не пришли для наученія васъ вѣрѣ, говоритъ отъ имени всѣхъ иноземцевъ авторъ» Молотка на Камень вѣры», и не хотимъ въ вашъ законъ вступаться; если же случится въ разговорѣ, по прошенію, сказать о вѣрѣ, оное не есть проповѣдь». Но въ томъ и дѣло, что эта религіозная бесѣда въ силу традицій, унаслѣдованныхъ еще отъ Фильгобера не была открытою, пропагандистическою проповѣдію, отталкивающею слушателя своею навязчивостію и посягательствомъ на его убѣжденія и интересы; это, просто, дружеская бесѣда, тихая, уклончивая, благожелательная. Вопросы, въ ней рѣшаемые, вопросы жизни и духа, совѣсти и религіи, скрывали въ себѣ главную тайну, пружину начинавшагося возрожденія всѣхъ и каждаго, подъ личиною содѣйствія, которому и выступаетъ теперь пропаганда, и

въ свою очередь отъ тѣхъ магически обаятельныхъ политическихъ вопросовъ они получали новую силу обаянія, и наконецъ сами въ себѣ они имѣли столько прелести, новизны, свѣжести, увлекательности. Рѣшались они, соотвѣтственно священной важности ихъ предмета, на основаніи св. писанія и святоотечниковъ, но конечно изъясняемыхъ съ осторожностью «по своему толку». Легко себѣ представить, какъ веденная по такому искусному плану бесѣда плѣняла, наелектризовывала воображеніе слушателя, особенно, если онъ былъ пылкаго ума: онъ съ жадностію впивалъ въ себя каждое слово, какъ святую воду, съ замираніемъ сердца прислушивался къ каждому слову, надѣясь схватить въ немъ отвѣтъ на накопившіеся въ немъ тревожные вопросы времени и духа; отъ крайняго душевнаго напряженія, отъ избытка хлынувшаго на него свѣта онъ падалъ, изнемогалъ; онъ совершенно терялся и кружился въ заколдованномъ кружкѣ своихъ просвѣтителей и дѣлался самымъ послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ: они овладѣвали имъ, какъ магнитизеръ намагнитизированнымъ существомъ. Прибавимъ къ этому ту неуловимую махинацію, съ какою въ самый разгаръ экзальтаціи ему подбрасывали разныя книги, на которыхъ лежали запретъ правительства, громы проклятій патріаршей власти, и которыя не только имѣли прелесть запрещеннаго плода, но и должны были, по увѣренію друзей-просвѣтителей, развѣять это напряженное, экзальтированное состояніе, пролить въ душу новый свѣтъ истины, добра, радости и жизни. «Прелестныя» тѣ книги были: лютеранскій катихизисъ, «наука стародавная, Христіанская отъ св. письма, для простыхъ людей языка русскаго, и краткій лютеранскій катихизисъ (оба на русскомъ языкѣ). Не удивительно, что многіе съ подобострастнымъ благоговѣніемъ читали эти книги и не находили словъ къ выраженію имъ похвалы: «что въ нихъ написано, то правда, говорили иные, и надобно содержать сіе всякому человѣку, и будетъ оправданъ, и оныя молитвы лютеранскія читали мнози съ великимъ почтеніемъ, зѣло хвалили и цѣловали [116]). Вѣрнѣйшимъ выразителемъ такого типа людей былъ пресловутый лекарь Тверитяновъ съ его партіею [117]). Чернослободецъ изъ города Твери, пришедшій въ Москву для заработковъ (около 1690 г.), у иноземцевъ «разныхъ религій», онъ обучился цирульному мастерству и дохтурской наукѣ. Одаренный отъ природы яснымъ умомъ и живою впечатлительностію, наблюдательностію, страстный охотникъ до книгъ, Тверитяновъ рѣшился искать «высшей науки»; жадно прислушивался къ разговорамъ иноземцевъ, глубоко интересовался вопросами, не входившими въ кругъ «дохтурской науки»,—церковно политическими переворотами произведенными великою реформою Петра. Новопечатныя церковныя книги, православное исповѣданіе Петра Могилы не удовлетворили его любознательности. На бѣду то, что строго воспрещалось въ этой послѣдней книгѣ, особенно манило и плѣняло его возбужденное воображеніе и лю-

бознательность. Патріархъ въ предисловіи къ книгѣ горько жаловался на иноземцевъ, «что въ нашу всероссійскую страну они вошли, какъ волки въ овчьихъ кожахъ и начали тайно и явно вносить громады нощеподобныхъ во мракѣ предлоговъ и обычаевъ, спрашивая: чего ради сіе и на что оно?» Эти-то запретные вопросы, направленные на новыя церковно гражданскія реформы, и зароились въ его головѣ, когда онъ ближе познакомился съ обитателями нѣмецкой слободы, и ими-то случайно, исподоволь старались они распалить пламенное его воображеніе. Такъ какъ его любознательность и пытливость не удовлетворялись новою символическою книгою православной церкви, то постепенно развивая въ немъ духъ рѣзкаго критицизма, опытные наставники обращаютъ его къ самому богооткровенному источнику христіанскаго вѣрованія, помогаютъ ему въ изученіи и изъясненіи библіи по латинскому и славянскому текстамъ, останавливая его вниманіе преимущественно на пунктахъ, составляющихъ существенное различіе между ученіемъ православнымъ и протестантскимъ, и изъясняя ихъ конечно съ своей претестантской точки. Заинтересовавшись вѣроисповѣдными особенностями и конечно въ протестантскомъ смыслѣ, Тверитяновъ выписалъ изъ св. писанія до 500 текстовъ, раздѣлилъ ихъ, по однородности содержанія, на 30 отдѣловъ, или группъ, сдѣлавъ на нихъ слѣдующія надписи: о почитаніи иконъ и призываніи святыхъ, о почитаніи мощей, о достовѣрности чудесъ, о значеніи преданія и св. отцевъ церкви, о незаконности преслѣдованія еретиковъ, объ обязанности истиннаго пастыря, о власти и чести духовенства, о церковныхъ бенефиціяхъ. Выписки эти составили пукъ тетрадей, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ именемъ «тетрадей богопротивной кумпаніи». Выводовъ къ своимъ выпискамъ Тверитяновъ прибавилъ не много, потому что они сами собою вытекали изъ искуснаго подбора текстовъ. Подъ тѣмъ же тонкимъ и вкрадчивымъ руководствомъ, онъ «не точію изъ библіи, но и изъ отечниковъ суемудреннымъ ухищреніемъ выписалъ множество мѣстъ безъ предваряющаго и послѣдующаго разума благочестиваго мудрованія». Теперь искусные наставники овладѣваютъ довѣрчивымъ ученикомъ, его убѣжденіями и совѣстію. Стоило только имъ подкинуть свои лютеранскіе катехизисы большой и малый, и онъ съ жадностью, съ замираніемъ сердца, перечитавъ ихъ, начинаетъ мудрствовать о вѣрѣ «по кальвинскому, лютеранскому, разуму», а Лютера признаетъ человѣкомъ, который, «возобновилъ церковь и древніе обычаи взыскалъ».

Зачитываясь подобными книгами, заслушиваясь обворожительными бесѣдами, русскій человѣкъ далекъ, однакожъ, былъ того, чтобы совершенно и безвозвратно сдѣлаться протестантомъ. Подобныя книги (дѣйствительно) пробуждали, отрезвляли его отъ экзальтаціи, какъ бы сильно и искусно ни возбуждали ее собесѣдники: потому что экзальтированное состояніе не можетъ быть продолжительно; читая и размышляя, вдумы-

ваясь и осматриваясь, онъ, хотя и сочувствовалъ прочитанному, однакожъ находилъ невозможнымъ порвать совершенно связи со всѣмъ прошлымъ, съ глубокопроникшими въ душу и жизнь убѣжденіями православія. Не догма-лютеранскаго богословія, отвлеченно, интересовала русскіе умы. Они стремились объяснить себѣ тѣ явленія въ жизни русскаго народа, которыя не могли не остановить на себѣ вниманія каждаго мыслящаго человѣка, когда одни вопили на всеобщую ломку, темныя дѣла насилія, искореневіе благочестивыхъ обычаевъ, нисколько не мѣшавшихъ дѣлу реформы, а другіе все это безусловно восхваляли, всѣмъ восторгались: ихъ (умы) занимали тѣ новыя условія, въ которыя начинала вступать русская жизнь, неустановившіяся, неопредѣленныя, спорныя. Они поэтому заимствовали отъ лютеранства тѣ религіозно-политическія воззрѣнія, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, заключался ключъ къ разъясненію этихъ великихъ явленій, средства къ улучшенію общественныхъ условій и конечно въ направленіи новомъ, разрушающемъ все старое. Они черпали изъ лютеранства духъ критицизма и отрицанія, неуваженія къ церковному авторитету, безконечныя реформаторскія стремленія. Идеалъ новаго лучшаго видѣли они у нѣмцевъ лютеранъ, но идеалъ не безусловный и не всеобъемлющій, но главное не знали, какъ примѣнить его ко всѣмъ безконечнымъ формамъ дѣйствительности? И вотъ они съ своими «недоумѣнными» церковно-общественными вопросами всюду носятся, ищутъ разрѣшенія ихъ преимущественно тамъ, гдѣ они впервые родились, въ нѣмецкой слободѣ, но учиться тамъ отвлеченной религіозной догмѣ, въ полной ея системѣ, не хотятъ. И вообще они похожи болѣе на старыхъ русскихъ вольнодумцевъ въ родѣ Башкина, чѣмъ на истыхъ западныхъ реформаторовъ. Въ сравненіи же съ единомышленниками Башкина, они, благодаря времени и обстоятельствамъ, задаются болѣе широкими реформаторскими стремленіями, какъ политическими, такъ и церковно-общественными, дѣйствуютъ сознательнѣе и цѣлесообразнѣе, но въ то же время въ болѣе разрушительномъ духѣ и цѣляхъ. Исходя изъ мысли, что всѣмъ общественнымъ и государственнымъ реформамъ должны сопутствовать нравственное обновленіе общества и благотворныя реформы въ церкви, какъ ихъ жизненная сила, наши реформаторы конечною цѣлію своей дѣятельности поставляли не обращеніе русскихъ въ протестантизмъ, а посредствомъ развитія духа критицизма и отрицанія въ обществѣ, очищеніе общества и церкви отъ того, что по ихъ мнѣнію было слѣдствіемъ предразсудковъ, суевѣрій и злоупотребленій. Но незамѣтно для самихъ себя вмѣстѣ съ плевелами они исторгали и пшеницу; искореняя православныя убѣжденія и обычаи, насаждали много протестантскихъ. То и другое происходило одновременно и нераздѣльно по тому непреложному психологическому закону, что одни убѣжденія истребляются лишь тогда, когда они замѣняются другими. Тотъ же Тверитяновъ, какъ ни сильно «тро-

нутъ былъ лютеровымъ толкомъ», но не былъ совершеннымъ послѣдователемъ протестантской догмы. Оправившись отъ первыхъ обворожительныхъ впечатлѣній новаго знакомства съ иноземцами, пришедши въ нѣкоторое самообладаніе, но уже не въ силахъ будучи освободиться вполнѣ отъ новаго настроенія, которое овладѣло его душею, онъ выбралъ изъ новаго ученія то, что прямо или косвенно давало отвѣтъ на рядъ гражданскихъ и церковныхъ вопросовъ его времени, вызванныхъ реформою Петра. Одного изъ самыхъ главныхъ положеній протестантства, оправданія одною вѣрою онъ не заимствовалъ и никому не проповѣдывалъ о немъ. Самъ громовой обличитель его, Стефанъ Яворскій, утверждалъ, что «иные выводы Тверитянова отъ своего вымыслу въ новую догму написаны», что нѣкоторые изъ нихъ согласны съ ученіемъ православной церкви, а иные не признаются и противниками ея. Видно, что это былъ человѣкъ, глубоко возмущенный низкимъ нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, религіознымъ формализмомъ, невѣжествомъ, человѣкъ, который желалъ выхода къ лучшему, требовалъ новыхъ наставниковъ и руководителей для народа, радѣлъ о его благѣ, умственномъ преспѣяніи. Выводы тетрадей Тверитянова, нѣкоторыя главныя положенія его ученія, по ихъ мотивамъ и цѣлямъ, не тѣ ли, которыя мы встрѣчаемъ въ законодательныхъ актахъ Петра, (въ пунктахъ, напр. о монашествѣ), въ духовномъ регламентѣ, въ проповѣдяхъ и трактатахъ Ѳеофана Прокоповича? Но желая вмѣстѣ съ чужими людьми блага своему народу, онъ къ прискорбію дѣлаетъ ему больше зла. Желая заимствовать отъ наставниковъ самое лучшее: свободу мысли, глубину изслѣдованія, духъ критицизма, онъ незамѣтно для себя самого перенималъ и усвоялъ едва ли не самое худшее. Вмѣсто преслѣдуемаго имъ обновленія и созиданія общества, онъ вноситъ въ него раззореніе, разрушеніе, съ своими наскоро-схваченными у другихъ разрушительными тенденціями, необдуманными, непримѣненными къ условіямъ и потребностямъ своей мѣстной среды, онъ все ломаетъ и сокрушаетъ, ничего прочнаго не созидая. Стараясь искоренить духъ заблужденій и пороки времени, онъ вводитъ другіе пороки и заблужденія, такъ что не столько служитъ своему народному дѣлу, сколько незамѣтно для себя самого, становится послушнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, распространителемъ идей своихъ наставниковъ. Причина такого разлада мысли и дѣла, намѣренія и исполненія скрывается въ его способностяхъ и характерѣ, личномъ складѣ его воззрѣній и вѣрованій, въ безсиліи выработать изъ новаго философско-религіознаго ученія нѣчто твердое, самостоятельное, зиждущее. Вотъ наглядный образецъ того, какъ искусная протестантская пропаганда, скрывавшаяся за цивилизаторскими реформами, подъ видомъ благожелательнаго содѣйствія послѣднимъ, уловляла въ свои сѣти неопытныя жертвы! Лучшіе умы своего времени, искавшіе у своихъ цивилизаторовъ

свѣта, науки, всего, что служило бы для блага пробуждавшагося къ новой жизни общества, усвояли, вмѣстѣ съ научными взглядами и нравственно-политическими воззрѣніями, множество сектантскихъ религіозныхъ понятій и такъ глубоко увязали въ разставленныхъ сѣтяхъ, что всю жизнь рвались, метались, кричали и дѣлали болѣе то, что угодно было ихъ сильнымъ ловцамъ, служили ихъ сектантскому дѣлу больше ихъ самихъ.

Далѣе, чѣмъ болѣе общественнаго значенія имѣли поднятые теперь критическіе вопросы, тѣмъ болѣе интереса возбуждали они къ себѣ въ публикѣ. Оттого о нихъ спорили и трактовали и въ тиши монастырскихъ келій и среди городскаго шума, на улицахъ, площадяхъ, люди торговые и церковные, цирюльники и воеводы, чернослободскіе рабочіе и сіятельнѣйшіе князья. Но бросивъ огонь въ общество, возбудивъ въ немъ горячіе споры, наши новаторы и сектанты, изъ страха предъ судомъ, должны были держаться сами какъ бы вдали отъ произведеннаго ими общественнаго движенія, дѣйствовать съ крайнею осторожностью и скрытностью (они наружно исполняли главные обряды и постановленія церкви, ходили въ церковь, исповѣдывались и пріобщались), и защищать лютеранскія воззрѣнія, какъ тогда говорили, въ чужомъ лицѣ. Постоянно получая инструкціи изъ нѣмецкой слободы, Тверитяновъ распространялъ свои антицерковныя идеи съ такимъ затаеннымъ разсчетомъ и тактомъ. Одному паціенту отъ зубной или глазной болѣзни онъ съ ѣдкимъ кощунствомъ посовѣтуетъ сдѣлать серебряный зубокъ или глазокъ, другому изнуренному, истощенному онъ не велитъ никогда держать постовъ, прибавляя, что посты—пустыя человѣческія преданія. Застанетъ паціента за чтеніемъ церковной книги, — попроситъ его не читать подобныхъ книгъ: потому что въ Библіи можно найти все нужное для спасенія, и, какъ наилучшее пособіе къ ея пониманію, подброситъ больному лютеранскій катихизисъ, или извѣстныя свои выписки изъ Библіи. Встрѣтится въ обществѣ съ людьми духовными и свѣтскими, интересующимися Богословіемъ (какихъ тогда было еще очень не мало),—тотчасъ направитъ разговоръ на догматы, бывшіе предметомъ спора между православными и протестантами, начнетъ критиковать ихъ, но очень осторожно, представляясь лишь «усумнѣвающимся въ нихъ». Благодаря обширной врачебной практикѣ а главное осторожной дальновидной тактикѣ, Тверитяновъ пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ классахъ общества, среди аристократовъ и духовенства, торговыхъ людей и крестьянъ. Что всего неожиданнѣе онъ «препиралъ философовъ» и богослововъ въ Славяно-Греко-Латинской школѣ и «пріобрѣталъ ихъ въ свою прелесть», бесѣдуя съ ними, какъ и со многими другими единомышленниками, въ частныхъ потаенныхъ собраніяхъ.

Ученики его далеко не отличались такою осторожностію, какую соблюдалъ онъ самъ. Тетради «Богопротивной кумпаніи» открыто ходили

между ними. Хулы противъ почитанія святыхъ и иконъ сдѣлались публичными, доходя иногда до открытаго на нихъ гоненія. Торговый человѣкъ Михаилъ Андреевъ Косой «свѣчи отъ св. иконъ отымалъ и закуривалъ табакъ въ церкви, а къ иконамъ говорилъ: стойте такъ, лучше Ѳомка цирюльникъ, во время слѣдствія за конвоемъ приведенный въ церковь Чудова монастыря, тайкомъ принесъ съ собою косарь и «тѣмъ косаремъ перерубилъ образъ чудотворца Алексѣя: святаго его лица брови и уста, и носъ, и браду и на главѣ клобукъ, и правое плечо перерубилъ», пока наконецъ лампадчики ни ухватили и ни вывели его вонъ. Вотъ какихъ изувѣровъ воспитала нѣмецкая слобода чрезъ своего главнаго питомца и агитатора Тверитянова. Всѣ они на бурное свое поприще выступили въ первыхъ годахъ 18 столѣтія (съ 1700 по 1713), но конечно не разомъ же онъ могъ набрать ихъ во всѣхъ сословіяхъ: тѣмъ болѣе что онъ собиралъ ихъ повидимому случайно, при частныхъ бесѣдахъ, при исполненіи своей оффиціи, и самъ онъ и большинство его послѣдователей были не фанатики невѣжественные, — хотя и эти не скоро ловятся въ агитаторскія сѣти,—но люди мысли, разсчетовъ, такта. Чтобы изъ такихъ лицъ набрать такіе ряды протестантствовавшихъ, нужно было долго подготовлять и располагать ихъ къ тому. Цѣлыя десятилѣтія нужно было нѣмецкой атмосферѣ портить и заражать русскія общественныя сферы, чтобы наэлектризовать податливые умы такъ, какъ она наэлектризовала ихъ теперь. А для этихъ страшныхъ взрывовъ противъ почитанія святыхъ и иконъ, происшедшихъ въ средѣ менѣе всего расположенной къ тому, нужны были искры, собиравшіяся и вспыхивавшія въ теченіе $1\frac{1}{2}$ стол.

Не малолюдна, въ сравненіи съ прежними партіями протестанствовавшихъ, была новая ихъ партія, но не мало нашлось противниковъ и обличителей ея. Люди необразованные, въ простотѣ сердца, но крѣпко вѣрующіе въ Бога, аристократы, въ которыхъ не изсякъ духъ древняго болярскаго благочестія, ученые Славяно-Грево-Латинской академіи,—всѣ, забывъ сословную рознь, соединились въ одномъ св. чувствѣ ревности по вѣрѣ, презрѣнія и отчужденія къ ея хулителямъ. Тѣ, которые не могли съ успѣхомъ состязаться на словахъ, прервали съ ними, особенно жъ съ ихъ вожакомъ Тверитяновымъ, всякія связи, знакомства и общежитія; самъ тесть Тверитянова «гостиныя сотни торговый человѣкъ Алексѣй Якимовъ Олисовъ за глаза и въ глаза называлъ зятя «еретикомъ великимъ» и сталъ совершенно чуждъ ему. Лица вліятельныя предъ правительствомъ, напр. князь Козловскій и стольникъ Дубровскій, отъ имени всего народа требовали церковнаго и гражданскаго суда «надъ Богохульными прелестниками». Плеяда ученыхъ того времени: Ѳеофилактъ Лопатинскій, Леонтій Магницкій, типографскій справщикъ Ѳедоръ Поликарповъ, монахъ Пафнутій—шуринъ Тверитянова—и Московскій вицъ-

губернаторъ Ершовъ вступали въ частныя и публичныя разсужденія съ сектантами и нерѣдко задавали имъ возраженія, на которыя они въ состояніи были отвѣчать одно «надобно о семъ подумать, надобно и о томъ подумать». Памятниками общественной и литературной борьбы даннаго времени остались столь извѣстные въ духовной литературѣ: «Камень вѣры и Рожнецъ Духовный», а также написанныя Лихудами: «Слово о предопредѣленіи» и «показаніе и обличеніе ересей Лютера и Кальвина». На послѣднія два сочиненія можно смотрѣть, какъ на произведенія литературной полемики, какую вела съ сектантами вновь учрежденная въ Москвѣ академія. Кромѣ того въ самомъ учрежденіи, строѣ и всей учебной дѣятельности академіи можно примѣчать непрерывный актъ борьбы съ тѣмъ же и другими враждебными православію вліяніями.

Чтобы видѣть, какого рода отпоръ встрѣтило себѣ это сравнительно сильное протестантское движеніе, какъ уравновѣшивались силы борющихся сторонъ и на чьей сторонѣ должна быть побѣда, нужно сколько-нибудь коснуться литературнаго и историческаго значенія поименованныхъ полемическихъ сочиненій и очертить характеръ полемической дѣятельности академіи. Первыя два сочиненія: «Камень вѣры и Рожнецъ» по своему содержанію, источникамъ и формальной силѣ доказательствъ суть произведенія, взаимно себя дополняющія и развивающія, а потому ихъ литературно-историческое значеніе можетъ быть нагляднѣе уяснено изъ сопоставленія ихъ между собою. Обезсмертившій имя своего автора — Яворскаго «Камень вѣры есть плодъ рѣдкой въ то время эрудиціи и утонченной школьной аргументаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ образецъ схоластической мудрости 17 вѣка; это, стало быть, протестъ православной науки противъ протестантской агитаціи: Рожнецъ, сочиненіе велико-русскаго начетчика самоучки (упомянутаго монаха Пафнутія) не есть продуктъ школьной учености, но образецъ трезваго народнаго протеста противъ возмущавшей общество ереси, написанный подъ впечатлѣніемъ живой устной бесѣды. Въ этомъ согласны всѣ критики и изслѣдователи [118]). Но странно, что критика, насколько мы могли ознакомиться съ нею, до сихъ поръ не обратила вниманія на сходство Камня и Рожнеца съ предшествовавшими противолютеранскими сборниками: сборникомъ 1642 г., состоящимъ изъ 47 главъ, отчасти съ статьями священника Василія и «Преніями о вѣрѣ» съ датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ. А это сходство, особенно Камня съ Сборникомъ 1642 г. — поразительное. Возраженія, разбиваемыя «Камнемъ», большею частію буквально тѣ же, какія опровергнуты и въ тѣхъ 47, а преимущественно въ первыхъ двѣнадцати главахъ. Для примѣра можно указать на слѣдующія: покланяться иконамъ не подобаетъ и нигдѣ того не написано ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ (1 гл. въ Камнѣ и Сборникѣ); поминно-

веніе по умершихъ не пользуетъ; кто что сотворилъ въ живыхъ, то ему и будетъ (7 гл. Камня = 12 Сборника), что написано въ Библіи, тому должно вѣрить, а иному вѣрить нечего (8 гл. = 23). Если жъ нѣкоторыя возраженія представляются отчасти новыми, то не по содержанію своему, — такихъ возраженій уже не откуда было взять, — а по своей внѣшней постановкѣ, по софистической изворотливости, а главное по рѣзкости тона и наглости кощунства, съ какою они выражены: напр. «набрали незнамо какихъ мужиковъ, и помазываютъ ароматами, и обмываютъ, и говорятъ: надобно такимъ мертвымъ покланяться (гл. 3); или: святымъ и грѣшнымъ указу еще нѣтъ до страшнаго суда; ихъ души до суда ничего не чуютъ, не помнятъ. спятъ непробуднымъ сномъ» (гл. 5 и 6). При сходствѣ возраженій «Камня» съ возраженіями, опровергнутыми въ сборникахъ и преимущественно въ 47-ми главомъ, и самое опроверженіе ихъ представляетъ во многомъ близкое сходство (1 глава Камня о св. иконахъ очень сходна съ 1—3, 19 и 20 главами Сборника, со 2-ю статьею священ. Василія и 8 гл. Преній о вѣрѣ съ Вальдемаромъ; 2 глава о крестѣ — съ 3—6, 3 глава о мощахъ съ 4—6 г. и со 2 ст. священ. Василія; 4 глава о св. Евхаристіи и 9 «о святѣйшей литургіи или о значеніи Божественной Евхаристіи, какъ умилостивительной жертвы», могутъ быть сопоставлены съ 11 главою Сборника 1642 г.; 5 глава о призываніи святыхъ и 6 о состояніи душъ праведныхъ отъ смерти до страшнаго суда — очень похожи на 7, 8, 13 и 17 главы того же Сборника; 7 гл. о благотвореніи преставившимся, т. е. о поминовеніи умершихъ напоминаетъ 12 главу Сборника; 8 глава о преданіяхъ — 23 и 46; 10 — о постахъ схожа съ 9 и 16 главами Сборника и 11 гл. Преній о вѣрѣ). Разница въ томъ, что Камень обширнѣе и содержательнѣе каждаго изъ упомянутыхъ сборниковъ, не исключая Сборника 1642 г.: тотъ же матеріалъ, что и въ сборникахъ, Камень излагаетъ подробнѣе, съ большею силою доказательности и превосходитъ ихъ, какъ сейчасъ увидимъ, расположеніемъ доказательствъ, обиліемъ апріорическихъ сужденій и вообще научною постановкою предмета, стоящею въ уровнѣ съ тогдашними требованіями науки. Совершенно новыми должны быть признаны здѣсь двѣ послѣднія главы (11-я, направленная противъ оправданія одною вѣрою, и 12 о наказаніи еретиковъ). «Рожнецъ Духовный» трактуетъ о тѣхъ же предметахъ, о какихъ и Камень и слѣдовательно сборники, только съ болѣе практической стороны, минуя впрочемъ два протестантскіе догмата: 1) о значеніи Евхаристіи, 2) объ оправданіи человѣка одною вѣрою безъ дѣлъ закона. Этотъ пробѣлъ произошелъ отъ того, что догматы эти, занимая видное мѣсто въ системѣ протестантской догматики, не проникли еще въ сознаніе московскихъ еретиковъ и не возбудили къ себѣ общественнаго интереса, во имя котораго ратуетъ Рожнецъ. За то

въ Рожнцѣ нашли себѣ опроверженіе неправославныя мнѣнія, о которыхъ умалчиваетъ и «Камень» и которыя опровергаются по частямъ только въ сборникахъ, именно: о монашествѣ (возраж. Рожнца 18—24=14 гл. и 47 глав. Сборника) о чинахъ церковныхъ (возраж. 27=19 и 20 гл. сборн.) о крещеніи (возр. 33=гл. 24 Сборн. и 5 и 6 гл. Преній), о священствѣ (возр. 34, 35=16 гл. Сборн. и 9 гл. Преній о вѣрѣ), о спасеніи во всѣхъ вѣрахъ (возр. 36), о святыхъ вообще и блаженныхъ въ особенности (возр. 38—40). Вообще по своему содержанію Рожнецъ есть дополненіе Камня, какъ бы вторая практическая часть его: догматическій вопросъ, рѣшаемый въ Камнѣ въ общихъ отвлеченныхъ чертахъ, онъ развѣтвляетъ на нѣсколько частныхъ практическихъ вопросовъ полемическаго направленія (напр. вопросъ Камня о призываніи святыхъ раздѣленъ здѣсь на 8 частныхъ вопросовъ). Сходство же Рожнца съ сборниками заключается главнымъ образомъ въ единствѣ предметовъ, о которыхъ въ нихъ говорится, въ приведеніи однихъ и тѣхъ-же библейскихъ примѣровъ на данный предметъ, но не въ расположеніи доказательствъ и формѣ изложенія, которая въ Рожнцѣ совершенно катихизическая, собесѣдовательная. По формальной сторонѣ доказательствъ, по изложенію, тону «Рожнецъ и Камень» могутъ быть сопоставлены только другъ съ другомъ, а не съ сборниками. «Камень» поставивъ себѣ не только отрицательную, но и положительную задачу, въ каждой своей главѣ, не ограничивается опроверженіемъ возраженій, но и доказываетъ твердость оспариваемаго православнаго догмата: 1) изъ св. Писанія, 2) отъ вселенскихъ соборовъ, 3) отъ ученія Св. Отецъ, 4) иногда отъ церковной исторіи и 5) отъ доводнаго показанія, на Священномъ Писаніи утвержденнаго: «Рожнецъ» занятъ только отрицательною стороною, опроверженіемъ возраженій, направленныхъ противъ частныхъ истинъ; доводы его опираются на св. Писаніи и соображеніяхъ разума. Камень вѣры, какъ плодъ философско-богословской учености и схоластической мудрости своего вѣка, пропитанъ насквозь діалектикою, или, какъ тогда выражались, «діалектическимъ чиномъ», широковѣщателенъ и обиленъ ораторскими движеніями, искусственною аффектаціею, исполненъ пламеннаго религіознаго воодушевленія, но, къ сожалѣнію, не чуждъ тона суроваго и рѣзкаго. Рожнецъ также показываетъ въ авторѣ основательное знаніе св. Писанія и крѣпкій природный умъ; но чуждый школьныхъ діалектическихъ пріемовъ, онъ — простъ, отрывоченъ, кратокъ, серьезенъ, не позволяетъ себѣ сказать ни одного рѣзкаго и грубаго слова. Какъ «Рожнецъ» представляетъ собою образецъ народной оппозиціи непріязненному протестантизму, ясности и твердости народнаго сознанія, силы и простоты народнаго слова, такъ «Камень» есть вѣнецъ и украшеніе литературной полемики того времени. Такова, по крайней мѣрѣ, отрицательная или полемическая часть сочиненія. Положительная, не смотря на разносторон-

ность началъ, изъ которыхъ исходятъ ея доказательства, нѣсколько слабѣе. Но она и не могла не быть таковою. Положительныя истины вѣры, собственно говоря, не могутъ быть постигнуты, опредѣлены, доказаны. Одна Божественная сила открываетъ истину и каждому лицу даетъ способность принять ее, усвоить себѣ. Вся схоластическая мудрость запада, по выраженію одного современнаго ученаго, только доводила до догмата и на этомъ останавливалась: она формально оправдывала его и не шла далѣе, не пускалась глубже. Въ положительной сторонѣ трактата Яворскій находился подъ вліяніемъ католическихъ писателей. Статьи о преданіи, объ оправданіи, о благихъ дѣлахъ, о заслугахъ сверхъ-требуемыхъ, о наказаніи еретиковъ заимствованы изъ Беллармина, Бекана и другихъ іезуитскихъ богослововъ. Оттого книгу Яворскаго іезуитская пропоганда приняла подъ свое покровительство, велѣла перевести на латинскій языкъ, разумѣется, съ нѣкоторыми выпусками, и распустила по землямъ протестантскимъ. Но держись онъ метода и пріемовъ восточныхъ отцовъ церкви, онъ въ раскрытіи положительной стороны предмета также не ушелъ бы далеко. У православныхъ отцевъ и учителей церкви все значеніе разума, вся дѣятельность мысли въ отношеніи къ положительному содержанію догмата ограничиваются стремленіемъ уяснить догматъ и проникнуть въ его глубину, для этого иногда отвлеченное понятіе они облекаютъ въ образъ, иногда, наоборотъ, представленіе возводятъ въ понятіе, сравниваютъ, примѣняютъ: они полагаютъ догматъ, не оспаривая и не доказывая его, и стараются раскрыть его внутренній смыслъ. Но если догматъ не доказывается, то онъ истиненъ, слѣдовательно нападеніе на него, возраженіе непремѣнно ложно; эта ложь можетъ быть доказана. Въ отрицаніи лжеученій, на полемическомъ поприщѣ — вотъ гдѣ полный просторъ мысли. И во всѣхъ противо-протестантскихъ нашихъ сборникахъ полемическая сторона удавалась гораздо лучше, чѣмъ положительная; всего же болѣе она удалась въ трактатѣ Яворскаго. Собственно-русская возможно самостоятельная полемика не вдругъ могла развиться. Сначала она ограничивалась переводомъ готовыхъ южно-русскихъ статей, сперва направленныхъ противъ двухъ наиболѣе распространенныхъ возраженій, потомъ противъ всѣхъ главныхъ вѣрованій противной партіи; за тѣмъ въ сборникѣ Насѣдки является половина переводныхъ и половина (даже большая) собственныхъ статей; по поводу преній съ Вальдемаромъ, издается полный сборникъ собственныхъ произведеній русскихъ богослововъ. Но стройную научную систему первый пишетъ Стефанъ Яворскій. И до него много прославилось именъ, много совершено было подвиговъ мысли, обнаружено дѣльныхъ свѣдѣній, искусства въ преніяхъ. Но никогда великій нашъ споръ не представляется въ такой полнотѣ, въ такомъ широкомъ объемѣ, никогда такъ опредѣлительно не были поставлены всѣ вопросы, никто не понялъ ихъ такъ глубоко, какъ онъ Его «Камень»

и отчасти дополненіе его «Рожнецъ» совмѣстили въ себѣ все, что было совершено другими на томъ же поприщѣ, лучше и полнѣе другихъ представляютъ собою стремленія и степень религіознаго сознанія своего времени.

Вообще при полнотѣ и разнообразіи содержанія, при опроверженіи всѣхъ теоретическихъ и практическихъ возраженій, разсматриваемыя сочиненія отличаются твердостію, жизненностью и цѣлесообразностію началъ, на которыхъ построена отрицательная аргументація, и формальною силою доказательности всѣхъ частныхъ ея положеній. И если побиваемыя Камнемъ и Рожнцомъ возраженія, еще за 60, 100 лѣтъ ранѣе, счастливо были отражены, если тогда не могли они смутить и поколебать силы православія и православныхъ, то и теперь, сколько бы ни изощряла ихъ софистика, сколько ни придавали имъ силы внѣшнія благопріятныя обстоятельства, ихъ ждетъ та же участь. Камень для людей науки, а Рожнецъ для простыхъ сердецъ навсегда останутся надежнѣйшимъ оружіемъ: о «Камень» будутъ разбиваться самыя острыя и тяжелыя стрѣлы, Рожнецъ съ корнемъ будетъ исторгать самыя тонкія подземныя хитросплетенія и никакой Молотокъ (лютеранское опроверженіе на Камень вѣры) не могъ сокрушить ихъ. По проискамъ обличаемой партіи, «Камень» долго не допускали къ печати. Тѣмъ не менѣе книга расходилась въ рукописяхъ, читалась съ жадностію и производила свое дѣйствіе.

Два сочиненія, написанныя одними и тѣми же авторами-Лихудами, совершенно различныхъ достоинствъ [119]). Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Обличеніе и показаніе ересей Лютера и Кальвина» написано по поводу нареканій протестантовъ, будто православные не истинные христіане, а идолослужители, поклоняющіеся идоламъ — иконамъ и обыкновеннымъ людямъ, будто ихъ храмы — не храмы и гораздо ниже лютеранскихъ киркъ; (нареканія эти выразились въ извѣстныхъ намъ бурныхъ вспышкахъ противъ иконъ и храмовъ). Чтобы показать лютеро-кальвинамъ, что православные не идолослужители, а истинно вѣрующіе, разумно благоговѣющіе и чтущіе Бога, иконы и святыхъ, Лихуды въ обширномъ своемъ сочиненіи (состоящемъ изъ 486 страницъ) раскрываютъ (хотя не прямо на дѣло) ученіе о Пресвятой Троицѣ, о воплощеніи и Божествѣ Іисуса Христа (на 100 страницахъ) о приснодѣвствѣ и святости Богоматери (на 140 страницахъ) и потомъ догматъ объ иконопочитаніи (60 страницъ). Чтобъ указать священное значеніе и важность православныхъ храмовъ, ихъ превосходство предъ «новомышленными» раціональными кирками, — они входятъ въ подробное изъясненіе ученія «о храмахъ и знаменованіи находящихся въ нихъ вещей». Не смотря на свою обширность, сочиненіе Лихудовъ не представляетъ собою цѣльнаго солиднаго трактата; оно не болѣе, какъ механически сплоченный аггрегатъ разныхъ трактацій; живыхъ тревожныхъ вопросовъ времени оно касается мало,

а больше излагаетъ общія христіанскія истины, имѣющія отдаленное отношеніе къ предмету спора, и многихъ современныхъ возраженій противниковъ оно не ослабило; тонъ его суровый, рѣзкій и желчный, чтобы не сказать бранный. Тѣмъ не менѣе и оно могло имѣть свое практическое значеніе. Въ горячее время споровъ, при сильномъ напряженіи умовъ— всякое дѣльное слово, сказанное pro или contra той или другой партіи, обыкновенно производитъ сильное на нихъ вліяніе, воодушевляя и укрѣпляя однихъ, раздражая и ослабляя другихъ.

Недостатки перваго сочиненія Лихудовъ, происшедшіе оттого, что оно написано было при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, во время заточенія ихъ въ Новгородѣ, съ избыткомъ восполняются въ ихъ «Словѣ о предопредѣленіи». Это сочиненіе разрѣшаетъ никѣмъ еще не поднятый на Руси вопросъ о предопредѣленіи и столь малоизслѣдованное ученіе объ оправданіи. При всѣхъ своихъ отступленіяхъ, вставкахъ, допущенныхъ, какъ увидимъ, для особыхъ гомелитическихъ цѣлей, оно имѣетъ всѣ достоинства богословско-философской системы, ученаго глубоко обдуманнаго трактата. Къ тому-жъ написано въ формѣ совершенно новой, доселѣ не употреблявшейся на Руси, и самой популярной, общедоступной. А потому заслуживаетъ сравнительно подробнаго разбора. Въ приличномъ вступленіи, исповѣдавъ свое авторское смиреніе и смущеніе предъ неисчерпаемостію предмета, покадивъ, по обычаю времени, предъ сильнымъ земли, «предъ тишайшимъ Самодержцемъ» и въ смиренномъ сознаніи своего самоуничиженія ощутивъ въ себѣ крѣпкую силу, проповѣдникъ, «яко Давидъ на Голіафа, выступаетъ на злословные лютеро-кальвины, и двумя-тремя камнями, взятыми изъ его скудоумной пращицы», поражаетъ ихъ. Установивъ истинное понятіе о предопредѣленіи, онъ, посредствомъ искуснаго подбора текстовъ, а еще болѣе искуснаго анализа ихъ, раскрываетъ истину сперва съ положительной стороны, при чемъ наиболѣе подробно комментируетъ изреченіе Іезекіиля: «Богъ не хощетъ смерти нечестиваго» (33 гл.), за тѣмъ притчи Спасителя о виноградникѣ, о безплодной смоковницѣ, отвѣтъ Іисуса Христа на просьбу сыновъ Зеведеевыхъ о первыхъ мѣстахъ въ Его царствѣ, потомъ наставленіе апостола Павла къ Тимоѳею (гл. 2) о молитвахъ за царя и за всѣхъ, иже во власти суть, и наконецъ классическое мѣсто изъ апостола Іакова: «вѣра безъ дѣла мертва» (2 ст. и сл. 2 гл.). Всѣ комментаріи сводятся у него къ мысли, что Предопредѣленіе не безусловно, не независимо отъ добрыхъ дѣлъ отъ вѣка предназначило однихъ къ блаженству, а другихъ къ погибели, но «на основаніи предвѣдѣнія» добрыхъ людей, имѣвшихъ воспользоваться искупительными и благодатными средствами спасенія, отъ вѣка предъуготовило къ вѣчной славѣ, а злыхъ, отвергшихъ призывающую благодать,— къ вѣчному осужденію (л. 153 — 179). Въ остальной части слова нельзя не примѣтить отрицательной стороны въ раскрытіи предмета, по-

этому мы принимаемъ ее за 2-ю отрицательную часть, а первую половину за положительную. Отрицательную часть можно подраздѣлить на богословско-экзегетическій и теоретически-философскій отдѣлы. Первый изъ нихъ состоитъ изъ разбора спорныхъ мѣстъ св. Писанія, которыми противники старались обосновать свое превратное понятіе о безусловномъ предопредѣленіи. Мѣста эти, наиболѣе подробно разбираемыя въ словѣ, слѣдующія: Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ, не убо рождшимся имъ, (Рим. 9 гл.); ихъ же предувѣдѣ, сихъ и предъустави (Рим. 8); и параллельныя съ этими мѣстами слова Бога къ Іереміи: прежде неже создахъ тя, во чревѣ познахъ тя и.... освятихъ тя (1 гл.): еда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако, или не имать власть скудельникъ на бреніи отъ того же смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь (Рим. 10 гл.) (Л. 190—226). Философскіе отрицательные доводы могутъ быть резюмированы такъ: признать безусловное предопредѣленіе, обрекающее людей, помимо ихъ воли, на вѣчную участь, значитъ отнять у нихъ всякую волю, свободу, индивидуальность, подчинить всю жизнь ихъ господству рока, необходимости, и, если вся жизнь разумныхъ тварей — а неразумныхъ тѣмъ болѣе — есть дѣйствіе всюду царящей необходимости, то и образованіе всего міра не есть произведенное во времени дѣйствіе свободной Всемогущей воли и благости, а предвѣчное истеченіе (эманатизмъ), неизбѣжное саморазвитіе Божества. Эту пантеистическую мысль авторъ опровергаетъ свидѣтельствами всѣхъ лучшихъ философовъ древности, начиная съ Аристотеля, и доказываетъ, что какъ сотвореніе міра во времени, единымъ дѣйствіемъ Предвѣчнаго хотѣнія, такъ и предопредѣленіе людей ко спасенію по заслугамъ ихъ добрыхъ дѣлъ, совершаемымъ конечно при содѣйствіи благодати Божіей, отнюдь не свидѣтельствуетъ о премѣняемости (измѣняемости) естества Божія: тогда какъ противники утверждали, что отрицаніе безусловнаго предопредѣленія предполагаетъ измѣнчивость, колеблимость и слабость воли Божественной, поставляя ее въ зависимость отъ воли человѣческой (л. 226—246). Пространныя философскія обоснованія доказываемой истины заканчиваются обширнымъ заключеніемъ (247—249 л.) и еще болѣе обширнымъ нравственнымъ приложеніемъ (250—260). Заключеніе состоитъ изъ слѣдующаго прекраснаго уподобленія: во время послѣдняго морскаго путешествія апостола Павла въ Римъ, когда всѣ, бывшіе съ нимъ на кораблѣ, 14 дней ежеминутно ожидали гибели отъ разбушевавшейся бури, Господь предвозвѣстилъ имъ чрезъ Павла, что ради его не погибнетъ ни одна душа, но даровалъ спасеніе не прямо, но *посредствомъ предустановленій,* чрезъ перенесеніе бѣдствій, плаванье на доскахъ, по разбитіи корабля: и намъ всеблагій Богъ отъ вѣка предопредѣлилъ получить райскія наслажденія *посредствомъ предустановленія,* — чрезъ перенесеніе скорбей и бѣдствій, чрезъ подвиги само-

отверженія. Во многосодержательномъ этомъ словѣ такое обиліе текстовъ и выводовъ, текстовъ собранныхъ изо всѣхъ подходящихъ мѣстъ св. Писанія, выводовъ твердыхъ и проницательныхъ, такое счастливое сочетаніе изслѣдованій догматическихъ съ экзегетическими, свѣдѣній изъ свободныхъ наукъ съ Библейскими Богооткровенными истинами, наконецъ всѣ части обширнаго изслѣдованія, такъ строго соображены и стройны, что еслибъ не особыя вставки, то можно было бы принять его за одно изъ лучшихъ ученыхъ произведеній.

Но эти вставки, излишнія въ ученомъ кабинетномъ трактатѣ, необходимы въ проповѣди, предназначаемой для каѳедры академической и церковной (въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ она была произнесена по частямъ пріема въ три), и для чтенія всего православнаго общества: безъ нихъ она не была бы живымъ общедоступнымъ словомъ, а представляла бы изъ себя больше изобрѣтеніе утонченной ерудиціи, плодъ схоластической мудрости. Вставки эти или отступленія состоятъ преимущественно изъ нравственныхъ размышленій, обличеній, вразумленій, увѣщаній, но есть приложенія и догматическаго содержанія, приводимыя, большею частію, какъ основанія для нравственныхъ выводовъ. Въ первой части положительнаго содержанія встрѣчаемъ одну такую вставку. Изъяснивъ предопредѣленіе въ смыслѣ предвѣдѣнія и предназначенія человѣка къ спасенію или погибели, смотря по его дѣламъ, авторъ склоняетъ свою рѣчь къ оправданію посредствомъ добрыхъ дѣлъ и, перечисливъ различныя условія оправданія со стороны человѣка, дѣла любви, подвиги самоумерщвленія, распространяется въ особенности о соблюденіи постовъ, укоряетъ своихъ лютеро-кальвинъ за сластолюбіе, развращеніе нравовъ, прилагаетъ къ нимъ рѣчь Спасителя на книжниковъ и фарисеевъ (л. 178 — 190). Во 2 части почти послѣ каждаго отрицательнаго положенія и его опровержения дѣлаются нравственные выводы и большею частію о необходимости соединенія добродѣтели съ вѣрою, о пользѣ и значеніи добрыхъ дѣлъ въ дѣлѣ оправданія (л. 195, 222—226). Догматическое или лучше нравственно-догматическое вставочное размышленіе здѣсь встрѣчается одно: о поклоненіи Богоматери, Іоанну Предтечѣ, апостоламъ и прочимъ святымъ; написано оно въ видѣ обличенія протестантамъ за неправильное пониманіе ими словъ апостола: бываютъ сосуди въ дому Божіемъ ови честни, ови же безчестни. Авторъ и тутъ нашелъ случай упрекнуть враговъ за недостаточное почитаніе самыхъ честнѣйшихъ и самыхъ славнѣйшихъ сосудовъ въ дому Божіемъ: Божіей Матери, Предтечи, апостоловъ и пр. (л. 212 — 214). Нравсвенно-назидательные эти эпизоды, въ соединеніи съ искусно вставленными историческими разсказами, имѣли весьма важное значеніе въ проповѣдническомъ трактатѣ: они сообщали отвлеченному, догматическому изслѣдованію занимательность назидательнаго, историческаго разсказа, держали

вниманіе читателя или слушателя въ возбужденіи, напряженіи, въ постоянномъ ожиданіи чего либо новаго, разнообразнаго, не только не ослабляя въ немъ интереса къ дальнѣйшимъ отвлеченнымъ размышленіямъ, но не давая ему замѣчать длинноты и растянутости слова. Тѣ же нравственно-назидательные эпизоды весьма важны были для гомелетическихъ практическихъ цѣлей. Безъ всякой навязчивости и ригоризма, которые такъ непріятно отталкиваютъ слушателя отъ нравственныхъ уроковъ, а случайно, незамѣтно, въ увлекательной повѣствовательной формѣ, или въ въ видѣ глубоко-воодушевленнаго лиризма, они предлагаютъ слушателю возвышенную мораль, убѣдительныя нравоученія. Съ тонкимъ разсчетомъ на чувство ревности православныхъ къ своей вѣрѣ и презрѣнія къ иновѣрію, въ нихъ высказывается — и довольно мѣтко и сильно — сперва слово осужденія «на зломысленныхъ», за отверженіе ими той или другой догматической или нравственоой истины, и тутъ же искусно проводится православное догматическо-нравственное ученіе. Наприм. съ пламеннымъ воодушевленіемъ обличивъ враговъ за то, что они «хвалятся о безпрестанномъ мясояденіи и не знаютъ, яко безсловесныя животныя, крестнаго дне, въ онь же распяся Творецъ нашъ, за то, что они сію жизнь проводятъ въ прелюбодѣяніи, непрестанномъ пьянствѣ, а въ оной жизни думаютъ сцарствовати съ цѣломудренными, постниками, подвижниками», проповѣдникъ такъ кстати предлагаетъ наставленія о постѣ, дѣвствѣ, самоотверженіи, такъ увлекательно разсказываетъ примѣры этихъ добродѣтелей, изъ жизни лучшихъ философовъ древности, этихъ удивительныхъ праведниковъ язычества (л. 178--189). Нерѣдко обличеніе, обращенное «къ нечестивымъ лютеро-кальвинамъ», служитъ наилучшимъ нравственнымъ предостереженіемъ и для православныхъ. «Если за всякій не скромный взоръ, говоритъ проповѣдникъ, за всякое праздное слово придется дать строгій отвѣтъ въ день судный, то какъ безбожно, безсрамно, и безстудно речете вы, яко тѣлесныя страсти, сиречь блуды, прелюбодѣянія, всегдашнее мясояденіе не суть грѣси? По вашему нечестивому мнѣнію, намъ надобно жить житіемъ безловесныхъ живожныхъ, звѣрскимъ, не вѣрнымъ. Вы, чревніи рабы, нарицаетеся апостоликами и евангеликами, но нага держите имена, украдосте одѣянія длиннѣйшая: вы не покоряетесь ни апостолу, ни евангелію, и слѣдуете въ жизни и ученіи не Христу, но сластолюбцу Епикуру и женолюбивѣйшему Сарданапалу, и вамъ достойно и праведно нарицатися не апостоликами, но епикурейками, не евангеликами, но сарданапаликами» (л. 180, 181—185). Подобныя обличенія остроумно и довольно правдиво характеризуютъ все нравственное ученіе и поведеніе обличаемыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, направленныя на враговъ, обличенія дѣлали излишними нравственные выводы для своихъ православныхъ слушателей: каждый, осуждая эти пороки въ другомъ, долженъ былъ чувствовать силу упрека на себѣ самомъ, если и онъ не чистъ отъ этихъ пороковъ.

Въ тѣхъ же нравственно-назидательныхъ цѣляхъ доказательства приводятся въ словѣ не одни научныя, раціональныя, «не софистическіе силогизмы и не лживые выводы», какъ выражается авторъ, но нерѣдко простыя, наглядныя, практическія, которыя бы дѣйствовали не на умъ только, но и на воображеніе, поксряли бы сердце и преклоняли волю. На ряду съ превыспренними догматическими созерцаніями, философскими спекулятивными соображеніями, тонкими экзегетическими изслѣдованіями встрѣчаются наглядныя, картинныя изображенія предмета, удачныя сравненія, остроумныя сопоставленія, риторическія олицетворенія отвлеченныхъ истинъ и т. д. Примѣромъ перваго рода доказательствъ научныхъ, умозрительныхъ можетъ служить слѣдующая градація степеней благодати, созидающей дѣло нашего спасенія. «Наше призваніе ко спасенію, разсуждаетъ авторъ, совершаетъ благодать предначинательная или просвѣтительная, которая указуетъ человѣку путь спасенія и начинаетъ влечь его къ сему пути. Когда человѣкъ покорится сему влеченію, Богъ посылаетъ ему вторую благодать укрѣпляющую, вдыхая въ него тонкій свой духъ, яко же вѣтръ вдуновляется въ корабль и направляетъ его къ вѣчному пристанищу: подобно тому какъ попутный вѣтръ несетъ корабль въ лоно пристани. Человѣку, послушному сему Божественному управленію, даруется третья благодать—содѣйствующая, всегда во всемъ добромъ вспомоществующая ему, о которой говоритъ апостолъ Павелъ: «не азъ, но благодать Божія, содѣйствующая мнѣ». Затѣмъ ниспосылается четвертая благодать, оправдывающая, освящающая, утверждающая человѣка въ добрѣ, до не преклонности ко злу, и наконецъ даруется пятая благодать «царства небеснаго воспріятіе». Первая и послѣдняя благодать есть исключительный даръ милости Божіей, ниспосылаемый свыше нашихъ заслугъ (л. 202 и 203). Примѣромъ втораго рода доказательствъ краткихъ, сильныхъ, исполненныхъ болѣе риторическихъ красотъ и эффектаціи, чѣмъ логическихъ и Богословскихъ тонкостей, можетъ служить слѣдующее мѣсто: «вѣра отъ Богоудныхъ дѣлъ яко небо вызвышается и расширяется, яко ангельское естество невещественно и духовно украшается, яко солнце дневными лампадами облачается; безъ добрыхъ же дѣлъ она изсыхаетъ, уничтожается и зноемъ опаляется, темна и безлунна оставляется, безбрачна и неукрашенна познавается» (л. 185). Подобныхъ риторическихъ мѣстъ, отличающихся строгою выдержанностью во всѣхъ своихъ частяхъ, параллелизмомъ мыслей и словъ, стройнымъ ораторскимъ риѳмомъ, много. Изложеніе во всемъ словѣ живое, увлекательное, хотя по обычаю времени, черезъ-чуръ образное и фигуральное, подкрашенное въ особенности фигурами вопрошенія, олицетворенія и пр., но что особенно пріятно поражаетъ читателя и теперь, это множество діалоговъ, употребляемыхъ тамъ, гдѣ всего менѣе повидимому можно ожидать ихъ: дѣлая анализъ какого либо мѣста изъ пророковъ

и апостоловъ, авторъ вступаетъ въ собесѣдованіе съ ними, вопрошаетъ ихъ, отвѣчаетъ отъ ихъ имени (л. 169, 170, 173—176); всего чаще такія обращенія онъ дѣлаетъ къ обличаемымъ, бесѣдуя съ ними какъ бы съ глазу на глазъ (подобныя мѣста не исчислимы). Оживленнѣе и разнообразнѣе этого изложенія ничего нельзя встрѣтить въ Богословскихъ догматическихъ трактатахъ того времени.

Въ заключеніе нашего очерка «слова», нельзя не упомянуть о его полнотѣ и содержательности, весьма важной въ практическихъ цѣляхъ. Взявъ себѣ задачею разборъ одного изъ главныхъ и основныхъ положеній протестантской догматики, авторъ, въ видѣ гомелетическихъ отступленій и приложеній, переходитъ къ разсмотрѣнію всѣхъ главныхъ особенностей протестантской доктрины, догматическихъ, нравственныхъ, и подъ скромнымъ заглавіемъ слова пишетъ краткое, обличительное Богословіе, избравъ для него заглавіе «Слово», потому что подъ этою литературною формою оно могло быть наиболѣе доступнымъ и полезнымъ для читателей. Опровергая всѣ главныя заблужденія противниковъ, авторъ утверждаетъ истинное православное ученіе, посвящая ему иногда особыя отдѣльныя трактаціи и приложенія. Для примѣра возьмемъ обширное послѣднее приложеніе (250—260), въ которомъ онъ начертываетъ кратко всю систему догматическо-нравственнаго ученія, перечисляетъ всѣ нравственныя обязанности и добродѣтели, выставляетъ главныя побужденія къ исполненію ихъ, указываетъ примѣры ихъ въ жизни цѣлаго сонма христіанскихъ угодниковъ. Какъ въ опроверженіяхъ противниковъ, такъ и въ положительныхъ доказательствахъ авторъ основателенъ, разнообразенъ, неистощимъ. Такую полемику могъ вести писатель счастливыхъ дарованій, обширнаго образованія, а главное много упражнявшійся въ подобныхъ преніяхъ. Наилучшею школою послужили для него неоднократныя препирательства съ лютеранскими и кальвинскими профессорами Богословія (съ Апафи въ Бѣлградѣ Нижнія Угріи, съ Іаковомъ Цамбаніомъ въ Клавдіуполѣ и Симбинѣ, л. 190, 233 и 239).

Какъ «Камень вѣры» носитъ на себѣ слѣды вліянія католическихъ полемистовъ, такъ слово о предопредѣленіи обнаруживаетъ въ себѣ методъ и пріемы восточныхъ полемизировавшихъ съ протестантами богослововъ (Мелетія Пигаса, Кирилла Лукариса). Въ отношеніи къ предшествовавшимъ противо-лютеранскимъ сочиненіямъ Камень представляетъ въ себѣ совмѣщеніе всего, что было лучшаго въ нихъ: слово о предопредѣленіи служитъ дополнительнымъ отвѣтомъ на самые таинственные или совершенно не изслѣдованные или недостаточно изслѣдованные вопросы, представляетъ собою краткую, въ новой популярной формѣ изложенную систему полемическую и можетъ быть признано послѣднимъ словомъ и завершеніемъ всей предшествовавшей полуторовѣковой полемики.

По представленной оцѣнкѣ слова можно судить и о практическомъ значеніи его. Ознакомившись по немъ съ общимъ духомъ и направленіемъ протестантской доктрины, овладѣвъ новыми способами опровerженія старыхъ наиболѣе распространенныхъ возраженій касательно постовъ, иконъ, храмовъ, святыхъ, и—усвоивъ себѣ дѣльныя доказательства для отраженія новыхъ возраженій о предопредѣленіи и оправданіи, самые неосторожные и легковѣрные могли несравненно менѣе увлекаться новымъ ученіемъ западныхъ прозелитовъ, и болѣе находить въ себѣ энергіи и опоры для борьбы съ иновѣріемъ. Своего значенія рассматриваемое сочиненіе не потеряло и для отдаленнѣйшихъ временъ. Проповѣдники временъ Елизаветы Петровны Симеонъ Тохорскій и Гедеонъ Криновскій заимствовались изъ него при обличеніи лютеро-кальвинскаго ученія о предопредѣленіи и оправданіи.

Кромѣ нѣсколькихъ словъ о практическомъ употребленіи «слова о предопредѣленіи», мы ничего почти не говорили о значеніи живой церковной проповѣди въ жизненномъ дѣлѣ борьбы православныхъ съ протестантами, но едва ли можно болѣе сказать объ этомъ предметѣ, не выходя изъ нашихъ предѣловъ времени. До 18 вѣка «пресвитеры не токмо отъ люторскаго, но и отъ дурацкаго раскола не знали чѣмъ оправити себя». Сравнительно образованнныя личности изъ іерарховъ вмѣсто проповѣдей предпочитали издавать для общаго вразумленія и предупрежденія отдѣльныя книги и трактаты, которые лучше, конечно, достигали своей цѣли, чѣмъ краткія проповѣди. Изданіе же цѣлой системы въ популярной и общедоступной формѣ, въ родѣ слова Лидуховъ о предопредѣленіи было не подъ силу даже первенствующимъ русскимъ богословамъ до-Петровскаго времени. Со времени Петра церковная проповѣдь вступила въ другія неблагопріятныя условія. Забравши въ свои руки всю Россію, со всѣмъ строемъ гражданской и церковной жизни, Петръ зорко слѣдилъ за проповѣдничествомъ, давалъ ему тонъ и направленіе, и слишкомъ ревниво наблюдалъ, какъ бы пастыри не оскорбили нѣмцевъ рѣзкими какими либо сужденіями объ ихъ доктринѣ. Понятно, что не всякій, кто могъ, осмѣливался теперь проповѣдывать противъ нихъ. Монахъ Евфимій, въ 1687 г. проговоривъ на всю Москву свое громовое слово, замолкъ. Только такіе ревностные и неустрашимые поборники истинны, какъ св. Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій, возвышали свой голосъ въ обличеніе вредныхъ нѣмецкихъ обычаевъ, происковъ и коварства. Получивъ свое окончательное образованіе въ западно-европейскихъ іезуитскихъ школахъ, узнавъ всѣ мотивы, пріемы западной противопротестантской полемики, они и въ церковныхъ проповѣдяхъ держались того же испытаннаго ученаго метода. Но ихъ славная проповѣдническая дѣятельность, послужившая зерномъ для противолютеранской проповѣднической литературы временъ Елизаветы, относится главнымъ образомъ къ

первымъ годамъ 18 столѣтія. Конецъ же 17 вѣка счастливъ хоть тѣмъ, что эти мудрые пастыри-проповѣдники не многими своими словами, въ которыхъ уже сказались присущіе имъ таланты, «оградили виноградъ Христовъ отъ лукавыхъ рабовъ лжеапостоловъ... и пастырскимъ своимъ жезломъ, Богомудрыми догматы, аки непобѣдимымъ оружіемъ, отъ града церкви святой прогнаша ихъ и поразиша[120]).

Не останавливаясь болѣе на проповѣднической дѣятельности, обратимся къ юной московской академіи. Намъ кажется, что самое учрежденіе ея было вызвано между прочимъ необходимостію неотложной борьбы съ протестантскою агитаціею. Извѣстно, что заимствованіе грозящихъ вѣрѣ нѣмецкихъ обычаевъ началось у насъ задолго до реформы Петра, съ первымъ поселеніемъ на Руси нѣмцевъ-протестантовъ и усиливалось по мѣрѣ наплыва ихъ въ Россію, что нѣмецкая слобода въ Москвѣ была, по изображенію Соловьева «передовою колоніею, которую они выдвинули въ самое средоточіе русской жизни и съ помощію которой они знакомили Россію съ своимъ общежитіемъ, искусствами, мастерствами, диковинками и игрушками своей цивилизаціи. Но увлекаясь на новую дорогу нѣмецкой цивилизаціи, общество все еще страшилось своего увлеченія, шло съ боязливыми оглядками на каждомъ шагу, по старой памяти каялось въ своемъ общеніи съ еретиками, какъ во грѣхѣ и все еще думало сохранить свою старую религіозную замкнутость». При томъ колебаніи, какое мы видимъ на Руси, между настоятельною потребностью образованія и малодушною боязнью иновѣрія, ереси, предстоялъ такой исходъ изъ затрудненія: прибѣгнуть за образованіемъ или къ юго-западнымъ школамъ или къ грекамъ и съ ихъ помощью противостать охватывавшему со всѣхъ сторонъ новому движенію. Но приходившіе изъ Малороссіи ученые, принимались на Москвѣ съ недовѣріемъ и подозрительностію. Свѣжее православное чуство простодушныхъ ревнителей вѣры чуяло въ ученіи южныхъ схоластиковъ примѣсь чуждаго православію элемента; жестоко наболѣвшее отъ давленій латини и полыцизны, оно (чувство) нашептывало, что подъ одеждою православія у этихъ пришельцевъ кроется латинскій духъ, латинская мысль, которую они въ своихъ латинскихъ школахъ всасывали вмѣстѣ съ латинью. На бѣду латино-польское образованіе получило на Москвѣ такую гегемонію. Необходимо было поэтому обратиться къ Грекамъ, извѣстнымъ своимъ несомнѣннымъ православіемъ, пересадить въ новую академію ихъ науку, дать ей направленіе славяно-греческое и съ помощью ихъ силъ отразить враждебное вліяніе, какъ латино-польское, такъ еще болѣе нѣмецко-протестантское.

На то же заключеніе наводятъ права и полномочія академія. Назначенная для служенія внутреннимъ церковнымъ интересамъ, предназна-

чавшаяся стать оплотомъ православія противъ наплыва гибельныхъ идей, новая академія, какъ извѣстно, обязывалась смотрѣть, не распространяютъ ли иностранцы неправославныхъ ученій въ Россіи, не держитъ ли кто у себя въ домѣ вредныхъ книгъ, и — всѣ такія книги жечь, виновныхъ въ распространеніи такихъ книгъ и ученій судить и осуждать на сожженіе. Теперь никто не смѣлъ держать у себя иностранныхъ учителей, а долженъ былъ отдавать дѣтей, для обученія языкамъ, въ академію. Послѣ того какъ іезуиты были изгнаны изъ Россіи (въ 1689 г.), а за ними польскіе гувернеры, и опасность увлеченія латинствомъ и польщизною значительно ослабла, чтобъ не сказать вовсе миновала, академія, со всѣми ея правами, полномочіями и направленіемъ, должна была быть постоянною грозою преимущественно для протестантовъ. Этой тайной полиціи по религіознымъ дѣламъ, какъ выражается г. Костомаровъ, вмѣнено было въ особенную обязанность наблюдать, не проговорится ли кто противъ призыванія святыхъ, поклоненія иконамъ, почитанія мощей, и виновныхъ осуждать на сожженіе [121]).

Въ составѣ предметовъ, входившихъ въ курсъ академіи въ первый періодъ ея отъ 1686 — 1700 (грамматика, піитика, риторика, логика, психологія и діалектика), въ преподованіи всѣхъ предметовъ на греческомъ языкѣ, нельзя не видѣть тѣхъ же полемическихъ цѣлей. Въ высшей богословской школѣ, высшемъ святилищѣ православной науки цѣлые 14 лѣтъ не читалось Богословіе (вѣроятно взамѣнъ его изучали книгу краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катихизитическихъ Симеона Полоцкаго), а преподавалось общее формальное образованіе; процвѣтали науки, способствующія изощренію философской полемизирующей мысли, развитію діалектическаго словопренія и ораторскаго дара: видно, тутъ кипѣла энергическая полемическая работа. Вопросъ въ томъ, противъ кого была направлена эта работа и оружіе? Конечно, такого рода сила и оружіе, какъ отличное знаніе логики, діалектики и вообще свободныхъ наукъ полезно было для борьбы съ католиками, съ ихъ схоластическою наукою, построенною преимущественно на логикѣ и діалектикѣ; но эти же науки необходимы были и для полемики съ протестантами, а усиленная постановка греческаго языка въ академіи, греческое направленіе образованія, нужны были, кромѣ изученія православной науки по ея первоисточникамъ, для цѣлей преимущественно противо-лютеранской полемики. Потому что протестанты на почвѣ греческой филологіи были особенно сильны; въ спорахъ съ южно-русскими и московскими учеными, протестантскіе богословы старались подавить ихъ массою свидѣтельствъ изъ греческихъ отцевъ и учителей церкви, толкуя ихъ, конечно, въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Не нужно также забывать, что съ католиками, дѣйствовавшими насиліемъ, мѣрами іезуитизма и инквизиціи, московское правительство

большею частію расправлялось такъ, что противопоставляло силѣ силу, внѣшнія репрессаліи, безцеремонное напр. изгнаніе, предоставляя литературный поединокъ съ ними фалангѣ южно-русскихъ православныхъ ученыхъ. Поэтому, нестолько съ католиками, сколько съ протестантами, распространявшими свое ученіе словомъ и убѣжденіями, нужно было такъ усиленно бороться перомъ и словомъ. Изощрить молодые избранные умы на такого рода борьбу и имѣла въ виду академія въ началѣ своего существованія. Съ этою цѣлію катихизаторы усиливали и расширяли въ своихъ урокахъ преимущественно полемическій отдѣлъ: пламенное опроверженіе лютеранскихъ и кальвинскихъ заблужденій объ Евхаристіи, оправданіи, почитаніи иконъ не умолкало у нихъ ни на одинъ день [122]).

Вотъ отпоръ, оказанный пропагандѣ въ исходѣ вѣка. Никогда прежде не имѣла она столько успѣховъ, но никогда не встрѣчала себѣ и такого сильнаго противодѣйствія. Верховный предстоятель всероссійской церкви, смиренный, только-что вышедшій изъ народа инокъ, ученые греки, прибывшіе для просвѣщенія Россіи, «благодатный апостольскій мужъ россійскія земли» — всѣ возстаютъ на защиту пререкаемаго православія и на обличеніе пререканій. Одни пишутъ ученые трактаты, представляющіе изъ себя букетъ всего, что написано и высказано на Руси, что выработала западно-европейская наука, что далъ цвѣтъ италійской и греческой образованности. Другіе съ скромнымъ, задушевнымъ словомъ обличенія выступаютъ на церковныхъ каѳедрахъ. Кто съ тихимъ, нѣжнымъ, исполненнымъ благодатнаго помазанія словомъ назиданія обращается ко всѣмъ вѣрующимъ; кто бойкимъ, мѣткимъ, простымъ языкомъ проповѣдуетъ и пишетъ въ народѣ и для народа, и — всѣ обличаютъ, предостерегаютъ, вразумляютъ. На ученыхъ каѳедрахъ новой высшей школы также не умолкало слово обличенія и вразумленія; а сколько пламенныхъ и разумныхъ борцовъ за дѣло православія имѣла она воспитать для будущаго времени! Судьба была слишкомъ сурова къ юной воспитательницѣ и ея питомцамъ: желѣзная воля Петра, гнетъ нѣмецкихъ временщиковъ послѣ Петра (при Аннѣ Іоанновнѣ) довели ихъ до того, что «въ православномъ государствѣ о православной вѣрѣ нельзя было открыти уста» безъ страха наказанія, а иногда и смерти. Но чѣмъ болѣе юныя, крѣпкія силы были подавляемы и сдерживаемы, тѣмъ энергичнѣе и упруже становились онѣ. Крѣпкія эти силы широко развернулись въ половинѣ слѣдующаго вѣка, когда при благочестивой и набожной Елизаветѣ Петровнѣ русская церковная жизнь возвратилась къ старому укладу. Тогда только были вполнѣ оцѣнены и примѣнены къ дѣлу дѣльныя противо-лютеранскія сочиненія, которыя написаны на рубежѣ 17—18 вѣка; тогда только совершился окончательный побѣдоносный исходъ борьбы, тянувшейся около двухъ вѣковъ. Таковъ конецъ всей агитаціи

темной, безличной этой силы — протестантской пропаганды, столь измѣнчивой и не уловимой, то ослабѣвавшей и изнемогавшей, то оживавшей и усиливавшейся (подобно потокамъ, текущимъ въ подземныхъ руслахъ и изрѣдка всплывающимъ на поверхность земли), точившейся по всѣмъ путямъ, которыми овладѣла нѣмецкая культура на Руси, дѣйствовавшей вездѣ и нигдѣ, чрезъ всѣхъ и чрезъ никого. Одна эта скрытность и боязливость, подражательность и поддѣлка, которою большею частію характеризуются ея дѣйствія, есть обличеніе ея слабости и безсилія предъ пререкаемымъ ею православіемъ — всегда прямымъ, открытымъ, торжественно исповѣдующимъ и защищающимъ свою истину. И всегда эта подземная сила проторгалась вовнѣ, когда давленіе на нее сверху, со стороны правительства, ослабѣвало, или когда внѣшнія благопріятныя условія тянули ее наружу. Всегда она, на всемъ своемъ подземномъ теченіи, брызгала однѣми и тѣми же каплями и струями, — возраженіями и нареканіями. Въ самомъ началѣ, въ царствованіе Грознаго, она высыпала весь почти запасъ своихъ возраженій, своего ученія, начиная съ иконоборческихъ идей. Послѣ первой же осѣчки, она почти на полвѣка притихла, но вынырнувъ на просторъ, начала наводнять общество всѣми своими «потопными глаголами», изливая ихъ въ разное время, то въ бурныхъ, порывистыхъ волнахъ, то въ тихихъ, мягкихъ отпрыскахъ, просачиваясь во всѣ норы семейно-общественной жизни. Замутивъ собою какую-нибудь четверть вѣка съ небольшимъ, она настолько же времени снова скрылась и едва струилась въ своемъ мрачномъ подземельи. Въ концѣ вѣка примѣнительно къ знаменіямъ новаго времени, она два раза излилась всѣмъ своимъ потокомъ, — и по обычаю такъ тихо, вкрадчиво; свѣжія новыя струи она могла привнести какія-либо двѣ, не больше, — (т. е. выставила два доселѣ скрываемыя ученія о предопредѣленіи и оправданіи). И кому же показались свѣжими и пріятными эти новыя струи! «Между стаканами, напившіеся непробудные пьяницы — тѣ преимущественно дерзали состязаться объ оправданіи нашемъ токмо вѣрою во Христа Іисуса». Хлѣбопоклонники вы, съ досады и отчаянія могла упрекнуть русскихъ обезоруженная пропоганда, идолослужители вы, проговорила она наконецъ давнишній упрекъ: хулою и ругательствами на св. иконы, храмы начала она свое дѣло, тѣми же хулами и ругательствами, столь недостойными просвѣщенныхъ преній, и кончила она. Вотъ послѣднее озлобленное слово ея, высказанное не столько въ укоризну православія, сколько въ обличеніе ея собственнаго безсилія. Вотъ вообще измѣнчивыя и безнадежныя судьбы, и общій искательный характеръ пропаганды, такой двуличный, коварный, тонкій, уклончивый, но послѣдовательный и настоятельный.

Совсѣмъ другой характеръ имѣла протестантская пропаганда на сѣверо-западной окраинѣ Россіи. Стѣсняемая и подавляемая внутри Россіи, она дѣйствовала здѣсь вкрадчивымъ словомъ и убѣжденіемъ. На отдаленной же окраинѣ Россіи, имѣя возможность развернуться на всей волѣ и просторѣ, она не стѣснялась никакими средствами, и въ своемъ фанатизмѣ не уступала католической пропогандѣ. Дѣйствуя подъ знаменемъ шведскихъ королей, задумавшихъ въ началѣ 17 вѣка утвердить свое господство на сѣверо-западѣ Россіи, она распространяла свое ученіе тѣмъ же мечомъ и насиліемъ, какимъ короли утверждали здѣсь свою политическую власть. Наслѣдникъ Карла IX, Густавъ Адольфъ, потерявъ надежду на московскій престолъ, рѣшился по крайней мѣрѣ удержать за собою Новгородъ. И вотъ шведскія войска, которыя за деньги помогли Москвѣ отбиться отъ поляковъ въ 1612 г., повернули къ Новгороду и хитростію и подкупомъ взяли городъ. Не такъ давно давъ клятвенное обязательство «надъ иконами не ругаться, церквей Божіихъ не опустошать, обманомъ въ свою вѣру Русскихъ не подговаривать»[123]), они наполнили городъ ужасами изувѣрства, какіе не всегда можно было встрѣчать во время религіозныхъ войнъ на западѣ. «Честныя обители и св. Божія церкви, говоритъ лѣтописецъ, отъ нѣмецкихъ ратныхъ людей раззорены и разграблены, мощи святыя изъ гробовъ выметаны и поруганы, иконы святыя расколоты и пожжены, колокола изъ многихъ монастырей и церквей увезены въ Свейское государство». Лучшіе люди города, голова, дьякъ и протопопъ Софійскій Аммосъ, имѣвшіе мужество защищать свою святыню, были замучены. «Уѣздныхъ людей» и крестьянъ въ окрестностяхъ города жгли, мучили, изувѣчивали и на смерть побивали, вѣшали, въ воду бросали»[124]). Такъ было до самаго Столбовскаго мира (отъ 1612 г. до 1617 г.). Измученные Новгородцы, по благословенію хутынскаго архимандрита Кипріяна и при содѣйствіи новгородскаго митрополита Исидора, рѣшились обратиться за помощью къ московскому государю, но Кипріяна за это жестоко мучили «на правежѣ», морили голодомъ и холодомъ. Вопреки всѣмъ разсчетамъ гонителей, насильственныя мѣры ихъ мало, однако, принесли пользы. «Благочестивыя души, помня православную вѣру, родителей своихъ гробы и свою природу, къ иновѣрцамъ, нѣмецкимъ людямъ, не приставали; а какія христіанскія души, ради смертнаго убійства, грабежа и раззоренія, отъ вѣры православныя отпадали, тѣхъ благоподвизательный страдалецъ митрополитъ Исидоръ со всѣмъ освященнымъ чиномъ, многія ереси и неправды обличая и духовную мрежу простерши, уловили въ нетлѣнное благоразуміе[125]). Не измѣнивъ своему благочестію, Новгородъ по Столбовскому миру (1617 г.), удержался, какъ извѣстно, за Москвою; но Ингрія и Корелія: города Иванъ-городъ, Колывань, Ямъ, Ко-

порье, Орѣшекъ, Гдовъ, Ладога и Суметрская область остались за Швеціею. Сюда-то протестантскій фанатизмъ и направилъ свое оружіе, козни, надѣясь вознаградить здѣсь прежнія свои неудачи. Православіе значительно пострадало въ этихъ областяхъ еще въ смутное время; безпрестанно двигавшіяся по нимъ войска шведскія раззоряли города, церкви и монастыри, наприм. Коневскую и Валаамскую обители; тысячами избивали жителей. Въ 1611 г. въ Кексгольмѣ изъ 3,000 русскихъ осталось въ живыхъ всего до 100 человѣкъ. По присоединеніи же русскихъ земель къ иновѣрной державѣ, совсѣмъ прекратилось существованіе въ нихъ православной Корельской Епархіи. Православные жители отторгнутыхъ областей, по настоянію Россіи, подчинены были наблюденію новгородскихъ владыкъ. Доблестные архипастыри (напримѣръ митрополитъ Макарій) всѣ мѣры употребляли, чтобъ отторженныхъ отъ отечества чадъ удержать въ православной вѣрѣ; посылали имъ щедрую милостыню, назначали для нихъ лучшихъ священниковъ, назидали ихъ посланіями[126]). Но шведскіе «державцы» крайне затрудняли сношенія и переписку архипастырей съ паствами и вовсе не воспретили ихъ потому только, что боялись какъ бы изъ отчужденныхъ областей весь русскій народъ не перебѣжалъ на московскую территорію: такъ какъ перебѣжчиковъ была «тьма». Изъ историческихъ памятниковъ не видно, въ чемъ состояло «вѣрѣ тѣсненіе и гоненія учиненіе», которое заставляло православныхъ толпами бѣжать въ Россію и на которое жаловалось московское правительство предъ шведскимъ, но «тиснененіе было великое». Этихъ перебѣжчиковъ правительство наше никакъ не выдавало; иначе бы они попали въ «лютеранскую прелесть»[127]), а выкупало ихъ на счетъ государственной и мѣстной казны. Не говоримъ уже о болѣе тонкихъ мѣрахъ, предпринятыхъ шведскими властями въ коварныхъ пропагандистическихъ видахъ, о заведеніи въ Стокгольмѣ типографіи для печатанія лютеранскихъ книгъ на славянскомъ и корельскомъ языкахъ, о назначеніи наградъ для русскихъ, изучившихъ Лютеровъ катихизисъ и для шведскихъ пасторовъ, говорившихъ проповѣди на русскомъ языкѣ. Такими мѣрами многіе русскіе были обращены въ лютеранство и на оставшихся вѣрными православію смотрѣли въ Россіи такъ подозрительно, что въ случаѣ пріѣзда ихъ въ Новгородъ, въ великую соборную церковь ихъ не пускали, а болѣе подозрительнымъ не позволяли войти въ церкви на посадѣ и о каждомъ пріѣзжемъ изслѣдывали, не принялъ ли онъ чего либо лютеранскаго. По той же причинѣ и также подозрительно смотрѣли на нѣмцевъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ учиться русскому языку: это обученіе дозволялось имъ не иначе, какъ по особымъ ихъ челобитнымъ къ царю и по царскимъ грамотамъ и притомъ у лицъ благонадежныхъ, «у дьячковъ церковныхъ»[128]). Насильно, противъ убѣжденія совращаемые въ лютеранство не могли навсегда ос-

таваться въ немъ: съ возвращеніемъ отторгнутыхъ областей къ Россіи (по Нюштадскому миру 1721 г.) совращенные возвращены были православной церкви[129]). Вотъ какихъ непрочныхъ пріобрѣтеній добилась протестантская пропаганда всѣми своими ухищреніями, насиліями и «воровскими подговариваньями». Объ ея пріобрѣтеніяхъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были протестантскія общины, ничего не говоритъ исторія, да вѣроятно ихъ и не было.

Итакъ, протестантская пропаганда пробовала всѣ средства, пыталась пустить свои корни въ разныхъ частяхъ Россіи, во всѣ слои общества. Но вездѣ почти встрѣчая неудачу, не надѣясь набрать достаточное число послѣдователей въ лучшихъ слояхъ, она ищетъ добычи, производитъ броженіе въ мрачныхъ подонкахъ общества. Будучи самъ расколомъ въ католической церкви, протестантизмъ способствовалъ въ нѣкоторой мѣрѣ возникновенію раскола и въ православной русской церкви. Образовавшись на западѣ изъ разныхъ оппозиціонныхъ партій, церковныхъ и политическихъ, онъ и въ Россіи, при раздѣленіи раскола на враждебныя церкви и государству партіи, старается подойти къ нѣкоторымъ изъ этихъ партій, внести въ нихъ свои идеи и учрежденія. Тутъ коварная его пропаганда принимала самый разнообразный, измѣнчивый и неуловимый характеръ. Дружныхъ послѣдовательныхъ усилій ея не видно въ этой области; изрѣдка, урывками, разными таинственными руками (личностями), посредствомъ обмана и обольщеній; она подбрасывала къ той или другой партіи свои крайнія сектантскія воззрѣнія. Вникая въ эти безконечно-сложныя и покрытыя таинственностью отношенія протестантизма къ русскому расколу, мы склоняемся къ весьма вѣроятной мысли, что 1) на образованіе раскола, извѣстнаго подъ имененемъ старообрядства, протестантизмъ вліялъ отрицательнымъ путемъ, усиливая его реакцію противъ церковныхъ и общественныхъ реформъ, а 2) на происхожденіе крайнихъ, мистическихъ его сектъ не остался и безъ положительнаго непосредственнаго вліянія.

Вліяніе (отрицательное) протестантизма на возникновеніе раскола-старобрядства.

Извѣстно, что однимъ направленіемъ, доведеннымъ до крайности, вызывается реакція совершенно противоположнаго направленія. Чѣмъ болѣе легкомысліе и чувственность извѣстной среды увлекались свойственнымъ протестантизму духомъ свободомыслія и въ бурномъ увлеченіи небрегли церковною обрядностью, внѣшностію: тѣмъ сильнѣе мнящіеся службу приносити Богови стояли за низмѣнность буквы, обрядности, думая, что они ратуютъ за самую сущность и духъ религіи. Мы не хотимъ

сказать, чтобы германскій протестантизмъ произвелъ, хотя бы и отрицательнымъ путемъ, русскій расколъ, — мутный источникъ послѣдняго извѣстенъ; тѣмъ же путемъ отрицанія онъ только содѣйствовалъ, поощрялъ образованіе и развитіе раскола, (подлилъ лишь масла въ огонь). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли упускать изъ вида и называть простою историческою случайностью то явленіе, что первыя сѣмена раскола обнаружили себя на русской почвѣ почти одновременно съ возникновеніемъ протестантизма въ Германіи (для доказательства можно бы сопоставить Тридентскій соборъ, на которомъ послѣдовало окончательное отдѣленіе протестантовъ отъ римской церкви, съ современнымъ ему нашимъ Стоглавымъ соборомъ, этою главною основою отторженія раскольниковъ отъ православной церкви), и потомъ разростались по мѣрѣ возбуждаемаго протестантизмомъ презрѣнія къ церковнымъ узаконеніямъ и обрядамъ? Исправленіе книгъ патріархомъ Никономъ и слишкомъ настойчивое скорое вытѣсненіе старыхъ книгъ сами по себѣ не могли бы вызвать бурю негодованія, разразившуюся расколомъ. Исправленія книгъ были и прежде, въ 14 и 15 вѣкахъ, при митрополитахъ Алексѣѣ и Кипріанѣ, и исправляемыя книги были тогда не менѣе повреждены, чѣмъ въ 17 вѣкѣ; однако-жъ никакимъ взрывомъ негодованія народнаго не встрѣчено это исправленіе. Излюбленные обряды и мнѣнія раскольниковъ не были настолько всеобщими, чтобы изъ-за неприкосновенности и неизмѣнности ихъ отдѣляться отъ церкви: въ 17, 16 и раннѣйшихъ вѣкахъ двоеперстіе употреблялось на ряду съ троеперстіемъ, сугубая аллилуіа съ трегубой, слово Ісусъ писалось и Іисусъ, бородобритіе встрѣчалось при Годуновѣ, еще ранѣе при Василіи III Ивановичѣ. Почему же тогда не появлялся расколъ? Дѣло въ томъ, что тогда наружному благочестію народа, пристрастію къ буквѣ и обрядности не угрожала опасность извнѣ; сами тогдашніе еретики, стригольники (14 в.), и жидовствующіе (въ концѣ 15 и началѣ 16 в.), смущавшіе преимущественно людей образованныхъ и книжныхъ, не затрогивали этой чувствительной струны въ сердцѣ русскаго человѣка — набожности, обрядности: въ своей морали придерживались аскетическихъ идей, предъ народомъ выставляли себя людьми строгаго благочестія, постничества, подвижничества. Теперь же (въ 17 в.), когда въ средѣ протестантовъ открылось столько соблазновъ для освященныхъ вѣрою нравовъ и обычаевъ, столько посягательствъ на священную нашу обрядность и набожность, теперь, когда ревность народа за букву и обрядность сдѣлалась слишкомъ чутка, раздражительна и опаслива, — самыя необходимыя поправки въ буквѣ священныхъ книгъ, измѣненія въ обрядности и обычаяхъ церковныхъ кажутся такимъ же подрывомъ вѣры и спасенія, какимъ казались шедшія изъ нѣмецкой среды нововведенія. И вотъ темныя фанатическія массы — всѣхъ сдѣлавшихъ и принявшихъ эти поправки и измѣненія — чураются, гнушаются, какъ

и нѣмчуръ нововводителей, «прикровенныхъ еретиковъ и душерастлителей»; Но не будь отвнѣ этого соблазна и опасенія, патетическаго возбужденія и раздраженія,— 17-й вѣкъ сравнительно образованный, охотно примирился бы съ исправленіемъ книгъ и обрядности, какъ примирились съ нимъ спокойные 14 и 15 вѣка. Итакъ, распинающійся за букву и обрядность русскій расколъ, въ своемъ происхожденіи, есть въ нѣкоторой мѣрѣ протестъ противъ навѣваемаго намъ протестантизмомъ пренебреженія къ церковной внѣшности, священнымъ обычаямъ и нравамъ.

Въ частности, русскій расколъ въ значительной долѣ является реакціею противъ усвоенія выросшей на почвѣ протестантизма культуры, протестомъ во всѣхъ сферахъ народнаго быта; по историческому его происхожденію, это — отчасти протестъ или расколъ политическій, земскій, общественный; характеръ-же по преимуществу религіозный онъ принимаетъ вслѣдствіе того преобладающаго и всеобъемлющаго значенія, какое имѣетъ церковь въ жизни русскаго народа. Замѣчательно, что дворянство русское, образовавшееся преимущественно изъ московскаго служилаго люда и большею частью иностраннаго происхожденія, держится почти вдали отъ этого протеста. Напротивъ, тѣ классы народа, (крестьянство и купечество), которые жили своею особою земскою жизнію, были главными охранителями русской народности еще со временъ татарскаго ига, подъ знаменемъ вѣры ополчаются за цѣлость и неприкосновенность народности, видя во всякомъ гражданскомъ нововведеніи посягательство на русскую народность и за тѣмъ на православную вѣру. Но не будь напора этихъ внѣшнихъ гражданскихъ новшествъ, усиленнаго вліянія нѣмецко-протестантской культуры, не будь горячаго отпора имъ въ сферахъ народнаго гражданскаго быта, не было бы упорнаго такого раскола въ области церковной. Фактъ весьма знаменательный: первый расколоучитель протопопъ Аввакумъ, прежде чѣмъ возстаетъ противъ Никоновыхъ новизнъ, преслѣдуетъ занесенныя въ Россію домры (родъ музыкальнаго инструмента), хари (маски) и блудодѣйственный образъ (брадобритіе). Заведеніе иноземныхъ солдатскихъ полковъ, толпы иностранцевъ въ русской службѣ, новые въ ней чины и порядки, нѣмецкая пестрядь, новая мягкость и утонченность обращенія, ознакомленіе съ европейскими языками, искусствами и науками, все это, взятое съ образца нѣмецкихъ протестантскихъ странъ, было не по сердцу русскаго простонародья, представлялось ему попраніемъ народныхъ правъ и обычаевъ. По его мнѣнію, если войсками начали командовать иноземцы, то и вѣру надо принимать иноземную, люторскую, въ среду и пятницу ѣсть мясо. Если новый духъ времени и настроеніе новаго либеральнаго общества неосторожно какъ либо затрогивали обычный укладъ жизни, мелочность и ригоризмъ, фарисейскую гордость, презорство, царившія тогда въ нравственной жизни русскихъ, то эта фарисейская нравственность и мелочность въ жизни закрѣплялась,

изолировалась и, для обособленія и застрахованія себя отъ всякихъ посягательствъ, спѣшила замкнуться въ расколъ. Фарисейскіе ригористы въ жизни, люди фарисейской праведности начинали гнушаться пастырей церкви, коль скоро замѣчали въ нихъ соблазнительныя слабости и преткновенія, считая ихъ нравственныя паденія за отпаденія отъ вѣры, за совращеніе въ латинство или фряжскую ересь; за тѣмъ отвергали всю церковность изъ-за того только, что въ церковной живописи замѣчали фряжскій колоритъ. Вообще, при давленіи сверху нѣмецко-протестантской культуры, давленіи нерѣдко насильственномъ, при возбужденіи противъ него народной массы, достаточно было самаго ничтожнаго подозрѣнія, мельчайшей искры, чтобъ это возбужденіе вспыхнуло бурнымъ пламенемъ и дѣло дошло до окончательнаго разрыва съ православною церковію и обществомъ [130]). Но почему народъ такъ подозрительно смотрѣлъ на внѣшнія культурныя и національныя заимствованія, смѣшивалъ ихъ съ чисто-религіозными церковными обычаями и часто видѣлъ опасность отъ нихъ для вѣры тамъ, гдѣ ея вовсе не было? Этотъ вопросъ, имѣющій такое важное значеніе въ дѣлѣ возникновенія раскола, требуетъ подробнѣйшаго уясненія и раскрытія, какъ теоретическаго, такъ и фактическаго. 1) Извѣстно, что при преобладающемъ религіозномъ направленіи русской народности въ теченіе всей нашей исторіи, понятіе народности слилось и отождествилось въ національномъ нашемъ сознаніи съ понятіемъ православія. При такомъ понятіи о своей народности и по причинѣ неразвитости національнаго сознанія, происходящей отъ отсутствія общечеловѣческаго, живаго и всесторонняго просвѣщенія, русскіе люди 17 вѣка не могли отличить западныхъ національностей отъ ихъ вѣроисповѣданій, все иностранное, какъ и свое русское, они оцѣнивали съ точки религіозно-православной: отсюда въ самыхъ внѣшнихъ житейскихъ обычаяхъ, въ общечеловѣческихъ наукахъ и искусствахъ потому только, что они заимствовались отъ неправославныхъ аллемановъ, они видѣли опасность перенять неправославный религіозный духъ и потерять православно-церковный характеръ своей народности. Далѣе 2) важное значеніе имѣлъ складъ религіознаго чувства русскаго народа. Духовная жизнь народа (массы, большинства) вся сосредоточивалась въ религіозномъ чувствѣ, оно было душею души его, единственнымъ почти выраженіемъ, дыханіемъ ея; умственные научные интересы не волновали ея, духъ нравственности закрытъ былъ для нея, въ глубины христіанства она не проникала. Но это религіозное чувство стояло на низшей ступени, на которой оно касается лишь поверхности нравственной практической жизни; оно было рядомъ преходящихъ ощущеній, умиленій, вызываемыхъ внѣшнею обрядностью; оно не было постояннымъ неизмѣннымъ религіознымъ настроеніемъ, которое проникало бы всѣ сокровенные тайники души, одушевляло бы всѣ помыслы и дѣянія, оно было скользившею, такъ сказать, по поверх-

ности души набожностью, не облагораживавшею, не одухотворявшею нравственнаго строя жизни. Оттого рядомъ съ этою всеумиляющеюся набожностью уживались самыя грубыя преступленія, самые безнравственные поступки. Богатымъ неоскудѣвающимъ источникомъ этой набожности, благочестивыхъ вздоховъ и нравственныхъ умиленій была церковная внѣшность. Но система обрядовъ могла быть источникомъ умиленій, благочестія только въ установленномъ ея строѣ, подъ условіемъ общепринятаго религіознаго формализма. Стоило лишь чуть измѣнить церковный механизмъ, обрядовый формализмъ,—строй нарушался, слышался диссонансъ, производившій не умиленіе, а недовольство, раздраженіе, озлобленіе: во всей нравственно-практической жизни происходили ломка, разрушенія, тѣмъ болѣе опасныя, тягостныя, чѣмъ больше значенія въ духовной жизни имѣла эта религіозность и набожность. 3) Такъ какъ вся религіозность, духовная жизнь русскаго человѣка заключена была для него въ обрядности, то всѣ глубочайшіе интересы его духа, всѣ помыслы ума были сосредоточены въ сферѣ обрядности. Надъ ней онъ умствовалъ, старался отыскать въ ней ближайшій внутренній смыслъ, связь съ жизнію. Отсюда, при извѣстной умственной недоразвитости, развилась своеобразная старинная русская діалектика. Русскій человѣкъ любилъ поговорить о всемъ отъ Писанія, на все въ мірѣ смотрѣлъ подъ угломъ религіозности, понимаемой въ узкомъ смыслѣ церковности, обрядности; научныхъ, даже простыхъ грамматическихъ объясненій онъ не долюбливалъ, избѣгалъ; о всемъ судилъ на основаніи богословскихъ соображеній, не поднимаясь, однакожъ, выше буквы символизма. Онъ мастеръ былъ такъ связывать явленія между собою, какъ не съумѣетъ ни одна искуственная логика. Изчезая въ подробностяхъ, онъ не могъ подняться до общихъ воззрѣній, объединяющихъ его частныя мысли и поступки; останавливаясь на внѣшнихъ случайныхъ признакахъ предмета, онъ не способенъ былъ проникнуть во внутреннія существенныя стороны его; въ его мысляхъ и сужденіяхъ была внѣшняя, случайная связь. Такимъ образомъ выработалось казуистическое направленіе мысли древне-русскихъ книжниковъ, такая непонятная и странная для насъ силлогистика, которая самыя случайныя явленія, несочетаемыя понятія соединяла въ неразрывную, существенную связь между собою, въ данномъ случаѣ науку и народность отождествляла съ религіею. 4) Къ этой наклонности къ казуистическимъ толкованіямъ внѣшне-церковной жизни нужно присоединить еще религіозно-національное самочувствіе русскаго народа: по измѣнѣ византійскаго правительства православію на Флорентійскомъ соборѣ 1439 г. и по завоеваніи турками Константинополя, (принятомъ на Руси, какъ наказаніе за отпаденіе Греціи отъ православія) русскій народъ считалъ себя единственнымъ въ мірѣ правовѣрнымъ народомъ, наслѣдникомъ и охранителемъ вселенскаго православія. 5) Не надобно опускать изъ виду историческія обстоятельства того времени:

вторженіе католицизма въ Россію во времена самозванства, введеніе уніи въ Юго-западной Россіи со всѣми ея кровавыми послѣдствіями, постоянныя почти войны Россіи съ Польшею, Швеціею, ожесточенныя религіозныя войны на Западѣ Европы, умноженіе въ Россіи выходцевъ изъ испепеленной Европы, — обстоятельства, содѣлавшія ревность русскаго народа къ охраненію вѣры еще болѣе чуткою и раздражительною, — и послѣ этого понятно будетъ, почему онъ во всѣхъ обновленіяхъ жизни государственной, гражданской и семейной, заимствованныхъ изъ культуры западно-протестантскаго міра, видѣлъ вторженіе душерастлѣнныхъ иновѣрныхъ началъ. Съ такими предубѣжденными взглядами на всѣ попытки преобразованій мы встрѣчаемся на пространствѣ всего 17 вѣка. Въ знаменательное царствованіе Бориса Годунова, прообразовавшее собою правленіе Петра Великаго, пробовали вызывать въ Россію просвѣщенныхъ людей изъ Европы, начинали вводить лучшіе обычаи въ русскую жизнь, но бояре, духовенство и народъ возопили, что Борисъ хочетъ уничтожить русскую вѣру. Тотъ же Борисъ хотѣлъ завести въ Россіи университеты съ преподаваніемъ въ нихъ иностранныхъ языковъ иностранными учеными, но духовенство, по свидѣтельству Буссова и Петрея, представило царю, что если Московиты будутъ учиться другимъ языкамъ, то рушится старое единовѣріе и поколеблется единство Русскія земли [131]). Но разъ начавшееся стремленіе къ свѣту и наукѣ, къ обновленіямъ внутренней жизни отечества все увеличивается: вопли реакціи противъ этихъ нововведеній, какъ антихристіанскихъ, противо-православныхъ, становятся все отчаяннѣе и ожесточеннѣе. Аввакумъ и діаконъ Ѳедоръ требуютъ, чтобы сожжены и прокляты были всѣ иностранныя книги церковныя и гражданскія, пріобрѣтенныя Никономъ. Попъ Лазарь, упрекая Алексѣя Михайловича за то, что «любитъ алманашниковъ и держитъ при дворѣ иностранныхъ ученыхъ, занимающихся астрономіею, философіею, медициною», вопитъ ему: «Царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: Государь! таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши и хощеши внѣшними ихъ плеухами власть свою мирну управити! Ни-ни: они въ законахъ отеческихъ блудствоваху, того ради вся злая бываху у насъ. О прелесте, восклицаетъ дьяконъ Ѳедоръ и протопопъ Аввакумъ, скверная пестрота, Поляки, Нѣмцы и прочіе безбожные языки, яко благодѣи пріемлются и честію велією почитаются.... сплелись западные съ восточными. Ахъ бѣдная Русь, что тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ! [132]). Религіозно-національное предубѣжденіе русскихъ противъ всего иноземнаго всего поразительнѣе выразилось въ повѣрьи ихъ, будто внѣ православнаго отечества въ инохристіанскихъ государствахъ никто изъ русскихъ не можетъ спасти свою душу, что въ другихъ христіанскихъ странахъ жи-

вутъ люди поганые, некрещеные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога, и—кто умретъ на чужбинѣ между невѣрными, погубитъ свою душу [133]). Этого мало: въ ихъ религіозной національной замкнутости имъ чудилось, что подлѣ наѣхавшихъ къ нимъ латинянъ и нѣмцевъ они не могутъ остаться прежними православно-русскими людьми. Такое подозрѣніе и предубѣжденіе противъ нѣмцевъ господствовало на Руси, когда новшества еще не проникали въ чисто-религіозную церковную сферу. Но что должно было статься, когда іерархія «порушила» самое содержаніе вѣры, заключавшееся во внѣшней обрядовой обстановкѣ? Слѣдуетъ ли повиноваться ей, когда она «порушила вѣру». «Говорятъ, что русскіе люди креститься не умѣютъ». «Да развѣ мы мордва, только-что выбѣжавшая изъ лѣсовъ», спрашивали себя оскорбленные русскіе люди. «Говорятъ, что книги не вѣрны». «Да какъ же это такъ, думали они, вѣдь Россія единственная хранительница истиннаго православія, по этимъ книгамъ спаслись сонмы святыхъ. Да кто же говоритъ это — западно-русскіе ученые и Греки? Какова ихъ вѣра? Не портитъ ли нашу вѣру вѣра чужеземная, не растлѣваетъ ли ее нечестивая неправославная наука? Ревнивые охранители чистоты православной вѣры не высказались прямо, что эта зловредная вѣра и наука была протестантская. Но это потому, что слово это не было въ употребленіи на языкѣ народномъ и замѣнялось именемъ національности «нѣмецкая вѣра, нѣмецкая наука» къ тому жъ въ порывахъ озлобленія наши консерваторы 17 вѣка не хотѣли назвать ее настоящимъ именемъ и въ видѣ браннаго слова называли ее разными другими именами. Къ концу вѣка ревнители старины принимали нѣмцевъ — лютерей за такихъ же опасныхъ враговъ народности и вѣры православной, какъ и латинянъ, а иногда и за болѣе опасныхъ. Агитаторы раскольническихъ Стрѣлецкихъ бунтовъ разглашали между стрѣльцами такія убѣдительныя рѣчи: въ Россіи установлена новая вѣра, велятъ кланяться болванамъ и носить нѣмецкое платье, брить бороды, выдавать русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ и проч., за что бы, конечно, стрѣльцамъ вступиться, а паче за вѣру свою православную [134]). Здѣсь, очевидно, шла рѣчь объ опасности для православія со стороны протестантской вѣры и цивилизаціи. Когда Петръ Великій приступилъ къ радикальному преобразованію Россіи, запоздалые ревнители старины съ ожесточеніемъ воспротивились преобразованію, какъ проявленію противнаго православію лютеранскаго духа, хотя онъ, при всѣхъ своихъ невольныхъ увлеченіяхъ протестантскими культурными воззрѣніями, не думалъ измѣнять господствующаго начала духовной жизни Россіи. На этотъ разъ самая опасная гроза, поднявшая всеобщій переполохъ, зашла въ встревоженномъ народномъ воображеніи съ нѣмецкой слободы. Во время бунтовъ раскольническихъ, такъ часто поднимавшихся въ первые годы царствованія Петра Великаго, то и дѣло раздавались крики, будто бы Петръ увѣро-

валъ въ нѣмцевъ и что «надо Нѣмецкую слободу раззорить и иноземцевъ всѣхъ порубить» [135]). Въ этихъ бунтахъ и вспышкахъ народнаго негодованія и подозрѣнія нельзя, однако, безусловно обвинять близорукость и косность народа; культуры, какъ мы видѣли, нельзя было заимствовать безъ проникновенія, въ нѣкоторой мѣрѣ, религіозными началами, на почвѣ которыхъ она выросла. И нашъ народный протестъ противъ иновѣрныхъ культурныхъ началъ, въ дальнѣйшей фазѣ своего развитія, усилился оттого, что широкая реформа Петра волею или неволею и больше невольно уничтожала иногда такіе обычаи, которые отнюдь не были противны просвѣщенію и тѣсно связаны были съ православіемъ, и вводила нѣчто иноземное, протестантское, чуждое духу русскаго народа и противное древнему церковному благочестію. Къ тому жъ еще по идеѣ новаго церковнаго управленія, заимствованнаго Петромъ съ извѣстнаго протестантскаго образца, унижено было духовенство, вслѣдствіе этого униженія нравственно ослабло, потеряло прежнее вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, коснѣло въ рутинѣ и въ своей, какъ бы отдѣльной отъ общества, кастѣ. Особенно тяжко и возмутительно было для религіозно-національнаго чувства народа вредное вліяніе иностранцевъ-протестантовъ, господствовавшее по смерти Петра Великаго и Екатерины 1-й при Минихѣ, Остерманѣ и Биронѣ, когда дворъ, коллегія, академія наукъ, гвардія, армія, флотъ — все подчинилось протестантамъ. Съ этого времени русскій расколъ становится протестомъ религіозно-національнаго демократизма, религіозно-народною реакціею противъ новаго правленія церковнаго и гражданскаго, устроеннаго по началамъ западныхъ протестантскихъ странъ. Нѣтъ нужды подробно раскрывать эту не совсѣмъ новую мысль, тѣмъ болѣе что мы преступили бы взятую нами грань времени. Сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобъ видѣть, что протестантизмъ отрицательнымъ путемъ не мало способствовалъ происхожденію и развитію русскаго раскола [136]).

Возможность вліянія протестантизма на образованіе раскольническихъ мистическихъ сектъ: 1) секты людей Божіихъ или хлыстовъ.

Въ жизни семейной новые взгляды, обычаи одного наиболѣе образованнаго лица передаются обыкновенно другимъ членамъ семьи; въ жизни общественной новыя просвѣтительныя идеи, проявившіяся въ высшемъ кругу, изливаются на всѣ остальные общественные слои, въ сознаніе и жизнь частныхъ лицъ; совершенная изолированность однихъ членовъ семьи отъ другихъ, однихъ сословій отъ остальныхъ было бы аномаліею. Равнымъ образомъ въ исторической жизни всѣхъ народовъ общій духъ ве-

ликихъ научныхъ, религіозно-политическихъ реформъ, пробудившійся въ одномъ просвѣщенномъ народѣ, сообщается всѣмъ другимъ народамъ — по мѣрѣ ихъ пріемлемости; при международныхъ обычныхъ сношеніяхъ крупныя просвѣтительныя идеи не могутъ даже не передаваться отъ одного народа къ другому. Онѣ незримо наполняютъ, такъ сказать, наэлектризовываютъ всю духовную атмосферу, онѣ съ быстротою электрической искры проникаютъ самыя необъятныя пространства, въ самые потаенные уголки общественной и частной жизни. Въ 16 и 17 вѣкахъ, въ эпохи великихъ научныхъ и религіозно-политическихъ переворотовъ въ западной Европѣ, произведшихъ реформацію въ самой реформаціи, общій духъ реформаторскихъ стремленій не могъ не отражаться и въ Россіи. Въ соотвѣтствіе съ пробудившимся на западѣ стремленіемъ умовъ въ область мысли, духа, церковная наприм. русская реформа второй половины 17 вѣка имѣла цѣлію осмыслить, одухотворить всю церковную обрядность и внѣшность, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на развитіе религіознаго сознанія и чувства. Не говоримъ уже о заимствованныхъ съ запада реформахъ научныхъ, гражданскихъ. На западѣ усиленное реформаторское движеніе, безпредѣльное стремленіе въ область идеи, къ свободѣ мысли дошло до крайняго раціонализма, мистицизма, до крайне-протестантскихъ сектъ: и въ Россіи излишнія реформаторскія стремленія легко могли вызвать появленіе крайне протестантствующихъ сектъ: ея раціонализмъ и мистицизмъ, постепенно развиваясь и видоизмѣняясь подъ вліяніемъ западнаго реформатскаго мистицизма и въ духѣ индивидуальныхъ особенностей частныхъ лицъ, разрѣшается, какъ намъ кажется, въ странный феноменъ хлыстовщины, духоборчества и т. д.; однѣ и тѣ же реформы — церковныя и гражданскія, возникшія подъ давленіемъ общаго реформаціоннаго духа на западѣ Европы, однихъ побуждаютъ на Руси замкнуться въ расколъ старообрядства, другихъ — отрѣшиться отъ церковной обрядности и искать религіи духовной, мистической.

Зерно или основа мистической секты людей Божіихъ, общій духъ и направленіе ученія — отверженіе обрядовой внѣшности и стремленіе къ духовному единенію съ Божествомъ — могли зародиться сами собою, какъ обычная реакція усилившейся вслѣдствіе упомянутыхъ реформъ приверженности старообрядства къ буквѣ и внѣшности; но измышленіе всѣхъ подробностей догматическаго и нравственнаго ученія хлыстовъ, установленіе новой богослужебной практики, составленіе многочисленныхъ пѣсней и вообще большая часть сложнаго электическаго вѣроученія секты едва ли могла образоваться безъ пособія образованныхъ иностранныхъ сектантовъ изъ крайне протестантскихъ мистическихъ сектъ.

Кто именно изъ образованныхъ иностранныхъ сектантовъ и въ какой мѣрѣ способствовалъ дальнѣйшей организаціи секты, объ этомъ можно догадываться 1) на основаніи сходства одного изъ нихъ съ основателями и представителями секты, выразившагося въ личныхъ особенностяхъ ихъ

образа жизни, дѣятельности и въ особенности вѣроученія. Въ миѳологическихъ сказаніяхъ о жизни и дѣятельности перваго ересепачальника людей Божіихъ (крестьянина Владимірской губ., Муромскаго уѣзда), Даніила Филиппова просвѣчиваются неясныя преданія о жизни и ученіи нѣкоего Квирина Кульмана. (Квиринъ Кульманъ род. въ Бреславлѣ въ 1651 г.). Натура необыкновенно живая и впечатлительная, но органически разстроенная, человѣкъ фантазіи, жившій въ мірѣ грезъ и мечтаній, учившійся въ высшихъ школахъ «въ цесарской землѣ: въ Эрфуртѣ, въ Лейпцигѣ, Генѣ и въ иныхъ городахъ и государствахъ», но вездѣ пробавлявшійся болѣе легкою поэзіею, чѣмъ серіозною наукою, экзальтаторъ и мистикъ отъ природы, по всему воспитанію и образу жизни; слушавшій уроки у всѣхъ прославленныхъ мистиковъ своего времени; Кирхія, Луллія, Лабади, Роте, Коттара, Драбиція и Бема, для распространенія ихъ мистическаго ученія прошедшій всѣ главные города Малой Азіи и западной Европы и наконецъ прибывшій въ Москву (28 апрѣля 1689 г.), Кульманъ вездѣ начиналъ свою проповѣдь съ горькихъ сѣтованій о паденіи вѣры въ Римѣ, о великомъ вавилонскомъ антихристѣ, скрывавшемся за идеею папства [137]). Миѳологическій родоначальникъ хлыстовъ, Филипповъ началъ также свою проповѣдь съ сказаній о паденіи первобытной вѣры во Іерусалимѣ, а преимущественно Римѣ и о появленіи антихриста изъ монашескаго чина [138]). Послѣ долголѣтнихъ странствованій и наблюденій, не нашедше истиннаго христіанства ни у католиковъ, ни у протестантовъ, Кульманъ выступаетъ съ проповѣдію о возвышенномъ духовномъ христіанствѣ, объ истинномъ вѣчномъ царствѣ Христа, открытіе котораго начнется съ обращенія турокъ въ христіанство, съ переселенія ихъ въ Римъ, на ихъ мѣсто 10 колѣнъ Израилевыхъ, которые также увѣруютъ во Христа; затѣмъ настанетъ конецъ міру, второе пришествіе Христа и воцареніе его надъ всѣми народами и языками. Рук. ак. л. 16 [139]). Хлыстовскіе ересеархи учили, что для возстановленія и сохраненія истинной вѣры, послѣ постепеннаго и повсемѣстнаго ея паденія, потребно было новое и неоднократное сошествіе Бога на землю и не въ одномъ лицѣ, какъ было прежде, но во всѣхъ лицахъ Тріѵпостасной Троицы. И вотъ въ 1632 г. Богъ Отецъ сошелъ съ неба и сталъ видимъ въ образѣ названнаго Даніила Филиппова, въ 1649 г. Сынъ Божій воплотился и открылся міру въ образѣ крестьянина Ивана Тимофеева Суслова (или вѣрнѣе богъ отецъ Даніилъ Филипповъ передалъ божество незаконнорожденному имъ близъ города Мурома въ 1616 г. названному сыну). Послѣ нихъ еще являлись метампсихозскіе христы: Андрей, Петръ III и Селивановъ [140]). Словомъ, Кульманъ и хлыстовскіе ересеначальники болѣе всего заняты мыслію о наступленіи царства Божія на землѣ; разница лишь въ воззрѣніяхъ о времени и способахъ открытія царства Христова: Кульманъ ждалъ открытія его чрезъ 300 лѣтъ, а у хлы-

стовъ оно уже открылось и продолжаетъ открываться чрезъ снишествіе всѣхъ трехъ лицъ божества въ разныхъ людей; Кульманъ смотрѣлъ на царство Божіе съ болѣе возвышенной и идеальной точки, а хлысты поняли его въ слишкомъ грубой матеріальной формѣ; не уразумѣвъ мистическаго принципа объ обитаніи духа Христова въ избранныхъ, не желая отобразить въ себѣ духъ Христовъ, они думали отѣлесить въ себѣ только личность Христа и приближались къ пантеистической системѣ обоготворенія человѣчества или самообоготворенія. — Для приготовленія себя къ царству Христа, Кульманъ кротостію и любовію старался воспламенять въ себѣ дремлющую искру добра, а главное всецѣло внимать внутреннему слову, раздающемуся въ сердцѣ человѣка. По примѣру всѣхъ мистиковъ 17 в., Кульманъ это внутреннее слово предпочиталъ внѣшнему слову или откровенію; разсудочное знаніе о Богѣ и его отношеніяхъ къ міру ставилъ ни во что, и если оно достигалось человѣкомъ безъ искренняго раскаянія, безъ молитвы и преданія себя Богу, считалъ его пустымъ обманомъ, въ концѣ концовъ приводящимъ къ отрицанію Божества (Рук. 1, 2—3). Филипповъ и Сусловъ, для открытія на землѣ царства Божія, хотѣли водворить христіанство дѣла, самоотверженія, провести христіанскую любовь и нравственность въ самую жизнь, реализировать ихъ, хотя на дѣлѣ вышло далеко не такъ. Кромѣ любви, Филипповъ и Сусловъ заповѣдали еще своимъ послѣдователямъ сообразоваться во всемъ съ внушеніями внутренняго слова; откровенное же слово и всѣ книги совершенно отвергли, а Филипповъ всѣ попавшіяся ему книги потопилъ въ Волгѣ [141]).—Вѣря во внутреннее свое слово или откровеніе, которое дѣлаетъ не нужнымъ внѣшнее откровенное слово, легко возмечтать о себѣ, какъ о пророкѣ, духовидцѣ, святомъ и богоподобномъ человѣкѣ. Кульману еще съ девятнадцатилѣтняго возраста о всѣхъ тайнахъ открываютъ ангелы, «а не то приходятъ ему гласы во снѣ отъ самого Бога, хотя онъ никого не видитъ, но только слышитъ тѣ гласы, и иное помнитъ и иное забываетъ». Когда ему было 24 года отъ роду и онъ женился на Магдалинѣ Линдау (такой же экстатической женщинѣ, какъ и онъ самъ) ему явился самъ Христосъ съ тысящами тысящъ ангелъ и повелѣлъ ему написать «псалтирь прохладительную». Въ этой псалтири мечтательный духовидецъ называетъ себя святымъ, званнымъ королевичемъ Божіимъ, сыномъ Сына Божія, сыномъ Христовымъ и велитъ покланяться ему со всѣми святыми. «Да и жена его также пророчица и къ ней ангелы приходятъ и о всемъ, что дѣлается на свѣтѣ или будетъ сдѣлано, ей сказываютъ». Третья (по смерти Магдалины Линдау) жена его благородная Есфирь, послѣ шестимѣсячной беременности, чудесно родила ребенка, который по ангельскому извѣщенію долженъ быть зрящимъ свѣтъ великій, а окаменѣлымъ и непріемлющимъ ученія его презельный страхъ Рук. л. 7, 10,

11, 13, 14, 17 и 18 [142]). По ученію хлыстовъ, каждый сектантъ, съ своимъ внутреннимъ словомъ или откровеніемъ св. Духа можетъ сдѣлаться пророкомъ, говорящимъ и дѣйствующимъ силою св. Духа и даже усыновленнымъ Сыномъ Божіимъ или Христомъ. Первый лжехристъ, Сусловъ, 12 ближайшихъ учениковъ своихъ наименовалъ апостолами, наложницу свою — богородицею и многихъ пожаловалъ въ Николинъ и въ Ильинъ образъ. И эти пророки, пророчицы или богородицы и избранные святые хлыстовъ, слышатъ также небесные гласы, видятъ ангеловъ и самого Бога и получаютъ небесныя откровенія. Словомъ духувидцы, пророки и христы хлыстовъ — живыя копіи духовидца, пророка князя Бога Израилева-Кульмана. Жена Суслова — богородица и ея безчисленныя преемницы-пророчицы — вѣрный снимокъ съ женъ Кульмана — пророчицъ и царицъ небеснаго іерусалима [143]). — Своимъ экстатическимъ видѣніямъ и страннымъ мистическимъ убѣжденіямъ Кульманъ, къ удивленію, беззавѣтно былъ преданъ. Вся тридцатичетырехлѣтняя жизнь его есть непрерывный подвигъ, безграничное самоотверженіе. Всюду онъ терпѣлъ нищету, брань и укоризны — отъ семьи своей, гоненія отъ общества и властей; не разъ подвергалъ опасности свою жизнь, наприм.: въ качествѣ странствующаго проповѣдника, въ рубищѣ и при невѣроятныхъ лишеніяхъ и голодѣ, онъ путешествовалъ изъ Лондона въ Константинополь, Смирну, Малую Азію и Амстердамъ, и погибъ жертвою своихъ убѣжденій и миссіи. Жаль по истинѣ, что онъ служилъ утопической идеѣ и палъ жертвою собственнаго самообольщенія [144]). О ересеначальникахъ хлыстовъ Филипповѣ и Сусловѣ сложились легенды, будто перваго изъ нихъ патріархъ Никонъ 30 лѣтъ гналъ и мучилъ, втораго князь Одоевскій, по приказанію того же Никона, жегъ на маломъ огнѣ и на большомъ кострѣ и вѣшалъ на желѣзный крюкъ [145]). Въ легендахъ этихъ слышатся отголоски смѣшанныхъ преданій съ одной стороны о смутахъ и казняхъ, которыми сопровождалось возникновеніе раскола, а съ другой о тѣхъ пыткахъ (посредствомъ огня и крюковъ), которымъ подвергся Кульманъ при розыскахъ. Вообще эти легенды хотятъ украсить своихъ героевъ тѣмъ же ореоломъ мученичества, какимъ окруженъ Кульманъ.

Ученія Кульмана, при томъ переполохѣ, который оно вдругъ произвело, никто не разслыхалъ, не изслѣдовалъ, какъ должно. И мы напрасно стали бы искать опредѣленности и обстоятельности системы въ этомъ бреду разгоряченнаго воображенія, разстроеннаго утопическими мечтами въ области религіи и политики. Насколько ученіе Кульмана поддается анализу, въ немъ, кромѣ приведенныхъ общихъ положеній, неразрывно связанныхъ съ его личною дѣятельностію и жизнію, можно подмѣчать слѣдующія частныя черты. Въ область теософіи Кульманъ внесъ немало соціалистическихъ воззрѣній, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что въ предопредѣленное время возстановлена будетъ вѣра въ чистотѣ вре-

менъ апостольскихъ, что ни національныхъ, ни религіозныхъ раздѣленій, ни сословныхъ, ни служебныхъ отличій и даже различія людей по имуществу не будетъ, но всѣ имущества сдѣлаются общими, сходбища и соборы будутъ общіе [146]). Сусловъ и его послѣдователи мечтали, что они возвратились къ чистотѣ вѣры апостольскаго вѣка; въ теоріи и на практикѣ держались тѣхъ же идей о религіозно-политическомъ объединеніи всѣхъ вѣръ и націй, преслѣдовали тѣ же коммунистическіе принципы равенства всѣхъ по правамъ и имуществамъ; сходбища и соборы, называемые тайными бесѣдами, назначались у нихъ для всѣхъ согласниковъ безъ исключенія [147]). — О нравственномъ ученіи Кульмана не сохранилось свѣдѣній. Его можно лишь выводить изъ практической морали мистика. Совершая очищеніе своего семейства, Кульманъ (вскорѣ послѣ первой своей женитьбы) установилъ для него усиленный постъ, общія ежедневныя молитвы (утромъ, въ полдень и вечеромъ) и пѣніе псалмовъ (рук. л. 6 и 7). Сусловъ для достиженія нравственной чистоты заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ строжайшій постъ, общественныя молитвы и пѣніе роспѣвцевъ [148]). Кульманъ жилъ съ первыми двумя своими женами въ духовномъ безбрачномъ союзѣ (л. 7 и 8): Сусловъ велитъ неженатымъ не жениться, а женатымъ жить съ супругами, какъ съ сестрами [149]).—Кульманъ съ своимъ семействомъ живетъ чрезвычайно изолированно, чуждаясь всякаго несогласнаго съ нимъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ; его коммунистическіе принципы имѣютъ лишь примѣненіе къ людямъ его секты и должны осуществиться въ неблизкомъ будущемъ (л. 10). Такой же изолированности требуетъ отъ своихъ сектантовъ и Сусловъ, заповѣдуя имъ сидѣть всегда дома, не ходить на мірскія увеселенія и пиршества, водить хлѣбъ-соль лишь съ своими согласниками и не имѣть никакого общенія съ православными [150]). Эти строгія правила, однако, не исполнялись. Наконецъ, что касается обрядоваго ученія, то его не могло быть у такого экзальтатора и мистика, какъ Квиринъ Кульманъ: онъ прямо заявилъ, что до истеченія роковыхъ 300 лѣтъ у его вѣрныхъ послѣдователей не будетъ ни богослуженія церковнаго («костернаго дѣйства») ни духовенства, ни костела и что истинный храмъ заключается въ сердцѣ человѣка (л. 7): Сусловъ не далъ своимъ послѣдователямъ ни храмовъ, ни духовенства, отвергъ православные храмы, всѣ таинства и учрежденія церковныя [151]).—Кульмана занимала не обрядность и формальность, которая могла мѣшать превыспреннимъ пареніямъ и созерцаніямъ: кромѣ созерцаній онъ погруженъ былъ еще въ науку сочетаній, въ кругахъ Мистика Реймунда, Луллія и въ движеніи этихъ круговъ онъ искалъ разрѣшенія всѣхъ тайнъ и занимавшихъ его вопросовъ [152]). Хлысты, не исключая и самого Суслова, взяли это гораздо проще и поняли конкретнѣе: круженіе, верченіе и радѣніе у нихъ сдѣлалось главнымъ религіознымъ обрядомъ, единственнымъ, всесильнымъ

средствомъ, низводящимъ на нихъ благодать св. Духа со всѣми дарами мудрости и знанія [153]).

Итакъ, вѣроученіе хлыстовъ, во всемъ, что есть въ немъ собственно мистическаго, не заимствованнаго отъ старообрядства [154]), представляетъ удивительное сходство съ ученіемъ Кульмана, даже миѳическія черты въ жизни и дѣятельности основателей секты напоминаютъ собою загадочную личность Кульмана. Намъ кажется, что большая часть этихъ аналогическихъ чертъ, если не всѣ, взяты съ ученія и жизни этого замѣчательнаго мистика. Историческія обстоятельства того времени вполнѣ благопріятствуютъ этому предположенію. Почва для ученія Кульмана подготовлена была на Руси задолго до прибытія его въ Россію. Главными пособниками его въ этомъ дѣлѣ были сынъ рейтарскаго подполковника живописецъ Оттонъ Генинъ и купецъ Кондратій Нордерманъ. Генинъ, во время своего путешествія изъ Москвы въ Лондонъ и Амстердамъ, въ 1679 г. сблизился съ Кульманомъ «написалъ его персону» и проникся началами его мистическаго ученія. Нордерманъ, отправившись еще въ 1669 г. изъ Москвы въ Архангельскъ, сошелся тамъ съ однимъ «дохтуромъ изъ за-морья», который былъ знакомъ съ теософіею наставника Кульманова Бэма, получилъ отъ него нѣсколько мистическихъ книгъ и писемъ, и сталъ «ревнителемъ тоя ереси и чернокнижества». Генинъ и Нордерманъ пріобрѣли себѣ немало послѣдователей среди иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ. Когда Кульманъ прибылъ въ Москву (27 апр. 1689 г.), его встрѣтила здѣсь толпа горячихъ почитателей, которые пустились открыто проповѣдывать его ученіе, открыли у себя поочередныя сборища и распустили по Москвѣ сочиненіе Бармута «о близости новаго царства» и «прохладительную псалтырь» Кульмана (рук. л. 10). Русскіе образованные люди едва ли остались совершенно равнодушны къ этой проповѣди. Чѣмъ фантастичнѣе жизнь Кульмана и таинственнѣе его ученіе, тѣмъ болѣе оно должно было возбуждать къ себѣ всеобщаго любопытства и удивленія; къ довершенію магическаго обаянія его личности и ученія присоединился еще трагизмъ кончины, вѣнчавшій его въ глазахъ народа ореоломъ исповѣдника и мученика. О немъ всюду узнали и заговорили: въ посольскомъ приказѣ дьяки и подъячіе, напр. Виніусъ, въ царской думѣ — князья Голицины и Долгорукіе, въ стрѣлецкихъ полкахъ — офицеры и полковники. При тогдашнемъ настроеніи умовъ, при всеобщемъ озлобленіи противъ произвола и грабительства властей и пробудившемся сознаніи ненормальности всеобщаго рабства, при тревожныхъ ожиданіяхъ антихриста, при пламенныхъ спорахъ о вѣрѣ, о старыхъ и новыхъ книгахъ и о истинномъ пути ко спасенію, доводившихъ народъ до самосожигательства и голодной смерти, личность этого мистика, выступившаго съ пламенною проповѣдію о безусловномъ братствѣ и равенствѣ всѣхъ истинно-вѣрующихъ во Христа, а безразличіи и тщетѣ старыхъ и новыхъ книгъ, о близости

кончины міра, о истинномъ пути въ іезуелитское царство (небеснаго Іерусалима) и свое ученіе запечатлѣвшаго мученическою смертію на огнѣ всесожженія, — вполнѣ пришлась по духу времени. Благодаря частымъ служебнымъ, общественнымъ и даже родственнымъ сношеніямъ съ иноземцами и охотному усвоенію ихъ образа жизни, обычаевъ и убѣжденій, неудивительно, что нѣкоторые изъ русскихъ усвоили религіозныя мистическія воззрѣнія Кульмана, Бэма. Правда, не смотря ни на какія пытки, Кульманъ не выдалъ ни одного приверженца своего изъ русскихъ, но онъ же показалъ, что экземпляръ своихъ сочиненій онъ отдалъ князю Борису Алексѣевичу Голицину. Генинъ, получивъ отъ Кульмана шесть мистическихъ книгъ, половину изъ нихъ роздалъ русскимъ [155]). Повѣстный дьякъ Виніусъ, также получившій отъ Кульмана нѣсколько мистическихъ книгъ, не преминулъ случая пустить ихъ по рукамъ соотечественниковъ. И что эти книги брались не для любопытства только и прочтенія и что отъ нихъ, равно и отъ другихъ происковъ мистической пропаганды грозила опасность православнымъ, это видно изъ строгаго розыска, которому подверглись книги и личность Кульмана и его главныхъ соучастниковъ (рук. л. 13 и 14). Не удивительно, что въ числѣ ревностныхъ читателей и почитателей его были первые хлысты или люди Божіи. Очень могло быть, что главный организаторъ секты, Сусловъ, который въ то время, какъ разыгрывалась въ Москвѣ кровавая драма Кульмана (съ 28 мая по 4 окт. 1689 г.), преспокойно жилъ и пропагандировалъ тамъ въ своей «сіонской горницѣ» [156]), заимствовалъ значительную часть своего мистическаго ученія или непосредственно отъ самого Кульмана, или отъ Кульмановскихъ іезуелитовъ, которые около 20 лѣтъ явно и тайно проповѣдывали теософію Бэма и Кульмана.

То обстоятельство, что хлыстовская ересь въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ измышлена ранѣе Кульмана миѳологическимъ Даніиломъ Филипповымъ и что въ слѣдственныхъ документахъ 1733, 1744, 1752 гг. она называется квакерскою ересью [157]), точнѣе отпрыскомъ квакерства, нисколько не подрываетъ возможности происхожденія ея изъ того же мистическаго источника, изъ какого произошло и ученіе Кульмана, и выработки послѣднимъ подробностей ея вѣроученія. Какъ ни сложно, ни запутанно ученіе Кульмана, но въ своей догмѣ, сущность которой состоитъ въ вѣрѣ во внутреннее слово или откровеніе, въ морали, необыкновенно строгой и суровой, возбраняющей всякія зрѣлища, сообщества, онъ удержалъ общій духъ и направленіе ученія квакеровъ [158]), квакеры жъ подъ общимъ именемъ протестантовъ, на Руси-нѣмцевъ, съ половины 17 в. во множествѣ скрывались среди лютеранъ и кальвинистовъ какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, и, при стремленіи извѣстной части русскаго общества къ духовному, строго нравственному образу жизни, какъ противовѣсу всеобщему господству матеріальныхъ интере-

совъ, стремленіе квакеровъ къ тому же духовному, строго нравственному направленію легко могло соблазнить неопытныхъ въ духовной жизни. Если жъ лютеранскіе пасторы, наприм. Мейнке, отреклись отъ Кульмана предъ слѣдственною русскою коммиссіею и показали, что подобныя личности не терпимы въ ихъ средѣ, то это едва ли доказываетъ, что подобныхъ сактантовъ и пропагандистовъ тогда и прежде не было на Руси: такъ могли они показать во первыхъ въ виду страшнаго костра, который тогда готовился для Кульмьна, во-вторыхъ—по обычной ненависти къ несогласнымъ съ нимъ въ образѣ мыслей пропагандистамъ[159]). Но при томъ же слѣдствіи обнаружилось, что Кульманъ съ своими послѣдователями далеко не всѣмъ въ протестантскомъ московскомъ обществѣ и не всегда былъ чуждъ, что для нѣкоторыхъ партій онъ былъ свой (для кальвинскаго пастора Шондервурта и его кружка). Исповѣдь и причащеніе онъ принималъ (духовно, въ духѣ квакеровъ) въ кальвинскихъ храмахъ. Другіе квакеры, появившіеся на Руси прежде Кульмана, были еще осторожнѣе и общительнѣе съ протестантами (рук. л. 6, 21 и 22). И потому большая часть московскихъ протестантовъ не знали, что въ ихъ обществѣ скрывались потаенные квакеры. Въ Европѣ квакеры долгое время укрывались въ неизвѣстности, а между тѣмъ дѣятельно вели свою подпольную пропаганду: не удивительно, что и въ Россіи подъ фирмою покровительствуемаго правительствомъ протестантизма они распространяли свое таинственное ученіе[160]). А потому весьма вѣроятно, что ученіе хлыстовъ, въ зернѣ своемъ возникшее ранѣе Кульмана, Нордермана и Генина, въ нѣкоторыхъ существенныхъ своихъ чертахъ взято отъ раннѣйшихъ единомышленныхъ имъ квакеровъ и что Кульману и подъ вліяніемъ его Суслову принадлежитъ дальнѣйшее наслоеніе, всестороннее развитіе, окончательная организація ученія и секты. И раннѣйшее возникновеніе нѣкоторыхъ основоположеній ея лжеученія, которыя впослѣдствіи развилъ во всей подробности Кульманъ, могло лишь подготовить почву для этого всесторонняго развитія ея изъ однихъ и тѣхъ же началъ.

Итакъ соприкосновенныя историческія обстоятельства и сходство теософіи Кульмана съ вѣроученіемъ хлыстовъ дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ происхожденіе послѣдняго отъ первой (въ большей его части.) Сходство это слишкомъ многостороние и существенно, чтобъ его считать случайнымъ. Правда, при единствѣ природы у всѣхъ людей, внутренніи глубочайшія движенія духа, какъ нормальныя (стремленіе къ истинѣ и добру), такъ и ненормальныя—(заблужденія и страсти) совершаются по однимъ и тѣмъ же психическимъ законамъ и выражаются нерѣдко въ одинаковыхъ формахъ; на этомъ основаніи истинная и ложная религіе со внѣшней стороны представляютъ немалое сходство, многія древнѣйшія и новѣйшія ереси имѣютъ нѣкоторыя доли сходства. И

данную секту сравниваютъ со многими древними ересями: скопцами, непрерывно существовавшими въ Греціи съ 11-го в., съ пляшущими съ духовными пѣснями, которые были въ греческой церкви въ XI и XII вв., съ пляшущими 14 в., существовавшими въ Голландіи, съ средневѣковыми бичующими, съ братьями и сестрами свободнаго духа. Мы не говоримъ уже объ отдѣльныхъ лицахъ: Симонѣ Волхвѣ, Манесѣ, монтанистахъ, павликіанинѣ Сергіи, Танкелинѣ, Эвдонѣ-де Стеллѣ, Гудонѣ, по духу и нравамъ ихъ близкихъ къ лжехристамъ и лжепророкамъ хлыстовъ. Но это сходство, вытекающее изъ единства и непреложности психологическихъ законовъ и ихъ обнаруженій, и не доказывающее происхожденія данной секты отъ подобныхъ ей древнѣйшихъ сектъ, слишкомъ незначительно, ничтожно и сразу же обнаруживаетъ себя. Оно ограничивается тѣмъ, что отвлеченіе себя отъ всего внѣшняго и стремленіе къ всецѣлому соединенію съ Божествомъ выразилось во всѣхъ сектахъ въ изступленномъ верченьи, пляскѣ или бичеваніи, и что фанатики такого рода на высшей ступени самообольщенія и гордости обыкновенно воображали себя монтанами, пророками, христами. Совсѣмъ не таково сходство нашей секты съ ученіемъ Квирина Кульмана: оно простирается не на одинъ, на два пункта и не на внѣшніе случайные признаки, какъ въ предъидущихъ случаяхъ, но обнимаетъ какъ существенныя основныя части, такъ и многочисленныя частныя подробности; это почти полная аналогія между тѣмъ и другимъ вѣроученіемъ, и основывающаяся на этой аналогіи вѣроятность происхожденія одного изъ нихъ (въ большей его части) отъ другаго исторически весьма возможна, правдоподобна.

На основаніи того же сходства или аналогіи секту людей Божіихъ выводятъ нѣкоторые изъ сектъ 16 вѣка. Но сходство ея съ позднѣйшими этими сектами слишкомъ ничтожно, аналогія слишкомъ слаба, чтобъ строить такіе выводы, да и исторической связи и преемственности ея съ этими позднѣйшими сектами совершенно не видно. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей секты людей Божіихъ производитъ ее отъ «тринадесяти лестцовъ, которые, по сказанію лѣтописи, въ Польшѣ и Силезіи (ок. 1507 г.) повѣдахуся быти апостолами, и единаго межъ собою нарекоша Христомъ[161]); отъ этихъ лестцовъ Сусловъ и его преемникъ Лупкинъ позаимствовались будто бы не сами лично, но чрезъ запорожскихъ казаковъ, которые жили въ сосѣдствѣ съ Польшею въ турецкихъ владѣніяхъ и съ которыми сошлись они во время воинскихъ походовъ. Къ такому заключенію историкъ приходитъ на основаніи нѣкотораго сходства божествъ у тѣхъ и другихъ сектантовъ и во вниманіе къ тому обстоятельству, что и въ позднѣшее время, наприм. въ 1828 г., саратовскіе хлысты имѣли своего настоятеля не въ центрѣ Россіи, но среди запорожскихъ казаковъ, получали отъ него нужныя

книги, посылали къ нему на утвержденіе вновь избираемыхъ богородицъ и ихъ помощниковъ молельщиковъ [162]). Съ мнѣніемъ этимъ, при всей авторитетности историка, мы позволимъ себѣ не согласиться. Въ воинскихъ по ходахъ, во время которыхъ можно было имѣть сношенія съ запорожскими казаками и «польскими лестцами», Лупкинъ дѣйствительно былъ, напр. въ Азовскомъ походѣ 1698 г., но заключать на основаніи свидѣтельства св. Димитрія Ростовскаго о Сусловѣ: сказуютъто го Христа *родомъ быти Турченина* [163]), что и Сусловъ также *участвовалъ въ походахъ противъ Турокъ и въ сношеніяхъ съ польскими* сектантами произвольно, а такое заключеніе основывается единственно на приведенномъ свидѣтельствѣ [164]). И къ чему эти придумыванья воинскихъ походовъ Суслова и сношеній его съ польскими сектантами, когда упомянутая лѣтопись еще подъ 1507 годомъ отмѣтила такъ ясно, что «лестцы сіи оттолѣ престаша сея лести?» [165]) Къ чему также эти догадки о неожиданномъ, почти чрезъ два столѣтія, отрыгновеніи, возрожденіи ереси и о проникновеніи ея во внутрь Россіи невѣдомыми путями, когда исторія не представляетъ ни малѣйшаго подтвержденія на то? Внутреннее содержаніе или сходство ересей также не въ пользу такихъ догадокъ: сходство это касается лишь двухъ пунктовъ ученія: о лжехристахъ и лжеапостолахъ; всѣ же остальныя подробности и начала вѣроученія представляютъ собою, можно сказать, величины не соизмѣримыя. Наконецъ сношенія саратовскихъ хлыстовъ съ запорожскими, какія встрѣчаемъ въ позднѣйшее время, нисколько не говорятъ за происхожденіе отъ послѣднихъ не только московскихъ, но и саратовскихъ хлыстовъ. Сношенія эти объясняются географическою близостью саратовскихъ и запорожскихъ хлыстовъ, большимъ удобствомъ путей сообщенія, сравнительно съ сношеніями ихъ съ сѣверомъ и центромъ Россіи, и большею безопасностью отъ преслѣдованій правительства, которое въ центрѣ Россіи гораздо зорче, чѣмъ на отдаленныхъ окраинахъ.

Хлыстовскихъ лжехристовъ, лжеапостоловъ, пророковъ и богородицъ производятъ еще отъ извѣстныхъ во время Стоглава кудесниковъ, трясущихся пророковъ и пророчицъ [166]); Это мнѣніе, на нашъ простой взглядъ, не лучше, не тверже предшествующаго. Кудесники, пророки и пророчицы Стоглава, которые «наги и босы, трясясь, убиваясь и распустя волосы, ходили по селамъ и по погостамъ», это — остатки грубыхъ языческихъ суевѣрій [167]), съ теченіемъ времени они, какъ и всѣ языческія суевѣрія, постепенно уменьшались, упразднялись. И если они не были рѣдкостью въ половинѣ 16 ст., то въ концѣ 17 вѣка, въ свѣтлую сравнительно эпоху возрожденія науки въ Россіи и вмѣстѣ въ печальное время организованія разсматриваемой секты, они отходятъ уже въ область преданій: это — было время значительнаго ослабленія суевѣрій. Далѣе отъ этихъ кудесниковъ, пророковъ, которые выдавали себя за временные,

случайные органы небесныхъ откровеній, получаемыхъ отъ являвшихся имъ св. пятницъ, слишкомъ далеко до хлыстовскихъ лжехристовъ, лжеапостоловъ — этихъ постоянныхъ носителей и воплотителей Божества, которыхъ всѣ слова и дѣйствія были дѣйствіями божественными. И что общаго представляетъ ученіе тѣхъ и другихъ? Сколько извѣстно объ ученіи этихъ юродивыхъ 16 в., оно было проповѣдью о строжайшемъ соблюденіи мертвой, бездушной обрядности, о томъ напр., чтобъ въ среду и пятницу ничего не работали; о строгой суровой нравственности не было у нихъ и рѣчи, напротивъ одни странствованія и скитальничества нагихъ, босыхъ пророковъ, жонокъ и дѣвокъ сопровождались всевозможными вакханаліями для слѣдовавшей за ними толпы народа. Въ ученіи же людей Божіихъ видимъ отверженіе всей почти обрядности, суровую до безпощадности мораль и догматика ихъ не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ ученіи суевѣровъ Стоглава. Итакъ, людей Божіихъ нельзя производить и отъ русскихъ изувѣровъ 16 вѣка. Вообще эта секта или точнѣе большая часть ея вѣроученія ни откуда не можетъ быть производима съ такою вѣроятностію, какъ изъ протестантско-квакерскаго ученія Кульмана.

Что отъ такихъ квакеровъ, какъ Кульманъ, люди Божіи могли заимствовать значительнѣйшую часть своей догмы и съ помощію ихъ организоваться въ стройную секту, это можно видѣть изъ того, что на западѣ отъ тѣхъ же мистиковъ произошли общества, очень сходныя съ сектою людей Божіихъ. Таково во-первыхъ таинственное братство, образовавшееся въ Авиньонѣ въ 1786 г. и извѣстное подъ названіемъ народа Божія или Новаго Израиля. Здѣсь видимъ такой же персоналъ апоѳеозы, какъ у людей Божіихъ: христа или царя новаго израиля, богородицу, первосвященниковъ или пророковъ. Здѣсь, какъ и у людей Божіихъ, всѣ должны безусловно покоряться пророчествамъ, какъ голосу съ неба, и, во избѣжаніе отвѣтственности предъ закономъ, наружно исполнять обряды господствующей церкви [168]). Словомъ, братство народа Божія та же секта людей Божіихъ, только перенесенная въ среду болѣе высшаго общества, сравнительно съ русскими простолюдинами. И если первая секта несомнѣнно произошла отъ квакеровъ, то смѣло можно заключать о сродствѣ происхожденія и второй секты, по крайней мѣрѣ большей части ея вѣроученія. Другое выросшее на почвѣ квакерства общество, довольно схожее съ мистическою нашею сектою, было франкмассонское, пустившее свои корни и въ Россіи (въ концѣ 18 в.). Въ образованныхъ франк-массонскихъ кружкахъ деревенскимъ мужикамъ и бѣглымъ солдатамъ, конечно, не придавали такихъ высокихъ и священныхъ именъ, и христіанское вѣроученіе такъ грубо не искажалось, какъ это было у русскихъ невѣжественныхъ хлыстовъ; всѣ предметы вѣрованій у франкмассонскихъ мистиковъ были идеализированы и научно обоснованы, какъ у западныхъ мистиковъ XVII вѣка и даже болѣе того. Но существо дѣла

вездѣ и всегда оставалось одно и то же. Позднѣйшій пророкъ людей Божіихъ, Радаевъ приводитъ нѣсколько пунктовъ ученія своихъ согласниковъ, совершенно тождественныхъ съ вѣрованіями франкмассонскихъ мистиковъ, наприм. о тайной волѣ Божіей, несходной съ закономъ писаннымъ, о безусловной преданности волѣ Божіей и водительствѣ св. Духа, о душахъ Апостольскаго состоянія, не подлежащихъ никакимъ законамъ. — Съ постепеннымъ развитіемъ западнаго мистицизма, русская мистическая секта, съ помощію его продолжала постепенно развиваться и дополняться — основаніями и доказательствами, примѣненными къ новымъ потребностямъ времени и мѣста. Тотъ же Радаевъ и современные намъ лжепророки правоту своего ученія стараются подтвердить авторитетомъ франкмассонскихъ мистиковъ. Въ свою очередь франкмассоны, даже изъ знатныхъ русскихъ вельможъ, принимали участіе въ радѣніяхъ хлыстовъ и относились къ нимъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ [169]). Вообще, та и другая секта, отторгшись отъ первоначальнаго своего родника и потекши подземными кривыми руслами, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ неоднократно сливались одна съ другою въ дальнѣйшемъ теченіи. Отъ этихъ сліяній живительные токи принималъ собственно нашъ слабый отпрыскъ квакерства: каждое его сліяніе съ живоноснымъ для него и сроднымъ потокомъ тѣмъ яснѣе можетъ открывать намъ слѣды истеченія его изъ одного и того-же главнаго источника — квакерства.

Возможность вліянія крайняго протестантизма на образованіе духоборческой секты.

Секта людей Божіихъ, по нашему мнѣнію, заимствовала отъ квакеровъ лишь общій тонъ и строй ученія; но практика значительно исказила и этотъ общій типъ. Одинъ изъ главныхъ, по нашему мнѣнію, организаторовъ секты Квиринъ Кульманъ, хотя по духу своего ученія ни къ одной протестантской сектѣ не подходилъ такъ близко, какъ къ квакерской, однако жъ въ цѣлой своей системѣ, въ жизни и практикѣ, не былъ совершеннымъ квакеромъ: «сверхъ квакерской ереси онъ нѣкоторую новую прелесть чернокнижествомъ своимъ возставлялъ» (рукоп. ак. л. 10). Его ученики, первые организаторы секты, по свойству русской широкой натуры, зашли еще дальше. — Грубо пантеистическое, прикрытое чудовищными образами, полное сумасбродства и богохульства ученіе ихъ, начинающая духомъ и кончающая плотію (низкимъ цинизмомъ), мораль ихъ, безсмысленныя и дикія радѣнія, ради которыхъ отвергнута вся церковная внѣшность — не могли, однако, не возмущать ума, въ которомъ оставалась хоть искра здраваго смысла, не могли не оскорблять совѣсти, въ которой не угасло совершенно чувство истины и

добра, а это святое чувство, какъ извѣстно, весьма живуче, свѣтитъ въ глубинѣ души сквозь сумракъ грубыхъ заблужденій и страстей и выводитъ ее на путь жизни. И вотъ, изъ нѣдръ самой секты выдвигается сильная реакція ей, высказывается потребность вмѣсто этой грубой деморализующей религіи фантазіи и мистицизма создать религію разсудка, идеи, духа, исключительно внутренне очищающую и освящающую человѣка, и, навѣрно изъ той же секты образуется новая секта, которая смягчаетъ прежнія крайности, сама, однако, впадая въ новыя. Вмѣсто равныхъ и тождественныхъ Богу христовъ, она признаетъ внутреннее постоянное дѣйствованіе Христа и св. Духа въ душѣ вѣрующихъ, въ которомъ (дѣйствованіи) и заключаетъ всю сущность религіи. Оскорбленная аномаліею прежней нравственности, она проповѣдуетъ мораль самую строгую, суровую, дотолѣ не слыханную. Возмущенная прежними неистовыми радѣніями и оргіями, она отвергаетъ всѣ обряды и возвѣщаетъ исключительное поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ. Секта эта, именуемая духоборческою, можетъ быть названа болѣе чистою отраслью квакерства, фракціею, усвоившею всю почти систему вѣрованій и учрежденій квакеровъ.

Любопытно бы дознать, какъ могъ совершиться этотъ возвратъ отъ искаженныхъ вѣрованій квакерства къ болѣе чистымъ воззрѣніямъ его, или какъ изъ секты хлыстовъ могла выродиться квакерская секта духоборцевъ? Изъ всего гнуснаго ученія хлыстовъ ни что столько не возбуждало противъ себя, какъ преданія о воплощеніи Бога въ безпутныхъ мужикахъ, солдатахъ, стрѣльцахъ, о чудесной ихъ жизни, крестныхъ страданіяхъ, воскресеніи [170]). Извѣрившись въ эти нелѣпыя умоизступленныя преданія о лжехристахъ, легко потерять вѣру въ историческаго Христа, обозвавъ миѳомъ, аллегоріею всю евангельскую исторію его воплощенія и искупительнаго служенія. Богохульные чудовищные разсказы о невидимомъ обитаніи Божества въ лжепророкахъ, о дѣлахъ ихъ всевѣдѣнія, чудотворенія, о распоряженіи Божественными дарами и обѣтованіями на землѣ и въ вѣчности, естественно, вызывали въ чуткихъ сердцахъ чувство крайняго негодованія [171]) и легко могли подрывать вѣру въ соотвѣтствующія евангельскія истины: въ обитаніе полноты Божества въ Господѣ Искупителѣ; въ безчисленныя дѣла Его всевѣдѣнія, всемогущества, въ Его безпредѣльную власть на небѣ и на землѣ. Но нужно замѣтить, что такихъ точно сомнѣній и вѣрованій держались и квакеры, которые всю евангельскую исторію о лицѣ Іисуса Христа понимаютъ аллегорически о внутреннемъ своемъ христѣ или словѣ (или присущей каждому частицѣ Божественнаго ума), о таинственномъ рожденіи, страданіи, смерти и воскресеніи его въ человѣческомъ сердцѣ, о могущественной и безпредѣльной власти Его надъ душею и т. д. [172]). Такъ какъ въ лжехристахъ и лжепророкахъ обитала яко-бы полнота

Божества, непосредственно поучающая человѣка истинѣ спасенія, то внѣшнее Богооткровенное ученіе оказывалось излишнимъ, и отринутое еще первыми ересеучителями св. писаніе замѣнили такъ называемыя пророчества лжехристовъ и лжепророковъ — общія, внушавшія всѣмъ вообще согласникамъ непримиримую ненависть къ православной церкви, предвозвѣщавшія о скоромъ наступленіи для нихъ царства Божія, и частныя, высказывавшія предъ каждымъ радѣльщикомъ порознь похвалу его вѣрѣ, порицаніе недостатковъ и т. д. [173]). Тѣ и другія пророчества, въ риѳмованныхъ словахъ высказывавшія совершенный вздоръ, хулы, обманъ, не могли не возбуждать въ лучшихъ людяхъ сомнѣнія и недовѣрія, негодованія и отвращенія: а отсюда уже недалеко было до желанія имѣть внѣшній критерій, — внѣшнее Богооткровенное слово, которое свидѣтельствовало-бы о истинности или ложности сообщаемыхъ имъ пророчествъ, и помогало бы имъ входить въ глубину духа, въ полноту силы внутренняго откровенія. Дойдя мало по малу до такихъ воззрѣній и вѣрованій, лучшіе изъ людей Божіихъ сходились съ квакерами, которые также не отвергаютъ совершенно внѣшнее Богооткровенное ученіе, но признаютъ его полезнымъ въ той мѣрѣ, въ какой оно обращаетъ умъ ко внутреннему слову и приводитъ ко внутреннему учителю Христу. Но понимать, толковать св. писаніе тѣ и другіе мистики, какъ мистики, наклонны аллегорически, въ таинственномъ, духовномъ смыслѣ. До новыхъ чисто-квакерскихъ воззрѣній на внутреннее и внѣшнее слово, въ которыхъ заключается вся сущность догматическаго ученія духоборцевъ, едва ли они дошли однимъ естественнымъ путемъ отрицанія хлыстовскихъ вѣрованій. Послѣ долгаго непроницаемаго мрака, они не могли вдругъ выдти къ полному свѣту истины; въ темнотѣ, ощупью, они искали лишь выхода изъ безъисходныхъ крайностей, стремились на средній примирительный путь; но при той власти, какую имѣютъ надъ душею долговременныя вѣрованія и убѣжденія, хотя бы и ложныя, они едва ли могли обратиться на этотъ примирительный, близкій къ истинѣ путь, безъ посредства того, кто стоялъ уже на этомъ пути. А такъ какъ на этой средней примирительной точкѣ стояли, какъ мы видѣли, квакеры, то имъ естественнѣе всего было склониться на сторону квакеровъ.

Нравственное ученіе духоборцевъ и квакеровъ такъ же совершенно сходно между собою, какъ и представленные нами главные пункты догматическаго ученія. У тѣхъ и другихъ оно характеризуется безпощадною суровостію и строгостію, отреченіемъ отъ такъ называемыхъ невинныхъ удовольствій, осужденіемъ себя на всѣ тягости и невзгоды жизни. Грубые въ обращеніи, суровые съ виду, одѣтые неряшливо, мрачные, угрюмые, они искалѣчиваютъ себя нравственно и физически. Есть основаніе полагать, что строгая стоическая мораль духоборцевъ не случайно какъ либо совпала, отождествилась съ такою же моралью квакеровъ. Если на что,

то на эту неразумную и неустанную брань съ собственною природою, со вложенными въ нее Творцемъ требованіями и стремленіями можно было рѣшиться послѣ тяжкихъ опытовъ, горькихъ разочарованій и вѣроятнѣе всего вслѣдствіе отвращенія отъ той разнузданности страстей, оргій разврата, до которыхъ дошла на практикѣ мораль хлыстовъ. Броситься изъ одной крайности въ другую, изъ безстыднаго сенсуализма въ аскетическій, можно сказать, стоицизмъ, опираясь при этомъ на такое множество искуственныхъ, придуманныхъ основаній (что напр. душа существовала и пала еще до сотворенія видимаго міра и послана въ тѣло, какъ въ темницу для наказанія) едва ли возможно было для необразованныхъ сектантовъ безъ посторонней поддержки и указки, а ее всего легче было найти у новѣйшихъ стоиковъ — квакеровъ. Дальнѣйшій естественный выводъ нравственно-политическаго ученія духоборцевъ (проистекающій изъ презрѣнія ихъ ко всему вещественному, суетному) — пренебреженіе всѣми чинами и отличіями, отверженіе всѣхъ властей не есть ли естественное слѣдствіе тѣхъ ненавистныхъ и отрицательныхъ отношеній, въ какія лучшіе изъ людей Божіихъ стали къ этимъ безчисленнымъ рангамъ и чинамъ, стоявшимъ во главѣ ихъ секты, «къ пожалованію въ Николины, Павловы и пророческіе образы», къ обоготворенію изступленныхъ изувѣровъ, деморализаторовъ, блудницъ, богородицъ и проч., на которыхъ всѣ молились, цѣловали руки, ноги? Чѣмъ чествовать раболѣпно всякій сбродъ властей и чиновъ священныхъ, не лучше ли было въ пылу агитаціи вовсе отвергнуть всѣ власти и отличія? Но какъ было отвергнуть, какъ додуматься до практическаго примѣненія идеи всеобщаго братства и равенства, сопряженнаго, какъ извѣстно, со многими соціальными нововведеніями и переворотами, отверженіемъ присяги и клятвы, уклоненіемъ отъ общественныхъ судовъ, воинской повинности? Додуматься, рѣшиться на такіе соціальные перевороты и реформы самимъ очень трудно, а если заимствоваться, то у кого же болѣе, какъ не у квакеровъ, у которыхъ, на ихъ же глазахъ, эти радикальныя соціальныя реформы введены, придуманы, прилажены, организованы?

При сходствѣ догматическаго и нравственнаго ученія духоборцевъ съ квакерскимъ, естественно должно быть близкое сходство и въ обрядовомъ ихъ ученіи: такъ какъ религія у тѣхъ и другихъ сектантовъ состоитъ во внутреннихъ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Богу, такъ какъ внушеній внутренняго слова вполнѣ достаточно для ихъ спасенія, то внѣшнія церковныя учрежденія, іерархія, обрядность, посты, преданія и уставы церкви оказываются для нихъ излишними и совершенно отвергаются. Но если догматическое и нравственное ученіе духоборцевъ образовалось большею частію подъ вліяніемъ квакеровъ, то и взгляды ихъ на внѣшнія церковныя учрежденія сложились, по всей вѣроятности, не безъ воздѣйствія на нихъ тѣхъ же квакеровъ. Не входя въ разборъ ихъ воззрѣній

на частныя обрядовыя установленія, остановимся на радѣніяхъ, которыя въ прежней ихъ сектѣ составляли главную и единственную обрядность, замѣнявшую для нихъ всѣ домашнія и церковныя молитвы. Общій типъ или форма радѣній взятъ былъ отъ квакеровъ [174]), но чрезъ прибавленія и измѣненія онъ совершенно былъ искаженъ, извращенъ. Въ немъ не осталось ни одного внѣшняго знака Богопочтенія, освѣщеннаго, возвышенною идеею, проникнутаго благочестивымъ чувствомъ, одухотвореннаго благоговѣйнымъ настроеніемъ. Отъ перваго до послѣдняго эти мнимыя священнодѣйствія до крайности мелочны, суетны, наивны и не только не достойны, но и оскорбительны для служенія Высочайшему, Святѣйшему Существу. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ для себя оправданія ни въ Священ. исторіи, ни въ словѣ Божіемъ. Если же и дѣлаются попытки къ утвержденію нѣкоторыхъ изъ нихъ на примѣрахъ библейскихъ и изреченіяхъ самого Спасителя, (напр. корабельная или общественная пляска освящается у нихъ примѣромъ Давида, скакавшаго предъ сѣннымъ ковчегомъ; изнуреніе и самоистязаніе тѣла совершается будто по заповѣди Спасителя о самоотверженіи и крестѣ,) то это происходитъ или отъ невѣжественнаго непониманія или отъ злонамѣреннаго извращенія духа и смысла писанія. Въ этихъ странныхъ священнодѣйствіяхъ съ умысломъ подобраны механическія упражненія, которыя, постепенно приводя радѣльщика въ физическое изнеможеніе и безсиліе, доводятъ его до полнѣйшаго разслабленія всѣхъ чувствъ, до страшнаго разстройства воображенія, до самаго напряженнаго экстатическаго состоянія [175]). За тѣмъ, не удивительно, если въ самый разгаръ экзальтаціи ему чудятся таинственныя видѣнія, наприм. будто въ чанѣ, вокругъ котораго совершаются обыкновенно чрезвычайныя радѣнія, колышется вода, надъ водою подымается туманъ, а въ туманѣ сіяетъ золотистый младенецъ, при видѣ котораго радѣльщики поздравляютъ другъ друга съ видѣніемъ Христа. Излишне было бы доказывать, что видѣнія эти — одна иллюзія и галлюцинація, очень естественная при крайне-разстроенномъ и изможденномъ состояніи радѣльщика, что ни по содержанію, ни по цѣли, ни по мѣсту своему они не могутъ быть поставлены въ уровень съ чудесными видѣніями. Не говоримъ уже о ничтожности и безобразіи средствъ, употребляемыхъ для цѣлей, по видимому, высокихъ и священныхъ, о безконечной наприм. бѣготнѣ, круженьи, верченьи, маханьи, подпрыгиваньи, пролитіи потоковъ пота, совершавшихся для низведенія св. Духа на корабль или общину, о преобладаніи въ священномъ дѣлѣ Богоугожденія элемента мірскаго, постыднаго, напр. разныхъ родовъ плясокъ подъ тактъ и напѣвъ мірскихъ пѣсенъ, о свальномъ грѣхѣ и допускаемомъ большинствомъ изслѣдователей гнусномъ обрядѣ причащенія плотію и кровію дѣвицы [176]), — сцены, примѣръ для которыхъ трудно отыскать въ языческихъ мистеріяхъ и оргіяхъ! Людямъ, сколько-нибудь мыслившимъ и чувствовавшимъ, не

возможно было долго оставаться при этихъ извращенныхъ, бездушныхъ и деморализующихъ обрядахъ. Но вотъ затрудненія. Сами они не могли изобрѣсть новыхъ лучшихъ священнодѣйствій: на это, по свидѣтельству исторіи, требовались десятки, сотни лѣтъ и совокупныя усилія высокихъ, свыше просвѣщенныхъ умовъ. Вовсе отвергнуть обрядность и внѣшность Богопочтенія — дѣло противное природѣ человѣческой, которая сильное внутреннее чувство не можетъ не выражать во внѣ. На это своеобразный примѣръ представляли одни лишь квакеры, во всѣхъ же другихъ вѣроисповѣданіяхъ, сколько ни было въ нѣдрахъ ихъ печальныхъ раздѣленій и споровъ изъ-за обрядности, хранили и чтили обряды, какъ завѣтную святыню. Въ крайнемъ случаѣ отверженія обрядности, по самой его необычайности и неразвитости отвергающихъ, нужны были примѣръ и руководство, которые научили бы, какъ, отрѣшившись отъ всякой внѣшности Богопочтенія, совершать внутреннее, духовное служеніе Богу. Но этотъ примѣръ новымъ нашимъ отщепенцамъ ближе всего было взять съ квакеровъ. И какъ первоначальный общій типъ радѣній перешелъ къ нимъ отъ квакеровъ, такъ и очищеніе его отъ наслоеній и искаженій удобнѣе всего могло совершиться при содѣйствіи тѣхъ же квакеровъ.

Итакъ вотъ предполагаемые пути или мотивы, по которымъ духоборцы сошлись въ вѣрованіяхъ съ квакерами не случайно, а пользуясь ихъ непосредственнымъ примѣромъ и содѣйствіемъ. Въ тѣхъ не многихъ пунктахъ, въ которыхъ духоборцы не сходятся съ квакерами, они согласны частію съ социніанами въ ученіи о св. Троицѣ, а больше съ анабаптистами: также въ ученіи о св. Троицѣ, за тѣмъ въ вѣрованіяхъ о недѣйствительности крещенія дѣтей, объ общности имущества. Сходство съ анабаптистами могло быть случайнымъ. Напр. до своего ученія о св. Троицѣ духоборцы могли дойти путемъ отрицанія хлыстовскихъ вѣрованій въ воплощеніе въ людяхъ всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы. Не желая имѣть ничего общаго съ этими нелѣпыми вѣрованіями, они вмѣсто раздѣленія лицъ св. Троицы и грубаго олицетворенія ихъ въ чувственныхъ, конкретныхъ образахъ, легко могли слить лица св. Троицы и понимать ихъ, подобно анабаптистамъ, односторонне, духовно, какъ три душевныя способности, дѣйствія или проявленія единаго духа. Но замѣчательно, что это, предположимъ, случайное сходство въ вѣрованіяхъ анабаптистовъ и духоборцевъ простирается не болѣе какъ на три пункта; сходство же вѣроученія квакерскаго съ духоборческимъ въ восьми-девяти существенныхъ пунктахъ,—словомъ во всѣхъ, за исключеніемъ трехъ приведенныхъ, едва ли могло быть дѣломъ случайности.

Общій специфическій характеръ духоборческаго вѣроученія идеалистически философскій можетъ открыть новый свѣтъ на происхожденіе секты изъ предпологаемаго нами источника. Отверженіе внѣшней стороны религіи или видимой церкви—то же, что въ философіи отрицаніе дѣйстви-

тельнаго міра и оно перенесено въ область религіи изъ философіи. Отвергнувъ бытіе внѣшняго міра, отрѣшившись отъ всего видимаго, конкретнаго, разумъ витаетъ въ безпредѣльной пустотѣ, въ области собственныхъ мечтаній, строя различныя теоріи, предположенія: въ религіи, съ отверженіемъ видимой церкви, вѣрной хранительницы свящ. истины и съ признаніемъ внутренней церкви, существующей вездѣ и нигдѣ, остается для духа безпредѣльная пустота, безконечное поприще гаданій, предположеній, вымысловъ. Этимъ именно характеромъ запечатлѣны всѣ вѣрованія духоборцевъ. Наприм. человѣкъ у нихъ существуетъ еще до рожденія на землѣ, въ безднѣ міра довременнаго. Въ этомъ земномъ мірѣ онъ блуждаетъ какъ въ темницѣ, горитъ въ котлѣ кипящихъ стихій. Видимая природа есть облаченіе и истеченіе Божественной силы, книга съ магическими письменами, въ которыхъ можно читать тайны прошедшаго, настоящаго и будущаго. Священное писаніе есть сборникъ таинственныхъ іероглифовъ, ключъ къ уразумѣнію которыхъ даетъ внутреннее озареніе свыше. Тотъ же крайній идеализмъ и мистицизмъ съ неумолимою послѣдовательностію наложилъ свою печать на нравственное ученіе духоборцевъ. Поклоненіе идеальному, духовному, презрѣніе всего чувственнаго доходитъ у нихъ до ожесточенной войны съ природою человѣческою, до грубаго самоистязанія; мечтательныя побужденія къ добродѣтели напрягаются до того, что она превращается въ какое-то изступленіе, въ нравственный фанатизмъ до тѣхъ поръ, пока эти мечтательныя побужденія къ добродѣтели не рушатся, волненіе фанатизма не утихнетъ и превыспренняя добродѣтель не превратится въ необузданное своеволіе, явный развратъ. Нужно ли замѣчать, что русскіе самородные философы, люди слѣпой мечты и экстаза — духоборцы сами не могли выработать все разнообразіе идеалистическихъ, философски обоснованныхъ воззрѣній, построить стройную, логически вѣрную, хотя въ существѣ своемъ превратную и лживую, систему, что для этого нужно со стороны опытное и просвѣщенное руководство? А эта руководящая помощь, судя уже по сходству духоборческой теософіи съ квакерскою, могла придти къ нимъ всего ближе отъ квакеровъ.

Исторія возникновенія и распространенія секты духоборцевъ, насколько она доступна для насъ, можетъ представить новое подтвержденіе изложеннымъ догадкамъ и предположеніямъ.

Первыми организаторами секты, или по меньшей мѣрѣ, пособниками въ дѣлѣ организаціи были, надо полагать, неизвѣстные по имени квакеры, которые, при посредствѣ Филипповыхъ, Сусловыхъ, положили начало сектѣ хлыстовъ, но видя въ ней извращеніе своего ученія и пользуясь возникшими въ ней и во всей русской церкви распрями, задумали образовать на Руси болѣе чистое квакерство. Первымъ явнымъ послѣдователемъ и сподручникомъ ихъ можно считать отставнаго московскаго

стрѣльца Прокопія Лупкина. Это былъ представитель партіи недовольныхъ въ средѣ людей Божіихъ. Нѣкоторое время онъ считался христомъ и 20-ть его учениковъ назывались апостолами[177]). Но потомъ онъ перестал вѣрить въ свое божество и исповѣдывалъ себя такимъ же избранникомъ Провидѣнія и органомъ непосредственнаго озаренія отъ св. Духа, какими могли быть всѣ его согласники [178]). Сперва между хлыстами, стрѣльцами, а потомъ и въ народѣ онъ съ двадцатью своими учениками распространялъ ученіе о какомъ-то непосредственномъ въ нихъ откровеніи и внутреннемъ особенномъ нисхожденіи на нихъ св. Духа, ученіе, на которомъ держится все вѣрованіе квакеровъ и духоборцевъ. Въ какое время эти новые агитаторы образовали духоборческую секту, опредѣленно сказать нельзя. Въ 1715 г. ихъ ученіе пріобрѣло себѣ явныхъ послѣдователей и упорныхъ защитниковъ, но тайно оно проникло въ русское общество гораздо ранѣе: подобно тому какъ ученіе Тверитянова прикровеннымъ образомъ распространялось много прежде, чѣмъ пріобрѣло себѣ открытыхъ приверженцевъ. Да и сами новые пропагандисты не скрывали, что, не смотря на строгія мѣры правительства и заключеніе ихъ самихъ въ темницы (въ томъ же 1715 г.), мнѣнія ихъ распространены во многихъ мѣстахъ Россіи. Разъ проторгшись наружу, подпольныя ихъ идеи, чрезъ четверть столѣтія, развиваются и складываются въ опредѣленную систему (разчлененную на 12 приведенныхъ нами пунктовъ)[179]). Послѣдующія системы не прибавили къ ней ничего существеннаго, а лишъ нѣсколько видоизмѣнили ее извнѣ (вмѣсто 12 членовъ сдѣлали 11; какъ произошла урѣзка въ формулахъ, не извѣстно). Иностранные историки, наприм. Штраль, безспорно принимаютъ составителей этой системы (12-ти членной) за пропагандистовъ квакерско-духоборческой секты и 1734 годъ, когда она обнародована, признаютъ за начало появленія секты[180]). Назначаемый западными историками срокъ возникновенія секты намъ представляется, однако, слишкомъ позднимъ: изъ сличенія огласившейся въ 1734 г. системы съ ученіемъ Лупкина оказывается, что она была не новая, но представляла развѣтвленіе того ученія, которое проповѣдывалъ самъ Лупкинъ и которое въ тиши и безвѣстности сохранялось уже около полувѣка[181]).

Извѣстный историкъ нашъ (г. Костомаровъ), на основаніи преданій саратовскихъ *молоканъ*, собранныхъ имъ на мѣстѣ въ 1869 г., склоняется къ мнѣнію, что духоборческая секта есть остатокъ раціоналистическаго ученія жидовствующихъ XV и XVI вѣковъ[182]). Отъ жидовствующихъ не прочь производить духоборцевъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи[183]). Не входя въ разборъ указанныхъ преданій, самыхъ темныхъ и сбивчивыхъ и не говоря уже о томъ, что молоканство и духоборчество, при значительномъ несходствѣ ихъ ученія, проистекаютъ, какъ увидимъ, не изъ одного источника, мы хотимъ сказать вообще,

что мнѣніе о происхожденіи духоборчества изъ ереси жидовствующихъ заключаетъ въ себѣ самую незначительную долю правды. Такіе крупные религіозные перевороты, какъ реформація на западѣ и расколъ въ Россіи съ ихъ крайне протестантскими сектами совершаются послѣ длиннаго ряда подготовительныхъ движеній. На западѣ такимъ предшественникомъ протестантизма былъ гуманизмъ. Изъ гуманизма, какъ изъ зерна и корня, выросъ протестантизмъ въ двухъ главныхъ вѣтвяхъ: лютеранства и реформатства. Изъ нихъ выродились крайнія протестантскія секты социніанъ, анабаптистовъ, квакеровъ и проч., которыя съ первоначальнымъ своимъ корнемъ находятся уже въ отдаленномъ соотношеніи и связи. Это не вершина и не вѣтви одного и того же стройнаго дерева, а отпрыски, побѣги искривленные, изломанные, имѣющіе свой корень не въ корнѣ дерева, а въ его стволѣ, вѣтвяхъ. Въ Россіи, какъ извѣстно, былъ свой гуманизмъ или раціонализмъ, вскрывшійся преимущественно въ ученіи жидовствующихъ. Сѣмя русскаго раціонализма также возрасло въ цѣлое дерево—въ извѣстное протестантствующее направленіе, въ области религіи и жизни, а изъ этого направленія, подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій и лицъ, выродилась между прочимъ крайняя протестантствующая секта духоборцевъ, и она такая же отдаленная и искривленная отрасль русскаго протестантствующаго направленія, какую представляетъ собою квакерство по отношенію къ протестантизму вообще. Тѣмъ менѣе соотношенія и связи имѣетъ она съ первоначальнымъ зерномъ названнаго направленія, съ выразившимся въ ученіи жидовствующихъ раціонализмомъ. При первомъ взгядѣ на ту и другую ересь—духоборцевъ и жидовствующихъ, нельзя не видѣть въ нихъ нѣкотораго сходства: и тамъ и здѣсь то же непризнаніе личной божественности Христа, отверженіе таинствъ, иконъ, постовъ, обрядовъ, то же противленіе постановленіямъ св. соборовъ, церковнымъ преданіямъ. Но это сходство незначительное, случайное, открывающееся лишь при внѣшнемъ сопоставленіи ересей, далѣе котораго, къ сожалѣнію, не идетъ означенное мнѣніе. Если же вникнуть въ духъ и характеръ ересей, сличить ихъ ученіе въ полномъ и стройномъ составѣ, то между ними откроется существенное и непримиримое различіе. Ересь жидовствующихъ, въ обоихъ своихъ видахъ—чистаго іудейства и противохристіанскаго раціонализма, есть абсолютное отрицаніе всего, что есть въ религіи собственно христіанскаго: духоборчество же не отвергаетъ совершенно христіанства, хотя понимаетъ его крайне своеобразно и предпочитаетъ внѣшнему христіанству внутреннее — непосредственное дѣйствіе Христа на душу. Внимательное, безпристрастное изслѣдованіе несравненно скорѣе произведетъ духоборчество (въ большой конечно части его вѣрованій и учрежденій) изъ современнаго ему квакерства, чѣмъ изъ давно отжившей ереси жидовствующихъ: съ послѣднею не видно у духобор-

цевъ никакой исторической преемственной связи, а съ первою, при всецѣломъ сличеніи ихъ духа и характера и при строгомъ соображеніи историческихъ обстоятельствъ, можно примѣчать непрерывную связь.

Если тѣсная историческая связь существуетъ у духоборцевъ съ квакерами, помимо всѣхъ другихъ сектантовъ, если стрѣльцы первые завязали эту связь и положили начало секты, то какъ объяснить себѣ, что стрѣльцы явились столь ревностными піонерами квакерства? Всѣмъ извѣстенъ мятежный духъ и характеръ стрѣльцовъ, духъ необузданнаго своеволія, буйства, возмущавшійся противъ гражданскихъ властей и въ дѣлахъ религіозныхъ сопротивлявшійся церковному авторитету. Стѣсняемые и подавляемые мощною рукою Петра, стрѣльцы свое политическое угнетеніе думали вознаградить своеволіемъ въ области религіозной: стрѣлецкіе бунты были соединены, какъ извѣстно, съ своемысліемъ религіознымъ. Крайне вольномысленное квакерство, съ своимъ внутреннимъ непосредственнымъ откровеніемъ отъ Бога, которое ставитъ чадъ Божіихъ выше всѣхъ отвнѣ данныхъ законовъ и установленій, дѣлаетъ ихъ совершенно независимыми отъ предержащихъ властей, судіями и законодателями въ жизни церковной, общественной и частной, приходилось, по видимому, по духу этихъ суровыхъ либераловъ 17 вѣка. Если же оно не всегда благопріятствовало чувственному разгулу, то они сами, нужды ради, сдѣлаютъ примѣненіе закона; но и въ суровой его морали были кодексы, вполнѣ подходившіе подъ ихъ произвольный чувственный характеръ, таково наприм. постановленіе о бракѣ, который совершался у квакеровъ безъ всякаго обряда, по доброй волѣ брачущихся, на честномъ словѣ взаимной вѣрности. При частыхъ соприкосновеніяхъ стрѣльцовъ съ иностранцами, среди ихъ нашли себѣ пріютъ вѣрованія самаго крайняго и разнообразнаго направленія, наприм. лютеранство съ самымъ либеральнымъ оттѣнкомъ, какъ оно выразилось въ ученіи Тверитянова, социніанство и анабаптизмъ[184]). Не удивительно, что здѣсь же впервые пріютилось и квакерство, и изъ примѣси къ нему «самомудрованія стрѣлецкихъ головъ», допускаемаго «нужды ради», примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, образовалась духоборческая секта.

Если послѣ стрѣлецкихъ московскихъ слободъ главнымъ притономъ квакерско-духоборческой секты стала Украйна, то на это были также свои историческія причины. Извѣстно, что злосчастную Украйну долго волновали сепаративныя стремленія, въ политической атмосферѣ ея было такъ же бурно и грозно, какъ и въ общественномъ настроеніи московскихъ стрѣлецкихъ слободъ. Укрощаемая несокрушимою силою единодержавія, она силилась найти просторъ для мятежнаго своего духа въ своеволіи религіозномъ. Донскіе казаки, поборники буйной политической независимости, свободы, равенства, легко могли стать подъ знамя ученія, которое дѣлаетъ ихъ независимыми отъ гражданскихъ и церков-

ныхъ учрежденій, въ которомъ каждый самъ для себя законодатель, судія и жрецъ [185]).

Совокупность самобытныхъ общественныхъ условій на Руси, собственныя ея реформаторскія просвѣтительныя стремленія, бурныя либеральныя и революціонныя движенія, сходныя съ общественными условіями и стремленіями на западѣ, едва ли могли произвести въ духѣ времени одинаковыя, независимыя одно отъ другаго послѣдствія въ церковно-политической жизни — въ родѣ подобнаго, яко-бы, но не соприкосновеннаго съ квакерствомъ, духоборчества. Сходство общественныхъ условій на западѣ и на Руси далеко не доходитъ до такого тождества, до какого почти дошли между собою данные результаты — квакерство и духоборчество, и въ слѣдствіи, если выводить духоборчество изъ исключительно русскихъ общественныхъ условій, было бы несравненно больше, чѣмъ сколько заключается въ причинѣ. А что аналогическія общественныя условія на Руси и на западѣ имѣли значительную долю различія и даже бо̀льшую, чѣмъ сходства, доказывать это было бы излишне; можно ли наприм. сравнивать собственно-русскія скудныя научныя стремленія съ ихъ идеаломъ на западѣ, или наши революціонныя вспышки, разрѣшившіяся бунтами стрѣлецкими, соловецкими, разинскими — сопоставлять съ безпредѣльною и непрерывною, религіозно-научною, либеральною волною, разлившеюся на западѣ? Сходныя въ нѣкоторыхъ незначительныхъ чертахъ общественныя условія на Руси были почвою, къ которой въ духѣ времени только и могли привиться западныя идеи; безъ этой соотвѣтствующей почвы нельзя было бы и думать о привнесеніи и возвращеніи у насъ западныхъ сродныхъ идей: безъ стремленія русскихъ къ свѣту, наукѣ, свободѣ, равноправности, безъ протеста ихъ противъ гражданскихъ и церковныхъ властей никогда не имѣло бы успѣха ученіе крайне раціоналистическое, предоставляющее каждому полную автономію, совершенную независимость отъ гражданскихъ и церковныхъ учрежденій. Не будь навѣянныхъ съ запада идей, все русское церковно-революціонное и научнолиберальное движеніе не пошло бы далѣе рукопашной расправы, нѣсколькихъ бунтовъ, узкаго старообрядства въ сферѣ церковной и, если ужь бросаться въ послѣднюю противоположную крайность, дошло бы до голословнаго отрицанія старообрядства во имя идеи, духа религіи. Стать же въ упоръ, въ оппозицію ревнителямъ церковныхъ реформъ и ихъ противникамъ старообрядцамъ; послѣ горькаго опыта духовной очищенной религіи съ тѣнью обрядности искать религіи безъ всякой обрядности, замыкающейся исключительно въ глубинѣ таинственно-просвѣщаемаго отъ Бога духа, словомъ заявить рядъ протестовъ столь своевременныхъ и послѣдовательныхъ, полныхъ глубины и силы, организовать мистически-раціоналистическую секту, почти тождественную съ западнымъ квакерствомъ, едва ли возможно внѣ вліянія на нее западнаго раціоналистическаго духа времени и его ближайшихъ проводниковъ-квакеровъ.

Отвѣчая духу времени, духоборческая секта входитъ наконецъ въ соглашеніе съ тѣми, противъ кого она выступила было съ своими протестами. Когда въ церкви русской происходитъ печальное раздѣленіе изъ-за внѣшности и обрядности, когда не искусные въ вѣрѣ рѣшительно теряются, гдѣ найти истину и опору, новая секта подаетъ руку примиренія, открываетъ убѣжище спасенія для обѣихъ раздѣлившихся сторонъ, всѣхъ зоветъ къ себѣ, ласкаетъ и соглашаетъ: она провозглашаетъ, что внѣшняя сторона религіи, изъ-за которой возникло столько споровъ, ничего не значитъ, важно и существенно лишь то, что совершается въ глубинѣ человѣческаго духа дѣйствіемъ внутренняго слова; здѣсь, во внутреннемъ святилищѣ духа совершается вся религія; здѣсь священникъ, алтарь, жертва и всѣ таинственныя дѣйствія вѣры. Далѣе, православная церковь сокращается во внѣшнихъ предѣлахъ вслѣдствіе отпаденія отъ нея раскольниковъ; отпадшіе члены не только не могутъ сплотиться въ одну церковную общину, но во взаимномъ фанатическомъ озлобленіи, изъ-за мелочныхъ внѣшнихъ пререканій, другъ друга попираютъ, уничтожаютъ: въ ученіи новыхъ отщепенцевъ-духоборцевъ является новая церковь, собирающая подъ собою всѣхъ православныхъ и отпадшихъ отъ православія, обнимающая собою всѣ безъ различія религіи и секты, объединяющая ихъ безъ всякихъ символовъ и вѣроисповѣданій единымъ всеобъемлющимъ дѣйствіемъ внутренняго слова. (Таково именно понятіе духоборцевъ о церкви.) И все это—совершенно въ духѣ ученія квакеровъ. Создать религію съ такимъ именно догматическимъ характеромъ и еще болѣе сообразовать его съ духомъ времени и потребностями общества, русскіе малообразованные сектанты едва ли были въ состояніи. Тутъ естественно предполагать участіе образованныхъ и искусныхъ пропагандистовъ, которые съ свойственною имъ чуткостію къ потребностямъ времени и движеніямъ общественнымъ, во-время подмѣтили вызванное реформами церкви волненіе, броженіе въ народѣ, его сочувствіе и противленіе реформамъ, и, постепенно раздувая это волненіе, съумѣли подбросить мятущимся свое ученіе, ловя въ свои сѣти все, что было нетвердаго, неустойчиваго въ этомъ мутномъ и бурномъ общественномъ водоворотѣ. Нужно ли прибавлять, что такіе дальновидные и искусные ловцы всегда могли найтись въ средѣ опытнѣйшихъ пропагандистовъ-квакеровъ? Итакъ строгое соотвѣтствіе вѣроученія духоборцевъ духу времени и потребностямъ общества можетъ служить новымъ доказательствомъ происхожденія его изъ предполагаемаго источника.

Не лишены значенія въ этомъ отношеніи слѣдующія обстоятельства. Въ теченіе всего 18 вѣка русскіе духоборцы, по свидѣтельству Гакстгаузена, постоянно находились въ сношеніяхъ съ квакерами Германіи и Турціи [186]). Въ 1791 г., когда екатеринославскимъ духоборцамъ нужно было точно и систематически формулировать свое ученіе и представить исповѣданіе своей вѣры по начальству, составителемъ исповѣданія яв-

ляется у нихъ какой-то квакеръ, учившійся въ методическихъ школахъ. Въ то же почти время, когда Савелій Иларіоновъ Капустинъ принялся до послѣдней крайности развивать духоборческіе принципы съ тѣмъ, чтобъ основать теократическое государство съ рилигіозно-гностическою основою, онъ проситъ наставленій у западно-европейскихъ квакеровъ [187]). Не удивительно, что при самомъ возникновеніи секты, какъ и въ теченіе всего послѣдующаго 18 в., духоборцы заимствовали отъ квакеровъ формальныя обосновы своего ученія и самое ученіе.

Возможность вліянія протестантизма на образованіе молоканской секты.

Свои сужденія о происхожденіи духоборческой секты мы свели къ предположенію, что духоборчество представляетъ собою поворотъ къ чистымъ принципамъ квакерства, предпринятый въ виду печальныхъ уклоненій онъ нихъ сектою людей Божіихъ. Разъ начавшійся возвратъ ересей къ своему первоисточнику могъ идти дальше и дальше. Въ общемъ круговоротѣ еретическаго движенія могла выдвинуться новая секта молоканъ, представляющая собою возвратъ къ первообразному принципу обѣихъ мистическихъ сектъ, являющаяся ближайшею преемницею и продолжательницею того протестантствующаго направленія, которое около двухъ вѣковъ производило броженіе въ извѣстной средѣ. Круговоротное это блужданіе по ересямъ, по всей вѣроятности, совершалось такъ, что одни и тѣ же лица дѣлались квакерами — хлыстами, но зашедши слишкомъ далеко, приставали къ квакерамъ — духоборцамъ; не нашедши и здѣсь удовлетворенія, шли къ молоканамъ. Другіе наклонные къ сектантству раціоналисты, которые со стороны, издали смотрѣли на эти гибельные переходы изъ секты въ секту, могли находить въ нихъ побужденія твердо держаться пути, поворотъ съ котораго велъ къ столь гибельнымъ послѣдствіямъ. Сравнительно твердый этотъ путь лежалъ на почвѣ укоренившагося въ извѣстной средѣ протестантствующаго направленія, послѣднимъ выразителемъ котораго былъ Тверитяновъ. Новый плодъ на старой почвѣ — раціоналистическая секта молоканъ долго скрывалась въ тѣни и неизвѣстности и стала замѣтною для исторіи, когда уже организовалась въ прочно сложившееся общество.

Что секта молоканъ была наслѣдницею протестантствующаго ученія Тверитянова, продолжательницею его темнаго дѣла, — на это нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ исторіи, объ этомъ, какъ при изслѣдованіи происхожденія двухъ предшествующихъ сектъ, приходится судить съ помощію догадокъ, сравненій, сопоставленій. Это можно видѣть 1) изъ сличенія символическихъ книгъ или обрядниковъ молоканъ съ символическими

книжками или «тетрадями» Тверитянова. Въ тѣхъ и другихъ книжкахъ— одинаковый почти подборъ текстовъ, тѣ же выводы изъ текстовъ и нравственныя наставленія. Разница въ нихъ незначительная, легко примиримая. Разница эта замѣчается въ порядкѣ размѣщенія текстовъ по группамъ. «Тетради» Тверитянова не отличаются послѣдовательнымъ расположеніемъ своихъ группъ или главъ. Только о клятвѣ и крестномъ знаменіи говорится въ нихъ въ отдѣльныхъ главахъ (21, 30), а то о каждомъ предметѣ трактуется въ нѣсколькихъ главахъ (о церковномъ преданіи и отеческихъ писаніяхъ въ 11—14 гл., о чудесахъ въ 15 и 16, объ ересяхъ 22 и 23 гл.) и большею частію между разнородными и отдаленными главами (о призываніи святыхъ 2—8, 19, 20, о мощахъ 9, 17 и 18, объ іерархіи 24, 27, 29) [188]), каковая чрезполосица мыслей не можетъ быть оправдана ни съ логической, ни съ практической точки. Въ большей части обрядниковъ молоканъ мы напрасно стали бы искать также общей руководящей нити, которая связывала бы отдѣльныя части вѣроученія; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ повтореній и разбросанности однѣхъ и тѣхъ же трактацій по разнымъ главамъ [189]). Относительно содержанія въ тѣхъ же обрядникахъ и «тетрадяхъ» нельзя не замѣтить той разницы, что *отдѣльно* поставленныя «въ тетрадяхъ» главы: о чудесахъ, мощахъ и призываніи святыхъ въ обрядникахъ *кратко* излагаются *среди* другихъ главъ, а направленныя противъ ересей главы вовсе опускаются. Но это, можно думать, потому, что по тогдашнимъ потребностямъ времени и состоянію сектантовъ не было нужды въ отдѣльной и обстоятельной аргументаціи этихъ предметовъ: непочитаніе мощей, святыхъ и проч., о чемъ такъ ратовала и чего не всегда достигала полемика протестантская въ прежнее время, теперь стало фактомъ совершившимся, общепризнаннымъ въ средѣ сектантовъ; о казни еретиковъ не могло быть рѣчи въ обрядникахъ молоканъ уже потому, что имъ жилось въ то время спокойно. Далѣе, въ обрядникахъ находимъ нѣсколько лишнихъ обрядовыхъ постановленій, какихъ не видимъ «въ тетрадяхъ [190])». Но эти дополненія по содержанію и существу своему не привносятъ собою ничего существенно новаго: и тамъ и здѣсь заповѣдуются служеніе Богу исключительно внутреннее духовное, жертвы и всесожженія сердечныя, кадило и ѳиміамъ — молитвенныя. Дополненія эти сдѣланы потому, что для вновь организовавшагося религіознаго общества, долженствовавшаго имѣть и свои обрядовыя отличія, нужно было точнѣе и полнѣе регламентировать обрядовую сторону. Наконецъ, въ самыхъ «тетрадяхъ» Тверитянова, со временемъ, произошли значительныя измѣненія: тѣмъ болѣе что послѣдователи его, живя долгое время разрозненно, жили при какихъ имъ угодно вѣрованіяхъ и обрядахъ, лишь бы оставались вѣрными духу его ученія, и символическія ихъ книжки переходили изъ рукъ въ руки, изъ поколѣнія въ поколѣніе не въ цѣломъ не-

прикосновенномъ ихъ видѣ, но въ отрывкахъ различнаго объема. Оттого позднѣйшія «тетради» испещрены такими варіантами и столько разнятся отъ первоначальныхъ списковъ, сколько обрядники отъ нихъ. Указанное сходство и оттѣнки различія «тетрадей и обрядниковъ» естественно наводятъ на мысль, что въ основу составленія послѣднихъ легли «тетради» Тверитянова, съ тѣми незначительными измѣненіями ихъ, наприм. исправленіями въ системѣ, какія долженъ былъ произвести смыслъ и развитость позднѣйшихъ составителей, какія находилъ нужнымъ допустить тактъ позднѣйшихъ редакцій примѣнительно къ потребностямъ времени и состоянію сектантовъ и какія должны были произойти въ нихъ по самой измѣнчивости внѣшней судьбы «тетрадей».

Если къ внѣшнему сравнительному обзору обрядниковъ и тетрадей присоединить внутренній составъ вѣроученія молоканъ и суммировать главныя вѣроисповѣдныя положенія и принципы ихъ не по однимъ обрядникамъ, а и по другимъ несомнѣннымъ вѣроисповѣднымъ памятникамъ, то предъ нами яснѣе и нагляднѣе скажется протестантскій духъ и характеръ вѣроученія молоканъ. Вотъ эти главныя положенія и принципы. Молокане вѣруютъ во единаго въ Троицѣ Бога, но плоть во Христѣ признаютъ не человѣческую, а принесенную съ неба, и смерть какую-то особенную, не человѣческую. Церковь, по ихъ понятіямъ, существовала только до IV вѣка, но съ этого времени вселенскіе соборы и учители церкви, превратнымъ толкованіемъ библіи, извратили христіанство и смѣшали его съ язычествомъ. А потому постановленія соборовъ, писанія отцевъ, а равно и преданіе церковное не пріемлются ими. Таинства понимаются ими духовно. Крещеніе состоитъ у нихъ въ наученіи отъ слова Божія, мνропомазаніе и елеосвященіе — въ духовномъ помазаніи. Нравственное ученіе ихъ опирается на протестантскомъ принципѣ христіанской свободы, на совершенной независимости ея отъ стороннихъ человѣческихъ побужденій и на принципѣ оправданія вѣрою. Даже воззрѣнія молоканъ на такія нравственно-воспитательныя учрежденія, какъ посты совершенно протестантскія. Постъ у нихъ предоставляется доброй волѣ каждаго: кто чувствуетъ свою грѣховность и преобладаніе плоти надъ духомъ, тотъ можетъ поститься, но тогда и такъ, когда и какъ ему вздумается. Ученіе молоканъ о богослуженіи и обрядности по духу своему протестантское, но въ частностяхъ, конечно, не можетъ не разниться съ нимъ. Все богослуженіе ихъ, по принципу, должно быть не внѣшнее или обрядовое, но внутреннее, духовное: крестное знаменіе, поклоны, молитвы, пѣсни, почитаніе иконъ и самые храмы, какъ не имѣющіе основанія въ священномъ писаніи, признаются не обязательными, излишними, хотя на практикѣ это опредѣленіе не соблюдается въ точности: прирожденная потребность молитвы со всѣми внѣшними ея принадлежностями сильнѣе всякихъ придуманныхъ принциповъ [191]). И такъ, не

смотря на нѣкоторыя частныя разности, вѣрованія и учрежденія молоканъ имѣютъ близкое сходство съ вѣроученіемъ протестантовъ. А такъ какъ ученіе протестантское въ такой полнотѣ сохранялось на Руси лишь у протестантствующихъ послѣдователей Тверитянова, то и поэтому смѣло можно заключить о его сродствѣ и происхожденіи отъ Тверитяновыхъ[192]).

Отечественные историки большею частію опускаютъ изъ виду связь молоканъ съ Тверитяновыми и происхожденіе молоканства объясняютъ такъ: въ 70-хъ гг. 18 ст. портной борисоглѣбскаго уѣзда тамбовской губерніи Семенъ Уклеинъ, одинъ изъ ревностныхъ проповѣдниковъ духоборческой секты, послѣ личной размолвки съ начальникомъ ея и своимъ тестемъ Побирохинымъ, вдругъ бросаетъ жену и секту и открываетъ новую секту со многими новыми догматами, обрядами и установленіями, набираетъ себѣ приверженцевъ изъ разнородныхъ массъ и вѣръ; послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ссылки за свою пропаганду, собираетъ новыхъ приверженцевъ и соединяетъ всѣхъ въ одну общину[193]). По нашему крайнему мнѣнію, такое быстрое сформированіе секты — и при томъ изъ людей не минутнаго увлеченія, ея долговѣчность и живучесть служатъ порукою, что она сложилась изъ элементовъ прочныхъ, жизненныхъ, подготовлявшихся въ теченіе долгаго времени. Какъ ни странно съ перваго взгляда сопоставлять секту въ 100,000 человѣкъ съ многомилліоннымъ лютеранствомъ, но при сродствѣ ихъ вѣроученія, при ихъ одинаковой живучести весьма не лишне сопоставить ихъ между собою и въ историческомъ процессѣ возникновенія ихъ. Было бы крайнею ошибкою противъ исторіи считать Лютера первымъ и единственнымъ виновникомъ протестантства, хотя оно и называется его именемъ. Какъ религіозный критицизмъ пытливыхъ умовъ, какъ всеобщій протестъ противъ церковной неурядицы, злоупотребленій, извращеній христіанства, оно давно жило въ народѣ, въ гуманистахъ, гусситахъ, виклефитахъ... Лютеру удалось оппозиціонному этому движенію дать форму церковнаго и гражданскаго сепаратизма и чрезъ то увѣковѣчить за нимъ свое имя. — Начало и зерно молоканской секты приходится отыскивать въ религіозномъ раціонализмѣ русскихъ 16 вѣка. Изъ этого зерна, въ сумракѣ двухъ вѣковъ, она постепенно ростетъ, зрѣетъ и оплодотворяется. Первые побѣги зерна можно примѣчать въ ересяхъ Башкина и Косаго, стебель и развѣтвленія въ періодическихъ, протестантствующихъ направленіяхъ 17 в., главнымъ выразителемъ которыхъ выступилъ Тверитяновъ. Послѣдними созрѣвшими плодами его, доселѣ еще сохранившимися, можно назвать протестантствующія секты молоканъ. Главное различіе между русскимъ протестантствующимъ и западнымъ протестантскимъ движеніемъ состоитъ въ томъ, что на Руси не было такого лица, которое бы объединило оппозиціонныя раціоналистическія движенія умовъ въ формѣ всеобщаго политическаго отпаденія, и эта роль осталась поэтому за мелкими учителями по разнымъ

губерніямъ и мѣстамъ Россіи. Къ числу такихъ частныхъ пропагандистовъ принадлежитъ и Уклеинъ. Воспользовавшись готовыми вѣрованіями и учрежденіями, существовавшими по частямъ съ 16 столѣтія и сформированными окончательно Тверитановымъ, разсѣянно жившихъ единомышленниковъ послѣдняго онъ, можно пологать, безъ труда соединилъ подъ своимъ учительствомъ, собралъ въ одну секту, давъ имъ новое имя молоканъ (прежде жъ они извѣстны были подъ общимъ именемъ духовныхъ христіанъ). Итакъ вѣрнѣе, что ядро молоканской секты составили преемники и послѣдователи Дмитрія Тверитянова.

Вокругъ этого ядра произошло немало наслоеній,—къ молоканамъ прильпнуло сравнительно много духоборцевъ и за тѣмъ субботниковъ[194]). Какъ произошло это наслоеніе? Какимъ образомъ духоборцы возсоединились съ молоканами? Отчего не удалось имъ съ ихъ проповѣдникомъ Уклеинымъ создать независимую отъ молоканъ секту и—такъ быстро, какъ это большею частію представляютъ? Мы знаемъ, что вѣроученіе духоборцевъ, при всемъ своемъ превосходствѣ надъ вѣроученіемъ хлыстовъ, весьма далеко отъ совершенства. Одно уже сліяніе лицъ въ Богѣ, отрицаніе всемірныхъ искупительныхъ заслугъ Христа, слѣпая вѣра въ просвѣщеніе души отъ внутренняго слова; далѣе, суровая, стоически манихейская мораль въ теоріи, а на дѣлѣ полная цинизма и разврата, проповѣдуемая ею анархія и крайній соціализмъ и другія вопіющія противорѣчія христіанству были слишкомъ рѣзки и поразительны, чтобъ оставаться безъисходно въ этой полунатуралистической, мистико-раціоналистической сектѣ, которая, желая сохранить глубочайшій духъ и характеръ христіанства, едва не упразднила его. Но какъ ни худы прежнія вѣрованія, по разсказамъ портнаго, который вчера былъ горячимъ защитникомъ духоборчества, а сегодня сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ новой вѣры, духоборцы не могли же вдругъ перемѣнить религіи, да и самъ онъ, какъ человѣкъ болѣе другихъ умный, начитанный, хотя ранѣе другихъ увидѣлъ гибельныя крайности секты, не могъ однако такъ быстро разорвать всѣ связи съ нею и такъ внезапно создать новыя вѣрованія, какъ это обыкновенно представляютъ. По извѣстнымъ психологическимъ законамъ, человѣкъ доходитъ до убѣжденія въ несостоятельности своей вѣры и замѣны ея новою вѣрою путемъ сравнительнаго и тщательнаго изученія прежней и новой вѣры. Въ данномъ случаѣ сектанты тѣмъ осторожнѣе должны были быть въ перемѣнѣ своей вѣры, что непосредственно надъ собою или надъ другими несчастными сами испытали, къ чему ведутъ эти метанья и переходы изъ одной вѣры въ другую, изъ секты въ секту (изъ православія въ секту хлыстовъ, отъ хлыстовъ къ духоборцамъ), а остановившись на вѣрованіяхъ послѣдней секты должны были привыкнуть къ нимъ, сродниться съ ними и не безъ трепета видѣть въ нихъ вопросъ жизни и смерти, тайну временной и вѣчной

судьбы. Чтобъ выступить на путь трезваго критическаго отношенія къ своей религіи, сознать тщету прежнихъ религіозныхъ убѣжденій и замѣнить ихъ новыми, нужно было долго и долго всматриваться въ строй новой религіи, изслѣдовать ее во всѣхъ проявленіяхъ ея; въ вѣроученіи, богослуженіи, въ убѣжденіяхъ и жизни иновѣрцевъ, въ семейномъ и общественномъ быту и т. под.; нуженъ былъ рядъ долговременныхъ опытовъ, размышленій, сопоставленій прежняго религіознаго строя съ новымъ, (а одни голословныя восхваленія новой неизвѣданной вѣры не значили бы ничего), нуженъ рядъ нравственныхъ усилій и подвиговъ самоиспытанія. Не говоря уже о завѣтныхъ для сердца и непремѣняемыхъ догматическихъ вѣрованіяхъ, сколько наприм. опытовъ сравненія и сопоставленія, сколько борьбы и нравственной истомы нужно было, чтобъ этимъ духовнымъ поклонникамъ невидимаго Бога, не знавшимъ никакихъ обрядовъ и молитвъ, вдругъ приняться за усиленныя колѣнопреклоненныя молитвы, утреннія и вечернія и т. д.? Какъ трудно было этимъ сынамъ «свободы и благодати», не признававшимъ надъ собою никакой власти, никакихъ узаконеній, вдругъ преклониться предъ требованіями властей, терпѣливо нести всѣ тягости благоустроеннаго общежитія?[195]) Самъ Уклеинъ не скоро рѣшился на такую жертву; прежде чѣмъ рѣшился на перемѣву вѣры, онъ долго изучалъ на практикѣ систему молоканскихъ или вѣрнѣе Тверитяновскихъ вѣрованій и учрежденій, сравнивая ихъ съ ученіемъ прежней секты[196]). Но всѣ эти опыты сравнительнаго изученія вѣръ духоборцы съ Уклеинымъ во главѣ, по географическимъ и общественнымъ условіямъ ихъ быта, могли производить здѣсь же на мѣстѣ, надъ жившими среди ихъ молоканами или послѣдователями Тверитянова[197]). Эти послѣдніе, при неоспоримомъ превосходствѣ своихъ религіозныхъ учрежденій и вѣрованій надъ духоборческими, мало по малу привлекли къ себѣ ихъ симпатіи, возбудили къ себѣ невольное тяготѣніе. И когда тѣ и другіе готовы были слиться въ одинъ религіозно-общественный составъ, Уклеинъ, какъ искусный организаторъ, легко могъ соединить ихъ и, по всей вѣроятности, сформировалъ секту такъ легко, какъ обыкновенно изображаютъ это дѣло. Извѣстно, что за годъ, за два въ тамбовской, воронежской и саратовской губерніяхъ онъ собралъ около 5,000 послѣдователей[198]): столько сектантовъ ему едва въ пору было сплотить въ религіозно-общественный союзъ, а не возродить или обратить вновь.

Что касается до жидовствующихъ или субботниковъ, то эта секта, по своимъ вѣрованіямъ сходная съ ересью жидовствующихъ конца 15 и начала 16 в., есть внезапный гнилой отпрыскъ на прежней религіозно-раціоналистической почвѣ. Не вѣря въ Божественность Іисуса Христа, не признавая установленной имъ церкви, празднуя вмѣсто воскресенія субботу, принимая обрѣзаніе, но отвергая талмудъ, жидовствующіе или

субботники не были ни христіанами, ни евреями, не имѣли подъ собою почвы, составляли странную аномалію и, разумѣется, не могли долго существовать. Какъ древняя ересь жидовствующихъ скоро исчезла, уступивъ мѣсто протестантствующему направленію 16 и 17 вв., такъ и новой сектѣ жидовствующихъ или субботниковъ, въ большинствѣ ея членовъ, суждено было слиться, поглотиться въ обновленномъ протестантствующемъ движеніи — молоканствѣ. Если ея корень, оплотъ не устоялъ противъ этого стремительнаго потока, тогда только еще начинавшаго разливаться, то тѣмъ болѣе должна была потонуть въ немъ новая слабая отрасль древней секты. Самъ главный ея вождь и наставникъ Семенъ Далматовъ, при первомъ напорѣ потока событій, не устоялъ, потонулъ въ немъ: послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ и бесѣдъ съ Уклеинымъ сдѣлался молоканиномъ; большая часть учениковъ его послѣдовали его примѣру, подобно духоборцамъ, предварительно дошедши до сознанія несостоятельности прежней вѣры путемъ сравнительнаго и одновременнаго изученія чужой и своей вѣръ [199]). Итакъ, по всѣмъ выведеннымъ нами соображеніямъ и предположеніямъ, въ длиной цѣпи постепенно прибывавшихъ новыхъ членовъ или звѣньевъ основнымъ соединительнымъ звѣномъ были молокане; на нихъ и изъ нихъ выростали новыя звѣнья увеличивавшейся цѣпи; а всѣ молокане вообще, во всей цѣпи протестантсвовавшихъ ученій, составляютъ послѣднее завершительное звѣно; ихъ религіозныя вѣрованія и установленія — вѣнецъ и вершина всего зданія, которое созидалось и то и дѣло разрушалось на длинномъ пространствѣ времени; здѣсь развязка потаеннаго узла, который съ столь измѣнчивыми судьбами завязывался хитрыми руками.

Развязка всѣхъ хитросплетенныхъ отношеній протестантизма къ русской церкви и расколу можетъ быть сведена къ тому, что, сдѣлавъ такъ мало пріобрѣтеній въ самой церкви, онъ успѣлъ вознаградить себя въ расколѣ тѣмъ, что отрицательнымъ путемъ способствовалъ возникновенію старообрядства, (усиливая въ ревнителяхъ старины противленіе церковнымъ и общественнымъ реформамъ, а главное реакцію противъ перенесенія на Русь выросшей на почвѣ протестантизма культуры). Но только способствовалъ, и всего менѣе возникновенію старообрядства: при слѣпой приверженности къ старинѣ, при узкой національной замкнутости и упорномъ противленіи культурнымъ европейскимъ заимствованіямъ, церковныя и общественныя реформы и безъ того вызвали бы расколъ въ невѣжественныхъ массахъ, и — будь эти реформы совершены при нѣкоторомъ воздѣйствіи католическаго запада, а не протестантства, будь культура и наука пересажена къ намъ съ почвы не протестантской, а католической, — расколъ нашъ, по исконной религіозно-національной враждѣ къ католичеству, выразилъ бы болѣе сильную реакцію и принялъ бы болѣе широкіе размѣры. Равнымъ образомъ, хотя мистическія раскольническія

секты большую часть своего вѣроученія заимствовали отъ крайне-протестантскихъ сектъ, (молоканство въ нѣкоторой мѣрѣ есть русское протестантство, хлыстовщина и духоборство — квакерство на русской почвѣ, первая въ менѣе совершенномъ, второе въ болѣе совершенномъ видѣ), но главною виною образованія мистическихъ нашихъ сектъ всего правдоподобнѣе признавать не протестантское крайне раціоналистическое или мистическое вліяніе, а русскія историческія и общественныя условія, вызвавшія собою реакцію сильной приверженности старообрядства къ буквѣ и внѣшности, и произведшія въ извѣстной средѣ мистическія наклонности и стремленія, безъ которыхъ не привились бы къ ней протестантскія ученія. И внѣ протестантскаго вліянія, сравнительно лучшаго, просвѣщеннаго, при крайнемъ невѣжествѣ, изувѣрствѣ народа, эти секты приняли бы болѣе уродливыя формы, болѣе пагубное направленіе, какъ видимъ то наприм. въ сектѣ самосожигателей; да изъ самихъ мистическихъ сектъ—самая худшая та, которая менѣе другихъ заимствовалась отъ протестантизма, хотя бы и крайняго, — секта людей Божіихъ. Но и въ этой области раскола завоеванія протестантскаго прозелитизма слишкомъ не велики. Въ эпоху повсемѣстныхъ побѣдъ своихъ на западѣ, на востокѣ среди русскихъ онъ не образовалъ ни одной чисто протестантской общины, а лишь могъ содѣйствовать организаціи трехъ протестантствующихъ сектъ. И эти секты вплоть до настоящаго времени всегда составляли ничтожную горсть во всей массѣ русскаго народа (молоканъ и духоборцевъ считается въ настоящее время по 100,000, хлыстовъ еще менѣе). Пріобрѣтши себѣ столь незначительную добычу, протестантизмъ не нанесъ существеннаго вреда православной церкви.

Но и эта незначительная добыча досталась ему не безъ борьбы. Мы не касались противодѣйствія со стороны православной, какое онъ встрѣтилъ при своей агитаціи въ раскольнической средѣ: полемика эта происходила внѣ предѣловъ 17 вѣка; но мы видѣли пламенную неустанную борьбу, которая шла чрезъ всю исторію протестантской пропаганды на Руси вплоть до 18 вѣка. Борьба эта и всѣ соприкосновенія протестантизма съ православіемъ были весьма полезны въ дѣлѣ возрожденія и развитія просвѣщенія на Руси.

ОТДѢЛЪ III.

Вліяніе протестантизма: 1) на развитіе просвѣщенія въ Россіи, 2) на нравственную и 3) церковно-практическую жизнь ея.

1. Вліяніе протестантизма на развитіе просвѣщенія въ Россіи.

Борьба есть жизнь и развитіе. Гдѣ нѣтъ борбы, тамъ нѣтъ движенія, тамъ медленность, застой, мертвенность; напротивъ, гдѣ борьба, тамъ дѣятельное напряженіе силъ, тамъ онѣ развертываются во всю свою широту и достигаютъ высоты развитія, какая имъ указана природою. Единичныя личности, цѣлыя сословія, общества и государства всегда развивали свои силы въ борьбѣ и соревнованіи, зрѣли и крѣпли умственно и нравственно на аренѣ упорной энергичной борьбы. Борьба православія съ протестантизмомъ, тянувшаяся съ небольшими перерывами полтора вѣка, борьба, которой всѣ лучшіе умы посвятили свои силы, не могла не имѣть подобныхъ послѣдствій. Она создала цѣнныя литературныя произведенія, подобныхъ которымъ не видимъ во всѣ предшествовавшіе вѣка нашей исторіи и которыя имѣли важное образовательное вліяніе на свой вѣкъ, на всѣ сокровенныя умственныя силы времени, и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. (Достаточно вспомнить, что извѣстное противолютеранское сочиненіе 1642 г. послужило основою для Камня вѣры, а Камень — до сихъ поръ служитъ краеугольнымъ камнемъ полемическаго противо-лютеранскаго нашего Богословія). Она произвела въ народѣ не бывалое прежде возбужденіе умовъ. На пространствѣ всѣхъ предшествующихъ вѣковъ какіе либо стригольники, жидовствующіе, въ тѣсномъ и ограниченномъ кружкѣ единомышленниковъ, поднимали робкіе, глухіе толки и протесты, и ученіе ихъ, которое собственно нельзя назвать ересью, изъ ихъ потаенныхъ уголковъ, Пскова и Новгорода едва доходило до Москвы. Борьба съ ними шла на перѣ, это была борьба книжная, а не общественная. Прежде какіе либо псковскіе философы велемудрствовали о томъ, пѣть ли «Господи помилуй» или «о Господи помилуй, двоить или троить Божественное аллилуіа, и народъ мало обратилъ вниманія на «эту прю суемудрую». Вотъ и всѣ споры стараго времени вплоть до половины 16 вѣка, если не включать сюда споровъ о монастырскихъ имѣніяхъ. Сочиненія, написанныя по поводу этихъ споровъ, не исключая просвѣтителя преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, пользовались извѣстностію въ тѣсномъ избранномъ кружкѣ. Иное видимъ по поводу протестантскаго

движенія на Руси. Тутъ открываютъ соборъ за соборомъ, диспутъ за диспутомъ. Съ появленіемъ первыхъ протестантствующихъ вольнодумцевъ Башкина и Косаго, созвано 5 соборовъ (а по нѣкоторымъ исторіямъ, открывается двугодичный непрерывный соборъ съ 5 главными засѣданіями). По поводу преній съ королевичемъ Вальдемаромъ — новые соборы. По дѣлу Бѣлободскаго и Тверитянова опять соборы. Диспуты производятся то самимъ царемъ (Грознымъ), то при личномъ участіи царей (Михаила Ѳедоровича, Софіи Алексѣевны, Марѳы Матвеевны, супруги Ѳедора Алексѣевича). Въ первомъ случаѣ царь за весь народъ, можно сказать, отвѣчаетъ одинъ. Въ послѣдующихъ спорахъ люди всѣхъ чиновъ, званій и состояній принимаютъ горячее участіе. Подъ конецъ вѣка пренія переходятъ изъ царскихъ и крестовыхъ палатъ на улицы, торжища и въ частные домы; всякій возрастъ и полъ, или, по выраженію Полоцкаго, «буіа женища, скотопродавцы и корчемники разглагольствовали о Богословіи». Не отсюда ль развилась та страсть къ словопренію, какою ознаменована полемика православія съ расколомъ? Понятно, какъ все это будило умы, заохочивало ихъ къ образованію, чтенію, размышленію. Съ самаго же начала напряженной борьбы, русскій народъ, сознавъ недостатокъ собственныхъ силъ и обратился за помощію къ грекамъ и южно-русскимъ ученымъ; по мѣрѣ нужды онъ болѣе и болѣе просилъ себѣ ихъ помощи, вызывалъ ихъ въ Россію и наконецъ ихъ же руками насадилъ у себя науку, создалъ высшую школу. При томъ страшномъ предубѣжденіи, которое русскій народъ питалъ, какъ мы видѣли, къ южно-русскимъ ученымъ и къ самимъ грекамъ, считая себя единственнымъ въ цѣломъ мірѣ православнымъ народомъ, русскіе не пошли бы въ науку къ греческимъ и южно-русскимъ ученымъ, еслибъ не нужды борьбы съ сильнымъ протестантскимъ движеніемъ. Протестантизмъ, бывшій самъ слѣдствіемъ возрожденія наукъ на западѣ, куда ни проникалъ на западѣ, всюду (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) приносилъ съ собою науку, освобождая мысль отъ оковъ слѣпой традиціи, раболѣпства мнимому авторитету, пробуждая въ ней духъ критицизма, свободнаго глубокаго изслѣдованія. На русской почвѣ протестантизмъ, какъ мы видѣли, не привился: одинъ лишь пустоцвѣтъ, легкомысліе онъ успѣлъ сорвать на ней да и тѣмъ не овладѣлъ вполнѣ. Эти легкіе умы, силясь проникнуть въ глубину его, усвоить духъ критицизма, свободу мысли, брали изъ него оборотную сторону, проникались духомъ безразборчиваго отрицанія. Но лучшіе люди, входившіе въ то или другое соприкосновеніе съ протестантами, во время частныхъ бесѣдъ и формальныхъ преній, ясно различали хорошее отъ дурнаго, ложь отъ истины, и обличая ложь, неправду, усвояли себѣ, по возможности, ихъ научные діалектическіе пріемы, распалялись желаніемъ стать въ уровень съ ихъ образованіемъ; сами искали и другихъ возбуждали взыскать высшей науки». Вообще протестантизмъ

не положительнымъ путемъ, какъ иногда на западѣ, а отрицательнымъ и у насъ содѣйствовалъ возрожденію науки.

Но почему не положительнымъ? Ужели не было прямаго, непосредственнаго вліянія обширной протестантской науки на скудную нашу образованность 16 и 17 вѣковъ? Эта-то скудость образованности и была главною преградою для непосредственнаго обширнаго ея вліянія. При крайнемъ невѣжествѣ массъ, при отсутствіи самыхъ элементарныхъ наукъ: грамматики, ариѳметики, при существованіи до 1630-хъ годовъ однѣхъ лишь школъ грамотности, нельзя было и думать о прямомъ непосредственномъ пользованіи богато развитою протестантскою литературою: богословскою, философскою, историческою, филологическою. Не говоримъ уже о страшномъ предубѣжденіи народа противъ ней, какъ науки безусловно еретической. Непосредственное пользованіе ею могло быть у насъ лишь послѣ прочнаго водворенія наукъ, съ паденіемъ религіозныхъ предразсудковъ. А до тѣхъ поръ избранныя лишь личности, таланты — самоучки, находившіеся въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ съ протестантами, могли заимствоваться отъ нея; на массы же народныя она вліяла издали, уклончиво, едва замѣтно; прокрадывалась въ народное сознаніе косвенными путями культуры, отчасти общеобразовательной элементарной науки, пробуждая въ народѣ дремлющія умственныя силы, возбуждая стремленіе къ знанію, любовь къ наукѣ, и удѣляя ему постепенно нѣкоторыя доли многоплодныхъ знаній. Такъ какъ въ 16 и первой половинѣ 17 столѣтія не видно прямымъ путей проникновенія въ Россію протестантской образованности, мы должны больше останавливаться на косвенныхъ ея путяхъ, зачаткахъ культуры, нисколько не смущаясь тѣмъ, что эти проводники протестантской образованности, по видимому, не имѣютъ въ себѣ религіозныхъ ея элементовъ. Исчадіе гуманизма, продуктъ возрожденной науки, религія болѣе разсудка, чѣмъ сердца, протестантизмъ всю свою силу сосредоточилъ въ наукѣ и образованіи. И если чья культура и наука, то преимущественно выросшая на почвѣ протестантизма 16 и 17 вѣковъ, проникнута, какъ мы видѣли, религіознымъ характеромъ, носитъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ симпатій и антипатій его, своеобразнаго духа и направленія. Насажденіе и развитіе на Руси протестантской культуры тѣмъ болѣе должно было сопровождаться успѣхами въ ней религіознаго образованія, что культура долженствовала быть главнымъ и почти единственнымъ проводникомъ религіозныхъ пропагандистическихъ тенденцій. Словомъ, такъ какъ преобладающій элементъ, жизненная стихія культуры есть элементъ религіозный и такъ какъ къ тому же само правительство (отъ Михаила Ѳедоровича до Петра Великаго), для развитія на Руси культуры, вызывало иноземцевъ «лютеранскаго закона», и преимущественно нѣмцевъ, то мы смѣло можемъ принимать успѣхи иноземной культуры на Руси за плоды протестантской образованности и

культурныхъ нѣмецкихъ дѣятелей за дѣятелей протестантской образованности вообще. Мы не смѣшиваемъ безусловно, не отожествляемъ нѣмецкой культуры съ протестантскою религіею, но не отдѣляемъ одну отъ другой тамъ, гдѣ онѣ не могутъ быть разъединены, замѣтивъ однако, что разграничить ихъ области не возможно.— Нѣмецко-протестантская культура сначала заманивала насъ, какъ застѣнчивыхъ дѣтей своими игрушками, костюмами, домашнимъ комфортомъ, музыкою, театральными удовольствіями. Она проникла къ намъ сперва какъ заманчивое украшеніе жизни домашней, появившееся первоначально при дворѣ. У Михаила Ѳедоровича было чрезвычайно много часовъ: корманныхъ, стѣнныхъ съ разнымъ затѣйливымъ боемъ; за обѣдъ онъ садился, обложенный часами. Не менѣе страстный охотникъ онъ былъ и до органовъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ домы нѣкоторыхъ бояръ, напримѣръ Матвеева, были убраны въ нѣмецкомъ вкусѣ: мебелью, портретами, картинами, и народъ сходился смотрѣть на ихъ дома, какъ на диво. Въ то же раннее время нѣкоторые русскіе начинаютъ наряжаться въ нѣмецкіе костюмы, наприм. бояринъ Морозовъ своего царственнаго воспитанника и его сверсниковъ одѣлъ въ нѣмецкіе комзолы. Одѣваясь по нѣмецки, нѣкоторые начали и физіономіи свои украшать во вкусѣ нѣмецкаго туалета: бѣлиться, румяниться, стричься, раскланиваться на нѣмецкій ладъ. Многіе стали находить, что борода не очень краситъ человѣка. Въ нѣкоторыхъ домахъ вводились порядокъ и пріемы европейскаго обращенія: большая простота, мягкость и непринужденность въ разговорѣ и угощеніи, исключавшія прежнюю грубую обрядность и формализмъ. Домы Орденъ-Нащекина и Матвеева были училищами великосвѣтскаго европейскаго образованія. Съ той же ранней поры начинаетъ развиваться на Руси вкусъ къ иноземной музыкѣ. Бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, заводитъ у себя нѣмецкій оркестръ. При Алексѣѣ Михайловичѣ благочестивые люди жертвовали благочиніями стола въпользу музыкальнаго аккомпанимента: музыка играла у нихъ и во время стола, особенно при дворѣ. Вѣнцемъ всѣхъ внѣшнихъ художественныхъ заимствованій было обзаведеніе театромъ, въ которомъ отъ мистерій дошли до свѣтскихъ піесъ. Внѣшнія эти культурныя заимствованія, улучшенія въ жилищѣ, одеждѣ и пріемахъ обращенія, музыка, театръ были переходною ступенью и вмѣстѣ двигательною силою къ образованію умственному, научному. Заимствованіе лучшими людьми всей благовидной внѣшности, домашняго комфорта не могло быть безъ усвоенія одушевлявшей то и другое мысли и изящнаго вкуса. Усвоеніе учтивости и утонченности обращенія въ обществѣ, пріемовъ и направленія разговорной рѣчи не могло не дѣйствовать развивающимъ образомъ на складъ мыслей, даръ слова. Стремленіе къ блестящей роли въ обществѣ побуждало нѣкоторыхъ учиться разнымъ языкамъ и наукамъ. Орденъ-Нащекинъ зналъ въ совершенствѣ

языки нѣмецкій, французскій и латинскій. Молодой сынъ Матвеева обученъ былъ разнымъ наукамъ и языкамъ. Наконецъ искусства музыкальное, впослѣдствіи и театральное сами по себѣ долженствовали быть для избраннаго общества школою умственнаго и эстетическаго образованія. Вообще, какъ доказано позднѣйшими отечественными историками, великое дѣло преобразованія и возрожденія Россіи, совершенное въ началѣ 18 стол., было подготовлено въ теченіе всего предшествовавшаго вѣка; Петръ былъ не создателемъ, а вождемъ этого великаго дѣла, оно было не его личное, но народное: потому что постоянно усиливавшееся въ теченіе всего вѣка, сближеніе русскихъ съ нѣмцами, сравненіе недастатковъ своего быта съ ихъ цивилизаціею, наукою возбудили въ народѣ стремленіе къ образованію, и наши просвѣтители, отвѣчая этому стремленію, еще съ 17 вѣка начали создавать на Руси науку, культуру [1]). Нелишенныя такимъ образомъ внутренняго образовательнаго значенія, указанныя нами внѣшнія культурныя заимствованія въ общей сложности своей не мало скрываютъ въ себѣ элементовъ чисто религіозной протестантской образованности. Странно было бы отыскивать ихъ порознь въ нѣмецкихъ часахъ, органахъ, костюмахъ, прическѣ, манерѣ и т. под.; но нельзя не находить ихъ вообще въ домашнемъ и общественномъ поведеніи и образѣ жизни, въ произведеніяхъ и наслажденіяхъ музыкальныхъ и театральныхъ, любители которыхъ, сама наприм. Наталья Кирилловна, слыли въ народѣ подъ именемъ еретиковъ [2]). Отъ доброй, однако, воли и благоразумія каждаго зависѣло, при заимствованіи этой большею частію внѣшней образованности у протестантовъ, не заражаться религіознымъ духомъ ихъ. И большая часть подражателей не заражались имъ. Нужно имѣть слишкомъ узкій умственный кругозоръ, нужно ниспасть на степень низкой раскольнической силлогистики, чтобы въ незначительныхъ этихъ культурныхъ заимствованіяхъ видѣть повсюду неразборчивое увлеченіе духомъ религіозной протестантской образованности. Мы представили ихъ не затѣмъ, чтобы дѣлать подобныя натяжки и преувеличенія, но чтобы показать, какъ началось при посредствѣ ихъ то гражданское культурное движеніе на Руси, которое не могло не отразиться и въ сферѣ духовнаго ея просвѣщенія. Мы хотимъ сказать, что православная церковь, шедшая всегда впереди историческаго гражданскаго развитія Россіи, не могла остаться чуждою новому этому историческому движенію: оно совершилось подъ ея священнымъ знаменемъ, съ ея благословенія, при ея содѣйствіи, и — зачатки культуры и науки, которые протестантизмъ думалъ сдѣлать проводниками религіозныхъ своихъ идей на Руси, послужили ко благу ея просвѣщенія, не только исходившаго отъ церкви гражданскаго образованія но и неразлучнаго съ нимъ духовнаго.

Очертивъ первые шаги на пути просвѣщенія, шаги робкіе и узкіе, долго державшіеся на низшихъ матеріальныхъ ступеняхъ культуры, попытаемся раскрыть, какъ рядомъ съ успѣхами культурнаго гражданскаго образованія, вызванными новымъ сближеніемъ русскихъ съ иноземцами, шли всегда улучшенія въ области духовнаго просвѣщенія, въ какой параллельной, одновременной связи развивалось то и другое. Въ 1639 г. опасною грамотою приглашали на русскую службу извѣстнаго протестантскаго туриста Адама Олеарія, о которомъ «государю вѣдомо учинилось, что онъ гораздо наученъ и навыченъ астрологіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ»[3]: патріархъ же около этого времени открываетъ при Чудовомъ монастырѣ греко-латинское училище. Въ какомъ именно году открыто и какія науки, кромѣ древнихъ языковъ, преподовалась въ немъ, не извѣстно[4]). Около 1639 года, по государеву указу, переведена была съ латинскаго космографія (Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ), а девять лѣтъ раньше «возобновленъ большой чертежъ», или ландкарта, составленная при Годуновѣ; въ 1645 г. (подъячимъ Бурцевымъ) составлены первыя начала ариѳметики; въ 1648 г. перепечатана грамматика Мелетія Смотрицкаго (составленная по образу греческой въ 1619)[5]): въ 1649 г. умный благочестивый постельничій царскій, Ѳеодоръ Ртищевъ уговорилъ тишайшаго царя распространить высшее просвѣщеніе въ Россіи и вызвать изъ Кіева до 30 ученыхъ, во главѣ которыхъ были Епифаній Славенецкій, Андрей Сатоновскій, Дамаскинъ Птицкій. Въ Андреевскомъ монастырѣ, на берегу Москвы рѣки, гдѣ поселены ученые, составилось ученое братство, задатокъ будущей академіи. Къ нимъ стали стекаться любознательные москвичи; нѣкоторые въ почтенныхъ лѣтахъ садились за науку и переселялись къ нимъ на житье. Открылось второе славяно-греко-латинское училище, такъ называемое Андреевское. Самъ Ртищевъ, обязанный днемъ быть во дворцѣ, цѣлыя ночи просиживалъ съ Кіевскими учеными. И всѣ они: Ртищевъ, пріѣзжіе ученые, а въ послѣдствіи и ихъ московскіе ученики первымъ дѣломъ принялись за исправленіе богослужебныхъ книгъ, переводъ отеческихъ твореній. Нужды свѣтскаго гражданскаго образованія забыты пока. Хорошо не извѣстно, какимъ образомъ Ртищевъ пришелъ къ своей мудрой мысли, но судя потому, что народная молва утверждала, что онъ «дружитъ нѣмцамъ», можно съ увѣренностію полагать, что частыя бесѣды его съ образованными нѣмцами, для которыхъ всегда былъ открытъ его домъ, обычныя ихъ похвалы, какъ протестантскія книги ихъ вѣрны во всемъ съ первоначальнымъ греческимъ текстомъ (каковыя похвалы мы уже неоднократно видѣли), пробудили въ немъ пытливое желаніе узнать, да «какъ же прямы (согласны) наши служебники, отечники и библія съ ихъ первобытнымъ текстомъ». Очень могло быть, что по ихъ настоянію и под-

сказкѣ, онъ сталъ дни и ночи рыться въ книгахъ, сличать разные списки, переводы, и, нашедши ихъ крайне неудовлетворительными, рѣшился предпринять великое для того времени дѣло исправленія книгъ. Для большаго удобства онъ переселилъ въ Москву общество кіевскихъ ученыхъ и открылъ здѣсь при Чудовомъ монастырѣ новое училище «языковъ латинскаго и греческаго» [6]). Исправленіе богослужебныхъ книгъ, предпринятое ученымъ братствомъ по иниціативѣ Ртищева, принятое подъ благосклонное покровительство патріарха и царя, сдѣлано не просто по сознанію всѣми испорченности книгъ и нужды исправленія. Пусть патріархъ и другіе благомыслящіе люди сами дошли до этого сознанія, но они, подобно Ртищеву, тѣмъ глубже могли проникаться имъ, чѣмъ больше свѣта приливало къ нимъ отъ пришлыхъ образованныхъ людей и чѣмъ больше вмѣстѣ съ тѣмъ грозила отъ нихъ опасность для православной вѣры.

Скромное общество южныхъ ученыхъ, пришедшихъ возродить науку на Москвѣ, не ограничиваясь исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, святоотеческими переводами, изданіемъ церковныхъ законоположеній, перевело нѣсколько свѣтскихъ книгъ по части педагогики, исторіи, географіи и даже анатоміи, издало греко-славянско-латинскій лексиконъ [7]), и потомъ предприняло исправленіе библіи по лучшимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ, привезеннымъ съ востока Сухановымъ (къ сожалѣнію, по причинѣ преждевременной кончины Славенецкаго, оно могло лишь исправить Новый Завѣтъ и Пятокнижіе). На томъ и другомъ трудѣ, т. е. на изданіи свѣтскихъ книгъ и исправленіи библіи отразилось отчасти вліяніе протестантовъ, потому что нѣкоторыя изъ свѣтскихъ книгъ переведены были съ нѣмецкихъ протестантскихъ писателей; а что касается до библіи, то, прося царя, владыкъ и бояръ разрѣшить ему исправленіе ея, Славенецкій прямо говорилъ: «мы терпимъ укоризну и крайнее безчестіе отъ иноземныхъ народовъ за то, что не имѣемъ хорошо переведенной библіи, что даже въ Евангеліи есть погрѣшности». Эти иноземцы, укорявшіе русскихъ, были ближе всего тѣ жившіе на Москвѣ нѣмцы-протестанты, которые такъ любили хвалиться вѣрностію своего ученія библіи и вѣрностію библіи съ первобытнымъ ея текстомъ. Но не однѣ укоризны протестантовъ подвигали впередъ дѣло исправленія библіи. Оно, быть можетъ, не обошлось безъ положительнаго содѣйствія со стороны такихъ наприм. лицъ, какъ докторъ Гейнрихъ Келлерманъ, позднѣйшій современникъ Славенецкаго. Докторъ медицины, философіи и рѣдкій лингвистъ, Келлерманъ въ совершенствѣ зналъ языки: латинскій, англійскій, итальянскій, голландскій, а особенно славяно-россійскій. Послѣднимъ онъ овладѣлъ съ дѣтства (онъ былъ сынъ поселившагося на Москвѣ иноземца Томаса и до 19 лѣтняго возраста жилъ въ Москвѣ, а остальные языки изучилъ во время 16 лѣтняго своего обученія въ западной Европѣ съ 1661 по 1676 г.).

Принимая близко къ сердцу интересы русскаго просвѣщенія, онъ обѣщался правительству доставить вѣрнѣйшій переводъ библіи съ еврейскаго языка на славянскій [8]. Какъ выполнилъ онъ свое обѣщаніе, не извѣстно. Но довольно того, что въ это время были на Руси ученые протестанты, которыхъ озабочивало отысканіе подлиннаго текста славянской библіи. Нѣтъ ничего несбыточнаго въ предположеніи, что подобныя личности съ подобными услугами являлись въ Россію и въ эпоху исправленія священныхъ книгъ и что главный исправитель текста пользовался ихъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ, (а воспользоваться было чѣмъ: протестанты до этого времени успѣли много сдѣлать для филологіи и экзегиса). Но чтобъ не раздражать предубѣжденій невѣжественной толпы, отъ которыхъ онъ такъ много выстрадалъ, онъ долженъ былъ обращаться къ ихъ мудрому содѣйствію тайно, скрытно, и потому оно осталось неизвѣстнымъ для исторіи. Великое дѣло исправленія библіи и все просвѣтительное движеніе, по смутнымъ обстоятельствамъ церковнымъ и гражданскимъ, пріостановилось, какъ извѣстно, на 20 лѣтъ (съ 60 до 80 годовъ). Но коль скоро оно было возобновлено и снова приступили къ переводамъ и исправленію библіи, исправители уже не такъ прикровенно обращаются за помощію протестантовъ. Аврамій Понкратьевичъ Фирсовъ, переводчикъ посольскаго приказа, въ 1683 г. переводя Псалтирь на народный русскій языкъ и исправляя его по славянскому и еврейскому текстамъ, «слѣдовалъ нерѣдко и Лютерову переводу» [9]). Очень могло быть, что самая мысль о переводѣ такой общеупотребительной священной книги на живую народную рѣчь внушена ему была протестантами, которые повсюду, куда проникала ихъ вѣра, переводили библіи на мѣстные общеупотребительные языки. Около того же 1683 г. у лучшихъ русскихъ людей, напримѣръ у царскаго посланника Головина созрѣла мысль имѣть на простомъ русскомъ языкѣ не одинъ псалтирь, но и всю библію, — мысль весьма важная для своего времени, приведенная вполнѣ въ исполненіе въ наши недавніе дни. И вотъ они шлютъ письма за письмами къ пастору лифляндскаго города Маріербурга, Глюку, — личность, пользовавшаяся всеобщею извѣстностію за свою ученость, языкознаніе, особенно же за труды по переводу священнаго писанія для латышей. Поощряемый этими письмами и совѣтами друзей изъ Германіи, Глюкъ «съ упованіемъ на милость Божію изготовилъ на русскомъ языкѣ (какія-то) школьныя книги, содержалъ у себя, съ немалымъ иждивеніемъ, русскаго пожилаго священника (по нѣкоторымъ извѣстіямъ ученаго монаха изъ Пичуговскаго монастыря близъ лифляндской границы) и съ помощію его перевелъ славянскую библію на простой русскій языкъ» [10]). Итакъ, не подъ конецъ только просвѣтительнаго движенія, открытаго славнымъ Славенецкимъ, но и въ началѣ его, при самомъ Славенецкомъ, исправленіе священныхъ книгъ не обошлось, по всей вѣроятности, безъ ученыхъ услугъ протестантовъ.

Кружекъ ученыхъ, собравшихся вокругъ другой знаменитости своего времени Симеона Полоцкаго, игравшихъ при дворѣ царей и въ палатахъ вельможъ роль западныхъ гуманистовъ и реформатскихъ богослововъ, знакомятъ общество не съ Платономъ и Аристотелемъ, не съ историками и поэтами классической древности, не съ древними греческими и латинскими отцами: они дарятъ публику «вѣнцемъ вѣры», «зерцаломъ богословія», возводятъ ее на «небо новое», угощаютъ «обѣдомъ духовнымъ», и «вечерею духовною» (первыя два сочиненія суть пространный и краткій катихизисы, третье представляетъ собою собраніе разсказовъ о чудесахъ Божіей Матери, четвертое и пятое—сборники проповѣдей)[11]); а вмѣсто упражненія въ классическихъ комикахъ, трагикахъ, драматургахъ, учатъ царевичей и царевну (Алексѣя, Өедора, Софью) кое-какой латыни; слагаютъ съ ними вирши, тѣшатъ царя и вельможъ комедіями: «о Блудномъ сынѣ, о царѣ Навуходоносорѣ, о тѣлѣ златѣ, тріехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ». Едва ли преувеличимъ дѣло, если скажемъ, что поводъ и побужденія, а иногда непосредственный примѣръ къ изданію всѣхъ этихъ неблестящихъ произведеній подали тѣ же образованные иностранцы-протестанты. Во предшествовавшіе вѣка русскими писателями издавались исключительно почти статьи обрядоваго содержанія и нерѣдко самаго мелочнаго, исполненныя лжемистическихъ толкованій библейскихъ текстовъ и часто противныя здравой мысли и христіанской вѣрѣ. Въ 16 и 17 вѣкахъ составился цѣлый циклъ такихъ напримѣръ произведеній: «объ Адамовѣ лбѣ, что седмь церквей въ немъ сидѣло, о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси и исписалъ 300 книгъ, разсказы Евы предъ 6000 домочадцевъ о паденіи и о похожденіяхъ по изгнаніи изъ рая; разговоры Адама со Христомъ, Авраама съ Іоанномъ Өеологомъ, повѣсти о 12 пятницахъ» [12]). Содержаніе этихъ вычурныхъ сочиненій и изложеніе въ формѣ хитрыхъ загадокъ и вопросовъ, этотъ младенчествующій, но любознательный лепетъ въ богословско-христіанскомъ ученіи служитъ наилучшимъ выраженіемъ умственной жажды и пытливости, съ какою тогдашніе книжники искали истиннаго и всесторонняго знанія, но не находя его, творили свой міръ идей, почерпая ихъ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ. Если же младенчествующая, малоподвижная богословствующая мысль того времени перестаетъ пробавляться подобными обрядовыми и апокрифическими вопросами, сознаетъ нужду въ изданіи и издаетъ рядъ догматическихъ произведеній, катихизисы пространные и краткіе, свои собственные и переводные, то не потому ли, что у протестантовъ были въ такомъ ходу большой и малый катихизисы и что ихъ катихизисы, переведенные на разныя славянскія нарѣчія, стали проникать и въ русское общество? О проповѣдяхъ, которыя начинаютъ теперь входить въ употребленіе въ Россіи, едва ли нужно распространяться, что онѣ были дѣломъ подражанія протестантамъ. Извѣ-

стно, что на Москвѣ, по причинѣ ересебоязни, проповѣди были не въ обычаѣ. Если вѣрить Олеарію, наиболѣе образованные пастыри, которые пробовали говорить проповѣди собственнаго сочиненія, напр. муромскій протопопъ Логгинъ, подвергались гнѣву и преслѣдованію начальства, отрѣшенію отъ мѣста и даже ссылкѣ въ Сибирь [13]). Отъ митрополита Фотія до прибытія въ Москву Епифанія Славенецкаго проповѣди не говорились у насъ. Патріархъ Никонъ, вполнѣ довѣряясь православію и учености Славенецкаго, дозволилъ ему произносить проповѣди собственнаго сочиненія и переведенныя съ греческаго, да и самъ нерѣдко говорилъ поученія, которыя народъ «слушалъ со слезами». Епифаній написалъ всего 50 словъ, Полоцкій же составилъ поученія на воскресные, праздничные дни и въ честь наиболѣе прославленныхъ святыхъ. Съ изданіемъ его проповѣдей, вмѣнено въ обязанность каждому священнику поучать по нимъ свою паству. Затѣмъ «во многихъ градѣхъ Россіи премудріи священницы начали отъ устъ поученія читати, а не съ книгъ, и людіе любезно послушаша ихъ» [14]). Не просто прибытіе кіевскихъ ученыхъ было причиною столь отрадныхъ въ исторіи проповѣдничества явленій: обычай живой, устной проповѣди, какъ увидимъ, и въ Кіевѣ заимствованъ отъ протестантовъ. Въ свою очередь проповѣди нѣмецкихъ пасторовъ, болѣе уже вѣка раздававшіяся въ Москвѣ, не могли не подѣйствовать благотворно и на русскихъ: въ лучшей образованнѣйшей части общества стала живо сознаваться потребность живой, устной проповѣди: нѣкоторые прихожане просили себѣ священниковъ учительныхъ, могущихъ учить народъ [15]) и произносить проповѣди наизусть [16]). Тутъ много помогли дѣлу также укоризны, какія постоянно слышались отъ протестантовъ за отсутствіе проповѣдничества въ Россіи. Сравнительно благонамѣренные и ученые протестанты, которыхъ само московское правительство звало къ себѣ на службу, не щадили упрековъ за этотъ вопіющій недостатокъ. По свидѣтельству Олеарія (и отчасти Флетчера), русскіе сами какъ будто сознавали, что нельзя обойтись безъ проповѣди, но по своей косности, мнительности, боялись сдѣлать рѣшительный шагъ. «Чѣмъ и чѣмъ они не замѣняютъ живую убѣдительную проповѣдь! на обѣдни, по прочтеніи символа вѣры, діаконъ выходитъ на средину храма и читаетъ житіе святыхъ по рукописной книгѣ, тянетъ его на распѣвъ часа два и болѣе; на утрени бываетъ по три такихъ чтеній изъ отцевъ. Съ церковныхъ каѳедръ читаютъ даже апокриѳы, которыми прикрываются и возбуждаются страсти. Все читаютъ у нихъ съ каѳедръ, но нѣтъ живой устной проповѣди, которая отвѣчала бы современнымъ потребностямъ общества, служила бы отзывомъ на современные его недуги и являлась бы какъ плодъ живаго самостоятельнаго развитія духовно-религіозной жизни ихъ» [17]). Чтобъ снять справедливые эти укоры, удовлетворить настоятельной потребности лучшаго общества,

вводится наконецъ въ нашихъ церквахъ живая, общедоступная проповѣдь. Впослѣдствіи при Петрѣ Великомъ, когда проповѣдь получила бо̀льшее развитіе, ее считали наилучшимъ средствомъ не только для вразумленія народа въ истинахъ Евангельскихъ, для искорененія суевѣрій, но и для истолкованія дѣлъ правительства; но отъ излишняго служенія интересамъ правительства она начала однако терять строго-церковный характеръ. Въ виду преобладающаго вліянія, какое имѣли тогда протестанты на Россію, — можно быть увѣрену, что новый характеръ проповѣди, новыя правительственныя требованія отъ нея перенесены изъ протестантскаго міра, гдѣ она имѣла обширное значеніе религіозно-политическое, общественное, но лишена строго-церковнаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русской проповѣди, по образцу вѣроятно протестантской, развились простота и естественность, безъискусственность изложенія, практическая многосторонняя приложимость, вмѣсто прежней напыщенности и изысканности, аллегоризма и фигуральности и мистической исключительности направленія. Итакъ церковная проповѣдь не только вводилась, но и развивалась въ Россіи всего вѣрнѣе по примѣру протестантовъ, подъ ихъ прямымъ или отрицательнымъ вліяніемъ. Наконецъ о «комедійныхъ дѣйствіяхъ» или собственно мистеріяхъ едва ли нужно замѣчать, что они устроялись на Руси не столько по образцу отдаленныхъ западныхъ мистерій, сколько по ближайшему примѣру нѣмцевъ, которые построили при дворѣ и самую «храмину комедійную», обучали русскихъ юношей сценическому искусству, напр. пасторъ Григори, въ своихъ мистеріяхъ преслѣдовали цѣли общерелигіозныя, одинаково важныя какъ для протестантовъ, такъ и православныхъ. Итакъ въ области гражданскаго и духовнаго просвѣщенія на Руси не мало сдѣлано уже улучшеній по примѣру или въ отпоръ нѣмцамъ-протестантамъ.

Въ жизни лучшихъ людей, подобныхъ боярину Матвееву, вѣяло уже духомъ нѣмецкой образованности. Съ распространеніемъ такъ называемаго польскаго энциклопедизма, они стали знакомиться съ западно-европейскою литературою. Явились куранты или переводы голландскихъ, гамбургскихъ и кёнигсбергскихъ газетъ. Посольскій приказъ превратился въ ученое учрежденіе, гдѣ переводились и компеллировались книги самаго разнообразнаго содержанія, и эти книги охотно читались и изучались въ высшемъ боярскомъ обществѣ. Словомъ, русская хотя и немногочисленная интеллигенція явно или тайно подсматривала и перенимала отъ иноземцевъ и преимущественно отъ нѣмцевъ много добраго, свѣтлаго. Казалось, наступила желанная пора позаимствоваться отъ нихъ положительною богословскою наукою, насколько она примирима съ православіемъ. Но — какъ учиться у чужихъ, у иновѣрцевъ? какъ дать имъ высокое значеніе учителей, явно признать ихъ превосходство, явно подчиниться имъ? Весь народъ не такъ скоро рѣшится на это, какъ отдѣльныя избранныя личности. «Про-

должительный застой, отсталость, по мѣткому замѣчанію г. Соловьева, не могли дать ему силы спокойно встрѣтиться съ шедшею къ нему наукою и овладѣть ею; въ суевѣрномъ страхѣ онъ трепеталъ предъ нею какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не заставятъ подойти къ новой нянькѣ». А тутъ представилось средство удовлетворить усиливавшейся потребности образованія безъ страха предъ иновѣріемъ. Съ каждымъ годомъ увеличивался наплывъ греческихъ и южно-русскихъ ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались надежнѣйшія средства къ образованію. Еще въ 1668 г. нѣкій честный и благоговѣйный мужъ въ Москвѣ просилъ свое правительство и восточныхъ патріарховъ озаботиться устроеніемъ въ Москвѣ «гимнасій, для изученія грамматической хитрости и прочныхъ свободныхъ наукъ изъ различныхъ діалектовъ, наипаче же греческаго, словенскаго и латинскаго». Въ 1673 г. къ его просьбѣ присоединилъ свой убѣдительный голосъ прибывшій съ востока іеромонахъ Тимоѳей. И вотъ при типографіи открывается новое училище («типографское»), въ которомъ ректоръ и учитель были греки. Собрано до 30 учениковъ. Благочестивѣйшій государь и святѣйшій патріархъ каждую недѣлю приходили въ училище и надѣляли учащихся одеждою и червонцами [18]). Нѣкоторые молодые и взрослые люди, не смотря ни на какіе вопли и хулы невѣжественной старины, ѣхали учиться въ Кіевъ или въ Грецію [19]). Съ открытіемъ же академіи въ Москвѣ, воспитанники типографской школы, ученики Богоявленскаго училища (открытаго Лихудами на время въ 1685 г., пока построены были зданія для новой академіи въ 1686 г.), дѣти знатныхъ родовъ и всякихъ чиновъ шли въ академію; дѣвицы, «одѣвшись въ мужское платье и убравши косы въ закладные волосы», стали ходить въ академію [20]) и всѣ быстро научались греческому и отчасти латинскому языкамъ и проходили довольно обширный курсъ свободныхъ наукъ: риторики, психологіи, философіи, физики, составленныхъ самими Лихудами. Вскорѣ нѣкоторые изъ достойныхъ учениковъ Лихудовъ сами становятся учителями академіи, сочинителями и переводчиками нѣкоторыхъ полезныхъ книгъ: риторики, толкованія на ветхозавѣтную исторію [21]). Около того же времени переведены съ греческаго музы, или 7 свободныхъ ученій, нѣсколько сочиненій по гражданской исторіи, ѳоика, или примѣры царственныхъ добродѣтелей и книга о Сивиллахъ, и являются опыты систематическаго изложенія Русской исторіи (Ѳедора Грибоѣдова и Андрея Лызлова) и Государственной большой книги—въ замѣнъ прежнихъ лѣтописей, хронографовъ, біографій, записокъ и повѣстей [22]). Говорить ли, что первымъ импульсомъ, возбудительною силою всего этого просвѣтительнаго движенія было сближеніе русскихъ съ образованными протестантами, что потребность, спросъ на столь обширное образованіе возбуждены были ими? Говоримъ ими, протестантами: потому что большинство образованныхъ иностранцевъ, если не всѣ они,

были въ допетровской Руси протестанты. Изъ ихъ вообще просвѣщенной среды исходилъ этотъ духъ труда, стремленіе къ наукѣ и знанію, и чѣмъ болѣе изъ страха предъ иновѣріемъ оно уклонялось въ сторону, къ греческому и южно-русскому образованію, тѣмъ сильнѣе стало быть былъ толчекъ, данный ему сближеніемъ съ протестантами, тѣмъ болѣе было отъ нихъ побужденій къ наукѣ, невольныхъ, опасливыхъ.

Наконецъ настала пора перестать двигаться по противоположному направленію, въ сторону отъ силы этого толчка, время обратиться къ самому свѣту давно свѣтившей на сѣверѣ науки, взглянуть на нее прямо, въ лице: цвѣтъ сколько ни жмется, ни кривится, наконецъ устремляется къ оживляющему его солнцу. Другъ и покровитель Лихудовъ, представитель русской образованности, князь Голицинъ приглашаетъ въ лицѣ ихъ русскую науку сойтись поближе съ нѣмецкою наукою богословскою и свѣтскою, и самъ первый подаетъ добрый примѣръ. Богатая его библіотека наполнена была книгами нѣмецкихъ протестантскихъ авторовъ (тутъ были четыре нѣмецкія книги о строеніи комедіи, пѣвчая нѣмецкаго языка, книга на нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбамъ и звѣрямъ въ лицахъ, книга землемѣрная нѣмецкая, календари, уставы воинскіе, судебники и проч. все нѣмецкіе [23]). Съ добраго почина Голицина, переведены съ нѣмецкаго математическіе и историческіе календари свейскаго математика Ягана Фогта и Введеніе въ исторію замѣчательнѣйшихъ государствъ Пуффендорфа, одного изъ самыхъ бозпристрастныхъ и даровитыхъ протестантскихъ историковъ (обращавшаго преимущественное вниманіе на внутреннее состояніе государствъ) [24]). Что начато Голицинымъ, то продолжено Петромъ. Направленіе новой академіи, которая не была спеціальнымъ духовнымъ училищемъ, а свѣтскихъ людей выпускала безъ тѣхъ познаній, въ какихъ нуждался царь, не совсѣмъ нравилось ему. Въ преобразовательныхъ, цивилизаторскихъ видахъ ему нужна была школа, изъ которой бы не выспренніе философы, не ученые филологи, но «во всякія потребы люди происходили, въ церковную службу и гражданскую; воинствовать, знать строеніе и докторское врачевное искусство» [25]). Но такая школа могла основаться только чрезъ 50 лѣтъ слишкомъ, преобразованіе академіи въ университетъ было еще преждевременно и она отходитъ на второй планъ. Пока надобно было довольствоваться двумя способами образованія русской молодежи: отсылкою ея за границу и заведеніемъ въ Москвѣ школъ, гдѣ бы иностранные учителя выучивали ее предметамъ первой тогда необходимости. Отправленіе молодыхъ людей за границу не безопасно было для чистоты ихъ вѣры [26]). Иное дѣло учрежденіе въ Москвѣ школъ съ иностранными учителями. Въ открытой въ 1696 г. математической школѣ, въ которой преподователями были англичане: Фарварсонъ, Гвинъ и Грейсъ и другіе, произошло первое взаимное сближеніе русской науки (духовной и свѣтской) съ иноземною и

по всѣмъ вѣроятіямъ протестантскою: такъ какъ большинство учителей были протестанты англиканскаго вѣроисповѣданія. Опредѣленной «вспомоществователемъ» къ нимъ, Леонтій Магницкій ввелъ учебникомъ свою ариѳметику «сирѣчь науку числительную, оказавшуюся, по словамъ Курбатова, гораздо лучше науки иноземцевой [27]), хотя она была не болѣе, какъ передѣлка ариѳметики Спафарія». Онъ же, Магницкій «непрестанно при той школѣ бывалъ и всегда имѣлъ тщаніе не только единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію, но и ко инымъ къ добру поведеніямъ, неусыпно охранялъ въ нихъ благочестіе, цѣломудріе и сѣялъ въ нихъ сѣмена духовнаго вѣдѣнія [28])». Еще болѣе тѣсное сближеніе православной науки съ протестантскою должно было произойти въ школѣ, устроенной въ Москвѣ извѣстнымъ уже намъ пасторомъ Глюкомъ (и перешедшей по смерти его въ завѣдываніе Іоанна Вернера). Здѣсь подъ руководствомъ 7-ми учителей, положено было обучать русскихъ юношей: географіи, иѳикѣ, политикѣ, латинской риторикѣ съ ораторскими упражненіями, философіи Картезіанской, языкамъ: греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, нѣмецкому, французскому и латинскому, нѣкоторымъ учтивствамъ, поступи и проч. [29]). Учебники были здѣсь не одни нѣмецкіе: въ 1704 г. составленъ былъ Поликарповымъ для этой школы «лексиконъ треязычный, сирѣчь рѣченій славянскихъ, елино-греческихъ и латинскихъ сокровище». Въ трудѣ Поликарпова приняли участіе всѣ тогдашніе представители духовной науки: Стефанъ Яворскій, Рафаилъ Краснопольскій, ректоръ московской славяно-латинской академіи и братья Лихуды [30]). На ихъ разсмотрѣніе, иногда измѣненіе и дополненіе поступали всѣ книги, которыя издавались по дешевой цѣнѣ, въ типографіи Тессинга и Копіевича, (заведенной, по желанію царя, въ Амстердамѣ), и предназначались какъ для школъ, такъ и для распространенія знаній въ народѣ [31]). Глюкъ, какъ извѣстно, въ своей школѣ сталъ было знакомить православныхъ учениковъ съ лютеранскимъ катихизисомъ и молитвенникомъ; но строгій надзоръ духовныхъ православныхъ властей очищалъ новый разсадникъ науки отъ плевелъ и предохранялъ его отъ укорененія враждебныхъ началъ.

Итакъ протестантская наука, посредствомъ которой хитрая пропаганда разсчитывала уловить русскихъ въ свои сѣти, сама очутилась подъ опекою православной церкви и, при осторожномъ пользованіи ею, принесла несомнѣнную услугу и пользу церкви. По ея примѣру, побужденіямъ и иногда содѣйствію, въ теченіе полвѣка съ небольшимъ, появляется не мало учебныхъ и ученыхъ книгъ; заводятся школы, учреждается академія, является проповѣдническая и свѣтская литература, тогда какъ прежде ничего этого не было. Пусть нѣкоторые не соблюли должной осторожности въ пользованіи, дошли до излишнихъ увлеченій; но при той духовной слабости, которая была слѣдствіемъ многовѣко-

вой отсталости, застоя, неизбѣжно были такое неразборчивое пользованіе, рабολѣпное подчиненіе новому вліянію, избытокъ свѣта не могъ не помрачить слабый болѣзненный взоръ. Во всякомъ случаѣ, эти жалкія увлеченія не были такъ многочисленны и пагубны, какими они были на западѣ въ эпоху возрожденія наукъ, они вскрыли только наши общественныя язвы, и церковь православная нашла въ себѣ силы и средства предотвратить дальнѣйшія крайнія увлеченія, уврачевать неизбѣжныя эти язвы. И нельзя не признать въ этомъ великаго нравственнаго могущества и полноты благодатныхъ силъ церкви православной. Нельзя съ благоговѣніемъ не преклониться предъ таинственными путями Провидѣнія, которое въ замкнувшуюся отъ образованныхъ народовъ Русь православную привело къ ней ихъ самихъ, указало ей взять отъ ихъ науки и просвѣщенія цвѣтъ и силу. Нельзя также не преклониться предъ величіемъ воздвигнутаго имъ генія, вождя и возсоздателя Россіи за то, что онъ, имѣя предъ собою выборъ между цивилизаціею, выросшею на почвѣ протестантизма, и цивилизаціею міра католическаго, предпочелъ первую цивилизацію. [Въ случаѣ перенесенія католической цивилизаціи, католическій фанатизмъ и страсть къ пропагандѣ сильно стали бы злоумышлять противъ православія, какъ это показалъ печальный примѣръ западно-русскихъ областей, находившихся подъ властію Польши; но, главное, католическая цивилизація не могла бы дать научнаго просвѣщенія въ той мѣрѣ, въ какой можно было получить его отъ протестантской. Католическая наука часто чужда бываетъ свободы и искренности изслѣдованія; готова на сознательный обманъ, лишь бы достигнуть своей завѣтной цѣли. Протестантская же наука правдолюбивѣе и искреннѣе: изъ уваженія къ правамъ человѣческаго разума, она не позволяетъ себѣ искажать истину такъ беззастѣнчиво, какъ католическая; оттого она прогрессивнѣе католической. — Многоплодная протестантская наука, которую Петръ призвалъ на помощь праславной богословской наукѣ, не могла вдругъ привиться къ послѣдней. Петръ положилъ только начало взаимному сближенію той и другой науки, пересадилъ на церковную почву первыя сѣмена протестантской образованности, послѣ временныхъ своихъ увлеченій ими, предоставивъ, кому слѣдуетъ, дѣлать строгій выборъ между ними, очищать ихъ отъ враждебной православію примѣси. Эти очищенныя сѣмена, какъ большая часть великихъ преобразованій Петра, принесли надлежащіе плоды не вдругъ, но тѣмъ они прочнѣе, жизненнѣе; идеями Петра и теперь живетъ Россія: очищенными зрѣлыми плодами насажденной имъ протестантской образованности и теперь пользуется православная богословская литература. Важно еще то, что изъ образованности, изъ водворенія которой на Руси цивилизаторы имѣли въ виду сдѣлать для себя пріобрѣтеніе, наживу, для нея же иногда явное зло, онъ, какъ и изъ всѣхъ почти заимство-

ваній съ запада, извлекъ несомнѣнную пользу, существенное добро. Неоцѣнимо дорого, что русскую православную науку, которая послѣ стольких прикровенныхъ заимствованій отъ протестантской науки и литературы въ суевѣрномъ страхѣ отворачивалась, бѣжала отъ нея, могучій геній Петра повернулъ къ ней же, провидя всѣ задатки безконечнаго будущаго развитія, и, не разрывая связей православной науки съ первоначальнымъ ея источникомъ, примирилъ, сдружилъ, но не подчинилъ ее той свѣжей просвѣтительной силѣ, отъ которой она имѣла получить и до нынѣ получаетъ притокъ новой жизни, крѣпости и преспѣянія.

Можно слышать возраженіе, что со временъ Петра протестантизмъ способствовалъ развитію русскаго просвѣщенія, а до Петра если и были улучшенія въ области просвѣщенія, то они дѣлались помимо прямыхъ побужденій и примѣровъ со стороны протестантской, просто потому, что пришло время зародиться наукѣ на темномъ сѣверѣ, какъ она нѣкогда возродилась на юго-западѣ Россіи, что она потомъ сама собою постепенно развилась. Но едва ли серіозно нужно отвѣчать на это возраженіе. Слово время, пора, употребляемое для объясненія историческихъ событій, такой же пустой звукъ, какъ и слово случай. Не случай и время создаютъ историческія событія, а лица и дѣянія ихъ. Столкновенія съ извѣстными личностями и народами, ихъ примѣръ, содѣйствіе или противодѣйствіе, явное или тайное, укоризны, ковы—вотъ двигатели историческихъ событій. Не время и случай были причиною возрожденія наукъ на западѣ, а переселеніе грековъ въ Италію, перенесеніе въ нее греческой образованности. Зарожденіе науки на сѣверѣ было преимущественно слѣдствіемъ переселенія сюда образованныхъ иноземцевъ. Пусть до Петра мало было положительнаго, непосредственнаго содѣйствія ихъ развитію нашего просвѣщенія, особенно духовнаго, но ужели не могло пробудиться въ насъ стремленіе къ образованію, хотя бы и отъ того, что, за границею и насъ все, можно сказать, заговорило о нашемъ умственномъ убожествѣ, что мы стояли между двухъ перекрестныхъ огней: поселившихся въ Россіи и заграничныхъ протестантовъ, постоянно говорившихъ и писавшихъ о нашемъ безвыходномъ невѣжествѣ и вызывавшихъ насъ на новый путь? Ученые всѣхъ протестантскихъ странъ писали о Россіи и ея церкви,—изъ германскихъ писателей: Олеарій, Михаилъ Сирицій, Швабе, Гербиній, Регенвольскій, Оппенбушъ и Вармундъ, изъ шведскихъ: принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана IV, Петрей Ботвидъ, Олавъ Магнусъ и Бергъ, изъ англійскихъ: Карлейль, Коллинсъ, Пери, изъ французскихъ: Маржеретъ, Мартиньеръ, Навилль, Талландеръ, изъ голландскихъ: Исбрандъ Индъ [32]). Но всѣ они болѣе всего заняты описаніемъ и обличеніемъ умственнаго состоянія Россіи. Нѣтъ нужды раскрывать, что ихъ обличенія и укоры нерѣдко были искренни и благожелательны. Приведемъ вкратцѣ нѣкоторые изъ ихъ грустныхъ, но любопытныхъ

отзывовъ, относящихся къ концу 16 и первой половины 17 столѣтія, замѣтивъ предварительно, что хотя предки наши не читали ихъ по тѣмъ непосредственнымъ иностраннымъ источникамъ, по которымъ мы знаемъ ихъ, но слышали ихъ или непосредственно отъ тѣхъ, кто собиралъ и записывалъ ихъ, или отъ жившихъ въ Россіи протестантовъ, со словъ которыхъ большею частію написаны они, а подъ конецъ вѣка читали ихъ отчасти въ переводѣ на русскій языкъ, напримѣръ описаніе Россіи Олеарія. Вотъ самые отзывы. По словамъ Коллинса народъ русскій коснѣетъ въ невѣжествѣ и чуждъ всякаго образованія какъ въ гражданскихъ, такъ и церковныхъ дѣлахъ. Изъ 10-ти человѣкъ едва одинъ можетъ прочитать наизусть: «Отче нашъ». Духовенство не много возвышается надъ остальнымъ обществомъ. Одинъ епископъ въ Вологдѣ не могъ сказать Флетчеру: сколько евангелистовъ, сколько апостоловъ, и когда его спросили, зачѣмъ онъ пошелъ въ монахи, онъ простодушно отвѣчалъ: «чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ». Если таковы были высшіе пастыри, то чего ожидать отъ простыхъ сельскихъ священниковъ, которые, по свидѣтельству Флетчера, Перри и Олеарія, поставлялись въ это время безъ всякаго почти испытанія, изъ простыхъ поселянъ, мастеровъ, кузнецовъ [33]). Эти лица не могли представить изъ писанія ни одного мѣста, для подтвержденія своего ученія о св. Троицѣ. Ихъ могъ поставить въ тупикъ самый простой, но только остроумно и замысловато поставленный вопросъ [34]). Монашествующее духовенство, державшее нѣкогда у себя ключи разумѣнія, распространявшее въ народѣ грамотность и образованіе, ниспало въ разрядъ людей самаго грубаго невѣдѣнія. Монахи ужасно не приличны, не учтивы и не умѣютъ ничего отвѣтить, если спросить что нибудь о ихъ вѣрѣ, уставѣ и образѣ жизни. Они ничего не смыслятъ въ библіи, не умѣютъ ни читать, ни писать. Вармундтъ, со словъ одного иностранца, жившаго въ Россіи, разсказываетъ, что какой то монахъ просилъ у нѣмца милостыни во имя 4-го лица св. Троицы; когда нѣмецъ спросилъ: какое это лицо? монахъ отвѣтилъ: св. Николай [35]). Эти полные горькой правды отзывы не могли не подѣйствовать на тѣхъ, кто имѣлъ уши слышать, особенно на правительство духовное и свѣтское, которое иностранцы обвиняли за всеобщее невѣжество: эти-то грустные отзывы навѣрно и раскрыли ему глаза на наши недостатки и побудили его смыть позорное пятно невѣжества. Замѣчательно, что открытіе перваго латино-греческаго училища при Чудовомъ монастырѣ совпадаетъ съ временемъ перваго путешествія по Россіи ученѣйшаго Олеарія, которому и принадлежитъ большая часть этихъ отзывовъ. Не лишне также замѣтить, что одинъ изъ главныхъ дѣятелей по распространенію просвѣщенія, въ послѣдніе 30 лѣтъ 17 в., Андрей Андреевичъ Виніусъ имѣлъ у себя въ библіотекѣ описаніе Россіи Олеарія, а также Петрея, ле-Брюна и неоднократно, можетъ быть, вдумывался, вчитывался въ ихъ сужденія о Россіи, желанія, совѣты [36]).

Обличительные отзывы протестантовъ о скудномъ состояніи просвѣщенія въ Россіи способствовали, съ своей стороны, развитію въ ней просвѣщенія какъ гражданскаго, такъ и духовнаго. Частнѣе отзывы и сужденія ихъ о церковныхъ обычаяхъ и религіозномъ состояніи русскихъ, распространенные въ Россіи и за границею то въ видѣ краткихъ критическихъ замѣтокъ, писемъ, прелюдій къ другимъ сочиненіямъ, то въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ книгъ и диссертацій, — не мало могли содѣйствовать пробужденію богословской мысли, развитію духовнаго просвѣщенія. Не безъинтересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ. Въ 1628 г. (6 апрѣля) лекарь и аптекарь Квиринъ фонъ-Бремборгъ шлетъ изъ Архангельска письмо (въ русскомъ переводѣ) къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и патріарху Филарету Никитичу «съ толкованіемъ о красномъ яйцѣ, въ праздникъ св. Пасхи бываемомъ». Тайный алхимистъ и мистикъ, Бремборгъ любилъ подъ часъ побогословствовать. Тронутый, надо пологать, знаменательнымъ распространеннымъ на Руси обычаемъ дарить другъ друга красными яйцами и христосоваться, онъ пишетъ (на 4-хъ большихъ листахъ) цѣлую поэму въ похвалу этого обычая, въ основаніе и объясненіе его приводя обширные библейскіе и церковноисторическіе доводы[37]). Не извѣстно, какими побужденіями и цѣлями руководился при этомъ авторъ, но позволительно думать, что подобные образованные протестанты, привыкнувъ поправлять и руководить русскихъ въ быту гражданскомъ въ дѣлахъ общежитія, не могли обойтись, чтобъ не высказать свой просвѣщенный судъ надъ выдающимися явленіями въ области религіозной, въ поученіе какъ царю и патріарху, такъ чрезъ нихъ народу и церкви. Такія критическія замѣчанія, какія приходилось выслушивать даже отъ протестантовъ, пріютившихся на отдаленныхъ окраинахъ Россіи (а тѣмъ болѣе отъ жившихъ въ центрѣ ея), въ правѣ были обратить вниманіе мыслившихъ людей на религіозныя явленія, которыхъ касалась критика, побуждая ихъ къ уясненію смысла и значенія какъ предметовъ, затрогиваемыхъ критикою, такъ и самой критики, пробуждая въ нихъ въ нѣкоторой мѣрѣ критицизмъ мысли, развитіе сознанія. А этотъ глубокій интересъ и наблюдательность, съ какимъ протестантскіе ученые изучали русскую религію на мѣстѣ и исписали груды фоліантовъ, это напряженное вниманіе, съ какимъ читались и слушались въ заграничныхъ университетахъ публичныя лекціи о состояніи русской религіи[38]), съ какимъ выслушивались свѣдѣнія о ней отъ искавшихъ ученыхъ степеней врачей[39]), эта словоохотливая оцѣнка выдающихся ея явленій, безъ которой не можетъ обойтись даже защита докторскихъ медицинскихъ диссертацій, вызвавъ собою, какъ увидимъ, рядъ церковно-практическихъ замѣчательныхъ реформъ, должны были прежде всего измѣнить къ лучшему религіозно-умственное состояніе Россіи, пробудить пытливость православной

мысли, расширить ея кругозоръ, восполняя такимъ образомъ скудость прямаго, непосредственнаго содѣйствія ея развитію и преспѣянію.

Нельзя наконецъ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что коль скоро открывались школы при сельскихъ или городскихъ церквахъ, при архіерейскихъ каѳедрахъ, напр. въ Ростовѣ и Новгородѣ, протестантскіе писатели, напр. Бергъ тотчасъ забирали подробныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ; съ интересомъ описывали программу ихъ, хотя бы въ нее входили только: часословъ, молитвенникъ, псалтирь, коечто изъ гражданской исторіи, славянской грамматики и ариѳметики. Вообще учрежденіе и улучшеніе училищъ на Руси, каждый шагъ на пути духовнаго ея просвѣщенія живо интересовали протестантовъ, какъ будто это было ихъ собственное дѣло, совершенное подъ ихъ непосредственнымъ личнымъ участіемъ, хотя нѣкоторые при этомъ не чужды были, какъ мы видѣли, пропагандистическихъ своекорыстныхъ видовъ[40]).

Что касается до вліянія протестантизма на развитіе гражданскаго образованія въ до-Петровской Руси, то это вліяніе обыкновенно не замѣчаютъ и даже вовсе отрицаютъ потому, что изъ исторіи не видно, кто именно изъ протестантовъ были главными дѣятелями на этомъ поприщѣ. Попытаемся отыскать имена этихъ скромныхъ, безвѣстныхъ, но далеко не безполезныхъ дѣятелей въ области гражданскаго просвѣщенія, и съ своими поисками обратимся главнымъ образомъ къ сословію врачей: такъ какъ самые образованные протестанты даннаго времени принадлежали къ сословію врачей. Со времени правленія Годунова, а особенно съ воцаренія Михаила Ѳедоровича число врачей, хирурговъ, аптекарей и «дохтуровъ» увеличивалось въ постепенной и быстрой прогрессіи. По національному происхожденію они были большею частью нѣмцы, затѣмъ англичане, голландцы и датчане. Врачи изъ французовъ стали пріѣзжать въ Россію лишь съ 1698 года. О вѣроисповѣданіи большей части врачей не встрѣчается ясныхъ свидѣтельствъ. Но въ виду того, что отъ Михаила Ѳедоровича до Петра правительство приглашало на всѣ государственныя должности иноземцевъ «не папежниковъ», надо полагать, что огромное большинство иноземныхъ врачей, если не всѣ они были протестантскаго вѣроисповѣданія. Исключенія могли быть развѣ для частныхъ, домашнихъ врачей нѣкоторыхъ бояръ, да и то весьма сомнительно: при чрезвычайной въ то время непріязни русскихъ къ католикамъ, едва ли кто изъ нихъ рѣшался на такую проффессію, успѣхъ которой зависѣлъ преимущественно отъ расположенія и довѣрія частныхъ лицъ и которое онъ потому только, что былъ латинянинъ, едва ли могъ пріобрѣсть. Въ концѣ вѣка поступилъ на службу врачъ-католикъ и историческія извѣстія того времени сейчасъ же отмѣтили этотъ случай. О вѣроисповѣданіи же другихъ иностранныхъ врачей они умалчиваютъ по всей вѣроятности потому, что о протестантскомъ вѣроисповѣданіи ихъ едва ли могло быть сомнѣніе. Многіе изъ этихъ врачей пріобрѣли себѣ извѣстность

за границею или многостороннею ученостію, преимущественно же медицинскими сочиненіями, или службою при разныхъ европейскихъ дворахъ, начиная отъ графовъ, курфюрстовъ и герцоговъ и восходя постепенно къ величественному трону королей: англійскихъ, шведскихъ и германскаго императора. Быть не можетъ, чтобы столь многосвѣдущія и многоопытныя лица держали всѣ познанія свои подъ спудомъ, самое званіе, практика заставляли ихъ входить въ наиболѣе частыя сношенія съ русскими и удѣлять имъ частицы знаній. Особенно полезными въ дѣлѣ возрожденія и распространенія просвѣщенія на Руси могли быть, кромѣ извѣстныхъ уже намъ ученыхъ врачей: М. Грамана и Блюментроста, докторъ Іоаннъ Дій, глубокій математикъ и философъ, кембриджскаго университета профессоръ, съ ученою цѣлію путешествовавшій по Франціи, Голландіи, Германіи, Венгріи и Польшѣ и наконецъ въ 1588 году переѣхавшій въ Россію; затѣмъ сынъ его Артуръ Дій, слушавшій лекціи въ университетахъ: оксфордскомъ, манчестерскомъ и лондонскомъ, хорошо знавшій языки: нѣмецкій, французскій, латинскій, венгерскій и польскій (находившійся на русской службѣ съ 1622—1634) [41]); далѣе, докторъ Гартманъ Граманъ, прибывшій въ Москву въ 1633 г. вмѣстѣ съ извѣстнымъ Олеаріемъ и голштинскимъ посольствомъ и путешествовавшій съ ними съ 1633—1639 г. по всей Россіи и Персіи. Кого изъ русскихъ и чему именно они научили, на это приходится представить самые немногочисленные и общіе примѣры, относящіеся лишь къ упомянутымъ протестантскимъ туристамъ Олеарію и Граману. Алексѣй Савичъ Романчиковъ, въ качествѣ русскаго посланника сопровождавшій туристовъ въ Персію, научился отъ нихъ говорить по нѣмецки и по латыни, пристрастился къ математическимъ занятіямъ (къ которымъ онъ отъ природы имѣлъ большія способности и наклонности); обзавелся астролябіею и въ каждомъ попадавшемся на дорогѣ городѣ и селеніи снималъ высоту домовъ и записывалъ всѣ наблюденія въ дневникъ [42]). Въ отдаленной Шемахѣ названный туристъ Граманъ показывалъ всѣмъ чудеса математической науки, посвящалъ нѣкоторыхъ въ тайны какой-то другой иноземной мудрости: и молодые любители мудрости не прочь были пуститься изъ-за Каспія въ Балтію, чтобы поучиться «диковинной наукѣ» [43]). (Вообще столько лѣтъ и такъ обстоятельно изучая Россію, тщательно собирая свѣдѣнія у русскихъ, выпытывая у нихъ все до мельчайшей подробности, ученые эти путешественники не могли съ своей стороны не удѣлить имъ извѣстной доли своихъ собственныхъ свѣдѣній и наблюденій, не могли не возбудить въ нѣкоторыхъ любознательныхъ личностяхъ подражанія своимъ научнымъ миссіонерскимъ трудамъ, распаляя въ нихъ жажду знаній, стремленіе къ наукѣ). Далѣе, придворный русскій докторъ Чамберлинъ, учившійся въ подуанской академіи и оксфордскомъ университетѣ, большой знатокъ древнихъ языковъ,

авторъ многихъ извѣстныхъ тогда сочиненій, и его товарищи по придворной русской службѣ: Яковъ Арензенъ, Валентинъ Билсъ, Елматонъ Розенбургъ и проч. такъ высоко съумѣли поставить свое званіе и науку въ глазахъ русскихъ, что медицина начинаетъ считаться на Руси за самую высшую науку и званіе врача — за верхъ счастія и почета. По примѣру сыновей этихъ врачей, отправившихся за границу для пріобрѣтенія докторскихъ дипломовъ: медицины, правъ и проч.. дѣти русскихъ дворянъ и чиновниковъ посольскаго приказа начали ѣздить въ чужіе края для «изученія медицинскихъ наукъ на всемъ ихъ пространствѣ». Царскій приказъ отъ 1636 г. не безъ гордости замѣчаетъ: «у нашего царскаго величества дохтуры и аптекари есть многіе московскаго государства природные и иноземцы многихъ земель» [44]). Съ этого времени появляются домашніе врачи у нѣкоторыхъ именитыхъ бояръ. Около того же времени переводчикъ посольскаго приказа датчанинъ Иванъ Гельмсъ, знавшій всѣ европейскіе языки, перевелъ нѣсколько латинскихъ и французскихъ книгъ на русскій языкъ (въ 1630 годахъ): русскіе придворные весьма заинтересовались переводами и, по свидѣтельству Олеарія, недалеки были отъ серіознаго изученія иностранныхъ языковъ и литературъ [45]). Во второй половинѣ 17 вѣка одна счастливая случайность въ ученыхъ изысканіяхъ служившаго при дворѣ иностранца имѣла значительную долю вліянія на судьбы отечественнаго просвѣщенія. Въ 1664 г. появилась большая комета. Въ вѣкъ астрологическихъ гаданій, когда по явленію кометъ, движенію планетъ и созвѣздій предсказывали будущія событія, счастливыя и несчастливыя (каковымъ предсказаніямъ вѣрили лучшіе германскіе императоры и всѣ наши цари), докторъ и астрологъ Андрей Энгельгардтъ произвелъ рядъ астрономическихъ вычисленій и, вѣроятно болѣе по естественной сообразительности и предусмотрительности, предсказалъ разомъ и моровое повѣтріе и миръ между Россіею и Польшею, имѣющіе быть въ слѣдующемъ 1665 году. Предвѣщанія исполнились съ удивительною точностію. Относительно чаемыхъ грядущихъ событій, какъ политическихъ, такъ и физическихъ, взяты были мѣры предосторожности. На общественное русское мнѣніе предсказанія эти произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе; они приняты были за предвѣденія и чудеса науки; всюду о нихъ заговорили. А этого достаточно было, чтобы они произвели въ пытливыхъ умахъ рвеніе къ пріобрѣтенію подобныхъ чудесныхъ даровъ науки, породили въ нихъ стремленіе къ отвлеченнымъ астрономическимъ знаніямъ [46]). Во 2-й же половинѣ 17 вѣка встрѣчаемъ немало иностранцевъ, протестантовъ, принимавшихъ дѣятельное, непосредственное участіе въ развитіи русской образованности, а не такое косвенное, загадочное, какъ Энгельгардтъ съ своими предсказаніями. Докторъ медицины и философіи Генрихъ Келлерманъ, обладавшій знаніемъ иностранныхъ и русскаго языковъ, пере-

водилъ и читалъ передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ европейскія газеты [47]). Искусный врачъ и плодовитый писатель Самуилъ Коллинсъ своимъ извѣстнымъ сочиненіемъ о Россіи много способствовалъ пробужденію наблюдательной пытлитой русской мысли какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ частныхъ образованныхъ кружкахъ. Преемникъ Коллинса Іоаннъ Костенъ, 27 лѣтъ занимавшійся наукою и за то заслужившій лучшіе отзывы отъ современныхъ ему и позднѣйшихъ историковъ: Кленка, Кестнера, Іохера и Моллера, 10 лѣтъ ученой дѣятельности провелъ въ Россіи (съ 1667 до 1677) и конечно не безъ пользы для возрождавшейся въ ней науки. Докторъ Лаврентій Блюментростъ, пріѣхавшій въ Россію (въ 1688 г.) съ большимъ семействомъ и многочисленною свитою, (караваномъ на 25 подводахъ) далъ Россіи (въ четырехъ сыновьяхъ и спутникахъ своихъ) рядъ просвѣщенныхъ и полезныхъ дѣятелей. Особенно много потрудился для русскаго просвѣщенія самый младшій Блюментростъ, дѣятельно помогавшій Петру I-му въ устройствѣ физическаго кабинета, императорской библіотеки и въ учрежденіи академіи наукъ. Посланникъ герцога саксонскаго, а потомъ (съ 1684 г.) русскій придворный врачъ и наконецъ одинъ изъ 8 дворовыхъ дворянъ—Лаврентій Лингуберъ привнесъ въ эту высшую среду новый свѣтъ науки и знанія [48]). Врачъ и аптекарь Петръ Понтанъ въ 1675 г. ѣздилъ въ Вологду для открытія аптеки въ сопровожденіи многочисленной свиты: переводчика, писцовъ, приказныхъ: и всѣ они «многому научились отъ сего во всемъ человѣка потребнаго» [49]). Врачи, художники и вообще образованные протестанты передавали свои свѣдѣнія русскимъ не при служебныхъ только или частныхъ сношеніяхъ съ ними, но и въ нарочито-учрежденныхъ для того школахъ. Еще въ 1652 г. при московскомъ гошпиталѣ открыты были воспитательный домъ и школа, въ которыхъ всякому желающему и изъ русскихъ преподавались иностранцами: ариѳметика, геометрія, артиллерія, архитектура, живопись и мастерства: часовое, оружейное, суконное, шелковыхъ, локатныхъ товаровъ и золотыхъ дѣлъ. Въ этой или въ подобныхъ ей школахъ, многіе изъ русскихъ, въ послѣдней четверти вѣка, выучивались латинскому и нѣмецкому языкамъ [50]). Не одни свѣтскіе ученые протестанты, но и сами пасторы ихъ содѣйствовали успѣхамъ гражданскаго просвѣщенія и цивилизаціи въ Россіи: подобно тому какъ свѣтскіе протестантскіе ученые съ успѣхомъ служили дѣлу духовнаго ея просвѣщенія. Извѣстно, что пасторъ Григори былъ посланъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ герцогу саксонскому съ порученіемъ привезти изъ Саксоніи въ Россію мастеровъ, свѣдущихъ въ отысканіи и обработкѣ металловъ и знающихъ искусство валянія суконъ. Порученіе исполнено пасторомъ очень удачно [51]). Искусно овладѣвывая образованіемъ страны, протестанты возбудили къ себѣ зависть и противодѣйствіе западныхъ католиковъ. Въ 1688 г. князь Голицинъ просилъ

императора Леопольда прислать въ Россію ученаго доктора и хорошаго лингвиста. Императоръ, чтобъ поставить нѣкоторую преграду протестантамъ, шлетъ католика Карбонарія и проситъ предоставить своимъ единовѣрцамъ въ Россіи такую же свободу богослуженія, какою пользуются въ ней протестанты [52]). Но измѣнить ходъ вѣковыхъ событій, затормозить великое дѣло нѣмецко-протестантской культуры было уже поздно.— О служеніи протестантовъ русской наукѣ въ славное царствованіе Петра было бы излишне говорить. Достаточно упомянуть, что однихъ врачей иноземныхъ прибыло на царскую службу въ 1695 г. 25 человѣкъ, въ 1697 г. 50. Между ними находилось нѣсколько католиковъ, но самая большая часть были протестанты [53]). Какъ ни малочисленны вообще наши свѣдѣнія о дѣятеляхъ изъ просвѣщеннаго протестантскаго міра, способствовавшихъ успѣхамъ гражданскаго просвѣщенія въ Россіи, но и эти данныя достаточно показываютъ, что всѣ они обаяніемъ своей личности, примѣромъ ученой дѣятельности, при исполненіи своей оффиціи, при частныхъ сношеніяхъ и собесѣдованіяхъ, въ школахъ, въ путешествіяхъ — словомъ, всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ внушали русской любознательности уваженіе къ наукѣ и оказывали дѣятельныя услуги въ ея юныхъ научныхъ стремленіяхъ. Напрасно стали бы возражать намъ, что въ гражданскомъ этомъ образовательномъ вліяніи не было собственно религіознаго протестантскаго элемента. Нѣтъ, такъ какъ это вліяніе было большею частію вліяніемъ всей личности, жизни и дѣятельности, то религіозный протестантскій элементъ настолько же не отдѣлимъ отъ него, на сколько религія не отдѣлима отъ внутренняго нашего существа, жизни и поведенія, хотя мы не знаемъ навѣрно, проникался ли этимъ религіознымъ началомъ просвѣщаемый ими русскій людъ. Наконецъ, если присоединить сюда средства къ возвышенію духовнаго его просвѣщенія, бывшія въ распоряженіи образованныхъ протестантовъ: обличенія, критику во всѣхъ ихъ видахъ, краткія и обширныя сочиненія о религіозно-умственномъ состояніи Россіи и проч., то не будетъ твердаго основанія отрицать вліяніе протестантовъ на развитіе въ ней образованности и въ до-Петровское время.

---

2. Каково было вліяніе протестантизма на нравственное состояніе русскаго общества?

Еще въ 1 половинѣ 17 вѣка замѣтны въ рускомъ народѣ охлажденіе къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, несоблюденіе постовъ, пренебреженіе уставовъ церкви, господство плотскихъ грѣховъ, вольная и разнузданная

жизнь. Изъ грамоты къ князю Ивану Хворостину отъ 1632 г. видно, что онъ не только самъ не ходилъ въ церковь, безпросыпно пилъ, ѣлъ мясо въ страстную недѣлю, но и людямъ своимъ не велѣлъ ходить въ церковь, говорилъ хульныя слова про св. угодниковъ, про вѣру христіанскую и училъ ихъ жить нехристіанскимъ обычаемъ [54]). Патріархъ Филаретъ въ грамотѣ отъ 1622 г. писалъ въ Сибирь къ архіепископу Кипріану: «литва и нѣмцы, крещенные въ православную вѣру, и многіе русскіе люди съ ними за одно крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, женятся на сестрахъ родныхъ, двоюродныхъ и на кумахъ, иные же на матерей и дочерей посягаютъ [55]). Въ виду подобнаго зла, Соборъ 1647 г. постановилъ убѣждать православныхъ христіанъ, чтобы въ воскрестные и праздничные дни всѣ приходили во храмы Божіи и благоговѣйно слушали службу. Соборъ 1667 г. опредѣлилъ умолять христіанъ, «чтобы они хранили посты и чинъ церковный [56]). Такія же нравственно увѣщательныя мѣры предпринимали въ отдѣльности царь и патріархъ [57]). Но жизнь ослабляла дѣйствіе добрыхъ мѣръ, и исчисленные пороки, какъ видѣли мы изъ жалобы монаха Евфимія на современные нравы, съ временемъ росли болѣе и болѣе. Другихъ свидѣтельствъ о постепенномъ упадкѣ нравственоости нѣтъ. Но что это за люди, впадавшіе въ эти слабости и пороки? Наши обличители, особенно монахъ Евфимій, Лихуды, Яворскій называютъ ихъ большею частію «лютерски и кальвински-мудрствующими». На самомъ же дѣлѣ это былъ самый низшій сортъ протестантствующихъ, если только всѣхъ ихъ можно назвать протестантетвующими; они не имѣли внутренняго убѣжденія, сердечнаго расположенія къ догмѣ протестантизма. По однимъ мимолетнымъ слухамъ, безъ размышленія и провѣрки ихъ, они брали изъ него одну мораль, пособляющую вольной и разнузданной жизни; уступая духу времени и обычаямъ, они слѣпо проникались утилитарно-практическими принципами его, которые поставляютъ выше всего дѣятельное служеніе обществу и прощаютъ изъ-за этого плотскіе грѣхи. Они числились за православною церковію, которая и зоветъ ихъ къ соблюденію ея уставовъ, но принадлежали къ протестантству настолько, насколько и ко всякому другому ученію, подъ знаменемъ котораго можно спокойно предаваться влеченію страстей. Многіе изъ нихъ держались столь извѣстнаго тогда на Руси мнѣнія о безразличіи вѣръ, состоявшаго въ томъ, что въ каждой вѣрѣ можно спастись, лишь бы не дѣлать другимъ насилія и зла». И не протестантизмъ собственно растлилъ и оторвалъ ихъ отъ православной церкви: они жизнію. дѣлами давно отпали отъ нея; они какъ гнилые члены, внѣшнею связью держались на ней. Подулъ на нихъ разъѣдающій ихъ раны вѣтеръ, повѣяло новое поблажающее страстямъ ученіе, и — они сдѣлались еще слабѣе, хилѣе; потерявъ ихъ, общество и церковь ничего почти не лишились, потому что они давно имъ были не свои, они только

портили, заражали церковно-общественный организмъ Но и для протестантизма они не находка. Но наша рѣчь собственно не о нихъ и не о томъ, какое нравственно растлѣвающее вліяніе произвелъ протестантизмъ на ту горсть, одонки общества, которыхъ онъ, въ какой бы то ни было мѣрѣ, уловилъ въ свои пропагандистическія сѣти.

Намъ хотѣлось бы разобрать, справедливо ли мнѣніе, будто протестантизмъ еще въ 17 вѣкѣ растлилъ народную нашу нравственность, подточилъ въ корнѣ церковную жизнь. Не смотря на особенное развитіе набожности, хотѣвшей всю Русь превратить въ одинъ монастырь, не смотря на монастырское провожденіе времени, господствовавшее въ лучшихъ домахъ, нравственность 16 и 17 вѣковъ была очень невысока. Преобладающими пороками времени, какъ и въ средѣ протестантствующихъ, были господство матеріальныхъ стремленій, преобладаніе чувственныхъ страстей. Богатый человѣкъ, одѣтый весь въ золото и жемчугъ, съѣдалъ за обѣдомъ десятки кушаньевъ. Русскія женщины пили особаго рода водку, чтобы растолстѣть. Достоинствомъ человѣка поставлялась азіатская изнѣженность, недѣятельность, съ типическимъ выраженіемъ во всей фигурѣ тѣла, въ ея обрюзглости, тяжеловатости, неподвижности[58]). Повальное пьянство и гнусный развратъ никогда и нигдѣ, по словамъ Юрія Крижанича, не были такъ распространены, какъ въ Россіи конца 17 вѣка: на разгульныхъ пирахъ заставляли пить съ побоями. Пьяныя, обезумѣвшія женщины, духовные, старцы и юноши валялись въ грязи на улицахъ и не рѣдко тутъ же умирали[59]). Гнусная содомія считалась шуткою, предметомъ хвастовства и геройства. Мущины и женщины мылись вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ. Знатные бояре имѣли у себя цѣлые гаремы любовницъ[60]). Дѣла общественнаго насилія, грабежа и разбоя приняли также страшные размѣры. Въ самой столицѣ не было безопасности: мимо высокаго дома боярина, словно мимо разбойничьяго средневѣковаго замка, нельзя было было пройти безъ того, чтобъ не выскочила изъ него безчисленная голодная челядь и не «пограбила» прохожаго. Голодная, оборванная челядь толпами шаталась по городу, по ночамъ нападала на прохожихъ—съ топорами, ножами и кистенями; то и дѣло производила пожары[61]). Скоморохи, большими ватагами расхаживавшіе съ своими инструментами и харями (масками), не пропускали ни проѣзжаго, ни прохожаго, грабя и убивая ихъ[62]) Сами бояре и князья съ шайками воровъ ѣздили по большимъ дорогамъ, среди бѣлаго дня нападали на деревни, посады и монастыри, «производя грабежъ и смертныя убійства». Встрѣчается рядъ возмутительныхъ преступленій, совершаемыхъ знатными женщинами публично, наприм. казначея Ѳедора Алексѣевича — стольничиха Татьяна ѣздила по улицамъ Москвы, чтобъ «поворовать, пограбить, и дворы зажигала». Самые безопасные, по видимому, люди, нищіе и калѣки крали дѣтей, уродывали ихъ, калѣ-

чили имъ руки и ноги, выкалывали глаза, чтобъ видомъ страданія ихъ возбудить большее участіе зрителей, и не рѣдко замучивали ихъ до смерти. Объ уваженіи къ правамъ свободы и личности другихъ въ тогдашній вѣкъ безправія и насилія не могло быть и рѣчи. Нерѣдко случалось, что господинъ убивалъ до смерти людей изъ своей дворни, и все ему сходило съ рукъ[63]). Служилые люди, хитростію и насиліями, цѣлыя семейства обращали въ холопы; насильно брали безпомощныхъ сиротъ, дѣвицъ, «сманивали чужихъ женъ», дѣлали на нихъ фальшивые крѣпостные акты и потомъ передавали ихъ изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Между самими рабами были постоянныя смуты, драки и убійства. Мы уже не говоримъ о татарской грубости обращенія, о вѣчныхъ перебранкахъ и дракахъ, о поединкахъ на лошадяхъ и бичахъ, на палкахъ и дубинахъ, о кулачныхъ бояхъ, изъ которыхъ многіе выходили калѣками, а другихъ выносили мертвыми[64]). Другія возмутительныя преступленія: обдирательство работящаго народа дьяками и боярами, продажность правосудія, ложные доносы мужа на жену, жены на мужа, рабовъ на господъ, подложныя подписи[65]), всѣ виды мошенничества, обманъ въ торговлѣ при вѣчной клятвѣ и божбѣ продавца, шпіонство, проникавшее во всѣ уголки домашняго очага—на свадьбы, похороны и пиры—были самыми обыкновенными явленіями[66]). Семейная нравственность находилась въ отчаянномъ положеніи: тутъ варварскій деспотизмъ мужа надъ женою, родителей надъ дѣтьми и вѣчныя жалобы на то, что ихъ никто не слушаетъ. Власть родителей надъ дѣтьми была безъ опоры нравственной. Мужъ то сѣкъ жену, какъ маленькаго ребенка, то колотилъ ее, какъ скотину. Несчастная, чтобъ избѣжать побоевъ, рѣшалась на самовольное заключеніе себя въ монастырь, но чаще всего супруги старались избыть другъ друга самымъ обыкновеннымъ для тогдашняго времени средствомъ—отравою[67]). За отравленіе мужа жену нерѣдко закапывали въ землю, оставляя наружи голову, и оставляли въ такомъ положеніи до смерти. Отравленіе же жены мужемъ часто проходило безнаказаннымъ. А сколько зла происходило отъ теремовъ! Запертая въ своемъ теремѣ, удаленная отъ хозяйства и воспитанія дѣтей жена проводила время съ служанками; отъ скуки и праздности вела съ ними «пустошныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпичныя» и, какъ ни строго запирали ее, она склонна была «положить мужа подъ лавку»[68]). Всѣ почти описанныя преступленія, все вообще злое и безнравственное ревнители старины приписывали нѣмцамъ-лютеранамъ и, не задумываясь, совѣтовали правительству прогнать ихъ. Такого мнѣнія были патріархи Іоакимъ и Адріанъ: въ своихъ предсмертныхъ завѣщаніяхъ (отъ 1690 и 1700 гг.) они умоляли царя: «не давать нѣмцамъ строить ихъ кирокъ и—иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ по иноземски не вводить»[69]). Но нѣмцы ль, съ ихъ кирками, обы-

чаями и платьями виноваты въ печальномъ состоянiи нравственности народа? Подвергается вопросу еще самый уровень нравственности 16 и 17 вѣковъ, дѣйствительно ли онъ ниже уровня предшествующихъ временъ? Всѣ перечисленные пороки извѣстны были и прежде; могла быть разница въ силѣ и степени ихъ, но можно ли положить здѣсь строгую мѣрку и подвести точный реестръ? Моралисты, ораторы и патрiоты, когда описываютъ нравственное состоянiе своего времени, вѣчно приходятъ въ отчаянiе и считаютъ свое время самымъ несноснымъ, пагубнымъ. Многiе пороки, преимущественно чувственные, были наслѣдiемъ временъ древнѣйшихъ, языческихъ, или же происходили отъ другихъ естественныхъ причинъ. Пьянство наприм. было исконнымъ порокомъ русскаго народа (еще Владимiръ высказывался: «Руси веселiе пити, не можетъ безъ того быти»). Особенно размножилось оно послѣ того, какъ Борисъ введенiемъ «царскихъ» кабаковъ сдѣлалъ вино статьею государственнаго дохода: между всѣми сословiями размножились жалкiе пьяницы, «кабацкiе ярыги», которые пропивались до нитки, ходили иногда нагишемъ. Всѣми также признано, что эпоха мучительства Грознаго и несчастное смутное время были причинами значительнаго паденiя нравственности въ народѣ: въ народныхъ нравахъ стало несравненно больше хитрости и коварства, грубости и жестокости, наглости и цинизма разврата, презрѣнiя къ уставамъ церкви»[70]). Не нужно забывать также, что 17 вѣкъ, особенно второй половины, есть вѣкъ переходный въ нашей исторiи, а время переходное есть вообще самое опасное для общественной нравственности. Какъ ни печально бываетъ нравственное состоянiе общества, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться; но если это общество двинется, взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно разрушаются, и общество подвергается сильному нравственному колебанiю, шаткости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Значитъ виною упадка общественной нравственности—не новое иноземное влiянiе, а неустойчивость прежнихъ нравственныхъ связей, неудовлетворительность, ненормальность прежнихъ общественныхъ отношенiй, за которую приходится теперь разомъ расплачиваться; общественный недугъ, давнишнiй, застарѣлый переживаетъ свой кризисъ, переломъ при поворотѣ къ новой жизни.

Да и что изъ новаго иноземнаго влiянiя могло соблазнить, растлить народную нравственность? Влiянiе иноземной иновѣрной цивилизацiи, въ 17 вѣкѣ, хотя чувствовалось во всемъ, но не въ значительной мѣрѣ, на нѣкоторыхъ избранныхъ личностяхъ, которыхъ она, какъ дѣтей игрушками, приманивала къ себѣ большею частiю удовольствiями и удобствами жизни. Но эти удовольствiя и удобства сами по себѣ такъ же не-

винны, какъ дѣтскія забавы, и не мѣшали человѣку быть нравственнымъ. Любитель этихъ удовольствій, Ординъ Нащокинъ, любилъ православную вѣру искреннею душею. Благочестивый царь ублажалъ его въ своей грамотѣ, какъ вѣрнаго исполнителя всѣхъ заповѣдей и дѣлъ христіанскаго милосердія: алчущихъ ты кормишь, нагихъ одѣваешь [71])... Другіе два друга тишайшаго царя, Ртищевъ и Матвеевъ, при всей наклонности къ иноземному просвѣщенію, были люди также благочестивые, готовые на всякое доброе христіанское дѣло, чуждые совершенно корыстолюбивыхъ цѣлей. Это уже одно показывало, что русскій человѣкъ могъ ужиться съ новымъ направленіемъ безъ вреда для своей нравственности, лишь бы оно было благоразумно ведено. Если жъ подъ конецъ вѣка дѣло не обошлось безъ нравственно растлѣвающихъ увлеченій, если ихъ не чуждъ былъ самъ великій преобразователь, то, какъ мы видѣли, эти нравственные недуги были большею частію невольные, неизбѣжные и скоро были уврачеваны подъ благодатно-нравственнымъ и истинно-просвѣщеннымъ воздѣйствіемъ церкви. Замѣчательно, что сами протестантствующіе временъ реформы Петра, увлекавшіеся преимущественно религіозно-культурными идеями протестантовъ, не усвоили нечистаго ученія ихъ объ оправданіи. Далѣе, мораль протестантовъ могла быть соблазнительна для русскихъ не столько словомъ и теоріею своею, сколько жизнію ея послѣдователей. По свидѣтельству самихъ протестантскихъ писателей, Гингубера и Бекка (1, 585, 593, 600), нравы ихъ единовѣрцевъ въ Россіи не долго отличались чистотою и безукоризненностію; съ конца 16, а особенно съ половины 17 столѣтія они значительно пали. Тяжбами протестантовъ объ оскорбленіяхъ, побояхъ переполнены были русскіе приказы и канцеляріи. Случалось, что рабы бароновъ промышляли разбоемъ, какъ ремесломъ, дѣлясь добычею съ самими господами и, не смотря на многочисленные грабежи и смертоубійства, предъ закупленными судьями выходили всегда оправданными. Особенно распространены были въ средѣ ихъ пьянство и сладострастіе. Сами старѣйшины церковные приходили въ кирки пьяные и производили въ нихъ неистовый шумъ, за что однако лишаемы были званія старѣйшинъ. Семейные люди позволяли себѣ всѣ виды прелюбодѣянія и кровосмѣшенія, приживая наприм. дѣтей и отъ женъ и отъ свояченицъ-дѣвицъ. Юноши жили въ преступныхъ связяхъ съ отроковицами (juvenes puellas impraegnaverant) и плодъ любви несчастной вытравливали медикаментами или убивали собственными руками. Какъ ни тяжки, ни соблазнительны представленные пороки, но если сравнить ихъ съ описаннымъ печальнымъ состояніемъ нравственности въ русскомъ обществѣ, то окажется, что примѣръ послѣдняго гораздо соблазнительнѣе, что корень зла и соблазна скрывался въ самой русской средѣ, въ строѣ жизни, унаслѣдованномъ ею отъ прежняго мрачнаго времени. Если же въ протестантствѣ сама догма отчасти игнорируетъ, потворствуетъ по-

добнымъ чувственнымъ грѣхамъ, то эта поблажка соблазняла легкомысліе, шаткость отдѣльныхъ личностей, да и то не такъ сильно, какъ выставляли наши проповѣдники, обличители, полемисты; общественное жъ сознаніе цѣлыхъ массъ народныхъ не могло омрачить, растлить превратное ученіе горсти пришельцевъ; общественная совѣсть, при всѣхъ ея претквновеніяхъ и паденіяхъ, не такъ была омрачена или сожжена, чтобъ не возмущаться противъ всего, что было въ немъ противнаго прирожденнымъ нравственнымъ требованіямъ и не признать въ немъ уступку и поддѣлку къ человѣческимъ немощамъ и слабостямъ. Изъ полемическихъ противолютеранскихъ памятниковъ мы уже знаемъ, какъ сильно высказалась она въ этомъ смыслѣ.

При тогдашнемъ строѣ русской общественной нравственности, не столько слабыхъ соблазнительныхъ, сколько добрыхъ благодѣтельныхъ для нея сторонъ можно было находить въ протестантствѣ. Съ своимъ животворнымъ, просвѣщеннымъ направленіемъ, составляющимъ главное отличительное его достоинство, протестантизмъ могъ уврачевать и вѣроятно уврачевалъ множество нравственныхъ недуговъ русскаго народа. Извѣстно, что многія общественныя и частныя преступленія раннѣйшія и позднѣйшія, — въ средѣ даже высшей, боярской, но мало образованной,—происходили отъ недостатка просвѣщенія; напр. господство матеріальныхъ стремленій, преобладаніе чувственныхъ страстей зависѣло отъ застоя, узкости мысленнаго горизонта, малочисленности интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ ему необходимый отдыхъ, праздникъ, однимъ словомъ отъ отсутствія просвѣщенія. Темныя дѣла насилія, которыми такъ запятнали себя 16 и 17 вѣка, происходили больше отъ того, что человѣкъ вступалъ въ общество нравственнымъ недоноскомъ, прямо изъ дѣтской, безъ ученья, безъ образованія, и, когда уже былъ отцомъ семейства, находился подъ долгою опекою, подъ тяжкимъ гнетомъ старыхъ родителей: находясь долго подъ гнетомъ чужой силы, онъ давалъ чувствовать свою силу низшимъ, слабымъ; сперва пробовалъ ее на женѣ, на дѣтяхъ, потомъ на комъ попало, въ обществѣ, и — скоро же становился героемъ насилія, грабежа и проч. Семейная и общественная жизнь 16 и 17 вѣковъ опутана была суевѣріями, предразсудками; нельзя было ступить, чтобъ не наткнуться на чары, колдовства, волшебства; всѣ нервныя болѣзни, которыя внезапностію и ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе, производились отъ злыхъ духовъ, и, при каждой болѣзни, выдающейся случайности, приглашался «знающій человѣкъ, чтобъ онъ отвратилъ лихо». Явились цѣлыя системы гаданія, записанныя въ книгахъ и сборникахъ: Рафли, шестокрылые, астрономы, звѣздочеты, задѣй и проч.» Чуждое духу православной церкви, суевѣріе проникло и въ религіозную жизнь: при самомъ дворѣ царя появилось мно-

жество юродивыхъ. Не обошлось безъ ложныхъ чудесъ, ложно чудотворныхъ иконъ. У чудотворныхъ иконъ и мощей святыхъ всюду толпились бѣснующіеся и кликуши, т. е. страдающіе нервными болѣзнями, а болѣе отъ воображенія усвоившіе себѣ нервные припадки, или же просто притворявшіеся. Выкидывая разныя фарсы, всѣ они показывали видъ толпѣ, будто пророчествуютъ. Кликуши не рѣдко выкрикивали, что ихъ испортилъ такой-то, и обвиненнаго тотчасъ подвергали пыткамъ, а иногда сожигали въ срубѣ [72].... Вотъ тутъ-то протестантизмъ съ своимъ просвѣщеніемъ, наполняющимъ и облагороживающимъ праздничный досугъ, съ своимъ уваженіемъ къ правамъ личности другаго, съ своими строгими преслѣдованіями ханжества и суевѣрія, съ своими требованіями сознательнаго и разумнаго богопочтенія, добродѣтелей по преимуществу умственныхъ, общественныхъ, былъ очень не лишнимъ для русскихъ 16 и 17 вѣковъ. Онъ могъ научить ихъ, что не для всѣхъ и не всегда годится монастырское времяпровожденіе, что безъ истиннаго просвѣщенія, безъ разумнаго отношенія къ дѣлу оно превращается въ пустую формальность, ханжество, что потребности отдыха и развлеченія можно удовлетворить инымъ, облагороживающимъ душу путемъ, представивъ наконецъ, не смотря на частныя многочисленныя уклоненія отъ добродѣтели, многочисленные также и убѣдительные примѣры уваженія къ правамъ личности другаго, наглядные и поучительные образцы добродѣтелей умственныхъ и нравственныхъ, общественныхъ и гражданскихъ, которыми такъ бѣдно было данное время. Не напрасно жъ св. Димитрій Ростовскій, за просвѣтительные труды, за благородство души, за доблести гражданскія, такъ восхвалялъ Лефорта въ надгробномъ словѣ [73]). Нельзя наконецъ не упомянуть объ одномъ заимствованномъ отъ протестантовъ добромъ обычаѣ, предвѣщавшемъ собою наступленіе новой эры въ семейной и общественной жизни. Патріархъ Іоакимъ, убѣдившись, что главное зло семейной и общественной жизни происходитъ отъ страннаго способа заключенія браковъ, «отъ обманства, какого не видано во всемъ свѣтѣ», издалъ въ 1693 г. замѣчательный указъ, который послужилъ введеніемъ къ послѣдующимъ мѣрамъ Петра относительно заключенія браковъ [74]). Итакъ въ 16 и 17 вѣкахъ не видно разрушительнаго вліянія протестантизма на народную русскую нравственность въ общей ей массѣ; напротивъ оно было скорѣе благодѣтельно, чѣмъ разрушительно.

3. Намъ остается показать вліяніе протестантизма на замѣчательныя событія, совершившіяся въ области религіозной, церковно-практической. Вліяніе это можно подмѣчать лишь съ половины 17 вѣка, когда протестантское движеніе на Руси стало шире.—Это время въ русской церковной жизни ознаменовано внѣшними богослужебными реформами: исправленіемъ чтенія и пѣнія въ церкви, благоустроеніемъ церковной дисциплины, а также мѣропріятіями относительно нравственнаго возвы-

шенія духовенства, улучшеніемъ его матеріальнаго положенія, вызвышеніемъ личныхъ и юридическихъ правъ. Намъ кажется, что протестантизмъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, преимущественно чрезъ безпристрастныя ихъ указанія на темныя стороны русской религіозной и церковной практики, не мало содѣйствовалъ исчисленнымъ реформамъ и улучшеніямъ. Съ перваго взгляда это мнѣніе можетъ показаться страннымъ, умаляющимъ заслуги главныхъ виновниковъ реформъ. Но въ немъ не окажется ничего невѣроятнаго и профанирующаго, если разобрать, отъ кого шли эти руководящія указанія, какъ они были безчисленны и авторитетны для того, чтобъ просвѣщенные, проницательные дѣятели реформъ прислушались къ нимъ и воспользовались ими.

Извѣстные намъ писатели всѣхъ протестантскихъ націй, которые такъ обстоятельно изучали состояніе просвѣщенія въ Россіи, такъ или иначе способствовали его развитію и преспѣянію, подробно изслѣдовали, описывали церковный быть ея: вѣроученіе, богослуженіе и религіозно практическую жизнь [75]). Многіе изъ писателей крайне пристрастны въ своихъ сужденіяхъ о русской церкви. Въ своихъ сочиненіяхъ они благосклонно отзывались о ней только тогда, когда касались ея догматовъ и учрежденій, въ которыхъ они видѣли сродство ея съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, или когда за одно съ нею могли ратовать противъ папства. Но лишь только эти виды расходились, сейчасъ же обнаруживала себя неразборчивая критика, безпощадная сатира. Много не думая, они всѣ особенности православнаго вѣроученія, богослуженія и религіозной практики подвели подъ категорію «заблужденій», а Швабе въ іенскомъ университетѣ и Ботвидъ въ упсальскомъ глубокомысленно разрѣшали вопросъ, «utrum Moscovitae sint Christiani». Но было немало писателей сравнительно честныхъ и безпристрастныхъ, напр. извѣстные намъ Олеарій, Гербиній и президентъ богословскаго упсальскаго факультета, а впослѣдствіи суперъ-интендентъ ливонскихъ и прибалтійскихъ церквей Н. Бергъ (написавшій въ 1709 году «Exercitationem Historico-Theologicam de statu Ecclesiae et religionis Moscovitarum». Эти ученые изучали религіозное состояніе Россіи посредствомъ личныхъ тщательныхъ наблюденій или по первоначальнымъ литературнымъ памятникамъ ея, предварительно овладѣвъ для того славянскимъ языкомъ; они читали славянскія богослужебныя и символическія книги; знакомы были съ церковною письменностію, богословскими сочиненіями и твореніями св. отцовъ въ славянскомъ переводѣ; свѣдущи были въ русской церковной исторіи и литургикѣ. Олеарій и Гербиній въ историческихъ изслѣдованіяхъ своихъ изобразили кратко всѣ судьбы русской церкви отъ введенія въ ней христіанства до ихъ дней, возводя начало христіанства на Руси ко временамъ апостольскимъ. Гербиній находился въ дружественной перепискѣ съ кіевскими учеными Сильвестромъ Коссовымъ и Иннокентіемъ Гизелемъ и друг. Благодаря обстоятель-

ному изученію русской церкви Гербиній и Бергъ отзываются о ней съ величайшею осторожностію и почтительностію; сужденія ихъ отличаются спокойствіемъ, основательностію, благородствомъ тона. Въ такомъ же духѣ пишетъ и Олеарій, когда не задается затаенными пропагандистическими цѣлями. У Гербинія дышетъ особенное чувство симпатіи къ славянскому міру, столь чуждое нѣмецкимъ писателямъ. Онъ, можно сказать, поражаетъ насъ чувствомъ величія и благоговѣнія, какое внушаетъ ему судьба славянскаго племени и преимущественно необыкновенно широкое распространеніе славянской рѣчи отъ отдаленнаго востока до береговъ Италіи. Лестные отзывы и многотомные трактаты о русской церкви, писанные большею частію на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, читали на Руси очень немногіе, ученое напр. братство Ртищева, избранный кружекъ Славенецкаго. Но эти не многіе стояли такъ близко къ царю и патріарху; ихъ избранному кружку и принадлежитъ главный трудъ и заслуга по введенію внѣшней церковной реформы, хотя главная честь ея усвояется обыкновенно лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія. Они же были весьма близки къ жившимъ въ Москвѣ протестантамъ, которые были главными помощниками иностранцамъ въ собираніи свѣдѣній о Россіи,—врачамъ, художникамъ, военноначальникамъ. Отъ нихъ и отъ самихъ иностранцевъ эти свѣдѣнія и сужденія переходили и къ народу. Теперь, если представители всѣхъ протестантскихъ націй составили столько сужденій и изслѣдованій о православной церкви, отъ имени всего протестантскаго міра произнесли столько отзывовъ и указаній, если вездѣ за границею и въ Россіи заговорили о крайнихъ недостаткахъ церковной русской практики и жизни, можно ли было чуткимъ натурамъ, или, какъ ихъ тогда называла рутина, «друзьямъ и потаковникамъ нѣмцевъ» не прислушаться къ этимъ толкамъ; можно ли было не задуматься о современномъ состояніи церкви и ея благочинія, дѣйствительно ли оно заслуживало тѣхъ похвалъ и порицаній, которыя всюду слышались, въ чемъ заключается вѣрность его своему идеалу, въ чемъ уклоненіе отъ нормы? Роковое и тревожное: «что скажутъ въ Европѣ» и тогда имѣло свое значеніе для избранныхъ личностей. И тогда избранныя единицы хорошо понимали, что слово правды есть и у враговъ, что со стороны виднѣе наши недостатки, которыхъ мы, отъ долговременной привычки, не замѣчаемъ, что они виднѣе преимущественно для просвѣщенныхъ стороннихъ людей, которые, забывъ о своей вѣроисповѣдной розни, относятся къ дѣлу съ такою нейтральностію, съ такимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Въ гражданскомъ быту 17 вѣка, при содѣйствіи нѣмцевъ, сдѣлано не мало внѣшнихъ улучшеній и реформъ; какъ переходная ступень къ всестороннимъ внутреннимъ преобразованіямъ 18 вѣка, введены разныя ремесла, художества, искусства; параллельно съ вводимымъ нѣмцами гражданскимъ просвѣщеніемъ возрождалось духовное. Подъ тѣмъ же незри-

мымъ нѣмецко-протестантскимъ вліяніемъ, подъ которымъ сдѣлано столько улучшеній въ гражданской жизни и наукѣ, почему бы не могли совершиться нѣкоторыя реформы въ церковной жизни, касавшіяся наприм. болѣе разумнаго отправленія богослуженія? Такъ оно должно быть по самой неотдѣлимости церковной жизни отъ гражданской, по всепроницаемости новаго духа и направленія. Именно отъ всеобщихъ церковно-реформаторскихъ движеній на западѣ, устремившихся въ область мысли, идеи, духа, отъ новыхъ, поселившихся на Руси просвѣщенныхъ людей повѣяло сколько нибудь на русскую церковную жизнь новымъ духомъ сознательности осмысленности, одухотворенности, какимъ она и долженствовала быть проникнута по мысли реформы. При всеобщемъ господствѣ внѣшней обрядности, дошедшемъ до того, что въ ней полагали всю сущность христіанства и считали излишними истинно добрыя дѣла любви и самоотверженія, а людей, подобныхъ Максиму Греку и Діонисію архимандриту, возвысившихъ голосъ за внутренній смыслъ благочестія, подвергали страданіямъ, — свѣтлыя личности могли додуматься до внутренняго смысла благочестія не безъ примѣра и побужденія отвнѣ. Замѣчательно, что первый человѣкъ, подавшій царю мысль позаботиться о лучшемъ осмысленнѣйшемъ отправленіи богослуженія, былъ извѣстный Ртищевъ, давнишній «другъ и потаковникъ нѣмцевъ». Такіе непредубѣжденныя и безпристрастныя личности, какъ Ртищевъ и его сподвижники, безъ всякаго сомнѣнія и опасенія, могли воспользоваться указаніями протестантовъ на крайне неудовлетворительное состояніе церковной практики: подобно тому, какъ свѣтское правительство руководилось совѣтами и указаніями нѣмцевъ при гражданскихъ реформахъ. Къ тому жъ, эти указанія касались внѣшней стороны религіи и не только не были противны духу православія, но напротивъ такъ иногда были обстоятельны и безпристрастны, что заключали въ себѣ, можно сказать, програму будущихъ исправленій и улучшеній. Наши исправители и преобразователи, по всей вѣроятности, имѣли въ виду преимущественно отзывы тѣхъ заграничныхъ и жившихъ въ Россіи протестантовъ, которые были «въ чести и пожалованіи у государей», напр. Олеарій у Михаила Ѳедоровича и Бергъ у Петра Великаго, но едва ли пренебрегали совершенно и отзывами пристрастныхъ лживыхъ писателей, потому что и ихъ пытливая мысль изъ-подъ скорлупы насмѣшекъ, брани, сатиры легко могла выдѣлить зерно истины. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ не видно, къ какимъ именно реформамъ привели тѣ или другіе отзывы протестантовъ, а замѣтна лишь общая внушенная имъ мысль, ощутителенъ общій, навѣянный ими, духъ, то мы изложимъ кратко одни отзывы, присовокупляя къ нимъ свои выводы самые краткіе и общіе. Мы сгруппируемъ (и потомъ будемъ цитировать) эти отзывы такъ, что одинъ, два писателя будутъ говорить у насъ за всѣхъ; это тѣмъ болѣе возможно и

даже необходимо, что ихъ отзывы однообразны до крайней утомительности.

Отзывы протестантскихъ писателей, какъ безпристрастныхъ, такъ и пристрастныхъ, обнимаютъ всѣ стороны церковной практики и религіознаго быта русскихъ. Не входя въ подробный анализъ православныхъ догматовъ и вѣрованій, они описываютъ: храмы и состояніе совершаемаго въ нихъ богослуженія, набожность и благочестіе русскихъ во всѣхъ проявленіяхъ обыденной практической жизни и проч. Начнемъ съ извѣстій о храмахъ. Всѣхъ писателей чрезвычайно удивляетъ обиліе церквей въ Москвѣ. Большинство въ началѣ 17 вѣка насчитываетъ всѣхъ церквей въ Москвѣ, и большею частію домашнихъ, до 2000, а со всѣми монастырями и часовнями до 4500 [76]). Часовни можно было встрѣтить чрезъ каждые пять домовъ [77]). Причиною такого множества церквей было главнымъ образомъ затворничество женщинъ, для которыхъ каждымъ почти купцомъ и бояриномъ и строились отдѣльныя церкви, а у князей было по двѣ и по три домашнихъ церкви, съ особыми при каждой священниками. Не мало удивлялись также протестанты многочисленности монастырей, которые Кобенцель и Бергъ находятъ по меньшей мѣрѣ на разстояніи двухъ, трехъ миль одинъ отъ другаго [78]). Всѣхъ монастырей насчитывали они въ Россіи болѣе 3000 [79]). Отдавая должное уваженіе благочестивымъ побужденіямъ, по которымъ строились нѣкоторые изъ церквей и монастырей, наши судьи не могли не замѣтить, что только недостаточное умственное развитіе народа, его дѣтское простодушное воззрѣніе на предметы могли привести его къ убѣжденію, что въ дѣлѣ благочестія больше всего значитъ обиліе храмовъ и святыни, что чѣмъ больше у него церквей, тѣмъ чаще и живѣе ощущается вѣяніе благодати, тѣмъ ближе и осязательнѣе кажутся ему дѣйствія божества. Не могли они также не броситься словомъ осужденія въ теремы, въ ревнивое и дикое отчужденіе жены отъ людей, по которому ей не позволялось входить въ общую приходскую церковь, кромѣ праздника Пасхи, и по которому для каждой жены одного и того же дома строили по особой церкви. По истинѣ, страннымъ казалось нашимъ обличителямъ, что однѣ изъ церквей отличались непомѣрною обширностію, богатствомъ и украшеніями, блистали золотыми главами на колокольняхъ, скрывали въ себѣ непроизводительно груды золота и серебра, а другія представляли изъ себя какія-то клѣтки, въ которыхъ едва могло помѣститься 5 или 6 человѣкъ и которыя въ длину занимали не болѣе 15 футовъ [80]). И потому совершенно кстати напоминали любителямъ церковнаго благолѣпія, чтобы они больше заботились о внутреннемъ украшеніи храмовъ душъ своихъ, чтобы ихъ головы не походили на колокольни и чтобъ вся Москва, казавшаяся снаружи Іерусалимомъ, внутри не представляла изъ себя разбойничаго Іерихона [81]). Иностранцы не приминули наконецъ за-

мѣтить, что тогда какъ въ столицѣ Россіи не знали счета церквамъ, въ провинціяхъ ощущался значительный въ нихъ недостатокъ, что тамъ церкви замѣнялись деревянными крестами, вышиною въ 3 и 4 аршина, на которыхъ вырѣзывались стихи изъ псалмовъ, и народъ совершалъ у нихъ богослуженіе (?), утреннія и вечернія молитвы [32]). Не мало досталось нашимъ предкамъ за страсть къ трезвону и колоколамъ, которыхъ Олеарій полагаетъ въ Москвѣ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и всю колокольную музыку характеризуетъ какъ грубость, неуклюжесть и одеревененіе слуха, отсутствіе эстетическаго и музыкальнаго вкуса [33]).

Переходя отъ храмовъ къ отправленію въ нихъ богослуженія, протестантскіе писатели замѣчаютъ, что церковное чтеніе (въ половинѣ 17 вѣка) было небрежно и легкомысленно, и присутствующіе въ церкви не обращали на это никакого вниманія [34]). Вмѣнялось въ особенную заслугу, если священникъ, не переводя духа, могъ прочитать нѣсколько молитвъ, а дьячекъ проговорить 12 — 15 разъ Господи помилуй; чѣмъ сильнѣе и громогласнѣе выкрикивали они, тѣмъ выгоднѣе о нихъ было мнѣніе [35]). О пѣніи московскомъ иностранные протестанты отзывались не лучше: Московиты, говоритъ Гербиній, пѣли совершенно на удачу, не зная музыки; имъ нравился низкій, грубый и протяжный голосъ, священники и діаконы силились читать такимъ же голосомъ; они даже порицали высокогласное пѣніе и укоряли этимъ малороссовъ, которые будто и въ этомъ случаѣ подражали полякамъ. Совсѣмъ другіе отзывы были о мало-русскомъ пѣніи. Тотъ же Гербиній пишетъ, что въ Малороссіи при богослуженіи ежедневно пѣлись псалмы и гимны на близкомъ народу языкѣ, съ удивительною гармоніею и мелодіею, правильнымъ музыкальнымъ размѣромъ, въ которомъ слышались голоса дисканта, альта, тенора и баса. Къ голосу клира присоединялся иногда и голосъ молящагося въ церкви народа. Сравнивая православное пѣніе съ пѣніемъ католиковъ и протестантовъ, Гербиній сознается, что первое больше соотвѣтствуетъ важному и трезвому настроенію молящейся души, чѣмъ чрезчуръ утонченное мелодическое пѣніе послѣднихъ. Онъ предлагаетъ всякому любителю музыки идти къ грекамъ или въ Россію и научиться у тамошнихъ христіанъ простотѣ въ дѣлѣ прославленія Бога, свойственной первобытной церкви [36]). Еще лучше отзывы иностранцевъ о богослуженіи, совершаемомъ въ лучшихъ монастыряхъ и при архіерейскихъ службахъ; къ отправляемому здѣсь богослуженію они не относятъ недостатковъ, которые они подмѣтили въ сельскихъ и приходскихъ церквахъ; здѣсь благочестіе и набожность русскихъ представлялись предъ ними въ своемъ настоящемъ видѣ.

Въ благочестіи русскихъ, проявляемомъ въ сферѣ обыденной практической жизни, протестанты замѣчали ту же наклонность ко внѣшнимъ пріемамъ религіозности, ту же привязанность ко внѣшнимъ формамъ и символамъ набожности, какою отличалось благочестіе русскихъ по отно-

шенію къ храму. Они не оставили по себѣ полной картины обыденной благочестивой жизни русскихъ и мы должны довольствоваться отрывочными ихъ сказаніями, изъ которыхъ видно, что русскій человѣкъ начиналъ и оканчивалъ день продолжительною молитвою, а именитые бояре регулярно выслушивали каждый день полунощницу, утреню и обѣдню. По количеству вычитываемыхъ ежедневно молитвъ, русскіе, говоритъ Вармундтъ, превосходили нѣкоторыхъ святыхъ [87]). Крестное знаменіе они изображали на себѣ гораздо чаще, чѣмъ сколько это заповѣдано въ любомъ катихизисѣ; по свидѣтельству Петрея, они не могли дать шагу изъ дома, не смѣли ничего взять въ ротъ, не перекрестившись предварительно [88]). Все это прекрасно, замѣчаетъ Олеарій, только имъ повсюду мерещились чары и колдовство, и они постоянно знаменали себя крестомъ не ради самого креста и Распятаго на немъ, но для предохраненія себя отъ дѣйствія чаръ и колдовства [89]). По свидѣтельству Вармундта, уваженіе русскихъ ко кресту доходило до фанатическихъ странностей. Кто наприм. не носилъ креста на шеѣ, того не считали христіаниномъ. Если находили умершаго безъ креста на шеѣ, то не хоронили его по христіанскому обряду. Всѣмъ, участвовавшимъ въ мистеріяхъ, которыя разыгрывались въ театрѣ, строго приказано было снимать кресты предъ совершеніемъ ихъ ролей [90]).

Въ числѣ особенныхъ проявленій нравственно-религіознаго настроенія и набожности православныхъ иностранцы-протестанты указывали на любовь и готовность ихъ къ подаянію милостыни и на чрезвычайную строгость въ соблюденіи постовъ. Но при этомъ прежде всего замѣчали, что раздачею милостыни, не разбирая лица, они часто развивали въ народѣ праздность и тунеядство, а въ себѣ самихъ фарисейское тщеславіе и пагубную увѣренность, будто милостыня искупаетъ всѣ ихъ прошедшіе и будущіе грѣхи. Олеарій разсказываетъ о московскихъ купцахъ, что каждое утро, суетливо бѣжа изъ дома въ церковь, изъ церкви въ лавку, они скупали на рынкѣ, какіе попадались, хлѣбы, разрѣзывали ихъ на куски и раздавали нищимъ, которыхъ въ Москвѣ была тьма. Подаянія были такъ обильны, что остатки хлѣба нищіе засушивали въ печахъ и продавали на рынкахъ цѣлыми мѣшками [91]). Многіе не довольствовались раздачею милостыни для искупленія своихъ грѣховъ, но покупали, особенно предъ исповѣдію, множество птицъ и потомъ выпускали ихъ на волю [92]). Что касается до соблюденія русскими постовъ, то, подмѣтивъ здѣсь множество мелочныхъ монтанистическихъ сторонъ (какихъ именно, мы уже видѣли), протестанты указывали съ подобающими обличеніями на на истинную причину и послѣдствія этой мелочности и строгости, на то наприм., что «при отсутствіи просвѣщеннаго взгляда на вещи у нихъ нѣтъ твердой опоры для нравственнаго поведенія; отсюда происходитъ, что во время постовъ они готовы ничего не ѣсть и изнуждать плоть

свою, а въ другое время сами предаются непомѣрному разгулу и невоздержанію, и даже въ посты, въ это время подвижничества, наводятъ на себя тѣнь своею неумѣренностью и пьянствомъ» [93]).

Читая приведенные отзывы, обличенія, совѣты и указанія, невольно останавливаешься и припоминаешь то горькое сознаніе недостатковъ религіознаго нашего быта, тѣ просвѣщенныя стремленія къ исправленію недостатковъ, какими мотивированы наши церковнообрядовыя исправленія и преобразованія второй половины 17 вѣка: и тамъ и здѣсь все проникнуто однимъ духомъ, одною мыслію, направлено къ одной доброй цѣли. Правда, многіе изъ непрошенныхъ нашихъ обличителей и совѣтниковъ, чрезъ безпощадное обличеніе нашихъ религіозныхъ учрежденій и обычаевъ, имѣли въ виду показать превосходство своихъ учрежденій и обычаевъ и снискать на Руси похвалу и сочувствіе имъ; но въ данномъ случаѣ обличенія и совѣты протестантскихъ писателей такъ основательны и безпристрастны, что не удивительно, многое было продиктовано ими нашимъ исправителямъ преобразователямъ, что эти гонимые невѣжествомъ и рутиною труженики находили себѣ въ нихъ сильную поддержку и ободреніе: потому что это былъ голосъ авторитета, науки, просвѣщенія, раздѣляемый лучшими образованными людьми и среди русскихъ. И не съ ихъ ли легкой руки и одобренія такъ дружно принялись у насъ, со второй половины 17 вѣка, за сокращеніе церквей (домашнихъ, церковныхъ клѣтокъ) и монастырей (многочисленныхъ скитовъ и молельней) тамъ, гдѣ они были не нужны, и за открытіе ихъ тамъ, гдѣ въ нихъ ощущалась крайняя нужда (въ восточныхъ отдаленныхъ областяхъ), и стали вводить въ церквахъ осмысленное и благоговѣйное чтеніе, единогласное и малороссійское пѣніе, такъ восхваляемое Гербиніемъ, начали болѣе заботиться о внутреннемъ благочестіи, о служеніи Богу духомъ и истиною, а проповѣдники возвысили свой голосъ о истинно-христіанскихъ дѣлахъ любви и самоотверженія, о раздаяніи милостыни съ строгою разборчивостью нужды и положенія просящаго, безъ всякой примѣси фарисейскаго тщеславія, о постѣ больше внутреннемъ, духовномъ, состоящемъ въ томъ, «еже отъ дурныхъ дѣлъ воздержатися» [94])? Славенецкій предлагалъ даже учредить братство для пособія истинно нуждающимся, проэктированное имъ по образцу юго-западныхъ братствъ, въ которыхъ мы увидимъ много протестантскихъ принциповъ. Да и самъ патріархъ Никонъ, по отзывамъ иноземцевъ, чуткій къ потребностямъ времени, какъ истый «homo vates», приступилъ къ церковно-богослужебнымъ исправленіямъ и преобразованіямъ, вѣроятно, не безъ совѣта и одобренія лучшихъ просвѣщенныхъ людей изъ протестантовъ; но конечно пользовался ихъ мнѣніями и совѣтомъ, какъ homo a natura callidi igenii, или какъ vir prudentia eggregius [95]). Онъ не пренебрегалъ услугами западной культуры, при устроеніи и благоукрашеніи православныхъ храмовъ [96]).

О духовенствѣ русскомъ, представителѣ религіозно-нравственной жизни народа, любили поговорить протестантскіе иностранные писатели. Олеарій, Гербиній, Вармундтъ и Швабе передаютъ, что русскіе относились съ уваженіемъ къ своему священнику, при встрѣчѣ съ нимъ кланялись съ глубокимъ почтеніемъ, самъ царь обнажалъ иногда голову предъ простымъ священникомъ; но эта была лишь дань уваженія къ священному сану, можно сказать увлеченіе благочестія; а какъ низко цѣнились въ народѣ нравственныя личныя качества носителей высокаго священнаго сана, видно изъ безправности и почти безнаказанности, съ какою они подвергались оскорбленіямъ и побоямъ [97]). Добрый Гербиній увѣряетъ, что у русскихъ богослуженіе чуждо было корыстолюбивыхъ цѣлей (sacra non sunt quaestuosa) и совершалось съ чисто религіознымъ чувствомъ, что православный клиръ далекъ былъ отъ симоніи и не вымогалъ платы за священнодѣйствіе [98]). Но Вармундтъ утверждаетъ, что у русскихъ, даже во 2 половинѣ 17 вѣка, симонія существовала въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что подобной нельзя было отыскать ни въ Римѣ, ни въ другомъ какомъ либо мѣстѣ [99]). Вообще корысть, алчность, пьянство, грубость нравовъ, крайнее невѣжество, отсутствіе внѣшняго приличія — вотъ типическія черты, по которымъ можно узнать русскихъ священниковъ въ описаніяхъ протестантовъ [100]). Въ большіе праздники вечеромъ, разсказываетъ Перри, всегда можно видѣть пьяныхъ, валяющихся въ грязи священниковъ. Если ихъ будили и поднимали на ноги, то они простосердечно отвѣчали, «что вамъ нужно? сегодня праздникъ и я пьянъ» [101]). О черномъ духовенствѣ отзывы протестантовъ еще хуже и чернѣе. Конечно, эти отзывы, какъ и сейчасъ приведенные, преувеличенны, но правдоподобны. По разсказамъ Петрея, монахи проводятъ жизнь въ сластолюбіи и пьянствѣ; въ праздники пьяные монахи кучами валяются по улицамъ [102]). У Олеарія они постоянно ссорятся, бранятся, бродятъ по улицамъ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто ѣдетъ въ грязной телегѣ, запряженной скверною клячею; часто сами исправляютъ роль возницы въ закорузлой отъ грязи одеждѣ [103]). Перри дѣлаетъ общее заключеніе о нашихъ монахахъ, что въ нихъ болѣе бѣдности, старости и нравственной слабости, чѣмъ набожности [104]). Всѣхъ писателей чрезвычайно удивляла многочисленность монашества. По словамъ Флетчера, монахи составляли въ Россіи толпу, которая далеко превосходила число монаховъ всякой другой страны христіанскаго міра: всякій городъ, всякая лучшая мѣстность въ государствѣ были полны ими. Число монаховъ множилось, благодаря съ одной стороны суевѣрію страны, а съ другой тому обстоятельству, что ихъ жизнь была свободна отъ тягостей и обязанностей, какія лежали на обществѣ, что черный клобукъ пріобрѣталъ имъ покровительство законовъ и спасалъ ихъ отъ преслѣдованій за многія преступленія. Флетчеръ и другіе приписываютъ поступленіе въ монастырь боль-

шею частію низкимъ побужденіямъ [105]). Они упоминаютъ объ особомъ разрядѣ монашествующихъ, состоявшемъ изъ тѣхъ, которые во время болѣзни были соборованы, но потомъ выздоравливали. Эти лица, по выздоровленіи, принимали малый постригъ и до конца жизни носили монашеское платье, считая это дѣломъ Богоугоднымъ [106]).

Иностранцы говорятъ, что женскихъ монастырей было въ Россіи слишкомъ много и что сюда мало поступало дѣвъ, а больше вдовъ и еще больше женъ, заключенныхъ мужьями насильно. Жизнь монахинь иностранцы изображаютъ такими же черными красками, какъ и монаховъ, если не хуже. Монахини у нихъ всѣ почти находятся въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ боярами, всѣ почти сдѣлались нечистыми матерями и тутъ же при монастырѣ воспитываютъ своихъ темныхъ дѣтей. Съ ранняго утра до поздняго вечера онѣ шатаются по городу, не берегутъ нисколько стыдливости и честности, поддаются безъ разбора всѣмъ увлеченіямъ и стремятся въ бездну безславія, оскорбляя всякое благородное чувство и унижая самое священное покрывало [107]).

Не это ли мрачное изображеніе сословія и учрежденій, долженствовавшихъ быть образцами народной нравственности, не эти ли упреки въ позорномъ ихъ поведеніи, обезславившемъ, въ глазахъ новыхъ просвѣщенныхъ людей, православный народъ,—вызвали въ общественномъ сознаніи жалобы на упадокъ нравственности и авторитета въ пастыряхъ, и побудили лучшихъ патріарховъ того времени Никона и Іоакима принять энергическія мѣры къ подавленію безпорядковъ и возвышенію достоинства духовенства? Жалобами на упадокъ нравственности и авторитета въ священникахъ переполнены историческіе памятники 2 половины 17 вѣка, и онѣ такъ сходны съ приведенными упреками протестантовъ, что въ нихъ какъ бы слышится откликъ на упреки послѣднихъ тѣмъ болѣе, что прежде на Руси какъ будто не замѣчали обличаемыхъ теперь пороковъ. «Священники, читаемъ въ этихъ жалобахъ, пьяные валяются въ кабакахъ, бродятъ по улицамъ, безчинно шумятъ, ложатся спать на дорогѣ, на обѣдахъ у своихъ прихожанъ ссорятся по мужичью, истязуютъ подчиванья [108]); церкви Божіи продаютъ и корчемствуютъ [109]), дерутся, убиваютъ другъ друга и впадаютъ во всѣ уголовныя преступленія [110]. Оттого ихъ не уважаютъ, а посадскіе люди обходятся съ ними, какъ съ рабами [111]. Каждое слово горькихъ этихъ жалобъ, можно сказать, вторитъ воплямъ протестантовъ. О мѣрахъ, предпринятыхъ патріархами противъ указанныхъ безобразій, протестантскіе писатели отзываются съ похвалою, а особенно хвалятъ за нихъ Никона, не смотря на личное, съ извѣстнаго времени, нерасположеніе къ нимъ этого патріарха. И эта похвала можетъ служить новымъ доказательствомъ, что мѣры, эти предприняты не безъ ихъ вѣдома и одобренія. Вотъ самыя мѣры вызванныя печальными нуждами времени, какъ изображаютъ ихъ Перри и

Олеарій: «какъ только доходилъ слухъ до патріарха Никона, что такое-то лицо замѣчено въ пьянствѣ, или предано еще худшему пороку, онъ тотчасъ ссылалъ виновнаго въ Сибирь. Онъ учредилъ въ Москвѣ особую полицію изъ своихъ надзирателей, которые наблюдали за поведеніемъ духовенства. Его янычары постоянно расхаживали по городу и лишь только замѣчали на улицѣ пьянаго священника или монаха, тотчасъ надѣвали ему цѣпи на шею и на ноги и тащили его въ темницу. Такими узниками наполнены были всѣ темницы и положеніе ихъ было самое тяжкое». По свидѣтельству Пальмера, патріархъ Никонъ и собственнымъ примѣромъ строгой нравственной жизни внушалъ духовенству бдительный надзоръ за своею нравственностію [112]). О патріархѣ Іоакимѣ извѣстно, что онъ (въ 1684 г.) издалъ указъ, «чтобъ отнюдь чернецы и черницы и безмѣстные попы и дьяконы нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились [113]).

Въ описаніяхъ содержанія духовенства иностранцы крайне удивляются съ одной стороны чрезмѣрной роскоши, богатству и полновластію епархіальныхъ архіереевъ, а съ другой крайней бѣдности и приниженности сельскаго духовенства. Петрей передаетъ, что каждый епископъ имѣлъ свой дворецъ, высшихъ сановниковъ, правителей и толпу прислужниковъ. Ближайшая его свита состояла изъ 100 человѣкъ, которыхъ онъ кормилъ, одѣвалъ и надѣлялъ жалованьемъ. Дворяне служили ему, какъ князю. Для духовенства владычніе бояре или служки были истиннымъ бичемъ. Они такъ же истязали и раззоряли беззащитное духовенство, какъ дьяки и воеводы—простой народъ. Нѣкоторые епископы имѣли большія помѣстья, у иныхъ было до 1000 и болѣе крѣпостныхъ душъ; иные содержали по нѣсколько тысячь лошадей. Обстановка домашней жизни архіереевъ поражала роскошью и блескомъ, затмѣвавшимъ собою дворцы князей. Наиболѣе распространяются иностранные писатели о богатствѣ новгородскаго митрополита. По свидѣтельству того же Петрея, многіе монастыри, вполнѣ обезпеченные доходами, землями и крѣпостными, могли выставить въ военное время по 1000 воиновъ, снабженныхъ лошадьми и оружіемъ. Особенно прельщали иностранцевъ богатства Троицко-Сергіевой Лавры [114]). Состояніе сельскихъ священниковъ представляло такой контрастъ съ богатствомъ архіереевъ и монастырей, что возбуждало жалость и у стороннихъ этихъ лицъ. По разсчету Флетчера, количество годичныхъ доходовъ сельскаго священника равнялось 5 фунт. стерл. или 30—40 рублямъ, но изъ этого числа 10-ую часть онъ долженъ былъ внести въ казну епископа. По словамъ Петрея, сельскіе священники едва имѣли насущный хлѣбъ для пропитанія, потому что они не брали съ прихожанъ ни десятины, ни муки, а только получали копѣечные сборы и печеный хлѣбъ при похоронахъ, вѣнчаніи и тому подобныхъ требоисправленіяхъ [115]). Городское бѣлое духовенство также жило

бѣдно. Нѣсколько обезпеченнымъ содержаніемъ пользовались лишь столичные священно-служители, находившіеся на жалованьи отъ царей. Бѣдное, нищенское духовенство не имѣло никакихъ преимуществъ предъ гражданскимъ закономъ; священнослужители были также безправны, какъ рабы: денежное взысканіе за обиду священника, какъ и раба, было положено въ 5 руб. и эта ничтожная цѣна назначена для того, чтобъ пріучить духовенство къ смиренному перенесенію обидъ[116]).

Нужно ли прибавлять, что эти стороннія правдивыя указанія на излишнее богатство и баронство епископовъ, самоуправство, алчность ихъ слугъ и чиновниковъ, на крайнюю бѣдность и беззащитность низшаго духовенства имѣли не малое вліяніе на ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ высшаго монашествующаго духовенства и «лакомыхъ его слугъ», и—на улучшеніе матеріальнаго и юридическаго положенія низшаго духовенства, какое видимъ при преобразованіи монастырскаго приказа по уложенію 1648 г. и въ извѣстныхъ узаконеніяхъ Петра Великаго? Въ первомъ случаѣ владычнія права ограничены больше въ интересахъ боярства[117]). Великаго Преобразователя упрекаютъ за то, что онъ, по примѣру протестантскихъ государствъ ограничилъ предѣлы власти церковной и расширилъ права власти государственной. Но это измѣненіе во взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства произошло въ началѣ 18 вѣка (по смерти патріарха Адріана, случившейся въ 1700 году), и мы вышли бы изъ своихъ предѣловъ, если бы затронули подробно этотъ спорный вопросъ.

Итакъ въ сферѣ религіозной или церковной практики, въ которой болѣе всего можно было ожидать вреда и опасности отъ протестантизма, онъ, помимо своей воли, принесъ немало пользы. Свои и заграничные протестанты наблюдали и изучали церковно-практическій бытъ Россіи; всѣ учили и поправляли, наставляли и обличали насъ. Отвсюду собирали свѣдѣнія о русской церкви; вездѣ написано и публично произнесено немало отрывочныхъ повѣствованій и ученыхъ трактацій о ней. Всѣхъ интересовали судьбы ея, особенно послѣ того, какъ она спасла государство отъ погромовъ смутнаго времени и когда, вмѣстѣ съ возрожденіемъ ею же созданнаго нѣкогда государства, ей готовилась новая великая будущность. Всѣмъ нужна она была для какого-то важнаго дѣла; замышлялся смѣлый планъ сближенія съ нею лучшихъ протестантскихъ церквей, къ осуществленію котораго сдѣланы были первыя попытки при Петрѣ Великомъ и съ тѣхъ поръ не прекращаются до настоящаго времени.

Но чѣмъ важнѣе по своимъ вѣковымъ послѣдствіямъ дѣло, тѣмъ усиленнѣе и дальновиднѣе подготовляется и исполняется оно, будетъ ли оно

произведеніемъ частной единоличной воли и сознанія, или его совершаетъ общественное сознаніе, міровая воля, по непреложнымъ міровымъ законамъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія. Протестантскій заграничный міръ, устремивъ свои пристальные взоры на Россію, возъимѣвъ на нее столько видовъ и надеждъ, въ 16 и 17 вѣкахъ мало входитъ въ непосредственныя сношенія съ нею: онъ предоставилъ эти сношенія своимъ единовѣрцамъ, которыхъ сама судьба привела въ Россію, сама исторія призывала къ особенной миссіи. Прибывъ въ Россію по вызову и безъ вызова, тысячами попавъ къ ней въ плѣнъ, они съ свойственною ихъ націямъ предпріимчивостію, стремленіемъ къ колонизаціи разсѣялись по всему необъятному ея пространству, засѣли кучами, или общинами на мѣстахъ людныхъ и выгодныхъ; заняли отдаленныя окраины, проникнувъ «до послѣднихъ моря». Но при разбросанности и малолюдности новыхъ общинъ, дѣятельность большей части ихъ безслѣдно пропадаетъ для исторіи. На сцену исторіи выходятъ главнымъ образомъ протестантскія общины, образовавшіяся въ средоточіи русскаго государства и церкви, въ Москвѣ. Призванные для возрожденія и обновленія гражданской жизни Россіи, надѣленные всѣми выгодами и удобствами общежитія, протестанты начали вторгаться въ духовную, религіозную ея жизнь, разставили тайныя пропагандистическія свои сѣти на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными. Но въ искусныя сѣти ихъ ловились немногіе, легкомысленные умы и слабыя развращенныя сердца, а подъ конецъ 17 вѣка, неразборчивые и жаркіе поборники польскаго энциклопедизма и западной цивилизаціи, да и тѣ каялись въ своемъ увлеченіи и нерѣдко возвращались на добрый путь. Сравнительно больше и долговѣчнѣе были пріобрѣтенія протестантизма въ темной раскольнической средѣ; но въ общей массѣ православнаго народонаселенія и эти пріобрѣтенія едва замѣтны; да и весь успѣхъ, все торжество ихъ состояло въ подбрасываньи того или другаго лжеученія къ тѣмъ, которые сами собою были подготовлены къ принятію его. Рядъ полезныхъ, во время взятыхъ, мѣропріятій, обличенія и наставленія пламенныхъ ревнителей православія, вышедшихъ изъ всѣхъ слоевъ народа, распространеніе ими въ народѣ дѣльныхъ полемическихъ сочиненій, строгія охранительныя мѣры правительства, а болѣе всего непоколебимое убѣжденіе народа въ истинности и превосходствѣ православной вѣры предъ всѣми другими вѣроисповѣданіями послужили твердымъ оплотомъ цѣлости и чистоты православія, предотвратили дальнѣйшія пагубныя послѣдствія протестантизма и для податливаго раскола. Этого мало. Призванные Провидѣніемъ для возсозданія и обновленія гражданской жизни Россіи, и въ 17 вѣкѣ положившіе уже начало великаго обновленія, протестанты не только не сдѣлали за это время существеннаго вреда для церковной ея жизни, но способствовали возрожденію и распространенію въ ней ду-

ховнаго просвѣщенія, содѣйствовали многимъ полезнымъ улучшеніямъ въ жизни нравственной и религіозной. Сильна и могущественна русская церковь, благодѣтельно и милостиво къ ней Провидѣніе! Свыше укрѣпляемая и хранимая, она съ перваго же раза стала выше соблазновъ новаго притока жизни и цивилизаціи и уготовляемыя ей послѣднею ковы и несомнѣнныя услуги обратила въ свое благо, для своего духовнаго преспѣянія.

Вотъ тѣсный и малодоступный для исторіи кругъ отношеній, въ которыхъ находился протестантизмъ съ сѣверо-восточною Россіею, начиная съ перваго соприкосновенія ихъ между собою до 18 вѣка, и вотъ ближайшія, немногочисленныя слѣдствія этихъ отношеній для сѣверо-восточной Россіи.

ЧАСТЬ II.

Отношеніе протестантизма къ юго-западной Россіи [1].

ОТДѢЛЪ I.

Внѣшнее и внутреннее состояніе протестантизма, какъ условіе къ опредѣленію характера даннаго отношенія.

Переходя къ отношеніямъ протестантизма къ юго-западной Россіи, мы вступаемъ въ болѣе широкую и доступную для него область. Отторгнутая бурями политическими отъ единоплеменной и единовѣрной Россіи и подпавшая подъ власть иновѣрнаго литовско-польскаго государства, юго-западная православная Россія представляла собою открытое и почти беззащитное поле дѣйствія для протестантизма. Географическая близость ея къ протестантскимъ странамъ, между-народныя сношенія, политическія условія — все соединилось къ тому, чтобы южно-русскіе православные, первые изъ всѣхъ православныхъ народовъ, встрѣтились съ напоромъ протестантизма и опредѣлили свои отношенія къ нему.

Распространеніе гусситизма въ предѣлахъ юго-западной Россіи, подготовившее здѣсь успѣхи протестантизма.

Юго-западная Россія, не смотря на свою сравнительную близость къ отечеству протестантизма — Германіи, издали присутствовала при великомъ переворотѣ, совершившемся на западѣ во времена Лютера; но великій потокъ событій скоро потрясъ и эту отломленную отъ ея живаго корня вѣтвь. Этому способствовалъ особенно гусситизмъ. Гусситизмъ пустилъ глубокіе корни въ Литвѣ еще въ княженіе Витовта. Другъ и сподвижникъ Гусса,

Іеронимъ Пражскій, въ 1413 г. былъ въ Литвѣ и Вильнѣ; съ благоговѣніемъ обходилъ православные храмы, повергался предъ мощами и иконами русскихъ святыхъ, принималъ Евхаристію изъ рукъ православныхъ священниковъ и бесѣдовалъ съ Витовтомъ о соединеніи различныхъ вѣроисповѣданій, христіанскихъ. Въ чемъ состояла эта бесѣда, какой идеалъ единой вселенской церкви предначертанъ былъ Іеронимомъ, это вообще даетъ намъ понять Витовтъ. Созидая изъ разноплеменыхъ и иновѣрныхъ обитателей Литвы единое самостоятельное государство, онъ хотѣлъ объединить ихъ подъ единою независимою церковію, безъ всякого раздѣленія ея на католическую и православную. Съ этою затаенною цѣлію, чрезъ два года послѣ завѣтнаго своего разговора съ Іеронимомъ, Витовтъ учредилъ особую митрополію для юго-западной православной Руси, въ надеждѣ, что новый зависимый отъ него, а не отъ московскихъ первосвятителей, митрополитъ скорѣе войдетъ въ его планы объ уніи. Отправляя новоизбраннаго митрополита (Григорія Цимвлака) и епископовъ на констанцскій соборъ, Витовтъ надѣялся, что онъ возвратится къ нему приверженцемъ и представителемъ новой единой церкви, которую Гуссъ и Іеронимъ мечтали торжественно возстановить на соборѣ и о которой, надобно полагать, проповѣдывалъ Іеронимъ Витовту. Но надеждамъ этимъ не суждено было исполниться. Гуссъ погибъ на кострѣ. Русскіе іерархи объявили на соборѣ, что они хотятъ оставаться совершенно тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ. Витовтъ вынужденъ былъ отказаться отъ преобразованія церкви по началамъ гусситизма [2]). Тѣмъ неменѣе какъ въ Германіи, со смертію Гусса, идеи его долго еще жили въ народѣ и подготовили собою реформу Лютера, такъ и въ Литвѣ гусситское движеніе, послѣ первой его побѣды и пораженія, долго таилось въ обществѣ, волновало умы и подготовило собою успѣхи протестантизма.

Эта живучесть гусситизма обусловливалась особымъ политическимъ и національнымъ его характеромъ. Извѣстно, что гусситизмъ былъ не столько религіознымъ, противокатолическимъ, сколько національнымъ, славянскимъ движеніемъ. Имѣя цѣлію освобожденіе Чеховъ отъ власти нѣмцевъ и Рима, предоставленіе чешскому языку правъ гражданства, введеніе его въ богослужебную и церковную практику, гусситское движеніе скоро стало общимъ дѣломъ славянскихъ націй, стремившихся къ политической и религіозной независимости. Главнымъ же центромъ, оплотомъ его долженствовала быть вольная Польша и соединенная съ нею Литва. Еще въ 1420 г. богемцы предлагали польскому королю Владиславу Ягелло корону своей страны, имѣя въ виду изъ Силезіи, Польши, Литвы, Богеміи и Моравіи образовать одно славянское государство, которое было бы сильнѣе всѣхъ сосѣдственныхъ государствъ, обезсилило бы Австрію и выдержало бы напоръ всей Германіи. Приглашая Владислава стать во

главѣ конфедеративнаго государства, Чехи выговаривали себѣ у Владислава неограниченную свободу въ проповѣдываніи евангелія, конфискацію католическихъ церковныхъ имуществъ, причащеніе подъ обоими видами и гарантированіе политической свободы страны. Испугался ли Владиславъ этихъ условій, или онъ всегда былъ такъ нерѣшителенъ, апатиченъ, — онъ не далъ опредѣленнаго отвѣта на приглашеніе, хотя принялъ богемскихъ пословъ весьма ласково. Не добившись ничего отъ Владислава, послы предлагали престолъ брату его великому герцогу литовскому Витовту. Этотъ, по примѣру короля, также не рѣшился принять предлагаемую корону, тѣмъ болѣе, что ему не удалось въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ создать единое самостоятельное государство на началахъ гусситизма. Но онъ два раза посылалъ въ Богемію своего родственника Сигизмунда Корибута, и тотъ и другой разъ съ большими военными силами и значительными денежными пожертвованіями. Корибутъ, начавшій уже склоняться къ гусситскому ученію, провозглашенъ былъ регентомъ Богеміи. И только нерѣшительность короля, безъ согласія и содѣйствія котораго нельзя было сдѣлать ничего важнаго, и вмѣшательство папы, запрещавшаго, подъ страхомъ анаѳемы, сочувствіе дѣлу «еретиковъ», помѣшали осуществленію великой панславистической идеи. Но хотя соединеніе Богеміи, Моравіи и Силезіи съ обширнѣйшими областями Польши и Литвы не пришло къ желаемому концу, тѣмъ не менѣе богемцы не переставали искать и находить дѣятельную помощь и сочувствіе у поляковъ и литовцевъ: заключали съ ними вооруженные союзы напр. противъ тевтонскихъ рыцарей въ 1420 г., поддерживали постоянныя торговыя и промышленныя сношенія, возводили на свой престолъ королей изъ польской династіи (Владислава и сына его Людвига 1471—1525, царствованіе которыхъ было временемъ наивысшаго духовнаго развитія страны, золотымъ періодомъ національной литературы). И какъ много польскіе короли заботились объ упроченіи религіозной и политической свободы гусситовъ, видно уже изъ того, что Казиміръ IV всѣми силами старался добиться у папы подтвержденія дарованныхъ имъ на базельскомъ соборѣ правъ и привиллегій (тѣхъ самыхъ, которыя богемцы выговаривали себѣ у Владислава Ягелло). Благодаря всѣмъ этимъ сношеніямъ, связямъ, поддержкѣ и симпатіямъ, гусситскія идеи быстро распространялись въ Польшѣ и Литвѣ и приготовили умы къ принятію сроднаго съ ними ученія протестантскаго [3]). Какъ въ гусситскихъ идеяхъ польскій литовско-русскій народъ видѣлъ что-то народное, патріотическое, льстившее національной независимости и гордости, обѣщавшее всему славянству великую будущность, такъ равно и ученіе протестантское, къ которому эти идеи были приготовленіемъ, не только не казалось чуждымъ, враждебнымъ, но возбуждало еще болѣе надеждъ и ожиданій.

Первоначальное распространеніе и цвѣтущее состояніе протестантизма въ предѣлахъ юго-западной Россіи, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ совращеніе православныхъ въ протестантство*).

1. Въ предѣлы юго-западной русской церкви: въ Бѣлоруссію, Литву, Волынь и Галицію лютеранство проникло съ разныхъ сторонъ, отдаленными и близкими путями. Оно перешло сюда изъ сосѣднихъ странъ: изъ самой Польши, восточной или польской Пруссіи и рыцарской Ливоніи, съ которыми Вильно, Ковно, Могилевъ, Минскъ, Полоцкъ и другіе города имѣли постоянныя торговыя связи (въ самой Польшѣ, наприм. въ Краковѣ, Сандамірѣ лютеранское исповѣданіе принято въ началѣ 20-хъ гг., въ Пруссіи при великомъ магистрѣ Альбертѣ 1-мъ, племянникѣ польскаго короля Сигизмунда 1-го въ 1522 г., въ большей части Ливоніи при магистрахъ Генрихѣ и Вильгельмѣ Фиртенбергахъ въ 1539 г., въ Ригѣ въ 1522 г.)[1]). Быстро проникло лютеранство въ юго-западную Русь и изъ отдаленнаго своего центра: изъ Лейпцига, Франкфурта и другихъ городовъ сѣверной и средней Германіи, съ которыми литовскіе купцы нѣмецкаго и русскаго происхожденія находились также въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ; а торговыя сношенія въ древнемъ и новомъ мірѣ служили важнымъ подспорьемъ и не рѣдко главнымъ проводникомъ религіозныхъ миссій. Эти торговыя связи юго-западной Россіи съ западною Европою были несравненно обширнѣе, оживленнѣе и для протестантскихъ миссій гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточной Россіи. Равнымъ образомъ переселенія протестантовъ въ юго-западную Россію, преимущественно лютеранъ, были гораздо чаще и многочисленнѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточную. Значительнѣйшіе города, кромѣ жидовъ, поляковъ и руссовъ, были заселены здѣсь нѣмецкими ремесленниками, купцами, художниками и учеными, исповѣдывавшими лютеранскую вѣру. Въ Вильнѣ, какъ и въ Москвѣ, одна улица была прозвана нѣмецкою, въ которой еще со временъ Гедимина жило много нѣмецкихъ семействъ.

Со времени брака Сигизмунда 1-го съ италіанскою принцессою Боною, (царств. съ 1511 по 1548), кромѣ нѣмцевъ появилось въ Литвѣ и значительное число итальянцевъ. Между тѣми и другими, а равно и туземцами, можно указать первыхъ ревностныхъ провозвѣстниковъ новаго ученія. Первымъ по времени изъ такихъ провозвѣстниковъ былъ придворный проповѣдникъ королевы, итальянецъ Францискъ Лисманини. Еще

---

*) Съ этой общей точки разсмотримъ протестантизмъ въ четырехъ его видахъ: 1) лютеранства, 2) реформатства, 3) социніанства и 4) реформатства съ примѣсью социніанства.

въ 1521 году онъ дѣятельно распространялъ въ Вильнѣ ученіе Лютера, но въ послѣдствіи совратился въ социніанство. Въ 1539 году возвратился сюда изъ Германіи, съ титуломъ доктора богословія, литвинскій ксендзъ Авраамъ Кульва, открылъ въ Вильнѣ школу въ 50 человѣкъ и съ школьной и церковной каѳедры проповѣдывалъ то же ученіе Лютера, хотя самъ носилъ еще званіе ксендза. Въ 1542 году, послѣ втораго, направленнаго противъ лютеранъ, декрета Сигизмунда 1-го, Кульва долженъ былъ тайно оставить Вильну. Чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Вильнѣ явился новый проповѣдникъ изъ Германіи Виклефъ или вѣрнѣе Янъ Винклеръ, распространявшій идеи Лютера съ церковной каѳедры. Возбудивъ противъ себя негодованіе духовенства, Виклефъ нашелъ себѣ убѣжище у богатаго виленскаго купца Морштина, основалъ въ его домѣ (на нѣмецкой улицѣ) школу, въ которой скоро набралось 60 учениковъ, и кирку, существующую на томъ же мѣстѣ до сихъ поръ. Въ 1545 году упомянутый Альбрехтъ, принцъ прусскій, не довольствуясь распространеніемъ лютеранства въ Литвѣ и Жмуди посредствомъ прикровенныхъ торговыхъ сношеній, выслалъ сюда нѣсколько явныхъ и тайныхъ миссіонеровъ, разослалъ во многихъ тысячахъ экземпляровъ разныя лютеранскія духовныя книги, при вновь устроенномъ университетѣ въ Кенигсбергѣ (въ 1543 году) учредилъ стипендіи для восьми литвиновъ, приготовлявшихъ себя къ духовному лютеранскому званію, предоставивъ каѳедру богословія упомянутому Кульвѣ. И вообще всемѣрно старался о распространеніи лютеранства въ сосѣднихъ провинціяхъ, подчиненныхъ польскому скипетру, для того, чтобы узломъ религіознаго единства связать ихъ въ одинъ политическій узелъ. Слишкомъ уже нѣмецкій, но очень мало народный лютеранизмъ имѣлъ главный успѣхъ въ Литвѣ среди купцовъ и ремесленниковъ нѣмецкаго происхожденія, но онъ нашелъ себѣ послѣдователей и въ туземномъ католическомъ населеніи. И что лютеранская пропаганда имѣла виды на православныхъ, это само собою видно изъ изданія въ 1562 г. Лютерова катихизиса на русскомъ языкѣ, того самого, который въ 1628 г. перепечатанъ былъ въ Стокгольмѣ для жителей русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру; но успѣла-ль она пріобрѣсти себѣ южно-руссовъ, яснаго свидѣтельства на это до 1575 и 1596 гг. нѣтъ [5]). Таковы первые источники и пути, почва и лица, распространявшіе и воспринимавшіе лютеранство на юго-западныхъ окраинахъ Россіи.

До 1544 года, — до переѣзда на житье въ Вильну наслѣдника престола Сигизмунда Августа, новыя идеи большею частію тайно проникали въ Литву и проповѣдники ихъ вели свое дѣло больше скрытно. Новый правитель Литвы былъ юноша изнѣженнаго воспитанія, легкомысленнаго характера, итальянскаго образа жизни, съ страстію къ роскоши и прекрасному полу, съ любовію къ литературѣ, ко всему новому, мод-

ному въ жизни, наукѣ и религіи. Возникавшія отсюда то совершенное равнодушіе его къ дѣламъ вѣры, то пламенная страсть къ религіознымъ новизнамъ придавали много смѣлости нововводителямъ, и въ кигъ «апостолы новаго ученія» публично огласили его. Самъ великій князь окруженъ былъ людьми, открыто покровительствовавшими реформаціи: его проповѣдники Янъ Косьминьчикъ и Лаврентій Дискордія проповѣдывали народу ученіе Лютера, Кальвина и другихъ. Изъ собственной библіотеки Сигизмунда распространялись въ публикѣ всѣ лучшія сочиненія реформаторовъ: Лютера, Кальвина, Меланхтона, Цвинглія и другихъ. И вожди реформаціи спѣшили посвятить ему свои книги и вели съ нимъ переписку. Лютеръ посвятилъ его имени свой переводъ библіи, Кальвинъ объясненіе посланія Павла къ Евреямъ и прислалъ ему въ даръ свои Institutiones religionis christianae. Кальвинъ, Геснеръ Булингеръ часто переписывались съ нимъ [6]). По вступленіи на литовско-польскій престолъ, Сигизмундъ Августъ съ цѣлями, преслѣдованными и Витовтомъ, обнаруживаетъ желаніе реформировать церковь, и въ письмѣ къ папѣ Павлу IV проситъ его согласія на слѣдующіе пункты: а) на богослуженіе на народномъ языкѣ; б) на причащеніе Sub utraque, в) на браки священниковъ, г) на уничтоженіе аннатъ и д) на созваніе національнаго собора для реформы церкви и разсужденія о ея дѣлахъ. Желаніе самаго серіознаго и многосторонняго преобразованія церкви король высказывалъ неоднократно на сеймахъ 1552 и 1554 и предполагалъ для этой цѣли созвать не только представителей всѣхъ религіозныхъ партій, дѣйствовавшихъ въ Литвѣ и Польшѣ, но и знаменитѣйшихъ реформаторовъ какъ-то: Кальвина, Ѳедора Безу, Меланхтона и Вергерія. Вслѣдствіе хитрой политики папы, пріѣзда въ Польшу папскаго нунція Липпомани и интригъ его на варшавскомъ рейхстагѣ и ловичскомъ синодѣ 1556 года, планы короля не состоялись. Тѣмъ не менѣе онъ не покидалъ своихъ мыслей о соборѣ и преобразованіи церкви, и продолжалъ покровительствовать реформаторамъ. Какъ опасно было это покровительство для католичества и выгодно для реформаціи, объ этомъ пишетъ самъ папа въ громовой буллѣ къ королю. «Вы привязаны къ еретикамъ, слушаете ихъ проповѣди, участвуете въ собраніяхъ, допускаете ихъ въ свои общества, даже принимаете къ своему столу, раздаете имъ всѣ важнѣйшія государственныя должности. Вы отняли у церкви право суда и предоставили свободу каждому исповѣдывать какую угодно вѣру. Вы должны совершенно перемѣнить ваше поведеніе, иначе апостольскій престолъ принужденъ будетъ обратиться къ тому оружію, которое онъ никогда не употребляетъ напрасно» [7]). При этомъ неустрашимомъ, энергическомъ заступникѣ еретиковъ, другѣ и меценатѣ всѣхъ ученыхъ вождей реформаціи, быстро распространились въ Литвѣ не одно лютеранство, какъ было прежде, но и крайнія протестантскія секты, а преимущественно кальвинизмъ [8]).

Въ царствованіе Сигизмунда Августа (1548—1572) кальвинизмъ былъ господствующею религіею въ литовско-польскомъ государствѣ. Въ Литвѣ своими счастливыми успѣхами онъ обязанъ князю Николаю Радзивиллу Черному. Потомокъ именитыхъ православныхъ князей изъ рода Войшунда и Параскевіи Витебской, отлично образованный и, во время заграничнаго своего образованія, заразившійся ученіемъ Кальвина и Цвинглія (около 1553 года), владѣлецъ безчисленныхъ имѣній (въ Ольскѣ, Несвижѣ и Клецкѣ) и богатѣйшихъ староствъ: (брестскаго, шавельскаго, ковенскаго и борисовскаго) и въ добавокъ родственникъ короля (двоюродный братъ супруги его Варвары), Радзивиллъ Черный былъ первымъ въ государствѣ сановникомъ, великимъ маршаломъ и канцлеромъ литовскимъ, имѣлъ безграничное довѣріе и вліяніе на короля, сталъ, по отзыву папы, регентомъ королевства и вторымъ монархомъ. И — всѣ свои связи, власть, силы и средства онъ употребилъ на обращеніе литвиновъ въ свое гельветическое исповѣданіе. Вызвалъ изъ Пруссіи и Польши извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ: Лаврентія Крыжковскаго въ Несвижъ, Ѳому Фальконида и Симона Будняго въ Клецкъ (минской губерніи, Симона Заціуса въ Брестъ, Вендрыховскаго и Мартина Чеховича въ Вильну, которые разъѣзжали по всей странѣ, поучали народъ и своею образованностію, вкрадчивостію въ сердца совершенно затмили, обезоружили латинскую іерархію. Между мѣстными ксендзами нашелъ горячихъ поборниковъ и пропагандистовъ новаго ученія, которые однако сдѣлались таковыми не столько по внутреннимъ, сердечнымъ убѣжденіямъ, сколько по личнымъ счетамъ и ненависти къ католическимъ властямъ [*]). Основалъ школы въ Вильнѣ, Биржѣ, Несвижѣ, Брестъ-Литовскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Завелъ собственныя типографіи въ Брестѣ, Несвижѣ, гдѣ печатались на литовскомъ языкѣ духовныя кальвинскія книги (въ 1563 г. въ Брестѣ напечатана кальвинская библія, переведенная вызванными имъ учеными: Симономъ Заціусомъ, Симономъ Буднымъ, Петромъ Статоріусомъ, Мартиномъ Кравицкимъ, Георгіемъ Арзаціусомъ, Андреемъ Тржецевскимъ, Яковомъ Любельчекомъ). Построилъ множество кирокъ или сборовъ — сперва въ Вильнѣ, потомъ въ разныхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, всего въ 163 мѣстахъ нынѣшнихъ сѣверо-западныхъ губерній. Отнялъ множество костеловъ и православныхъ церквей и обратилъ ихъ въ кальвинскіе храмы. Сгорая ревностію къ прозелитизму, князь не слишкомъ былъ разборчивъ на средства, искусно пользовался случайными обстоятельствами, и большая часть новообращенныхъ состояла изъ людей, лично нуждавшихся и заискивавшихъ въ могущественномъ вельможѣ, — а нуждался въ немъ всякій и его милостей заискивали болѣе, чѣмъ королевскихъ, — и только единовѣрцевъ онъ принималъ подъ свое сильное покровительство; ученымъ назначалъ жалованье изъ собственной казны, шляхтѣ предоставлялъ почетную службу и доходныя имѣнія и староства,

простонародье привлекалъ подарками и угощеньемъ, заохочивая такимъ образомъ всѣхъ къ отступничеству отъ вѣры предковъ [10]). Но такъ было въ первыя десять лѣтъ распространенія реформатства въ Литвѣ, когда какими бы то ни было способами спѣшили устроить новую общину и церковь. Въ 1562 г. литовскіе реформаты соединились съ богемскими братьями — изъ уваженія къ ихъ строгимъ нравамъ — семейнымъ и общественнымъ и образцовымъ церковно-общественнымъ учрежденіямъ; съ ревностію новообращенныхъ и возсоединенныхъ, сами нѣкоторое время слѣдовали ихъ идеальному образу жизни, держались ихъ образцоваго церковно-общественнаго строя. Въ это незабвенное цвѣтущее время своей жизни реформатство привлекало къ себѣ не столько внѣшними, заманчивыми средствами, какъ было прежде, сколько внутреннею своею силою. Чтобъ понять, что за чрезвычайная притягательная сила скрывалась во внутреннемъ строѣ возсоединеннаго реформатства, мы должны подробнѣе коснуться новыхъ церковно-общественныхъ его учрежденій, семейныхъ и общественныхъ его нравовъ: тѣмъ болѣе, что сами по себѣ они представляютъ немалый интересъ.

Іерархія соединенныхъ церковныхъ обществъ кальвинскаго и богемскаго имѣла немалое сходство съ іерархіею первенствующей или грековосточной церкви. Въ каждой церкви были: попъ (Pfarrer) или проповѣдникъ, діаконъ и аколуфъ или чтецъ, а надъ извѣстнымъ числомъ церквей, составлявшимъ округъ, назначался епископъ или сеньеръ. Епископъ избирался проповѣдниками, посвящался соборомъ епископовъ, и самъ посвящалъ, чрезъ возложеніе рукъ, священниковъ и опредѣлялъ, чрезъ выдачу грамотъ, діаконовъ и аколуфовъ. На проповѣдникѣ лежала обязанность совершать тайны, крестить, причащать, погребать, служить миссу, благословлять браки, но главное, онъ обязанъ быть непрестаннымъ, неутомимымъ провозвѣстникомъ слова Божія, произнося проповѣди при крещеніи, вѣнчаніи, погребеніи, при всякомъ приличномъ случаѣ. Каждый воскресный день было четыре проповѣди и четыре церковныхъ службы — двѣ до обѣда и двѣ послѣ обѣда. На обязанности проповѣдника лежало также обученіе дѣтей катихизаціи и служеніе бѣдному и страждущему человѣчеству. При домахъ нѣкоторыхъ проповѣдниковъ были школы и пансіоны, приготовлявшіе юношей къ должностямъ аколуфовъ и діаконовъ [11]). Для удобнѣйшаго исполненія многотруднаго своего служенія и для вящшаго благоугожденія Богу, нѣкоторые проповѣдники не вступали въ бракъ, не связывали себя семейными узами и заботами, хотя бракъ, по ихъ правиламъ, не воспрещался для нихъ. Скудное содержаніе, состоявшее большею частію изъ плодовъ и хлѣба, проповѣдники получали отъ общины. Многіе изъ нихъ пропитывали себя трудами рукъ своихъ [12]).

Діаконы отправляли всѣ духовныя требы, которыхъ проповѣдники сами не имѣли времени исполнить, обходя для этого по воскреснымъ

и праздничнымъ днямъ всѣ деревни своего прихода. Аколуфы были такими же полезными для народа помощниками діаконовъ, какими были діаконы у своихъ проповѣдниковъ. Отъ всѣхъ служителей церкви требовались: честность, правдивость, послушаніе, самоотверженіе, воздержаніе, цѣломудріе [13]).

Добрымъ нравственнымъ качествамъ служителей церкви, ихъ пламенной ревности своему долгу соотвѣтствовала строгость семейныхъ и общественныхъ нравовъ руководимой ими общины. Здѣсь мы видимъ такое обиліе добродѣтелей и чистоту нравовъ, какія развѣ можно было найти въ Италіи, въ незабвенныя времена Саванаролы, и въ Женевѣ, при жизни самого Кальвина, и какія въ иныхъ случаяхъ превзошли даже свой прототипъ и идеалъ. Вотъ главныя черты семейной и общественной нравственности, какъ ее изображаютъ реформатскіе писатели. Въ каждой семьѣ, каждый будній день утромъ, въ полдень и вечеромъ совершалось домашнее богослуженіе, состоявшее изъ чтенія библіи, молитвъ и пѣсней. Въ праздничные и воскресные дни, по приходѣ изъ церкви отъ проповѣди, родители со всѣми чадами и домочадцами садились чинно за столъ и вели благочестивую бесѣду о всѣхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ими изъ церкви, и вообще праздники проводили благоговѣйно, въ благочестивомъ чтеніи и размышленіи, въ серьезномъ и торжественно-важномъ настроеніи духа. Каждый праздникъ если не вся семья, то по крайней мѣрѣ одинъ, два ея члена ходили на проповѣдь. Въ воскресные дни всякая торговля строго воспрещалась и владѣлецъ не смѣлъ требовать отъ крестьянъ никакой работы, да и во все другое время онъ обязывался не обременять ихъ излишними трудами и обращаться съ ними кротко, любовно, отечески. Ни въ праздники, ни въ будніе дни не позволялись въ домахъ никакія увеселенія: танцы, пѣсни, игры. Въ одеждѣ, пищѣ соблюдалась скромность и умѣренность; пьянство и развратъ были нетерпимы. Молодые люди и тѣ не смѣли посѣщать никакіе трактиры и увеселительныя заведенія, не должны были участвовать въ общественныхъ играхъ; всякая земная радость была въ глазахъ ихъ непростительнымъ преступленіемъ. Четыре раза въ годъ всѣ должны были поститься, исповѣдаться и пріобщаться. Посты состояли въ воздержаніи отъ всякой пищи, по крайней мѣрѣ, до вечера, и въ исполненіи нѣкоторыхъ особенныхъ подвиговъ благочестія. Были въ обычаѣ и нѣкоторые особенные, чрезвычайные посты, назначавшіеся по случаю общественныхъ бѣдствій или же несчастій съ отдѣльными лицами [14]).

За исполненіемъ правилъ домашняго и церковнаго благочестія, за строгостію и чистотою нравовъ имѣли наблюденіе отцы и матери семействъ, и такъ называемые пресвитеры или старѣйшины и пресвитерины или старѣйшинки, избиравшіеся изъ людей наиболѣе извѣстныхъ доброю нравственностію и познаніями въ вѣрѣ. Пресвитеры и пресвитерины,

имѣя высшій надзоръ за благоповеденіемъ лицъ своего пола, развѣдывая о сердечныхъ наклонностяхъ, привычкахъ и стремленіяхъ ихъ, заботились о внѣшнихъ нуждахъ ихъ; освѣдомлялись о положеніи дѣлъ разныхъ ремесленниковъ и имѣли неусыпное попеченіе, чтобы бѣдные члены общества не впадали въ неоплатные долги, не брались за невыполнимыя предпріятія. Бѣднымъ людямъ помогали изъ общественной казны, которая составлялась изъ добровольныхъ отъ всѣхъ членовъ пожертвованій, собираемыхъ въ большіе праздники, и изъ процентовъ скопляемаго такимъ образомъ общественнаго капитала [15]).

Столь щедрая благотворительность, процвѣтаніе частныхъ и общественныхъ добродѣтелей продолжались, какъ увидимъ, недолго. Но пока реформаты оставались вѣрны идеальному своему образу жизни и строю церковному, они многихъ и многихъ должны были расположить въ пользу своей вѣры: новую вѣру судили обыкновенно отъ дѣлъ закона, въ тонкости вѣроученія народъ не вникалъ, особенно когда такъ бережно скрывали ихъ отъ испытующаго взора: при страстной приверженности къ внѣшнему культу, для него достаточно было и того, что въ новой вѣрѣ и церкви тѣ же іерархическія лица, установленія, права и обязанности, какія и въ истинной древней церкви, что тамъ благоговѣйно чтутъ праздники, посты, говѣютъ, причащаются: такой ревности къ своему долгу начальниковъ и руководителей общества, главъ или патріарховъ семьи, такого благочестія, примѣрной праведности, самоотверженной любви, взаимной помощи во всякой нуждѣ не найти ни въ какой другой вѣрѣ, разсуждали многіе, не вникая въ то, какимъ духомъ все это проникнуто, есть ли тутъ законная іерархія, дѣйствительное таинство причащенія. И если въ 60-хъ гг. 16 ст. мы видимъ столь многочисленныя обращенія католиковъ въ реформатство, что въ Литвѣ одна десятая, а по нѣкоторымъ тысячная часть осталась папистами, если ксендзы и епископы превращали костелы въ соборы и вступали въ благословенныя супружества (всѣ почти ксендзы въ Жмуди и Николай Пацъ, кіевскій епископъ) [16]), то этому причиною не столько внѣшнія заманчивыя средства, вкрадчивость убѣжденій, проповѣди, распространеніе протестантской образованности, какъ стараются представить дѣло католическіе писатели, сколько образцовыя и церковно-общественныя учрежденія, строгость и чистота нравовъ, которыми отличались въ то время литовскіе кальвинисты. «Настало, по выраженію польскаго Цицерона Оржеховскаго, солнечное затменіе католической вѣры, свѣтъ ея скрылся въ безчисленныхъ тучахъ отступничества» [17]), потому что онъ померкъ предъ этою идеальною чистотою нравовъ, предъ блескомъ церковно-практическаго строя реформатовъ.

Многіе и изъ православныхъ не могли устоять противъ новаго религіознаго теченія. Причину этого въ самихъ православныхъ отыскать не трудно, стоитъ лишь вникнуть въ умственный и нравственный строй

ихъ жизни. Политическія смуты, бывшія въ юго-западной Руси вслѣдствіе близкаго сосѣдства венгровъ, поляковъ, турокъ, постоянныя внутреннія неустройства и междоусобія, продолжавшіяся даже въ половинѣ XVI вѣка, стѣснили и подавили въ ней стремленіе къ образованію — въ области своей народности. Южная и западная Русь стояли въ этомъ отношеніи ниже не только Польши, гдѣ взошла уже съ запада заря духовнаго возрожденія, открылась академія, но даже сѣверо-восточной, гдѣ по крайней мѣрѣ сохранялись древніе памятники славянской литературы, время отъ времени появлялись, какъ мы видѣли, плоды собственной умственной работы и откуда они пересылались иногда въ Литву, (напр. Многословное посланіе Зиновія Отенскаго. Въ польской и литовской Руси мы долгое время не видимъ ничего, кромѣ оффиціальныхъ бумагъ. Школы простой грамотности были рѣдкостію. Въ высшемъ сословіи не многіе умѣли читать и писать. «Священники были неучи, простаки, въ святомъ писаніи не свидѣтельствованные. Были въ это время пастыри церкви 15-ти лѣтніе. Были епископы, не умѣвшіе даже читать. Вообще, церковники пребывали въ простотѣ и глубокомъ неискуствѣ»[18]). Самый языкъ, переполненный народными мѣстными словами и полонизмами, представлялъ лишь слабое подобіе древняго церковно-славянскаго языка, едва удерживалъ русскую фонетику. Если же между западно-русскими православными и попадались лица образованныя, то они получали свое образованіе въ заграничныхъ, преимущественно протестантскихъ университетахъ, но изъ подъ ферулы иновѣрныхъ наставниковъ выносили, къ сожалѣнію, превратное воспитаніе. Этою малообразованною и превратно-образованною средою овладѣла страсть къ новизнѣ, къ подражанію иноземцамъ даже въ дѣлахъ вѣры[19]), презрѣніе къ собственной народности, языку[20]), и легкомысленное довѣріе къ насмѣшкамъ надъ православіемъ. Еретическія сочиненія, удовлетворявшія жаждѣ новаго, чужаго и во множествѣ распространенныя на мѣстномъ нарѣчіи, легко пріобрѣтали себѣ расположеніе и вѣру. Съ большимъ интересомъ читались также подложныя святоотеческія творенія, «подписанныя, какъ выражается Курбскій, подъ имена святыхъ»; тогда какъ творенія православныхъ отцовъ и учителей или вовсе оставались неизвѣстными народу, или если и встрѣчались, были оставляемы безъ вниманія, читались неохотно, безъ усердія[21]). «Правила и уставы нашей церкви, жалуется Константинъ Острожскій, въ презрѣніи у иноземцевъ, наши единовѣрцы не могутъ постоять за Божію церковь, нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ Божія слова, повсюду гладъ слышанія слова Божія, частое отступничество; приходится сказать съ пророкомъ: кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ очамъ моимъ»[22]). Въ XVI в. слышимъ также частыя жалобы, что народъ не уважалъ таинствъ церковныхъ, уклонялся отъ ихъ совершенія, любилъ болѣе грубыя суевѣрія, чѣмъ жизнь по требованіямъ церкви[23]). Въ духовной жизни

народа было замѣтно какое-то нравственное разслабленіе. Курбскій выразительно назвалъ это состояніе «пьянствомъ—состояніемъ самозабвенія, небреженія и «говоритъ, что «современники лежали простерты въ этомъ піянствѣ», и что оно было явленіемъ давно обыкновеннымъ. Сами руководители общественной нравственности были большею частію слѣпые вожди слѣпыхъ, и сами заразившіеся всѣми господствующими пороками времени и другихъ увлекавшіе въ ту же роковую пропасть. Многіе изъ нихъ послѣ втораго и третьяго браковъ принимали священство, многіе изъ міряпъ занимали высшія монашескія должности и въ новомъ санѣ не думали оставлять своихъ женъ, вели жизнь сластолюбивую, полную неправдъ, хищеній, насилія [24]). Отсюду происходило, что по свидѣтельству князя Острожскаго и Львовскаго братства, у недостойныхъ пастырей паства готова была разойтись въ разныя секты и большая часть шла въ кальвинство, особенно тогда, когда литовскіе кальвинисты отличались чистотою и строгостью нравовъ и близкимъ къ православію церковно-общественнымъ устройствомъ, и, казалось православнымъ, для того отдѣлились отъ латинской церкви, чтобы въ союзѣ съ восточною церковію возстановить древнее вселенское православіе [25]). При этомъ общемъ колебаніи и вѣроотступничествѣ тверже всѣхъ оказался простой народъ. Постоянно ссылаясь на предковъ и старину [26]), онъ благородно держался вѣры предковъ [27]). Его спасло то живое, непосредственное чувство истинности православной вѣры и безмѣрнаго ея превосходства предъ всѣми другими исповѣданіями, которое постоянно присуще чистой русской душѣ. «Благороднѣйшіе жъ панове» превратною своею образованностью болѣе всѣхъ затмили, подавили это непосредственное спасительное чувство. Всѣхъ чаще соприкасаясь съ реформатами на Руси — въ Литвѣ, путешествуя къ нимъ за границу, вступая въ бракъ большею частью съ иностранками гельветическаго исповѣданія [28]), и въ силу генеральной конфедераціи 1556 г. получивъ право свободно перемѣнять вѣру и по собственному усмотрѣнію распоряжаться церковными бенефиціями, находившимися въ ихъ «подаваньи», большая часть православнаго литовскаго дворянства покинула свою религію и вводила кальвинизмъ въ своихъ владѣніяхъ, сооружая ему храмы и обращая въ нихъ свои прежнія церкви [29]). Такъ напр.: въ новогродскомъ воеводствѣ (въ уѣздахъ новогродскомъ, слонимскомъ и волковыскомъ) изъ 600 православныхъ дворянскихъ родовъ очень немногіе (16 домовъ) остались вѣрными православію, или, какъ говорили королевскіе послы на брестскомъ соборѣ 1596 г., «убереглись отъ новокрещенской заразы», 650 православныхъ церквей новогродскаго воеводства превращены были въ реформатскія кирки или сборы, а не то въ хлѣвы и конюшни. Болѣе извѣстныя фамиліи изъ этихъ вѣроотступниковъ были: Кишки, Ходкѣвичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Слуцкіе, Завиши, Вишневецкіе, Войны, Пацы, Абрамовичи, Во-

ловичи, Огинскіе, Зиновичи, Пузины, Горскіе. Всѣ они, чтобъ не отстать отъ обуявшей всѣхъ страсти къ прозелитизму, старались всѣми мѣрами распространять реформатство, преимущественно чрезъ проповѣдь и распространеніе реформатскихъ книгъ на русскомъ языкѣ. Такъ напр.: Матвей Кавачинскій, Лаврентій Крышковскій и Симонъ Будный напечатали въ Несвижѣ катихизисъ «по кальвинскому ученію» и книгу «объ оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ [30]). «Русскіе, какъ окрестились, не учились, только церкви строили, говорили сами православные на сеймѣ 1598 г., и вотъ эти церкви имъ злые сосѣди заразъ позапустошили, великихъ пановъ своими науками отъ церкви отторгли» [31]). Вообще въ царствованіе Сигизмунда Августа и преимущественно при жизни самого Радзивилла (1548 — 1565 г.) кальвинизмъ такъ былъ силенъ и обаятеленъ, а южно-русскіе православные такъ слабы и беззащитны, что никогда такъ много не отторгалось ихъ отъ св. церкви, какъ въ это время, хотя и не видно изъ исторіи, какъ именно велика была эта потеря [32]).

---

3. При великомъ броженіи умовъ, ознаменовавшемъ собою паденіе старыхъ вѣрованій, въ Польшѣ и Литвѣ нашли себѣ пріютъ самыя крайнія протестантскія секты — аріанскія или социніанскія.

Для уясненія ихъ отношеній къ Россіи и въ виду того, что очагомъ всего европейскаго социніанства, главнымъ театромъ его дѣйствій была Польша и наша юго-западная, или литовская Россія, весьма не лишне изложить краткую исторію его. Всѣ аріанскія или социніанскія секты ведутъ свое начало отъ древнѣйшихъ аріанъ. Осужденные на никейскомъ соборѣ 325 г., аріане, какъ извѣстно, съ особенною силою возникли въ XII столѣтіи. Въ 16 вѣкѣ ихъ ученіе раскрыто на новыхъ началахъ испанцемъ Михаиломъ Серветомъ и итальянцемъ Валентіемъ Гентеліусомъ, доведшими отрицательные принципы Лютера и Кальвина до отверженія почти всего христіанства. Въ Польшу обновленное ученіе Арія занесено въ 1551 г. послѣдователями Сервета Леліемъ и Фаустомъ Социнами, по имени которыхъ оно и названо социніанствомъ. За тѣмъ оно развивалось и распространялось въ Польшѣ чрезъ сочиненія самого Сервета, бывшія въ ходу преимущественно между высшими классами; пропагандировалось Станкаромъ, въ 1550 г. изгнаннымъ за ересь изъ краковскаго университета, и Петромъ Гонензіемъ (изъ Гонендза, что въ Подляхіи), питомцемъ краковскаго и германскихъ университетовъ [33]). На западѣ Европы социніане не могли сплотиться въ организованныя общества: казавшееся чистымъ натурализмомъ и превращавшее евангеліе въ кодексъ нравственныхъ сентенцій, ученіе ихъ возбудило противъ себя сильную общественную реакцію. Въ Польше же,

при индеферентизмѣ короля и его покровительствѣ религіознымъ новшествамъ, при безчисленномъ множествѣ политическихъ либеральныхъ партій, социніане ужились и расплодились во многочисленныя секты и сектцы: эбіонитовъ, меннонитовъ, унитаріевъ, антитринитаріевъ, анабаптистовъ, раковянъ, куявянъ, нурковъ. По словамъ Нарбута, всѣхъ социніанскихъ сектъ и обществъ можно было на считать въ польско-литовскомъ государствѣ до 70 [34]). Исторія ихъ крайне смутна и неопредѣленна. Извѣстно только, что эти микроскопическія секты отличались одна отъ другой тѣмъ, что въ однѣхъ было болѣе деизма, въ другихъ менѣе, однѣ были дальше, а другія ближе къ кальвинскимъ началамъ, а потому при всемъ множествѣ мелкихъ различій ихъ одна отъ другой, всѣ онѣ сводились первоначально къ двумъ главнымъ видамъ или партіямъ. Первая партія называлась старо-аріанскою. Основанная проповѣдникомъ Станиславомъ Фарковскимъ, она признавала предсуществованіе І. Христа до Его пришествія на землю, но не исповѣдывала Его единосущнымъ и собезначальнымъ Отцу; Духа Святаго признавала не за третье лицо Пресвятыя Тройцы, даже и не за Бога, но за нѣчто жизненное, не похожее на личное бытіе и во всякомъ случаѣ почитанія и поклоненія недостойное. Вторая партія новоаріанская не только отвергала Божественность и личность Св. Духа, но не признавала предсуществованія Христа до Его пришествія и воплощенія. Она подраздѣлялась на три главныя вѣтви, изъ которыхъ первая самая крайняя, предводительствуемая ученѣйшимъ мужемъ, бывшимъ реформатскимъ пасторомъ Симономъ Буднымъ, совершенно отрицала Божество Христа и не воздавала Ему никакого поклоненія; вторая, открытая какимъ-то Григоріемъ Павломъ, вѣрила въ тысящелѣтнее царство Христа, скорому наступленію котораго должно будто-бы предшествовать обращеніе іудеевъ и магометанъ; третья, кобранная Мартиномъ Чеховичемъ, взяла перевѣсъ не только надъ первыми двумя партіями, но и надъ староаріанскою, которыя всѣ она подчинила, поглотила въ себѣ [35]). Своимъ торжествомъ надъ всѣми аріанскими сектами, она обязана упомянутому Фаусту-Социну, который, въ 1579 году снова прибывъ въ Польшу, на венгровскомъ синодѣ 1584 г. и брестскомъ 1588 г. примирилъ всѣ раздоры и разности, раздѣлявшіе польскихъ аріанъ, и искусствомъ убѣжденія и силою меча заставилъ ихъ принять составленную имъ систему вѣроученія, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ: «откровеніе есть главный источникъ и основаніе вѣры, но въ изъясненіи словъ священнаго писанія человѣческому разуму долженъ быть предоставленъ наибольшій просторъ. Богъ Отецъ всесовершенъ, безначаленъ, не сотворенъ, а самъ все сотворилъ. Іисусъ Христосъ самъ по себѣ былъ смертный человѣкъ; но зачатый во чревѣ Св. Дѣвы безъ мужа, наитіемъ Св. Духа, Онъ въ извѣстномъ смыслѣ сталъ Сыномъ Божіимъ, присвоеннымъ, усы-

новленнымъ (eigener und erzeugter). Чрезъ крестныя свои страданія и воскресеніе Онъ содѣлался Богомъ, и потому Его нужно прославлять и призывать въ молитвахъ. Но Онъ однако не есть Слово, чрезъ Которое все сотворено, Онъ всесовершеннѣйшій пророкъ, святѣйшій первосвященникъ, непобѣдимый царь (богодухновенный человѣкъ, человѣко-Богъ, но не Бого-человѣкъ), чрезъ котораго созданъ новый міръ, новая вѣра, новое рожденіе. Но этотъ новый міръ, новая вѣра и рожденіе состоятъ въ томъ, что Христосъ улучшилъ, обновилъ прежній порядокъ земныхъ и небесныхъ вещей, даровалъ избраннымъ вѣчную жизнь, которая состоитъ въ общеніи съ всесовершеннымъ и всеблаженнымъ божествомъ. Своею крестною жертвою Христосъ не искупилъ людей отъ грѣха и не ввелъ ихъ въ наслѣдіе вѣчной жизни, но только показалъ, научилъ, какимъ образомъ они могутъ умилостивить Бога, и далъ примѣръ, которому они, при Его содѣйствіи, должны подражать, чтобы содѣлаться блаженными. Св. Духъ есть даръ Божій, подаваемый вѣрующимъ и всею полнотою своею почивавшій во Христѣ. Изъ таинствъ социніане всѣхъ оттѣнковъ принимали только два, крещеніе и причащеніе. На крещеніе смотрѣли, какъ на внѣшній очистительный знакъ, который самъ по себѣ не имѣетъ никакой силы, не можетъ обновить, возродить человѣка или преобразовать древняго Адама въ новаго. Только тѣхъ оглашенныхъ, которые понимаютъ значеніе обязательства, принимаемаго ими при крещеніи, они признавали дѣйствительно крещенными. Крещеніе дѣтей допускали только изъ христіанской любви. Причащеніе принимали по исповѣданію цюрихской церкви. Нравственное ученіе социніанъ было вообще довольно строго; многія предписанія евангелія исполнялись у нихъ буквально, неослабно, наприм. личныя оскорбленія они должны были переносить съ невозмутимымъ спокойствіемъ, кротостью и терпѣніемъ, и не искать за нихъ удовлетворенія предъ судомъ и властями. Нравственно — политическое ученіе ихъ предписываетъ повиновеніе свѣтскому начальству, если повелѣнія послѣдняго согласны съ велѣніями самого Господа. Но подъ этою условною оговоркою скрывается такая соціальная, анархическая кодификація, которая дѣлаетъ ихъ врагами, измѣнниками отечества: «христіанинъ, по ихъ понятіямъ, не долженъ занимать никакихъ мірскихъ должностей, не долженъ носить оружія и сражаться на войнѣ; лучше предать страну на разграбленіе враговъ, чѣмъ убивать ихъ для защиты отечества». Впрочемъ столь пагубное для общественной безопасности ученіе не соблюдалось во всей строгости: по примѣру первенствующихъ христіанъ, которые мужественно сражались въ римскихъ легіонахъ, многіе изъ польскихъ социніанъ прославились мужествомъ въ сраженіяхъ. Въ церковныхъ учрежденіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ социніане не отличались отъ протестантовъ [36]). Вотъ вкратцѣ вся система социніанскихъ вѣрованій и учрежденій, составленная изъ неопредѣленныхъ и разрозненныхъ ученій безчисленныхъ сектъ.

Въ Литву социніанство перешло изъ Польши гораздо прежде, чѣмъ сложилось оно въ опредѣленную общепризнанную систему; оно занесено и развивалось здѣсь въ томъ первоначальномъ своемъ видѣ, который былъ всегда главнымъ господствующимъ типомъ и окончательно сформировался въ системѣ Фауста. Главнымъ пропагандистомъ его былъ одинъ изъ приближенныхъ къ Радзивиллу нововѣровъ, итальянецъ Бландрата, рекомендованный Радзивиллу самимъ Кальвиномъ, какъ ревностный поборникъ евангелическаго ученія, но потомъ усвоившій себѣ ученіе социніанъ. Бландрата распространялъ послѣднее съ большею осторожностію, прикрывая его библейскими изреченіями и ортодоксальною терминологіею; скрылъ истинный смыслъ его предъ двумя реформатскими синодами, нарочито собиравшимися противъ него въ Вильнѣ въ 1560 г., и только самимъ Кальвиномъ разобнаженъ и изобличенъ былъ «какъ чума и язва княжества литовскаго». Наконецъ, послѣ троекратнаго суда на соборахъ въ Пинчовѣ въ 1561 и 1562 г., онъ торжественно осужденъ и на краковскомъ синодѣ навсегда отлученъ отъ общенія съ реформатскою церковію. Главными сотрудниками и продолжателями дѣла Бландраты были упомянутые Станкаръ и Петръ Гонензій, за тѣмъ, проповѣдники и пасторы (praeceptores et ministri): Судровскій, Мартинъ Чеховичъ, Николай Вендроговскій и Петръ Коніадцкій [37]). Судровскій и Вендроговскій самимъ Бландратою совращены были въ социніанство, а Чеховичъ (министръ виленскій) познакомился съ ученіемъ Социна во время путешествія своего въ Женеву, куда онъ посланъ былъ Радзивилломъ (въ 1561 г.), для ознакомленія на мѣстѣ съ литургіею и обрядами богослуженія. Возвратившись въ Вильно, Чеховичъ началъ открыто проповѣдывать социніанство. Но встрѣтивъ здѣсь сопротивленіе, бѣжалъ въ Куйавы, потомъ въ Люблинъ, всюду разсѣевая свое ученіе и ведя упорную борьбу съ кальвинистами и католиками [38]). Коніадскій, по окончаніи курса наукъ въ краковской академіи, посланный для дальнѣйшаго образованія въ Германію, Италію и Швейцарію, познакомился съ сочиненіями Сервета въ Женевѣ и пристрастился къ нимъ всею душею. Путешествуя по Германіи и Моравіи, онъ всюду проповѣдывалъ ученіе Сервета, но почти безъ успѣха. Въ Виттенбергѣ онъ хотѣлъ держать публичный диспутъ съ приверженцами лютерова ученія, но Меланхтонъ принудилъ его удалиться изъ Виттенберга. Въ Подляхіи жъ и въ Литвѣ, куда онъ возвратился около 1555 г., нашелъ себѣ радушный пріемъ, произвелъ раздѣленіе между гельветическими церквами и на самомъ коніадскомъ соборѣ, созванномъ для возстановленія единства, смутилъ многіе умы, всюду пріобрѣтая себѣ приверженцевъ [39]). Но между первыми этими проповѣдниками социніанства произошло уже раздѣленіе. Чеховичъ, въ сочиненіи de Paedobaptistarum errore, отвергалъ дѣйствительность крещенія, совершеннаго надъ младенцами, и сталъ перекрещивать взрослыхъ.

Вендроговскій защищалъ крещеніе младенцевъ. Брестъ-куявскій синодъ и венгровскій соборъ 1563 г. постановили примирительное рѣшеніе, предоставивъ совѣсти каждаго совершать крещеніе надъ одними взрослыми или и надъ младенцами. Но виленская община не приняла этого рѣшенія и ввела крещеніе однихъ взрослыхъ. Пререканія и раздѣленія эти прекратились не прежде умиротворенія и объединенія всѣхъ партій, устроеннаго общимъ миротворцемъ Фаустомъ [40]).

Время отъ объединенія всѣхъ социніанскихъ партій до открытія всенародныхъ гоненій на нихъ, т. е. отъ 1585 до 1638 г. было самымъ цвѣтущимъ періодомъ въ исторіи польскаго социніанства. Главнымъ средоточіемъ и разсадникомъ социніанства былъ городъ Раковъ, одинъ изъ главныхъ центровъ торговли, промышленности и учености. Раковъ справедливо называется социніанскимъ Римомъ: отсюда социніанство распространялось во всей Европѣ, чему много содѣйствовала славная раковская школа, извѣстная въ Европѣ подъ именемъ сарматскихъ Аѳинъ.

Въ Литвѣ главнымъ гнѣздомъ социніанства былъ Несвижъ, бывшій первоначально однимъ изъ главныхъ центровъ кальвинизма. Знаменитая Несвижская типографія, нѣкогда перепечатавшая брестскую кальвинскую библію, печатала исключительно социніанскія сочиненія: Григорія Паули, Симона Буднаго и Лаврентія Кржышковскаго, два раза въ 1570 и 1572 годахъ печатала социніанскую библію. Затѣмъ наиболѣе крупныя и благоустроенныя общины социніанъ находились въ Венгровѣ, въ имѣніи богатаго и вліятельнѣйшаго владѣльца Іоанна Кишки, въ Пинчовѣ, во владѣніяхъ знатныхъ и богатыхъ вельможъ Олесницкихъ, въ Кіевѣ, Волыни, Новогрудкѣ и Вильнѣ. Образованнѣйшій и вліятельнѣйшій Кишка, владѣлецъ 70 мѣстечекъ и 400 селъ, былъ такимъ же ревностнымъ покровителемъ социніанъ, какимъ Радзивиллъ для кальвинистовъ; построилъ множество храмовъ, школъ, типографій [41]).

Но чѣмъ прочнѣе организовались социніанскія общины, чѣмъ единодушнѣе сплочались онѣ, тѣмъ болѣе возбуждали къ себѣ подозрѣній правительства: ихъ начали обвинять въ угрожающихъ безопасности государства замыслахъ. Гроза давно готова была разразиться надъ ними, недоставало только искры къ ея воспламененію и разрыву. Наконецъ искра найдена подъ пепломъ запрещенныхъ книгъ: въ 1638 году издана была отъ имени социніанъ книга съ богохульнымъ антихристіанскимъ ученіемъ. Сенатъ, не выслушавъ никакихъ оправданій отъ обвиняемыхъ, постановилъ: закрыть въ Раковѣ церковь, школу и типографію и, подъ страхомъ смертной казни и изгнанія изъ отечества, воспретить возстановленіе ихъ. Вскорѣ самый городъ подвергся нападенію ожесточеннаго народа и правительства, и отъ социніанскаго Рима остались однѣ развалины. (Нынѣ на мѣстѣ цвѣтущаго и богатѣйшаго этого города суще-

ствуетъ бѣдная деревня). Въ 1644 году закрыты были социніанская церковь и школы въ Волыни, въ Кіссіеліи и Берестцко; общины ихъ разсѣяны, уничтожены и мѣстному владѣльцу строжайше воспрещено давать имъ убѣжище въ своихъ имѣніяхъ. Въ промежутокъ времени 1658 — 1662 г. разогнаны, уничтожены были остальныя общества и социніане совершенно искоренены изъ Польши (согласно сеймовымъ постановленіямъ 1658, 1659, 1661 и 1662 г. они или возвращены были католичеству, или наказаны смертію, или изгнаны изъ отечества). Гонимые бѣжали во всѣ страны Европы, гдѣ только надѣялись найти пріютъ, но нигдѣ, за исключеніемъ Пруссіи, они немогли образовать общинъ и присоединились къ протестантамъ [12]). Въ Пруссіи они нашли радушный пріемъ у правнука Николая Чернаго Радзивилла (изъ линіи брата его Николая Краснаго), штадтгальтера Богуслава Радзивилла. Могущественный патронъ оберегалъ личную безопасность изгоняемыхъ, взялъ подъ опеку ихъ имущества, далъ ихъ «всякаго викту до прусcъ», т. е. средства на путевыя издержки и для содержанія ихъ въ Пруссіи [13]). Благодаря этому «перехованью» (покровительству), социніане завели въ Пруссіи два поселенія и общества въ Рутовѣ и Андреасвальдѣ, которыя существовали до конца 17 столѣтія. Но и они, какъ всѣ социніанскіе выходцы, перешли въ протестантство [14]). Такова историческая судьба социніанства, отъ начала до конца его существованія.

Не утверждаясь на исповѣданіи божественности Христа, на этомъ единственно незыблемомъ основаніи христіанской церкви, социніанство не могло быть прочнымъ, устойчивымъ. Крайне протестантская эта секта, какъ и всякая крайне оппозиціонная партія, въ состояніи была держаться, пока ея борющіяся силы могли выдерживать напоръ напряженія, оппозиціи. На высшей степени напряженія ея силъ она имѣла даже успѣхъ и угрожала серіозною опасностію противной сторонѣ; но вслѣдъ за крайнимъ напряженіемъ всѣхъ ея силъ послѣдовалъ ихъ обрывъ, полнѣйшее истощаніе и безсиліе. Безжизненная, безпочвенная, безличная эта секта, бывшая чѣмъ-то среднимъ между христіанствомъ и натурализмомъ, должна была или примкнуть тѣснѣе къ обществамъ христіанскимъ, или, сбросивъ личину христіанства, пристать къ натуралистическимъ сектамъ. Историческія обстоятельства сложились такъ, что она должна была возвратиться къ тому же протестантскому обществу, изъ котораго она вышла и съ которымъ такъ упорно враждовала: послѣ вѣковыхъ блужданій, бореній и крушеній, угрожавшихъ гибелью всѣму мѣстному протестантскому міру, но обрушившихся на ея собственную голову, она слилась съ источнымъ своимъ началомъ и исчезла въ общемъ потокѣ протестантства.

Что касается отношенія социніанства къ православію, то въ цвѣтущій періодъ своей исторіи, когда оно такъ искусно прикрывало себя

личиною реформатства, оно, подобно соблазнительному реформатству, не могло не находить себѣ приверженцевъ среди православныхъ. Историческія свидѣтельства объ этомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ общи и не опредѣленны. Таковы, во-первыхъ, слова королевскихъ пословъ, обращенныя въ православнымъ на брестскомъ соборѣ 1596 г.: «вы имѣете въ нихъ лютеранахъ и реформатахъ) большихъ пріятелей, которые у васъ, въ самомъ новогродскомъ воеводствѣ, какъ извѣстно, опустошили 650 церквей и тамъ изъ 600 и даже болѣе шляхетскихъ домовъ греческой вѣры едва осталось шестнадцать или менѣе, которые уберeглись отъ новокрещенской заразы» [45]). Самый контекстъ рѣчи, или сопоставленіе многочисленныхъ совращеній русскихъ въ социніанство съ совращеніями въ протестанство или, собственно, въ реформатство позволяетъ думать, что западно-руссы ссовращались въ социніанство въ то время, когда оно искусно принимало на себя личину реформатства, когда они не различали его отъ реформатства или, по крайней мѣрѣ, подъ фирмою его думали найти преобразованное, обновленное богемскими братьями, реформатство. Но что западно-руссы болѣе обращались въ социніанство, чѣмъ въ реформатство, это едва ли не клевета, не преувеличеніе латинскихъ пословъ: на томъ же соборѣ, чтобы обезчестить, опозорить религіозно-политическій союзъ православныхъ съ протестантами, латиняне, какъ увидимъ, упрекали протестантовъ въ вѣрованіяхъ, свойственнымъ анабаптистамъ, социніанамъ или, въ новокрещенской заразѣ, а православныхъ выставляли сообщниками анабаптистовъ или новокрещенской заразы: не тотъ ли незаслуженный упрекъ слышится и въ выше приведенныхъ словахъ латинскихъ пословъ? Другія современныя свидѣтельства показываютъ вообще, что были нерѣдкіе случаи совращенія православныхъ въ социніанскія иностранныя секты, но чтобы они были многочисленнѣе совращеній въ реформатство, ни откуда не видно. Въ какія именно социніанскія секты шли русскіе, также ясно не видно. Курбскій наприм. жалуется, что «отъ Мотовилы и его единомышленниковъ чуть не вся Волынь заразилася и неисцѣльнѣ болитъ скверными догматы подущаема». Что жъ это были за сектанты, понять у Курбскаго трудно. Но судя по тому, что эти «тисячу кратъ горшіи Арія еретики, отвергали предвѣчное рождество Сына Божія, а полагали ему начало точію отъ Маріи и вѣрили въ тысящелѣтнее царство Христа», надо полагать, что они были новоаріане смѣшаннаго направленія, принадлежавшіе то къ первой, то ко второй группы. Наконецъ, треть и того времени свидѣтельства указываютъ лишь имена совратителей, а иногда и совращенныхъ. Таковъ наприм. знаменитый между унитаріями или антитринитаріями Семенъ Будный, бывшій первоначально православнымъ священникомъ, издатель русскаго перевода библіи и аріанскаго катихизиса [46]), таковы Матвей Ковачинскій и Лаврентій Крышковскій, также издававшіе русскія социніанскія книги для совращенныхъ

Будныхъ русскихъ [47]). Такъ какъ исторія социніанства въ его частныхъ отношеніяхъ къ Россіи слишкомъ малоизвѣстна, то мы будемъ говорить о немъ лишь вообще, на сколько оно соприкасается съ двумя главными вѣтвями протестантизма: лютаранствомъ и кальвинствомъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ Россіи и православію.

---

4. Протестантизмъ, въ несовѣмъ чистой своей формѣ, съ примѣсью социніанства къ реформатству, занесенъ былъ въ западную Россію оттуда, откуда всего менѣе можно было ожидать того. Его принесли изъ великой Россіи и дѣятельно распространяли здѣсь ученики единомышленника Башкина, троицкаго игумена Артемія: Θеодосій Косой, Игнатій, Вассіанъ, Θома и другіе. По неожиданности появленія лжеучителей, по необычайности и исключительности ихъ ученія, мы должны обратить особенное вниманіе 1) лично на нихъ самихъ. О ихъ личности, образѣ жизни и дѣятельности сохранилось мало свѣдѣній, да и тѣ относятся главнымъ образомъ къ вождю ихъ партіи Θеодосію Косому. Бѣглый рабъ изъ Москвы, обманомъ постригшійся въ монахи (на Бѣлоозерѣ въ 1552 г.), судившійся на московскомъ соборѣ 1555 г. «какъ еретикъ» и изъ монастырскаго заключенія, во время суда, бѣжавшій съ своими единомышленниками, Θеодосій пробрался (чрезъ Торопецъ, Великія-Луки, Усочертъ) къ берегамъ Двины въ Полоцкъ [48]). Въ 1572 г. Венгерскій находитъ ихъ въ Витебскѣ, а по изгнаніи ихъ отсюда, встрѣчаетъ гдѣ-то во внутренности Литвы, и при этомъ замѣчаетъ, что Θеодосій былъ уже очень старъ, имѣлъ болѣе 80 лѣтъ отъ роду и скоро умеръ [49]). Смерть его случилась не ранѣе 1575 года, такъ какъ по письму Курбскаго къ Чаплію, писанному въ 1575 г., Θеодосій вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Артеміемъ въ этомъ году жилъ и проповѣдывалъ у этого боярина. Θома, сдѣлавшійся кальвинскимъ министромъ въ Витебскѣ и Полоцкѣ, погибъ трагическою смертію въ 1562 г. Артемій, кромѣ Чаплія, проживалъ еще у Георга, князя слуцкаго и копыльскаго. Слѣды Игнатія, Вассіана и другихъ скоро исчезли: эти бѣглецы дѣйствовали безлично, бродили за Θеодосіемъ [50]). Образованіе Θеодосій получилъ въ Москвѣ и Бѣлоозерѣ такое, какое только можно получить въ его положеніи раба и монаха начетчика. Сколько можно судить по отрывкамъ изъ его лжеученія, сохранившимся въ «разсказахъ» о немъ заволжскихъ клирошанъ и литовскихъ православныхъ, образованіе его на Москвѣ ограничивалось знаніемъ св. писанія, но далеко не во всемъ объемѣ его, знакомствомъ съ двумя, тремя сочиненіями Василія Великаго и Іоанна Златоустаго, изученіемъ живыхъ въ то время и ходячихъ сочиненій Максима Грека и инока Вассіана, усвоеніемъ нѣкоторыхъ ли-

беральныхъ идей, бывшихъ тогда въ популярномъ употребленіи. По приходѣ въ Литву, онъ, какъ передаетъ Венгерскій у Лукашевича [51]) не зналъ сначала никакихъ языковъ и наукъ, кромѣ отечественныхъ. Но впослѣдствіи онъ, по всей вѣроятности, значительно пополнилъ свое образованіе. Какъ ни кратко, ни извращенно передано его ученіе заволжскими клирошанами, какъ ни много въ немъ несообразностей, самопротиворѣчій, непослѣдовательности и другихъ логическихъ недостатковъ, въ которыхъ виноватъ не столько самъ Ѳеодосій, сколько искажавшіе его ученики, но по всему видно, что это была весьма мыслящая голова, передовой умъ своего времени, твердо усвоившій раціоналистическія обоснованія и ученія о самыхъ таинственныхъ догматахъ: о св. Троицѣ, о воплощеніи, искупленіи, возстановленіи образа Божія въ человѣкѣ [52]). Неудивительно, что переселясь въ Литву,—а его переселеніе совпадаетъ съ возрожденіемъ и быстрымъ развитіемъ образованія въ Литвѣ,—десятки лѣтъ вращаясь въ просвѣщенной средѣ русской и иностранной, онъ многому научился, и если-бъ онъ не былъ образованнѣйшимъ проповѣдникомъ своего вѣка, то предъ нимъ не растворялись бы такъ гостепріимно чертоги Чапліевъ и другихъ знатныхъ вельможъ. О спутникахъ и единомышленникахъ Косаго тотъ же Венгерскій дѣлаетъ такіе же отзывы, какъ и о Косомъ, т. е. что они пришли въ Литву съ знаніемъ отечественнаго лишь языка и наукъ, а Ѳому называетъ мужемъ краснорѣчивымъ и свѣдущимъ въ писаніи, за что и удостоившимся званія пастора [53]). Литовцы, въ письмѣ къ Зиновію Отенскому, «зѣло похваляли разумъ еретиковъ», не выдвигая однако ни одного изъ нихъ предъ другими. Сами «еретицы утверждали о себѣ, что они познали истину паче всѣхъ и разумѣютъ больше святыхъ» [54]). Въ мечтательномъ самообольщеніи «прелестники» сказали о себѣ, конечно, слишкомъ много. Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что эти недюжинныя личности отъ долговременнаго обращенія въ образованномъ обществѣ сдѣлали не малые успѣхи въ умственномъ своемъ образованіи: Ѳома, Ѳеодосій не составляли исключенія, всѣ они были почти ровня между собою и всѣ возвышались надъ уровнемъ обычнаго образованія массы. Нравственный характеръ сектантовъ не привлекателенъ. Ученіе и жизнь самого Косаго есть безконечное сплетеніе лжи, лицемѣрія, лукавства, лести, клеветы, воровства, обмана, самозванства (хотя, при всей деморализаціи, онъ былъ лучше многихъ проповѣдниковъ, которые наводняли тогда Литву и нравственность которыхъ была самой низкой пробы) [55]). Его единомышленники были еще «горшіе лицемѣры, лжецы, двоедушники, обманщики». Но при хитрой изворотливости въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, при удивительномъ умѣньи пользоваться при всякомъ случаѣ клеветою, ложью и тому подобными особенностями ихъ нрава, они придали своимъ порокамъ столько блеска прелести, что ихъ пороки и беззаконія были предметомъ гордости для мно-

гихъ близорукихъ, невѣжественныхъ ихъ почитателей и возведены ими были въ норму добродѣтели. Ложное нравственное обояніе «прелестниковъ», неоспоримое умственное превосходство ихъ предъ толпою, долговременность, настойчивость и общедоступность ихъ проповѣди, совершавшейся къ тому-жъ на родномъ языкѣ, отъ имени родныхъ, доброжелательнѣйшихъ пришельцевъ, были причиною того, что они легко набрали себѣ послѣдователей изъ всѣхъ слоевъ западно-русскаго общества. «Многія, жалуется современное сказаніе, совратиша, не только не боящаяся Бога, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ людей, простыя нравомъ, и зацныхъ пановъ»[56]). А Зиновій замѣчаетъ, что діаволъ, развративъ востокъ Бахметомъ, западъ Мартиномъ Нѣмчиномъ, Литву развратилъ Косымъ[57]).

Какъ ни много пріобрѣли они себѣ послѣдователей между православными, но нашлось не мало усумнившихся въ нечестивомъ ученіи ихъ. «Видя сомнѣнія ихъ прелестницы оклеветаху нѣкоего калугера — Зиновія Отенскаго, что калугеръ сей вѣдаетъ истину, но молчитъ», т. е. они усиливались выставить Зиновія своимъ единомышленникомъ — въ тѣхъ, вѣроятно, видахъ, чтобы авторитетомъ достойнѣйшаго этого ученика мудраго Максима Грека придать больше вѣса и значенія своему ученію. Но православные, считая Зиновія за непререкаемый авторитетъ въ дѣлѣ ученія, не поддались обману, а обратились къ нему съ вопросомъ: «аще полезно учитъ ихъ Косаго чадь, умоляли и заклинали его именемъ Божіимъ возвѣстить имъ всю истину благочестія». Зиновій по этому случаю написалъ Многословное свое посланіе.

2. Что это было за ученіе, возбудившее столько сомнѣній и пререканій и произведшее столько соблазна и преткновеній? Наши историки и изслѣдователи обыкновенно считаютъ лжеученіе Косаго за произведеніе социніанства или за крайнее развитіе того вольнодумства, которое, начиная отъ ереси жидовствующихъ и даже стригольниковъ, болѣе вѣка волновало русскіе умы. На перемѣну образа мыслей Косаго, совершившуюся въ Литвѣ или со времени суда надъ нимъ въ Москвѣ въ 1555 г., на отреченіе его отъ тѣхъ лжеученій, которыя составляютъ краеугольный камень вѣроученія жидовствующихъ или социніанъ, не обращаютъ вниманія, берутъ отрывочно двѣ, три, огласившіяся въ Литвѣ черты изъ его морали, и ими дополняютъ общую систему его вѣрованій, которую онъ развивалъ въ Москвѣ: какъ будто эта система, по переселеніи его въ Литву, не потерпѣла ни малѣйшаго измѣненія, а лишь полнѣе раскрылась тамъ. Дѣйствительно, пока онъ оставался въ Москвѣ и на Бѣлоозерѣ, онъ, какъ мы отчасти имѣли случай замѣтить, былъ самымъ эксцентричнымъ и послѣднимъ выразителемъ того вольнодумства, которое получило начало свое въ ереси стригольниковъ и находило себѣ постепенное развитіе въ ереси жидовствующихъ, Башкина, Артемія; по

переходѣ-жъ въ Литву, самъ онъ и большинство его спутниковъ склонились къ тѣмъ протестантскимъ убѣжденіямъ, какихъ держался въ Москвѣ ихъ ближайшій учитель Артемій, съ самой ничтожною примѣсью квакерскихъ, социніанскихъ и вообще крайне протестантскихъ идей, а одинъ изъ нихъ, какъ уже сказано, сдѣлался пасторомъ. По переходѣ въ Литву, они не отвергали божества Іисуса Христа, Его воплощенія, искупленія, какъ это тайно дѣлали они въ Москвѣ до собора 1555 г.: разъ навсегда отвергшись отъ крайнихъ раціоналистическихъ этихъ воззрѣній, они начали учить «по Евангелію». Таковыми, т. е. евангелико-реформатскими проповѣдниками выдаютъ ихъ современныя мѣстныя свидѣтельства, какъ польско-нѣмецкія, такъ и литовско-русскія [58]), прибавляя къ этому, что въ главныхъ мѣстахъ ихъ проповѣди: Витебскѣ и Полоцкѣ, изъ многочисленныхъ ихъ послѣдователей, образовались чисто реформатскія общины. Таковыми они представляются намъ и въ ученіи своемъ, насколько оно раскрыто предъ Зиновіемъ въ вопросахъ усумнившихся въ немъ западно-русскихъ православныхъ.

Какъ вездѣ, ученіе ихъ было главнымъ образомъ оппозиціонное, проповѣдь—полемическая. Началась она, по обычаю, съ нападокъ на храмы, иконы, церковную обрядность: молитвы съ колѣнопреклоненіями, уставы, православные посты, монашество, таинства, призываніе святыхъ, чудеса и т. д. И всѣ эти и подобныя возраженія высказаны въ такомъ порядкѣ, въ такихъ почти формулахъ и съ такими мотивами, какъ это дѣлали проповѣдники протестантизма на западѣ Европы и на сѣверѣ Россіи. Церкви православныя, пообыкновенію обозваны кумирницами и златокузницами (Многословное посланіе л. 15 обор.) [59]), иконы — идолами. Послѣднее возраженіе мотивируется такъ: «иконы — суть дѣло рукъ человѣческихъ; какъ и идолы, онѣ очи имутъ и не узрятъ... Написаны, украшены и позолочены онѣ точно идолы. Въ Евангеліи нигдѣ не писано объ иконахъ: грѣхъ ихъ почитать» (л. 58 обор.). Противъ молитвословій, уставовъ возражаютъ: «Богъ требуетъ токмо чистаго сердца, поклоненія въ духѣ и истинѣ, а не тѣлеснѣ кланятися и падати на землю. Октоихъ, мѣсячная, святыхъ пѣснопѣнія суть списанія растлѣнныхъ умовъ человѣкъ, человѣческая преданія» (л. 81 обор.). О постахъ умствуютъ: «и за утра ясти достойно: потому что и ученики Христовы рано утромъ срывали колосья, растирали и ѣли. (И къ чему какіе бы то ни было посты)? По слову Спасителя, не входящая въ уста сквернитъ человѣка...: по апостолу, чистымъ вся чиста; Петру, въ видѣніи плащаницы, Богъ повелѣлъ ѣсть всякое животное, да и по Златоусту Христосъ не сказалъ: поститеся, а будьте милосерди; въ добровольной любви, милосердіи, а не въ насильственномъ и противоестественномъ постѣ заключается сущность христіанства» (л. 82). Отъ постовъ естественный переходъ къ монашеству, къ обѣтамъ котораго они существенно отно-

сятся. Чрезъ нѣсколько строкъ трактаціи о таинствахъ и опять о постахъ ставится рядъ вопросовъ о монашествѣ. «Чернечество откуда пріяша? Ни въ евангеліи, ни въ апостолѣ не писано о немъ. Чернечество есть изобрѣтеніе тѣхъ лестчихъ духовъ, сожженныхъ въ совѣсти лжесловесниковъ, которые, по предреченію апостола, должны явиться въ послѣднія лютыя времена, возбраняя людямъ женитися и воспрещая брашна. Чернечествовати и не женитися, блудивши съ женами омыватися — вся та преданія человѣческая» (л. 120). Таинствъ сектанты принимали только два: крещеніе и причащеніе, да и тѣ считали внѣшними лишь знаками, напоминающими христіанину о внутреннемъ таинственномъ общеніи его со Христомъ, въ моментъ ихъ совершенія. Частнѣе, о крещеніи они разсуждаютъ такъ: «такъ какъ во всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлающій правду пріятенъ ему есть, а всѣ люди едино суть у Бога: и татары, и нѣмцы и прочіе языцы, то крещеніе не нужно людемъ». Этимъ они хотятъ сказать, что крещеніе есть не болѣе какъ отличительный признакъ принадлежности нашей къ обществу христіанъ и символическій знакъ, способствующій внутреннему общенію нашему съ Божествомъ, что главное условіе спасенія — не въ символическомъ этомъ дѣйствіи, но во внутреннемъ нашемъ богообщеніи, въ личномъ самооправданіи предъ Богомъ и совѣстію. «Предъ причащеніемъ тѣла и крови Христовой, продолжаютъ они, не подобаетъ поститися, или очищатися, или омыватися: нѣсть бо тѣло Христово или кровь, а простой хлѣбъ и вино, Христосъ глаголы предаде, а не тѣло и кровь свою» (л. 119 об.). Не вѣря въ таинственное пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа, они мнятъ внутреннимъ своимъ существомъ, безъ всякихъ внѣшнихъ приготовленій, пріобщиться глаголамъ живота вѣчнаго. Свѣчи и другія приношенія, употребляемыя при совершеніи евхаристіи и богослуженія вообще, по мнѣнію лжеучителей, ненавистны Богу: они имѣли смыслъ въ ветхомъ завѣтѣ, нынѣ же они жертвоприношеніе идоломъ. Нынѣ благопріятная жертва Богу — духъ сокрушенъ (119 л. обор. и 120). За отверженіемъ церковныхъ приношеній, таинствъ, молитвословій, иконъ, оставалось отвергнуть молитвенное призываніе святыхъ, почитаніе св. мощей, вѣру въ чудеса и пророчества, что и дѣлаютъ лжеучители съ неумолимою послѣдовательностію. «Не подобаетъ, учатъ они, мощей почитати, ни апостоловъ, ни мучениковъ, ни отцевъ святыхъ, ни на молитву призывать ихъ: великій грѣхъ, оставивъ Бога, мертвецовъ призывать на помощь; (это) — грѣхъ человѣкослуженія и идолослуженія; сіе обличаетъ и пророкъ, говоря: живые отъ мертвыхъ помощи взыскуютъ. Апостолы, при жизни своей, чудеса творили, пророчествовали и людямъ помогали: по смерти жъ (ничего этого) не могутъ сдѣлать ни они сами, ниже болѣе мученики и отцы: «мертвецы бо суть, яко и вси мертвецы, и въ Еллинахъ есть такіе мертвецы и чудеса и прорицанія отъ

нихъ бываютъ, только не Духомъ Святымъ, а на соблазнъ людемъ. Истинныхъ же чудесъ, богодухновенныхъ пророчествъ нѣтъ послѣ Предтечи и апостоловъ. Не только не слѣдуетъ призывать святыхъ въ молитвахъ, но непозволительно читать житія и мученія ихъ: соблазнъ бо есть въ нихъ людемъ» (л. 193 и 194). Отъ отрицанія и хуленія святыхъ, ихъ мощей, чудесъ, недалеко было до порицаній и хулы на пресвятую Богородицу. «Дѣва Марія, говорятъ хульники, достойна была прославленія и поклоненія, егда имѣла во утробѣ своей Христа, а когда родила Христа, осталась такой же, какъ и всѣ жены. Да и всякъ, кто сотворитъ волю пославшаго Мя, говоритъ Христосъ, есть братъ, сестра и мати Мнѣ» (л. 224 об.). Наконецъ, оставалось изрыгнуть хулу, если не на самого Господа Спасителя, то на главное орудіе нашего искупленія и спасенія—крестъ Христовъ. Крестъ, кощунствуютъ они, есть древо, какъ всякое древо; важенъ не сей рукотворенный крестъ, но внутренній,—крестъ жизни, терпѣнія, подвига» (л. 225). Мы представили главнымъ образомъ догматическое ученіе сектантовъ. Изъ нравственнаго ихъ ученія мы имѣемъ нѣсколько отрывковъ въ высшей степени странныхъ, которые заключаютъ въ себѣ смѣсь коммунистическихъ принциповъ равенства и братства въ отношеніи къ своимъ съ крайнею фанатическою нетерпимостью къ чужимъ, проповѣдуютъ общественную анархію, подрываютъ основы семейной нравственности. «Не подобаетъ, проповѣдуетъ ихъ мораль, подавать нищимъ милостыню, потому что нищіе псы, а несправедливо, по слову Спасителя, отнять хлѣбъ у дѣтей и бросить его псамъ». Но подъ отверженными псами они разумѣютъ людей не ихъ вѣры, своихъ же единовѣрцевъ признаютъ чадами и братіями, достойными искренней, благотворительной помощи: «всѣ приходящіе къ церкви, гласитъ ихъ нравоученіе, и внимающіе человѣческимъ преданіямъ суть псы погибшіе, мы же чада есмы: потому что имѣемъ духовный разумъ и познали истину, и всякій, пріемлющій духовный нашъ разумъ, есть духовный нашъ братъ и чадо, и къ намъ подобаетъ приносить имѣнія. Не подобаетъ въ христіанахъ, продолжаетъ ихъ мораль, быти земскимъ властямъ, не подобаетъ воевати и дани даяти (подробныхъ мотивовъ не приводится). Не слѣдуетъ признавать никакихъ начальниковъ и наставниковъ: не нарицайтесь наставницы, единъ есть наставникъ Христосъ. Не должно почитать и родителей и именовать ихъ отцами: писано бо не нарицайте себѣ отца на земли, единъ есть отецъ вашъ Богъ» (121 об. и 122). Этою несложною отрывочною моралью завершается вѣроученіе сектантовъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ представленнаго лжеученія (въ ученіи о таинствахъ) есть недомолвки, пробѣлы противъ протестантскихъ формулъ о тѣхъ же предметахъ, нѣкоторыя изъ этихъ формулъ упоминаются лишь мимоходомъ въ видѣ основаній для выводовъ,—такъ протестант-

ское понятіе объ оправданіи естественно вытекаетъ изъ ученія о внутренней предъ Богомъ и совѣстію праведности и изъ ученія о постѣ и черничествѣ, освобождающаго человѣка отъ всякаго чувственнаго воздержанія; о нѣкоторыхъ предметахъ, наприм. о безусловномъ предопредѣленіи вовсе не упоминается. Но эти недомолвки и пробѣлы произошли, вѣроятно, оттого, что въ первоначальную запись, или посланіе Зиновія, по которому мы излагали данное лжеученіе, вкрались недомолвки, неточности, сокращенія: литовцы записали его по преданію, на память и слишкомъ сократили; Зиновій переписалъ его съ ихъ записи и вѣроятно еще сократилъ, при чемъ точность мысли и выраженія не могли не пострадать. Наконецъ въ разсматриваемомъ лжеученіи есть еще два-три пункта, въ которыхъ сказано нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько требовалось съ протестантской точки зрѣнія, таково ученіе объ исключительно духовномъ поклоненіи Богу, при которомъ храмы почти излишни, объ абсолютномъ равенствѣ всѣхъ въ семьѣ и обществѣ, о совершенномъ отверженіи властей, податныхъ и воинскихъ повинностей. Но эти излишества могутъ быть объяснены съ одной стороны тѣмъ, что при начавшемся расторженіи связей съ прежними раціоналистическими вѣрованіями, въ высшей степени тенденціозными, отрицательными, нельзя же вдругъ и совершенно отречься отъ всѣхъ традицій; съ другой стороны, подобныя преувеличенія составляютъ неизбѣжную принадлежность всѣхъ пламенныхъ эксцентричныхъ натуръ, которыя въ страстныхъ увлеченіяхъ извѣстными идеями не умѣютъ остановиться на золотой срединѣ и доходятъ до послѣднихъ крайностей. Во всякомъ случаѣ, въ общей совокупности изложенныхъ вѣрованій, въ ихъ духѣ и характерѣ позволительно видѣть отображеніе протестантской системы вѣрованій, ея тона и строя.

Въ этомъ еще болѣе можетъ убѣдить насъ сравненіе прежняго лжеученія, котораго партія Косаго держалась въ Москвѣ, съ новымъ, выработаннымъ ею въ Литвѣ. Правда, и тамъ — на Москвѣ она отрицала всю церковную внѣшность, священнодѣйствія, таинства, но эти отрицанія были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отверженія коренныхъ догматовъ христіанства: о св. Троицѣ, Божествѣ Христа, воплощеніи и искупленіи, и по своему происхожденію и направленію они совершенно отличны отъ отрицаній и возраженій, выработанныхъ здѣсь — въ Литвѣ. При томъ перваго рода оппозиціонные тезисы формулированы были кратко, голословно, если же нѣкоторые изъ нихъ и мотивировались, наприм. ученіе о призываніи святыхъ, почитаніи мощей, иконъ, то большею частію другими соображеніями и историческими примѣрами, существенно отличными отъ мотивовъ, какіе встрѣчаемъ въ позднѣйшемъ отрицательномъ ученіи ея, и это всего вѣроятнѣе оттого, что въ первоначальное ученіе проникло слишкомъ мало протестантскихъ элементовъ, а въ позднѣйшемъ они были господствующими [60]). Въ позднѣйшемъ ученіи, не говоря уже объ измѣ-

неніи его въ самыхъ основныхъ догматахъ, большая часть частныхъ отрицаній формулированы съ такою точностію и обстоятельностію и утверждены на такихъ раціональныхъ и библейскихъ доказательствахъ, что, какъ будто, видишь предъ собою вѣрованія и возраженія, опровергаемыя въ позднѣйшихъ нашихъ антипротестантскихъ сочиненіяхъ.

Но отчего ни литовцы, представившіе это ученіе на судъ Зиновія, ни самъ Зиновій, верховный судья и обличитель его, не назвали его протестантскимъ? литовцы не выдаютъ его за протестантское, можетъ быть, потому, что отъ нихъ самихъ хитрые пропагандисты скрывали истинное его направленіе и характеръ, представляя его истинно апостольскимъ преданіемъ, которое преемственно сохранялось на востокѣ и у нѣкоторыхъ русскихъ «калугеровъ». Къ тому жъ, усумнившись въ истинѣ предолагаемаго имъ ученія, литовцы относятся къ нему съ чрезвычайною осмотрительностію и осторожностію; воздерживаются отъ собственныхъ сужденій о немъ и, представляя его на просвѣщенный судъ Зиновія, предоставляютъ ему произнести о немъ безпристрастное сужденіе и назвать его настоящимъ именемъ. Зиновій же, хотя и сопоставляетъ Косаго съ Лютеромъ, но слишкомъ уже привыкъ считать это ученіе крайнимъ развитіемъ русскаго (московскаго) раціонализма, чтобъ назвать его настоящимъ именемъ. Въ пылу полемики, страсти, онъ именуетъ ученіе «жидовскимъ, еллинскимъ, а самихъ учителей безбожниками, невѣрными, буесловцами, антихристовыми слугами, сатанинскими сосудами, безумнѣйшими, безсловѣснѣйшими всякаго скота безсловеснаго» (л. 9, 242 и 243), словомъ называетъ ихъ всѣми презрѣнными именами, кромѣ собственнаго имени: потому что собственное имя не выразило бы всей преступности и омерзительности ученія, какую онъ хотѣлъ выставить предъ читателями, чтобы предохранить ихъ отъ обольстительнаго ученія. Итакъ, хотя личность новыхъ московскихъ пропагандистовъ протестантизма мало извѣстна намъ, но протестантскій характеръ ихъ лжеученія достаточно выясняется изъ современныхъ имъ свидѣтельствъ и изъ разсмотрѣннаго сочиненія Зиновія, извѣстными становятся и успѣхи ихъ проповѣди, на первый разъ очень немаловажные и для православія небезопасные.

Но недолго суждено было протестантизму господствовать въ Литвѣ. Историческія обстоятельства сразу такъ круто повернулись для него и потомъ въ теченіе двухъ вѣковъ никогда почти не улучшались.

Ослабленіе протестантизма [61]) вслѣдствіе развитія социніанства и усиленія іезуитовъ.

Со смертію Сигизмунда II-го окончились свѣтлые дни для протестантовъ. Ихъ горизонтъ началъ омрачаться еще при жизни Сигизмунда,

со смертію (въ 1565 г.) ихъ всесильнаго протектора Николая Радзивилла. Первая грозная туча взошла изъ облачка едва замѣтнаго, со стороны тайно враждебныхъ социніанъ. При жизни страшнаго гонителя ереси Радзивилла, эта секта скрывалась въ Литвѣ въ глубочайшей тайнѣ, но по смерти его она быстро распространилась по всей странѣ. Въ цвѣтущій періодъ своей исторіи, социніане были, по выраженію Бозгуша, тяжелымъ бичемъ для протестантовъ; у наиболѣе сильныхъ изъ нихъ — кальвинистовъ, отбили себѣ около половины приверженцевъ [62]). Но всего опаснѣе были для нихъ іезуиты. «Смиренные братья общества Іисуса», по смерти Радзивилла, ворвались въ Литву (въ 1569 г.), наводнили собою всю страну и пустили въ ходъ всѣ обычныя свои средства, чтобы унизить и обезсилить протестантизмъ. Они завели повсюду школы, коллегіи; въ Вильнѣ открыли даже академію, а въ 1572 г. получили право на учрежденіе особыхъ школъ для обращенія иновѣрцевъ. Открыли рядъ блестящихъ религіозныхъ процессій, празднествъ (въ честь наприм. Божіей Матери), учредили братство св. таинства или тѣла Господня. Часто устрояли публичные диспуты съ протестантами и въ глазахъ толпы всегда выходили побѣдителями, (особенно въ тѣхъ притворныхъ драмматическихъ диспутахъ, которые іезуитъ, переодѣвшись кальвинскимъ сеньоромъ и усѣвшись гдѣ-нибудь на людномъ мѣстѣ, заводилъ съ другимъ дѣйствительнымъ іезуитомъ, и въ концѣ спора униженно соглашался, что единственная святая и непогрѣшимая вѣра есть римско-католическая) [63]). Распространяли въ народѣ сочиненія, исполненныя пасквилей на пасторовъ и хулы на ихъ ученіе. Забирали въ лавкахъ и домахъ протестантскія сочиненія и всенародно жгли ихъ. Поселяли смуты и раздоры между самими протестантами, прокрадывались въ палаты вельможъ, проникали въ семейную жизнь, въ семейныя тайны; шныряли въ домахъ иновѣрцевъ, въ церквахъ, при исповѣдяхъ, похоронахъ, на ярмаркахъ, у городскихъ воротъ, вкрадываясь въ сердце народа и проповѣдуя свое ученіе. Сначала народъ отвѣчалъ имъ насмѣшками, преслѣдованіями и даже побоями; но дальновидностію, настойчивостію, смиреніемъ, покорностію, готовностію иногда на возвышенные и безкорыстные подвиги, на самоотверженныя дѣла любви, во время наприм. ужасной моровой язвы 1571 г., успѣли побѣдить все. Мало по малу народъ охладѣлъ къ прежней, протестантской религіи и почувствовалъ наконецъ отвращеніе къ ней столь же сильное, какъ сильно было первое увлеченіе ею; на самихъ пасторовъ смотрѣли будто бы не лучше, чѣмъ на пьяныхъ уличныхъ мужиковъ [64]). Чтобъ еще болѣе уронить и ослабить протестантизмъ, іезуиты повели козни противъ могущественныхъ его защитниковъ — Радзивилловъ. Двоюродный братъ Николая Радзивилла Чернаго, князь Николай Красный, великій гетманъ литовскій, остался не уязвимъ и по смерти брата сталъ во главѣ своихъ единовѣрцевъ [65]). Потомъ сынъ его, Христофоръ Николаевичъ, по смерти

отца (въ 1581 г.) также великій гетманъ литовскій, поддерживалъ, на сколько оставалось у него еще силъ и вліянія, протестантовъ. Но сыновья Николая Чернаго: Николай—Фристофоръ, по прозванію Сиротка, Юрій, Албертъ и Станиславъ, на которыхъ кальвинисты возлагали всѣ свои надежды въ будущемъ, и дочь Елизавета—всѣ въ ранней молодости совращены были іезуитами въ католичество, а Юрій посвященъ былъ даже въ епископа и сдѣлался страшнымъ гонителемъ протестантовъ [66]). За тѣмъ, пронырливые іезуиты прокрались къ правительству и сдѣлали его послушнымъ орудіемъ въ исполненіи своихъ цѣлей. Со смертію Сигизмунда Августа (въ 1572 г.) начинается рядъ притѣсненій, насилій и жестокостей по отношенію къ протестантамъ, постепенно увеличивавшихся въ царствованіе Генриха Валуа, Стефана Баторія и особенно Сигизмунда III [67]). До воцаренія враждебныхъ этихъ государей, одни православные занимали въ литовско-польскомъ государствѣ (со времени перваго соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 г.) положеніе схизматиковъ и еретиковъ, положеніе, какъ извѣстно, весьма тягостное; но теперь рядомъ съ православными правительство поставило и протестантовъ подъ именемъ диссидентовъ, дѣлая впрочемъ между тѣми и другими то различіе, что протестантовъ рѣшительно и всегда называли еретиками, а православныхъ то еретиками, то схизматиками, смотря по расположенію духа и горячности фанатизма въ данную минуту. Тонкіе латиняне дѣлали и еще разборъ и различіе между протестантами и православными, но опять не въ пользу протестантовъ. Православные были для нихъ давнишніе враги, которые всегда стояли отдѣльнымъ отъ нихъ лагеремъ, были нѣкогда гораздо сильнѣе ихъ самихъ, а теперь поставлены отъ нихъ въ зависимость и, если бы не новые враги, они покончили бы съ этими неопасными сосѣдями историческіе свои счеты. На протестантовъ же они смотрѣли какъ на враговъ, которые вышли изъ ихъ среды, вчера были братьями, друзьями, а сегодня устрояютъ имъ гибель, не только мѣшаютъ привести схизматиковъ въ послушаніе римскому престолу, но грозятъ латинству совершеннымъ порабощеніемъ, подвергли господствовавшую въ государствѣ религію позору, посрамленію.... Словомъ, тутъ было такое же различіе, какое бываетъ между ссорою чужихъ стороннихъ лицъ и семейною родственною враждою: чужой давнишній недругъ, къ тому жъ униженный, обезсиленный, на время забывается; на новаго жъ врага, изъ друга, брата, сдѣлавшагося предателемъ, поработителемъ, изливается вся желчь, весь ядъ злобы, какими только переполняется душа, при подобныхъ превращеніяхъ дружбы и пріязни въ ненависть и вражду; на него обрушивается вся рѣзкость непріязненныхъ чувствъ и дѣйствій, если только не удались коварныя средства къ его низложенію. И вотъ, ласкательства, обѣщанія, (посулы денежныхъ наградъ, монаршаго вниманія, королевщины), а больше стѣсненія, насилія, лишеніе гражданскихъ правъ,

(отнятіе права занимать общественныя правительственныя должности и посылать депутатовъ на сеймы) и всѣ ужасы гоненій, постепенно увеличивавшихся въ своей жестокости — все испробовано, употреблено было, чтобы обезсилить враждебный протестантизмъ, чтобъ сперва знатныя фамиліи, потомъ низшіе классы совратить въ католичество. Лютеранскіе и кальвинскіе храмы одни за другими были обращены въ кастелы. Число протестантскихъ церквей и ихъ прихожанъ постепенно уменьшалось. Протестантизмъ ослабѣвалъ мало по малу, и въ числѣ своихъ послѣдователей, и въ силѣ внутренней [68]).

Постепенный упадокъ внѣшняго и внутренняго благосостоянія протестантскихъ общинъ, открывающійся изъ внѣшней исторіи ихъ церквей и обзора ихъ внутренней церковной жизни.

Чтобъ ознакомиться со внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ протестантизма, и съ упадкомъ его силъ соразмѣрить степень его вліянія на западно-русское православіе, приходится обратиться къ исторіи протестантскихъ церквей въ Литвѣ и прослѣдить, сколько ихъ всѣхъ было на литовско-русской территоріи, въ какихъ именно городахъ и мѣстечкахъ онѣ находились, когда и кѣмъ построены и разрушены; насколько соотвѣтствовали своему назначенію ихъ сеньеры и проповѣдники, каково было внутреннее управленіе церквей и ихъ общинъ, въ какомъ состояніи находилось просвѣщеніе, каковы церковная дисциплина и порядокъ въ отправленіи богослуженія? Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ могутъ показаться слишкомъ частными, подробными и непрямо ведущими къ главной нашей цѣли, а отвѣчающія на нихъ данныя однообразными, статистическими, архивными; но за неимѣніемъ прямыхъ и цѣльныхъ свѣдѣній и для избѣжанія общихъ, избитыхъ мѣстъ, по этимъ отрывочнымъ и цифровымъ даннымъ только и остается судить о внѣшнемъ и внутреннемъ благосостояніи протестантскихъ общинъ, да и сами по себѣ эти архивныя данныя представляютъ немалый спеціальный интересъ для археологіи и исторіи. Изъ исторіи литовскихъ протестантскихъ церквей мы могли собрать свѣдѣнія, относящіяся главнымъ образомъ къ реформатскимъ сборамъ, а лютеранскихъ киркъ наши данныя касаются очень немногихъ, можетъ быть, потому, что самыхъ этихъ киркъ было весьма мало. Всѣ реформатскіе сборы и общины въ Литвѣ въ церковно-административномъ отношеніи раздѣлены были на 6 округовъ: виленскій, новогрудскій, завилейскій (въ округѣ за рѣкою Вилейкою), подляхскій, самогитскій и бѣло-русскій, изъ которыхъ каждый находился подъ управленіемъ особаго сеньера. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка въ каждомъ изъ шести этихъ округовъ находилось

отъ 20 до 40 церквей; если взять среднее число между послѣдними цифрами — 30, то во всѣхъ шести округахъ было въ началѣ вѣка 180 церквей. Въ половинѣ вѣка, по счету Венгерскаго, было 93 церкви. Въ началѣ XVIII вѣка (въ 1704) оставалось всего 48 церквей. Лютеранскихъ киркъ во всѣхъ 6 реформатскихъ дистриктахъ находимъ только четыре [69]). Наибольшее сокращеніе лютеранскихъ и реформатскихъ церквей произошло въ царствованіе Сигизмунда III, или точнѣе, съ прибытія іезуитовъ въ Литву. Возьмемъ статистическія цифры съ обратной стороны. До іезуитовъ съ 1386 по 1569 г., т. е. въ теченіе 183 лѣтъ, во всей западной Россіи считалось монастырей ежегодно не болѣе 13, кастеловъ приходскихъ и филіальныхъ около 127, или вмѣстѣ съ монастырями 141, ксендзовъ не болѣе 350. При Сигизмундѣ II Августѣ самая большая часть монастырей и кастеловъ обращена въ евангелическо-реформатскіе храмы. Подъ конецъ царствованія Сигизмунда III монастырей съ кастелами было въ западной Россіи 98, кастеловъ приходскихъ и филіальныхъ 306, всѣхъ католическихъ храмовъ 414, патеровъ при нихъ болѣе 3000. Всѣ кастелы, обращенные при Сигизмундѣ Августѣ въ кальвинскіе храмы, при Сигизмундѣ III были отняты и возстановлены католиками. Нельзя не согласиться, что цифры эти весьма краснорѣчивы [70]). Въ малой Польшѣ (въ нынѣшнемъ юго-западномъ краѣ, Галиціи и юго-восточной части королевства польскаго) протестантскія церкви находились въ 8 округахъ: Кіевѣ, Волыни, Бѣльскѣ, Подольскѣ, Краковѣ, Сандомирѣ, Цаторѣ и Люблинѣ. По свидѣтельству іезуита Скарги, въ 1570 г. во всѣхъ 8 дистриктахъ считалось двѣ тысячи лютеранскихъ и реформатскихъ церквей: въ одномъ краковскомъ округѣ находилось 600 церквей, въ кіевскомъ 500. Въ 1718 г. во всей малой Польшѣ оставалось только 8 реформатскихъ церквей, о лютеранскихъ же нигдѣ не упоминается и, вѣроятно, потому, что не о чемъ было и упоминать, их вовсе уже не было)[71]). Мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности лишь о лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ, находившихся въ 6 реформатскихъ округахъ Литвы.

Изъ лютеранскихъ церквей только о четырехъ сохранилось нѣсколько свѣдѣній; о ковенской, кіейданской, виленской и вегровской. Такъ какъ литовскіе лютеране состояли преимущественно изъ нѣмцевъ, переселившихся въ Литву изъ Пруссіи и Германіи, то сравнительно много поселилось ихъ въ сосѣдственномъ съ Пруссіею Ковнѣ, и здѣсь — въ Ковнѣ, былъ главный центръ литовскаго лютеранства. Оттого всякія дошедшія до насъ извѣстія о судьбѣ ковенской лютеранской общины и церкви должны быть не безъинтересны.

Первая церковь ковенской лютеранской общины, или, какъ её называли католики, августанской (потому, можетъ быть, что Лютеръ былъ августинскій монахъ), сасской, или саксонской, аусбургской построена въ

1558 г. (хотя нѣмцы жили тутъ еще съ 1408 года). Она помѣщалась въ верхнемъ этажѣ каменнаго двухъ-этажнаго дома. При ней находились, по обыкновенію, госпиталь и школа. Дѣлами общины управлялъ совѣтъ изъ 12; высшую-жъ административную инстанцію составляло «саксонское министерство», организованное въ одномъ изъ обширныхъ владѣній Радзивилловъ [72]). Кромѣ нѣмцевъ-лютеранъ, въ Ковнѣ много было литовцевъ и русскихъ. Всѣ они пользовались Магдебургскимъ правомъ [73]); но такъ какъ нѣмцы составляли самый богатый классъ народонаселенія держали въ своихъ рукахъ всю торговлю, промышленность, то въ городскомъ управленіи, состоявшемъ изъ 6 бургомистровъ, они одни, по рескрипту Баторія, имѣли столько представителей (трехъ), сколько литовцы и русскіе въ совокупности. Слѣдующіе за Баторіемъ короли: Сигизмундъ III, Владиславъ IV, Янъ Казиміръ рескриптами подтверждали эти права представительства (въ 1612, 1633, 1639 и 1658 г.). Рескрипты нѣкоторыхъ королей служили выраженіемъ искренняго желанія доставить благоденствіе подданнымъ, но всякое распоряженіе, сколько-нибудь благосклонное для диссидентовъ, сокрушалось о гордость и высокомѣріе шляхетства и своевольныхъ магнатовъ. Въ отвѣтъ милостивымъ рескриптамъ королей, депутаты отъ нѣмцевъ постоянно посылали (въ 1640, 1650, 1652 и 1655) жалобы на католическія кривды, на изгнаніе ихъ изъ магистрата, на удаленіе отъ всѣхъ государственныхъ должностей. Короли слали новые рескрипты (въ 1670, 1676, 1698, 1726), депутаты новыя жалобы [74]).

Религіозныхъ притѣсненій ковенская лютеранская община претерпѣла гораздо больше, чѣмъ гражданскихъ, политическихъ. Богослуженіе дозволялось ей отправлять въ обыкновенномъ домѣ, который ни внѣ, ни внутри отнюдь не долженъ былъ имѣть благолѣпнаго вида церкви. Даже именовать его церковію строго запрещалось, (а просто называли ее домомъ «сборомъ, или-же лютеранскою синагогою»). Чрезъ 60 лѣтъ отъ основанія церкви, когда всѣ «зданія ея до крайности обветшали», община (въ 1618 г.) просила у Сигизмунда III дозволенія починить ихъ, но хитрый изувѣръ прислалъ имъ такой рескриптъ: «такъ какъ строить новыя общественныя лютеранскія зданія вредно для государства и общественнаго благосостоянія, а старыя, вслѣдствіе недостатка починки, могутъ грозить разрушеніемъ, то приказывается ковенскимъ лютеранамъ сломать совершенно всѣ публичныя зданія и впредь таковыхъ не сооружать, подъ угрозою штрафа въ 10000 злотыхъ». Не смотря на запретъ короля, зданіе церкви какъ-то уцѣлѣло, хоть оно все ветшало, обезображивалось, такъ что чрезъ 15 лѣтъ безъ опасенія за жизнь нельзя было войдти въ него. Между тѣмъ на престолъ взошелъ благодушный Владиславъ. «Гражданамъ августанской конфессіи въ Ковнѣ дозволено починить свой молитвенный домъ и сдѣлать на немъ крышу, но съ условіемъ, чтобъ фундамента не распространять и новаго не строить».

За ними же оставлено и кладбище, огороженное каменною стѣною, которое долго и упорно оспаривали у нихъ католики, и самую стѣну позволено покрыть гонтомъ [75]). Янъ Казиміръ дозволилъ лютеранамъ «покрыть ихъ домъ и кладбищенскую ограду черепицами» [76]). Ободренные благоволеніемъ королей, ковенскіе лютеране просили у епископа дозволенія (въ 1649 г.) перенести свою церковь съ верхняго этажа въ нижній, выставляя на то самыя убѣдительныя и безпритязательныя причины (наприм. больнымъ и престарѣлымъ крайне неудобно ходить по крутымъ лѣстницамъ, а беременныя женщины подвергались даже преждевременнымъ болѣзненнымъ родамъ). Но ровно чрезъ шесть лѣтъ (въ 1655 г.) имъ позволено перенести «сборъ съ верхняго этажа въ нижній и притомъ съ условіями: разломать полъ, раздѣляющій оба этажа, не увеличивать новаго помѣщенія ни въ длину, ни въ ширину, колоколовъ большихъ и малыхъ не употреблять, проповѣдей не говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ нѣмецкаго, а катихизиса никогда не вводить даже и на нѣмецкомъ; съ начала богослуженія и до конца его, каждый разъ держать двери запертыми, въ случаѣ жъ малѣйшаго нарушенія этого приказа, взыскать съ виновныхъ штрафу 1000 червонцевъ и отнять молитвенный домъ ихъ на вѣчныя времена». Успѣли-ли ковенскіе лютеране переселить церковь сверху внизъ, или нѣтъ, но во время войны Россіи съ Польшей за Малороссію, когда русскіе овладѣли Ковномъ (съ 1655 — 1662 г.), зданіе церкви истреблено было пожаромъ. Нѣсколько времени лютеране отправляли богослуженіе подъ открытымъ небомъ. Наконецъ король дозволилъ имъ построить новый храмъ вмѣсто сгорѣвшаго. Но магистратъ ковенскій, ксендзы, чернь воспротивились. И вотъ они предпринимають мужественный подвигъ. Какъ нѣкогда израильтяне съ оружіемъ въ рукахъ возстановляли разрушенныя персами стѣны Іерусалима, и они въ бронѣи съ оружіемъ воздвигали стѣны храма, работая день и ночь и не устанно отбиваясь отъ враговъ. Но злоба и фанатизмъ одержали побѣду, если не надъ мужествомъ и энтузіазмомъ строителей, то надъ бездушнымъ зданіемъ: когда постройка приходила къ концу, магистратъ запечаталъ церковь. Пріемникъ Яна Казиміра, Михаилъ Корибутъ Вишневецкій и слѣдующій за нимъ король, Янъ III Собѣсскій, при вступленіи на престолъ (первый въ 1669, второй въ 1676 г.) обѣщали покровительствовать диссидентамъ. Янъ даже сдѣлалъ ковенскому магистрату и ксендзу-пшеору формальный выговоръ за то, что они «съ 1666 г. до настоящаго времени (1676 г.) не дозволяютъ гражданамъ августанской конфессіи возобновить раззоренный молитвенный домъ, и, въ случаѣ дальнѣйшаго ослушанія, угрожалъ имъ штрафомъ въ 10000 червонцевъ». Но они, поднявъ и извративъ старую исторію построенія сбора вооруженными силами, представили королю, что съ того еще времени еретики не перестаютъ нападать на католиковъ, возмущая спокойствіе города, и наконецъ настояли, чтобы

«сборъ былъ обращенъ въ частное жилище и чтобъ августанское богослуженіе не возвращалось въ него никогда ни подъ какимъ названіемъ и предлогомъ». Гонимые во градѣ должны были перенести свое богослуженіе далеко за городъ, въ каменный сарай (находившійся за жидовскою улицею, въ закаулкѣ надъ берегомъ Нѣмана). И на этомъ убогомъ молитвенномъ домѣ они не могли поставить ни креста, ни свящ. изображеній, не смѣли выводить окна на улицу, развѣ на задній дворъ, поставить кровлю высокую, открыть школу и гошпиталь. Проповѣдникъ не имѣлъ права квартировать нигдѣ, кромѣ отведеннаго ему за городомъ мѣста. Къ этому присоединялся рядъ самыхъ мелочныхъ и стѣснительныхъ условій относительно отправленія различныхъ частей богослуженія, наприм. «провожая тѣла умершихъ августанской конфессіи, нужно было остерегаться, чтобъ не идти мимо кастела; а если нельзя этого избѣгнуть, то идти тихо и не пѣть при тѣлѣ умершаго, развѣ ужъ совершенно минувши площадь, всѣ кастелы и находящіяся при нихъ кладбища; а вступивши въ ограду своего кладбища, можно было совершать обряды, сообразно своему вѣроисповѣданію». Но и эти ничтожныя права богослужебной свободы стоили лютеранамъ слишкомъ дорого: подъ предлогомъ пени за оклеветаніе ксендза пшеора въ задержкѣ имъ церковныхъ ихъ построекъ, они обязаны были уплачивать ему и преемникамъ его 150 злотыхъ ежегодно на вѣчныя времена [77]).

Съ гоненіями на лютеранскіе храмы не разлучны были гоненія на ихъ служителей. Едва пасторъ показывался на городскую улицу, какъ его обступала и гналась за нимъ толпа мальчишекъ, издѣваясь надъ нимъ и выкрикивая непристойныя слова; школьники іезуитскіе и нерѣдко чернь посылали ему вслѣдъ брань, ругательства, проклятія; кто пускалъ въ него куски грязи, кто бросалъ камни, кто стрѣлялъ изъ ружья въ окна, двери, если онъ спѣшилъ укрыться въ домъ. Иногда достаточно было самаго ничтожнаго случая, чтобъ обвинить проповѣдника въ обидѣ, насиліи къ вѣрнымъ католикамъ, посадить его въ тюрьму безъ суда и слѣдствія, и церковь въ такомъ случаѣ цѣлые мѣсяцы оставалась безъ службы. Подобныя преслѣдованія постигали проповѣдниковъ, большею частію, тогда, когда депутаты отъ лютеранъ получали отъ короля какое-либо удовлетвореніе по своимъ жалобамъ и искамъ, когда ихъ церкви были сколько-нибудь реставрированы (въ 1650 и 1685 г.) имѣли цѣлію такъ или иначе добиться прекращенія ихъ богослуженія. Такимъже набѣгамъ и мученіямъ и съ тою же затаенною цѣлію подвергались нерѣдко низшіе члены клира. Такъ (въ 1707 г.) «родовитая шляхта» совершенно безвинно напала на причетника лютеранской церкви, била его дубинами, каменьями, пока все лицо его было изуродовано и окровавлено, ноги переломлены, спина изрыта и обагрена кровью, и онъ не былъ убитъ потому только, что нѣкто г. Розенбергъ вырвалъ его изъ рукъ злодѣевъ и спряталъ у себя въ домѣ.

На всю общину лютеранъ нельзя, опасно было нападать какъ на ея духовныхъ предстоятелей; на нее взводились всевозможныя клеветы и жалобы и при томъ такія мелочныя, бездоказательныя, что сами власти, къ которымъ поступали такія жалобы, изобличали ихъ пустоту и притязательность. И эти клеветы клонились также къ тому, чтобы отыскать какой-нибудь предлогъ къ отнятію у лютеранъ молитвеннаго дома и къ закрытію богослуженія. Въ 1650 г. іезуиты занесли въ городской магистратъ жалобу, что «своевольные и буйные люди, по наущенію всѣхъ нѣмцевъ августанской конфессіи, запачкали грязью и каломъ образа надъ воротами іезуитскаго монастыря, разбили каменьями и завалили грязью дверь, ведущую въ косцелъ, и клеветами и скверными пасквилями на отцевъ іезуитовъ ‹хотѣли› склонить на свою сторону Жосленскаго старосту, чтобъ онъ защищалъ августанцевъ». Факта кощунства надъ иконами и косцеломъ іезуиты не доказали; въ чемъ состояли клеветы и пасквили на нихъ, также не выяснили; за то они знаютъ желанія и помышленія другихъ: за одно желаніе имѣть защитника своихъ правъ въ магистратѣ, предаютъ на судъ епископа всѣхъ ковенскихъ лютеранъ и, не дожидаясь окончанія суда, просятъ позволенія уничтожить общественныя зданія лютеранъ. Епископъ написалъ на просьбѣ ихъ: ‹требуете, чтобъ сломать спасскій молитвенный домъ! Да кто же изъ св. апостоловъ дѣлалъ это? Это свойственно тому, у кого нѣтъ здраваго смысла. Мыслями св. писанія, ученостію и святостію жизни надо дѣйствовать на противниковъ! Но подымать шумъ изъ-за какой-нибудь ребяческой пакости — вещь глупая и вредная общественному покою! Ужъ тутъ надо имѣть такую пустую голову... шиломъ бы вамъ просверлить голову да мозгу прибавить!... Смотрите, чтобъ впередъ такихъ абсурдовъ не дѣлать!› Какъ ни рѣзко и ни остроумно обличеніе абсурда и клеветы, но трудно вѣрить, чтобы по искреннему убѣжденію и доброй волѣ судъ заступился за неповинныхъ лютеранъ. ‹Вѣдь знаете, написано въ концѣ резолюціи, что со дня на день должно ожидать нашествія шведовъ, а эти трутни (т. е. протестанты) могутъ соединиться съ ихъ силами или бѣжать за границу, гдѣ ужъ и теперь имѣютъ постоянныя сношенія съ Данцигомъ, Кенигсбергомъ и Ригою›.— Не эта-ль близость опасности вызвала правдивыя слова защиты неповинныхъ и пристыжденіе ихъ враговъ? [78]). Но злоба и месть фанатиковъ не утихали. Въ случаѣ неудачи тонкихъ клеветъ и происковъ, они отваживались на самыя грубыя выходки и расправу. Родовитая шляхта и грубая чернь врывались въ церковь и нарочито, во время самыхъ торжественныхъ праздничныхъ богослуженій, съ крикомъ и хохотомъ передразнивали церковное пѣснопѣніе, мѣшали пастору говорить проповѣди и, выходя изъ церкви, кричали бранились отборными позорными словами. Не говоримъ уже о нападеніяхъ на похоронныя и свадебныя процессіи протестантовъ:

эти звѣрскія нападенія, примѣръ которыхъ можно находить лишь въ исторіи гоненій христіанъ отъ язычества и исламизма, производились, не смотря ни на какія рескрипты короля и предупрежденія епископа [79]).

Въ Кіейданахъ, мѣстечкѣ, отстоящемъ въ 47 верстахъ отъ Ковно, и окрестностяхъ кіейданскихъ было нѣсколько лютеранскихъ общинъ и довольно благоустроенныхъ. Первое извѣстіе о нихъ, или собственно о кіейданской общинѣ, находимъ въ привилегіи, дарованной имъ Христофоромъ Христофоровичемъ Радзивилломъ отъ 6 іюня 1633 г., въ силу которой религіи августанской, или лютеранской со всѣми ея послѣдователями: рабамъ и свободнымъ, тузамцамъ, пришельцамъ и чужестранцамъ, находящимся въ Кіейданахъ, предоставлялась такая же свобода въ отправленіи богослуженія, миръ и безопасность, какою пользовались реформатская и католическія церкви, и пожертвовано на вѣчныя времена мѣсто для построенія лютеранскаго храма, подъ погостъ, подъ плебаніальныя постройки, страннопріимную, пѣвческую. Проповѣдникомъ въ то время былъ Адамъ Дановій, человѣкъ испытанной нравственности и съ прекрасною рекомендаціею отъ прусскихъ церквей, откуда онъ вызванъ былъ Христофоромъ Радзивилломъ [80]). Сынъ Христофора Янушъ Радзивиллъ привилегіею, данною отъ 13 февраля 1650 г., подтвердилъ права и преимущества, предоставленныя церкви отцемъ его, и съ своей стороны уступилъ десятину и 10 шестовъ земли подъ постройку церкви, подъ церковные дома (парахію, пѣвческую и страннопріимную) и подъ огороды. При преемникѣ Януша, Богуславѣ и дочери послѣдняго Каролинѣ-Людвигѣ, пока она не вступила во 2-й бракъ съ нейбургскимъ княземъ Карломъ Филиппомъ въ 1687 г., лютеранство было еще довольно распространено въ ихъ владѣніяхъ на Жмуди (въ нынѣшней ковенской губерніи); со времени жъ этого брака Каролины-Людвиги, начинается систематическое преслѣдованіе и истребленіе жмудскихъ протестантовъ [81]).

О виленской и вегровской лютеранскихъ общинахъ имѣемъ свѣдѣнія еще болѣе краткія, отрывочныя, чѣмъ о кіейданскихъ. О виленской лютеранской общинѣ извѣстно лишь то, что отъ вѣротерпимости Владислава она получила дозволеніе возобновить старый каменный домъ, въ которомъ она, со времени прибытія въ Вильно германскаго проповѣдника Виклефа, отправляла богослуженіе, и, если-бъ понадобилось, построить новый, поставить при немъ колокольню съ колоколами, а также починить гошпиталь и кладбищенскую ограду. Вмѣстѣ съ тѣмъ община исходатайствовала себѣ право говорить проповѣди на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, при похоронахъ носить покойниковъ по улицамъ съ обычными церемоніями: пѣніемъ, свѣчами и даже колокольнымъ звономъ [82]). Такими правами и привилегіями и, что всего неожиданнѣе, свободою въ погребальныхъ процессіяхъ пользовались лютеране только въ немногіе годы царствованія Владислава и едва-ли не одни виленскіе. Вегровскую об-

щину (въ области Дрогичина, недалеко отъ Варшавы) доступные для насъ источники открываютъ въ первый разъ въ 1653 году. Около этого времени дотировали ея церковь князья Янушъ и Богуславъ Радзивиллы. Дочь Богуслава, Людвига-Каролина подтвердила дотацію ихъ 27 октября 1693 г. и поручила надзоръ и покровительство надъ вегровскою церковію «патронамъ, инспекторамъ и старѣйшинамъ евангелическихъ церквей въ великомъ княжествѣ литовскомъ». Довольно многочисленный въ 17 столѣтіи приходъ ея состоялъ изъ сосѣдняго дворянства и поселившейся въ Вегровѣ для торговли и ремеслъ черни (Schotten). Богослуженіе отправлялось здѣсь на польскомъ языкѣ [83]). Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія о лютеранскихъ церквахъ Литвы.

Изъ реформатскихъ сборовъ Литвы весьма о немногихъ имѣются обстоятельныя свѣдѣнія, о большей части ихъ попадаются отрывочныя, случайныя упоминанія, отъ многихъ сохранились одни голословныя наименованія, и вообще, данныя для исторіи церквей, сообщаемыя самымъ компетентнымъ въ этой области писателемъ — Люкашевичемъ, очень скудны; большею частію они заимствованны Люкашевичемъ изъ Historia ecclesiarum Slavonicorum Венгерскаго и изъ рукописныхъ реестровъ церквей, составленныхъ въ 1704 и 1754 гг. Нѣсколько отрывочныхъ извѣстій о нихъ разбросано во вновь открытыхъ польско-русскихъ актахъ. Но, при всей скудости и разбросанности тѣхъ и другихъ данныхъ, если ихъ сгруппировать постройнѣе, мы можемъ прослѣдить по нимъ судьбу всѣхъ 180 реформатскихъ общинъ, находившихся во всѣхъ 6 округахъ Литвы. Начнемъ 1) съ центральнаго виленскаго округа.

Вильно приняло сѣмя новаго ученія раньше всѣхъ другихъ литовскихъ городовъ, и первая въ Литвѣ реформатская церковь появилась въ Вильнѣ. Ее построилъ Николай Черный Радзивиллъ въ своемъ дворцѣ (находившемся въ центрѣ города, близъ церкви св. Яна) и выписалъ для нея проповѣдника изъ королевства. Но это была церковь болѣе частная, чѣмъ общественная; на богослуженіе собирались въ нее домашніе, друзья и родственники Радзивилла. Общественный сборъ Радзивиллъ открылъ въ ближайшемъ къ Вильнѣ имѣніи Лукишкахъ (недалеко отъ трокскихъ воротъ), куда нововѣрцы сходились на богослуженіе, какъ со всего города, такъ и изъ сосѣднихъ съ Вильною помѣщичьихъ домовъ. Когда жъ число послѣдователей гельветическаго исповѣданія въ Вильнѣ значительно возрасло, то Радзивиллъ изъ загороднаго имѣнія перевелъ общественныя молитвенныя собранія въ каменный храмъ, на Бернардинской площади (въ 1562 г.), хотя и загородная церковь не оставалась совершенно безъ богомольцевъ. Три года спустя послѣ этого умеръ Радзивиллъ. Обратившійся въ католичество сынъ его Николай Сиротка заперъ церковь во дворцѣ отца (около 1578 г.), и городскія власти

распорядились закрыть каменный молитвенный домъ, на площади. Лишенные храма кальвинисты обратились къ Николаю Красному Радзивиллу [84]). Николай Радзивиллъ въ 1579 г. продалъ имъ плацъ (за 8000 копъ грошей литовскихъ пенязей) и на немъ дворъ, такъ называемый Горностаевскій, «цеклою и деревомъ збудованный и муромъ обточенный», со всѣми приспособленіями для церкви, школы, богадѣльни, для помѣщенія духовныхъ, учителей и церковныхъ служителей. Грамотою Баторія, утверждавшею составленный по этому случаю продажный листъ, евангеликамъ предоставлено право «збудовати домъ къ проповѣданію слова Божія». Но вотъ что грустно. Уступая за ничтожную цѣну плацъ и дворецъ, князь Радзивиллъ долженъ былъ клясться, что онъ отдаетъ ихъ по доброй волѣ, а не по наущенію, и безъ умысла («не будучи до того ни отъ кого намовенъ, иле умысльне, водлугъ, т. е. въ силу правъ и вольностей нашихъ»), и другихъ заклинаетъ, что если кто изъ теперешнихъ евангеликовъ или ихъ потомковъ отступитъ къ «иншей кольвекъ вѣрѣ», то онъ не долженъ предъявлять никакихъ правъ собственности на церковныя эти имущества и предвосхищать ихъ себѣ (какъ это дѣлали отступники православія уніаты съ церквами и монастырями православныхъ), и что никто не смѣетъ употреблять земли и зданія церковныя на другія какія-либо потребности, чуждыя интересовъ самого сбора евангеликовъ и проповѣданія въ немъ слова Божія [85]). Видно, что богослужебная свобода евангеликовъ гарантируется королемъ только для виду, для соблюденія формальности, потому что нельзя обойти требованія статута о правахъ и вольностяхъ литовскихъ пановъ, нельзя не уступить настойчивости сильнаго вельможи, но и это справедливое требованіе исполняется съ ограниченіемъ, подъ клятвою, что въ немъ нѣтъ никакого умысла, наущенія. И Радзивиллъ уже ясно видитъ, что отъ слова до дѣла, отъ изданія закона до его исполненія еще далеко; своеволіе, безправность, раздѣленіе на ся уже начинали обнаруживаться въ злосчастномъ государствѣ. Великодушный Радзивиллъ уже опасается какъ за совершенное отнятіе анархіею жертвуемыхъ имъ земель и зданій, такъ и за расхищеніе ихъ по частямъ и употребленіе вопреки назначенію. Опасенія Радзивилла скоро оправдались. 2-го іюля 1611 г. необузданные іезуитскіе школьники напали на сборъ, ограбили всю утварь и библіотеку, проповѣдниковъ избили, изувѣчили, а одного выбросили въ окно и сожгли храмъ, школу и всѣ церковныя зданія [86]). Немного ранѣе (въ 1603 г.) принадлежавшее сбору имѣніе Кенъ со всею его движимою и недвижимою собственностію отнято было самимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою [87]). Безсильные предъ властелиномъ, старѣйшины церковные пожаловались въ трибуналъ на іезуитскихъ школьниковъ. Магистратъ, состоявшій тогда изъ значительнаго числа кальвинистовъ, приказалъ схватить виновныхъ и присудилъ ихъ къ смерти. Но по настоянію

іезуитовъ Сигизмундъ III объявилъ приговоръ трибунала недѣйствительнымъ и, не смотря на неоднократные протесты кальвинистовъ, преступленіе осталось не наказаннымъ. Вскорѣ кальвинисты на мѣстѣ уничтоженныхъ церковныхъ зданій построили новыя [88]). Но чрезъ 20 лѣтъ, по случаю приключенія съ Ноннами (о которомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ), новая церковь, школы были запечатаны, имущество ихъ снова разграблено [89]), церковь внѣ города, предъ трокскими воротами также закрыта, запечатана. Въ правленіе Яна III Собѣскаго загородная церковь была отпечатана и нѣкоторое время пользовалась безопасностію и спокойствіемъ, хотя и въ это царствованіе не было недостатка въ преслѣдованіяхъ. Въ 1682 г. 2-го апрѣля запечатанную городскую церковь постигла жестокая участь. Іезуитскіе школьники, подговоривъ болѣе тысячи гражданъ различныхъ цеховъ и множество вооруженныхъ воиновъ, съ стѣнобитными машинами, бердышами, топорами, саблями, сѣнными вилами ворвались рано утромъ въ церковныя ворота и бросились одни въ церковь и на колокольню, другіе въ жилища проповѣдниковъ, и — всѣ суммы, серебро, золото, украшенія, колокола, книги — все отнято, ограблено. Потомъ начался штурмъ самой церкви, колокольни, капеллъ, частныхъ жилищъ и стѣнъ ограды: цѣлый день стучали молоты, машины и все сравняли съ землею. Камни и памятники съ гробовъ фанатики стащили и разбросали. Трупы, лежавшіе въ могилахъ десятки-ли лѣтъ или нѣсколько дней, обнажали и оббирали до послѣдней нитки, били объ камни, сушили на огнѣ и сожигали. Персты, съ которыхъ нельзя было снять кольца, отсѣкали. Грабежамъ, насилію и другимъ ужасающимъ злодѣяніямъ не было конца. Въ ужасѣ отъ этихъ неистовствъ проповѣдники спѣшили укрыться въ гробахъ между мертвыми, чтобы тамъ какъ-нибудь спасти себѣ жизнь. Несчастныхъ выволокли оттуда, поставили предъ костромъ и полуживыхъ, еле дышащихъ отъ страха хотѣли бросить въ огонь. Но «какіе-то богобоязненные мужи» спасли ихъ. Въ слѣдующее утро разъяренная толпа бросилась въ загородное имѣніе Радзивилла, загородную церковь разрушила до основанія, все разграбила, раззорила и всѣ приготовленные для постройки матеріалы: желѣзо, балки, свинецъ, кирпичъ увезли и распродали. Нѣкоторые изъ раззорившихся искали защиты и удовлетворенія у ректора виленской академіи, но ректоръ и префектъ академіи только распорядились, чтобъ ихъ питомцы-грабители не забывали впередъ подѣляться своею добычею съ начальниками. 9 мая 1682 г. обиженные принесли жалобу въ трибуналъ и представили реестръ понесенныхъ во время раззоренія убытковъ. По настоянію просителей, жалоба и реестръ внесены въ книги трибунала, но не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ (10 августа 1682 г.). Прежде чѣмъ начать слѣдствіе, открылись длинныя и горячія пренія о томъ, какой судъ, или трибуналъ и по какимъ законамъ долженъ судить настоящее

дѣло. Католическая партія требовала, чтобы гг. диссиденты перенесли свое дѣло на судъ короля и просили декрета инквизиціи и указа къ коммиссарамъ и свидѣтелямъ. Волею не волею диссиденты должны были согласиться на такой судъ. Выслушаны были 16-ть свидѣтелей, по принятіи ими присяги. Всѣ они точно, обстоятельно и другъ съ другомъ совершенно согласно показали, кто именно, когда раззорили церковныя зданія и частныя жилища, кто раскопалъ склепы, вытаскивалъ трупы, кто именно и какія вещи похитилъ, и — судъ наконецъ постановилъ: обратиться съ увѣщаніями къ отцамъ іезуитамъ, ректору и префекту академіи, чтобы господа академики воздерживались отъ подобныхъ дѣйствій. А коль скоро противъ церкви у трокскихъ воротъ, которая тамъ на форштадтѣ опять можетъ быть построена, (и только противъ этой одной!) замыслитъ кто нибудь тревогу или нападеніе, то, при первой вѣсти о томъ, всѣ, находящіяся въ городѣ и его предмѣстьи присутственныя мѣста и, преимущественно, благородный виленскій магистратъ всѣми силами должны предотвращать такое нападеніе, проповѣдниковъ протестантской религіи не притѣснять, но защищать ихъ, а возмутителей общественнаго покоя наказывать пенею въ 3000 золотыхъ дукатовъ или злотыхъ и деньги отсылать въ казну его величества. Постановленіе это послано для конфирмаціи королю.

Пока тянулся процессъ, евангелическое богослуженіе въ Вильнѣ нѣсколько лѣтъ отправлялось во дворцѣ князей Радзивилловъ Красныхъ, или Биржецкихъ. Потомъ на пожертвованія, собранныя внутри страны и въ чужихъ краяхъ, вновь построены были (около 1690 г.) церковь. школа, гошпиталь и домы для проповѣдниковъ. Всѣ зданія были деревянныя. Богослуженіе въ новой церкви совершалось на польскомъ языкѣ. У проповѣдника было два помощника. Членовъ общины въ самой столицѣ стало уже немного. Дворянъ было не совсѣмъ мало, но они не всегда собирались на проповѣдь и молитву. Содержаніе для церкви и служащихъ въ ней получалось изъ процентовъ съ 70000 польскихъ гульденовъ, положенныхъ на этотъ предметъ княземъ Николаемъ Радзивилломъ Краснымъ [90]).

Итакъ, въ Вильнѣ, въ теченіе почти ста лѣтъ, было два реформатскихъ сбора, а съ 1640 г. существовалъ, и то не всегда, одинъ сборъ.
3. Въ окрестностяхъ Вильны, въ деревни Цуправи, былъ реформатскій сборъ, въ пользу котораго подарена Радзивиллами и самая деревня. Деревня эта, съ принадлежащею къ ней мызою, была оброчною статьею. доставлявшею содержаніе (по 600 гульденовъ или польскихъ злотыхъ) не только цупранскому, но и виленскому проповѣдникамъ. Цупранская церковь и ея община (приходъ, авдиторія) была одна изъ древнѣйшихъ, благоустроенныхъ и многолюдныхъ. Въ 1704 г., община была еще довольно многолюдна и считала въ числѣ своихъ членовъ самыхъ

именитыхъ и богатыхъ вельможъ: Абрамовича, Каміенскихъ, Цаблокъ, Вароковскаго, Зареда-Канцевича и проч.[91]). Но, по причинѣ разныхъ невзгодъ и истребленія пожаромъ деревни, церковь цупранская существовала не далѣе 1782 г. 4. Въ трехъ верстахъ отъ Вильны, въ мѣстечкѣ Риконти, по ковенской дорогѣ, господиномъ Талвочемъ съ супругою построена была реформатская церковь. Вскорѣ, по смерти ктиторовъ (въ 1630 г.), церковь со всѣми угодьями перешла къ католику Огинскому, а отъ него къ доминиканцамъ. Но отцы доминиканцы цѣлое почти столѣтіе не отправляли въ ней богослуженія изъ суевѣрнаго страха: потому что всякій изъ нихъ, кто осмѣливался совершить въ ней миссу, скоро же будто бы умиралъ. Причиною суевѣрнаго страха могло быть то обстоятельство, что тѣла ктиторовъ, погребенныя въ пещерѣ подъ хорами церкви, лежали нетлѣнными, не гніющими: они до того высохли, окостенѣли, что безъ малѣйшаго поврежденія и съ необыкновенною легкостію можно было поднимать ихъ вверхъ[92]). Какъ бы то ни было, но, простоявъ столѣтіе праздною, безъ богослуженія, церковь уступлена была реформатамъ, которые надъ гробомъ съ неистлѣваемыми останками построили (около 1713 г.) алтарь. Стоя на возвышенномъ и красивомъ холмѣ, церковь эта отличалась изящною наружною архитектурою. Но внутренность, даже по реставрированіи ея, представляла пустоту и убожество: вновь построенный алтарь былъ самый простой, бѣдный, сбитый изъ однѣхъ досокъ и окрашенный небесно-голубымъ цвѣтомъ. Вмѣсто креста и священныхъ изображеній былъ нарисованъ на немъ двуглавый орелъ[93]). 5. Въ Сморгони, 6. Свіетѣ и 7. Серейѣ, неизвѣстно когда построенныя, церкви отняты были католиками, первая еще въ 16 столѣтіи, вторая и третья около роковаго 1664 года; первыя двѣ безвозвратно, а третья вмѣстѣ съ городкомъ Серейя отошла къ прусскому королю, подъ его державною защитою пользовалась безопасностію и существуетъ до настоящаго времени[94]). 8. Въ Промьечѣ, имѣніи Пакоча, церковь, имъ построенная и хорошо дотированная, надѣленная для содержанія проповѣдника нѣсколькими гуфами земли, 4 крестьянами и неприкосновеннымъ капиталомъ въ 320 гульденовъ ежегоднаго процента, позднѣе другихъ отнята католиками (въ 1757 г.). Но ея община скоро же обезлюдѣла. Въ началѣ 18 вѣка ее составляли Пакочъ съ семействомъ, Воланъ и Чверинъ[95]). 9. О церкви въ Помучѣ подъ 1706 г. встрѣчается извѣстіе, что она подверглась нападенію фанатиковъ въ своемъ родѣ весьма характеристичному, во-очію показывающему, что иногда одного набѣга пьяной компаніи достаточно было, чтобъ вдругъ расхитить все имущество церковное и частное и подвергнуть страшной опасности жизнь и безопасность мирныхъ обывателей[96]). 10. Въ Дубинкѣ и 11 Вицуни, церкви построены были знаменитыми Радзивиллами: въ Дубинкѣ Николаемъ Краснымъ — деревянная и внукомъ

его Янушемъ Христофоровичемъ — каменная, существовавшая до 1704 г., а можетъ быть и нѣсколько позднѣе. Оба Радзивиллы здѣсь и погребены: первый въ 1588 г., второй въ 1620 [97]). Въ Вицуни сборъ основанъ сыномъ Николая Краснаго, Христофоромъ Николаевичемъ, который и погребенъ здѣсь въ 1603 г. Около 1664 г. вицунская церковь отнята была у кальвинистовъ католиками, возвращена около 1715; въ кіейданскомъ спискѣ церквей 1732 г. она не упоминается [98]). 12. Въ городѣ Гольшанскѣ, или Ольшанскѣ, резиденціи князей Ольшанскихъ, именитые эти князья, предки которыхъ въ 13 вѣкѣ были самостоятельными великими князьями, обратили католическую церковь въ кальвинскій сборъ (въ 16 в.). Но, по выходѣ княгини Ольшанской за мужъ за Богдана Сапѣгу, при сынѣ ихъ Павлѣ, штальмейстерѣ литовскомъ, католики постарались захватить себѣ эту церковь [99]). 13. Въ Осціанѣ, наслѣдственномъ имѣніи Дорогостайскихъ, и 14. Осціанѣ, областномъ городкѣ Радзивилловъ, сборы были построены мѣстными этими владѣльцами [100]). 15. О церкви въ Сцилаки, гдѣ жили виленскіе консеньеры, только подъ 1755 г. встрѣчается краткое сказаніе и, по обычаю, печальное: помѣстье, которое нѣкогда подарено было ей ея основателемъ и состояло изъ лѣсовъ, луговъ и пахатной земли, было уже захвачено сосѣднимъ дворянствомъ; общину ея въ это время составляли Александръ Рихлицкій и нѣсколько благородныхъ женщинъ; построилъ [101]) же ее г. Талворцъ. 16. О церквахъ въ Бальверцинскѣ и 17 въ Оманѣ попадаются упоминанія въ сказаніяхъ нач. 18 вѣка [102]).

Итакъ, изъ 17 церквей главнаго центральнаго округа только одна цупранская (3-я) продлила свое существованіе до конца 18 столѣтія, восемь церквей: двѣ въ Вильнѣ, Риконти (4-я), Сморгони (5-я), Свіетѣ (6-я), Серейѣ (7-я), г. Промьечѣ (8-я), Помучѣ (9-я) отняты и разрушены были католиками и большею частію навсегда и безвозвратно (1, 2, 4 и 5 въ концѣ 16 и въ началѣ 17 столѣтія, 6-я и 7-я въ 1664 г., 8-я и 9-я въ началѣ 18 столѣтія); пять церквей: въ Дубинкѣ, Вицуни, Ольшанскѣ и въ двухъ Осціанахъ (10 — 14), которыя должны бы имѣть такую же извѣстность какою пользовались ихъ основатели — Радзивиллы обѣихъ линій, Ольшанскіе и Дорогостайскіе, (особенно-жъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ хранились смертные останки отца, сына и внука — Радзивилловъ) одна церковь въ Сцилаки (15-я), при которой находились консеньеры округа, и двѣ церкви, находившіяся въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ Бальверцинскѣ (16-я) и Оманѣ (17-я), а всего восемь церквей остаются почти неизвѣстными. Эта безвѣстность ихъ судьбы, это молчаніе о нихъ историческихъ памятниковъ наводитъ на мысль, что общины ихъ были слишкомъ малолюдны, бѣдны, чтобъ останавливать на нихъ вниманіе историческихъ повѣствованій, или же, вскорѣ по основаніи своемъ, онѣ подверглись обыч-

ной печальной участи церквей, т. е. или безвозвратно отняты были католиками, или варварски раззорены, истреблены ими.

II. О церквахъ округа по ту сторону Вильны можно собрать весьма немного данныхъ. 1. Въ городѣ Биржецъ, на границѣ Курляндіи, кальвинскій сборъ основалъ и дотировалъ Николай Красный Радзивиллъ, расширилъ и обновилъ сынъ его Христофоръ Николаевичъ Перунъ, построившій сильную крѣпость въ Биржецѣ и при ней арсеналъ. Въ 1640 г. въ этомъ храмѣ погребенъ второй сынъ Христофора Николаевича, Христофоръ Христофоровичъ Радзивиллъ, великій гетманъ литовскій. Въ 1704 или 1705 г., во время нашествія Карла XII, всѣ церковныя зданія были сожженны, жители разсѣялись по деревнямъ. Но вскорѣ они собрались въ родной Биржецъ и, благодаря иноземной помощи, снова отстроились здѣсь. Много бурь и невзгодъ пронеслось и надъ этою историческою, традиціонною мѣстностью, но она перенесла превратности судьбы не безъ побѣды, не безъ тріумфа. Съ начала 18 столѣтія ея сборъ сдѣлался первою каѳедральною церковію въ области, а самъ Биржецъ сталъ оплотомъ всѣхъ литовскихъ протестантовъ. Въ Биржецѣ находилась каѳедра сеньера, который имѣлъ у себя адъюнктами: ректора школы въ духовномъ санѣ и лекторовъ, или учителей школы. Гдѣ было мѣстопребываніе консеньера, не извѣстно. Община биржецкая была въ нѣсколько тысячъ, и едва-ли не самая многолюдная во всей Литвѣ. Богослуженіе для нея совершалось на польскомъ и литовскомъ языкахъ [103]).

2—8. Въ Новоміасто и Бойнаровѣ, имѣніяхъ князей Радзивилловъ, въ деревушкахъ Попьелѣ и Радзивилловкѣ, въ городѣ Соломіечѣ и деревнѣ Свіадожвѣ, принадлежавшихъ тѣмъ же Радзивилламъ, построены были церкви этими повсемѣстными покровителями протестантовъ, вѣроятно еще въ 16 столѣтіи. Проповѣдники въ нихъ получали жалованье и пенсію изъ щедрой Радзивилловской казны. Изъ перечисленныхъ церквей судьба первой, а равно церкви, находившейся въ Хлѣбовѣ, остается совершенно неизвѣстною; (о хлѣбовской церкви извѣстно лишь то, что проповѣдникъ ея присутствовалъ на торунскомъ соборѣ 1595 г.) бойнаровская существовала менѣе всѣхъ, — не много долѣе 1704 г., попьельская и радзивилловская долѣе всѣхъ, за 1754 годъ, о соломьечской свіадожской въ послѣдній разъ упоминается подъ 1734 годомъ, съ присовокупленіемъ слѣдующаго печальнаго эпизода. На соломіечскую церковь въ 1729 г. сдѣлалъ нападеніе доминиканецъ изъ монастыря Полявендца съ толпою собравшейся на ярмарку черни; деньги, украшенія ограбилъ, церковныя книги сжегъ, скамьи, жертвенникъ и каѳедру разбилъ въ дребезги; затѣмъ раззорилъ и ограбилъ пасторатъ, и пасторъ съ женою бѣгствомъ едва спасли свою жизнь. Но вскорѣ по разгромѣ храмъ въ Соломьечѣ былъ возстановленъ и въ 1734 г. къ нему приписана свіадожская церковь [104]). 9. Такимъ же преслѣдованіямъ и раззоренію под-

верглась церковь въ Линковьецѣ. Когда владѣльцы его, Пущины отступили отъ вѣры, у ней отняты были деревня и все достояніе и оставлены были однѣ стѣны. Но такъ какъ при ней оставалось еще нѣсколько кальвинистовъ, то къ нимъ по временамъ пріѣзжалъ проповѣдникъ изъ Швабисцки. Такъ по крайней мѣрѣ было въ 1704 году [105]). Наконецъ въ Завилейскомъ округѣ позднѣе 1754 года, находимъ еще двѣ церкви 10 и 11 въ Швабисцки и Плоніани. При первой было сто крестьянъ, подвластныхъ господину Швабу, изъ которыхъ 20 человѣкъ принадлежало пасторату. При второй въ 1704 г. община была очень малолюдна и потому она (ранѣе 1754 г.) приписана была къ швабисцкой церкви [106]).

Итакъ въ главный городъ Завилейскаго округа, въ Биржецъ (1) перенесенъ изъ Вильны центръ литовскаго кальвинизма, и всѣ церкви округа, если не включать сюда неизвѣстныя въ исторіи новоміастскую (2-ю) и хлѣбовскую, (3-ю) существовали до половины 18 столѣтія, переживъ всѣ бури 17 вѣка. Но если центръ тяжести кальвинизма поколебленъ и ниспроверженъ въ столицѣ Литвы, то едва-ли онъ проченъ и устойчивъ былъ на окраинѣ ея, и самое существованіе всѣхъ церквей округа не одинъ-ли счетъ и призракъ? Что девять церквей сохранили свое существованіе послѣ бурь 17 вѣка, современныя сказанія отмѣчаютъ это, какъ фактъ чрезвычайной рѣдкости. Гораздо важнѣе и грустнѣе обратная сторона факта. Двѣ церкви, остающіяся неизвѣстными, (2-я и 3-я), навѣрно забраны, уничтожены врагами, двѣ приписныя свіадожская и плоніанская (7-я и 11-я) и всѣ остальныя, со всѣми ихъ общинами, много претерпѣвшія отъ злобы и изувѣрства, вѣроятно такъ обѣднѣли, обезлюдѣли къ концу 18 вѣка, что едва влачили свою тяжелую жизнь.

III) Въ новогрудскомъ округѣ было 13-ть церквей. 1 и 2 Первенствующее мѣсто здѣсь занимали не Новогрудокъ, главный городъ округа, и не новогрудская церковь, которая, появившись въ концѣ 16 столѣтія, съ начала 17 безслѣдно исчезаетъ; церковно-административнымъ центромъ округа, мѣстопребываніемъ его сеньеровъ былъ сильно укрѣпленный городъ Слуцкъ, родина и резиденція князей Олельковичей-Слуцкихъ. Князья эти издревле принадлежали къ православной церкви, и ихъ городъ долго былъ русскимъ православнымъ городомъ. Но когда послѣдняя наслѣдница Олельковичей Софья Егоровна вышла замужъ за князя Януша Радзивилла, капеллана виленскаго (въ концѣ 16 вѣка), Слуцкъ становится сначала протестантскою, а потомъ іезуитскою колоніею. Первая гельветическая церковь въ Слуцкѣ передѣлана, кажется, изъ католической. И потому, хотя и поздо (въ 1709 г.), она отнята была католиками. Лишившись храма, слуцкіе евангелики принялись за постройку новаго и, не смотря на враждебный указъ, выхлопотанный епископомъ Прцостовскимъ, довели постройку до конца. Не смотря на всѣ невзгоды

и притѣсненія іезуитовъ, церковь устояла и пережила паденіе Польши. При сеньерѣ ея жили два проповѣдника, которые были помощниками его по управленію округомъ. Всѣ трое съ капитала, положеннаго княгинею Каролиною-Людвигою Радзивиллою, получали въ годъ процентовъ 2184 польскихъ гульденовъ. Богослуженіе отправлялось ими на польскомъ языкѣ. Прихожанами ихъ были: ополячившіеся хлопы (Schotten), чиновники, домашняя прислуга князей Радзивилловъ и сосѣднее дворянство, напр. Ньезабидовскій, Оледцкій, Оттенгаусъ, Волкъ и другіе. Слуцкіе Shotten въ 17 столѣтіи славились богатствомъ и предпріимчивостію: съ своими товарами ѣздили въ отдаленныя мѣста Польши, Россіи и Германіи [108]). 3. Біеликка, резиденція консеньеровъ новогрудскихъ, а съ половины 17 вѣка мѣсто собранія генеральныхъ синодовъ, еще съ 1553 г. имѣла гельветическій храмъ, построенный Николаемъ Краснымъ Радзивилломъ, или можетъ быть передѣланный имъ изъ костела. Въ началѣ 18 вѣка церковь здѣсь была деревянная. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ церквей, которыя пережили политическое существованіе Польши. Ея проповѣдникъ — консеньеръ получалъ 450 гульденовъ ежегоднаго дохода и владѣлъ фольверкомъ съ 6 крестьянами [108]).

О другихъ церквахъ этого округа сохранилось нѣсколько позднѣйшихъ свѣдѣній, относящихся къ 18 вѣку, и только объ одной — къ половинѣ 17 столѣтія. 4. Сравнительно древняя эта церковь находилась въ Осташинѣ, фундушѣ г. Швейковскаго. О ней и ея проповѣдникѣ Павлѣ Зарновицкомъ упоминается въ первый разъ подъ 1653 г. Въ 1704 г. она имѣла много прихожанъ, въ числѣ которыхъ были и именитыя фамиліи: Римша, Оледскій, Домброва, Волкъ, Сіостранцевичъ, Домаскавскій и т. д. Судьба этой церкви находилась въ безусловномъ распоряженіи мѣстныхъ владѣльцевъ. Патроны Швейковскіе перешли въ католичество, — церковь едва не отнята была у кальвинистовъ. Оттенгаусъ и Гюнтеръ женились на Швейковскихъ, — и она безопасно продолжала свое существованіе и уцѣлѣла до настоящаго времени. Проповѣднику патронъ платилъ по 600 гульденовъ въ годъ [109]). 5. Въ Копійлѣ, и 6. Орловѣ, имѣніяхъ Радзивилловъ, въ началѣ 18 столѣтія были деревянныя церкви. При копійловскомъ сборѣ въ 1704 г. община была не малочисленная (mässiges); проповѣдникъ получалъ 480 гульденовъ изъ процентнаго вклада г. Свислочи. Церковь эта также существуетъ въ настоящее время. При орловскомъ сборѣ въ 1715 году прихожанами состояли Чичъ, Покославскій и т. д.; проповѣдникъ имѣлъ восемнадцать крестьянъ. О церкви этой и ея проповѣдникѣ Янѣ Ванновскомъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1754 г. [110]). 7. Церковь въ Любечѣ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, насчитываетъ какихъ-либо 40 лѣтъ своего существованія. Впервые упоминающій о ней реэстръ 1704 г. замѣчаетъ, что приходъ ея именитый, состоящій изъ Оттенгауса, Калин-

ски, Гицберта (auditorium ist schön), и проповѣдникъ изъ помѣщичей казны получаетъ въ годъ 400 гульденовъ. Въ 1730 г. церковь злодѣйски сожжена коммендаромъ Понкквицкимъ, при чемъ фанатикъ разбилъ предварительно столъ, на которомъ совершались св. тайны, проповѣдническую каѳедру и скамьи для богомольцевъ [111]); но община и проповѣдникъ оставались, по меньшей мѣрѣ, до 1754 г., въ которомъ пріѣзжаго проповѣдника изъ Любеча видимъ въ Зарайи. 8. Въ Ньезутичѣ, фундушѣ Фраккъевича, и 9. Лоховичѣ, владѣніи Ходкевича, существовали сборы до совращенія въ католичество мѣстныхъ владѣльцевъ. Когда разрушена лаховичская церковь, неизвѣстно. Въ Ньезутичѣ сперва около 1715 г. не стало проповѣдника, а потомъ вскорѣ разрушена и самая церковь [112]). 10. Въ Кошеньевѣ, у господъ Фраккъевичей, была въ 1715 г. домашняя церковь, проповѣднику которой они платили по 120 гульденовъ и подарили полосу земли съ 8 крестьянами [113]). 11—13. Наконецъ въ новогрудскомъ округѣ находимъ три приписныхъ церкви: въ Зарайи, принадлежавшую къ Любечу, въ Мокцульнѣ, приписную къ Орлу, и въ Ойнаровичѣ, причисленную къ Кайданову. О первомъ въ первый разъ упоминается въ извѣстіяхъ 1704 года, о второмъ въ 1715 г. и о третьемъ въ 1754 г. Мокцульнскій въ 1733 г. отнятъ былъ у кальвинистовъ, въ Зарайи въ 1754 г., вмѣсто церкви, стояла малая капелла, въ которую одинъ разъ въ годъ пріѣзжалъ для богослуженія проповѣдникъ изъ Любеча [114]).

Вообще церквамъ новогрудскаго округа болѣе посчастливилось, чѣмъ виленскимъ и завилейскимъ. Два древніе и главные сбора округа, основанные еще въ 16 столѣтіи — слуцкій (2-й) и біеликкскій (3-й) пережили политическое существованіе Польши. Изъ позднѣйшихъ церквей, о которыхъ впервые упоминается въ извѣстіяхъ 18 вѣка, двѣ уцѣлѣли до настоящаго времени въ Осташинѣ (4-я), Копійлѣ (5-я) (изъ которыхъ, впрочемъ, одна долго переходила отъ протестантовъ къ католикамъ и наоборотъ), и двѣ — орловская (6-я) и любечская община (7-я), сохранились до половины 18 вѣка. Словомъ, почти половина церквей округа (6) пережила погромы не только 17, но и первой половины 18 вѣка. Другая-жъ половина церквей (7-мь), по обыкновенію, была отнята латинянами, обезлюдѣла, обнищала, но большею частію не въ 16 и 17 столѣтіи, какъ большинство церквей другихъ округовъ, но въ первой половинѣ 18 вѣка: новогрудская (1-я) разрушена католиками въ началѣ 17 вѣка, ньезутичская (8-я) въ началѣ 18, и лаховичская (9-я) въ неизвѣстное точно время; кошеньевская (10-я) сдѣлалась домашнею въ началѣ 18 в.; заройская (11-я), мокцульская (12-я) и ойнаровичская (13-я) — приписными, (двѣ въ нач. 18 в., а вторая мокцульская въ 1733 г. отнята католиками) третья съ половины 18 в.

IV. Въ округѣ Подляхія было 14 церквей 1. Въ Радзивилловскомъ городкѣ Цабкудовѣ еще съ 16 вѣка находилась каѳедральная церковь, настоятель которой состоялъ всегда сеньеромъ Подляхіи. При сеньерѣ было два помощника изъ учителей школы, которые всѣ въ 1704 году владѣли еще мызою съ 12 крестьянами, но прихожанъ было уже мало, нѣсколько хлоповъ и пришлая шляхта. Проповѣдники получали жалованье незначительное [115]). 2) Въ Докудовѣ находилось мѣстопребываніе консеньера Подляхіи. Въ томъ же 1704 году реформатовъ немного оставалось при докудовской церкви. Консеньеръ владѣлъ 8 крестьянами и полосою земли [116]). Самые древніе и замѣчательные сборы въ Подляхіи находились не при каѳедрахъ сеньера или консеньера, но въ отдаленныхъ гродненскихъ городкахъ—Сидрѣ и Вегровѣ. 3. Въ Сидрѣ, деревушкѣ или городкѣ на гродненской дорогѣ, князья Головчинскіе еще въ 16 столѣтіи построили сборъ и богато дотировали его. Отъ Головчинскихъ Сидра перешла къ Волочамъ и Потоцкимъ. Тѣ и другіе обезпечили содержаніе церкви денежнымъ фондомъ, а на содержаніе проповѣдника, школы и гошпиталя подарили двѣ деревни, съ достаточнымъ количествомъ земли и крѣпостными. Чтобъ суетные земледѣльческіе труды не отвлекали проповѣдника отъ прямыхъ и священныхъ его обязанностей, Потоцкій присоединилъ деревни къ своимъ имѣніямъ, а проповѣднику доставлялъ готовую провизію или уплачивалъ за землю наличными деньгами. Когда жъ дочь Потоцкаго вышла замужъ за подканцлера литовскаго Чуцкаго, и Сидра съ сборомъ достались въ приданное католику, проповѣдникъ наравнѣ съ простымъ поселяниномъ долженъ былъ жить обработкою земли, деревня, пасторатъ, садъ, принадлежавшій пасторату, все было отнято и продано гражданамъ. Самую жъ церковь только ходатайство короля прусскаго спасло отъ раззоренія. По написанному по этому поводу письму сидрскихъ кальвинистовъ, она имѣла хорошій приходъ изъ благородныхъ фамилій; всѣ зданія ея были прочны, красивы. Послѣднее и къ тому-же печальное извѣстіе о ней и ея общинѣ, объ обѣдненіи и малочисленности послѣдней относится къ 1704 году. 4. Церковь въ Пьетуховѣ, о которой упоминаетъ Венгерскій въ нач. 18 в., кажется, была приписною къ сидрской [117]). 5. Извѣстный намъ изъ исторіи лютеранскихъ церквей Вегровъ принадлежалъ сперва Кишкамъ, потомъ Радзивилламъ Бирженцкимъ. Въ половинѣ 16 столѣтія здѣсь появились церковь и школа гельветическаго исповѣданія. Около 1565 г., когда здѣшніе проповѣдники Мартинъ Кровицкій и Петръ Коньядцкій приняли социніанство, храмъ и школа поступили въ собственность социніанъ [118]). Въ замѣнъ потерянной церкви, вегровскіе кальвинисты, по свидѣтельству Фризе [119]), овладѣли католическимъ костеломъ, который однакожъ въ 1630 г. возвратили католикамъ. Набожный Христофоръ Христофоровичъ Радзивиллъ, при содѣйствіи благочестивыхъ му-

жей Мартина Оборскаго и Яна Рекальскаго, построилъ новый деревянный храмъ. Въ 1641 году племянникъ Христофора, Богуславъ Радзивиллъ ратифировалъ всѣ учрежденія (die Einrichtungen), созданныя при церкви его предшественниками. Пока вегровская церковь состояла подъ покровительствомъ сильныхъ Радзивилловъ, католическое духовенство не смѣло притѣснять ее; но когда Богуславъ продалъ Вегровъ (около 1664 года) унтершатцмейстеру (Unterschatzmeister) королевства, а впослѣдствіи полоцкому воеводѣ Кразинскому, начались гоненія на церковь и ея проповѣдниковъ. Проповѣдники Суисцковскій, Стирцынскій вынуждены были оставить паству и бѣжать. Въ 1678 г. церковь была сожжена. Предъ самымъ даже сожженіемъ своимъ она была очень обширна, богата и красива. На башнѣ ея находились часы съ боемъ, видные и слышные для всего города. На паперти или портикѣ висѣли недешево стоившіе колокола. Выстроенную (въ 1679 г.) на мѣстѣ сожженной новую церковь (простенькую деревянную) епископъ Луцкій Витвицкій запечаталъ, и кальвинисты вынуждены были отправлять свое богослуженіе въ частномъ пасторатскомъ домѣ. Владѣлецъ Кразинскій, опасаясь, какъ бы богатые купцы и ремесленники, послѣ такихъ преслѣдованій, не выселились изъ его города и тѣмъ не подорвали торговлю и благосостояніе въ краѣ, открылъ запечатанную церковь и отдалъ ее реформатамъ. Но епископъ велѣлъ своимъ коммисарамъ снова запереть ее и отрѣзать веревки отъ колоколовъ. Храмъ четыре года стоялъ безъ богослуженія. Наконецъ тотъ же Кразинскій и въ тѣхъ же разсчетахъ собственною властью открылъ церковь, и католическое духовенство не осмѣливалось болѣе закрывать ее, но мстило кальвинистамъ подъяческими придирками и мелочными стѣсненіями [120]). Въ 1784 г., когда храмъ обветшалъ и угрожалъ паденіемъ, лютеранская община въ Варшавѣ поправила его на собственныя средства и построила домъ для постара [121]).

6. Въ городкѣ Радзивилловскомъ Орлѣ въ началѣ 18 вѣка отобрано было помѣстье отъ церкви. Проповѣднику не чѣмъ стало жить, и потому консеньеръ Подляхіи по временамъ пріѣзжалъ сюда. Полузапустѣлая церковь эта не менѣе богатыхъ и состоятельныхъ церквей подвергалась хищничеству, преслѣдованіямъ и гоненіямъ. Напр. въ 1726 г., когда хотѣли повѣсить въ ней новые колокола, епископъ Луцкій разломалъ церковь и колокола сжегъ. Въ 1754 г. уже не стало ея [122]).

7—9. Въ Ямно, Ньепокойчицкѣ и Нурзекѣ неизвѣстно, когда основаны сборы. Въ Ямно въ 1643 г. Венгерскій находитъ уже проповѣдника Якова Стулихія, который замученъ былъ до смерти іезуитскими школьниками въ Брестѣ. По рукописному реэстру 1704 г., слушателей или прихожанъ въ Ямно было мало, доходы проповѣдника весьма скудные. Однакожъ община существовала до 1754 г. Въ Ньепокойчицкѣ, фундушѣ г. Райскаго, и Нурзекѣ, владѣніи Петра Кохлевскаго, проповѣд-

янки получали содержаніе отъ патроновъ, нурзекскій 400 гульденовъ въ годъ, ньепокойчицкій имѣлъ нѣсколько крестьянъ. Въ 1704 г. служителей у того и другаго оставалось уже мало. Въ 1724 г. ньепокойчицкая церковь, по приказанію луцкаго епископа Рунніовскаго, была запечатана, нурзекскую католики также хотѣли отнять, но кальвинисты аппеллировали на имя самого Августа II и, кажется, спасли храмъ. Въ 1754 году та и другая церковь приписаны были къ ямнской [123]).

Въ 10, Біалѣ, или Бялахъ не позднѣе 1556 г. и въ 11, Мордьи самимъ Николаемъ Радзивилломъ Чернымъ основаны были церкви. Но вскорѣ онѣ отошли къ социніанамъ. Мордская церковь обращена въ социніанскую, при проповѣдникѣ Янѣ Фалконіусѣ, который сдѣлался также антитринитаріемъ и впослѣдствіи сталъ извѣстенъ исторіею литовскихъ церквей [124]). 12. Въ Иказньѣ, помѣстьѣ Прунскихъ или Страбонскихъ, и 13. Сьеміатичѣ, принадлежавшемъ Радзивилламъ биржецкой линіи, еще въ 16 столѣтіи построены были сборы. (Въ Сьеміатичѣ Венгерскій предпологаетъ церковь потому собственно, что тамъ въ 16 столѣтіи находилась евангелическая школа). Но когда Иказнья отъ Прунскихъ перешла къ Сапѣгамъ и Сьеміатичъ, вмѣстѣ съ рукою Елизаветы Радзивилловны, достался Льву Сапѣгѣ, оба сбора превращены были (въ началѣ 17 вѣка) въ костелы [125]). 14. О церкви въ Свислочѣ упоминаетъ Венгерскій въ первой половинѣ 17 столѣтія; но въ началѣ 18 вѣка она уже не существовала.

Итакъ изъ 14 церквей подляхскаго округа девять существовали чрезъ все 17 столѣтіе; изъ нихъ четыре до 1704 г.: въ Цабкудовѣ (1-я), Докудовѣ (2-я), Сидрѣ (3-я) и Пьетуховѣ (4-я), одна въ Вегровѣ (5-я) — до конца 18 вѣка, четыре до 1754 г.: въ Орлѣ (6-я), Яйнѣ (7-я), Ньепокойчицкѣ (8-я) и Нурзекѣ (9-я). Но то и дѣло ихъ отнимали и разворяли, запечатывали и закрывали, имущество ихъ, земли и угодья забирали, расхищали. Проповѣдникамъ негдѣ и нечѣмъ было жить. Кто изъ нихъ замученъ, кто оставилъ паству. Консеньеры и сеньеры почти нищенствовали. Вообще 9 церквей и общинъ (или за исключеніемъ 3-хъ приписныхъ собственно 6-ть), уцѣлѣвшія до 18 вѣка, сдѣлались такъ бѣдны, малолюдны, что бѣдственное состояніе ихъ было слабою тѣнью, жалкимъ остаткомъ прежняго ихъ благосостоянія и величія. Затѣмъ, два сбора въ Біалѣ (10) и Мордьѣ (11) отняты были социніанами, еще въ 16 столѣтіи, два въ Иказньѣ (12) и Сьеміатичѣ (13) католиками—въ началѣ 17, одна въ Свислочи (14-я) безслѣдно исчезаетъ въ половинѣ 17-го.

V) 1—4. Главнымъ городомъ самогитской дистрикціи и резиденціею ея сеньеровъ былъ извѣстный уже намъ Кіейданъ или Кіейданы. Владѣлецъ этого города Николай Радзивиллъ Красный, вскорѣ же по принятіи гельветическаго исповѣданія, въ 1553—1560 г., обратилъ костелъ

въ сборъ. При Сигизмундѣ III-мъ, въ силу государственнаго закона 1587 г. и вслѣдствіе возбужденнаго каноникомъ Коблинскимъ процесса, сборъ переданъ былъ Радзивилломъ католикамъ. При этомъ заключенъ былъ между протестантскою и католическою стороною замѣчательный договоръ, по которому, вмѣстѣ съ церковію, Радзивиллъ долженъ былъ уступить католикамъ на вѣчныя времена садъ при церкви и примыкающую къ ней полосу земли въ 5 морговъ, на содержаніе священника чуждаго исповѣданія положить капиталъ въ 7000 гульденовъ и предоставить ему право строить близъ церкви домы и отдавать ихъ внаймы [126]). Въ награду за свои пожертвованія Радзивиллъ и его преемники получали право патронатства надъ переданною католикамъ церковію, а община — право свободнаго исповѣданія своей вѣры. Но при этомъ реформатамъ все-таки нужно выговаривать, чтобы гробы умершихъ, похороненныхъ въ церкви, на церковномъ полѣ и внутри церковнаго пространства, не вырывали изъ земли и не подвергали поруганію. Договоръ заключенъ въ 1627 г. Съ этого времени до 1631 г. евангелическая община въ Кіейданѣ не имѣла своего сбора. Въ 1631 г. князь Христофоръ Христофоровичъ приступилъ къ постройкѣ церковныхъ зданій, которыя продолжалъ сынъ его Янушъ [127]). Христофоръ, какъ видно изъ фундушевой записи для кальвинскихъ сборовъ, данной имъ и его женою Анною 8 іюля 1631 года, построилъ «великій каменный сборъ на старомъ Кіейданскомъ рынкѣ; подарилъ сбору каменницу» (обширный каменный домъ), купленную за 5000 польскихъ злотыхъ; на утесистой горѣ, вблизи великолѣпнаго палаца, заложилъ другой каменный, изящной архитектуры, сборъ и при немъ устроилъ евангелическое кладбище. Подъ сѣнію перваго храма стояли храмъ науки и пріютъ для бѣдныхъ учащихся, помѣщавшіеся вмѣстѣ съ жилищами для проповѣдника, учителей и катихизаторовъ «въ каменницѣ»; около втораго храма устроенъ былъ рядъ богоугодныхъ заведеній: богадѣльня для нищихъ, престарѣлыхъ, хромыхъ, увѣчныхъ и всякаго рода недужныхъ, сиротскій домъ для вдовъ, дѣвицъ и дѣтей сиротъ, не имѣющихъ средствъ къ жизни. Въ Биржахъ, деревнѣ, принадлежащей Кіейданамъ, на живописномъ холмѣ, у горнаго потока, возвышался деревянный сборъ, — (новая возносимая горѣ жертва благочестиваго усердія Христофора). Въ Бойнаровѣ, другой деревнѣ близъ Кіейданъ, усердіемъ Христофора сооруженъ былъ еще деревянный сборъ, предназначавшійся преимущественно для крѣпостныхъ. При всѣхъ четырехъ храмахъ благочестивый строитель опредѣлилъ быть двумъ проповѣдникамъ, которые должны быть вмѣстѣ и преподавателями богословія въ школѣ. При проповѣдникѣ полагался знающій литовскій языкъ катихизаторъ. Въ одномъ храмѣ, находившемся на торговой площади Кіейданъ, богослуженіе должно было совершаться на польскомъ языкѣ, въ остальныхъ на литовскомъ. Въ биржанскомъ и бойнаровскомъ сборахъ

каждую недѣлю должны совершать богослуженіе и говорить проповѣдь или сами кіейдановскіе проповѣдники по-очередно, или ихъ катихизаторъ. На содержаніе проповѣдниковъ и катихизатора школы, со всѣми учащими и учащимися, а также богадѣльни и сиротскаго дома, пожертвовано княземъ 25000 польскихъ злотыхъ съ тѣмъ, чтобы ежегодно уплачивалось процентовъ по 2500 злотыхъ. Для наблюденія надъ сборами, школой, сиротскимъ домомъ и богадѣльней въ Кіейданахъ назначались четыре надзирателя: два, избираемые патронами, и два, опредѣляемые синодомъ да еще штатный суперъинтендентъ. Всѣ они обязывались торжественною присягою «всѣ, поступающія чрезъ ихъ руки пожертвованія, расходовать правильно и благоразумно; пенсіонеровъ, сиротъ и нищихъ содержать столько, сколько позволятъ средства, наблюдать, чтобы въ сиротскомъ домѣ, богадѣльнѣ и школѣ проводили жизнь благочестивую, трудолюбивую, соблюдали во всемъ порядокъ и дисциплину». Регламентируя съ точностію условія своего щедраго дара, благоразуміе и предусмотрительность жертвователей застраховали ненарушимость условій слѣдующею угрозою: «если-бы кто изъ нашихъ потомковъ осмѣлился нарушить хоть одинъ пунктъ фундушевой этой записи или ввести сюда новую религію, то долженъ заплатить въ пользу общины 25000 злотыхъ штрафу» [128]). Условія соблюдались, пока не вымерло мужеское поколѣніе жертвователей. При Людвигѣ Радзивилловнѣ кармелиты вопреки условію построили монастырь въ Кіейданахъ и грозили ниспроверженіемъ всего евангелическаго общества. Но, не смотря, однако, ни на какія козни и превратности судьбы, обѣ кіейданскія церкви сохранились до начала 18 столѣтія, о пригородныхъ же ничего не извѣстно. Рукописный реэстръ 1704 года находитъ ихъ прочными и красивыми. Въ каѳедральной церкви составъ служителей даже значительно увеличился въ это время. При ея суперъинтендентѣ помощниками состояли: ректоръ школы, духовный и литовскій проповѣдникъ, который еженедѣльно, по воскресеньямъ, говорилъ проповѣди на литовскомъ языкѣ. Для отправленія богослуженія, совершаемаго ежедневно утромъ и вечеромъ, назначены ему въ помощники діаконъ и чтецъ. На содержаніе духовныхъ съ упомянутаго основнаго капитала поступало ежегодныхъ процентовъ отъ $1^1/_2$ до 2 тысячъ въ годъ; изъ нихъ 1000 гульденовъ получалъ сеньеръ, 500 — проповѣдникъ, 200 — лекторъ. Авдиторія (приходъ) въ Кіейданахъ въ томъ же 1704 г. была еще многочисленна, особенно изобиловала слушателями изъ простаго народа; затѣмъ состояла изъ осѣдлившихся въ Кіейданахъ купцевъ и ремесленниковъ и изъ служилаго дворянства, а изъ землевладѣльческаго дворянства старыя поколѣнія вымерли, младшія почти всѣ совратились въ католичество. Изъ оставшихся преданными вѣрѣ отцевъ замѣчательнѣйшіе были: Гюнтеры, фамилія Ворловскихъ, придворный староста Блинструбъ и городской судья Будревичъ со всѣмъ своимъ домомъ [129]).

5 и 6. Замѣчательнѣйшія послѣ Кіейданъ общины, которымъ счастіе сравнительно благопріятствовало, находились въ Кіельмы и Дзьевальтовѣ. Въ Кіельмы, городкѣ князей Грушевскихъ, въ 1704 году, авдиторія была многочисленна и состояла изъ дворянъ: патронши Грушевской, Римвидовъ, Кестортовъ, Микуличей и проч. Проповѣдникъ получалъ жалованья 600 гульденовъ; владѣлъ 8 крестьянами и полосою земли. Во время войны съ шведами, при Карлѣ XII, когда городокъ былъ сожженъ, сильно пострадала и церковь; однако-жъ, въ числѣ весьма не многихъ, пережила политическое существованіе Польши. Въ Дзьевальтовѣ, деревнѣ, принадлежавшей князьямъ Вишневецкимъ, еще въ половинѣ 16 столѣтія, построена была церковь, но, по переходѣ изъ рукъ въ руки, въ концѣ 16 столѣтія, была раззорена; въ началѣ 17 вѣка владѣльцемъ Подберескимъ вновь отстроена и надѣлена бенефиціями. Въ 1704 году бенефиціи эти были небогаты, проповѣдникъ получалъ отъ владѣльца 600 гульденовъ. Обнесенная крѣпкими стѣнами, церковь эта существуетъ до сихъ поръ [130]).

7 и 8. Участь церквей въ Груцдцкьѣ и Макисцкахъ почти одинакова. Въ Груцдцкьѣ въ 1698 г. храмъ былъ сожженъ католиками и скоро же вновь отстроенъ. Въ 1704 году при той и другой церкви значатся авдиторіи весьма малолюдныя: постоянныхъ проповѣдниковъ не было, а наѣзжали временно въ Груцдцкье изъ Спидлова, въ Макисцки изъ Кіелмьи. Въ Груцдцкьѣ пріѣзжему проповѣднику принадлежали 8 крестьянъ, въ Макисцкахъ онъ ни отъ кого ничего не получалъ и, когда патронша вышла замужъ за паписта, самый пріѣздъ проповѣдника сдѣлался чрезвычайно затруднителенъ. Около 1715 г. первая церковь отнята была католиками, вторая совершенно разрушена [131]). 9. Въ Цеймелѣ, фундушѣ господина Наровника, перешедшемъ отъ него къ отступнику Корфу, церковь была очень бѣдна: всѣ принадлежавшія ей угодья и земли новый алчный владѣлецъ присвоилъ себѣ и проповѣднику не платилъ ничего. Оттого проповѣдникъ пересталъ жить въ Цеймелѣ, но иногда пріѣзжалъ сюда помощникъ сеньера изъ Кіейданъ. Лекторъ же постоянно находился при Цеймелевской церкви. Небольшой приходъ ея составляли нѣсколько благородныхъ лицъ: Римвиды, Лавдански. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ 1704 г. Въ 1706 г. католики отняли эту церковь, но, по ходатайству прусскаго короля предъ виленскимъ епископомъ, возвратили ее общинѣ. Въ 1732 г. снова и навсегда исторгли ее у реформатовъ [132]). 10—12. Въ Грецѣ, — на границѣ Курляндіи, въ имѣніи Путкамера, приходъ при церкви въ 1704 г. былъ большой, въ Красноголичкахъ — средній, въ Рузіенѣ — малый. При первой церкви проповѣдникъ получалъ 600 гульденовъ, при второй — 400 и кромѣ того владѣлъ крестьянами и землею, при третьей — снискивалъ себѣ пропитаніе исключительно обработкою земли. Въ 1754 г. всѣ три

церкви приписаны были къ кіейданскому каѳедральному сбору [132]). 13. Въ деревнѣ Сцидловѣ, со всѣми землями и угодьями, подаренной г. Путкамеромъ реформатской общинѣ, въ 1560 годахъ сборъ передѣланъ изъ костела или же построенъ на землѣ, принадлежавшей католикамъ. Около 1640 г. со всѣми землями и бенефиціями онъ отошелъ къ католикамъ. Храмъ, открываемый рукописью 1704 г., былъ новый, неизвѣстно кѣмъ построенный. Въ 1754 г. онъ, подобно всѣмъ малолюднымъ церквамъ округа, былъ приписанъ къ кіейданской церкви. Любопытна судьба старой церкви, построенной на мѣстѣ бывшаго костела. Въ царствованіе благодушнаго Владислава, когда насиліемъ и грабежомъ нельзя было предвосхищать сборы, придумывались болѣе тонкія мѣры, измышлялись разсказы о чудесныхъ видѣніяхъ и исцѣленіяхъ, о таинственныхъ путяхъ Провидѣнія, которые видимо-де вели къ тому, чтобы власти исторгали у еретиковъ ихъ нечистыя синагоги и передавали ихъ, со всѣми ихъ бенефиціями, въ руки вѣрныхъ католиковъ. Вотъ эти мнимыя чудесныя знаменія, исцѣленія и пути Провидѣнія, какъ разсказываетъ о нихъ Юцевичъ въ «Воспоминаніяхъ о Самогитіи». «Бѣдные пастухи изъ сосѣдней деревни, во время пастьбы скота на церковной землѣ, увидѣли, что на большомъ камнѣ стоитъ Пресвятая Дѣва съ распущенными волосами и у нея на рукахъ горько плачущее дитя. Одинъ изъ пастуховъ, удостоившихся видѣнія, поспѣшилъ сообщить о немъ кальвинскому катихету въ Сцидловѣ. Катихетъ взялъ съ собою школьнаго учителя, по имени Соломона, и пошелъ съ нимъ къ камню, гдѣ было видѣніе. Св. Дѣва и предъ нимъ предстала въ слезахъ. Катихетъ имѣлъ мужество спросить: «Дѣво! отчего ты плачешь». Св. Дѣва отвѣчала: «плачу оттого, что на этой самой землѣ слава Сына Божія торжествовала, вблизи здѣсь стоялъ св. храмъ, а теперь это святое мѣсто воздѣлано и засѣяно». Съ этими словами Дѣва скрылась. Еретики сочли видѣніе за призракъ злаго духа. Но пастухи, проходя по стогнамъ градовъ и вѣсей, съ умиленіемъ разсказывали о всѣхъ приключившихся. Нашелся одинъ престарѣлый, за 100 лѣтъ, и слѣпой крестьянинъ, который тоже увѣрялъ всякаго встрѣчнаго, что не злой духъ являлся на камнѣ, но сама «Пречистая съ Сынкомъ» снизошла на то мѣсто, на которомъ нѣкогда стоялъ храмъ истинныя каѳолическія вѣры. Всюду разнесшійся слухъ о чудесномъ видѣніи встревожилъ каноника Козакевича Смолку. Послѣ долгихъ и совершенно напрасныхъ поисковъ въ книгахъ, гдѣ именно была построена католическая церковь, въ окрестностяхъ Сцидлова, каноникъ просилъ старика, не можетъ ли онъ указать эту мѣстность. Старикъ увѣрялъ, что онъ ощупью, руками укажетъ искомое мѣсто и охотно пошелъ въ поле. И, новое чудо! какъ только слѣпца привели туда, вдругъ онъ прозрѣлъ и, возблагодаривъ небо за чудесное исцѣленіе, указалъ мѣсто, гдѣ нужно было копать, и когда начали копать, то нашли останки съ фундамен-

томъ сцидловской католической церкви. А такъ какъ на этомъ мѣстѣ стояла теперь реформатская церковь, то Козакевичъ вздумалъ судебнымъ порядкомъ присвоить ее себѣ. Искъ тянулся 15 лѣтъ, и, по ходатайству епископа Станислава Кишки предъ королемъ, всѣ угодья пастората и церковь остались за Козакевичемъ». Выказная чудесность событій, обиліе чудесъ, въ данномъ случаѣ не оправдываемыхъ ни нуждами, ни цѣлями ихъ, наивность, мелочность исторіи этого чуда, рѣшительно не сообразная съ достоинствомъ чуда вообще, все обличаетъ здѣсь подделку, фальшь. Въ вымышленно-чудесныхъ розсказняхъ этихъ много историческихъ и хронологическихъ несообразностей. Напр.: по приведенному разсказу, за Козакевича ходатайствуетъ предъ королемъ въ 1640 г. тотъ самогитскій епископъ Станиславъ Кишка, который умеръ въ 1627 г. Невѣрно исторически и то, что имѣнія, которыми кальвинисты владѣли, отданы католическому приходу [134]).

14. Въ Гаврьи существовала, должно быть, кальвинская церковь не съ слишкомъ поздняго времени. Въ 1661 г. сюда былъ переведенъ проповѣдникъ изъ Вегрова Христофоръ Спицковскій. Въ 1671 г. проповѣдникъ Гаврьскій Павелъ Зарновичъ много претерпѣлъ отъ отступника Каміенскаго, который вмѣстѣ съ Бонифаціемъ Пакомъ, начальникомъ стражи въ Литвѣ, подвергалъ его безчеловѣчнымъ истязаніямъ и пыткамъ, отнялъ у него все имущество и сжегъ книги. Больше никакихъ извѣстій не встрѣчается объ этой церкви [135]). 15 — 18. Попадаются краткія голословныя упоминанія, что въ Цейнѣ, или Сейнѣ кальвинская церковь существовала въ 16 и началѣ 17 столѣтія, въ Видуклевѣ, или Видуклѣ въ началѣ 18-го, и что были когда-то сборы въ Гьяковѣ и Глинкишкахъ [136]).

19. Гонимые въ своемъ отечествѣ, лишаемые собственныхъ церквей, самогитскіе реформаты искали убѣжища въ Пруссіи. Со времени штадтгальтерства Богуслава Радзивилла, съ половины 17 вѣка, Кёнигсбергъ сталъ главнымъ притономъ не только для самогитскихъ, но и для всѣхъ литовскихъ протестантовъ. Сюда къ курфюрстамъ бранденбургскимъ, позднѣе королямъ прусскимъ, они обращались за помощію въ преслѣдованіяхъ и страданіяхъ; сюда отправляли все свое движимое имущество, архивы, типографіи, и переселялись съ семействами. Въ университетѣ здѣшнемъ юношество ихъ получало высшее образованіе. Постоянныя и тѣсныя сношенія съ Кёнигсбергомъ привели литовскихъ кальвинистовъ къ мысли основать въ немъ собственный сборъ, которая и осуществилась, благодаря ходатайству самогитскаго сеньора Самуила Винтера предъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ I-мъ. Построенная въ промежутокъ времени отъ 1698 до 1701 г., церковь эта существовала немного болѣе столѣтія, да и въ это короткое время, за недостаткомъ слушателей, на долгіе годы была закрываема [137]).

Во многихъ мѣстахъ самогитской дистрикціи кальвинизмъ, по видимому, процвѣталъ. Въ главномъ городѣ дистрикція сосредоточены были всѣ лучшія религіозныя, образовательныя и филантропическія учрежденія; всюду въ нихъ царили порядокъ и благоустройство, всѣхъ окружало довольство и изобиліе. Но какихъ жертвъ, лишеній и страданій отъ правительства и народа стоило реформатамъ организованіе общины и устройство всѣхъ этихъ учрежденій! То отнимаютъ у нихъ церковь, которою они владѣли съ незапамятныхъ временъ, то отбираютъ у нихъ землю церковную, садъ, строенія. То они платятъ ежегодную контрибуцію, чтобъ спасти своихъ умершихъ отъ поруганія, отъ разрытія могилъ, отъ выбрасыванія оттуда труповъ, и, не смотря ни на какіе взносы и поборы, они нѣсколько лѣтъ остаются безъ храма. То врываются въ городъ разъяренные кармелиты, и благодѣтельныя ихъ учрежденія, вѣроятно, рушатся. По крайней мѣрѣ, послѣ роковаго 1704 г. о нихъ ни гдѣ не упоминается. Другія двѣ, замѣчательнѣйшія послѣ Кіейданъ, общины и церкви въ Кьельмьи и Дзьевальтовѣ (5 и 6) были долговѣчнѣе: одна пережила политическое существованіе Польши, другая сохранилась до настоящаго времени. Но мало ли и онѣ претерпѣли отъ неистовствъ врага? Первая церковь почти до тла сожжена была, вторая вовсе разрушена, и постройка новыхъ храмовъ стоила чрезвычайныхъ жертвъ и усилій. Сосредоточенный, сравнительно сильный и живучій въ трехъ этихъ пунктахъ, кальвинизмъ былъ крайне ослабленъ, подавленъ и парализованъ въ остальныхъ четырнадцати мѣстностяхъ округа. Замѣчательно, что всѣ остальныя, упоминаемыя въ сказаніяхъ того времени церкви округа (7) были приписными къ нимъ, а именно: три церкви въ Груддцьѣ (7), Макисцкахъ (8) и Цеймелѣ (9), давно уже оскудѣвшія прихожанами и бенефиціями и оставшіяся безъ пасторовъ, сдѣлались приписными, наконецъ совершенно разрушены или отняты католиками (первыя двѣ церкви около 1715 года) (третья, въ 1732 г.); четыре церкви: въ Грепѣ (10) Красноголичкахъ (11), Розіенѣ (12) и Сцидловѣ (13), постепенно раззоряемыя, истощаемыя, лишенныя всякихъ средствъ къ содержанію себя и проповѣдниковъ, приписаны были къ Кіейдановской каѳедрѣ въ 1754 г.; ходатайство самихъ прусскихъ королей могло на нѣсколько времени отсрочивать, но не предотвращать раззореніе и гибель церквей. За тѣмъ, семь церквей остаются неизвѣстными ни въ какихъ лѣтописяхъ и реэстрахъ; изъ нихъ двѣ загородныя Кіейдановскія и одна въ Гаврьи (14) нигдѣ не встрѣчаются съ половины 17 вѣка; одна въ Цейнѣ (15), съ начала 17, одна въ Видуклевѣ (16), до и послѣ 18 столѣтія, и отъ двухъ въ Гьяковѣ (17) и Глинкишкахъ (18) уцѣлѣли только мѣстныя названія. Эта безвѣстность судьбы церквей, въ связи съ печальнымъ упоминаніемъ объ истязаніяхъ ихъ проповѣдниковъ католиками, показываетъ, что и эти церкви не избѣжали рано или поздо общей послѣдней уча-

сти, — уничтоженія или ограбленія. Гонимые въ храмахъ и домахъ на родинѣ, раззоряемые и ограбляемые, самогитскіе евангелики нашли себѣ убѣжище и пріютъ въ столицѣ Пруссіи (19) и тамъ въ собственномъ храмѣ безопасно могли изливать предъ Богомъ скорбную душу и обрѣтать то неземное и единственное въ гоненіи утѣшеніе, котораго они не могли найдти у себя дома. Но и тамъ наконецъ не кому стало молиться въ храмѣ, большая часть гонимыхъ не могли уйти отъ ярости гонителей; погибали на мѣстѣ гоненія, или влачили жизнь, тягостнѣйшую смерти.

VI. Какъ ни бѣдственна участь церквей предшествовавшихъ пяти округовъ, но участь церквей бѣлорусскаго округа еще бѣдственнѣе. Нѣсколько обезопашены и обезпечены были церкви кайдановская и копишская. Кайдановъ городокъ или староство Николая Радзивилла Чернаго, вскорѣ же по принятіи послѣднимъ гельветическаго исповѣданія, имѣлъ у себя сборъ и сдѣлался резиденціею бѣлорусскаго сеньера. Въ 1663 году къ этому сбору приписаны были, въ видѣ оброчной статьи, 12 кайдановскихъ гражданъ и черниковская мыза. Граждане эти, имена которыхъ были большею частію русскія: Василій Лудзилка, Θедоръ Лонтъ, Иванъ Романовичъ, и проч., обязаны были ежегодно взносить въ пользу церкви по 6 грошей со всякаго поземельнаго угодья, которымъ они пользовались (дѣлать что имъ прикажутъ, и относить письма миль за 5). Мыза состояла изъ 10 гуфъ, удобныхъ для обработки и $13^1/_2$, неудобныхъ. На той и другой землѣ жили 24 крестьянина, имена которыхъ также всѣ почти русскія: Ивашко Шаборатъ, Лавренъ... За всякую гуфу земли, находившуюся въ ихъ пользованіи, они обязаны были или платить въ пользу проповѣдника по 4 литовскихъ гроша, и лѣтомъ и зимою работать по 4 дня въ недѣлю, или же взносить хлѣбный оброкъ, состоявшій изъ пшеницы, ячменя, проса, и доставлять опредѣленное количество гусей, куръ, яицъ, половину меду изъ пчельней... Сверхъ этихъ приношеній и оброковъ, кайдановскій проповѣдникъ получалъ еще 90 гульденовъ на учителей, 10 гульденовъ на вино, 100 гульденовъ изъ фонда бывшей въ Полоцкѣ церкви и 160 гульденовъ изъ Радзивилловской кассы. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг., мыза и самая церковь сильно пострадали и доходы проповѣдника значительно уменьшились. Въ 1704 г. проповѣдникъ владѣлъ 18 гражданами въ городѣ и 35 крестьянами на мызѣ. Община въ это время была довольно многочисленна; изъ дворянъ къ ней принадлежали: Кедровскіе, Козарины, Лабовскіе [138]). 2. Въ Копишѣ построилъ и дотировалъ церковь (въ 16 вѣкѣ) князь Христофоръ Христофоровичъ Радзивиллъ, который получилъ этотъ городокъ съ рукою княжны Екатерины Константиновны Острожской. Проповѣдникъ копишскій получалъ содержаніе съ приписанной къ церкви мызы. Въ 1754 году здѣсь было

два духовныхъ Станиславъ Речинскій и Естко. Копишская церковь существуетъ до сихъ поръ [139]).

3—5. Въ Брестѣ Литовскомъ, главномъ городѣ воеводства этого имени и староствѣ Николая Чернаго Радзивилла, въ Клецкѣ и Несвижѣ, наслѣдственныхъ имѣніяхъ того же Радзивилла, построены были сборы вскорѣ же по принятіи имъ гельветическаго исповѣданія. Но при дѣтяхъ его, совратившихся въ католичество, всѣ три церкви перешли къ католикамъ (въ 70 годахъ 16 ст.). Лишившись храма, брестскіе кальвинисты, нѣсколько времени отправляли богослуженіе въ домѣ Дорогостайскаго, но въ началѣ 17 вѣка оно запрещено имъ и въ частномъ домѣ [140]). Въ Заславлѣ, городкѣ князей Заславльскихъ происходило то же самое, что и во владѣніяхъ Радзивилла. Янъ Хлѣбовичъ, получившій Заславль въ приданое за княжною Заславльскою, передалъ реформатамъ католическую церковь. Но сынъ его Николай Хлѣбовичъ, перешедшій въ католичество, отдалъ ее обратно католикамъ (въ концѣ 16 или началѣ 17 столѣтія [141]). 7—9. Въ Оршѣ, Шкловѣ и Сервечѣ также еще въ 16 столѣтіи основаны были сборы, но въ началѣ 17-го ихъ уже не стало. Въ Оршѣ самое мѣсто, на которомъ стояла евангелическая церковь, Левъ Сапѣга занялъ подъ коллегію. Шкловскую церковь Александръ Ходкевичъ, воевода Трокскій передалъ доминиканцамъ. Сервечскіе реформаты лишились храма вслѣдствіе особаго декрета правительства [142]).

10—12. Въ городкѣ Головчинѣ, древней резиденціи князей Головчинскихъ, въ Сокольнѣ, родовомъ мѣстечкѣ князей Друцко-Соколинскихъ, и Шацкѣ, имѣніи Кржесковскаго построены сборы (неизвѣстно когда) ихъ мѣстными владѣльцами. На содержаніе первой церкви пожертвовано двѣ деревни, на содержаніе второй — одна деревня съ 20-ю крестьянами и капиталъ въ 7000 гульденовъ, третьей подаренъ капиталъ въ 3000 гульденовъ. Во время русско-польской войны, при Янѣ Казимірѣ, всѣ три церкви съ ихъ городами и деревнями были разрушены. Въ Сокольнѣ, надъ гробницами князей, устроена была обширная капелла, въ которой отправлялось богослуженіе для всѣхъ горожанъ, но сами разрушенные храмы никогда и нигдѣ не были возстановляемы. У шацкой общины капиталъ захваченъ былъ Хрептовичемъ, (Хрептовичъ обѣщался на честномъ словѣ отдать за него порожнія мѣста и крестьянъ, но умеръ, не исполнивъ обѣщанія, и община навсегда осталась безъ денегъ) [143]). 13—15. Та же злосчастная война положила конецъ существованію церквей: витебской, полоцкой и минской. Въ Витебскѣ одинъ изъ двухъ массивныхъ его замковъ, такъ-называемый нижній, вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ полный комплектъ протестантскихъ учрежденій: сборъ, школу, гошпиталь, пасторатъ и т. д. Кѣмъ и когда основаны и благоустроены эти учрежденія, Люкашевичъ не говоритъ ничего положитель-

наго, а склоняется къ догадкѣ, что основателями ихъ были, можетъ статься, витебскіе воеводы гельветическаго исповѣданія. Но изъ вновь открытыхъ польскихъ источниковъ видно, что начало имъ положили первые прозелиты, пріобрѣтенные для протестантства московскими выходцами: Ѳеодосіемъ, Вассіаномъ и Ѳомою; вскорѣ же по удаленіи пришельцевъ, прозелиты эти, набранные изъ шляхты и мѣщанъ, вызвали изъ Польши и Литвы кальвинскихъ пасторовъ и немедленно (въ 50-хъ годахъ 16 стол.) приступили къ постройкѣ названныхъ зданій. Зданія всѣ были деревянныя. Во время войны одно за другимъ ихъ разобрали для топлива и выволокли въ верхній замокъ. По окончаніи войны, обыватели Витебска завладѣли всѣми мѣстами, принадлежавшими евангелической церкви, и застроили ихъ своими хижинами. Въ 1667 г., по ходатайству бѣлорусскаго сеньора Христофора Зарновича, русскій воевода Огинскій возвратилъ кальвинистамъ всѣ ихъ земли и даже со всѣми, вновь появившимися на нихъ, постройками. Земли эти, состоявшія изъ одного плаца на торговой площади, изъ полей у самого города и фольварка въ одной милѣ отъ города, община отдала въ аренду, которая доставляла сперва небольшую сумму, потомъ по 100 гульденовъ въ годъ. Кромѣ земель, община имѣла въ своемъ распоряженіи нѣсколько денежныхъ вкладовъ. Но при всемъ изобиліи земель и денегъ, церковь навсегда оставалась въ развалинахъ, а ея капиталъ поступилъ въ пользу виленскаго сбора [144]). Церковь въ г. Полоцкѣ — одна изъ древнѣйшихъ и наиболѣе обезпеченныхъ въ своемъ содержаніи. Предполагаютъ, что ее основалъ и богато дотировалъ воевода полоцкій—Дорогостайскій. Кромѣ нѣсколькихъ, приносящихъ значительный доходъ, домовъ въ городѣ, она надѣлена была полями внѣ города и денежными суммами, которыя, по причисленіи къ суммамъ виленскаго сбора, приносили процентовъ полоцкому проповѣднику по 300 гульденовъ въ годъ. Во время войны 1660 года, не только храмъ со всѣми пристройками и имуществомъ сожженъ и разграбленъ былъ злодѣями, но и вся церковная земля отнята іезуитами [145]). Въ Минскѣ кальвинская церковь существовала еще въ 16 столѣтіи. Сеньоръ Зарновичъ, послѣ опустошительной войны, нашелъ отъ нея (въ 1667 г.) однѣ развалины. Вокругъ ея также все было раззорено и расхищено. Органистъ какой-то, захвативъ часть церковной земли, построилъ на ней домъ и завелъ трактиръ; всѣ другія церковныя земли поступили во владѣніе князей смоленскихъ. По ходатайству Зарновича, земли эти отчуждены были отъ новыхъ пришлыхъ владѣльцевъ, церковище было отгорожено и застраховано, непозволительныя постройки, заведенныя органистомъ, снесены; для отправленія богослуженія устроены (въ 1668 г.) сперва навѣсъ, сарай (der Schoppen или Schuppen), потомъ капелла. Не знаемъ, какова была капелла, но навѣсъ тотъ былъ въ полномъ смыслѣ сарай, безъ (достаточнаго количества) стеколъ и оконъ, безъ досокъ и скамеекъ,

безъ желѣзныхъ крюковъ въ дверяхъ или воротахъ. Но дикое озлобленіе фанатическаго народа, не сдерживаемаго никакими мѣрами новаго русскаго правительства, не могло терпѣть подлѣ себя и этотъ убогій пріютъ общественнаго богослуженія еретиковъ. Сперва капелла, потомъ навѣсъ, домъ органиста, принадлежавшій теперь капеллѣ, — все варварски было сожжено, опустошено. Богослуженіе евангелики должны были отправлять въ замкѣ княгини. Всѣ хлопоты ихъ о постройкѣ новаго сбора остались напрасными: некому стало молиться и служить въ немъ; всѣхъ прихожанъ обоего пола оставалось (въ 1684 г.) лишь 60 человѣкъ; проповѣдникъ не могъ жить у нихъ постоянно и только временно посѣщалъ ихъ. Но въ былое время община эта, подобно двумъ предъидущимъ, была очень не бѣдна; владѣла недвижимымъ имуществомъ, домами, капиталомъ въ 1000 гульденовъ и т. д. [146]).

16—18. Въ Черниховѣ, Лебедевѣ и Семеновичахъ находились приписныя церкви. Въ Черниховѣ устроена была капелла, которая служила вмѣстѣ семейною гробницею мѣстныхъ владѣльцевъ Капасцевскихъ. Для отправленія въ ней богослуженія, пріѣзжалъ проповѣдникъ изъ Минска, на подъемъ котораго ктиторы внесли вкладъ [147]). Лебедевская церковь была домовою церковію господъ Маккшевичей и Мезикъ. Около 1704 г., когда владѣльцы отступили отъ вѣры, церковь еще существовала, но, за неимѣніемъ жилища и жалованья, проповѣдникъ лишь временно пріѣзжалъ сюда изъ Цуправи. Въ 1754 г. только четыре раза въ годъ онъ отправлялъ въ ней богослуженіе [148]). Семеновская церковь въ томъ же 1754 году была приписною къ кайдановской [149]). 19—25. По Люкашевичу, существовали еще сборы: въ Деревнѣ, Дорьи, Нелевичѣ, Раковѣ, — (городкѣ минскаго воеводства) Смицкѣ, Таймановѣ и Устдзьѣ [150]). О каждомъ изъ перечисленныхъ сборовъ извѣстно лишь одно, что въ началѣ 18 вѣка они не принадлежали уже кальвинистамъ. 26—32. По вновь открытымъ польскимъ извѣстіямъ [151]), сборы находились еще въ слѣдующихъ бѣлорусскихъ городахъ: въ Глембоколѣ (нынѣ мѣстечко виленской губ. дисненскаго уѣзда), Копысѣ и Быховѣ (построенные въ концѣ 16 столѣтія иждивеніемъ Христофора Николаевича Радзивилла и Ходкевичами), въ Ковальщинѣ, Лукомлѣ, Нелевичахъ и Рогачевѣ. О быховскомъ сборѣ Люкашевичъ замѣчаетъ, что въ началѣ 18 столѣтія кальвинисты не считали его своею собственностію [152]).

Итакъ изъ 32 церквей бѣлорусскаго округа только одна въ г. Копишѣ (2) уцѣлѣла до настоящаго времени, одна въ городѣ Кайдановѣ (1), поддерживаемая русскими крѣпостными крестьянами и гражданами, сохранилась до 18 вѣка; остальныя всѣ исчезаютъ въ концѣ 16 и въ теченіе всего 17 столѣтія. 7 церквей, вмѣстѣ съ совратившимися въ католичество ихъ владѣльцами и патронами, отошли къ католикамъ:

изъ нихъ три: въ Брестѣ (3), Клеккѣ (4) и Несвижѣ (5) еще въ 70 годахъ 16 вѣка, четыре въ Заславлѣ (6) Оршѣ (7), Шкловѣ (8) и Сервечѣ (9) въ началѣ 17 столѣтія. 6 церквей: въ Головчинѣ (10), Сокольнѣ (11), Шацкѣ (12), Витебскѣ (13), Полоцкѣ (14) и Минскѣ (15), самыя древнія, историческія и богатыя, надѣленныя землями, крѣпостными, арендными домами и процентными капиталами, погибли во время русско-польской войны при Янѣ-Казимірѣ, и виною гибели ихъ не русскіе, которые дѣлали все зависящее отъ нихъ, для возстановленія общинъ и возвращенія имъ имуществъ ихъ, но латиняне, воспользовавшіеся смутнымъ военнымъ временемъ въ интересахъ ненасытной своей алчности и фанатическаго ожесточенія. 3 церкви были приписными: одна въ Черниховѣ (16), со времени своего основанія, другія двѣ: въ Лебедевѣ (17) и Семеновичахъ (18), по причинѣ своего обѣдненія и малолюдства, съ 18-го столѣтія 14 церквей (19—32), извѣстныя въ исторіи лишь по именамъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ находились, отняты или разрушены были католиками: изъ нихъ восемь не принадлежали кальвинистамъ въ началѣ 18 вѣка, остальныхъ шести они лишились въ неизвѣстное время. И такъ какъ въ началѣ 18 вѣка самостоятельныхъ и благоустроенныхъ общинъ во всемъ округѣ оставалось только двѣ, то бѣлорусская дистрикція вовсе была закрыта [152]). (Въ столь превратной судьбѣ церквей округа, болѣе всѣхъ другихъ дистрикцій населеннаго русскими, ясно отражается жалкій упадокъ кальвинизма и слабость вліянія его на русское населеніе всей Литвы вообще).

Въ представленную нами статистику и группировку сборовъ по округамъ не включены 63 церкви, потому что неизвѣстно, въ какихъ округахъ онѣ находились. Ни объ однихъ церквахъ не сохранилось такъ мало свѣдѣній, какъ о церквахъ неизвѣстныхъ дистрикцій. О трехъ изъ нихъ, о сборахъ: въ Монтвидовѣ, Казанродскѣ и Варніани существуютъ извѣстія, кто и когда ихъ основалъ и дотировалъ; о трехъ сборахъ: въ Понатири, Упитѣ и Друтовичѣ извѣстно время разрушенія ихъ, именно: о монтвидовской церкви упоминаетъ извѣстный уже намъ Лабецкій въ вышедшей въ 1638 году Anatomia conscientiae, приписывая основаніе ея Дороѳеѣ Подберескѣ, маршалкѣ браславской. Въ началѣ 18 столѣтія онъ уже не находитъ ея у кальвинистовъ. Козанродскій соборъ построила въ 1638 г. та же Дороѳея Подбереска. Варніанскую церковь, а при ней школу и гошпиталь основалъ въ 16 еще столѣтіи и богато дотировалъ воевода смоленскій Янъ Абрамовичъ. Онъ на свой счетъ содержалъ служителя слова Божія, имѣлъ постояннаго учителя въ школѣ, воспитывалъ на свои средства 12 юношей, сиротъ благороднаго званія, доставляя имъ пищу и одежду. Понатирскій соборъ разрушенъ былъ въ началѣ 18 столѣтія, упитскій и друтовичскій въ половинѣ 17; послѣдній послѣ русско-польской войны при Янѣ Кази-

мірѣ [154]). Что касается остальныхъ 57 церквей неизвѣстныхъ дистрикцій, то ни объ одной изъ нихъ нигдѣ не встрѣчается ни малѣйшаго упоминанія, кромѣ голословнаго поименованія тѣхъ мѣстечекъ и селъ, въ которыхъ онѣ находились. У Люкашевича перечень этихъ мѣстностей идетъ чрезъ всю алфавитную статистику 180 церквей. Изъ разбросанныхъ въ ней названій мѣстностей или церквей намъ остается собрать и перечислить одни лишь имена ихъ. Вотъ эти имена: Ціагинъ, Цьекинъ, Шабишки, Шадори, Добромысль, Доратовъ, Друкіеншики, Гаврецышки, Гьельвани, Елебоки, Городейско, Зецже, Исколькъ, Иви, Гванекъ, Корашевицъ, Клиншишки, Кніазисъ, Колноберцъ, Кондрацишки, Корсьевичь, Корсіани, Корзимъ, Косціушинъ, Ковальжизна, Козаровъ, Кухцицъ, Куркле, Куртовіани, Ликкъ, Ледшони, Лештуппъ, Литвиновичъ, Лукомлъ, Макишки, Музники, Ньедзвыцкъ, Одва, Орніани, Плюнгіани, Погостъ, Подубизи, Подзвьени, Полочани, Полонка, Полунне, Рогоринъ, Рохашовъ, Салацъ, Сьелюбинъ, Шковичъ, Сувьецъ, Свирани, Шати, Упники, Ушколь, Узильцъ и Венузовъ. О поименованныхъ сборахъ и общинахъ, находившихся въ мѣстностяхъ глухихъ, малоизвѣстныхъ, едва ли нужно замѣчать, что они потому остались безвѣстными въ исторіи, что не были замѣчательными средоточіями ни религіозной жизни, ни общественной образованности реформатовъ, и что они, какъ всѣ, безъ вѣсти пропавшія церкви, не долго были въ рукахъ кальвинистовъ. По своей загадочной, таинственной судьбѣ, по безвѣстности и неразгаданности самой мѣстности ихъ, они невольно напоминаютъ тѣ старинные русскіе храмы на полуразрушенныхъ скалахъ, холмахъ и оврагахъ, о которыхъ религіозно-настроенное, но суевѣрно пугливое воображеніе народа представляетъ, будто они сквозь землю провалились на этихъ таинственныхъ и угрюмыхъ созданіяхъ природы.

Изъ представленнаго очерка реформатскихъ церквей, при всей его неизбѣжной краткости и сухости, достаточно выясняется бѣдственная участь церквей, постепенный и безнадежный упадокъ принадлежавшихъ къ нимъ общинъ. Къ концу 18 вѣка изъ 180 церквей пол. 16 в. въ новогрудскомъ округѣ сохранилось двѣ церкви, во всѣхъ остальныхъ по одной; до настоящаго времени въ новогрудскомъ округѣ уцѣлѣло двѣ церкви, въ самогитскомъ и бѣлорусскомъ по одной, въ трехъ прочихъ ни одной. Всего бѣдственнѣе участь церквей бѣлорусскаго округа, за тѣмъ виленскаго, завилейскаго, подляхскаго, самогитскаго [155]).

Средства къ содержанію оставшихся за кальвинистами церквей.

При прогрессивномъ и быстромъ умаленіи въ своемъ числѣ, нѣкогда весьма значительномъ, тѣ не многія церкви, которыя оставались въ рукахъ кальвинистовъ, постоянно подвергались нападеніямъ и раззоренію алчнаго, ожесточеннаго изувѣрства. Всякаго рода имущество ихъ: земли, дома, мызы, капиталы, оброчныя и арендныя статьи съ крѣпостными, всякій строительный матеріалъ, всѣ церковныя принадлежности: сосуды, книги,

скамьи — все отторгалось, расхищалось и разграблялось. У проповѣдниковъ отнимались всякія средства къ существованію. Собственныя средства къ содержанію школъ и гошпиталей совершенно истощались. Для поддержанія существованія церквей, ихъ проповѣдниковъ, школъ, гошпиталей, приходилось прибѣгать къ частому испрашиванію легатовъ и заграничной помощи. Легаты состояли изъ денежныхъ взносовъ и недвижимыхъ имуществъ, поступавшихъ въ собственность всѣхъ церквей Литвы по дарственнымъ записямъ благотворителей. Какъ ни часто синодъ дѣлалъ воззванія къ благотворителямъ, но пожертвованій или легатовъ отъ обнищавшаго народа не поступало и изрѣдка шли подачки отъ вельможъ или владѣльцевъ: отъ ландгофмейстера Генриха Путкамера 15,000 гульденовъ, отъ Швабисцки имѣніе (въ Завилейскомъ округѣ) съ 100 крѣпостными, отъ княгини Каролины Радзивилловой — 84,000 гульденовъ. За заграничною помощію, или милостынею въ другія реформатскія страны литовскіе реформаты посылали (съ пол. 17 в.) почти каждый годъ. Но потому ли, что слишкомъ часто посылали, или сборщики попадались большею частію безчестные, безнравственные, внушавшіе къ себѣ всеобщее недовѣріе, непріязнь, сборъ получался ничтожный и собираемыя этимъ путемъ субсидіи далеко не покрывали вопіющихъ нуждъ церквей [156]).

Акторы. Постоянное посягательство на права и имущества реформатскихъ церквей, оправдываемое всѣми неправдами предъ судомъ и закономъ, побуждало литовскихъ реформатовъ искать защиты предъ тѣмъ же судомъ и закономъ. Правда, послѣ отмѣны законовъ 1672 г., предоставлявшихъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ свободу и равноправность, государственные законы на практикѣ имѣли силу только для господствующей религіи, въ исполненіе приводились постановленія суда, благопріятныя лишь для католиковъ; тѣмъ не менѣе милліонамъ подданныхъ совершенно отчаяваться въ покровительствѣ законовъ было бы невозможно: пока они состояли членами многоглаваго этого государства, могли и должны были заявлять предъ судомъ свои жалобы и протесты; по крайней мѣрѣ торжественно засвидѣтельствовать свою правоту и невинность, выплакать свое горе и представить его на судъ всего свѣта — было уже для нихъ величайшимъ утѣшеніемъ. И если гонимое христіанство имѣло своихъ апологетовъ въ языческихъ странахъ, предъ языческимъ правительствомъ, то какъ не быть имъ у неповинно-гонимыхъ подданныхъ христіанскихъ государей, предъ христіанскими властями? Въ началѣ 17 столѣтія мы уже встрѣчаемъ такъ называемыхъ акторовъ реформатскихъ церквей въ Литвѣ. Акторы — это люди съ умомъ, вліяніемъ и юридическою опытностію, имѣвшіе своею обязанностію ходатайствовать по дѣламъ какъ отдѣльныхъ общинъ и церквей, такъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Они являлись адвока-

тами предъ рейхстагами и провинціалъ-рейхстагами, трибуналами, гросгерихтами, консисторіями, епископами и королями. Съ конца 17 столѣтія, когда, при крайнемъ безсиліи отечественныхъ законовъ, дѣятельную помощь и заступничество можно было снискать единственно у иностранныхъ покровительствующихъ державъ, акторы становятся посланниками и повѣренными при иностранныхъ дворахъ, совершая частыя путешествія въ Берлинъ, Кёнигсбергъ, Петербургъ и т. д. Получали ль они вознагражденіе за хлопоты и труды, не видно. На путевыя издержки, понесенныя въ интересахъ всего исповѣданія, имъ выдавались нерѣдко значительныя суммы. Какимъ образомъ защищать повѣренныя дѣла вѣроисповѣданія, объ этомъ они совѣщались съ сеньорами, которымъ, равно какъ и синодамъ, представляли отчетъ въ своей дѣятельности [157]). Итакъ, актура или адвокатура, не хотѣвшая наконецъ терять попусту и словъ предъ судилищемъ беззаконныхъ и искавшая защиты внѣ своего отечества, не могла улучшить бѣдственную участь гонимыхъ; она могла доставить имъ развѣ нравственное утѣшеніе, пріятное сознаніе своей невинности и публичное уличеніе врага въ жестокости.

Состояніе управленія.

Высшими охранителями внѣшняго и внутренняго благосостоянія реформатскихъ общинъ, всегдашними попечителями о ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересахъ долженствовали быть синоды. Синоды, созываемые изъ представителей доховенства, дворянства и гражданъ, были главною административной инстанціею для всѣхъ шести округовъ страны. Въ кругъ дѣятельности синодовъ входили: распредѣленіе общецерковныхъ суммъ по мѣрѣ средствъ и нуждъ церквей, печатаніе богослужебныхъ книгъ, составленіе уставовъ для школъ и инструкцій для духовенства, усиленіе, а иногда и смягченіе строгости въ церковной дисциплинѣ, утвержденіе избираемыхъ общинами и представляемыхъ сеньорами проповѣдниковъ, избраніе сеньеровъ и консеньеровъ, прекращеніе распрей между духовными, избраніе пословъ на религіозныя и политическія собранія, составленіе инструкцій для нихъ и т. д. Литовскіе реформатскіе синоды—типъ крайне неустойчивый, измѣнчивый. До 1683 г. обычнымъ мѣстомъ собранія синодовъ была Вильна. По опредѣленію кіейданскаго синода 1692 г., синоды должны были созываться поочередно въ каждомъ округѣ, при чемъ указаны и пункты сборовъ, именно: въ округѣ виленскомъ—Цуправи, въ завилейскомъ—Биржецъ, въ новогрудскомъ—Біелицы, въ подляхскомъ—Цабкудовъ, въ самогитскомъ—Кіейдани, въ бѣлорусскомъ—Кайдановъ. Время для засѣданій синодовъ назначалось, повидимому, опредѣленное—въ концѣ іюня, отъ втораго до третьяго воскресенья послѣ Троицына дня, но далеко не каждый годъ они созываемы были.—Напр. во время русско-польской войны въ теченіи 7 лѣтъ

(отъ 1655—1663) не было ни одного собранія. Личный составъ членовъ синода, начиная съ председателя, былъ чрезвычайно измѣнчивъ. До 1618 года синодами заправляли два лица: одно духовное, другое свѣтское. Но съ этого года остается одинъ президентъ изъ свѣтскаго званія. Число духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, засѣдавшихъ въ синодѣ, въ различныя времена, было различно. Пока собранія происходили въ Вильнѣ, много литовскихъ дворянъ присутствовало на нихъ, особенно, когда разбирались дѣла, возбуждавшія всеобщій интересъ. Впослѣдствіи членовъ изъ дворянъ становилось все меньше. Членовъ отъ духовенства никогда не было болѣе 50. По опредѣленію отъ 1627 г. при синодальномъ управленіи учрежденъ низшій судъ (Synedrium), который во время засѣданій синода разбиралъ дѣла меньшей важности [158]). При столь измѣнчивомъ характерѣ синодовъ, они не могли служить постояннымъ и твердымъ центромъ литовскаго реформатства,—такого центра вовсе не было у него,—и не въ состояніи были замѣнить недостатокъ духовной исполнительной и руководствующей власти [159]). Постоянное умаленіе синодальныхъ членовъ, слѣдовательно исчезновеніе интеллигентныхъ представительныхъ силъ страны, перерывъ на нѣсколько лѣтъ засѣданій, перемѣна мѣстъ собраній и удаленіе ихъ отъ недоброжелательныхъ взоровъ высшаго правительства,—изъ столицы страны—все это было печальнымъ слѣдствіемъ бѣдственнаго гражданскаго положенія протестантства: прискорбныя внѣшнія обстоятельства тяжело отозвались на всѣхъ проявленіяхъ внутренней церковной жизни, легли подавляющимъ гнетомъ и на высшія административныя сферы.

Умственное и нравственное состояніе іерархіи. Сеньеры, консеньеры, пасторы.

Высшею послѣ синодовъ властію, ближайшими блюстителями правъ и интересовъ церквей были сеньеры. Съ своими консеньерами и помощниками—проповѣдниками и учителями школы, сеньеры составляли въ своемъ округѣ какъ бы постоянный синодъ и имѣли, въ предоставленныхъ имъ предѣлахъ, тѣ же права и обязанности, какія лежали и на синодахъ. Они были высшими духовными начальниками въ своемъ округѣ, вводили проповѣдниковъ на приходы, наблюдали за отправленіемъ ими богослуженія, особенно въ теченіе первыхъ трехъ лѣти ихъ служенія, разбирали проповѣдниковъ во всѣхъ взаимныхъ ихъ спорахъ и пререканіяхъ, имѣли надзоръ за поведеніемъ всего духовенства, охраняли церковное благочиніе, ревизовали сборы и т. д. [160]).

Сеньеры и консеньеры избираемы были изъ самыхъ образованныхъ и нравственныхъ людей, и, имѣя высшее наблюденіе надъ школами, пастырями, паствою, были главными просвѣтителями народа, руководителями общественной нравственности; слѣдовательно по ихъ умственному развитію и нравственнымъ качествамъ можно составить наглядное поня-

тіе о степени умственнаго и нравственнаго развитія всего реформатскаго общества. Въ этихъ видахъ сдѣлаемъ краткую характеристику замѣчательныхъ сеньеровъ, консеньеровъ и проповѣдниковъ по всѣмъ шести округамъ.

Число ученыхъ сеньеровъ и консеньеровъ распредѣлено было по округамъ крайне несоразмѣрно. Въ одномъ виленскомъ округѣ ихъ было болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, потому что они выбирались изъ всѣхъ округовъ, изъ сеньеровъ и ректоровъ гимназій. Изъ 20 сеньеровъ, въ теченіе 200 лѣтъ управлявшихъ виленскимъ округомъ, только восемь не извѣстны учеными трудами, достигли высокаго своего званія за выслугу лѣтъ, за долговременное управленіе церквами въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ, именно: Павелъ Гротъ (3-й въ преемственномъ спискѣ сеньеровъ), Яковъ Костецкій (6), Ѳома Хоцисцевскій (11), Мартинъ Ньевьерскій (16), Михаилъ Таубманъ Трцеббицкій (17), Константинъ Крапинскій (18) и Гавріилъ Бьеніасцевскій († 1754). Остальные двѣнадцать были одинъ другаго способнѣе, ученѣе и ревностнѣе къ своему долгу учительства. Нѣкоторые изъ нихъ ознаменовали себя миссіонерскою дѣятельностію, простиравшеюся далеко за предѣлы своей паствы, наприм. Симонъ Заціусъ былъ ревностнѣйшимъ миссіонеромъ реформатства въ Малой Польшѣ. Для предотвращенія своихъ единовѣрцевъ отъ совращенія въ другія секты и привлеченія къ себѣ иновѣрцевъ, многіе вели дѣятельную полемику съ социніанами и іезуитами, издавая противъ нихъ множество сочиненій и вступая съ ними въ публичные диспуты: Симонъ Заціусъ, Андрей Хрцестовскій, Адальбертъ Салинарій, Янъ Зигровіусъ, Павелъ Зарновичъ. Для утвержденія новообращенныхъ въ вѣрѣ, для наставленія всѣхъ въ главныхъ религіозныхъ истинахъ, рѣдкій изъ нихъ не писалъ катихизиса или катихизическихъ поученій; наиболѣе извѣстны въ литературѣ этого рода: тѣже Симонъ Зацій, Янъ Зигровіусъ и Станиславъ Судровскій. Одинъ предъ другими блистали ораторскими дарованіями и ихъ краснорѣчивыя проповѣди признательные слушатели печатали на свой счетъ, для общаго блага и утѣшенія вѣрующихъ, для отрезвленія превратныхъ умовъ, для славы единаго въ Троицѣ Бога»; таковы по преимуществу: Андрей Арцестовскій, Балтасаръ Лабецкій. Иные отличались обширною ученостію по части языкознанія: тотъ же энциклопедистъ Симонъ Зацій и Николай Доцицковичъ (знавшій въ совершенствѣ 7 языковъ), затѣмъ въ области библейско-истолковательной письменности и на поприщѣ педагогической литературы; таковъ Андрей Добрцанскій, сынъ православнаго священника изъ Rathrussland, вскорѣ по обращеніи въ реформатство сдѣлавшійся проповѣдникомъ, потомъ консеньеромъ русскаго округа въ Малой Польшѣ и наконецъ сеньеромъ виленскаго округа. (Венгерскій — въ Slavonia reformata p. 441 называетъ его человѣкомъ науки, мужемъ, исполненнымъ

благочестія и ревности); таковы въ особенности сеньеры, бывшіе прежде профессорами и ректорами гимназій, Андрей Музоніусъ, бывшій ректоръ школы богемскихъ братьевъ и слуцкой гимназіи, «vir gravissimus et undique doctissimus» и Павелъ Зарновичъ, бывшій профессоръ исторіи въ кіейданской гимназіи [161]). Изъ консеньеровъ виленскаго округа, которыхъ всѣхъ извѣстно лишь шесть, нѣкоторые по уму и образованности могли соперничать съ лучшими образованнѣйшими сеньерами. Янъ Барциковскій извѣстенъ, какъ талантливый и многостороннеученый мужъ; Григорій Зарновичъ, внукъ знаменитаго проповѣдника Григорія Зарновича, не менѣе его славился своимъ краснорѣчіемъ и проповѣдническими способностями [162]). Нельзя однако не замѣтить, что лучшіе ученѣйшіе сеньеры виленскаго округа были преимущественно въ 16 вѣкѣ и первой половинѣ 17, напротивъ посредственность, бездарность выпадаетъ на долю позднѣйшаго времени.

Въ пяти другихъ округахъ, въ теченіе 200 л., находимъ по два, по три ученыхъ принципала, а иногда и ниодного. Въ завилейскомъ округѣ изъ 13 сеньеровъ ученыхъ было три: Балтасаръ Крозніевицкій, воспитанникъ и ректоръ литовскихъ реформатскихъ школъ и докторъ Богословія отъ базельскаго университета (управлявшій округомъ въ началѣ 17 вѣка) и Самуилъ Минвидъ, учившійся въ литовскихъ школахъ и въ заграничныхъ университетахъ. Писалъ ли что Крозніевицкій, не извѣстно, а отъ Минвида осталась только проповѣдь на погребеніе Христофора Христофоровича Радзивилла, напечатанная въ Любечѣ въ 1641 г. Затѣмъ, Ѳома Кржицерскій говорилъ и писалъ популярныя проповѣди на литовскомъ языкѣ [163]). Изъ сеньеровъ Новогрудскихъ заслужили извѣстность: Даніилъ Ренеръ, мужъ глубокаго ума и обширной ерудиціи и Христофоръ Таубманъ Трцебицкій, оставившій въ рукописи трактатъ философскаго содержанія [164]). Къ нимъ можетъ быть причисленъ консеньеръ Яковъ Бискупси, издавшій въ 1610 г. полемическій трактатъ противъ католиковъ въ 176 листовъ [165]). Изъ сеньеровъ Подляхіи только одинъ Янъ Христофоръ Краинскій отличался ученостію, особенно знаніемъ древнихъ языковъ. Но письменныхъ ученыхъ трудовъ отъ него не осталось никакихъ, за исключеніемъ напечатанной подъ его наблюденіемъ въ Лондонѣ литовской библіи [166]). Большія надежды подавалъ консеньеръ Янъ Островскій, воспитывавшійся при дворѣ герцога Бригскаго и князя Острожскаго, девять лѣтъ занимавшійся у профессоровъ лейденскаго и лондонскаго университетовъ и, еще въ бытность свою профессоромъ богословія при кіейданской гимназіи, обращавшій на себя всеобщее вниманіе своею обширною и основательною ученостію, а главное чистотою и изящностію языка и даромъ импровизаціи, но онъ умеръ на 34 году своего возраста въ 1644 г., успѣвъ выпустить въ свѣтъ одно капитальное полемическое сочиненіе: «Защита

евангелической невинности противъ обвиненія ея въ ереси [167]). Наконецъ изъ консеньеровъ Подляхіи можно указать еще одного ученаго мужа, или точнѣе искуснаго диспутанта Гавріила Речинскаго, умершаго въ 1687 г. [168]). Іерархія самогитскаго округа еще бѣднѣе умственными талантами. Гордонъ владѣлъ знаніемъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и англійскаго; Миколаевскій нѣсколько выдвигался предъ другими съ своимъ церковнымъ краснорѣчіемъ; Разіусъ писаль что-то въ полемическомъ родѣ; Рекукъ издалъ нѣсколько переводовъ съ французскаго и англійскаго,—вотъ и всѣ лучшіе умы между 17 сеньерами Самогитіи и ихъ ученые труды. Въ заграничныхъ университетахъ только двое изъ нихъ получили образованіе [169]). Сеньеры Бѣлоруссіи ничѣмъ не ознаменовали себя на поприщѣ науки. Въ бѣлорусскомъ округѣ были нѣкогда даровитые и ученые проповѣдники и консеньеры, напр., Симонъ Будный (изъ Клекка), большой знатокъ древнихъ языковъ, много потрудившійся въ переводахъ св. писанія на польскій и литовскій языки и въ библейскихъ комментаріяхъ, написавшій много полемическихъ и апологетическихъ сочиненій: большой и малый катихизисы и пр. Ѳома Фальконскій (тоже изъ Клекка) замѣчательный проповѣдникъ, человѣкъ съ чрезвычайною силою воли, характеромъ прямымъ и открытымъ, съ мужествомъ и безстрашіемъ по истинѣ изумительными (на синодѣ въ Кзіасѣ 1560 г. онъ два дня держалъ рѣчь противъ недостойныхъ проповѣдниковъ, вельможъ и всѣхъ сильныхъ міра, «которые носятъ имя Господа Христа только въ устахъ, но въ сердцѣ и жизни, въ намѣреніяхъ и дѣяніяхъ становятся противниками Христа»), Лаврентій Кржишковскій, очень свѣдущій въ философіи, богословіи и особенно въ святоотеческихъ твореніяхъ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла и рѣдкимъ діалектическимъ искусствомъ умѣвшій направить древніе полемическіе трактаты отцевъ противъ новѣйшихъ утонченныхъ лжеученій и въ бесѣдѣ съ простыми людьми являвшійся простымъ и простѣйшимъ изъ всѣхъ, говорившій рѣчью простою, управляемою Духомъ. Но эти ученые и способнѣйшіе предстоятели церкви совратились въ социніанство, а Кржишковскій сдѣлается суперъ-интендентомъ анабаптистовъ. Одинъ изъ сеньеровъ Бѣлоруссіи былъ русинъ, но обстоятельства жизни его, къ сожалѣнію, не извѣстны [170]).

Мы старались собрать всѣ, сколько нибудь извѣстныя ученыя имена іерарховъ и выставить на видъ всѣ печатные труды ихъ и въ результатѣ, однако, оказывается, что во всѣхъ провинціальныхъ округахъ, за 200 слишкомъ лѣтъ, мужей науки было не болѣе 11, и что письменныхъ трудовъ осталось отъ нихъ весьма мало: десятокъ проповѣдей, одно философское сочиненіе, три полемическихъ, нѣсколько переводовъ съ новыхъ языковъ. — При обѣдненіи и измельчаніи литературы, составленіе краткихъ литургійныхъ произведеній (подляхскимъ сеньеромъ Высоцкимъ

въ 1644 г.) было большою отличкою. Внѣ центра своего — столицы Литвы, реформатская литература никогда не отличалась богатствомъ и производительностію, но никогда она не дошла до такого упадка, какъ въ 17 столѣтіи, когда гоненія врага направлены были на школы, науку протестантовъ и когда наилучшія силы стали уходить въ другія секты и посвящать свою плодотворную дѣятельность на служеніе чуждыхъ интересовъ.

Еще скуднѣе исторія реформатской іерархіи примѣрами нравственныхъ совершенствъ и пастырскихъ добродѣтелей. О нравственныхъ доблестяхъ избраннѣйшихъ сеньеровъ виленскаго округа не встрѣчаемъ извѣстій, за исключеніемъ краткаго (приведеннаго) отзыва о благочестіи и ревности сеньера Дорбцанскаго. Изъ сеньеровъ завилейскихъ Мартинъ Битнеръ обращалъ на себя вниманіе сравнительною честностію. Самуилъ Битнеръ былъ пламеннымъ защитникомъ правъ и свободы единовѣрцевъ, не щадилъ для нихъ ни трудовъ, ни имущества: не разъ съ опасностію жизни ѣздилъ въ лагери Карла XII и Петра Великаго, путешествовалъ къ берлинскому двору; для болѣе удобныхъ сношеній съ кенигсбергскими властями, переселился въ Кіейданы, ближе къ Кенигсбергу и сложилъ съ себя званіе сеньера, чтобы всецѣло посвятить себя завѣтной идеѣ — образовать изъ Литвы протестантское государство въ зависимости отъ Пруссіи. Идея давно отжившая свой вѣкъ, тщетно преслѣдованная Сигизмундомъ Августомъ! Но беззавѣтно преданный ей, Битнеръ совѣтовалъ королю прусскому захватить имѣнія могущественнаго Радзивилла Биржецкаго, завладѣть замками въ Слуцкѣ и Биржецѣ и потомъ попытаться оружіемъ и деньгами плѣнить всю Литву и западную Русь. Рѣдкій въ своемъ родѣ христіанинъ, долгое время примѣрный пасторъ вышелъ наконецъ плохимъ гражданиномъ и неискуснымъ политикомъ, не намѣреннымъ измѣнникомъ и предателемъ отечества; его излишняя, неразумная ревность о свободѣ единовѣрцевъ повергла было страну въ ужасное рабство, готовила ей новыя неслыханныя бѣдствія [171]). Ревностнѣйшимъ и благороднѣйшимъ защитникомъ правъ и свободы своего вѣроисповѣданія явилъ себя самогитскій сеньеръ Рекукъ, дни и ночи проводившій въ перепискѣ съ своими единовѣрцами въ Литвѣ и Польшѣ, съ прусскимъ дворомъ, съ русскими, датскими и шведскими послами при берлинскомъ и варшавскомъ дворахъ. Къ прискорбію, всѣ его хлопоты не улучшали бѣдственнаго положенія единовѣрцевъ и самъ онъ въ трудовой своей жизни терпѣлъ крайнюю нужду и нищету. «Мнѣ не откуда взять куска хлѣба, писалъ онъ въ письмѣ отъ 30 декабря 1707 года, нечего и некому продать, не осталось даже домашней посуды и я задолжалъ домашней прислугѣ; за годъ выдали мнѣ жалованья 50 талеровъ, за три четверти другаго года не получилъ ни одного пфенига». Но и при такихъ неудачахъ и лишеніяхъ, его ревность о благѣ дру-

гихъ не угасала. Свѣтлою и симпатическою личностію является предъ нами консеньеръ Мартинъ Болковскій, мужъ благочестивый, къ своему долгу ревностный, въ собраніяхъ краснорѣчивый, въ жизни воздержный [172]). Сеньера Подляхіи Краинскаго виленскій синодъ 1663 г. назвалъ мужемъ исполненнымъ ревности и подвига [173]). Вотъ и всѣ образцы нравственнаго совершенства! Во всемъ сонмѣ іерарховъ, за цѣлый двухсотлѣтній періодъ, можно насчитать ихъ не болѣе пяти [174]). И въ чемъ собственно состоятъ нравственныя ихъ доблести? Въ религіи разсудка, ума, гдѣ наивысшее достоинство души поставляется въ личномъ созерцательномъ общеніи съ божествомъ, — гдѣ нравственность является больше какою-то раціональною добродѣтелію, состоящею въ развитіи ума до той высоты, на которой онъ открывается озаренію свыше, — представители духовныхъ ея силъ нравственное свое призваніе поставляли преимущественно въ томъ, чтобъ въ себѣ и другихъ развить умственныя, созерцательныя способности, чтобъ для себя стяжать и другимъ сообщать какъ можно болѣе познаній о вѣрѣ, при случаѣ пріобрѣсть своему вѣроисповѣданію новыхъ прозелитовъ. Затѣмъ, если кто-либо изъ сеньеровъ и ихъ помощниковъ заявилъ себя сравнительною честностію, ревностію и исполнительностію по службѣ, не расточилъ собранной для общества милостыни, историческіе памятники того времени отмѣчаютъ эти явленія, какъ факты необычайно знаменательные. Нѣкоторые изъ сеньеровъ ознаменовали свое правленіе ревностнымъ до самоотверженія ходатайствомъ предъ своими и иностранными властями за права и интересы единовѣрцевъ, но какъ ни отрадны и ни привлекательны съ перваго взгляда подобныя дѣла самоотверженной любви, на самомъ дѣлѣ это были скорѣе патріотическіе подвиги съ религіозною окраскою (и къ сожалѣнію не улучшавшіе, а иногда отягчавшіе бѣдственное положеніе страждущихъ), чѣмъ жертвы безкорыстной, евангельской любви. Сеньеры, консеньеры вся вообще іерархія и паства отличались нѣкогда строгостію семейныхъ нравовъ, обиліемъ гражданскихъ добродѣтелей, образцовыми дисциплинарными учрежденіями; но свѣтлыя эти стороны церковно-общественной жизни скоро померкли, добрые семейные нравы исчезли, строгость дисциплины ослабла, наиболѣе полезныя учрежденія вовсе отмѣнены. Да и могли-ли они долго держаться въ тѣхъ отпадшихъ членахъ, которые отсѣклись, оторвались отъ единаго, животворящаго тѣла вселенской церкви и, не смотря на всѣ свои стремленія къ личному общенію со Христомъ, чужды истиннаго духа Христова, удалены отъ полноты Его благодатнаго воздѣйствія въ таинствахъ церкви, такъ какъ у нихъ нѣтъ истинныхъ таинствъ? Тотъ временный идеальный образъ жизни ихъ, который поражалъ насъ своимъ внѣшнимъ величіемъ и святостію, былъ не что иное, какъ практическій протестъ всеобщему злу и растлѣнію, своего рода крайность, вспышка, увлеченіе реакціи, которыя никогда не могутъ быть

продолжительны и устойчивы. Это былъ, можно сказать, скороспѣлый и слѣдовательно непрочный плодъ самыхъ напряженныхъ усилій естественной нравственности, которая сама по себѣ не можетъ быть плодоносною и устойчивою. При мрачномъ пуританскомъ взглядѣ на жизнь и ея радости, въ основѣ этого нравственнаго быта лежало начало фальшивое, которое для жизни было насиліемъ и потому не могло привиться вездѣ и навсегда и находило себѣ выраженіе въ исключительные моменты жизни. Измѣнивъ строгому образу жизни, новые эти пуритане, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не пошли далѣе такъ-называемыхъ добродѣтелей ума, выразившихся въ миссіонерской, проповѣднической и вообще просвѣтительной дѣятельности, и — нравственно-естественныхъ и общественныхъ добродѣтелей, и тѣ и другія добродѣтели, обусловливаясь въ своемъ развитіи состояніемъ умственнаго образованія, мѣрою личнаго чрезъ Богопознаніе общенія съ божествомъ должны были значительно пасть вмѣстѣ съ упадкомъ просвѣщенія и, внѣ полноты благодатнаго содѣйствія, никогда не могли возвыситься до требуемой духомъ христіанства чистоты, до истинно самоотверженныхъ дѣлъ любви и подвиговъ святости.

Желая сколько нибудь оправдать и возвысить невысокій уровень нравственности единовѣрцевъ, протестантскіе писатели обыкновенно жалуются на жестокость гоненій отъ латинянъ, сравниваютъ ихъ съ гоненіями первенствующихъ христіанъ и своихъ страдатьцевъ изъ предстоятетей церкви вписываютъ въ мартирологи. Тѣ и другія гоненія, дѣйствительно, имѣютъ сходство во внѣшнихъ своихъ ужасахъ, въ изувѣрствѣ и ярости гонителей; но странно было бы сопоставлять ихъ между собою по подвигамъ героизма, святости жизни гонимыхъ. Чтобы данныя гоненія способствовали возвышенію вѣры и нравственности протестантовъ, хотя бы въ лицѣ предстоятелей. церкви, чтобъ кровь гонимыхъ была сѣменемъ для новыхъ послѣдователей, для этого нужны: апостольская ревность къ вѣрѣ, удивлявшее самихъ ангеловъ терпѣніе мучениковъ, ангельская чистота нравовъ и святость жизни первенствующихъ христіанъ. Нравы жъ реформатовъ литовскихъ, даже въ цвѣтущую, исключительную эпоху ихъ, далеко не достигали высоты жизни св. ангельскаго общества первенствующихъ христіанъ. Тѣмъ болѣе не отличались нравственностію потомки ихъ, не исключая и самихъ представителей общественной нравственности — сеньеровъ, консеньеровъ и т. д.; мучениковъ вѣры они не думали изъ себя представлять; они лишь жаловались, протестовали, прибѣгали къ покровительству сильныхъ міра, бѣжали въ чужія земли, да и по самымъ догматическимъ ихъ воззрѣніямъ ореолъ мученичества не былъ привлекателенъ для нихъ.

Въ средѣ пасторовъ людей образованныхъ, нравственно соотвѣтствующихъ своему назначенію было гораздо менѣе, чѣмъ между сеньерами и

консеньерами. Въ счастливую пору протестантизма и вмѣстѣ въ самую благопріятную для польской науки и образованности, въ царствованіе Сигизмунда Августа и отчасти Генриха Валуа и Стефана Баторія почти до конца XVI вѣка, въ Литвѣ были пасторы (Воланъ, Лазицкій, Зюдоровскій, Храстовскій, Бискупсъ и другіе), отличавшіеся многостороннею ученостію, преимущественно богословскою, сильные въ діалектикѣ, софистикѣ, внушавшіе страхъ іезуитамъ, бывшіе грозою ихъ. Но эти ученые остались почти безъ учениковъ и подражателей; въ 20 годахъ XVII вѣка о нихъ сохранилось лишь пріятное воспоминаніе, одно доброе преданіе. Такъ какъ бѣдствія гоненій обрушивались всею тяжестію на пасторовъ и потому никто, не желая вѣнца мученическаго, не хотѣлъ идти въ проповѣдники [175]), то общины поставлены были въ необходимость выбирать себѣ пасторовъ изъ людей недостойныхъ, невѣжественныхъ, которые едва умѣли читать и совершать богослуженіе, по свидѣтельству виленскаго собора 1617 г., не могли различить своей вѣры отъ чужой, поучали народъ по подброшеннымъ имъ католическими и социніанскими сектантами книгамъ, сами же склоняя паству въ чуждую вѣру и секту. Съ теченіемъ времени образованныхъ достойныхъ пасторовъ становилось все менѣе и менѣе [176]).

Съ появленіемъ протестантизма и начавшимся вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіемъ науки въ литовско-польскомъ государствѣ, сильно развилось книгопечатаніе. Во всѣхъ значительныхъ городахъ страны, по вычисленію Бандке въ 57-ми, заведены были типографіи. Въ одной Вильнѣ реформатскихъ типографій было 8. Типографіи существовали въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ теперь трудно отыскать какую бы то ни было книгу. Въ былое время онѣ десяткати и сотнями издавали апологетическія полемическія сочиненія: Кровицкаго, Зарновича, Волана, ученые богословскіе трактаты и книги проповѣдей: Краинскаго, Романовскаго, Рейя, Дамбровскаго, Шемпина, словомъ печатали всякаго рода диссидентскія, а иногда и католическія сочиненія, и на всѣхъ употребительныхъ въ странѣ языкахъ: литовскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и отчасти русскомъ. Въ царствованіе Сигизмунда III всѣ типографіи (за исключеніемъ одной любечской, существовавшей до 1658 года) были закрыты, или обращены въ католическія. Самыя лучшія достались іезуитамъ, напр. въ Брестѣ-Литовскомъ и Вильнѣ. Въ 1621 г. введена строжайшая цензура. Не только печатаніе, но даже сбереженіе книгъ въ домѣ ли, библіотекѣ и лавкѣ, безъ дозволенія на то церковной власти, воспрещалось подъ страхомъ церковной анаѳемы и суда гражданскаго. Книги, содержавшія въ себѣ протестантское ученіе, или изданныя протестантами, отнимали и уничтожали. Книги, заключавшія въ себѣ какіе-либо косвенные намеки на злоупотребленія Рима, сожигали. Нерѣдко истребляли книги безъ всякаго разсужденія относительно ихъ содержанія за то только,

Общее состояніе просвѣщенія. Типографіи, школы, библіотеки, архивы.

что онѣ выходили изъ типографій, которыя когда-то печатали еретическія сочиненія. Для большей торжественности, книги сожигались на площадяхъ руками палачей при многочисленномъ стеченіи народа. Всѣ протестанты, переходившіе въ католическую вѣру, чтобы доказать искренность своего обращенія, должны были сожигать свои библіотеки. Отъ этой пагубной войны съ книгами и типографіями погибли всѣ наилучшія произведенія золотаго періода польской литературы. Съ этого времени если и печатались какія либо протестантскія сочиненія, символическія и богослужебныя книги, библія, то гдѣ-нибудь за границею, или въ тайной типографіи, которая съ величайшею осторожностію переносилась съ одного мѣста на другое, (изъ Кіейданъ въ Митаву, затѣмъ въ Слуцкъ и наконецъ (въ 1705 г.) въ Кенигсбергъ) [177]).

Католическій фанатизмъ добрался и до школъ, этой главной силы и опоры протестантизма. Съ добраго почина Радзивилла Чернаго, кальвинисты, для распространенія своего ученія, почти при каждой церкви имѣли большія и малыя школы. Въ Вильно, Биржцѣ, Брестѣ Литовскомъ, Несвижѣ, Сѣмятычахъ, Сцидловѣ, Заблудовѣ, словомъ въ центрахъ каждаго округа открыты были въ очень раннее время (въ какое неизвѣстно) гимназіи, (внутреннее состояніе которыхъ будетъ описано въ своемъ мѣстѣ). Въ концѣ 16 и началѣ 17 вѣка школы переполнены были учениками, которые въ короткое время дѣлались горячими кальвинистами. Для всѣхъ было ясно, что, если вырывать съ корнемъ, «непотребную ересь», то надобно покончить съ ея школою и наукою. Благодаря систематическимъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ, протестанты не рѣдко сами должны были закрывать свои школы. А чаще правительство по самому ничтожному случаю закрывало и уничтожало ихъ училища. Напр. школьникъ виленской реформатской семинаріи, стрѣляя изъ лука, случайно попалъ стрѣлою въ статую архистратига Михаила, стоявшую на католической церкви; это значило, что школа воспитываетъ будущихъ фанатиковъ, которые нагло будутъ ругаться надъ господствующею въ государствѣ религіею: зданіе училищное было разрушено; во всемъ виленскомъ округѣ школы были закрыты. Виленская семинарія закрыта на канунѣ преобразованія своего въ академію. Вообще въ бѣдственное для протестантовъ царствованіе Сигизмунда III-го реформатскимъ школамъ нанесенъ такой сильный ударъ, отъ котораго имъ никогда не оправиться. Въ сравнительно лучшія времена Владислава, попеченіями Христофора Христофоровича Радзивилла, сдѣлано нѣсколько улучшеній по части образованія. Въ періодъ времени 1636 и 1637 годовъ (а по другимъ извѣстіямъ 1626 — 1627) основаны гимназіи въ Слуцкѣ и Кіейданахъ, устроены приличныя помѣщенія для нихъ. Число учащихся въ нихъ не извѣстно, но преподавателей въ каждой было отъ 6-ти до 9-ти. При слуцкой гимназіи для бѣдныхъ воспитанниковъ, готовившихся

къ духовному званію, былъ устроенъ конвиктъ, въ которомъ они имѣли готовое помѣщеніе, столъ, отопленіе и освѣщеніе. Кіейданская гимназія обзавелась богатою библіотекою. Въ Цабкудовѣ открыта (въ 1654 году) семинарія, снабженная порядочною библіотекою и обезпеченная въ содержаніи вкладами. Она учреждена по просьбѣ малопольскихъ кальвинистовъ, которые жаловались, что ихъ юношество, предназначенное къ духовному званію, не получаетъ приличнаго образованія, и имѣла главнымъ своимъ назначеніемъ воспитаніе пасторовъ для Литвы и Малой Польши. Но цабкудовская семинарія не только не выполнила своего назначенія, но сразу же снизошла въ разрядъ элементарныхъ школъ. И вообще все, что въ царствованіе Владислава сдѣлано для поднятія протестантскаго образованія, было плодомъ послѣднихъ напряженій истощенныхъ духовныхъ силъ народа, послѣднимъ мерцаніемъ, мгновенной вспышкою угасавшаго просвѣщенія. Въ теченіе цѣлаго почти полвѣка не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій объ упомянутыхъ школахъ, кромѣ развѣ такихъ печальныхъ, случайно высказанныхъ: гдѣ было 6 и 9 учителей, тамъ осталось два — три, а чаще ни одного; должность учителя исправлялъ въ нихъ мѣстный пасторъ, и всѣ прославленныя гимназіи превратились въ элементарныя церковно-приходскія школы, и то существовавшія временно, случайно. При другихъ церквахъ, если и были школы, то развѣ при весьма немногихъ, въ лучшихъ городахъ, и то не постоянно, временно [178]).

Внѣшнія бѣдствія и страданія иногда способствуютъ возвышенію просвѣщенія. Когда все окружающее возстаетъ на человѣка, онъ спѣшитъ укрыться отъ бурь житейскихъ въ глубинѣ собственнаго духа, живетъ во внутреннемъ мірѣ мысли и во внутреннемъ самоуглубленіи, въ напряженіи мысли и духа находитъ единственную отраду и помощь, а главное въ развитіи мысли, въ возвышеніи науки ищетъ надежнаго оружія для борьбы со врагомъ. Но такъ благодѣтельно дѣйствуютъ тѣ бѣдственныя обстоятельства, которыя предостерегаютъ насъ отъ излишнихъ увлеченій, суетности, самонадѣянности и другихъ подобныхъ помѣхъ научнымъ занятіямъ, которыя не подавляютъ, а возбуждаютъ бодрость и энергію духа. Тѣ же бѣдствія и гоненія, которыя отнимаютъ всякія средства не только къ занятіямъ наукою, но и безбѣдному существованію, которыя заставляютъ постоянно трепетать за себя и другихъ, за похищеніе всѣхъ человѣческихъ правъ, за безопасность жизни и имущества, — подавляютъ умственную производительность, отбиваютъ стремленіе къ образованію, парализуютъ умственныя и нравственныя силы народа. Таковы именно были преслѣдованія и гоненія, претерпѣваемыя отъ католиковъ протестантами.

Съ половины XVII вѣка религіозный фанатизмъ католиковъ, разжигаемый іезуитами, постепенно достигалъ ужасающихъ размѣровъ. Во-

преки воли добраго короля Владислава, рейхстагъ издалъ указъ о закрытіи всѣхъ протестантскихъ школъ въ Литвѣ какъ частныхъ, такъ и церковныхъ; самыя церкви и богадѣльни велѣно было перенести за городъ, или вовсе закрыть. Получивъ дозволеніе совершать богослуженіе развѣ внѣ города, пасторы — эти единственные просвѣтители народа осуждены быть вѣчно въ изгнаніи, сидѣть подъ арестомъ въ такомъ же отдаленіи отъ города и общества, въ какомъ находились и самыя церкви ихъ; ни съ кѣмъ внѣ храма не смѣли сказать слова [179]).

Въ послѣдующія царствованія было еще хуже для протестантовъ. При Янѣ Казимірѣ, въ злополучное нашествіе Густава Адольфа все возстало на нихъ. Янушъ и Богуславъ Радзивиллы (двоюродные братья) подъ знаменами Густава сражались противъ собственнаго отечества. Воины Густава, во время тридцатилѣтней войны привыкшіе къ грабежу, насилію и кровопролитію, грабили нерѣдко и своихъ единовѣрцевъ. Раззоренія и жестокости, которыя они причинили полякамъ, послѣдніе сторицею выместили на протестантахъ, считая ихъ тайными союзниками шведовъ. Чернь, войска и школьники іезуитскіе грабили ихъ домы, лавки и мастерскія. Ксендзы благословляли народъ на всякое насиліе, убійство и грабежъ, и собственными руками сожигали домы и церкви протестантовъ. Тысячи несчастныхъ погибли, или искали спасенія въ бѣгствѣ, удаляясь въ Шлезвигъ и Бранденбургъ. Въ это время протестантскихъ церквей такъ много отнято было католиками, сожжено и раззорено, изъ среднихъ и низшихъ классовъ такъ много было совращено въ католицизмъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нигдѣ почти не отправлялось протестантское богослуженіе, а потомъ долгое время (въ 60 годахъ) совершалось въ трущобахъ и подземельи. Въ самыхъ большихъ городахъ: Вильно, Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ трудно было найти два-три семейства гельветическаго исповѣданія. Вообще въ злосчастное для протестантовъ царствованіе Іоанна Казиміра «непотребная ересь и наука» ихъ считались искорененными [180]).

Въ правленіе Михаила Корибута Вишневецкаго и Яна Собѣсскаго политическій горизонтъ страдальцевъ прояснялся иногда, но для того только, чтобы еще гуще покрыться грозными, разрушительными тучами. Изъ могущественной фамиліи Радзивилловъ, бывшей единственною защитою и охраною ихъ, теперь оставались лишь двѣ наслѣдницы ихъ несчетныхъ богатствъ и имѣній — Марія-Анна и Каролина-Августа. Чтобъ имѣть въ нихъ опору и защиту для себя, протестанты постарались устроить ихъ браки — Анны съ герцогомъ прусскимъ Богуславомъ, Каролины — съ курфюрстомъ бранденбургскимъ Людвигомъ. Но если отцы и дѣды именитыхъ княжнъ, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи военныя силы княжества, часто не могли спасать народъ отъ угнетеній и гоненій, то что могли сдѣлать слабыя женщины, жившія вдали отъ несчастной

родины? Верховнымъ покровительницамъ удавалось вырывать изъ хищныхъ рукъ нѣсколько церквей въ своихъ имѣніяхъ; гонимымъ проповѣдникамъ онѣ позволяли жить въ своихъ дворцахъ и имѣніяхъ. Но вырванные изъ грабительскихъ рукъ храмы снова были отнимаемы хищниками; все имущество церквей и ихъ служителей разграблялось и распродавалось, какъ законная и священная добыча. Нѣсколько минутъ набѣга дикой орды фанатическихъ хищниковъ и грабителей, и цѣлой улицы домовъ мирныхъ обывателей, служителей церкви, гошпиталей и пр. какъ никогда не существовало. Говорить ли о насиліяхъ свободѣ совѣсти и религіи, какія протестанты терпѣли наравнѣ съ православными, а иногда гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ эти послѣдніе? У жида арендатора церкви, православные могли купить позволеніе совершить въ ней крещеніе, бракосочетаніе и погребеніе, отправить обѣдню, утреню: у протестантовъ часто вовсе не было храмовъ, а внѣ церкви не позволялось отправлять никакой священной службы, ни крещенія ни погребенія. Протестантовъ ежедневно толпами призывали на судъ консисторій и трибуналовъ за «поношеніе» (т. е. непочитаніе) святыхъ, Панны Маріи. Этого мало. Іезуиты всѣмъ и каждому дали пастырское разрѣшеніе не только грабить и разрушать протестантскіе соборы, но и убивать самихъ протестантовъ. Ксендзы, при всякой встрѣчѣ съ пасторами, готовы были избить, ограбить и умертвить ихъ [181]). Съ новою неслыханною жестокостію гоненіе простерлось на всѣ священныя книги протестантовъ: библію, катихизисы, на всѣ библіотеки и церковные архивы, которые обыкновенно сожигались, или расхищались [182]). При такихъ обстоятельствахъ, отягчаемыхъ къ тому же раздорами и распрями лютеранъ съ кальвинистами, до науки-ль имъ было? Давно уже всѣ думы и заботы ихъ были устремлены не на науку и образованіе, но на сохраненіе жизни и безопасности. Всѣ заботы и попеченія августѣйшихъ покровительницъ ихъ обращены были не на привлеченіе къ своей вѣрѣ другихъ иновѣрныхъ, но на удержаніе и сохраненіе своихъ отъ всепоглащающаго католицизма [183]).

Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія, стараніями Каролины-Августы, сдѣлано нѣсколько попытокъ къ поднятію религіознаго образованія въ странѣ. На ея счетъ 12 молодыхъ людей изъ Литвы были отправлены въ германскіе университета (берлинскій, кенигсбергскій, одерскій на Майнѣ), для приготовленія къ высшему церковному служенію, и нѣсколько юношей послано въ оксфордскій университетъ [184]). Въ самой Литвѣ появляются четыре кальвинскія школы, должно быть въ родѣ гимназій. Біеликскій соборъ, на которомъ присутствовали уполномоченные отъ маркграфини, предписалъ всѣмъ проповѣдникамъ, непосредственно за чтеніемъ слова Божія въ церквахъ, предлагать народу объясненіе прочитаннаго: вновь поставленнымъ проповѣдникамъ узаконилъ три раза въ годъ съѣзжаться къ старшимъ проповѣдникамъ и практиковаться подъ ихъ руко-

водствомъ въ ораторскомъ искусствѣ. Сеньерамъ и проповѣдникамъ тѣмъ же соборомъ вмѣнено въ обязанность записывать всѣ выдающіяся событія, касающіяся какъ всей церкви, такъ и отдѣльныхъ лицъ, о наиболѣе важныхъ происшествіяхъ доносить синоду и копіи съ донесеній хранить въ церковныхъ архивахъ. Суперъ-интендентамъ Николаю Монвиду и Михаилу Таубману поручено пересмотрѣть и составить каталогъ богатѣйшаго биржецкаго архива, находившагося въ имѣніи Радзивилловъ Биржецкой линій, и перевести на литовскій языкъ исторію реформаціи Венгрскаго съ необходимыми дополненіями и объясненіями. Положимъ, что рядъ этихъ распоряженій не остался мертвою буквою узаконеній, хотя отъ слова до дѣла, отъ распоряженія до исполненія еще далеко; но если кальвинисты начали улучшать свою церковную проповѣдь, раскапывать архивы. создавать у себя историческую и археологическую науку, то большей части этихъ благихъ начинаній суждено было погибнуть въ самомъ началѣ. По смерти Каролины Августы и Яна III Собѣсскаго, въ царствованіе Фридриха Августа, при которомъ царили въ государствѣ магнаты и іезуиты, снова возгорѣлось жестокое гоненіе на протестантскія церкви, школы, склады книгъ, типографіи, архивы: все сожигалось или расхищалось. Наступившая вслѣдъ затѣмъ шведская война довершила рядъ бѣдствій. Какая опасность теперь угрожала мирному занятію наукою, видно уже изъ того, что для спасенія биржецкаго архива отъ истребленія нужно было всѣ бумаги его перевозить въ Кенигсбергъ (1700 г.). До науки ли было въ это время реформатамъ [185]).

Итакъ наука, стоявшая нѣкогда на значительной высотѣ, къ концу 17-го вѣка пала, погибла. Невыносимыя бѣдствія и гоненія латинянъ, постепенно убивавшія ея производительность, довели ее до окончательнаго застоя и омертвѣнія. Подъ ихъ жестокими бурями просвѣщеніе наконецъ угасло.

Состояніе богослуженія.

Для полноты обзора внутренняго состоянія литовскихъ реформатскихъ обществъ, послѣ управленія и просвѣщенія, остается упомянуть о состояніи ихъ богослуженія. Здѣсь (въ богослужебной или обрядовой области) также встрѣчаемъ мало отраднаго, благоустроеннаго. Не столько внѣшнія бѣдствія и гоненія, сопровождавшіяся разрушеніемъ алтарей, сожженіемъ книгъ, разогнаніемъ молящихся, сколько внутренніе раздоры между самими протестантами, а также козни социніанъ мѣшали водворенію благочинія и единообразія въ отправленіи богослуженія.

Самъ именитый родоначальникъ литовской реформаціи, Николай Черный Радзивиллъ старался о введеніи по всѣмъ церквамъ однообразной литургіи, однѣхъ и тѣхъ же богослужебныхъ и символическихъ книгъ: поручивъ Заціусу и Фальковскому составленіе, изданіе и напечатаніе та-

ковыхъ книгъ, онъ озаботился повсемѣстнымъ распространеніемъ ихъ наравнѣ съ брестскою библіею. Но эти книги во многихъ мѣстахъ вытѣснены были подброшенными социніанами книгами. Хотя виленскій синодъ 1617 г. строжайше запретилъ проповѣдникамъ, не знавшимъ латинскаго языка, держать у себя социніанскія книги, тѣмъ не менѣе во многихъ сборахъ не переставали поучать народъ по запрещеннымъ проповѣдямъ и катихизисамъ, читать социніанскую библію, и — желаемаго порядка и правильности въ совершеніи богослуженія далеко не было. Католики не безъ основанія упрекали реформатовъ, что въ новой вѣрѣ ихъ каждая церковь, каждый проповѣдникъ служатъ по своимъ обрядамъ, проповѣдуютъ свою вѣру. Созванные для устраненія нестроеній, виленскіе синоды 1620, 1622, 1634 гг. не пришли къ соглашенію. 21 сентября 1634 г. на синодѣ во Влодавѣ назначенъ былъ съѣздъ депутатовъ отъ литовскихъ реформатовъ, богемскихъ братьевъ и польскихъ кальвинистовъ. Депутаты долго увѣряли другъ друга, что мало-польскіе братья съ литовскими, велико-польскіе съ богемскими составляютъ одинъ неразрывный союзъ и всѣ вмѣстѣ единое нравственное цѣлое, одно церковно общественное тѣло. Возсылали пламенныя благодарственныя молитвы Богу за ниспосланіе имъ духа единомыслія и любви. Словомъ, благожеланіямъ, привѣтствіямъ и увѣреніямъ во взаимности и единеніи не было конца. Но сейчасъ же поднялись споры и пререканія, въ какомъ порядкѣ, по чину и рангамъ засѣдать на соборѣ, въ какой очереди читать посланія, произносить проповѣди, дѣлать предложенія. А о дѣлѣ, для котораго собрались, объ установленіи правильности и единообразія въ богослуженіи боялись даже начать рѣчь. Слегка посудивъ о немъ, предоставили рѣшеніе спорнаго вопроса благоусмотрѣнію окружныхъ синодовъ. (Впрочемъ нѣчто и доброе сдѣлалъ бурный влодавскій съѣздъ. Онъ опредѣлилъ издать библію съ примѣчаніями, раздѣлилъ этотъ трудъ между ученѣйшими духовными всѣхъ трехъ провинцій,—на долю Литвы выпало изданіе пятокнижія и историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта,—и поручилъ неизвѣстному лицу составить «агенды», или «формулы отправленія священнаго служенія въ евангелическихъ церквахъ королевства и соединеннаго съ нимъ княжества») Вопросъ объ установленіи единообразія въ богослуженіи возбуждали неоднократно на синодахъ въ Вильно 1639, 1643, 1654 и 1655 гг. и въ Малой Польшѣ въ Хмельникахъ. Литовскіе реформаты, хотя не разъ заявляли, что неустройство богослуженія сильно возмущаетъ ихъ сердца и что для благоустроенія его они готовы послать депутатовъ на генеральную конгрегацію всѣхъ трехъ провинцій, но когда нужно было самымъ дѣломъ доказать свою готовность, оказались главною помѣхою дѣлу. Въ 1637 г. вышли въ свѣтъ агенды, составленныя неизвѣстнымъ по порученію влодавскаго синода 1634 г. и издан. въ Данцигѣ 468 страницъ. Это былъ изборникъ

всѣхъ церковныхъ агендъ, когда либо употреблявшихся въ Великой и Малой Польшѣ и великомъ княжествѣ литовскомъ, съ сокращеніемъ длинныхъ молитвъ и формъ богослужебныхъ и съ дополненіемъ краткихъ, съ новымъ болѣе правильнымъ распредѣленіемъ тѣхъ и другихъ и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ постановленій о дисциплинѣ церковной. Необходимую и полезную эту книгу литовскіе реформаты на отрѣзъ отказались было принять, и только грозное обличительное посланіе отъ лисскаго синода богемскихъ братьевъ сломило и побѣдило ихъ упорство. Посланіе это прекрасно характеризуетъ духъ вражды, упорства и недовѣрія партій, который гибельно отражался и на практикѣ богослужебной: «вы сами, писалъ синодъ литовскимъ сеньерамъ, одобрили изданіе формулъ, или агендъ, а теперь возражаете противъ нихъ, высказываетесь противъ собственнаго мнѣнія, сами себя поражаете, срамите. Теперь уже поздо разсуждать, протестовать, когда книга введена во всѣхъ церквахъ Великой и Малой Польши. Извольте вы принять ее и уплатить деньги за всѣ, посланные вамъ, экземпляры». Настойчиво предложенная книга волею не волею была принята [186]).

Среди наступившихъ съ половины вѣка тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, ниспровергшихъ строй религіозныхъ и политическихъ дѣлъ, самая мысль объ установленіи однообразнаго богослуженія была покинута на синодахъ. Впрочемъ, если не въ силу формальнаго узаконенія, то по требованію неумолимой нужды, а иногда по случайному сходству выбора, во многихъ церквахъ употребляемы были однѣ и тѣ же книги. Какія именно богослужебныя дѣйствія, въ какомъ порядкѣ и по какимъ книгамъ или требникамъ совершались во многихъ церквахъ, объ этомъ узнаемъ изъ канціонала, составленнаго по соглашенію многихъ церквей королевства и княжества и содержащаго въ себѣ 8 агендъ. (Изд. въ Данцигѣ 1636 г. по опредѣленію орлскаго собора 1633 г.) Это — 1) формула (Formel) св. крещенія, съ прибавленіемъ постановленій о крещеніи взрослыхъ, которые обращались къ реформатской церкви изъ іудеевъ, турокъ и аріанъ; 2) формула введенія въ церковь родильницы и благодарственныя молитвы по случаю разрѣшенія ея отъ бремени; 3) формула принятія какъ къ слову Божію, такъ и къ трапезѣ Господней (Die Formel der Aufnahme wohl zum Worte Gottes, als auch zum Tische des Herren; первое совершалось частнымъ образомъ, когда родители передавали дѣтей на попеченіе духовныхъ пастырей, или когда взрослые шли къ проповѣдникамъ для оглашенія ихъ истинами вѣры; второе — публично); 4) формула празднества вечери Господней, предъ приступленіемъ къ которой требовались отъ каждаго испытаніе совѣсти и двухдневный постъ; прибавленіе къ этой формулѣ заключало въ себѣ наставленіе касательно обращенія съ больными и осужденными на смерть; 7) формула заключенія брака; 6) формула употребленія (Gebrauch) ключей царствія небе-

снаго, т. е. какъ исторгать изъ церкви нераскаянныхъ и принимать покаявшихся; 7) формула посѣщенія больныхъ и 8) формула погребенія. Исчисленныя церковныя службы и ихъ формулы состояли изъ молитвъ, псалмовъ, гимновъ и пѣсней духовныхъ. Молитвы были также малочисленны, кратки и малоназидательны для религіознаго чувства, каковы и сами священнодѣйствія и все вообще раціональное богослуженіе протестантовъ. Но пѣсни исполнены поэтическаго одушевленія и изложены стройными стихами. Приложенные къ пѣснямъ псалмы также составлены удачно. Описанный канціоналъ, со всѣми его псалмами, пѣснями, молитвами и агендами разошелся въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и выдержалъ три изданія въ 1635, 1646 и 1647 гг. Кромѣ этого канціонала и агендъ 1637 г., были еще въ употребленіи «агенды» или «порядокъ отправленія священнодѣйствій крещенія и общенія вечери, а также и прочихъ обрядовъ служенія церкви Божіей» (Изд. въ Вильнѣ въ 1600 г.), акты св. крещенія и причащенія (изданные сеньеромъ Подляхіи Николаемъ Высоцкимъ въ Любечѣ въ 1644 г.), агенды, составленныя консеньеромъ Самогитіи Іоанномъ Патерсономъ въ 1595 г., агенды Христофора Краинскаго и канціоналъ Судровскаго. Къ какому именно священнодѣйствію относятся три послѣднія богослужебныя книги неизвѣстно. Семью исчисленными книгами и ограничивался кругъ богослужебныхъ книгъ, и изъ нихъ только двѣ отличались нѣкоторою полнотою и были въ наибольшемъ употребленіи. При скудости богослужебныхъ формъ въ раціональной этой религіи, литургійныхъ книгъ не могло быть много. Но такъ какъ проповѣдь составляетъ главную и существенную часть протестантскаго богослуженія, то съ упадкомъ образованія въ странѣ, при неспособности проповѣдниковъ составлять собственныя поученія, повидимому, въ большомъ ходу должны быть сочиненія даровитыхъ проповѣдниковъ 16 вѣка; но духъ вражды, недовѣрія сказался и здѣсь: изъ лучшихъ образцовыхъ проповѣдниковъ рѣдко кто оцѣненъ по достоинству и только проповѣди шести проповѣдниковъ признаны достойными церковныхъ каѳедръ: Григорія Зарновича, Христофора Краинскаго, Рейя, Нагловича, Павла Гиловскаго и Авраама Шкультетиса. Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ — проповѣди Григорія Зарновича, содержащія въ себѣ изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій на весь годъ и предназначенныя для изученія членовъ христіанской вѣры (въ первый разъ изд. 1597 г. 468 листовъ). Второе изданіе ихъ украшено было слѣдующимъ эпиграфомъ: «многіе благочестивые люди, которые обильно и съ пользою черпаютъ изъ неоскудѣвающаго этого источника наставленія и утѣшенія, утруждаютъ насъ (издателей) неотступною просьбою о напечатаніи книги вторымъ изданіемъ, и мы печатаемъ ее съ отраднымъ убѣжденіемъ, что прекрасный этотъ трудъ будетъ служить къ возвеличенію славы Божіей, къ украшенію св. церкви, къ пріобрѣтенію и

утвержденію вѣрующихъ». Наконецъ въ церквахъ, гдѣ богослуженіе имѣло своею цѣлію преимущественно назиданіе ума вѣрующихъ, формальное логическое обученіе разума истинамъ вѣры, въ большемъ употребленіи должны быть катихизисы съ ихъ отвлеченнымъ систематическимъ раскрытіемъ вѣроученія. Въ катихизисахъ, употреблявшихся для этой цѣли въ церквахъ, а равно и въ школахъ, не было недостатка. Наиболѣе извѣстные изъ нихъ катихизисы: Гиловскаго, Судровскаго, Зигровія, Краинскаго и Несвижскій. Первые два катихизиса принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ, третій изданъ въ 1618 г., остальные два вышли въ свѣтъ около того же времени [187]). Обиліе катихизисовъ очевидно свидѣтельствуетъ о разнообразіи и основательности развитія религіозной системы, но мало говоритъ въ пользу опредѣленности и неизмѣнности ея истинъ (формулъ): новые катихизисы издавались не потому только, что въ прежнихъ религіозная доктрина раскрыта была безъ надлежащей полноты, но и потому, что въ нихъ не доставало точности и правильности въ развитіи и изложеніи истины.

Всѣ разсмотрѣнные нами агенды, конціоналы, проповѣди и катихизисы написаны были на польскомъ языкѣ и употреблялись въ церквахъ, въ которыхъ богослуженіе совершалось на польскомъ языкѣ. Но было нѣсколько литургійныхъ книгъ и на литовскомъ языкѣ, употреблявшихся въ собственно литовскихъ церквахъ. Вотъ перечень немногихъ этихъ книгъ: упомянутая книга проповѣдей Николая Рейя, переведенная на литовскій языкъ въ 1600 г., одинъ катихизисъ, одинъ конціоналъ, библія, переведенная Бреткуномъ и изданная Химинскимъ въ 60 годахъ 17 столѣтія, и Новый Завѣтъ, переведенный Самуиломъ Битнеромъ и и изданный, по опредѣленію біеликскаго синода 1697 г., на иждивеніе княгини Каролины Августы [188]).

Вообще богослуженіе въ литовскихъ реформатскихъ церквахъ находилось въ состояніи неустройства, разрозненности, неопредѣленности. При крайней скудости богослужебныхъ формъ, а еще болѣе литургическихъ книгъ, богослуженіе отправлялось въ нихъ или по чужимъ еретическимъ книгамъ, или по своимъ собственнымъ, но крайне разнообразнымъ, весьма бѣднымъ по содержанію, не авторизованнымъ законною властію. Какія богослужебныя книги должны бы быть наиболѣе распространены въ практическомъ употребленіи — книги проповѣдей, тѣхъ всего менѣе было въ употребленіи; напротивъ, какихъ гораздо менѣе должно бы быть, — символическая книга, или катихизисъ должна быть одна, — тѣхъ гораздо болѣе находилось въ употребленіи: недостатокъ соглашенія, опредѣленности, устойчивости отразился на каждой отдѣльнiй части богослуженія, на всѣхъ его обрядовыхъ и догматическихъ законоположеніяхъ. Генеральные синоды, многократно созываемые для предотвращенія печальныхъ этихъ безпорядковъ, потеряли наконецъ всякую надежду на

исправленіе неустроенной богослужебной практики. По выраженію кардинала Госіуса, во взаимной враждѣ, еретики постепенно грызли, снѣдали и истребляли другъ друга, а внѣшнія бѣдствія, гнетъ рабства еще болѣе портили нравы, раздражали, ожесточали народъ. Эти пагубные раздоры не могли смолкнуть и во св. дѣлѣ богоугоженія и нравственнаго умиротворенія. Не отъ Бога исшедшее ихъ дѣло богоугожденія не стало, раззорилось. (Храмы свои они растлили, а ихъ самихъ растлилъ Богъ.)

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Троякія слѣдствія постепеннаго упадка и отчасти прежняго процвѣтанія*) протестантизма въ предѣлахъ юго-западной Россіи.

Не одно богослуженіе, но и управленіе, просвѣщеніе, словомъ весь внутренній и внѣшній строй реформатскихъ общинъ въ Литвѣ, съ конца еще 16 вѣка, постепенно сокрушался и разбивался о внутренніе раздоры и претекновенія, падалъ и уничтожался подъ бременемъ внѣшнихъ жесточайшихъ гоненій и бѣдствій. И если такое крушеніе и саморазложеніе постигло церковь, такъ стройно организовавшуюся, развѣтвившуюся на двѣ почти сотни общинъ, покрывшую собою всю страну и бывшую нѣкогда господствующею въ государствѣ, — то другая слабѣйшая отрасль протестантизма, лютеранство, не имѣвшая въ себѣ задатковъ жизненности даже въ эпоху процвѣтанія протестантизма въ странѣ, теперь едва обнаруживала признаки жизни: подъ тѣми же жестокими ударами судьбы эта слабая чужеземная вѣтвь надломилась, увяла, изсохла и едва замѣтна стала на этомъ полумертвомъ полѣ жизни. Но 1) если ослабленный, обезсиленный протестантизмъ держался въ Литвѣ, то сбереженіемъ остатковъ жизненности онъ обязанъ отчасти внѣшней заграничной помощи, а главное оборонительному религіозно-политическому союзу своему съ мѣстными православными, къ которому онъ долженъ былъ склониться въ самомъ началѣ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій и гоненій. И главный интересъ исторіи протестантизма въ юго-западной Россіи, начиная съ момента его соморазрушенія, сосредоточивается на исторіи этихъ союзовъ. 2) Съ ослабленіемъ внутреннихъ жизненныхъ силъ протестантизма, проповѣди, миссіи, прессы, школьнаго образованія, словомъ съ упадкомъ просвѣщенія, нравственности, церковно-общественныхъ учреж-

*) Внѣшняго и внутренняго состоянія.

деній, обнаружившимся еще въ первой половинѣ 17 в., пропагандистическія стремленія и средства протестантизма были ослаблены, парализованы: теперь было не до совращенія православныхъ, нужно было съ помощію ихъ спасать собственныя, изнемогавшія силы. За неимѣніемъ надежныхъ средствъ для своей цѣли, пропагандѣ осталось дѣйствовать издали, изъ за-границы, средствами неразборчивыми, подложными. Наконецъ 3) съ паденіемъ собственнаго образованія и церковно-общественныхъ учрежденій протестантизма, постепенно должно было уменьшаться его вліяніе на образованіе, нравы и церковно-общественныя учрежденія православныхъ, и послѣдствія этого вліянія, въ связи съ измѣнчивою судьбою протестантизма, должны быть различны: то обширны и благодѣтельны, то узки и ничтожны; наконецъ само оно должно уступить всеподавляющему латинскому вліянію. Вотъ тройственный характеръ отношеній протестантизма къ юго-западной Россіи, естественно обусловливаемый внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ протестантскихъ общинъ и, по мѣрѣ измѣнчивости и бѣдственности этого состоянія, измѣнчивый, превратный. Изъ исторіи этихъ тройственныхъ отношеній протестантизма къ юго-западной Россіи мы должны обратить преимущественное вниманіе а) на религіозно-политическіе союзы протестантовъ съ православными, начавшіеся съ попытокъ къ вѣроисповѣдному сближенію ихъ между собою; затѣмъ прослѣдимъ кратко: б) новыя и послѣднія судьбы протестантской пропаганды въ юго-западной Россіи и в) вліяніе протестантизма на религіозно-умственное состояніе и церковно-практическую жизнь западно-русскихъ православныхъ.

Отдѣленія втораго раздѣлъ 1-й.

Попытки къ вѣроисповѣдному соединенію протестантизма съ православіемъ, окончившіяся заключеніемъ религіозно-политическаго союза между ними, и историческія судьбы этого союза.

Предварительныя приготовленія и побудительныя причины къ вѣроисповѣдному сближенію протестантовъ съ православными.

Литовскіе протестанты не могли не видѣть, что разразившіяся надъ ними въ концѣ 16 вѣка бѣдствія и гоненія не прекратятся, пока они не будутъ совращены въ католичество, и что единственнымъ спасеніемъ для ихъ вѣры можетъ быть оборонительный союзъ съ тѣми диссидентами, которые поставлены въ одинаковое съ ними положеніе въ государствѣ и которые не могутъ не подать имъ руки помощи. Но для всѣхъ было ясно, что прежде чѣмъ общими силами начать борьбу съ внѣшнимъ

врагомъ, нужно предотвратить внутреннее свое зло, прекратить раздоры и несогласія, которые не менѣе внѣшнихъ золъ болѣзненно заражали и разрушали весь организмъ церковный. И вотъ литовскіе лютеране и кальвинисты задумали составить какое-то соединеніе обоихъ вѣроисповѣданій. 2 марта 1570 г. множество духовныхъ особъ того и другаго вѣроисповѣданія съѣхалось на съѣздъ въ Вильно и, послѣ долгихъ споровъ, пришли къ соглашенію о таинствахъ, написанному въ особливомъ актѣ. За тѣмъ въ томъ же 1570 г. открытъ былъ въ Сандомирѣ генеральный синодъ.

О сандомирскомъ съѣздѣ, такъ часто упоминаемомъ въ исторіи, сохранилось мало свѣдѣній. Главными дѣйствующими лицами были на немъ магнаты, а не духовные. Въ качествѣ уполномоченныхъ отъ виленскаго протестантскаго общества присутствовали на немъ проповѣдники Судровскій и Мерціанъ, которые, предъявивъ собранію свои грамоты, подписали заранѣе составленный актъ, долженствовавшій обезпечить вообще свободу вѣроисповѣданія и имѣвшій въ виду установить не столько церковныя правила, сколько уставы политическіе [1]). У Кразинскаго приводится самый актъ. Спорнаго вопроса о таинствахъ, для разрѣшенія котораго собирался съѣздъ, актъ не разрѣшаетъ, а прикрываетъ его слѣдующими общими выраженіями: «въ ученіи о Богѣ, о св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, объ оправданіи и другихъ основоположеніяхъ нашей вѣры всѣ мы совершенно согласны; что же касается до евхаристіи, то всѣ единодушно вѣруемъ и исповѣдуемъ, что существенное присутствіе въ ней Христа (die wesentliche Gegenwart) не подлежитъ сомнѣнію, что тѣло и кровь Господа преподается, раздѣляется и сообщается вѣрующимъ». Личные раздоры и несогласія между лютеранами и кальвинистами актъ думаетъ примирить такими обѣщаніями: «всякія прекословія, раздѣленія и вражду на вѣки прекращаемъ и обязываемся оказывать другъ другу взаимную любовь и соблюдать миръ и спокойствіе [2]). Словомъ сандомирскій союзъ, на сколько онъ извѣстенъ намъ, былъ лишь формальный, внѣшній; внутренней связи и сочувствія онъ не могъ установить между союзниками. Сознавая недостаточность его, союзники въ томъ же 1570 г. устроили новый съѣздъ въ Позѣ, который долженъ былъ утвердить постановленія сандомирскаго съѣзда и разрѣшить недоумѣнія, не выясненныя на сандомирскомъ собраніи. Рѣшенія позскаго съѣзда состояли изъ 22 членовъ, касавшихся большею частію церковной дисциплины и общественной нравственности, напримѣръ о возбужденіи другъ друга къ покаянію и благочестію, о непринятіи въ лютеранское общество отлученныхъ отъ реформатскаго общества и на оборотъ [3]). Возобновленіе сандомирскаго союза на съѣздѣ въ Позѣ не обновило и не закрѣпило внутреннихъ связей союзниковъ. Но они такъ много думали о мнимомъ этомъ соглаше-

нія, что возмечтали быть миротворцами протестантовъ по всей Европѣ. Во время варшавскаго рейхстага 1578 г., они отправили посланія къ протестантскимъ князьямъ и курфюрстамъ: Людвигу пфальцскому, Августу саксонскому и Іоанну Георгу бранденбургскому, въ которыхъ выражали сожалѣніе о раздѣленіи нѣмецкихъ церквей и высказывали желаніе, чтобъ состоявшееся между польскими протестантами соглашеніе простиралось на всю Европу, и, какъ единственное средство для исполненія завѣтнаго своего желанія, совѣтовали созваніе синода изъ всѣхъ протестантскихъ церквей въ Европѣ. Конечно, посланія эти не имѣли успѣха: нѣмецкія церкви въ то время были весьма далеки отъ соединенія.

Но въ то самое время, когда литовскіе и польскіе протестанты мечтали объ умиротвореніи всей протестантской Европы, между ними самими опять возгорѣлись старые споры. Лютеранскіе проповѣдники никакъ не хотѣли согласиться на примирительную формулу о таинствѣ евхаристіи и, не смотря на свое значительное меньшинство, отдѣлились отъ кальвинистовъ. Въ одномъ всѣ были согласны, что причащеніе надобно принимать или стоя, или преклоняя колѣна, и что сидѣнье, не употребительное во всей протестантской европѣ и принятое лишь у социніанъ, должно быть воспрещено; обѣ несогласныя стороны сошлись наконецъ въ желаніи устроить общую школу, уплачивать десятину въ пользу церкви и воспретить въ воскресные дни торговлю, увеселенія и пьянство. Князь Христофоръ Николаевичъ Радзивиллъ желалъ установить между раздѣлившимися партіями союзъ внутренній, неразрывный, основанный на единствѣ вѣрованій и убѣжденій въ основныхъ истинахъ религіи, а не на сходствѣ внѣшнихъ обычаевъ и обрядовъ, въ родѣ одинаковаго провожденія праздниковъ, или уплаты десятины, стоянія или преклоненія колѣнъ при причащеніи. Въ іюнѣ 1538 г. Радзивиллъ созвалъ представителей всѣхъ трехъ исповѣданій: лютеранскаго, реформатскаго и богемскаго на генеральный съѣздъ въ Вильно, и, для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, вызвалъ изъ Пруссіи ученыхъ богослововъ: профессора Павла Вейсса и придворнаго проповѣдника Мартина Генриха. Но призванные миротворцы не только не примирили, но еще болѣе разъединили враждующихъ. Спорный вопросъ объ евхаристіи они не думали разрѣшать: всю силу учености и блескъ краснорѣчія они употребили на то, чтобы поддержать сколько нибудь лютеранскиго проповѣдника въ Литвѣ Зоммера, настаивавшаго на тѣлесномъ присутствіи Христа въ евхаристіи. «Хлѣбъ и вино, училъ Зоммеръ, становятся тѣломъ и кровію Христа не посредствомъ внѣшняго и видимаго превращенія элементовъ въ небесныя и невидимыя вещи (Dinge) и не чрезъ пространственное, чувственное заключеніе тѣла и крови во внѣшніе элементы, но чрезъ истинное и дѣйствительное присутствіе въ нихъ и предложеніе (Darreichung) тѣла и крови, такъ что

достойно причащающіеся, пріемля устами хлѣбъ и вино, становятся причастными, въ духѣ вѣры, тѣла и крови Христовой, во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную. Прусскіе лютеранскіе богословы то же самое выражали нѣсколько иначе: «въ евхаристіи истинно, дѣйствительно и существенно присутствуетъ и преподается тѣло и кровь Христа не только для вѣрующихъ и достойныхъ, но и для невѣрующихъ и недостойныхъ, однимъ, во исцѣленіе и спасеніе, другимъ въ погибель и осужденіе». Реформаты однако не соглашались ни на ту, ни на другую формулу. Зоммеръ, подущаемый кенигсбергскими проповѣдниками, не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки, и, не смотря на всѣ увѣщанія и просьбы князя, депутаты разошлись ни съ чѣмъ. Но крайняя опасность, близость антихриста, т. е. гоненія папистовъ заставили пререкающихся забыть на время вражду, пріостановить всѣ споры и соединиться для противодѣйствія общему врагу. Тогда только эти многочисленныя попытки къ примиренію имѣли нѣкоторый успѣхъ [1]).

Между тѣмъ, какъ протестанты, чрезъ сплоченіе своихъ разрозненныхъ силъ, подготовлялись къ дружественному союзу съ православными, въ судьбѣ послѣднихъ произошли событія, расположившія ихъ идти на встрѣчу предлагаемому союзу. Энергія латинскаго фанатизма, вызванная протестантствомъ, изощрилась, окрѣпла и снова потребовала себѣ въ жертву, на истязаніе православныхъ. Яростный латинскій фанатизмъ тѣмъ чаще и не разборчивѣе сталъ бросаться теперь на православныхъ, что протестанты мало по малу падали и память о томъ, что они свѣжіе враги латинянъ съ теченіемъ времени болѣе и болѣе ослабѣвала. Особенно опасенъ былъ для нихъ орденъ іезуитовъ. Послѣ первыхъ же побѣдъ надъ протестантствомъ, громоносный этотъ легіонъ обратилъ оружіе на православіе. Въ проповѣдяхъ, на диспутахъ іезуитовъ посыпались стрѣлы обличенія на православныхъ. Самый враждебный для русскихъ лагерь, іезуитскія коллегіи, академіи сталъ уловлять къ себѣ русское юношество, и не многіе возвращались оттуда православными. Многіе изъ православныхъ вельможъ еще за долго до уніи совращены были въ латинство. Между тѣмъ явилась унія или лучше воскресла мысль о возстановленіи прежней флорентійской уніи, введеной въ Литвѣ митрополитомъ Исидоромъ и его преемниками: Григоріемъ II-мъ, Солтаномъ и — потомъ совершенно почти изчезнувшей, а по нѣкоторымъ изслѣдованіямъ той уніи, начало которой положилъ еще Ягелло (въ 1386 г. въ смыслѣ подчиненія литовскихъ православныхъ римскому престолу и лишенія непокорныхъ гражданскихъ должностей) и которую поддерживали послѣ Ягелло Казиміръ и Александръ, съ цѣлію упроченія политическаго соединенія Литвы съ Польшею, (но о которой послѣдующіе правители Литвы Сигизмундъ старый и Сигизмундъ-Августъ, — занятые постоянною почти войною съ турками и Московіею и испугавшіеся быстраго распростра-

ненія протестантизма,—совершенно забыли, отшатнулись, отчаялись)[5]). Но откуда бы ни вела свое начало унія, для насъ важенъ вопросъ не о происхожденіи ея, но объ отношеніи къ ней первыхъ побѣдъ протестантизма. Едва ли гдѣ такъ широко развилъ протестантизмъ идею личнаго произвола и произвелъ столько волненій и смутъ, какъ въ литовско-польской республикѣ: вражду партій политическихъ онъ превратилъ во вражду религіозную, союзъ Литвы съ Польшею онъ ослабилъ, разорвалъ въ самыхъ главныхъ узлахъ. Чтобъ спасти этотъ союзъ, упрочить единство политическое, единство народности, ревностные латиняне рѣшаются, во чтобы то ни стало, возстановить единство вѣры. И вотъ при томъ же Сигизмундѣ-Августѣ, который изъ Литвы хотѣлъ создать самостоятельное протестантское государство, но въ виду крайнихъ раздѣленій и смутъ въ протестантскомъ лагерѣ долженъ былъ разочароваться въ своихъ стремленіяхъ и подъ конецъ жизни сталъ замѣтно склоняться на лоно римской церкви, Литва окончательно соединяется съ Польшею (въ 1569 г.) на началахъ римско-католической уніи, дѣятельно агитируемой прибывшими въ томъ же 1569 г. іезуитами [6]). Это роковое событіе имѣло одинаково гибельное слѣдствіе какъ для протестантовъ, такъ и для православныхъ. Православные разъ навсегда поставлены были рядомъ съ протестантами; слово диссиденты и другіе, далеко не столь безразличные эпитеты прилагались равно какъ тѣмъ, такъ и другимъ.

Такимъ образомъ сама исторія сближала православныхъ и протестантовъ. Тѣ и другіе имѣли одного и того же врага, тѣ и другіе видѣли, что на нихъ заносится одна и та же тяжелая, безпощадная рука. Понятно, что въ такомъ положеніи могутъ сближаться люди самые разнохарактерные, самыхъ крайнихъ началъ: единство горя и страданій, цѣлей и интересовъ, единство думъ и заботъ, симпатій и антипатій, дающее одинаковое содержаніе ихъ жизни, сближаетъ ихъ въ одну нравственную семью, въ одно духовно — общественное тѣло. И это сближеніе совершается тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ ближе и больше взаимная опасность и чѣмъ меньше времени и возможности невольнымъ союзникамъ оглядывать и разузнавать другъ друга, хотя оно не отличается постоянствомъ и устойчивостію и имѣетъ всю свою силу до тѣхъ поръ, пока наполняютъ душу вызывающія его думы и заботы. Въ данномъ случаѣ опасность была такъ велика, близка, неизбѣжна, что тутъ было не до осмотра и примѣриванія, а надо было поскорѣе броситься на встрѣчу дружественныхъ предложеній помощи и идти на общаго врага. Кто жъ таковы эти выдвинутые обстоятельствами жизни друзья-союзники, дѣйствительные ли и постоянные союзники, или только временные случайные, раздумывать объ этомъ не было не только времени, но главное возможности. Въ настоящее время намъ легко узнать протестантство; самая гибкость и безконечное разнообразіе формъ и проявленій его помогаетъ намъ точ-

нѣе охарактеризовать его духъ и направленіе, и вѣрнѣе судить о главныхъ его началахъ и слѣдствіяхъ. Но въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка совсѣмъ было не то. Протестантизмъ тогда или еще представлялъ не созрѣвшее начало, или хотя созрѣвалъ и развѣтвлялся, но не легко было сводить къ одному корню эти развѣтвленія и усматривать основныя начала, изъ которыхъ вытекало все разнообразіе его формъ и учрежденій. Кажущіяся же общія начала, видимое его знамя были очень благовидны, — это: пораженіе папскаго главенства и папскихъ преданій, возстановленіе силы священнаго писанія и древняго образца церкви вселенской, возрожденіе повсюду просвѣщенія, — возрожденіе во имя той свободы изслѣдованія, которая въ своей мѣрѣ знакома православному востоку, а протестантство располагало къ гуманному примирительному отношенію и къ тѣмъ, съ кѣмъ оно не во всемъ согласно, но съ кѣмъ оно не имѣетъ счетовъ давней домашней вражды. Всѣ эти обстоятельства произвели то, что многіе православные весьма миролюбиво относились къ протестантамъ: въ частныхъ обыденныхъ сношеніяхъ, въ жизни общественной и отчасти семейной весьма скоро сближались съ ними, вступая даже въ родственныя связи съ ними и посылая дѣтей въ ихъ школы. Главный защитникъ и ревнитель южно-русскаго православія, князь Василій-Константинъ Острожскій породнился съ главными патронами протестантовъ Радзивиллами, выдавъ дочь свою Екатерину за Христофора Николаевича Радзивилла. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ко внуку Радзивиллу онъ писалъ наставленіе, чтобъ тотъ не ходилъ въ костелъ, но совѣтывалъ ему ходить въ собраніе кальвинистовъ и называлъ протестантовъ послѣдователями истиннаго закона. Острожскій съ уваженіемъ указывалъ на то, что у нихъ были школы и типографіи, что пасторы ихъ отличались благонравіемъ, и съ грустію противопоставлялъ имъ упадокъ просвѣщенія и благочинія въ руской церкви. Увлеченіе протестантствомъ происходило у него оттого, что православный князь видѣлъ христіанскіе поступки протестантовъ [7]). Напрасно умнѣйшій и дальновиднѣйшій Курбскій предостерегалъ православныхъ отъ этихъ увлеченій и сближеній, преимущественно отъ чтенія протестантскихъ сочиненій и воспитанія дѣтей православныхъ у протестантовъ: проповѣдь эта не сдѣлалась общею и не имѣла даже успѣха въ томъ кругу, въ которомъ она раздавалась [8]). Возраставшая опасность со стороны латинянъ, необходимость имѣть союзниковъ заглушили ее въ самомъ началѣ и близость между православными и протестантами не только не ослабѣвала, но еще повела къ открытымъ совѣщаніямъ, съ цѣлію установить взаимное религіозное единеніе.

Попытки къ вѣроисповѣдному и религіозно-политическому союзу православныхъ съ протестантами на торуньскомъ совѣщаніи.

Въ 1595 году разослано было протестантами по всей Польшѣ и Литвѣ объявленіе, что въ Торунѣ (въ Пруссіи, на границѣ съ ковенскою губерніею), въ августѣ мѣсяцѣ этого года, соберутся представители всѣхъ трехъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, для новаго и окончательнаго примиренія въ дѣлахъ вѣры и для огражденія протестантовъ отъ преслѣдованія латинянъ. Обѣ цѣли весьма благовидно выставлены были въ упомянутомъ объявленіи. Западно-руссамъ представилась, хотя и смутно, возможность сблизить протестантское ученіе съ православнымъ и положить это сближеніе въ основу гражданскаго союза, весьма важнаго въ ту опасную пору, потому что давно замышляемая унія стала въ это время дѣломъ вполнѣ, повидимому, рѣшеннымъ. Въ 1590 году на соборахъ въ Бельзѣ и Брестѣ митрополитъ Рогоза склонилъ высшее духовенство, въ 1594 году и все почти низшее къ соединенію съ римскою церковію, хотя онъ въ это время желалъ такой уніи, при которой остались бы неприкосновенными догматы, обряды и учрежденія православной церкви и которая освободила бы его отъ тяготившей его власти константинопольскаго патріарха, между тѣмъ какъ другіе поборники уніи готовили измѣну православію. Въ слѣдующемъ 1595 году князь Острожскій, изъ непріязни къ московскому государству, искавшій ближайшаго союза не съ греко-россійскою, но съ римскою церковію и также безъ малѣйшей измѣны чистотѣ православія, — послѣ горькихъ разочарованій въ такой уніи, спѣшитъ подавить греко-римскую унію православно-протестантскимъ союзомъ. Замѣчательно, что греко-римская унія и сближеніе православія съ протестантизмомъ возрастаютъ и усиливаются съ этого времени, какъ бы борясь и соревнуя другъ другу. Неоднократно и настойчиво требуя отъ короля всеобщаго собора, чтобы отъ имени всего народа заявить протестъ римской уніи, Острожскій принимаетъ дѣятельное участіе въ соборѣ торуньскомъ съ цѣлію установленія уніи православно-протестантской. Онъ составилъ для этого дѣла многочисленную партію, изъ сенаторовъ и рыцарей въ воеводствахъ: кіевскомъ, волынскомъ, бѣло-русскомъ, подольскомъ, уѣздѣ черкасскомъ, и отъ всѣхъ ихъ отправилъ пословъ на торуньскій съѣздъ (Каспара, Яна Абрамовича съ сыномъ). Съ ними соединился посолъ и отъ воеводства подляхскаго. Такимъ образомъ почти всѣ литовско-русскія области приняли участіе въ торуньскомъ совѣщаніи.

Протестанты только этого и ждали. Они съ своей стороны дѣлали всѣ нужныя приготовленія къ тому, чтобы выставить на сеймѣ свою

сильную и, по возможности, единомышленную партію, и, повидимому, они начали дѣло какъ нельзя лучше. Прежде чѣмъ собраться на генеральный сеймъ въ Торунѣ, лютеране и кальвинисты изъ различныхъ областей королевства и Литвы созвали частные провинціальные сеймы, чтобы примирить и сблизить враждебныя партіи, проэктировать планъ сближенія съ православными и тѣмъ удобнѣе согласить ихъ всѣхъ на общемъ сеймѣ *). Къ чему привели эти предварительные совѣщанія и сеймы, не извѣстно; но здѣсь важны та осмотрительность и осторожность, благоразуміе и постепенность, съ которыми положенъ починъ задуманному дѣлу сближенія вѣроисповѣданій: бывшіе враги — иновѣрцы не сразу, въ виду общаго врага, хотятъ сдѣлаться друзьями съ новыми союзниками не сразу обнимаются и братаются, но, насколько позволило время, какъ извѣстно слишкомъ краткое, они тихо, осторожно, сходятся между собою: нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ и отдѣльныхъ сборищахъ пробуютъ, мѣряются, судятъ и рядятъ, чтобы тѣмъ ближе сойтись всѣмъ на общемъ сборѣ, установить общій неразрывный союзъ.

21 августа 1595 г. открылся давно желаемый торуньскій сеймъ. Явилось множество делегатовъ *). Князья и владѣльцы, которые сами не могли быть на сеймѣ, напр. воевода виленскій Христофоръ Николаевичъ Радзивиллъ, воеводы полоцкій, радомскій и проч. прислали письма и посольства, съ предложеніемъ искреннѣйшихъ своихъ услугъ и братскихъ пожеланій и для разъясненія причинъ своего отсутствія, которыя всѣ признаны были уважительными. Прежде всего занялись чтеніемъ этихъ писемъ и посланій. Они, дѣйствительно, заслуживали вниманія. Посланіе виленскаго синода, скрѣпленное подписью нѣсколькихъ десятковъ лицъ: воеводъ, князей и владѣльцевъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, благожеланій и словоизліяній, выражаетъ восторженную увѣренность, что само небо ниспошлетъ счастье и благословеніе на дѣянія собора, что самъ Духъ святый будетъ руководителемъ его, что все, что они ни сдѣлаютъ на соборѣ, послужитъ къ вящей славѣ Божіей и созиданію церквей. Пусть подобные привѣты, увѣренія и ожиданія, составляющія своего рода парадную принадлежность всѣхъ коллегіальныхъ почтительныхъ заявленій и адресовъ, не выражаютъ вполнѣ того образа мыслей и чувствъ, тѣхъ цѣлей и намѣреній, которыя таили въ душѣ подписавшіеся подъ адресомъ огуломъ за другими; но предъ нами письма частныхъ лицъ, написанныя безъ увлеченія примѣромъ другихъ: они со всею искренностію, свойственною этого рода произведеніямъ, раскрываютъ намъ, какъ велики были чаянія и надежды протестантовъ относительнаго этого собора, какъ много ожидали отъ него пользы для общаго дѣла сближенія церквей,

*) Однихъ духовныхъ отъ трехъ протестантскихъ вѣроисповѣданій было 70 человѣкъ и множество благородныхъ мужей изъ всѣхъ областей государства; засѣданіе открылось въ лютеранской церкви св. Маріи.

съ какою непритворною радостію привѣтствовали они начинавшееся сближеніе, и готовы были исполнять его предписанія, не щадя для общаго блага никакихъ жертвъ и даже жизни [10]).

Чтеніе писемъ и посланій были предварительными занятіями. Собственно дѣянія собора начались съ обсужденія инструкціи князя Константина Острожскаго, поданной на соборѣ православными послами. Она составила средоточный пунктъ всѣхъ сужденій и постановленій собора. Суть иструкціи состояла въ предложеніяхъ протестантамъ — дѣйствовать сообща съ православными по тому побужденію, будто бы у тѣхъ и другихъ вѣра одна, а различны только обряды [11]). Протестанты съ радостію приняли всѣ эти предложенія; они тоже рады были остановиться на послѣдней мысли и разъяснить, въ чемъ именно заключается единство вѣры между ними и православными, что особенно были склонны поддерживать гусситы, присутствовавшіе на торуньскомъ совѣщаніи [12]). Но непримиримость православнаго ученія съ протестантскимъ бросилась въ глаза сама собою. Сами протестанты, имѣвшіе во всѣхъ своихъ сектахъ нѣсколько общихъ началъ, и безъ православныхъ никакъ не могли установить общихъ пунктовъ примиренія: всѣ прежніе религіозно-политическіе союзы были собственно союзы политическіе, и то существовавшіе только на бумагѣ; они вызваны въ виду крайне прискорбныхъ раздоровъ партій, близости общаго врага, и нисколько не уменьшили зла: а теперь въ свои непримиримые пункты приходилось еще включить и предложенія православныхъ. Члены собора постановили, что всѣ секты, всѣ вѣроисповѣданія, имѣвшія своихъ представителей на торуньскомъ съѣздѣ. каковы бы ни были ихъ начала и особенности вѣроученія, должны уважать убѣжденія другъ друга и не нарушать взаимныхъ правъ и правилъ христіанскаго общежитія, то есть они установили весьма замѣчательное по тому времени начало вѣротерпимости [13]).

Разъ обошедши прямой путь, православные и протестанты избрали окольные пути для взаимнаго сближенія, — это были обѣщанія дѣйствовать за одно противъ общихъ враговъ социніанъ и латинянъ. На синодѣ заявлено было, что одинъ изъ главныхъ виновниковъ въ распространеніи социніанства въ Литвѣ Чеховичъ изгнанъ изъ Литвы, что, съ удаленіемъ его, пагубная секта ослабѣла, но въ тайнѣ многіе протестанты и нѣкоторые русскіе держатся социніанства. По предложенію Поповскаго, кальвинскаго пастора въ Вильнѣ, и Яна Абрамовича, воеводы минскаго, синодъ отправилъ къ литовцамъ посланіе, въ которомъ онъ съ одной стороны восхвалялъ прежнюю просвѣщенную ревность ихъ къ сохраненію истиннаго ученія, а съ другой увѣщавалъ ихъ пребывать въ терпѣніи, хранить единеніе со всѣми единовѣрцами, а главное, прервать всякое общеніе со лжеучителями, не возбуждать ни малѣйшаго подозрѣнія въ наклонности къ ереси, угрожая имъ въ противномъ случаѣ

исключеніемъ изъ общества вѣрующихъ, изъ братскаго союза. Одними увѣщаніями и угрозами соборъ не ограничился. Онъ строго воспретилъ міранамъ читать социніанскія книги безъ дозволенія духовныхъ, и вредныя книги повелѣлъ всѣмъ отыскивать и истреблять. Родителямъ, которые воспитывали дѣтей своихъ въ социніанскихъ школахъ, вмѣнено было въ обязанность взять дѣтей оттуда въ теченіе семи недѣль. Вмѣсто социніанскихъ школъ, положено было завести на мѣстныя средства свои собственныя училища. Издано нѣсколько правилъ касательно добраго христіанскаго поведенія (четырекратнаго въ годъ причащенія св. Таинъ) и подаянія другъ другу помощи въ нуждѣ безъ всякой лихвы. Наконецъ въ послѣднюю сессію 26 августа 1595 г. синодъ избралъ генералъ-сеньеровъ, людей съ состояніемъ и вліяніемъ въ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ притѣсненій со стороны католиковъ, всѣ обращались къ нимъ за помощію и покровительсствомъ [14]).

Всѣ эти предначертанія хороши были лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ, въ жизни, они оказались не исполнимыми. Противъ социніанъ православные и протестанты не думали ополчаться за одно; отъ преслѣдованій другаго общаго врага—латинянъ не искали спасенія у своихъ протекторовъ, но главное, умнѣйшее начало вѣротерпимости оказалось безсильнымъ: сами члены торуньскаго совѣщанія и ихъ единовѣрцы не уважали его, да и не могли уважать. Чуть благопріятсвовали имъ внѣшнія обстоятельства, всѣ они горячо были заняты или распространеніемъ своего ученія на счетъ другихъ вѣроисповѣданій, или возвращеніемъ, отпавшихъ членовъ, и каждый изъ нихъ меньше всего могъ равнодушно смотрѣть на пропаганду другихъ вѣроисповѣданій. Раздоры начались прежде, чѣмъ разъѣхались члены собора. Что касается въ особенности православныхъ, то они тѣмъ менѣе уважали торуньское собраніе, что на немъ не присутствовало ни одно ихъ духовное лицо. Но никто столько не вооружался противъ торуньскаго соглашенія, какъ латиняне. Такъ какъ диссиденты воспользовались солидарностію своею для противодѣйствія имъ же латинянамъ, то они рѣшились, разъ на всегда, разрушить единодушіе диссидентовъ. Они вывели наружу всѣ щекотливыя стороны, торуньскаго совѣщанія и подвергли его общественному посмѣянію [15]). Къ этому они распустили молву, что дессиденты намѣрены дѣйствовать вооруженною силою противъ латинянъ, придали всему характеръ возмущенія. Упомянутая инструкція князя Острожскаго была перехвачена іезуитами и представлена королю въ такомъ искаженномъ и неблагопріятномъ для князя видѣ, къ какому способенъ лишь іезуитскій подлогъ. Православный князь сдѣлался у нихъ богохульникомъ, врагомъ всей церкви Христовой, измѣнникомъ отечеству, который безусловно и ожесточенно хулитъ съ еретиками Сына Божія, святѣйшаго папу, укоряетъ короля въ неудачной попыткѣ получить шведскую корону и готовитъ

противъ него 20000 войска. Много огорченій за эти сношенія съ протестантами получилъ князь Острожскій и его друзья: имъ сдѣланъ былъ строгій выговоръ отъ сената и короля, особенно за намекъ о кухаркахъ. Но конечно важнѣе этихъ огорченій было то, что король Сигизмундъ III, соглашавшійся было на созваніе всеобщаго собора православныхъ для разсужденія о римской уніи (а не одного только избранаго духовенства, какъ было до сихъ поръ), теперь отказалъ имъ въ томъ на отрѣзъ и безъ соборнаго согласія православныхъ приказалъ епископамъ Терлецкому и Поцѣю ѣхать въ Краковъ, а оттуда въ Римъ за утвержденіемъ уніи. Латиняне и въ слѣдъ за ними уніаты внушали теперь всѣмъ и каждому, что православные, связавшись съ протестантами, губятъ православіе, что православнымъ, не участвовавшимъ въ этихъ связяхъ, единственное спасеніе — унія, что пора и православнымъ и латинянамъ забыть давнюю вражду и соединиться въ одно, потому что еретики угрожаютъ погибелью той и другой церкви. Для большой убѣдительности описывалось ученіе крайнихъ протестантскихъ сектъ, ниспровергавшихъ основные христіанскіе догматы, наприм. анабаптистовъ и социніанъ. То, противъ чего ратовали протестанты, вмѣнялось имъ въ вину, какъ ихъ собственное заблужденіе. Возбужденное проповѣдью фанатиковъ, правительство съ удвоенною ревностію стало преслѣдовать какъ протестантовъ, такъ и православныхъ [16]). Такъ-то плачевенъ финалъ собора, открывшагося съ такою восторженною радостію, всеобщими чаяніями и надеждами.

Православнымъ оставалось теперь или совершенно отказаться отъ союза съ протестантами, или скрѣпить его новыми узами, не смотря ни на что. Польза и вредъ союза совершенно перепутывались, и эта-то запутанность отняла у нихъ на первыхъ порахъ всякую охоту заниматься имъ, и они пока не приняли никакого рѣшенія, а предоставили дѣла ихъ естественному ходу, тѣмъ болѣе, что теперь всѣ были заняты дѣломъ римской уніи. 1595 годъ прошелъ въ народныхъ волненіяхъ и протестахъ противъ ненавистной уніи, каковыми протестами завалены были всѣ магистраты: могло случиться, что выбужденія и поддержка для этихъ протестовъ шли со стороны протестантской, и сама судьба, случайныя обстоятельства закрѣпляли, по видимому, союзъ православныхъ съ протестантами. Больше всѣхъ возвышалъ голосъ противъ уніи Стефанъ Зизаній. Молодой, даровитый и неустрашимый проповѣдникъ обнажалъ всю истину и обличалъ коварство латинянъ. Въ краснорѣчивыхъ обличительныхъ проповѣдяхъ своихъ онъ сравнивалъ свое ужасное время со временемъ антихриста; папу называлъ антихристомъ, латинянъ и владыкъ-уніатовъ слугами антихриста, опровергая безпощадно главенство папы и другія римскія нововведенія, и, по сознанію самихъ враговъ, «раздвоилъ весь народъ, единому на другаго свирѣпѣтися и яритися» [17]): во всей своей пламенной полемикѣ, онъ, очевидно, дѣйствовалъ въ духѣ

и направленіи протестантскихъ полемистовъ и, вѣроятно, пользовался ихъ аргументанціею. Соборъ новогрудскій, состоявшій изъ приближеннаго къ митрополиту духовенства его епархіи, стѣсненный разными королевскими предписаніями и походившій, по выраженію виленскаго братства, скорѣе «на нѣякое смятеніе», чѣмъ на соборъ, отлучилъ Зизанія отъ церкви, вмѣстѣ съ сотрудниками Зизанія братскими священниками Василіемъ и Герасимомъ [18]). Король окружною грамотою ко всѣмъ литовскимъ сановникамъ подтвердилъ отлученіе, велѣлъ заключить отлученныхъ подъ стражу и воспретилъ подданнымъ всякое общеніе съ ними [19]): «сполку и обцованья съ ними не мѣти, помощи и ратунку имъ не подавати». Виленское жъ православное братство протестовало противъ опредѣленій собора и, не смотря на универсалъ короля, взяло проповѣдниковъ подъ свою защиту и охраняло ихъ безопасность. Въ этомъ случаѣ оно не только поступило въ духѣ и характерѣ протестантскихъ общинъ, усвоило себѣ ихъ право аппелляціи и высшую юрисдикцію, которая нерѣдко игнорируетъ государственную власть, но и получило, по всей вѣроятности, прямую поддержку отъ мѣстныхъ союзныхъ съ нимъ протестантовъ. Извѣстно, что нѣсколько позднѣе, въ 1599 г., виленское православное братство вступило въ открытый формальный союзъ съ евангеликами «для взаимной обороны вѣры», вмѣстѣ съ ними жаловалось королю между прочимъ на то, что «поповъ и проповѣдниковъ братскихъ митрополитъ опостаты выклинаетъ, а король банитуетъ», и энергически требовала чтобъ «впередъ не было такихъ стѣсненій и обидъ» [20]). И не одно виленское братство, всѣ литовско-русскіе православные и протестанты на торуньскомъ съѣздѣ 1595 г. обязались защищать всѣхъ невинно гонимыхъ латинянами и—общими силами аппеллировать за нихъ предъ судомъ. Правда, генералъ-сеньеры, изъ пропагандистическихъ видовъ и радоровъ, оказались не совсѣмъ надежными протекторами опальныхъ, но братство и все общество союзниковъ всегда готовы были заступиться другъ за друга. На варшавскомъ сеймѣ 1596 года, когда православные заявили въ радѣевскихъ книгахъ протестъ, что они не признаютъ своими пастырями владыкъ, подчинившихся папѣ, протестанты поддержали ихъ и въ тѣ же радѣевскія книги внесли свой протестъ [21]). Если такъ было въ предшествующее и послѣдующее время, то и настоящая протестація виленскаго братства и принятіе имъ подъ охрану проповѣдниковъ вполнѣ могли состояться по соглашенію и при поддержкѣ протестантовъ, при частномъ, сокровенномъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительномъ и неизмѣнномъ союзѣ съ ними. Указаніе на это можно находить въ составленномъ по поводу настоящей протестаціи актѣ: «виленскіе сановники, читаемъ въ актѣ, и граждане православныя вѣры устроили бунты и сходки покутныя, для совокупнаго защищенія осужденныхъ—великаго дидаскала Зизанія и братскихъ священниковъ, припускаючи съ собою до того людей разныхъ вѣръ» [22]).

Брестскій православно-протестантскій соборъ 1596 г., какъ посредствующее звѣно между предшествовавшимъ и послѣдующимъ соборами.

Протесты и волненія народа все увеличивались. Король, боясь кровопролитія, позволилъ православнымъ открыть въ Брестѣ соборъ какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина, и въ то же время и въ томъ же Брестѣ назначилъ латинскій соборъ. По составу членовъ и по важности дѣяній, православный этотъ соборъ былъ самый величественный изъ всѣхъ соборовъ, какіе только созывались въ западно-русской церкви. На немъ присутствовали патріаршіе экзархи константинопольскій протосинкеллъ Никифоръ и александрійскій Кириллъ, Лука, митрополитъ велиградскій, два епископа: Гедеонъ Болобанъ и Михаилъ Копыстенскій (перемышльскій), 10 архимандритовъ (одинъ изъ нихъ съ Аѳона), два игумена, 26 протопоповъ, десять пресвитеровъ [23]), а по другимъ извѣстіямъ болѣе 200 лицъ бѣлаго духовенства [24]). Православная и безъ того многочисленная сторона увеличена была протестантами. Не смотря на королевское запрещеніе, протестанты во множествѣ явились на соборъ и притомъ съ вооруженною силою [25]). На первыхъ порахъ обѣ партіи, собравшіяся для мирнаго изслѣдованія святѣйшихъ истинъ вѣры, представляли собою два враждебные, воинскіе лагеря. Брестъ буквально осажденъ былъ пушками, загроможденъ шатрами. Сверкали мечи, кишѣли гайдуки, волновались всполошились татары. Православно-протестантская сторона была такъ многочисленна и сильна, что, по выраженію уніатскихъ писателей, могла подавить противниковъ, точно мухъ [26]). Но она собрала вооруженныя силы на за тѣмъ, чтобы мечемъ и насиліемъ доказывать истину, но чтобъ обезопасить себя отъ нападеній противной партіи и не только не нарушала спокойствія, но совершенно пренебрегла силою. Напротивъ, латино-уніатская сторона съ перваго же раза прибѣгла къ насилію и вызову. Слабо-характернаго митрополита, не знавшаго, къ какой сторонѣ пристать, латиняне укрыли отъ поисковъ православныхъ пословъ и заключили подъ стражу. Затѣмъ мѣстный епископъ Поцѣй заперъ всѣ православныя церкви въ тѣхъ видахъ, что православные, за неимѣніемъ приличнаго мѣста для собора, не въ состояніи будутъ придать соборнымъ дѣяніямъ благословенія и освященія церковнаго. Православно-протестантская сторона, не желая возмущать спокойствіе народа, короля и сената, не рѣшилась силою врываться во храмъ; но разсудивъ, что въ новомъ завѣтѣ мѣсто получаетъ свою важность и святость отъ людей и ихъ дѣлъ, а не люди отъ мѣста, предпочла избрать частный домъ, какой пообширнѣе. Протестанты предло-

жили домъ папа Раевскаго. Но онъ оказался ихъ молитвеннымъ домомъ [17]). Православные были поставлены въ чрезвычайное затрудненіе. Открывать православный соборъ въ протестантской киркѣ, въ присутствіи иновѣрцевъ, среди тысячи глазъ своихъ и чужихъ, своихъ, ожидавшихъ самаго законнаго образа дѣйствій отъ собора, чужихъ, готовыхъ обратить во вредъ православнымъ всякую оплошность, — было крайне опасно. Не допустить на соборъ протестантовъ, нарочито издалека пріѣхавшихъ для того, или уйти отъ нихъ въ другое мѣсто значило подать поводъ къ разрыву съ единственными своими союзниками. Но высокое богословское образованіе и юридическій смыслъ членовъ собора, отличное знаніе общецерковныхъ и мѣстныхъ гражданскихъ законовъ выручили изъ затрудненія. Раннимъ утромъ православные собрались въ приготовленный домъ и раздѣлились на два «кола» (собранія) — духовное и свѣтское; въ свѣтское, безъ нарушенія смысла королевскаго указа, допустили и протестантовъ; избрали, для наблюденія за порядкомъ, особыхъ лицъ, духовные изъ духовныхъ, а свѣтскіе изъ свѣтскихъ. (Первые выбрали Нестора, протопопа заблудовскаго, который былъ главнымъ охранителемъ внѣшней дисциплины, и Игнатія пресвитера острожскаго, который завѣдывалъ соборными нотаріями, — (редактировалъ соборные протоколы) и назвали выборныхъ примикиріями. Вторые избрали Демьяна Гулевича, давъ ему титло маршалка. Послѣ того поставлено было по срединѣ собранія евангеліе, долженствовавшее обозначать самаго Христа, прочитаны молитвы и освященъ домъ [18]).

То и другое коло дѣйствовало въ предѣлахъ строгой законности, сообразуясь во всемъ съ канонами св. отецъ, соборовъ и не отступая отъ мѣстныхъ гражданскихъ статутовъ. Всѣ дѣянія собора принадлежали духовному собранію. На сторонѣ перваго были судьи, которые по власти были выше митрополита и всѣхъ епископовъ, склонившихся уже на сторону уніи — представители восточныхъ патріарховъ. По произнесеніи рѣчи епископомъ Гедеономъ перемышльскимъ и по установленіи порядка засѣданій предсѣдательствующими собора, соборъ духовныхъ, согласно съ церковными канонами, сдѣлалъ троекратный вызовъ митрополиту и его единомышленникамъ, но получилъ троекратный отказъ; затѣмъ, отправилъ къ нимъ двѣ грамоты, съ убѣжденіемъ не приставать къ уніи, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, осудилъ и отлучилъ ихъ отъ церкви, наконецъ осудилъ и опровергъ самую унію. Все порѣшивъ, соборъ обратился къ свѣтской половинѣ за утвержденіемъ его дѣянія. Свѣтское собраніе православныхъ и протестантовъ, прочитавъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей, подало единодушный голосъ, что римской уніи не желаетъ весь литовско-русскій народъ. Такимъ образомъ грамоты короля о невмѣшательствѣ мірскихъ людей въ распоряженіе духовной власти были соблюдены вполнѣ [22]). Но если злоба и клевета враговъ не могла

придраться къ формальнымъ дѣйствіямъ собора, въ высшей степени осторожнымъ, легальнымъ, то для нея достаточно было того, что православные, кто бы они ни были, засѣдали вмѣстѣ съ протестантами. На упреки враговъ за допущеніе еретиковъ въ собраніе, православные отвѣчали умно и справедливо: «думая, что одному Богу вполнѣ извѣстна вѣра каждаго, что мы не въ правѣ разбирать религіозныя убѣжденія всякаго, и зная, что любви свойственно всѣхъ любить, никѣмъ не гнушаться, ко всѣмъ питать довѣріе, на все надѣяться (1 Кор. X, 2. 7), мы сочли за лучшее не отгонять отъ себя никого изъ тѣхъ, которые сочувственно отзывались и приходили къ намъ. Мы ласкались надеждою, что можетъ быть дружескій пріемъ въ наше общество можетъ изгнать изъ ихъ сердецъ сомнѣніе о вѣрѣ, если они какое нибудь имѣли. Съ другой стороны мы опасались, какъ бы, отгоняя приходящихъ къ намъ вопреки примѣру Спасителя нащего, не навлечь на себя и на вѣру нашу подозрѣнія и худаго мнѣнія, и такимъ образомъ не удалить еще большаго числа людей отъ соединенія съ св. церковію. Мы тогда поступали, какъ тотъ римлянинъ, который, зная, что всѣ дѣла его хороши и законны, жилъ въ стеклянномъ и со всѣхъ сторонъ прозрачномъ домѣ» [30]). Но предубѣжденія и ожесточеніе враговъ не внимали слову истины и правды. Когда соборъ дѣлалъ троекратный вызовъ митрополиту, еще тогда латиняне замѣчали князю Александру Константиновичу Острожскому, что «напрасно люди старожитныя греческія религіи сходятся съ новокрещенцами и евангеликами, что гдѣ будутъ эти еретики, тамъ ничего путнаго постановлено быть не можетъ» [31]). Но теперь, когда собраніе православныхъ и протестантовъ состоялось и пришло къ такому единодушному рѣшенію, злобѣ и ожесточенію, клеветѣ и интригѣ не было конца. Королевскія и митрополичьи грамоты не могутъ подобрать словъ, для выраженія вражды и презрѣнія къ сходбищу православныхъ съ протестантами. «На мѣстѣ незвыкломъ и непристойномъ, писалъ король въ четырехъ грамотахъ своихъ, гдѣ сходки еретическія и казанья блюзнерскія бываютъ, тамъ съ аріанами, блюзнецарами Господа Бога Нашего и съ разными другими еретиками сполковали вы [32]) и покутнѣ (вмѣстѣ) съ ними списы и протестаціи чинили противъ Рѣчи Посполитой и церкви Христовой; до голыхъ мембрановъ прикладывали печати и подписывали руки, принуждая къ тому и другихъ [33]). Въ еретическомъ дому, вторилъ королю митрополитъ, къ воплю и плачу нашему собравшеся съ евангеликами, дѣлали вы все то, что имъ угодно» [34]). Нѣкоторые соглядатаи подмѣтили, что тамъ предъ засѣданіемъ собора совершалось богослуженіе: и вотъ пущена въ ходъ исторія, будто православные, открывъ соборъ въ реформатской киркѣ, вмѣстѣ съ протестантами совершаютъ литургію. Исторія эта, напечатанная во многихъ книгахъ и передаваемая изъ устъ въ уста, обошла всю Литву и Польшу и, хотя она убѣдительно опро-

вергалась во многихъ русскихъ сочиненіяхъ: Эктезисѣ, Апокрисисѣ и Перестрогѣ, но она смутила не одну православную душу, а въ латинянахъ породила новыя подозрѣнія, новыя негодованія и преслѣдованія союзниковъ [35]). Послѣднимъ нужно было взяться за средство болѣе рѣшительное: въ конституціонномъ государствѣ, какимъ была Польша, успѣхъ могла обѣщать только сильная партія. Составить такую партію каждому вѣроисповѣданію порознь нельзя было: потому что одиночная партія была бы разбиваема не только латинянами, но и всѣми другими разновѣрцами. Православнымъ и протестантамъ оставалось, не смотря на щекотливость прежней попытки, заключить новый союзъ, который скрѣпилъ и завершилъ бы всѣ прежнія соглашенія. Нечего сказать, протестанты вели свое дѣло чрезвычайно тонко: пріѣхавъ съ предложеніемъ своихъ услугъ Богъ знаетъ откуда, затащивъ православныхъ въ свой храмъ на свое богослуженіе, напросившись на совѣщаніе, они добились того, что православные, въ глазахъ всего государства, стали полнѣйшими союзниками ихъ, и дѣйствительно православные зашли теперь такъ далеко, что нельзя было болѣе удаляться отъ союзниковъ. И вотъ *въ 1599 году* открывается *въ Вильнѣ*

Новый православно-протестантскій соборъ, какъ развитіе и дополненіе торуньскаго сейма.

Ближайшимъ поводомъ къ скорѣйшему открытію собора были обстоятельства, повидимому, случайныя, во 1) оскорбленіе чести двухъ важныхъ протестантскихъ вельможъ Зеновича и Абрамовича; но подъ видомъ этихъ случайностей сама жизнь исторія снова свела союзниковъ, ускорила новый тѣснѣйшій союзъ. Названный Зеновичъ былъ брестскимъ воеводою, Абрамовичъ — смоленскимъ; оба они были ревностными кальвинистами, а жены ихъ оставались вѣрными православію. Въ 1597 году, усердіемъ женъ Зеновича и Абрамовича, была построена (на ихъ землѣ) въ Вильнѣ новая церковь для тамошняго троицкаго братства, которая должна была оставаться единственнымъ убѣжищемъ православнаго богослуженія, такъ какъ во всѣхъ православныхъ храмахъ Вильны отправлялось уже уніатское богослуженіе. Воспретить воеводскимъ женамъ постройку православной церкви нельзя было законнымъ путемъ, такъ какъ, по статутамъ люблинской уніи, православное дворянство имѣло полное право строить церкви въ своихъ владѣніяхъ. Іезуитская изобрѣтательность устрояетъ рядъ неслыханныхъ кощунствъ, поруганій и насилій надъ новою православною святынею — въ тѣхъ хитрыхъ разсчетахъ, что выведенные изъ терпѣнія православные окажутъ сопротивленіе, сдѣлаютъ храмъ театромъ борьбы, и — тогда найдется поводъ къ обвиненію во

всемъ исключительно православныхъ, къ закрытію новаго ихъ храма и къ полному прекращенію православнаго богослуженія. Въ великую субботу и въ самое свѣтлое Христово Воскресенье вооруженная толпа іезуитовъ и іезуитскихъ студентовъ ворвалась въ церковь и въ самый алтарь; глумились надъ церковными обрядами и богослуженіемъ, разбросали и «растарпали евангеліе, крестъ и всю святыню великаго престола»; ругались надъ самою плащаницею, садясь на нее, опрокидывая и волоча ее по церкви; не давали народу подходить къ принятію св. Таинъ, а чтецамъ и пѣвцамъ стать къ амвону; «толкали пинками» и кололи булавками молящихся, «панямъ и паннамъ по устамъ, по носу, по ухамъ пальцами и руками потирали; слова невстыдливыя молвили, а инымъ наносили удары по...; наконецъ, при выходѣ православныхъ изъ церкви, бросились на нихъ съ обнаженными саблями, при чемъ ранили слугу воеводы Зеновича. На другой день, другая вооруженная и болѣе многочисленная толпа іезуитскихъ питомцевъ, виленскихъ мастеровыхъ и торговцевъ ворвалась во дворъ русской коллегіи, начала штурмовать домъ православнаго братства и другой домъ рядомъ, въ которомъ остановилась пріѣхавшая на богомолье жена Абрамовича; ворота, рѣшетки, стекла все было перебито, переломано; стрѣляли изъ луковъ и лучницъ, переранили школьную челядь и церковную прислугу, не пощадивъ при этомъ и прислуги Зеновича и Абрамовича [36]) и затронувъ честь именитыхъ княгинь и ихъ протестантскихъ мужей. Потерявъ всякое терпѣніе, сильные протестантскіе вельможи первые сдѣлали кличъ между православными и протестантами, обѣщая первымъ свою мощную поддержку и покровительство и призывая тѣхъ и другихъ къ единодушному возстанію на враговъ. Православные, особенно жъ потерпѣвшіе отъ этихъ поруганій и насилій, первые откликнулись на призывъ. Но 2) были причины, которыя побуждали и протестантовъ спѣшить единодушно на тотъ же призывъ. Въ то же самое время и отъ той же необузданной «узды еретиковъ» — іезуитовъ и ихъ питомцевъ — протестанты претерпѣли такія же насилія и гоненія, какъ и православные. Извѣстный намъ Юрій Радзивиллъ, юный епископъ — гонитель, (офанатизированный іезуитами до изступленія), производилъ въ это время неслыханныя жестокости, начавъ съ торжественнаго сожженія напечатанныхъ его отцомъ книгъ евангелическаго ученія. (Изданіе библіи стоило его отцу 5000 дукатовъ: Юрій на покупку и сожженіе всѣхъ экземпляровъ ея назначилъ также 5000 д.). Учредилъ особое полчище сыщиковъ и истребителей диссидентскихъ книгъ, не жалѣвшихъ для того никакихъ трудовъ и денегъ. (Предводителями этого полчища были: братъ Юрія, князь Николай Христофоръ Сиротка, іезуиты Голынскій и Скарга, епископы Валеріанъ Протасевичъ и Акакій Гроховскій) [37]). Фанатики воздвигли гоненія на самихъ умершихъ. Протестантамъ воспрещено провожать покойниковъ на кладбище и пѣть над-

гробные гимны: несчастные лишены послѣдняго и самаго дорогаго утѣшенія, даруемаго христіанскою вѣрою. Нѣкоторые пасторы осмѣлились было не исполнить безчеловѣчнаго требованія, и іезуитскіе школьники едва не убили ихъ, осыпавъ ихъ каменьями. Это были первые фанатическія вспышки необузданной молодежи и, по обыкновенію, самыя бурныя, ужасныя, грозившія сожженіемъ всѣхъ протестантскихъ церквей и школъ[38]). Итакъ, первые удары гоненій, разразившіеся надъ православными, произвели рядъ тѣхъ же пораженій и опустошеній и среди протестантовъ, и потому самому, что они были первые и слѣдовательно наиболѣе, чувствительные удары, побуждали тѣхъ и другихъ устроить одинъ громоотводъ, заключить оборонительный дружественный союзъ. 3) Въ частности дворянство охотно шло подъ знамя спасительнаго союза во имя родственныхъ связей, которыя послѣ перваго формальнаго союза 1595 г. особенно расширились. Въ низшихъ слояхъ, какъ и въ высшихъ, все больше и больше завязывалось общихъ интересовъ, приводившихъ къ одному и тому же послѣднему исходу. Въ нѣкоторыхъ виленскихъ цехахъ, наприм. въ цехѣ башмачниковъ и сапожниковъ, были католики, православные и протестанты, и всѣ они пользовались одинаковыми правами. Религіозныя торжественныя процессіи каждое вѣроисповѣданіе отправляло по своему, православныхъ и протестантовъ отнюдь не принуждали принимать участіе въ католическихъ торжествахъ. Общіе доходы цеха шли въ пользу какъ католическаго алтаря, такъ и православной и протестантской церквей[39]). Но вдругъ, съ разрѣшенія папскаго легата (Александра Комулея, бывшаго въ Вильнѣ проѣздомъ въ Москву въ 1597 г.), православныхъ и протестантовъ стали приневоливать къ участію въ католическихъ церковныхъ церемоніяхъ цеха, оттѣснили ихъ отъ одинаковаго пользованія общественными правами и вольностями, православную и протестантскую церкви лишили доходовъ цеха[40]). Это святотатственное попраніе всѣхъ наивысшихъ правъ и интересовъ частныхъ, общественныхъ и религіозныхъ, усиливавшееся по мѣрѣ расширенія частныхъ связей и интересовъ между союзниками, заставляло ихъ сплотиться въ болѣе тѣсный и легальный союзъ, который былъ бы скрѣпленіемъ и развитіемъ союза 1595 г., и для этого открыть новый съѣздъ въ самой столицѣ Литвы.

Виленскій соборъ 1599 г. открылся 14—24 мая[41]), по инициативѣ князя Константина Константиновича Острожскаго, при ближайшемъ содѣйствіи князя Христофора Николаевича Радзивилла, упомянутыхъ воеводъ Зеновича и Абрамовича и брестъ-куявскаго воеводы Лещинскаго. Для большей прочности союза, рѣшено было стараться не только о гражданскомъ, но и о религіозномъ соединеніи, объ уніи протестантскихъ церквей съ православною. Для этой цѣли прибыли на соборъ представители всѣхъ трехъ протестантскихъ исповѣданій: лютеранскаго—пасторъ виленскій Ерзмъ Гличнеръ, кальвинскаго—сеньоръ куявскій Николаев-

скій и богемскихъ братьевъ — суперъинтендентъ Турновскій. Здѣсь же присутствовало и нѣсколько православныхъ духовныхъ особъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ изъ его обширныхъ владѣній. Но изъ виленскаго духовенства не было здѣсь, кажется, никого, на что жаловался суперъинтендентъ Турновскій [42]). Такъ какъ переговоры съ православными долженствовали быть ведены на греческомъ языкѣ, то воеводы кіевскій и брестскій — кальвинисты — привезли съ собою нѣсколько толмачей грековъ. Главнымъ дѣятелемъ со стороны протестантской былъ суперъинтендентъ Турновскій, а со стороны православной князь Острожскій. Турновскій еще на торуньскомъ соборѣ выразилъ мнѣніе, что соединеніе православныхъ съ протестантами — вопросъ не слишкомъ трудный; но тогда рѣшеніе вопроса было отложено до будущаго собора. Подходя къ разрѣшенію завѣтнаго вопроса, Турновскій дѣлаетъ протестантамъ благоразумное предложеніе: «прежде чѣмъ установлять единеніе съ приверженцами греческой церкви, намъ самимъ необходимо утвердить единодушіе и единомысліе, а для этого необходимо возстановить сандомирскій союзъ и, забывъ всѣ несогласія, исполнить его постановленія». Здѣсь Турновскій осторожно намекалъ на новые раздоры, возникшіе между лютеранскимъ и реформатскимъ духовенствомъ въ Вильнѣ, на непринятіе первымъ сандомирскаго соглашенія. Не дождавшись отвѣта на свое предложеніе (да его и не было дано), Турновскій указалъ общія начала, на сновaніи которыхъ должно бы, по его мнѣнію, состояться единеніе съ православною церковію. Протестантскіе богословы одобрили эти начала. Согласился и князь Острожскій и резюмировалъ эти начала въ слѣдующихъ вопросахъ, съ которыми онъ обратился къ протестантскому духовенству: 1) признаете ли вы писанія Моисея, пророковъ, евангелистовъ и апостоловъ за богодухновенныя писанія, необходимыя человѣку для наученія, наставленія, исполненія и возвышенія всякой правды и для приготовленія его къ наслѣдію вѣчнаго спасенія; 2) оказываете ли вы отцамъ церкви благоговѣйное довѣріе за ихъ благочестіе (Frömmigkeit) и показаніе отъ Духа Божія, хотя бы и не были согласны съ ними въ нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ; 3) если въ вашемъ ученіи и богослуженіи найдется какое либо противорѣчіе съ словомъ Божіимъ и ученіемъ апостольскимъ, то согласны ли вы сдѣлать измѣненія и исправленія по этимъ образцамъ вѣры; 4) принимаете ли вы за вашихъ братьевъ и сомолитвенниковъ всѣхъ тѣхъ, которые въ своемъ богопочтеніи и поведеніи сообразуются съ словомъ Божіимъ, и признаете ли вы антихристами противниковъ Господа нашего Іисуса Христа и божественнаго его слова (латинянъ); 5) желаете ли вы, по заповѣди Господа Іисуса Христа, пребывать въ братской любви, взаимной помощи и соединиться противъ антихриста съ тѣми, которые совершенно подчиняютъ себя водительству слова Божія, исповѣдуютъ Христа своимъ пастыремъ и единственнымъ главою церкви,

принимають св. таинства для общенія съ Нимъ, держатся постановленій вселенскихъ соборовъ и чтутъ св. отцевъ церкви, какъ отъ Бога посланныхъ для благоустроенія церкви, учителей и правителей? Рядъ вопросовъ князя Острожскаго представлялъ изъ себя предварительную програму для предположеннаго соединенія, програму самую безобидную, миролюбивую и нейтральную, предложенную къ тому жъ по предварительному соглашенію съ богемскими депутатами. Но лютеране и кальвинисты постараются обойти въ большинствѣ пунктовъ и эту умѣренную и безпристрастнѣйшую програму, какъ они не удостоили отвѣтомъ предложеніе Турновскаго относительно возстановленія сандомирскаго союза. Одинъ Турновскій оказываетъ ей надлежащее вниманіе. Предложеніе програмы составляло, такъ сказать, прелюдію сейма.

Торжественныя засѣданія открылись вечеромъ того же дня въ великолѣпномъ дворцѣ Острожскаго (на покровской улицѣ). Когда протестантскіе богословы вошли въ величественную залу, то нашли тамъ Луку, митрополита велиградскаго съ золотою цѣпью на шеѣ, Исаака, настоятеля дубенскаго монастыря и дубенскаго архидіакона Гедеона. Замѣчательна первая торжественная встрѣча протестантскихъ духовныхъ съ православными. Турновскій протянулъ руку игумену Исааку. Этотъ, подавая ему руку, сказалъ: «я принимаю васъ благосклонно, хотя священное писаніе запрещаетъ намъ привѣтствовать еретиковъ». Турновскій крайне изумился и обидѣлся. Когда всѣ усѣлись, князь Острожскій, старецъ съ почтенною сѣдиною, открылъ засѣданіе торжественною рѣчью, въ которой засвидѣтельствовалъ предъ Богомъ и совѣстью, что онъ ничего такъ пламенно не желаетъ, какъ взаимнаго сближенія тѣхъ, которые вѣруютъ въ единую главу церкви — Господа Іисуса Христа и не терпятъ вѣроломныхъ слугъ антихриста: «Богъ да удостоитъ меня, заключилъ онъ свою рѣчь, видѣть это желанное единеніе и, сейчасъ же съ радостію готовъ буду умереть». Князю Острожскому отвѣчалъ Еразмъ Гличнеръ, выражая ему благодарность за его ревность къ славѣ Божіей и свою съ товарищами готовность къ достиженію взаимнаго согласія и соединенія. Рѣчь Гличнера была прервана Лукою велиградскимъ. Хорошо понимая несбыточность затѣяннаго дѣла и ясно видя, куда ведутъ союзники довѣрчиваго князя, митрополитъ счелъ нужнымъ охладить жаръ неосторожнаго увлеченія князя и обличить происки хитрыхъ союзниковъ: «вы не думаете ли, сказалъ онъ имъ sermone ruthenico (по-русски), что мы, оставивъ вѣру нашу, соединимся съ вами? Если вы не отречетесь отъ вѣры вашей и не примете нашей, то нѣтъ другаго пути къ единенію». Слова эти чистымъ льдомъ обдали Острожскаго. Раздраженный князь сдѣлалъ строгій выговоръ митрополиту и патетическій призывъ къ согласію прочимъ духовнымъ. Затѣмъ, обращаясь къ протестантамъ, сказалъ: «если наше духовенство противится сближенію съ вами,

то мы и безъ него установимъ согласіе и взаимную любовь». Турновскій отвѣчалъ на это длинною рѣчью, въ которой доказывалъ, что греческая церковь не вполнѣ свободна отъ заблужденій, но съ другой стороны содержитъ много истинъ, исповѣдуемыхъ и протестантами; указывалъ на дружелюбныя сношенія греческой церкви съ предками его единовѣрцевъ, чешскихъ братьевъ, упоминалъ о грамотѣ константинопольскаго патріарха къ гуситамъ, похваляющей ихъ за отреченіе отъ антихриста и его лжи и призывающей ихъ къ соединенію съ греческою церковію [43]). Тенденціозную рѣчь свою онъ заключилъ слѣдующими словами: «объявляю отъ имени своего и своихъ братьевъ, что мы готовы соединиться не только со всѣми, живущими въ польско-литовскомъ королевствѣ, но и съ жителями Греціи и московскаго государства. Мы желаемъ даже установить строгое единство съ вами не только въ вѣроученіи, но и въ обрядахъ. Основою нашею соглашенія должны быть слова патріаршей грамоты къ гуситамъ о соединеніи на основаніи священнаго писанія, какъ самаго истиннаго судіи во всѣхъ спорныхъ вопросахъ. Итакъ, если вы докажете намъ, что въ нашемъ ученіи есть нѣчто несогласное съ священнымъ писаніемъ, то мы готовы измѣнить, исправить погрѣшности; то же самое сдѣлаете и вы, если въ вашемъ ученіи найдете нѣчто противорѣчащее писанію. Конечно, вы не вдругъ придете къ окончательному рѣшенію объ этомъ важномъ предметѣ, будете ожидать разрѣшенія отъ константинопольскаго патріарха, но при помощи Божіей святое это дѣло совершится; въ настоящій разъ можетъ быть сдѣлано начало и основаніе соединенія: основаніе для него положено уже въ томъ, что столько лицъ съ той и другой стороны прибыло на соборъ». Въ такомъ же смыслѣ говорилъ сеньеръ Николаевскій и указалъ нѣсколько пунктовъ, въ которыхъ греки разнятся съ папистами, но согласны съ писаніемъ. Довѣрчивый и добродушный князь не зналъ, какъ благодарить ораторовъ за ихъ искренность и готовность къ соединенію съ восточною церковію. Наконецъ подали свой голосъ оставшіеся на сторонѣ князя духовные Исаакъ и Гедеонъ. Они также благодарили Бога, что имъ удалось видѣть установившуюся между ними и протестантами взаимную любовь. Исаакъ въ длинной, витіеватой рѣчи показалъ, что ветхій и новый завѣтъ, творенія отцевъ церкви и опредѣленія 7-ми вселенскихъ соборовъ—представляютъ начала для взаимнаго сближенія вѣроисповѣданій, почву, на которой единственно они могли бы сойтись, и заключилъ рѣчь замѣчаніемъ, что православное русское духовенство не можетъ сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага къ соединенію церквей безъ согласія на то патріарха константинопольскаго и александрійскаго, который впрочемъ, какъ извѣстно, не будетъ противиться соединенію [44]). Другой православный духовный Гедеонъ замѣтилъ протестантамъ, что ради добраго порядка (ordinis boni gratia) слѣдовало бы имъ признать надъ собою власть восточныхъ патріарховъ.

Но князь далъ понять, что и это предложеніе слишкомъ преждевременно и требовательно: «развѣ можно, отвѣчалъ онъ, ожидать повиновенія патріарху со стороны тѣхъ, которые отвергли подчиненіе папѣ!» Послѣ этого всѣ поднялись съ мѣстъ и подали другъ другу руку въ знакъ братскаго согласія. Такъ кончилось 1-е засѣданіе.

18—28 мая собрались у Острожскаго, кромѣ прежнихъ духовныхъ лицъ, нѣсколько новыхъ духовныхъ особъ и множество вельможъ того и другаго вѣроисповѣданія. Изъ духовныхъ вновь прибыли: нѣсколько пасторовъ литовскихъ протестантскихъ церквей: Піотровскій, Хржанстовскій, Яницкій и проч. и около десяти православныхъ священниковъ. Изъ православныхъ вельможъ вновь присутствовали: Александръ Острожскій, воевода волынскій, князь Сангушко, Вишневецкіе, Корецкій, Рожинскій, Соломерецкіе и многіе другіе паны; изъ протестантовъ: Иванъ Абрамовичъ, воевода смоленскій, Христофоръ Зеновичъ, воевода брестскій, Юрій Радзивиллъ, воевода новогрудскій, внукъ Николая Краснаго, Андрей Лещинскій и многіе другіе. Въ многолюдномъ и блистательномъ собраніи были прочитаны и обсуждены (подготовленные въ интерантъ засѣданій отъ 14 до 18—24 до 28 мая) пункты догматическаго и нравственнаго ученія, въ которыхъ протестанты совершенно сходятся съ православными и которые должны были лечь въ основу устанавливаемаго единенія. Такихъ пунктовъ найдено было 18-ть [45]).

Начало виленскаго собора (два первыя засѣданія) было также хорошо, какъ и начало торуньскаго сейма: съ обѣихъ сторонъ высказано столько же любезностей, обѣщаній и надеждъ. Но средина и конецъ далеко не соотвѣтствовали началу. Князь Острожскій хотѣлъ, чтобы протестантскіе богословы ограничились тѣмъ добрымъ началомъ соглашенія, или религіозной уніи, какое положено въ 1 и 2 засѣданіи и какое еще болѣе должно закрѣпиться предстоявшею уніею политическою, чтобы написали письмо къ самому патріарху Мелетію и до полученія отвѣта отложили дальнѣйшія разсужденія о соединеніи съ греческою православною церковію. Представители трехъ протестантскихъ вѣроисповѣданій составили требуемое письмо; сверхъ того Турновскій, отъ лица чешскихъ своихъ братьевъ, какъ болѣе извѣстныхъ константинопольскому престолу, написалъ особое посланіе къ патріарху. Князь взялся немедленно доставить посланія въ Царьградъ и, по полученіи отвѣта, переслать его протестантамъ. Но они не думали дожидаться отвѣта: они спѣшили провести свои затаенные планы. Чрезъ нѣсколько часовъ перерыва, литовскіе кальвинисты настояли на открытіи третьяго засѣданія, а по нѣкоторымъ—дополнительнаго втораго совѣщанія, на которомъ кальвинисты предъявили проэктъ соединенія своего вѣроисповѣданія съ православнымъ. Проэктъ этотъ составленъ еще до открытія собора и нельзя довольно надивиться его несбыточности, безцеремонности, назойливости. Въ немъ предлагалось

принять за начало разсужденій книги священнаго писанія на греческомъ языкѣ по какому-то греческому списку, совершенно сходному съ брестскимъ кальвинскимъ изданіемъ библія 1563 г., и по этому списку опредѣлить каноническія книги и не каноническія, т. е. признать канонъ протестантскій; затѣмъ уже разсуждать о дальнѣйшихъ предметахъ вѣры, какъ то: о единой главѣ церкви — Христѣ, объ евхаристіи, о чистилищѣ, бракѣ священниковъ и т. д. Для разсужденія объ этомъ православные должны представить исповѣданіе своей вѣры; но такъ какъ тутъ не обойдется безъ затрудненій, потому что это исповѣданіе не будетъ согласно съ протестантскимъ, да и греки будутъ замѣшаны, то лучше бы, замышлялъ проэктъ, предложить имъ свое протестантское изложеніе вѣры, напр. сандомирское и просить ихъ, чтобы они указали, на что они соглашаются въ немъ, и подписали тѣ пункты, на которые согласны. Конечно протестанты ясно видѣли, что и при этомъ способѣ встрѣтится много затрудненій, окажется много пунктовъ разногласія, и вотъ какъ они думали уладить ихъ. Разсужденія объ исхожденіи святаго Духа устранить по той причинѣ, что, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ богослововъ, разногласіе тутъ будто бы только въ словахъ и далеко не было такъ важно до раздѣленія церквей. «Всякій, кто достаточно вникнетъ въ дѣло, говорилось въ проэктѣ, пойметъ, что у насъ съ греками споръ изъ-за одного слова: потому что и они, подобно намъ, признаютъ, что Духъ святый ниспосылается, истекаетъ (emanat, profluit) отъ Сына, и употребляютъ вообще такія выраженія, которыя равносильны выраженію исходитъ отъ Сына (procedit a Filioque), но избѣгаютъ этого послѣдняго слова потому, что нѣтъ его въ писаніи. Мы не желали бы, чтобы страсть къ словопренію (Logomachie) повредила святому дѣлу единенія, и если греческое ученіе объ исхожденіи святаго Духа въ существѣ дѣла сходно съ нашимъ, а споръ изъ-за одного термина, то лучше всего не поднимать о томъ и рѣчи на соборѣ, да и въ проповѣдяхъ предъ народомъ мы будемъ обходить этотъ пунктъ молчаніемъ: тѣмъ болѣе что рѣдко представится случай говорить объ этой догмѣ къ народу». Что касается совершенія литургіи или миссы, употребленія обрядовъ при богослуженіи, призыванія святыхъ, почитанія иконъ, то необходимо это пока терпѣть, продолжалъ проэктъ: такъ какъ нельзя надѣяться на уничтоженіе этого вдругъ. Можно даже допустить употребленіе кваснаго хлѣба въ евхаристіи и празднованіе большихъ праздниковъ по старому греческому календарю; только согласиться съ лучшими изъ православныхъ, чтобы они въ проповѣдяхъ своихъ старались объ искорененіи въ народѣ грубыхъ суевѣрій, особенно идолатріи, какою запечатлѣно у нихъ призываніе святыхъ. «Нужно обязать православныхъ священниковъ, пояснялъ проэктъ, чтобы они внушали народу, что благоговѣйное чествованіе и преклоненіе колѣнъ, какое бываетъ при совер-

шенія у нихъ евхаристіи, относится не къ хлѣбу, чувственно данному въ евхаристіи, а ко вселюбящему и вездѣсущему Богу, къ невидимо присущему здѣсь Христу съ Его тѣломъ и кровію (что-то въ родѣ ubiquitas corporis Christi!), къ Которому горѣ и нужно возносить сердце. Иконы святыхъ вдругъ, конечно, не могутъ быть отобраны, уничтожены; по примѣру аусбургской церкви, надобно распространять между священниками, а священники между народомъ должны распространять идеи, направленныя противъ иконопочитанія и призыванія святыхъ, заимствуя для того доказательства изъ священнаго писанія и отцевъ греческой церкви, а для этого, во время же собора, издать сборникъ благопріятствующихъ нашей цѣли, отеческихъ свидѣтельствъ и такимъ образомъ съ искорененіемъ идолопоклонства въ сердцахъ людей, идолы (иконы) падутъ сами собою». Но если все это дѣло далекаго будущаго, то по крайней мѣрѣ теперь, заключалъ проэктъ, слѣдуетъ добиться, чтобы православные и протестанты безразлично ходили въ церкви обоихъ вѣроисповѣданій, чтобы у тѣхъ и другихъ были общія школы и общіе синоды. Проэктъ не скрываетъ, какіе пропагандистическіе виды таились за этими общими храмами, школами и сеймами. «Нечего опасаться, чтобы протестанты, присутствуя при богослуженіи грековъ, перешли въ ихъ вѣру; напротивъ гораздо скорѣе греки, посѣщающіе наше богослуженіе, сдѣлаются протестантами, потому что наши проповѣдники, которые не сравненно ученѣе греческихъ священниковъ, рано или поздно овладѣютъ ихъ сердцами. Школы также могутъ быть важнымъ пріобрѣтеніемъ для насъ, такъ какъ способныхъ учителей ихъ религіи рѣдко гдѣ можно найти. На синодахъ общихъ, которые могутъ быть созываемы попеременно то греками (т. е. православными), то протестантами, также многихъ можно завлечь къ себѣ; слѣдуетъ только, какъ можно болѣе, сближаться съ греками, толковать о всякой мелочи, обыденныхъ предметахъ»[46]).—Добрые союзники оказались наконецъ хитрыми пропагандистами, обѣщанное соединеніе съ православіемъ чистымъ совращеніемъ въ протестантство! Православная, преимущественно духовная сторона, какъ ни скрывали отъ нея дополненія и поясненія къ проэкту, сейчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, и на отрѣзъ отказалась отъ всякихъ совѣщаній о соединеніи церквей, еще разъ объявивъ, что безъ согласія восточныхъ патріарховъ они не могутъ начать самыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ[47]). Извѣстные ревнители православія: Гедеонъ епископъ львовскій, Михаилъ епископъ перемышльскій предвидѣли несбыточность подобныхъ совѣщаній и, не смотря на приглашеніе уважаемаго князя, не поѣхали на соборъ. Попавшіе не съ доброй воли на соборъ митрополитъ Лука, игуменъ Исаакъ и проч., высказавши со всею искренностію и рѣшительностію то, что прежде отчасти выражали они въ видѣ благожеланій и совѣтовъ[48]), хотѣли уже оставить собраніе, но удержаны были княземъ. Уступая просьбамъ князя,

они однакожъ приступили къ дальнѣйшимъ сужденіямъ, подъ условіемъ, если отъ нихъ не потребуютъ ни письменнаго, ни устнаго соглашенія на соединеніе церквей и если заведутъ рѣчь о другихъ совершенно предметахъ [19]).

Въ дальнѣйшемъ и послѣднемъ совѣщаніи, вмѣсто вѣроисповѣднаго единенія, установленъ религіозно-политическій союзъ. Возстановляя и дополняя гражданскій торуньскій союзъ, виленскій сеймъ постановилъ, чтобы православные и протестанты не только жили мирно, другъ друга уважали и въ общихъ обоимъ вѣроисповѣданіямъ дѣлахъ противодѣйствовали латинянамъ (какъ было постановлено на торуньскомъ съѣздѣ), но чтобы всѣ вмѣстѣ и каждый въ частности защищали оба вѣроисповѣданія и другъ друга всѣми мѣрами: авторитетомъ, властію и даже внѣшнею силою. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, избрано 119 такъ называемыхъ провизоровъ изъ всѣхъ высшихъ чиновъ литовско-польскаго государства, обязанностію которыхъ было каждому въ своемъ округѣ— вѣдать православныхъ и протестантовъ и при всякомъ случаѣ защищать ихъ отъ латинянъ. Любопытенъ самый актъ союза, который мы передадимъ вкратцѣ. «Мы, гласитъ актъ, чины, знать, совѣтники, всадники и прочіе обитатели польскаго королевства, великаго княжества литовскаго и иныхъ прилежащихъ земель, приверженцы какъ греческой церкви, такъ и евангелическаго исповѣданія, всѣ мы вѣруемъ и исповѣдуемъ единаго въ Троицѣ славимаго Бога, содержимъ одно и тоже откровенное слово Божіе и Господа Іисуса Христа признаемъ единою и истиною главою церкви. (Больше уже ничего не находятъ сходнаго въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ). По тщательномъ обсужденіи правъ, преимуществъ и законоположеній, принадлежащихъ той и другой церкви, союзомъ клятвы, вѣрности, добродѣтели и честности мы соединяемся въ единое нравственно-духовное тѣло и клянемся всѣми силами и средствами отстаивать наши религіозныя, государственныя и служебныя преимущества и вольности, наши частныя, личныя и имущественныя права и привилегіи. Церкви, соборы, кирки, въ нашей власти находящіеся, не смотря на различіе въ богослуженіи и обрядахъ, будемъ неотступно защищать и оберегать; всѣ мѣста, бенефиціи, а преимущественно лица, опредѣленныя на богослуженіе, будемъ неусыпно охранять. Ревностно и совокупно будемъ стараться о томъ, чтобы прошедшія оскорбленія были умягчены, наглости наказаніемъ укрощены и впредь были удержаны. Въ случаѣ же, помилуй Богъ, какихъ либо обидъ, уроновъ, оскорбленій и гоненій за вѣру, будемъ сообщать другъ другу свое горегрекъ другимъ грекамъ и евангеликамъ, а евангеликъ другимъ евангеликамъ и грекамъ, и подавать другъ другу утѣшеніе, совѣтъ, наставленіе, помогать дѣломъ словомъ, ходатайствомъ на сеймахъ, сеймикахъ и предъ королемъ, и при первомъ извѣстіи о притѣсненіи или насиліи, всѣ вмѣстѣ и каждый по-

ровнь должны спѣшить туда, гдѣ намѣреваются или уже дѣлають насиліе, какъ бы для погашенія общественнаго пожара. И для удобнѣйшаго охраненія нашихъ правъ на сеймахъ, въ народныхъ управахъ предъ магнатами, въ сенатѣ и у самого трона, избираемъ изъ знатныхъ людей генералпровизоровъ или попечителей (119), которые должны быть провизорами и мѣстными, — каждый въ своемъ округѣ — акторами. Ко всякому изъ нихъ, смотря по близости ихъ мѣстожилища, каждый, тѣснимый въ своей религіозной свободѣ, безъ различія вѣроисповѣданія можетъ и долженъ обращаться, какъ къ своимъ отцамъ и защитникамъ. Всякій провизоръ, смотря по важности жалобы, обязанъ сноситься съ сосѣдними своими товарищами для совѣщаній, нужно ли и что нужно предпринимать, для оказанія немедленной помощи по жалобѣ. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ провизоры учреждаютъ синоды и при томъ такъ, что если греки созываютъ синоды, то и евенгелики принимаютъ въ нихъ участіе, а равно и греки въ генеральныхъ синодахъ евангеликовъ». Актъ скрѣпленъ подписью 3 (а по инымъ болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ 17) православныхъ сенаторовъ, 15-ти русскихъ всадниковъ и нѣкоторыхъ духовныхъ особъ, 84-хъ пасторовъ и 122 свѣтскихъ протестантскихъ лицъ, между которыми было 18 княжескихъ фамилій и 12 сенаторовъ [50]).

На что бы, казалось, лучше, единодушнѣе, идеальнѣе сдѣланныхъ предложеній, клятвъ и обязательствъ? Но чѣмъ они идеальнѣе, тѣмъ менѣе осуществимы на дѣлѣ. Всю силу, всю надежду союза составляли провизоры. Православный провизоръ становился патрономъ протестантовъ и наоборотъ провизоръ-протестантъ становился патрономъ православныхъ: очевидно, тутъ принято было за начало дѣйствій не вѣротерпимость только другъ къ другу, но и братская любовь, единодушіе, — рамка слишкомъ широкая, идеальная. При тогдашней враждебной настроенности общества относительно иновѣрцевъ, братское единодушіе безъ единства религіозныхъ убѣжденій, гражданскій союзъ безъ церковнаго единенія, при всей горячности и силѣ первыхъ ихъ обнаруженій, не прочны, не устойчивы. Разладъ не замедлилъ обнаружиться. Нѣкоторые протестанты ушли съ съѣзда съ такими бранными словами: «какое общеніе можетъ быть между Христомъ и веліаромъ, идолослужители развѣ могутъ быть нашими друзьями? [51]). Лучшіе люди православія отвѣчали на эти упреки: «мы не дорожимъ дружбою съ еретиками и отщепенцами всякими, которые отступили отъ Христовой восточной церкви, начиная отъ Арія до Формоса папы римскаго; лютерей и всѣхъ наслѣдниковъ ихъ отчуждаемся» [51]). Многіе изъ членовъ съѣзда не подписались даже подъ актъ и отказались отъ обязанностей провизорства. Да и тѣ, которые согласились на почтенное и тягостное званіе провизорства, не обнаружили безпристрастія и ревности, не защищали съ одинаковымъ усердіемъ интересы какъ чужаго, такъ и собственнаго вѣроисповѣданія, и православ-

ные подозрительно смотрѣли на провизора протестанта, а протестанты на православнаго провизора. Но главное искушеніе для дѣятельности провизоровъ было съ другой стороны. Всѣ они были люди чиновные, владѣвшіе «кроневщинами», т. е. имѣніями, соединенными съ должностями. За всякій энергичный шагъ, за честное исполненіе обязанностей провизорства они не могли ожидать повышенія по службѣ и — нужно было много гражданскаго мужества и христіанскаго самоотверженія, чтобы быть честнымъ дѣятельнымъ провизоромъ, но такихъ избранныхъ натуръ всегда бываетъ немного. Огромное большинство провизоровъ не могли подняться выше узкихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ интересовъ и были жалкими бюрократическими твореніями, негодными для образованія прочнаго независимаго союза, и нѣтъ сомнѣнія, что, при первомъ искушеніи, они бросали провизорскія обязанности, если только можно думать, что они серіозно брались за нихъ. Они лишь на сеймѣ громко заявили о своей силѣ, но на дѣлѣ ничѣмъ не доказали ея. Съ сейма они разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, а враги остались на своихъ мѣстахъ и продолжали дѣйствовать постоянно и неуклонно при дворѣ и во всѣхъ главныхъ центрахъ.

Сами союзники, возбудивъ противъ себя опасенія враговъ, воспрепятствовали успѣху своего союза. На съѣздѣ 1599 г., когда минуло ровно 30 лѣтъ со времени соединенія Литвы съ Польшею (или люблинской уніи 1569 г.) и когда лучшіе литовскіе и русскіе люди успѣли горько разочароваться и раскаяться за это добровольное порабощеніе ими своего отечества Польшѣ, они не могли не высказать сожалѣнія о прежней своей политической независимости и подняли вопросъ, нельзя ли какъ либо поправить прежнюю ошибку, и общественными силами Литвы противодѣйствовать вторженію въ нее латино-польскихъ элементовъ. Но эта примѣсь къ вопросамъ религіознымъ щекотливыхъ вопросовъ политическихъ возбудила всеобщія подозрѣнія, создала новыя многочисленныя затрудненія для установившагося соглашенія [52]).

Союзъ виленскаго православнаго братства съ виленскою реформатскою общиною.

Не безъ разочарованій разъѣзжаясь съ сейма, союзники не отчаявались совершенно въ успѣхѣ своего дѣла. Покидая столицу, они распорядились оставить здѣсь вмѣсто себя уполномоченныя небольшія собранія, которыя напоминали бы высшему правительству о сплоченіи противъ него ихъ оппозиціонныхъ силъ, представляли бы изъ себя ихъ непрерывный соборъ, предстательствовали бы предъ властями за опальныхъ и охраняли бы интересы того и другаго вѣроисповѣданія. Пред-

ставительными этими кружками союзниковъ было виленское православное братство, служившее главнымъ оплотомъ всего западно-русскаго православія и виленская реформатская община, бывшая централизаціею всего литовскаго протестантства. Образъ дѣйствій новыхъ этихъ союзниковъ братства и общины намъ не извѣстенъ. Но до насъ дошелъ актъ союза, заключенный ими предъ открытіемъ ихъ дѣйствій въ маѣ 1599 года. Актъ этотъ, какъ и актъ собора 1599 года, заключаетъ въ себѣ протесты союзниковъ на отнятіе у нихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ, а также взаимныя обязательства ихъ и обѣщанія ходатайствовать предъ кѣмъ слѣдуетъ о возвращеніи отнятыхъ правъ [54]). Вотъ самые протесты. Жалоба на то, что декреты патріарха и его экзарха не имѣютъ силы, что митрополитъ-апостатъ несправедливо изъятъ изъ подъ власти патріарха и что надъ не признающими отверженнаго митрополита совершаются экзекуціи, суть прелиминаріи къ болѣе важнымъ протестамъ. А этими послѣдними были: жалоба вообще на то, что папежники не удостоиваютъ людей греческой вѣры одинаковой чести и вольности, и захватываютъ себѣ «привилегіи противъ людей греческой вѣры», и въ частности, сѣтованіе на то, что братства церковныя, особенно на Волыни, терпятъ несносныя бѣды, «возмущены всякими турбаторми, что поповъ и проповѣдниковъ братскихъ митрополитъ апостаты выкликаетъ, а король банитуетъ» и что даже на церковь братскую, въ самый Великъ день, сдѣлано нападеніе «кгвалтъ»; въ монастырѣ св. Троицы алтарь, принадлежащій братству, и домъ для братскихъ сходокъ—все отнято; мандаты и листы универсальные, утверждающіе права и преимущества братствъ, порваны и истреблены. За всѣ притѣсненія и угнетенія, понесенныя православными, за всѣ обиды и лишенія, причиненныя протестантамъ, «паны евангелики и людіе гречестіи» постановили искать возмездія предъ судомъ. А для установленія болѣе осязательнаго общенія тѣхъ и другихъ, «людіе гречестіи просили пановъ евангеликовъ» ввести у себя нѣкоторыя обрядовыя установленія провославной церкви, не принимать новаго календаря, а держаться стараго никейскаго, «какъ держатъ его панове пруссаки и вся нѣмецкая страна, и оборонять другъ друга отъ кгвалтовъ въ господскіе праздники». Въ заключеніе настоящаго акта союза, или, какъ его называли католики, conjuctio seu conspiratio Schismaticorum cum Lutheranis, православные выразили искреннѣйшее свое желаніе, чтобъ паны евангелики были вмѣстѣ съ ними подъ одною высшею духовною властію, «подъ благословенствомъ» греческаго патріарха, и, какъ дѣти одного отца, единымъ сердцемъ и едиными устами прославляли верховнаго Бога [55]). Но всѣ эти просьбы и посланія были лишь pia desideria, увлеченія миролюбія, также не осуществимыя, какъ благожеланія и мечты, высказанныя на соборѣ. И весь вообще союзъ, заключенный, какъ на генеральномъ синодѣ диссидентовъ, такъ и уполномоченными ими братствомъ и общиною, былъ больше

внѣшній, невольный, вынужденный тяжкими обстоятельствами времени, расчитывавшій на облегченіе общихъ бѣдствій, но не представившій для того надежныхъ гарантій, не имѣвшій для себя глубокихъ нравственныхъ основъ, съ ослабленіемъ вызвавшей его опасности, ослабѣвавшій.

Если союзники мало могли оказать другъ другу нравственной поддержки, если оказался слабымъ нравственный церковно-гражданскій союзъ, то не былъ ли счастливѣе ихъ

вооруженный союзъ, заключенный по общимъ обоимъ вѣроисповѣданіямъ дѣламъ?

Въ другихъ странахъ вооруженные союзы доставляли протестантизму рѣшительное торжество и побѣду. Данный вооруженный союзъ послужилъ также развязкою издавна затянувшимся сношеніямъ союзниковъ, но такою, какой можно было ожидать отъ союзниковъ столь противоположныхъ религіозныхъ убѣжденій. «Если бы, говоритъ Красинскій, союзники немедленно, послѣ виленскаго съѣзда 1599 г., собрали свои военныя силы и потребовали отъ короля признанія своихъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ, то они одною угрозою, безъ кровопролитія, достигли бы желаемаго: потому что ихъ силы были тогда чрезвычайно велики и грозны [56]), и они нашли бы поддержку во всѣхъ благомыслящихъ и патріотическихъ католикахъ, которые не одобряли кровавыхъ и насильственныхъ мѣръ правительства по отношенію къ диссидентамъ, и на ихъ сторонѣ сталъ бы первый противникъ такихъ мѣръ вліятельнѣйшій канцлеръ Замойскій [57]); но недостатокъ полнаго довѣрія другъ къ другу и единодушія, робость и нерѣшительность заставили ихъ держаться медленной выжидательной политики и тѣмъ испортить дѣло. Пять лѣтъ провели союзники въ подачѣ петицій и жалобъ въ рейхстагъ [58]), которыя ровно не привели ни къ чему, и рѣшились поднять вооруженное возстаніе, или рокошъ въ началѣ 1605 г., когда не стало въ живыхъ ихъ могущественнаго сторонника Замойскаго. Со времени Генриха Валуа, по конституціоннымъ учрежденіямъ Польши, рокоши дозволялись противъ королевской власти, если король не соблюдалъ основныхъ законовъ государства или не исполнялъ данныхъ имъ обѣщаній, такъ называемыхъ pacta conventa. Послѣ всего того, что претерпѣли православные и протестанты отъ латинянъ, послѣ того, какъ король объявилъ, что онъ не считаетъ своимъ долгомъ исполнять обѣщанія предъ еретиками,—рокошъ ихъ былъ дѣломъ законности, справедливости. Но, объявивъ рокошъ, они испугались его, какъ чего-то преступнаго: взаимное недовѣріе поселило въ нихъ такое малодушіе, безнадежность, нерѣшительность. Долго они колебались въ выборѣ вождя. Остановились было на князѣ Острожскомъ, но онъ соглашался и нѣтъ, и своею томительною нерѣшительно-

стію еще болѣе затянулъ дѣло. Избрали наконецъ Зебржидовскаго, свободно мыслящаго католика, искреннѣйшаго друга Замойскаго. Но вмѣсто того, чтобы собирать войска подъ знамена новаго вождя, они открываютъ рядъ сеймовъ въ Бростовичѣ, Стенцикѣ и Люблинѣ, и шлютъ королю петицію за петиціею. Въ Люблинѣ собралось 2 іюня 1605 г. до 100,000 вооруженныхъ. Князь Острожскій прибылъ съ многочисленною арміею. Но тутъ избрали новаго вождя, князя Януша Христофоровича Радзивилла. Заслышавъ о томъ, что дѣлается въ Люблинѣ, король Сигизмундъ самъ повелъ на союзниковъ огромную армію. Рокошъ вмѣсто 100,000 войска выставилъ только 7000: благородные и ясновельможные защитники вѣры оказались лишь рыцарями слова и, при приближеніи опасности, разбѣжались. Нестройная масса ополченія, въ виду хорошо дисциплинированной арміи короля, большею частію также разбѣжалась. Оставшаяся горсть и королевская армія сошлись на берегахъ Пилитцы. Сами королевскія войска не хотѣли сражаться. Открылись мирные переговоры. Одинъ бы рѣшительный шагъ, нѣсколько бы словъ благоразумнаго посредства со стороны столь вліятельнаго лица, какъ князь Острожскій, и — примиреніе было бы несомнѣнное [59]), потому что это былъ человѣкъ съ безмѣрнымъ богатствомъ, всесильными связями, съ безпредѣльнымъ вліяніемъ въ странѣ, съ вѣсомъ и авторитетомъ при дворѣ короля; онъ и самъ бы, сознаются польскіе историки, еслибы захотѣлъ, могъ имѣть корону въ своихъ рукахъ [60]). Но онъ велъ себя такъ, что не желалъ даже полнѣйшаго успѣха своему союзному дѣлу, потому что полный успѣхъ повелъ бы къ новому закрѣпленію дружбы, къ новымъ столь опаснымъ для вѣры союзамъ и договорамъ, но эта дружба, договоры, союзы были теперь не въ его желаніяхъ. Онъ прибылъ съ своею арміею только для того, чтобы быть и числиться, потому только, что связалъ себя двукратнымъ публичнымъ обѣщаніемъ вооруженной помощи, даннымъ имъ на торуньскомъ и виленскомъ съѣздахъ, и не зналъ, какъ развязаться: онъ переживалъ мучительное состояніе разогорченнаго и разочарованнаго человѣка, каявшагося и проклинавшаго себя за такое дѣло, которое стоило ему жизни, было его главною цѣлію и задачею. Дѣло въ томъ, что чрезъ свои частыя и близкія соприкосновенія съ протестантами онъ, какъ и всѣ благомыслящіе, близко присмотрѣвшись къ протестантамъ, съ грустью убѣдился въ извращенности ихъ ученія и въ опасности религіознаго сближенія съ ними. Съ прискорбіемъ видѣлъ онъ также, что силы православныхъ вмѣсто того, чтобы получить подкрѣпленіе отъ протестантовъ, только разъединились и ослабѣли, и теперь въ рѣшительную минуту, онъ явился одинъ съ вялою, сонною арміею, покинутый православными союзниками. А напрасная настойчивость предъ своимъ православнымъ духовенствомъ, предъ всѣми истинными друзьями и ревнителями православія, напр. Курбскимъ, вопреки которымъ онъ

такъ горячо хлопоталъ о единеніи съ протестантами и въ пылу ревности едва сохранилъ православныя убѣжденія? Человѣкъ, всего себя отдавшій святому дѣлу православія, до сихъ поръ жертвовавшій для него всею жизнію, всѣмъ достояніемъ и силами, подъ конецъ жизни допустилъ такое увлеченіе, сближеніе съ иновѣрцами, что на закатѣ дней сталъ чуждъ своимъ, покинутъ тѣми, для которыхъ онъ приносилъ себя въ жертву, оставленъ въ безвыходномъ положеніи одиночества, сиротства, безпомощности. «Для чего жъ я, думалось нашему герою-страдальцу, ставлю подъ пулю свою жизнь и жизнь столькихъ тысячъ народа, когда и эта послѣдняя жертва не будетъ признана, оцѣнена и даже холодно отвергнута, и, кто знаетъ, потеря столькихъ жизней и силъ не ослабитъ ли еще болѣе и безъ того ослабѣвшія и разъединенныя наши силы? Всѣ напряженныя мои усилія для блага православной церкви сопровождаются постоянными неудачами и какая-то невѣдомая враждебная сила прилагаетъ къ нимъ новыя страданія православному народу». Вотъ думы, мучительно звучавшія и разбивавшія его сердце, когда на полѣ сраженія съ минуты на минуту готовъ былъ загремѣть звукъ оружія, громъ пушекъ. Онъ самъ себѣ былъ не свой, онъ готовъ былъ положить свою убѣленную сѣдинами голову, чтобы искупить свое увлеченіе, чтобъ лучше пасть жертвою за то дѣло, втянувшись въ которое силою обстоятельствъ, онъ не зналъ, какъ выпутаться изъ него. Оттого онъ бездѣйствовалъ какъ во время мирныхъ переговоровъ, такъ и въ самомъ сраженіи: онъ шелъ туда, куда влекла его судьба, обстоятельства. Сраженіе было проиграно, армія союзниковъ разсѣяна, лучшіе военачальники, Гербуртъ и Пенкославскій взяты были въ плѣнъ, но тотъ, кто искалъ смерти, остался цѣлъ и невредимъ.

Не смотря на свое пораженіе, рокошъ не былъ уничтоженъ. Радзивиллъ объявилъ избраніе новаго короля и Зебржидовскій скрылся, чтобы выждать, гдѣ соберется королевская армія. Онъ и Радзивиллъ снова появились на полѣ битвы, вывели за Вислу 20000 войска, когда братья Потоцкіе съ частію дѣйствующей королевской арміи потянулись къ южнымъ областямъ страны. Король смутился и наружно помирился съ ними, но не надолго. 28 марта 1607 года конфедераты снова возстали въ Ноеержвѣ, отказались отъ повиновенія королю, снова грозили избраніемъ новаго государя. Сигизмундъ выступилъ на нихъ съ войскомъ. Закипѣлъ кровопролитный бой. Съ начала война благопріятствовала конфедератамъ, но кончилась пораженіемъ Зебржидовскаго и бѣгствомъ Януша. Янушъ однако не терялъ духа и съ своими вѣрными литовцами готовился къ новому возстанію. Но король пошелъ на новыя уступки. Эти немногочисленныя попытки вѣрно разчитанной наступательности, настойчивости, системы устрашенія произвели свое дѣйствіе. Еще не вступая въ битву съ союзниками, правительство объявило имъ свое полнѣй-

ное прощеніе и забвеніе; затѣмъ предоставило имъ права гражданства, возвратило отнятые у нихъ чины и должности.

Политическій союзъ православныхъ съ протестантами вскорѣ разбился на нѣсколько партій. Князь Острожскій, когда союзникъ ему былъ не по душѣ, не радъ былъ и вновь пріобрѣтеннымъ правамъ; онъ сталъ въ сторонѣ отъ всѣхъ партій. Протестантская партія довольно сильная для того, чтобы стать во главѣ, подчинилась теперь вождю умѣренныхъ католиковъ. Умѣренная католическая партія боялась столь сильно возраставшаго вліянія іезуитовъ, равно какъ и деспотическихъ наклонностей короля. Она желала обезпечить свободу своихъ некатолическихъ сочленовъ, какъ залогъ собственной свободы, но не хотѣла ни окончательнаго разрыва съ Римомъ, ни низверженія короля съ трона. Отсюда-то столь запальчивыя, несговорчивыя совѣщанія между тою и другою союзною (т. е. протестантскою и умѣренно-католическою) стороною и такъ мало рѣшительности, когда нужно было приступить къ дѣлу. Возстаніе не удалось. Главною причиною неудачныхъ послѣдствій возстанія было отсутствіе князя Острожскаго. Протестантскіе историки сознаются, что князь Острожскій, при его матеріальныхъ силахъ и личныхъ достоинствахъ, былъ единственнымъ лицемъ, единственнымъ представителемъ, съ помощію котораго союзники могли бы достигнуть своихъ правъ силою оружія; но онъ, разъ появившись къ союзному войску, болѣе не показывался. Такимъ образомъ кто началъ союзъ, тотъ разрушилъ его [61]). Такъ кончился религіозно политическій союзъ православныхъ съ протестантами, въ первый періодъ непрерывнаго его существованія. Надѣлавъ столько шуму и тревоги во всемъ королевствѣ и Литвѣ, онъ не ознаменовалъ себя ни чѣмъ важнымъ: вызванныя имъ конституціи мира и свободы, дарованныя диссидентамъ права гражданства или отмѣнены, или не приводились въ исполненіе, и несчастные союзники поплатились за свое сближеніе новыми бѣдствіями, преслѣдованіями, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе возраставшими.

Дальнѣйшія судьбы религіозно-политическаго союза протестантовъ съ православными (отъ смерти князя К. Острожскаго до конца 18 вѣка) и новыя попытки къ вѣроисповѣдному соединенію ихъ другъ съ другомъ и съ католиками, предпринятыя на торуньскомъ Коллоквіумѣ 1645 и виленскомъ сеймѣ 1648 г.

Послѣ горькихъ этихъ разочарованій и послѣдовавшей затѣмъ кончины князья Острожскаго (въ 1607 г. на 101-мъ году отъ роду), религіозно политическій союзъ православныхъ съ протестантами не могъ быть вполнѣ прочнымъ, постояннымъ, всегда открытымъ, оппозицион-

нимъ. Оба вѣроисповѣданія нашли себѣ новые центры, къ которымъ тяготѣли до послѣднихъ дней существованія Польши — православные къ Россіи, протестанты — къ Швеціи и Пруссіи. Но такъ какъ тѣ и другіе слѣдовали въ этомъ случаѣ одному и тому же началу, — искали поддержки внѣ отечества, то это опять уровняло ихъ въ глазахъ поляковъ: на тѣхъ и другихъ смотрѣли не только какъ на враговъ господствующей вѣры, но и какъ на враговъ, измѣнниковъ отечества, и преслѣдовали ихъ съ большею жестокостію. Одинаковый несчастный жребій, историческій складъ обстоятельствъ какъ-то невольно сближалъ православныхъ съ протестантами: не смотря на многократныя разочарованія, на печальные уроки прошедшаго, они то и дѣло вступали во временные, частные или формальные союзы, которые, въ общей совокупности своей, были почти непрерывнымъ продолженіемъ перваго открытаго религіозно-политическаго союза ихъ. По крайнему недостатку свѣдѣній, трудно слѣдить за судьбою этихъ частныхъ оборонительныхъ союзовъ; иногда даже трудно найти слѣды ихъ, и вотъ нѣкоторыя нити прикровенныхъ этихъ сношеній, на сколько онѣ уловимы для исторіи.

Въ началѣ XVII вѣка въ Литву нахлынули орды проповѣдниковъ всевозможныхъ орденовъ: босоногихъ кармелитовъ, доминиканцевъ, францисканцевъ, бернардинцевъ и запрудили собою всѣ города, монастыри и мѣстечки; тогда же начали свои неистовства Левъ Сапѣга, Іоасафатъ Кунцевичъ, Рудцкій и прочіе вожаки уніи: православные и протестанты возбуждали и поддерживали другъ друга въ борьбѣ противъ этихъ общихъ враговъ. Протестанты наприм. распаляли справедливое негодованіе православныхъ къ уніатскимъ ихъ гонителямъ. По наущенію протестантовъ, одинъ православный въ Вильнѣ днемъ бросился съ кинжаломъ на уніатскаго митрополита Ипата Поцѣя. Въ убіеніи Кунцевича зачинщиками и подстрекателями были протестанты [62]). Это подстрекательство, взаимная поддержка были явленіями частными, случайными, едва ли замѣтными для польскаго правительства. И цѣлые 25 лѣтъ (съ 1608 до 1632) православные и протестанты дѣйствовали порознь, особнякомъ, обманывая зоркіе взоры правительства, но всегда по заранѣе составленному плану, съ явнымъ намѣреніемъ одновременно и съ разныхъ сторонъ тревожить и обезсиливать врага. Такъ они единовременно подняли открытыя возстанія противъ притѣснителей и цѣлыми областями стали отдѣляться отъ ненавистной Польши. Насильственное введеніе уніи и кровавыя преслѣдованія православныхъ, которыя такъ трогательно и краснорѣчиво изобразилъ Лаврентій Древинскій на сеймѣ 1620 года, въ присутствіи самого короля [63]), вызвали вооруженное возстаніе казаковъ, подготовившее собою отпаденіе Украйны отъ Польши; вслѣдствіе тѣхъ же причинъ были возстанія въ Могилевѣ (въ 1618 году) и Витебскѣ (1623 г.). Тѣми же несчастными послѣдствіями для Польши и въ то же

мрачное время сопровождалось насильственное совращеніе въ католицизмъ польскихъ протестантовъ. Озлобленіе противъ католической партіи, какое мы встрѣчаемъ между протестантами, жившими въ Лифляндіи, облегчило Густаву Адольфу завоеваніе этой области (въ 1620 г.). Непосредственно затѣмъ въ польской Пруссіи многіе города не оказали ни малѣйшаго сопротивленія шведскому герою. Богатѣйшіе граждане, наивысшій классъ общества рѣшили наконецъ покинуть тѣ мѣста жительства, гдѣ жизнь и имущество ихъ были постоянно въ опасности: толпами переселялись въ Торунь и Данцигъ и тѣмъ нанесли значительный ущербъ торговлѣ и благосостоянію края [64]).

Смерть главнаго врага и притѣснителя диссидентовъ Сигизмунда III и послѣдовавшее затѣмъ междуцарствіе подали случай православнымъ и протестантамъ не тайно и робко, не частными и разрозненными усиліями, какъ было до сихъ поръ, но смѣло и открыто, общими соединенными силами ополчиться за свои права. По польскимъ обычаямъ, по смерти короля, собирался сначала сеймъ, называемый «конвокаціоннымъ», на которомъ дѣлался обзоръ предъидущаго царствованія и подавались разныя мнѣнія объ улучшеніи порядка; потомъ созывался сеймъ «элекційный», уже для избранія новаго короля. 23 іюня 1632 г. протестанты и православные собрались въ Варшаву въ такомъ огромномъ количествѣ, въ какомъ никогда прежде. У литовскихъ кальвинистовъ дома оставались развѣ старые и малые. Со стороны православныхъ много прибыло дворянъ и во главѣ ихъ Лаврентій Древинскій, Адамъ Кисель и Вороничъ, и — духовныхъ, подъ представительствомъ Петра Могилы, тогда еще архимандрита Печерскаго, а больше всего явилось тѣхъ, на кого въ случаѣ нужды, можно было опереться какъ на грозную, исполинскую силу, — съ головы до ногъ вооруженныхъ казаковъ, закованныхъ въ латы эссауловъ, атамановъ, наѣздниковъ и прочихъ атлетовъ-храбрецовъ. Протестанты цѣною тяжкихъ усилій, заискиваній и жертвъ достигли того, что Христофоръ Христофоровичъ Радзивиллъ, подъ протекторствомъ котораго они такою массою собрались въ Варшавѣ, былъ избранъ великимъ маршаломъ земскихъ депутатовъ въ казначействѣ и рейхстагѣ. Ободренные выборомъ, протестанты объявили, что они до тѣхъ поръ не допустятъ открытія очередныхъ занятій въ рейхстагѣ, пока не будутъ удовлетворены ихъ желанія и требованія, и представили цѣлый реэстръ своихъ желаній и требованій. Предметомъ ихъ были: свобода въ построеніи евангелическихъ и православныхъ церквей на земляхъ евангеликовъ и православныхъ, надѣленіе тѣхъ и другихъ церквей помѣстьями и угодьями, какими только пожелаетъ ихъ обезпечить мѣстный владѣлецъ, охраненіе личныхъ и имущественныхъ правъ ихъ служителей и уравненіе послѣднихъ въ правахъ и привилегіяхъ съ благороднымъ дворянствомъ, завѣдываніе имуществомъ и содержаніемъ церквей посредствомъ свободно

избранныхъ чиновниковъ, свобода въ отправленіи богослуженія, въ совершеніи крещенія, брака и погребеній, предоставленіе правъ гражданства диссидентамъ, равенство всѣхъ предъ закономъ, доступъ ко всѣмъ общественнымъ и государственнымъ должностямъ, чинамъ, званіямъ и отличіямъ и наконецъ установленіе гарантіи въ исполненіи всѣхъ испрашиваемыхъ правъ, гарантіи одинаково надежной какъ для православныхъ, такъ и для протестантовъ. Съ своей стороны и православные, предъявляя на рейхстагѣ свои жалобы и требованія, большею частію сходныя съ описанными желаніями союзниковъ, старались оказать имъ взаимную услугу. Такъ они ходатайствовали: «если православный или диссидентъ на своей землѣ, въ своемъ владѣніи захочетъ построить православную или евангелическую церковь и обезпечить ея содержаніе, то никто не препятствуетъ ему въ томъ». Въ частности, дворянство и духовенство требовали возвращенія православнымъ всѣхъ запечатанныхъ церквей всѣхъ епархій, настаивали на безусловномъ правѣ заводить коллегіи, типографіи, на возвращеніи отобранныхъ уніатами церковныхъ имѣній, и добивались строгаго наказанія тѣмъ, которые будутъ наносить оскорбленія и насилія православнымъ людямъ. Отвага и сила казаковъ не побоялись сдѣлать заявленіе нерѣзче и порѣшительнѣе: «въ прошлое царствованіе, жаловались они, мы терпѣли неслыханныя оскорбленія.... Униты отстранили отъ городскихъ должностей добродѣтельныхъ мѣщанъ нашей вѣры, дѣлали имъ всевозможныя стѣсненія въ промыслахъ, торговыхъ и ремесленныхъ занятіяхъ и засмутили сельскій народъ. Церкви Божіи во многихъ мѣстахъ стоятъ у насъ безъ службы, безъ священниковъ. Въ иныя церкви введены уніатскіе попы, иныя вовсе упразднены, однѣ обращены въ шинки, другія отданы въ аренду жидамъ, за каждую требу надобно платить дудки (пошлины), а платить нечего. И вотъ дѣти остаются некрещенными, взрослые сожительствуютъ безъ брачнаго обряда, умирающіе отходятъ на тотъ свѣтъ безъ причащенія. Пусть унія (католическая) будетъ уничтожена и утверждена будетъ унія наша съ тѣми, кто удаляется отъ латинской вѣры и сочувствуетъ нашей судьбѣ т. е. на развалинахъ уніи католической да утвердится унія православно-протестантская».

Трогательную картину представляли союзники, когда депутаты предъявляли въ рейхстагѣ эти желанія и требованія. Робкое унылое чтеніе ихъ было прерываемо стонами самихъ читающихъ, воплями гонимаго народа; единство страданій, единодушіе желаній всѣхъ сближало и сродняло, всѣ забывали племенную и религіозную рознь, всѣ плакали, обнимались, дышали однимъ горькимъ чувствомъ, жаждали одной свободы, жизни. Облитыя слезами притѣсненныхъ, жалобы и требованія выслушаны притѣснителями съ крикомъ, угрозами и скрежетомъ зубовъ. Такъ было на сеймѣ конвокаціонномъ и въ началѣ элекційнаго сейма. Новый избранный на элекційномъ сеймѣ король Владиславъ обѣщалъ исполнить

всѣ справедливыя требованія, но духовныя и свѣтскія власти не хотѣли приводить ихъ въ исполненіе. На ультиматумъ диссидентовъ (на требованіе объ уравненіи ихъ съ католиками во всѣхъ правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ) тѣ и другія власти съ злорадственнымъ коварствомъ отвѣчали: «вѣра католическая есть какъ бы хозяйка и госпожа въ государствѣ, религія же диссидентовъ есть какъ бы гостья, странница, скиталица и къ тому жъ виновница, мать всѣхъ невзгодъ; отчего ея адепты могутъ называться только еретиками, но ничуть не пользоваться шляхетскими титулами». Выведенные изъ терпѣнія союзники мечемъ рѣшили добиться своихъ правъ. Христофоръ Радзивиллъ и воевода бѣльскій Лещинскій 27 сентября 1632 г. привели на рейхстагъ 5000 хорошо вооруженныхъ воиновъ. «Громада» православныхъ ввела въ залы рейхстаго всѣхъ своихъ казаковъ, въ полномъ исполискомъ ихъ вооруженіи. Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ засѣданій, благомыслящіе католики, а больше самъ благодушный король подали диссидентамъ руку примиренія, обѣщали удовлетворить ихъ во всемъ. Стоившій такихъ напряженныхъ усилій успѣхъ или собственно пріятная посула были поводомъ къ новому нравственному союзу православныхъ съ протестантами: всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, слились въ чувствахъ любви, преданности и благодарности къ главнымъ виновникамъ торжества и въ пожеланіи добра другъ другу [65]).

Но эти клики восторга и радости оказались преждевременными, мгновенными: королевскіе благосклонные къ диссидентамъ указы лежали безъ исполненія. Всѣ диссиденты и особенно лютеране осаждали короля безпрерывными жалобами на притѣсненія ихъ со стороны іезуитовъ, черни, іерархіи и чиновниковъ. Чтобъ положить конецъ религіознымъ распрямъ, весьма опаснымъ для государства, Владиславъ задумалъ соединить всѣ христіанскія вѣроисповѣданія посредствомъ дружественнаго коллоквіума ихъ представителей, богослововъ: это своего рода синкретическій союзъ. Итакъ, является новая попытка къ соединенію православныхъ съ протестантами, идущая со стороны, по побужденіямъ и цѣлямъ политическимъ: неожиданный посредникъ этого соединенія, видя, что православные и протестанты давно пытаются сойтись между собою, но не сходятся, призываетъ на помощь новыхъ миротворцевъ—католиковъ. Заранѣе можно сказать, что эта добрая миролюбивая попытка есть химерическая мечта, невинное заблужденіе политическаго ума, въ своемъ дѣлѣ мудраго и практическаго, но въ религіозныхъ вопросахъ весьма мало свѣдущаго, мечтавшаго вѣковыя непримиримыя распри примирить такъ же легко, какъ случайныя недоразумѣнія политическихъ партій. Тѣмъ не менѣе попытка эта заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Замѣчательно прежде

всего то, что Владиславъ предлагалъ литовскимъ православнымъ избрать себѣ, по примѣру Москвы и другихъ государствъ, особаго патріарха. «Подчиненіе ваше константинопольскому патріарху, писалъ онъ имъ въ грамотѣ отъ 5 сентября 1636 г., служитъ главнымъ, непреодолимымъ препятствіемъ къ предлагаемому мною соединенію; съ избраніемъ же отдѣльнаго патріарха, столь прославляемое и желаемое всѣми соединеніе вѣроисповѣданій непремѣнно состоится. Къ тому жъ, имѣя у себя особаго патріарха, ваше вѣроисповѣданіе будетъ угоднѣе Богу, почетнѣе во мнѣніи людскомъ, полезнѣе для королевства, спасительнѣе для націи». Предложивъ православнымъ созвать для избранія патріарха особый частный синодъ, король приглашалъ ихъ, вмѣстѣ съ польскими и литовскими диссидентами, въ Торунь на общій дружественный коллоквіумъ (къ 10 сентября 1644 г.).

По обычаю своему прежде общаго генеральнаго синода открывать частные сеймики, реформаты и богемскіе братья 24 августа 1644 г. собрались на провинціальный синодъ въ Орлѣ, городкѣ князя Радзивилла въ Подляхіи. Не пришедши, какъ и слѣдовало ожидать, ни къ какимъ соглашеніямъ на счетъ началъ, на которыхъ могло бы состояться предлагаемое королемъ соединеніе вѣроисповѣданій, синодъ орльскій отправилъ къ королю петицію, чтобы Его Величество точнѣе выяснилъ смыслъ и задачу коллоквіума. Петиція осталась безъ отвѣта. Затѣмъ синодъ послалъ особый отвѣтъ на приглашеніе короля къ коллоквіуму. Распространившись сначала въ особенныхъ похвалахъ мудрѣйшему и благороднѣйшему государю за великія его дѣянія, за его заботливость о мирѣ и единеніи церквей, съ великимъ тщаніемъ подъемлемую имъ въ такое время, когда вопросы совѣсти въ Германіи рѣшаются мечемъ, синодъ наконецъ откровенно высказался, что отъ генеральнаго синода онъ больше ничего не ожидаетъ, какъ только того, что или на примирителей обрушится непримиримый гнѣвъ папскаго престола, или же всѣ постановленія и договоры дружественныхъ сторонъ будутъ отмѣнены, уничтожены. Въ виду тревожныхъ этихъ ожиданій и неопредѣленности програмы для дружественнаго коллоквіума, реформаты съ орльскаго сейма дали знать о вновь открывающемся соборѣ курфюрсту брандебургскому, герцогу курляндскому, князьямъ шлезвигскимъ, прусскимъ городамъ и нѣмецкимъ университетамъ, прося ихъ высказать свое мнѣніе и совѣтъ, какъ имъ вести себя на предстоящемъ коллоквіумѣ. Синодъ отправилъ также депутатовъ на лютеранское собраніе (гдѣ оно происходило, не извѣстно), съ письменнымъ предложеніемъ, чтобъ лютеране на общемъ коллоквіумѣ дѣйствовали съ ними за одно, не поднимали споровъ объ евхаристіи, предопредѣленіи и проч. Лютеране изъявили полнѣйшее согласіе на предложеніе и съ своей стороны обратились за совѣтомъ къ декану и профессорамъ богословскаго факультета въ Витенбергѣ. Факультетъ, хотя

и предвидѣлъ неуспѣхъ торуньскаго коллоквіума, обѣщалъ однако прислать туда ученаго богослова Якова Гюльземана.

Когда всѣ протестантскія партіи несчастной Польши и просвѣщеннаго запада готовы были, забывъ свою вѣковую вражду, обняться и сблизиться, когда повсюду дѣлались столь торжественныя приготовленія къ торуньскому собранію, однихъ западно-русскихъ православныхъ какъ будто не видно и не слышно; своего отдѣльнаго предварительнаго собранія они не открываютъ, но робко пристаютъ къ лютеранскому предварительному собору. Такая же скромная и безвѣстная роль принадлежала имъ и на самомъ торуньскомъ соборѣ, открывшемся не 10 сентября 1644 г., какъ обѣщалъ король, но 28 августа 1645 г. Здѣсь первое почетное мѣсто заняли 25 богослововъ отъ католическихъ епископій и отъ краковскаго университета. Напротивъ ихъ не безъ достоинства и важности засѣдали 23 богослова отъ реформаткихъ церквей и богемскихъ братьевъ, между которыми находились и ученые профессоры изъ Франкфурта на Одерѣ и придворный проповѣдникъ курфюрста бранденбургскаго. Пониже нѣсколько реформатовъ возсѣли 26 богослововъ Аусбургскаго исповѣданія и между ними профессоры кёнигсбергскіе и виттенбергскіе. Здѣсь былъ и самъ основатель синкретическаго союза Давидъ Калликстъ. Ученыя эти титла затмили и заслонили собою скромныхъ представителей православія: послѣ подробнаго поименнаго перечня учебныхъ богослововъ и профессоровъ, въ актахъ собора говорится о нашихъ депутатахъ лишь въ общихъ выраженіяхъ: «были здѣсь члены и многихъ другихъ вѣроисповѣданій». Не стоитъ, однако, сѣтовать на невидную роль нашихъ представителей: какое бы почетное мѣсто ни занимали они на засѣданіяхъ, ничего путнаго не вышло бы изъ этого сходбища. Напрасно они вмѣстѣ съ лютеранами требовали хотя одной уступки,—причащенія подъ двумя видами и брака для священниковъ: послѣ того какъ католическая церковь такъ недавно (на тридентскомъ соборѣ) и такъ торжественно утвердила неизмѣнность своего ученія и своихъ постановленій, латинская партія и слышать не хотѣла ни о какой уступкѣ. Непреклонная католическая партія заботилась преимущественно о томъ, чтобы ораторы въ своихъ привѣтствіяхъ и рѣчахъ не умалили какъ нибудь титула ея вельможныхъ представителей, чтобъ кто нибудь помимо прелатовъ и на какомъ либо другомъ языкѣ, кромѣ латинскаго, не прочиталъ молитвы предъ и послѣ открытія засѣданій. Она едва выслушала исповѣданіе вѣры, прочитанное реформатами и богемскими братьями, какъ разразилась укоризнами, что содержащіяся въ этомъ исповѣданіи выраженія не стерпимы для слуха «вѣрныхъ рабовъ Божіихъ», а лютеранамъ «вѣрные рабы Божіи» не позволили и прочитать свое исповѣданіе. Итакъ какъ диссиденты не толко отвергли безусловное подчиненіе римскому ученію, но не захотѣли сдѣлать ни малѣйшихъ измѣненій въ сво-

емъ вѣроученіи и культѣ, то дружественный коллоквіумъ, вмѣсто сближенія религіозныхъ партій, усилилъ лишь взаимное озлобленіе ихъ. Но извѣстія о взаимномъ этомъ озлобленіи касаются лишь католиковъ и протестантовъ всѣхъ оттѣнковъ. Что касается православныхъ и протестантовъ, то имъ не изъ-за чего было ссориться между собою. Правда, сонмъ протестантскихъ ученыхъ, съ ихъ блестящими учеными титулами, свысока смотрѣлъ на горсть православныхъ представителей, людей безъ ученыхъ титуловъ и профессій, и не хотѣлъ сохранить для исторической памяти даже имена ихъ, но одушевлявшая тѣхъ и другихъ любовь къ истинѣ, защита, хотя отчасти, однихъ и тѣхъ мнѣній и убѣжденій, домогательство однѣхъ и тѣхъ же уступокъ со стороны католической, какъ мы видѣли напр. въ вопросахъ о причащеніи и бракѣ, все это не могло такъ или иначе не сближать ихъ между собою. Не забудемъ наконецъ, что тѣ и другіе, на предварительномъ совѣщаніи соглашавшіеся дѣйствовать за одно и, по возможности, оправдавшіе свое обѣщаніе, встрѣтили на соборѣ одинаковое презрѣніе, холодность и даже озлобленіе отъ католиковъ, поступавшихъ здѣсь исключительно на правахъ сильнаго: какъ лютеранамъ не позволили прочитать на соборѣ своего исповѣданія вѣры, такъ и православнымъ, по всей вѣроятности, не дали высказаться. Этого мало. Изъ актовъ коллоквіума видно, что съ окровавленнымъ сердцемъ, съ нераспечатанными даже пакетами, данными отъ избирателей, возвратились домой депутаты. Депутаты гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ передали множество ужасающихъ разсказовъ о тѣхъ оскорбленіяхъ и насиліяхъ убѣжденіямъ, какія творились на злосчастномъ дружественномъ коллоквіумѣ, на этомъ новомъ разбойничьемъ соборѣ [66]). А если такъ, если православные и протестанты были презрительно оттолкнуты однимъ недругомъ и вынуждены были ни съ чѣмъ поскорѣй уйдти отъ него, то они тѣмъ ближе должны были сойтись другъ съ другомъ, тѣмъ тѣснѣе примкнуть одинъ къ другому, хотя бы для того, чтобы излить одинъ другому свою наболѣвшую душу, свои вопли и досаду на общихъ притѣснителей.

Православные и протестанты еще разъ тою же державною волею втягиваются въ сношенія и переговоры и въ тѣхъ же цѣляхъ соединенія ихъ какъ между собою, такъ равно и съ католиками. Черезъ четыре года послѣ торуньскаго коллоквіума, Владиславъ предложилъ имъ открыть соборъ въ Вильнѣ (1648 г.). Наученный недавнимъ опытомъ, неопредѣленностью началъ въ проэктированномъ имъ соединеніи вѣроисповѣданій, теперь онъ слишкомъ точенъ и скроменъ въ своихъ предложеніяхъ. Онъ хотѣлъ соединить всѣ вѣроисповѣданія лишь въ двухъ догматическихъ пунктахъ: въ вѣрованіи въ чистилище и въ исхожденіе Святаго Духа и отъ Сына. Замѣчательно, что навязывая православнымъ догматъ Filioque, король держался тѣхъ же уловокъ, двусмысленностей и кривотол-

кованій, какія мы видѣли у протестантовъ на виленскомъ соборѣ 1599 г. Въ своемъ предложеніи «рода и способовъ всеобщаго единенія», онъ объявилъ: «русскій греческаго исповѣданія не принуждается читать свой символъ съ прибавленіемъ и отъ Сына, но никто не смѣетъ называть латинянъ еретиками за одно прибавленіе Filioque; и такъ какъ русскіе вѣруютъ и исповѣдуютъ, что Духъ Святый ниспосылается, дарустся и приходитъ къ людямъ отъ Отца чрезъ Сына, то всякій долженъ исповѣдывать, что Духъ Святый есть Духъ Сына и приходитъ чрезъ Сына». Эти уловки и перетолки были слишкомъ общеизвѣстны и наивны, чтобъ смутить, поколебать православныхъ, да и у протестантовъ было еще въ свѣжей памяти, что эти увертки не привели ни къ чему. И потому тѣ и другіе только для виду, изъ уваженія къ предложенію короля открыли синодъ и не стали терять словъ на счетъ разрѣшенія неразрѣшимаго вопроса: къ серьезнымъ преніямъ о Filioque и о чистилищѣ даже не приступали [67]).

Итакъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ полвѣка назадъ сдѣланы были первые опыты вѣроисповѣднаго сближенія православныхъ съ протестантами, предприняты новыя попытки въ томъ же родѣ, и эти злополучныя попытки убѣдили самыхъ смѣлыхъ и благодушныхъ мечтателей, что соединеніе православія съ протестантизмомъ, по выраженію Люкашевича, также не возможно, какъ соединеніе двухъ разнородныхъ стихій воды и огня.

Съ половины XVII вѣка не только нельзя было серіозно думать о вѣроисповѣдномъ сближеніи православныхъ съ протестантами, но, повидимому, нужно было опасаться за расторженіе добрыхъ религіозно-политическихъ ихъ отношеній. Съ этого времени исторія хотѣла какъ будто запутать ихъ взаимныя отношенія. Возстаніе казаковъ подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, начавшееся съ 1648 года, и нашествіе на Литву московскихъ войскъ, призванныхъ Хмѣльницкимъ на помощь въ 1654 г., вотъ нелегко распутываемый узелъ или, что называется, яблоко раздора, брошенное судьбою межъ давними союзниками. А тутъ еще снѣговой король Густавъ Адольфъ съ своими закаленными въ бою полчищами, словно обвалъ снѣговыхъ глыбъ съ горы, обрушился въ самую глубь Литвы. Нѣкоторые католическіе писатели утверждаютъ, что литовскіе кальвинисты и во главѣ ихъ воевода и фельдгетманъ виленскій Янушъ Христофоровичъ Радзивиллъ передались на сторону Густава не за тѣмъ, чтобы найти въ этомъ единовѣрцѣ защиту отъ угнетеній польщизны и католицизма, но потому, что не знали, куда укрыться отъ новыхъ свирѣпыхъ враговъ казаковъ и москвитянъ. Эти клеветы и оговоры, которыми съ незапамятныхъ временъ награждаютъ насъ западные писатели,

грѣшатъ противъ исторической дѣйствительности. Радзивиллъ и другіе литовскіе паны отдались подъ руку Густава потому, что онъ, кромѣ покровительства вѣрѣ ихъ, обѣщалъ имъ отдать во владѣніе всѣ города, земли и «маетности», которыя отняты были русскими во время войны съ поляками: они, какъ уличилъ ихъ посолъ Алексѣя Михайловича, Лихаревъ, «подарили Густава чужимъ», т. е. предали ему завоеванные Москвою литовскіе города—Вильну и другіе, за тѣмъ, «чтобы передариться, получить ихъ себѣ»[68]). Впрочемъ, это все частныя случайныя столкновенія и недоразумѣнія, которыя бываютъ и между друзьями: самъ Радзивиллъ, изъявивъ желаніе стать подъ высокую царскую руку Алексѣя Михайловича, говорилъ: «у насъ мысль наша вся розно пошла, у всѣхъ нашихъ людей мысль врозь»[69]). Далѣе, самая тринадцатилѣтняя война казаковъ и Москвы съ Польшею (съ 1655—по 1668 г.), по важности причинъ и слѣдствій соотвѣтствовавшая недавно кончившейся предъ тѣмъ въ Европѣ тридцатилѣтней войнѣ, была слѣдствіемъ таинственной религіозно-политической связи православія съ протестантизмомъ. — Наша древняя исторія имѣетъ гораздо болѣе связи съ общимъ ходомъ европейскихъ событій, чѣмъ какъ это кажется съ перваго взгляда. На западѣ съ католицизмомъ боролся протестантизмъ и вслѣдствіе этой борьбы произошло окончательное освобожденіе и опредѣленіе народностей, стянутыхъ, закованныхъ до того времени римско-католическими стремленіями къ матеріальному единству: на востокѣ съ католицизмомъ борется восточное исповѣданіе, охраняющее самостоятельность и народность русскаго и другихъ славянскихъ племенъ, и между этими борьбами на востокѣ и на западѣ тѣсная связь. Одно уже то чрезвычайно важно, что католическая ревность въ литовско-польскомъ государствѣ предъ реформаціею Лютера крайне ослабла, а, съ появленіемъ реформаціи въ Литвѣ, она вдругъ пробудилась и подняла гоненіе на вѣру своихъ русскихъ подданныхъ. Дальнѣйшее распространеніе протестантизма въ Литвѣ и Польшѣ вызвало католическое противодѣйствіе, которое выставило противъ него свое знаменитое ополченіе — іезуитовъ: осиливъ протестантизмъ, больной и слабый раздѣленіемъ, іезуиты обратились противъ русской вѣры и тѣмъ вызвали къ жизни русскія народныя силы, подняли народный вопросъ, выяснили для русскаго человѣка различіе его народности отъ сопоставленной народности польской. Борьба не могла ограничиться одною духовною сферою, потому что притѣсненіе вызывало отпоръ. Подспорье для матеріальной борьбы, матеріальнаго отпора западная Русь нашла въ казачествѣ, борьба котораго съ государствомъ польскимъ и шляхтою за свои казацкіе интересы какъ разъ пришлась ко времени народный русской борьбы. Итакъ, если православные сражались во имя священнаго принципа: религіозной свободы и національной самостоятельности, который былъ такъ дорогъ и для протестантовъ, если примѣръ религіозно-

политической борьбы западныхъ протестантовъ освѣтилъ и уяснилъ намъ этотъ принципъ, то война Малороссіи и Москвы съ Польшею не должна быть причиною разрыва добрыхъ отношеній православныхъ съ протестантами. Русскіе щадили и обходили протестантовъ, а протестанты ободряли и благословляли ихъ на добрый подвигъ [70]). Во (извѣстныхъ уже намъ) бѣдствіяхъ войны виноваты не русскіе, а поляки, нападавшіе часто подъ именемъ русскихъ; даже отъ своихъ, отъ шведскихъ протестантовъ литовскіе кальвинисты терпѣли гораздо болѣе, чѣмъ отъ пришлыхъ съ юга и сѣвера Россіи православныхъ [71]). Въ завоеванныхъ Россіею областяхъ протестантамъ жилось хорошо. Великодушные побѣдители не давали имъ чувствовать тягостнаго положенія побѣжденныхъ, но обращались съ ними, какъ съ друзьями и союзниками; принадлежавшія ихъ киркамъ земли и угодья, захваченныя во время войны кѣмъ попало, возвращали имъ по одному словесному заявленію обывателей, что эти земли дѣйствительно принадлежали ихъ киркамъ, и даже давали имъ болѣе, чѣмъ сколько они просили [72]). По этимъ дарамъ дружбы [73]) можно судить, какія добрыя отношенія существовали между православными во время и послѣ московско-польской войны.

Подъ конецъ XVII и въ началѣ XVIII вѣка исторія хотѣла запутать новый узелъ въ отношеніяхъ литовскихъ протестантовъ съ православною Россіею, — разумѣемъ войну, веденную на литовской территоріи императоромъ Петромъ I-мъ, въ союзѣ съ польскимъ королемъ Августомъ II-мъ, противъ Карла XII-го; но и въ эту войну, какъ и въ предшествовавшую, литовскіе протестанты страдали несравненно болѣе отъ шведовъ и поляковъ, чѣмъ отъ русскихъ. Карлъ XII, какъ ревностный лютеранинъ и врагъ кальвинистовъ, налагалъ на литовскихъ кальвинистовъ тяжелыя контрибуціи, своевольнымъ своимъ солдатамъ позволялъ безнаказанно притѣснять и грабить ихъ. Поляки, считая литовскихъ протестантовъ виновниками настоящей войны, налагали на нихъ контрибуціи тягостнѣе шведскихъ, жгли ихъ домы и церковныя зданія, грабили, мучили и убивали. Угнетенные взывали о помощи къ королю прусскому и герцогу бранденбургскому, но тѣ не удостоивали ихъ почти и отвѣтомъ. Что касается до притѣсненій ихъ отъ русскихъ, то на нихъ жалуется одинъ лишь Битнеръ, сеньоръ самогитскій. «Въ какомъ смятеніи находились мы всю зиму, писалъ онъ въ письмѣ къ Яблонскому отъ 2 апрѣля 1708 г., не возможно описать тебѣ. Русскіе обходились съ нами такъ худо, какъ никогда прежде, а всѣхъ хуже противные калмыки и грубые казаки, пришедшіе изъ языческихъ земель (?). Они забирали наше добро до послѣдняго клочка, жгли его до тла, насъ самихъ истязали, женъ безчестили. Я никуда не могу выдти, потому что на улицахъ всѣхъ безъ разбору убиваютъ. Вслѣдъ за москалями тянутся литовскія орды, которыя поступаютъ съ нами и имуществомъ евангелическихъ цер-

кой также не милосердно» [74]). Отзывъ крайне рѣзкій и обидный, но на него нельзя слишкомъ полагаться! Послѣ жалостныхъ завываній прибѣднившагося повѣствователя на холодность и безчувствіе своихъ браденбургцевъ, пруссовъ, которые совершенно покинули своихъ братьевъ по вѣрѣ, послѣ горькихъ сѣтованій его на религіозную нетерпимость шведскихъ и литовскихъ лютеранъ, почему же не прибѣдниться и не посѣтовать на чуждыхъ иновѣрцевъ, на «безсердечныхъ москалей, противнихъ калмыковъ и грубыхъ казаковъ, пришедшихъ изъ языческихъ земель»? (??). И однако жъ, на что онъ жалуется? На безчестіе, насиліе и грабежъ солдатъ, на смертоубійство на улицахъ. Допустимъ, что эти безчинія и преступленія были на самомъ дѣлѣ, — хотя извѣстно, что у Петра Великаго солдаты были очень смирны къ побѣжденнымъ, — но гдѣ и когда не бываетъ подобнаго въ разгаръ войны, въ пылу боевыхъ страстей? И самъ же Битнеръ гораздо болѣе сѣтуетъ на своихъ же литовцевъ и поляковъ, чѣмъ на русскихъ: «въ Вильнѣ свои ничего не хотятъ сдѣлать въ нашу пользу. Всѣ бросились на грабежи. Нѣтъ ни совѣсти, ни Бога. Послѣдніе купцы разбѣжались изъ Кіейданъ (въ Тильзитъ), но ихъ товары отняли. Право, въ нашей Литвѣ хуже, чѣмъ въ Содомѣ и Гоморѣ» [75]). Замѣчательно еще, что повѣствователь, негодуя на литовскихъ лютеранъ, своихъ братьевъ и сосѣдей, за раззореніе и ограбленіе ими кальвинскихъ церквей, отнюдь не жалуется, чтобы подобныя выходки религіозной нетерпимости дозволили себѣ русскіе. Стало быть и въ пылу военной мести чужіе были воздержнѣе и кротче своихъ; стало быть можно думать, что когда сражавшіеся вели свои счеты (русскіе, считая литовскихъ протестантовъ союзниками шведовъ, естественно, не могли щадить и жаловать ихъ), у мирныхъ обитателей края православныхъ и протестантовъ существовали, по прежнему, добрыя миролюбивыя отношенія, или по крайней мѣрѣ эти отношенія не разрывались совершенно. И нужно еще удивляться, что въ то время, когда злосчастные протестанты были покинуты своими единовѣрцами и братьями, православные были къ нимъ довольно близки.

Патронатство, какъ наилучшее выраженіе и закрѣпленіе даннаго союза.

Добрыя, близкія отношенія существовали между обоими союзными обществами, не какъ между двумя отвлеченно взятыми единицами, или, какъ обыкновенно говорятъ, между всѣми и никѣмъ, и не временно, періодически, то измѣняясь, прекращаясь, то вновь начинаясь. Когда формальные общественные союзы, на время прекращали свое дѣйствіе, ихъ благодѣтельное дѣло продолжали патроны, бывшіе непрестанными заступниками и благотворителями союзниковъ, служившіе всегдашнимъ

олицетвореніемъ ихъ взаимности и пріязни. Какъ люди наиболѣе просвѣщенные и вліятельные, патроны глубоко понимали важность обязательствъ, предпринятыхъ обществами при заключеніи союзовъ, и, во имя священнаго этого союза и отъ лица покровительствуемаго общества, охраняли иновѣрныхъ союзниковъ, какъ и своихъ единовѣрцевъ, предстательствовали за нихъ вездѣ, гдѣ нужно и можно, оказывали имъ всякаго рода защиту и поддержку: юридическую, нравственную и матеріальную, помогали имъ въ нуждахъ частныхъ, общественныхъ и церковныхъ. Общими нераздѣльными покровителями протестантовъ и православныхъ были со стороны первыхъ князья Радзивиллы, со стороны вторыхъ Острожскіе. Радзивиллы, бывшіе главными родоначальниками и наслѣдственными покровителями литовскаго протестантизма, въ теченіе полутораста лѣтъ, составлявшіе главную его опору и силу, въ теченіе всего этого времени, покровительствовали и благодѣтельствовали и союзному съ нимъ православію, и въ исторіи южно-русскаго патронатства ихъ незабвенные имена должны быть поставлены на ряду съ безсмертными именами Острожскихъ и другихъ «столповъ и поборниковъ православія», хотя, къ сожалѣнію, ихъ патронатскія услуги православію не оцѣнены исторіею (вѣроятно за недостаткомъ историческихъ свѣдѣній о нихъ). Мы назовемъ всѣ эти незабвенныя и для насъ имена и представимъ всѣ факты, въ которыхъ такъ или иначе выразились добрыя и покровительственныя отношенія ихъ къ православнымъ и какіе только можно было собрать изъ прежнихъ и вновь открытыхъ памятниковъ.

Князь Христофоръ Николаевичъ Радзивиллъ въ 1589 г. подарилъ «на богомолье» православной Троицкой церкви, находившейся въ его родовомъ мѣстечкѣ Мирскомъ, «двѣ волоки пахатной земли и четыре моркги сѣножати, съ выдѣленіемъ части доходовъ слугѣ и богомольцу его протопопу мирскому Роману Петровичу Ердану. Служебникъ и волочникъ князя Мортинъ Тхерницкій подаренныя двѣ волоки земли привернулъ (присвоилъ) было себѣ», но въ замѣнъ ихъ жертвователь «подписалъ церкви на всѣ потомные часы шесть шнуровъ волочныхъ въ трехъ поляхъ кгрунту пашнаго» [76]). Эта цѣнная жертва и новое щедрое вознагражденіе за предвосхищенную частичку жертвы не есть только обнаруженіе добрыхъ владѣльческихъ отношеній князя къ обывателямъ. Даръ, приносимый церкви «на богомолье и священнику богомольцу», становится залогомъ молитвеннаго общенія дателя съ православными, это — даръ искренней признательности за предшествующія и послѣдующія молитвы о немъ православныхъ. Этотъ мотивъ жертвы, въ связи съ чистосердечіемъ, великодушіемъ, постоянствомъ и само-пожертвованіемъ, съ какими оберегается цѣлость дара отъ покушенія на него своего же протестанта, показываетъ, что между патрономъ-протестантомъ и покровительствуемыми православными установились связи прочныя и нерастор-

живыя, поддерживается то сердечное, нравственное, во имя религіозно-общественнаго союза, общеніе, предъ которымъ должны смолкнуть вѣроисповѣдная рознь и пристрастіе, и въ силу котораго въ правахъ общежитія не дѣлается уже никакого различія между протестантомъ и православнымъ. Православная церковь всегда молилась и молитъ Бога о благосостояніи, соединеніи всѣхъ церквей: лучшіе изъ протестантовъ, всецѣло поручая себя ея молитвамъ и, по мѣрѣ силъ, служа ея благосостоянію, не далеки были отъ того, чтобъ идти на молитвенный ея призывъ.

Старшій сынъ Христофора Николаевича, Янушъ, котораго мы неоднократно видѣли въ званіи храбраго предводителя союзныхъ силъ въ рокошъ 1606 и 1607 гг., человѣкъ съ почетными родовыми традиціями и высокими личными достоинствами, былъ мужественнымъ защитникомъ и «сердобольнымъ благодѣтелемъ» какъ своихъ единовѣрцевъ, такъ и преданныхъ ему православныхъ. Въ 1606 г. въ Сандомирѣ былъ съѣздъ, на который вельможи вызывали самого короля на судъ и требовали отъ него отвѣта противъ взведенныхъ на него въ 1605 г. обвиненій (въ растратѣ суммъ, въ неуплатѣ жалованья войску, въ намѣреніи предать Польшу иностранцамъ). По иниціативѣ Януша, бывшаго предсѣдателемъ на этомъ съѣздѣ, проэктировано было знаменитое постановленіе, состоящее изъ 67 пунктовъ и требовавшее свободы совѣсти, возстановленія греческаго закона въ прежнихъ его правахъ, удаленія отъ двора іезуитовъ и проч. Справедливыя требованія эти не были, по обыкновенію, уважены [77]), и Янушъ рѣшился поддержать ихъ силою меча. (Исходъ борьбы намъ извѣстенъ). При всякомъ удобномъ случаѣ Янушъ ходатайствовалъ за православныхъ на судѣ, ограждалъ ихъ отъ насилія властей, употребляя для того всю свою силу и вліяніе, весь даръ краснорѣчія. Въ обширныхъ владѣніяхъ первой своей жены Софьи Олельковичъ, которая была послѣднею отраслью князей Олельковичей Слуцкихъ, онъ строилъ для нихъ церкви и оберегалъ ихъ церковныя и частныя имущества отъ захватовъ уніатовъ. Въ пользу православныхъ, конечно, много располагала его супруга, которая принадлежала къ православной церкви и отличалась примѣрнымъ благочестіемъ и благотворительностію [78]), но и по смерти ея, когда онъ женатъ былъ во второй разъ на дочери электора бранденбургскаго, Елисаветѣ Софіи, онъ не переставалъ благодѣтельствовать имъ и предъ смертію своею (въ 1620 г.) завѣщалъ своимъ преемникамъ расположенность, и благоволеніе къ православнымъ [79]).

Второй сынъ Христофора Николаевича Перуна, Христофоръ Радзиваллъ, гетманъ литовскій, хотя явилъ чудеса храбрости и глубокій практическій умъ военачальника, однако, какъ усердный кальвинистъ, во все царствованіе Сигизмунда III, не пользовался монаршими милостями и не удостоенъ должностей ни великаго гетмана, ни канцлера литовскаго,

которыя прежде были наслѣдственными въ ихъ родѣ, (но у него предвосхищены Львомъ Сапѣгою). Удаленный отъ служебной политической дѣятельности, онъ всего себя посвятилъ на служеніе благу своихъ единовѣрцевъ и ихъ союзниковъ православныхъ. Благоустроитель реформатскихъ церквей и школъ, раззоряемыхъ іезуитами (особенно въ Кіейданахъ и Слуцкѣ), онъ неусыпно охранялъ православные храмы и школы отъ нападеній іезуитовъ и уніатовъ, всюду и немедленно являясь на защиту притѣсняемыхъ. Православные, хорошо зная и цѣня это, обращались къ нему во всякой бѣдѣ и опасности. Такъ, въ 1616 г. когда уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій, не довольствуясь пасквилями, насиліями и побоями, наносимыми его клевретами православнымъ, намѣревался отнять церковь и монастырь у духовскаго братства и завладѣть суммами и имѣніями братства: гонимые просили защиты у Христофора Христофоровича Радзивилла, начиная свою просьбу такими словами: «единственная надежда наша ты, князь, человѣкъ извѣстный своею добротой и милостію» [80]). Чрезъ 8 лѣтъ (въ 1624 г.) когда православные лишены были всѣхъ привилегій, когда либо данныхъ имъ королями и князьями, кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій, писалъ къ Христофору Радзивиллу: «мы стѣснены со всѣхъ сторонъ; на насъ смотрятъ хуже чѣмъ на измѣнниковъ и изобличенныхъ злодѣевъ, хуже чѣмъ на турокъ, хуже чѣмъ на язычниковъ; и мы, народъ вѣрный, народъ невинный, къ панамъ доброжелательный, народъ древле-христіанскій, терпимъ на собственной землѣ своей преслѣдованія отъ этой вавилонской блудницы, кровью опившейся. Намъ ничего другаго не предстоитъ, какъ только возглашать свою невинность предъ самимъ Создателемъ и вашею панскою благодѣтельною вельможностью: послѣ Господа Бога вы единственная наша надежда! У васъ мы должны искать доброжелательнаго христіанскаго мудраго совѣта, не лицемѣрной панской помощи и высокихъ вашего сіятельства указаній, чтобъ спасти невинныхъ отъ гибели». Испрашиваемыя указанія, совѣты и помощь не заставили себя долго ждать. Трогательное участіе силы и власти могущественнаго «панадобродѣя» умѣрило лютость скорби, нѣжное прикосновеніе его любви и благотворительности облегчило тяжесть лишеній: нѣкоторыя отнятыя у церквей и монастырей имѣнія были возвращены. За всѣ эти благодѣянія предстоятель южно-руской церкви, отъ себя и отъ имени всего русскаго народа, шлетъ князю благодарственное письмо, выражая свою признательность, по обычаю времени, въ самыхъ пышныхъ и витіеватыхъ фразахъ, увѣряя князя въ своихъ неустанныхъ, искреннихъ молитвахъ за него, въ готовности «на всякое доброжелательное и, въ случаѣ надобности, отважное послушаніе» [81]). Въ частныхъ своихъ нуждахъ, въ случаѣ голода, безденежья, православные обращались къ Христофору Христофоровичу и всегда находили въ немъ искреннее сочувствіе и неотложную помощь [82]). Нужно ли поддержать требова-

нія ихъ на сеймѣ? Они заранѣе взываютъ къ нему о помощи. Такъ казаки, письмомъ отъ 10 февраля 1626 г., просили его посредства на сеймѣ и предъ королемъ, «дабы ограждена была отъ посягательствъ ихъ старожитная православная вѣра и сами они не были забыты жалованьемъ» [83]). Нужно ли было предпринять, рѣшительное движеніе противъ насилованія правъ и вольностей «православныхъ», такъ чтобы быть или не быть имъ? За совѣтомъ и поддержкою они обращаются къ тому же князю, какъ «къ человѣку, который всегда былъ пріятелемъ и благожелателемъ народа россійскаго, сыновъ старожитной восточной церкви», и — призываютъ его присоединиться къ общему движенію [84]). И добрый князь является пламеннымъ защитникомъ ихъ правъ на сеймахъ и предъ трономъ. На сеймѣ 1627 г. православные вмѣстѣ съ протестантами представили жалобу королю на угнетенія и лишенія ихъ гражданскихъ правъ и вольностей. Одинаково дорожа интересами тѣхъ и другихъ союзниковъ, Христофоръ употребилъ неимовѣрныя усилія, для поддержки ихъ апелляціи, и настоялъ на изданіи конституціоннаго постановленія, отмѣняющаго всѣ враждебныя диссидентамъ рѣшенія трибуналовъ. (Но этому постановленію суждено было придти въ исполненіе уже по смерти Сигизмунда III). Геройское заступничество его за православныхъ на конвокаціонномъ и элекціонномъ сеймахъ 1632 г. намъ извѣстно. Правда, не многаго онъ достигъ, — гарантированія конституціею нѣкоторыхъ статей относительно обезпеченія свободы совѣсти для диссидентовъ; но послѣ тираническаго царствованія Сигизмунда, (этого втораго Филиппа Угрюмаго,) и это казалось важнымъ. Преемникъ Сигизмунда былъ очень благосклоненъ къ Христофору: свою близость къ трону, государственныя заслуги, всѣ силы ума и характера, Христофоръ употребилъ для того, чтобъ возвратить самостоятельность Литвы и западной Руси. Въ 1636 г. онъ упросилъ короля назначить, подъ его предсѣдательствомъ, коммиссію для пересмотра и дополненія литовскихъ законовъ, но, по проискамъ іезуитовъ, члены не поладили и коммиссія была закрыта. Князь Христофоръ съ грустію увидѣлъ, что самостоятельность Литвы и Руси не возвратима, что это одна мечта, утопія, напрасно лелѣянная его именитыми предками [85]).

По смерти Христофора Христофоровича, какъ бы по преемству, защитникомъ православныхъ и протестантовъ становится сынъ его Янушъ. Это былъ такой же воинственный и во всѣхъ отношеніяхъ даровитый и прекрасный человѣкъ, какъ и отецъ его, если неболѣе того. Онъ былъ послѣднимъ литовскимъ сенаторомъ изъ диссидентовъ. Высокое общественное его положеніе служило ко благу не только его единовѣрцевъ, но и православныхъ. На торуньскомъ съѣздѣ 1646 г. (colloquium charitativum) и на предварительномъ съѣздѣ въ Орлѣ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, одинаково ратовавшимъ за интересы какъ протестантовъ, такъ и

православныхъ. Къ послѣднимъ онъ былъ благосклоненъ едва ли не болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ. Никто болѣе его не заботился о водвореніи и домостроительствѣ русскихъ поселенцевъ въ Кіейданахъ: онъ заблаговременно отвелъ для поселенія ихъ участки земли, соорудилъ для нихъ каменные домы, даровалъ имъ полную равноправность съ протестантами въ городскомъ самоуправленіи и предоставилъ имъ много другихъ общественныхъ правъ и привилегій [86]). Но вѣнцемъ всѣхъ милостей и благоволенія его къ русскимъ поселенцамъ было религіозное покровительство. На одномъ изъ лучшихъ мѣстъ города онъ построилъ для нихъ (въ 1652 г.) деревянную церковь; подарилъ въ нее два колокола, полный алтарь (иконостасъ), иконы, и, когда его жена Марія (дочь молдавскаго господаря Василія Лупуллы) пожертвовала богатую церковную утварь, онъ завидовалъ и обижался, зачѣмъ его «барыня» сдѣлала это и почему онъ самъ изъ собственныхъ рукъ не отдалъ все это для вѣчнаго поминовенія. О благолѣпіи православной церкви Янушъ заботился на правахъ самаго попечительнаго и полновластнаго старосты; чрезъ своего земскаго старосту Коханскаго, онъ дѣлалъ точныя распораженія, въ какіе дни и въ какихъ ризахъ служителямъ церкви отправлять въ ней богослуженіе, когда какое евангеліе употреблять [87]). Для служителей православной церкви: двухъ іеромонаховъ и двухъ послушниковъ подарилъ жилой домъ со всѣми службами и доставлялъ содержаніе не роскошное и изысканное, но изобильное и цѣнное; (10 бочекъ (20 четвертей) хлѣба, 8 бочекъ солоду, 15 бочекъ овса, 2 бочки гречневой муки, 2 ячменной и 2 гороху, 6 фасокъ масла, 3 копы сыровъ, 20 злотыхъ постнаго масла, 2 полоти сала для прислуги. Отпускаемый натурою хлѣбъ дозволялось молоть безплатно; разрѣшался также свободный ловъ рыбы въ рѣкѣ Невяжѣ и вывозъ дровъ изъ прилежащихъ лѣсовъ [88]). Привлекаемые такими милостями и удобствами жизни, русскіе толпами стали переселятся въ Кіейданы. Прежняя церковь оказалась тѣсною и благодѣтельный Янушъ очень озабоченъ, «какъ бы перестроить церковку, или вынуть фасадецъ и сдѣлать пристройку, или со всѣхъ сторонъ пристроить крыльца крытыя», и отдалъ большой кирпичный заводъ на приготовленіе кирпича для новой церкви. Въ многопопечительной своей заботливости онъ уже выписалъ изъ Кенигсберга большой колоколъ въ 12000 пол. злот. и распорядился на счетъ доставки его рѣками, съ первой большой водою [89]); но вскорѣ умеръ, не успѣвъ назначить накакого фундуша для церкви, и постройка каменной православной церкви въ Кіейданахъ не состоялась [90]). Предъ смертію своею въ 1665 г., по случаю все увеличивавшагося наплыва поселенцевъ, Янушъ отвелъ для нихъ особую слободу и предполагалъ построить въ ней (близъ Виліополя) отдѣльную церковь [91]). Осуществилась ли эта мысль Януша, не извѣстно. Въ письмѣ кіейданскаго старосты Коханскаго къ зятю Януша Богуславу

Радзивиллу отъ 18 февраля 1663 г. встрѣчается упоминаніе объ этой церкви, но такое общее, междустрочное, изъ котораго нельзя сдѣлать опредѣленнаго вывода: «о церковномъ плацѣ въ Виліонолѣ, доноситъ староста, о его разграниченіи ничего не пишу, потому что нельзя приступить къ измѣренію по причинѣ глубокаго снѣга; измѣреніе того плаца я оставилъ до весны, мѣсто же для промѣра я указалъ то же самое, которое было отведено блаженной памяти княземъ подъ церковь» [92]). Можетъ быть завѣтное желаніе Януша и Богуслава было исполнено, церковь православная на отведенномъ ими мѣстѣ была построена, но она вскорѣ же запустѣла, потому что со смертію Богуслава (въ 1669 г.), русскіе поселенцы стали быстро откочевывать изъ Кіейданъ, такъ что въ 1682 г. здѣсь было всего двое православныхъ и два іеромонаха. Къ этому времени и церковь, построенная Янушемъ, почти совершенно сгнила, какъ стѣны, такъ и крыша [93]). Супруга Януша (упомянутая) Марія была такою же незабвенною благодѣтельницею для православныхъ, какъ и самъ Янушъ: онъ ей соревновалъ и завидовалъ въ любви и благотворительности къ православнымъ, а она въ этомъ святомъ дѣлѣ старалась превзойти его и саму себя. Въ 1660 г. она завѣщала на всѣ литовскіе православные монастыри 600,000 польскихъ злотовъ [94]). Много добра ожидали православные отъ сына Януша и Маріи, который (имя не извѣстно) согласно условію, заключенному ими при вступленіи въ разновѣрный бракъ, окрещенъ былъ по греческому закону. Но іезуиты постарались сжить его съ свѣта и такъ тонко и хитро, какъ только можетъ іезуитская хитрость и злоба: подкупленная ими служанка разрѣзала яблокъ ножемъ, одна половина котораго была намазана ядомъ; неотравленную половину яблока съѣла сама, а отравленную ядомъ дала съѣсть мальчику. Князь-отрокъ умеръ отъ этого. Гробъ его, а равно гробъ матери, умершей въ 1661 г. хранится подъ сводами слуцкаго свято-троицкаго монастыря. Самъ Янушъ скончался на 43 году жизни (31 декабря 1655 г.).

Единственною наслѣдницею несмѣтныхъ богатствъ Януша осталась дочь его (отъ перваго брака съ Екатериною Потоцкою) Марія Анна, вышедшая за-мужъ за двоюроднаго брата ея отца, князя Богуслава Радзивилла, сына князя Януша Христофоровича и княгини Острожской.

Подобно своимъ предшественникамъ обоимъ Николаямъ и обоимъ Янушамъ, Богуславъ покровительствовалъ православнымъ во всѣхъ обширныхъ имѣніяхъ своихъ и еще болѣе обширныхъ «маетностяхъ» жены своей, въ особенности же въ земляхъ слуцкаго и копыльскаго княжествъ. На просьбы ихъ о защитѣ отъ преслѣдованій онъ неоднократно отвѣчалъ: «интересы нашихъ вѣръ — кальвинизма и православія — одинаковы» [95]). И дѣйствительно нуждамъ православныхъ церквей онъ споспѣшествовалъ, какъ—своихъ собственныхъ. Наприм. для помѣщенія разло-

ренныхъ двухъ православныхъ церквей, слуцкимъ подданнымъ Богуслава понадобился охотничій домъ его, и онъ охотно уступилъ имъ домъ въ 1660 г. [96]), а чрезъ три года «возстановилъ и самыя руины церковныя» [97]). Благодаря за эти милости, запорожскій гетманъ Павелъ Тетеря, писалъ между прочимъ Богуславу: «издавна русскій народъ и запорожское войско пользовались, во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ, неисчислимыми благодѣніями Радзивилловскаго дома, особенно въ дѣлѣ вѣры, и вы, достойнѣйшій преемникъ этихъ благодѣтелей, не менѣе ихъ благотворите намъ» [98]). Не одною доброжелательною, готовою на частыя жертвы, владѣльческою своею властію Богуславъ охранялъ и защищалъ православныхъ. Онъ ходатайствовалъ за нихъ предъ судомъ, по поводу захвата уніатами ихъ церквей и бенифицій, и за дерзновенное ходатайство, не смотря на всю очевидность доказательствъ, подвергался даже значительнымъ штрафамъ, наприм. въ 1666 г. на него наложили пеню въ 4400 золотыхъ [99]). Плодомъ его ходатайствъ, настояній и жертвъ было возвращеніе православнымъ многихъ отнятыхъ уніатами церквей [100]). Въ Слуцкѣ и его окрестностяхъ онъ много помогъ православнымъ въ построеніи новыхъ церквей, дѣлая на то пожертвованія изъ собственныхъ щедротъ, собирая большія тысячи злотыхъ отъ обывателей всѣхъ своихъ помѣстій и оберегая строителей отъ происковъ и насилія со стороны ксендзовъ и школьниковъ, силившихся пріостановить постройки храмовъ [101]). Кіевскому митрополиту Діонисію Балабану онъ много содѣйствовалъ въ учрежденіи духовной консисторіи въ Слуцкѣ (въ 1659 г.). Подаривъ (въ 1654 г.) Завеницкой церкви минской губерніи уволоку земли съ сѣнокосами и другими угодьями,—требовалъ, «чтобы богослуженіе совершалось въ ней по обряду старожитной религіи греческой, подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха [102])». Православные съумѣли достойно оцѣнить и отблагодарить князя за помощь и вниманіе, оказанныя въ столь важномъ и святомъ дѣлѣ, поднося ему самые трогательные, благодарственные адресы [103]). Зная всегдашнюю готовность и сочувствіе его ко всякому доброму дѣлу и нуждѣ, они обыкновенно обращались къ нему во всѣхъ своихъ нуждахъ и обстоятельствахъ и всегда находили въ немъ надежную охрану и помощь. Въ странѣ хищничества, грабежей и набѣговъ, гдѣ личная безопасность можетъ быть охраняема только вооруженною рукою, въ замкѣ этого «доблестнѣйшаго и кротчайшаго рыцаря» содержались для нихъ вооруженные отряды. Въ случаѣ путешествій они получали отъ него надежный «конвой изъ драгунъ» [104]). Въ жизни общественной, церковной и политической не было ни одного важнаго дѣла, ни одной крупной тяжбы, съ которыми бы они не относились къ нему за мудрымъ совѣтомъ и наставленіемъ; дѣлились съ нимъ всякою политическою новостію и ввѣрялись ему во всемъ безусловно [105]). Достойно замѣчанія, что всѣмъ православнымъ священникамъ вмѣнено было въ обя-

занность имѣть отъ князя «презенту на церковь» [106]).—Не занимая въ отечествѣ никакой видной должности, но живя часто за границею, среди нѣмцевъ, Богуславъ заграничныя связи и знакомства употреблялъ на пользу пользу покровительствуемыхъ имъ диссидентовъ. Съ кончиною Богуслава (въ 1669 г.), они лишились могущественныхъ защитниковъ, какихъ они имѣли въ мужской линіи Радзивилловъ въ теченіе 122 лѣтъ (съ 1547 по 1669 г.).

Единственная дочь и наслѣдница Богуслава Радзивилла Людовика-Каролина (оставшаяся по смерти отца малюткою), бывшая въ замужествѣ за Людвигомъ маркграфомъ бранденбургскимъ, а по смерти его за Карломъ-Филиппомъ, герцогомъ нейбургскимъ, всемѣрно поддерживала протестантовъ и православныхъ. Грамотою отъ 20 марта 1690 года она всенародно заявила, что всѣмъ послѣдователямъ старожитной греко-русской религіи, жившимъ въ ея княжествѣ и мѣстечкахъ слуцкомъ и копыльскомъ, также въ кайдановскомъ, копыльско-беликскомъ, заблудовскомъ, невельскомъ и семиградскомъ княжествахъ ея, именитые предки не только дозволяли полную свободу въ отправленіи богослуженія, но и оберегали всѣ церковныя и гражданскія ихъ права и преимущества, охраняли ихъ церкви отъ насильственнаго введенія уніи. Сама она — мужественная наслѣдственная защитница православныхъ, по мѣрѣ усиленія уніатскихъ притязаній и увеличенія насильственныхъ и коварныхъ средствъ ихъ пропаганды, становится зорче, настойчивѣе и энергичнѣе въ своемъ заступничествѣ и предстательствѣ за притѣсняемыхъ; употребляя всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобъ унія въ православныхъ приходахъ ея никогда не была введена. Наприм. самовластные уніатскіе владыки, на мѣста умершихъ православныхъ священниковъ, посылали своихъ уніатскихъ священниковъ и настаивали предъ гражданскими властями, чтобъ православные епископы не смѣли посвящать священниковъ: Людовика-Каролина сдѣлала всѣ зависѣвшія отъ нея распоряженія, чтобъ навязываемыхъ уніатскихъ поповъ не принимали въ православные приходы, находившіеся на ея помѣстьяхъ, чтобъ для полученія священства отправлялись избранники народа къ другимъ, независимымъ отъ поляковъ епископамъ и даже за границу. Каждую церковь, монастырь и братство, всѣ архимандріи и игуменства въ обширныхъ своихъ владѣніяхъ она приняла подъ непосредственное свое покровительство. Нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ подарила земли и угодья (напр. слуцкому и преображенскому монастырю островъ Кочовъ въ Домоновичахъ), предоставила имъ большія льготы въ уплатѣ пошлинъ и преемниковъ своихъ обязала во всей точности и неприкосновенности соблюдать эти дары и привилегіи [107]). Ободренные ея благовниманіемъ и покровительствомъ, многіе изъ западно-русскихъ православныхъ, по своимъ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ, начали переѣзжать къ ней въ загра-

ничныя имѣнія, поселяясь преимущественно въ Королевцѣ и Бранденбургѣ, и вездѣ находили радушное ея гостепріимство и милостивое покровительство. Нѣсколько монаховъ виленскаго св.-духовскаго монастыря переселилось къ ней въ Королевецъ и получили разрѣшеніе свободно отправлять тамъ православное богослуженіе [108]). Вѣрная охранительница ихъ интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ, она повсемѣстно покровительствовала ремесламъ и торговлѣ западно-руссовъ и, въ случаѣ стѣснительной для нихъ монополіи, со стороны какихъ-либо жидовъ, устраняла стѣсненія и дѣлала для нихъ всевозможныя облегченія [109]).

Вотъ не многіе изъ протестантскихъ патроновъ, покровительствовавшіе православнымъ. Изъ православныхъ патроновъ лишь нѣкоторые изъ Острожскихъ князей, и только до начала 17 столѣтія, покровительствовали протестантамъ. Князь Василій Константинъ Острожскій былъ, какъ мы видѣли, пламеннымъ поборникомъ православно-протестантской уніи, до послѣднихъ разочарованій подъ конецъ столѣтней своей жизни, всего себя приносившимъ въ жертву завѣтной идеѣ уніи. Изъ дѣтей его только младшій сынъ Александръ былъ твердымъ оплотомъ православія и ревностнымъ защитникомъ протестантовъ. (Старшіе же два сына, Янушъ и Константинъ, и всѣ дочери еще въ молодости подпали вліянію іезуитовъ и тайно отъ отца совращены были въ католичество). Достойнѣйшій сынъ добраго отца, онъ помогалъ родителю во всѣхъ предпріятіяхъ въ пользу православія и протестантства, участвовалъ во всѣхъ съѣздахъ съ реформатами. Извѣстно вооруженное его заступничество за православныхъ и протестантовъ. На варшавскомъ сеймѣ 1603 годт онъ два раза разрывалъ желѣзныя цѣпи въ городскихъ воротахъ, протянутыя для того, чтобъ онъ не могъ съ войскомъ въѣхать въ городъ, и, представъ предъ короля съ отрядомъ кавалеріи, предъявилъ свои требованія о правахъ гражданства для диссидентовъ. Но этотъ мужественный подвигъ стоилъ ему не дешево. Тогда какъ родные его братья владѣли богатыми староствами, Александръ не получилъ ни одного. Впрочемъ, онъ и безъ того владѣлъ множествомъ богатыхъ наслѣдственныхъ имѣній. Скончался князь Александръ еще при жизни отца въ 1603 г., во цвѣтѣ лѣтъ. (Полагаютъ, что его отравила какая-то Володарка, вложивъ ему любовнаго зелья въ стаканъ съ медомъ).—Два сына его, Константинъ и Иванъ также умерли въ цвѣтущей молодости. Со смертію ихъ пресѣклась мужская линія князей Острожскихъ.

Когда не стало сильныхъ этихъ защитниковъ православія, тогда самое средоточіе, оплотъ православія, славный Острогъ обратился въ іезуитскій монастырь и замокъ. Въ немъ іезуиты заправляли всѣми дѣлами и большая часть доходовъ доставалась имъ.

Другая линія князей Острожскихъ, Острожскіе-Заславскіе недолго пребыли православными и защитниками диссидентовъ. Дочь князя Ивана

Косьмича Кѣрдня первая изъ рода Заславскихъ (около 1600 г.) была обращена въ католичество. Ея потомки, до самаго пресѣченія ихъ ординарій въ 1673 году, были слѣпыми орудіями іезуитовъ и гонителями православія и еще болѣе протестантства [110]).

Если сравнить покровительство, оказанное протестантамъ нашими православными патронами, съ покровительствомъ ихъ патроновъ для православныхъ, то должно сознаться, что ихъ патроны несравнено болѣе сдѣлали для насъ, чѣмъ наши для нихъ. Ихъ дѣятельность большею частію состояла въ огражденіи православныхъ храмовъ и ихъ имуществъ отъ захватовъ уніатовъ и латинянъ, въ возвращеніи церквамъ похищеннаго достоянія, въ предстательствованіи за православныхъ на сеймахъ, предъ королемъ... Но чего стоило имъ это ходатайство и оборона, сколько для этого нужно было благороднаго гражданскаго мужества и возвышеннаго христіанскаго самоотверженія. Они жертвовали всѣми выгодами матеріальнаго и общественнаго положенія, не рѣдко подвергали опасности собственную жизнь, (когда наприм. предпринимали вооруженныя возстанія). Во имя той же самоотверженной любви они помогали православнымъ во всякой нуждѣ: бѣдности, сиротствѣ, болѣзни; покровительствовали во всѣхъ жизненныхъ предпріятіяхъ. Всякое горе и радость православныхъ были ихъ собственнымъ горемъ и радостію. И православные безусловно ввѣрялись имъ, какъ геніямъ хранителямъ, отцамъ и руководителямъ, во всемъ испрашивая ихъ мудраго и благожелательнаго совѣта, наставленія и указанія. Всего жъ удивительнѣе и отраднѣе ихъ заботливость о благолѣпіи православной святыни и цѣлости самого православія. Сколько прежнихъ «церковныхъ руинъ» возстановлено ими, сколько новыхъ храмовъ воздвигнуто! Какая трогательная заботливость о благочинномъ отправленіи церковнаго богослуженія, о полномъ матеріальномъ обезпеченіи служителей православной церкви, объ организованіи церковнаго православнаго управленія, о недопущеніи уніатскихъ «волковъ въ ограду церкви Божіей», о принятіи подъ непосредственное патронатство каждаго монастыря, церкви и братства! Трудно вѣрить, чтобы иновѣрцы могли такъ относиться къ православной церкви: это были какъ будто самыя вѣрныя и попечительныя, собственныя ея чада. И дивное совпаденіе! Когда не стало у ней своихъ «верховныхъ покровителей и защитниковъ» въ лицѣ угаснаго рода Острожскихъ, Провидѣніе ниспослало ей этихъ новыхъ покровителей, которые въ лютую годину уніатскихъ и іезуитскихъ гоненій, какъ ангелы хранители ея, стояли съ своимъ пламеннымъ мечемъ у ея эдема и охраняли его отъ всѣхъ вѣроотступниковъ, искусителей и гонителей. Какъ нѣкогда промышлялъ Господь о своей церкви чрезъ языческихъ царей и міроправителей: великихъ Кировъ, Александровъ, Антониновъ, Констанціевъ и проч., которые воздвигали Ему храмы и статуи, приносили жертвы, «рабамъ Божіимъ»

даровали свободу и благоденствіе: такъ и теперь изъ среды чуждой, иновѣрной, Господь воздвигъ вождей и властителей, которые всенародно исповѣдуютъ, что интересы нашихъ вѣръ — евангелической и старожитной греческой — одинаковы, а православные съ своей стороны заявляютъ имъ, что послѣ Господа Бога вы — единственная наша надежда. Отъ прежней религіозной розни и вражды, какую мы видѣли при первомъ заключеніи религіозно-политическаго союза, не осталось и тѣни. Прежде, при различіи религіи, не было тѣснаго гражданскаго союза, не доставало внутреннѣйшихъ нравственныхъ основъ сближенія; вѣротерпимость понималась слишкомъ узко: теперь мало по малу установились полное единодушіе и взаимность, сближеніе искреннее, внутреннее, религіозно-нравственное, вѣротерпимость широкая, гуманная, которая сдѣлала бы честь и нашему времени. Всѣ Радзивиллы стараются превзойти одинъ другаго въ мужественныхъ подвигахъ обороны и заступничества, въ самоотверженныхъ дѣлахъ любви и благотворительности къ православнымъ и чѣмъ далѣе, особенно къ концу вѣка, тѣмъ они благосклоннѣе и любвеобильнѣе становятся къ православнымъ. Съ своей стороны православные съ теченіемъ времени питаютъ къ нимъ большую и большую преданность, оказываютъ «доброжелательное и, въ случаѣ нужды, отважное послушаніе». И эта нравственно-общественная близость въ «религіозномъ» общеніи увлекала ихъ за такіе же предѣлы возможнаго и вѣроятнаго, изъ какихъ далеко вышли и протестантскіе ихъ патроны. Въ то бѣдственное для православныхъ время, когда не было у нихъ высшей іерархіи, не было достаточнаго количества церквей, священниковъ и видимыхъ средствъ ко спасенію, православные, въ случаѣ опасной болѣзни и необходимости предсмертнаго напутствія, слышать не хотѣли, чтобъ принять это напутствіе отъ уніатскаго или латинскаго патеровъ, (которые не рѣдко пользовались такими случаями, чтобы хитростью или силою пробраться съ чашею къ больному), но, не желая умереть безъ послѣдняго утѣшенія вѣры, они иногда звали къ себѣ протестантскихъ пасторовъ [111]): подобно тому какъ протестантскіе патроны всецѣло поручали себѣ молитвамъ православныхъ пастырей и дѣлали богатые вклады въ православныя церкви для вѣчнаго ихъ поминовенія. Отчего же произошла столь отрадная перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ? Прежде исключительно пропагандистическіе происки протестантовъ внушали ихъ союзникамъ подозрѣнія, опасенія, поселяли въ нихъ разладъ и несогласіе. Теперь же, когда протестантская пропаганда ослабла, парализована, когда православные были безопасны отъ совращеній и злоумышленій,— не было болѣе мѣста предубѣжденіямъ и раздору между союзниками: они стали совершенно свои другъ другу. Къ тому жъ время брало свое. Давнія привычки, симпатіи, семейныя и общественныя связи со временемъ все усиливашіяся и закрѣплявшіяся, болѣе и болѣе располагали ихъ

другъ къ другу. Одинаковость гражданскаго положенія, всѣхъ жизненныхъ условій, единство судьбы, потребностей, интересовъ жизни — все постепенно сродняло и объединяло ихъ.

Конецъ и послѣдствія союза.

Прежній временный мѣстный союзъ, во всѣхъ его формахъ и видахъ, поддерживаемый какъ всѣмъ дружественнымъ обществомъ, такъ преимущественно патронами, превращается наконецъ въ вѣчный союзъ литовскихъ протестантовъ со всею православною Россіею и — завершается торжественнымъ освобожденіемъ ихъ отъ ига тиранническаго правительства. Заря освобожденія, занявшаяся еще на рубежѣ 16 и 17 вѣковъ, ярко засвѣтилась въ началѣ 18 столѣтія. Въ 1710 г. Фридрихъ, король прусскій писалъ къ Петру Великому: «мы знаемъ, что между русскою и реформатскою церковію въ Литвѣ въ 1599 г. заключена конфедерація, по которой та и другая обязались охранять другъ друга отъ преслѣдованій католиковъ и оказывать одна другой неотложную помощь. Во имя священнаго этого союза, мы просимъ и умоляемъ васъ позаботиться о дарованіи тамошнимъ реформатамъ полнѣйшей свободы и неприкосновенности правъ» [112]). Значитъ мѣстный православно-протестантскій союзъ, заключенный въ концѣ 17 вѣка, простирается теперь на всю православную Россію, становится для ея правительства нравственно обязательнымъ и получаетъ какъ бы силу международнаго договора, охраняемаго иностранною державою, какъ религіозно-гражданская святыня, не потерявшая священной своей важности и по прошествіи 115 лѣтъ. Наступилъ роковой для союзниковъ 1716 годъ. Всѣ существовавшія de jure ихъ права, обычаи, свобода, уничтожены въ трактатахъ римско-католической конфедераціи; гоненія, бывшія дѣломъ іезуитской интриги, офанатизированнаго народа и частныхъ властей, признаны, узаконены предержащею властію: протестантамъ и православнымъ воспрещено даже строить церкви и совершать открытое богослуженіе. Новое общее горе еще тѣснѣе сблизило тѣхъ и другихъ, между ними установилось полнѣйшее довѣріе и единодушіе, пробудилась необыкновенная дѣятельность. Всѣ прежнія пререканія и столкновенія забыты, прощены. Взоры и мольбы о помощи устремлены отвсюду на могущественную великую Россію. Виленскіе, ковенскіе реформаты и всѣ протестанты княжества, чрезъ своихъ депутатовъ, рѣшили: «искать убѣжища не столько у его величества, короля прусскаго, (который какъ покровитель и заступникъ Corporis Evangelici, недавно, какъ мы видѣли, ходатайствовалъ за нихъ предъ Россіею), сколько у самого его величества, императора россійскаго и — просить ихъ, на основаніи Богомъ данной имъ власти всемилостивѣйше заступиться за всѣхъ угнетаемыхъ въ этой

странѣ диссидентовъ, и настоять, чтобы намъ всѣмъ предоставлено было право liberi exercitii religionis и дарованы были не на словахъ, а на дѣлѣ вольности, клятвенно обѣщанныя королями». Съ этою просьбою отправлены были послы въ Петербургъ и Кенигсбергъ. Заступникъ Corporis Evangelici, какъ и сами они того ожидали, принялъ просьбу своихъ единовѣрцевъ далеко не такъ сочувственно и горячо, какъ государь и народъ иновѣрный. Прусскій король манилъ ихъ лишь посулами и обѣщаніями, надѣлялъ совѣтами и предупрежденіями: «не слишкомъ горячиться и дѣйствовать поосторожнѣе, искать протекціи у вельможъ и почаще дѣйствовать жалобами и слезами, которыя суть оружіе церкви (quae arma Ecetisiae sunt), избѣгать споровъ и диспутовъ съ реформатами, чтобы отнять у противниковъ случай пользоваться политикою: «divide et impera» и проч. Отъ дѣятельнаго жъ вмѣшательства въ дѣла диссидентовъ, прусская дипломатія дальновидно уклонилась. Напротивъ, русская политика всѣмъ добродушнымъ обѣщаніямъ предпочла дѣятельное заступничество за угнетенныхъ, дѣйствовала настойчиво, энергично: «русскіе, писали протестантскіе депутаты, горячо приняли къ сердцу наши религіозныя дѣла, и двое изъ ихъ духовныхъ уже прибыли съ инструкціями изъ С.-Петербурга въ Гродно на находящійся тамъ сеймъ (1718 г.)». Король на сеймѣ подтвердилъ за диссидентами ихъ права [118]). Но эти права de jure, по обычаю, не существовали de facto. Диссиденты недолго наслаждались спокойствіемъ. Прошло еще полвѣка въ мрачныхъ томленіяхъ и ожиданіяхъ, въ удаленіи ихъ отъ общественныхъ и государственныхъ должностей, въ преслѣдованіи ихъ подпольными пасквильными обвиненіями, въ нападеніяхъ на религіозныя ихъ процессіи, въ поруганіи надъ святынею и храмами, въ избіеніи пасторовъ, канониковъ. Наконецъ терпѣніе истощилось. Протестанты и православные составили радомскую конфедерацію (1767 года), чтобъ положить рѣшительный конецъ всѣмъ преслѣдованіямъ злобы и изувѣрства. Но Россія въ это время была такъ славна и сильна, что единоличнымъ заступничествомъ, безъ всякихъ союзовъ съ литовскими протестантами и сосѣднею—Пруссіею, спасаетъ ихъ отъ возраставшихъ золъ. Испугавшись появленія русскихъ войскъ въ Варшавѣ, сеймовые депутаты предъ портретомъ императрицы Екатерины II-й подписали «актъ терпимости», который принятъ съ большимъ восторгомъ во всей Европѣ [124]). Но наконецъ пробилъ роковой часъ и для самой тиранніи. Двухвѣковое господство іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ, обскурантизмъ и невѣжество, въ какомъ они держали страну, грубость нравовъ, кулачное право, необузданность, алчность магнатовъ, магнатство высшаго духовенства и безправность всѣхъ остальныхъ классовъ, словомъ средневѣковые феодальные порядки съ страшнымъ антагонизмомъ сословій и свойственною развѣ испанцамъ религіозною нетерпимостію, борьба партій политическихъ

и религіозныхъ, бурные сеймы, вооруженныя конфедераціи — въ конецъ погубили страну. Насталъ раздѣлъ одряхлѣвшей Польши. Отторженная вѣтвь срослась съ своимъ жизненнымъ корнемъ, — юго-западная Русь и Литва возсоединилась съ восточною Россіею. Тогда-то наконецъ и — съ востока Россія — узрѣли (литовскіе) протестанты свѣтъ и спасеніе и стали жить тою полнотою политической равноправности и религіозной свободы, какою болѣе двухъ вѣковъ наслаждались ихъ единовѣрцы на сѣверо-востокѣ Россіи. Тогда-то, послѣ двухвѣковой кровавой и безплодной борьбы съ фанатическою Польшею, они постигли всю цѣну освобожденія своего, все безпримѣрно благодѣтельное покровительство русскаго правительства хотя, къ сожалѣнію, не многіе дожили до этого счастливаго времени (у реформатовъ осталось семь общинъ, у лютеранъ гораздо менѣе). И это спасеніе пришло къ нимъ во имя того союза, силу котораго не ослабило ни время, ни историческія превратности. Спасая своихъ, великодушіе Россіи ни въ чемъ не отдѣляло и ихъ вѣрныхъ союзниковъ. И этимъ великимъ дѣломъ освожденія и уравненія завѣнчался двухвѣковой союзъ литовскихъ протестантовъ съ православными.

Значеніе союза.

Причинами близости союзниковъ были единство страданій, одинаковость ихъ общественнаго и гражданскаго положенія. Въ этомъ одинаковомъ гражданскомъ положеніи, въ частныхъ семейныхъ и общественныхъ связяхъ союзники искали причинъ къ религіозному ихъ соединенію, но св. вѣра не есть продуктъ политическихъ и гражданскихъ комбинацій, а потому всѣ попытки ихъ къ вѣроисповѣдному единенію не пошли дальше установленія политическаго союза, частнаго и общественнаго сближенія ихъ между собою, хотя сближеніе это доводило иногда союзниковъ до религіознаго взаимнаго общенія ихъ въ молитвахъ и таинствахъ. Протестантизмъ, мечтавшій сначала поглотить православіе и русскую народность и на развалинахъ ихъ создать новое государство съ протестантскою культурою, едва самъ не былъ поглощенъ католичествомъ и православіемъ, первымъ — насильственнымъ образомъ, вторымъ — вслѣдствіе внутренняго существеннаго его превосходства, предъ которымъ такъ благоговѣйно преклонялись сами патроны протестантовъ и которое невольно распологало ихъ къ великимъ жертвамъ въ пользу православія и православныхъ.

Протестантизмъ, положенный въ основу объединенія многочисленныхъ національностей и религій западнаго края, принятый за организующее начало отдѣльнаго самостоятельнаго государства, можетъ быть и достигъ бы своей цѣли, если бы онъ имѣлъ дѣло исключительно съ дряхлою католическою Польшею; на ея развалинахъ могло бы создаться проте-

стантское государство съ протестантскою цивилизаціею. Но онъ оказался безсиленъ при встрѣчѣ съ православіемъ и русскою народностію. Сколько было попытокъ къ преобразованію литовско-русскаго государства на началахъ иновѣрія! Ягелло, чтобы соединить Литву съ Польшею, заставляетъ православныхъ принимать католичество и издаетъ въ этихъ видахъ стѣснительные для нихъ законы. Витовтъ напротивъ желалъ сбросить съ великаго княжества цѣпь латино-польскаго подчиненія и организовать независимое государство, посредствомъ образованія единой независимой церкви по началамъ гусситизма. Сигизмундъ Августъ, чрезъ распространеніе и утвержденіе единой протестантской церкви, думалъ создать единое стройное государство. Фридрихъ прусскій хотѣлъ подчинить Литву Пруссіи и образовать изъ нея вассальное протестантское государство. Но исторія осудила и ниспровергла всѣ эти планы. Исторія судила, чтобы православіе было единственною жизненною основою какъ московско-россійскаго, такъ и западно-русскаго государства, т. е. чтобы оно ассимировало съ русской народностію всѣ здѣшнія племена и религіи; литовцевъ, ятвиговъ, жмуди или самогитіи..., чтобы эта малая надломленная отрасль великаго православно-россійскаго государства росла и крѣпла вмѣстѣ съ развитіемъ и процвѣтаніемъ православія. Въ самомъ дѣлѣ, это небольшое государство было сильно и благоустроено только тогда, когда его великіе князья или супруги ихъ, начиная съ Ольгерда, Маріи и Іуліаніи, щедро покровительствовали православію; возвысилось оно на степень могущественнѣйшаго государства, простиравшагося отъ Балтійскаго до Чернаго моря, тогда, когда стѣснительные для православныхъ законы Ягелла были уничтожены, когда Витовтъ отступилъ отъ своего химерическаго плана объ образованіи единой въ духѣ гусситизма церкви и, вмѣстѣ съ православными вельможами, сталъ дѣятельно заботится о томъ, чтобы «вѣра восточная ни меньшала, ни угибала и церквамъ ея было строеніе». Сплотившееся и возвеличившееся такимъ образомъ государство поддерживало свое величіе до тѣхъ поръ, пока князья, подобные Александру и его супругѣ Еленѣ, грамотами ограждали православныхъ отъ поборовъ властей, созидали, украшали и фундушевали храмы и были ревностными поборниками православія. Вообще, не смотря на номинальное юридическое соединеніе свое съ Польшею въ 1387 г., оно сохраняло полную свою внутреннюю независимость и силу вплоть до 1569 г., т. е. въ теченіе всѣхъ тѣхъ 182 лѣтъ, въ которые православіе живо и сильно было въ народѣ. Съ ослабленіемъ же православія, подъ давленіемъ протестантизма и католичества, оно мало по малу теряетъ свою независимость. Итакъ, православіе есть та основная стихія, душа и жизнь западно-русской гражданственности, безъ которой ея государственный организмъ не можетъ и существовать. Отнять душу и жизнь у него протестантизмъ, какъ и всякое иновѣріе, не могъ, а, воспользовавшись смутною исключи-

тельною эпохою церковной жизни, отторгъ отъ православія большею частію слабые болѣзненные его члены и, не оживотворивъ, не уврачевавъ ихъ, не удержалъ ихъ у себя. Изможденные, разслабленные, обольщаемые и фанатизируемые іезуитизмомъ, удручаемые гоненіями неистоваго народа и правительства, они долго блуждали изъ протестантства въ уніатство, изъ уніатства въ католичество. Въ православіе жъ они долго не возвращались потому, что протестантизмъ отторгъ ихъ отъ русской народности и языка и полонизировалъ ихъ [115]): порвавъ всѣ связи съ протестантствомъ, они не могли выпутаться изъ заколдованныхъ сѣтей полонизаціи и, болѣе и болѣе усвояя себѣ польскій языкъ и польскую гражданственность, принимали и польскую католическую религію [116]). Наконецъ, когда обезоружены и отняты были всѣ орудія насильственнаго отторженія ихъ отъ своего жизненнаго начала, они находятъ жизнь и врачество въ лонѣ православной вѣры и русской народности. И самъ протестантизмъ (литовскій), хотя и спасенъ Россіею отъ смерти и истребленія его католичествомъ, однако осужденъ на вѣчный застой и омраченіе: не выноситъ болѣе свѣта православія, блекнетъ и ускользаетъ, какъ тѣнь.

Какъ не свойственъ протестантизмъ русскому народу, какъ наконецъ безопасенъ онъ сталъ при всемъ жизненномъ сближеніи православныхъ съ протестантами, это всего яснѣе доказываетъ безуспѣшность миссіи его среди простаго народа, этого главнаго корня русской народности. Изъ крестьянъ православныхъ немногіе обращались въ протестантство. И если были случаи совращенія, то причина этому была большею частію невольная, скрывавшаяся въ тяжеломъ крѣпостническомъ положеніи западнаго крестьянина. Извѣстно бѣдственное положеніе западно-русскаго и литовскаго крестьянина. Постепенно порабощаемый и обезлюдиваемый, онъ изъ слуги-помѣщика превращенъ въ раба, изъ раба въ собственность, изъ собственности въ бездушную вещь, которою господинъ распоряжался по своему дикому произволу. Все рабочее время, всѣ кровавые труды, даже самая жизнь крѣпостнаго были въ полновластномъ распоряженіи помѣщика. По польскимъ законамъ 1588 г., жизнь крѣпостнаго оцѣнена была въ 100 гривенъ (около 200 руб.) и, въ случаѣ убійства его, эти ничтожныя деньги уплачивались не осиротѣвшему семейству, а его владѣльцу; если жъ самъ владѣлецъ убивалъ крестьянина, то онъ оставался внѣ всякой отвѣтственности [117]). При безусловномъ владычествѣ надъ достояніемъ, силами и жизнію раба, владѣльцу и въ голову не приходило развивать умственныя и нравственныя силы его и удовлетворять высшимъ интересамъ жизни патріотическимъ, религіознымъ: онъ нуженъ былъ рабовладѣльцу, какъ рабочій скотъ, живая физическая сила; онъ не властенъ былъ по личной волѣ и желанію участвовать въ защитѣ отечества, для него отечество заключалось единственно въ родной семьѣ, въ родной деревнѣ. Весь интересъ, вся цѣль

жизни у него сводились къ вопросу о насущномъ кускѣ хлѣба, (чтобъ какъ нибудь прокормиться, чтобы не окоченѣть отъ холода). Народные обычаи, преданья и повѣрья передавались ему изъ рода въ родъ. Высшіе религіозные инстинкты пробуждались сами собою, развивались посредствомъ той же традиціи, но и на нихъ не могъ не отпечатлѣться гнетъ невыносимаго рабства. Коль скоро бѣдный крестьянинъ порабощенъ физически и нравственно, коль скоро его владѣлецъ силился стать владыкою его совѣсти, хозяиномъ надъ его внутренними убѣжденіями, и онъ не умѣлъ и даже не смѣлъ разсуждать о дѣлахъ религіи, то не удивительно, онъ безсознательно перемѣнялъ вѣру по волѣ господина: изъ православія переходилъ въ протестантство, изъ протестантства въ унію, изъ уніи въ католичество. Но въ силу тѣхъ, неизмѣнныхъ въ существѣ своемъ традицій, неотъемлемой принадлежности православія къ русской народности, крестьяне-уніаты въ сущности оставались большею частію тѣми же православными и не рѣдко не измѣняли даже внѣшности, обрядности православія: католичество не сжилось съ русскимъ народомъ, не проникло въ жизнь, въ сердце, въ нравы его; протестанты же крестьяне (въ Биржахъ и Модейкахъ) всегда были и будутъ протестантами по имени, но не по внутреннему глубочайшему и безпристрастному убѣжденію. Протестантскіе учители, отчаявшись въ успѣхѣ своей проповѣди въ народѣ, оставили его въ покоѣ и заботились объ укорененіи своего ученія между въ высшемъ и отчасти въ среднемъ сословіи. Оттого протестантизмъ и не пустилъ глубокаго корня на литовско-русской почвѣ. Наконецъ, когда устранены были всѣ преграды къ отчужденію отъ св. церкви блуждавшихъ по чуждымъ вѣрамъ чадъ ея, народъ массами и первый возвращается въ родной и спасительный ея кровъ.

Отдѣленія втораго раздѣлъ второй.

Послѣднія судьбы протестантской пропаганды среди православныхъ.

Возвращенія западно-руссовъ изъ протестантства въ православіе начались со времени первыхъ пораженій протестантства отъ іезуитовъ (въ 70-хъ гг. 16 ст.), коль скоро обнаружилась его внутренняя слабость и непривлекательность[1]). Но когда окончательно прекратились совращенія православныхъ въ протестантство, чѣмъ обусловливалось совершенное пораженіе его пропаганды со стороны его самого и православнаго западно-русскаго общества, на это не находимъ прямаго и рѣшительнаго свидѣтельства. Въ 1575 г. нѣкоторые протестанты рѣзко еще нападали на исповѣданіе русскихъ своихъ друзей, наприм. панъ Кадіанъ

Чаплій въ перепискѣ съ княземъ Курбскимъ [2]). Около того же времени Гваньини, служившій воинскимъ начальникомъ въ Витебскѣ, писалъ: «хотя нѣкоторые вельможи Россіи, подвластной польскому королю, слѣдуютъ лютеранскому и цвингліеву ученію, но весь народъ и большая часть магнатовъ и благородныхъ твердо содержатъ вѣру, издревле принятую, по обряду греческому [3]). Въ двадцатыхъ годахъ 17 ст., по всей вѣроятности, не было ни нападокъ рѣзкихъ на вѣрованія православныхъ, ни явныхъ, ни тайныхъ совращеній ихъ въ протестантство. Кіевскій соборъ 1621 года, созванный для улучшенія бѣдственнаго, подъ игомъ католичества, положенія православной церкви, не только не жалуется на отпаденіе православныхъ въ протестантство и на враждебные происки послѣдняго, но принимаетъ мѣры къ обращенію отпадшихъ: «если, говорится въ его правилахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «совѣтованія о благочестіи», нельзя обращать папистовъ и ихъ исчадіе лютеранъ, евангеликовъ и аріанъ, то по крайней мѣрѣ, всѣми силами стараться отыскивать всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые отъ восточной церкви отступили». Въ тридцатыхъ годахъ Петръ Могила писалъ: «въ Вильно, около Кракова, Познани и въ другихъ городахъ много лютеранъ, кальвинистовъ, и социніанъ, какъ между дворянами, такъ между простыми, изъ принадлежавшихъ къ римскому костелу, но не изъ православныхъ: между православными и послѣдователями реформаціи, не смотря на частныя сближенія ихъ между собою, нѣтъ согласія въ вѣрѣ [4]). Дружественныя отношенія, установившіяся въ двадцатыхъ годахъ между протестантами и православными и съ тѣхъ поръ никогда не разрывавшіяся, также показываютъ, что опасные пропагандистическіе замыслы первыхъ прекратились съ этого времени: иначе они не были бы и друзьями, опять возникли бы между ними подозрѣнія, опасенія и произошелъ бы такой же разладъ и разрывъ союза, какой мы видѣли въ ту пору, когда протестантская пропаганда была дѣятельна и опасна.

Обезсиленіе въ это время протестантской пропаганды обусловливалось крайнимъ ослабленіемъ внутреннихъ образовательныхъ силъ протестантизма. На юго-западѣ, какъ и на сѣверо-востокѣ Россіи, протестантская пропаганда совершалась преимущественно чрезъ школу и науку, чрезъ проповѣдь церковную и частную, чрезъ распространеніе сочиненій съ протестантскими тенденціями, чрезъ образованныхъ людей, при ихъ частныхъ и общественныхъ сношеніяхъ съ православными, словомъ просвѣщеніе — было главною, а съ паденіемъ нравовъ въ 70 гг. 16 стол., единственною даже силою протестантской пропаганды. Въ XVII столѣтіи, по причинѣ бѣдствій и гоненій, эта жизненная сила ея постепенно ослабѣвала, эти прикровенные родники ея мало по малу изсякали. Такъ какъ гоненія направлены были главнымъ образомъ противъ іерархіи, то

образовательная эта сила изсякла въ самомъ главномъ источникѣ ея — іерархіи. Мы видѣли, что съ временемъ, особенно съ 20 годовъ XVII столѣтія образованныхъ пасторовъ становилось все менѣе, большинство изъ нихъ были невѣжественные, полуграмотные, слѣпые вожди слѣпаго народа. Ловкіе и образованные іезуиты роняли такихъ пастырей въ глазахъ народа, поражали ихъ на диспутахъ, безславили въ тайно подбрасываемыхъ пасквиляхъ и публично въ киркахъ, подрывая къ нимъ уваженіе пасомыхъ. Оттого съ этого времени не только не было пріобрѣтеній для протестантской пропаганды, напротивъ многіе протестанты, какъ блуждающія овцы безъ пастырей, толпами переходили въ католическую вѣру и передавали свои церкви католическому клиру.

Распространенію реформаціи во всѣхъ странахъ много помогли пресса, или книгопечатаніе и школы для юношества. Въ Литвѣ книгопечатаніе развивалось вмѣстѣ съ реформаціею и реформація распространялась по мѣрѣ развитія книгопечатанія. Многочисленныя реформатскія школы были разсадниками кальвинизма даже для диссидентовъ, пріѣзжавшихъ изъ отдаленнѣйшихъ областей Польши и герцогства прусскаго, Лифляндіи и Курляндіи. Но извѣстно «что въ 30 гг. 17 вѣка типографіи и школы враждебное правительство велѣло закрыть. Оставшіяся жъ у протестантовъ школы — все почти первоначальныя элементарныя — никого изъ иновѣрцевъ не привлекали къ себѣ. По закрытіи собственныхъ школъ, нѣкоторые любознательные люди (весьма немногіе) получали образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Но они могли быть полезны для русскихъ въ дѣлѣ умственнаго образованія, но не опасны по своей пропагандѣ. Такъ какъ при постоянномъ гоненіи на свободу печати, печатаніе сочиненій на туземныхъ нарѣчіяхъ было сопряжено съ значительными затрудненіями, опасностями, то сочиненія этихъ ученыхъ стали издаваться на нѣмецкомъ и частію латинскомъ языкахъ, слѣдовательно они были доступны только избранному кружку русскихъ ученыхъ, а народу не были извѣстны. Писатели эти вели горячую полемику съ католиками и социніанами, но чтобы они писали полемическія сочиненія противъ православія, этого не видно. Да и до того ли имъ было? Имъ нужно было спасать самихъ себя, поддерживать свои постепенно падавшія и изнемогавшія силы.

Какія препятствія своей пропагандѣ протестантизмъ встрѣчалъ извнѣ, помимо истощанія собственныхъ его силъ и средствъ, *оказали ль ему какой либо отпоръ сами западно-руссы?* Въ жалкомъ состояніи умственнаго безсилія, разстройства, въ какомъ застали ихъ первыя побѣды протестантизма, западно-руссы пребыли недолго. Усвоивъ, какъ увидимъ, науку протестантовъ, западно-руссы обратили на нихъ ихъ же

оружіе. Въ 70 годахъ 16 столѣтія появились направленныя противъ протестантовъ письма Курбскаго и посланія Артемія. Около того-же времени распространено въ западной Руси Многословное посланіе Зиновія Отенскаго. За тѣмъ изданы «Статьи священника Острожскаго Василія» и большая часть главъ «Изложенія на лютеры». А сколько полемическихъ памятниковъ погибло отъ невзгодъ времени, отъ снаряженныхъ на то палачей и вооруженныхъ отрядовъ сыщиковъ, сколько спрятано и гибнетъ отъ того жестокаго времени въ «заклепахъ и подвалахъ просвѣщенныхъ вельможъ»! Изъ извѣстныхъ намъ литературныхъ памятниковъ, письма Курбскаго представляли собою первые зачатки полемической литературы, имѣли весьма ограниченный кругъ читателей и въ исторіи литературно-практической борьбы православія съ протестантствомъ не имѣютъ почти значенія. Посланіями Артемія мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться [5]). По «Статьямъ священника Василія и Изложенію на лютеры» или собственно по времени появленія этихъ сочиненій можно прослѣдить порядокъ постепенности, съ какою распространялись и опровергались протестантскія идеи, но этотъ порядокъ намъ уже извѣстенъ. По разобраннымъ нами внутреннимъ литературнымъ достоинствамъ сочиненій, можно судить и о практическомъ ихъ значеніи, — съ помощію ихъ на юго-западѣ Россіи оказывали такой же, вѣроятно, отпоръ протестантству, какой и на сѣверѣ Руси. И потому изъ всѣхъ западно-русскихъ антипротестантскихъ памятниковъ мы остановимся на разборѣ одного лишь Многословнаго посланія Зиновія Отенскаго [6]).

Въ своемъ мѣстѣ изъ посланія Зиновія мы пытались выяснить протестантскій (съ примѣсью социніанства) характеръ лжеученія, занесеннаго въ Литву московскими выходцами, ознакомились по нему со всѣми, опровергаемыми въ немъ протестантскими возраженіями. Теперь остается ознакомиться съ самыми опроверженіями. Но такъ какъ большую часть опроверженій мы встрѣчали въ разобранныхъ нами позднѣйшихъ противолютеранскихъ сочиненіяхъ, то мы разсмотримъ ту характерную противопротестантскую часть посланія, которая существенно отличаетъ его отъ другихъ подобныхъ произведеній, обращая преимущественное вниманіе на литературные достоинства и недостатки, которые до сихъ поръ не указаны были въ печати [7]).

Доказательства и опроверженія протестантскихъ возраженій, не встрѣчающіяся въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, находимъ въ пяти отдѣлахъ посланія (а всѣхъ отдѣловъ восемь). Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ (а въ самомъ посланіи во 2-мъ) возраженіе противъ почитанія иконъ, уподобленіе иконъ идоламъ опровергается преимущественно свидѣтельствами ветхозавѣтныхъ пророковъ: «всѣ пророки до плѣненія Вавилонскяго и по возвращеніи изъ плѣна поклоненіе языческимъ идоламъ обличаху, а образы во храмѣ Господни благословляху (л. 63—65)[8]).

Вообще доказывается, что хотя въ ветхомъ завѣтѣ не было положительной заповѣди объ иконоупотребленіи и иконопочитаніи, но не было и прямаго воспрещенія на то и другое. Въ ветхомъ завѣтѣ осуждались лишь такіе случаи, какъ сліяніе херувимовъ Михою, призваніе имъ левита для домашняго богослуженія и языческое служеніе предъ идолами (66 л. об.). Въ новомъ завѣтѣ въ словахъ самого Спасителя подыскивается косвенное доказательство иконопочитанія. Когда Спаситель посмотрѣлъ при извѣстномъ случаѣ на образъ и написаніе кесарево, то, оригинальничаетъ полемистъ, не сказалъ объ образѣ: это мерзость, запустѣніе, идолъ, но, повелѣвъ воздавать Божія Богови и кесарева кесареви, воздалъ достойную честь какъ предлежавшему предъ нимъ образу кесаря, такъ и невидимому образу Царя Небеснаго (л. 68). Далѣе, указывается на изображеніе архангела Гавріила, который пишется на иконахъ въ образѣ крылатаго юноши будто по преданію отъ апостоловъ, хотя «у пророковъ и въ евангеліи нигдѣ не обрѣтается крылатъ Гавріилъ и пера имый» (62 л. обор.). Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, будто ученики апостольскіе, послѣ чудеснаго отображенія на платѣ лика Іисуса Христа, писали съ него иконы и всюду носили ихъ при себѣ, «съ ними же и чудодѣйствоваша множицею» напр. Панкратій Тавроментійскій, ученикъ апостола Петра (л. 80 обор.). Наконецъ, послѣ краткихъ и общихъ ссылокъ на Григорія Богослова, Василія Великаго и другихъ отцевъ, учившихъ о почитаніи иконъ, выписывается (на $7^1/_2$ листахъ) длинное обличеніе Златоуста на антіохійцевъ, по случаю низверженія ими статуй Ѳеодосія Великаго. Изложены приведенные примѣры и свидѣтельства не всегда въ порядкѣ историческомъ и не безъ отступленія отъ логической послѣдовательности. Постоянные повторенія и перифразы, поставленные къ тому же не на мѣстѣ, вставки среди доказательствъ длинныхъ эпизодовъ и нравственныхъ приложеній дѣлаютъ логическую связь трудноуловимою. Что касается до исторической достовѣрности приведенныхъ доказательствъ, то большая часть ихъ не выдерживаетъ критики: въ духѣ времени, они взяты изъ самыхъ темныхъ баснословныхъ апокрифовъ. Нельзя также не замѣтить тенденціозности теоретическихъ соображеній и библейскихъ комментаріевъ: доказательства этого рода одно другаго натянутѣе, искуственнѣе: какъ будто ихъ изобрѣла самая тонкая изворотливая схоластика.

Опроверженія и доказательства втораго отдѣла страдаютъ еще большею растянутостію, длинными и скучными вступленіями, вставками, уклоненіями отъ предмета и совершеннымъ почти отсутствіемъ собственныхъ соображеній автора. Но вообще, теченіе мыслей въ этомъ отдѣлѣ правильнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ. Въ отвѣтъ на возраженіе, что не слѣдуетъ молиться по церковнымъ молитвамъ, съ поклонами и колѣнопреклоненіями и сопровождать молитву постомъ и проч., авторъ ссылается на ученіе Спаси-

теля, и при этомъ выписываетъ дословно всю молитву Господню, всѣ притчи, въ которыхъ упоминается о молитвѣ, и приводитъ не одну главную мысль, сентенцію или нравоученіе притчи, но разсказываетъ подробно поводъ къ написанію притчи, все содержаніе ея и иногда прилагаетъ изъясненіе. Затѣмъ собираетъ всѣ отрывочныя изреченія и прямыя подходящія свидѣтельства сперва по порядку изъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ, потомъ изъ Дѣяній и посланій (л. 89—94). Выписываетъ, но не въ порядкѣ, свидѣтельства Василія Великаго (95—100) и изъ Маргарита Златоуста, при чемъ не рѣдко повторяетъ тексты и изъясненія, которые онъ выше приводилъ отъ себя (л. 103—104, 107—119). Наконецъ, выясняетъ, хотя не вполнѣ, что упоминаемый въ этихъ свидѣтельствахъ уставъ церковный относительно молитвъ, пѣснопѣній и постовъ не есть списаніе растлѣнныхъ умовъ человѣкъ, а преданіе отъ преемниковъ апостоловъ: Игнатія Антіохійскаго, Климента Римскаго (л. 106 об. 107).

3-й отдѣлъ о таинствахъ, церковныхъ приношеніяхъ, черничествѣ и проч. есть наиболѣе обширный и лучшій по содержанію. Въ немъ не мало доказательствъ, заимствованныхъ изъ отцевъ церкви, церковной исторіи и соображеній разума; но преобладающій аргументъ — библейско-истолковательный, который составляетъ главное достоинство сочиненія. Приводимое мѣсто писанія, особенно изъ ветхаго завѣта, иногда неясно говоритъ въ пользу дѣла; умъ, не привыкшій къ мысли, анализу, пройдетъ такое мѣсто безъ вниманія. Но Зиновій посредствомъ параллелизмовъ, изъясненій, выводовъ и нравственныхъ приложеній выставляетъ на видъ всю силу такого изреченія и, останавливая на немъ вниманіе читателя, будитъ мысль его, нудитъ ее вникнуть, изслѣдовать дѣло, доставляя ей наслажденіе какъ бы собственныхъ поисковъ и обрѣтенія истины, и этимъ достигаетъ послѣдняго желаемаго результата, покоряетъ себѣ мысль читателя, овладѣваетъ его убѣжденіемъ. Въ большей части мѣстъ этого и послѣдующаго отдѣловъ толкованіе опирается на строгихъ основаніяхъ священнаго писанія и отличается послѣдовательностію, строгостію, правильностію, ясностію и широтою взгляда; но встрѣчаются иногда и толкованія произвольныя, не утверждающіяся на священномъ писаніи, но основывающіяся на соображеніяхъ разсудка, на малоизвѣстныхъ историческихъ примѣрахъ. Справедливость требуетъ сказать, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ рѣчь толкователя отзывается силою убѣдительности. Онъ доводитъ свою рѣчь до такой очевидности, съ такою предусмотрительностію предугадываетъ всѣ могущія последовать возраженія, съ такою тщательностію и подробностію анализируетъ и проясняетъ все, что можетъ казаться темнымъ, что трудно удержаться противъ его убѣжденія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вдается въ крайности и дѣлаетъ ошибки. Черта — свойственная даро-

витому уму. Въ этомъ и послѣдующихъ отдѣлахъ такая тонкость и находчивость доказательствъ, сила и производительность мысли, что съ этой поры авторъ становится не узнаваемъ: изъ робкаго, наивнаго, тенденціознаго мыслителя, не разборчиваго компилятора и переписчика, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, онъ является немало—свѣдущимъ серіознымъ мыслителемъ, безукоризненнымъ почти полемистомъ.—Правда, длинное вступленіе въ опроверженію состоитъ большею частію изъ тѣхъ же мыслей, какія находятся во вступленіяхъ къ другимъ отдѣламъ (л. 121—124), но тутъ же встрѣтите находчивое и справедливое уличеніе противника въ самопротиворѣчіи (123). Въ опроверженіе возраженія, будто таинства: крещеніе и причащеніе не необходимы для спасенія и будто во всякой вѣрѣ можно спастись, дѣлается удачный комментарій текста: во всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть (Дѣян. 10—35), съ присовокупленіемъ тонкаго анализа факта крещенія Корнилія сотника и видѣнія Петромъ плащаницы (л. 124—130), и все направляется къ той главной мысли, что во всякой вѣрѣ и народѣ богобоязненный человѣкъ можетъ привлечь къ себѣ благоволеніе Божіе и, по чудному устроенію Божію, можетъ спасти свою душу, но не иначе, какъ чрезъ вѣру во Христа и спасительное крещеніе. Свидѣтельсва о необходимости для спасенія крещенія и причащенія, приводимыя изъ священнаго писанія (л. 131), изъ постнической книги Василія Великаго (л. 132—145), изъ твореній Григорія Богослова (л. 146—158) и Іоанна Златоустаго (159—169), прямо и ясно доказываютъ дѣло. Возраженія о незаконности приношеній въ церковь опровергаются основательными и вѣрными теоретическими соображеніями, свидѣтельствами изъ евангелистовъ и апостола Павла и обширными выписками изъ Григорія Богослова и Златоустаго (об. 169—181). Возраженія эти у противниковъ не имѣютъ видимой связи съ предыдущими мѣстами, но опроверженія связываются неразрывною нитью съ предшествующими доводами. Доказательства, отвѣчающія на вопросъ: откуда черничество, отъ Христа ли или отъ человѣческаго преданія, кратки, но мѣтки, выразительны, высказавшія вкратцѣ все, что находимъ въ позднѣйшихъ противолютеранскихъ сочиненіяхъ (л. 181 об. 183) и счастливо избѣжавшія крайностей послѣднихъ (185—188). Съ большимъ пониманіемъ церковной исторіи и исторіи ересей по преимуществу разрѣшается вопросъ, къ кому относится предсказаніе апостола о появленіи отступниковъ, которые безусловно будутъ возбранять брашна, браки (къ маркіонитамъ и манихеямъ). Очень кстати и довольно убѣдительно высказывается обличеніе на лжеучителей за всегдашнее мясояденіе, блудъ и нечистоту (188). Тутъ же въ отвѣтъ на вопросы о немилосердіи къ нищимъ, о непочитаніи родителей, объ отверженіи властей, податныхъ и воинскихъ повинностей приводятся немногія, но весьма ясныя свидѣтельства священнаго писанія (л. 189—192).

Послѣдующіе два отдѣла (4 и 5), хотя не чужды по мѣстамъ общихъ недостатковъ сочиненія: натяжки въ выводахъ и растянутости изложенія, но и отличаются силою и разнообразіемъ доказательствъ, правильностію и послѣдовательностію мыслей. Это не наборъ текстовъ и примѣровъ, не группа выписокъ изъ отечниковъ, не столько иногда разъясняющихъ, сколько затемняющихъ предметъ, — но стройное и основательное изслѣдованіе, въ которомъ текстъ, примѣръ или свято отеческое свидѣтельство, положенные въ началѣ, служатъ зерномъ для органическаго развитія всѣхъ мыслей и сужденій, или же поставленные въ концѣ составляютъ послѣднее неопровержимое слово доказываемой истинѣ. При искусномъ перемешеніи текстовъ экзегетическими или герменевтическими изъясненіями, историческихъ примѣровъ теоретическими сужденіями, при сердечномъ сочувствіи автора доказываемой истины, при живой пламенной рѣчи (изобилующей фигурами вопрошенія), — у него выходитъ дѣльное разсужденіе, составленное если не по правиламъ искуственной книжной, то по всѣмъ требованіямъ естественной логики и не чуждое риторическихъ украшеній. По поводу страннаго ученія еретиковъ, будто не должно читать житія подвижниковъ и мучениковъ, авторъ замѣчаетъ: самъ Христосъ исповѣсть нѣкогда предъ Отцемъ небеснымъ ихъ святую жизнь и подвиги мученичества и тамъ на небеси, предъ позорищемъ ангеловъ и человѣковъ, какъ бы прочтетъ ихъ, а намъ что̀, кромѣ высшаго назиданія и благодатнаго освященія, можетъ дать это священное чтеніе? (л. 194—202). Въ виду лжеученія, будто пророчества и чудеса прекратились съ Іоанномъ Крестителемъ, авторъ разсуждаетъ: законъ и пророчества о грядущемъ Искупителѣ имѣютъ свою послѣднюю грань въ Іоаннѣ Крестителѣ, но въ новомъ завѣтѣ начинается новый нескончаемый рядъ пророковъ. Свидѣтельства Марка и Павла о чрезвычайныхъ дарованіяхъ, пророчествахъ, чудесахъ и объясненія свидѣтельствъ (202—204). Противъ лжеученія, что святіи мертвы и что живымъ у мертвыхъ помощи просить грѣшно, авторъ выставляетъ слѣдующія немногія изреченія священнаго писанія, съ объясненіями ихъ: Богъ нѣсть мертвыхъ, но живыхъ, вси бо живы суть предъ Нимъ; подъ мертвыми, у которыхъ воспрещается просить помощи, разумѣются у пророка бездушные языческіе истуканы. Примѣръ Іезекіи царя, спасшаго свой городъ отъ Сеннахирима ради молитвъ Давида, и примѣръ трехъ отроковъ, спасшихся въ пещи ради молитвъ Авраама, Исаака и Израиля (л. 205—208), свидѣтельства Василія Великаго (л. 209), Григорія Богослова (210—220) и Златоуста (221—224) объ установленіи апостолами обычая чтить день кончины святыхъ.

Въ 5-мъ и послѣднемъ отдѣлѣ, вопреки лжеученію, будто Богородица была свята и достопоклоняема только тогда, когда носила во чревѣ своемъ Сына Божія, а по рожденіи его стала обыкновенною женою, выстав-

ляются свидѣтельства Елисаветы (назвавшей Марію матерею Господа) и самой Богоматери (отнынѣ ублажатъ Мя вси роди) и соображенія въ родѣ слѣдующихъ: если лице Моисея, отъ прикосновенія къ нему славы Божіей, такъ прославилось и просіяло, что до самой его смерти «не отмыся, ниже отреся отъ него слава Божія», то могла ли истощаться святость и слава Божія въ той пренепорочной Дѣвѣ, которая столько времени носила Господа Спасителя во утробѣ и на рукахъ своихъ, родила отъ пречистыя плоти и крови своея, млекомъ питала, пеленами повивала?... Если заимствованная отъ нея плоть Христа вознесена на небо, почтена сидѣніемъ одесную Отца, пріемлетъ поклоненіе отъ всѣхъ колѣнъ небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, то не достойна ли поклоненія Богородица, послужившая великому дѣлу воплощенія и искупленія? Сами Апостолы, при погребеніи Божіей Матери, поклонялись живоначальному и Богопріятному тѣлу Ея (л. 224—233). Переходя отъ прославленія Богоматери къ поклоненію святымъ, полемистъ ссылается на примѣръ Іисуса Навина, поклонившагося явившемуся къ нему Архистратигу, и въ извѣстномъ фактѣ прославленія Даніила Навуходоносоромъ, въ куреніи предъ нимъ симіама, въ принесеніи жертвъ — видитъ доказательство поклоненія святымъ Божіимъ; упоминаетъ объ Іовѣ и Самуилѣ, въ уничиженіи которыхъ недостойными людьми Богъ усмотрѣлъ уничиженіе его собственнаго величія (234 — 237). Ученіе о поклоненіи кресту Христову обосновано преимущественно на обширныхъ свято-отеческихъ свидѣтельствахъ, доказывающихъ, что крестъ Христовъ есть не только орудіе нашего спасенія, но и святая непобѣдимая сила на грѣхъ и смерть (238 — 241). Заканчивается разсматриваемый отдѣлъ обширнымъ (на двухъ листахъ 242 и 243) обличеніемъ на еретиковъ и предупрежденіемъ православныхъ остерегаться «новыхъ еллиновъ, антихристовыхъ слугъ».

Первая треть разсмотрѣннаго сочиненія есть наименѣе удавшаяся, какъ по логической силѣ мыслей, такъ и по способу раскрытія ихъ. Но было бы несправедливо безусловно обвинять въ томъ автора. Извѣстно, что лжеучители оклеветали Зиновія, какъ «единомудрствующаго съ ними въ злой прелести». Крайне оскорбившись клеветою и сознавая себя «худымъ христіаниномъ, не имущимъ рукоположенія отъ архіерея, «т. е. не призваннымъ къ учительству, онъ не хотѣлъ вступать въ письменную полемику съ противниками, но «прочитавъ грамоту достойную рыданія и слезъ», — присланное изъ такой дали посланіе литовцевъ, — и «видя великую людямъ божіимъ погибель отъ еретиковъ, зѣло поболѣ душею, много плакалъ о прелести», и, что бы спасти ихъ отъ угрожающей гибели, спѣшитъ подать имъ руку помощи, «оружіе отъ губителей» (л. 13 и 14). Итакъ, онъ принимается писать посланіе не хотя, въ сугубомъ раздраженіи — за оклеветаніе себя и развращеніе неповинныхъ, въ поры-

вахъ пламенной ревности, въ пылу возмущенной любви. Пламенный борецъ ополчается на враговъ сперва во все-оружіи собственныхъ силъ, безъ разбора устремляя на нихъ все, что даетъ воспламененное воображеніе и возбужденная мысль. Но отъ чрезмѣрнаго напряженія, силы скоро измѣняли ему. Образы чрезчуръ разгоряченнаго воображенія неясно, смутно предносятся предъ сознаніемъ, меркнутъ и гаснутъ, какъ искры. Мысль вмѣсто того, чтобы охладить и упорядочить разгоряченные, хаотическіе образы, сама еще болѣе воспламеняется. напрягается, вдаваясь въ вымыслы, преувеличенія и извращенія дѣйствительности, и — вдругъ обрывается, путается, кружась въ водоворотѣ повторенія однихъ и тѣхъ же доказательствъ и фразъ. Рѣчь пламенная, порывистая, стремительная постоянно прерывается, стушевывается въ недомолвкахъ, перифразахъ. Наконецъ усталая, изможденная мысль перестаетъ работать. Но вотъ порывы страсти улеглись, злоба дня миновала, писатель вошелъ въ авторское самообладаніе, сообразивъ, что «скорымъ и неукрашеннымъ» посланіемъ не къ чему такъ торопиться: и онъ становится дѣльнымъ многосвѣдущимъ полемистомъ, превосходящимъ, такъ сказать, самого себя; но главное, является богословомъ мыслящимъ, болѣе или менѣе критически относится ко всему, что говоритъ и пишетъ, отнюдь не довольствуясь готовыми свидѣтельствами отъ «божественныхъ писаній», выписками изъ свято-отеческихъ твореній и хронографовъ, въ которыхъ (выпискахъ), по странному литературному вкусу того времени, поставлялось все достоинство сочиненія. Допустивъ большія выдержки только въ началѣ сочиненія и то, можно сказать, по причинамъ невольнымъ, авторъ вообще въ отношеніи компеляціи платитъ ничтожную дань литературному вкусу времени.

По изложенію, довольно растянутому, преисполненному повтореній и перифразовъ, Зиновій стоитъ немного выше своего времени. Но и за этотъ недостатокъ нельзя строго обвинять его. Слушатели и читатели его были люди безъ научнаго образованія, не выше простой грамотности, не имѣли никакого навыка діалектической, отвлеченной рѣчи, хотя и обладали отъ природы большимъ здравымъ умомъ: толково и послѣдовательно раскрывъ въ посланіи всю почти систему навязываемаго имъ лжеученія, они изложили ее слишкомъ растянуто, многословно, одну и ту же мысль повторяя въ различныхъ словахъ, а иногда буквально, только въ разныхъ мѣстахъ. Для примѣра достаточно указать на возраженія противъ поста, помѣщенныя въ 3 и 4 отдѣлахъ рукописи (л. 82 — 120), буквально большею частію сходныя между собою. Судя по способностямъ автора, плодовитости и изобрѣтательности мысли, можно быть увѣрену, что онъ употребляетъ такой же способъ изложенія, — подобозначащіе обороты и перефразы, имѣя въ виду умственное состояніе читателей и приноравливаясь къ складу ихъ рѣчи. Въ тѣхъ же видахъ, — чтобы люди, не привыкшіе понимать его, могли наконецъ понять, онъ дѣлаетъ по-

стоянныя обращенія къ наставляемымъ, вразумленія, предупрежденія, нравственныя приложенія, обличенія на враговъ. И замѣчательно, что большая часть этихъ перифразовъ и въ настоящее время не только не наскучиваетъ и не утомляетъ читателя, но служитъ вѣрною порукою, что въ дѣлѣ убѣжденія неразвитыхъ слушателей они были и будутъ вполнѣ цѣлесообразны и полезны (см. напр. л. 194—201).

При самостоятельности большей части изслѣдованія и мысли, слогъ автора довольно своеобразенъ, по мѣстамъ исполненъ неестественныхъ, неправильныхъ оборотовъ рѣчи и не совсѣмъ обычныхъ словъ и выраженій, оттого очень труденъ для пониманія, пока не привыкнешь къ нему; иногда грѣшитъ противъ грамматики. Но онъ не страдаетъ излишнею образностію выраженій, неумѣстнымъ риторизмомъ, витіеватостію и напыщенностію, въ которыхъ, по тогдашнимъ господствующимъ понятіямъ, полагалось главное достоинство рѣчи, ея красота и изящество. Наконецъ и въ отношеніи тона, Зиновій значительно отличается отъ современныхъ ему писателей и полемистовъ. Тогдашнія полемическія сочиненія, въ противоположность большей части полемическихъ противолютеранскихъ трактатовъ XVII вѣка, старались превзойти одно другое запальчивостію тона, рѣзкостію обличенія, подборомъ бранныхъ язвительныхъ словъ: въ этомъ поставлялась вся сила и убѣдительность обличенія. У Зиновія есть также стремленіе горячо напасть на противниковъ, обозвать ихъ «безбожниками, христоненавистниками, буесловцами», но его пламенный тонъ не отзывается безпощадною бездоказательною бранью, а составляетъ естественную и характерную принадлежность всего обличенія, оправдываемую самымъ ходомъ изслѣдованія. При томъ, такихъ рѣзкихъ обличительныхъ мѣстъ у автора не много. Въ большей же части онъ сохраняетъ ровный, спокойный характеръ рѣчи, соблюдаетъ умѣренность, приличіе, сдержанность.

Итакъ, разсмотрѣнное сочиненіе, не смотря на недостатки его, осуждаемые съ современной намъ точки, для своего времени было однимъ изъ лучшихъ произведеній. Нельзя не сожалѣть, что излишняя скромность автора или скорая кончина, послѣдовавшая вскорѣ за написаніемъ сочиненія [1]) помѣшала большему распространенію его въ читающей публикѣ, и что не воспользовалась имъ позднѣйшая противолютеранская полемика, (по крайней мѣрѣ ссылокъ и выдержекъ изъ него не встрѣчается въ позднѣйшихъ памятникахъ ея): ей не пришлось бы начинать снова и изыскивать новые доводы и доказательства, а во многихъ случаяхъ достаточно было бы развить и усовершенствовать прежнюю дѣльную аргументацію.

О литературно-практическомъ, или историческомъ значеніи даннаго сочиненія едва-ли нужно замѣчать. Достаточно припомнить, что въ большинствѣ своихъ доводовъ и доказательствъ настоящая полемика имѣетъ

сходство съ позднѣйшими этого рода сочиненіями и по духу и силѣ новой, ею изобрѣтенной, аргументаціи близко подходитъ къ нимъ. И потому какъ тѣ полемическія противопротестантскія сочиненія, такъ и настоящая прелюдія къ нимъ вполнѣ достаточны были для своей цѣли, для утвержденія колеблющихся въ истинѣ православія и для предохраненія ихъ отъ происковъ пропаганды. Въ счастливомъ кружкѣ тѣхъ лицъ, которые пользовались настоящимъ сочиненіемъ, оно значительно ослабило успѣхи пропаганды [16]).

Таково дѣйствіе сочиненія, появившагося (какъ и письма Курбскаго и посланія Артемія) въ то мрачное время, когда собственная литература въ западной Руси только зарождалась. Сочиненія-жъ, написанныя въ цвѣтущую эпоху западно-русскаго образованія и, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, какъ намъ извѣстно, много превосходившія Многословное посланіе, должны были еще болѣе ослабить, парализовать дѣйствіе пропаганды; въ какой же именно мѣрѣ, этого за безвѣстностію внѣшней исторической судьбы сочиненій и степени распространенія ихъ въ обществѣ, сказать нельзя.

Встрѣчая отвсюду противодѣйствіе, не надѣясь собственными силами и прямымъ путемъ достигнуть своей цѣли, пропаганда рѣшается на одно коварное и подпольное средство, но и тутъ встрѣчаетъ отпоръ и не отъ частныхъ только просвѣщенныхъ лицъ, но и отъ высшей іерархіи и церкви. Для изображенія послѣднихъ судебъ пропаганды, весьма не лишне разоблачить это крайнее и коварное средство и показать его исходъ и послѣдствія.

Противо-протестантскіе полемическіе памятники, при всемъ важномъ значеніи ихъ въ западно-русской православной церкви, не могли имѣть такого повсемѣстнаго обращенія и распространенія въ ней, какое они имѣли на сѣверѣ Россіи, гдѣ само правительство заботилось о ихъ распространеніи: при гоненіяхъ католиковъ на всѣ безъ различія книги диссидентовъ, они многимъ не могли быть доступны. Символическихъ православныхъ книгъ вовсе тогда не существовало въ русской церкви и вообще средства къ распознаванію православной вѣры были у многихъ крайне скудныя. Не удивительно поэтому, что при дружественныхъ сношеніяхъ съ протестантами, при частныхъ и формальныхъ союзахъ съ ними, при пользованіи отчасти ихъ наукою, многіе изъ православныхъ невольно, незамѣтно склонялись къ усвоенію религіозныхъ ихъ мнѣній и воззрѣній. Изъ рѣчи кіево-печерскаго архимандрита Захаріи Копыстенскаго (произнесенной въ 1625 г. въ день поминовенія его предмѣстника Плетенецкаго) видно, что протестантскія мнѣнія о безполезности молитвъ

за усопшихъ и поминовеній немало волновали православныхъ [11]). Самые осторожные и лучшіе изъ русскихъ писателей усвояли протестантскія мнѣнія, наприм. о частномъ судѣ по смерти, который они совершенно отрицали [12]). При такой наклонности къ мнѣніямъ и воззрѣніямъ протестантовъ, когда многіе изъ русскихъ не видѣли существеннаго различія между ихъ и своею вѣрою, вдругъ разглашается повсюду, что православіе то же, что и кальвинизмъ: когда у всѣхъ инославныхъ исповѣданій были уже свои символическія книги и не было ихъ у однихъ православныхъ, появляется кальвинская символическая книга, подъ именемъ православнымъ. Въ 1629 году на латинскомъ языкѣ и въ 1633 году на греческомъ — появилось въ Женевѣ, подъ псевдонимомъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, «Восточное Исповѣданіе православной вѣры», которое состояло изъ 18 членовъ и 4 вопросовъ съ отвѣтами и излагало ученіе вѣры совершенно въ духѣ кальвинистовъ [13]). Кто былъ авторомъ подложнаго «Исповѣданія» рѣшить весьма трудно, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно издано не безъ участія литовскихъ реформатскихъ пропагандистовъ. Литовскіе кальвинисты находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ женевскими: посылали въ Женеву для образованія будущихъ кандидатовъ священства, заимствовали оттуда порядки въ своемъ богослуженіи и церковномъ управленіи, испрашивали разрѣшенія въ своихъ сомнѣніяхъ, и, когда поднялось гоненіе на книги и типографіи, печатали тамъ свои книги [14]). Литовскіе кальвинисты, по всей вѣроятности, и представили въ Женевѣ, когда, какъ и подъ чьимъ именемъ издать книгу: по крайней мѣрѣ они первые и прежде всего въ Литвѣ и Польшѣ распространили вновь изданную книгу. Латинскій языкъ, на которомъ она первоначально напечатана, вполнѣ благопріятствовалъ ея распространенію въ названныхъ странахъ, такъ какъ это былъ языкъ всѣхъ образованныхъ людей, на которомъ говорили въ школахъ, на сеймахъ, въ гостиныхъ. И дѣйствительно, на другой же годъ, по изданіи своемъ, мнимое православное Исповѣданіе было уже столь общеизвѣстнымъ, возбудило столько толковъ и волненій, что представители православной церкви въ Малороссіи обратились съ вопросомъ къ патріарху іерусалимскому Ѳеофану, бывшему тогда въ Яссахъ (въ 1630 г.), дѣйствительно ли это Исповѣданіе принадлежитъ Кириллу Лукарису, но, къ успокоенію своему, получили отвѣтъ отрицательный [15]).

Что за побужденіе и разсчеты были у кальвинистовъ издавать свое Исповѣданіе подъ именемъ православнаго и отъ имени патріарха Лукариса, и насколько вѣрна мысль о подлогѣ? Протестанты въ своихъ сношеніяхъ съ греками постоянно держались хитрой уловки представлять свое вѣроисповѣданіе въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ каково оно было на самомъ дѣлѣ, всегда скрывали коренное существенное различіе между нимъ и православіемъ, чтобы тѣмъ удобнѣе привлечь грековъ на свою сторону.

Этихъ намѣреній едва ли чуждъ былъ и самъ Меланхтонъ, когда, посылая греческій переводъ Аусбургскаго Исповѣданія константинопольскому патріарху Іосафу II-му (въ 1559 г.), писалъ ему съ такимъ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что «евангелики остались вѣрны догматическимъ опредѣленіямъ соборовъ и ученію отцовъ церкви: Аѳанасія, Василія, Григорія, Епифанія и проч., что они отреклись только отъ суевѣрія и невѣжества латинскихъ монаховъ. Тюбингенскіе богословы, Мартинъ Крузій и Яковъ Андреэ, въ посланіи своемъ отъ 1573 года, старались увѣрить патріарха Іеремію, что «греки и протестанты совершенно согласны между собою въ вѣроученіи» и, когда патріархъ, въ новомъ посланіи своемъ отъ 1575 года, поставилъ имъ на видъ, что они отрицаютъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ и священнаго писанія и обличилъ по пунктамъ всѣ догматическія уклоненія ихъ отъ православнаго ученія,—они въ новыхъ посланіяхъ отъ 1575 и 1576 гг. продолжали увѣрять патріарха, что «они держатся той же вѣры, которая была предана святыми апостолами и пророками, и утверждена, на основаніи священнаго писанія, седмью вселенскими соборами, и—упорно оправдывали всѣ разности своего вѣроученія, истолковывая ихъ въ смыслѣ православномъ. Тогда переписка кончилась ничѣмъ; (патріархъ, замѣтивъ имъ, что превознося святыхъ отцевъ словами, они на дѣлѣ не уважаютъ свидѣтельствъ отеческихъ, ставятъ на мѣсто ихъ авторитетъ свой и своихъ новыхъ учителей, просилъ ихъ не писать ему болѣе о догматахъ, а только, если угодно, ради дружбы) [16]). Но прошло почти полвѣка, и реформатская миссія, находившаяся при нѣмецкомъ посольствѣ въ Константинополѣ и состоявшая изъ проповѣдника, оратора, переводчика и другихъ ученыхъ лицъ, устно и письменно снова стала распространять между греками убѣжденіе, что реформатское вѣроученіе очень близко къ православному. И хотя это навязчивое убѣжденіе было опровергаемо греческими учеными, однако многіе изъ православныхъ склонны были вѣрить ему. Протестанты, постоянно жившіе въ Константинополѣ и построившіе тамъ молитвенные дома, раздавали въ большомъ количествѣ свои катихизисы, исповѣданія и «Compendium» протестантскаго богословія Геебранда, въ переводѣ на греческій общепонятный языкъ; сами писали для грековъ сочиненія въ протестантскомъ духѣ и всегда и всемѣрно старались представить себя единовѣрцами и доброжелателями грековъ. Въ своихъ сношеніяхъ съ западно-русскими православными, реформаты также старались увѣрить союзниковъ, на соборахъ напримѣръ торуньскомъ и виленскомъ, что ихъ вѣроученіе совершенно согласно съ православнымъ, разница только въ обрядахъ. И хотя они потерпѣли тогда полную неудачу, но выждавъ время, сдѣлавшись скрытнѣе, продолжали дѣйствовать въ томъ же духѣ и направленіи: время наука, и жизнь сблизили ихъ съ православными, и они овладѣли довѣріемъ союзниковъ и въ дѣлахъ религіозныхъ. Теперь,

когда на Руси и въ Греціи многіе, не свѣдущіе въ своей вѣрѣ, давно настроены были искусною махинаціею такъ, что готовы были протестантское вѣроученіе принять за свое православное и, когда послѣ стольких напрасныхъ опытовъ исчезла у реформатовъ надежда привлечь къ себѣ прямымъ путемъ людей образованныхъ и твердыхъ въ вѣрѣ, а въ низшей средѣ всего менѣе удавались открытыя дѣйствія пропаганды, почему бы не испытать такое тайное и крайнее средство, какъ изданіе своего исповѣданія вѣры подъ именемъ православнаго отъ лица первенствующаго іерарха? Разсчетъ здѣсь могъ быть тотъ, что книга, изданная не извѣстно гдѣ и кѣмъ, не должна разрушить тѣ дружественныя отношенія, которыя недавно установились на Руси между православными и протестантами и при которыхъ протестантской пропагандѣ нельзя было дѣйствовать прямо, открыто, безъ опасенія разрыва ихъ, а разрывать ихъ было не въ интересахъ самихъ протестантовъ. Едва-ли опущено было изъ виду и то, что вѣроисповѣдное единеніе западно-русской церкви съ реформатскою не состоялось потому, что тогда не испрашивали воли и согласія вселенскаго патріарха; но вотъ это согласіе и воля даны всенародно: казалось, что народъ, толпа, много не думая, повѣритъ, что высшая церковная власть установила наконецъ давно желанное сближеніе съ вѣрою евангеликовъ и наставляетъ вѣровать такъ, какъ написано въ книгѣ. Конечно, изданіемъ исповѣданія отъ имени Кирилла Лукариса и распространеніемъ его на востокѣ хитрая агитація имѣла въ виду смутить и расположить къ себѣ востокъ: потому что просвѣщенная пастырская дѣятельность этого исповѣдника и мученика православія принадлежитъ всему востоку. 20 лѣтъ (съ 1602 по 1621 г.) онъ мудро управлялъ александрійскою церковію, 18 лѣтъ (съ 1621—39 г.) константинопольскою каѳедрою, съ которой, по проискамъ іезуитовъ, былъ пять разъ низвергаемъ, и въ то же время неусыпно заботился о благоустроеніи другихъ церквей, преимущественно румынской, отправляя къ нимъ свои посланія и предпринимая иногда личныя путешествія къ нимъ [17]). Понятно, какъ важно было для хитрой поддѣлки прикрыться столь авторитетнымъ на востокѣ именемъ. Но гораздо на большія пріобрѣтенія могла разсчитывать пропаганда, чрезъ эту поддѣлку, въ южно-русской церкви. Для послѣдней такъ-же дорого и священно было славное имя Кирила Лукариса, какъ и для всего православнаго востока, по особеннымъ личнымъ его заслугамъ и попеченіямъ о ней. Получивъ самое высшее для того времени образованіе въ Венеціи и Падуа, онъ посвятилъ Россіи свои первыя познанія и силы, и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ возрожденія просвѣщенія въ Россіи. (Вскорѣ по полученіи образованія въ Падуа, посвященный въ монахи и архимандрита знаменитымъ Мелетіемъ, патріархомъ александрійскимъ, родственникомъ своимъ, онъ былъ присланъ въ Россію, въ качествѣ экзарха константинопольскаго и

александрійскаго патріарховъ. Съ 1580 по 1596 былъ учителемъ и ректоромъ острожскаго училища и поставилъ его въ педагогическомъ и учебномъ отношеніи весьма высоко). На брестскомъ противъ уніи соборѣ 1596 г. онъ показалъ столько ревности къ православію и противоборства врагамъ, что долженъ былъ спасать отъ нихъ свою жизнь бѣгствомъ изъ Россіи. Въ 1600 году онъ снова явился въ юго-западной Россіи съ письмами отъ александрійскаго патріарха Мелетія: къ королю Сигизмунду, Турновію и Вроніевію, князю Острожскому, Яну Замойскому, львовскому архіепископу Димитрію и другимъ, и всѣхъ убѣждалъ, умолялъ о расторженіи пагубной уніи. Сдѣлавшись (въ слѣдующемъ году) патріархомъ, онъ не переставалъ заботиться объ утвержденіи вѣры и распространенія просвѣщенія въ бѣдствующей южно-русской церкви. Такъ въ 1620 г. онъ послалъ въ Кіевъ, Галичъ, Львовъ и во всю Бѣлую Русь своего ученика іеромонаха Іосифа, который два года занимался преподаваніемъ или вѣрнѣе направленіемъ преподаванія въ здѣшнихъ школахъ. Въ 1622 году онъ такъ много заботился объ устройствѣ въ Слуцкѣ ставропигіи, братства и греко-славянской школы и написалъ для послѣдней уставъ, послужившій образцомъ для остальныхъ школъ [18]). И этотъ-то пламенный поборникъ русскаго православія и просвѣщенія, столько потрудившійся для его блага, становится будто бы единомысленнымъ съ кальвинистами, и самъ вѣруетъ и другихъ приглашаетъ вѣровать такъ, какъ написано въ вышедшей отъ его имени книгѣ! Понятно, какъ выгодны были для пропаганды подобныя увѣренія, обращаемыя къ южно-русской церкви. И не на нее ли преимущественно направлены были виды пропагандистовъ, при изданіи и распространеніи мнимаго восточнаго исповѣданія? Южно-русская церковь находилась въ это время въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Это было время самыхъ жестокихъ преслѣдованій ея отъ уніи, іезуитовъ, черни и правительства, время неистовствъ Кунцевича, Сапѣги. Систематическія гоненія довели бѣдствующую церковь до того, что въ теченіе 14 лѣтъ (отъ 1606 до 1620 г.) въ ней не было высшей іерархіи, ни одного епископа; священство оскудѣвало. Главная опора православія, школа острожская, какъ скоро возвысилась, такъ же скоро и пала; другія школы православныя, какъ сейчасъ увидимъ, еще не успѣли упрочить своего положенія, принести желаемыхъ плодовъ [19]). Казалось, въ этой слабой, надломленной вѣтви восточнаго православія, если и держалось православіе, то по силѣ преданія, привычки, потому болѣе, что оно не изсякло на востокѣ, съ которымъ ее связывало столько историческихъ преданій; но стоило только увѣрить ее, что и православный востокъ склонился на сторону протестантовъ, и она повидимому должна быть въ ихъ рукахъ (хотя въ то же время примѣромъ ея легковѣрія и шаткости имѣлось въ виду смутить и поколебать православный востокъ). И не то ли было послѣднею и

главною цѣлію всѣхъ долголѣтнихъ происковъ пропаганды, чтобы оторвать отъ великаго древа — вселенскаго православія первоначально эту слабую надломленную вѣтвь—южно-русскую церковь, потомъ надломить, обезсилить болѣе крѣпкую и жизненную его отрасль—сѣверо-восточную церковь (гдѣ, со временъ Фильгобера и Бѣлободскаго, она также агитировала преимущественно чрезъ поддѣлку своего вѣроисповѣданія подъ строй православія) и постепенно склонить къ паденію все великое древо, подтачиваемое въ самомъ корнѣ — на востокѣ «тлетворнымъ мусульманствомъ?» Сама исторія, повидимому, указывала протестантамъ эту широкую цѣль, миссію. На злосчастной юго-западной окраинѣ она такъ рано свела ихъ съ гонимыми православными, дала имъ въ лицѣ послѣднихъ единственныхъ друзей и помощниковъ. Возбуждая южно-русскій народъ противъ латинской уніи, они надѣялись поднять революцію и чрезъ нее ввести здѣсь реформацію: къ этому направлено было все умственное и нравственное, частное и общественное сближеніе ихъ съ православными. На сѣверо-востокѣ Россіи къ этому времени (къ концу двадцатыхъ годовъ 17 ст.) они успѣли уже провести постепенно всѣ свои главныя религіозныя воззрѣнія и, хотя немного нашли себѣ послѣдователей, но обильную жатву предвидѣли въ будущемъ, съ насажденіемъ на Руси ихъ цивилизаціи. Послѣ такихъ натисковъ на двѣ обширныя отрасли православной церкви, оставалось подрыться подъ самый подтачиваемый извнѣ корень ея — востокъ греческій, чтобъ его жизненными силами подкрѣпить свой разслабленный, распадавшійся на разныя части организмъ церковный. На востокѣ, какъ и въ Россіи, вопросъ о соединеніи церквей они переносятъ съ догматической почвы на политическую (заключая религіозно-гражданскій союзъ съ византійцами) и на новой почвѣ находятъ не совсѣмъ скудную добычу. Въ самообольщеніи отъ первыхъ своихъ успѣховъ въ Россіи и на востокѣ, и въ надеждѣ еще на большія пріобрѣтенія въ будущемъ, они спѣшатъ возвѣстить міру, что они не отвержены схизматиками, какъ упрекали ихъ нѣкогда католики, что восточная церковь склонилась къ единомыслію съ ними, что они съ нею возвращаются къ древней первобытной чистотѣ вѣры. Съ этими-то цѣлями и издано, полагаемъ, кальвинское «изложеніе вѣры» подъ видомъ «православнаго исповѣданія», отъ имени, которое одинаково было дорого и священно какъ для греческой, такъ и для русской церкви.

Но, чтобъ поддѣлка была искуснѣе и благовиднѣе, нуженъ былъ длинный, долголѣтній рядъ приноровленій, приспособленій. — Вопреки мнѣнію Пихлера, Геттингера, Лигера и др., считающихъ Кирилла Лукариса истымъ кальвинистомъ, можно несомнѣнно утверждать, что Кириллъ не только не былъ кальвинистомъ, но былъ противникомъ церковной уніи православныхъ съ протестантами. Когда вопросъ о соединеніи церквей переносили на новую, нейтральную для догматики политическую

почву, и — онъ желалъ соединенія съ протестантами, но такого, которое основывалось бы на единомъ краеугольномъ камнѣ — Іисусѣ Христѣ, безъ малѣйшей измѣны догматовъ и существенныхъ установленій православной церкви. Какъ пастырь образованный, онъ обнаруживалъ независимость въ сужденіи о томъ, что носитъ печать не вѣры, а суевѣрія, присущаго и православному народу вслѣдствіе невѣжества, и не могъ безусловно отрицать всѣ учрежденія новаго исповѣданія — образовательныя, филантропическія; онъ не прочь былъ пожертвовать нѣкоторыми несущественными каноническими установленіями церкви, нѣчто изъ православной практики, обезображенное суевѣріями, готовъ былъ измѣнить, нѣчто заимствовать изъ протестантства [20]). Но коль скоро на торуньскомъ 1595 г. и особенно на виленскомъ соборахъ 1599 г. обнаружилось, что протестанты съ своей стороны ничего не желаютъ уступить православнымъ и, подъ видомъ союза, хотятъ навязать имъ свои вѣрованія и учрежденія, онъ отвергъ разъ на всегда всякую мысль о вѣроисповѣдномъ союзѣ съ ними. На брестскомъ соборѣ 1596 г., не смотря на всю навязчивость протестантовъ, онъ, какъ извѣстно, отказался отъ всякой попытки о возстановленіи вѣроисповѣднаго единенія съ ними. Посланный въ Россію (въ 1600 году), съ отвѣтомъ на извѣстное письмо, посланное ими съ виленскаго собора 1599 г., онъ не счелъ нужнымъ передавать имъ посланіе патріарха и, въ письмѣ своемъ къ упомянутому католическому епископу Димитрію Львовскому, этотъ замѣчательнѣйшій поступокъ объяснилъ такъ: «я не отдалъ посланія, дабы не подать ни малѣйшаго повода къ замѣшательству; потому что я хорошо знаю и патріархи восточные знаютъ, что ученіе и обряды протестантовъ не только производятъ вредъ и замѣшательство въ восточной и западной церквахъ, какъ это обнаружилось въ Германіи, Франціи, Англіи и другихъ государствахъ, но и приносятъ въ христіанскія государства развращеніе нравовъ. Также хорошо знаю я и знаютъ мои патріархи, что протестанты гораздо дальше стоятъ отъ истиннаго вѣроученія, нежели вы (латиняне), и не соглашаются съ истинною церковію во многихъ существенныхъ догматахъ: въ ученіи о древности церковной іерархіи, о преданіи апостольскомъ, о почитаніи святыхъ, о числѣ каноническихъ книгъ священнаго писанія, о предопредѣленіи, объ оправданіи, о святой литургіи, о почитаніи мощей, о Пресвятой Богородицѣ, а потому они не могутъ быть приняты въ единство съ нами» [21]). Въ грамотѣ, данной іеромонаху Іосифу, Лукарисъ внушаетъ ему остерегаться протестантовъ, какъ богохульнаго и опаснаго вѣроученія. Въ письмѣ къ нидерландскому богослову Унтенбогартену, поднявшему вопросъ о соединеніи церквей, Кириллъ писалъ (въ 1616 г.), что «этому соединенію препятствуютъ нововведенія въ вашихъ церквахъ, что человѣческимъ мнѣніямъ у васъ данъ сильный просторъ, что вмѣсто древней отеческой вѣры вы ввели пустую философію» и проч.[22]). Приве-

денныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, почему именно и какъ далеко чуждъ былъ Кириллъ церковнаго единенія съ протестантами. Но избѣгая церковнаго соединенія, онъ не чуждался гражданскаго союза съ ними. Обстоятельства сложились такъ, что онъ самъ вынужденъ былъ искать у нихъ этого союза. Кто изъ подвижниковъ и поборниковъ православія не имѣлъ столкновеній и борьбы съ разсѣявшимися повсюду «смиренными братьями общества Іисуса?» Но едва-ли кому суждено было вынести столько борьбы, страданій и мученій, какъ этому мученику и исповѣднику. Озлобленные на него за то, что еще, во время своего патріаршества въ Александріи, онъ способствовалъ низверженію двухъ константинопольскихъ патріарховъ Рафаила II-го и Неофита II-го, заявившихъ себя друзьями и приверженцами папы, еще болѣе вооружившіеся на него за постоянное разоблаченіе ихъ козней и происковъ, какимъ онъ ознаменовалъ себя на константинопольской каѳедрѣ, — іезуиты обвиняли его въ замыслахъ противъ турецкаго правительства, въ поднятіи казаковъ на Константинополь (напавшихъ и ограбившихъ столицу въ 1625 г.), въ нетерпимости къ господствующей въ государствѣ религіи. Злоба іезуитовъ низвергала его съ престола, изгоняла, заточала и злоумышляла на жизнь. Гонимый патріархъ рѣшился обуздать неукротимыхъ враговъ съ помощію протестантовъ. Съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, онъ, единственно по нуждамъ церкви, дозволилъ себѣ вступить въ сношенія съ протестантскими государями или, собственно, ихъ представителями на востокѣ, посланниками: англійскимъ, голландскимъ и шведскимъ. Патріархъ часто обращался къ нимъ съ просьбами, высказывалъ имъ свои нужды, описывалъ имъ происки іезуитовъ, жестокость и самовластіе турецкаго правительства, и своимъ благоразуміемъ, откровенностію, твердостію, своею пріятною и дальновидною обходительностію, внушалъ къ себѣ невольное уваженіе, а своею глубокою ученостію и образованностію, свѣтлымъ богословскимъ разумѣніемъ, вполнѣ достойнымъ разума вселенской православной церкви, своимъ строгимъ благочестіемъ, христолюбіемъ, гуманностію возбуждалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, въ чемъ отдавали ему справедливость просвѣщенные монархи запада (напр. Іаковъ I король англійскій) и ихъ представители. Послѣдніе, частію по расположенію къ нему своихъ правительствъ, частію по личному къ нему уваженію, спѣшили оказать ему благовременную помощь въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, охрану и защиту отъ преслѣдованій враговъ. Съ помощію ихъ онъ успѣлъ выжить іезуитовъ изъ Константинополя. Преданная ему паства не только не осуждала его за такой образъ дѣйствій, но еще напротивъ удивлялась его мудрости, превозносила его подвиги и самъ онъ не предполагалъ въ союзникахъ никакого злаго умысла противъ себя. Онъ вступилъ во внѣшній гражданскій союзъ съ протестантами, руководясь примѣромъ западно-русскихъ

православныхъ. Но хитрые союзники, какъ на Руси, такъ и въ Греціи, свой политическій союзъ поставляли иногда средствомъ къ достиженію единенія церковнаго; они зевели близкое знакомство съ патріархомъ, оказывали ему дружбу и помощь съ тѣмъ, чтобы склонить его и русскую церковь къ единенію съ собою. Іезуиты, пользуясь его близкимъ знакомствомъ съ протестантами, распустили слухъ, что патріархъ заразился кальвинскою ересію: протестантамъ же только и нужно было, чтобы со стороны объявили патріарха протестантомъ. Вслѣдъ за распространеніемъ этого слуха, появляется кальвинское изложеніе вѣры подъ его именемъ; повсюду разглашается вѣсть, что православный патріархъ, послѣ долголѣтнихъ постепенныхъ сближеній съ протестантами, присталъ къ ихъ вѣрѣ, потому что убѣдился въ ея сродствѣ съ православною. Многіе ли способны были различить, что патріархъ, держась политическаго союза съ протестантами, далекъ былъ отъ союза церковнаго, что слухъ о совращеніи его въ кальвинство есть систематическая ложь, пущенная его личными врагами? Для большинства, для толпы не яснѣе ли, не убѣдительнѣе ли было то, что патріархъ былъ близокъ къ протестантамъ, что измѣнникомъ правовѣрію не можетъ сдѣлаться такой просвѣщенный ревнитель и мученикъ православія, что если является отъ его высокаго имени исповѣданіе вѣры, не согласное съ православнымъ ученіемъ, то это несогласіе только кажущееся, а великій учитель вѣры признаетъ его столь же близкимъ къ православію, какъ и самъ онъ въ жизни и дѣятельности сближался съ исповѣдниками этого новаго «изложенія вѣры?» Тайная рука быстро разнесла мнимое православное исповѣданіе по Константинополю, Греціи и даже Румыніи. И съ тѣхъ поръ протестантское ученіе стало проникать въ нѣдра восточной церкви, во всѣ слои общества [23]).

Въ южно-русской церкви немало неопытныхъ вовлечено было въ обманъ. Но здѣсь широкіе и смѣлые замыслы протестантовъ, потому именно, что они были слишкомъ широки и смѣлы, не осуществились, ими воспользовались для своихъ выгодъ католики и уніаты: одинъ врагъ перехитрилъ другаго. И прежде латинскіе писатели нападали на всѣ важныя и неважныя мнѣнія православныхъ ученыхъ, заключавшія въ себѣ какое бы то ни было сходство съ мнѣніями протестантскихъ писателей, и со всею силою своего схоластическаго ума и краснорѣчія вездѣ открывали въ нихъ ересь протестантскую: «схизматическихъ скрибентовъ Стефана Зизанія, Ѳеофила Ортолога и клирика острожскаго ставили на ряду съ злѣйшими еретиками: Мотовилою, Буднымъ и проч.» Ревностнѣе всѣхъ въ отысканіи протестантскихъ ересей въ сочиненіяхъ православныхъ былъ отступникъ отъ православія Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій и витебскій, который въ Апокрисисѣ Христофора Филалета, одномъ изъ наилучшихъ произведеній 16 вѣка, открылъ 14 ересей [24]) и о всѣхъ

собственныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ православіи, утверждалъ, что онъ училъ въ нихъ одному лишь протестантству [25]). Теперь католическіе вопли о совращеніи православной церкви въ протестантство сдѣлались сильнѣе, многочисленнѣе и высказывались съ такою, по видимому, искренностію, благорасположеніемъ, что какъ будто это говорили не латиняне, а ревностнѣйшіе сыны западно-русской православной церкви. Тотъ же Мелетій Смотрицкій разглашалъ, что восточное православіе въ западно-русской церкви унижено, поругано, вытѣснено протестантскимъ ученіемъ. «Жажда истины, погибшей въ западно-русской церкви, побудила меня, продолжаетъ онъ, отправиться на востокъ и тамъ искать ее но каково же было мое изумленіе, когда и тамъ, и въ катихизисахъ и въ устныхъ сужденіяхъ восточныхъ христіанъ, я открывалъ ту же протестантскую ересь, и сами іерархи, самъ напр. первый іерархъ Кириллъ Лукарисъ заражены ею! Кириллъ—духъ тьмы, ученикъ Лютера и Кальвина». Подобныя обвиненія и нападки, вопли и сожалѣнія, чрезчуръ конечно преувеличенныя, имѣли затаенною цѣлію совращеніе православныхъ въ латинство или уніатство [26]), но благодаря тону, съ какимъ они высказывались, сами ученые защитники православной науки не постигали иногда цѣли и характера ихъ и, крайне смущенные, до паники напуганные ими, не знали иногда, что отвѣчать на нихъ. Напр. Смотрицкій оклеветалъ автора Апокрисиса между прочимъ въ непризнаніи «сакраментальнаго» священства, въ смѣшеніи его съ священствомъ духовнымъ, избирательнымъ. Защитникъ оклеветаннаго автора вмѣсто того, чтобы провѣрить обвиненіе, анализировать Апокрисисъ, оставляетъ кліента безъ защиты, выдаетъ его головою. И эта малодушная уступчивость представителей православной вѣры и мысли, упорство и притворство обвиненій латинскихъ писателей имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что никогда православная церковь не оскудѣвала такъ своими членами, какъ въ это время. Многіе магнаты-православные какъ бы исчезаютъ съ лица земли. Ихъ то и дѣло приходится открывать, но не между протестантами, а между латинянами и уніатами [27]).

Смуты и соблазны, произведенные въ восточной и южно-русской церквахъ мнимымъ «восточныя церкви исповѣданіемъ Кирилла», побудили представителей тѣхъ и другихъ церквей принять совмѣстныя мѣры противъ зла. Происками іезуитовъ Кириллъ Лукарисъ былъ окончательно осужденъ и низверженъ, какъ еретикъ (въ 1638 г.). Соборъ константинопольскій, бывшій въ томъ же 1638 году, предалъ Лукариса анаѳемѣ (уже по кончинѣ его, при его преемникѣ Кириллѣ Верріійскомъ). Но вотъ открывается рядъ соборовъ, константантинопольскій 1642 и ясскій 1643 г., (на которыхъ присутствовали депутаты отъ кіевскаго митрополита Петра Могилы) и іерусалимскій 1672 г., которые поставили себѣ задачею, снять клевету съ невиннаго патріарха, осудить и отвергнуть изданную подъ его име-

немъ книгу. На соборахъ этихъ разъяснилось, что упомянутый константинопольскій соборъ 1638 года произнесъ осужденіе на Кирилла не потому, что признавалъ его составителемъ Исповѣданія или считалъ еретикомъ, но потому, что Кириллъ, въ теченіе шести лѣтъ, слѣдующихъ за изданіемъ книги, и, притомъ зная о произведенныхъ ею смутахъ,— ничего не предпринялъ къ опроверженію книги [28]), а не отвергъ онъ ея потому, что іезуиты неукротимою своею злобою принуждали его быть сдержаннымъ въ отношеніи къ прежнимъ своимъ друзьямъ изъ протестантовъ, защищавшихъ его отъ ихъ злобы и мщенія, а погубленіемъ его не дали ему дождаться болѣе благопріятнаго времени для опроверженія. (По милости іезуитовъ, оклеветавшихъ его въ соучастіи его съ хіосскими разбойниками, Кириллъ, съ якоремъ на шеѣ, былъ брошенъ въ море [29]).

Петръ Могила, болѣе другихъ убѣжденный въ правовѣріи Лукариса (онъ зналъ Лукариса во время его ректорства въ острожской школѣ) и лично ему обязанный необыкновенно раннимъ поставленіемъ въ кіевопечерскаго архимандрита (въ 1626 г.), потомъ въ экзарха (въ 1628 г.) и наконецъ въ митрополита (въ 1633 г.), предпринялъ на себя трудъ спасти честь мудраго св. іерарха и ослабить зло, которое сдѣлано, прикрывшимся его именемъ, подлогомъ: въ отпоръ подложному «Изложенію православной вѣры», онъ написалъ истинное «Изложеніе россійской православной вѣры», предназначая его для всеобщаго употребленія православныхъ. Взявъ, какъ и слѣдовало ожидать, большія предосторожности въ такомъ важномъ дѣлѣ, Петръ Могила отправилъ свое «изложеніе вѣры» на разсмотрѣніе и исправленіе названнаго ясскаго собора (1643 г.). Отсюда оно отослано было къ восточнымъ патріархамъ. Утвержденное и подписанное (11 мая 1643 г.) всѣми четырьмя патріархами и 22 находившимися при нихъ іерархами, оно, подъ названіемъ «Православнаго Исповѣданія каѳолической и апостольской церкви восточной», получило символическую важность не для одной только россійской церкви, но и для всей восточной [30]).

Оставалось напечатать и издать его въ свѣтъ, чтобъ самымъ дѣломъ противопоставить его лжеправославному исповѣданію, изданному отъ имени Лукариса. Но по необъяснимымъ причинамъ оно, въ теченіе 20 лѣтъ, ходило на востокѣ въ рукописяхъ, на тѣхъ языкахъ — латинскомъ и греческомъ, на которыхъ оно было представлено собору. Чрезъ три года послѣ собора, Петръ Могила напечаталъ его (въ 1645 году) на польскомъ и русскомъ языкахъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ подъ названіемъ: Краткое собраніе науки о вѣрѣ православно-каѳолической христіанской [31]). Это сокращенное православное исповѣданіе, извѣстное болѣе подъ именемъ «Краткаго Катихизиса», пользовалось всеобщимъ уваженіемъ, какъ непреложный и непререкаемый образецъ вѣры, и употреблялось при обученіи дѣтей дома и въ училищахъ. Въ полномъ сво-

емъ видѣ на славянскомъ языкѣ оно напечатано было въ первый разъ въ Москвѣ въ 1695 году. На греческомъ языкѣ въ первый разъ напечатано въ Амстердамѣ драгоманомъ грекомъ Панагіотомъ и въ тысячахъ экземплярахъ безденежно раздаваемо было «всѣмъ желающимъ успѣть въ благочестіи». (Тогда же оно, вмѣстѣ съ латинскимъ рукописнымъ переводомъ, послано было французскому королю Людовику XIV. За тѣмъ выдержало нѣсколько изданій въ Упсалѣ (въ 1695 г.), въ Бухарестѣ (1699 году) и пользовалось уваженіемъ и извѣстностію не только на востокѣ, но и на западѣ Европы [32]). Доходили ль нѣкоторые изъ этихъ переводовъ изъ Греціи и Румыніи въ Россію или нѣтъ, не извѣстно, хотя первое предположеніе, въ виду постоянныхъ сношеній южной Россіи съ православнымъ востокомъ, гораздо вѣроятнѣе; но довольно и того, что на югѣ Россіи повсюду съ 1645 года было распространено краткое Исповѣданіе.

Съ появленіемъ новаго непререкаемаго образца своей вѣры, церковь православная вполнѣ уяснила и раскрыла истины своего вѣроученія, которыя старались затмить и извратить протестанты; она окончательно отдѣлила и размежевала себя отъ вторгавшагося въ нее протестантизма. Хранительница древней чистоты вѣры, разсадница всероссійскаго православія, южно-русская церковь не только во время обличила подлогъ, точно опредѣлила и раскрыла свое вѣроученіе въ отличіи отъ враждебныхъ, окружавшихъ ее сектъ, но и всѣмъ единовѣрнымъ народамъ и странамъ дала свое «Исповѣданіе вѣры», — символическую книгу. По сознанію самихъ протестантовъ, православное Исповѣданіе должно было служить рѣзкимъ обличеніемъ ихъ превратнаго мнѣнія объ истинномъ духѣ вселенской церкви. По замѣчанію Гофмана, южно-русская церковь можетъ хвалиться и гордиться великимъ произведеніемъ своимъ [33]). Это вѣнецъ ея вѣрности истинному ученію, это — свѣтлый тріумфъ, увѣковѣчившій собою побѣдоносный для нея исходъ той упорной, безпримѣрной борьбы, которую она вела съ обуревавшими ее со всѣхъ сторонъ сектами, вѣрами, происками и гоненіями.

Итакъ, не смотря ни на какія уловки, подлоги со стороны протестантской пропаганды, при всѣхъ явныхъ и тайныхъ ея дѣйствіяхъ, при ея усиленіи и ослабленіи, ей оказанъ былъ православнымъ обществомъ благовременный и сильный отпоръ, и она понесла пораженіе не отъ ослабленія только и истощанія самого протестантизма, подъ ударами внѣшнихъ бѣдствій и гоненій, и не предъ внутреннею только духовно-благодатною, восторжествовавшею надъ тѣми же бѣдствіями и гоненіями, силою православія, ее не мало ослабили и обезсилили дѣятельныя просвѣщенныя мѣры самого общества и церкви православной.

Отдѣленія втораго раздѣлъ 3-й.

Вліяніе протестантизма на внутреннее состояніе православной церкви.

Пока протестантизмъ обладалъ крѣпостію и жизненностію умственныхъ и нравственныхъ силъ и славился своими церковнообщинными учрежденіями, а у православныхъ просвѣщеніе, нравственность и весь церковно-общественный и административный строй находились въ состояніи неустройства и нуждались въ преобразованіи и обновленіи, протестантизмъ не могъ не влiять на возрожденіе внутренней церковной жизни западнорусскихъ православныхъ: борьба съ пропагандою его пробуждала ихъ отъ духовнаго усыпленія и застоя, возбуждала энергію, вызывала ихъ на новую широкую дѣятельность; близкія сношенія общежитія и дружественные формальные союзы облегчали имъ непосредственное заимствованіе всего, что̀ было у него лучшаго. Въ лучшую цвѣтущую эпоху свою протестантизмъ 1) способствовалъ преобразованію тѣхъ знаменитыхъ церковно-общественныхъ и административныхъ учрежденій, — церковныхъ братствъ, которыя были главною опорою и оплотомъ западно-русской церкви, во время всѣхъ невзгодъ и гоненій ея, главнымъ средоточіемъ всѣмъ умственныхъ и нравственныхъ ея силъ [1]), въ частности; 2) содѣйствовалъ возрожденію и развитію южно-русскаго просвѣщенія и 3) наконецъ, не остался безъ вліянія на нравственное состояніе православнаго общества.

Преобразованіе братствъ, состоявшее вообще въ болѣе широкомъ развитіи просвѣтительной и благотворительной дѣятельности и автономіи управленія (въ устройствѣ школъ различныхъ степеней, типографій, богадѣленъ, пріютовъ для сиротъ и малолѣтнихъ, страннопріимныхъ, гошпиталей и въ превышеніи власти мірянъ надъ іерархіею) и въ установленіи для того общественныхъ и правительственныхъ гарантій, совершилось отчасти подъ вліяніемъ протестантизма какъ отрицательнымъ, такъ и положительнымъ. Отрицательнымъ: преобразованіе это предпринято для спасенія русской народности и православія не отъ однихъ натисковъ латинства, но по всей вѣроятности и отъ происковъ протестантской пропаганды. По уставу львовскаго ставропигіальнаго братства, сдѣлавшемуся кодексомъ для всѣхъ другихъ братствъ, вступающіе въ братство «каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго должны были цѣловать честный крестъ въ томъ, что они до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія будутъ стоять за свою вѣру и *противостоять всѣмъ ересямъ и нововведеніямъ,* дабы ни одинъ изъ нихъ соблазномъ, или

насиліемъ, или страхомъ не былъ исторгнутъ изъ нѣдръ св. церкви» [2]). Въ эпоху преобразованія братствъ (съ 1583 по 1590 г.) протестантскимъ ересямъ и нововведеніямъ нужно было противостоять гораздо болѣе, чѣмъ католическимъ: потому что въ это время протестантизмъ въ Литвѣ и Польшѣ былъ гораздо сильнѣе католицизма, — у прост:нтовъ научная и благотворительная дѣятельность ихъ общинъ были гораздо развитѣе и благоустроеннѣе, чѣмъ у католиковъ. При братствахъ всюду заводятся школы, типографіи, богадѣльни между прочимъ для того, чтобъ противопоставить ихъ протестантскимъ образцовымъ школамъ, типографіямъ и благотворительнымъ заведеніямъ, которыя, какъ извѣстно, были главною жизненною силою протестантской пропаганды. Что касается до положительнаго непосредственнаго содѣйствія протестантовъ важному дѣлу обновленія братствъ, то порукою за него можетъ служить топографія преобразованныхъ братствъ. Преобразованіе это началось не съ столичнаго виленскаго и не съ митрополитанскаго кіевскаго братствъ: виленское, за нимъ кіевское и всѣ другія преобразованы по образцу львовскаго, а львовское вступило въ новую эру жизни въ 1583 — 6 гг., когда оно, съ благословенія антіохійскаго патріарха Іоакима, (нарочито вызваннаго для того на пути его изъ Москвы въ Антіохію въ 1586 г.), устроило новую школу, друкарню, богадѣльню, больницу и странnопріимный домъ [3]). Починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ не напрасно принадлежалъ ему. Внутреннихъ особенныхъ побужденій къ обновленію и «устроенію» братства не видно. Опасности со стороны католицизма угрожали галицкой области въ той же мѣрѣ, въ какой и всѣмъ другимъ западно-русскимъ областямъ, не болѣе. А находясь подъ усиленнымъ непосредственнымъ надзоромъ первосвятителя западно-русской церкви она болѣе другихъ областей была оберегаема отъ иновѣрцевъ [4]). Дѣло не въ гоненіяхъ, а въ томъ, что львовское братство, по географическому своему положенію, ближе всѣхъ находилось къ отечеству гусситизма, протестантизма и къ центрамъ высшаго тогдашняго просвѣщенія: Кракову, Прагѣ, Виттенбергу, и слѣдовательно ранѣе и лучше всѣхъ могло присмотрѣться къ образцовымъ учрежденіямъ здѣшнихъ протестантскихъ общинъ: ученымъ, филантропическимъ, нравственно-дисциплинарнымъ и проч., которыя въ данное время стояли у нихъ на такой высотѣ, какой они никогда болѣе не достигали, среди тогдашней не проницаемой тьмы и варварства были единственнымъ проблескомъ свѣта и добра, съ обаятельностію новизны соединяли въ себѣ кажущуюся вѣрность идеальному первообразу подобныхъ учрежденій, существовавшему во святомъ ангельскомъ обществѣ первенствующихъ христіанъ, и въ лучшихъ образованныхъ людяхъ невольно возбуждали къ себѣ чувства удивленія, уваженія, стремленіе къ соревнованію и подражанію. Любопытно внечатлѣніе, произведенное ими на ученѣйшаго мужа Польши Яна Лазицкаго, когда онъ, посѣтивъ гейдельбергскій университетъ, изъѣздивъ

Германію, Швейцарію, Италію и Францію, прибылъ къ богемскимъ братьямъ въ Прагу: «великій Боже, писалъ онъ впослѣдствіи, какою радостію преисполнилось мое сердце, когда я внимательно, шагъ за шагомъ, изслѣдовалъ ихъ вѣру и жизнь! Мнѣ казалось, что я находился въ церкви Ефесской или Өессалоникской, или въ другой какой либо апостольской церкви, и своими глазами видѣлъ, своими ушами слышалъ то, что мы читаемъ въ исторіи апостольской, въ письмахъ св. Игнатія Богоносца, въ апологіи Іустина или Тертулліана» [5]). Пусть этотъ отзывъ преувеличенъ, пусть въ глазахъ православныхъ свѣтлыя эти учрежденія были не совсѣмъ новы и чисты предъ идеальнымъ ихъ первообразомъ, открываемымъ священнымъ повѣствованіемъ въ жизни первенствующихъ христіанъ, но не нужно забывать, что природа человѣческая наиболѣе склонна подражать тому, что она видитъ въ идеальномъ обликѣ предъ глазами, въ живой дѣйствительности; но что прекраснаго, идеальнаго передается ей въ мертвой книгѣ, въ нѣмомъ преданіи, въ недосягаемой превыспренней высотѣ, къ тому она неохотно стремится, не скоро соберетъ силы для подражанія. А таковъ именно идеалъ первенствующихъ христіанъ безъ осуществленія его въ позднѣйшей дѣйствительности. Въ данномъ случаѣ, при введеніи новыхъ благодѣтельныхъ учрежденій, естественнѣе и ближе всего было братству подражать не этому скрытому въ глубочайшей древности идеалу, но новому, хотя менѣе совершенному, ихъ типу, открываемому въ жизни сосѣдственныхъ протестантскихъ и чешскихъ общинъ. Такое подражаніе было предметомъ пламенныхъ желаній верховнаго тогдашняго покровителя и оборонителя южно-русской церкви князя Острожскаго, который, какъ извѣстно, съ искреннимъ уваженіемъ отзывался о ихъ школахъ, типографіяхъ, гошпиталяхъ, благонравіи и благочиніи церковномъ, и совѣтывалъ православнымъ многому у нихъ поучиться, многое измѣнить въ своей церковной практикѣ, въ управленіи, обрядахъ [6]). Перенимаемыя отъ нихъ улучшенія, насколько послѣднія согласуются съ ихъ изначальнымъ вселенскимъ образцомъ, могъ разрѣшить и благословить братству и самъ вселенскій патріархъ, подобно тому какъ извѣстные намъ предшественники его патріархи Мелетій и Кириллъ сочувственно относились къ лучшимъ протестантскимъ и гусситскимъ учрежденіямъ [7]). Чрезъ три года послѣ львовскаго братства, преобразуется виленское и ранѣе другихъ «устрояется» всего вѣроятнѣе потому, что оно находилось въ столицѣ литовскаго протестантизма лицомъ къ лицу съ такими же научными, филантропическими и морально-дисциплинарными учрежденіями, которыя литовскіе кальвинисты ввели у себя по примѣру чешскихъ братьевъ, и что съ виленскою реформатскою общиною такъ тѣсно сблизилось, вступало въ формальные союзы съ нею: юридическіе, общественные и ученые [8]). Всѣ остальныя братства, такъ какъ они преобразованы по одному съ львовскимъ и виленскимъ братствами об-

разцу, многимъ также могли заимствоваться у лучшихъ протестантскихъ общинъ.

Какіе именно чужеземные протестантскіе элементы вошли въ организацію преобразованныхъ братствъ, опредѣленно указать нельзя, тѣмъ болѣе что сами преобразователи, прикрывъ, согласовавъ привносныя формы съ общимъ духомъ православія, старались, надобно полагать, скрыть ихъ отъ любопытныхъ и подозрительныхъ взоровъ общества; открытыми болѣе или менѣе остались лишь научныя заимствованія. Чтобы братскіе гошпитали, богадѣльни и странноприимныя устроены были по образцу протестантскихъ гошпиталей, богадѣленъ и страннопріимныхъ и содержались непремѣнно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они содержались у протестантовъ, этого утверждать, конечно, нельзя; но въ виду того, что и это нелегкое дѣло въ общественной жизни народовъ никогда почти не обходится безъ примѣра съ одной стороны и подражанія съ другой, безъ постепенныхъ исправленій, приспособленій и дополненій къ извѣстному образцу, можно допустить, что «устроеніе» благотворительныхъ братскихъ заведеній не обошлось совершенно безъ такихъ же подражаній новому лучшему типу этого рода протестантскихъ учрежденій. Мы не хотимъ также сказать, что раздача братской милостыни, подаваніе всякой другой помощи и дисциплина церковная въ отношеніи къ падшимъ всецѣло регламентировались кодексами протестантскими и совершались по чужой указкѣ, но не можемъ не спросить: чѣмъ ломать себѣ голову, какъ повести сложныя и многотрудныя эти дѣла, — какъ благоустроить частную и общественную благотворительность безъ излишней расточительности и скудости жертвъ, какъ снизойти ко всякой нуждѣ и войти въ положеніе каждаго просящаго, какъ помочь ему совѣтомъ, ходатайствомъ въ частныхъ, общественныхъ и судебныхъ дѣлахъ, какъ исправить нравственно-падшихъ и примирить ихъ съ Богомъ и церковію, какія сдѣлать увѣщанія, обличенія и наказанія, — не лучше ли было присмотрѣться, какъ дѣлается все это у друзей и союзниковъ и, чѣмъ можно, воспользоваться отъ нихъ: тѣмъ болѣе, что у нихъ все давно передумано, благоустроено, все цвѣтетъ и высится? Иначе къ чему же заискиванья юными возрождавшимися братствами дружбы и союза съ протестантами? И мыслимы ли дружба и пріязнь безъ дѣятельнаго подражанія слабаго сильному? А обязавшись формальнымъ договоромъ вести нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ сообща, совокупными усиліями съ протестантами, напр. ходатайствовать на судѣ, не должны ли были братства поучиться у болѣе опытныхъ союзниковъ, какъ вести эти дѣла? При столь тѣсномъ бытовомъ сближеніи ихъ между собою, это поразительное сходство въ организованіи обширнѣйшей общественной благотворительности, въ порядкѣ веденія судебныхъ дѣлъ и ходатайствъ за напатствуемыхъ и еще болѣе въ церковно-дисциплинарныхъ отношеніяхъ къ падшимъ — ужели у тѣхъ и

другихъ союзниковъ было случайнымъ? [9]) Есть основаніе полагать, что большую часть переносимыхъ отъ протестантовъ установленій братства наши сообразовали не только съ общимъ духомъ и направленіемъ православія, но и съ потребностями народа, съ мѣстными обстоятельствами, и «устроялись» такъ, что самымъ дѣломъ показали, какою жизненностію и плодотворностію силъ обладаетъ православіе, какъ возвышенны, духовны цѣли и чисты, святы начала, на которыхъ созидаются и развиваются заимствованныя установленія и которыми православіе, не смотря на внѣшнее свое подражаніе, не только не уступаетъ, но и безмѣрно превосходитъ иновѣріе. Львовскій братчикъ пишетъ къ одному другу своему: «что же ты пишешь, что съ лютеранами мы во всемъ соглашаемся? Я имѣю частый разговоръ съ ними, не держа ихъ стороны, но принимаю видъ овечьяго незлобья, змѣиной мудрости и цѣлости голубиной, какъ научилъ Христосъ, но дружбы большой мы не держимъ съ еретиками и всякими отщепенцами, и всѣхъ ихъ, отъ Арія до послѣдняго наслѣдника, ихъ отлучаемся» [10]).

Но можно находить заимствованіе, къ сожалѣнію, не совсѣмъ совмѣстное съ духомъ православія, — это монополія правъ и обязанностей мірскихъ членовъ братства, немало оскорбительная для православной іерархіи. Въ возможности заимствованія этой монополіи отъ протестантовъ убѣждаетъ насъ сходство ея (монополіи) съ автономіею реформатскихъ обществъ. Братства и уполномоченные ими патроны не только завѣдуютъ внѣшними дѣлами церкви, изыскиваютъ и контролируютъ содержаніе храмовъ и школъ (jus donandi), оберегаютъ внѣшнее спокойствіе церкви отъ преслѣдованія враговъ, защищаютъ ея права и привилегіи предъ судомъ правительства (jus patronandi), но и принимаютъ непосредственное широкое участіе во внутреннихъ дѣлахъ церкви: избираютъ и «увязываютъ» (вводятъ въ должность) настоятелей и священниковъ (jus praesentandi); заботясь о чистотѣ вѣры и доброй нравственности народа, присвояютъ себѣ контроль надъ образомъ мыслей и поведеніемъ духовныхъ лицъ; за неодобрительное поведеніе отлучаютъ отъ церкви не только мірянъ, но и священниковъ и безъ нихъ не дѣлается ни одно важное дѣло [11]). Міранинъ или патронъ, присвоившій такое превышеніе власти надъ церковію, становился тѣмъ же, чѣмъ былъ свѣтскій старѣйшина надъ епархіею или дистрикціею реформатскою, который заботился о безопасности и благоустройствѣ своихъ церквей, школъ, являлся ходатаемъ предъ властями по всѣмъ дѣламъ ихъ, наблюдалъ за образомъ мыслей и поведеніемъ всѣхъ членовъ общества и самихъ духовныхъ (духовнаго старѣйшины или сеньера, его помощника, проповѣдниковъ, діаконовъ, аколуѳовъ) въ нужныхъ случаяхъ дѣлалъ имъ увѣщанія, выговоры, на время отрѣшалъ ихъ отъ должности, предоставляя дальнѣйшій судъ надъ ними сѵноду или съѣзду окружному [12]). — Далѣе, нѣкоторыя ставропи-

гіальныя наши братства не хотятъ признавать мѣстной епископской власти, (а остаются въ подчиненіи у константинопольскаго патріарха), забираютъ въ свои руки все церковное управленіе и подчиняютъ своему суду самихъ епископовъ: безъ ихъ депутата епископъ никого не можетъ судить, отлученнаго ими отъ церкви не можетъ благословить; при малѣйшихъ подозрѣніяхъ въ неправомысліи и неправильномъ управленіи (особенно когда большинство епископовъ хотѣло предать православную церковь уніи), они засыпаютъ епископовъ запросами, указаніями, требованіями, подаютъ на нихъ жалобы за жалобами, грозятъ имъ отлученіемъ отъ церкви и добиваются предъ соборами или патріархомъ ихъ отлученія; львовское-успенское и виленское-троицкое братства получаютъ отъ патріарховъ Іереміи и Іоакима (въ 1586 и 1588 гг.) право отлучать отъ церкви самихъ епископовъ и архіепископовъ, «если бы они захотѣли противиться богоугодному братству и не покоряться истинѣ» [13]). Уполномоченныя такимъ образомъ братства стремились поставить епископа въ такую же зависимость отъ себя, въ какой находился отъ синодовъ кальвинскихъ духовный старѣйшина или суперъ-интендентъ, который не былъ облеченъ юридическою властію, а лишь исполнительною, т. е. исполнялъ постановленія синодовъ, подлежалъ ихъ суду, могъ быть отрѣшенъ ими отъ должности и больше для почету имѣлъ высшее наблюденіе надъ общими дѣлами церкви, надъ состояніемъ школъ, типографіями и проч. [14]). Львовское братство, получившее (отъ патріарха Іоакима въ 1586 г.) право верховнаго наблюденія за внутреннимъ состояніемъ и ходомъ дѣлъ во всей юго-западной церкви, за поведеніемъ всѣхъ епископовъ, священниковъ, иноковъ, міранъ, получавшее о всемъ этомъ отчеты отъ всѣхъ другихъ братствъ и представлявшее ихъ константинопольскому патріарху, очень походило на ту суровую герусію у литовскихъ кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ, или на корпорацію опекуновъ надъ народною нравственностію, которые проникали во всѣ тайны семейной жизни, во всѣ мелочи домашняго и общественнаго поведенія всѣхъ членовъ общины, и потомъ докладывали о всемъ собранію; скажемъ болѣе: съ своими чрезвычайными правами надзора и власти надъ всѣми и всѣмъ въ церкви, оно близко подходило къ тому трибуналу, для наблюденія за общественною нравственностію, какой учрежденъ былъ нѣкогда самимъ женевскимъ папою—Кальвиномъ [15]).—Наконецъ братства наши (съ того преимущественно времени, когда въ южной церкви не стало ни одного епископа съ 1606 по 1620 г.) становятся средоточіями высшей духовной власти, ихъ голосъ — слово истины, ихъ образъ дѣйствій — примѣръ для подражанія; около того же времени (1591 г.) всѣ члены братствъ получаютъ право голоса на соборахъ западно-русской церкви и домогаются, чтобы ихъ голосъ равносиленъ былъ голосу іерархіи, предъявляя это требованіе и въ печати [16]): соборы эти живо напоминаютъ собою тѣ соборы кальви-

нистовъ, которые составляли централизацію церковной администраціи ихъ и на которыхъ свѣтскіе по всѣмъ дѣламъ церкви имѣли такую же силу голоса, какъ и духовные [17]).

Права и преимущества православныхъ братствъ, представляющія поразительное сходство съ правами кальвинскихъ общинъ, и этимъ, по нашему мнѣнію, обличающія въ себѣ подражаніе извѣстному образцу, не вытекали-ль естественно изъ другой причины — изъ историческаго положенія православной церкви въ литовско-польскомъ государствѣ? Православная церковь, хотя не смѣшиваетъ духовнаго съ мірскимъ, не достигаетъ своихъ цѣлей посредствомъ внѣшнихъ средствъ, какъ римская церковь силою оружія, посредствомъ договоровъ, но не можетъ обойтись безъ внѣшней помощи и покровительства, которыя обезпечиваютъ ея внѣшнее, а за тѣмъ внутреннее благосостояніе. Въ литовско-польскомъ государствѣ гражданское правительство не только не покровительствовало православію, но гнало, преслѣдовало его. Понятно, само общество, въ лицѣ отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, должно было выступать на защиту своей православной церкви, и чѣмъ тягостнѣе было ея положеніе въ государствѣ, тѣмъ болѣе оно должно было оказывать ей помощи и содѣйствія и принимать участіе въ дѣлахъ и управленіи церковномъ. И здѣсь издавна міряне принимали ближайшее участіе въ дѣлахъ церкви, и, въ соединеніи съ низшимъ духовенствомъ, имѣли нѣкоторую самостоятельную духовную власть. А тутъ еще высшіе іерархи измѣнили своей церкви, низшее духовенство не имѣло силъ бороться съ ними, потомъ вовсе не стало высшей іерархіи, и вообще западно-русская митрополія издавна отвыкла отъ строгаго единства и сосредоточенія духовной власти [18]): естественно, по видимому, было мірянамъ принять самостоятельное, независимое участіе въ дѣлахъ церкви. Но всѣ приведенныя обстоятельства подавали лишь поводъ къ установившемуся порядку церковнаго управленія, главная жъ дѣйствующая причина была здѣсь совсѣмъ другая. Бѣдственное положеніе православной церкви среди иновѣрнаго государства и правительства вызывало мірянъ лишь на энергическую внѣшнюю помощь, на усиленныя заботы и попеченія о поддержаніи храмовъ, учрежденія училищъ, благотворительныхъ заведеній. Въ подобномъ тягостномъ положеніи находилась и русская церковь во время владычества татаръ и восточная церковь подъ игомъ турокъ. Но тамъ внѣшняя помощь и покровительство, оказываемыя церкви православнымъ обществомъ, не доходили до вмѣшательства во внутреннія дѣла церквей. И здѣсь (въ западной Россіи), въ первыя преслѣдованія и гоненія православной церкви во времена Ольгерда, Ягейло, Сигизмунда I-го, все общество, магнаты и князья православные оказывали дружное содѣйствіе и покровительство церкви; но не вторгались незаконно во внутреннія ея дѣла. Что касается до измѣны своей церкви высшихъ іерарховъ и оскуденія въ ней выс-

шей іерархіи, то эти обстоятельства были временныя, исключительныя. Не всѣ-жъ іерархи оказались вѣроотступниками, нѣкоторые (напр. Гедеонъ Балабанъ, Михаилъ Перемышльскій) явили себя мужественными поборниками, страдальцами и мучениками за православную вѣру: а между тѣмъ полновластные эти покровители православія, — братства и патроны вездѣ и всегда дѣйствовали неотразимо на всѣ стороны мѣстнаго церковнаго управленія. Низшее духовенство, которое съ такою ревностію ополчалось на защиту своей вѣры на брестскомъ противо-уніатскомъ соборѣ 1596 года и виленскомъ 1599 года, они отстранили отъ дѣлъ правленія: тогда какъ ему ближе всего принадлежали высшія попеченія о внутреннихъ дѣлахъ церкви. Да и по возстановленіи высшей іерархіи, наши хозяева и распорядители въ церковныхъ дѣлахъ долго не хотѣли ни съ кѣмъ подѣлиться своею властію, поступиться въ своихъ правахъ. Итакъ, широкое участіе православныхъ мірянъ въ церковномъ управленіи нельзя выводить изъ историческаго положенія церкви въ государствѣ, и вообще едва ли оно можетъ быть объяснимо изъ какихъ-либо другихъ историческихъ причинъ, помимо протестантскаго начала [19]).

Въ частности, если не въ измѣнѣ іерарховъ православію, то не въ упадкѣ ли нравственности ихъ скрывается искомая причина, — не сами-ли патріархи, предоставивъ братствамъ право отлучать *порочныхъ* епископовъ отъ церкви, расширили ихъ права въ ущербъ епископамъ? По нашему крайнему мнѣнію, для устраненія этихъ безпорядковъ достаточно было перемѣнить личный составъ іерархіи, подчинить его высшему благонадежному надзору со стороны напр. экзарха, ежегодныхъ соборовъ и другихъ высшихъ начальствующихъ лицъ, какъ-то и сдѣлалъ патріархъ въ Литвѣ, а въ Галиціи, гдѣ ревностный и просвѣщенный поборникъ православія архіепископъ Гедеонъ только что одержалъ побѣду надъ католическимъ епископомъ Соликовскимъ, оспаривавшимъ у него права власти надъ православнымъ населеніемъ, нужно было, напротивъ, позаботиться о расширеніи и упроченіи законныхъ правъ святителя [20]); отдача-жъ архипастырей подъ опеку подчиненныхъ имъ недавно мірянъ, подъ контроль паствы, подверженной тѣмъ же нравственнымъ слабостямъ и требующей надъ собою неуклоннаго надзора, — не была еще порукою за исправленіе церковныхъ безпорядковъ. Нравственнымъ паденіемъ пастырей паства воспользовалась лишь, какъ предлогомъ, для домогательства другихъ затаенныхъ цѣлей. Патріархи согласились на ихъ настойчивую о томъ просьбу не потому, что нужда въ щедрой милостынѣ заставила ихъ на все согласиться, какъ нѣкоторые представляютъ себѣ это дѣло. Такое оскорбительное для чести патріарховъ объясненіе разсѣкаетъ, но не развязываетъ узелъ. Естественнѣе полагать, что патріархи хорошо знали, что паства, не умѣвшая управлять собою, не управитъ своихъ пастырей, но видя, что широкія полномочія и самоуправленіе протестант-

скихъ общинъ (здѣсь же по сосѣдству) приносятъ несомнѣнную пользу, предоставили ихъ братствамъ въ тѣхъ совершенно безкорыстныхъ и благопопечительныхъ соображеніяхъ, что подобныя полномочія, при добромъ же примѣрѣ и руководствѣ протестантовъ, не безполезны будутъ и для православныхъ. Нельзя не обратить вниманія также и на то, что, кромѣ львовскаго и виленскаго братствъ, были и другія ставропигіальныя братства: въ Малороссіи, въ Кіевѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Могилевѣ, въ Волыни, въ Луцкѣ, но всѣ они лишь изъяты были изъ подъ власти епископа, и только львовское и виленское получили отъ патріарховъ такую широкую власть надъ епископомъ. Не потому ли это, что эти два братства ближе всѣхъ стояли къ средоточію столь обольстительныхъ для ихъ общественнаго самоуправленія полномочныхъ протестантскихъ учрежденій, что при добромъ содѣйствіи протестантовъ они ранѣе и лучше другихъ совершили свое обновленіе, возрожденіе, достигли наибольшаго развитія умственнаго и нравственнаго и, въ избыткѣ духовной мощи, желали и требовали больше простора для своей дѣятельности, свободы, правъ, а патріархи уступили ихъ требованію, покоряясь неотразимой силѣ событій? Іезуитская и уніатская интрига, подстрекавшая братства къ усиленнымъ притязаніямъ власти надъ епископомъ, какъ это было напр. при соблазнительныхъ пререканіяхъ львовскаго братства съ епископомъ Гедеономъ [21]), лишь усилила эти притязанія, а не была главною дѣйствующею причиною ихъ.

Широкая автономія общества въ церковномъ управленіи не вытекала ли изъ духа и характера гражданскаго управленія южно-русскаго народа, — по природѣ своей демократическаго, общиннаго, автономическаго (сообразно съ первобытною формою общиннаго устройства славянскаго племени); полномочная церковная община не съ такимъ-ли напр. правомъ звала къ себѣ на судъ епископа, съ какимъ сельскія купы требовали для суда и расправы своего пана? — Свободное управленіе южнорусскихъ обществъ, существовавшее на основаніи преданій старины, не регламентированное ни въ какія положительныя узаконенія, не только не воспрепятствовало, но послужило основою, почвою для водворенія у нихъ того свободнаго управленія, которое въ германскихъ городахъ сформировалось уже въ опредѣленные кодексы подъ названіемъ Магдебургскаго права; вслѣдствіе внутренняго взаимнаго ихъ сродства, при ихъ внутреннихъ жизненныхъ задаткахъ, одно изъ нихъ дополнялось другимъ, одно получало отъ другаго опредѣленныя формы, постепенное наслоеніе и приращеніе. То же можно сказать и о церковномъ самоуправленіи южно-русскихъ общинъ или братствъ. Начало, основа его лежитъ въ національномъ характерѣ южно-руссовъ, въ строѣ ихъ гражданскаго самоуправленія; но многія внѣшнія формы общиннаго устройства и внутреннія организующія начала, въ эпоху преобразованія братствъ,

являющіяся, какъ извѣстно, вдругъ, перенесены къ нимъ, всего вѣроятнѣе, отвнѣ, отъ общиннаго протестантскаго устройства. Задатки-жъ самоуправленія, выработанные русскою національно-церковною жизнію, лишь обусловливали собою скорое привитіе и оплодотвореніе ихъ на русской почвѣ. А не будь этихъ жизненныхъ задатковъ, этой воспріемлющей почвы, чуждыя вѣроисповѣдныя начала и формы никогда не привились бы къ ней. Единство этихъ формъ и началъ самоуправленія едва-ли не было главнымъ связующимъ звѣномъ въ религіозно-политическомъ союзѣ православныхъ съ протестантами, во всѣхъ ихъ взаимныхъ связяхъ и соприкосновеніяхъ. Напр. прежде чѣмъ добиваться предъ правительствомъ одинаковыхъ правъ: личныхъ и имущественныхъ, гражданскихъ и религіозныхъ, всего естественнѣе было для союзниковъ организовать на одинаковыхъ формахъ и правахъ свое внутреннее управленіе.

Превышеніе своихъ правъ не умаляетъ, однако, заслугъ братствъ для православія. Сначала не обошлось дѣло безъ соблазнительныхъ пререканій братствъ съ епископами, но потомъ братства поступились излишними своими правами, мало по малу отказались отъ суда надъ пресвитерами и діаконами и наконецъ отъ вмѣшательства во всѣ внутреннія дѣла церкви. Словомъ, превышеніе власти братствъ было временною, такъ сказать, ненамѣренною ошибкою, увлеченіемъ, обычнымъ слѣдствіемъ дружбы, пріязни и довѣрія къ союзникамъ, естественнымъ продуктомъ всѣхъ условій юнаго возрождавшагося общества, при которыхъ всегда возможно неразборчивое подражаніе образцу. Въ цѣлой массѣ драгоцѣнныхъ и благодѣтельныхъ заимствованій оно едва становится замѣтнымъ: не смотря на кратковременное преткновеніе, увлеченіе, братства наши остались твердыми оплотами православія; самое превышеніе ихъ правъ послужило къ большему скрѣпленію и сплоченію корпоративныхъ ихъ силъ, охраняющихъ и созидающихъ благосостояніе церкви [22]).

II. Гораздо сильнѣе и благодѣтельнѣе было вліяніе протестантизма на возрожденіе и развитіе южно-русскаго просвѣщенія. Съ половины XVI вѣка не только при братствахъ, этихъ главныхъ разсадникахъ просвѣщенія, но и въ городахъ, монастыряхъ, въ палацахъ богатыхъ вельможъ и во многихъ другихъ мѣстахъ устрояются школы и открываются типографіи, исправляются и печатаются богослужебныя книги и библіи, издаются учебники, появляется множество сочиненій по разнымъ отраслямъ науки. Какъ изъ земли выросшіе ученые: греки и западно-руссы, именитые аристократы, скромные иноки, священники, клирики образуютъ учено-религіозные кружки, дружно принимаются за изученіе и переводы первѣйшихъ, авторизованныхъ церковію, памятниковъ вѣры: св. писанія и отеческихъ твореній. Магнаты, князья оставляютъ женъ, семьи, садятся

за скамью иностраннаго университета, изучаютъ богословскія науки и возвращаются назадъ, какъ «корабли, наполненные разными товарами» (разнообразными свѣдѣніями). И при этомъ они вполнѣ увѣрены, что оставляютъ домы и семьи ради самого Господа и евангелія, что за великую свою жертву они сторицею пріимутъ. И это св. стремленіе къ свѣту и знанію вдохновляетъ не одну высшую среду, оно въ извѣстной степени обще всѣмъ званіямъ и состояніямъ.—Обыкновенно полагаютъ, что всѣ успѣхи южно-русскаго образованія вызваны были потребностями пламенной борьбы съ іезуитами и уніатами, а образовательное вліяніе протестантства всѣми почти опускается изъ виду, какъ будто его вовсе не было. По нашему жъ мнѣнію, возбужденіе, призывъ къ научному этому движенію шли съ той и другой стороны, но непосредственное содѣйствіе, ближайшее руководство оказали дружественные и просвѣщенные протестанты. Для доказательства всмотримся 1) во внутреннее состояніе западно-русскихъ школъ и 2) въ состояніе нашей науки и литературы, сопоставивъ наши школы и ученые труды со школами и сочиненіями католическими, а преимущественно протестантскими.

1) Въ эпоху возрожденія южно-русской науки и повсемѣстнаго открытія школъ, католическія школы клонились къ упадку. Высшихъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ и Литвѣ въ это время было три: краковская, виленская и замойская академіи. Въ краковской академіи преподавались: богословіе на богословскомъ факультетѣ, грамматика, риторика, діалектика, физика, математика и астрономія на философскомъ, гражданское и каноническое право—на юридическомъ и медицина — на медицинскомъ. Но что это были за науки? Мертвящая схоластика убила въ нихъ духъ науки, превратила ихъ изъ наукъ дѣйствительныхъ въ вымышленныя въ однѣ грезы и мечтанія наяву, въ бредъ терминами, безконечными дефиниціями, дистрибуціями, субдистрибуціями, убивающими умственныя силы учащихся. Такъ, богословская наука, бывшая центромъ и цѣлью всѣхъ другихъ наукъ, состояла въ изученіи сентенцій Петра Ломбарда и въ толченіи воды на диспутахъ. Грамматика содержала въ себѣ безконечный рядъ схоластическихъ непонятныхъ мудрованій надъ восемью частями рѣчи и, блуждая въ нихъ, какъ бы въ лабиринтѣ, сбивала съ толку, притупляла учащихся. Логика и риторика состояли изъ искаженнаго перифраза этики Аристотеля, извѣстнаго къ тому жъ въ невѣрныхъ переводахъ на варварскую латинь. Юридическій факультетъ ограничивался узкою задачею ратовать за власть нѣмецкихъ императоровъ и папы надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, и потому не пользовался расположеніемъ общества, смотрѣвшаго на дѣло иначе, и сдѣлался анахронизмомъ. Медицинскій факультетъ, соотвѣтственно безсильному положенію медицины въ Европѣ, не могъ оказать успѣховъ, а всего болѣе схоластическая метода, астрологическая казуистика были причиною вѣч-

наго его застоя и неподвижности [23]). Въ виленской іезуитской академіи, открытой въ концѣ царствованія Баторія, преподавались тѣ же науки, какія и къ краковской (съ прибавленіемъ языковъ: греческаго, итальянскаго, французскаго, англійскаго и еврейскаго) потому же схоластическому методу, но въ направленіи строго аскетическомъ. И, если краковская академія связывала, спутывала умы своими диспутами, схоластикою, то виленская обезсиливала ихъ еще болѣе. Изученіе латинскаго языка, которое въ краковской академіи служило только средствомъ къ усвоенію другихъ наукъ, здѣсь было главною и преобладающею наукою. Но вершиною мудрости и совершенства считались панегирики и похвальныя рѣчи въ честь магнатовъ и сильной шляхты; навыкъ въ писательствѣ этого рода былъ послѣднею цѣлью образованія. Для характеристики виленской академіи необходимо еще одно замѣчаніе. Чтобъ приманка новизны и и прелесть раціонализма не овладѣли молодыми людьми, іезуиты воспламеняли ихъ воображеніе мистическимъ благочестіемъ, чтеніемъ безъ всякой критики книгъ, наполненныхъ чудесами, великолѣпіемъ и пышностію богослуженія. Замойская академія (основанная въ Замостьѣ Яномъ Замойскимъ въ 1595 году), получившая направленіе и наставниковъ отъ краковской академіи, сдѣлавшаяся ея колоніею, бѣдно надѣленная средствами и непопулярная (къ тому жъ опутанная іезуитскими сѣтями), въ научномъ отношеніи, также стояла весьма низко [24]. Въ своемъ схоластическомъ бреду, въ своемъ ученомъ мракѣ всѣ три академіи оставались и тогда, когда бушевала уже религіозная буря, когда въ странѣ велась ожесточенная полемика о власти папы, о бракѣ священниковъ, о новомъ ученіи реформатскомъ за право обладанія мнѣніемъ соотечественниковъ, за планъ воспитанія юношества. Всѣ, чуткіе къ живымъ вопросамъ времени, обращенные къ живымъ задачамъ св. писанія, покинули сухую, сварливую академическую діалектику и устремились въ школы протестантскія, мѣстныя и заграничныя, которыя устроены были на началахъ широкихъ и прочныхъ, примѣнительно къ современнымъ потребностямъ. Русскіе студенты, учившіеся въ замойской и краковской академіяхъ, также спѣшили перейти изъ нихъ въ протестантскія школы [25]).

Время господства протестантизма въ Польшѣ и Литвѣ (съ 50-хъ до 80-хъ годовъ XVI стол.) было эпохою возрожденія науки въ странѣ, золотымъ періодомъ польской литературы. Расширяя свободу личности, свободу мысли, протестантизмъ, куда ни проникалъ, всюду возбуждалъ новое научное движеніе, открывалъ новыя умственныя силы въ мірѣ, омертвѣвшемъ въ застоѣ среднихъ вѣковъ. Потребность яснаго самосознанія и изслѣдованій самостоятельныхъ развилась въ народной жизни. Но особенно быстро подвинула успѣхъ просвѣщенія письменная борьба, которая съ такимъ благороднымъ жаромъ велась между католиками и протестантами. Въ Польшѣ и Литвѣ не было ни одной литературной

формы, начиная отъ трактата и проповѣди и кончая письмомъ и сатирою, въ которыхъ бы католики и протестанты не писали другъ противъ друга, затрогивая какъ всю враждебную систему вѣрованій, такъ и отдѣльные ея пункты. И до нашего времени, не смотря на всѣ политическія невзгоды и бури, дошло такъ много этихъ полемическихъ памятниковъ, что нѣтъ возможности не только прочитать, но даже перечислить ихъ. Не менѣе плодовита была литературная полемика въ нѣдрахъ самого протестантства, т. е. лютеранъ съ кальвинистами. Печатныя и письменныя брошюры и книги: политическія, религіозныя и нравоописательныя являлись одна за другою и быстро расходились по рукамъ, потому что вопросы, которыми онѣ заняты, весьма тѣсно связаны были съ жизнію; народъ долженъ былъ знать, судить о нихъ и сочувствовать той или другой сторонѣ. Латинскій языкъ, доступный однимъ только ученымъ, дѣлается недостаточнымъ; принимаются за обработку роднаго слова, которое до сихъ поръ въ насмѣшку называлось «sermo vernaculus» (языкъ доморощенный). На литературномъ горизонтѣ появляются: Кохановскій, Рей, Тршецесскій, Будный, Гурницкій, вполнѣ владѣющіе народнымъ языкомъ, Скарга и Вуйскъ, обогатившіе польскій языкъ и литературу истинными сокровищами. Писать кое какъ, или отдѣлываться поверхностными взглядами нельзя было отъ этихъ прекрасныхъ знатоковъ своего языка и дѣла: неумолимая, ядовитая насмѣшка преслѣдовала бы каждое слабое доказательство, каждый запутанный періодъ, каждое неудачно составленное выраженіе. Оттого время пламенной литературной борьбы между католиками и протестантами и было эпохою наивысшаго процвѣтанія науки и образованности въ странѣ [26]).

По этому состоянію науки и литературы въ Польшѣ и Литвѣ можно судить и о состояніи здѣшнихъ протестантскихъ школъ, потому что главными двигателями и центрами всего этого научнаго движенія, источниками и разсадниками отечественнаго просвѣщенія были училища (хотя первое возбужденіе, толчекъ этому движенію дали западно-европейскіе реформатскіе ученые, вызванные Радзивилломъ въ Литву): въ нихъ протестантизмъ сосредоточилъ всю образовательную свою силу, наука и литература достигла въ нихъ наивысшаго своего развитія.

Каждое протестантское вѣроисповѣданіе имѣло свои среднія и высшія училища. Тѣ и другія помѣщались большею частію вмѣстѣ, подъ одною даже кровлею, и извѣстны были подъ скромнымъ именемъ гимназій, или просто школъ, но наука стояла въ нихъ выше, чѣмъ въ привилегированныхъ коллегіяхъ, академіяхъ и университетахъ католическихъ. Изъ лютеранскихъ литовско-польскихъ школъ наиболѣе замѣчательная была торнская, или торуньская, — типъ всѣхъ учебныхъ заведеній лютеранъ. Въ 1564 году извѣстная подъ именемъ гимназіи, она дѣлилась на школу «низшую» или правильнѣе среднюю, въ которой учили еврейскому языку

по библіи, латинскому и греческому — по древнимъ классикамъ и польскому — по польскимъ классикамъ, и «высшую», въ которой преподавались: богословіе, діалектика, риторика, физика, математика и пѣніе псалмовъ. Классовъ всѣхъ было одинадцать, профессоровъ до 10. Метода въ преподаваніи торнская гимназія держалась гораздо лучшаго, чѣмъ всѣ католическія школы въ Польшѣ, и, не смотря на свое германское начало, оказывала сильное вліяніе на образованіе польскаго и литовско-русскаго юношества. Направленіе ея было историко-филологическое, не имѣвшее цѣлію, по словамъ Люкашевича, дѣлать изъ юношей риторовъ, или поэтовъ, но ознакомлявшее ихъ съ произведеніями грековъ и римлянъ, съ исторіею міра, съ науками точными и естественными. Блистательное состояніе торуньской школы началось въ 1596 г. Другія лютеранскія школы получили свой строй отъ торуньской гимназіи, заимствуя отъ нея: дисциплину, методику, направленіе науки, распредѣленіе классовъ и уроковъ. Въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, въ данцигской не доставало двухъ-трехъ предметовъ противъ курса торуньской школы, за то данцигская гимназія превосходила торуньскую процвѣтавшими въ ней естественными науками, служила колыбелью Гданскаго общества изслѣдователей природы (Naturforschende Geselschaft) и воспитала многихъ извѣстныхъ ученыхъ [27]).

Литовскіе кальвинисты и соединившіеся съ ними богемскіе братья имѣли гораздо больше гимназій, чѣмъ лютеране (потому что самихъ ихъ было несравненно болѣе, чѣмъ лютеранъ): въ Вильно, Биржицѣ, Брестъ-Литовскѣ, Несвижѣ, Сѣмятычахъ, Спидловѣ, Заблудовѣ, Кіейданахъ, Цабкудовѣ, Лешкѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, ученики упражнялись въ сочиненіи высокопарныхъ поэмъ, похвальныхъ словъ, надгробныхъ рѣчей, элегій, епитафій, епиталаній, и любили порисоваться предъ публикою устройствомъ сценическихъ представленій и религіозныхъ мистерій. Но эта декоративная постановка учебнаго дѣла, невольная и ничтожная дань духу времени, имѣла совершенно другіе результаты, чѣмъ какіе достигались въ католическихъ школахъ; поэзія здѣсь развилась на другихъ началахъ; приближаясь по духу и формѣ къ древней классической литературѣ, она усовершенствованнымъ народнымъ языкомъ воспѣвала также псалмы, составляла пѣсни, безъискуственные гимны, мелкія остроумныя безделицы, сатиры, театральные діалоги и т. д. (Тржецесскій, Рей, Любельскій и проч.). Методы преподаванія во всѣхъ реформатскихъ училищахъ были одинъ другаго лучше, особенно же процвѣтала методика въ Лешковской школѣ, направленіе вездѣ было строго научное. Методъ и направленіе въ существѣ своемъ были такіе же, какіе и въ лютеранскихъ школахъ. Предметы преподавались здѣсь тѣ же, что и у лютеранъ, съ прибавленіемъ нравственной философіи, или этики и государственнаго права,

языковъ: нѣмецкаго, русскаго и литовскаго. Русскій языкъ съ наибольшимъ успѣхомъ изучался въ виленской гимназіи, такъ какъ въ ней много было русскихъ питомцевъ. Лучшія изъ всѣхъ реформатскихъ школъ: виленская и лешковская. Въ виленской воспитывались сыновья Радзивилловъ, Головщинскихъ, Кишковъ, Сапѣговъ, Гарабурдовъ, Тышковичей и многихъ другихъ вельможъ. По сознанію самихъ іезуитовъ, своею популярностію она грозила привлечь къ себѣ все литовское, польское и нѣмецкое (изъ Пруссіи и Ливоніи) юношество. Поддерживаемые Христофоромъ Николаевичемъ Радзивилломъ Краснымъ, виленскіе кальвинисты хотѣли возвести свою школу на степень академіи и уже пріобрѣли профессоровъ изъ Германіи, но, по интригамъ іезуитовъ, школа не только не преобразована, но и вовсе была закрыта (въ 1640 г.). Лешковская школа, основанная въ 1555 г. Рафаиломъ Лещинскимъ (который богато одарилъ ее и начерталъ обширную программу наукъ) формально самимъ правительствомъ преобразована была (въ 1628 г.) въ высшее учебное заведеніе. Въ тридцатыхъ годахъ 17 стол., въ почетномъ составѣ своихъ преподавателей она имѣла Рыбинскаго, Коменія, Венгерскаго, Іонстона и другихъ. Изданныя этими профессорами учебныя руководства, преимущественно по языкознанію и всеобщей исторіи, получили европейскую извѣстность. Учащаяся молодежь собиралась въ лешковскую школу изъ Польши, Литвы, Силезіи, Моравіи и Богеміи. Въ учрежденной при ней типогрофіи напечатано много книгъ на польскомъ, богемскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Жаль только, что она вдалась въ религіозный и притомъ сектантскій мистицизмъ и чрезъ то перестала быть популярною [28]).

Социніанскія школы въ Литвѣ также имѣютъ свою небезъизвѣстную исторію. Главнѣйшія изъ нихъ находились въ Раковѣ, Левартовѣ, Пиньчовѣ, Смиглѣ, Луславицахъ и т. д. Въ нихъ проходились тѣ же предметы, что въ лютеранскихъ и реформатскихъ гимназіяхъ, за исключеніемъ физики, математики и языковъ: нѣмецкаго, русскаго и литовскаго. Классовъ было большею частію по пяти. Лучшими изъ этихъ школъ признаются раковянская и левартовская. Раковянская за процвѣтаніе въ ней науки удостоилась, какъ извѣстно, названія Аѳинской социніанской академіи, а за городомъ, въ которомъ она помѣщалась, увѣковѣчила названіе социніанскаго Рима. Въ левартовскую школу стекалось такое множество слушателей, что она не могла вмѣщать всѣхъ въ стѣнахъ своихъ, но гоненія, моровыя язвы и нападенія татаръ на Подолію разогнали ея воспитанниковъ. (Совращеніе въ католичество и смерть основателя и попечителя этой школы были послѣднимъ смертельнымъ ударомъ для нея. Другія аріанскія школы были также недолговѣчны и только одна изъ нихъ луславицкая дожила до послѣдняго изгнанія аріанъ изъ Польши) [29]).

Религіозно-нравственное и физическое воспитаніе въ протестантскихъ школахъ, преимущественно реформатскихъ, находилось въ соотвѣтствіи съ постановкою учебной части. О состояніи религіозно-нравственнаго и физическаго воспитанія можно судить по оставшимся отъ того времени и находившимъ обширное примѣненіе на практикѣ педагогическимъ трактатамъ; уставовъ же и инструкцій школьныхъ не дошло до насъ. По трактату Андрея Модржевскаго «de republica emenda», изданному въ 1551 г., началомъ воспитанія полагается страхъ Божій, обученіе всѣхъ чувствъ благочестію, а не узкое какое нибудь честолюбіе съ одобреніями и порицаніями; вмѣняется въ обязанность постоянно указывать дѣтямъ на Христа, водить ихъ въ храмъ на проповѣди и богослуженіе, воспитывать въ нихъ самоотверженную любовь къ Богу и ближнему, предохранять ихъ отъ роскоши. По части физическаго воспитанія предлагаются подробныя и прекрасныя наставленія объ образѣ жизни, пищѣ и питіи, движеніи и гимнастикѣ. Вообще построеваемый въ этомъ сочиненіи планъ воспитанія отличается такою возвышенностію, жизненностію и многосторонностію началъ, такимъ неисчерпаемымъ обиліемъ средствъ къ ихъ осуществленію, что отъ нихъ многому можетъ поучиться и современная намъ педагогика. Таковъ же, по содержанію и достоинству, трактатъ Еразма Гличнера (изданный въ 1558 г.), обнимающій всю жизнь питомца, съ минуты рожденія до вступленія въ свѣтъ, и отличающійся глубокимъ пониманіемъ жизни и ея высшихъ интересовъ. Достойно замѣчанія, что планъ занятій какъ для учителей, такъ и для учениковъ со всею точностію и предусмотрительностію опредѣлялся на синодахъ. Такъ на виленскомъ синодѣ 1629 г. Андрей Добржанскій написалъ планъ занятій для реформатскихъ школъ. Ученѣйшій Яблонскій отозвался объ этомъ сочиненіи такъ: «инструкціи, законы (leges) школъ литовскихъ написаны Добржанскимъ умно» [80]). Такъ хорошо устроены протестантскія школы со всѣхъ ихъ сторонъ: религіозной, нравственно-воспитательной и учебной.

Лучшія изъ этихъ школъ содѣйствовали развитію русскаго просвѣщенія уже тѣмъ, что привлекали къ себѣ русское юношество, переходившее въ нихъ изъ академій католическихъ. Съ теченіемъ времени число русскихъ юношей, получавшихъ образованіе въ протестантскихъ школахъ, все увеличивалось, такъ что изъ нихъ составились особые классы, или отдѣленія, и нѣкоторые изъ нихъ сами становятся преподавателями въ школахъ и не одного русскаго языка, какъ было напримѣръ въ виленской гимназіи, но и всѣхъ наукъ, проходимыхъ въ этихъ русскихъ классахъ, или отдѣленіяхъ. Такъ, напримѣръ, было въ Слуцкѣ. Князь Христофоръ Христофоровичъ Радзивиллъ, намѣреваясь ввести въ своихъ слуцкихъ латинскихъ школахъ «преподаваніе русскихъ наукъ (какихъ именно не извѣстно) для русскаго народа», съ цѣлію еще большаго привлеченія въ нихъ рус-

скихъ, просилъ кіевскаго митрополита Іова Борецкаго прислать ему учителей изъ людей «ученыхъ и трезвыхъ». Митрополитъ отвѣтилъ, что при немъ лично нѣтъ такихъ людей, потому что человѣкъ съ двумя этими добродѣтелями — такая рѣдкость, какъ фениксъ въ морѣ, драгоцѣнный брильянтъ между камнями и золото между металлами, но въ самомъ Слуцкѣ нѣтъ недостатка въ ученыхъ русскихъ людяхъ, которые, по подданической своей обязанности предъ княземъ, по желанію и приказу князя, не могутъ отказаться отъ порученныхъ имъ занятій [31]).—Если многіе православные обучались въ школахъ и домахъ протестантовъ, то и собственныя свои школы они могли устроить при пособіи и заручкѣ тѣхъ же протестантовъ.

Это смѣло можно сказать во-первыхъ о старѣйшей острожской школѣ,— этой alma mater всѣхъ учебныхъ заведеній края. Основанная въ 1580 г. Константиномъ Острожскимъ, она, чрезъ 15—20 лѣтъ по основаніи, стояла такъ высоко, что вполнѣ достойна была почетнаго имени, какое дано было ей основателемъ: «академія острожская» (хотя оно и не увѣковѣчено за нею исторіею). Въ ней, по порядку классовъ, (число которыхъ не извѣстно) преподавались: грамматика, ариѳметика, пасхалія, языки: славянскій, латинскій, греческій и польскій, св. писаніе, ученіе св. отцевъ, богословіе, исторія церковная общая и отечественная, поэзія, риторика, діалектика и начала медицины. Но изъ всѣхъ предметовъ особенное вниманіе было обращено на греческій языкъ — въ видахъ обогащенія русской литературы переводами съ греческаго. Для лучшаго успѣха въ изученіи греческаго языка, вмѣнено въ обязанность ученикамъ говорить между собою по-гречески и по-славянски, такъ чтобы одинъ спрашивалъ по-славянски, другой отвѣчалъ по-гречески. Преподавателями въ школѣ были большею частію греки. — люди образованные и даровитые, во главѣ которыхъ стояли: извѣстный намъ ректоръ и учитель Кириллъ Лукарисъ и экзархъ цареградскаго патріарха Никифоръ. Кромѣ лицъ, принадлежавшихъ къ составу школы, она умѣла призвать къ ученымъ трудамъ и стороннихъ лицъ, также большею частію грековъ, которыхъ много жило въ юго-западной Россіи [32]). И вотъ не только въ ней, но и далеко за предѣлами ея «православіе наше почало просіявати яко солнце, люди ученые почали показыватися въ церкви Божіей, учители и строители церкви Божіей и книги друкованныя начали множитися» [33]). Главный характеръ всей этой образованности и ея разсадницы острожской академіи былъ греческій.

Намъ кажется, что самое стремленіе къ высшему образованію, которому призвана удовлетворить острожская академія, вызвали въ южно-русскомъ обществѣ протестанты. Это можно видѣть во-первыхъ изъ того, что стремленіе русскихъ къ высшему образованію и, какъ практическій отвѣтъ этому стремленію, острожская школа появились тогда, когда іезу-

итскія коллегіи еще зараждались, виленской іезуитской и замойской академій еще не было, а краковская клонилась къ упадку, между тѣмъ какъ протестантскія школы въ Литвѣ достигли высшаго процвѣтанія, которыя, по всей вѣроятности, и подали первый ближайшій поводъ и примѣръ къ открытію острожской школы. Затѣмъ, острожская школа долженствовала быть реакціею, грозою для исконныхъ враговъ латинянъ, а впослѣдствіи уніатовъ; она умѣла воспитать и воспитала сильныхъ борцовъ православія, каковы Стефанъ Зизаній, Леонтій Карповичъ, пресвитеръ Даміанъ, Герасимъ Смотрицкій и Мелетій Смотрицкій, до отпаденія своего въ унію ревностный поборникъ православія... содѣйствовать осуществленію этой задачи могли, конечно, не католики, но скорѣе протестанты. Наконецъ, греки едва ли могли быть главными и единственными виновниками возрожденія и развитія науки на Руси. Изъ всего сказаннаго нами о происхожденіи греческаго направленія образованія, перешедшаго съ южной Руси въ сѣверную, кажется, ясно, что введенію самого греческаго направленія образованія, выбору грековъ учителей и пр., какія мы видѣли въ острожской школѣ много способствовали мѣстные протестанты, что благодаря близкимъ своимъ сношеніямъ съ ними, мудрый основатель школы созналъ нужду просвѣщенія и рѣшился, «поискать высшей науки», а найти ее въ чистотѣ православія онъ могъ только у грековъ. Но главное, протестантизмъ, какъ продуктъ возрожденія науки и преимущественно греческой, вездѣ начиналъ производить умственное движеніе пробужденіемъ интереса къ классическому языкознанію и наукѣ преимущественно греческой: во всѣхъ лучшихъ протестантскихъ школахъ всегда съ греческою филологіею развивался экзегизъ; на основаніи греческихъ классиковъ составлялись лучшія правила краснорѣчія; изъ тѣхъ же классиковъ поэзія ихъ почерпала столько силы, свѣжести и энергіи; исторія, философія — все развивалось по греческимъ образцамъ. Но знакомство съ этимъ языкомъ и его литературою и сравненіе съ нимъ своего отечественнаго языка вездѣ производило разочарованіе въ собственномъ родномъ языкѣ, который естественно представлялся едва способнымъ къ выраженію простыхъ вещей первой потребности, не обработаннымъ въ оборотахъ, непристойнымъ въ шуткахъ, грубымъ даже въ молитвѣ. Всѣми чувствовалась потребность возвысить родное слово въ уровень съ древними языками, обработать его въ мѣру ихъ идеальнаго совершенства. И, чтобы подвести отечественную литературу подъ высоту древней классической, ей усвояются древніе образы, въ уста и сердце выводимыхъ въ ней лицъ — героевъ, влагаются слова и чувствованія древнихъ классическихъ героевъ. И если въ возраждающейся русской рѣчи и наукѣ, начиная съ добраго почина острожской школы, преобладаетъ характеръ древней греческой образованности, царятъ ея античная мысль и образы, и даже разговорный языкъ улучшается въ духѣ греческаго художественнаго слова, то внутренняя глубочайшая причина этого скрывается,

надобно полагать, въ благотворномъ вліяніи на южно-руссовъ протестантской образованности: она по, всей вѣроятности, ввела ихъ въ самый духъ науки, всецѣло опочившій на ней самой, въ первоисточныя начала, въ глубочайшіе, животворные родники ея. Производить же греческій характеръ русской образованности изъ одной греческой значитъ, по нашему крайнему мнѣнію, не проникать во внутреннюю посредствующую связь историческихъ явленій и скользить по одной поверхностной сцѣпляемости ихъ. Правда, на западѣ Европы классическое греческое образованіе возродилось вслѣдствіе наплыва греческихъ ученыхъ, въ концѣ 14 и началѣ 15 вв., и произведеннымъ имъ гуманистическимъ движеніемъ оно само подготовило почву для протестантизма; но и тамъ совершено лишь возрожденіе наукъ; полное же развитіе и усовершенствованіе ихъ въ греческомъ классическомъ духѣ послѣдовало уже въ протестантствѣ. На юго-западѣ Россіи много было греческихъ ученыхъ и прежде, особенно же наплывъ ихъ увеличился въ концѣ 14 в., но цѣлыя столѣтія наука не возрождалась въ ней; греческая образованность оставалась мертвымъ, непочатымъ капиталомъ. Западно-руссы овладѣли этимъ сокровищемъ, поняли всю важность и нужду усвоенія греческой науки и литературы, когда со всѣхъ сторонъ охватило ихъ протестантское движеніе: хорошо знавшіе цѣну греческому классическому образованію, протестанты, надобно полагать, указали имъ, какой кладъ лежитъ у нихъ подъ руками и научили ихъ воспользоваться его достояніемъ, богатствомъ [34]).

Что протестанты содѣйствовали острожской школѣ въ достиженіи и распространеніи такого рода образованія, въ этомъ всего болѣе можетъ убѣдить насъ внутренній строй академіи: курсъ наукъ, методы преподаванія, классная дисциплина и вообще педагогическій строй. По одному извѣстію, многіе внутренніе распорядки, число классовъ, распредѣленіе учебныхъ часовъ и многія учебныя пособія князь Константинъ заимствовалъ для своей школы отъ «иноземныхъ школъ» (подробности не извѣстны)[35]). Нельзя опредѣленно указать, съ какихъ именно школъ взяты эти порядки, но по всей вѣроятности не съ краковской академіи, съ которою острожская академія мало имѣетъ сходства въ курсѣ наукъ, еще менѣе въ методахъ преподаванія, въ дѣленіи на факультеты (тамъ падала наука, здѣсь же возрождалась, развивалась), и не съ латинскихъ иноземныхъ академій, которымъ, какъ и самимъ латинянамъ, православный князь не любилъ подражать, а скорѣе съ протестантскихъ школъ, отчасти заграничныхъ, съ которыми могли ознакомить его просвѣщенные друзья его — литовскіе протестанты, часто посѣщавшіе заграничные университеты [36]), а всего болѣе съ литовскихъ реформатскихъ гимназій, напримѣръ виленской, съ которыми острожская школа имѣла поразительное сходство въ курсѣ всѣхъ наукъ (за исключеніемъ государственнаго права и нѣмецкаго языка, которые не преподавались въ острожской школѣ),

въ направленіи ихъ, методахъ преподаванія и т. д. Съ тѣхъ и другихъ школъ могли занести сюда эти методы, дисциплину и другіе порядки тѣ учители лютеране, кальвинисты и аріане, которыхъ князь Острожскій, за неимѣніемъ способныхъ наставниковъ изъ православныхъ, пригласилъ на вновь открытыя каѳедры[37]). По другому извѣстію, въ острожской школѣ введены были, первымъ ея ректоромъ Лукарисомъ, тѣ же внутренніе распорядки, какіе онъ, бывши уже константинопольскимъ патріархомъ, предложилъ греко-славянской луцкой школѣ въ своемъ извѣстномъ уставѣ, изданномъ въ 1623 г. и послужившемъ образцомъ для всѣхъ юго-западныхъ школъ. А внутренніе порядки и дисциплина школы, обязанности учителей и учениковъ, опредѣляемые этимъ уставомъ, во многомъ напоминаютъ установленія и порядки, существовавшіе въ лучшихъ реформатскихъ школахъ Литвы. Даже религіозно-нравственный строй, вводимый этимъ уставомъ, много походитъ на тотъ религіозный исключительный характеръ, которымъ отличались лучшія реформатскія школы, наприм. кіейдановская, пасторатскія и какой изображенъ въ упомянутомъ педагогическомъ трактатѣ Модржевскаго. По этому уставу, въ православныхъ школахъ такъ же, какъ напримѣръ въ пансіонахъ пасторатскихъ, молитва, перемежавшаяся чтеніемъ слова Божія, смѣнялась ежедневно наукой; наука—пѣніемъ, пѣніе—физическими упражненіями, и опять молитва, опять наука[38]). Это не уставъ, а катихизисъ и кодексъ нравственныхъ наставленій; здѣсь что ни правило, то нравственная сентенція и изреченіе отъ писанія. Училище, построенное на такихъ началахъ, было, по истинѣ, училищемъ благочестія[39]). Сходство его съ этой стороны съ описанными прежде училищами, особенно съ пасторатскимъ — поразительное. И едва ли это сходство было случайное: всегдашній близкій союзникъ протестантовъ Кириллъ Лукарисъ очень могъ позаимствоваться отъ нихъ добрыми этими учрежденіями и обычаями, хотя во многомъ превзошелъ самихъ учителей и самый образецъ[40]).

По образцу острожской школы устроены были школы во многихъ другихъ мѣстахъ: во Львовѣ, Туровѣ въ 1586 г., Вильнѣ и Кіевѣ — въ 1588 г., Брестѣ — въ 1591 г., Минскѣ — въ 1592 г., Бѣльскѣ — 1594, Луцкѣ — 1617, Пинскѣ, Могилевѣ и т. д. Въ этихъ школахъ меньше преподавалось предметовъ, чѣмъ въ острожской, но, если ихъ родоначальница острожская академія была устроена, организована по образцу протестантскихъ школъ, то внутренній строй послѣднихъ сохранился и въ нихъ. Объ учебномъ курсѣ всѣхъ этихъ школъ извѣстно вообще, что въ нихъ преподавались языки: русскій, славянскій, польскій, греческій и латинскій[41]). Но есть твердое основаніе полагать, что вмѣстѣ съ классическими языками изучались въ нихъ высшія науки, выработанныя классическими народами древности и преподававшіяся тогда на западѣ на этихъ языкахъ, что языки сами по себѣ не были цѣлію, а

служили лишь средствомъ къ изученію этихъ наукъ. Такъ, по свидѣтельству королевской грамоты, въ пинской школѣ проходились «вызволенныя (свободныя) науки языковъ греческаго и латинскаго» и самая школа называется въ той же грамотѣ «семинаріею»; преподаватели ея «годными учеными мужами»[42]). По внутреннему ея строю и по внѣшнимъ гражданскимъ правамъ и преимуществамъ, она ставится наравнѣ съ высшими школами государства[43]). Въ могилевской школѣ король дозволяетъ ввести «всѣ вызволенныя науки языковъ вшелякихъ» (всякихъ)[44]). Во львовской школѣ изучались древніе поэты, философы и историки[45]). При строго-классическомъ направленіи всѣхъ этихъ «потребныхъ и належныхъ школъ, «мертвою латиною не мучили въ нихъ дѣтей, а преподавали всѣ науки имъ на родномъ русскомъ или церковно-славянскомъ языкѣ. Въ методахъ преподаванія здѣсь не было ничего похожаго на схоластику католическихъ школъ. «Внутренніе (дисциплинарные) порядки исправовались» (соблюдались) вездѣ такіе же, какіе существовали и въ образцовой острожской школѣ. Наконецъ, всѣ почти школы раздѣлялись на младшія, или приготовительныя отдѣленія, гдѣ давалось дѣтямъ первоначальное, элементарное образованіе, и высшія, воспитывавшія «людей ученыхъ, особъ духовныхъ и свѣтскихъ для науки школьныя»[46]). Итакъ, по своему направленію, методамъ преподаванія, школьной дисциплинѣ и раздѣленію на классы, всѣ поименованныя школы были точь-въ-точь протестантскія гимназіи средняго разряда (строго-классическія, или историко-филологическія, чуждыя схоластическаго метода и раздѣлявшіяся на низшія и старшія школы).

Въ частности, вліяніе протестантской педагогики и литературы всего очевиднѣе отразилось на устройствѣ и состояніи трехъ упомянутыхъ школъ: львовской, виленской и кіевской. Львовская школа, по своему учебному плану, а болѣе по исполненію его, стояла выше всѣхъ тогдашнихъ бурсъ краковской академіи[47]). Росла и развивалась она весьма быстро. Черезъ два года, по открытіи своемъ, она надѣляетъ виленское братство учебными книгами, которыя она составила ранѣе другихъ русскихъ школъ (въ острожской же академіи учебныя руководства были греческія, или нѣмецкія) — и во все послѣдующее время снабжаетъ всѣ училища грамматиками, піитиками, риториками, философіею, богословіями учительными, полемическими и богослужебными книгами[48]); воспитываетъ ученыхъ священниковъ, учителей и діаконовъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько выпустили ихъ другія школы[49]). Въ объясненіе такого развитія и процвѣтанія школы, а также первоначальнаго ея строя и устава, обыкновенно указываютъ на то, что галицкая Русь, какъ наиболѣе близкая къ просвѣщенному западу, прежде всѣхъ русскихъ областей воспользовалась улучшеніями въ учебной системѣ, какія сдѣланы были въ это время на западѣ[50]). Дѣйствительно, въ странѣ, не менѣе всѣхъ другихъ

южно-русскихъ областей, страдавшей отъ католическаго гнета и не имѣвшей физической возможности сдѣлать ни одного серіознаго движенія въ области просвѣщенія, не могла такъ процвѣтать школа и наука безъ просвѣщеннаго и дѣятельнаго содѣйствія запада. Но, если школа эта скоро превзошла высшія латинскія школы и всецѣло отрѣшилась отъ вѣковыхъ оковъ рутины и схоластики, то откуда же могло придти къ ней это содѣйствіе, какъ не изъ протестантскаго образованнаго запада? Замѣчательно, что уставъ львовскій (§ 9) строго запрещаетъ ученикамъ держать при себѣ какія-бы то ни было иновѣрческія и еретическія книги и велитъ наставникамъ отбирать ихъ у учениковъ, потому что неопытность юношеская не могла сдѣлать изъ нихъ благоразумнаго и полезнаго употребленія, какое могли извлечь изъ нихъ сами наставники. Но самое это запрещеніе показываетъ, что какъ въ школѣ, преимущественно между наставниками, такъ и внѣ ея ходило много иновѣрческихъ книгъ, и между ними много было, конечно, протестантскихъ: такъ какъ это были самыя лучшія и распространенныя книги. И не этими ли книгами, въ исправленномъ, конечно, видѣ и переводѣ на славянскій языкъ, львовская школа такъ щедро надѣляла всѣ другія школы?

Виленская школа также быстро росла и развивалась, какъ и львовская. Въ третій годъ, по основаніи своемъ (въ 1592 г.), она помѣщалась въ двухъ большихъ домахъ, соединенныхъ вмѣстѣ [51]). Въ 1617 г. виленское братство «соорудило каменнымъназданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ (классовъ) раздѣленный, отъ нихъ же въ трехъ латинская наука иновѣрными нѣмцами (читается), въ четвертомъ русская, пятое училище во словенскаго и греческаго языка наказаніе» [52]). Зависть и злоба враговъ разглашали, что эти «иноземніи и русскіе профессоры переходятъ въ виленскую школу, привлекаемые жирными виленскими пирогами», но безпристрастный изслѣдователь, неизвѣстный по имени, львовскій священникъ писалъ, что «оные еретики явились истинными благодѣтелями для братства, посланными отъ Бога, въ лютую годину бѣдствій, заступцами», съ помощію которыхъ школа росла и высилась, приготовляя множество «мудрыхъ казнодѣевъ (проповѣдниковъ) и искусныхъ іереевъ» и издавая замѣчательныя сочененія не только полемическія, но и научныя и педагогическія [53]).

Кіевская школа въ разработкѣ науки не отставала отъ другихъ своихъ сверстницъ и соперницъ. Она вращалась въ сферѣ строго-научной полемики, философіи и богословія. Полемику съ иновѣрными она вела не латинскими силлогизмами, не въ стѣснительныхъ формулахъ методики Аристотеля, какъ было тогда на западѣ, а «отъ догматовъ и писаній св. отцевъ восточныхъ». Появившіяся въ это время богословскія ея системы отличались своеродностію взгляда и особенностію плана, и въ дѣлѣ богословствованія она не довольствовалась тогдашнимъ католи-

ческимъ авторитетомъ Doctoris Angelici et Divini — Өомы Аквината, но пошла дальше, оказавъ несомнѣнно большіе успѣхи. Въ 30-хъ годахъ XVII ст. она пользовалась извѣстностію за границею, и изъ нѣкоторыхъ окрестныхъ странъ пріѣзжали молодые люди учиться въ ней [54]). Своимъ преспѣяніемъ кіевская школа обязана преимущественно протестантской наукѣ и литературѣ, которая и возвысила ее надъ католическими школами запада. И что она находилась подъ вліяніемъ этой иновѣрческой науки, невсегда однако безопаснымъ въ дѣлѣ вѣры, это доказываетъ также слѣдующій случай. Въ 1634 году, когда казаки, неученые попы и другіе простаки (изъ неблагоразумной ревности о вѣрѣ) подняли бунтъ противъ кіевской коллегіи и когда всѣ коллегіальные учители ежеминутно ожидали, что начнутъ начинять ими днѣпровскихъ осетровъ, префектъ коллегіи Сильвестръ Коссовъ написалъ по этому случаю апологію, въ которой изъяснилъ различіе догматовъ аріанскихъ, кальвинскихъ и лютеранскихъ, увѣряя, что препадаватели коллегіи твердо слѣдуютъ ученію православной церкви. Содержаніе апологіи показываетъ, что въ народѣ очень сильно было подозрѣніе въ измѣнѣ учителей православію и въ уклоненіи въ протестантство. Пусть подозрѣніе это было преувеличено и раздуто іезуитскою интригою, пусть учители не сдѣлались еретиками, кальвинистами, какъ утверждали напротивъ іезуиты, но что «въ коллегіи читались науки еретическія, протестантскія»,—въ этомъ есть значительная доля правды. Впрочемъ, коль скоро, при содѣйствіи протестантской образованности, развились и окрѣпли силы юной школы, она направила ихъ противъ тѣхъ же руководителей и помощниковъ, которые такъ полезны были для нея въ дѣлѣ науки, но небезопасны въ дѣлѣ вѣры. Съ ея каѳедръ постоянно слышалось обличительное слово на кальвинистовъ, лютэранъ, социніанъ, которымъ всѣмъ былъ притонъ въ Кіевѣ. На годичныхъ экзаменаторскихъ диспутахъ происходили споры съ ученѣйшими изъ этихъ иновѣрцевъ, и это были самыя оживленныя и интересныя состязанія [55]). Въ кіевской коллегіи можно замѣчать еще одинъ прекрасный обычай, перенесенный сюда изъ протестантства. Каждый день предъ позднею обѣднею учитель риторики или префектъ произносилъ поученія, или такъ называемыя великія инструкціи, которыя состояли въ систематическомъ истолкованіи какой-либо цѣлой книги изъ Ветхаго, а чаще изъ Новаго Завѣта. Великая инструкція произносилась въ риторическомъ классѣ предъ всѣми воспитанниками коллегіи, обязанными непремѣнно бывать на ней, но къ слушанію ея собирались и лица посторонніе и особенно богомольцы, приходившіе изъ дальныхъ странъ на поклоненіе святынѣ Кіева. Каждый же день преподавалась и другая такъ называемая малая инструкція, состоявшая въ томъ, что на ранней обѣдни одинъ изъ младшихъ учителей изъяснялъ народу православный катихизисъ. Въ воскресные и праздничные дни, кромѣ двухъ обычныхъ инст-

рукцій, была еще третья проповѣдь, которую говорилъ въ большой братской церкви очередной коллегіатъ [56]). Столь частое и регулярное проповѣдничество, выборъ предмета для проповѣди, превращеніе школьной каѳедры въ публичную и церковную—все это, вѣроятно, было взято съ примѣра протестантскихъ и преимущественно реформатскихъ общинъ, гдѣ было по двѣ и по три проповѣди въ день, съ изъясненіями Ветхаго и Новаго Завѣта и катихизиса, и гдѣ школа была церковію и церковь—школою (въ школахъ народъ собирался на церковную проповѣдь) [57]). Да и самый столь усиленный запросъ на проповѣдь могъ пробудиться въ нашемъ обществѣ въ виду столь развитаго интереса къ проповѣдничеству у протестантовъ. Тѣ же ревнители православія, которые такъ сильно жаловались на посѣщеніе православными протестантскаго богослуженія и «постиллъ», должно быть изъ подражанія и соревнованія, ввели у себя учащенную проповѣдь и такъ хорошо съумѣли поставить ее у себя, что привлекали къ себѣ постоянно множество слушателей своихъ и пришлыхъ, ближнихъ и дальнихъ. Итакъ, не только острожская академія, но и открытыя ею школы многое заимствовали отъ протестантскихъ школъ и общинъ и ихъ литературы: педагогической, богословской, философской, полемической, проповѣднической и т. д.

Въ сношеніяхъ южно-русскихъ православныхъ съ мѣстными протестантами можно искать побудительной причины и руководящаго вліянія на устройство благодѣтельныхъ для науки учрежденій, какъ типографіи, или, какъ ихъ тогда называли, нѣмыхъ проповѣдей. Извѣстно, что при острожской школѣ открыта была обширная типографія, оказавшая важныя услуги для русскаго просвѣщенія распространеніемъ въ народѣ значительнаго числа книгъ. Какъ по образцу острожской школы, на щедрыя пожертвованія князя, устроены были школы во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ по образцу острожской типографіи, на счетъ той же безграничной щедрости князя, заведены во многихъ мѣстахъ типографіи: въ Дермани, Кіево-Печерской лаврѣ... [58]) Просвѣщенный князь, конечно, самъ могъ придти къ мысли основать у себя эти и другія типографіи, но къ исполненію своей мысли, къ дѣлу столь трудному для тогдашняго времени онъ едва ли приступилъ прежде, чѣмъ увидѣлъ, какъ оно дѣлается у другихъ и ближе всего—у мѣстныхъ протестантовъ, которые, какъ мы видѣли, такъ богаты были этого рода учрежденіями. Если онъ рѣшился пригласить въ свою школу преподавателей изъ протестантовъ, воспользоваться ихъ учебными пособіями, методами, то тѣмъ болѣе онъ могъ положиться на ихъ содѣйствіе въ такомъ механическомъ дѣлѣ, какъ учрежденіе типографій. Справедливость этого предположенія подтверждается отчасти свидѣтельствомъ Красинскаго: протестанты, говоритъ онъ, первые открыли въ Литвѣ типографіи для распространенія своего ученія; по ихъ примѣру послѣдователи римской и восточныхъ церквей завели множество собственныхъ типографій [59]).

Самымъ важнымъ дѣломъ острожской типографіи, увѣковѣчившимъ въ исторіи ея имя и имя ея основателя и вмѣстѣ наилучшимъ памятникомъ любви Константина къ своей вѣрѣ и народу было изданіе библіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что для исправленія и изданія библіи непосредственные примѣръ и побужденія даны были со стороны протестантовъ. При дружескихъ своихъ сношеніяхъ съ протестантами, просвѣщенный князь не могъ не видѣть, что учители и проповѣдники ихъ, напр. Георгъ Мейеръ, Еразмъ Гличнеръ [60]) не только предлагаютъ народу чтеніе св. писанія на общедоступномъ для него языкѣ, но и распространяютъ въ народѣ обширныя экзегетическія изслѣдованія, унаслѣдованныя ими отъ старыхъ протестантскихъ экзегетовъ, и что свое обаяніе на народъ они производятъ преимущественно отличнымъ знаніемъ св. писанія. Но отъ просвѣщеннаго взора князя не могло укрыться и то, что главное зло въ протестантствѣ, дробленіе его на общества, секты и сектцы происходитъ оттого, что тамъ каждый, доводя до крайности принципъ первыхъ экзегетовъ, присвоиваетъ себѣ право толковать св. писаніе по своему личному убѣжденію, признавая это убѣжденіе за внутреннее озареніе свыше (потому что этихъ личныхъ убѣжденій столько, сколько головъ или умовъ, а эта безконечная рознь въ убѣжденіяхъ, при отсутствіи одного непреложнаго критерія, единаго вселенскаго авторитета церкви, — необходимо влечетъ за собою разобщеніе въ обычаяхъ, въ жизни и дѣятельности, или, что то же, раздѣленіе на общества и секты). Благочестивая и просвѣщенная ревность князя по вѣрѣ православной не могла не опасаться, что при той любознательности, возбужденности мысли, страсти къ словопреніямъ и испытанію писаній, какія произведены были на Руси поднятымъ протестантами научнымъ движеніемъ,—крайній недостатокъ вѣрныхъ и однообразныхъ списковъ библіи можетъ подать поводъ къ такимъ же произвольнымъ, по личному убѣжденію каждаго, толкованіямъ писанія, какія надѣлали столько зла и въ протестантствѣ, что это отсутствіе неизмѣннаго, однообразнаго текста св. писанія, — (все равно какъ недостатокъ у протестантовъ одного непреложнаго критерія — вселенскаго авторитета церкви) можетъ повести къ подобнымъ печальнымъ послѣдствіямъ, къ розни во взглядахъ и убѣжденіяхъ и раздѣленію на разные толки и секты. Чтобы предотвратить опасность со всѣми ея несчастными послѣдствіями, а съ другой стороны, чтобъ распространить въ православномъ народѣ и преимущественно въ его пастыряхъ и учителяхъ знаніе св. писанія, благочестивый князь рѣшился издать новую библію «не съ испорченныхъ книгъ еретическихъ, но отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ переводчиковъ на вожделѣнномъ праотецъ своихъ языкѣ» (церковно-славянскомъ) [61]). И какъ недавно Альбертъ Прусскій (въ 1551 г.) и Николай Радзивиллъ (въ 1563 г.), задумавъ изданіе библіи на туземномъ языкѣ, собрали на большія деньги лучшіе списки ея,

вызвали многихъ даровитыхъ ученыхъ и лингвистовъ и сами лично наблюдали надъ исправленіемъ и переводомъ священныхъ книгъ [62]), такъ и князь Константинъ, «не пощадѣвъ ни труда, ни тщанія, ни сокровищъ, собралъ наилучшіе списки библіи (изъ странъ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ, даже изъ римскихъ предѣловъ и Кандійскихъ острововъ), вызвалъ множество людей, наказанныхъ въ писаніяхъ св. еллинскихъ и словенскихъ, иже, (при неусыпныхъ попеченіяхъ самого князя) исправиша и издаша печатнымъ тисненіемъ свящ. библію, отъ нихъ же и пойде межъ нами прилежное испытаніе писаній» [63]).

Кромѣ библіи, острожскою типографіею издано не мало книгъ: богослужебныхъ, нравоучительныхъ и полемическихъ [64]). И такъ какъ знаніе церковно-славянскаго языка отъ преобладанія польскаго и латинскаго сильно тогда упало въ народѣ, то въ видахъ поднятія въ народѣ знанія забываемаго языка и въ видахъ доставленія всѣмъ классамъ общества общедоступнаго чтенія, всѣ почти книги печатались въ двухъ текстахъ церковно-славянскомъ и литовско-русскомъ [65]). Изданіе богослужебныхъ книгъ на національномъ языкѣ не русскими и славянами заимствовано у нѣмцевъ-протестантовъ, но нѣмцами у славянъ. Моравскіе славяне, какъ извѣстно, первые изъ новыхъ христіанскихъ народовъ имѣли богослуженіе и проповѣдь на своемъ національномъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе у южно-русскихъ православныхъ богослужебныя книги на древле-національномъ славянскомъ языкѣ появились въ достаточномъ количествѣ тогда, когда у литовскихъ протестантовъ было уже множество богослужебныхъ книгъ на общедоступномъ литовскомъ языкѣ. Нужно полагать, что и здѣсь примѣръ сосѣднихъ протестантовъ не остался безъ дѣйствія на южно-русскихъ православныхъ [66]). Что касается до изданія богослужебныхъ книгъ, святоотеческихъ твореній въ другомъ еще текстѣ литовско-русскомъ, то это было отчасти подражаніемъ, отчасти противодѣйствіемъ практикѣ сосѣднихъ кальвинистовъ, которые не только въ своемъ собственномъ употребленіи имѣли достаточное количество такихъ книгъ, но распространяли ихъ въ пропагандистическихъ цѣляхъ въ русскомъ православномъ обществѣ [67]).

Если бросить общій взглядъ на дѣятельность острожской школы: научную, учебную, со всѣми ея типографскими заведеніями, изданіями книгъ и открытыми ею школами и пр., то предъ нами окажется слѣдующее отрадное явленіе. До ея открытія юго-западная Русь не имѣла ни собственныхъ книгъ, ни людей ученыхъ, покорна была иноземному, иновѣрческому образованію: и вотъ за 20 — за 30 лѣтъ, благодаря просвѣщенной и неусыпной дѣятельности школы и ея безсмертнаго основателя и покровителя, юго-западная Русь успѣваетъ въ своемъ образованіи на столько, что безбоязненно вступаетъ въ борьбу съ сильно развитыми ученіями иновѣрцевъ; она имѣетъ своихъ недюжинныхъ ученыхъ; у нея

готовъ отвѣтъ на всякое возраженіе; литература ея удовлетворяетъ потребностямъ времени. И всѣмъ этимъ южная Русь обязана сколько своему мудрому и благочестивому князю Константину (этому новому Ярославу Мудрому) и его созданію-острожской школѣ, столько же дружественнымъ сношеніямъ его съ образованными сосѣдними протестантами.

Острожской школѣ суждено было совершить лишь возрожденіе южно-русской науки (чрезъ 30 съ небольшимъ лѣтъ по своемъ основаніи, при сынѣ Константина Янушѣ, совращенномъ въ католичество, она была закрыта). Дальнѣйшее развитіе южно-русскаго просвѣщенія продолжали другія, устроенныя по ея образцу, школы: львовская, кіевская, виленская, пинская, могилевская, туровская, брестская, минская и луцкая. Онѣ воспитали и образовали немало просвѣщенныхъ іерарховъ, образованныхъ учителей, краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, ученыхъ богослововъ. Между проповѣдниками наприм. были «подобные Златоусту» въ витіиствѣ: Леонтій Карповичъ, Лазарь Барановичъ и Іоанникій Голятовскій и по своимъ «многоцѣннымъ перламъ» (собраніямъ словъ и благочестивыхъ размышленій) высокоцѣнимые народомъ напримѣръ Кириллъ Транквилліонъ. Лучшіе изъ богослововъ: Захарій Копыстенскій, авторъ «Полинодіи» и книги «о Вѣрѣ единой», которая получила особенную популярность въ Москвѣ, тотъ-же Кириллъ Транквилліонъ, написавшій «зерцало богословія» (первый опытъ систематической догматики) и упоминаемый нами неоднократно Лаврентій Зизаній. Нѣкоторые сдѣлали попытки литературной работы и въ историческомъ родѣ; таковы собранія житій и чудесъ, хроники, лѣтописи, Синопсисъ Иннокентія Гизеля (до самого Ломоносова, бывшій у насъ единственнымъ учебникомъ по русской исторіи). Мы уже не упоминаемъ о многочисленныхъ апологетахъ и полемистахъ: какой писатель не былъ тогда апологетомъ или полемистомъ! Этихъ образованныхъ дѣятелей воспитали и вообще пользовались извѣстностію южно-русскія школы тогда, когда онѣ держались того направленія (греческаго) и строя (программы, методовъ преподаванія и учебныхъ пособій), какіе существовали въ острожской школѣ, слѣдовательно, когда онѣ значительно пользовались услугами протестантовъ.

2. Равнымъ образомъ названные воспитанники этихъ школъ въ пріобрѣтшихъ имъ извѣстность трудахъ немало заимствовались изъ протестантской литературы, когда она еще находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Заимствованіе это можно находить въ проповѣдническихъ ихъ трудахъ (и учрежденіе особой должности проповѣдника можно приписывать протестантскому вліянію) [68]), а также въ догматическихъ произведеніяхъ, преимущественно со стороны формальной. Но всего очевиднѣе оно въ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ уніатовъ и латинянъ. Какъ ни славны были въ свое время, между своими соотечественниками южно-русскіе наши ученые, но предъ латинянами, между которыми не пе-

речесть докторовъ богословія и разныхъ правъ, едва ли не изъ всѣхъ европейскихъ университетовъ и академій, слава ихъ значительно меркнетъ. При томъ, всѣ они, вступая въ борьбу съ латинянами, брались за новое дѣло: западно-русскихъ полемическихъ сочиненій тогда почти вовсе не было; греческія были крайне дороги и потому рѣдки въ Литвѣ. Между тѣмъ протестантская богословская литература была богата всякаго рода произведеніями, преимущественно жъ полемическими. Догматы христіанскаго вѣроученія приведены были въ ней въ систему, разработаны важнѣйшіе богословскіе вопросы и по преимуществу противъ латинянъ. Изъ богатѣйшаго собранія фактовъ и свидѣтельствъ изъ древней церковной исторіи составлены наилучшіе учебники и монографіи, и большая часть всего этого направлена была противъ того же латинства, тогда какъ православными учеными сдѣланы были еще первыя попытки къ составленію своей исторіи и систематической догматики. Мы знаемъ, сколько было между одними сеньерами и консеньерами краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и глубокомысленныхъ экзегетовъ, затмившихъ собою германкихъ гомилетовъ и экзегетовъ [69]), сколько было образцовыхъ катихизаторовъ, писавшихъ не поученія только и изъясненія символическихъ книгъ, но и цѣлые катихизисы и исповѣданія вѣры, сколько богослововъ-полемистовъ, въ своихъ безчисленныхъ трактатахъ ниспровергавшихъ всю систему и обрядность латинства! А сколько было даровитыхъ и плодовитыхъ писателей, помимо ученыхъ этихъ сеньеровъ и консеньеровъ! Искуснѣйшій наприм. дипломатъ и канцлеръ литовско-польскій, Андрей Волянъ писалъ сочиненія по всѣмъ тогдашнимъ страслямъ науки, всего 28 трактатовъ, изъ которыхъ одинъ другаго былъ обширнѣе и содержательнѣе. Николай Пакъ, изъ латинскаго епископа сдѣлавшійся фермеромъ-реформаторомъ, написалъ также множество разнородныхъ ученыхъ книгъ. Не говоримъ уже о писателяхъ беллетристахъ, писавшихъ во всѣхъ родахъ прозы и поэзіи. И всѣ почти эти сочиненія написаны въ духѣ и направленіи полемическомъ, противолатинскомъ. Упомянутый Волянъ и извѣстный намъ туристъ Янъ Лазицкій прославились особенно на полемико-историческомъ литературномъ поприщѣ: первый комментаріями нѣсколькихъ книгъ церковной исторіи Скандерберга, второй исторіею о богемскихъ братьяхъ и о происхожденіи Польши [70]). Трудолюбіе и таланты протестантскихъ историковъ такъ были многообъемлющи и производительны, что для разработки отечественной нашей исторіи они сдѣлали едва ли не болѣе южнорусскихъ нашихъ ученыхъ. Напримѣръ протестантскій историкъ Мартинъ Бѣльскій написалъ хронику, которая возбудила къ себѣ всеобщій интересъ какъ въ сѣверо-западной, такъ и въ московской Руси, и до сихъ поръ служитъ главнымъ основаніемъ всѣхъ историческихъ излѣдованій о западномъ краѣ [71]). Янъ Лазицкій оставилъ по себѣ любопытное сочиненіе по исторіи русской церкви, съ приложеніемъ изслѣдованія о сов-

ременныхъ ему политическихъ событіяхъ, именно: de Russorum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu—e diversis scriptoribus. His in fine quaedam sunt adjecta de Livonia pacisque condicionibus et pace, confecta hoc anno (1582) inter serenissimum regem Poloniae et Magnum Ducem Moscoviae [72]). И нужно замѣтить, что почти вся эта неисчерпаемая литература написана была на общедоступномъ для южно-руссовъ языкѣ—латинскомъ. Православному писателю трудно было отказаться отъ такого богатаго интереснаго пособія и не воспользоваться готовыми и подручными ему данными: тѣмъ болѣе, что большая часть почерпаемыхъ отсюда свѣдѣній служила, по выраженію острожскаго священника, «оградою или заслоною, защищавшею православныхъ отъ зловѣрныхъ». Стоитъ только пересмотрѣть Апокрисисъ, Ѳриносъ, Апполія и другія сочиненія православныхъ того времени, чтобы придти къ невольному заключенію, что авторы ихъ не могли имѣть подъ руками всѣхъ тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ они приводятъ свидѣтельства, а присматриваясь къ характеру этихъ свидѣтельствъ, можно безошибочно сказать, что они взяты большею частію изъ протестантской литаратуры [73]).

Любопытно прослѣдить, каково было это пользованіе протестантскою литературою, не повредило-ль оно чистотѣ православія и насколько полезно было въ интересахъ чисто научныхъ? По одному свидѣтельству 17 вѣка, въ печальное время прекращенія православной западно-русской іерархіи, въ мрачный періодъ броженія умовъ, отсутствія надежнаго руководства и контроля надъ ними, многіе сочиняли и печатали произведенія, въ которыхъ немало было недомолвокъ, неточностей, ненамѣренныхъ еретическихъ выраженій и попадались даже цѣлыя тирады чисто протестантскаго направленія [74]). Но эти мелкія сочиненія, если-бъ они и дошли до настоящаго времени, не могутъ служить мѣриломъ развитія тогдашней науки и выраженіемъ истиннаго ея духа и направленія: ихъ протестантская тенденціозность была исключительная, навѣянная извнѣ случайность, хроническій недугъ, также скоро исчезнувшій, какъ скоро и безвозвратно исчезли они сами. Неразборчивое это пользованіе протестантскою литературою, это научное междуцарствіе продолжалось недолго (до возстановленія западно-русской іерархіи въ 1620 г., а съ нею и духовной цензуры). Какъ развивалась южно-русская наука подъ вліяніемъ протестантской литературы, насколько вѣрною пребыла она началамъ православія, какой высоты и роста достигла она въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, объ этомъ можно судить по Апокрисису Христофора Филалета, вышедшему въ свѣтъ въ 1597 году. Это одно капитальное сочиненіе гораздо полнѣе выражаетъ собою умственное состояніе эпохи, чѣмъ всѣ тѣ литературные осколки и недоноски, жалкій плодъ увлеченія и невѣжества. Вскорѣ же, по появленіи своемъ на свѣтъ, оно про-

извело сильное литературное движеніе, вызвало рядъ полемическихъ и апологетическихъ сочиненій, направленныхъ въ его опроверженіе и защиту, которые, съ своей стороны, служатъ новымъ доказательствомъ его важнаго литературнаго достоинства и жизненнаго историческаго значенія [75]).

Апокрисисъ Филалета состоитъ изъ двухъ частей: богословской и исторической. Въ первой, въ опроверженіе Скарги, отвергавшаго православіе восточной церкви, раскрывается ученіе о церкви вообще, о членахъ церкви воинствующей и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ членовъ. Во второй части представляется «оборона» или защита отъ нападеній католическихъ брестскаго православно-протестантскаго собора 1596 г. и излагается исторія брестскаго католическо-уніатскаго собора того-же года. О первой части Мелетій Смотрицкій и другіе утверждали, что она въ отдѣлѣ, направленномъ противъ главенства папы, цѣликомъ списана съ Институцій Кальвина [76]), что авторъ ея, будучи рабскимъ подражателемъ Кальвина, принимая на вѣру всякое его слово, до того проникся кальвинистскими взглядами и убѣжденіями, что въ немъ не осталось ничего православнаго. Это обвиненіе — чистѣйшая клевета, диффамація, придуманная въ извѣстныхъ коварныхъ пропогандистическихъ цѣляхъ; но оно, къ сожалѣнію, повторяется въ большей или меньшей мѣрѣ и современными намъ писателями.

Въ виду безпощадныхъ нападокъ на Апокрисисъ старыхъ и новыхъ, для уясненія его достоинства и значенія, сдѣлаемъ краткое, но точное сопоставленіе всѣхъ спорныхъ мѣстъ его съ соотвѣтствующими главами Институцій Кальвина и сравнительную оцѣнку того и другаго сочиненія; но, при всей своей краткости, параллель наша не ограничится тѣми общими ссылками на Институціи, которыя дѣлаетъ позднѣйшее спеціальное изслѣдованіе объ Апокрисисѣ. Въ толкованіи самаго главнаго и спорнаго мѣста, обѣтованія Спасителя: ты еси Петръ..... Филалетъ не придерживается ни Лютера, разумѣвшаго подъ «камнемъ» вѣру и исповѣданіе Петровы, ни Кальвина, понимавшаго подъ камнемъ самого Христа, но слѣдуетъ отчасти Любберту, реформатскому богослову, который тремя годами ранѣе писалъ также противъ папы, а болѣе изъясняетъ дѣло по своему, именно: «ключи царствія» и все, обѣщанное Петру, Христосъ далъ и прочимъ апостоламъ, но обѣтованіе даровалъ всѣмъ чрезъ одного въ знаменіе духовнаго единства всѣхъ членовъ церкви какъ между собою, такъ и съ Господомъ Іисусомъ [77]). Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Филалетъ большею частію сокращаетъ Институціи Кальвина, выбрасываетъ не только второстепенныя вставочныя мысли и выраженія, но и отдѣльно поставленные факты. Примѣры повсюду. Въ первой же напр. главѣ Апокрисиса направленное противъ Скарги ученіе о томъ, что видимая монархія, или единовластіе церковное не имѣетъ основанія ни въ св. писаніи, ни въ отеческихъ твореніяхъ, въ которыхъ главою церкви называется одинъ

лишь Христосъ, — раскрыто гораздо кратче, чѣмъ въ Институціяхъ. Иногда авторъ беретъ изъ Институцій одно слѣдствіе силлогизма, а самыя посылки и ходъ доказательствъ опускаетъ. Напримѣръ: если бы апостолъ Петръ и былъ единовластителемъ церковнымъ, то эта апостольская привилегія не должна простираться па преемниковъ его каѳедры. Эта мысль составляетъ въ Институціяхъ одно слѣдствіе силлогизма, которое и воспроизводится въ Апокрисисѣ, но самая посылка: если бы значеніе епископской каѳедры связывалось съ именемъ ея основателя, то александрійская каѳедра, престолъ низшаго ученика Марка, не была бы поставлена выше каѳедры іерусалимской и ефесской — престоловъ первенствующихъ апостоловъ Іакова и Іоанна, опускается въ Апокрисисѣ. Нерѣдко Филалетъ выбрасываетъ остроумныя историческія замѣчанія и эпизоды. Такъ, при разборѣ той мысли, что Римъ не долженъ почитаться первымъ потому только, что здѣсь пострадалъ и умеръ св. Петръ, въ Апокрисисѣ выпущено изъ Институцій слѣдующее остроумное историческое замѣчаніе: потому только, что величайшій изъ всѣхъ пророковъ и превысшій всѣхъ первосвященниковъ Боговидецъ Моисей проходилъ великое свое служеніе въ пустынѣ и здѣсь умеръ, не должны ли были израильтяне учредить въ пустынѣ первую первосвященническую и пророческую каѳедру? [78]) Но вездѣ, комбинируя заимствованныя мѣста по своему и оставляя себѣ обширное поле самодѣятельности, авторъ беретъ со стороны то, что входитъ въ предначертанный имъ планъ, замѣняетъ выброшенныя мѣста собственными соображеніями и выводами, и, въ общей сложности доказательствъ, его разсужденіе-подраженіе не уступаетъ своему образцу. Но есть слабый пунктъ, гдѣ, дѣлая экстрактъ изъ цѣльнаго небольшаго мѣста, урѣзывая мысли и выраженія, выбрасывая факты, онъ не дѣлаетъ къ нимъ никакихъ новыхъ прибавленій и собственныхъ комбинацій, къ дѣлу доказываемой истины относится холодно, апатично. Это нужно сказать собственно объ опущеніи весьма кстати поставленнаго и удачно рѣшеннаго въ Институціяхъ вопроса: первенство и единовластіе принадлежало-ль антіохійской каѳедрѣ, пока на ней былъ апостолъ Петръ; а по переселеніи его въ Римъ, антіохійская каѳедра считалась ли и считается-ль второю послѣ Рима каѳедрою? Сюда же принадлежитъ слѣдующій за тѣмъ анализъ того протеста Льва Великаго, который онъ заявилъ противъ опредѣленія халкидонскаго собора, назначившаго константинопольскому патріарху первое мѣсто послѣ римскаго папы? У Кальвина анализъ этотъ сдѣланъ съ гораздо большею полнотою и силою логическаго обоснованія; самое изложеніе несравненно живѣе, рельефнѣе и представлено въ формѣ діалогической и драматической. Но у Филалета, не говоря уже о внутренней логической слабости и безцвѣтности, самое изложеніе вышло чрезчуръ эпическое, безучастное, безжизненное, слишкомъ краткое и сухое. Впрочемъ это единственное, не удавшееся

мѣсто, которое авторъ не съумѣлъ довести до высоты образца. И нужно предполагать, что даровитый и ученый авторъ пожертвовалъ здѣсь литературными достоинствами для другихъ цѣлей, для того напримѣръ, чтобъ избѣжать той рѣзкости и запальчивости протестантской полемики, съ какой она отзывается о ненавистной для ней іерархіи, называя, напримѣръ, учрежденіе и перенесеніе каѳедръ дѣломъ чисто полицейскимъ и производя преемство и достоинство первосвятительскихъ каѳедръ отъ резиденціи римскихъ фламиновъ [79]). Одно уже то, что авторъ счастливо избѣгъ обычныхъ злобныхъ выходокъ протестантской полемики, сохранилъ полнѣйшее спокойствіе и безпристрастіе, значительно искупаетъ научные его недостатки. Но эти недостатки съ избыткомъ вознаграждаются во многихъ другихъ мѣстахъ. Есть мѣста, въ которыхъ факты приводятся большею частію тѣ же, что и въ Институціяхъ Кальвина, но они констатируются обстоятельнѣе и основательнѣе, съ приведеніемъ подлинныхъ свидѣтельствъ изъ первоисточниковъ. Напримѣръ въ Институціяхъ говорится вообще, что если и были примѣры епископскихъ аппелляцій въ Римъ, то разборъ этихъ аппелляцій поручался папамъ императорами, при чемъ въ общее судьи присоединяемы были къ папѣ и нѣсколько епископовъ: въ Апокрисисѣ же выписываются изъ церковныхъ историковъ: Никифора (кн. VI, гл. 43) и Евсевія (кн. V гл., 5) указы съ этими порученіями. Факты незначительные общеизвѣстные вовсе опускаются: о раздѣленіи на никейскомъ соборѣ патріархій между пятью архіепископами, безъ всякаго различія ихъ въ правахъ власти, о подложныхъ актахъ никейскаго собора, утверждающихъ за папою означенное право аппелляцій и о подложномъ посланіи карѳагенскаго епископа Аврелія, въ которомъ онъ горько раскаевается во внушенномъ ему гордынею діавола неповиновеніи апостольскому престолу. Выводовъ и собственныхъ сужденій автора въ Апокрисисѣ вообще больше, чѣмъ въ Институціяхъ и всѣ почти выводы тверже, сильнѣе, убѣдительнѣе; въ самомъ изложеніи больше живости, остроты и силы обличенія: тутъ «каждое слово, по выраженію Апокрисиса, такая кость, которую противнику не легко перегрызть». Характеристика производившагося папами разбора упомянутыхъ аппелляцій гораздо лучше въ Апокрисисѣ, какъ по богатству, новости и разнообразію фактовъ, такъ и по связующей ихъ логической нити, или по тому общему взгляду, подъ который они подводятся. Велѣдъ за этими наилучшими мѣстами сочиненія, обличающими въ авторѣ самостоятельнаго писателя и искуснаго діалектика, встрѣчаются тирады съ дословнымъ переводомъ съ подлинника, которыя однакожь не бросаютъ ни малѣйшей тѣни на ученыя его достоинства: потому что по роду приводимыхъ здѣсь доказательствъ, состоящихъ исключительно изъ неоспоримыхъ историческихъ фактовъ, автору не было нужды пускаться въ собственныя изысканія, изслѣдованія и размышленія, а достаточно было

точно воспроизвесть готовые факты и нѣсколько иначе распланировать ихъ. Такой именно переводъ и перетасовку находимъ въ послѣдней главѣ Апокрисиса, оспаривающей ложную мысль Скарги, будто папы были предсѣдателями на всѣхъ соборахъ [80]). Порядокъ размѣщенія заимствованныхъ мыслей въ Апокрисисѣ иногда нѣсколько разнится отъ расположенія ихъ въ Институціяхъ. Пониманіе первоверховенства апостола Петра въ смыслѣ первенства порядка и мѣста, а не первенства власти и старѣйшинства, и изъясненіе этого первенства изъ личнаго характера Петра (энергичности, пламенности духа, остроты въ разсужденіяхъ) въ Апокрисисѣ поставлено въ концѣ 1-й главы, а въ Институціяхъ въ началѣ отдѣла (5-го), 10-й и 7-й отдѣлы Институцій слиты вмѣстѣ; но большею частію расположеніе мыслей въ Апокрисисѣ совершенно обратное въ сравненіи съ Институціями. Методъ изложенія въ Институціяхъ строго соблюдается прагматическо-историческій; въ послѣдней, напр., главѣ, оспаривающей предсѣдательство папъ на соборахъ, сперва приводятся постановленія о данномъ предметѣ соборовъ вселенскихъ 1-го, 3-го и 5-го, потомъ помѣстныхъ: карѳагенскаго и аквилейскаго. Апокрисисъ же, избравъ себѣ исключительно историческій методъ и начавъ съ помѣстныхъ соборовъ, по переходѣ ко вселенскимъ, вдругъ дѣлаетъ скачекъ изъ 4-го вѣка въ 6-й, потомъ возвращается въ 5-й вѣкъ [81]).

Вотъ немногія заимствованія Филалета изъ самого первоисточника реформатской мудрости. Во всемъ настоящемъ отдѣлѣ они составляютъ лишь десятый процентъ, а во всемъ объемѣ сочиненія какой-либо сотый. Воспитавшій и развившійся на классической протестантской литературѣ, авторъ вполнѣ усвоилъ истинно научный ея духъ и направленіе, самостоятельность въ изысканіяхъ, глубину и производительность мысли, богатство и изобрѣтательность слова. Всегда находчивый, неистощимый въ мысли и словѣ, онъ каждую заимствованную мысль и фразу перерабатываетъ, ассимилируетъ, развиваетъ или сокращаетъ, какъ будто это было измышленіе и пріобрѣтеніе его собственнаго ума, глубоко обдуманное, обработанное и художественное; позволяетъ себѣ такія извлеченія и подражанія, безъ которыхъ не можетъ развиться ни одинъ умственный талантъ, беретъ изъ протестантскихъ сочиненій то, чего не было въ русской богословской литературѣ и до чего она не скоро бы дошла; срываетъ съ нихъ наилучшій цвѣтъ, который былъ бы истиннымъ украшеніемъ православной науки, и, доводя такимъ образомъ свое произведеніе до высоты образца, вноситъ драгоцѣнный вкладъ въ свою отечественную науку. Вполнѣ удовлетворительныя съ научной стороны, по логической силѣ доказательствъ, исторической ихъ достовѣрности и экзегетической тонкости, основательности, по тону, изложенію и стилю, которые, за весьма немногими исключеніями, не оставляютъ желать ничего лучшаго, заимствованія Филалета, ихъ переработка и критика представляютъ собою

образецъ совершенства по духу и направленію религіозному, вѣроисповѣдному,—но отсутствію религіозной нетерпимости, которою такъ запятнала себя протестантская, противокатолическая полемика, и по неизмѣнной ревности и вѣрности православію, которая, при всей христіанской любви къ иновѣрцамъ, не позволитъ и малѣйшаго уравненія иновѣрныхъ истинъ съ истинами своего роднаго св. православія. Въ отношеніи безпристрастія и благородной вѣротерпимости, Апокрисисъ стоитъ выше всѣхъ современныхъ ему протестантскихъ и католическихъ сочиненій.

Чуждый всякой протестантской примѣси въ первомъ отдѣлѣ, Апокрисисъ не совсѣмъ свободенъ отъ нея въ другихъ своихъ мѣстахъ. Позднѣйшее специальное изслѣдованіе открыло въ немъ три протестантскія воззрѣнія: невѣріе въ пресуществленіе св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи, отождествленіе епископской степени съ пресвитерскою въ таинствѣ священства и преувеличенное понятіе о значеніи мірянъ въ дѣлахъ вѣры, или въ вѣроопредѣленіяхъ соборовъ. Не оправдывая вполнѣ автора, мы однако жъ за исчисленныя воззрѣнія его не можемъ признать протестантскія совершенно. Это не есть упорное, преднамѣренное, сознательное предубѣжденіе противъ истинъ православія въ пользу протестантизма, это — просто неустойчивость, шаткость взглядовъ, колебаніе, раздвоеніе ихъ между тѣмъ и другимъ вѣроученіемъ, зависящія отъ направленія и духа времени, отъ неопредѣленности и неуясненія данныхъ понятій общественнымъ сознаніемъ, вслѣдствіе, напримѣр., отсутствія въ то время символическихъ популярныхъ книгъ. Въ частности, о таинствѣ Евхаристіи Филалетъ высказался такъ: «таинство это, порученное пастырямъ, латиняне исказили и измыслили въ немъ пресуществленіе (трансубстанціацію), которое однако жъ не принято греками, бывшими на флорентійскомъ соборѣ»[82]). Вырывая конецъ фразы и не обращая вниманія на первую ея половину, ревностный защитникъ Филалета Геласій Дипницъ находитъ здѣсь православное ученіе объ Евхаристіи, или по крайней мѣрѣ перетолковываетъ его на православный ладъ. Но если вникнуть въ начальныя рѣшительныя слова этой фразы, сличить ихъ съ параллельными мѣстами (въ которыхъ Филалетъ горячо порицаетъ уніатскихъ епископовъ за исповѣданіе пресуществленія[83]) и сопоставить ихъ съ собственными его увѣреніями, будто его понятіе объ Евхаристіи согласно съ православнымъ ученіемъ грековъ, бывшихъ на флорентійскомъ соборѣ, то безъ всякой натяжки придется придать такой смыслъ спорному этому мѣсту: пресуществленія св. даровъ Филалетъ дѣйствительно не признаетъ, но въ то же время онъ думаетъ, что его мнѣніе не имѣетъ въ себѣ никакого протестантскаго оттѣнка и вполнѣ согласуется съ православнымъ ученіемъ объ этомъ предметѣ. О степеняхъ священства Филалетъ разсуждаетъ такъ: «священное писаніе не различаетъ епископовъ отъ пресвитеровъ, и пресвитеры сдѣлались низшими и зависимыми отъ епископовъ

не по божественному установленію, а по обычаю», но сейчасъ же оговаривается, что «епископы и пресвитеры поставлены, для пасенія церкви Божіей», т. е. поставляя рядомъ епископовъ и пресвитеровъ, различаетъ двѣ прежде отождествленныя имъ степени [84]). Усердный Диплицъ, стараясь безусловно оправдать кліента и смущаясь не установившеюся при апостолахъ терминологіею степеней іерархіи, самъ впадаетъ въ неопредѣленность, сбивчивость понятій: то настойчиво утверждаетъ, будто Филаретъ не сказалъ прямо, что епископское и пресвитерское достоинство одно и тоже, а только замѣтилъ, что по отношенію къ пасенію стада Христова и участвованію въ засѣданіяхъ на соборѣ епископское и пресвитерское достоинство одно и то же, то приводя и комментируя семь мѣстъ изъ апостола Павла (I Титу 1, 5, 6, 7; Фил. I, 1, 2; I Тим. 2 гл., Титу 1, 6—8; I Тим. 4, 14; 5 гл. 19) и одно изъ апостола Петра (Петр. 5, 2) самъ же доказываетъ, что по праву Божію епископское и пресвитерское достоинство одинаковы [85]). Такая защита только запутываетъ и усложняетъ дѣло. Наилучшимъ оправданіемъ для автора служитъ не столько эта излишне-услужливая защита, сколько его собственная (вышеприведенная) оговорка, изобличающая въ немъ не упорный протестантскій взглядъ, а раздвоеніе между протестантскими понятіями и православными. Наконецъ, о значеніи мірянъ въ дѣлахъ вѣры Филаретъ сперва трактуетъ такъ: «христіане свѣтскаго званія не лишены права дѣлать постановленія на соборахъ относительно вѣры; но въ другомъ мѣстѣ оговаривается, «что на соборахъ (только) духовные (епископы и пресвитеры) постановляютъ приговоръ и объявляютъ его, свѣтскіе же изъявляютъ на то свое согласіе, бываютъ свидѣтелями и наблюдаютъ, чтобъ не было постановлено чего нибудь несправедливаго и безразсуднаго, вслѣдствіе поспѣшности, или раздраженія [86]). Диплицъ мнѣніе Филарета объ участіи мірянъ въ соборныхъ совѣщаніяхъ называетъ вполнѣ православнымъ, пріобрѣтшимъ себѣ вообщее сочувствіе. Дѣйствительно, таковымъ оно было въ послѣдней фазѣ своего развитія. Итакъ во всемъ обширномъ своемъ сочиненіи (въ 505 стр.) Филаретъ высказываетъ только три полупротестантскія воззрѣнія, но и тутъ каждый разъ онъ оговаривается, поправляется, выдаетъ ихъ за православныя представленія. Правда, онъ не отрѣшился вполнѣ отъ протестантскихъ воззрѣній, не окрѣпъ въ православныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, но онъ силится совершенно освободиться отъ прежнихъ увлеченій и склоняется, по видимому, болѣе къ православнымъ убѣжденіямъ. Одинъ изъ защитниковъ его только въ одномъ случаѣ обмолвился въ протестантскомъ смыслѣ, т. е. высказалъ полупротестантскій взглядъ на степень священства. Другой же защитникъ никогда не высказался въ пользу протестантизма, вполнѣ оставшись вѣренъ истинѣ православія. Тотъ и другой стараются исправить мысли и воззрѣнія Филарета, имѣвшія протестантскій оттѣнокъ

и измѣнить ихъ примѣнительно къ православнымъ понятіямъ. А на защиту этихъ апологетовъ нужно смотрѣть, какъ на голосъ всего, выставившаго ихъ за себя, православнаго общества. И если защита, или лучше само общество скоро подмѣтили всѣ случайныя, ненамѣренныя преткновенія и уклоненія автора къ протестантизму, и—всѣ ошибки и увлеченія, за исключеніемъ одного не вполнѣ выправленнаго мѣста, поспѣшили исправить, или отвергнуть, то его талантливое произведеніе въ новомъ, очищенномъ видѣ было драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для православной науки. Строго различая ученіе православной церкви отъ мнѣнія частнаго лица, не уклонно слѣдуя первому и не принимая послѣдняго, наука и общество воспользовались однимъ наилучшимъ общепризнаннымъ его достояніемъ,—чистѣйшею истиною православія, ея глубоконаучными обоснованіями и прекрасною внѣшнею обработкою [87]). Если жъ у нѣкоторыхъ писателей церковныхъ встрѣчаются ошибки и заблужденія, то не упрекать ихъ, а удивляться надобно, какъ при крайней скудости тогдашнихъ средствъ къ уясненію и правильному раскрытію истины православія, при всеобщемъ увлеченіи новымъ протестантскимъ ученіемъ, у насъ въ области науки такъ мало было преткновеній и паденій, ошибокъ и увлеченій; какимъ образомъ, «при полномъ солнечномъ затменіи истинъ католической религіи», какъ выражались католическіе писатели, истина православія возсіяла въ полномъ своемъ свѣтѣ, въ новомъ блескѣ величія и славы: само Провидѣніе, вручившее бѣдствующей церкви фіалъ скорбей, попустившее времена невѣдѣнія, мрака и паденій, неусыпно бодрствовало надъ нею и видимо хранило ее отъ всеобщаго соблазна и гибели; сама всемощная пренебесная истина православія спасала себя отъ обуревавшихъ ее долу искушеній, и эта незыблемая твердыня стояла выше всякихъ непріязненныхъ приpаженій. Говоря, что православная литература пользовалась протестантской въ интересахъ чисто научныхъ, для болѣе твердаго обоснованія истины православія, мы основываемъ свое сужденіе на какихъ либо двухъ трехъ сочиненіяхъ даннаго времени, кратко характеризованныхъ нами. Но если отъ этого злосчастнаго времени, истребившаго всѣ почти наши литературные памятники, дошло до насъ два-три сочиненія, съ такимъ именно характеромъ и направленіемъ, то мы имѣемъ полное право придти къ своему отрадному заключенію.

Къ сожалѣнію, не долго пришлось пользоваться православнымъ протестантскою наукою и литературою (до 30 или 40 годовъ 17 стол.). Съ одной стороны вопли латинянъ о томъ, что православные писатели, отъ неразборчиваго употребленія протестантской письменности, превратились совершенно въ кальвинистовъ, лютеранъ; а съ другой—упадокъ самой этой литературы, послѣдовавшій вслѣдъ за паденіемъ протестантизма въ Литвѣ и закрытіемъ протестантскихъ школъ, оттолкнули православныхъ писателей отъ протестантскихъ сочиненій и обратили ихъ къ

сочиненіямъ латинскимъ. Тогда и самыя школы южно-русскія, бывшія до сихъ поръ новымъ усовершенствованнымъ типомъ реформатскихъ гимназій (усовершенствованнымъ въ смыслѣ болѣе чистаго, вполнѣ православнаго направленія) преобразились въ іезуитскія коллегіи, съ такимъ же количествомъ и названіемъ классовъ, курсомъ и программою наукъ и со всею негодностію схоластическаго метода, какіе существовали въ іезуитскихъ коллегіяхъ, бурсахъ и семинаріяхъ. И этотъ поворотъ къ латинству одинаково гибеленъ былъ для школы и для науки южно-русской, потому что латинская наука въ это время, по милости іезуитовъ, опять склонилась къ тому упадку, въ какомъ она находилась до благодѣтельнаго воздѣйствія на него протестантизма [88]). Но до этого злосчастнаго поворота, подъ благотворнымъ вліяніемъ того же протестантизма, развитіе южно-русскаго нашего просвѣщенія шло быстро и твердо.

Каково было вліяніе протестантизма на нравственное состояніе западно-русскаго общества? Данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, къ прискорбію, слишкомъ мало; онѣ относятся ко времени, когда протестантизмъ былъ силенъ и распространенъ въ Литвѣ, а о времени упадка совершенно умалчиваютъ; онѣ даютъ нѣкоторое понятіе объ отрицательныхъ и мрачныхъ сторонахъ дѣла, хотя есть основанія къ открытію многихъ свѣтлыхъ и отрадныхъ сторонъ. 1) Онѣ свидѣтельствуютъ о вредномъ разрушительномъ дѣйствіи протестантизма на монашествующее наше духовенство и монастыри. Эти печальныя свидѣтельства относятся къ концу 16 и началу 17 столѣтія, когда свѣтлыя нравственныя стороны жизни и пуританская строгость нравовъ, какими отличались кальвинисты, вскорѣ по соединеніи съ богемскими братьями, исчезли безвозвратно, и — они, начавъ чрезчуръ духомъ, оканчивали плотію.

Въ это время въ западно-русскихъ монастыряхъ, «вмѣсто св. иноковъ, жили игумены съ малженками и дѣтьми, которыя изъ приношеній къ алтарю святокрадство чинили, изъ ризъ направили себѣ саяны, съ епитрахилей — брамы» [89]). Сами епископы православные вводили въ монастыри своихъ соплеменниковъ и урядниковъ мірскихъ, заводили стада коней, лаятелей и псовъ, упраздняли иночество, чернецовъ и черницъ женили и церковную службу заставляли отправлять мірскихъ священниковъ.» Перечисливъ всѣ эти и подобные безпорядки, львовское братство тотчасъ прибавляетъ: «обрѣтеся церковь наша зловѣрія всякаго и зловоленія исполнена» [90]. Не трудно догадаться, по внушенію какого зловѣрія совершались эти безпорядки. Въ Польшѣ и Литвѣ католическіе монастыри въ это время совершенно почти запустѣли: въ нихъ едва можно было найти по одному, по два монаха, да и тѣ остались только для стражи: по выраженію Ярошевича, отшельническія обители превратились въ содомы

разврата, и причиною этого было распространеніе въ народѣ растлѣнныхъ протестантскихъ идей и нравовъ [91]. Въ сосѣдственной Пруссіи магистръ Альбрехтъ, епископы и священники одинъ предъ другимъ снимали съ себя духовный санъ, вступали въ браки, совершая брачные пиры въ самыхъ монастыряхъ и распивая вино изъ церковныхъ сосудовъ; монаховъ, которые не хотѣли слѣдовать общему соблазну, силою заставляли вступать въ бракъ и изгоняли изъ монастырей. Храмы монастырскіе превращали въ арсеналы, скотскія бойни и мясные ряды. Имущества храмовъ и иноковъ перешли въ руки бароновъ ордена. Главнымъ виновникомъ всего зла былъ самъ великій магистръ ордена, желавшій превратить свой духовно-рыцарскій институтъ въ свѣтское княжество, независимое ни отъ папы римскаго, ни отъ короля польскаго [92]. Въ православныхъ монастыряхъ тѣ же безобразія творились не просто отъ излишняго произвола и деспотизма, распущенности и алчности владычней, не тѣми только святителями-осквернителями, которые въ своемъ образѣ жизни ничѣмъ не отличались отъ буйныхъ и безнравственныхъ магнатовъ, жили настоящими рыцарями въ своихъ замкахъ — монастыряхъ, съ вооруженнымъ войскомъ нападали на сосѣднія имѣнія и производили грабежи и разбой [93]); подобныя нестроенія совершались нерѣдко людьми сравнительно достойными, которые, намѣренно и ненамѣренно увлекаясь новымъ, навѣяннымъ протестантизмомъ духомъ времени, имѣли, вѣроятно, цѣлію съ постепеннымъ раззореніемъ монастырей и разогнавіемъ иноковъ совершенно упразднить обители или, какъ выражается аѳонскій инокъ, запустошить св. мѣста и подѣлать изъ нихъ фольварки себѣ [94]). Разница между аналогическими явленіями та, что въ православныхъ обителяхъ чрезъ коронованныхъ и владѣтельныхъ лицъ нельзя было произвести того погрома и деморализаціи, какой былъ произведенъ въ сосѣднихъ католическихъ монастыряхъ, потому что никто изъ нихъ открыто не принималъ протестантства; здѣсь, повидимому, искусно употребляются въ дѣло сами непосредственные владѣльцы и управители иноческихъ обителей. И если въ Польшѣ, Пруссіи и во всей западной Европѣ первыя побѣды протестантизма начались съ закрытія монастырей и отторженія ихъ имуществъ, то трудно было ожидать, чтобы въ эпоху повсемѣстныхъ своихъ побѣдъ онъ могъ оставить въ покоѣ такія ненавистныя для него учрежденія, какъ монастыри православные. И тонкая протестантская агитація, кажется, близко съумѣла подойти къ «запустошителямъ православныхъ обителей» и провести чрезъ нихъ разрушающія аскетизмъ идеи [95]).

2) Иного рода вліяніе протестантизма можно подмѣчать на общественную нравственность. По всѣмъ иностраннымъ и собственнымъ западнорусскимъ извѣстіямъ, въ данное время сильно распространено было въ народѣ пьянство; въ литовскихъ городахъ гораздо больше можно было найти винокуренныхъ заводовъ, чѣмъ всякихъ другихъ промышленныхъ

заведеній; грубое циничеекое пьянство сдѣлалось всеобщимъ повальнымъ недугомъ [96]). Хотя протестантская мораль отчасти поблажаетъ чувственнымъ слабостямъ, но развитіе этого порока въ западной Руси едва ли можно ставить въ укоръ мѣстнымъ протестантамъ. Самъ пламенный ревнитель православія Константинъ Острожскій совѣтовалъ православному духовенству поучиться трезвости у ихъ пасторовъ и съ уваженіемъ отзывается о ихъ собраніяхъ, гдѣ не было ни пировъ, ни пьянства, ни измѣны [97]). Другимъ общераспространеннымъ порокомъ времени было сладострастіе: беззаконные браки, браки въ сватовствѣ, между братомъ и сестрою, дядею и племянницею, насильное вѣнчаніе «хватаныхъ»,—словомъ всѣ виды сладострастія были язвою всѣхъ сословій [98]). Въ этой деморализаціи западно-руссовъ едва ли также возможно обвинять сосѣднихъ протестантовъ. Правда, Волянъ не дѣлаетъ исключенія и для протестантовъ, когда изображаетъ то безстыдство и цинизмъ, до какого дошло распутство его современников́ъ, съ какимъ, напр., въ общественныхъ собраніяхъ оказывали особенное уваженіе публичнымъ женщинамъ, на честныхъ же и благородныхъ дѣвицъ не обращали и вниманія [99]), и — не отличавшіеся чистотою и цѣломудріемъ протестанты, когда они составляли преобладающее, самое многочисленное народонаселеніе страны, а православные—значительное меньшинство, не могли не оказать вреднаго вліянія на нравственность православныхъ (прежде и послѣ той счастливой, но кратковременной поры, когда реформаты славились образцовыми церковно-общественными учрежденіями, строгою семейною и общественною нравственностію); но время господства и преобладанія протестантизма было слишкомъ кратко, чтобъ онъ могъ растлить и развратить народную нравственность. Если отъискивать причины деморализаціи западно-руссовъ отвнѣ, то ближе всего находить ихъ въ господствующей и быстро подавившей протестантовъ массѣ католическаго народонаселенія. Тотъ же князь Острожскій не жалуется на распущенность протестантовъ, а о представителяхъ нравственности католическаго народонаселенія — ксендзахъ и бискупахъ публично заявилъ (на соборѣ торуньскомъ 1595 г.), что «кухарокъ» у нихъ больше, чѣмъ войска у короля». Сами латинскіе писатели, не осуждая поведенія пасторовъ, о своихъ пастыряхъ пишутъ, что они жили, какъ изнѣженные сибариты, держали наложницъ, одѣвались великолѣпно, предавались праздности, противоестественному разврату, пиршествамъ [100]). Правда, нравственность протестантовъ, даже въ эпоху ея процвѣтанія, была, какъ извѣстно, не вполнѣ идеальна, чиста, скудна была безкорыстными подвигами самоотверженія и не пошла далѣе такъ называемыхъ добродѣтелей ума и естественныхъ добродѣтелей, и, внѣ полноты благодатнаго на нее воздѣйствія, не она должна назидать и возраждать нравы православныхъ, но нравственность послѣднихъ, со всею совокупностію благодатныхъ силъ и средствъ, даруемыхъ

въ православной церкви, должна бы животворно влiять на жизнь протестантовъ: къ этой высокой, нравственной миссiи призывала православныхъ близость и дружественность ихъ сношенiй съ протестантами. Но при тогдашнихъ соцiальныхъ условiяхъ западно-руссовъ, при исключительномъ состоянiи общественной нравственности, много добрыхъ и поучительныхъ сторонъ могли находить они и въ протестантствѣ. При тогдашней грубости нравовъ, жестокости къ рабамъ, дошедшихъ, по свидѣтельству Михалона, до такого варварства и звѣрства, какого нельзя было найти ни у московитянъ, ни у татаръ (до того, наприм., что, мучая, уродуя раба, господинъ убивалъ его безъ суда, по одному подозрѣнiю) [101]), протестантизмъ, съ своимъ просвѣщеннымъ характеристическимъ направленiемъ, обилiемъ добродѣтелей ума и добродѣтелей общественныхъ и политическихъ, могъ значительно повлiять на облагороженiе общественныхъ нравовъ, на улучшенiе взаимныхъ отношенiй всѣхъ членовъ общества. При сильномъ распространенiи взяточничества, дошедшемъ до того, что самъ король и королева брали взятки не только деньгами, но и волами, съ людей искавшихъ у нихъ милости и правъ суда [102]), при крайне настоятельной нуждѣ въ братской помощи и благотворительности и въ усиленномъ личномъ трудолюбiи, которыми только, въ тогдашнiй вѣкъ безправiя, насилiя и гоненiй, и можно было поддерживать существованiе, — протестантизмъ, съ обилiемъ своихъ теоретическихъ и практическихъ добродѣтелей: честности, благотворительности, трудолюбiя, весьма могъ быть полезенъ и назидателенъ и для православныхъ: если онъ всюду, посредствомъ просвѣщенiя, развивалъ и распространялъ эти общественныя добродѣтели, то почему же онъ не могъ распространить ихъ въ умственно-возрожденной и просвѣщенной имъ Руси — особенно въ пору процвѣтанiя ихъ у реформатовъ? Въ самомъ духовенствѣ, въ которомъ онъ, быть можетъ, ослабилъ духъ монашескаго аскетизма, посредствомъ того же благодѣтельнаго просвѣщенiя, онъ могъ пробудить стремленiе къ улучшенiю своей нравственности, къ распространенiю въ народѣ понятiй высшаго порядка и способствовать къ усиленiю моральнаго влiянiя его на свѣтское общество.

Итакъ, если протестантизмъ съ одной стороны разрушительно дѣйствовалъ на аскетизмъ и духъ монашества, способствовалъ отчасти развитiю одной чувственной страсти во всемъ обществѣ православныхъ, то съ другой стороны содѣйствовалъ развитiю «многихъ» общественныхъ добродѣтелей: человѣколюбiя, честности, благотворительности. Такъ «по крайней мѣрѣ» можно утверждать о времени процвѣтанiя и сильнаго распространенiя протестантизма въ Литвѣ. Въ перiодъ упадка и умаленiя его послѣдователей, просвѣтительное его влiянiе на общественную нравственность, вѣроятно, продолжалось, хотя въ незначительной степени; разрушительное жъ противо-аскетическое направленiе, во всѣхъ католическихъ

странахъ имѣвшее силу лишь при первомъ торжествѣ протестантизма, принимавшее острый характеръ, какъ хроническій недугъ, и потомъ дѣлавшееся совершенно безсильнымъ предъ іезуитизмомъ, клирикализмомъ, — едва ли могло причинить существенный вредъ православному монашескому институту; восторжествовавшее надъ всѣми теченіями, образовательно-нравственное направленіе протестантизма способствовало нравственному возвышенію самого монашествующаго духовенства. Во всѣхъ же вообще нравственныхъ отношеніяхъ протестантизма къ православію, на сколько они доступны для исторіи, можно примѣчать болѣе свѣтлыхъ и добрыхъ сторонъ, чѣмъ мрачныхъ и вредныхъ.

Очертимъ кратко характеръ всѣхъ безконечно-сложныхъ и неуловимыхъ въ своихъ частностяхъ отношеній протестантизма къ западно-русскимъ православнымъ.

Никогда и нигдѣ послѣдователи восточной церкви не находились въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ разсматриваемое время на этой злосчастной окраинѣ (въ юго-западной Россіи, въ концѣ 16 и 17 вѣкѣ). Какіе ужасы гоненій испытали они надъ собою! Сколько ересей гнѣздилось вокругъ нихъ въ этомъ скопищѣ всякаго сектантства, вольномыслія и мятежа! И какъ мало они были подготовлены не только къ борьбѣ съ ересями и гоненіями, но и къ разрѣшенію самыхъ простыхъ религіозныхъ вопросовъ! По справедливому замѣчанію одного почтеннаго историка, «эти ужасы гоненій и соблазны ересей живо представляютъ предъ нами ужасающую картину гоненій и ересей первенствующихъ временъ христіанства съ тою только разницею, что здѣсь не было ни чудесъ, ни Аѳанасіевъ Великихъ». Не удивительно, что многіе православные не имѣли яснаго сознанія православной истины, не твердо стояли на одной почвѣ, но переходили то въ протестантство, то въ латинство, колебались между своею и чужими вѣрами. Но эти печальныя увлеченія и колебанія, значительно извиняемыя обстоятельствами времени, исключительнымъ положеніемъ церкви, были большею частію временныя, непродолжительныя: большинство совращенныхъ, колеблющихся возвращались къ вѣрѣ отцевъ, становились твердыми, непоколебимыми въ убѣжденіяхъ. И о всемъ обществѣ православныхъ надобно сказать, что ни козни, ни гоненія, ни религіозный, ни политическій союзъ ихъ съ протестантами, ни взаимное формальное патронатство, ни частныя и общественныя сближенія, ни благовидность протестантскихъ церковно-общественныхъ учрежденій, ни превосходство образованія, никакія интриги и поддѣлки (въ родѣ подложнаго православнаго исповѣданія) — ничто не могло смутить ясности сознанія, поколебать ихъ убѣжденій. Не протестанты наконецъ пріобрѣли ихъ себѣ, но всѣмъ, что было добраго у протестантовъ—наукою, литературою, филантропическими учрежденіями, нравственно-образовательнымъ направленіемъ—они воспользовались для блага своей церкви.

И какъ все это не соотвѣтствовало видамъ и ожиданіямъ самихъ протестантовъ! Занесенные въ юго-западную Россію съ балтійскаго прибрежія и изъ самой Германіи, получавшіе подркѣпленіе и обновленіе изъ своего первоначальнаго отечества и изъ самой просвѣщенной Германіи, литовскіе протестанты предназначались къ великой миссіи. Какъ всегда бываетъ съ колоніями, эта протестантская колонія въ короткое время превзошла во многомъ свою митрополію. Въ концѣ 16 и первой половинѣ 17 вѣка, когда на западѣ Европы протестантская наука совершенно падала, здѣсь въ Литвѣ и Польшѣ были славившіеся во всей Европѣ школы, ученые и проповѣдники. Первые успѣхи протестантской пропаганды были здѣсь изумительные, приведшіе въ отчаяніе друзей католицизма и крайне озаботившіе ревнителей православія. На помощь религіозной пропагандѣ здѣсь готова была, повидимому, явиться гражданская революція: нигдѣ, казалось, такъ легко нельзя было произвести ее, какъ въ этой разноплеменной и разновѣрной странѣ, при ея постоянныхъ политическихъ неурядицахъ, при необузданномъ своеволіи магнатовъ. Все сулило здѣсь протестантизму славную будущность. Здѣсь даже весь заграничный протестантскій міръ думалъ положить начало синкретическому союзу всѣхъ вѣроисповѣданій. Но всѣ радужныя надежды его рушились. Среди упоенія его первою побѣдою въ Литвѣ, іезуитское ополченіе нанесло ему пораженіе, которое заранѣе должно было рѣшить участь его. Гражданской революціи, религіозныхъ войнъ не удалось ему поднять здѣсь. Религіозно-политическій союзъ его съ православными не только не могъ сломить силу католицизма, предпринять наступательное на него движеніе, но едва въ состояніи былъ оборонить союзниковъ отъ общаго врага. И коль скоро онъ пересталъ быть модою вѣка, или выгоднымъ орудіемъ личныхъ цѣлей и не воспользовался гражданскими и церковными нестроеніями Польши,—его дѣло здѣсь проиграно. Но настоящая повѣрка протестантству при встрѣчѣ съ православіемъ. Обязанный своимъ происхожденіемъ на западѣ порокамъ, злоупотребленіямъ и извращеніямъ римской церкви и распространявшійся главнымъ образомъ посредствомъ произведенныхъ имъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, протестантизмъ не могъ найти въ православной церкви извращеній и уклоненій отъ древняго вселенскаго образца церкви, не въ силахъ былъ произвести никакихъ политическихъ и общественныхъ переворотовъ. Оттого онъ обнаружилъ предъ нею полнѣйшую несостоятельность и безсиліе (хотя и воспользовался деморализаціею и легковѣріемъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ). И какихъ средствъ онъ не пробовалъ, для привлеченія ея на свою сторону, начиная отъ серіозныхъ научныхъ убѣжденій и кончая мелкою интригою, нечестнымъ подлогомъ! Куда онъ не закидывалъ своихъ сѣтей, въ потаенные уголки и отдаленнѣйшіе предѣлы православной церкви!

И нигдѣ ему не было успѣха: новое, очевидное доказательство, что онъ можетъ имѣть мѣсто въ церкви и странѣ, гдѣ царитъ ложь, крайнія злоупотребленія и извращенія, что онъ не есть истинная религія, но еще большее извращеніе и искаженіе той религіи (римской), которую онъ берется исправить. У предѣловъ православнаго міра потокъ протестантизма замеръ навсегда.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[3].

ПРИМѢЧАНІЯ

къ первому отдѣлу первой части.

[1]) Лѣтопись Никон. Часть VII, стр. 14. Исторія медицины въ Россіи Рихтера ч. 1, стр. 270. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moscau von Fechner. Th. 1, S. 15.

[2]) Richter, Geschichte der Ostseeprovinzen. Th. II. B. 1, 20 s. Іоаннъ IV велъ дѣятельную переписку съ Карломъ V и Рудольфомъ II, имѣвшую цѣлію вызовъ въ Россію всякихъ художниковъ, мастеровъ и ученыхъ. Эту же цѣль преслѣдовало между прочимъ и торговое движеніе, завязавшееся у Россіи съ Швеціею, Голштиніею и преимущественно съ Англіею въ 1553 г. (съ прибытіемъ въ Москву чрезъ Архангельскъ Ричарда Ченслера) и съ тѣхъ поръ постоянно увеличивавшееся. Какъ именно усиливалось и возрастало торговое и культурное общеніе Россіи съ Англіею, и какъ постепенно увеличивался наплывъ иностранцевъ въ Россію можно судить по тѣмъ многочисленнымъ посольствамъ, которыя изъ названныхъ странъ, преимущественно изъ Англіи, были отправляемы въ Россію и изъ Россіи къ нимъ, и которыхъ на періодъ времени отъ 1581 по 1602 г. какъ съ той, такъ и съ другой стороны приходится по одному на каждые два года. (Dissertatio de perpetua amicitia Germanicorum inter Russicum imperium, presside Gotlieb, jam Treuer et respondente Faber, Helmst. ad 1735 г. § XXII. pag. 45 и Истор. Медиц. Рихтера. 1 стр. 281—4.) Первое изъ этихъ посольствъ Степенная книга (II стр. 283) описываетъ такъ: «въ лѣто $\frac{7064}{1557}$ пріидоша послы къ царю и великому князю Ивану Васильевичу отъ Цесарева Карлова сына, отъ англійскаго краля Филиппа, и отъ кралевы его Маріи, принесоша же три грамоты, едина по-фряжски, а другая по-польски, третія же по-гречески. Государь любочестно прія и отпусти пословъ. Съ ними же посла и своего посланника Іосифа Непея. Когда Непей возвращался домой, съ нимъ прибыли «мастеры многіе, доктуры гораздые различнымъ дѣланіемъ и искатели злату и серебру». При дальнѣйшихъ посольствахъ, а иногда и нарочито, пріѣзжало въ Россію не мало ученыхъ, художниковъ, торговыхъ людей. Вотъ фактъ, далеко не единственный въ своемъ родѣ. Въ 1581 году «оборонительница вѣры англійская и гиберинская кралева Елисавета прислала къ наисильнѣйшему княжати и Государю Ивану Васильевичу одного изъ своихъ дворовыхъ докторовъ Роберта Якова, въ лекаряхъ мужа наученнаго и въ наукѣ докторской прямаго и честнаго». (Грамота Елисаветы въ русскомъ переводѣ, хранящаяся въ статейномъ спискѣ англійскихъ дѣлъ, № 1, стр. 2, 3.) Болѣе извѣстные при дворѣ Грознаго англійскіе доктора: Елисей Бомелей, Ричардъ

Елмесъ Стендишъ и Іоганнъ (фамилія неизвѣстна. Послѣдній обладалъ такимъ огромнымъ состояніемъ, что у сына его, занимавшагося торговлею подъ фирмою отца въ г. Колѣ и Холмогорахъ, датскіе корабли увели барокъ и кораблей на 26,000 р. Busching's Magasin für Historie und Geographie VII B. p. 306). Доктора пріѣзжали въ Россію не одни: не говоря уже о ихъ семействахъ и прислугѣ, съ ними отправлялись въ Россію аптекари, фельдшеры, барберы (цирульники, ставившіе банки и пьявки), которые въ свою очередь привозили съ собою прислугу и дѣтей. Ученые и торговые люди, ремесленники, художники, пушкарники, золотоискатели везли за собою въ Россію, кромѣ своихъ семействъ и слугъ, также немало подручныхъ мастеровъ — практиковъ. Компанія англійскихъ купцовъ имѣла обширные торговые дома: въ Москвѣ (на варваркѣ), Вологдѣ и Холмогорахъ. Всѣмъ вышесказаннымъ, надѣемся, достаточно разрѣшается неожиданный съ перваго раза вопросъ, почему въ сумракѣ еще 16 вѣка такъ много сравнительно образованныхъ иностранцевъ появляется на Руси. Но спрашивается еще, ужели всѣ эти пришлецы изъ Англіи и Германіи непремѣнно были протестанты? Лѣтописи и акты прямо не разрѣшаютъ намъ этого вопроса. Но въ виду того, что съ одной стороны вся почти Германія въ описываемое время была уже протестантскою и что религіозное движеніе, потрясшее континентъ Европы, охватило уже „отдаленные острова Альбіона", гдѣ огромное большинство народа приняло протестантизмъ въ различныхъ его формахъ, съ другой стороны, въ виду того важнаго обстоятельства, что къ концу царствованія Грознаго въ Москвѣ появляется лютеранская церковь и частный молитвенный домъ, принадлежность этихъ переселенцевъ изъ Германіи и Англіи, вобще говоря, къ протестантскому вѣроисповѣданію едва ли можетъ подлежать вопросу.

[3]) Повѣствованіе о Россіи Арцыбышева т. II, стр. 371.

[4]) Ульфельдъ Legat. Moscovit. у Старчев. 1, 19, 21. Пол. соб. Р. лѣт. IV т. 316. Ист. Рос. Карамзина т. IX, 15—17. Многихъ покоренныхъ Ливонцевъ, напр. въ Ревелѣ Іоаннъ оставилъ жить на родинѣ, сохранивъ въ неприкосновенности ихъ гражданскія и церковныя права, и они смотрѣли на него, какъ на единственнаго защитника отъ враговъ (сказ. иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII вв., перев. съ рукоп. Любича Романовича С.П.Б. 1843 стр. 295 Bünges Archiv für die Gesch. Est.-, Liv.- u. Kurlands. 3. B; S. 178.

[5]) Anton Friedrich Buschings Geschichte der Evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reich 1766 Th. 1, S. 2. При Василіѣ Ивановичѣ III для нѣмцевъ и другихъ иноземцевъ отведена была слобода за Москвою рѣкою, носившая нелестное для трезвости ея обитателей имя Налейки. И. Г. Рос. Карамзина VII, 212.

[6]) Ebendas.

[7]) Grot's Bemerkungen über die Religions-Freiheit der Ausländer im Russischen Reiche. St. Petersburg und Leipz. 1797 u. 98. 1 Th. S. 233.

[8]) Monumenta Livoniae antiq. 2 B. Riga и Lpz. 1839. Franz. Ryenstadt's Livl. Chronik S. 67—69.

[9]) Fechner's Gesch. d. Ev. Gem. in Mosc. 1. B. S. 89—91.

[10]) Buschings Gesch. d. Evang. Gem. im Rus. R. 2. Th., S. 182.

[11]) Приложеніе ко 2-му т. Chronik von Fechner. S. 366.

[12]) Grot's Bem. über die Relig.-Freih d. Ausl. im Russ. Reich. B. 1., S. 233.

[13]) Исторія Россіи Соловьева 2-го изд. т. VI, ст. 343. Собран. Госуд. грамотъ и догов. II т. № 48.

[14]) Buschings Gesch. Th. 1. S. 2. Ист. Рус. Гос. Карамзина, т. IX, стр. 509 и Fechner B. II, S. 443 и 444. Магнусъ привезъ съ собою пастора Христіана Шапфира, но онъ не столько въ качествѣ придворнаго проповѣдника, сколько въ должности довѣреннаго сановника и соправителя въ дѣлахъ политическихъ сопутствовалъ принцу во всѣхъ

походахъ въ Ливонію и Польшу. De Russorum religione, ritibus et caet. ad Davidem Chytraeum in Lasicius, S. 237.

[15]) Маржеретъ объясияетъ это еще тѣмъ, что царь боялся распространенія лютеранской ереси въ народѣ (Маржеретъ въ русскомъ переводѣ Устрялова, стр. 23, 28, 29. Карамзинъ, IX т. 509 стр.

[16]) Lemmerich, Gesch. der Evangelisch-Luther. Gem. St.-Pet. 1862, 113. 15. Fechner, 98, 99.

[17]) Oderbornii, vita Ioannis Basil. blat. X. 2.

[18]) Fechner, 1. 147.

[19]) Dalton Geschichte der reformirten Kirchen in Russland. Gota 1865, S. 34 и Ист. Р. г. Карамзина, т. IX, стр. 52.

[20]) Карамзинъ тамъ же и Monumenta Livoniae S. 67.

[21]) Buschings Gesch. Th. 1 § 3.

[22]) De Russorum religione... ad Dav. Chitr. in Lasicius, S. 234.

[23]) Маржеретъ говоритъ о лифляндскихъ нѣмцахъ въ Москвѣ, что они получали несчетные доходы (болѣе чѣмъ копѣйка на копѣйку) отъ продажи вина, меда и другихъ напитковъ и жили весьма роскошно. Женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ и камку, самая послѣдняя носила тафтяное платье. Но вели они себя такъ гордо, поступали такъ высокомѣрно и одѣвались такъ важно, что казались принцами и принцессами. (Маржер. стр. 23, Карамз. IX т., 509 стр.)

[24]) Изъ Англіи и Германіи продолжали пріѣзжать въ Москву на временное или постоянное житье новые врачи, ученые, художники и преимущественно торговые люди. Изъ англійскихъ докторовъ, переѣхавшихъ въ Россію въ правленіе Ѳедора Іоанновича, наибольшую славу пріобрѣлъ лейбъ-медикъ Маркъ Ридлей, который, по возвращеніи въ отечество свое сдѣлался очень извѣстнымъ медикомъ въ Лондонѣ, членомъ Коллегіи Лондонскихъ врачей и даже писателемъ. (Ист. медиц. въ Росс. Рихтера т. 1, стр. 309—311.) За торговыхъ людей, во множествѣ пріѣзжавшихъ и отлично принимавшихся въ Россіи за это царствованіе, за „жалованье и доброхотство", оказанное имъ здѣсь, королева прислала тогдашнему правителю Годунову благодарственное письмо (отъ 24-го марта 1585 г.).

[25]) Buschings Gesch. Th. 1, S. 4.

[26]) Сказан. о Росс. Бэра, стр. 12—13, въ сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ Устрялова т. 1. Отправляя, по приглашенію Годунова, доктора Тимоѳея Валлиса, королева Елисавета писала къ царю, что „сего истиннаго лечебнаго доктора" она посылаетъ къ нему въ изъявленіе своего дружества и въ пріятной увѣренности, что Его Величество охотно принимаетъ въ своей землѣ людей ученыхъ". (Письмо ея отъ 24 іюня 1599 г., хранящееся въ переводѣ русскомъ, Ис. М. Рихтера 1 т., стр. 166—8, 425—7), Замѣчательно отправленіе за границу, для вызова ученыхъ, нѣкоего Рейнгольда Бекмана. Сынъ родившагося въ Москвѣ иностранца, хорошо знавшій языки: русскій, англійскій и нѣмецкій, нѣсколько разъ отправляемый уже повѣреннымъ въ чужіе края, Бекманъ въ 1600 г., посланъ былъ Годуновымъ въ Ригу, Кенигсбергъ, Данцигъ и Ростокъ, чтобъ „вездѣ освѣдомляться о врачахъ, прославившихся особымъ искусствомъ, ученостью, и промышлять (или пригласить ихъ) въ Россію, (преимущественно же докторовъ, живущихъ въ Любкѣ). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ Бекманъ и набралъ контингентъ докторовъ: таковы Фидлеръ, служившій съ отличною похвалою у нѣмецкаго императора, королевы французской и герцога курляндскаго, Васмеръ, Шредеръ, Іоганнъ Гилке. Но они, какъ видно изъ письма Васмера въ посольскій приказъ отъ декабря 1599 г., отправились въ Россію не иначе, какъ подъ условіемъ безпрепятственнаго исповѣданія своей лютеранской вѣры и права содержать у себя иностранныхъ служителей. (Ист. медиц. Рихтера, т. 1, стр. 348—360).

[27]) Повѣствов. о Россіи Арцыбышева, т. III, стр. 68. Сбор. Госуд. грам. т. II, № 71 и 72.

[28]) Ист. Россіи Соловьева, т. 8, стр. 53.

[29]) Тамъ же стр. 34.

[30]) Тамъ же стр. 52, 53 Сказ. о Россіи Бэра, стр. 23 — 27 и Rer. Russic Scriptores exteri t. 1, S. 14.

[31]) Grot 1, 235.

[32]) Busch, Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland 1867. 1. B. 268.

[33]) Снегиревъ о нач. и распростр. лютеранскихъ и реформаторскихъ церквей въ Москвѣ въ Москвитянинѣ, 1843, VI и Православн. Обозр. (перепечатана съ нѣкоторыми измѣненіями) 1862 г. сентябрь, стр. 3.

[34]) Сказан. о Россіи Мартина Бэра, стр. 17 и Ист. Росс. Соловьева т. XIX, стр. 53. Главнымъ патрономъ этой церкви, построенію которой такъ много содѣйствовалъ русскій царь, былъ, по свидѣтельству Петрея, вышеназванный докторъ Фидлеръ (Petrejus 1. p. 353). Братъ послѣдняго Константинъ Фидлеръ написалъ въ Кенигсбергѣ въ 1602 г. похвальное слово своему щедрому покровителю Борису Гудунову, которое въ слѣдующемъ же году переведено было съ латинскаго на русскій языкъ (Constantini Fideleri oratio loculenta in Borissum Godunoff Regiomonti 1602 г. т. 4. Ист. Медиц. Рихтера 1 т. стр. 365.

[35]) Русская ист. Костомарова, выпускъ III, стр. 595.

[36]) Grot 1. 285.

[37]) Fechner 1, S. 126—129.

[38]) Эти новыя и любопытныя подробности передаетъ Фехнеръ на основаніи сказаній Массы и свѣдѣній, сообщенныхъ ему докторомъ Вегенеромъ изъ королевскаго тайнаго Архива въ Христіанборгѣ (въ Даніи) Fechner 1, S. 140, 141, 147—9.

[39]) Русская исторія Костомарова, вып. III, стр. 618 и 619.

[40]) Сказ. о Рос. Март. Бэра стр. 77, 161, 172—77.

[41]) Элегія въ спискѣ Устрялова не приводится, но она помѣщена въ 1 т. Rerum Rossicorum scriptores exteri подъ заглавіемъ: Die Gebete und Gesang, so die Theutschen zu Caselitz (Козельскъ) in Russland in ihrer Noth zu dem lieben Gott gebrauchen (132—134) Lamentatio (135)

[42]) Ак. Археографич. Экспедиц. II т. № 48.

[43]) Rer. Russ. Scr. ext. 1 p. 43, 65.

[44]) Ibidem 1. 43.

[45]) Grot 1. 23.

[46]) Jungbluts die Gründung der Evang. Luth. Kirchen in Russland. St.-Pet. 1853, S. 7.

[47]) Busch. 1. 268.

[48]) Lemmerich, Geschichte der Evangel.-Luth. Gemeinde St. Petri in St.-Petersburg, 1862. 1. 23.

[49]) Rer. Rus. Scr. ext. 1. 12.

[50]) Бюшингъ думаетъ, что все это произошло въ 1616 г., но Олеарій ясно говоритъ, что 1) это случилось во время войны за освобожденіе Смоленска, которая началась въ октябрѣ 1632 г. и продолжалась 8 мѣсяцевъ и 2) церковь была разрушена по повелѣнію патріарха, а съ 17 января 1612 г. по 24 іюня 1619 г. патріарха вовсе не было на Руси (патріаршая каѳедра оставалась тогда свободною для находившагося въ польскомъ плѣну Филарета Никитича). Busching Gesch. 1. 6, Олеарій въ Чт. Общ. Исторіи и Древностей Россійск. за 1868 г., т. III, стр. 369 и Ист. Рос. Соловьева т. IX стр. 221.

[51]) Busching, Gesch. 1. 6.

[52]) Извлеченіе изъ церковныхъ книгъ старой лютеранской общины, приводимое Фехнеромъ въ его Chronik S. 197 и 203. Флоровскія ворота — не красныя нынѣшнія, какъ ошибочно называли ихъ Бушъ (1. 269) и Снегиревъ, но бывшія мясницкія на мясницкой улицѣ, которая называлась нѣкогда флоровскою. На мѣстѣ этихъ воротъ — теперь церковь Флора и Лавра. Fechner 1, 203.

[53]) Fechner 1. 203.

[54]) Историч. акты, т. III, № 385, 92, XXXVI и Olear, p. 371 и 2. Изъ такихъ ропатъ наиболѣе извѣстны: одна, поставленная пріѣзжими купцами (въ началѣ 40 гг. 17 ст.) близъ поганаго пруда и принадлежащая старой общинѣ, другая, устроенная на Шведскомъ подворьѣ въ 1632 и вѣроятно для новой лютеранской общины; богослуженіе отправлялось въ ней по воскресеньямъ и средамъ. Fechner 1, S. 210 и 211.

[55]) Историч. ак., т. III, № 225.

[56]) Собр. Госуд.грамотъ и догов., т. III, № 115 стр. 403 и 404.

[57]) Тамъ же.

[58]) Тогда ли она получила это названіе или послѣ, на это нѣтъ историческаго указанія.

[59]) Grot 1. 233 и 4, 240, 254 и 5 и Olear 1. 193, изд. 1647.

[60]) Olear 369 и 370. То же съ незначительными варіантами передаютъ Бюшингъ, писавшій въ 1766 и 7 гг. и Далтонъ — въ 1865 г., — будто при Годуновѣ построена реформатская церковь въ бѣломъ городѣ и будто въ 1616 г. она стояла еще тамъ. Но реформатъ голландецъ Масса, сочиненіе котораго вышло въ 1610 г., говоритъ лишь о лютеранской церкви, а о реформатской не упоминаетъ, и вообще нѣтъ никакихъ раннѣйшихъ свидѣтельствъ на то, чтобы послѣдняя кирка существовала ранѣе царствованія Михаила Θеодоровича (Busching, Gesch. 1. 6. 11. 199, Dalton S. 4, 116).

[61]) Grot 1. 434, Olear 193. Моллеръ въ 1632 г. писалъ, что на печати этой церкви была такая надпись: Sigil, Eccl. Reformat. Moscov. Russ. Anno 1629. Fechner 1, 205.

[62]) Снегиревъ въ Москвит. 1843, т. VI и Olear 373.

[63]) Fechner 1, 238.

[64]) Olear 369.

[65]) Пасторъ изъ Москвы ѣздилъ въ эти города для совершенія крещеній и бракосочетаній. Fechner 1, 194, 200, 204.

[66]) Ист. Р. Солов. т. IX, 389. Соб. Гос. Гр. и дог. т. III, № 38, стр. 321. Особенно много иностранцевъ стало пріѣзжать въ Россію по окончаніи войны 1634 г. Такъ въ одномъ 1634 г., по приглашенію переводчика Захарія Николаева, прибыло изъ Германіи множество мастеровъ мѣднoплавильнаго дѣла, строителей стеклянныхъ и желѣзныхъ заводовъ, мельницъ и сушиленъ, для выдѣлки лосиныхъ кожъ. Съ тѣхъ поръ очень часто вызывали въ Россію негоціантовъ или торговыхъ людей, рудознатцевъ, или рудокоповъ, ремесленниковъ-фабрикантовъ, инженеровъ, астрономовъ, врачей. Но болѣе всего иноземцевъ находилось въ войскѣ. Съ полковникомъ Лесли, которому данъ былъ первый (упомянутый выше) наказъ о приглашеніи въ Россію иностранцевъ протестантовъ, а не католиковъ, прибыло въ Москву болѣе 5000 воиновъ, распредѣленныхъ по 5-ти полкамъ. Въ учрежденныхъ въ это время русскихъ полкахъ иноземнаго строя: солдатскихъ, рейтарскихъ, драгунскихъ-полковниками и офицерами были иноземцы. (Акты Археограф. эксп. т. II, стр. 19. Р. И. Костомарова, вып. 4, стр. 32 и 39. Ист. царствованія Петра Великаго Устрялова, т. II, стр. 103 и 104. Собран. Госуд. Гр. т. III, № 14, 17, 76, 82—89, 95, 100, 102, 103, 109 и 118).

[67]) Толмачи, или переводчики, говоритъ Рейтенфельсъ, были все иностранцы, лекарей при дворѣ нѣтъ ни одного русскаго, аптекарей изъ иностранцевъ до 20, иностранцы составляли значительную часть войска, купцы голландскіе, гамбургскіе и другихъ европейскихъ городовъ вели съ ними дѣятельную торговлю (Рейтенфельсъ въ русскомъ

переводѣ въ Журн. Министер. Нар. Просвѣщ. 1839 г. ч. 23, стр. 20, 44. Въ разъясненіе и дополненіе этого извѣстія необходимо одно краткое замѣчаніе. — Алексѣй Михайловичъ не только, по примѣру отца, вызывалъ изъ Европы ремесленниковъ для устройства фабрикъ и заводовъ, но и мастеровъ корабельныхъ; нанималъ цѣлые полки иноземные; увеличивъ число русскихъ полковъ иноземнаго строя, начальническія должности въ нихъ ввѣрилъ большею частію иноземцамъ, производя многихъ во всѣ чины до генеральскаго включительно; многимъ поручилъ самыя важныя государственныя дѣла, отправляя ихъ послами и агентами въ чужіе края. Слыша о щедромъ благоволеніи государя къ иноземнымъ офицерамъ, многіе изъ нихъ, съ женами и дѣтьми, безъ вызова пріѣзжали въ Россію. Мейербергъ однихъ военноначальниковъ изъ иностранцевъ насчиталъ въ Москвѣ (въ 1661 г.) сто человѣкъ. Одни изъ образованныхъ иностранцевъ за долговременную и усердную службу получали значительныя помѣстья и назывались помѣстными, другіе жили на кормахъ или жалованьемъ и назывались кормовыми. Ист. царствов. Петра Великаго т. II, стр. 104, 105, 108. Русск. Ист. Костомарова выпускъ 4-й стр. 127. Ист. Рос. Соловьева т. IX стр. 389. Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ т. IV, № 39 и 41. Дополн. къ историч. актамъ т. III, № 2, 49, 65, 69 т. IV, № 49 т. V, № 23, 24 т. VI, № 46, 49, 53. Полное Собран. Зак. т. III, № 226, 228, 230, 231, 233, 235, 237, 239, 246, 293 и 301. Iter in Moscoviam Augustini Liberi Baronis de Mayerberg Ss. 1, 33, 34, 56. Не говоря уже о помѣстныхъ иностранцахъ, владѣвшихъ большими землями и капиталами, и кормовые жили весьма богато. Любопытно, какъ тѣ и другіе принимались или встрѣчались при пріѣздѣ въ Россію и какіе обильные корми отпускались кормовымъ. При самомъ призывѣ въ Россію, образованные иностранцы получали отъ царя такъ называемую опасную грамоту, родъ договора или контракта относительно помѣщенія, жалованья, свободнаго пропуска въ Россію и обратно. Какъ только вступали они на русскую территорію, ихъ здѣсь ожидали даровыя подводы, безденежное продовольствіе на всемъ пути, ихъ предупреждалъ ласковый пріемъ областныхъ воеводъ. Къ услугамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также для почетнаго и охраннаго караула, были посылаемы особые государственные чиновники, переводчики, стрѣльцы и провожатые (Собран. Госуд. Грамотъ т. II, стр. 75. Подобныя грамоты и вообще Правительственныя распоряженія о такихъ встрѣчахъ помѣщены почти въ каждомъ томѣ Дополненій къ историч. актамъ). Но вотъ они при дворѣ, на «верху у Государя»: онъ даритъ ихъ кусками сукна, жалуетъ сороками соболей, кусками бархата, атласу и камки, снабжаетъ посудою серебряною и деньгами, потомъ опредѣляетъ имъ щедрое годовое жалованье, а на столовые расходы назначаетъ особыя кормовыя деньги и припасы и отводитъ готовое, можно сказать, роскошное помѣщеніе. Главные лейбъ-медики, состоявшіе лично при особѣ царской, получали годоваго жалованья по 250 рублей, да поденнаго корма или столовыхъ по 72 руб. въ мѣсяцъ, всего-жъ 1114 рублей въ годъ. Не нужно забывать тогдашней цѣнности рубля и дешевизны всѣхъ продуктовъ. „Изъ кормовыхъ хлѣбовъ ежедневно давалось по калачу крупичатому и по два калача смесныхъ, изъ питейца добраго ежемѣсячно по двѣ кружки романеи и по 2 кружки вина (боярскаго и ренскаго), по нѣсколько ведръ меду 6-ти сортовъ (вишневаго, малиноваго, паточнаго, цежонаго, обарнаго и княжева) и пива простаго и поддѣльнаго. Кромѣ того, каждый мѣсяцъ отпускались: часть стяги говядины, гусь, 2 утки, заяцъ, 2 тетерева, баранчикъ съ шерстью, 5 курокъ, 6 гривенокъ масла коровья, 8 яицъ. Да на калачи, хлѣбы и мелкое съѣстное ежедневно посылалась гривна". Часто посылалось кушанье изъ царскаго стола. Не только слуги и сами служилые доктора, но и «лучшіе люди дохтурскіе», напр. Іоанна Бѣлау, получали ежедневно по 8 чарки вина, по кружкѣ меду, по двѣ кружки пива и по 8 денегъ на человѣка; «достальные люди его» (четверо) по 2 чарки вина, по двѣ кружки пива, по 6 денегъ на человѣка въ день. «Да ему-жъ велѣно давать конскаго корму на три лошади: сѣно, овесъ и солому по указу. Да къ нему-жъ велѣно послать водовоза,» да привозить по два воза

дровъ въ недѣлю. Кромѣ постоянныхъ окладовъ жалованья или корновъ, доктора и прислуга ихъ получали единовременное «пожалованье», или дары, состоявшіе изъ денегъ, соболей, а больше изъ матерій: бархату, атласу, камки, куфтерю, сукна, багреца да лундушу. Впрочемъ не всѣ врачи, не всегда пользовались такими богатыми дарами и кормами, особенно когда много врачей появилось въ Россіи и многихъ, безъ приглашеній пріѣзжавшихъ приходилось не принимать на Русскую службу (Ист. Медиц. Рихтера т. II, стр. 32, 48—52, стр. 73, 74 и прибав. стр., 48—9 и 102).

[68]) Первоначальное мѣсто поселенія иноземцевъ, отведенное для нихъ еще при Грозномъ. У Бюшинга оно называется «Die Ausländische Vorstadt der deutschen Quartiere. Th. 1. S. 6.

[69]), Olear. 370 и 371 и Полн. Собр. Закон. 1 т. № 85. Ecclesia Militans von Moscau vor zwei Jahrhundert. Berlin 1869. S. 9.

[70]) Лютеранскому пастору Якоби дано 30 саж. вдоль и 22 въ ширину, но его преемнику Фокеродту, другому лютеранскому пастору, Балсирю Фадемрехту и реформатскому проповѣднику Кравникелю отведено подъ поселеніе по 40 саженей вдоль и по 20 въ ширину. Арх. Мин. Ин. Д. Голланд. Статейн. Спис. № 4. л. 272 и 333. Собр. Гос. Грам. и догов. с. VI, № 207.

[71]) Полное Собр. Зак. 1 т. 85.

[72]) Бюшингъ (Gesch. II, 200), ссылаясь на Олеарія, первоначальное устройство новой иноземной слободы относитъ къ 1635, но это просто опечатка (вмѣсто 1653), хотя ее повторяетъ Гротъ (1. 238), Снегиревъ (S. 5): по русскимъ оффиціальнымъ документамъ новая иноземная слобода получила свое устройство въ 1653 г. Пол. Собран. Зак. 1. т. 85 и Арх. Мин. И. Д. Гол. Стат. Спис. № 4 л. 272 и 233.

[73]) Olear. 372.

[74]) Tanneri legatio in Moscovia 68. Ист. царств. Петра В. Устрялова т. II. стр. 108.

[75]) Es haben die Lutheraner jettzo daselbst (nach Nova Inosemska Sloboda) zweine deutsche Kirchen und die Kalvinisten eine Holländische und eine Englische. Olear. Ausg. 1856, S. 286.

[76]) Генералъ Бауманъ поступилъ на русскую службу въ 1654; въ 1657 г. былъ въ Копенгагенѣ, для приглашенія въ Россію «воинскихъ людей». Такъ какъ въ бытность его въ Копенгагенѣ умеръ пасторъ первой изъ этихъ церквей — Якоби, то Бауманъ пригласилъ на его мѣсто, — письмомъ отъ 15 сентября, — Іоанна Дитриха Фокеродта. Чрезъ три дня Гансъ Сване, докторъ и профессоръ богословія въ копенгагенскомъ университетѣ и суперъинтендентъ Зеландіи, совершилъ ординацію и выдалъ Фокероду свидѣтельство (по нашему грамоту), снабдивъ его также свидѣтельствомъ отъ университета объ его учености. Фокеродтъ первоначально состоялъ при первой изъ этихъ церквей. Арх. Мин. Ин. Д. Acten über Bauman 70.

[77]) Собр. Госуд. Грам. и догов. т. IV, 207.

[78]) Согласно съ этими оффиціальными данными, посолъ императора Леопольда 1-го Мейербергъ насчиталъ въ 1661 г. у лютеранъ двѣ церкви, у кальвинистовъ одну: «nach die neve Ausländische Vorstadt die Evangelische haben zwei und Kalvinische eine Kirche, vogen ihren Gottesdienst öffentlich frei und ungehindert halten. Iter in Moscoviam de Mäyerberg S. 33, 34, 564

[79]) Grot 1. 24.

[80]) Собр. Гос. гр. и дог. т. IV, № 207.

[81]) Beck. 1, 600, 595.

[82]) Buschings Magasin III, 322, 323 и 337.

[83]) Buschings Mag. t. IX, 527, 8. Ecclesia Militans S. 10.

[84]) Beck. 1. 592.

[85]) Beck. 1. 585, 592 и 593 и Fechner 1, 316—340.

[86]) № 199 der Vappen Müllers, Grot 1. 258.

[87]) Собр. Госуд. грам. и дог. т. IV №№ 69 и 207.

[88]) Beck 1. 593—595, 600; Ecclesia Militans 57—14 и Первое Пятидесятилѣтіе Русскаго театра Тихонравова. Москва 1873, стр. 8.

[89]) Acte über Bauman, Grot 1. Арх. Мин. Ин. Д. Духов. Иностран. Д. № 3.

[90]) Grot 1. 260.

[91]) Reitenfels de rebus Moscoviticis p. 113, 119.

[92]) Полн. Соб. Зак. 1. 301, II, Ист. Рос. Соловьева XI. 101·

[93]) Buschings Magas. III, S. 323, 327.

[94]) Scheissing Anatomia Russiae deformatae S. 155, 161. Fechner 1. 387.

[95]) Reitenfels de rebus Moscoviticus S. 152, 227.

[96]) Ист. царст. Петра В. Устрялова, т. II, стр. 106.

[97]) Собран. Госуд. Грам. и догов. т. IV, № 208.

[98]) Дополн. къ историч. акт. т. VIII, № 97, т. IX, № 10, 74, т. X, № 51. Пріѣзжавшій въ Москву въ свитѣ польскаго посольства 1678 г. Бернгардъ Таннеръ писалъ, что нѣмецкая слобода въ это время все расширялась и богатѣла, изящныхъ въ нѣмецкомъ стилѣ домовъ, а при нихъ роскошныхъ цвѣтниковъ и садовъ становилось все больше и больше, рабочаго, чернаго населенія въ этой прекрасной виллѣ какъ будто и не было; жены и дочери ремесленниковъ наряжались какъ нѣмецкія дворянки. (Legatio Polono-Litaunica in Moscoviam, descripta a Tannero Norimberg 1869 an. edit. 2 p. 70.

[99]) Собр. Гос. гр. и дог. т. IV, № 195 и Пол. Соб. Зак. III, № 1341.

[100]) Изъ начальныхъ ли людей они или изъ мастеровыхъ и иныхъ чиновъ, зачѣмъ они ѣдутъ на Москву, въ службу или для какого дѣла, или для повиданія съ родичи, или для мастерства и проч. Собр. Госуд. грам. и дог. т. IV, № 204.

[101]) Тамъ же.

[102]) Tagebuch Kirch. Fechner I. 395 и 406.

[103]) Соб. Гос. гр. и дог. т. IV, № 207.

[104]) Fechner I. 395 и 6.

[105]) Подъ строильнымъ актомъ, найденнымъ пасторомъ Фехнеромъ въ архивѣ михайловской кирки, между 40 нѣмецкими подписями, встрѣчается одна, написанная русскими буквами «Христофоръ Кро» руку приложилъ» (Fechner I. 383 и 4.

[106]) Дѣло по прошенію докт. въ акт. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. 1. 400. Fechner. I. 400. Въ подлинномъ документѣ годъ и число его не обозначены, но содержаніе его доказываетъ, что дѣло происходило послѣ 1689 г.

[107]) Grot I. 436, 265.

[108]) Religion der Moscoviter 23, 24.

[109]) Grot s. 265. Dalton S. 118 и Ист. ц. П. В. Устрялова т. IV I. 145—150.

[110]) Daltons 118 и Grot I. 265.

[111]) Гротъ и авторъ «Religion der Moscoviter» передаютъ, что Петръ позволилъ при вновь построенныхъ церквахъ поставить колокольни и повѣсить на нихъ колокола. Не едва ли это было такъ. При Екатеринѣ 1-й, на запросъ верховнаго тайнаго совѣта, позволено ли иностранцамъ въ Москвѣ или въ другомъ мѣстѣ имѣть колокола при церквахъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ дала отрицательный отвѣтъ. Ист. Рос. Соловьева XVIII т. 333.

[112]) Relig. der Moscov. 25 и 26. Со всѣми упомянутыми постройками церковь эта существовала до 1812 г.

[113]) Posselt II, 158.

[114]) Rel. d. Mosc. S. 24 и 25.

[115]) Busching's Gesch. Th. § 3, 7.

[116]) Матеріалы для географ. и статистики Воронежской губерн. соч. Михайловича 1862 г. 331 стр.

[117]) Одно кладбище, какъ позволяетъ думать рядъ случайныхъ раскопокъ и открытій, находилось недалеко отъ серпуховской заставы, на конной площади близъ Данилова монастыря: здѣсь еще въ 1823 г. Калайдовичъ нашелъ нѣсколько надгробныхъ лютеранскихъ памятниковъ, относящихся ко временамъ И. В. Грознаго; при исправленіи стѣнъ Данилова монастыря въ 1870 г. архимандритъ Амфилохій одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ археологовъ нашихъ отыскалъ 13 обломковъ или основаній такихъ же памятниковъ, относящихся ко времени 1564—1593, изъ которыхъ на 9-ти уцѣлѣли надписи на нѣмецкомъ языкѣ, на двухъ — на латинскомъ, на одномъ — на итальянскомъ и на одномъ — на англійскомъ языкѣ; одинъ изъ нихъ, поставленный въ 1570 году въ честь славнаго проповѣдника Elias Ivesner Dudesc, переданъ во владѣніе михайловской кирки. Въ 15?6 г., при перестройкѣ церкви Казанской Божіей матери на Якиманкѣ, найденъ памятникъ отъ 1595 г., на могилѣ второй жены Арента Клауссена Стеллингсверфа. (Эта находка передана въ Румянцевскій музей.) Случайно ли погребена здѣсь эта лютеранка, или нѣмецкое кладбище изъ-подъ стѣнъ отдаленнаго, загороднаго тогда Данилова монастыря перенесено было сюда въ 1595 г. (— послѣ того какъ иностранцы еще въ 1576 г. получили позволеніе отъ правительства погребаться ближе къ центру Москвы и мѣсту своего жительства, —) рѣшить не беремся; но несомнѣнно, что названная мѣстность на Якиманкѣ до половины 17 в. принадлежала обитателямъ находившейся вблизи Наливайки, или Налейки, а потомъ ею завладѣли жители нынѣшней нѣмецкой слободы. Другое кладбище помѣщалось въ нѣмецкой слободѣ, тамъ, гдѣ построена была при Грозномъ лютеранская церковь. Оно открыто одновременно съ основаніемъ церкви (въ 1576 г.). Третье кладбище, называемое у Олеарія Der Deutsche Begräbniss, было также въ нѣмецкой слободѣ, на большомъ церковномъ дворѣ, принадлежавшемъ лютеранамъ; (вблизи этого мѣста старая община св. Михаила имѣла свой участокъ земли (Grundstück). Наконецъ въ самомъ городѣ, близъ улицы таганки (недалеко отъ болвановскихъ воротъ) существовало особое кладбище подъ названіемъ «Der alten Begräbniss», въ которомъ, со временъ Михаила Ѳедоровича, погребались протестанты, жившіе въ центрѣ Москвы. У реформатовъ кладбища были общія съ лютеранами. (Чт. въ Имп. Общ. Ист. и древн. Россійск. 1862 г. кн. 3, стр. 175, надгробн. пам. иновѣрц., найден. Архим. Амфилохіемъ въ 1570 г. въ Моск. Дан. монаст. Моск. 1871. Москов. Вѣдом. 1876 г. 19 мая, Соб. Гос. Грам. и дог. т. IV, № 207 и Fechner II. Th. 673—678).

[118]) Busching's Gesch. Th. II, cap. VIII S. 20, Grot I. 242.

[119]) Fechner II, S. 449, 458.

[120]) Busching's Gesch. Th. I S. 19, Olear 372 и 373.

[121]) Brands Reisen, herausgegeben durch Heinrich-Christian von Henn in Vesel, 1702 S. 218. Legat. Pol. Lith in Mosc., descr. a Tannero ed. 2. p. 75.

[122]) Busching's Gesch. Th. II, cap. VIII, § 20.

[123]) Отъ 18 вѣка сохранился перечень богослужебныхъ книгъ или агендъ, употреблявшихся (хотя неизвѣсто въ какомъ объемѣ) въ старой лютеранской общинѣ, которымъ ничто не препятствовало быть въ употребленіи и въ 17 в. Вотъ эти агенды: 6 главныхъ членовъ христіанскаго катехизиса; коллекты, которые въ праздничные дни читались предъ алтаремъ, предъ полуденнымъ богослуженіемъ и послѣ него; вопросы, для исповѣданія грѣховъ предъ духовникомъ; покаянная молитва, читаемая по четвергамъ предъ всею общиною; покаянная молитва, возносимая во дни годичнаго покаянія, покаянные псалмы: 6, 25, 32, 38, 42, 51, 91, 102, 130, 143; краткое наставленіе къ совершенію св. крещенія въ церкви и на дому; формула крещенія взрослыхъ; увѣщаніе къ приступающимъ къ принятію св. таинъ; чинъ совершенія бракосочетанія; чинъ богослуженія, совершаемаго въ воскресные и праздничные дни: утренняго (отъ 8 до 9 ч.), полуденнаго (отъ 12 до 1 ч.) и вечерняго (отъ $1^1/_2$ до 3 ч.). Главное богослуженіе или

проповѣдь отправлялось въ такомъ порядкѣ: послѣ молитвы Пресв. Духу, наставникъ школы читалъ Евангеліе и Отче нашъ. Хоръ пѣлъ подъ органъ: Господи Боже, Отче, Слава въ вышнихъ. Органъ (безъ хора) исполнялъ: единому Богу въ вышнихъ да будетъ хвала. Потомъ читали предъ алтаремъ: коллектъ и апостолъ; съ помощію органа, пѣли — Haupt-Lied и символъ вѣры. Наконецъ всходилъ на каѳедру пасторъ и послѣ краткой молитвы ко Спасителю или св. Духу. пропѣтой имъ подъ органъ, произносилъ проповѣдь. Кто желалъ, причащался. (Fechner II B. S. 454—456.) Богослужебная практика въ Московской реформатской церкви 17 в. была весьма несложна: сначала пѣли псаломъ, потомъ читался приличный дню текстъ, далѣе снова слѣдовало пѣніе псалма, наконецъ произносилась молитва и проповѣдь. (Brand's Reis. S. 218.)

[124]) Пол. Соб. Зак. 1 т. гл. X и XIX, 40, гл. XX; 70, 71, гл. XXV, II. Уложеніе выдѣляло иноземцевъ изъ общей массы населенія и по другой статьѣ, — воспрещало имъ «держать у себя въ работѣ, по крѣпостямъ и добровольно, Русскихъ людей» (гл. 25); но этотъ законъ, какъ увидимъ, оставался безъ исполненія.

[125]) Ecclesia Militans S. 8. Beck. I. 586. Grot I. 258.

[126]) Busch. Gesch. Th. V и VI.

[127]) Reitenfels de rebus Moscov. p. 152, 227.

[128]) Голландской и Голштинской компаніямъ предоставлялись такія широкія привиллегіи въ торговлѣ, что нѣсколько разъ «гостишки, гостинной и суконной сотни торговые людишки» подавали жалобы царю на подрывъ ихъ торговли (Акты историч. т. III, № 181 и Ист. Рос. Соловьева т. IX, стр. 409, 416 и 420).

[129]) Письмо на латинскомъ языкѣ, приложенное ко 2 т. Ист. Медиц. въ Россіи Рихтера стр. 122—124. Въ письмѣ отъ 16 апр. 1662, присланномъ при первомъ отправленіи пастора въ Москву, курфюрстъ, также точно, какъ и въ приведенномъ письмѣ 1668 г., хвалитъ и благодаритъ царя за покровительство нѣмцамъ и ихъ вѣрѣ, почтительно испрашиваетъ и тонко выговариваетъ новыя къ нимъ милости и благоволенія. (Подлинное письмо находится въ Гл. Арх. М. И. Д.)

[130]) Дополн. къ историч. Ак. т. XII, №№ V, XVIII, XX, XIV.

[131]) Отъ обиды, безчестія и притѣсненій ихъ ограждалъ законъ и судъ (Ак. историч. т. III, № 287). Законъ строго наблюдалъ, «чтобы имъ не было никакого дурна, чтобъ воеводы не брали поминковъ съ чужеземцевъ ни подъ какимъ видомъ» (Ист. Рос. Солов. т. IX, стр. 409 и 410). Предупредительный законъ со всею точностію опредѣлялъ: «какую ѣду и питье держать для заморскихъ нѣмцевъ и для торговыхъ людей; а для береженья ихъ на дворахъ, гдѣ они приставали съ своими товарами, приставлялъ сына боярскаго и цѣловальниковъ, а иногда цѣлые отряды стрѣльцовъ» (Ист. Рос. Солов. т. IX, стр. 410 и Дополн. къ историч. ак. т. III, № 121). Всѣмъ «кормовымъ иностранцамъ, со всѣми ихъ женишками, дѣтишками и челядью» всякого рода жалованье (соболями, деньгами, продуктами) выдавалось въ опредѣленные закономъ сроки и по узаконенной росписи (Ак. Ист. т. III, № 236, 243, 303, 304 и 305). Такъ было въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Въ дальнѣйшее время встрѣчаемъ болѣе подробную и точную регламентацію всѣхъ правъ и преимуществъ ихъ. (Тамъ же № 243 и 244, 237. Дополн. къ историч. акт. т. X, № 31, т. XII, № 5, 19, 25, 29, 37, 51, 43 и Соб. Гос. грам. и дог. № 219).

[132]) Olear. 371. Ист. цар. П. В. Устрялова II т. 117 и Соб. Гос. гр. и дог. т. IV № 155 и 469.

[133]) Olear 318—320 и 372.

[134]) Нѣкоторые протестантскіе писатели, путешествовавшіе по Россіи въ 16 и 17 вв. Петрей, Кемпферъ и нѣкоторые русскіе, являющіеся непрошенными защитниками протестантовъ, возражаютъ, что до Петра В. русскіе также ревниво оберегали свою вѣру

и навязывали ее другимъ, какъ и всѣ другіе народы, если не болѣе, что многихъ протестантовъ насильственными мѣрами обращали въ православіе. (Религіозн. бытъ Русскихъ у иностранцевъ въ 16 и 17 вв. Рущинскаго. Чт. Об. Ист., 1871 г., Кн. 3 стр. 232). Въ доказательство насильственныхъ мѣръ обращенія протестантовъ въ православіе, указываютъ на то, что воспріемниками такихъ лицъ обыкновенно были князья или бояре, что царь жаловалъ новокрещенному большее или меньшее количество денегъ или назначилъ пожизненное содержаніе, — такъ полковнику Лесли, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, дано было при крещеніи 3000 рублей и сверхъ того доходное мѣсто. За каждаго иноземца-полонянника, или жившаго у иноземцевъ же по купчимъ, давалось окупу его владѣльцамъ, при обращеніи въ православіе, 15 рублей. (Olear. 320 и улож. Ал. Михайл. гл. XX, 7.) Но въ какой христіанской странѣ и какое благоразумное правительство, если оно не заряжено индифферентизмомъ, не покровительствуетъ обращенію въ господствующую вѣру? И это покровительство не приманка, не насиліе въ дѣлѣ обращенія, а требованіе вопіющей нужды. Чужестранецъ,—семьянинъ ли онъ или одинокій — принимая православіе, порывалъ связи съ родиною, отечествомъ, всѣ домашніе дѣлались его врагами. Нельзя же не защитить его отъ несправедливыхъ преслѣдованій злобы и фанатизма, не повергать же его со всею семьею, ради одного обращенія, въ благопроизвольную Евангельскую нищету, которая неизбѣжна для него, если его новое государство и общество не примутъ его къ себѣ въ свои новые члены и не окажутъ ему покровительства? Невиннѣйшими выразителями этого покровительства и были знатные восպріемники и матеріальное вспомоществованіе. Въ частности, что касается упомянутаго Лесли, то онъ получалъ богатое содержаніе, какъ старшій полковникъ русской службы, много оказавшій услугъ въ вербовкѣ иностранцевъ на русскія государственныя должности (Ист. Рос. Солов. т. IX стр. 84). Въ доказательсто насильственнаго обращенія протестантовъ въ православіе приводятъ еще слѣдующій фактъ. Французскій баронъ Петръ-де-Ремонъ, разсказываютъ протестанскіе писатели, крестился и сдѣлался русскимъ бояриномъ Иваномъ, но его жена-кальвинистка никакъ не хотѣла измѣнить своему вѣроисповѣданію. Самъ патріархъ (Филоретъ Никитичъ) убѣждалъ, ласкалъ ее, и, нашедши, что она точно неразумное дитя, велѣлъ ее, какъ дитя, насильно влечь ко крещенію. Она падаетъ на колѣна предъ патріархомъ, плачетъ и умоляетъ, чтобы ее оставили въ покоѣ; два сына и отецъ также плачутъ, ходатайствуютъ за нее, но ее все-таки потащили въ купель. При ея крещеніи присутствовали монахини, и раздраженная женщина излила весь свой гнѣвъ на монахинь, — одну изъ нихъ, когда, по обряду крещенія, новокрещенная должна была плюнуть въ землю, оплевала въ лицо, а другую уволокла съ собою въ купель. Въ этомъ странномъ до смѣшнаго вымыслѣ есть одна ничтожная доля правды; въ немъ сказалось то общее недовольство протестантовъ на вышедшее отъ патріарха Филарета узаконеніе, по которому католики и протестанты, желавшіе принять православіе, должны непремѣнно перекрещиваться: перекрещеваемая кальвинистка съ семьею своею плачетъ предъ купелью, влечетъ за собою въ купель монахиню, на другую монахиню плюетъ съ негодованіемъ къ обряду крещенія..., а чтобъ она противъ убѣжденія и насильно принимала православіе, этого прямо не видно изъ дѣла; самъ изобрѣтатель этого разсказа, Олеарій, за которымъ повторяютъ его и другіе писатели, вслѣдъ за приводимымъ извѣстіемъ говоритъ: не слышно однако, чтобъ русскіе насильно обращали кого въ свою вѣру, а напротивъ каждому предоставляли свободу совѣсти (Olear. 321—333). Другіе безпристрастные знакомые съ дѣломъ протестантскіе писатели также признаютъ, что русскіе уважали свободу совѣсти и никого не принуждали къ принятію ихъ вѣры, хотя бы это были ихъ рабы; они убѣждали, но не вынуждали и никому не дѣлали насилія. Одинъ изъ такихъ писателей (Колинсъ, 18 лѣтъ прослужившій придворнымъ врачемъ Алексѣя Михайловича), прибавляетъ, «что прежде иностранцы охотно и часто принимали русскую вѣру, но строгость временъ патріаршихъ, заставлявшая лютеранъ

и папистовъ отрекаться отъ своего крещенія, была причиною, что при патріархахъ немногіе принимали русское исповѣданіе (Коллинсъ, стр. 2, Reitenfels 224, 227, Mäyerberg 56, Varmund 26 въ цит. статьѣ, Рущ. стр. 232—4). Какъ ни мало было этихъ обращеній, однако Коллинсъ зналъ до 200 случаевъ. Такіе случаи нерѣдко бывали между низшими чинами полковъ иноземнаго строя: сержантами, капралами, жившими въ провинціяхъ, вдали отъ своихъ пасторовъ (Дополн. къ историч. ак. т. III, № 49). Итакъ, свобода совѣсти и религіозно-богослужебная свобода протестантовъ, — принимали-ль они православіе или нѣтъ, — оставались неприкосновенными, хотя эта неприкосновенность не всегда, можетъ быть, удерживалась въ должныхъ границахъ.

135) Единственнымъ почти источникомъ нашихъ свѣдѣній о церквахъ, находящихся на окраинахъ Россіи, служитъ Busching Gesch. (Th. V, 131—148 S. Th. VI, S. 151—176).

136) Если поискать въ исторіи слѣдовъ этого преданія, или собственно времени переселенія въ Астрахань этого монаха, то придется придти къ такимъ результатамъ. По разсказу того же Бюшинга (Th. VI), когда Олеарій видѣлъ этого монаха въ Астрахани, то ему (монаху) было уже 105 лѣтъ. Олеарій былъ въ Астрахани не позднѣе 1638 г. Если загадочному монаху въ 1638 г. было 105 л., то онъ родился въ 1533 г. Въ Русско-шведскую войну онъ захваченъ въ плѣнъ, какъ сказано, въ очень молодыхъ лѣтахъ. Если ему было тогда 20 лѣтъ, то значитъ это случилось въ самомъ началѣ ливонской войны (1554 г.).

137) Историч. ак. т. IV, № 138, стр. 282 и 3.

138) Мы на минуту вторгаемся въ 18 вѣкъ потому, что развязка дѣйствія, начавшагося въ 17 в., совершается въ началѣ 18-го.

ПРИМѢЧАНІЯ

ко второму отдѣлу первой части.

[1]) Соловьева Ист. Росс. т. 13, стр. 210—215 и Устрялова Ист. царств. Петра Великаго т. II, стр. 109.

[2]) Истор. акты т. II, № 276 и 277.

[3]) Старчевскаго II, 281 и 311, Истор. акты т. III, № 240; Grot I. 256, Beck I, 588, Buschings Magasin fur die neue Hist. u. Geog. XI, 528.

[4]) Olear. 309, 327.

[5]) Olear. 310.

[6]) Olear. 309. Wirkhart 250 и разсказы о Россіи Грека Архидіакона Павла, прибывшаго въ Москву въ свитѣ іерусалимскаго патріарха Макарія II. 22. Рущинскаго 180 и 181 стран.

[7]) Всѣ свѣдѣнія о проповѣдникахъ пропагандистахъ беремъ изъ Gesch. Büschings Th. II, cap. VIII, S. 179—191 и отчасти Olear. 372, 373.

[8]) Busching Gesch. II, cap. V, § 22.

[9]) Чтен. Общ. Ист. и древност. Россійск. 1840 г. т. IV, стр. 123.

[10]) Старчевскаго II, 326—330. Предисловіе къ кникѣ Берга: «De statu ecclesiae Religionis Moscoviticae,» Христ. Чт. 1857 г. кн. 1, стр. 380 и 381.

[11]) Ист. Росс. Соловьева т. 8, стр. 58.

[12]) Тамъ же т. 9, стр. 91.

[13]) Тамъ же т. 8, стр. 59.

[14]) Beck. I. 593 — 595, Eccl. Mil. S. 7 — 10, Olear. 223, Buschings Magas. für die neue Hist. 277 и Gesch. der evang. Gem. Th. II, cap. VIII § 18, Fechner I. 125, 197, 203, II Th. Прибавл. къ 14 Прим. 410. Beck. 599, 600. Eccl. Mil. S. — 13 и Schleissings Anatomia Rus. defor. 155.

[15]) Ист. Рос. Соловьева т. 15, стр. 116 и Ист. царств. Петр. Великакго Устрял. т. III, стр. 355 и прил. VII, № 45.

[16]) Акты Арх. Эксп. т. IV, № 200 стр. 254.

[17]) Ист. Рос. Соловьева т. 9, 473. Одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ сношеній по дѣламъ служебнымъ и частныхъ, бывшихъ между протестантами и православными. Въ Аптекарскомъ приказѣ извѣстное число лейбъ-медиковъ ежедневно засѣдали подъ предсѣдательствомъ русскаго боярина, приказные служители, подъячіе, дьяки были всѣ

русскіе. Въ 1678 г. видимъ ровно 10 группъ чиновниковъ также все русскихъ: аптекарскихъ учениковъ, костоправовъ, травниковъ, толмачей и пр. Какъ многочисленны и дѣятельны были сношенія этихъ медицинскихъ православныхъ чиновниковъ съ протестантскими прислужниками, объ этомъ можно судить по обширному кругу дѣлъ, подвѣдомственныхъ ихъ приказу: тутъ они рѣшали всѣ спорныя дѣла, возникавшія между чиновниками или людьми аптекарскаго приказа, а также дѣла по опредѣленію въ полки врачей, по учрежденію и организаціи аптекъ, по выдачѣ годоваго содержанія служащимъ и т. д. (Ист. медиц. Рихтера т. 2 стр. 3, 4.) Внѣ приказа, при своей обширной практикѣ у знатныхъ бояръ, гостей, раненыхъ воиновъ, доктора имѣли множество случаевъ практиковать и въ пользу своихъ религіозныхъ идей (тамъ же стр. 5). О постоянныхъ сношеніяхъ православныхъ съ протестантами въ столь многочисленныхъ полкахъ иноземнаго строя было бы излишне говорить. О таковыхъ же сношеніяхъ по торговымъ дѣламъ достаточно замѣтить, что на каждомъ торговомъ дворѣ члены компаній держали по одному русскому прикащику (II т. Р. И. Костом., стр. 437).

[18]) До какихъ крайностей доходило сначала отчужденіе русскихъ отъ иновѣрцевъ, о томъ забавно разсказываетъ неизвѣстный авторъ Beschreibung der Moscovitischen Glauben, Gebräuche, Sitten und Ceremonien S. 28—33: Для московитовъ человѣкъ не ихъ вѣры то-же, что собака. Если собака забѣжитъ или иновѣрецъ войдетъ въ ихъ церковь, это все равно, — то церковь уже нечиста, осквернена и немедленно вновь освящается, а самаго осквернителя сѣкутъ кнутомъ, плетью или ссылаютъ въ Сибирь. Для болѣе рельефнаго изображенія религіознаго отчужденія русскихъ и презрительнаго понятія ихъ объ иновѣрцахъ, тотъ же анонимный авторъ сочинилъ слѣдующую забавную каррикатуру. „У одного Англійскаго посланника въ Москвѣ была обезьяна, которую онъ одѣвалъ въ ливреи своего лакея. Разъ, наряженная точь-въ-точь какъ лакей, она ворвалась какъ-то въ церковь (которая была здѣсь по сосѣдству съ квартирою посланника), все тамъ перебила, опрокинула и преспокойно засѣла въ алтарѣ на престолѣ. Въ народѣ волненіе и ужасъ. Доносятъ патріарху, который тотчасъ бѣжитъ къ царю. Царь высылаетъ отрядъ янычаръ изъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы находятъ обезьяну сидящею на dem schonstem Altar и, считая ее за человѣка, велятъ ей выйти изъ церкви, но она на всѣ убѣжденія и приказанія ихъ скалитъ имъ зубы. Раздосадованный какой-то стрѣлецъ ударилъ ее по спинѣ, она схватила подсвѣчникъ, и началась баталія: сколько янычары не отбивались отъ нея пиками и копьями, многихъ она искусала до крови, до полусмерти, но какіе были посильнѣе и посмѣлѣе схватали ее, связали канатами и потащили къ царю и патріарху. Народъ, думая, что самъ чертъ попалъ въ полонъ, толпами бѣжалъ за обезьяною, вопилъ, ликовалъ. Посланника-жъ Англійскаго хотѣли растерзать на клочки, зачѣмъ-де онъ живетъ вмѣстѣ съ діаволами и напустилъ супостата на церковь Божію. Но нашлись люди, бывалые въ чужихъ краяхъ, которые увѣряли, что это ни человѣкъ и ни діаволъ, но звѣрь, какихъ они немало видѣли въ чужихъ земляхъ Патріархъ рѣшилъ, скотъ ли это, человѣкъ ли, или діаволъ воплотившійся, но за поруганіе и оскверненіе святыни долженъ умететъ. И вотъ бѣдную обезяну, скованную, связанную, при безчисленномъ стеченіи народа, дрожавшаго и ликовавшаго, потащили на лобное мѣсто и разстрѣляли. Относительно-жъ посланника распорядились, чтобъ никто не смѣлъ нападать на него, но и никто не имѣлъ съ нимъ никакого общенія». Забавный разсказчикъ, истощившій весь саркастическій юморъ и фантазію, для осмѣянія русской нетерпимости, однако-жъ не признаетъ ее непреодолимымъ препятствіемъ для своей тайной религіозной пропаганды. Напротивъ, заставляя москвитянъ принять звѣря за діавола, не отличить его отъ человѣка, казнить и разстрѣлять его, онъ смотритъ на русскихъ, какъ на стадо звѣрей, выбѣжавшее изъ дикихъ азіатскихъ лѣсовъ, и это — человѣкъ нѣсколько времени жившій среди русскихъ. Его взгляды служатъ выразителями тѣхъ низкихъ презрительныхъ понятій, какія имѣли о русскихъ жившіе среди ихъ ино-

страницы: они смотрѣли на русскихъ какъ на самую темную невѣжественную массу, которую они призваны просвѣщать, эксплуатировать и въ которой ихъ высокая миссія можетъ-де съ успѣхомъ распространять самыя крайнія сектантскія свои воззрѣнія, лишь бы они были благовидны извнѣ, не затрогивали рѣзко и не ругались открыто надъ религіозною святынею, вѣрованіями и традиціями.

[19]) Warmund 17, 18, Mäyerberg 27 и Разсказы Архидіак. Павла II, 22, у Рущинскаго 228 и 229.

[20]) Истор. объ Іовѣ патріархѣ, описаніе рукописей Румянцевскаго музея, № 156.

[21]) Сборникъ Соловецкой, теперь Казанск. Академ. Библіотеки, № 932 въ Трудахъ Кіевск. Акад. 1864 г., кн. 1, стр. 9.

[22]) Уложеніе Алексѣя Михайловича гл. XX, 70 статья, стр. 128 и 129 и Мейербергъ Iter in Moscoviam § 69, pag. 209.

[23]) Тамъ же.

[24]) Тамъ же и Сѣверн. Архивъ 1822 № 2, стр. 151.

[25]) Дополн. къ Историч. Ак. т. X, № 107.

[26]) Слово монаха Евфимія, произнесенное патріархомъ Іоакимомъ въ 1687 г. Опис. Рукоп. Московск. Синодальн. Библіотеки № 261.

[27]) Преосвящ. Филаретъ въ обзорѣ Русской Д. Литературы стран. 197, изд. 1859 г. и издатель сочиненій Максима Грека въ Православномъ собесѣдникѣ 1859 г. Февраль, стр. 13.

[28]) Высокопреосвященный Макарій въ статьѣ «Максимъ Грекъ», помѣщенной въ Христ. Чтен. за 1878 г. іюнь и г. Терновскій въ «матеріалахъ для исторіи противолютеранской Богословской полемики 16 и 17 вѣковъ, напечатанныхъ въ трудахъ Кіевск. Ак. за январь 1864 г.

[29]) Тамъ же, въ статьѣ Терновскаго стр. 26, 28 и 30.

[30]) Противъ астрологическихъ басенъ и бреденъ Максимъ Грекъ написалъ, кромѣ упомянутой статьи о рукописаніи Адамовомъ, посланія: къ бояриву Θеодору, къ какому-то иноку и неизвѣстному князю, 3 слова для всеобщаго употребленія и 5 критическихъ статей. Опис. Рукоп. Моск. Синод. библіотеки 11, 2, 536—543

[31]) Цитированная статья Преосвящ. Макарія.

[32]) Ак. Арх. Эк. т. I, № 239, стр. 241—256.

[33]) Рудневъ въ книгѣ «ереси и расколы въ Русской церкви» стр. 142, 138—9.

[34]) Словарь историч. о писателяхъ духовнаго чина т. II, стр. 380.

[35]) Сочин. Курбскаго, 2-е исправленное изданіе Устрялова стр. 133.

[36]) Игнатія Арх. Воронежск. ист. о расколахъ стр. 120.

[37]) Курбскій, стр. 134, Ак. Арх. Эк. 1 т., стр. 250 и 258.

[38]) Geschichte der Reformirten Kirchen in Lithauen von Lukaschewicz, Th. 1, S. 2. Венгерскій такъ разсказываетъ про трагическую кончину Θомы: въ февралѣ 1563 г. царь Иванъ Васильевичъ, взявъ Полоцкъ, поймалъ этого монаха, вывелъ на рѣку Двину и, ударивъ палкою въ лобъ, пустилъ его подъ ледъ. Ebendas.

[39]) Письмо Курбскаго къ Чаплію стр. 268 и 269. Г. Емельяновъ въ своей статьѣ «происхожденіе ереси Башкина и Косаго», напечатанной въ Трудахъ Кіевской Академіи за 1862 г. кн. 1, стр. 265—308, выводитъ ересь, вообще говоря, изъ того же источника, изъ какого производимъ и мы. Путей, которыми она проникла въ Россію изъ Литвы, онъ не указываетъ; положительныхъ свидѣтельствъ и доказательствъ онъ не приводитъ (даже и тѣхъ немногихъ, какія представлены нами); а доказавъ всею первоначальною исторіею русской церкви и литературы, что ученіе Башкина и Косаго не могло быть созданіемъ собственнаго религіознаго сознанія русскаго народа, онъ распространяется о томъ реформаторскомъ религіозномъ движеніи, какое въ это время наводнило Литву и Польшу и которое на основаніи тѣхъ же источниковъ, какъ и у г.

Емельянова и нѣкоторыхъ другихъ будетъ изображено нами въ своемъ мѣстѣ (въ началѣ 2-й части сочиненія). Въ концѣ всего изслѣдованія, коснувшись броженія социніанскихъ идей въ Польшѣ, онъ уже въ 1551 г. находитъ здѣсь проповѣдниковъ этихъ идей: Левія Соція и Станкара, изъ которыхъ первый приходилъ сюда изъ Италіи, а послѣдній ходилъ по Польшѣ, по изгнаніи своемъ изъ краковскаго университета, и въ заключеніе всего почтенный авторъ склоняется къ догадкѣ, что если не Башкинъ, то Косой заняли свое ученіе не отъ протестантовъ только, но и отъ социніанъ литовскихъ. Послѣдняя часть заключенія намъ кажется нѣсколько посиѣшною. Въ Польшѣ тайные социніанскіе проповѣдники были въ это время, но ни откуда не видно, чтобъ они заходили въ Литву въ то же раннее время (въ 1551 г.), и чтобъ здѣсь и тамъ пріобрѣли себѣ послѣдователей: (въ Литвѣ, какъ увидимъ, они появились не ранѣе 1560 г., въ Польшѣ впервые выступили съ открытою проповѣдію въ 1556 г.). Еще болѣе невѣроятно, чтобъ ученіе этихъ проповѣдниковъ такъ скоро нашло себѣ послѣдователей и въ Россіи, и столь опасныхъ и многочисленныхъ, что противъ нихъ въ 1553 г. созывали уже соборы. Не прибѣгая къ натяжкамъ, гораздо лучше представлять ересь Косаго крайнимъ развитіемъ ереси Башкина и жидовствующихъ, какъ это дѣлаетъ Высокопреосвященный Макарій (6 т.). Въ цитированной статьѣ полнаго уваженія заслуживаетъ отрицательный ея аргументъ, тотъ, что ересь Башкина и Косаго въ основѣ своей не русскаго происхожденія.

40) Акты Археографич. экспедиціи т. I, № 238.

41) Сочин. Курбскаго стр. 134.

42) По просьбѣ крылошанъ Спасскаго и Хутынскаго монастырей ученикъ Максима Грека, Зиновій Отенскій, написалъ противъ еретиковъ «истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Ист. Рус. ц. Преосвящ. Филарета Черниговскаго т. III, стр. 89.

43) Histor. Russ. Scriptor. exteri Saeculi XVI, Starzevsck. Oderborn. Johannis Basilid. vita, Liber I, p. 204, 205.

44) Oderbornii, p. 258.

45) По разсказамъ Итальянскаго посла Рафаэля Барберини, каждый день обѣдало съ царемъ около 200 знатныхъ нѣмцевъ; нѣкоторые же англичане были одними изъ приближеннѣйшихъ опричниковъ его. Карамз. IX т. 509 стр. 829, Richter, Gesch. der Ostseeprov. 20. Сказ. иностранц. о Рос. въ 16 и 17 вв. Спб. 1843, стр. 29.

46) Образованнѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго пастора Виттермана удостоилъ такой близости и довѣрія, что дозволилъ ему пересмотрѣть свою помѣщавшуюся въ двухъ подвалахъ библіотеку. Въ этихъ подвалахъ Виттерманъ нашелъ такія рѣдкія книги, еврейскія, греческія и латинскія, что готовъ былъ, за неимѣніемъ денегъ, заложить свои одежды и себя самого, лишь бы пріобрѣсти ихъ для своихъ университетовъ. Man. Liv. ant. 273, 69, 6.

47) Тамъ же 52. Oderborn. Johannis Basilid. Vita у Старч. II, 204, Поссевинъ De rebus Moscovitar. тамъ же II, 278, 300.

48) Карамз. 199. Псковск. Лѣтоп. Поэтич. возз. Слав. Аѳанасіева т. III, 628, Ист. Рос. Соловьева 3 изд. VII, 224.

49) Fechner, Vengerscii Slavonia reformata въ исторіи о расколахъ русской церкви стр. 118. Являлись ли эти проповѣдники съ своею спеціальною миссіею къ Грозному и имѣли ль какой успѣхъ въ Россіи, не извѣстно.

50) Quellen zur Geschichte der Bömischen Brüder II, 90. Объ этомъ посольствѣ приводятся довольно обстоятельныя извѣстія въ цитированной статьѣ Терновскаго стр. 30—35, у Рущинскаго стр. 281—288 и въ VIII т. Ист. Рус. церкви Высокопреосвящ. Макарія 405—410 стран.

51) Карамзинъ т. IX, 509 стр.

52) Полное заглавіе этихъ сочиненій таково: 1) Decem Quaestiones Theologicae

Iohannis Basilii, Magni Ducis Moscorum, ad quas Iohannem Rohitam, Ministrum Christi, in conspectu legatorum Poloniae, in urbe Mosqua, ineunte anno 1570 respondere jussit; 2) Responsio Iohannis Basilii, Magni Ducis Moscorum, ad hanc Rohitae confessionem fidei, data ipsi in urbe Mosqua anno 1570, apud Starzevsk. 204—213 и Лазицкаго: De Russorum Moscovit. et Tartar. religione p. 1—10. Spirae 1582.

[53]) Scriptores exteri·Starzevsky p. 205 et caeter.

[54]) Въ полномъ, первоначальномъ своемъ текстѣ, съ указаніемъ всѣхъ варіантовъ его отъ латинскаго перевода Лазицкаго, „отвѣтъ" Грознаго перепечатанъ А. Н. Поповымъ во 2-й кн. Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос. за 1879 г., стран. 1—53, по рукописи, открытой издателемъ въ 1874 (гдѣ, какъ и какова историческая судьба рукописи, почтенный издатель не объясняетъ). Другой славянскій списокъ „Отвѣта" найденъ священникомъ Семеновичемъ въ библіотекѣ Холмской Семинаріи, куда чрезъ множество рукъ онъ могъ перейти отъ самого Лазицкаго. Редакторъ Варшавскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, обѣщаетъ напечатать его. Древн. и нов. Россія 1878 г., № 4 и 5.

[55]) Сказаніе объ осадѣ Тройце-Сергіев. Лавры Палицына, стр. 39, 40.

[56]) Herbin.—163, у Рущинск. стр. 75—77. Olear. 337.

[57]) Olear. 331—334, 337 и Ulfeld apud Starzevsk. v. I, p. 11.

[58]) Объ этой общераспространенности статей священника Василія свидѣтельствуетъ множество дошедшихъ до насъ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ—большею частію въ приложеніи ихъ къ рукописнымъ сборникамъ. Опис. Румянц. Музея, Восток. стр. 415; Обозр. Славяно-Русск. Библіографіи Сахарова т. 1, кн. 2, № 80; описан. Рукоп. Царскаго № 393; опис. Рук. гр. Толстаго отд. II, № 351.

[59]) Ulfeld. ibid. p. 11, v. I.

[60]) Счетъ листовъ ведемъ по рукописи Московской Д. Академіи № 177, по которой мы и читали разсматриваемое сочиненіе. Довольно полное по порядку главъ содержаніе его представлено въ статьѣ г. Никольскаго „Матеріалы для противо-лютеранской полемики 16 и 17 вѣка". (Труды Кіевск. Дух. Академіи 1862 г. т. II, стр. 150—175); но въ этой статьѣ мы не нашли ничего для своей цѣли, кромѣ сырыхъ матеріаловъ.

[61]) Въ рукописи, принадлежащей Московской Д. Академіи № 177, сочиненіе это занимаетъ 71 листъ мелкой скорописи. Объ обширной извѣстности и распространенности его въ свое время свидѣтельствуетъ также множество списковъ его, сохранившихся до нашего времени. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ оно встрѣчается отдѣльно въ видѣ особеннаго самостоятельнаго сочиненія; напр. въ рукописяхъ Царскаго подъ № 392 (скоропись крупная въ четверку, 264 листа, изд. 1625 г.) далѣе: въ книгѣ Захарія Копыстинскаго, вышедш. въ Кіевѣ около 1625 г. (тамъ же у Царскаго № 395), въ рукописяхъ Московской Синодальной Библіотеки (опис. ея рукопис. № 277) и наконецъ въ одномъ изъ просвѣтителей, изданныхъ на Москвѣ (Опис. рукоп. Царскаго № 467, стр. 573—4). Но въ большинствѣ древнихъ рукописей означенное сочиненіе соединяется и смѣшивается съ другими сочиненіями и статьями, какъ наприм. въ сборникахъ, носящихъ Названіе изложеніе вѣры (опис. рукоп. Царскаго № 394, стр. 445), въ такъ называемой Кирилловой книгѣ, въ „Изложеніи на Лютеры" и въ книгѣ о вѣрѣ православной.—Кириллова книга содержитъ въ себѣ 48 главъ, наше 12-ти главое сочиненіе занимаетъ тамъ главы 10—18, 21—23; остальныя главы Кирилловой книги направлены противъ социніанъ: 1—9, 19, 20 и 24 и противъ латинянъ и армянъ: 25—48. Въ многочисленныхъ сборникахъ: „изложеніе на Лютеры", состоящихъ большею частію изъ 47 главъ, наши 12 главъ занимаютъ первое мѣсто. Наконецъ въ книгѣ о вѣрѣ православной, состоящей изъ 30 главъ, наши 12 главъ помѣщены 2—13 включительно; (первая-жъ глава о томъ, како подобаетъ вѣровати въ Отца и Сына и Св. Духа взята изъ Изложенія на Лютеры, слѣдующія девять главъ (14—22), направленныя противъ социніанъ, перепечатаны изъ Кириловой книги; остальныя восемь главъ (23—30) представляютъ

чрезполосный выборъ изъ той же Кирилловой книги; напр. 27 глава „Православной вѣры" о Мартинѣ Лютерѣ то же, что 29 глава Кирилловой книги. (Опис. рукоп. Царскаго № 395, стран. 468—466). Наше сочиненіе можно находить и въ такъ называемомъ Просвѣтителѣ Литовскомъ, но этотъ сборникъ то же, что и книга „Православная вѣра", только подъ другимъ названіемъ. Опис. Рукоп. Ундольскаго № 426, стр. 306—307. По списку Бередникова, можно полагать, что это сочиненіе готовили къ печати. Изв. Акад. IV, 199.

62) Г. Никольскій думаетъ, что разсматриваемое сочиненіе Южно-Русскаго происхожденія. Но для насъ все равно, написано-ль оно на Югѣ, или на Сѣверѣ Россіи. Если оно такъ распространено было въ Сѣверной Россіи, болѣе даже, чѣмъ въ Южной, если здѣсь его съ такимъ интересомъ читали, то значитъ оно, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовало настроенію и нуждамъ здѣшнихъ православныхъ, было, такъ сказать, родственнымъ имъ произведеніемъ и вполнѣ выражало ихъ отношеніе къ противникамъ: и тамъ и здѣсь, на Сѣверѣ и Югѣ Россіи, интересы и нужды православія были одни и тѣ же, одинаковую нужно было выдерживать борьбу, средства обороны были большею частію одни и тѣ же. Если бъ и было доказано Южно-Русское происхожденіе сочиненія, то отъ этого для насъ произошло бы только то небольшое неудобство, что раскрывая ближайшій поводъ къ написанію сочиненія, утверждая, что оно есть воспроизведеніе личнаго состязанія съ противниками, мы нѣсколько забѣгали бы впередъ: въ такомъ случаѣ ближе всего говорить бы объ этомъ предметѣ при обзорѣ отношеній протестантизма къ Южной Россіи. Но такъ какъ Южно-Русское происхожденіе сочиненія вполнѣ не доказано и такъ какъ важное историческое значеніе имѣло оно для сѣверной Россіи, то мы здѣсь считаемъ нужнымъ коснуться и этого предмета.

63) Olear. 309.

64) Herbin 149, у Рущинскаго стр. 300.

65 Описан. рукопис. Царскаго №№ 198—200, стр. 163—164.

66) Подробный разборъ Катехизиса Лаврентія Зизанія помѣщенъ въ Православн. Собесѣдникѣ за 1855 г., т. 1 и 2, стр. 117—164, 305—348, 399—430

67) Во многихъ рукописахъ, напр. въ рукописи Царскаго (полулистъ въ четверку 651 листъ), Изложеніе на Лютеры заканчивается слѣдующими словами: слава Богу, въ Троицѣ пѣваемому! Аминь! совершена бысть сія книга въ лѣто 7150 (1642 г.) іюля въ 14 день, рукою многогрѣшнаго и непотребнаго раба Іоанна. Кромѣ того на нѣкоторыхъ листахъ внизу писецъ обозначилъ свое имя, также мѣсяцы и числа, когда списывалъ (Опис. Рукоп. Царск. № 694, стр. 453).

68) У Царскаго, кромѣ цитированнаго сборника „Изложенія на Лютеры" № 394, сохранился другой экземпляръ того же сборника № 690, стр. 730—733, который названъ сочиненіемъ неизвѣстнаго автора. Въ томъ и другомъ сборникѣ есть варіанты, примирить которые не трудно. Сборникъ № 690 состоитъ изъ 50 главъ, а 394 № изъ 47 гл. Всѣ 47 главъ № 394 вмѣщаются въ 44 главахъ № 690. Это произошло отъ того что 40-я глава его состоитъ изъ трехъ нашихъ главъ сборника № 394 40—42, 29-я изъ двухъ 28 и 29.

45 глава сборника № 690 трактуетъ Мартинѣ Лютерѣ, 46 глава о четвертомъ соборѣ бывшее утвержденіе св. отецъ;	Въ цитированной рукописи того же Царскаго подъ № 394 двѣ эти главы составляютъ одну 46.
47 глава о церквахъ св. восточныхъ и о Россійской св. великой церкви къ Лютерови же отвѣтъ, 48 глава о Россійской св. Великой церкви, 49 глава о Египетской церкви, и люторскихъ латинскихъ ересяхъ и о киркахъ датскаго короля.	Въ рукописи подъ № 394 всѣ три главы составляютъ большую половину 47 главы.

50 глава у Лютерань нѣсть конца ни единаго есть перепечатка послѣдней половины 47 главы изъ рукописи № 394.

Рукопись изъ 47 главъ „Изложенія на Лютеры" находится въ Московской Синодальной библіотекѣ въ трехъ экземплярахъ подъ №№ 274, 275 и 276. Здѣсь варіантъ замѣчается лишь въ спискѣ подъ № 275, гдѣ къ 47 главамъ прибавлены еще двѣ главы: 48-я, не имѣющая прямаго отношенія къ содержанію книги, и 49-я о Христовыхъ тайнахъ (Опис. рукоп. Моск. Синод. библіотеки стр. 358—367). Списокъ 1644 г. № 195 находится въ Библейск. общ. II от. Кромѣ этихъ рукописей, въ которыхъ всѣ 47 главъ помѣщены вполнѣ, хотя и не въ одномъ неизмѣнномъ порядкѣ, сохранилось не мало рукописей, въ которыхъ находятся только нѣкоторыя изъ этихъ главъ; таковы напр. (какъ мы видѣли подъ 61 примѣчаніемъ) Кириллова книга, Изложеніе о вѣрѣ, книга о Православной вѣрѣ и Литовскій Просвѣтитель. Кромѣ Литовскаскаго Просвѣтителя бтле еще два „Просвѣтителя". Въ одномъ изъ этихъ просвѣтителей среди трактацій о „кулачномъ боѣ" (гл. 21), о лживыхъ пророкахъ, иже ходятъ по погостемъ и волостемъ" (гл. 22) и „межь главъ противу латинянъ" попадаются и главы противъ лютеранъ, перепечатанныя изъ Изложенія на Лютеры; таковы главы: 3, 5, 6, 7, 10, 12, 13, 14, 17, и 18 (Опис. Рукоп. Царскаго № 461 стр. 571—574).

[69]) Опис. старопечатныхъ книгъ Царскаго, № 125.

[70]) Реформація находилась между прочимъ въ родствѣ и съ иконоборствомъ: видя въ немъ какую то попытку просвѣщеннаго характера, что-то въ родѣ гуманизма, реформація воспользовалась отъ иконоборческихъ учителей многими ихъ аргументами и идеями.

[71]) Для нашей цѣли имѣетъ нѣкоторое значеніе послѣсловіе къ сборнику, въ которомъ читаемъ: „въ Троицѣ славимый Богъ всесильный благоволи и вложи въ сердце благочестивому и искреннему искоренителю ересемъ царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу напечатати сію Богодухновенную книгу, отъ многихъ св. отцевъ во едино собравше, дабы плевы отъ пшеницы отъяти или яко пепелъ развѣяти еретическія хулы и бѣснованія на церковь Божію, на общую духовную пользу всему христоименному православному христіанству, окаяннымъ же еретикамъ на вѣчное проклятіе, исчезновеніе и посрамленіе". Выписанное послѣсловіе и, пожалуй, самая прикровенность имени составителя сборника (изданіе анонимное) показываютъ, что изданіе сборника было преимущественно личнымъ дѣломъ благочестивой ревности царя. А то обстоятельство, что сама высочайшая власть подвиглась съ такою ревностію на посрамленіе еретиковъ и на предохраненіе отъ нихъ православнаго христіанства показываетъ, что возбужденное ими движеніе не безопасно было для православныхъ.—Не мало важнаго для насъ матеріала могъ бы дать сборникъ „противу иконоборцевъ Кальвинъ и Лютеръ", составленный тщаніемъ и снисканіемъ государева (Алексѣя Михайловича духовника Благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича, но отъ этого сборника, какъ замѣчено въ Христ. Чт. за 1857 г., іюнь стр. 396, уцѣлѣлъ и хранится въ библіотекѣ Петербургской Академіи одинъ незначительный отрывокъ. Къ сожалѣнію, мы и этого отрывка никакъ не могли отыскать въ названной библіотекѣ.

[72]) Счетъ листовъ ведемъ по вышецитированной рукописи Московской Д. Академіи № 177.

[73]) Olear. 332 и Petr. 317 и 318.

[74]) Olear. 335.

[75]) Olear, 333 и 334.

[76]) Olear. 334 и 336.

[77]) Olear. 335—337.

[78]) Olear. 338 и у Рущинск. 47 и 48.

[79]) Petr.

80) Epistola ad Chytrea apud Starzewsk. v. I pag. 38.

81) Olear. 357 и Kolins S. 5 у Рущинск. 90.

82) Olear. 356.

83) Olear. 335.

84) Считая обнаруженную въ сборникѣ начитанность и образованность ни для кого недоступною на сѣверѣ Руси, авторъ цитированной статьи: „матеріалы для противолютеранской полемики" признаетъ протопопа Іоанна Насѣдку составителемъ немногихъ, но весьма важныхъ въ данной полемикѣ, главъ 15—17, 21, 22—25; остальнымъ же главамъ усвояетъ Южно-Русское происхожденіе, оставляя за Насѣдкою только честь собранія готовыхъ статей въ одинъ сборникъ и трудъ собственноручной переписки ихъ.— О принадлежности исчисленныхъ главъ протопопу Насѣдкѣ мы не споримъ. Но считать обнаруженную въ остальныхъ главахъ начитанность и образованность совершенно недоступною для Насѣдки и разжаловать его въ простаго писца было-бы несправедливо: во время преній съ Королевичемъ Вальдемаромъ, Насѣдка обнаружилъ, какъ увидимъ, большія способности и познанія, для его времени, можно сказать, невѣроятныя, чрезвычайныя. Свѣденія по исторіи и археологіи, высказанныя въ одной лишь 18 главѣ, превышаютъ, пожалуй, уровень его разумѣнія и познаній. Всѣ же остальныя главы сѣверо- и южно-русскаго происхожденія, ни по внѣшнимъ, ни по внутреннимъ признакамъ не представляютъ рѣзкихъ различій, и съ чрезвычайнымъ трудомъ подмѣчаются нѣкоторые оттѣнки между ними—сравнительная, но незначительная слабость доказательствъ и растянутость изложенія въ главахъ Насѣдки. Но въ тѣхъ и другихъ главахъ встрѣчаются недостатки, совершенно одинаковые, происходящіе, какъ увидимъ, отъ однихъ и тѣхъ же причинъ: натяжки и преувеличенія въ доказательствахъ, внѣшніе критическіе пріемы гл. 13—24. Очень могло случиться, что подобныя мѣста въ главы Южно-русскаго происхожденія внесены были Насѣдкою. Написавъ въ первомъ, собствено противопротестантскомъ отдѣлѣ всѣ главы, за исключеніемъ одной, во второмъ—болѣе половины главъ, онъ, естественно, могъ и долженъ былъ въ остальныхъ Южно-русскихъ статьяхъ сдѣлать нѣкоторыя внѣшнія измѣненія: дополненія, сокращенія, иную окраску изложенія, чтобъ придать сборнику хотя бы однообразный внѣшній видъ. Въ пріемахъ полемики, въ строеніи доказательствъ Насѣдка подражалъ Южно-русскому ученому и опытному полемисту, отчего и происходитъ значительное внутреннее сходство собственныхъ его главъ съ южно-русскими, но, въ свою очередь, эти послѣднія главы, чтобъ походить на его собственныя, должны были принять и иную внѣшнюю отдѣлку, отпечатлѣть на себѣ особенности его стиля, своеобразности изложенія, которыя, при разумной подражательности въ мысляхъ, не могутъ же изгадиться въ писателѣ. Въ чемъ именно состояли эти внѣшнія измѣненія, мы, за неимѣніемъ южно-русскихъ списковъ сборника, опредѣлить не можемъ; но что всѣ статьи южно-рускаго происхожденія не миновали редакціи новаго составителя сборника, это болѣе чѣмъ вѣроятно.

85) Къ тому же отдѣлу сочиненія, къ которому мы относимъ вопросъ о лѣтоисчисленіи, принадлежитъ пререканіе о квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокахъ (26—45, л. 139—308). Хотя авторъ и говоритъ, что онъ нашелъ на этотъ предметъ новые отвѣты въ писаніи (гл. 26), но такъ какъ эти отвѣты касаются обрядовой разницы, заимствованной протестантами у католиковъ, и имѣютъ значеніе въ полемикѣ православія съ католичествомъ, то мы не будемъ входить въ разборъ ихъ. Отмѣтимъ развѣ натяжки и преувеличенія въ доказательствахъ, такъ ясно характеризующія запальчивую и придирчивую къ буквѣ полемику того времени: „потому только, что католики и лютеране употребляютъ опрѣснокъ, бездушный и мертвый яковоже и тѣло безъ духа, они исповѣдуютъ будто Христа, пріемша плоть бездушну, безумну; не кладуще въ прѣсну муку квасъ и соль и духъ тепелъ, яже (квасъ и духъ теплъ) за возрастаніе человѣческое и (соль) за умъ Божественный пріемлются,—они уже признаютъ, что Христосъ не сохранилъ ни единаго свойства

ни Божества, ни человѣчества, и нѣсть ни двою волю, ни двою хотѣнію въ немъ единомъ и потому часть ихъ съ Аріемъ, Несторіемъ, Аполлинаріемъ, Евагріемъ и другими еретиками.

86) Въ рѣзкихъ порицаніяхъ лютеранскихъ кирокъ нельзя не видѣть тѣсной связи съ общественнымъ на Руси настроеніемъ и отчужденіемъ отъ нихъ. Эти мѣткія остроты, правдивыя укоризны вышли изъ подъ пера обличителя въ тотъ разъ, когда столичное духовенство подало царю челобитную о закрытіи всѣхъ нѣмецкихъ ропатъ и капищъ, и по содержанію своему совершенно сходны съ челобитною. Очень вѣроятно, что эта полемика раздула, воспламенила скрывавшіяся въ общественномъ раздраженіи искры; но въ свою очередь разгорѣвшееся общественное пламя не могло не охватить писателя и не воспламенить жаръ его полемики. Одно зависѣло отъ другаго и одно на другое вліяло по тому непреложному закону, что литература служитъ выразительницею, отголоскомъ общественнаго мнѣнія и съ своей стороны даетъ тонъ и направленіе тому же общественному мнѣнію. Литературная полемика, насколько то зависѣло отъ нея, старалась раздуть возбужденіе народа противъ кирокъ, съ цѣлію предостеречь, застраховать его навсегда отъ посѣщенія кирокъ, которое, особенно въ виду поднявшихся теперь нападокъ на внѣшнія дѣла благочестія и тайныхъ совращеній къ раціональному протестантскому способу богопочтенія, было особенно опасно для русскаго благочестія.

87) Послѣсловіе, перепечатанное изъ 47 главаго сборника въ Кириллову книгу.

88) Въ 1644 году вышли въ свѣтъ два новые полемическіе сборника. неоднократно упомянутые нами: сочиненіе о православной вѣрѣ инока Зиновія и такъ называемая Кириллова книга.

89) Дѣло о сватовствѣ королевича Вальдемара и о возникшихъ по этому случаю преніяхъ о вѣрѣ изложено кратко въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1861-й годъ, ч. 2, страницы—241—276, 391—418. Въ подробности дѣло о сватовствѣ описано въ исторіи Россіи Соловьева, т. 9, стр. 315—341 и въ въ разсказѣ Бушинга о поѣздкѣ въ Россію графа Вальдемара Христіана Гильденлеве (VII и X Magasin von Buschings), переведенномъ на русскій языкъ въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ за 1867 годъ, т. IV, отд. 4, стр. 1—72. Самыя пренія о вѣрѣ—устныя и письменныя подробно изложены въ рукописяхъ Московской Синодальной библіотеки, № 279, л. 1—560 и № 281, л. 1—150. Свои свѣдѣнія о настоящемъ дѣлѣ мы брали преимущественно изъ Синодальныхъ рукописей и документовъ, воспроизводимыхъ г. Соловьевымъ.

90) Листъ 215 рукописи Соловецкой, нынѣ Казанской дух. академіи, воспроизведенной въ сейчасъ цитированной статьѣ Правосл. Собесѣдника. По этой рукописи мы выставляемъ счетъ листовъ раза два, три и затѣмъ слѣдуемъ рукописямъ Синодальнымъ №№ 279 и 281. Гдѣ не выставляемъ № рукописи, тамъ разумѣемъ № непосредственно предшествовавшей.

91) Марселисъ обвинялся въ несоблюденіи контрактовъ по желѣзному и пушкарному дѣлу, заключенныхъ имъ съ Московскимъ правительствомъ, въ томъ, что безъ „царскаго указу припускалъ къ себѣ въ товарищи иноземцевъ, русскихъ людей не училъ своему мастерству, пушки лилъ на заморскую статъ для своей прибыли". Извѣстно еще дѣло о продажѣ имъ въ казну въ два дорога инроговыхъ роговъ: за два рога, стоившіе, по оцѣнкѣ „Дохтура Грамана", пять тысячъ, онъ взялъ (соболями, куницами и лисицами) 9000, за меньшій рогъ, стоившій 300, онъ схватилъ 1000 р. Историч. акты, т. IV, № 242, стр. 98 и дополнен. къ истор. актамъ, т. V, № 77 и т. VI, № 41.

92) Акты этихъ преній находятся въ Синодальныхъ рукописяхъ №№ 279 и 281. Въ рукописи Соловецкаго монастыря или Казанской Академіи вовсе нѣтъ разбираемыхъ нами: 1-го посланія патріарха къ принцу Вальдемару, посланія Фильгобера къ патріарху и отвѣтнаго на него 2 посланія патріарха; нѣтъ также пространнаго изложенія преній Фильгобера 1) съ греками и 2) съ Насѣдкою. Но при всей ея кратко-

сти, въ ней есть (неважные впрочемъ) два акта преній, которыхъ недостаетъ въ синодальныхъ рукописяхъ: переводъ съ письма Петра Марселиса и опроверженіе втораго посланія Фильгобера, присланнаго въ отвѣтъ на второе посланіе патріарха. Сходство и различіе Синодальныхъ рукописей №№ 279 и 281 подробно указано въ описаніи рукописей Московской Синодальной библіотеки, II отд.. стр. 370—382. О преніяхъ, происходившихъ по указамъ отъ 28 мая 1644 года и 4 Іюля 1645 года—не сохранилось актовъ.

[93]) Объ общеизвѣстности и общераспространенности актовъ „преній о вѣрѣ съ Датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ“ можно судить по множеству списковъ этихъ актовъ, сохранившихся до настоящаго времени. У Царскаго „преніе о вѣрѣ съ Датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ“ сберегается въ пяти рукописяхъ (Описаніе рукопис. Царскаго, № 398, стр. 475—6). Въ Московской Синодальной библіотекѣ это преніе на 560 листахъ хранится въ 3 экземплярахъ (Описан. рукописей Московской Синодальной библіотеки, №№ 279—281, стр. 370—382). Въ Румянцевскомъ Музеѣ сохранилось два экземпляра его, №№ 207 и 208. Одинъ экземпляръ находится въ библіот. Общества Исторіи, № 13, одинъ въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 388 и одинъ въ Воскресенской обители. Неизлишне замѣтить о судьбѣ и значеніи послѣдняго списка. Списокъ этотъ былъ поднесенъ Пушкинымъ въ даръ для самого царя въ самый же годъ производства преній. Не смотря на то, что онъ представляетъ собою значительное сокращеніе съ пространнаго акта преній, государь такъ высоко оцѣнилъ его, что „указа сію книгу положити въ казну Святѣйшаго Патріарха въ особый ящикъ, который за его, великаго государя, печатью и запечатали изъ ближней канцеляріи“. Патріархъ Никонъ не хотѣлъ, чтобъ этотъ драгоцѣнный даръ лежалъ подъ спудомъ, въ почетной, такъ сказать, тайнѣ: скрѣпивъ списокъ своей подписью, онъ отослалъ его въ свой любимый Воскресенскій монастырь въ 1661 году. Видно, что всякою строкою любопытныхъ преній, всякимъ краткимъ экстрактомъ ихъ дорожили одинаково какъ во время самыхъ преній, такъ и спустя долгое время по окончаніи ихъ (Описаніе рукописей Синодальн. библіотеки, № 280, Опис. рукопис. Ундольскаго, № 249, стр. 314) Тетрадь „пренія“, попавшая въ библіотеку Ундольскаго, найдена въ Архангельскѣ между книгъ Совѣстнаго суда засѣдателя А. Шенна: значитъ на отдаленномъ сѣверѣ интересовались этимъ дѣломъ и сочиненіями. Извѣстно оно было и на югѣ Россіи: въ Кіевской Дух. академіи до сихъ поръ хранится оно, въ полномъ ли составѣ, не извѣстно (вліяніе западно-европейской литературы на древне-русскую, сочин. Петрова, въ трудахъ Кіевской академіи, за 1872 годъ, 11 томъ, стр. 23). Не лишено важности и то обстоятельство, что все „преніе о вѣрѣ и даже отповѣдь Вальдемара Христіана, графа на Слезвигѣ, Святѣйшему Іосифу всея Россіи Патріарху (данная 1644 года, 23 апрѣля), Преосвященнымъ Стефаномъ Яворскимъ явлени были въ свѣтъ печатнымъ тисненіемъ противу оной лютеранской и другихъ ересей“: стало быть и въ началѣ 18 вѣка въ спорахъ общества съ лютеранами эти сочиненія имѣли свое значеніе.

[94]) Одно изъ странныхъ мнѣній пастора Фильгобера: внѣшніе знаки, чрезъ которые преподается благодать въ таинствахъ, ровно ничего не значатъ. Образецъ натянутыхъ, чтобъ не сказать хуже, доказательствъ его: крещеніе чрезъ обливаніе прообразовали будто въ ветхомъ завѣтѣ разныя окропленія кровію тельчею, юничею, птичьею, водою съ пепломъ красной коровы. Синод. рук. № 281, л. 62 обор., № 279, л. 471—490.

[95]) Busching въ Чтеніяхъ Общества Истор. за 1867 г., т. IV, отд. 4, стр. 46, 70 и 71.

[96]) Тамъ же, стр. 17, 31, 36, 54, 56, 58, 59, 63.

[97]) Предисловіе къ Magasin Buschings Th. 70, л. X и Исторія Медиц. въ Россіи Рихтера, т. II, стр. 27 и 28.

[98]) Уложеніе XXIV, 24 стр. и Полное собраніе законовъ Россійск. Имперіи, т. 1, № 441, с. 109.

[99]) Списки съ этого Меча находятся у Толстаго и Царскаго (Описан. рук. Толстаго II—120, Ундольскаго, № 484, стр. 348).

[100]) Всѣ свѣдѣнія объ этомъ пропагандистѣ мы заимствовали изъ челобитной его и челобитной Негребецкаго, поданныхъ въ маѣ 1681 года царю Өедору Алексѣевичу. Челобитныя эти, съ нѣкоторыми выпусками и описаніемъ соприкосновенныхъ къ нимъ обстоятельствъ, напечатаны въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ за 1862 годъ, т. 21, стр. 569—614.

[101]) Исторія Медиц. въ Россіи Рихтера, т. II, стр. 260 и 261.

[102]) По другимъ свидѣтельствамъ, Янъ Бѣлободскій былъ присоединенъ къ православной церкви, но по присоединеніи высказалъ свое неправомысліе въ сочненіи „о безразличіи церквей“ (Очерк. изъ Истор. Просвѣщ. въ концѣ 17. в., Правосл. Обзор. 1862 г., т. 4, стр. 169—179).

[103]) Щитъ вѣры въ описаніи рук. Моск. Синод. биліотеки, № 310, стр. 497—501. Тамъ же № 261, стр. 257.

[104]) Начало Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ Прибавл. къ Творен. св. отцевъ, 1852 г., кн. II, стр. 73.

[105]) Толюкъ въ сочиненіи: Das kirchliche Leben des siebzehnten Jahrhunderts. Die zweite Hälfte des XXII. Jahrhunderts.

[106]) Тамъ же у Толюка.

[107]) Введеніе въ Исторію Просвѣщенія въ Россіи въ 18 столѣт. Пекарскаго, ч. 1, 328—331; ч. II, 290—291, 438.

[108]) Пекарск., ч. 1, стр. 128

[109]) Соловьева — Истор. Россіи. т. XV, стр. 101.

[110]) Пекарск., ч. 1, стр. 505—506.

[111]) Народная молва обвиняла въ протестантскомъ вольномысліи: Өеодосія Яновскаго, Лаврентія Горку, Өеофила Кролика, діакона Адама и друг. Тамъ же.

[112]) Окружное посланіе Аөанасія, Епископа Холмогорскаго, Щапова, стр. 145.

[113]) Розыскъ, гл. XII, стр. 173—174.

[114]) Несоблюденіе постовъ вошло въ моду даже у духовныхъ особъ. Александро-Невскій архимандритъ Өеоөанъ Прокоповичъ и другіе не держали постовъ. Чтен. Общ. Исторіи и Древност. Россійскихъ, 1862 г., кн. 1.

[115]) Камень вѣры, стр. 66—67.

[116]) Слова сторонниковъ московскаго вольнодумца этихъ временъ — Тверитинова.—

[117]) Его жизнь и дѣятельность принадлежатъ послѣднимъ годамъ 17, а больше первымъ 18 столѣтія; но въ ней вскрылась вся темная агитація, которая работала полтора вѣка; въ ней созрѣли плоды, сѣмена которыхъ сѣялись полтора столѣтія, въ возбужденной по этому случаю полемикѣ разразились удары, которые вдали, на подобіе глухихъ раскатовъ грома, слышались на пространствѣ вѣка. Не видя въ исторіи и въ петровское время ни одного собственно протестантскаго агитатора, не зная ни одного изъ нихъ по имени, мы должны бы ближе ознакомиться съ ихъ русскимъ агентомъ Тверитиновымъ. Но, къ сожалѣнію, подлиннаго слѣдственнаго дѣла о немъ, хранящагося въ Московской Синод. библіотекѣ, мы не могли прочитать и свою краткую характеристику о Тверитиновѣ и его единомышленникахъ составляли на основаніи данныхъ, какія предлагаются въ обширныхъ статьяхъ о немъ, помѣщенныхъ въ Правосл. Обозрѣніи за 1868 г., т. I, стр. 305—349. и II т., стр. 111—135, и въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1870 г., т. 89, стр. 1—61 (статья неоконченная). Въ этихъ статьяхъ проводятся взгляды на Тверитинова діаметрально-противоположные. Г. Тихонравовъ, авторъ второй статьи, при своихъ безусловныхъ восхваленіяхъ, воскуреніяхъ Великому

Преобразователю, не пожалѣлъ красокъ и для Тверитянова. Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій, и проч., ратовавшіе за отвергаемые имъ чины и законоположенія церкви, выходятъ у г. Тихонравова запоздалыми противниками великой реформы, гонителями живой мысли. Не имѣя возможности согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго ученаго, мы не ограничиваемся узкими, не иллюстрирующими предмета взглядами, проводимыми во второй статьѣ. Насколько намъ удалось уяснить дѣло, предоставляемъ судить читателямъ.

118) Нѣкоторыя критическія мысли о Камнѣ вѣры и Рожнцѣ духовномъ, съ довольно подробнымъ обзоромъ содержанія ихъ, изложены въ Правосл. обозр. за 1863 г., XII, стр. 198—219, 266—286. Разсматривая эти сочиненія большею частію съ другихъ сторонъ, мы придерживаемся нѣкоторыхъ взглядовъ и цитированной критики.

119) Данныя для краткихъ сужденій о первомъ изъ сочиненій Лихудовъ и о проповѣднической противолютеранской литературѣ беремъ изъ обширныхъ статей г. Извѣкова: Полемическая дѣятельность Лихудовъ (Правосл. Обзор. за 1862 г., т. II, стр. 781—790) и Проповѣдническая противо-протестантская литература на Руси въ первой половинѣ XVIII в. (Правосл. Обозр. 1871 года, т. I., стр. 63—109). Изъ первоисточниковъ по этимъ предметамъ мы могли воспользоваться однимъ лишь словомъ Лихудовъ о предопредѣленіи, помѣщеннымъ въ сборникѣ рукописей Московской Синод. библіотеки, за № 281 (вслѣдъ за краткимъ изложеніемъ преній о вѣрѣ съ датскимъ королевичемъ Вальдемаромъ), л. 153—260, о каковомъ „словѣ“, какъ и о помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ актахъ „преній“, ни слова не сказано еще въ печати.

120) Тамъ же — въ послѣдней цитированной статьѣ.

121) Русск. Истор. Костомарова, т. V,стр. 419.

122) Истор. Моск. Духовной Академіи, С. К. Смирнова, стр. 18—76.

123) Историч. акты, т. II, № 161, стр. 191, № 276, стр. 383, и Собран. Государств. грамотъ и договоровъ, т. II, № 264 стр. 557—558.

124) Исторія Россіи — Соловьева, т. VIII, стр. 416 и т. IX, стр. 99.

125) Истор. акты, № 143, стр. 244.

126) Истор. акты. т. V, № 188; акты Археографич. экспедиціи, т. III, № 108, 127.

127) Акты Археографич. коммис., т. III, № 155. Истор. Россіи — Соловьева, т. II, стран. 151.

128) Акты Археографич. Коммиссіи, т. III, № 88.

129) Исторія Русской церкви — Филарета, архіепископа Черниговскаго, т. IV, стр. 127.

130) Характеристическій образецъ подобныхъ личностей ярко очерченъ Митрополитомъ Тобольскимъ Игнатіемъ во образѣ современнаго ему монаха Капитона. Такъ какъ Капитонъ былъ однимъ изъ главныхъ расколо-учителей, по имени котораго всѣ раскольники долго назывались Капитоновцами, то не излишне передать весь процессъ совращенія его въ расколъ. „Чернецъ этотъ сперва крѣпцѣ нудящеся воздержаньми да ни въ праздникъ Рождества Христова и св. Пасхи хотяше сыра и масла и рибы вкушати. На св. Пасху и яицъ обагренныхъ не восхотѣ братіи предлагати, но вмѣсто того подаде имъ червленаго горькаго цибула, сирѣчь луковицы.“ Но вотъ бѣда. „Мня себя уже велика праведника и совершеннаго постника, начать погордевати священнымъ чиномъ: егда увидѣлъ бы священника мало себѣ въ пищи попустивша и упившеся до веселія, тогда и къ оному священнику къ благословенію никогда не хождаше, аще и трезва его видяше: не чистъ бо и неправеденъ для него бяше. И тако мало по малу нача отступати отъ церкви. Паки же повелѣ нѣкоему изографу написати образъ Пресвятой Богородицы. Изографъ написа Пресвятую Богородицу въ царскихъ одѣяніяхъ, въ вѣнцѣ, по подобію Псаломской царицы, въ ризы позлащени одѣянной и преукрашенной. И что же? Окаянный Капитонъ не восхотѣ образу тому покланятися, зане на-

писанъ вельми велелѣпно, но фряжски. „Подозрѣвая всѣхъ новѣйшихъ живописцевъ въ пристрастіи къ фряжскому письму и гнушаясь ими, какъ прельстившимися фряжскою иконописью, онъ мало по малу преста поклонятися всѣмъ новописаннымъ иконамъ но точію (иконамъ) какого ветхаго письма и стараго и зачадѣлаго, аки бы издревле писаны; затѣмъ начать отъ Арменскаго сложенія креститися", и т. д. (8, Посланіе Игнатія Тобольскаго, Правосл. Собесѣдн. за 1855, г. кн. 8). Строгій постникъ, пустынникъ такъ скоро не возмнилъ бы о своей праведности, и такъ поспѣшно не отвергъ бы священства за малѣйшее невоздержаніе пастырей, если бы онъ не видѣлъ вокругъ себя разнузданности, чувственнаго разгула, которыми стала страдать нравственность извѣстной среды съ наплывомъ къ намъ чужеземцевъ-протестантовъ, еслибы православные священники не увлекались общимъ невоздержаніемъ, распутствомъ и еслибы, такимъ образомъ, ревность по вѣрѣ православной не сдѣлалась слишкомъ возбужденною и подозрительною. Равнымъ образомъ строгій Капитонъ, почитатель древняго вкуса въ иконописаніи, облика святыхъ строго-постническаго, подвижническаго не былъ бы такъ сильно возмущенъ пышностію колорита, изысканностью украшеній на св. иконахъ, еслибъ въ самомъ дѣлѣ кисть русскихъ иконописцевъ не стала вихляться на сторону фряжскихъ художниковъ и измѣнять отчасти строго православному вкусу. При крайнемъ возбужденіи умовъ, раздраженіи и подозрительности, самая обычная общечеловѣческая слабость, самое невинное подражаніе чужому искусству кажутся опасными для вѣры, благочестія и производятъ въ значительной мѣрѣ расколы и раздѣленія въ церкви.

131) Петрея, лѣтоп. Московск., 1 т., въ Сказаніяхъ современник. о Дмитр. самозванцѣ, Устрялова, 12 и 13 стр.

132) Русскій расколъ Щапова, стр. 93 и 94.

133) Petr., 310. —

134) Чтеніе Московск. Общ. Исторіи, № 7, 1846 г., 81 стр. и Исторія о Донскихъ казакахъ.

135) Полное собраніе Законовъ, т. III, № 1648.

136) Замѣчательны связи общежитія, какія имѣла безпоповщинская секта съ сосѣдними ей лютеранами и нѣкоторая аналогія между безпоповщинскимъ и лютеранскимъ ученіемъ. О Выгорѣцкой безпоповщинской общинѣ преосвященный Игнатій Воронежскій замѣчаетъ, что она отворяла двери людямъ лютеранскаго закона (Обз. русской дух. литерат. Филарета архіепископа Черниговскаго, т. II, 16). Объ отдаленныхъ сибирскихъ расколоучителяхъ этой секты Венгерскомъ чернецѣ Авраамія, Яковѣ Лепихинѣ и другихъ Митрополитъ Тобольскій Игнатій пишетъ: «проклятіи еретицы люторы и кальвины, не имѣюще іерейскаго поставленія, стали творить вся іерейская (предисловіе къ поморскимъ отвѣтамъ и третье посланіе Игнатія, митрополита Тобольскаго, Правосл. Собесѣдн., 1855 г., 1 кн., стр. 611). Рожденная чада, сами просты суще крестити мнятъ, яко кальвины, повлачивше въ корытѣ и — причащеніе совершаютъ (Второе посланіе митропол. Игнатія, стр. 77), прочія же таинства, въ духѣ кальвинистовъ, не признавали необходимыми для спасенія. Но что всего замѣчательнѣе, проклятіи оные люторе чтеніе свящ. писанія все злѣ и растлѣннѣ толкуютъ и, якоже кальвины и люторе, вся церковная преданія отмѣтаютъ (Первое посланіе Игнатія, Правосл. Собес., 1855 г., 1 кн., стр. 27; 3-е посланіе, — стран. 61). При тѣсныхъ связяхъ общежитія, какія находимъ у лютеранъ съ безпоповцами, не удивительно, что послѣдніе заимствовали отъ первыхъ нѣкоторые изъ сходственныхъ между ними пунктовъ ученія. По крайней мѣрѣ это смѣло можно сказать о послѣднемъ аналогическомъ пунктѣ вѣроученія: отверженіе церковнаго преданія и изъясненіе священнаго писанія по личному произволу каждаго — не въ природѣ секты, ратовавшей первоначально за неизмѣнность буквы и традиціи; это привито къ ней извнѣ. Быть можетъ, что протестантизмъ имѣлъ отчасти и положительное вліяніе на образованіе ея.

137) Свѣдѣнія о жизни и ученіи Квирина Кульмана беремъ изъ рукописи Московской Духовной Академіи подъ заглавіемъ: розыскное дѣло иноземцевъ: пастора Квирина Кульмана и Кондратія Нордермана о изданіи ими развращенныхъ о Квакерской вѣрѣ книгъ и о сожженіи ихъ, № 54, л. 2—5. Такая же рукопись найдена г. Тихонравовымъ въ Моск. Румянцевскомъ музеѣ, перепечатана и библіографически разсмотрѣна имъ въ его трактатѣ о Квиринѣ Кульманѣ. Русскій Вѣстникъ за 1867 г., № 12, стр. 119—215. Разница между академическою рукописью и напечатанною г. Тихонравовымъ въ одномъ лишь воззваніи къ царямъ Петру, Іоанну и Софіи, которое Кульманъ прислалъ къ нимъ предъ прибытіемъ въ Москву. Выписываемъ мѣста изъ академической рукописи, которыхъ мы не нашли въ рукописи, открытой г. Тихонравовымъ: „Іоаннъ, Петръ и Софія, въ Троицѣ небеснымъ подобіемъ соединенные, возстаните и внемлите сей небесной книзѣ, тричастнѣ лѣпотою наполненной! Іоаннъ, да буди здѣ. яко Ааронъ; изъ тебе-же, Петръ, изыдетъ новый Моисей, Софія же да процвѣтаетъ, ' яко Маріамъ. Рожденные отъ Михаилова колѣна, подвизайтеся, яко архистратигъ Михаилъ, за агнецъ, — шествуйте по апостольскимъ степенямъ, старайтесь о пріумноженіи истинной мудрости!“ Воззваніе исполненное подобострастной, приторной лести, и дерзкаго, нравоучительнаго тона, не чуждое удачныхъ историческихъ сопоставленій, но полное вычурныхъ экзальтаціонныхъ грезъ, по мѣстамъ страдающее даже совершеннымъ безсмысліемъ (Рукоп. акад., л. 3 и 4-й, тракт. Тихонравова, стр. 570—571).

138) Біографіи и лжеученіе основателей Хлыстовской секты излагаемъ на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, добытыхъ г. Липранди и занесенныхъ въ сборникъ г. Кельсіева, т. II, стр. 125—127.

139) Нужно замѣтить, что всѣ мистики 17 вѣка заняты до умоизступленія мыслію о близости кончины міра и наступленіи тысящелѣтняго царствованія Христа. Это былъ психическій недугъ своего времени, приключившійся отъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ времени: религіозныя войны Германіи, со всѣми фанатическими ихъ ужасами, кровавыя сцены тридцатилѣтней войны невольно обращали христіанскіе помыслы угнетенныхъ къ будущему, къ царству мира и Христа, къ правосудію небесному. Hamberger. Die Lehre des deutschen Theosophen Jacob Böhme, 1844, S. 14.

140) Дѣло объ открытыхъ въ 1837 г. хлыстахъ Московскаго губернскаго Арх., № 414. Люди Божіи и скопцы, историч. изслѣдованіе Реутскаго, стр. 75—9.

141) Сборникъ Кельсіева, т. II, стр. 126, 131, 133.

142) Въ картинахъ рая, приложенныхъ къ псалтири, Кульманъ подъ сѣнію райскихъ деревъ стоитъ по правую сторону Божественнаго Агнца, вблизи Адама и Евы; подобно апокалипсическому агнцу держитъ въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой мечъ; по правую сторону его солнце, по лѣвую — луна, надъ главою — седмь звѣздъ. Тутъ же по лѣвую сторону Агнца и жена Кульмана, съ младенцемъ на рукахъ. На главѣ младенца вѣнецъ царскій, надъ ея главою — сіяніе и лучи солнечные, — рук. акад., л. 17—18.

143) Сборникъ Кельсіева, 131, т. II.

144) Чрезъ мѣсяцъ по прибытіи Кульмана въ Москву, его загадочная личность и надѣлавшее много шуму ученіе подверглись строжайшему розыску (28 мая, 1689 г.). Несчастнаго подвергали пыткамъ съ крючьями и дыбою, нѣсколько разъ пробовали палить огнемъ. Чрезъ 4 мѣсяца слѣдственная коммиссія, состоявшая изъ драгомановъ Тяжкогорскаго, Гибнера и другихъ, нашла его книги „хульными и богомерскими, злоплевельными и бунтовными“. 4-го октября совершена надъ нимъ смертная казнь. Предъ собравшеюся на площади толпою показался срубъ, обложенный снопами соломы и смоляными бочками. Съ одной стороны запылалъ костеръ, съ другой вошелъ осужденный вмѣстѣ съ купцомъ Нордерманомъ. Дрожащія руки воздѣты были къ небу, на устахъ пламенная молитва. „Ты справедливъ, великій Боже, воскликнулъ онъ, и праведны суды Твои. Ты вѣдаешь, что я умираю безъ вины“. За шумомъ взволновавшагося народа и

страшнымъ трескомъ костра больше ничего не было слышно (Рукоп. акад., л. 5, 10, 11 12.).

[145]) Кельсіева, т. II, стр. 126 и 127, Реутскаго, 79 стр.

[146]) Нордерманъ при розыскѣ высказался за Кульмана: папы и цезаря, королей и вельможъ больше не будетъ, а воцарится надъ всѣми одинъ владыка и пастырь, Господ Іисусъ Христосъ; различія вѣръ не будетъ, но всѣ сольются въ единой вѣрѣ, какая была при апостолахъ; грѣховъ и беззаконій не будетъ, а приведется правда вѣчная; различія состояній, права собственности также не будетъ, а всѣ имущества сдѣлаются общественными, — л. 8 рук.

[147]) Кельсіева, т. II, стр. 126—127.

[148]) Тамъ-же, 126 стр.

[149]) Тамъ-же.

[150]) Тамъ-же.

[151]) Кельсіева, т. II, стр. 131 и 132.

[152]) Круги эти были геометрическіе, расположенные концетрически одинъ надъ другимъ: въ нихъ вкладывались категоріи Аристотеля и круги приводились въ движеніе. Отсюда получались произвольныя, совершенно случайныя сочетанія понятій. Helfferig, Raymund Lulli und die Anfänge der Katalonischen Literatur. Berlin 1858. S. 81. Трактатъ г. Тихонравова, 192 стр.

[153]) Кельсіева, II т., стр. 131—133. О Кульманѣ нѣкоторыя извѣстія, впрочемъ весьма краткія, помѣщены въ Собран. госуд. грам. и договоровъ, т. IV, № 204 и Дополн. къ истор. акт., т. XII, № 55. О хлыстахъ, ихъ ученія и богослуженіи подробныя свѣдѣнія изложены въ изслѣдованіи о людяхъ Божіихъ — Профес. Казанскаго университета Добротворскаго, стр. 6—21, 32—100. У гг. Добротворскаго и Реутскаго взгляды на образованіе ереси проводятся совершенно противоположные. И вопросъ о происхожденіи ереси у нихъ далеко не разрѣшенъ, да они мало и касаются этого спорнаго вопроса.

[154]) Въ вѣроученіи и обрядахъ секты хлыстовъ можно подмѣчать отчасти двойственность: рядомъ съ мистическими идеями въ ней странно ужились двуперстное сложеніе, безбрачіе поморцевъ и произношеніе молитвы Господней по старопечатнымъ книгамъ. Реутскаго, стр. 85.

[155]) Изъ шести этихъ книгъ три были сочиненія Николая Дробиціа, три самого Кульмана. Отъ послѣднихъ сохранились лишь названія: 1) письма Кульмана къ Магомету IV объ обращеніи турокъ, 2) тайна XXI седмицы Рота, служащая истиннымъ ключемъ къ Даніилу, апокалипсису и всѣмъ числамъ свящ. писанія, 3) сочиненіе о монархіи Іезуелитской, обращенное ad politicos orbis terrarum. Тракт. г. Тихонравова, стр. 565.

[156]) Въ собственномъ домѣ, прозванномъ сіонскою горницею, — на 3-ей мѣщанской улицѣ, — Сусловъ жилъ послѣдніе 30 лѣтъ своей жизни 1686—1716. Умеръ 100 лѣтъ отъ роду. Реутск., стр. 80—81, Кельсіева, II т., стр. 127—128.

[157]) Реутскаго, стр. 5.

[158]) Это сходство не могло укрыться отъ драгомановъ Тяжкогорскаго и Гибнера, которымъ отданы были для разсмотрѣнія сочиненія Кульмана; внимательная критика ихъ подмѣтила кваверскій духъ даже во внѣшнемъ образѣ его жизни. „Кульманъ и Нордерманъ, показали они, держатся ереси, именуемой Квакери, которыхъ въ Голландской и Англійской земляхъ и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ множество; подобно здѣшнимъ раскольникамъ: живутъ своеобычно и все имѣютъ у себя вообще, и никого не почитаютъ и предъ монархами шляпы не снимаютъ, и не токмо ихъ государями, но и господами не именуютъ, а говорятъ, что начальствуетъ надъ ними единъ Господь Богъ, а они де монархи. люди такіе же, что и они квакери. И въ той своей ереси зѣло замерзѣли и живутъ зѣло своеобычно“. Рукоп. л. 10.

[159]) Эти именно мотивы обличаетъ въ нихъ отзывъ ихъ о книгахъ Кульмана, если разобрать его повнимательнѣе. Ихъ научный критическій отзывъ о сочиненіяхъ Кульмана состоитъ изъ 20 строкъ голословной и тождесловной брани, переплетающейся подобострастною лестью и малодушною трусостью предъ русскими властями. Вотъ его девизъ: „всѣ книги и письма Кульмана безумные, злоплевельные и ложные суть, святому писанію истинно противны и чину духовному зѣло безчестны и смутительны, христіанской вѣрѣ зѣло вредительны и вѣрнымъ христіаномъ зѣло злобны". Вмѣсто того, чтобы представить фактическія доказательства для оправданія своего мнѣнія, хотя бы краткія выдержки изъ разбираемыхъ сочиненій, просвѣщенная критика ученыхъ пасторовъ, чрезъ нѣсколько строкъ совершенно излишнихъ совѣтовъ и увѣщаній, опять затвердила тѣже бранныя и инсинуаціонныя фразы: „книги и письма полны суть злыми плевелы и безуміемъ, противны слову Божію; духовный чинъ ими обезчещенъ»....... Затѣмъ добродушные наши судьи умоляютъ ихъ царское величество „творителей тѣхъ книгъ, иже дерзновенно и злобно разсѣяли ихъ между людьми, сыскать и известь". Объ этомъ ученыхъ критиковъ никто не просилъ, ихъ долгъ — дать безпристрастный и обстоятельный отзывъ о сочиненіяхъ, а они берутъ на себя роль судей, опредѣляютъ уже степень наказанія, не доказавъ преступности дѣянія, прикидываются ревнителями общественнаго спокойствія и благосостоянія. Неискренность, пристрастіе и фальшь, сквозящія во всѣхъ ихъ словахъ и поведеніи, указываютъ, кажется, на то, что они притворно поддѣлываются подъ настроеніе и намѣренія правительства, сдѣлавшагося, по обстоятельствамъ времени, слишкомъ подозрительнымъ по отношенію къ сектантамъ, рѣзкостью обличеній заподозрѣннаго сектанта стараются услужиться властямъ, отрекаются и топятъ другихъ, чтобы оградить и спасти себя. Къ чему еще въ критическомъ отзывѣ, хотя бы и оффиціальномъ, эти неоднократныя увѣренья въ томъ, что они „ежедневно молятъ всемогущаго Бога, да подастъ онъ ихъ царскому величеству благопостоянное здравіе, и полезное долголѣтствованіе, и высокоблагословенное государствованіе и побѣду надъ непріятели". Эти молитвенныя увѣренія вдругъ обрываются на такомъ эпилогѣ: „а впредь мы вручаемъ себя въ высокую милость и оберегательство ихъ царскаго величества", рукоп., л. 20—21. Все повидимому разсчитано на то, чтобъ отклонить отъ себя всякія подозрѣнія въ сочувствіи къ подсудимому сектанту. Эти-то опасенія и разсчеты вѣроятно заставляютъ ихъ такъ безпощадно набрасываться на него, ротитися и клятися и совершенно отречься отъ него.

[160]) Церковн. Истор. Иннокентія, т. II, стр. 514, Исторія рус. церкви Филарета, арх. Черниг., т. V, стр. 60.

[161]) Полное собраніе лѣтописей, т. II, стр. 365.

[162]) Добротворск., стр. 24 и 27.

[163]) Розыскъ св. Димитрія Ростовск., ч. III, гл. XVIII, стр. 599.

[164]) Добротворск., стр. 14.

[165]) Полное собраніе лѣтописей, т. II, стр. 365.

[166]) Такъ заключаетъ авторъ руководства къ русской церковной Исторіи г. Знаменскій, стр. 307.

[167]) Стоглавъ, гл. 41, вопросъ 21, стр. 182—184.

[168]) Добротворскаго, стр. 27—29.

[169]) Русскій Вѣстникъ, 1857 г., № 21, замѣчанія къ статьѣ, Новиковъ и Шварцъ, сочин. Добротворскаго, стр. 29—31.

[170]) Добротворск., стр. 86—92.

[171]) На увѣренія лжепророка, что въ немъ обитаетъ духъ Божій, ему нерѣдко отвѣчали: не духъ Божій водитъ тебя, но діаволъ овладѣлъ тобою, духъ злобы въ тебѣ дѣйствуетъ, ты ослѣпъ и погибъ въ обманѣ. Письма Радаева, у Добротворск. стр 80—81.

[172]) Первоисточниковъ ученія духоборцевъ извѣстно три: 1) Исповѣданіе ученія Екатеринославскихъ духоборцевъ, написанное ими въ 1791 году, для опровданія себя предъ

начальствомъ; 2) Разговоръ кіевскаго митрополита Евгенія съ двумя Тамбовскими духоборцами 1802 г. и 3) Главныя правила ученія Мелитопольскихъ духоборцевъ, написанныя ими по требованію Екатеринославскаго губернатора въ 1816 году. Всѣ три рукописи находятся въ библіотекѣ Александро-невской лавры и Кіевской духовной академіи. Недоступныя для насъ рукописи эти замѣнило намъ сочиненіе „О духоборцахъ“ Ореста Новицкаго (Кіевск. изд., 1832 г.), въ которомъ собрано въ систему все, что изъ названныхъ источниковъ извѣстно объ ученіи этихъ сектантовъ, и которое составляетъ въ настоящее время такую же библіографическую рѣдкость, какъ и сами источники его. Такою рѣдкостью оно сдѣлалось больше потому, что сами духоборцы раскупили всѣ экземпляры книги, какіе только могли захватить. Сама Императорская публичная библіотека, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и средствахъ, не могла пріобрѣсти ни одного ея экземпляра. Расколъ и его значеніе въ русской исторіи Андреева, стр. 398). Мы заимствовались рѣдкою этою книгою изъ библіотеки Н. И. Субботина. Краткія свѣдѣнія свои объ ученіи духоборцевъ мы брали, кромѣ Новицкаго, изъ журнальныхъ ниже цитированныхъ статей. Ученіе жъ квакеровъ заимствовали изъ Historia Ecclesia saeculi XVI и Diction. de Theolog. Bergier tom. I, pag. 134, изъ сочиненія Новицкаго, стр. 111—116 и статьи Православн. Обозр. — „Объ обществѣ друзей или квакерахъ“, 1860 г., т. II, стр. 474—516 и т. III, стр. 283—270.

173) Подробная характеристика пророчествъ изложена у Добротворскаго, стр. 54—57.

174) Это—внезапное вскакиванье съ мѣста въ минуты наиболѣе сильнаго религіознаго воодушевленія, вскрикиванье, дрожаніе и трясеніе всѣмъ тѣломъ, отчего квакеры и получили свое названіе. Квакеръ-значитъ дрожащій (Quaker; или tremulus: — церк. истор. Иннок., т. II, стр. 514.

175) Бѣготня до упада во всѣхъ ея видахъ (въ формѣ хороводнаго круговорота, эллиптическаго круга и крестообразно изъ угла въ уголъ) смѣняется необыкновенно быстрымъ и продолжительнымъ круженіемъ на одной ногѣ и верченіемъ на пяткѣ другой (хороводное радѣніе). Или же всегда за бѣготней начинается припрыгиванье на пальцахъ ноги (въ корабельномъ радѣніи), притаптыванье ногами (въ крестообразномъ), размахиванье руками, біеніе кулаками въ грудь, ладонями въ лядвія, кривлянья, иногда бичеванья. И такъ какъ движенія эти совершаются радѣльщиками разъ за разомъ безъ роздыха, то они буквально обливаются потомъ, и это называется у нихъ банею пакибытія. На такъ называемыхъ чрезвычайныхъ радѣніяхъ, совершаемыхъ по случаю общественныхъ бѣдствій и въ самый долгій іюньскій день, физическое разслабленіе доходитъ до того, что они перестаютъ держаться на ногахъ, падаютъ ницъ, дрожатъ, трясутся въ мучительныхъ конвулсіяхъ. Добротворск., стр. 45—50, 60—64.

176) Добротворск., стр. 63 и 64 и Реутскаго, стр. 35 и 36.

177) Полное собраніе законовъ Рос. Имперіи т. IX, № 6613.

178) Правосл. Обозр., 1862 г., № 8.

179) Въ 1734 г., какъ видно изъ синодальн. указа этого года, открыты были сектанты, у которыхъ была уже полная система духоборцевъ, раздѣленная на 12 членовъ. Собр. закон., т. IX, № 6613.

180) Beiträge zur Russischen Kirchengeschichte. Halle, 1827.

181) Не имѣя возможности открыто распространяться на глазахъ правительства, въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, оно перешло въ Украйну и возросло здѣсь свободнѣе. Въ періодъ времени отъ 1740—50 г. г. здѣсь возникаетъ нѣсколько сектъ, открытыхъ различными основателями, но на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ — въ Харьковской губерніи неизвѣстнымъ по имени квакеромъ, выдававшимъ себя за унтеръ-офицера, въ Екатеринославской губерніи — Силуаномъ Колесниковымъ съ дѣтьми. Всѣ эти секты долго существовали безъ вида, безъ имени и получали названія по произволу каждаго — иконоборцевъ, щельниковъ, фармазоновъ. Наконецъ всѣ они собраны подъ одно имя

духоборцевъ. Allgemeine Geschichte der Christlichen Kirche von Vater, Th. VIII, S. 340.

[182]) Сборникъ этихъ преданій напечатанъ г. Костомаровымъ въ Отечеств. запискахъ 1869 г., № 3.

[183]) г. Сервицкій въ своемъ опытѣ изслѣдованія ереси жидовствующихъ, Православ. Обозр. 1862 г., т. VIII, стр. 177—235, 431—444.

[184]) Предисловіе къ камню вѣры — Яворскаго.

[185]) Данныя для исторіи ереси взяты нами изъ сочиненія Новицкаго. стр. 1—2, 7—16 120—123.

[186]) Haxthausen, Studien über Russland, Band I.

[187]) Новицкаго, стр. 44 и 45.

[188]) Слѣдственное дѣло о Тверитиновѣ, въ Правосл. Обозр. 1863 г., кн. XI.

[189]) Въ обрядникахъ молоканъ Балашевскихъ (Саратовской губерніи), Рязанскихъ, Тамбовскихъ—тексты излагаются въ такомъ порядкѣ: о св. Троицѣ (гл. 1), о священномъ писаніи, какъ единственномъ источникѣ вѣроученія (гл. 2.), объ отверженіи іерархіи (гл. 3), и о замѣнѣ ея старцами (гл. 4), о крестномъ знаменіи (гл. 5), о характерѣ частныхъ и общественныхъ моленій (гл. 6), о таинствахъ (гл. 7—10), о постахъ (гл. 11), о нареченіи именъ младенцамъ (гл. 12), о погребеніи умершихъ (гл. 13), о повиновеніи предержащимъ властямъ (гл. 14), о нравственномъ поведеніи молоканъ (гл. 15), и наконецъ о церкви, какъ собраніи всѣхъ для моленья, пѣнья и разсужденія (гл. 16).

[190]) Въ обрядникѣ Самарскихъ молоканъ, состоящемъ изъ тѣхъ же 16 главъ, какъ и обрядники Балашевскіе, Рязанскіе и Тамбовскіе, между 16 главъ вставлено 14 новыхъ главъ о приношеніи, жертвѣ, о кадилѣ и фиміамѣ, о вѣнцахъ, объ облаченіи ризъ, объ окропленіи и очищеніи, о сосудахъ, образахъ, поминовеніи усопшихъ и седьмомъ днѣ. (Рукопись преосвящ. Іакова Нижегородскаго, № 3795, Правосл. Собесѣдникъ 1858 года. кн. III, стр. 45.

[191]) Вѣроученіе молоканъ кратко изложено нами по цитированнымъ обрядникамъ ихъ, по рукописи преосвященнаго Іакова Нижегородскаго, перепечатанной въ сокращеніи въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1858 г., т. III, стр. 51—60, 311—314 и по статьѣ Православнаго Собесѣдника о закавказскихъ раскольникахъ, 1859 г., т. I, стр. 313—316.

[192]) За сродство молоканъ съ протестантами или протестантствующими Тверитиновыми говоритъ отчасти слѣдующее обстоятельство. Со всякими протестантскими переселенцами, напр., выходцами изъ Пфальца, Вестфаліи, Баваріи, Саксоніи, Швабіи, Эльзаса, Лотарингіи, Швейцаріи, поселившимися въ Поволжье въ концѣ 18 вѣка, молокане сближались, какъ съ родными братьями, пользовались ихъ непосредственными наставленіями въ вѣрѣ, съ жадностію бросались на всякую мистическую книгу, выходившую въ заграничномъ протестантскомъ мірѣ; живо откликались на всякій происходившій тамъ переполохъ, раздѣляя всякія выходившія оттуда повѣрья. Въ 1817 году, когда между Швабскими и Виртембергскими евангеликами распространилось вѣрованіе, что въ 1830 году наступитъ кончина міра, что Господь снова явится въ Іерусалимѣ, въ св. землѣ, и когда они съ своими семьями, нескончаемыми караванами потянулись въ св. землю, „въ срѣтеніе Господу“, то странное это вѣрованіе и движеніе сообщилось и русскимъ молоканамъ. И они, бросивъ домы и занятія, съ пѣніемъ и ликами пошли за кавказъ, въ чаяніи скорѣе предстать тамъ грядущему судіи міра. Вообще тѣсная и не разрывная связь у молоканъ съ протестантами, такая же, какая была у Тверитиновыхъ съ протестантами, проходитъ чрезъ всю исторію молоканъ и потому можетъ служить новымъ доказательствомъ сродства молоканства съ протестанствомъ, а ближе всего съ партіею Тверитинова.

[193]) Церковная исторія преосвященнаго Филарета Черниговскаго, т. V, стр. 66 и 67.

194) Цитировнная рукоп., стр.. 314.

195) Проктика въ этомъ случаѣ расходилась съ нравственно-политическими принципами молоканъ. По принципу ихъ, власти поставляются Богомъ только для мірскихъ людей, но духовные христіане, какъ люди не отъ міра сего, не обязаны безусловно повиноваться имъ и нести всѣ тягости и повинности общественныя. Но такъ какъ не возможно открыто противиться правительству, то на дѣлѣ, съ дозволенія ихъ же сепаративныхъ законовъ, они показываютъ себя покорными правительству: въ былое время они несли весь гнетъ крѣпостничества у своихъ помѣщиковъ, исполняли и исполняютъ обязанности военной службы, не уклоняются отъ клятвы и присяги. Правосл. Собес. 1858 г., кн. III, стр. 56.

196) Цитирован. рукоп., л. 47, 48 и 61.

197) Не видно, чтобъ до конца 18 вѣка заходили протестанты въ ихъ глушь—въ Тамбовскую и Саратовскую губерніи.

198) Цитиров. рукоп. Правосл. Собес., 1858 г., кн. III, стр. 45.

199) Тамъ же, стр. 15.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ третьему отдѣлу первой части.

[1]) Преобразовательные планы Петра очень сходны съ политическими думами Юрія Крижанича, въ которыхъ онъ, раскрывъ умственныя и нравственныя язвы русскаго народа, предлагаетъ средства для врачеванія язвъ, совѣтуетъ русскимъ учиться у иностранцевъ наукѣ, нравственности, ремесламъ, художествамъ, но такъ, чтобы нѣмцы не сидѣли у насъ на плечахъ, не высасывали изъ насъ кровь. Такъ думали многіе лучшіе люди и изъ русскихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что пути преобразованія, избранные Петромъ, не были дѣломъ его личнаго произвола, его личныхъ взглядовъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ (Истор. Росс. Соловьева. т. XIII, стр. 185—193). Такіе нѣмцы, какихъ желали лучшіе русскіе люди, которые бы учили ихъ, но не владѣли ими, были во времена уже Алексѣя Михайловича; напримѣръ Андрей Андреевичъ Виніусъ (Истор. Рос. Соловьева, т. XIV, стр. 148, Наука и Литература въ Россіи Песарскаго, 1 т., 208 стр.

[2]) Русскій Вѣстникъ за 1872 годъ, т. 1, стр. 147 и 148, 150 и 151. Историч. замѣтки объ Авдотьѣ Петровнѣ Нарышкиной П. И. Мельникова.

[3]) Обз. Р. Д. Литературы Филарета Черниговскаго, т. I, стр. 309, 315 и 316 и Соб. госуд. грам. и догов., т. III, № 110.

[4]) Духовныя училища въ Москвѣ въ 17 в. Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 1845 г., кн. III, с. 154.

[5]) Исторія Рус. Словесн. Галахова. 1 т., стр. 245. Обз. Р. Д. Литературы Филар. Черниг., 1 т., стр. 309 и Наука и литература въ Россіи Пекарскаго, т. I., стр. 181, 182 и 186.

[6]) Мейербергъ въ изд. Аделунга, стр. 251. Главное участіе въ ученомъ этомъ движеніи предпринималъ любимецъ и первый совѣтникъ царя и другъ Ртищева, Никонъ, какъ во время управленія Новгородскою митрополіею, такъ и по принятіи патріаршества. Переселеніе ученыхъ изъ Андреевскаго монастыря въ Чудовъ и открытіе здѣсь Греко-Латинскаго училища произошло немедленно по возведеніи Никона въ патріархи. Вслѣдъ затѣмъ умножены и возобновлены типографіи и улучшенъ главный печатный дворъ, учреждено духовно-цензурное общество подъ предсѣдательствомъ Славенецкаго, съ рецензіею не древле-славянскою только, какъ было прежде, но и греческою. Въ патріаршество Никона всѣ упомянутыя училища полны были учениками, славились преподаваніемъ и стояли на степени процвѣтанія. Съ паденіемъ же Никона, онѣ значительно пали, если совсѣмъ не были закрыты. Но не будь злосчастнаго этого паденія, Никонъ былъ бы для

сѣверной Россіи своимъ Петромъ Могилою, не замедлилъ бы открыть Академію въ Москвѣ послѣ открытія ея въ Кіевѣ и распространить просвѣщеніе по всей Россіи. (De perpetua fide Eccles. universal. circa Eucharistiam. Paris, 1669 г. Духовныя училища въ Москвѣ 17 в., стр. 157 и 159. Шушеринъ о Никонѣ въ Чтен. Общ. Истор., № 5 гл. III). А такъ какъ за всѣ подобныя реформы по просвѣщенію, народная молва огласила Никона другомъ нѣмцевъ, еретиковъ, подъ которыми разумѣлись какъ латиняне, такъ и лютеране, то и по этой молвѣ, а главное, по связи ея съ другими ясными (приводимыми ниже) свидѣтельствами можно заключить, что на этихъ реформахъ прямо или косвенно отразилось вліяніе протестантовъ.

7) Ученымъ братствомъ Славенецкаго переведены были: Уставы граждано-правительные, отъ Ѳукидидовы Исторіи книга первая, объ убіеніи краля Аггельскаго, гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ, Географіи двѣ части — Европа и Азія, книга врачевская, Анатомія съ латинскаго отъ книги Андрея Вессалія Брукселенска. Ему же можно приписать переводъ съ нѣмецкаго оригинала знаменитаго и обширнаго сочиненія Олеарія Moscovitische und persianische Reisebeschreibung. Пекарскаго, стр. 188, 337, 339 и 340. Русская Исторія Костомарова, т. V, 390 стр. Обз. Рус. Дух. Литературы Филарета Черниговск., I т., стр. 338 и 339.

8) Исторія медицины въ Россіи Рихтера, т. II, стр. 290 и 292.

9) Обз. Рус. Духовн. Литературы Филарета Черниговск., I т., стр. 358 и 359.

10) Sammlung Russischer Geschichte X B. Beiträge zur Kenntniss Rusland von G. Ewers und M. Engelhardt, S. 697 и Livlandische Bibliothek, von Gadebusch I. 482. Пекарскаго, I т., стр. 126 и 127. При взятіи Маріенбурга Петромъ Великимъ (въ 1703 г.), Глюкъ явился въ русскій лагерь держа въ рукахъ русскую библію. Остальные экземпляры ея погибли при осадѣ Маріенбурга. Дальнѣйшая судьба перевода и вообще всѣ подробности этого дѣла не извѣстны. Тамъ же у Пекарскаго.

11) „Вѣнецъ вѣры, Обѣдъ и Вечеря“ принадлежатъ Симеону Полоцкому, „Зеркало Богословія“ Транквилліона и „Небо новое“ — Голятовскаго переведены съ литовскаго и польскаго языковъ іеродіакономъ и библіотекаремъ Чудова монастыря Ѳеофаномъ. (Симеонъ Полоцкій, сочин. Пѣвницкаго въ Правосл. Обозр. за 1860 годъ, т. III, стр. 193—232 и 327—356 и Обз. Рус. Дух. Литературы Филарета Черниговскаго I т., стр. 367). По примѣру „Вѣнца Вѣры“ и Зерцала Богословія написаны св. Димитріемъ Ростовскимъ еще два Зерцала вѣры: краткіе отвѣты о вѣрѣ и сокращеніе православнаго исповѣданія Петра Могилы. Обз. Р. Д. Литерат. 374.

12) Русскій расколъ Щапова, стр. 445—456.

13) Olear., 327.

14) Описаніе Румянцевскаго Музея, № CCCCXI, стр. 629—632 и Обз. Рус. Духов. Лит. стр., 359.

15) Ак. Арх. Экспед., т. III. № 264.

16) Исторія Рос. Соловьева, т. XIII, стр. 185 и XI т., стр. 247.

17) Olear, 326—327, Fletscher, 91—92.

18) Историч. Извѣст. о Московск. Дух. Академіи, составленное Поликарповымъ Др. Вивліоѳ. XVI, стр. 296 и Дух. Учил. въ Москвѣ 17 в., 169—175.

19) Исторія Рос. Соловьева, т. XIII, с. 185.

20) Тамъ же, т. XIV, стр. 162.

21) Обз. Р. Д. Лит., I т., 368.

22) Тамъ же, 311 и 368. Исторія Р. Слов. Галахова, стр. 240. Дополн. къ Историч. Акт., №№ 190, 191, 193, 197, 198, 217, Толст. II, № 118.

23) Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 98 и 99. Сочиненія по естественной исторіи и по теоріи военнаго искусства, въ переводахъ съ нѣмецкаго, встрѣчаются въ сборникахъ 1-й половины 17 вѣка. Истор. Рус. Словесн. Галах., т. I, стр. 244 и 246.

[24]) Наука и литература въ Рос. Пекарскаго, I т., стр. 286, 287, 323—325. Ариеметика Спафарія въ высшей своей части — астрономической переведена также съ нѣмецкаго. Тамъ же, стр. 264 и 265.

[25]) Исторія Рос. Соловьева, т. XV, стр, 99.

[26]) Тамъ же, т. XIV, стр. 238.

[27]) Тамъ же, т. XV, примѣч. 52, стр. 397 и Пекарскаго, 267 стр.

[28]) Исторія Рос. Соловьева, стр. 99.

[29]) Пекарскаго, стр. 128 и 131, т. I.

[30]) Пекарскаго, стр. 191.

[31]) Соловьевъ, т. XV, стр. 101—105 и Пекарскаго, 11 и 13.

[32]) Краткія свѣдѣнія о ихъ сочиненіяхъ о Россіи сообщены въ Предисловіи къ цитированному сочиненію Рущинскаго, стр. 8—38.

[33]) Колл., стр. 1, Рущинск., стр. 169—174.

[34]) Olear., 355.

[35]) Warmund, 45. Тамъ же у Рущинскаго.

[36]) Пекарскаго, стр. 208.

[37]) Исторія медицины Рихтера, т. II, стран. 44 и 45.

[38]) Въ Енскомъ университетѣ Іоаннъ Швабе, впослѣдствіи Ревельскій пасторъ, читалъ изданную имъ въ 1665 г. „Dissertationem Theologicam de religione risibusque Moscovitorum". Въ Упсальскомъ университетѣ Іоаннъ Ботвидъ читалъ лекціи о Русской Церкви въ 1620 г. Th. II, Iocher, S. 1119.

[39]) Іоганнъ Деодатъ Блюментростъ, защищая въ Кенигсбергскомъ университетѣ диссертацію на степень доктора медицины (въ 1700 г.), предпослалъ ей „discriptionem constitutionis naturalis et diaetae Moscovitorum, religionis item". Михаилъ Граманъ, вмѣстѣ съ медицинскою докторскою диссертаціею, представилъ въ томъ же университетѣ диссертацію о россійской религіи въ 1651 году, Ист. Мед. Рихтера, т. II, стр. 70, 272—257.

[40]) Berg., 147 и 148.

[41]) Исторія Медицины въ Рос. Рихтера, т. II, стр. 27 и 28.

[42]) Пекарск., 267 и 268.

[43]) Рихтера, т. II, стр. 67

[44]) Тамъ же, т. I, стр. 327 и 328 и т. II, стр. 86—93.

[45]) Пекарск. I, 198.

[46]) Предсказанія эти записаны въ сохранившемся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ письмѣ Энгельгардта къ Алексѣю Михайловичу, писанномъ въ 1664 г. на латинскомъ языкѣ. Рихтера, II т., стр. 217—221 и Прибавл., 90—111 стр.

[47]) Рихтера, II, 290 и Пекарск. 199.

[48]) Рихтера, т. II, 223—227, 236 и 237. 256—258, 265 и Прибавл. къ II т., 131 стр.

[49]) Указъ на имя Вологодскаго воеводы Өедора Тишкевича. Рихтера, 267 и 274.

[50]) Рихтера, II т., 299 и 301.

[51]) Письмо на латинскомъ языкѣ отъ курфюрста Іоанна Георга къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 22 января 1668 г., приводимое въ прибавленіи ко II т. Рихтера, стр. 123 и 124.

[52]) Рихтера II т., 312 стр.

[53]) Тамъ же, стр. 334 и 335, 339 и 348.

[54]) Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, т. III, № 90.

[55]) Тамъ же, стр. 248.

[56]) Акты соч. Арх. Экспед. 4 т., № 19, 324.

[57]) Дополн. къ Истор. Акт., т. XII, №№ 247, 321 и 324.

[58]) Очеркъ домашней жизни и нравовъ Велико-Русскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ Н. И. Костомарова, стр. 94—96, 99—101 и Petr. 308.

59) Тамъ же, 133, 137 и 153.

60) Коллинсъ, 36 и Костомар., 99 и 108.

61) Полное собраніе законовъ, I т., 732. Костомар., 115.

62) Акты Истор. IV т., 125 и 355. Костомарова, 141.

63) Костомарова, 209 и Ак., относящіеся къ юридич. быту 558.

64) Акты Арх. Экспедиціи, II т., 658, Уложеніе, гл. IX, 131. Костомар. 115—116, 127—129 и 141.

65) Костомар., 109 и 116 и Petr., 315 и 317.

66) Дополненіе къ Историч. Акт., I т., 349.

67) Исторія Рос. Соловьева, т. XIII, стр. 149 и 150, т. XIV, 135—162 и 189.

68) Тамъ же и у Костомар., 103—107.

69) Напечатано въ приложеніи къ II т. Исторіи царствованія Петра Великаго, Устрялова.

70) С. Г. гр. т. III, 332 и Костом., 136 и 212.

71) Исторія Рус. Церкви Филарета Архіер. Черниговск., т. IV, стр. 201.

72) Часто по поводу самыхъ обыкновенныхъ болѣзней производились слѣдственныя дѣла о колдовствѣ. Въ 1606 году въ Перми царскіе сыщики обвинили вѣдуновъ въ томъ, что они напускаютъ на людей икоту и несчастныхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму (Костом. 186 и 187).

73) Надгробное слово Лефорту въ Сборникѣ проповѣдей св. Димитрія Ростовскаго, № 63.

74) Исторія Россіи Соловьева, т. XIV, стр. 154.

75) Нѣкоторые (нижеприводимые) отзывы ихъ о русской церкви мы заимствовали изъ упомянутаго обширнаго сочиненія Рущинскаго, стр. 40—44, 61—71, 83—88, 94—98, 112—151.

76) Perry, 21, Petr., 720 и Olear., 113 и 342.

77) Olear., 113, 342 и 343.

78) Kobencel, 75, Berg., 159.

79) Berg, ibidem.

80) Petr., 420. Olear., 343. Oppên., 614.

81) Olear., 109.

82) Petr., 422.

83) Glavin., 347--8, Petr., 5. Mascev. 74.

84) Warm., 16.

85) Rollins, 2.

86) Herbin, 153—157.

87) Epystol. ad Chytr. 38, Warmundt, 128.

88) Petr, 318.

89) Olear., 330.

90) Warmundt, 120.

91) Olear.. 368.

92) Olear., 359. Berg., 146.

93) Perry. 280.

94) Слово Епифанія Славенецкаго „о милостыни“ и Симеона Полоцкаго въ 27 недѣлю по Пятидесятницѣ. Обширныя выдержки изъ этихъ рѣдкихъ для своего времени проповѣдей приводятся даже въ лучшихъ гражданскихъ исторіяхъ, напр., въ исторіи Костомарова, т. V, стр. 395 и 410.

95) Meirberg въ Аделунговомъ изд., 150 примѣчаніе.

96) Соб. госуд. грам. и догов., т. IV, № 35, стр. 130.

97) Olear., 351. Herbin, 158—159. Warmundt, 42, 43. Schwabe, 19.

98) Herbin, 135.

99) Warmundt, 46.

100) Epist. ad Chytr. apud Starzevt, 39—40.

101) Perry, 275, 276.

102) Petr., 417, 418, 422, 423, 430, 339.

103) Olear., 355.

104) Perry. 22.

105) Fletsch., 88, Talander, 62.

106) Маржеретъ, стр. 27, 28.

107) Kollins, 9.

108) Ак. Ист., IV т., № 62, стр. 176,—№ 151. т. V, № 186, Ак. Ар. Эксп. III т., № 264, IV т. № 328, Полное собр. зак., т. VI, стр. 707.

109) Дополненіе къ историч. акт., т. V, стр. 462, 473.

110) Врем. М. Истор. Общ., кн. IV, стр. 65.

111) Акт. Истор., т. V, № 122.

112) Petr., 420 и Olear.

113) Полное собр. закон., № 1489.

114) Petr., 418.

115) „ 420.

116) Reitenfels, 184.

117) Въ новомъ законодательномъ строѣ монастырскаго нашего приказа сильно сквозитъ оттѣнокъ протестантскаго законодательства. Онъ организованъ былъ на такихъ началахъ, что бояре имѣли право вступаться въ святительскіе суды, судить епископовъ и самого патріарха, распоряжаться монастырскими имѣніями, дѣлать всякія дѣла, какъ имъ хотѣлось, а патріарха заставлять служить себѣ“ (Собр. Гос. Грам., IV т., стр. 128). Образъ правленія близкій къ протестантскому. Слич. напр. Alzogs Universalgeschichte der christlichen Kirche, II S. 307, Main, 1855.

ПРИМѢЧАНІЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ первому отдѣлу второй части.

[1]) Подъ юго-западной Россіею разумѣемъ всѣ тѣ области, которыя въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ отдѣлены были отъ Московской или сѣверовосточной Руси и которыя по отношенію къ сѣверо-восточной Россіи находятся, по географическому своему положенію, на юго-западѣ, т. е. нынѣшній юго-западный край со включеніемъ Галиціи и всѣ сѣверо-западныя губерніи съ присоединеніемъ бывшей польской Пруссіи. Къ нашему вопросу изъ всей этой обширной территоріи ближайшее отношеніе имѣетъ сѣверо-западный край, а въ юго-западномъ намъ придется указать только два главные центра протестантизма: Львовъ и Кіевъ.

[2]) Scriptores rerum Russicarum т. III, 376 и памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издан. Батюшкова, вып. V, стр. 20.

[3]) Geschichte des Ursprungs, Forschritts und Verfalls der Reformation in Polen. von Krasinski, S. 26—28, 30—34 и Geschichte der Reformirter Kirchen in Lithauen von Joseph Lucaszewitz, Theil 1. S. 1.

[4]) Lucaszevicz Theil, 1. S. 2, Remerk 3, Krasinski 130. Dionisii Livonicae historiae series in script. rerum livonic. II, 467—471, ed. 1847. Ист. Рус. Ц. Высокопреосвящ. Макарія IX т., стр. 314—318.

[5]) Lucaszevicz S. 4. Памятники Русской старины въ запад. губ. Батюшкова, стр. 34, Іезуиты въ Литвѣ Сливова въ Русск. Вѣстникѣ за 1875 г. Іюль, стр. 37 и 38 и Исторія Польской Литературы Людвига Кондратовича, т. II, стр. 101.

[6]) Lucasz. S. 5 и Сливовъ, 36 стр.

[7]) Krasinski, 111—119, 159 и 160; Истор. Польской литературы Кондратовича, т. I, стр. 151 и 152.

[8]) До 1569 г. (когда совершилось люблинское подчиненіе Литвы польскому владычеству) при своей внутренней политической силѣ и независимости, (въ силу которой ни одинъ полякъ не смѣлъ служить Литвѣ), при непрочномъ положеніи и насильственномъ введеніи въ ней латинства, Литва была самымъ удобнымъ уголкомъ западно-европейскаго протестантскаго движенія.

[9]) Таковъ именно былъ ревностнѣйшій и даровитѣйшій изъ проповѣдниковъ Мартинъ Кровицкій. Сынъ благородныхъ родителей, родившійся около 1509 г., для высшаго образованія путешествовавшій въ Виттенбергъ, слушавшій тамъ и, конечно, не безъ сочувствія Лютера и Меланхтона, Кровицкій долгое время былъ ксендзомъ въ Пржемислесскомъ діоцезѣ и управлялъ имѣніями мѣстнаго владѣльца Кмиты. Между тѣмъ епископъ Дзіадускій своими рыцарскими наѣздами и грабежами и всевозможными скандалами произвелъ много смутъ и волненій въ государствѣ и церкви. Честная, благородная душа и пылкій нравъ Кровицкаго не выдержали, и онъ сталъ горячо обличать злоупотребленія и безобразія духовенства. Раздраженный епископъ потребовалъ его къ себѣ на судъ и посадилъ его въ заточеніе. Бѣжавъ изъ заточенія, Кровицкій нашелъ себѣ пріютъ въ Зуравнѣ, деревнѣ Орцеховскаго (1550 г.) и тамъ сочетался бракомъ съ Магдалиною, до-

черью Станислава Побьедцанскаго. Епископъ произнесъ на него проклятіе и отнялъ у него приходъ. Кмита съ своей стороны лишилъ его управленія имѣніемъ. Оставленный безъ куска хлѣба, угрожаемый лишеніемъ жизни, Кровицкій удалился въ Пинчовъ подъ защиту Олесницкаго и, по примѣру послѣдняго, отступилъ отъ вѣры отцовъ, и уже чрезъ 30 лѣтъ послѣ путешествія своего къ Лютеру и Кальвину. Затѣмъ, онъ рѣшился на важный и смѣлый шагъ: напечаталъ въ Магдебургѣ воззваніе къ королю Сигизмунду и всей націи, въ которомъ убѣждалъ всѣхъ отстать отъ заблужденій антихриста и воспринять св. Евангеліе. Воззваніе это на расхватъ читалось мало - польскимъ и русскимъ дворянствомъ. Озлобленный епископъ Краковскій Цебрцидовскій рѣшился избавиться отъ Кровицкаго. За дружественнымъ обѣдомъ въ Пинчовѣ, когда гости повеселѣли, придворный Цебрцидовскаго Масцковскій съ 20-ю вооруженными людьми вдругъ бросился на Кровицкаго, связалъ ему руки и ноги, положилъ на возъ съ хлѣбомъ, покрылъ его соломою и помчалъ въ Краковъ по мостовымъ улицамъ, по камнямъ и кореньямъ въ лѣсу. Къ счастію, Палцеръ Луковскій, земскій судья Сандомира (приверженецъ ученія Кальвина) узналъ, какая кладь скрыта подъ грузомъ хлѣба и соломы, и съ помощію своихъ людей освободилъ еле живаго узника. Выпустивъ изъ рукъ жертву, Цербцидовскій, во что бы то ни стало, хотѣлъ снова поймать ее: объявилъ щедрую награду тому, кто доставитъ ему Кровицкаго плѣнникомъ, и несчастнаго едва не схватили, когда онъ совершалъ богослуженіе въ Краковѣ въ дому Станислава Лазоцкаго; только твердость и рѣшительность Лазоцкаго спасли его. Эти новыя и многократныя покушенія на жизнь Кровицкаго въ высшей степени возмутили его: и вотъ появляются одно за другимъ сочиненія съ самыми вычурными памфлетическими заглавіями, напр. Истинный образъ антихриста,— въ которыхъ онъ изливаетъ всю свою желчь и озлобленіе на католическое духовенство. Но эта же самая борьба Кровицкаго съ епископами, гоненія, которыя онъ вытерпѣлъ съ достоинствомъ угнетенной невинности, съ ореоломъ мученика на главѣ, его необычайный даръ краснорѣчія, обширная ученость и рѣдкія способности снискали ему всеобщее уваженіе и пріобрѣли ему многочисленныхъ послѣдователей. — Непримиримый врагъ католическаго духовенства, онъ въ отношеніи къ прозелитамъ отличался особенною мягкостію, дальновидностію, уступчивостію, образцомъ которыхъ служитъ слѣдующее мнѣніе высказанное имъ на соборѣ Богемскихъ братьевъ и малопольскихъ Кальвинистовъ въ Сейминѣ 1556 г.: „образа и прочія церковныя принадлежности, заявилъ онъ, не должны быть выносимы изъ церквей поспѣшно, особенно когда толпа не развилась на столько, чтобы разумѣть истину по здравому своему смыслу и на основаніи слова Божія и когда она можетъ понимать ее въ чувственныхъ лишь образахъ и обрядахъ". Какъ человѣкъ, по нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Лубинскій разсказываетъ, что, при своей безграничной любви и благотворительности къ другимъ, онъ нерѣдко забывалъ самого себя и съ бѣдными дѣлилъ послѣднюю рубашку (Lucaschew. II, 63—68). Благодаря личнымъ особенностямъ ума и характера, а болѣе случайностямъ и катастрофамъ въ жизни, онъ сдѣлался ревностнымъ поборникомъ и проповѣдникомъ ученія Кальвина.

[10]) Lucaschewicz, S. 5 и 6, Памятники Русск. Стар. въ западн. губерн. Батюшкова стр. 35, Сливова, стр. 12, 34 и 37. Исторія Русск. Церкви Высокопреосвящ. Макарія т. IX стр. 319—322.

[11]) Krasinski S. 191, 293 и 294.

[12]) Ebendas S. 291.

[13]) „ S. 292. Такая строгость нравовъ и поведенія были поучительны и для отдаленнѣйшихъ временъ. Кiейданскій синодъ 1699 г. по этому идеальному образцу старался реформировать нравы низшаго духовенства. Чтецы и діаконы, читаемъ въ 19 канонѣ его, не только должны имѣть доброе свидѣтельство жизни и поведенія, но и обя-

заны соблюдать строгость и приличіе во внѣшнемъ видѣ, избѣгать излишнихъ украшеній, сохранять всякаго рода скромность и воздержность. Lucaschew. II. Band. S. 149.

[14]) Krasinski, S. 290 и 294, 187 и 188. Замѣчательно, что этотъ идеалъ семейнаго благочестія и нравственности, троекратное каждый день домашнее богослуженіе, строгое запрещеніе всѣхъ домашнихъ и общественныхъ увеселеній, строжайшая простота, умѣренность въ пищѣ, одеждѣ, очень сходны съ тѣмъ идеаломъ семейнаго благочестія и благоповеденія, какой рисуется въ нашемъ Домостроѣ другомъ друга и ученика Савона, роллы Максима Грека, извѣстнымъ нашимъ моралистомъ іереемъ Сильвестромъ.

[15]) Krasinski, S. 199.

[16]) Krasinski, 117 и 118, Lucaszevitz, II Theil, 1855 г. Каноникъ Станиславъ Ороховскій (русскій изъ Галиціи), во время семнадцатилѣтняго пребыванія за границею сдружившійся съ Лютеромъ и Меланхтономъ, по возвращеніи на свою канонію открыто вступилъ въ бракъ съ Магдалиною Холмскою въ 1551 г. и написалъ къ папѣ Юлію III письмо, требуя, чтобы св. отецъ благословилъ его бракъ и дозволилъ ксендзамъ жениться. Преданный за это суду сената, онъ былъ совершенно оправданъ, потому что большинство тогдашняго сената состояло изъ иновѣрцевъ. По его примѣру нѣсколько бизкуповъ и ксендзовъ подали папѣ петицію, въ которой просили его доказать на основаніи Священнаго Писанія, почему бы священнослужителямъ нельзя вступать въ законные браки. Нелишне замѣтить, что какое движеніе по вопросу о безбрачіи происходитъ въ наше время въ католическомъ духовенствѣ, какія петиціи о вступленіи въ законный бракъ шлютъ къ папѣ нынѣшніе ксендзы и старокатолики, такое же движеніе и просьбы видимъ въ половинѣ 16 вѣка, при первомъ сближеніи католиковъ съ протестантами и православными. Не увлекаясь всѣми крайностями протестантизма и не вынося болѣе злоупотребленій и аномалій католицизма, кононики и патеры искали средняго примирительнаго пути и обрѣтали его въ православіи, въ его истинныхъ апостольскихъ учрежденіяхъ и ученіи. Въ данномъ случаѣ, не отвергая безусловно вмѣстѣ съ протестантами безбрачія и монашества, они, подобно православнымъ, желали и домогались брака для тѣхъ, которые не могутъ вмѣстить неудобоносимаго этого бремени (безбрачія).

[17]) Сливовъ, 38, Krasinski, 132 и 146.

[18]) Сказанія Курбскаго, 230 стр., Русская Исторія Костомарова, т. III, стр. 541.

[19]) Акты Запад. Россіи, т. IV, стр. 205.

[20]) Акты Запад. Россіи, т. IV, № 32, стр. 42. Акты Южной и Запад. Россіи, т. II, стр. 210 и сказан. Курбск., 225 стр.

[21]) Сказанія Курбскаго, II, 179.

[22]) Русская Исторія Костомарова, т. III, стр. 544.

[23]) Акт. Западн. Россіи. т. II, № 56, 77, т. IV, № 25, стр. 30.

[24]) Таковы напр. Пинскій епископъ Леонтій Пельчинскій и Холмскій, Діонисій Збировскій. Акты Западн. Россіи. т. IV, № 29 и 33.

[25]) Тамъ же, № 29, Krasinski, 132 и 146.

[26]) Матеріалы для Южно-русской противо-лютеранской полемики Тр. Кіев. Духовн. Акад. 1862, т. II, стр. 115.

[27]) Lucaszewitz, 11.

[28]) Книга о вѣрѣ, стр. 206. Прав. Собесѣд. 1858 г., т. I, стр. 268. Литовская церковная унія, М. О. Кояловича, т. I, стр. 31 и 242.

[29]) Акты Западн. Россіи, т. IV, № 38, стр. 205.

[30]) Сливовъ, 36. Сказаніе о Львовскомъ ставропигіальномъ братствѣ, переведенное Я. Ѳ. Головацкимъ съ галицко-русинскаго нарѣчія въ Вѣстникѣ Юго-западной и и Западной Россіи 1864 г. іюнь, отд. II, стран. 106, Апокрисисъ Кіевскаго изд., стр. 409 и 410 и изслѣдованіе о немъ Скабалановича, стр. 142, Антиррисисъ, стр. 72, 77, 179.

31) Памятники Русск. Стар. въ Запад. губер. Батюшкова, 43 стр., V т.

32) Главнымъ центромъ новаго религіознаго движенія сдѣлалась Вильна. Во времена Сигизмунда Августа Вильна была однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Европы. Жителей въ ней было до 200,000 и народонаселеніе ея было самое пестрое и разноплеменное: русскіе, литовцы, армяне, греки, нѣмцы, евреи. Въ вѣкъ религіозныхъ страстей и войнъ здѣсь мирно уживались всѣ религіи: православный, католикъ, кальвинистъ, лютеранинъ, анабаптистъ, магометанинъ, еврей — всѣ спокойно молились въ своихъ церквахъ, костелахъ, соборахъ, киркахъ, мечетяхъ, синагогахъ, братски пожимали другъ другу руку и, при добрыхъ связяхъ и соотношеніяхъ, находили наилучшія средства къ жизни. Но при всей свободѣ и кажущемся равенствѣ всѣхъ вѣроисповѣданій, кальвинизмъ затмѣвалъ и подавлялъ собою всѣ религіи; его послѣдователи были многочисленнѣе и знатнѣе всѣхъ, — и, открытая для всѣхъ иновѣрцевъ, Вильна въ сущности была гельветическою столицею. Православно русскій элементъ, прежде бывшій въ ней господствующимъ, теперь уступилъ мѣсто реформатскому. Вильна стала главнымъ центромъ кальвинизма не только для Литвы, но и для всей почти Европы. Сливовъ 565.

33) Во время ученаго путешествія своего по Швейцаріи и Италіи, сдѣлавшись изъ горячаго гонителя Станкара ревностнымъ его поборникомъ, Гонезій первый публично высказался въ пользу аріанства на Сецминскомъ синодѣ 1556 г., тогда какъ его предшественники проповѣдывали его тайно. Krasinski, 134 и 135.

34) Dziele narodu ltowskiego przez Narbata, t. IX, Str. 428. Сливовъ, 40.

35) Krasinski 136, 308—311.

36) Ebendas, 312, 314, 140, 141, 310, 315, 328.

37) Ebendas, 137 и 138 и Памятники русск. стар. въ западн. губерн. Батюшкова, 43.

38) Lucaszew. II. Band, S. 95—98.

39) Ebendas, S. 69 -71.

40) Krasinski, S. 140.

41) Ebendas, S. 318, 319 и 135.

42) Ebendas, S. 322—325 и Рукопись Львовской ставропигіальной лавры, подъ заглавіемъ „статья о диссидентахъ“ вносившаяся въ генеральныя конференціи и въ pacta conventa, переведенная съ польскаго на русскій языкъ въ Вѣстникѣ Югозападной Россіи 1863 г., май, отд. I, стр. 43 и 44.

43) Акты, изданные Виленскою Археографическою коммиссіею, т. VIII, отд. II. стр. 190—194.

44) Krasinski, S. 326 и 327.

45) Апокрисисъ, 409 и 411 стр.

46) Сказаніе Курбскаго, 281—285. Нарамовскаго Facies rerum Sarmatorum, I, 222. Обз. Рус. Дух. Литературы, Арх. Филарета Черниговскаго, т. I, стр. 217, 238 и 251. Въ недавнее время (въ 1869 г.) членами Виленской Археографической Коммиссіи П. А. Гильтебрандтомъ и Миротворцевымъ найденъ подлинный катихизисъ, поднесенный князю Николаю Радзивиллу въ 1562 г. „княжески милости повольными слугами Симономъ Буднымъ и (его сотрудниками) Матвеемъ Кавечинскимъ и Лаврентіемъ Кроликовскимъ“, и хранившійся съ тѣхъ поръ въ Несвижскомъ Архивѣ князей Радзивилловъ. Въ VII т. Археографическаго сборника документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-запад. Руси л. XVII—XXIV напечатано предисловіе къ катихизису и указано краткое содержаніе книги. Въ предисловіи съ обычнымъ социніанству духомъ отрицанія и предъубѣжденія, первымъ дѣломъ высказывается, что „такъ какъ сатана въ пропасти Римскаго и Греческаго Вавилона затмилъ святое слово Господа и тайны его осквернилъ, то Господь благоволилъ снова объяснить правильно его ученіе, яко пальцемъ указати, и, вывёдши насъ изъ той антихристовой Содомы снова привести къ истинному Избавителю“. Далѣе высказывается надежда, что „не только княжеская милость, рыцари и братія славнаго

языка Словенскаго, но и чужеземскія языцы славянскіе послѣдуютъ спасительному ученію". Въ этихъ видахъ „ученіе въ этихъ малыхъ новыя кузни книгахъ написано, издавнымъ, славнымъ, далеко распространеннымъ языкомъ славянскимъ". Самый „катихисій", состоящій изъ братскихъ „пытаній и отказовъ", раздѣленъ на 4 части: въ 1-ой изъясняется десятословіе, во 2-ой символъ вѣры: апостольскій и Никейскій, въ 3-й молитва Господня, въ 4-й ученіе о таинствахъ: крещеніе и причащеніе. Катихизисъ этотъ очень кратокъ и предназначенъ „для дѣтокъ христіанскихъ языка русскаго къ наказанію и доброму наученію, но „для посполитыхъ людей языка русскаго" обѣщано болѣе подробное и обстоятельное изданіе катихизиса и книжка опричная (о св. крещеніи и о вечери Сына Божія».

47) Krasinski, 310; Памятники Русск. Стар. въ Запад. губерн., стр. 48 и Истор. пол. литературы Кондратовича, т. II, стр. 127.

48) Многословное посланіе Зиновія Отенскаго о ереси Косаго, рукопись С.-Петербургской Д. Академіи № $^{31}/_{1108}$ л. 1 и его же обличеніе на ересь нову, или что тоже показаніе истины къ вопросившимъ о новомъ ученіи, издан. Казан. Д. Академіи стр. 88.

49) Lucaszew., I. Band. S. 3.

50) Ebendas, „ S. 3 и 4, сказан. Курбск., т. III, стр. 267 и 268.

51) Ebendas, „ S. 3.

52) Показаніе истины Зиновія Отенскаго, стр. 4, 7, 8, 21, 22, 23, 29.

53) Lucaszew., S. 4.

54) Предисловіе къ Многословному Посланію, л. 2.

55) Показаніе истины, стр. 38.

56) Предисловіе къ Многословн. Послан. л. 1 об. и 2.

57) Показаніе истины стр. 51.

58) Lucaszew., II, Band. S. 99 и 100. Dziese Kosciolo wyznan Helweckiego, Говорскаго В, 10 и 3. Рос. 1864 г., апрѣль, отд. II, стр. 22 и Сказаніе Курбскаго, т. III, стр. 268.

59) Счетъ листовъ ведемъ по цитированной рукописи С.-Петербургской Д. Академіи.

60) Первое лжеученіе Косаго кратко разобрано въ Исторіи Русской Церкви Высокопреосвященнаго Макарія, т. VII, стр. 488—513, гдѣ представлено и опроверженіе на него, взятое изъ „Показанія истины", подробнѣе же въ подстрочномъ подлинникѣ и въ переводѣ на современную рѣчь оно изложено г. Емельяновымъ въ Трудахъ Кіевск. Д. Академіи, за 1862 г., т. II, 185—215 стр.

61) Подъ именемъ протестантизма, согласно съ нѣмецкою терминологіею, разумѣемъ чистыя его формы: лютеранство и кальвинство.

62) Lucaszew, I. Band. 12—20 и цитированная рукопись Львовской Лавры, стр. 44.

63) Сливовъ, 16.

64) Lucaszew. I. Band. S. 21—26 и Сливовъ 17, 18, 19, 21 и 28.

65) Такъ какъ имена Радзивилловъ, раздѣлившихся на нѣсколько линій, часто смѣшиваются писателями, — а между тѣмъ мы очень часто будемъ встрѣчаться съ ними, то считаемъ не лишнимъ представить ихъ родословную:

<table>
<tr><td>Николай Черный ум. 1565 г.</td><td colspan="2">Николай Красный ум. 1588 г.</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">Радзивиллы имѣли сыновей:</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Николая Христофора по прозванію сиротка, Юрія, Альберта и Станислава, изъ которыхъ Юрій былъ епископомъ, а остальные три сдѣлались родоначальниками особыхъ ординацій: Несвижской, Олыцкой и Клецкой, — и дочь Елизавету.</td><td colspan="2">Христофора Николаевича Перуна, умершаго въ 1603 г., у этого послѣдняго было два сына:</td></tr>
<tr><td>Янушъ Христофоровичъ ум. 1620 г., у Януша былъ сынъ Богуславъ ум. 1669 г.</td><td>и Христофоръ Христофоровичъ ум. 1640 г., у Христофора сынъ Янушъ † 1655 г. Дочь Януша Марія-Анна, вышла замужъ за двоюроднаго брата ея отца, за Богуслава Янушевича и обѣ линіи слились.</td></tr>
</table>

Дочь Богуслава и Маріи-Анны, Людовика Каролина, бывшая за мужемъ за Людвигомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, а по смерти его за Филиппомъ герцогомъ нейбургскимъ, умерла въ 1695 г. и съ нею пресѣкся родъ знаменитыхъ покровителей литовскихъ протестантовъ и западно-русскихъ православныхъ.

[66]) Сливовъ, 726, 727, 745. Совращеніе дѣтей Николая Чернаго весьма любопытно и для характеристики іезуитской пропаганды. Всѣ сыновья и дочь были опутаны сѣтью мнимыхъ чудесъ и случайностей. Старшій изъ нихъ, Николай Христофоръ, ни успѣлъ кончить своего образованія (сперва въ высшей кальвинской школѣ, а потомъ въ лейпцигской академіи) и возвратиться въ родительскій домъ, какъ вдругъ ему подбросили написанное точь въ точь рукою отца завѣщаніе, въ которомъ умирающій отецъ горько раскаивается, что онъ удалился отъ свѣта католической истины, ходилъ и томился всегда во мракѣ и — теперь ему одинъ безнадежный исходъ — во тьму кромѣшнюю. Куда ни отлучался князь, путешествовалъ ли во Францію, Италію, іезуиты всюду слѣдили за нимъ и проникали къ нему всѣми путями. Заболѣвалъ онъ, — они заботливо окружали его ложе и пророчески предсказывали ему скорое выздоровленіе, но подъ клятвеннымъ съ его стороны условіемъ, если онъ обратится въ католичество. Требовалъ ли онъ скоромной пищи въ постные дни, напр. каплуновъ въ страстную пятницу, — изжаренные каплуны устроеннымъ іезуитами чудомъ поднялись съ блюда. Не смотря ни на какія чудеса и приключенія, князь, хотя и колебался, не поддавался совершенно іезуитамъ. Они отступаютъ отъ него къ сестрѣ его Елизаветѣ. Для дѣвицы, получившей отличное образованіе, знавшей наизусть всю почти библію, но чрезвычайно мягкосердечной доброй и довѣрчивой они устроили блестящую партію съ великимъ гетманомъ короннымъ Николаемъ Милецкимъ. Но такъ какъ мужъ былъ ревностный католикъ, то вскорѣ и она сдѣлалась католичкою, и вмѣстѣ съ знаменитымъ іезуитомъ Скаргою настояла, что бы и братъ перешелъ въ католичество. Между тѣмъ младшіе братья Юрій и Альбертъ, по окончаніи образованія (въ той же лейпцигской академіи), въ 1572 возвращались на родину и остановились въ Познани. Іезуиты, также всюду слѣдившіе за ними, заманили ихъ какъ-то посѣтить свой костелъ и коллегіумъ, и устроили для нихъ самую торжественную встрѣчу. Колокольный звонъ, прекрасная музыка, витіеватыя и льстивыя привѣтственныя рѣчи произвели, конечно, пріятное впечатлѣніе на мальчиковъ. Пріѣзжаютъ въ родной домъ. И въ той залѣ, гдѣ при отцѣ была торжественно-мрачно убранная молельня, со столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, съ Евангеліемъ и траурными факелами, они увидѣли предъ собою великолѣпно отдѣланную католическую часовню, съ образами, кіотами, цвѣтами. Во всѣхъ залахъ, на ряду съ суровыми лицами отца и предковъ, предстали предъ ними портреты папы, епископовъ. Во всемъ домѣ нашли чрезвычайную перемѣну: всюду снуютъ отцы іезуиты, которые все перевернули по своему, сдѣлались хозяевами дома, душею семьи. Живая рѣчь, увлекательное обращеніе этихъ домашнихъ друзей и опекуновъ, да всепобѣждающее краснорѣчіе Скарги скоро поколебали ихъ вѣру. Чрезъ два года, 18-ти лѣтъ отъ роду Юрій былъ уже виленскимъ епископомъ (1575 г.). Около того же времени приняли католичество и два младшіе брата: Альбертъ и Станиславъ. Итакъ, ловкіе іезуиты овладѣли всею семьею, всѣмъ достояніемъ того, кто былъ самымъ заклятымъ и страшнымъ врагомъ ихъ, главною и могущественною опорою диссидентовъ. (Сливова, стр. 726—730).

[67]) По смерти Сигизмунда Августа, короли въ литовско-польскомъ государствѣ были иноземные, избиравшіеся партіями. Первые два избирательные государя были въ зависимости отъ протестантской партіи, которая на конвокаціонномъ сеймѣ 1573 г. успѣла добиться утвержденія конституціи о равенствѣ предъ закономъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Генрихъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX, послѣ Варѳоломеевской рѣзни во Франціи, встрѣтилъ такое предубѣжденіе въ господствовавшей въ Польшѣ протестантской партіи, что долженъ былъ отказаться отъ престола. Онъ не

имѣлъ ни времени, ни силъ сдѣлать много зла протестантамъ. Стефанъ Баторій, избранный тою же партіею, покровительствовалъ протестантамъ въ Семиградскомъ княжествѣ, но у него не было теплаго чувства ни къ одной религіи и онъ долженъ былъ принять и защищать вѣру, какую выгодно было поддерживать въ разчетахъ политическихъ т. е. онъ долженъ былъ стать и сталъ на сторонѣ латинства и іезуитовъ и такимъ образомъ изъ покровителя евангеликовъ сдѣлался ихъ гонителемъ. О Сигизмундѣ III едвали нужно объяснять, какимъ образомъ онъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ іезуитовъ и жестокимъ гонителемъ иновѣрцевъ: при безхарактерности и малодушіи короля, при крайнемъ разстройствѣ семейныхъ и государственныхъ его дѣлъ, іезуиты были полными хозяевами-распорядителями въ его душѣ, семьѣ, государствѣ. Volum. legum II, pag. 124—125.

[68]) Lucaschew. I Bond. S. 27—37, Отнош. Запад. Рус. православныхъ къ польскимъ протестантамъ во время уніи М. О. Кояловича; Хр. Чт. 1860 г., II т., 225—256.

[69]) Lucaschew. II Band. S. 3 и 4.

[70]) Сливовъ, 582 и 583.

[71]) Lucaschew. I Band. S. 180—190, 193 и 194. II Band. S. 3 и 4 и Krasinski, 300, 308.

[72]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западнаго края, т. VIII, отд. 4, № 67, на латинскомъ языкѣ.

[73]) Магдебургское право состояло, какъ извѣстно, въ разныхъ льготахъ, вводило извѣстный строй самоуправленія и вмѣстѣ съ нимъ нѣмецкое раздѣленіе городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ на цехи, сообразно занятію ихъ. Когда впервые оно введено было въ Литовско-Русскихъ городахъ, вопросъ этотъ чрезвычайно спорный, по однимъ въ XIII столѣтіи, по другимъ не ранѣе XV-го. Русская исторія Костомарова, т. III, стр. 539.

[74]) Извлеченіе изъ Архива Ковенской лютеранской церкви въ вѣстникѣ Ю. и З. Россіи, 1865 г. Январь, II отд., 174—178 и февраль, II отд., 207—209.

[75]) Тамъ же, стр. 178, 186 и 189.

[76]) Тамъ же, стр. 181.

[77]) Тамъ же, стр. 186—191.

[78]) Тамъ же, стр. 184 и 185.

[79]) Тамъ же, 192 и акты Виленской Археографической коммисссіи, т. VIII, № 208.

[80]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-западн. Руси, т. VIII, отд. 4, № 67, стр. 291 и 292, на латинскомъ языкѣ.

[81]) Тамъ же, № 71, стр. 306 и 307, тоже на латинскомъ языкѣ и въ тѣхъ же большею частію выраженіяхъ, въ какихъ написанъ и предъидущій актъ.

[82]) Извлеченіе изъ архива ковенскихъ протестантовъ, Вѣст. Югозападн. Рос. 1865, Январь, отд. II, стр. 182 и Памятники Русск. старины въ западн. губерн. Батюшкова, т. V, стр. 34.

[83]) Lucaschew. II Band. S. 61—63.

[84]) Ebendas. S. 73—76.

[85]) Археографич. сборникъ документовъ, относ. къ исторіи сѣверозападн. края, т. III. № 29, стр. 48—56. Та же продажная запись помѣщена и VIII т., акт. Виленск. Археографич. коммиссіи, подъ № 167, стр. 405—411. Объ основаніи и мѣсто нахожденіи Евангелическаго сбора, см. тамъ же стр. 1, 6, 7, 10, 15, 135, 260, 386, 399, 405—410, 468, 470.

[86]) Lucaschew. II Band. S. 76 и 77.

[87]) Акты Виленской Археографической коммиссіи, т. VII, №№ 220, 208, 209.

[88]) Lucaschew. I Band. S. 135.

[89]) Lucaschew. II Band. S. 77 и Акт. Вилен. Археографической ком., т. VIII. № 20.

[90]) Lucaschew. II Band. S. 78—95.

91) Lucaschew. II Band. S. 102 и 103.

92) Объ этомъ чудѣ природы много было толковъ въ народѣ и всякаго подстрекало любопытство посмотрѣть на него. Но вскорѣ любопытство это дошло до наглости и поруганія надъ мертвыми: двери отъ пещеры были выломаны, трупы выброшены изъ гроба, голова, ноги были оторваны, — и только одинъ благочестивый реформатъ — путешественникъ — собралъ останки и положилъ въ гробъ. Таинственный гробъ навсегда наконецъ забитъ былъ гвоздями и запечатанъ. Lucaschew. II Band. S. 42.

93) Ebendas.

94) „ S. 43, 51 и 54.

95) „ S. 39 и 40.

96) „ S. 40. 18 іюля 1706 г. пресвитеръ Лаврентій Будовичъ, коммендарь клавинскій шелъ съ какою-то пьяною толпою въ Линковъ и завернулъ въ Помучь, потребовалъ отъ пастора боченокъ пива и водки. У пастора пива на этотъ разъ не случилось и онъ поставилъ гостямъ бутыль водки. Коммендарь остался недоволенъ угощеніемъ и ушелъ. На обратномъ пути онъ опять зашелъ въ гости къ пастору и опять съ толпою пьяныхъ мужиковъ и съ музыкою изъ трубъ, барабановъ. Нежданныхъ гостей встрѣтилъ служитель и былъ избитъ дубинами, затѣмъ шумная кампанія опрокинула заборъ у пасторскаго дома, сорвала, разбила и разбросала доски церковнаго забора, камнями и дубинами побила всѣ стекла въ церкви и, какъ саранча на хлѣбъ, бросилась на скудные пожитки крестьянъ. Здѣсь въ Помучи и въ деревни евангелической церкви сыръ, масло, хлѣбъ—все было отнято, замки у домовъ и кладовыхъ были разбиты и произведено множество другихъ насилій и грабежей. S. 40.

97) — S. 9.

98) — S. 100.

99) — S. 11.

100) — S. 38.

101) — S. 58.

102) — S. 4, 38 и 40.

103) — S. 5 и 6.

104) — S. 8, 36, 41, 52, 53, 54.

105) — S. 7 и 29.

106) — S. 10 и 11.

107) — S. 46—57.

108) — S. 4.

109) — S. 37 и 38.

110) — S. 23 и 37.

111) — S. 29, 30.

112) — S. 28, 29 и 34.

113) — S. 24.

114) — S. 32, 37 и 101.

115) — S. 100 и 101.

116) — S. 8 и 9.

117) — S. 43—45.

118) — S. 59.

119) Beiträge zu der Reformationsgeschicte in Polem und Lithauen besonders, von Christian Gottlieb von Friese, 2. Theil. 2 Band, 1786 г., S. 283.

120) Krasinski, S. 333.

121) Lucaschew. II Band, S. 59—63.

122) „ I Band, S. 37.

123) „ S. 13, 33, 36.

[124]) Lukaschew. S. 4, 32 и 33.

[125]) „ S. 36, 51.

[126]) „ S. 14, 15 и Археографическій сборникъ документ., относящ. къ истор. сѣверо-западн. Руси, т. VIII, №№ 17, 18, 20, 22, 23, 27, 28, 30 и 33.

[127]) Lucaschew. II Band. S. 15 и 16.

[128]) Археографическій сборникъ докум., относящихся къ истор. сѣверо-запад. Руси, т. VIII, отд. III, № 14, стр. 136—145.

[129]) Lucaschew. II Band. S. 16—19.

[130]) Ebendas. S. 9, 10 и 19.

[131]) „ S. 11, 30.

[132]) „ S. 102, 27, 41.

[133]) „ S. 11, 27, 41.

[134]) „ S. 56—58.

[135]) „ S. 10.

[136]) „ S. 10, 11, 73, 102.

[137]) „ S. 27, 28.

[138]) „ S. 24—26.

[139]) „ S. 24.

[140]) „ S. 4, 19, 20 и 34.

[141]) „ S. 101 и 102.

[142]) „ S. 37, 55, 43.

[143]) „ S. 12, 54, 55, 51 и 52.

[144]) „ Dzieje Kosciolo Wyznania Helweckiego въ статьѣ Говорскаго въ Вѣст. Юго-западн. Рос. 1864 г., апрѣль, отд. II, стр. 22 и Lucaschew. II Band. S. 99, 100.

[145]) Lucaschew. II Band. S. 39.

[146]) Ebendas. S. 31—33.

[147]) „ S. 8.

[148]) „ S. 29.

[149]) „ S. 51.

[150]) „ S. 8, 9, 33, 42, 51, 58.

[151]) Цитированная статья Говорскаго, стр. 27.

[152]) Lucaschew. II Band. S. 7.

[153]) Вѣстн. Юго-западн. Рос. 1864 г., апрѣль, II отд., стр. 27.

[154]) Lucaschew. II Band. S. 9, 14, 32, 41, 58 и 100.

[155]) Изъ церквей, находившихся за предѣлами Литвы въ Малой Польшѣ, мы можемъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о церквахъ гг. Люблина, Каменецъ-Подольска и мѣстечка Паневецъ. Въ Люблинѣ церковь со школою помѣщалась первоначально въ домѣ палатина бѣльскаго Станислава Тенчинскаго. По смерти его въ 1567 г., года на три, богослуженіе прекращалось вовсе, школа переведена была въ Бѣльскъ (гродненской губ.). Около 1570 г. оно совершалось въ частныхъ домахъ, преимущественно въ домѣ Горайскаго, проповѣдниками сосѣднихъ церквей. Позднѣе, до гоненій 1627 г., евангелики владѣли въ предмѣстьи города собственнымъ опредѣленнымъ для богослуженія мѣстомъ. Въ замкѣ Каменецъ-Подольска реформатская капелла существовала при Николаѣ Потоцкомъ, сынѣ его Іоаннѣ генералѣ подолькомъ и кастелянѣ каменецкомъ Андреѣ Потоцкомъ, приблизительно, отъ 1560-хъ гг. до начала 17 стол. Versuch einer Geshichte der Reformation in Polen, angestellt durch Fischer, 1 Th. S. 123 и 124. Въ мѣстечкѣ, а нынѣ селѣ Паневецъ, находящемся въ 7 верстахъ отъ г. Каменецъ-Подольска (на пути въ Бессарабію) сынъ Андрея Янъ Потоцкій, воевода брацлавскій построилъ въ 1596 г. укрѣпленный замокъ, и въ немъ великолѣпную часовню или церковь, помѣщавшуюся въ двухъ этажахъ каменнаго зданія (изъ которыхъ верхній имѣлъ форму восьмиугольника

съ куполомъ такой же осьмиугольной формы), академію, помѣщавшуюся въ томъ же двухъ этажномъ корпусѣ и типографію, находившуюся въ особомъ зданіи налѣво отъ нихъ. Настоятелемъ и проповѣдникомъ при этой церкви былъ о. Янъ Зыгровичъ, начальникомъ типографіи Вавржинецъ Малаховичъ. Каждый изъ нихъ получалъ отъ владѣльца по 4000 злотыхъ. Приходъ ея составляли самъ Потоцкій и подвластное ему населеніе Паневецъ. Но Паневецкая реформатская община существовала недолго. Самъ патронъ, а за нимъ и все почти населеніе совратились въ социніанство и Паневцы наряду съ Хмѣльниками сдѣлались въ Подоліи главными вритонами, средоточіями социніанства По смерти Яна Потоцкаго въ 1611 г., его племянникъ и наслѣдникъ Ревера Потоцкій принялъ католичество, закрылъ реформатско-социніанскую часовню, академію и типографію и устроилъ въ ихъ зданіяхъ хозяйственныя помѣщенія: конюшню, воловню, сараи, амбары и проч. Благодаря необыкновенной прочности и толщинѣ стѣнъ, (зданіе часовни имѣетъ $4^1/_2$ аршина толщины, академическое до 3-хъ аршинъ) зданія эти существуютъ въ настоящее время. Въ Подоліи, при малочисленности католическаго населенія, состоявшаго изъ восьми малолюдныхъ парафій, при глубокомъ нравственномъ паденіи клира, нашли себѣ пріютъ всѣ «еретическія новинки». Потоцкіе, Замойскіе, Шафранцы, Мелецкіе, Мельшопинскіе, Фирлеи, Тарлы, Синявскіяе, Олесницкіе и многіе другіе изъ подольской шляхты, даже самъ епископъ Дрогоевскій оказались неравнодушными «къ еретическимъ мнѣніямъ». Но о церквахъ и общинахъ въ ихъ имѣніяхъ мы ни на мѣстѣ, ни въ литературныхъ памятникахъ не могли найти никакихъ извѣстій. Niesiecki, t. IV, str. 394, 395. Историко-статистическое описаніе села Паневецъ Н. И. Яворовскаго, Подольск. епарх. вѣдом. 1877 г., стр. 2—5, Историко-статистическое описаніе Подольской епархіи М. В. Симашкевича, стр. 117 и 118.

156) „ S. 155—161.

157) „ S. 162.

158) „ S. 161 и 162.

159) Католицизмъ въ Россіи графа Д. А. Толстаго, т. I, стр. 244.

160) Lucaschew. II Band. S. 149, 150. Относительно ранга или преимущества чести сначала виленскій сеньеръ имѣлъ предпочтеніе предъ сеньерами всѣхъ провинціальныхъ округовъ, но виленскій синодъ 1635 г. старѣйшинство ранга предоставилъ старшему по лѣтамъ службы. Ebendas. 150.

161) Ebendas. S. 124—139.

162) „ S. 150 и 151.

163) „ S. 140 и 142.

164) „ S. 139.

165) „ S. 151.

166) „ S. 72, 143, 145.

167) „ S. 160 и 161. Сочиненіе посвящено княгинѣ Екатеринѣ Хлѣбовичевой. Въ посвященіи авторъ пишетъ: «ничего больше враги не могутъ сказать противъ насъ, какъ то, что мы еретики и что ученіе наше еретическое. Во всѣхъ сочиненіяхъ, проповѣдяхъ, рѣчахъ, собраніяхъ слышатся эти укоризны. Ученый и политикъ, проповѣдникъ и міряниннъ, мужчины и женщины постоянно упрекаютъ насъ въ томъ. Съ помощію другихъ писателей, отражавшихъ несправедливые эти упреки, мы хотимъ явить міру, что мы не еретики, но христіане, и все, что мы терпимъ, терпимъ не за ересь, а за совѣсть нашу». Эти пламенныя и правдивыя рѣчи, столь похвальныя въ устахъ поборника своей вѣры, эта совокупность научныхъ и общественныхъ силъ, поднятыхъ имъ на защиту гонимой религіи (представительницею общественныхъ силъ является магнатша, которой посвящено полемическое сочиненіе) показываетъ, что онъ употреблялъ всѣ мѣры для защиты гонимыхъ единовѣрцевъ.

168) „ S. 152—154.

169) Ebendas. S. 145, 148 и 154.

170) „ S. 20, 23, 34, 36, 148, 150, 154,

171) „ S. 142.

172) „ S. 141 и 154.

173) „ S. 143 и 144.

174) О сеньерахъ и консеньерахъ, не заявившихъ себя ни умственною, ни нравственною дѣятельностію, едва ли нужно упоминать, да и у Лукашевича, изъ котораго мы беремъ свои свѣдѣнія о іерархіи, сообщается лишь перечень именъ ихъ, далеко не всѣхъ, съ обозначеніемъ иногда года ихъ вступленія на должность и перемѣщенія на другое мѣсто, года смерти.

175) Венгерскій разсказываетъ, что въ самомъ началѣ разгара фанатизма (въ 1611 г.), въ самые большіе праздники, чернь и молодежь іезуитская религіозную ревность и духовную радость выражали штурмованіемъ протестантскихъ церквей, умерщвленіемъ пасторовъ и министровъ, разграбленіемъ ихъ имущества, сожженіемъ ихъ домовъ, школъ, типографій. Памятн. Рус. стар. въ западн. губ., издан. Батюшкова, т. V, стр. 77 и 78.

176) Lucaschew. I Band. S. 102 и 103.

177) Krasinski, S. 304—307 и Lucaschew. II Band. S. 117—124.

178) Lucaschew. I Band. S. 103, 111 и 112, 130, 163; II Band. S. 103—116; Krasinzki, 300, 301.

179) Lucaschew. II Band. S. 134—150.

180) Krasinski 279—283 и Lucaschew. I Band. 164.

181) Характеристиченъ слѣдующій фактъ звѣрскаго ожесточенія ксендзовъ противъ пасторовъ. Въ 1697 г. ксендзъ купинскаго мѣстечка въ вилькомирскомъ повѣтѣ, Станиславъ Липовскій, случайно встрѣтивъ на дорогѣ пастора соломейскаго сбора, Андрея Ансецкаго насильно завезъ его въ свое имѣніе, отнялъ у него сани, лошадей, деньги, одежду и, связавъ по рукамъ и ногамъ, въ теченіе трехъ дней безчеловѣчно мучилъ его, подвергая его въ зимнюю холодную пору бичеванію намоченными веревками. Измученный пасторъ чрезъ нѣсколько дней умеръ (Акт. Вил. Археогр. ком., т. VIII, № 205.

182) Подробное описаніе этихъ неистовствъ представлено у Lucaschew. II. B. S. 40, 80, 81 и въ своемъ мѣстѣ кратко воспроизведено нами.

183) Каролина Августа находилась въ постоянной перепискѣ съ литовскими пасторами, умоляя ихъ употребить всѣ мѣры увѣщанія, ласки, матеріальное на ея счетъ вспомоществованіе, чтобы удержать народъ въ послушаніи евангелической вѣрѣ. Съ тою же цѣлію она безмездно распространяла въ народѣ катихизисы на родномъ его языкѣ, издала нѣсколько книгъ богослужебныхъ на польскомъ и литовскомъ языкахъ. Въ годъ смерти своей (въ 1695 г.) назначила 5000 гульденовъ на отпечатаніе Новаго Завѣта на литовскомъ языкѣ и подарила литовскимъ церквамъ свою типографію въ Слуцкѣ. По ея примѣру и другіе дѣлали вклады и пожертвованія въ пользу гельветическихъ церквей. Но это все были ничтожныя крупицы, едва достаточныя для восполненія самыхъ насущныхъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ народа. Милостивая маркграфиня пробовала ходатайствовать за угнетаемыхъ единовѣрцевъ и предъ польскимъ правительствомъ, но могла добиться лишь одного: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто разрушенныхъ церквей и церковныхъ зданій дозволено построить новыя и то съ ограниченіемъ, ut novum aedificium cruce careat. Lucaschew. S. 186—188, 175—178, 181, 182.

184) Ebendas, S. 180

185) Krasinski, 306, 308. Lucachew. I Band. S. 180—190, 193, 194, 2 Band. S. 3 и 4.

186) Lucaschew. II Band. S. 162—165, 167.

187) Ebendas, S. 165—168.

188) „ S. 170—172.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ 1-му раздѣлу втораго отдѣленія.

[1]) Lukaschew. Gesch. der reformirt. Kirchen in Lithauen, IV Band S. 26 и 27 и Истор. Польск. Литер. Кондраговича, т. II, стран. 102.

[2]) Krasinski, Gesch. der Reformation in Polen, S. 149—152, Versuch einer Geschichte der Reformation in Polen, angestellt durch Fischer. I Theil, S. 160—175.

[3]) Krasinski S. 153 и 154.

[4]) Krasinski, S. 189—194 и Памятники Русской старины въ запад. губерн., V т. стр. 40.

[5]) Литовская церковная унія М. О. Кояловича, т. I, стр. 5, 7, 10, 23, 26, 27 и 40.

[6]) Lucaschew. I Band. S. 43 и 4. Іезуиты поспѣшили введеніемъ уніи между прочимъ потому, что напуганы были извѣстными сношеніями германскихъ протестантовъ съ константинопольскими патріархами по дѣлу о соединеніи церквей, т. е. перепиской Меланхтона съ патріархомъ Іосафомъ II въ 1559 г. и тюбенгенскихъ профессоровъ Мартина Крузія и Стефана Герлаха съ патріархомъ Іереміею въ 1573—1576 годахъ. Сношенія эти предприняты были по тому невольному побужденію, что робкіе, привыкшіе къ авторитету умы требовали дать раціональнымъ догматамъ Лютера хотя какую-нибудь печать откровенія. Когда не было возможности и думать о согласіи съ Римомъ, докторамъ виттембергскаго и тюбенгенскаго университетовъ ничего болѣе не оставалось, какъ просить константинопольскихъ патріарховъ объ утвержденіи ихъ преемственною отъ Христа властію членовъ аугсбургскаго исповѣданія, но патріархи, какъ извѣстно, рѣшительно отвергли ихъ желанія (1576 г.). Тѣмъ неменѣе іезуитамъ показалось въ страхѣ, что то соединеніе, которое не удалось германскимъ протестантамъ съ константинопольскими греками, состоится между литовскими протестантами и православными. Тамъ это соединеніе не удалось потому, что оно съ перваго же раза поставлено было на церковно-догматическую почву; здѣсь же, въ Западной Россіи, повидимому, оно обѣщало полный успѣхъ, потому что начато было на нейтральной для догматики почвѣ — политической (первый формальный союзъ здѣшнихъ протестантовъ съ православными, какъ увидимъ, имѣлъ цѣлію не допустить на сеймѣ избранія на польскій престолъ короля-приверженца папы). При томъ, оно велось не издалека, не чрезъ формальную отписку, но на дѣлѣ, въ жизни: соприкосновеніе здѣшнихъ протестантовъ съ православными было самое тѣсное, жизненное, общественное. О названной перепискѣ германцевъ съ греками іезуиты польскіе узнали отъ придворнаго проповѣдника и духовника Сигизмунда III-го, Станислава Соколовскаго, а этотъ послѣдній отъ проживавшаго въ Лембергѣ греческаго архимандрита Теолипта, котораго онъ подкупилъ съѣздить (въ 1581 г.) въ Константиноподь и

снять копіи со всѣхъ актовъ этой переписки. Въ 1582 году Соколовскій всѣ акты перевелъ на латинскій языкъ и перепечаталъ съ нѣкоторыми примѣчаніями въ особую книгу. Съ 1583 по 1590 годъ Соколовскій велъ энергическую полемику съ тюбингенскими богословами, стараясь расстроить ихъ съ константинопольскими греками, а литовскихъ православныхъ съ тамошними протестантами. На извѣстномъ брестскомъ соборѣ 1590 г. онъ увѣрялъ кіевскаго митрополита Михаила Рогозу, епископовъ и греческихъ чиновниковъ, что патріархъ Іеремія низложенъ за свои подозрительныя сношенія съ протестантами, что новый патріархъ Митрофаній, видя невозможность самобытнаго существованія своей церкви въ столь тягостное для грековъ время, склонился къ соединенію ея не съ протестантскою, а съ римскою церковію, что низверженный патріархъ ѣздитъ теперь по Россіи и собираетъ себѣ деньги за тѣмъ, чтобы купить у турокъ патріаршій жезлъ и потомъ подчинить свою церковь протестантамъ. Соборъ не обратилъ бы вниманія на наглыя эти клеветы, но ловкость и интрига внезапно появившагося на соборѣ іезуита Поссевина заставила всему повѣрить (Beiträge zu der Reformations Geschichte in Polen von Friese, II Theil, II B. 1786 г. S. 182—185).

7) Русская истор. Костомарова, т. III, стр. 544. Свидѣтельства Острожскаго относятся ко времени близкому къ эпохѣ процвѣтанія нравовъ у литовскихъ реформатовъ.

8) Сказан. Курбскаго, т. III, 2 и 3 письма къ князю Острожскому, стр. 281—286.

9) Lukaschew. I. Band. S. 61.

10) Ebendas. S. 62—66. Приведемъ выдержки изъ наиболѣе замѣчательныхъ писемъ. Христофоръ Зеновичъ, воевода брестскій, въ письмѣ отъ 26 іюня 1595 года, послѣ сердечныхъ выраженій любви и уваженія къ высокопоставленнымъ, благороднѣйшимъ, милостивѣйшимъ и возлюбленнѣйшимъ государямъ, друзьямъ и братьямъ своимъ, мудрѣйшимъ членамъ сейма, пишетъ между прочимъ: «что съ помощію Божіею постановите вы въ собраніи, все я готовъ исполнить съ моими чадами, не щадя для того всего достоянія моего и даже самой жизни, лишь бы это послужило къ славѣ Божіей и ко благу св. церкви: потому что я надѣюсь получить за то сугубую награду отъ Бога». Николай Монвидъ, воевода полоцкій, въ письмѣ отъ 8 августа 1595 г., писалъ торуньскому синоду: „восхваляю и благодарю благость Бога моего, что вы, ревнители, истинной славы Божіей и защитники св. церкви, подъ непосредственнымъ осѣненіемъ Св. Духа, такъ много печетесь о распространеніи славы Божіей и о взаимныхъ нуждахъ церквей: по истинѣ, въ это несчастное плачевное время самъ Духъ Святый хранитъ насъ и ведетъ насъ къ единенію и согласію. Не имѣя возможности, по причинѣ болѣзни, находиться среди васъ, мои высокопочтительнѣйшіе и возлюбленнѣйшіе братья, бесѣдовать и совѣщаться съ вами, о чемъ сердечно сокрушаюсь, я въ недостойныхъ своихъ молитвахъ всегда прошу Бога, чтобы Его Святой Духъ, собравшій васъ здѣсь, Духъ мира, любви и согласія былъ со всѣми вами и съ каждымъ порознь, чтобъ вы утвердили единое ученіе въ чистотѣ евангельской и апостольской вѣры (Lucaschewitz, S. 67 и 68. Krasinski, 204—206.

11) Выписываемъ изъ Geschichte der Reformation in Polen von Krasinski S. 207—209 краткое содержаніе инструкціи или, собственно говоря, рѣчи Острожскаго.

„Вамъ извѣстно, милостивые господа, что я всегда былъ близокъ къ протестантамъ, что я принималъ участіе въ вашихъ вечернихъ собраніяхъ. Мы имѣемъ десять кратъ сильнѣйшія побужденія соединиться съ вами, а не съ католиками. Мы должны быть съ вами за одно: причиняемыя вамъ горести и скорби должны быть нашими горестями и скорбями, отъ этого зависитъ вся наша будущность, вся наша судьба. Римляне и паписты уговариваютъ его королевское величество не дозволять намъ конфедераціи, которую они называютъ грѣхомъ, преступленіемъ. Они не понимаютъ, что гораздо большій грѣхъ не сдержать священной клятвы, которою они клялись намъ предъ Богомъ, которую уважаютъ не только христіанскіе князья, но и сами язычники. Поэтому если, чего Боже со-

храни, его королевское величество, нашъ милостивый государь не сдержитъ данной имъ клятвы, то мы должны отчаяваться въ нашихъ правахъ и свободѣ. Но не совсѣмъ. Я всегда такъ близокъ и единомысленен съ вами, господа протестанты, желаю вамъ столько всего добраго, что причиненную вамъ скорбь считаю своей собственной, ваше пораженіе моимъ собственнымъ, и, если король, чего Боже избави, употребитъ какое либо насиліе противъ васъ, то я приму это за свое личное оскорбленіе, и для общаго блага не пощажу ничего, никакихъ жертвъ, ни самой жизни, хотя я не сомнѣваюсь, что его величество, христіаннѣйшій, благочестивѣйшій и правдивѣйшій монархъ не сдѣлаетъ ни какого зла и насилія своимъ вѣрнымъ слугамъ и подданнымъ. Я знаю, что мы, вѣрующіе въ Отца и Сына и Св. Духа, всѣ одной и той же вѣры и что различіе состоитъ только въ однихъ обрядахъ. И такъ какъ древняя, святая и апостольская церковь въ Іерусалимѣ имѣетъ 12 престоловъ и, состоя подъ владычествомъ невѣрныхъ, соединяетъ всѣ вѣроисповѣданія въ одномъ храмѣ при гробѣ Господа нашего І. Христа, то тѣмъ болѣе въ христіанскомъ польскомъ государствѣ, гдѣ такъ много религіозныхъ партій и сектъ, всѣ они должны быть терпимы во имя единаго Господа Іисуса Христа и находиться между собою въ общеніи. Я питаю добрыя мысли и надежды на его величество нашего милостиваго короля, и не думаю, чтобы онъ сдѣлалъ намъ что-нибудь дурное, насильственное; но на всякій случай, если не 20, то по крайней мѣрѣ 15 тысячъ войска я одинъ готовъ выслать вамъ на помощь. Есть также много господъ и магнатовъ въ Литвѣ, которые готовы быть всегда съ нами и за насъ. А гг. папежники могутъ превзойти насъ развѣ числомъ тѣхъ кухарокъ, которыхъ ксендзы держатъ у себя вмѣсто женъ. Я надѣюсь, что вы, милостивые господа, наши вѣрные во Христѣ братія, для которыхъ наше сердце открыто, будете тверды, вѣрны, искренни къ намъ, какъ истинные братія христіане, что на всякое, причиняемое намъ, огорченіе и притѣсненіе будете смотрѣть, какъ на ваше собственное, что вы окажете намъ помощь, совѣтъ всякаго рода, будете присылать вашихъ депутатовъ на наши синоды, словомъ, обнаружите столько же любви и благоволенія къ намъ, сколько и мы оказываемъ вамъ. Мы посылаемъ вамъ члены вѣры, которые нѣкоторые наши духовные (уніаты) измѣннически, безъ нашего согласія измыслили и подписали, чтобы подчинить насъ въ рабство врага Сына Божія, подвергнуть насъ власти антихриста. Они хотятъ навязать намъ новый календарь Григоріанскій, (введенный около этого времени въ Европѣ) но мы рѣшились не принимать его, потому что если мы, чего Боже сохрани, сдѣлаемъ уступку въ незначительномъ дѣлѣ, то они далѣе и далѣе безъ конца будутъ простирать свои притязанія". Посланіе заканчивается сердечнымъ пожеланіемъ, чтобъ прочное соединеніе съ протестантами состоялось какъ можно скорѣе.

[12]) Симеонъ Теофилъ Турновскій, представитель богемскихъ братьевъ, въ первой своей рѣчи высказалъ, что ихъ религія гораздо ближе къ православной греческой, чѣмъ къ римско-католической, что если вести переговоры какъ слѣдуетъ, то можно будетъ достигнуть полнаго соединенія съ греками: такъ какъ грекъ гораздо ближе къ апостольскому ученію, чѣмъ католикъ. Friese, 2. Theil, 2. Band, S. 279.

[13]) Отношеніе западно-русскихъ православныхъ къ польскимъ протестантамъ во время уніи, сочин. М. О. Кояловича въ Хр. Чтен. 1860 г., II т., стр. 225—256.

[14]) Lucaszew, S. 169—71 и 77, Krasinski, 212 и 213 и Friese, 236—240: у всѣхъ трехъ авторовъ дѣло излагается совершенно одинаково.

[15]) Такъ, они между прочимъ, печатали, что члены Торуньскаго совѣщанія разсуждали, какъ о важнѣйшемъ предметѣ, о дороговизнѣ овса, яицъ и т. под. Тамъ же, у М. О. Кояловича.

[16]) Тамъ же и Krasinski, S. 216.

[17]) Акты Западн. Россіи, т. IV, №№ 88 и 95.

[18]) Тамъ же, № 92.

[19]) Тамъ же, №№ 94, 95, 99 и 144.

[20]) „ № 138.

[21]) Апокрисисъ Кіевск. издан., стр. 53, 56, 103, 118, 301 и Архивъ Югозапад. Рос., т. I, стр. 533—536.

[22]) Акты Западн. Рос., №№ 102 и 105.

[23]) „ № 146.

[24]) Эктезисъ, S. 32 и 33 и изслѣдованіе объ Апокрисисѣ г. Скабалановича, 168 стр.

[25]) Акт. Запад. Рос., т. IV, № 9.

[26]) Антиррисисъ, стр. 147.

[27]) Акты Западн. Россіи, т. IV, стр. 144. — Антиррисисъ, стр. 147—148 и Апокрисисъ 126 и 127.

[28]) Апокрисисъ, 133 и 134. — Эктезисъ, 4 въ Арх. Югозапад. Рос. т. 1, стр. 516, 528.

[29]) Акт. Запад. Рос., т. IV, № 98.

[30]) Апокрисисъ, 134 и 135.

[31]) Акт. Запад. Рос., т. IV, № 106 стр. 145.

[32]) Тамъ же №№ 107—109.

[33]) » № 111.

[34]) » № 110.

[35]) Антиррисисъ, стр. 28 и 29, въ Акт. Запад. Рос., т. IV, стр. 148 и 149.

[36]) Акт. Виленск. Археографич. Коммис., т. VIII, №№ 13—15, изд. 1875.

[37]) Описаніе рукописнаго отдѣла Виленской публичной библіотеки П. А. Гильдебрандта, вып. 1, стр. V.

[38]) Lukaschew. 1. Band. 3, 32 и 33, рескриптъ самого Стефана Баторія, данный въ лагерѣ подъ Псковомъ 1591 г., воспрещалъ протестантамъ строить съ этого времени новыя церкви и школы,— въ Вѣстникѣ Юго-запад. Рос. 1865 г. янв., II отд., стр. 179—181, акты Виленск. Арх. ком., т. VIII, №№ 1 и 194, Апокрисисъ 147—154 Сливовъ въ Руск. Вѣстн. 1875 г. авг., стр. 731—732 и Памят. русск. стар. въ запад. губерн, стр. 38.

[39]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковно и Троккъ, №№ 91 и 96.

[40]) Въ грамотѣ Сигизмунда III, отъ 20 марта 1597 года, написанной на латинскомъ языкѣ, читаемъ: «Всѣ и каждый изъ собратій того сапожническаго братства (т. е. православные и протестанты) пусть сходятся на процессіи и торжества миссъ, учрежденныя въ извѣстныя времена, на праздникъ св. Анны, 26 іюля, и въ праздникъ святыхъ Криспина и Крискиніана 26 октября, и да изливаютъ предъ всемогущимъ Богомъ молитвы о мирѣ и благосостояніи всей державы христіанской, о приращеніи св. каѳолической вѣры, призывая на помощь св. и блаженную Дѣву Марію, св. Анну, св. мучениковъ Криспина и Крисциніана и другихъ заступниковъ братства и всѣхъ святыхъ». Весьма благосклонно и благочестиво король обязываетъ православныхъ и протестантовъ участвовать въ религіозныхъ торжествахъ и чтить святыхъ католической церкви. Также тонко, уклончиво, но весьма рѣшительно и настойчиво онъ предписываетъ: «священники католическіе имѣютъ попеченіе объ общей кружкѣ братства, наблюдаютъ и обязываются клятвою употреблять братскія деньги только на нужды своего католическаго храма и не удѣляютъ ихъ въ пользу инаго храма и чуждой религіи». Собр. грам. и актовъ городовъ: Вильно, Ковно и Троккъ, ч. 1., № 91, стр. 174 и 175. Общій домъ цеха католики стали отдавать въ наймы исключительно въ свою пользу, не спрашиваясь у братчиковъ «русскаго и нѣмецкаго набоженства», и въ короткое время надѣлали «шкоды (убытка) на тысячи злотыхъ. Противъ этой шкоды и кривды и порушенія правъ и вольностей людей религіи грецкой и нѣмецкой, тѣ и другіе горячо протестовали. Собр. древн. грам. и акт. городовъ: Вильно, Ковно и Троккъ, т. II, №№ 14, 15 и 38. Позднѣе

(въ 1629 г.) «сапожники римскаго обряда постановили, чтобы никто изъ сапожниковъ грецкой вѣры отнюдь не смѣлъ исполнять церковныхъ таинствъ и обрядовъ, даже присутствовать при богослуженіи въ схизматической церкви (православной), а только въ св. троицкой, пребывающей въ уніи съ косцеломъ». Археограф. сборн. докум. относ. къ истор. сѣверо-запад. Рос., т. X, № 35 и акты Вилен. Археограф. коммис., т. VI № 90, стр. 372.

[41]) Тогда Григоріанскій календарь разнился отъ нашего только на 10 дней.

[42]) Православные священники, говорилъ Турновскій,—люди простые, необразованные, но твердые и упорные, пускаются вообще неохотно въ разсужденія о своей вѣрѣ, протестантовъ считаютъ еретиками. Хотя съ ними нѣсколько разъ заводили рѣчь, для привлеченія ихъ на общій съѣздъ, но они на это не соглашаются. Памят. рус. стар. въ зап. губерн., стр. 53.

[43]) Посланіе это переведено на русскій языкъ и напечатано г. Гильфердингомъ.

[44]) Въ это время Мелетій патріархъ александрійскій былъ также блюстителемъ константинопольскаго престола.

[45]) Krasinski, 218—223, Памят. рус. старины въ зап. губерн., стр. 53 и 54 и собран. грамотъ и акт. городовъ: Вильно, Трокъ и Ковно т. I, стр. XLVIII.

[46]) Lukaschew. 1 Band. 80—83 и Памят. рус. стар. въ запад. губерн. 54 стр.

[47]) Фризе передаетъ, что два посланія отъ протестантскихъ богослововъ отправлены изъ Вильно къ патріархамъ константинопольскому и александрійскому 11 іюня 1599 г., но одно отвѣтное посланіе было перехвачено іезуитами, другое попало въ Польшу; а по другимъ извѣстіямъ Кириллъ Лукарисъ не передалъ его протестантамъ изъ боязни прогнѣвать короля Сигизмунда. О содержаніи посланій какъ протестантскаго, такъ и патріаршаго ничего не извѣстно. Friese, 2 Theil, 2 Band S. 252 и Памят. рус. стар. въ зап. губер., стр. 55.

[48]) Чтенія о церк. западно-рус. братствахъ М. О. Кояловича, День 1862 г. № 39, стр. 13.

[49]) Krasinski, S. 223.

[50]) Lukaschew. 1 Band 83—89, Friese, 255—268 (совершенно тоже, что и у Lukaschew.) и 279; собран. грам. и акт. городовъ: Вильно, Ковно и Трокъ т. I, стр. XLVIII.

[51]) Lukaschew. S. 89.

[52]) Акт. зап. Рос. т. IV, № 146.

[53]) Чт. о церк. о западно-рус. брат., День 1862 г., № 39 стр. 13.

[54]) Въ 1599 г. православные и протестанты, прежде чѣмъ заявили свои энергическіе протесты и окончательный разрывъ съ католиками, пробовали путемъ убѣжденій, доказательствъ и состязаній придти къ соглашенію съ противниками. Въ домѣ князя Радзивилла, въ присутствіи государственнаго канцлера Льва Сапѣги и знатныхъ кальвинистовъ: Дорогостайскаго, маршала литовскаго, князя Юрія Радзивилла, воеводы трокскаго и при многочисленномъ собраніи народа открытъ былъ публичный диспутъ. Представителемъ стороны католической былъ іезуитъ Мартинъ Смиглецкій, за свои ученые труды и краснорѣчіе пользовавшійся извѣстностію даже за границею. Во главѣ протестантской стоялъ кальвинскій проповѣдникъ Николаевскій. Пренія вращались около главенства папы и, по обыкновенію, окончились ничѣмъ: та и другая сторона остались при своемъ убѣжденіи. Вскорѣ всѣ препирательства изложены были на бумагѣ какъ Смиглецкимъ, такъ и Николаевскимъ. Сливовъ, стр. 28.

[55]) Акты Западной Россіи т. IV, № 138.

[56]) Какъ велики были силы диссидентовъ и какъ были безсильны предъ ними противники, доказываетъ слѣдующій случай. Во время бурнаго сейма въ Варшавѣ 1603 г., король, недовольный ихъ требованіями правъ гражданства, велѣлъ протянуть въ городскихъ воротахъ желѣзныя цѣпи, чтобъ сенаторы-диссиденты не могли съ войскомъ

ѣхать въ городъ: предводитель отряда союзныхъ силъ, Александръ Константиновичъ Острожскій велѣлъ разорвать цѣпи и въѣхалъ въ городъ съ отрядомъ кавалеріи. Тоже повторилось и въ другой день. Королевскія же войска тотъ и другой разъ оставались безмолвными зрителями случившагося. Сливовъ, 572.

[57]) Ревностнѣйшій поборникъ религіозной свободы, Замойскій, въ присутствіи короля и сената, сказалъ: «я отдалъ бы половину моей жизни, если бы отпадшіе отъ католической церкви добровольно возвратились въ ея нѣдра, но скорѣе пожертвовалъ бы всею моею жизнію, нежели допустилъ бы, чтобы кто нибудь былъ вынужденъ къ тому». (Krasinski, 134).

[58]) Наиболѣе энергичныя, но также безполезныя жалобы принесены были на Варшавскомъ сеймѣ 1603 г. (Памят. рус. стар. въ запад. губерн., 57).

[59]) Krasinski, S. 227—235.

[60]) Князь Василій Константиновичъ Острожскій извѣстенъ былъ заслугами предковъ и своими личными. Онъ, равно какъ отецъ и дѣдъ его, занимали видныя государственныя должности и первыя мѣста въ сенатѣ. Отецъ его, Константинъ Ивановичъ Остражскій, кромѣ должности великаго гетмана литовскаго, отправлялъ еще должности сенатора, трокскаго воеводы и виленскаго кастеллана. Воинскія доблести его были такъ велики, что изъ 33-хъ сраженій онъ проигралъ только два. Самъ Василій Константиновичъ (или Василій-Константинъ) Острожскій, долѣе полустолѣтія, — и при томъ въ самую богатую и славную эпоху польской исторіи, — былъ воеводою кіевскимъ и однимъ изъ именитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ пановъ Польши и Литвы (III т. Р. истор. Костомарова, стр. 542). Родственныя связи онъ имѣлъ со всѣми знатными княжескими фамиліями: Олельковичами, Тарновскими, Косцелецкими, Радзивиллами, Середами, Заславскими, Любомірскими, Замойскими, Ходкевичами. Родословную свою Острожскіе вели отъ Св. Владиміра, а ближе отъ Даніила Васильевича, внука Романа Володимірскаго, племянника Даніила Галицкаго. О богатствѣ князей Острожскихъ можно судить по обширности ихъ владѣній, состоявшихъ изъ 72 городовъ и мѣстечекъ и 2452 деревень, исключая многочисленныхъ духовныхъ имѣній. Ежегодные доходы Острожскихъ, кромѣ поземельныхъ оброковъ и податей съ корчемъ, лавокъ, простирались до 1, 200.000 злотыхъ...., а всего до 11 милліоновъ злотыхъ. Дворъ ихъ содержался съ царскою пышностію: однихъ придворныхъ чиновъ было у нихъ до 2000. Въ народѣ ихъ называли не иначе, какъ великими князьями. Наименованіе Острожскаго принялъ впервые упомянутый князь Даніилъ отъ наслѣдственнаго города и замка Острога. Правнукъ его Юрій Васильевичъ, получившій во владѣніе Заславль, на Волыни, былъ родоначальникомъ новой отрасли Острожскихъ — Заславльскихъ. Акты Запад. Рос. т. IV стран. 44 и у Сливова, 571 и 572.

[61]) Krasinski, 235 и 6.

[62]) Lukaschew. I. Band. S. 103—109.

[63]) Чашникъ воеводства волынскаго, Лаврентій Древинскій, по смерти князя Константина Острожскаго, въ теченіе 30 лѣтъ бывшій главнымъ патрономъ и съ 1599 г. провизоромъ южно-русскихъ православныхъ, такъ описываетъ преслѣдованія православныхъ: «со всѣхъ сторонъ поднялись на насъ грозныя тучи: козни іезуитовъ и уніатовъ, королевскія гнѣвныя грамоты, карательные судебные приговоры, полицейскія и общественныя преслѣдованія. И все зло отъ уніи: отъ нея происходятъ оскорбленія, преслѣдованія, конфискаціи, пріостановленія судебныхъ приговоровъ, лишенія чиновъ, заключенія въ темницы, казни, изгнаніе изъ отечества. Дѣло доходитъ до того, что жидъ беретъ на откупъ жизнь, достояніе и совѣсть нашу; запираютъ церкви, вырываютъ гробы православныхъ и выбрасываютъ ихъ тѣла на съѣденіе собакамъ. И все это дѣлается надъ народомъ русскимъ безпрестанно. Что день, то дальше распространяется по всему государству этотъ губительный пожаръ, начавшійся отъ малой искры. Наши враги и утѣснители постановили, чтобъ не было Руси въ Руси, чтобъ въ русской церкви не было

русской вѣры, которая однако не прежде будетъ уничтожена, какъ развѣ съ истребленіемъ всего русскаго народа» (Supplicatio или просьба Древинскаго, pag. 1—19, напечатанная въ статьѣ М. О. Кояловича «Лаврентій Древинскій». Странникъ 1861 г., т. III и Чт. о Церков. З. Рус. брат. его же. День 1862 г. № 40, стран. 12.

[64]) Krasinski, 241. S. 248—9.

[65]) Lukaschew. I. Band. 121—129, Рукоп. Львовской Ставроп. Лавры подъ заглавіемъ: «статья о диссидентахъ, вносившаяся въ генеральныя конфедераціи и въ Pacta conventa, переведенная съ польскаго на русскій языкъ въ Вѣст. юго-запад. Рос. за 1863 г., май, отд. II стр. 42 и Русск. истор. Костомарова, т. IV стр. 61, 76 и 77.

[66]) Lukaschew. I. Band. 157—162 и Krasinski, 265—268.

[67]) Lukaschew. I. Band. 163.

[68]) Исторія Рос. Соловьева т. X, стр. 346 и 347.

[69]) Тамъ же стран. 347, 355 и 356.

[70]) Такъ въ 1660 г. царскій посланникъ, на пути въ Королевецъ и Данскъ, заѣзжавшій въ Кіейданы, увѣрялъ всѣхъ, что московскій царь находится въ дружбѣ съ прускимъ курфирстомъ и Богусловомъ Радзивилломъ, и принятъ былъ въ Кіейданахъ какъ самый близкій союзникъ, угощенъ и почтенъ, какъ нельзя лучше. Археограф. сборн. докум., относящ. къ истор. сѣверо-запад. Рос. т. VIII, отд. V, № 96 стран. 380 и 381. Ковенскій воевода, поставленный отъ Москвы, также представилъ всѣ доказательства благорасположенія и уваженія его свѣтлости (князю Богуславу Радзивиллу) и его подданнымъ: дозволилъ имъ ѣздить въ Ковно съ товарами и торговать съ большими для нихъ выгодами. Съ своей стороны, въ знакъ расположенія и довѣренности къ русскому воеводѣ, кіейданскіе купцы и самъ староста Богуслава послали ему множество водокъ, птицъ и другихъ подарковъ (Тамъ же, № 97 стр. 381—383).

[71]) Археограф. сборн. докумн., относ. къ ист. сѣверо-запад. Рос. т. VIII, отд. V №№ 94, 103.

[72]) Lukaschew. I. Band. S. 173 и 174 и II. Band. S. 99, 100.

[73]) Объ этомъ и другихъ дарахъ дружбы православныхъ съ протестантами упоминалось, то кратко, то подробно, въ описаніи церквей бѣло-русскаго округа.

[74]) Lukaschew. I. Band. S. 201, 202.

[75]) Археограф. сборн. документ., отн. къ истор. сѣверо-запод. Рос. т. VIII, отд. IV, № 45 стр. 254 и 255.

[76]) Археограф. сборн. документ., отн. къ истор. с.-з. Рос. т. III, № 31 стран. 57 и 58.

[77]) Рѣшеніе вопроса объ іезуитахъ, отъ котораго зависѣло исполненіе или неисполненіе другихъ пунктовъ постановленія, предоставлено было, по настоянію короля и іезуитовъ, однимъ католикамъ, хотя диссидентовъ было значительное большинство, — 17 противъ 7. Сливовъ, 554—557.

[78]) Память о ея благочестіи и благотворительности до сихъ поръ сохраняется въ народѣ. 17 сентября, въ день памяти ея, народъ и теперь собирается ко гробу ея въ слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ и служитъ по ней панихиды. Тамъ же 550—553.

[79]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ минской губерніи изд. 1848 г. № 72, собраніе минскихъ граждан. грам. 73 и 75 и историко—статистич. описан. минск. епархіи Архимандрита Николая, стран. 29, 30 и 33.

[80]) Сливовъ, 558—565. Челобитная виленскаго православнаго Свято-Духовскаго братства, поданная князю Христофору Радзивиллу 2 марта 1616 г., въ Археогр. сборн. док., отн. къ истор. сѣверо-запад. Рос. т. VII, №№ 51 и 52, стр. 76—79.

[81]) Тамъ же, № 55.

[82]) Письмо виленскаго православнаго Свято-Духовскаго братства отъ 5 февраля 1627 г., тамъ же.

[83]) Тамъ же, №№ 57 и 58.

[84]) Письмо кіевопечерскаго митрополита Петра Могилы къ литовскому вольному гетману, князю Христофору Радзивиллу отъ 12 мая 1632 г., тамъ же, № 64.

[85]) Сливовъ, 558—565.

[86]) Археограф. сборн. док., относ. къ истор. сѣверо-запад. Россіи т. VIII, отд. IV, № 68 стр. 294 и № 74 стр. 330; т. V, № 88 стр. 370.

[87]) Тамъ же, т. VIII, №№ 83 и 84 стран. 362, 363 и 264.

[88]) „ „ №№ 81 и 82 стр. 362 и 363.

[89]) „ „ №№ 87 и 88 стр. 369—370.

[90]) „ „ № 114.

[91]) „ „ № 106 стран. 399.

[92]) „ „ Тамъ же.

[93]) „ „ № 114, Кромѣ этой послѣдней церкви, въ самомъ началѣ XVI столѣтія, была построена православная церковь въ Кіейданахъ, но послѣдующая судьба ея не извѣстна. VIII т. II отд., № 4 стр. 124 и примѣч. къ нему стран. 431.

[94]) Археограф. сборн. док., отн. къ ист. сѣверо-запад. Рос. т. VII, № 119 на французск. языкѣ и. № 123.

[95]) Тамъ же „ № 77.

[96]) „ „ № 90.

[97]) „ „ № 96.

[98]) „ „ № 96, письмо отъ 3 ноября 1863 г.

[99]) Акты Виленской Археографич. Коммис. I т. отд. I, №№ XXV и XXVI.

[100]) Археограф. сбор. документ., отн. къ истор, сѣверо-запд. Рос. т. VII, № 103, 113, 114, 115 и 117.

[101]) Тамъ же. №№ 109. и 111.

[102]) Архивъ минск. духов. консист. № 421, въ Историко-статистич. описаніи минской епархіи Арх. Николая.

[103]) Археограф. сборн. докум., относ. къ истор. сѣв.-запад. Рос. т. VII, № 109.

[104]) Тамъ же, №№ 106, 110.

[105]) „ №№ 77, 113, 114, 115, 117.

[106]) „ № 111.

[107]) Собраніе древн. грамотъ и. акт. минской губерн. № 52, на польскомъ языкѣ.

[108]) Археограф. сборн. документ., отн. къ истор. сѣв.-запад. Рос. т. VII, № 120.

[109]) Тамъ же, № 125.

[110]) Сливовъ, 571—577.

[111]) Чтен. о церковн. западно-Русск. братств., День за 1862 г., № 139 сран. 14 и 15.

[112]) Lukaschew. II. Band. S. 18.

[113]) Извлеченіе изъ архива ковенской лютеран. церкви въ Вѣст. юго-запад. Россіи 1865 г., февраля II отд., 207—211.

[114]) Тамъ же, 212—215.

[115]) Протестантская проповѣдь совершалась главнымъ образомъ на польскомъ языкѣ; протестантскія типографіи печатали преимущественно польскія книги. Вообще протестантизмъ былъ сильнымъ служебнымъ орудіемъ и однимъ изъ главныхъ проводниковъ полонизма. Пам. русск. старины въ запад. губерн., стр. 43.

[116]) Такъ для Ходкевичей, Сапѣговъ, Воловичей, Зеновичей, князей Свирскихъ, Глѣбовичей протестантизмъ былъ переходною ступенью къ католичеству. Тамъ же.

[117]) Литовскій статутъ, артикулъ XII, pag. I.

ПРИМѢЧАНІЯ

ко второму раздѣлу втораго отдѣленія.

[1]) Сказанія Курбскаго стр. 272—275.

[2]) „ „ стр. 266—271.

[3]) Gvagnini Moscoviae Descriptio у Старчевскаго I, p. 17.

[4]) Лиѳосъ Петра Магилы въ Обз. Рус. Дух. лит., Арх. Филарета Черниг. т. I, стр 270 и 271, Сливовъ 11 и 12.

[5]) О сочиненіяхъ Курбскаго см. ст. Андреева «Очеркъ дѣятекьности князя А. М. Курбскаго на защиту православія въ Литвѣ и на Волыни Прав. Обоз. 1873 г. 2 т. и 1884 г. 1 т. Посланія бывшаго Троицкаго игумена Артемія «противъ Симона Буднаго и другихъ еретиковъ», къ самому Будному, къ князю Чарторыжскому, къ царю Ивану Васильевичу и другимъ лицамъ «открыты г. Ундольскимъ и, со множествомъ другихъ рукописей, переданы имъ въ Румянцевскій музей (собр. рукописей Ундольскаго XVI—XVII, 201 л. въ 8-ку). Посланія эти—открытіе очень рѣдкое, доселѣ вовсе не извѣстное. Они разрѣшаютъ спорный вопросъ о личности Артемія съ совершенно новой стороны, представляя его не только раскаявшимся еретикомъ, но и поборникомъ православія и содержатъ много данныхъ для исторіи борьбы православія съ реформаціею въ западномъ краѣ Жрн. Мин. народ. просвѣщ. 1867 іюль, 254 и 255. Козда мы писали свое сочиненіе, мы, къ сожалѣнію, не нашли этой рукописи въ Румянцевскомъмузеѣ: по словамъ гг. библіотекарей, она находилась тогда въ Петербургѣ.

[6]) Когда наше сочиненіе приготовлено было къ печати, во 2-й книжкѣ. Чтеній въ общ. исторіи и древн. Росс. за 1879 г. появилось «обличительное списаніе противъ ученія протестантовъ, изданное А. Н. Поповымъ I, по списку 1580 г., сдѣланному священноинокомъ Іевстафіемъ — архидіакономъ въ монастырѣ супральскомъ и найденному издателемъ въ рукописяхъ Императорской публичной Библіотеки, и II., по рукописи 17 вѣка, принадлежащей лично издателю, въ которой съ незначительными варіантами помѣщены первыя семь главъ перваго списка. Вновь открытое «списаніе» ближе всего можетъ быть сопоставлено съ извѣстнымъ сборникомъ: объ иконѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей во святыхъ. За исключеніемъ трехъ противо-социніанскихъ главъ и краткихъ вставокъ и приложеній, оно трактуетъ о тѣхъ же предметахъ и въ томъ же (только болѣе членораздѣльномъ) порядкѣ, въ какомъ они изложены и въ сборникѣ, именно: (1 гл.) о поклоненіи св. иконамъ, о крестопоклоненіи, (2) о молитвѣ святыхъ и ихъ похвалѣ (4), о поминкахъ по умершимъ, (5) о правилахъ соборныхъ и апостольскихъ (7) о черничествѣ (8), о постѣхъ и мясоядѣніи (9). Противосоциніанскія главы «списанія: о церквахъ (3 г.), о десятеромъ Божіимъ приказаню, жидомъ данному (6), о сѣмени женскомъ, (еже сотретъ главу змія»; краткія вставки и приложенія въ «списаніи: о

молебнахъ и о исповѣди, о приносѣхъ и о попѣхъ и о св. причащеніи св. Таинъ, о кадилѣ и о свѣчахъ, о науце, о вѣрѣ и учинкахъ (дѣлахъ), приклад̃ъ черноческому житію о Iессеяхъ по Iосифу Флавію». Въ собственно противолютеранской части «списанія» находимъ большею частію иной подборъ библейскихъ текстовъ и свято-отеческихъ свидѣтельствъ, чѣмъ какой встрѣчаемъ въ сборникѣ; свидѣтельства не всегда отличаются историческою достовѣрностію, толкованія текстовъ нечужды иногда натянутости, но вообще доказательства вѣски и правильны. Къ сожалѣнію, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ болѣе кабинетной школьной учености, чѣмъ живой устной полемики, и сочиненіе едва ли распространено было въ читающей публикѣ; о писателѣ, времени написанія и вообще о внѣшней исторической судьбѣ сочиненія ничего не извѣстно и никакихъ данныхъ, для сужденія о практическомъ значеніи его въ дѣлѣ борьбы православныхъ съ протестантами, не сохранилось. А потому мы не входимъ въ подробный разборъ его, а замѣтимъ вообще, что это былъ одинъ изъ первыхъ опытовъ противопротестантской *систематической* полемики, краткій, сжатый, дѣльный и основательный.

7) Многословное посланіе Зиновія разсмотрѣно кратко въ Русской ц. исторіи высокопреосвященнаго Макарія т. VII, стр. 517—525.

8) Счетъ листовъ въ текстѣ веденъ опять по рукописи с.-петербургской д. академіи.

9) Когда именно написана разобранная рукопись, не видно изъ содержанія ея. Судя по обращенію, съ которымъ относятся литовцы къ Зиновію, какъ авторитету, пріобрѣтшему литературную извѣстность, — а онъ могъ пріобрѣсти ее лишь своимъ «Истины Показаніемъ», — и сравнивая нѣкоторые отдѣлы посланія (1 и 2) съ извѣстными частями (1 и 6) Показанія истины, которыя приводятся въ тѣхъ отдѣлахъ въ сокращеніи, какъ общеизвѣстныя, надо полагать, что Многословное посланіе написано послѣ Показанія истины. И если Показаніе истины появилось, какъ видно изъ 56 и 57 стр. его, въ 1566 г. за два года до смерти автора, случившейся въ 1568 г., то Многословное посланіе вышло въ свѣтъ въ этотъ краткій промежутокъ времени (между 1566 г. — 1568).

10) Посланіе находилось въ обращеніи среди тѣхъ литовцевъ и западно-руссовъ, которые просили Зиновія написать его для наставленія ихъ въ вѣрѣ, но было ли оно распространено въ другихъ областяхъ литовской Руси, было ли извѣстно на сѣверѣ Россіи, на это не сохранилось извѣстій: ни въ какихъ каталогахъ, словоряхъ и описаніяхъ рукописей не упоминается о немъ. Только въ послѣднее время въ бывшей библіотекѣ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, а нынѣ петербургской д. академіи найдены Высокопреосвященнымъ Макаріемъ два списка его.

11) Христ. Чт. 1844 г. т. II, стр. 244 въ статьѣ «о книгѣ» Православное Исповѣданіе Петра Могилы и Русская исторія Костомарова т. IV стр. 68, 73 и 81.

12) Казанье Св. Кирилла. Вильно 1596 г. стр. 10; въ Правосл. Обозр. 1861 г. іюнь, статья Еленевскаго — Мелетій Смотрицкій.

13) Geschichte des Protestantismus in der Orientalischen Kirche, im 17. Jahrhundert, oder der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit, von Pichler. S. 180—90.

14) Lucaschew. 2 Th. S. 96.

15) Прибавленія къ изданію: Творенія св. отецъ 1846 г., стр. 58 въ статьѣ: «Петръ Могила митрополитъ кіевскій».

16) Geschichte des Protest. in der Orient. Kirche, Pichler. S. 33—37, Krusii Turco-Graeciae, lib. VII.

17) Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви, сочин. свящ. Брянцева, нынѣ архимандрита Арсенія; издан. С.-Петерб. 1870 г., стр. 40 и 41 и цитировон. ст. Прав. Обозр. 1861 г., 273 и 274.

18) Тамъ же, въ первомъ сочиненіи, стр. 42, 43, 60, 63, 67—9.

19) Истор. Рус. церкви преосвящ. Филарета, арх. черниговскаго, 84—88.

20) Письмо Лукариса къ гагскому пастору Гитенбогартену отъ 23 сентября 1613 г., издан. въ Monumenta Anthenthiqu par Aymon, p. 130—164.

[21]) Цитированное сочиненіе Брянцева, стр. 51 и 113.

[22]) Тамъ же, стр. 56 и 120.

[23]) Тамъ же, стр. 92, 95, 118—121 и Прав. Обозр. 1861 г., 274 и 442.

[24]) Разборъ этихъ ересей въ апологіи Смотрицкаго занимаетъ страницы 21 и 22, 46—59, Скабалан., 60 и 61.

[25]) Мелетій Смотрицкій Еленецкаго Правосл. Обозр. 1861 г. іюнь, 291 стр.

[26]) Помимо этой коварной пропагандистической цѣли, наклонность Смотрицкаго укорять православныхъ въ протестантскомъ образѣ мыслей и вѣрованій объясняется изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ его жизни. Сынъ ректора острожской академіи и во время круглаго сиротства своего, воспитанникъ князя Константина Острожскаго, весьма даровитый и образованный, учившійся въ виленской іезуитской коллегіи и въ университетахъ: лейпцигскомъ, виттенбергскомъ и вюрцбургскомъ, Смотрицкій въ ранней юности воспиталъ въ себѣ предубѣжденіе, будто православная церковь заражена ученіемъ протестантскимъ. Когда онъ былъ публичнымъ проповѣдникомъ въ Минскѣ (какимъ Зизаній былъ въ Вильнѣ) достигъ архимандритства (въ 1620 г.) и архіепископства (въ 1621 г.), предубѣжденіе это не покидало его. Ночныя посѣщенія и собесѣдованія его съ іезуитами, за которыя онъ получилъ отъ православныхъ очень назидательный урокъ (палочный), еще болѣе развили въ немъ это предубѣжденіе дѣтства и школы. Еще до совращенія въ уніатство, страстно въ тайнѣ души преданный іезуитамъ, онъ видѣлъ и осуждалъ въ греко-россійской церкви то, что іезуиты болѣе всего ненавидѣли, — протестантство: каждое слово іерарховъ, всѣ обычаи, взгляды и сужденія христіанъ оцѣнивалъ съ своей предвзятой точки и во всемъ находилъ протестантскіе обычаи и воззрѣнія. По совращеніи въ унію (въ 1627 г.) и до самой смерти его (въ 1633 г.) предубѣжденіе это было постоянною его страстію, иллюзіею, не дававшею ему покоя ни на минуту. Цитиров. ст. въ Правосл. Обозр., стр. 111—140, 282 и 283, Обзоръ рус. дух. литер. арх. Филарета черниг. т. I, стр. 259 и выдержки изъ Полинодіи въ Литовск. церк. уніи М. О. Кояловича, т. I стр. 193 и 194. Страстное предубѣжденіе до того обуяло и ослѣпило Мелетія, что онъ и въ другихъ и въ себѣ самомъ сталъ видѣть ересь тамъ, гдѣ ея вовсе не было. Напр. онъ утверждаетъ, что Зизаній отвергалъ блаженство душъ праведныхъ и мученіе грѣшныхъ по смерти до страшнаго суда, тогда какъ Зизаній признавалъ блаженство душъ праведныхъ и мученіе грѣшныхъ, но то и другое до страшнаго суда не полное — предначинательное. Объ ортологѣ, подъ каковымъ именемъ Мелетій писалъ въ православіи, замѣчаетъ, что онъ признавалъ только два таинства, издѣвался надъ преданіемъ и утверждалъ, что всѣ грѣхи по смерти тѣла прощаются ради молитвъ церкви, а на дѣлѣ ортологъ крещенію и евхаристіи отдаетъ только преимущество предъ другими таинствами, отвергаетъ папскія лишь преданія и учитъ, что несмертные грѣхи, по отшествіи души изъ этого міра, прощаются ради молитвъ церкви и подъ условіемъ, если человѣкъ умеръ въ покаяніи. Мелетій Смотрицкій, Прав. Обозр. 1861 г. іюнь 425—29.

[27]) Изслѣдов. объ Апокрисисѣ Скабалановича, стр. 134—7 Цитирован. статьи Христ. чт. стр. 237, 238 и 244 и 5. Приб. къ твор. св. отецъ стр. 59, 60 и 65.

[28]) Дѣян. соб. гл. V pag., 395—423. Приб. къ тв. св. отецъ 1872 г. с. 609.

[29]) Замѣчательно постановленіе іерусалимскаго собора 1672: «никто никогда не слыхалъ Кирилла публично или частно проповѣдующимъ то ученіе, которое излагается въ извѣстныхъ подъ его именемъ главахъ или исповѣданіи. Богоносные отцы имѣютъ собственноручную большую книгу проповѣдей Кирилла, которыя онъ говорилъ въ Константинополѣ въ воскресные и праздничные дни и въ которыхъ отнюдь нѣтъ такого ученія». Въ доказательство приводятся отрывки изъ проповѣдей, направленные противъ основоположеній протестантскаго ученія, отличающихъ его отъ православнаго. Дѣян. соб., гл. I. по издан. Киммеля, р. 339—475.

[30]) Предисловіе къ православному исповѣданію Петра Могилы.

[31]) Разница между полнымъ и сокращеннымъ Исповѣданіемъ Петра Могилы состоитъ въ томъ, что въ сокращенномъ отвѣты изложены короче, а главное, что въ немъ недостаетъ вопросовъ: о всеобщности грѣха первороднаго, о предопредѣленіи, свободѣ, происхожденіи души, различіи предопредѣленія, предвѣдѣнія и промысла, о частномъ судѣ, о степеняхъ блаженства и мученій въ будущей жизни, о среднемъ состояніи между спасаемыми и погибающими, о молитвѣ за умершихъ, о чистилищѣ, о мѣстопребываніи блаженныхъ и осужденныхъ, каковые вопросы обстоятельно изложены въ полномъ Православномъ Исповѣданіи, ч. I вопросы: 24, 26, 27, 28, 61—68. Авторъ статьи: «Петръ Могила митрополитъ кіевскій" думаетъ, что вопросы эти исключены потому, что отвѣты на нихъ подверглись пререканіямъ на соборѣ, или ихъ вовсе не доставало въ представленномъ на соборъ «Изложеніи», и потому оно дополнено Мелетіемъ Сиригомъ (Приб. къ твор. св. отецъ, стр. 64).

[32]) Krasinski. S. 362.

[33]) Hoffmann, Historia Catechismi Russorum, парагр. 8. 1751 г., Цитирован. стат. Христ. чт., стр. 264.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ третьему раздѣлу втораго отдѣленія.

[1]) Чтобъ яснѣе представлять себѣ преобразованіе братствъ, не лишне сопоставить его съ первоначальнымъ устройствомъ ихъ: тѣмъ болѣе, что мнѣнія о первоначальной судьбѣ братствъ чрезвычайно разнорѣчивы. Братства возникли задолго до реформаціи. Въ Львовѣ при Успенской церкви братство появилось въ 1453 году, а по инымъ въ 1439 г. (чт. о церковныхъ братствахъ Коллиовича, День 1862 г., № 37 стр. 12) и даже въ 1250 г. (Львовское Ставропигіальное братство Я. Ѳ. Головацкаго, въ Вѣст. юго-запад. и запад. Рос. 1864 г. іюнь, отд. II стр. 105). Въ Вильнѣ Кушнерское братство основано цехомъ торговцевъ мѣхами и кожами въ 1458 г., «Панское», состоявшее изъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, и «купецкое — кожемяцкое» — въ концѣ 15 вѣка. (Собр. грам. и акт. гг. Вильно, Ковно и Трокъ, ч. II, № 16 и 17 А. 10 и З. Р. I № 102). Представляя собою явленіе общее всѣмъ областямъ русскимъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ, братства или братчины возникли, по нашему мнѣнію, изъ общиннаго начала, служившаго главнымъ основаніемъ общественной жизни всего русскаго народа, но съ особенною силою развились на юго-западѣ Россіи, съ одной стороны благодаря Магдебургскому праву и цѣховому устройству въ здѣшнихъ городахъ, представлявшимъ изъ себя наивысшую форму общиннаго быта, а съ другой вслѣдствіе того исключительнаго историческаго обстоятельства, что внѣшнее насиліе не только подавляло общинный бытъ, но и самыя вѣрованія народа и невольно побуждало послѣдній сплотить лучшія духовныя силы въ общественный союзъ, для отпора насилію. И древнѣйшій уставъ братствъ состоялъ частію изъ устава ремесленнаго, цеховаго, частію изъ статей церковно-общественнаго содержанія, предписывавшихъ пріятное и легкое соединеніе благодушнаго веселья съ пользами Божія храма и заботливостію объ убогихъ: въ большіе праздники члены братства сходились въ свой братскій домъ, дѣлали складчину, покупали и варили медъ и что за три дня не успѣвали выпить, то распродавали безъ платежа пошлинъ и вырученныя деньги употребляли на служителей церкви, а иногда на госпитали, которые, впрочемъ, находились не у всякаго братства, воскъ же отдавали на церковныя свѣчи. Для распоряженія деньгами братства и благочиніемъ въ собраніяхъ, избирались изъ членовъ братства старшины. Въ случаѣ ссоры между братчиками и тяжкихъ преступленій, ихъ судили старшины, а иногда все братство. И этому самосуду братства подчинялись лица знатныя, духовные и „гости иныхъ вѣръ“, которые приглашались или вкупались попить меду братскаго и раздѣлить братскую бесѣду. Въ случаѣ смерти брата, всѣ вписавшіеся въ братство, на погребеніе его, давали бархатъ и братскія свѣчи и провожали его тѣло (описанныя братства назывались медовыми). Въ концѣ XVI вѣка кругъ

дѣятельности, правъ и обязанностей братствъ значительно расширился, самое число ихъ чрезвычайно увеличилось, такъ что своею сѣтью они покрыли всю Литву и Западную Россію, и всѣ они вступили въ новую совершеннѣйшую фазу развитія. Теперь, когда отъ происковъ и насилія иновѣровъ ряды защитниковъ православія сильно порѣдѣли, не время было думать о пирахъ и веселіи, о мирной бесѣдѣ съ гостьми иныхъ вѣръ; вмѣсто такихъ пировъ, вводятся чтенія священныхъ книгъ и православныя размышленія въ братскихъ собраніяхъ. По обстоятельствамъ времени, всѣ братства тѣснѣе группируются около своихъ церквей и монастырей и, обновивъ и благоустроивъ храмы, открываютъ въ нихъ неопустительное, благочинное богослуженіе съ постоянною по праздникамъ проповѣдію, которое было бы образцомъ для всѣхъ другихъ православныхъ церквей и представляло бы видимое превосходство предъ иновѣрческимъ богослуженіемъ; возлѣ храмовъ устрояютъ рядъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій: школы разныхъ степеней, типографіи, богадѣльни, странноприимныя, пріюты для сиротъ малолѣтнихъ, обширнѣйшіе гошпитали. Всѣмъ разорившимся и обѣднѣвшимъ, больнымъ и увѣчнымъ, вдовамъ и сиротамъ, странникамъ и многосемейнымъ давалось щедрое вспомоществованіе отъ братствъ, внѣ общихъ пріютовъ бѣдности и немощи. Въ день Рождества Христова и Св. Пасхи разносилась милостыня по всѣмъ тюрьмамъ, богодѣльнямъ и улицамъ города, и въ каждую церковь городскую посылались денежныя приношенія. При всей щедрости вещественной благотворительности, главною задачею своею преобразованныя братства поставляли удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ церкви: распространеніе просвѣщенія, приготовленіе способныхъ учителей вѣры и благочестія, защиту православія отъ иновѣрцевъ, ходатайство за напутствуемыхъ на судѣ. Съ развитіемъ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, широко развился самосудъ и самоуправленіе братствъ: послѣ увѣщаній, обличеній и штрафовъ, они отлучали отъ церкви не только преступника, но и епископа, если бы онъ разрѣшилъ отлученнаго. (Уставъ львовскаго братства, данный патріархомъ Іоакимомъ, и грамота патріарха Іереміи въ изд. Врем. Коммис. при Кіев. губ. т. III, отд. I. ст. 114, 37 — 45, А. З. Р. т. IV. № 33, 88 и 95). Для большаго удобства своей внутренней плодотворной дѣятельности и для охраненія внѣшняго своего положенія, братства вступали въ союзъ между собою и патронами церквей, давали одно другому наставниковъ и книги, напр. львовское — виленскому. Опредѣленный строгій уставъ и благословеніе церковное упрочивали ихъ внутреннее благоустройство, королевскія грамоты, предоставлявшія имъ разныя права и привилегіи, гарантировали ихъ юридическое положеніе (А. З. Р. т. V, № 28, 32 и 218. Подробнѣе см. о братствахъ IX т. ист. Высокопреосвящ. Макарія стр. 32 — 35, 258 — 262, 416—419, 469 — 470, 509 — 510.

²) Памят. Кіев. Ком. т. II отд. I и Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. Іюнь.

³) Собор. древн. акт. и грам. городовъ Минской губ. № 139, стран. 299 и 300 и Львовское Ставропиг. Братство, статья А. Ѳ. Головацкаго, составл. по братской лѣтописи, въ В. Ю-З. и З. Рос. 1864 г. Іюнь II Отд., стр. 107.

⁴) Для обстоятельнаго объясненія дѣла, необходимо очертить кратко первоначальную исторію галицкой митрополіи и исторію ея гоненій въ данное время. Съ конца 13-го до начала 15 вѣка, галицко-русская область составляла особую митрополію отдѣльную отъ кіевской митрополіи; за тѣмъ, по утратѣ самостоятельности, считалась только другою столицею Кіевской митрополіи). (Ак. Зап. Рос. т. III, № 54 прим. Во 2-й половинѣ 15 вѣка ею управляли подручные кіевскому митрополиту львовскіе старосты, но не сами непосредственно, а чрезъ приставниковъ къ митрополичьимъ имѣніямъ,— русскихъ шляхтичей. Въ уѣзды: галицкій, коломыйскій, мятинскій, каменецкій, рогатинскій и жидячнскій, которые не составляли особой діоцезіи и не подлежали никакому епископу, полновластный львовскій староста сажалъ въ каждый своего особаго намѣстника или изъ духовенства, или же большею частію изъ православнаго рыцарства. Подъ

тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что галицкая епархія управлялась дурно и большею частію лицами, не имѣющими на то законнаго права, и что епархія эта во время Флорентійской унія соединялась съ римскою церковію, львовскій латинскій арцибискупъ присвоилъ ее подъ свою иерархическую власть. Но послѣ долголѣтней упорной борьбы съ нимъ православныхъ, Сигизмундъ I-й «привелейною» грамотою отъ 1539 г. учредилъ, самостоятельную православную епархію въ галицкой Руси и Подоліи, подчинивъ ее снова вѣдѣнію кіевскаго православнаго митрополита. (Supplim. ad histor. Russiae monumenta t. 1, p. 149.) Но львовскій арцибискупъ не хотѣлъ отказаться отъ своего владычества надъ русскими и они подвергалися жестокимъ гоненіямъ: церкви ихъ печатали или отдавали жидамъ на откупъ, колокольни запирали, кресты св. рубили, говѣющимъ не давали причаститься св. Таинъ, «священослужителей, при самомъ совершеніи Св. Таинъ, какъ нѣкіихъ злочинцевъ", хватали и сажали въ тюрьмы, мірскихъ людей выгоняли изъ церкви; „такихъ гвалтовъ и насилій, говоритъ жалоба ихъ, не дѣлаютъ и подъ поганскими царьми". Гоненія, въ самомъ дѣлѣ, ужасающія. Но все это въ неменьшій мѣрѣ терпѣли и другія православныя области литовско-польской Руси Но тѣ терпѣли больше безмолвно, не смѣя возвысить свой голосъ и не зная предъ кѣмъ склонить страдальческую свою голову; Галиція же, какъ непосредственная часть кіевской митрополіи, прежде другихъ (въ 1585 году) заявляетъ энергическій протестъ, приноситъ горькую жалобу первосвятителю и получаетъ отъ него защиту и охрану. (Посланіе галицко-русскихъ православныхъ къ Кіевскому митрополиту Онисифору съ жалобою на преслѣдованія ихъ католиками, изуитами и жидами. Вѣст. Юг. Рос. 1865 г. сентябрь отд. 1 стр. 89 и Явка львовскаго епископа Гедеона и галицкихъ дворянъ о нападеніи католическаго духовенства на православные монастыри и церкви. Тамъ же стр. 71—76.

[5]) Lukaschew. II. B. G.

[6]) Акт. Зап. Рос. т. IV, стр. 88—30. Руская исторія Костомарова т. III. стр. 544 и 351, Антиррис. стр. 4—9, и изслѣдованіе объ Апокрисисѣ г. Скабалановича стр. 157.

[7]) Акт. Зап. Рос. т. IV, стр. 201 и цитированная статья. г. Головацкаго стр. 110.

[8]) О виленскомъ братствѣ М. О. Кояловичъ дѣлаетъ грустное замѣчаніе, что ему грозила даже опасность перейти въ протестантство. Объ остальныхъ братствахъ, хотя онъ, по собственному его сознанію, мало обращаетъ вниманія на чужеземныя привнесенныя въ нихъ формы, замѣчаетъ, что эти формы имѣли свое историческое значеніе и что эти чужеземныя заимствованія не такого свойства, чтобъ они не годились для православныхъ. Чт. о церк. Зап. Р. брат. День 1868 г. № 39, стр. 14 и 15.

[9]) Сходство это само собою открывается изъ сопоставленія обширной общественной благотворительности братства съ такою же благотворительностію реформатскихъ общинъ, извѣстною намъ изъ исторіи протестантскихъ церквей, — и братскихъ совѣтовъ и ходатайствъ по дѣламъ судебнымъ съ ходатайствами за обиженныхъ и нанутствуемыхъ, какія мы видѣли въ соединенныхъ реформатско-чешскихъ обществахъ. О главныхъ пунктахъ параллелизма въ церковной дисциплинѣ и управленіи скоро будетъ особая рѣчь. Уст. Львовскаго братства въ Вѣст. Юг. З. Рос. 1863 г. март. отд. II, стр. 157—161, Собран. грам. и акт. минской губ. № 139, стр. 302—307 и Памятн. Кіевск. Времен. Коммисіи т. III, стр. 1--24, 37—45.

[10]) Ак. З. Р. т. IV стр. 201.

[11]) Изъ опредѣленія виленскаго собора, бывшаго при митрополитѣ Михаилѣ Салтанѣ, видно, что патроны нерѣдко отнимали церкви у священниковъ безъ суда и вѣдома святительскаго и лишь тогда, когда церковь болѣе трехъ мѣсяцевъ оставалась въ небреженіи и безъ священника, епископъ могъ назначить священника. Часто также случалось, что патроны отнимали у церквей деньги и земли. (Опис. Софійскаго собора прилож. № 10, Акт. Историч. ст. I № 289. В. Юг. Зап. и Зап. Р. 1862 г. октябрь от. II стр. 13., Ак. Зап. Р. т. I №№ 118, 166, 174 и т. IV № 10). Спорный воп-

росъ объ историческомъ происхожденіи патронатства всего лучше, по нашему мнѣнію, разсматривать въ связи съ феодальнымъ правомъ западной Европы. Безконтрольные властелины надъ населеніемъ въ своихъ феодахъ, полновластные участники въ совѣтѣ князя, патроны-феодалы еще въ половинѣ XV столѣтія, при короляхъ Александрѣ и Казимірѣ, получали право наслѣдственно благоустроять монастыри и церкви приходскія и владѣть ими и ихъ обитателями. Но до послѣдней четверти 16 столѣтія власть ихъ, по отношенію къ церквамъ, была внѣшняя, съ этого-жъ времени они вмѣстѣ съ братствами, или лучше по уполномочію отъ братствъ, вмѣшиваются и во внутреннія дѣла церкви. (Ак. Зап. Рос. т. III. №№ 118, 140 и 141, т. IV, № 10.

12) Krasinski, S. 285.

13) Устав. Львовскаго брат. въ Памятн. Врем. Ком. при Кіевск. Ген.-губ. т. III отд. I, стр. 15, 16, 17 и 20, въ Вѣст. Юг. зап. и Зап. Рос. 1863 г. мартъ, II отд. стр. 161 и въ Памят. Русск. старины въ зап. г. Батюшк. 46 (вездѣ уставъ совершенно одинаковый Ак. Зап. Рос. т. IV, стр. 41). Братства ограничивали не только духовную, но и имущественную власть своихъ владыкъ. Такъ мѣщане пинскаго братства, имѣвшіе дома на церковной землѣ пинскаго епископа и находившіеся подъ его властію и присудомъ, били челомъ королю Сигизмунду III-му въ 1589 году, чтобъ онъ «освободилъ всѣ недвижимыя имущества ихъ и людей ихъ отъ толокъ, колядъ, ральцу рѣзничаго, помѣрнаго, и отъ всѣхъ другихъ повинностей епископскихъ, чтобъ владыки пинскіе и на будущее время не брали съ нихъ никакой подати, исключая пошлинъ по духовному суду, и чтобъ взамѣнъ того епископу ежегодно платили по 4 копы литовскихъ грошей. «Король. съ ласки своей господарской, учинилъ все по челобитной мѣщанъ». Ак. З. Р. т. IV, № 11.

14) Krasinski, S. 285 и 286.

15) Акт. Зап. Рос. т. IV, № 33, Собран. грам. и акт. минской губ. № 139, стр. 302—306 и Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. 1849 г. апрѣль, стр. 18, май, стр. 66 и 67.

16) Апокрисисъ Кіевск. изд. Арх. сб. док. отд. къ ист. С. З. К. т. II, № 32, стр. 79 и Об. Русск. Д. Лит., стр. 229 и 230. Могущественные патроны и братства дерзали нарушать постановленія соборовъ, и въ такомъ случаѣ всѣ духовные должны были съѣзжаться на свой счетъ къ митрополиту и его епископу и просить государя, чтобъ опредѣленія собора были охраняемы его верховною властію. Ак. З. Рос. т. I, №№ 118, 166, 174 и Опис. Кіево-Софійскаго соб. прил. № 10, Ак. истор. ст. I, № 289.

17) Krasinski, S. 286.

18) Еще въ 1511 году вслѣдствіе настойчивой просьбы мѣщанъ, митрополитъ Іосифъ II Солтанъ предоставилъ имъ право избирать кандидатовъ на праздное священническое мѣсто и присылать ихъ къ нему для рукоположенія, въ случаѣ неодобрительнаго поведенія священника, извѣщать митрополита, для наряженія надъ виновнымъ суда и слѣдствія, и наконецъ имѣть контроль надъ церковнымъ имуществомъ и, при осмотрѣ напримѣръ церквей митрополичьимъ намѣстникомъ, присылать отъ себя двухъ или трехъ представителей, которые бы вмѣстѣ съ намѣстникомъ составляли опись церковнаго имущества и вносили ее потомъ въ магистратскія книги. Арх. сборн. док. С. З. Руси т. VI, №№ 28 и 37 и Пам. Рус. стар. въ З. г., изд. Батюшк. вып. V, стр. 29.

19) Замѣчательно, что первые братчики, овладѣвшіе столь обширными правами по управленію церковному, не только держались протестантскихъ взглядовъ на церковное управленіе, но заражены были и нѣкоторыми догматическими воззрѣніями лютеранъ, напр. отвергали св. иконы. Supplimenta ad historica Russiae monumenta t. IV № 182—184.

Не лишне выставить на видъ, что сами притѣснители и гонители православной церкви — короли и ихъ клевреты, такъ или иначе попирая права православныхъ епископовъ и тѣмъ подавая мірянамъ и братствамъ соблазнительный примѣръ къ присвоенію излишней власти надъ іерархіею, дѣйствовали большею частію въ духѣ протестантства.

Считая монастыри своею собственностію, пожизненнымъ владѣніемъ и получая отъ нихъ доходы, жалованье, а не съ податей подданныхъ, (Бандке истор. Польск. государ. т. II, стр. 8) короли назначали къ нимъ настоятелей (или сами непосредственно, или по просьбѣ народа, князей и вельможъ. Опис. Кіево-Соф. собора, прибавленіе № 12, Ак. Зап. Р. т. I, № 140 и 141, т. II, № 144 и 145, т. IV, № 155), отдавали ихъ во владѣніе нерѣдко женатымъ священникамъ (Ак. Зап. Р. т. III, № 94 и 98) и даже лицамъ. не принадлежащимъ къ духовному званію: намѣстникамъ городовъ, королевскимъ чиновникамъ, воеводамъ, подскарбіямъ, земскимъ старостамъ, жолнерамъ и мѣщанамъ (Памятн. Рус. стар. въ зап. губ. т. IV, 40 и 41, Ак. Зап. Рос. т. III, № 94 и 98. т. II, № 144 и 145, Вѣст. Юг. Зап. Рос. 1865 г. сентябрь, I отд., 90 стр., Ак. Зап. Рос. т. IV, № 25). Шляхта и магнаты, вмѣстѣ съ королевскою грамотою на владѣніе монастыремъ, получали отъ короля «право суда и расправы надъ попами, чернецами и черницами и всѣмъ станомъ духовнымъ» (Ак. З. Рос. т. III. № 29), и, по обычаю, право превращали въ произволъ: сажали священниковъ въ тюрьмы, сѣкли розгами и плетьми, расторгали церковные браки и т. д. (Ак. Зап. Рос. № 230 и т. III. № 22. 46, Морошев. 170 — 179, 208 стр.). Но замѣчательно, что большая часть злоупотребленій и вмѣшательствъ въ духовную расправу падаетъ на эпоху господства протестантизма въ странѣ, на царствованіе Сигизмунда I-го и особенно Сигизмунда Августа. а не на время наибольшаго развитія въ ней произвола и самоуправства, и съ тѣхъ поръ они становятся завѣтомъ преданія для послѣдующихъ временъ. Достойно также вниманія, что супруга Сигизмунда I-го, лютеранка Бона несравненно болѣе самого короля властвовала въ монастыряхъ и епископіяхъ, назначая въ настоятели и епископы людей большею частію разгульныхъ и развращенныхъ и имѣя въ виду упразднить въ нихъ монашескій характеръ. Вообще, въ первоначальномъ своемъ происхожденіи, посягательство на права высшей духовной власти не столько было дѣломъ королевскаго и магнатскаго произвола и личныхъ корыстныхъ интересовъ, сколько вытекало изъ духа новаго ученія, пользовавшагося въ то время такимъ уваженіемъ народа, какимъ никогда болѣе, получившаго силу обычая, закона: оно совершалось во имя того принципа, что свѣтская власть равноправна съ духовною, что монастырями и ихъ бенефиціями она въ правѣ распоряжаться, какъ государственною и общественною собственностію, что она властна судить духовныхъ на равнѣ со всѣми другими міряинами, считая первыхъ носителями и тѣхъ правъ и обязанностей, которыми обладаетъ каждый изъ ея подчиненныхъ, что она вправѣ даже расторгать церковные браки, которые составляютъ для нея одну гражданскую общественную сдѣлку. Во имя новаго и моднаго этого принципа, сдѣлавшагося. можно сказать, нравственно-соціальнымъ кодексомъ, общественное сознаніе мирилось, сживалось со всѣми злоупотребленіями властелиновъ.

20) Ак. Зап. Рос. т. III, № 140 и 147 и Нач. унія Зубрицкаго въ Чтен. объ Истор. и древ. Рос. № 7, 1848 года.

21) Іезуитская интрига поссорила Балобана съ братствомъ, а ученая и издательская дѣятельность, совершавшаяся подъ руководствомъ протестантскихъ ученыхъ, примирила поссорившихся: Гедеонъ исправлялъ церковныя книги, писалъ предисловія, послѣсловія, а братство издавало ихъ; единство труда и интереса, поглотившаго все вниманіе и заботы ихъ, мало по малу сблизило ихъ между собою. Чт. о церк. Зап. Р. братствахъ М. О. Кояловича въ Днѣ за 1862 г., № 38, стр. 11.

22) Прослѣдивъ начало возникновенія и постепенное развитіе братствъ, насколько все это имѣетъ отношеніе къ нашему вопросу, нельзя не упомянуть и о послѣдней ихъ судьбѣ. Львовское братство, по географическому своему положенію, удаленное отъ остальной западной Россіи, не имѣвшее для нея за собою силы историческихъ преданій, не имѣло такого важнаго значенія для западно-русскаго православія, какое пріобрѣло виленское троицкое братство. Славная эта роль перешла къ виленскому братству не

потому только, что она находилась въ средоточіи литовскаго латинства, іезуитизма, уніи, но и потому, что оно было въ центрѣ протестантской образованности страны. Виленское братство достойно исполняло свою задачу только полвѣка, до 1633 г.: когда оно вполнѣ окрѣпло, возмужало, вдругъ же ослабло и пало. На смѣну его являются младшія братства и впереди всѣхъ выступаетъ кіевское. Кіевское получило первенствующее значеніе потому, что вмѣстѣ съ средоточіемъ матеріальныхъ силъ въ юго-западномъ казачествѣ, туда же, на юго-западъ Россіи и ея историческій центръ—Кіевъ, совершился отливъ моральныхъ и интеллектуальныхъ ея силъ. Но другія братства въ концѣ 17 и началѣ 18 вѣка сошли съ исторической сцены: нѣкоторыя изъ нихъ приняли унію, а иныя изнемогли, обезсилѣли въ неравной борьбѣ. Съ присоединеніемъ же западныхъ областей къ общему составу Россійской имперіи и съ принятіемъ ихъ церквей подъ оффиціальное покровительство правительства, братства потеряли прежнее свое значеніе: теперь имъ не было нужды усиленно напрягать свои нравственныя силы и они должны были значительно съузить кругъ дѣятельности.

23) Исторія Польской Литературы Людвига Кондратовича въ переводѣ съ польскаго языка Кузьминскаго т. I, стр. 165—187, 190 и 191, т. II, 236 стр.

24) Тамъ же т. I, стр. 200 и 201 и т. II, стр. 236 и 237.

25) Краковская академія, въ числѣ семи своихъ бурсъ, имѣла бурсу для профессоровъ и студентовъ литовской Руси. Тамъ же I т., 165 стр. и II т., 236 и Обз. Русск. Дух. Лит. Арх. Филарета Черн. т. I, стр. 278 и 279.

26) Но потомъ, по причинѣ крайней запальчивости борьбы и усиленія политическихъ неурядицъ, наука постепенно падала, мертвѣла и къ концу 17 вѣка отъ нея остался одинъ остовъ, пустоцвѣтъ: не зная никакой сдержки и приличія, споры и пренія привели къ вольномыслію, глумленію, кощунству и, расширяя до излишества кругъ политической свободы, бросили въ народъ ядро раздоровъ и несогласій, дошедшихъ до междоусобной войны партій, сословій и всего государства. Истор. Польск. Лит. Кондратовича т. I, стр. XIV и XV и т. II, стр. 104—108, 449, 450, 458 и 459.

27) Тамъ же т. I, стр. 194 и 195, 198 и т. II, стр. 224 и 225. Преподаватели и воспитатели лютеранскихъ школъ носили большею частію греческіе и латинскіе титулы: протосхолярха, схолярха, ректора, визитатора. Въ начальныхъ школахъ преподавателями были пасторы. Въ этихъ послѣднихъ школахъ обучали: чтенію, письму, пѣнію и первымъ основаніямъ наукъ. Первоначально училища эти появились въ Ливоніи, а отсюда распространились по многимъ городамъ и городкамъ Литвы. Многія изъ нихъ были чисто нѣмецкія, напр. во Вшовѣ, Равичѣ, Лешнѣ, Здунахъ, Медзыржичѣ, Медзыхорзѣ, Шлехтиговѣ. Тамъ же II т., 224 стран.

28) Lucaschew. I Th. S. 103, 111, 112, 130, 161, II Th. S. 103 — 116, Krasinski 300, 301, Истор. Польск. Лит. т. I, стр. 202, 373 и 374, 378 и 379, 501 и 502, 514 и 518 и т. II, стр. 224, 438, 108, 109, 117. Іезуиты въ Литвѣ Сливова, въ Русск. Вѣстн. за 1875 г. іюнь стр. 13 и 14.

29) Krasinski S. 318 и 319 и Истор. Пол. лит. Кондрат. т. I, стр. 204 и т. II, 239 стр.

30) Ист. Пол. Лит. Кондр. т. II, стр. 14 и 15, 18—20.

31) Арх. сборн. док., отн. къ ист. С. З. Руси т. VII, № 55, стр. 82, 83. Нѣкоторые русскіе юноши получали воспитаніе не только въ протестантскихъ школахъ, но и при дворахъ протестантскихъ вельможъ, которые служили для нихъ наилучшею школою и вмѣстѣ первою ступенью къ общественной дѣятельности. Такъ митрополитъ кіевскій Іовъ Борецкій, въ мірѣ бывшій женатымъ и имѣвшій двухъ сыновей, старшаго изъ нихъ Степана и съ нимъ молодаго запорожца «Михайлу Бѣлаша» отдалъ для воспитанія во дворъ князя Христофора Христофоровича Радзивилла (въ 1629 году), чтобъ они «подъ княжескимъ окомъ и криломъ» могли научиться всему необходимому для ихъ будущей свѣтской карьеры Арх. обор. док., относящ. къ ист. С. З. Руси т. VII, № 61.

[32]) Акт. Запад. Рос. т. III, № 157, т. IV, №№ 18 и 24 и Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1867 февраль, стр. 183 и 184.

[33]) А. З. Р. т. IV, № 149, стр. 206.

[34]) Но не могла-ли католическая, латинская наука служить посредствующею связью между нашею русскою и древне-классическою образованностію? У католиковъ Польши и Литвы, какъ и вездѣ, существовало странное предубѣжденіе противъ греческаго языка, какъ источника всѣхъ ересей. Въ краковской академіи въ данное время онъ вовсе не преподавался, въ іезуитскихъ коллегіяхъ только начинали вводить его и то потому, что онъ нуженъ былъ для полемики съ протестантами, которые въ своихъ спорахъ съ католиками постоянно ссылались на греческій подлинный текстъ св. Писанія; но ему отведено было едва ли не послѣднее мѣсто въ учебной системѣ, гегемонія же принадлежала одному латинскому. Да и самая латинь въ католическихъ школахъ процвѣтала не древняя, классическая, а грубая, варварская, искаженная полонизмами и мѣстными нарѣчіями и представлявшая лишь извращеніе языка золотаго вѣка латинской литературы. Въ самыхъ латинскихъ школахъ стремленіе къ изученію древнихъ латинскихъ классиковъ пробудилъ протестантизмъ и, только при его просвѣщенномъ содѣйствіи, исправилась впослѣдствіи и приблизилась къ своему образцу эта польская латинь, получивъ отъ Цицерона и Виргилія изящность и пріятность, отъ Гомера и Димосѳена силу и энергію. Итакъ, католическая школа и наука, чуждая истиннаго духа классической образованности, не могла быть посредницею, при усвоеніи южно-русскими школами греческаго классическаго направленія. Такою посредницею могла быть и была протестантская образованность. Ист. Пол. Лит. Кондр. т. I, стр. 220 и 240.

[35]) Православ. Собесѣд. за 1858 г. т. I, въ статьѣ «князь Константинъ Острожскій» стр. 365—392, 536—567.

[36]) Lukuschew. 2 Th. S. 103--117.

[37]) Dzieie y Prava (Kosc. Polsk. Ostrowskie gow Warszawie 1793 г. т. III, стр. 421 и 423). Эти профессоры-протестанты недолго однако занимали каѳедры въ православной академіи: «по просьбѣ богомудраго князя, святѣйшій патріархъ Константинопольскій часто и часто его навѣжалъ и дидаскалы мудрыми облагалъ, къ размноженію наукъ вѣры православной». Вѣст. Запад. Р. за 1869 г. кн. 7, отд. II, стр. 8, 9, 13, 21 и Русская истор. Костомарова т. III, стр. 544.

[38]) Въ пасторатскихъ училищахъ питомцы съ ранняго утра до позднаго вечера проводили время въ молитвѣ, чтеніи слова Божія, научныхъ занятіяхъ (какихъ не извѣстно), музыкальныхъ упражненіяхъ и физическихъ трудахъ. Krasinski S. 292.

[39]) Lukaszew. 2 Th. S. 103—117. Уст. Луцкой школы §§ 11 и 12, въ Памятникахъ изд. Врем. Ком. при Кіевск. Генер.-губ. стран. 83 — 116, Археографич. сбор. докум., относящ. къ ист. Сѣв. Зап. Рос. т. IV, Отд. III, № 14, стр. 136 и 145.

[40]) Я. Ѳ. Головацкій доказываетъ, что дѣйствовавшій въ острожской академіи уставъ луцкой школы составленъ не Кирилломъ Лукарисомъ, а списанъ имъ, съ небольшими сокращеніями и перифразами, съ устава львовской братской школы, «начертаннаго въ 1586 г., по благословенію антіохійскаго патріарха Іоакима, избранными мужами города Львова». Вѣст. Юг. Зап. и Зап. Рос. за 1863 г., кн. IX, отд. I, стр. 58—65. Положимъ, что и такъ, но какъ все это понимать? Извѣстно, что львовская школа устроена по образцу острожской, слѣдовательно и уставъ ея былъ воспроизведеніемъ здѣшняго педагогическаго строя, установившагося преимущественно по образцу протестантскихъ школъ. Стало быть Кириллъ въ своемъ львовскомъ уставѣ для луцкой школы воспроизводилъ то, что изъ установившейся при немъ практики острожской школы перешло въ львовскую. Во всякомъ случаѣ вліяніе протестантской педагогики на нашу школу нисколько этимъ не оспаривается; въ ней несомнѣнно практиковался уставъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ львовскаго или луцкаго; а разборъ этого устава

самого по себѣ, безъ отношенія къ другимъ южно-русскимъ школамъ, сейчасъ покажетъ намъ, что въ немъ многое взято изъ протестантскихъ школъ. Что же касается до измѣненія устава въ позднѣйшей редакціи Лукариса, то измѣненія эти, какъ доказываетъ г. Головацкій, слишкомъ незначительны и сходство учебнаго плана и воспитательнаго строя въ этой новой редакціи устава съ постановкою учебно-воспитательнаго дѣла въ лучшихъ протестантскихъ школахъ осталось ни мало не поврежденнымъ.

[11]) Устав. Львовск. школ. 12 артикулъ, извѣстія о виленской школѣ въ Ак. Зап. Рос. т. IV, № 149, о пинской въ Собр. древн. грам. и акт. минской губ. № 164 и о могилевской въ Арх. сборн. докум., относ. къ ист. С. З. Рос. т. II, № 22, стр. 21.

[12]) Грамота короля Владислава отъ 3-го марта 1633 года въ Сборн. древн. грам. и акт. минской губ. № 164.

[13]) Тамъ же.

[14]) Грамота Сигизмунда III-го въ Арх. сборн. док., относящихся къ ист. С. З. Рос. т. II, № 22, стр. 46.

[15]) Уставъ Львовск. школ. 12 артикулъ.

[16]) Тамъ же и Арх. сборн. докум., относ. къ ист. С. З. Р. т. II, № 22, стр. 46.

[17]) Вѣстн. Юг.-Запад. и Запад. Рос. за 1863 г. кн. IX, отдѣл. I, стран. 58—65, статья Я. Ѳ. Головацкаго о Львовской школѣ.

[18]) И ея книги всюду брались на расхватъ; съ славянскою грамматикой, составленною въ 1588—9 гг. учителемъ здѣшнимъ Арсеніемъ, митрополитомъ Елассонскимъ, носились всюду, какъ съ священною книгою, какъ съ драгоцѣнною святынею. Ак. Зап. Рос. т. IV, № 4.

[19]) Ак. Зап. Р. т. IV, стр. 508. Чрезъ 10 лѣтъ по основаніи своемъ, она выдѣляетъ изъ себя новую школу съ тремя классами, открывая ее въ мѣстечкѣ Стратинѣ, львовск. учил. Строева, опис. Толстаго стр. 64, 65, 101, 138 и 181 Лѣт. львовск. брат. стр. 15—17 и грам. напр. Іереміи въ памятн. Кіевской ком. т. III, отд. I, стр. 41.

[20]) Цитированная статья Я. Ѳ. Головацкаго. Въ Вѣст. Ю.-З. и З. Рос., стр. 54 и 57.

[21]) Памятн. Рус. старин. въ западн. губ. изд. Батюшкова, выписка V, стр. 46.

[22]) Но упражняясь «въ наказаніи свободныхъ художествъ отъ людей иземшихъ, иновѣрныхъ», виленская православная школа вынуждена была къ тому тѣмъ грустнымъ обстоятельствомъ, что между православными негдѣ было найти способныхъ наставниковъ «латинскихъ наукъ», и, озабоченная и какъ будто смущенная этимъ обстоятельствомъ, она просила львовское православное братство прислать ей учителей, которые бы, при высокихъ умственныхъ качествахъ, имѣли «трудолюбивое и сыновнее о матери своей церкви попеченіе». Ак. Зап. Рос. т. IV, № 217, стр. 506.

[23]) Тамъ же № 149, стр. 215 и Русск. Истор. Костомарова т. III, стр. 558.

[24]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею Аскоченскаго т. I, стр. 144 и Труды въ общ. любителей Рус. слова — ч. VII, стр. 17.

[25]) Аскоченск. 141 стр. и Русск. Истор. Костомарова т. IV, стр. 92.

[26]) Аскоченск. 286 и 287.

[27]) Krasinski S. 294.

[28]) Ак. Зап. Рос. т. IV, №№ 28, 36, 49, 71.

[29]) Krasinski S. 304.

[30]) Ист. Польск. Лит. Кондр. т. II, стр. 110.

[31]) Предислов. къ Острожской библіи въ цитированной статьѣ Православнаго Собесѣд. за 1858 г.

[32]) Krasinski 296 и 297.

[33]) Предисловіе къ Острожской библіи. Къ исправленію и изданію библіи могло побудить князя множество переводовъ и изданій библіи, сдѣланныхъ протестантами всѣхъ трехъ исповѣданій для себя лично и спеціально для русскихъ на русскомъ языкѣ.

Литовскіе лютеране нѣмцы, какъ въ домашнемъ чтеніи, такъ и при отправленіи богослуженія, пользовались нѣмецкою библіею Лютера и Новымъ Завѣтомъ Секлюціана. У кальвинистовъ литовскихъ была въ употребленіи библія Леонардѣ, переведенная въ 1561 году и въ короткое время имѣвшая три изданія, и переводъ Якова Вуйка. Кромѣ того польскими лютеранами сдѣлано было нѣсколько переводовъ отдѣльныхъ частей библіи: переводъ Новаго завѣта Якова Любельчика (1552), псалтири Кохановскаго. Для литовскихъ лютеранъ Мосвидъ въ 1547 г. перевелъ историческія книги Ветхаго Завѣта, издавъ ихъ предварительно въ 1545 г. на древне-прусскомъ языкѣ, Янъ Бретъ издалъ на литовскомъ сперва Новый, а потомъ и Ветхій Завѣтъ. У литовскихъ социніанъ находился въ употребленіи «Библіи Несвижской или Буднаго Новый завѣтъ», и Новый завѣтъ Чеховича. Были опыты переводовъ св. Писанія и на русскій языкъ, какъ полныхъ, такъ и отрывочныхъ». Докторъ медицины Францискъ Скорининъ «изъ славнаго города Полоцка въ хвалу Бога и людемъ въ поученіе», перевелъ всю библію на русскій языкъ и издалъ ее въ Прагѣ богемской 1517—1519 г., но къ концу того же столѣтія этотъ древній и драгоцѣнный памятникъ уцѣлѣлъ едва въ нѣсколькихъ отрывкахъ. Социніанами сдѣланъ былъ переводъ на русскій языкъ какъ всей библіи, такъ и отдѣльныхъ ея частей. Ист. Польск. Лит. Кондрат. т. I, стр. 109 и 131, т. II, стр. 97—100, 127, 131, 132 и 137 и Рус. Ист. Костомарова т. III, стр. 545.

[64]) Ак. Зап. Рос. т. IV, № 149, стр. 206 и 222.

[65]) Словарь митроп. Евгенія 1, III.

[66]) Протестантизмъ повсюду способствовалъ возрожденію отечественныхъ языковъ. Съ освобожденіемъ мысли отъ оковъ традиціи, авторитета, съ пробужденіемъ свободы мысли и жизни, свободы политической и религіозной, естественно, языкъ долженъ былъ освобождаться отъ всякихъ чуждыхъ примѣсей и развиваться въ чисто національномъ духѣ. Въ литовской Руси, съ распространеніемъ протестантства начинается и литературное пробужденіе русской рѣчи. Симонъ Будный пишетъ протестантскій катихизисъ на русскомъ языкѣ. Русск. Ист. Костомарова т. III, стр. 545.

[67]) Сказан. Курбскаго изд. Устрялова 2, 179.

[68]) Кириллъ Транквиліонъ въ предисловіи къ учительному Евангелію, или словамъ на воскресные и праздничные дни говоритъ: видѣлъ я моими глазами между единоплеменниками моими такихъ людей, которые гоняются за науками чужими, за постиллами, противными церкви Божіей: аріанскими, кальвинскими и лютеранскими, и, какъ въ меду, потонули въ нихъ. Исторія Русск. Церкв. Филарета, архіеп. Черниг. т. IV, стр. 91—98 и его же Обз. Р. Д. лит. т. I, стр. 263 и 264.

[69]) Хржестовскій, напр. между реформатскими своими современниками не имѣлъ равнаго себѣ по краснорѣчію, на каѳедрѣ онъ никогда не заикнулся, ни одного слова не употребилъ некстати; Рекукъ въ то время, когда въ Германіи господствовалъ уже напыщенный стиль, испещренный латинскими оборотами рѣчи и излишними риторическими фигурами, — излагалъ свои мысли языкомъ простымъ и естественнымъ и вмѣстѣ съ силою и красотою неподражаемою. Lukaschew. II Th. 129—133. От. зап. р. прав. къ польск. протестантамъ — цитиров. статья М. О. Кояловича.

[70]) Lukaschew. II Th. 182—188.

[71]) Нѣсколько словъ съ хроники П. Бѣльскаго въ переводѣ на бѣло-русское нарѣчіе сохранилось до настоящаго времени. Одинъ списокъ есть въ московской синодальной библіотекѣ и два въ императорской публичной. Описаніе рукописнаго отдѣл. виленск. публич. библіот. вып. I-й, предислов. стр. VII и Опис. Импер. рукоп. Публич. библ. графа Ѳ. А. Толстаго, М. 1825 года стран. 126 и 127, № 205 и 206.

[72]) Lukasz. II Th. 186.

[73]) Такъ утверждаютъ спеціальные знатоки западно-русской литературы, напр. М. О. Кояловичъ въ Христ. чтеніи за 1860 г. 2 т. Сборник. Острожск. 1588 г. 23.

[74]) Antidot. str. 18.

[75]) Первымъ борцомъ противъ Апокрисиса Филалета выступилъ неизвѣстный авторъ Антиррисиса. Сдѣлавъ нѣсколько возраженій противъ немногихъ отрывковъ Апокрисиса, онъ за дальнѣйшими опроверженіями Филалета отсылаетъ читателя къ уважаемому католиками сочиненію Беллярмина: de summo Pontifice, но отсылаетъ попусту: никакого опроверженія на Филалета нѣтъ у Беллярмина. Не зная за кѣмъ прикрыться, противникъ этотъ выражаетъ полнѣйшую свою несостоятельность и безсиліе. Возставшій на него въ защиту Филалета, Мелетій Смотрицкій писалъ о немъ: слыхивалъ ли кто нибудь и когда нибудь о такомъ отписываніи! Одно минуетъ, отъ другаго увертывается, болѣе мягкіе куски разжевываетъ, а кости, которыми можно подавиться, оставляетъ». Затѣмъ поднимается на Апокрисисъ тотъ, кто сейчасъ былъ ревностнымъ защитникомъ его. Измѣнивъ православію, Мелетій Смотрицкій пишетъ противъ Апокрисиса сочиненіе за сочиненіемъ. 1. Въ письмѣ къ константинопольскому патріарху Кириллу (21 августа 1627 г.) онъ насчитываетъ въ Апокрисисѣ, какъ извѣстно, четырнадцать ересей; 2) въ «Апологіи путешествія въ восточныя страны» силится представить опроверженія всѣхъ ересей. Въ отвѣтъ на то и другое (преимущественно послѣднее) сочиненіе слуцкій и копыльскій протопопъ Андрей Мужиловскій издаетъ въ 1629 г. «Антидотъ или противоядіе именитому народу русскому», въ которомъ доказываетъ, что Апокрисисъ Филалета гораздо выше апологіи Смотрицкаго. Задѣтый за живо Смотрицкій горячо отвѣчалъ Мужиловскому 3) въ Экзетезисѣ, давая ему въ каждомъ почти словѣ почувствовать оскорбленное простымъ протопопомъ сознаніе высокаго архіерейскаго достоинства. 3. Это полемическое сочиненіе, по своему содержанію, представляетъ частію повтореніе, частію дополненіе 2-го сочиненія-Апологіи. Наконецъ противъ «Апологіи» появляются 5 книгъ Антапологіи, написанныя (въ 1632 г.) воспитанникомъ кіево-могилянской школы Гедасіемъ Диплицымъ. Изъ нихъ защитѣ Филалета, — и такой, полной, безусловной, какъ будто эта была собственная его самозащита, — посвящена третья книга (1-я трактуетъ о путешествіи Смотрицкаго на востокъ, въ трехъ остальныхъ защищаются три другіе западно-русскіе Богослова. Изсл. объ Апокрис. Христоф. Филал. г. Скабалановича стран. 57—67). Послѣднее рѣшительное слово въ этой долгой борьбѣ принадлежитъ православному апологету Филалета. Эта жаркая полемика изъ-за Апокрисиса Филалета, тянувшаяся болѣе 30 лѣтъ, породившая столько томовъ и фоліантовъ (5 сочиненій католическихъ, 3 православныхъ, изъ которыхъ одно было въ 5 книгахъ) — служатъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ, что вопросы, поднятые Филалетомъ, были самые жизненные, жгучіе, интересные, что его воззрѣнія служили выраженіемъ тогдашняго общественнаго мнѣнія православныхъ.

[76]) Apologia str. 95. Изслѣд. объ Апокрис. Христофора Филалета г. Скабалановича стр. 37.

[77]) Institutiones chr. rel. l. cap. VI, sect. 4. Апокрис. 2 гл. л. 143—158.

[78]) Institutiones cap. VI, sect 5, 7, 10, 12, 296 и 297; Апокрис. 1 гл. 133—142; Ibidem cap. IV, sect. 4, 11—13, cap. IV, sect 4. Апокр. 3 гл. 161—163.

[79]) Institutiones c. VII, sect. 14—15; Апокр. гл. 181, 182 и 308.

[80]) Institutiones c. VII, sect. 1, 2, 9, 10, 14, 15, 18; Апокр. 5 гл., 198—9, 211—213.

[81]) Institutiones cap. VI, sect. 5, 7, 90; Апокр. гл. I, л. 137—142; institut. c. VII, sect. 1, 2 и Апокр. 211—213.

[82]) Апокрисисъ, 1 ч. 7 гл.

[83]) Тамъ же стр. 103.

[84]) Тамъ же стр. 88.

[85]) Антапологія 388—389, 430, 320, 314—319, Скабалановичъ 101.

[86]) Апокр. 2 ч. гл. I. л. 82—89.

[87]) Такъ же точно пользовались въ западной Руси и другимъ извѣстнѣйшимъ въ свое

время сочиненіемъ «de Republica Ecclesiastica». Авторъ, епископъ Сегненскій (Zeng, Сенья въ Далмаціи) и потомъ архіепископъ Сплѣтскій или Салонитанскій (въ Славоніи и Кроаціи) Маркъ Антоній de Dominis или Господнѣтичъ, изъ ревностнаго слуги папы сдѣлавшійся отъявленнымъ его врагомъ—протестантомъ и, по переселеніи въ Англію къ Генриху VIII, ревностнымъ сподвижникомъ послѣдняго въ оппозиціи папству, но потомъ, по коварнымъ обольщеніямъ папскихъ легатовъ, склонившійся опять на сторону Рима и измѣннически заключенный въ темницу, гдѣ онъ и умеръ, — капитальное свое сочиненіе de Republica Ecclesiastica, писалъ въ теченіе 15 лѣтъ (1605—1616). Въ немъ авторъ хочетъ ограничить, уничтожить абсолютную власть папы посредствомъ федераціи церквей восточной, римской и протестантской, которую онъ проектируетъ подъ непремѣннымъ условіемъ уступокъ со стороны каждой церкви и всего менѣе со стороны протестантской: въ интересахъ послѣдней отрицаетъ пресуществленіе даровъ въ евхаристіи и присутствіе благодати въ таинствахъ, а также почитаніе святыхъ и иконъ. Изъ западно-русскихъ писателей первый воспользовался этимъ сочиненіемъ Захарія Копыстенскій, архимандритъ Кіево-Печерскій. Въ первыхъ двухъ частяхъ своей Палинодіи, написанной въ 1621 г. противъ виленскаго уніатскаго архимандрита Льва Кревзы, Копыстенскій позаимствовался изъ І-й ч. «de Republica Ecclesiastica», по всей вѣроятности, и планомъ и методомъ доказательствъ. Такъ можно заключать на основаніи значительнаго сходства между этими отдѣлами обоихъ сочиненій: и тамъ и здѣсь сначала говорится о равенствѣ всѣхъ апостоловъ между собою, объ апостольскомъ преемствѣ всѣхъ іерарховъ и равенствѣ ихъ между собою по божественному праву, за тѣмъ о церковныхъ преимуществахъ патріарховъ и митрополитовъ, о равенствѣ патріарховъ, о соборахъ и наконецъ о незаконныхъ притязаніяхъ папъ на верховную власть въ церкви, о злоупотребленіяхъ и отступленіяхъ римской церкви и папскаго двора. Въ двухъ остальныхъ частяхъ Палинодіи, если и можно подмѣчать нѣкоторое соотвѣтствіе съ Republica Ecclesiastica, то оно касается нѣкоторыхъ частностей и обусловливается сущностію самого предмета и единствомъ школьныхъ богословскихъ преданій. Здѣсь авторъ держится своего плана, какой опредѣленъ для него задачею полемики съ Кревзою и сочиненіемъ послѣдняго, и приводитъ свои доводы изъ древнихъ славянскихъ книгъ, преимущественно богослужебныхъ, на которыя ссылается и Кревза. Вообще въ послѣднихъ двухъ частяхъ Палинодія Копыстенскаго есть самостоятельное произведеніе православной мысли, которая, пользуясь для своей цѣли разнообразными источниками, творчески распоряжалась ими и создала изъ нихъ одно стройное цѣлое. Да и въ первыхъ частяхъ она представляетъ собою счастливое подражаніе оригиналу. Протестантскихъ воззрѣній въ ней нѣтъ и слѣда. Въ кіево-печерской лаврѣ сохранилась рукопись de Republica Ecclesiastica, которою пользовался Копыстенскій: надъ каждымъ тенденціознымъ сектантскимъ мѣстомъ ея написаны имъ замѣтки въ родѣ: error, peccans aussus. Не мало такихъ же замѣтокъ сдѣлано на ней другими неизвѣстными авторами, которые, какъ и Копыстенскій, очевидно отрицали все, что противорѣчило ихъ православнымъ убѣжденіямъ. Самою рукописью мы, къ сожалѣнію, не могли пользоваться и свои сопоставленія и сужденія дѣлаемъ на основаніи статьи: Сплѣтскій архіепископъ Маркъ Антоній, помѣщенной въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. за 1879 годъ, февраль, 206—213, 343—344 стр., мартъ 348 и 349, 353—355.

[88]) Главные виновники паденія Польши, пріучившіе юношество къ партизанству въ быту домашнемъ, политическомъ и религіозномъ, систематически поощрявшіе народъ ко всякому насилію и самоличной расправѣ, благословлявшіе буйныхъ шляхтичей и магнатовъ на страшные грабежи и наѣзды, стремившіеся превратить страну въ царство лжи, коварства, обмана, вражды и злобы, чтобъ имъ самимъ царить надъ этимъ темнымъ царствомъ, іезуиты были такими же предателями-врагами на поприщѣ ученомъ, какими они явили себя на поприщѣ политическомъ. Послѣ долголѣтней борьбы съ краковскою

и замойскою академіями за дѣло воспитанія, они удержали за собою поле битвы, овладѣли всѣмъ образованіемъ страны. Но вмѣсто того, чтобъ, изъ побужденій ересебоязни, удерживать мысль въ извѣстныхъ предѣлахъ, они совсѣмъ остановили теченіе ея, заковали ее въ цѣпи рабства умственнаго. Свободный всеоживляющій духъ науки безвозвратно заключенъ въ холодныя безчувственныя формы. По причинѣ крайняго и повсемѣстнаго развитія духа партій политическихъ и религіозныхъ, господствующими и почти единственными литературными формами сдѣлались панегирики съ похвалою для своихъ и сатиры или пасквили, съ остротою и бранью на противниковъ. Подражаніе древней классической литературѣ было самое рабское, мертвое и то одной латинской. Прекрасный эллинизмъ снова ожесточенно изгоняется. Искаженная латинь не представляетъ уже цвѣтовъ благоуханія, какими дышатъ сочиненія великихъ писателей временъ Сигизмундовъ, но однѣ сухія былинки, причудливо вооруженныя мертвыми иглами научности. Чистый языкъ временъ Сигизмундовыхъ сдѣлался уже не способенъ къ выраженію истинныхъ вдохновенныхъ мыслей. Не проникавшаяся духомъ древней поэзіи, но наряжавшаяся въ безжизненный остовъ ея формъ, поэзія латино-польская потеряла свою красоту, изъ нея улетаетъ лиризмъ и чувство, и беретъ верхъ умствованіе и сатирическая брюзгливость. Словомъ, вездѣ во всѣхъ сферахъ литературы — состояніе омертвенія, застоя. Въ русскія школы іезуитскій схоластицизмъ внесъ тотъ же мертвящій духъ, дыханіемъ фанатизма оледенилъ науку и далъ ей направленіе превратное, отъ времени до времени въ нихъ едва обнаруживались признаки жизни (Ис. П. Л. Кондратовича т. I, стр. 538 и т. II, 430 и 431 стр.).

89) Посланіе галицко-русскихъ православныхъ дворянъ къ кіевскому митрополиту Онисифору въ Вѣстн. Юг.-Зап. и Зап. Рос. 1865 г. сентябр., I отд. стр. 90.

90) Акт. Зап. Рос. т. IV, №№ 33, 41 и 149, стр. 222.

91) Ярошев. т. Ш, стр. 36.

92) Ист. Польск. Лит. Кондрат. т. I, стр. 147 и 148.

93) Археогр. Сборн. докум., относящ. къ ист. С. З. Р. т. II, № 79, стр. 137 — 139 и Арх. Юго-запад. Рос. т. I, ч. I, №№ 5, 6, 33, 41, 51 и 52.

94) Посланіе инока аѳонскаго Іоанна Вишенскаго къ православн. южно-руссамъ. Ист. Рос. Соловьева т. X, стр. 60 и 61.

95) Изъ вліянія протестантизма на церковно-практическую, или религіозно-обрядовую жизнь западно-русскаго православія нельзя не подмѣтить слѣдующаго грустнаго явленія. Какая-то тайная интрига силилась подорвать уваженіе православныхъ къ церковнымъ приношеніямъ и освященію брашенъ въ пасхальный день, и подъ предлогомъ, будто эти приношенія и брашна плодятъ суевѣрія и волхвованія, домогалась совершеннаго уничтоженія священныхъ этихъ обычаевъ. Съ этою цѣлію въ Львовѣ неизвѣстно кѣмъ выпущены были «друкованные листы» (Ак. Зап. Рос. т. IV, № 20). Къ какимъ суевѣріямъ вели пасхальные тѣ обычаи, этого не видно, да ихъ не могла указать и самая интрига: только вражда личная, предвзятая, по особому принципу, и прикрывавшаяся благовиднымъ предлогомъ, дѣлаетъ нападки на нихъ, чтобы начавъ съ этихъ главныхъ въ кругѣ церковнаго лѣта обрядностей, подорвать значеніе всѣхъ подобныхъ обрядовыхъ приношеній и жертвъ. Можно полагать, что прикровенныя эти нападки шли оттуда, гдѣ такъ непріязненно смотрѣли на вещественныя приношенія и жертвы Божеству и гдѣ до поры до времени скрывали эту непріязнь и рознь отъ православной внѣшности, т. е. изъ тайно-враждебнаго православію протестантскаго лагеря. А какъ многочисленны и опасны были эти нападки, видно изъ тѣхъ мудрыхъ наставленій, предупрежденій и облегченій, съ которыми по этому случаю обращается Гедеонъ, епископъ перемышльскій: «не хай будутъ, по стародавнему обычаю христіанскому, приносы въ церковь и посвященіе брашенъ на Воскресеніе Христово, несомнѣнною вѣрою и доброю совѣстію.... вопреки всѣмъ наущеніямъ и клеветамъ на нихъ» (Ак. Зап. Рос. т. IV, № 29). Къ какимъ послѣдствіямъ привели пастырскія эти увѣщанія, не извѣстно.

96) Wolan, de libertate politica, sive civile. Michalon — de moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum. Frag. I, Epist. frag. III, p. 17, Epist. fragm. IV, p. 19, 23, VI, p. 26.

97) Antirriss. str. 49 и Акт. Зап. Рос. т. IV, стр. 63—66.

98) Акт. зап. Рос. т. IV, № 29 и 31, Ярош. 13.

99) Wolan ibidem.

100) Отрывки изъ сочиненія Михалона въ Арх. Историко-юридич. свѣдѣній о Россіи кн. II, отд. V, стр. 47, 49, 75, 77.

101) Тамъ же стр. 37, 39, 43.

102) Тамъ же стран. 31—33, 35.

ПОПРАВКИ:

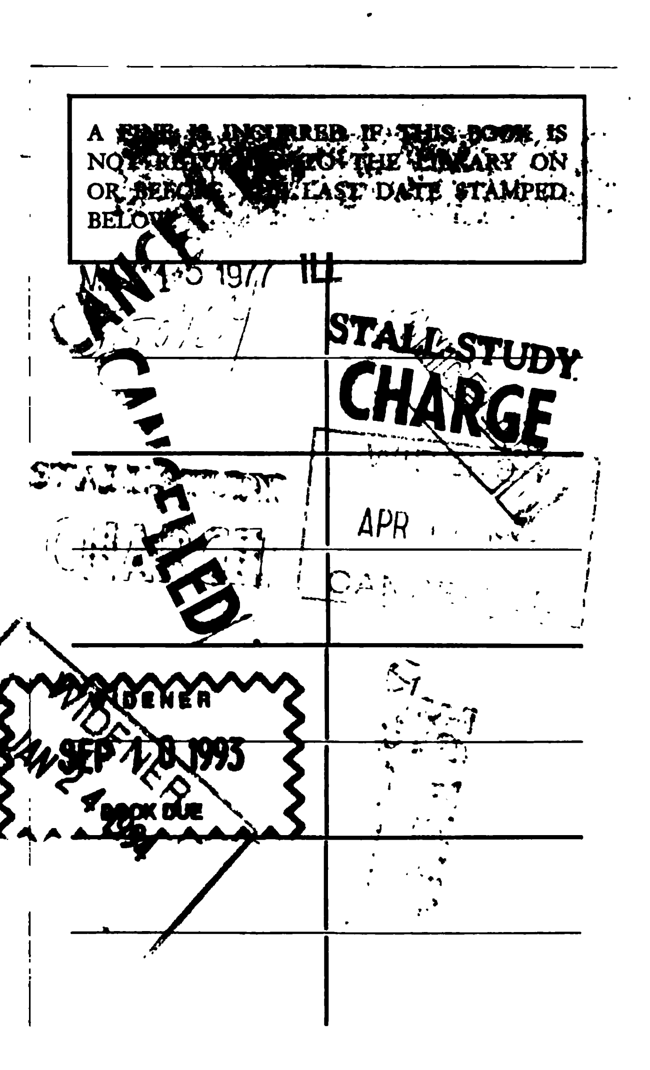
Стр.:	Строк.:		Напечатано:	Должно читать:
5	8	сн.	но всѣ	но все
—	—		внѣ Москвѣ	внѣ Москвы
—	4	»	къ пріютивнимъ	къ пріютившимъ
6	16	»	о внѣгинемъ	о внѣшнемъ
8	3	свер.	десендентовъ	диссидентовъ
—	20	»	завязалать	завязалась
13	9	»	одна	ни одна
16	20	»	панежскія	папежскія
—	10	сн.	съ слободу	въ слободу
21	20	»	жилѣзныхъ	желѣзныхъ
23	22	»	въ царствованія	въ царствованіе
37	13	свер.	шкому	школу
38	2	сн.	чанили	чинили
—	—	»	поединокъ	поединковъ
—	1	»	торговли	торговали
42	10	свер.	раздражались	разражались
44	2	сн.	не встрѣтимся	встрѣтимся
52	13	свер.	отъ неврѣныхъ	отъ невѣрныхъ
—	3	сн.	ботаги	ботоги
53	8	свер.	отъ злагольскъ	отъ злагольствъ
54	8	сн.	отрицатели	отрицали
55	8	свер.	накъ	какъ
56	10	»	обуревавинъ	обуревавшимъ
—	18	»	ппреведенъ	переведенъ
58	8	»	отвѣргалъ	отвергалъ
—	19	сн.	о внѣшнѣй	о внѣшней
59	5	свер.	1333 г.	1553 г.
60	5	»	заиныхъ	зацныхъ
63	6	сн.	dicenho	dicendo
65	8	»	представтеніе	представленіе
66	7	свер.	guaestores	quaestores
67	6	»	неперь	теперь
73	13	»	энкратиковъ	энкратитовъ
—	--	»	марикіонитовъ	маркіонитовъ
74	6	»	всѣму	всему
—	14	сн.	частнаго	честнаго
79	17	свер.	общерковный	общецерковный
85	4	сн.	непонятному	по непонятному
94	6	»	думъ	душъ
104	7	свер.	загодочнѣе	загадочнѣе
114	15	»	пототу	потому
122	15	сн.	нашимъ	нашихъ
123	16	свер.	неприетупнотй	неприступной
125	4	сн.	терявшихъ	терявшимъ
130	16	»	вложимъ	вложило
132	12	свер.	латинянцами	латинянами
—	11	сн.	Евфилій	Евфимій
133	3	свер.	катое	какое
145	13	»	главомъ	главахъ
156	17	»	смоей	своей
160	6	»	пропогандѣ	пропагандѣ
171	22	сн.	не нашедше	не нашедши
172	16	»	богопобномъ	богоподобномъ
177	2	»	религіе	религіи
179	4	свер.	по ходахъ	походахъ
—	7	»	сказуютъто	сказуютъ того
201	3	сн.	просвѣтителя	„Просвѣтителя"
214	2	свер.	опредѣленпой	опредѣлепный
216	2	сн.	нерѣко	не рѣдко
218	15	свер.	полагатъ	полагать
219	16	»	не залѣчаютъ	не замѣчаютъ
224	3	»	своиъ	своимъ
239	11	»	печистыми	не чистыми
257	1	сн.	Въ Польше	Въ Польшѣ
259	18	свер.	тнѣшній	внѣшній
—	—	»	очистительный	отличительный
263	22	сн.	свойственнымъ	свойственныхъ
—	7	»	группы	группѣ
264	6	свер.	несовѣмъ	несовсѣмъ
289	11	»	108	107
290	17	»	о первомъ	о первомъ сборѣ
301	11	»	Въ заславлѣ	6. Въ Заславлѣ
311	11	сн.	сдѣлается	сдѣлался
312	3	свер	дошла	доходила
319	9	сн.	университета	университеты
324	4	»	отдѣльний	отдѣльной
326	1	свер.	обнаружившимся	обнаружившихся
337	16	сн.	радоровъ	раздоровъ
338	15	»	на	не
339	2	свер.	17	27
—	20	сн.	18	28
351	5	»	51	52
361	13	свер.	исполискомъ	исполинскомъ
363	21	»	учебныхъ	ученыхъ
373	14	сн.	переселятся	переселяться
381	11	свер.	Ecetisiae	Ecelisiae
—	8	сн.	124	114
382	16	свер.	освожденіе	освобожденіе
383	13	»	платы	планы
385	17	сн.	между въ высшемъ	въ высшемъ
392	10	свер.	истинѣ	истины
399	14	сн.	румыской	румынской
430	8	свер.	однаго	однако
440	19	сн.	Воспитавшій	Воспитавшійся
—	13	»	изыснаніе	изысканіе
441	16-17	с.	за исчисленныя воззрѣнія его не можемъ признать протестантскія совершенно	исчисленныя воззрѣнія его не можемъ признать за совершенно протестантскія
442	14	сн.	вообще	всеобщее

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр.:	Строк.:		Напечатано:	Должно читать:
5	8	свер.	Oderborniil	Oderbornii
19	11	сн.	изложеніе	Изложеніе
—	10	»	вѣрѣ православной	Вѣрѣ Православной
21	13	свер.	бтло	было
22	16	сн.	изгадиться	изгладиться
33	2	свер.	Проктика	Практика
36	19	»	risibusque	ritibusque
37	16	сн.	Rollins	Kollins
66	25	свер.	G	S 182 и 183
74	15	»	Полинодія	Палинодіи

I

MAY 1 5 1977 ILL
CANCELLED
STALL-STUDY
CHARGE
APR
CANCELLED
WIDENER
SEP 1 0 1993
BOOK DUE
WIDENER

